

1917-2017 К 100-летию Российской революции

Революция 1917 года в России

События и концепции,
последствия и память

Государственный музей политической истории России
Санкт-Петербургский институт истории РАН
Северо-Западное отделение Научного совета РАН
по истории социальных реформ, движений и революций

1917–2017
К 100-летию Российской революции

**Революция 1917 года в России:
события и концепции,
последствия и память**

Материалы
Международной научно-практической конференции
Санкт-Петербург, 11–12 мая 2017 г.

ДБ

Санкт-Петербург
2017

УДК 94(47).084"1917"

ББК 63.3(2)

P32

Редакционная коллегия:

Е. Г. Артемов, Н. Н. Смирнов, Е. К. Костюшева, А. М. Кулегин,
Н. В. Михайлов, Ю. С. Усачева, В. Ю. Черняев, А. Н. Чистиков

Ответственные редакторы:

А. Н. Чистиков, А. М. Кулегин

Революция 1917 года в России: события и концепции, послед-
P32 **ствия и память** : Материалы Международной научно-практиче-
ской конференции, Санкт-Петербург, 11–12 мая 2017 г. — СПб. :
ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2017. — 704 с. [текст], 32 с. ил. [вкл.].

ISBN 978-5-86007-862-8

В сборнике публикуются материалы пленарных и секционных за-
седаний Международной научно-практической конференции «Револю-
ция 1917 года в России: события и концепции, последствия и память»,
которая была приурочена к 100-летию Российской революции. Пред-
ставленные доклады отечественных и зарубежных исследователей по-
священы широкому кругу актуальных проблем периодизации, истории
и историографии Революции 1917 года, осмыслению ее места, роли
и последствий в судьбах России и всего мира, а также музеологиче-
скому аспекту заявленной темы. Издание адресуется историкам, му-
зейным работникам, преподавателям, аспирантам и студентам вузов,
а также всем, интересующимся проблемами политической истории
России XX столетия.

УДК 94(47).084"1917"

ББК 63.3(2)

*Издание осуществлено при финансовой поддержке Фонда
«История Отечества»*

*В оформлении обложки использована фотография «Красная гвардия
на Дворцовой площади. Петроград. 18 апреля (1 мая) 1917 г.» из фондов
Государственного музея политической истории России*

*Все права защищены. Никакая часть книги не может быть воспроизведена в какой бы
то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая фотокопирование, разме-
щение в Интернете и запись на магнитный носитель, без письменного разрешения владель-
ца. Цитирование без ссылки на источник запрещено. Нарушение прав будет преследовать-
ся в судебном порядке согласно законодательству РФ.*

ISBN 978-5-86007-862-8

© Государственный музей политической
истории России, 2017

© Санкт-Петербургский институт истории РАН,
2017

© Коллектив авторов, 2017

© Оформление. ООО «ДМИТРИЙ БУЛАНИН»,
2017

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 8

Открытие конференции

Приветствие президента Российского исторического общества
Сергея Евгеньевича Нарышкина 11

Приветствие директора Музея политической истории России
Евгения Григорьевича Артёмова 11

11 мая 2017 г. Пленарное заседание **Актуальные проблемы и концепции истории Революции 1917 года**

Н. Н. Смирнов. О некоторых дискуссионных проблемах Великой
русской революции 1917 г. 17

В. В. Калашиников. Февральская революция: Проблемы периоди-
зации 24

А. Б. Николаев. Двоевластие в политической системе революци-
онной России (1917 г.) 32

М. А. Фельдман. К вопросу об участии рабочих Петрограда
в революционных событиях октября 1917 г. 40

Р. А. Хазиев. Российская военно-политическая «схватка» периода
Революции и Гражданской войны в интерпретации новейшей
англоязычной историографии. 49

Дискуссия 56

11 мая 2017 г. Секция 1 **Политические партии, движения и коммуникации**

В. А. Рачковский, М. В. Фёдоров. В. И. Ленин и «Известия Петро-
градского Совета рабочих и солдатских депутатов» в марте–апре-
ле 1917 г. 70

<i>Д. А. Тимохина.</i> «Присущие нашей партии качества — ум, знания, опытность, умение работать — обеспечили нам подобающее положение...»: партия народной свободы в революционном Петрограде (февраль–ноябрь 1917 г.)	79
<i>Т. А. Абросимова.</i> Рабочая молодежь Петрограда в 1917 г. (протестность и политические предпочтения)	89
<i>И. П. Петухов.</i> Между большевиками и меньшевиками: «независимые» социал-демократы-интернационалисты в революционном Петрограде (1917–1919 гг.)	97
<i>К. А. Тарасов.</i> «Левый блок» в Петроградском гарнизоне в 1917 г.	106
<i>Е. Ю. Дубровская.</i> Революционная радикализация российских военных в Финляндии и национальные устремления финляндцев в 1917 г.	118
<i>В. П. Сапон.</i> Февраль и Октябрь 1917 г. в Нижнем Новгороде: слухи как элемент революции	125
<i>Дискуссия</i>	131

11 мая 2017 г. Секция 2

Музеефикация истории Революции

<i>Н. В. Аникин, Е. М. Мягкова.</i> Выставочный проект «1917. Код революции»: концепция, документальные источники, презентация	134
<i>С. Л. Спиридонов.</i> История Российской революции 1917–1922 гг.: новый опыт музейной интерпретации	142
<i>Н. М. Саркисян.</i> «Февральские» истоки Государственного музея Революции: Общество дома-музея памяти борцов за свободу в марте 1917 — сентябре 1919 гг.	152
<i>В. С. Гурьянова.</i> Отражение революционных событий 1917 г. в основной экспозиции Музея обороны Царицына—Сталинграда им. товарища Сталина (1937–1954 гг.)	160
<i>К. Янке.</i> 1917-й. Революция... Выставки в Швейцарском национальном и Немецком историческом музеях	164
<i>П. В. Петров.</i> Создание дополнительной экспозиции «Крах самодержавия» на Нижней даче Николая II в Петергофе в 1920-е годы	172
<i>Дискуссия</i>	184

11 мая 2017 г. Секция 3

Историческая память

<i>М. А. Витухновская-Кауттала.</i> Шрамы гражданского противостояния: обретение Финляндией независимости и «междоусобная война» в коллективной памяти финнов	196
<i>Михал Семполович.</i> Формирование исторической памяти о Революции 1917 г. в Польше (1945 — начало 1990-х гг.)	208
<i>О. В. Колганова.</i> Г. Гидони: проект Свето-памятника 10-летию Октябрьской революции	216
<i>Ф. К. Ярмолич.</i> Революция 1917 г. и ленинградский досуг в 1950–1960-е гг.	224
<i>В. Н. Гинев.</i> Революция и нравственность в исторической памяти через 50 лет после Октября 1917 г. (Спектакль театра «Современник» по пьесе М. Шатрова «Большевики»).	234
<i>Дискуссия</i>	245

12 мая 2017 г. Пленарное заседание
**Актуальные проблемы Революции
и Гражданской войны**

Приветствие директора Санкт-Петербургского института истории РАН <i>Николая Николаевича Смирнова</i>	255
<i>О. С. Поршнева.</i> Между Красными и Белыми: политические практики рабочих Урала в условиях гражданской войны	256
<i>А. Е. Рабинович.</i> VIII съезд Коммунистической партии: перестройка для выживания	267
<i>С. С. Бразевич.</i> Историческая социология революционного насилия: концентрационные лагеря как организованная форма насилия в годы Гражданской войны.	281
<i>В. В. Раков.</i> Суицид времен «русской смуты» (на материалах небольшевистской прессы 1918–1920 гг.)	295
<i>С. Б. Ульянова.</i> Девиантный досуг горожан в революционной России (1917–1921 гг.)	303
<i>О. Ю. Солодянкина.</i> Казусы идентичности: новая губерния, новые герои, новые иностранцы и новые коммеморативные практики.	314
<i>Дискуссия</i>	323

12 мая 2017 г. Секция 4

Новые источники и интерпретации

<i>М. В. Ходяков.</i> Кризис рабочей силы и попытки его разрешения в России в 1914–1917 гг.	332
<i>И. М. Сапронов.</i> Революционная динамика в отражении британских фабричных мастеров Невской ниточной мануфактуры. Осень 1916 — зима 1917 гг.	339
<i>Е. А. Лысенко.</i> Споры вокруг перспектив революции и раскол сменовеховства (По материалам архива Н. В. Устрялова в Национальной библиотеке Чешской Республики).	351
<i>Т. Г. Зазерская.</i> Источники французских и бельгийских архивов о планах западных держав в отношении революционной России и ее участия в Первой мировой войне. 1917 г.	357
<i>В. К. Зиборов.</i> «Известия» — первая газета Февральской революции	368
<i>Дискуссия</i>	375

12 мая 2017 г. Секция 5

Революция и культура

<i>О. В. Игнатенко-Дэсанлис.</i> Революция в обложке: от Пасхи до Распятия — 1917 год в России, обратный литургическому циклу, в иллюстрированной сатирической русской прессе.	388
<i>И. В. Купцова.</i> Карнавальная модель массовой культуры как символ революции 1917 г.	399
<i>К. В. Годунов.</i> Первая годовщина Октября: «старое» и «новое» в советской праздничной культуре.	407
<i>Ю. С. Филина.</i> Революционная теория и практика в изобразительном искусстве (по воспоминаниям художника Н. Прахова)	414
<i>А. А. Бочаров.</i> «Клёшники»: к изучению субкультуры матросов военно-морского флота периода Революции 1917 года и Гражданской войны в России	424
<i>Е. С. Ананьева.</i> Деятельность музея в условиях Революции и Гражданской войны: 1917–1919 гг. (на примере Государственного Эрмитажа)	433

<i>Н. А. Мозохина.</i> Петроградские издатели и издательства художественной открытки в 1917 г.	441
<i>Дискуссия</i>	449

12 мая 2017 г. Секция 6
Личность и революция

<i>А. Ю. Дворниченко.</i> Георгий Вернадский: Историк в революции, «революция в историке», историк о революции.	464
<i>М. М. Сафонов.</i> Генерал Рузский фальсифицирует историю . . .	473
<i>А. Н. Кашеваров.</i> Позиция патриарха Тихона в Гражданской войне 1918–1920 гг.	484
<i>Н. Н. Смирнова.</i> М. О. Гершензон: революция и банкротство культуры	494
<i>И. В. Сидорчук.</i> Как полюбить революцию (случай Н. Я. Марра) . .	502
<i>А. Н. Грищенко.</i> «За Советы без коммунистов»: судьбы донских «красных командиров»	510
<i>И. В. Самойлова.</i> «Участник Гражданской войны» как часть биографии. Опыт использования в повседневных практиках в период нэпа (по материалам Новгородской губернии)	519
<i>Дискуссия</i>	527
 <i>Аннотации/Abstracts. Сведения об авторах</i>	532

Введение

В данном сборнике публикуются материалы Международной научно-практической конференции «Революция 1917 года в России: события и концепции, последствия и память», которая проходила в Санкт-Петербурге 11–12 мая 2017 г. Конференция была организована Государственным музеем политической истории России (ГМПИР), Санкт-Петербургским институтом истории РАН (СПБИИ РАН) и Северо-Западным отделением Научного совета РАН по истории социальных реформ, движений и революций при поддержке Фонда «История Отечества», и приурочена к 100-летию Революции 1917 г. в России.

Открытие и первое пленарное заседание конференции проходило в стенах Государственного музея политической истории России в Белом зале особняка М. Ф. Кшесинской, история которого тесно связана с важнейшими революционными событиями марта-июля 1917 г.

К участию в конференции были приглашены преподаватели вузов, историки, архивисты, музейные работники, культурологи, социологи и другие специалисты. Насыщенная двухдневная программа объединила 51 исследователя из многих регионов России (Санкт-Петербург, Москва, Петрозаводск, Нижний Новгород, Тула, Череповец, Курск, Саратов, Смоленск, Екатеринбург, Омск, Владивосток и др.) и ряда зарубежных стран (США, Финляндия, Норвегия, Германия, Франция, Польша, Китай).

О высоком научном уровне конференции свидетельствует тот факт, что среди авторов опубликованных в сборнике докладов 19 докторов и 23 кандидата наук. Отличительной чертой конференции стало также наличие среди участников значительного числа молодых исследователей.

В ходе работы конференции внимание участников было сосредоточено на решении следующих основных задач:

- выделить и проанализировать новые концептуальные подходы и оценки событий Революции 1917–1922 гг.;
- стимулировать активизацию дискуссии по наиболее спорным проблемам истории Российской революции 1917 г.;
- выявить еще остающиеся «белые пятна» революционной эпохи;
- способствовать преодолению мифологизации этого важнейшего исторического события.

Специфика данного научного форума заключалась в сочетании теоретических докладов с презентациями новых музейных проектов по истории Российской революции 1917–1922 гг.

Работа конференции прошла в рамках двух пленарных заседаний («Актуальные проблемы и концепции истории Революции 1917 года» и «Актуальные проблемы Революции и Гражданской войны») и шести секций, в их числе: «Политические партии, движения и коммуника-

ции», «Музеефикация истории Революции», «Историческая память», «Новые источники и интерпретации», «Революция и культура», «Личность и революция». В сборнике доклады участников опубликованы в соответствии с порядком их выступлений на конференции.

Представленные в сборнике доклады посвящены широкому кругу актуальных концептуальных проблем периодизации, истории и историографии Революции 1917 г., осмыслению ее места, роли и последствий в судьбах России и всего мира, а также музеологическому аспекту заявленной темы. В них нашли отражение такие современные направления и методы переосмысления истории Российской революции, как междисциплинарный и микроисторический подходы, человеческое измерение революционных событий 1917 г., освещение событий революционной эпохи не только в масштабе страны, но и, что особенно интересно, на региональном уровне.

Большую часть докладов отмечает современный широкий и непредвзятый взгляд на события Российской революции 1917 г., введение в научный оборот новых исторических фактов и источников, внимание к малоизученным проблемам этой переломной эпохи отечественной и мировой истории.

В числе концептуальных проблем значительный интерес и оживленную дискуссию вызвал вопрос о периодизации Февральской революции (В. В. Калашников); о том, существовало ли на деле двоевластие в политической системе революционной России или временная власть, вышедшая из Февраля 1917 г., была единой (А. Б. Николаев).

Примерами обращения к активно развивающейся в наши дни региональной истории являются доклады О. С. Поршневой «Между Красными и Белыми: политические практики рабочих Урала в условиях гражданской войны», О. Ю. Солодянкиной «Казусы идентичности: новая губерния, новые герои, новые иностранцы и новые коммеморативные практики».

Среди зарубежных участников конференции отметим доклад одного из крупнейших в США специалистов по русской революции, профессора Индианского университета А. Е. Рабиновича «VIII съезд Коммунистической партии: перестройка для выживания», в котором исследователь приходит к выводу, что этот съезд оставил в наследство чрезвычайную централизацию в принятии решений и строгое подчинение Советов диктату большевистской партии.

Значительный интерес вызвали доклады ряда молодых исследователей. К примеру, среди материалов секции, посвященной политическим партиям и движениям, представлены содержательные доклады Д. А. Тимохиной о деятельности партии народной свободы в революционном Петрограде (февраль–ноябрь 1917 г.) и И. П. Петухова, посвященный «независимым» социал-демократам-интернационалистам в революционном Петрограде (1917–1919 гг.).

Как уже отмечалось выше, отличительной чертой научно-практической конференции стало обращение не только к теоретическим аспек-

там революционных событий столетней давности, но и их отражение в музейных собраниях и экспозициях. Думается, что в этой связи читатели сборника обратят внимание на материалы секции «Музеефикация истории Революции», где обсуждались вопросы современной музейной интерпретации Революции 1917–1922 гг. Здесь помещены, в частности, доклады о новой постоянной экспозиции ГМПИР «Революция в России. 1917–1922» (С. Л. Спиридонов), о концепции выставки «1917. Код революции» в Центральном государственном музее современной истории России (Н. В. Аникин, Е. М. Мягкова), о создании двух зарубежных выставок в Швейцарском национальном (Цюрих) и Немецком (Берлин) историческом музеях, которые продемонстрировали различные версии памяти о российской революции в разных государствах, являющихся частью общеевропейской памяти (К. Янеке). Обращаясь к временам, когда представлять события революции можно было только по указке пресловутого «Краткого курса истории ВКП(б)», В. С. Гурьянова осветила вопросы «Отражения революционных событий 1917 г. в основной экспозиции Музея обороны Царицына—Сталинграда им. товарища Сталина (1937–1954 гг.)».

Нашел отражение в материалах сборника и естественный интерес к персоналиям революционной эпохи. Героями докладов на секции «Личность и революция» стали такие совершенно разные знаковые фигуры того времени как генерал Н. В. Рузский и патриарх Тихон, историк Г. В. Вернадский и выдающийся лингвист Н. Я. Марр. Читатели узнают также, как повлияла революция на личную и творческую судьбу известного литератора и философа М. О. Гершензона, одного из авторов знаменитого сборника «Вехи».

Трагической оказалась судьба ряда донских красных командиров, о которых идет речь в докладе А. Н. Грищенко. Активные участники борьбы за установление советской власти, орденоносцы, большевики, все они погибли в борьбе с ней, став в 1920–1921 гг. лидерами казачьекрестьянского антибольшевистского протеста.

В сборник материалов конференции помимо текстов докладов включены и материалы дискуссии, которые в целом продемонстрировали высокую активность и заинтересованность участников в обсуждении рассматривавшихся на прошедшем научном форуме актуальных проблем и спорных вопросов методологии, источниковедения и историографии Революции 1917–1922 гг.

Составители сборника надеются, что представленные в нем материалы пленарных и секционных заседаний Международной научно-практической конференции будут способствовать дальнейшему осмыслению, объективному и многомерному исследованию такого сложного и значительного исторического явления, как Революция 1917 г.

Редакционная коллегия

ОТКРЫТИЕ КОНФЕРЕНЦИИ

Приветствие президента Российского исторического общества Сергея Евгеньевича Нарышкина

Дорогие друзья! Приветствую организаторов, участников и гостей международной научной конференции «Революция 1917 г. в России: события и концепции, последствия и память». Символично, что открытие конференции проходит в динамично развивающемся Музее политической истории России. Своим рождением музей всецело обязан Революции. Вместе с тем его созданию предшествовало изгнание из этих стен законных владельцев особняка. История всегда сложнее и выше однозначных оценок. Именно поэтому позиция профессиональных историков востребована обществом как противовес попыткам безграмотных упрощений и прямых фальсификаций. Желаю конференции успешной работы, а всем ее участникам творческого вдохновения и новых идей.

Приветствие директора Музея политической истории России Евгения Григорьевича Артёмова

От имени коллектива нашего музея приветствую всех собравшихся в стенах Музея политической истории России. Мы благодарны вам за то, что вы откликнулись на наше с Санкт-Петербургским институтом истории РАН и Северо-Западным отделением Научного совета предложение участвовать в данной конференции, которая посвящена столетию Революции в России. Наша конференция проводится при финансовой поддержке фонда «История Отечества» и Федерального агентства научных организаций России.

События 1917 г. в России продолжают оставаться ключевыми для понимания российской и мировой истории в последнее столетие. Новые подходы к изучению и трактовке спорных вопросов российской истории начала XX века, отказ от стереотипов и клише ведут к пересмотру, казалось бы, хрестоматийных представлений о прошлом России. Подтверждением повышенного внимания к этим проблемам может служить юбилейная программа Российского исторического общества, вовлекшая в этот процесс многие научные и культурные институции России и Европы. Наконец, доказательство этому наша конференция, собравшая несколько десятков ученых из восьми стран мира: это историки и музейщики США, Германии, Франции, Польши,

Финляндии, Норвегии и двенадцати городов России. На нашей конференции будут рассмотрены не только новые концепции, значение и последствия Революции 1917 года, новые источники, но и проблемы сохранения исторической памяти о революционных событиях 1917 г. в музеях России и Европы.

Несколько слов о музее и его взаимоотношениях с Октябрьской революцией. Наш музей выбран местом проведения конференции не случайно, ведь именно он был первым в истории революционным музеем Советской России и семьдесят два года носил название «Государственный музей Революции». Первая музейная интерпретация событий Октября была явлена публике именно здесь. Все десять десятилетий существования нашего музея история Российской Революции была центральной научной и экспозиционной темой для нашего коллектива. Общественное предназначение нашего музея — сохранение исторической памяти российского общества. Формирование исторической памяти о Революции 1917 г. начиналось, что называется, по горячим следам событий. В мае 1919 г. «Петроградская правда» призвала жителей Петрограда к собиранию и сохранению памятников Русской Революции, а в октябре этого же года первый историко-революционный музей Советской России был открыт в Зимнем дворце. Целевая задача — полностью и широко осветить ход и развитие революционных движений в мировом масштабе. Октябрьская революция с самого начала была внесена партией в разряд событий, которые, по ее мнению, должны прочно сохраниться в общественном сознании, в исторической памяти общества как событие величайшей значимости. Память о ней закреплялась в партийных и государственных документах, учебниках, кинофильмах, книгах, произведениях искусства, в названиях различных объектов и, конечно же, в экспозициях музеев революции, исторических и краеведческих музеев.

Естественное стремление музейных историков опираться на традиционные наработки, на факты и подлинные материалы очень скоро стало приходиться в противоречие с партийными установками. По мере ожесточения внутрипартийной борьбы власть была вынуждена все чаще и чаще осуществлять корректировку оценок событий Октября и, прежде всего, вносить изменения в отношении роли участников этих событий, которые должны были немедленно отражаться в экспозициях. В начале 1930-х гг. попытки музея следовать исторической правде стали жестко пресекаться партийной властью, в результате переделывались экспозиции в целых залах либо музей закрывался полностью. В это же время в соответствии с партийной установкой об обострении классовой борьбы поиск классовых врагов распространился не только на музейную коллекцию, когда были уничтожены десятки тысяч так называемых «вражеских» экспонатов, но и на сотрудников музея. В стране началась коренная перестройка всего музейного дела, в ряде регионов России прокатилась волна свертывания и ликвидация местных музеев.

В 1935 г. решением Бюро Ленинградского Обкома ВКП(б) наш музей был закрыт на полгода «за серьезные методологические ошибки» в освещении роли партии, ее вождей, радикально перестраивается экспозиция «Великий Октябрь». В 1936 г. музей был вновь закрыт в связи с необходимостью приведения экспозиции в соответствие с генеральным курсом партии. В 1937 г. очередное временное закрытие музея связано уже с изменением в официальной оценке революционных событий и роли в них ряда партийных и государственных деятелей. С 1945 по 1955 г. музей был закрыт, и только в преддверии 40-летия Революции в 1957 г. музей возрождается под новым названием «Государственный музей Великой Октябрьской Социалистической Революции», в основе которого принципиально новая экспозиция по истории советского общества, выстроенная с учетом исторических решений XX съезда КПСС. В центре всего экспозиционного пространства — Великая Октябрьская социалистическая революция.

В течение последующих 30 лет события Великого Октября подавались как славное прошлое и светлое будущее советского народа, а историко-политический профиль музея трансформировался в историко-партийный. К 70-летию Революции в 1987 г. в музее был воссоздан ленинский историко-партийный мемориал в особняке Кшесинской, впервые за 50 лет включили в экспозицию изъятые в 1930-е гг. портреты таких деятелей как Зиновьев, Каменев, Рыков, Троцкий. Но экспозиция по Октябрю 1917 г. все еще демонстрирует беспримерный взлет исторического творчества масс.

Со дня основания музея, во времена частых закрытий, переделок экспозиций, изменения не затрагивали центральный сюжет, определяющий интерпретацию событий 1917 г.: победа Великой Октябрьской социалистической революции — это единственный верный и победный путь к социализму, к прогрессу. И с началом Перестройки в официальном дискурсе и в общественном восприятии Революция все еще оставалась всемирно-историческим прорывом в будущее. Такой она подавалась и в официальном представлении, такой она была и в музейном показе. Вместе с тем во время открытия архивов, расширения гласности, свободы в публичном обсуждении, перетряски истории тема Революции стала предметом оживленных дискуссий, в которых нередко знак оценки значения Революции 1917 г. менялся на противоположный. Музейные историки не остались в стороне от размышлений и необходимости реинтерпретации не только главного события XX столетия, но и всей российской истории за последние два века. В 1991 г. коллектив музея по собственной инициативе изменил свой статус, название, разработал принципиально новую концепцию, вернув себе историко-политический профиль. Главной профильной темой музея стала тема человека и власти в России в XIX–XXI столетиях.

К созданию новой стационарной экспозиции по истории Российской Революции музейные историки пришли через переосмысление

этой глобальной темы, практически пошагово осваивая новые исторические знания, опробуя новые подходы в многочисленных локальных и временных выставках. Несмотря на то что как в официальном, так и в научном дискурсе разброс оценок Октябрьской Революции сохраняется и по сей день, авторы концепции новой экспозиции, которая называется «Революция в России. 1917–1922 годы», взяли на себя смелость предложить посетителям свою трактовку этого исторического события. По мнению авторов, события 1917–1922 гг. — это сложный, многогранный, единый процесс Российской революции. И музейщики в этом отношении не одиноки. Сейчас в научных и общественно-политических кругах, в новейшей российской историографии формируется понимание того, что это были этапы единого революционного процесса.

Закончить мне хочется цитатой из выступления Юрия Петрова, директора Института Российской истории РАН, на III Всероссийском съезде учителей истории и обществоведения. Выступая перед участниками съезда, он сказал: «В новом историко-культурном стандарте, если вы заметили, есть определенная формулировка, новая формулировка, которая звучит как “Великая Российская революция”. И она определена в группу “Б” сознательно. Были сомнения в том, что словом “Великая” мы как бы оправдываем эту революцию, придаем ей положительную коннотацию. Нет, не было такого замысла. Мы действительно хотели подчеркнуть, что эта революция была великая по масштабу, во-первых, а, во-вторых, то, что ее, всю ее, включая Гражданскую войну, надо рассматривать как один последовательный революционный процесс». Я думаю, что и об этом также пойдет речь в рамках нашей конференции.

Спасибо за внимание. Желаю плодотворной работы конференции. Конференцию объявляю открытой.

11 мая 2017 г.

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И КОНЦЕПЦИИ
ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА**

Н. Н. Смирнов

О некоторых дискуссионных проблемах Великой русской революции 1917 г.

Приближающийся юбилей революции вполне естественно вызывает повышенный интерес к проблемам, связанным с подготовкой и осуществлением революционных потрясений, пережитых страной в 1917 г. Исследователи все чаще отказываются от традиционных представлений, выработанных советской исторической наукой. Не меньше нареканий вызывают и отдельные наблюдения зарубежных коллег, представленных в работах 20–80-х гг. XX в.¹

Трудно не заметить, что и постсоветская отечественная и зарубежная историография также содержит ряд постулатов, далеких от всеобщего признания. Все чаще в ходе проводимых научных конференций и симпозиумов, круглых столов и дискуссионных клубов высказываются пожелания внести уточнения в осмысление основополагающих фактов, связанных с предреволюционными и революционными событиями².

Проблема периодизации революции неожиданно приобрела трансформации, логически труднообъяснимые. В конце 80-х гг. прошлого века по инициативе английских издателей началась подготовка «Критического словаря русской революции». В написании этого объемного энциклопедического издания приняли участие ученые США, Великобритании, Германии, Франции, России, ряда других стран. Хронологические рамки изучаемого явления издатели заключили в период 1914–1922 гг. Авторы опубликованных в книге статей доказывали необходимость расширения хронологических рамок тем, что назревание новой революционной ситуации было вызвано в России начавшейся Первой мировой войной, с одной стороны, а завершение революционных преобразований приходится на конец 1922 г., когда советская система приобрела свой заверченный вид в ходе образования союза независимых государств — СССР. Период же с февраля по октябрь 1917 г., по мнению составителей, являл собой квинтэссенцию революционных потрясений³.

¹ См.: *Миллер В. И.* Осторожно: история! М., 1997; *Шанин Т.* Революция как момент истины. 1905–1907–1917–1922. М., 1997; Концепт «революция» в современном политическом дискурсе. СПб., 2008; О причинах Русской революции. М., 2010; и др.

² См.: Россия и революция 1917 года: опыт истории и теории : материалы Всерос. науч. конф. 12–13 ноября 2007 г. СПб., 2008.

³ См.: *Critical Companion to the Russian Revolution 1914–1921.* London, 1997; Критический словарь Русской революции: 1914–1921. СПб., 2014.

В 2016 г. в Санкт-Петербурге состоялся международный научный colloquium, участники которого также сочли возможным расширить хронологические рамки второй русской революции периодом с 1914 по 1921 г. Мотивация подобного подхода во многом совпала с доводами, приводимыми авторским коллективом «Критического словаря русской революции»⁴.

Отметим, что подобный подход к периодизации второй русской революции порождает ряд вопросов. Прежде всего, явилось ли начало войны той точкой, от которой следует вести отсчет зарождению новой революционной ситуации? Если да, то как быть с волной патриотических настроений, охвативших Россию летом–осенью 1914 г.? Может быть стоит отнести начало нового революционного подъема к моменту образования Прогрессивного блока Государственной думы летом 1915 г.? Именно в это время наблюдается активизация деятельности политических партий не только социалистического, но и либерального толка с их открытым выражением недовольства деятельностью и царской камарильи, и кабинета министров, и военной элиты российского государства.

С другой стороны, как в этой ситуации реагировать на оценку лидером партии кадетов П. Н. Милюковым революционных перспектив, данную им 30 января 1917 г. в ответ на вопрос корреспондента шведской «Тагес Бладен» «не кажется ли Вам, что в России возможно повторение событий 1905 г.?». Павел Николаевич уверенно заявил, что в ближайшей перспективе революционных потрясений Россия не ждет».

Пройдет менее месяца, и Милюков станет министром иностранных дел в первом составе Временного правительства, созданного «частным совещанием» ряда депутатов Государственной думы, породивших знаменитый сегодня ВКГД. Они же во многом способствовали уходу с политической сцены последнего русского монарха.

Необходимость пересмотра периодизации второй русской революции обусловлена и тем, что задолго до 23 февраля 1917 г. столица Российской империи столкнулась с общественным неповиновением, зародившимся не на рабочих окраинах, а в кварталах столичной знати, государственных чиновников, петроградской интеллигенции. Уже в 20-х числах января 1917 г. в Петроградскую городскую думу стали поступать донесения о «беспорядках» на Невском и прилегающих к нему улицах, участники которых открыто выражали недовольство отсутствием в магазинах предметов первой необходимости: растительного масла, соли, ржаного хлеба, сахара, мыла. Постепенно, к середине февраля 1917 г. недовольство перекинулось в рабочие районы и приобрело угрожающий устоям государства характер. На 23–25 февраля пришелся пик выступлений, приведший к столкновению их участ-

⁴ См.: Эпоха войн и революций: 1914–1922 : материалы междунар. colloquium-ма. СПб., 2017.

ников с полицией и жандармами, получивших прямое указание руководства «прекратить смуту».

Итак, еще одно предложение — отнести начало революционных событий в Петрограде к 20-м числам января 1917 г.

Вместе с тем многие современные исследователи по-прежнему считают возможным отнести завершение революционных событий к периоду 25 октября 1917 г. — 6 января 1918 г.⁵ Представляется логичным, что с роспуском Всероссийского Учредительного собрания проблема отказа от крепнущей власти Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов была решена раз и навсегда. Вполне возможно считать точкой завершения революционных потрясений 1917 г. 10–18 января 1918 г. — время работы III Всероссийского съезда Советов, принявшего Декларацию трудящегося и эксплуатируемого народа, ставшую прообразом первой советской Конституции, законодательно обретшей силу на V Всероссийском съезде Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Дискуссионной представляется и проблема роли Государственной думы в революционных событиях февраля–марта 1917 г. Все чаще говорится о необходимости признать именно Государственную думу эпицентром, оказывавшим решающее влияние на действия масс и, прежде всего, вооруженного отряда революции — солдат Петроградского гарнизона. Значительный вклад в укоренение подобного постулата вносят петербургские историки А. Б. Николаев и С. В. Куликов. Широко известные в научных кругах публикации этих авторов вызвали в научном сообществе реакцию согласия либо полусогласия с приводимыми аргументами. В частности, опубликованный А. Б. Николаевым «Протокол заседаний»⁶, а также ряд документов из фонда 1278 РГИА, используемых им в своих трудах, стали фундаментом, на котором базируется вывод о верховенстве думцев в революционном процессе первых месяцев его развития. Думцы проводят аресты царских министров, они же готовят манифест царского отречения, они же ведут активную агитацию и пропаганду не только среди жителей российской столицы, но и на фронте, и в далеком тылу⁷. Авторская

⁵ См.: Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды : сб. науч. ст. СПб., 2016.

⁶ Николаев А. Б. «Протокол заседаний: совещания Государственной думы с представителями фракций, частного совещания членов Государственной думы и Временного комитета Государственной думы 27 февраля – 3 марта 1917 года» : введение, текст и комментарии // Таврические чтения 2011 : Актуальные проблемы истории парламентаризма : Междунар. науч. конф., С.-Петербург, Таврический дворец, 8 декабря 2011 г. СПб., 2012. С. 223–340.

⁷ Николаев А. Б. 1) Комиссары Временного комитета Государственной думы (февраль–начало марта 1917 г.) // Революция 1917 года в России : сб. науч. статей / под ред. О. А. Поливанова и В. И. Старцева. СПб., 1995. С. 13–20; 2) Думские комиссары в русской армии (февраль–март 1917 года) // Новый часовой. СПб., 1996. № 4. С. 72–83; 3) Временный комитет Государственной думы в марте 1917 г.:

концепция настолько убедительна, что забываешь о том, что ВКГД объединил лишь незначительную часть депутатов IV Государственной думы. Большинство же депутатов законопослушно прекратили свою деятельность после царского рескрипта о приостановке заседаний Думы и «разъехались» по местам.

Возникает закономерный вопрос: почему революционеры-разрушители из ВКГД не приняли прежде всего постановление о возобновлении заседаний Думы, поддержку которой открыто выражали не только рабочие столицы и солдаты Петроградского гарнизона, но и подавляющая масса тех, кого в советской историографии принято было именовать «средними городскими слоями». Приняв решение об образовании Временного правительства, ВКГД бесспорно оставил государственную власть без законодательной ветви. Напомним, что основная цель, которую ставило перед собой подавляющее большинство депутатов IV Государственной думы, заключалась в ее утверждении как единственного законодательного органа российского государства. Временное правительство, не без участия господ из ВКГД, торжественно обещало возобновить работу Государственной думы в ближайшее время, после «водворения порядка и общественного успокоения». Обещание так и осталось неисполненным.

Дискуссионным представляется и получающая в последнее время поддержку отечественных и зарубежных специалистов теория складывания уже в первые революционные дни 1917 г. так называемого «правительственно-советского блока»⁸. Одновременность процесса создания Временного правительства и Петроградского Совета объясняется тем, что в состав ВКГД входили депутаты не только от либеральных буржуазных, но и «народных» социалистических партий, прежде всего меньшевиков и эсеров.

Спорить сложно. Действительно, 27–28 февраля 1917 г. происходит оформление как первого состава Временного правительства, так и Петроградского Совета рабочих депутатов. Колоритная фигура А. Ф. Керенского незримой ниточкой связывает обе инстанции. Во Временном правительстве Александр Фёдорович — министр юстиции, в Петроградском Совете — заместитель председателя.

Однако стоит напомнить и еще одну «должность» А. Ф. Керенского: он был центральной фигурой в масонской ложе «Великий Восток народов России». «Вольными каменщиками» являлись многие члены первого состава Временного правительства и Исполнительного коми-

хроника первых послефевральских заседаний // Таврические чтения 2015 : Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность : междунар. науч. конф., С.-Петербург, Таврический дворец, 10–11 декабря 2015 г. : сб. науч. статей / под ред. А. Б. Николаева. СПб., 2016. Ч. 1. С. 176–188.

⁸ *Gayda Ф. А.* Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 — весна 1917 г.). М., 2003; *Davidson N.* How Revolutionary Were the Bourgeois Revolutions? Chicago (Illinois), 2012; и др.

тета Петроградского Совета. Об этом известно из работ Н. Берберовой, В. И. Старцева, ряда других отечественных и зарубежных исследователей⁹.

Роль масонов во второй русской революции также весьма спорна. Известный петербургский историк Р. Ш. Ганелин часто повторял: «Забудьте о масонах. Они — миф». Может быть и так. Однако уже в 1917 г. глава французской масонской ложи «Великий Восток» Марсель Семба, будучи депутатом Национального собрания Французской республики и одним из ярчайших политиков своего времени (недаром его имя сегодня носит станция парижского метро на 14 линии), открыто признавал существование «тесных связей» и партнерства с русскими каменщиками¹⁰. Направленный решением Национального собрания в революционный Петроград министр вооружений Французской республики Альбер Тома также представлял интересы «Великого Востока». Его главным русским собеседником и товарищем почти два месяца являлся А. Ф. Керенский. Вряд ли подобный факт можно назвать случайным.

Заметим, что многодневное общение Тома с Керенским имело для последнего не самые лучшие последствия. Если в первых телеграммах, направляемых Тома из Петрограда в Париж, сквозит восторг и преклонение перед «русским Маратом», то уже в начале июня 1917 г. в телеграмме министру иностранных дел Франции А. Рибо Тома с сожалением констатирует: «он (Керенский) все больше и больше напоминает мне нашего Кавеньяка». Не самая лучшая рекомендация.

Пример еще одной дискуссионной проблемы — знаменитые «немецкие деньги», на которые большевики привезли своего вождя в Россию через вражескую Германию, а позднее — совершили свою «большевистскую революцию»¹¹. Даже сегодня сообщество историков расколото по данному вопросу. Странно, но автор двух известных и популярных в России и за рубежом книг о «немецком золоте» Г. Л. Соболев вынужденно замечает: «точку в этом вопросе ставить рано; будущее поколение исследователей еще может обнаружить доказательства, нам еще не ведомые». В то же время не только Соболев, но и другие исследователи сходятся в одном: приводимые в прошлом и настоящем аргументы не выдерживают критики и не могут служить основой для доказательства «продажности» большевиков германским банкирам.

Кстати, о «немецких деньгах» для большевиков говорил, выступая на заседании Национального собрания Франции, уже упомянутый

⁹ См.: Берберова Н. Люди и ложи : русские масоны XX столетия // Вопросы литературы. 1990. № 1; Старцев В. И. Русское политическое масонство начала XX века. СПб., 1996; Брачев В. «Победоносный Февраль» 1917 г.: масонский след // Масоны и Февральская революция 1917 года. М., 2007; и др.

¹⁰ См.: Sembat M. Perdons-nous la Russie? Paris, 1917.

¹¹ См.: Соболев Г. Л. 1) Тайна «немецкого золота». СПб. ; М., 2002; 2) Тайный союзник : русская революция и Германия, 1914–1918. СПб., 2009.

Марсель Семба. Не отрицая самой подобной возможности (передаче немецких денег большевикам), Семба спрашивал у своих коллег: «Почему Франция не давала денег большевикам или их оппонентам? Что мешало ей купить тех, кто готов был отстаивать интересы союзников?»

Вернувшись *ab ovo* к предмету дискусионности, назовем еще одну проблему: признание *de jure* Временного правительства. Казалось бы, что нового можно сказать по этому поводу? «История дипломатии», «История внешней политики СССР», даже многотомная «История КПСС», не говоря о других учебниках и литературе, уверенно отмечают, что признание Временного правительства состоялось между 3 и 7 марта 1917 г. Действительно, 3 марта во время встречи министра иностранных дел Временного правительства П. Н. Милюкова с послами союзных держав (Франция, Великобритания, Италия) дуайен дипломатического корпуса в Петрограде М. Палеолог сообщил, что правительства союзных держав «сердечно приветствуют Временное правительство и выражают уверенность, что оно, вместе с союзниками, продолжит дело борьбы с общим врагом до победного конца». П. Н. Милюков в ответ открыто заявил о «желании Временного правительства получить более осязаемый факт признания — письменное подтверждение *de jure*». Ни 7 марта, ни в последующие дни письменного признания союзниками Временного правительства не последовало. В личных беседах послы намекали русскому министру, что Временное правительство должно официально подтвердить факт дальнейшего участия России в войне и обозначить цели, которых Россия намерена достичь в случае победоносного для союзников завершения военной кампании. Только после опубликования соответствующего манифеста Временного правительства союзные державы будут готовы признать новое русское правительство *de jure*.

Удивительно, но даже манифест Временного правительства от 28 марта не сдвинул дело о признании Временного правительства с мертвой точки. «Прописанного в Манифесте недостаточно», — указывал П. Н. Милюкову М. Палеолог. 12 апреля союзники получили желаемый документ. Им стала знаменитая «нота Милюкова». В ней подтверждалось участие России в войне, в качестве желаемого бонуса назывались черноморские проливы (вот откуда Милюков-Дарданелльский), и далее по тексту. Однако Милюков убедительно просил союзников не предавать данный документ огласке. Он прекрасно понимал, какова будет реакция российской революционной общественности, армейской в первую очередь, на этот документ. Известно — шила в мешке не утаишь. 16 апреля ПТА распространила для российских средств массовой информации текст «ноты Милюкова». 18 апреля разразился «апрельский кризис». 20 апреля Временное правительство заявило об отставке министра иностранных дел. Керенский-Кавеньяк и здесь сыграл свою роль, о которой мало известно читающей публике.

19 апреля, встречаясь с Палеологом, Керенский клятвенно заверял, что не допустит «позорного голосования по личности П. Н. Миллюкова... Он один из нас, он свято выполнял то, что судьбой ему было предначертано».

20 апреля Керенский открыто проголосовал за отставку Миллюкова, поскольку «поступить иначе он не мог».

А что же с признанием Временного правительства *de jure*? 20 мая 2017 г. послание, скрепленное подписями руководителей союзных держав, о признании Временного правительства *de jure* министр вооружений Франции А. Тома торжественно вручит в присутствии Керенского новому молодому министру иностранных дел России Терещенко. Встречаться с Миллюковым Тома то ли не решился, то ли не захотел¹².

¹² См.: Революционный терроризм и русская революция. СПб., 2008. С. 240–252.

Февральская революция: Проблемы периодизации

К постановке проблемы. Периодизация как метод исследования и осмысления исторических процессов широко применяется в науке. Необходимость уделить внимание проблеме периодизации становится очевидной уже при беглом анализе историографии Февральской революции. Первое, что бросается в глаза, — разные точки зрения историков на вопрос о времени ее начала. А вопрос о времени начала революции оказывается тесно связанным с вопросами о том, как трактовать само понятие «революция», какой характер носила Февральская революция с точки зрения соотношения стихийного и сознательного факторов, кто был ее главным «виновником» и главным «актором». Фактически вопрос о времени начала революции определяет всю дальнейшую периодизацию истории революции. Рассмотрим, как этот вопрос трактовался и трактуется в историографии Февраля.

Концепции прежних лет. Важность проблемы периодизации проявилась уже в первой крупной работе по истории революции, написанной П. Н. Милюковым. Он предложил такую версию: «Сигнал к началу революции дало... само правительство¹. Вечером, 26 февраля, председатель Государственной Думы получил указ об отсрочке сессии, которая должна была открыться 27-го». Далее Милюков сообщил о том, что утром 27 февраля рядом с Думой произошло стихийное восстание солдат, которое продолжало «бесформенное и беспредметное» движение предыдущих дней. События 23 февраля (день начала движения) он оценил лишь как «первые признаки народных волнений». Конец «бесформенному и беспредметному» движению народных масс, по мнению Милюкова, положила Дума: «Вмешательство Государственной Думы дало уличному и военному движению центр, дало ему знамя и лозунг, и тем превратило восстание в революцию, которая кончилась свержением старого режима и династии»². Таким образом, Милюков прямо связал вопрос о начале революции с вопросом о той силе, которая придала событиям *целенаправленный* характер и тем самым сыграла главную роль в осуществлении революции. Он приписал эту роль Государственной Думе.

Идея о том, что Февральская революция стала революцией только тогда, когда ее возглавили либералы, не могла быть принята советски-

¹ Все выделения в тексте, за исключением особо оговоренных, сделаны автором статьи.

² Милюков П. Н. История Второй русской революции. София, 1921. С. 34, 39, 40.

ми историками. Советская историография делала акцент на контрреволюционность российских либералов и в лучшем случае оценивала Думу как «революционера поневоле», присоединившегося к революции, *инициатором и гегемоном* которой был пролетариат. Эта тема недавно была специально рассмотрена в статье И. В. Узловой, написанной в развитие той дискуссии о роли Думы в революции, которая идет в новейшей историографии³.

Советские историки, как правило, первым днем Февральской революции называли 23 февраля — день первых массовых политических стачек и демонстраций рабочих столицы. Однако эта дата утвердилась не сразу. Как известно, в 1930-е гг. самым авторитетным трудом по истории революции стал первый том «Истории гражданской войны в СССР», в состав редакции которого входил И. В. Сталин. На страницах тома начало Февральской революции связывалось с началом вооруженного восстания — «высшей формы борьбы». Авторы так оценивали ситуацию: «Удар старому режиму нанесла не стачка. Самодержавие было сокрушено совместным выступлением рабочих и примкнувших к ним солдат». Это совместное выступление произошло 27 февраля как ответ на события 26 февраля: «Начавшийся тихо день 26 февраля закончился открытой гражданской войной. ... Первый день гражданской войны закончился победой царизма». Но этот день подготовил вооруженное восстание утром 27 февраля, когда «произошло непосредственное слияние неорганизованного солдатского бунта с революционным пролетарским движением. ... *Движение превратилось в революцию*, вооруженной рукой свергающую царизм»⁴. Таким образом, первым днем революции был назван день 27 февраля, а главным событием — вооруженное восстание рабочих и солдат. Следует отметить, что авторам тома было трудно предложить другую дату, так как события тех дней были свежи в памяти многих людей, и именно солдатское восстание воспринималось современниками как начало революции.

Когда же и почему утвердилась дата 23 февраля? В 1967 г. академик И. И. Минц выпустил монументальный трехтомник «История Великого Октября», который в советской историографии долгое время воспринимался как официальная точка зрения на революцию. В этом труде Минц первым днем революции назвал 23 февраля и высказал следующие аргументы: «стачки в этот день сопровождались митинга-

³ См.: *Узлова И. В.* Советская историография о роли Думы в победе Февральской революции // Февральская революция 1917 года: проблемы истории и историографии. СПб., 2017. С. 364–379; *Lyandres S., Nikolaev A.* The February Revolution and the State Duma in Recent Russian Historiography // Journal of Modern Russian History and Historiography. 2016. N 9. P. 106–132; *Калашиков В. В.* О роли Государственной Думы в истории Февральской революции // Россия в эпоху революций и реформ: проблемы истории и историографии. СПб., 2016. С. 163–179.

⁴ История гражданской войны в СССР. М. 1935. Т. 1. С. 63–64, 67.

ми и по призыву большевиков перерастали в политические демонстрации, направленные против царизма»⁵. Характер изложения материала не оставляет сомнения в том, что такая датировка была нужна автору для того, чтобы подчеркнуть роль рабочего класса как инициатора и гегемона революции, а также роль партии большевиков как руководителя пролетариата.

В том же 1967 г. Э. Н. Бурджалов издал первый монографический труд, специально посвященный Февральской революции. Он также определил 23 февраля как дату начала революции и дал похожее обоснование: «Теперь уличные выступления городского трудового люда с требованием хлеба слились с выступлением забастовавших рабочих. Под руководством рабочих движение направилось против главного виновника всех бедствий — царизма». Бурджалов показывает, что движение в этот день все же носило стихийный характер, и активисты революционных партий, включая большевиков, не рассматривали его как начало революции. Тем не менее, в итоге он делает категорические выводы, оценивая 23 февраля как день начала *восстания*: «Стачки и демонстрации петроградских рабочих 23 февраля 1917 г. означали *начало восстания*. Рабочие ... поднялись на борьбу, чтобы свергнуть царский строй, принеся народу войну и голод. Не все демонстранты четко осознавали тогда эту цель, и лозунг “долой царизм” еще заглушался требованием “Хлеба!” Но *объективный смысл* выступлений 23 февраля был именно такой. Стачечники и демонстранты в первый же день революции превратились в повстанцев. ... Это было *безоружное восстание*»⁶.

В 1970-е гг. дата 23 февраля была общепринятой, что отразили два авторитетных издания. Так, в статье В. И. Старцева «Февральская буржуазно-демократическая революция», помещенной в «Советской исторической энциклопедии» (1973), говорилось следующее: «23 февр. (8 марта) стало переломным в развитии событий, первым днем Ф. б.-д. революции»⁷.

Этот же день назван началом революции в статье И. А. Алуфа, помещенной четырьмя годами позже в новом издании «Большой советской энциклопедии»: «23 февраля (8 марта) произошел революционный взрыв, положивший начало Февральской революции»⁸.

Однако описание событий, данное авторами, порождало сомнение в том, что революция началась 23-го февраля. Его, видимо, разделяли и сами авторы. В 1980 г. В. И. Старцев издает книгу, в которой уже не называет 23 февраля первым днем революции, обходя вопрос о периодизации февральских дней. Он делает акцент на событиях 26 февраля

⁵ Цит. по: *Миц И. И.* История Великого Октября. М., 1977. Т. 1. С. 430–431.

⁶ *Бурджалов Э. Н.* Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М., 1967. С. 118–122, 138.

⁷ Советская историческая энциклопедия. М., 1973. Т. 14. С. 987.

⁸ Большая советская энциклопедия. 3-е изд. М., 1977. Т. 27. С. 227.

(расстрел демонстрантов) и видит в них «катализатор» последовавшего восстания утром 27 февраля⁹. В 1984 г. Старцев издает новую книгу с многоговорящим названием «27 февраля 1917», в которой прямо показывает, что революция началась 27 февраля, поскольку именно в этот день мирные митинги переросли в открытое восстание против старой власти. Приведенный материал показывает решающую роль солдат в начале вооруженного восстания, хотя Старцев подчеркивает и роль рабочих как гегемона революции¹⁰.

Наряду с вопросом о дате начала Февральской революции столь же важным оказывается и вопрос о том, каким моментом или событием следует определять ее окончание. Можно ли считать таким событием падение самодержавия, т. е. отречение Николая II от престола и отказ его брата Михаила занять трон? Или правы те, кто считает, что Февральская революция оказалась незавершенной, поскольку прошла только политический этап в виде свержения самодержавия? Напомним, что споры по этим вопросам начались уже весной 1917 г. Они были связаны как со стремлением той или иной политической силы представить себя «главным героем» свержения самодержавия, так и со стремлением обосновать тот или иной политический курс в постфевральской ситуации. Пожалуй, наибольшее значение имели те споры, которые разгорелись среди социалистов после приезда В. И. Ленина. Свой новый курс на пролетарскую революцию в России он обосновывал тезисом о том, что буржуазно-демократическая революция в стране уже закончена. Такой вывод показался необоснованным не только меньшевикам, но и многим большевикам. Л. Б. Каменев 8 апреля в газете «Правда» так откликнулся на предложенную Лениным стратегию: «Что касается общей схемы т. Ленина, то она представляется нам неприемлемой, поскольку она исходит от признания буржуазно-демократической революции законченной...»¹¹.

Советские историки приняли точку зрения Ленина, исходя из того, что вопрос о власти в ходе Февральских событий был все же решен: из рук самодержавия, представлявшего прежде всего интересы российского дворянства, власть перешла в руки либеральной буржуазии.

Новейшая историография. Очевидная важность проблемы периодизации привела к тому, что ей было уделено особое внимание в исследовательском проекте, который реализован в текущем юбилейном году в рамках ежегодной Петербургской межвузовской конференции по проблемам истории и историографии России в эпоху революций и реформ. К участию в проекте были привлечены 25 специалистов, которые ответили на 10 вопросов по ключевым проблемам истории Фев-

⁹ Старцев В. И. Внутренняя политика Временного правительства. Л., 1980. С. 7–21, 22–23.

¹⁰ Старцев В. И. 27 февраля 1917. М., 1984.

¹¹ Правда. 1917. 8 апр.

раля. Ответы опубликованы в сборнике трудов конференции¹². Ниже приводится анализ ответов в той части, которая касается проблемы определения начала Февральской революции и ее ключевых моментов¹³.

В числе вопросов участникам проекта был задан и следующий: *Каким моментом Вы датируете начало Русской революции?* При этом участникам было предложено выбрать один из трех вариантов ответа или добавить свой, обозначив его как «Иное». В результате обработки ответов составлена Сводная таблица, фрагмент которой представлен ниже:

5.	<i>Каким моментом Вы датируете начало Русской революции?</i>	
5.1.	23 февраля — начало массовых демонстраций	В. Измозик, Ё. Икеда, Г. Иоффе, Б. Колоницкий, О. Назаров, А. Николаев, А. Рабинович, Дж. Санборн, Л. Сигельбаум, Ц. Хасегава, Д. Чураков, В. Шелохаев.
5.2.	27 февраля — начало солдатского восстания	Р. Гагкуев, Ф. Гайда, А. Дикинс, В. Калашников, П. Кенез, А. Пученков, Р. Суни
5.3.	27 февраля — решение лидеров Думы создать Временный комитет	Р. Гагкуев, А. Давыдов В. Калашников, М. Стокдейл, А. Николаев.
5.4.	Иное	Х. Вада, К. Назаренко, С. Полтораки, В. Цветков

Оговорим, что не все участники с полной определенностью заявили свою позицию, и поэтому результаты классификации ответов носят достаточно условный характер. Тем не менее они дают возможность проследить некоторые основные тенденции.

Одиннадцать участников отнесли начало революции на 23 февраля. Семь указывают на 27 февраля и делают акцент на солдатское восстание. Пять считают началом революции решение лидеров Думы создать Временный комитет. При этом ряд авторов занимают смежные позиции, которые отражены упоминанием их фамилий в разных ячейках таблицы. Четыре участника выбрали вариант «Иное».

Очевидно, что одна из причин такого разнообразия ответов заключается в том, что авторы по-разному трактуют понятие «революция» применительно к событиям февральских дней, хотя практически все ведут речь о политической революции, главной целью которой являлось свержение самодержавия. На наш взгляд, это вполне обоснованный подход, который позволяет сосредоточиться на анализе Февральской революции как политического события и выделить вопрос о власти в качестве ее главного вопроса. Отметим, что в февральские

¹² Февральская революция 1917 года: проблемы истории и историографии. СПб., 2017.

¹³ Контент-анализ всех ответов см.: Там же. С. 137–174.

дни социалисты и либералы были едины в понимании непосредственной задачи, которую видели именно в свержении *самодержавия*. При таком подходе вопрос о начале революции превращается в вопрос о том, кто и когда начал *открытую и сознательную борьбу* за свержение старой власти, т. е. сделал эту борьбу *«повесткой дня»*. Иными словами, начало революции трактуется как начало действий, направленных на смену власти по принципу *«здесь и сейчас»*.

Понятно, что при таком подходе выбор 23 февраля в качестве даты начала революции порождает вопрос: кто из «актеров» революции в этот день ставил перед собой задачу свержения самодержавия как задачу *текущего момента*? Ни один из участников проекта не назвал такого «актера». Напротив, типичной является позиция проф. В. Измозика (СПбГУТ): «23 февраля 1917 г. власть и оппозиция еще не осознавали масштаба начавшихся событий». Ссылаясь на опыт английской, американской, французской революций XVII–XVIII вв., В. Измозик считает такую ситуацию типичной: «противоборствующие силы, сами участники революции в момент ее начала далеко не всегда сознают значение происходящих событий»¹⁴.

И тогда возникает вопрос: а какие аргументы можно привести в пользу даты 23 февраля как даты начала революции? Аргументы, приведенные в работах И. И. Минца и Э. Н. Бурджалова, в этом контексте смотрятся недостаточными, и никто из участников нашего проекта их не воспроизвел и новых не привел. В принципе, позиция историков первой группы сводится к следующему: именно с 23 февраля начинается *непрерывный* политический процесс, который завершился падением самодержавия. Наиболее четко эту точку зрения сформулировал проф. Л. Сигельбаум (Мичиганский университет, США): «Самих по себе демонстраций было недостаточно для свержения царизма, но они определенно *начали процесс*»¹⁵. С ним солидарен проф. Дж. Санборн (Колледж Лафайет, США): «Восстание солдат решило исход Февральской Революции, однако ясно, что оно *не было ее началом*. Массовые демонстрации создали кризисную ситуацию, которая привела к концу монархии»¹⁶. Иными словами, *начало событий, которые привели к революции, оценено как начало самой революции*.

Следует отметить, что большинство историков первой группы понимают определенную уязвимость своей позиции и стремятся ее снять путем того или иного объединения дат 23 и 27 февраля. Так, по мнению проф. Г. З. Иоффе (Монреаль, Канада), «началом революции было 23 февраля, а поворотным моментом в ее ходе — бунт солдат запасных батальонов 27 февраля»¹⁷. С ним согласен Ё. Икеда (Токийский университет): «Если речь идет о *начале* революции, 23 февраля — естест-

¹⁴ Там же. С. 39.

¹⁵ Там же. С. 96.

¹⁶ Там же. С. 92.

¹⁷ Там же. С. 46.

венный выбор. А что касается *решительного момента*, это 27 февраля — восстание солдат. Именно это подтолкнуло либералов к созданию временного комитета Государственной думы»¹⁸. Петербургский историк проф. А. Б. Николаев (РГПУ) выделяет два периода революции: начальный (23–26 февраля) и заключительный (27 февраля–3 марта). При этом *решающим моментом* в революции он считает не солдатское восстание, а «принятие Советом старейшин своих первых революционных постановлений»¹⁹.

Не будем отрицать правомерность такого подхода, однако отметим, что он явно не устраивает вторую и третью группы историков, которые считают днем начала революции 27 февраля, поскольку именно в этот день началась осознанная и открытая борьба за свержение старой власти в форме вооруженного восстания. При этом вторая группа историков (Ф. Гайда, А. Дикинс, П. Кенез, А. Пученков, Р. Суни) делает акцент на солдатском восстании как главном событии 27 февраля. Наиболее лапидарно эту позицию сформулировал проф. П. Кенез: «27 февраля — солдаты отказались стрелять»²⁰. Более пространно ее обосновал проф. Р. Суни (Мичиганский университет): «Мятеж, протест, восстание началось 23 февраля, однако всё это *стало действительной революцией 27 февраля*, когда к протесту женщин, рабочих и прочих обыкновенных людей против правительства присоединились вооруженные солдаты («человек с ружьем»)»²¹. С ним солидарен московский историк Ф. Гайда (МГУ): «Начало солдатского восстания. Именно оно привело к победе революции в столице. Демонстрации рабочих и обывателей сами по себе были достаточно привычным явлением. Примкнувшая армия придала им характер *исключительный*. Опираясь на восставший гарнизон, оппозиция могла приступить к созданию революционных органов власти и вести переговоры с генералитетом о смене монарха»²².

Третья группа (А. Давыдов, М. Стокдейл, А. Николаев) ведут отсчет от решения Думы возглавить революционное движение путем создания Временного комитета. Ряд авторов явно пытаются связать эти события в единое целое. Наиболее очевидно это прослеживается в ответах московского историка Р. Г. Гагкуева (издательство «Дрофа», Москва): «Начало именно революции, с одной стороны — *создание Временного комитета Государственной думы*, с другой — присоединение к восставшим солдат тыловых частей, расквартированных в Петрограде. ... В один революционный процесс объединились две силы, действовавшие ранее по отдельности — думские политики и рабочие и солдатские массы, возглавленные почти сразу представите-

¹⁸ Там же. С. 43.

¹⁹ Там же. С. 74.

²⁰ Там же. С. 55.

²¹ Там же. С. 105.

²² Там же. С. 17.

лями революционно-демократических партий»²³. Проф. М. Стокдейл (Университет Оклахомы, США) также связывает начало революции с солдатским восстанием и также делает акцент на роль Думы: «Поддержка со стороны Думы легимитизировала восстание ... Это решение стало окончательным поворотным моментом революции»²⁴.

На наш взгляд, эта трактовка представляется наиболее удачной, поскольку в ней отражается взаимосвязь двух важных этапов революции. Первый этап — солдатское восстание, которое и стало открытой вооруженной борьбой масс против старой власти. Второй этап — решение Думы возглавить восстание, которое придало стихийному локальному восстанию характер общенациональной революции. Лидеры Думы не были инициаторами революции, но они обеспечили ей быструю и легкую победу.

Такая датировка начала и ключевого момента революции позволяет более точно определить и главного непосредственного виновника революции. Как известно, восстание солдат стало их ответом на стрельбу по безоружной толпе днем 26 февраля. Если бы не было этого «второго кровавого воскресенья», солдатского восстания утром 27-го могло и не быть. И мирные демонстрации могли закончиться ничем. Приказ о стрельбе отдал лично Николай II. Он и есть непосредственный виновник революции точно так же, как он был им и в январе 1905 г.

Понятно, что приведенные размышления не исчерпывают собой проблему периодизации истории Февральской революции, но они достаточны для того, чтобы показать важность ее дальнейшего изучения.

²³ Там же. С. 13.

²⁴ Там же. С. 99.

Двоевластие в политической системе революционной России (1917 г.)

Двоевластию повезло, с одной стороны, потому что концепцию разрабатывал В. И. Ленин, а с другой стороны, не повезло, потому что ее разрабатывал В. И. Ленин. Вот здесь с двоевластием нужно, конечно, разбираться.

Любопытно, что в трудах современных ученых вопрос о политической системе России в 1917 г. даже не был поставлен. Авторы в первую очередь рассуждают о том, какая государственная система существовала в революционной России. По этому вопросу сложился консенсус, суть которого в признании того, что в России тогда существовало переходное государство (государственная система переходного типа)¹. Естественно, что исследователи останавливают свое внимание и на двоевластии. Причем одни из них рассматривают двоевластие как политический режим России в 1917 г., другие сомневаются в самом факте его существовании. Так, Н. Ж. Бегишева пишет об эволюции «политического режима от двоевластия до бонапартизма Временного правительства»².

Другие исследователи подвергают сомнению сам факт существования двоевластия³. Н. А. Коваленко посвятил двоевластию раздел в монографии⁴ и специальную статью⁵. Он пишет, что в дни Февраля 1917 г. «борьбу за право считаться источником власти повели Временный комитет Государственной думы и Петроградский Совет. Сосуществование этих двух политических сил можно охарактеризовать как первое “двоевластие”». Автор замечает: «Как показывает анализ данного вопроса, в деле создания основ механизма временной власти больше преуспел Комитет Думы», но/и «многие звенья властных структур создавались думцами и Советом на паритетных началах»⁶. Вместе с тем он не указывает, где, когда и кем был проведен этот анализ! Приведем и другое утверждение Н. А. Коваленко: «Иными словами, “двоевла-

¹ *Бегишева Н. Ж.* К вопросу о периодизации переходного государства в период Февральской революции 1917 года // Вектор науки ТГУ. 2009. № 2 (5). С. 15.

² Там же. С. 15–16.

³ *Климов И. П.* К вопросу о двоевластии в России после Февральской революции // Академический вестник. 2009. № 2.

⁴ *Коваленко Н. А.* 1917 год: новые подходы и взгляды. М., 2001. С. 91–159.

⁵ *Коваленко Н. А.* «Двоевластие» в России в 1917 году: новые подходы и взгляды // Научный вестник МГТУ ГА. Сер. История, философия, социология. 2007. № 113. С. 19–23.

⁶ *Коваленко Н. А.* «Двоевластие» в России в 1917 году. С. 20.

ствие” в первые дни своего существования представляло собой раздел власти между соперничавшими политическими силами в рамках одной государственной системы, при определенном взаимопризнании такого раздела и даже известном сотрудничестве». Коваленко также ставит вопрос: «Что же представляла собой система властных отношений в связи с появлением на политической арене Временного правительства?» Но сколько-нибудь внятного ответа на него не дает. Он ограничивается тем, что заявляет: «Создание первого коалиционного кабинета, и это наконец-то следует признать, положило конец кратковременному периоду существования так называемого “двоевластия”»⁷.

Цель данной работы выяснить, во-первых, существовало ли двоевластие в дни Февральской революции и в последующий период, во-вторых, если двоевластие существовало, то какое место занимало в политической системе революционной России. Не менее важным является и вопрос о самой политической системе, ее чертах.

В решающие дни Февраля 1917 г. сложилась и функционировала думско-советская власть, благодаря которой революция и победила.

На первом заседании Петроградского Совета рабочих депутатов, которое началось в 9 час. вечера 27 февраля, депутат IV Государственной думы Н. С. Чхеидзе был избран его председателем, а другой думец — А. Ф. Керенский — стал товарищем председателя. То есть в думском Комитете было советское представительство, а в советском Исполкоме — думское. Можно утверждать, что вся деятельность ВКГД и Исполкома по осуществлению властных полномочий с этого момента выступала проявлением думско-советской власти. В связи с этим вполне определенный интерес представляет вопрос о том, а осуществляли ли, например, думский Комитет и Петроградский Совет законодательную деятельность?

В дни Февральской революции законодательные функции Государственной думы и Государственного совета были прерваны указом Николая II, отправившим обе палаты Российского парламента на каникулы. Поэтому издавать законы в рамках существовавших Основных законов и законодательства о Государственной думе и Государственном совете было, на первый взгляд, невозможно. Вместе с тем ВКГД, не отменив (не признав отпавшими) Основные государственные законы, издавал сообщения и постановления, в которых четко прослеживается воля органа, обладающего верховной властью. По содержанию их можно приравнять к манифестам и отнести к законодательным документам. Думский Комитет законодательствовал на праве революции, присваивая себе prerogatives верховной власти, закрепленные Основными государственными законами. Именно поэтому законодательные акты ВКГД, с одной стороны, нельзя приравнять к документам законодательства царской России, а с другой, их необходимо признать

⁷ Коваленко Н. А. 1) 1917 год: новые подходы и взгляды. С. 144, 145, 150; 2) «Двоевластие» в России в 1917 году. С. 20, 22.

первыми документами революционного законодательства и включить в разновидность законодательных документов. В дни Февральской революции Российский парламент в полном объеме не функционировал. Поэтому ориентиром для историков является позиция юристов в вопросе об отборе среди источников революционной эпохи законодательных актов. Современные юристы поместили их в 9-й том «Российского законодательства». Среди них: сообщение ВКГД о взятии власти в свои руки (27 февраля 1917 г.), постановление ВКГД о назначении комиссаров в министерства и государственные учреждения (28 февраля 1917 г.), сообщение ВКГД о составе нового правительства (2 марта 1917 г.)⁸. Представители Исполкома Петросовета в думском Комитете Н. С. Чхеидзе и А. Ф. Керенский не дистанцировались от этих документов. Тем самым они признали участие Исполкома Петросовета в законодательной деятельности ВКГД.

К законодательным документам относится также постановление Временного комитета Государственной думы о создании Продовольственной комиссии «для общего руководства продовольственным делом государства» и губернских продовольственных комитетов. Оно было опубликовано в «Известиях Комитета петроградских журналистов» за подписью председателя ВКГД М. В. Родзянко (которая шла первой) и других. Подчеркнем, что постановление отчасти стало продуктом совместного творчества ВКГД и советско-думской Продовольственной комиссии, о чем говорили подписи руководящих ее деятелей под этим документом — ее подписали за председателя Продовольственной комиссии Временного комитета Государственной думы и Совета рабочих депутатов И. Д. Волков и комиссар по продовольственным делам депутат Государственной думы С. В. Востротин⁹.

Думский комитет приобрел явочным порядком и права власти верховной. Подтверждением верховного характера власти и руководящего участия думского Комитета в революции стало назначение им комиссаров в министерства, главные управления и другие государственные учреждения. Институт комиссаров стал самостоятельным элементом механизма временной власти. Значение деятельности комиссаров состояло в том, что именно они и выступили важным звеном в новой комбинации власти, обеспечив думскому Комитету характер правительственной власти при сохранении за ним прав верховенства. На центральном уровне думский Комитет занял господствующую позицию, причем А. Ф. Керенский выступал гарантом того, что Петросовет не будет посылать в министерства, главные управления и другие правительственные учреждения своих комиссаров¹⁰. Но и здесь четко про-

⁸ Российское законодательство X–XX веков / отв. ред. О. И. Чистяков. М., 1994. Т. 9. С. 117–121.

⁹ Продовольствие // Известия Комитета петроградских журналистов. 1917. 3 марта (№ 7).

¹⁰ РГИА. Ф. 740. Оп. 16. Д. 699. Л. 91.

слеживается характер временной власти, как власти думско-советской. Так, 1 марта был опубликован приказ председателя Государственной думы М. В. Родзянко о назначении комиссаром в Особое совещание по продовольствию члена Государственной думы С. В. Востротина. Приказ подписали председатель ВКГД М. В. Родзянко и председатель Продовольственной комиссии В. Г. Громан¹¹. Т. е. совещание фактически было подчинено советско-думской Продовольственной комиссии, а комиссар в нем Востротин получил думско-советские полномочия.

Кроме думско-советской власти продолжала сохраняться и власть Николая II, которая, конечно, постепенно убывала. Вместе с тем, стремясь сохранить преемственность власти, думский Комитет фактически признал указ императора Николая II Правительствующему Сенату о назначении председателем Совета министров князя Г. Е. Львова, назначив его же главой Временного правительства¹². Можно утверждать, что в решающие дни Февральской революции двоевластие существовало. Речь идет о власти императора Николая II и думско-советской власти.

Временное правительство было создано 2 марта 1917 г. Важную роль в этом сыграла Государственная дума в лице его Временного комитета. Так, в ночь с 1 на 2 марта на заседании ВКГД было принято постановление об образовании Временного общественного совета министров¹³. 2 марта Родзянко в телеграмме Николаю II сообщил, что «в настоящее время власть будет передана Временным комитетом Государственной думы Временному правительству»¹⁴. 3 марта Родзянко в ходе переговоров с генералом М. В. Алексеевым подтвердил, что новое правительство уже сформировано «нами», т. е. думским Комитетом¹⁵. В официальном сообщении «От Временного правительства» указывалось, что «Временный комитет Гос<ударственной> думы назначает министрами <...> следующих лиц <...>»¹⁶. Назначение нового правительства думским Комитетом свидетельствовало о том, что ВКГД выступил источником власти Временного правительства. Одновременно в «Известиях Комитета петроградских журналистов» сообщалось, что состав Временного правительства «установлен после переговоров» думского Комитета и Исполкома Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов¹⁷. Факт согласования вопроса о новом

¹¹ Известия по продовольственному делу. 1917. № 1 (32). Май. С. 2.

¹² Документы к «Воспоминаниям» ген[ерала] А. Лукомского // Архив русской революции : в 22 т. / изд. И. В. Гессеном. М., 1991. Кн. 2, т. 3. С. 265.

¹³ Февральская революция 1917 года : сб. документов и материалов. М., 1996. С. 154.

¹⁴ Февральская революция 1917 года : (документы Ставки верховного главнокомандующего и штаба главнокомандующего армиями северного фронта) // Красный архив. 1927. Т. 3 (22). С. 9.

¹⁵ Там же. С. 29.

¹⁶ От Временного правительства // Известия КПЖ. 1917. 3 марта. № 7.

¹⁷ Новое правительство // Известия КПЖ. 1917. 2–3 марта. № 6–7.

правительстве с Исполкомом Петросовета говорил о том, что Совет рабочих и солдатских депутатов стал вторым источником власти.

Новый правительственный кабинет рассматривал себя как «правительство общественного доверия», которое будет существовать при монархе (регенте). Формула «общественного кабинета» содержалась и в преамбуле к Декларации Временного правительства от 3 марта. Но Декларация включала в себя и элементы, которые свидетельствовали о важном месте Государственной думы в новой конструкции власти. В частности, первой под Декларацией шла подпись председателя Государственной думы М. В. Родзянко. Декларация содержала пункт, в котором заявлялось, что Учредительное собрание «установит форму правления и конституцию страны»¹⁸.

Позиции Государственной думы значительно усилились с момента появления манифеста об отречении Николая II. Манифест заповедовал великому князю Михаилу «правлять делами государственными в полном и нерушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях на тех началах, кои будут ими установлены, принесся в том ненарушимую присягу»¹⁹. Что означала эта формулировка? Манифест, несомненно, придавал законодательным учреждениям характер Учредительного собрания. Иначе говоря, он вводил систему власти, при которой существовала монархия, а пределы власти ее устанавливал парламент. Эту систему власти можно было бы назвать конституционной монархией, но данная формулировка в полной мере не отражает преимущественных прав парламента в сравнении с властью монарха. Парламентская монархия — или конституционная монархия с парламентским строем — более соответствует конструкции власти, которую вводил манифест Николая II.

Утверждение в России конституционной монархии с парламентским строем и назначение Николаем II председателя Совета министров вполне устраивало председателя Государственной думы М. В. Родзянко. Опираясь на них, Родзянко мог сохранить в новой комбинации власти Временный комитет Государственной думы как верховную власть. В переговорах 3 марта с генералами М. В. Алексеевым (с 6 ч. до 6 ч. 46 мин. утра) и Н. В. Рузским (в 8 ч. 45 мин. утра) он обмолвился о роли ВКГД в системе власти, которая исключала воцарение великого князя Михаила Александровича. Алексееву Родзянко сообщил следующее: «предполагается необходимым созыв Учредительного собрания, а до тех пор действие Верховного комитета и Совета министров, уже нами обнародованного и назначенного, при одновременном действии двух законодательных палат»²⁰. Верховный комитет — это, несомненно, переименованный Временный комитет Государственной думы, наделен-

¹⁸ От Временного правительства // Известия КПЖ. 1917. 3 марта. № 7.

¹⁹ Манифест Николая II // Известия КПЖ. 1917. 3 марта. № 8.

²⁰ Документы Ставки. С. 25, 26.

ный полномочиями верховной власти. Именно так понял эту формулу власти Алексеев и сообщил о ней командующим фронтами²¹.

В переговорах по прямому проводу Родзянко проинформировал Рузского: «Все остается в таком виде: Верховный совет, ответственное министерство и действия законодательных палат до разрешения вопроса о конституции Учредительным собранием». Рузский попросил уточнить: «Скажите, кто во главе Верховного совета [?] М. В. Родзянко поспешил ответить: “Я ошибся: не Верховный совет, а Временный комитет Государственной думы под моим председательством”»²². В ходе переговоров Родзянко дал ясно понять Рузскому, что воцарения Михаила не будет. При этом разговоре присутствовал князь Г. Е. Львов, который не проявил какого-либо недовольства данной комбинацией власти. Трудно поверить, что Родзянко в этот день дважды ошибался, внося в название думского Комитета понятие «верховный». Возможно, что он размышлял над тем, как назвать ВКГД в новой конструкции власти? Но даже при сохранении старого названия существенную роль играл сам факт предполагаемого участия думского Комитета в качестве органа верховной власти в механизме Временной власти до Учредительного собрания при одновременном действии двух законодательных палат (Государственной думы и Государственного совета) и ответственного министерства.

Какие функции собирался Родзянко придать ВКГД? А. И. Ксюнин утверждал, что в лице Верховного совета, на создании которого настаивал председатель Государственной думы, «явилось бы возглавление власти и было бы кому сменять оказавшихся не на месте членов Временного правительства»²³. Иначе говоря, речь шла о превращении ВКГД в регентский совет.

Укажем, что эта схема власти не являлась только плодом личных интриг Родзянко, а была достигнута в результате соглашения. Естественно предположить, что оно было заключено сразу же после получения известий об отречении Николая II в пользу великого князя Михаила Александровича. Укажем, что телеграмма от А. И. Гучкова и В. В. Шульгина была получена в Петрограде в 2 часа 17 мин. ночи²⁴. Но Керенский вспоминал, что вплоть до утра 3 марта Временное правительство так и не решило вопрос о воцарении Михаила и «по общему согласию заседание было временно отложено»²⁵. В Военное министерство были направлены Родзянко и кн. Львов с целью получить точный текст манифеста, чтобы «выяснить возможность его изменения»²⁶. Львову конструкция власти,

²¹ РГАВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 277. Л. 41–42.

²² Документы Ставки. С. 29.

²³ Ксюнин А. И. Предисловие // Родзянко М. В. Крушение империи и Государственная дума и февральская 1917 года революция. М., 2002. С. 10.

²⁴ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1245. Л. 10.

²⁵ Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте : мемуары. М., 1993. С. 150.

²⁶ Милоков П. Н. Воспоминания. М., 1990. Т. 2. С. 271.

вводившая верховенство ВКГД, была известна. Несомненно, что одним кн. Львовым дело не ограничивалось.

В связи с этим некоторый интерес представляет газетная заметка с рассказом Н. В. Некрасова, которую исследователи в своих трудах ранее не использовали. Выступая 14 мая 1917 г. в Киеве в кафе «Максим» перед членами Партии народной свободы, Некрасов сообщил, что в ночь с 2 на 3 марта, «когда уже было достигнуто соглашение», возник конфликт — «на одно и то же место в кабинете заявлено было два ультимативных требования». И далее Некрасов, не называя лиц, выдвинувших эти требования, вспоминал: «Примирения добиться нельзя было. Наша основная мысль тогда была, как сохранить преемственность власти. В ту минуту, когда уже были созваны знатоки государственного права для того, чтобы обдумать, как сохранить преемственность власти в форме личной диктатуры, в форме представления всей полноты власти в руки одного человека, обе спорящие стороны поняли всю лежащую на них ответственность, и свершилось чудо. Помню ту радость, с какой товарищ Керенский мчался по квартире князя Львова, чтобы сообщить нам весть о достигнутом соглашении»²⁷.

На первый взгляд может показаться, что речь идет о споре за один из министерских портфелей. Но борьба за любой из портфелей министров не могла разрушить преемственность власти, ибо она опиралась на факт назначения императором Николаем II председателем Советом министров кн. Г. Е. Львова. Т. е. можно уверенно предположить, что Некрасов рассказал киевским кадетам о борьбе именно за должность председателя Совета министров, которая развернулась между Родзянко и Львовым. Видимо, именно тогда на квартире кн. Львова (и в его присутствии) Керенский и Родзянко договорились о такой конструкции власти, которая вполне устраивала председателя думского Комитета. Керенский, как видно из рассказа Некрасова, сообщил ему и другим членам Временного правительства о состоявшемся соглашении. Благодаря этому рассказу становится понятно, почему на переговорах по прямому проводу Родзянко с Рузским присутствовал кн. Львов. Судя по всему, он должен был в случае необходимости подтвердить сказанное Родзянко.

Что мог предложить Керенскому и кн. Львову председатель ВКГД Родзянко в обмен на их согласие поддержать его комбинацию власти? Только стать партнером лиц, заинтересованных в том, чтобы вел. кн. Михаил Романов отказался от взятия верховной власти в свои руки. И действительно, Родзянко вел себя активно, добиваясь этого от вел. кн. Михаила²⁸.

В акте вел. кн. Михаил Александрович отказывался от власти в пользу Учредительного собрания. Здесь же содержалась просьба к граж-

²⁷ Н. В. Некрасов в Киеве // Последние новости. Киев, 1917. 16 мая (утр. вып.).

²⁸ Старцев В. И. Внутренняя политика Временного правительства первого состава. Л., 1980. С. 109.

данам России подчиниться Временному правительству, по почину Государственной думы «возникшему и облеченному всей полнотой власти»²⁹. Считается, что этот акт уничтожил строй, введенный отречением Николая II³⁰, и создал полновластное Временное правительство³¹. Но ничего этого благодаря акту вел. кн. Михаила не произошло. В этом документе Михаил не принял верховную власть, и поэтому не мог ее никому передать, не мог ничего уничтожить или создать. Можно утверждать, что акт Михаила лишь законсервировал ситуацию, порожденную манифестом Николая II, который даровал России конституционную монархию с парламентским строем. Вместе с тем он оставлял возможность вел. кн. Михаилу Александровичу принять верховную власть из рук Учредительного собрания. Шансы Родзянко в этот момент еще более возросли. Михаил, не восприняв верховную власть, давал возможность Временному комитету Государственной думы взять ее в свои руки. ВКГД донес бы бремя верховной власти до Учредительного собрания.

Можно утверждать, что в результате соглашения Родзянко с Керенским и кн. Львовым, отречения императора Николая II и отказа вел. кн. Михаила от восприятия верховной власти, а также Декларации 3 марта в России установилась третьемартовская политическая система, имевшая следующие черты: 1) признание в качестве источников власти Временного правительства Государственной думы в лице ее Временного комитета и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов в лице его Исполкома; 2) существование условно безответственного Временного правительства; 3) конституционная монархия с парламентским строем; 4) решение вопроса о государственном устройстве Учредительным собранием (принцип непредрешения); 5) реализация в апреле 1917 г. формулы власти, согласно которой верховная власть вплоть до созыва Учредительного собрания должна принадлежать Временному комитету Государственной думы при одновременном действии двух законодательных палат (Государственной думы и Государственного совета) и ответственного министерства. Властные полномочия Государственной думы, Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, как источников власти, а также и Временного правительства были включены и в формулу Временной власти, и в механизм ее функционирования. Иначе говоря, существовала единая власть, а двоевластия не было.

²⁹ Отречение великого князя Михаила Александровича // Известия КПЖ. 1917. 4 марта (№ 9).

³⁰ *Маклаков В. А.* Воспоминания : лидер московских кадетов о русской политике, 1880–1917. М., 2006. С. 324.

³¹ *Старцев В. И.* Передача власти от Николая II Временному правительству (юридическая сторона) // Политическая история России первой четверти XX в.: Памяти профессора Виталия Ивановича Старцева. СПб., 2006. С. 9.

К вопросу об участии рабочих Петрограда в революционных событиях октября 1917 г.

Приближение столетнего юбилея Октябрьской революции 1917 г. подталкивает к определенному подведению итогов исследований по проблеме характера, движущих сил, значения революции в России и в отдельных ее регионах. Особое место в изучении революционных событий Октября 1917 г. занимает характеристика рабочих столицы Российской империи. Отмеченная особенность детерминирована рядом факторов. Во-первых, в 1905 г., в июле 1914 г. и дважды в 1917 г. определенная часть питерских пролетариев инициировала политические забастовки, иные формы политической активности, давшие импульс трем (!) революциям в России. Очевидно, что перед нами феномен особого социума в рабочей среде.

Во-вторых, речь идет о наиболее многочисленном региональном отряде промышленных рабочих России. Петербург (Петроград) отличался сосредоточением крупных современных заводов; концентрацией ведущих машиностроительных и механических предприятий. Характерно, что почти пятая часть (17,5 %) металлистов европейской части России трудилась в Петербургской губернии, главным образом в Петербурге¹. Все это оборачивалось тем, что *по степени вовлеченности в индустриальный труд* промышленные рабочие столицы существенно отличались от рабочих всей страны в целом. В-третьих, городские переписи 1900 и 1902 гг.; материалы профсоюзного обследования 1908 г. дают основу для научного анализа социального состава рабочих «северной столицы» к 1917 г.

Наконец, в трудах исследователей, опубликованных в годы советской эпохи, (прежде всего Л. М. Иванова, Э. Э. Крузе, Н. А. Ивановой, В. И. Старцева, Ю. И. Кирьянова, П. В. Волобуева) явно прослеживаются лучшие черты российской исторической школы: опора на обширный и разносторонний статистический материал; самостоятельность научных обобщений, пусть даже и ограниченная господствующими идеологическими концепциями.

При всей бесспорной значимости работ постсоветской эпохи, обращенных, главным образом, к проблемам политического сознания рабочих Петрограда — выделю монографии А. В. Гоголевского и С. В. Ярова — именно в 1960–1970-е гг. (на волне «оттепели» и ее инерционных импульсах) были заложены основы современной рабо-

¹ Крузе Э. Э. Положение рабочего класса России в 1900–1914 гг. Л., 1976. С. 142–143.

чей истории России, позволяющие сегодня выйти на новый уровень обобщений.

Л. М. Иванов сделал достоянием научной общественности результаты городской переписи Петербурга 1900 г., когда при опросе рабочих лишь 18 % из них назвали себя потомственными; 82 % рабочих столицы являлись рабочими в первом поколении². В 1902 г. в петербургской промышленности «пришлых» рабочих насчитывалось 90 %. Закономерность такого явления объясняется тем, что в Петербурге и Петербургской губернии треть всех предприятий, существовавших к 1902 г., возникли в 1891–1900 гг. Эта же группа предприятий отличалась стремительным ростом производственных мощностей в последнем десятилетии XIX в.³

Как и по всей России, индустриализация носила антигуманный, бесчеловечный характер, вне связи с конкретным политическим режимом. В фабрично-заводской промышленности России, даже по официальным, явно заниженным данным, число несчастных случаев стремительно росло: с 14,6 на 1000 рабочих в 1901 г. до 45,8 в 1912 г. При этом полную или частичную инвалидность повлекли за собой 170 из 1000 несчастных случаев в 1901 г. и 240 в 1908 г.⁴ Несмотря на рост механизации производственных процессов, потери рабочего времени в год на одного рабочего оставались стабильно высокими: в 1885 г., 1904 г., 1913 г. они составляли 19 дней⁵.

Заметным существенным отличием столичных рабочих являлись жилищные условия проживания: их абсолютное большинство проживало на площади в 3 кв. метра и менее, 10–30 % квартир рабочих размещались в подвалах и полуподвалах. От 1/6 до 1/3 всех помещений были холодными⁶. Зачастую в подобных жилищах рабочие не успевали восстановить свои силы. Парадокс российской истории: рабочие передовых по меркам первых десятилетий XX в. предприятий столицы оказались в жизненных условиях, намного более худших, чем у большинства промышленных рабочих российского государства⁷.

По данным переписи 1918 г., до революции 1917 г. лишь 16,5 % из фабрично-заводских рабочих столицы имели связь с деревней, причем

² Иванов Л. М. Преемственность фабрично-заводского труда и формирование пролетариата в России // Рабочий класс и рабочее движение в России, 1861–1917. М., 1966. С. 81.

³ Крузе Э. Э. Положение рабочего класса России в 1900–1914 гг. С. 142.

⁴ Бейлихис Г. А. Очерки истории охраны труда здоровья рабочих СССР. М., 1971. С. 45.

⁵ Миронов Б. Н. Отношение к труду в дореволюционной России // Социс. 2001. № 10. С. 103.

⁶ Кирьянов Ю. И. Жизненный уровень рабочих России (конец XIX — начало XX в.). М., 1979. С. 245, 249.

⁷ См.: Постников С. П., Фельдман М. А. Социокультурный облик рабочих России в 1900–1941 гг. М., 2009. С. 120–126.

только 7,6 % рабочих вели свое хозяйство⁸. Сравнение этих показателей с картиной связи рабочих с землей в Центральном промышленном и Центральном земледельческом районах, где к 1914 г. доля рабочих, имевших землю, превышала 40 %⁹; не говоря уже об Урале, где в конце XIX в. 71,3 % рабочих имели земельные участки свыше 0,5 дес.¹⁰ (к 1917 г., несмотря на рост численности горнозаводского населения, дробление семей эти показатели практически не изменились)¹¹, наглядно демонстрирует *большую степень пролетаризации* рабочего социума Петрограда.

Между тем сохранение участка земли, связей с деревней позволяло рабочим-вчерашним крестьянам «создавать систему общественных связей, которая сглаживала их дезорганизацию и склонность к нарушению закона, поскольку у новых рабочих было меньше мотивов взять на себя риск забастовок, чем у тех, чье будущее было связано только с городом»¹².

Закономерно, что в силу названных причин, срок работы на промышленных предприятиях Петрограда у большинства рабочих (56,1 %) в 1917 г. не превышал десяти лет (у неквалифицированных рабочих этот показатель составлял 73,3%)¹³: затем вариант жизненной судьбы включал или инвалидность, или раннюю смерть, или возвращение в деревню. Приведенные данные свидетельствуют не только о неустоявшемся составе и социальном облике значительной части пролетариата Петербурга, но и о потенциально повышенной степени социально-психического возбуждения.

Перенапряжение от тягот Первой мировой войны; от осознания военных поражений; с каждым годом усиливавшееся понимание ее бессмысленности вызывали растущее неудовольствие в рабочей среде¹⁴. Все это в сочетании с заговором военных элит и руководства буржуазных партий¹⁵, антивоенной пропагандой социалистических партий создавало предреволюционную ситуацию. Поводом для взрыва антиправительственных настроений рабочих Петрограда в конце февраля 1917 г. стало нарушение продовольственного снабжения. Но подлин-

⁸ Крузе Э. Э. Положение рабочего класса России в 1900–1914 гг. С. 144.

⁹ Рабочий класс России, 1907 — февраль 1917 г. М., 1982. С. 62.

¹⁰ См.: Сигов В. П. Некоторые данные для характеристики землевладельческого хозяйства горнозаводского населения Урала // Наемный труд в сельском хозяйстве Урала. Свердловск, 1926. С. 175–176.

¹¹ См.: Алеврас Н. Н. Аграрная политика правительства на горнозаводском Урале в начале XX века. Челябинск, 1996. С. 194–201, 209.

¹² Эктон Э. Новый взгляд на русскую революцию. Раздел II. Рабочий вопрос // Отечественная история. 1997. № 5. С. 74.

¹³ Крузе Э. Э. Положение рабочего класса России в 1900–1914 гг. С. 144–145.

¹⁴ Поршнев О. С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2005. С. 165–174.

¹⁵ Айрапетов О. Г. Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и на революцию (1907–1917). М., 2003. С. 105, 151–156.

ными причинами стали все перечисленные выше особенности столичного пролетариата, умноженные на потрясения военных лет.

Тем не менее главным детонатором событий 1917 г. стала армия, где оказались от шестисот тысяч до одного миллиона промышленных рабочих. Армия представляла собой гигантскую социальную массу: на фронте солдат и офицеров насчитывалось 9620 тыс.; еще от 1,5 до 2,3 млн солдат и офицеров находились в запасных частях военных округов. Воинские части действующей армии понесли огромные потери, пережили тяготы отступления и поражений. Наиболее частым диагнозом тех, кто успел повоевать, был психический невроз; многие фронтовики были подвержены депрессивному состоянию¹⁶.

События Февральской революции открывали два возможных пути развития России: либо по линии нарастания революционного хаоса, либо по дороге создания демократического государства. Как известно, Временное правительство учредило при Министерстве торговли и промышленности особый отдел труда, приступивший к работе с 15 марта 1917 г. Не сразу, но рабочие и предприниматели все же получили в нем равное представительство¹⁷. В апреле 1917 г. особый отдел труда при Министерстве торговли и промышленности был преобразован в Министерство труда, ставшее официальным руководителем и проводником рабочей политики Временного правительства. Фактическим его лидером был меньшевик П. Н. Колокольников, сторонник тред-юнионизма; официальным — эсер М. И. Скобелев. Позитивную роль в определенном успехе переговоров по вопросу увеличения оплаты труда сыграла специальная комиссия Временного правительства. Сами предприниматели оценивали увеличение заработной платы весной 1917 г. показателем в 50 % по сравнению с дофевральским периодом¹⁸. Особенно сильно возросла оплата труда низкооплачиваемых категорий рабочих (на 150–200 %). В результате произошло выравнивание оплаты труда между квалифицированными и неквалифицированными категориями рабочих, характерное для уравнилельных тенденций всякой народной революции. В целом за первые четыре месяца после февраля 1917 г. был завоеван 8-часовой рабочий день, повышена заработная плата, улучшены общие условия труда. Были утверждены и стали обычной нормой демократические права рабочих на производстве. Рабочие организации превратились в большую силу на предприятиях. Удалось не только затормозить падение производства, но и несколько поднять его¹⁹.

С принятием 5 августа 1917 г. «Положения о примирительных мерах» создавалась и законодательная основа для установления соци-

¹⁶ Булдаков В. П., Леонтьева Т. Г. Война, породившая революцию. М., 2015. С. 472, 477.

¹⁷ Волобуев П. В. Пролетариат и рабочие России в 1917 г. М., 1964. С. 110–112.

¹⁸ Там же. С. 136.

¹⁹ Там же. С. 137, 142–143.

ального партнерства на промышленных предприятиях. С лета 1917 г. в стране наметилась тенденция к организации примирительных камер при отраслевых профсоюзах. Так рождался один из потенциальных путей социального партнерства. На многих предприятиях примирительные учреждения в марте–июне 1917 г. **выполнили свою задачу**: смогли направить процесс трудовых отношений в правовое русло и предотвратить проявления самоуправства с обеих сторон²⁰. Во многом благодаря активности примирительных камер и взаимодействию этих учреждений с Советами удалось стабилизировать производственную деятельность промышленных предприятий.

Однако противодействие большевистских организаций отрицательно сказалось на утверждении в социальной практике примирительных процедур, подталкивая рабочих на более жестокие методы борьбы и большую восприимчивость к большевистской пропаганде. В силу этого роль примирительных камер оказалась более скромной.

Переговорный процесс продолжался до июля 1917 г. и позволил заметно сократить масштаб забастовочного движения. Статистика забастовок свидетельствует о незначительном характере забастовочного движения в России. Так, в период с 19 апреля по 6 июля 1917 г. в забастовках приняли участие менее одной шестой части рабочих промышленности России²¹. Анализ статистических материалов забастовочного движения за период 1895–1917 гг., свидетельствует, во-первых, о снижении в разы числа бастующих рабочих и потерянных рабочих дней в марте–сентябре 1917 г. не только в сравнении с январем–февралем 1917 г., но и с 1916 г.²² Во-вторых, тот факт, что 70,7 % потерянных из-за стачек и забастовок рабочих дней в марте–сентябре 1917 г. приходилось на **протестные акции экономического характера**²³, подтверждает тезис о самостоятельности интересов и действий рабочего социума в стремительных событиях революции 1917 г. В-третьих, если в дореволюционный период (1895–1916 гг.) доля забастовок, закончившихся для рабочих безрезультативно, составляла 40,7 %, то в марте–сентябре 1917 г. она снизилась до 28 %²⁴.

Неустойчивость достигнутого в марте–июне 1917 г. уровня социального партнерства определялась рядом факторов. Сказывались слабость профсоюзного движения; сохранение очагов социального напряжения там, где предприятия в период Первой мировой войны переживали кри-

²⁰ *Абрамовский А. П., Буданов А. В.* Горные округа Южного Урала в 1917–1918 гг. Челябинск, 2007. С. 47–48, 51.

²¹ *Орлова Н. Е.* Социальная политика Временного правительства, март–октябрь 1917 г. // К истории русских революций : события, мнения, оценки. М., 2007. С. 354.

²² Наемный труд в России и на Западе, 1913–1925 гг. / под ред. С. С. Струмилина. М., 1927. Ч. 1. С. 152.

²³ Там же.

²⁴ Там же. С. 157.

зисные явления. В тех случаях, когда правительство принимало законы о труде, например о биржах труда, примирительных камерах, они носили догоняющий характер, закрепляя то, что уже существовало. **Но согласие, вырванное силой, вне переговорного контекста, потенциально чревато ростом социальной напряженности.**

Главной же проблемой в отношениях Временного правительства и рабочих, оставался вопрос о продолжении войны. Само Временное правительство при разработке концепции экономической политики брало за образец опыт жесткого государственного регулирования в Германии и воюющей России. Поэтому реализация законов о труде наталкивалась на милитаризацию экономики и массовые призывы в армию в 1917 г. Без сомнения, промышленные рабочие России понимали не только содержание трудового законодательства, но и в каком историческом контексте оно существовало. Временное правительство, продолжая непопулярную войну, заведомо ставило себя в трудное положение, стремительно теряя доверие населения. **Потерю доверия в условиях войны невозможно было компенсировать качеством законотворчества.** Распространению пропаганды леворадикалов содействовала и усиленная войной бедность значительной части пролетарской части рабочего социума.

Установление контроля над фабрично-заводскими комитетами (ФЗК) к лету 1917 г. позволило большевикам использовать масштабный рычаг воздействия на рабочие массы. Быстрая радикализация ФЗК, процесс постепенной большевизации Советов означали и переход части рабочих на леворадикальные позиции²⁵. На практике это означало, что ФЗК были превращены в барьер на пути реализации социального законодательства Временного правительства в сфере трудовых отношений. К сожалению, продолжение мировой войны существенно девальвировало правительственные социальные наработки весны–лета 1917 г. Целенаправленное использование леворадикальными силами этого главного просчета Временного правительства, активная эксплуатация общинных стереотипов поведения рабочих коллективов, включая бунтарство, позволили большевикам противопоставить солдатские массы официальной власти, а часть рабочих — предпринимательским организациям.

Сильной стороной большевиков в 1917 г. стала способность сфокусировать и возглавить социальный протест пролетарских слоев рабочего класса. Этим можно объяснить, например, тот факт, что к октябрю 1917 г., по подсчетам Г. Л. Соболева, общее число рабочих, поддерживавших в той или иной степени большевистский курс, составило более 80 % всех пролетариев столицы²⁶. Однако возникает

²⁵ Чураков Д. О. Русская революция и рабочие самоуправление. М., 1998. С. 50, 56.

²⁶ Соболев Г. Л. Петроградский авангард в 1917 г.: революционная борьба и революционное сознание рабочих Петрограда. СПб., 1993. С. 24–25.

вопрос: какая часть рабочих России приняла активное участие в событиях конца октября 1917 г.? Известна точка зрения С. В. Ярова о том, что в массе своей, за исключением отдельных отрядов рабочих-активистов и красногвардейцев, петроградский пролетариат не участвовал в Октябрьском вооруженном восстании²⁷.

Как известно, аксиомой для публикаций, посвященных истории Красной Гвардии и опубликованных в советское время, были утверждения о том, что «большевики создали по всей стране многотысячную Красную гвардию как передовой отряд армии пролетарской революции»²⁸. Утверждение И. И. Минца о наличии в России к октябрю 1917 г. в отрядах Красной Гвардии не менее 200 тыс. вооруженных рабочих²⁹, по сути, превратилось в неоспоримую догму. Тем не менее исследователи в 60–80-е гг. XX в.³⁰ вынуждены были все-таки отмечать две различные цифры: первую — численность, установленную на основании документальных источников и исторической литературы, и вторую — предполагаемую. В научную литературу же вводилась **суммарная величина научных** подсчетов и гипотетических предположений. Так, число установленных красногвардейцев накануне 25 октября 1917 г. составляло в Москве 3,5 тыс., «предполагаемых» — 5 тыс., «всего» получалось 8,5 тыс. На Урале — 3 тыс., 5 тыс., 8 тыс. соответственно.³¹ Несложно заметить, что число документально установленных красногвардейцев было почти втрое меньше абстрактной «общей величины».

Если в 404 отрядах Красной Гвардии — большинства подразделений Красной Гвардии в Европейской части страны (кроме Петрограда) — согласно абстрактной «общей величине» насчитывалось 47,5 тыс. красногвардейцев, то реально установленных красногвардейцев было всего 18 тыс.³²

Численность Красной Гвардии по данным в официальной советской литературе накануне Октября составляла в России **75 тыс.** человек, а в дни восстания — 200 тыс., в том числе 40 тыс. в Петрограде³³. Крупнейший специалист по этой проблеме В. И. Старцев еще в 1965 г. в весьма осторожной форме отметил завышенность этих цифр, отчасти

²⁷ Яров С. В. Пролетарий как политик. СПб., 1999. С. 7.

²⁸ Цыткин Г. А., Цыткина Р. Г. Красная гвардия — ударная сила пролетариата в Октябрьской революции : по материалам Центр. пром. р-на, Урала и Поволжья. М., 1977. С. 15. Наиболее полно эта концепция была изложена в трехтомной истории Октябрьской революции. См.: Минц И. И. История Великого Октября. Т. 1–3 (М., 1967, 1968, 1973).

²⁹ Минц И. И. Об освещении некоторых вопросов истории Великой Октябрьской революции // Вопросы истории. 1957. № 2. С. 33.

³⁰ См., например: Цыткин Г. А., Цыткина Р. Г. Красная гвардия — ударная сила пролетариата в Октябрьской революции. С. 12.

³¹ Там же. С. 114.

³² Там же.

³³ История советского рабочего класса : в 6 т. М., 1984. Т. 1. С. 81, 116.

в силу смешения понятий: рабочая милиция, заводская рабочая милиция и собственно Красная гвардия. По его подсчетам, накануне Октябрьских событий в 53 городах и промышленных центрах числилось около **26 тыс.** красногвардейцев, в том числе в Петрограде 20 тыс., из которых 18 тыс. были вооружены; в Москве — 4 тыс. человек³⁴. Следует задуматься над приведенными цифрами. Из 26 тыс. реальных красногвардейцев России 20 тыс. находились в столице. Немногочисленность участия рабочих России в захвате власти очевидна, за исключением (с большими оговорками) питерского пролетариата.

Военно-техническая подготовка восстания в Москве была значительно слабее, чем в Петрограде, отмечал в «юбилейном исследовании» 1957 г. Е. Ф. Ерыкалов. Красная Гвардия в Москве была **сравнительно малочисленна и плохо вооружена**³⁵.

Из официальных данных видно и то, что две трети красногвардейцев Петрограда (в самой различной форме) были призваны в ряды Красной гвардии уже непосредственно в дни Октябрьского переворота. Вряд ли можно говорить о взвешенном продуманном выборе рабочих в обстановке многодневных экзальтированных митингов³⁶ и очевидного захвата власти.

Внимательное прочтение обстоятельного труда В. И. Старцева, посвященного составу Красной гвардии Петрограда³⁷, позволяет сделать выводы, сознательно заретушированные в советской историографии. Во-первых, уточнить данные о численности и вооружении красногвардейцев Петрограда к началу октябрьских событий 1917 г. Автор, на основе учета всех имеющихся источников, насчитал в столице к 23 октября 1917 г. 20 тыс. красногвардейцев³⁸. За 23–31 октября 1917 г. в отряды Красной гвардии Петрограда вступили еще 12 тыс. человек и на 31 октября в столице насчитывалось 32 тыс. красногвардейцев. Из них только 8–10 тыс. приняли непосредственное участие в Октябрьском вооруженном восстании, и 4–5 тыс. красногвардейцев — в борьбе с восставшими юнкерами³⁹. Как видно, активное вооруженное участие в революционных событиях приняла примерно **половина красногвардейцев** столицы.

Можно сделать вывод и о преобладании среди красногвардейцев молодых, политически неопытных людей. Так, 54 % красногвардейцев столицы были моложе 25 лет, а 29 % — не старше 20 лет; только

³⁴ *Старцев В. И.* Очерки по истории Петроградской Красной гвардии и рабочей милиции (март 1917 — апрель 1918 г.). М. ; Л., 1965. С. 195, 292.

³⁵ *Ерыкалов Е. Ф.* Красная гвардия в борьбе за власть Советов. М., 1957. С. 58.

³⁶ *Революционный Петроград. Год 1917.* Л., 1977. С. 367–368.

³⁷ *Старцев В. И.* Очерки по истории Петроградской Красной гвардии и рабочей милиции.

³⁸ Там же. С. 195, 228.

³⁹ Там же. С. 200.

29,9 % красногвардейцев родились в Петрограде. Подавляющую часть (4/5) из 70 % красногвардейцев, родившихся за пределами Петрограда, составляли уроженцы сельской местности. Характерно, что на подавление первых антибольшевистских выступлений в ноябре–декабре 1917 г. были посланы в составе отрядов Красной гвардии еще более молодые рабочие: 47,8 % оказались не старше 20 лет (!), а 73 % моложе 25 лет⁴⁰.

Подведем черту: рабочие России в своей массе довольно сдержанно откликнулись на призыв вступать в отряды Красной Гвардии. Определенным исключением являлся Петроград. В отрядах Красной Гвардии столицы, сыгравших вспомогательную роль в политическом перевороте в октябре 1917 г., преобладали молодые рабочие, уроженцы сельской местности, с небольшим стажем работы в промышленности. Именно в этой социальной группе большевистская пропаганда подействовала в наибольшей степени: почти половина красногвардейцев являлись членами партии большевиков⁴¹.

В такой ситуации **решающую роль в силовом захвате власти сыграли солдаты**. Мнение о значительной, и даже решающей роли солдатских масс в событиях революции 1917 г. в России начиная с 90-х гг. XX в. прочно утвердилось в исторической литературе⁴².

Характерным можно считать такое положение: в Москве в октябрьских событиях участвовали 20 тыс. солдат и 5 тыс. вооруженных рабочих, при этом рабочие-красногвардейцы были полностью вооружены только 28–29 октября⁴³. Аналогичная картина была и в столице: основу наступающих отрядов на Зимний дворец составили солдаты трех полков Петроградского гарнизона и матросы 2-го гвардейского экипажа⁴⁴.

Октябрьский переворот в столице был только верхушечным явлением **социальной революции в России**. Водоворот мировой войны обусловил преимущественно антивоенный формат Октябрьской революции: выбраться из воронки цивилизационной катастрофы Россия могла уже только путем одностороннего выхода из войны. Все достижения довоенной модернизации (равно как и ее издержки) в конкретно-исторической ситуации осени 1917 г. стали вторичны. Антивоенный формат революции включил в себя требования по рабочему, крестьянскому и национальному вопросам, вошедшие в первые декреты Советской власти.

⁴⁰ Там же. С. 267—268, 282.

⁴¹ Там же. С. 261.

⁴² См. например: *Булдаков В. П.* Красная смута : природа и последствия революционного насилия. М., 1997.

⁴³ *Цыткин Г. А., Цыткина Р. Г.* Красная гвардия — ударная сила пролетариата в Октябрьской революции. С. 10, 135.

⁴⁴ Революционный Петроград. Год 1917. С. 339.

Российская военно-политическая «схватка» периода Революции и Гражданской войны в интерпретации новейшей англоязычной историографии

Революционные события в России, которые «потрясли мир», а затем вылились в жесточайшее противостояние между непримиримыми мирами «красных» и «белых», исследователями англоязычного россиеведения излагаются в различных версиях. Периодически научные наработки зарубежных россиеведов, специализирующихся на ранней советской истории, в той или иной степени полностью подвергаются историографической экспертизе отечественными исследователями¹.

Объем представленного доклада не позволяет проанализировать все новейшие публикации англоязычных ученых, касающиеся российской революционной тематики, поэтому мы преднамеренно отказались от аннотационного обзора имеющихся в нашем распоряжении работ в пользу историографической оценки только двух новейших изданий, на наш взгляд авангардных. Такие авторы, как Стивен Смит и Марк Стейнберг, выдвигают новаторские идеи, используя нестандартные методы в их реализации. Понятно, что на основе двух изданий, даже если они и приурочены к 100-летию революции, невозможно сделать обобщающие выводы, но тем не менее они позволяют представить степень дихотомии, сохраняющейся между российскими исследователями и англоязычными россиеведами в понимании, а самое главное в извлечении исторических уроков российской революции.

Профессор истории Оксфордского университета Стивен Смит, научные интересы которого связаны с изучением преимущественно первых десятилетий функционирования коммунистических режимов в России и Китае, недавно выпустил монографию «Россия в революции: империя в кризисе, 1890–1928 гг.»² Ученого по праву можно от-

¹ *Kolonitskii B. I.* On Studying the 1917 Revolution: autobiographical confessions and historiographical predictions // *Kritika : Explorations in Russian and Eurasian history*. 2015. N 4 (16). P. 751–768; *Зайцева А. А.* Некоторые аспекты гражданской войны и интервенции в зарубежной историографической литературе // *Вестник Пятигорского гос. лингвистического ун-та*. 2015. № 2. С. 316–320; *Шишкин В. И., Савин А. И.* Социальная мобильность в России в эпоху войн, революций и радикальных трансформаций первой половины XX в.: основные направления и результаты изучения // *Гуманитарные науки в Сибири*. 2014. № 4. С. 89–93; *Лукьянчикова М. В.* Предпосылки и характер российской революции в трудах представителей научной школы Д. Гайера // *Вестник Красноярского гос. пед. ун-та им. В. П. Астафьева*. 2009. № 3. С. 80–85; и др.

² *Smith S. A.* *Russia in Revolution: an empire in crisis, 1890 to 1928*. Oxford : Oxford University Press, 2017. 455 p.

нести к плеяде зарубежных исследователей, которые, демонстрируя оригинальность суждений, обладают еще и научно-литературным даром доступно доносить до читателей сложнейшие перипетии российской революционной эпохи³.

Стивен Смит во введении к своей новой книге однозначно дает понять, что у него есть собственное видение протекания исторических событий в России с конца XIX в. до начала 1-й пятилетки и коллективизации. Семь глав книги предназначены автором для разнообразной аудитории: интересующихся прошлым России, студентов, а также для коллег по академическому сообществу. Смелая заявка автора на историческую всеобъемлемость в рамках одного издания, правда, подкрепляется заверением исследователя, что им были взяты на вооружение (как синтез) последние изыскания российских и западных ученых⁴. Однако этот посыл не получил своей реализации, в книге нет полноценной историографической полемики⁵, обычно присущей научному изданию, всю работу незримо пронизывает постулат об актуализации известных знаний в хронологическом диапазоне от позднеимперской России до начала модернизационных преобразований сталинского типа.

К интересующему нас периоду (1917–1922 гг.) относятся непосредственно две главы⁶. Они, как, впрочем, и другие части книги, логично взаимосвязаны друг с другом контекстами военно-политического, социально-экономического и культурно-исторического характера. На них, как на основаниях, монтируются события, персоналии, явления, взорвавшие позднеимперскую Россию и положившие начало развитию цивилизационного «миропорядка» советского типа. Такой подход, безусловно, является находкой автора. Он позволяет читателю легко усваивать текст книги, не отвлекаясь от хода повествования, которое у иных авторов иногда затмевается академизмом, нагроможденным без меры. Выверенный прагматизм в трактовке излагаемых событий рождает ощущение новизны. Однако это не что иное, как продуманная, виртуозная подача событийной картины, *рельефно* отображающей рассматриваемые явления посредством тщательно подобранного исторического текста.

³ Одна из книг Стивена Смита, посвященная событиям в революционной и постреволюционной России 1917–1936 гг., стала бестселлером. Она была переведена с английского на ряд европейских языков, а также корейский, арабский, турецкий и др. См.: *Smith S. A. The Russian Revolution : a very short introduction.* Oxford : Oxford University Press, 2002. 180 p.

⁴ *Smith S. A. Russia in revolution: an empire in crisis, 1890 to 1928.* Oxford, 2017. P. 2.

⁵ Осенью 2015 г. автор опубликовал дискуссионную статью «Историография русской революции 100 лет спустя». См.: *Smith S. A. The Historiography of the Russian Revolution 100 Years On // Kritika : Explorations in Russian and Eurasian history.* 2015. N 4 (16). P. 733–749.

⁶ *Smith S. A. Russia in Revolution: an empire in crisis, 1890 to 1928.* P. 101–262.

В целом квинтэссенция ярко и образно обозначаемых автором событий сводится в итоге к нелегитимности сложившейся советской системы, которой удалось выжить и утвердиться, пройдя через горнило чудовищных испытаний Революции и Гражданской войны. Большевики добились искомой цели путем единения рабочих и крестьян, страдавших во многих поколениях от эксплуатации. Революционеры умело вселяли в них надежду на блаженство в будущей жизни, активно используя политико-идеологические манипуляции. В связи с этим мы не нашли в книге ответа на один принципиальный вопрос, который остался нераскрытым: что же в революции, которая является сложнейшим процессом, а не *событием*, толкало, заставляло, а самое главное вселяло уверенность самих творцов-революционеров в необходимости стоически нести счастье народу путем насильственного слома прежней государственной машины? Конечно, зеркального отображения процессов не бывает, но в XXI в. мы стали свидетелями не менее шокирующих проявлений, чем те, которые происходили в революционной России. Вспыхнувшие «цветные революции», «Арабская весна» и другие катаклизмы побуждают задаваться вопросами: что же движет теми, кто ратует за прогресс, процветание, социально-экономическое и политическое равенство и т. п., но идет к этому через экстремально жесточайшее обрушение прежнего миропорядка?

Главное достоинство книги Стивена Смита состоит в том, что она заставляет размышлять, задаваться вопросами и искать на них ответы. И на еще один принципиально важный вопрос мы также не находим ответа: почему автор воспринимает революционирующую Россию не во всем её административно-территориальном устройстве и геополитическом пространстве? Впрочем, это в той или иной степени присуще и другим изданиям зарубежного россиеведения. Империя была в кризисе, при этом она априори вся была бурлящим революционным котлом в той или иной степени социально-политического и прочего кипения. Никто не оспаривает, что центром политической жизни были тогда Петроград, Москва и ряд оппозиционных большевикам «белых столиц» и «белых регионов». Не был одинаков по всей стране и накал военно-политической, социально-экономической и т. п. напряженности. Важно подчеркнуть, что в данном случае речь не идет об учете взаимосвязи между центром и революционной провинцией, что, кстати, нельзя упускать из виду. Рецензируемая книга и в целом большинство работ наших зарубежных коллег порождают вопросы о степени репрезентативности «панорамного» подхода, относительно совокупности взаимоотношений характерологически разнообразных масс людей, спорности и конкурентоспособности витавших тогда в обществе идей, неоднозначности способов деятельности хозяйствующих субъектов, представлений о рождавшихся на глазах новых революционных культурных правилах и т. д.

В действительности в революционной России протекали процессы, отличавшиеся разнообразностью, двусмысленностью, противо-

речивостью в виде одновременного сосуществования самостоятельности и централизованности, неуправляемости и дисциплинированности, беспорядка и жесткой регламентации. Отмеченные проявления вовсе не признание нами существования единственно верного алгоритма — толкования совершающегося в 1917–1922 г., например, только через призму порядка-беспорядка, одномерности-двойственности, однообразности-многовариантности. Тем не менее опрометчиво, заранее не оговаривая, экстраполировать по умолчанию на всю огромную державу происходившие в революционную эпоху многослойно-переплетавшиеся сложнейшие процессы, не учитывая их территориально-временную специфику. Чего только стоит историографически взвешенно оценить в пространстве той же ранней Советской России такое явление, как продуцирование различными социальными группами, политическими субъектами от столиц до самых «дальних окраин» разнообразных представлений, верований, эмоций и доктрин социально-экономического, гендерного, национального, географического и т. д. характера. Это же относится и к теоретико-политическим идеям, являвшимся субъективной рефлексией объективной действительности мира политики не только Центра, но и региональной России. Обозначенные процессы в первую очередь и в большей степени наблюдались в политически ангажированных центрах власти России, безусловно, определявших (но не *фатально*) революционную жизнь, обыденность, опыт, нарратив того периода.

Российским ученым хорошо известен и профессор Марк Стейнберг из Иллинойского университета Урбана-Шампейн. Уже много лет Стейнберг имеет по всему миру широкую читательскую аудиторию прежде всего из числа тех, кто профессионально изучает историю нашей страны или интересуется ею. Марк Стейнберг совместно с патриархом зарубежного руссиеведения Н. В. Рязановским (1923–2011) является автором популярного учебника «История России»⁷, выдержавшего восемь изданий. Стейнберг — плодотворно работающий ученый, имя которого часто звучит в профессиональных кругах благодаря его неизменной верности революционной тематике, поэтому наше внимание привлекла изданная им в 2017 г. работа «Русская революция, 1905–1921 гг.»⁸.

Книга, состоящая из трех частей и восьми разделов, оставляет ощущение некой эклектичности, а также реанимирования в условиях историографического поворота идей, высказанных автором в ряде предыдущих работ⁹, но не доведенных им тогда до ювелирной отточенности.

⁷ *Riasanovsky N. V., Steinberg M. D. A history of Russia. 8th ed. New York ; Oxford : Oxford University Press, 2011. 759 p.*

⁸ *Steinberg M. D. The Russian Revolution, 1905–1921. Oxford ; New York : Oxford University Press, 2017. 388 p.*

⁹ См.: *Steinberg M. D. 1) Melancholy and modernity: emotions and social life in Russia between the revolutions // Journal of Social History. 2008. Vol. 41, N 4. P. 813–*

Однако, какие бы ни возникали эмоции и какие бы суждения о прочитанном не были высказаны, очевидна научная дерзновенность Марка Стейнберга. Она проявилась уже в постановке автором пяти задач, решаемых посредством нового прочтения вынесенных на обсуждение разновеликих социальных, экономических, гендерных и этнических тем. В эти нетождественные темы вплетены рассказы и мнения людей, осмысливавших произошедшие с ними в условиях «перманентной» (таково наше субъективное мнение) русской революции 1905–1921 гг. Безусловно, Стейнберг, как профессионал высокого уровня, не мог оставить без разъяснения, откуда он черпает информацию, интерпретируя «историю и голоса» (рассказы и мнения) различных персонажей революционной эпохи, пропускавших через свое индивидуальное «я» прожитое лихолетье, которое было познано на собственном жизненном опыте¹⁰. Таким образом, закономерно возникает вопрос об источниковой базе, используемой для выполнения такого необычного и даже интригующего научного проекта.

Для Стейнберга одним из основных информационных элементов являются газеты, которые он называет «часто встречающимся источником»¹¹, хотя автор при этом, как он сам пишет, «старается не быть наивным»¹², осознавая, насколько газеты специфичны как источник. В тексте книги мы не находим результативного источниковедческого анализа, кроме ссылки на одного из самых именитых в XX в. немецких философов, теоретика культуры, эссеиста Вальтера Бенямина (Walter Benjamin), который действительно в 1930-е гг. имел удачный опыт использования и объяснения этимологического содержания ряда дефиниций в пространстве газет. Однако важно знать, как автор книги осуществлял археографический анализ газетного массива, разнообразных исторических и историографических источников. Иначе непонятно, как Стейнберг объективно определяет репрезентативность результатов выполненной работы, написанной в нестандартной манере — «лицом» к личностно-революционной истории, вводя в оборот определенную выборку и перенося ее на всю генеральную совокупность.

Мы считаем, что поднятый нами вопрос принципиален, так как исходит из заданного самим автором и пронизывающего всю книгу основного посыла — современное источниковедческо-историческое «прислушивание» к тому, что происходило не только в знаковых центрах, но и на национальной периферии, в «медвежьих углах»; что озвучивалось различными персонами (политическими кумирами революционных масс, «фуриями» революции, интеллектуалами, богемой, никому

841; 2) Proletarian imagination: self, modernity, and the sacred in Russia, 1910–1925. Ithaca, N. Y. : Cornell University Press, 2002. 335 p.; и др.

¹⁰ Steinberg M. D. The Russian Revolution, 1905–1921. P. 2–5.

¹¹ Ibid. P. 3.

¹² Ibid. P. 3–4.

не известными «бабами» и «мужиками») о том, как они воспринимали и трактовали свою жизнь в «исторические времена», в «историческом месте» революционной России.

Вне всякого сомнения, книга Марка Стейнберга написана талантливо, но, захватывая внимание, она побуждает полемизировать (и в этом ее очевидное достоинство) еще и относительно транслируемого (где явно, а где подспудно) рокового предначертания, неизбежной обреченности, несения страной революционного креста, т. е. экстремально-шокового развития революционного процесса без какой-либо альтернативы. Работа в той или иной степени пропитана общероссийским плачем, пронизывающей эмоциональной «переживательностью». Это предметно продемонстрировано в родительском письме, отправленном летом 1920 г. из деревни сыну-красноармейцу Пете¹³. Письмо домочадцев наглядно демонстрирует настроения эпохи: слезы, душевные стенания, страдания, насилие власти и ее осуждение, наконец, широко распространенную тогда катастрофичность мышления. Все это, безусловно, было, но возникает вопрос: где пролегает та черта (и она не обозначена автором книги), когда тотальное обобщение не позволяет объективно оценить истинное положение вещей, ведь были и островки сытости, довольства жизнью тенью донэповской России, национально-автономной самостоятельности, отграниченной от командно-революционного администрирования и жившей почти до начала нэпа по региональным, а не военно-коммунистическим законам и т. п. Все это во множестве фрагментов и различий составляло мозаично-единый (но цельный) исторический процесс.

На наш взгляд, отечественная научная школа чем-то вооружится, что-то возьмет во внимание, что-то не посчитает ценным и отринет, но явно не останется равнодушной, осмысливая нетривиальные исследования двух названных авторов. Какие бы разные мыслительные конструкции не возникали в умах российских ученых и наших зарубежных коллег о революции в России, невольно радуешься тому, что эта тема все еще специально изучается, а не воспринимается мимоходом далекой архаикой. Данное положение вещей вдохновляет, свидетельствуя об историографической неисчерпаемости изучения революции в России, которое явно останется актуальным в ближайшей и даже в отдаленной перспективе, учитывая разнообразие взрывы-вызовы XXI в., сотрясающие страны и отдельные регионы.

Представители российского научного сообщества ожидают новых встреч с работами англоязычных россиеведов о российской революции, которые уже анонсированы. Надеемся, будет небезынтересно и историографически прагматично познакомиться с индивидуальной трактовкой авторов относительно извечного вопроса: «откуда есть и пошла» и во что трансформировалась революция в России в про-

¹³ Ibid. P. 206.

екции нового концептуального взгляда¹⁴, хайтековского иллюстрирования на грани событийного эпатажа¹⁵, тематико-хронологической, историко-популизаторской революционной действительности¹⁶, если это поспособствует выходу на новый уровень концептуального переосмысления российских многофакторных революционных процессов, событий и явлений.

¹⁴ С нетерпением ждем появления книги Шона Мак-Микина «Русская революция: новая история» (*McMeekin S. The Russian revolution: a new history*). Вполне возможно, что, как и предыдущая работа (*McMeekin S. July 1914 : countdown to war*. New York : Basic Books, 2013. 461 p.), исследование будет не менее «взрывным» и ниспровергающим историографические представления относительно комплекса причин, предопределивших найденный автором «новоисторический» вектор развития российской революции.

¹⁵ В скором времени станет доступной для прочтения книга Чайна Мьевиля «Октябрь: история русской революции» (*Mieville Ch. October: the story of the Russian revolution*). Судя по тому, что британский писатель-фантаст (или, как мы его называем, обласканный наградами «троцкист-бунтарь», переворачивающий порой в стиле фэнтезийного стимпанка все вверх дном) является талантливым рассказчиком, нас ждет явно удивительное историческое «угощение» революцией. Зная воззрения автора, можно прогнозировать, что будет высказано не только понимание, но и принятие «бунтарей по крови», свершивших революцию в России.

¹⁶ Кэтрин Мерридэйл «Ленин в поезде» (*Merridale C. Lenin on the train*), Лидия Бьорнлунд «Очевидец русской революции» (*Bjornlund L. Eyewitness to the Russian revolution*), Орландо Фигус «Трагедия народа: русская революция» (*Figes O. People's tragedy: the Russian revolution*), Филип Кэнлифф «Ленин жив!»: переосмысление русской революции 1917–2017» (*Cunliffe Ph. Lenin lives!: reimagining the Russian revolution 1917–2017*), Ричард Спенс «Уолл-стрит и русская революция, 1904–1925» (*Spence R. Wall street and the Russian revolution, 1904–1925*) и др.

Дискуссия

В. В. Калашников: Уважаемые коллеги, многие знают, что ежегодно в нашем городе проходит конференция под общим названием «Россия в эпоху революций и реформ. Проблемы историографии». Идея этой конференции была подсказана Р. Ш. Ганелиным. Это была реакция на прекращение существования в 2008 г. Института повышения квалификации преподавателей по общественным наукам, это по-старому, а по-новому Гуманитарного института при университете. Это была площадка, где мы регулярно встречались и проводили очень интересные семинары — теоретические, методологические и методические.

Рафаила Шоломовича Ганелина и Бориса Васильевича Ананьича — а мы работали вместе на кафедре у Гоголевского в Гуманитарном институте — закрытие института очень беспокоило, и они предложили, чтобы я воссоздал такую площадку на базе Электротехнического университета («ЛЭТИ») (институт для гуманитариев экзотический), потому что здесь это было просто легче сделать с точки зрения материальной, организационной.

Я долго-долго отнекивался, потому что не видел в этом особого смысла, но в 2012 г. они меня убедили, тогда отмечали 95-летие Революции. Было понятно, что что-то надо делать, чтобы подготовиться к столетию Русской революции. В 2012 г. мы провели первую конференцию, она была посвящена русской революции в целом, издали первый сборник. В 2013 году мы провели конференцию, которая была посвящена Гражданской войне, 95-летию начала Гражданской войны. В 2014 г., естественно, темой была Первая мировая война. В 2015–2016 гг. мы издали сборники, материалы которых тематически охватывали и начало XX-го, и конец XX века. Вот с таким запасом, уже многому научившись, мы подошли к 2017 году.

Эти конференции нам всегда помогали организовывать наши бесценные члены Оргкомитета, прежде всего Н. Н. Смирнов, представляющий Санкт-Петербургский Институт истории Академии наук, М. В. Ходяков — кафедру Новейшей истории России Института истории СПбГУ, профессор А. Б. Николаев — РГПУ им. А. И. Герцена. И, естественно, ЛЭТИ как материально-техническая и интеллектуальная база.

В этом году мы затеяли необычный проект. Его идея родилась летом 2016 г., когда у профессора Б. И. Колоницкого в Европейском университете мы провели большой интересный международный коллоквиум. На этой конференции я говорил об этом проекте, который должен был называться «Февральская революция», и приглашал западных участ-

ников принять в нем участие. Мы решили ограничиться только этой темой и попытаться провести своеобразный мозговой штурм, попросив ответить на вопрос, что собой представляет новейшая историография Февральской революции. Наверняка вы заметили, что многие историки вообще в своих трудах предпочитают прямо не формулировать свое общее понимание этого события, это можно прочесть между строчками. Большинство предпочитает заниматься частными сюжетами.

Чтобы добиться четких оценок, мы решили составить вопросник из десяти пунктов, который заставил бы всех, кто отвечает на эти вопросы, изложить свое мнение по всем ключевым вопросам Февральской революции. Над этим вопросником работал я, а Александр Евгеньевич Рабинович, согласившийся быть куратором проекта, отредактировал его, с тем чтобы сделать приемлемым для наших зарубежных коллег. И по списку, составленному им же, мы разослали эти вопросы ведущим западным ученым. Мы получили одиннадцать ответов от зарубежных коллег: это два ответа из Японии, в том числе профессора Х. Вада, одного из патриархов, крупнейшего японского слависта, один ответ из Великобритании, остальные — в основном от профессоров американских университетов. С российской стороны к участию приглашали персонально только тех авторов, которые нам были интересны. Мы приглашали как маститых специалистов, так и относительно молодых авторов. Среди них есть и молодые, до тридцати лет, но в основном, конечно, это ученые в возрасте сорока-пятидесяти лет.

Мы задавали вопросы и давали три-четыре варианта ответа. Последний вариант — «иное»: если с нашими предложенными вариантами кто-то не соглашался, то он имел право изложить в ответе иное мнение. Например: Как вы оцениваете направленность процессов социально-экономического развития России накануне Первой мировой войны? Один вариант ответа: «Шел процесс нарастания социально-политической нестабильности». Второй вариант: «Шел процесс нарастания социально-политической стабильности». Третий вариант ответа: «Процессы шли противоречиво, определить доминирующую тенденцию невозможно». Четвертое: «Иное». И вот так по всем вопросам. Спектр полученных ответов оказался очень интересным. В итоге оказалось, что нет ни одного пункта в трактовке истории Февральской революции, по которому наблюдалось бы полное единодушие современных историков. Но какие-то доминирующие мнения все же есть.

Я сделал экспресс-анализ всех ответов на вопросы, он во втором разделе сборника. Это действительно экспресс-анализ, потому что времени было мало, ответы как всегда присылались не очень дисциплинировано. Не беру на себя смелость выносить какие-либо суждения по поводу позиций участников: свою позицию я изложил и дал всем участникам изложить свою собственную. Мы сделали русский перевод, но, поскольку во всяком переводе некоторые нюансы теряются, для англоязычных авторов мы дали два текста: на английском языке

и русский перевод. А тексты зарубежных авторов, которые прислали ответы на русском, мы дали практически без правки, исправив только явные опечатки. Но точная позиция автора представлена, и она вполне понятна. Кроме вопросника в сборнике есть ряд статей, которые, надеюсь, тоже будут интересны.

На разосланные в Москву и за рубеж электронные версии изданного по итогам проекта сборника нам прислали самые положительные рецензии, многие высказали предложение, чтобы на следующий год мы запланировали конференцию, посвященную столетию начала Гражданской войны в России (я датирую это событие летом 1918 года). Мы проведем конференцию, видимо, в мае 2018 г., и скорее всего частью этой конференции также будет вопросник, который на этот раз охватит все основные вопросы Гражданской войны в России. Мы выберем специалистов, я надеюсь, что Александр Евгеньевич Рабинович мне опять в этом поможет, и сделаем конференцию международной, хотя для многих она будет заочной.

А. Е. Рабинович: Мне остается только поздравить Владимира Валерьяновича с успешным завершением проекта, мой вклад в этот проект относительно небольшой, но принять участие в нем было честью для меня. Я бы хотел подчеркнуть вот что: я впервые участвовал в обмене между американскими и русскими учеными в 1963, 1963—1964 гг. С тех пор я сюда приезжаю каждый год. Я наблюдал, как постепенно расширялись связи между иностранными и русскими историками, иностранными и советскими историками. Я не первый раз выступаю в этом зале: пятнадцать, шестнадцать лет тому назад здесь выступал, хотя тогда зал не выглядел так шикарно.

Е. Г. Артёмов: Мы старались.

А. Е. Рабинович: Я с удовольствием приехал опять. Отношения между нашими странами очень конфликтные, очень сложные, очень трудные. Я сердечно благодарю Владимира Валерьяновича за то, что он пригласил меня, иностранных историков принять участие в опроснике. Для меня это было очень трогательно, очень ценно. Мне кажется, что мы все, американские историки, англичане, французы и русские, должны сделать все возможное, чтобы поддерживать наши связи, постараться дать возможность молодым ученым-историкам работать у нас и наоборот. Мы также должны вместе работать над тем, чтобы сохранить и поддерживать ваши архивы, которые важны не только для вас, но и для нас. У нас общие интересы в одних и тех же архивах, мы должны поддерживать библиотеки, в том числе Публичку. Еще раз благодарю за возможность снова участвовать в конференции здесь, в Петербурге, и большое спасибо Владимиру Валерьяновичу за все, за его работу, за теплые отношения и дружбу.

Е. Г. Артёмов: Александр Евгеньевич, подождите минутку. Мы хотим от имени музея вручить Вам два наших издания: одно посвящено столетию коллекции музея. Эта книга, посвященная судьбе музея,

судьбе коллекции, альбом и каталог. И наконец, каталог, посвященный 100-летию Революции.

А. Е. Рабинович: Огромное спасибо! (*аплодисменты*).

А. О. Вербовой: Я хотел бы сказать пару слов по поводу доклада Николая Николаевича Смирнова о Февральской революции, ее причинах, ну и о том, что привело к ней. Вы озвучили версию, как я понял из Ваших слов, что основной причиной Февральской революции была продовольственная проблема в Петрограде и Москве. И если бы не эта проблема, когорта заговорщиков и отсутствие императора в Петрограде, то революции можно было бы избежать. Я считаю такое утверждение, мягко говоря, не совсем правильным. У меня лично сложилось другое мнение о причинах Февральской революции на основании работ, которые я читал: это работы Старцева, Бурджалова и ряда других авторов.

Почему вообще произошла Революция, каков был ее основной лозунг? Это «Долой войну!», и самое главное «Долой самодержавие!» Возникает вопрос: а почему появился лозунг «Долой самодержавие!»? Этот лозунг был еще до 1901 г., в первой революционной ситуации, в период Обуховской обороны, да и в годы Первой русской революции рабочие его активно поддержали. Почему «Долой самодержавие!», чем так монархия прогневила народ? А ответ в ситуации на Дальнем Востоке. Не монархия как таковая «прогневила» народ. Это очень важно, потому что сейчас вновь обсуждаются данные темы. Проблема в том, что был сословный строй, когда представители одного сословия имели объем прав даже не значительно, а принципиально бóльший, чем представители другого. И вот этот диссонанс в правах подорвал экономическую ситуацию. Когда 80 % населения урезано в правах, тем самым они поражены и в их экономических правах, так или иначе они не участвуют в экономической жизни, а это подрывает экономику. И если на протяжении 300 лет с XVII по XX в. такая система могла существовать, то только потому, что такая же система существовала во всем мире. Сословное общество было не только в России, оно было во Франции, в Германии и в других странах. Но в условиях XX в. сословный слой в других странах стал разрушаться, и это обеспечило рост экономики. А в России он сохранялся. И поэтому, собственно говоря, возникла экономическая проблема, которая катализировала революционную ситуацию. Надо отдать должное, именно народ, сыгравший главную роль во всех трех революциях и их событиях, понял, что надо убирать сословное общество, сословное деление, чтобы у всех были одинаковые права и социально-экономические возможности. А выход увидели в сложившейся ситуации только один — в свержении самодержавия.

Самодержавие не было для народа раздражителем номер один. Но оно было тем, что порождало сословный строй, потому что опиралось на дворянство, которому сословный строй был нужен. Мы же все помним знаменитое утверждение А. Толстого в «Хождении по мукам», ко-

гда после Революции представители дворянства заявляли: «Как так, это что, мы сейчас должны считаться с простолюдниками?» В этом и была причина революции. Понимая это, мы можем понять, почему случился Октябрь. Потому что в Феврале монархию свергли, но сословное общество, сословное деление осталось. И самое главное, не была решена проблема, которая является актуальной и в наше время: не было равенства перед законом представителей всех сословий. Очень важно, что буквально через месяц после прихода к власти Ленин издает декрет об уравнивании в правах перед законом всего населения.

Кроме того, не была разрешена проблема с войной, которая, собственно говоря, и породила голод. И надо отметить, что голод был не только и не столько в Петрограде и в Москве, а от голода, порожденного Первой мировой войной, страдало почти все население страны. Если мы не будем учитывать все это, рассматривая проблемы Февраля и Октября, мы повторим ошибку, считая, что самая главная вина в заговорщиках, Керенском, в масонстве и в том, что в Петрограде не было булок. Это я считаю очень важным аспектом в понимании событий Великой Русской революции.

М. М. Сафонов: Мне очень понравился доклад Владимира Валерьяновича Калашникова. Если я правильно понял, периодизация играет примерно такую же роль, как у картежников, которые, садясь играть в преферанс, вначале договариваются, что они играют: сочинскую или московскую, и в зависимости от того, как они договорятся, такой и будет игра. И в общем периодизация носит этакий схоластический характер. Она полезна для изучения историографии, поскольку показывает, как, что и когда выдвигалось на первый план, но несколько не продвигает нас вперед в понимании того, что действительно происходило.

Очень интересный доклад Андрея Борисовича Николаева поставил вопрос о легитимизации Временного правительства. Я этим вопросом занимался и должен рассказать один очень интересный факт. Не знаю, известно ли Борису Ивановичу Колоницкому, я не видел его книжку о Керенском, но я ему хотел задать несколько вопросов. Известны ли ему такие факты? 5 марта 1917 г. Керенский приехал в Правительствующий Сенат, где Первый департамент рассматривал акты отречения Николая II и отказ Михаила. И вот сенатор С. Б. Врасский, первоприсутствующий, выразил ему глубочайшую благодарность за то, что они в такой короткий срок восстановили законность и порядок в стране, в любимой Родине, как он выразился, который является залогом процветания. И Керенский ответил, что он обязательно Временному правительству это передаст, а Врасский еще добавил, что они полностью в распоряжении новой власти. И Керенский заявил, что он счастлив, что именно он принес эти акты в Сенат, созданный гением Петра Великого для сохранения законности и порядка, и добавил, что это акты первостепенной важности, публикация которых довершит упразднение старого государственного строя.

Можно сказать, что произошел обмен любезностями. Сенаторы, выражаясь языком современной молодежи, «прогнулись» перед Временным правительством, заявляя о «полном распоряжении», потому что они являлись важнейшим элементом той системы, которая упразднялась. Они думали не только о вчерашнем, но и о завтрашнем дне. Эти акты были опубликованы, но где? В «Вестнике Временного правительства». Временному правительству не нужен был свергнутый Николай, ему нужен был добровольно отрекшийся, сложивший с себя полномочия царь. Вопрос легитимности был очень важен. Насколько соблюдалась законность того режима, в рамках которого это отречение произошло? Во всяком случае, требовалась печать министра юстиции. Нет там никакой печати. Публикация, после которой документ становился законным, состоялась в «Вестнике Временного правительства» от 5 марта. В тот же день был опубликован акт отречения с датой «2 марта, 15 часов 5 минут». Далее публикуется факсимиле акта с разрешения министра юстиции Керенского. Что происходит дальше? Акт, который был в Сенате, передается обер-прокурору Г. Е. Старицкому, он пишет расписку, а после 1 сентября, когда Россия стала республикой, сенатор М. А. Дьяконов передает в Библиотеку Академии наук оба акта вместе с распиской, и они там хранятся в конверте с грифом «секретно» до 1929 г., когда началось «академическое дело». Тогда этот акт всплыл, и там мы видим совершенно другую дату: «2-го марта 15 часов 1917 года», и в дате подтирка. Спрашивается, какой акт принес и предъявил сенаторам Керенский? тот, который был с подтиркой, либо тот, который был опубликован и воспроизведен факсимильно? Вынужден сказать, что акта с датой «...15 час. 5 мин.» не существует. До нас дошли только фотокопия и факсимиле. И несмотря на фразу о законности и порядке, все, что произошло, определено и фактически являлось беззаконием. Это очень важный момент. Мы говорим о дате отречения в Пскове на вокзале в 15.05, но в сборнике материалов об отречении оно помечено временем 15.00, а на обложке: в 15.05. Два акта с разными датами. Вы пишете завещание, но получить что-либо по завещанию с подтертой датой невозможно. Как было свергнуто самодержавие? Это очень важный момент. Вопрос о легитимности правительства никем до этого не ставился, а Андрей Борисович Николаев был первым.

Что касается доклада Николая Николаевича, он мой начальник (смех в зале), я позволю себе воздержаться, но скажу, ограничивая себя, что если все дискуссионные проблемы освещать, нам не хватило бы и двух дней. Только два слова скажу по вопросу, который не является дискуссионным, но который не изучен, — это вопрос о роли Балтийского флота в отречении Николая. В борьбе за власть между Родзянко и Алексеевым очень важную роль играл морской министр Григорович. Он оставался в тени, но играл очень важную роль, претендуя на место на политическом Олимпе. И второй вопрос — вопрос

о роли спецслужб в отречении. Буквально десять дней назад в этом зале я делал доклад «Спецслужбы и отречение Николая II». Андрей Борисович сделал очень важное наблюдение по поводу создания группы контрразведчиков в Таврическом дворце, которую информировал Главный морской штаб, а адмирал Непенин транслировал эту информацию в Могилев. И Алексеев стал жертвой искаженной информации. Не учитывая это, мы никогда правильно не сможем понять, что в Пскове произошло 2 марта 1917 г.

И. М. Сапронов: Я бы хотел коснуться доклада Владимира Валерьяновича Калашникова, одного из самых интересных и содержательных, которые сегодня прозвучали. Если я правильно понял, предложенная периодизация Февральской революции основывается, во-первых, на книге П. Н. Милюкова, а значит, на либеральной историографии. Следующий этап периодизации — сталинистская историография, поворот 1930-х гг., и затем уже «могильная плита» в трех томах академика И. И. Минца, которая легла и под себя подмяла изучение истории Революции. Отсюда, соответственно, появляются даты 23 февраля, 27 февраля, и период создания Временного комитета Государственной Думы как ключевого пункта, вокруг которого и идет основная дискуссия относительно того, когда же началась Февральская революция.

Хотел бы заметить, что предается забвению историография 1920-х гг., работы участников Февральской революции, во-первых, Василия Каюрова, Александра Шляпникова и, наконец, Владимира Ивановича Невского. Именно в их работах были представлены интереснейшие и важнейшие элементы, в том числе методологического характера, освещавшие события самого начала революции. Основываясь на ситуации в «красном поясе» Петрограда, в рабочих районах города, я склонен трактовать начало Революции 23 февралем 1917 г., Международным днем работницы. Документы трех фабрик Товарищества Невской ниточной мануфактуры, располагавшихся в трех различных частях города, в «красном поясе» Петрограда, позволяя сделать вывод о том, что Революция началась именно 23 февраля.

В. В. Чурзин: Хотел бы кратко сказать о некоторых проблемах, затронутых и незатронутых. Первая — отречение. Был поставлен вопрос о сословном строе как препятствии для ликвидации самодержавия. В действительности же само самодержавие сословный строй упразднило, потому что шло и «одворянивание» буржуазии, и обратный процесс: «обмещанивание» дворянства. Офицерский корпус к 1917 г. был уже в значительной степени не дворянский. И дворянство действительно в какой-то мере потерпело военное поражение в этой войне. Само отречение Николая II можно в этом контексте рассматривать как поражение дворянского класса в России, и естественно, другие классы должны были занять его место.

Второй момент, относительно победы, украденной победы. В докладах В. В. Калашникова и Н. Н. Смирнова этот вопрос или обойден, или

представлен несколько схематично. Действительно, Антанта уверенно шла к победе, и Россия как часть Антанты должна была разделить славу этой победы. Для самодержавия было важным довести дело до победного конца. Контрнаступление русской армии, подготовленное летом 1917 г., когда армия была достаточно укомплектована и боезапасом, и офицерским составом, должно было неизбежно быть закончено победой. А. Гучков и компания, Центральный Военно-промышленный комитет «прокачивали» госбюджет и фактически разворовывали его, потому что основным поставщиком оставались казенные предприятия, а не Военно-промышленный комитет.

Рабочая комиссия Военно-промышленного комитета была прообразом Советов, которые возникли в феврале. Это тоже гучковское детище, и можно сказать, что нити управления заговором находились в руках Гучкова и компании. Они обогатились на военных поставках, в случае победы им пришлось бы отчитаться о недобросовестном отношении к своим обязанностям. Они сделали ставку на то, чтобы освободить себя от этой обязанности и взять власть. И поэтому заговор, который лежал в основе Февральского переворота, был осуществлен заинтересованными лицами и доведен до конца именно в силу этого. Но контрнаступление было сорвано Февральским переворотом, и сразу после смены власти один из питерских генералов представил список из 150 крупных военачальников с тем, чтобы лишить их полномочий командовать войсками. И реакция Алексеева на этот список, поскольку он был реализован на деле, эти люди были отстранены от командования. Боеспособность армии была занижена, и контрнаступление не должно было состояться. И военные говорили об этом Временному правительству, а Временное правительство настаивало, потому что ему нужно было сделать вид, что оно контролирует ситуацию. В результате летнее наступление, которое случилось при Керенском, потерпело поражение. У России была похищена, собственно говоря, в феврале месяце победа, к которой она шла. И поэтому Февраль рассматривался в офицерских кругах как предательство погибших в этой войне, потому что лишились смысла все потери, которые Россия понесла. Во имя чего? А во имя того, что начался великий передел. Речь идет о ликвидации помещичьей собственности и т. д. Поэтому мне кажется, что все-таки неправильно было бы недооценивать перспективы России в плане достижения победы в этой войне. И Черчилль об этом писал, и многие другие, а у нас почему-то к этой оценке другое отношение, непонятно почему.

А. О. Вербовой: Буквально два слова насчет сословного строя. Сословный строй не означает, что правит только дворянство. Если дворянство теряет некую позицию, то буржуазия ее занимает. Сословный строй сохраняется. Сословный строй значит, что у одного сословия больше прав, чем у другого. А кто будет этим сословием, это уже другой вопрос. Им может быть буржуазия, купечество, дворянство и так далее.

К. Янке: У меня такой вопрос, который сейчас может быть, не совсем подходит, но тема нашей конференции включает и память. Это мне дает повод задать вопрос. Я исхожу из одного замечания, которое Вы, Николай Николаевич, сделали в самом начале Вашего выступления. Вы считаете, что сейчас уже не существует никаких разных мнений в оценках событий между российскими историками и зарубежными. Я здесь полностью с Вами согласна и меня интересует Ваше мнение относительно памяти, воспоминаний. Существует ли разница в подходах между российскими историками и немецкими, или зарубежными другими, и если да, то какая? Для нас в Германии, конечно, это очень важная тема, она касается и нашей немецкой истории, поэтому у нас тоже много конференций, дискуссий. Но не только о событиях, потому что они, может быть, уже не спорные, но более об оценках и воспоминаниях, и как мы это сегодня оцениваем, какие выводы делаем и как мы можем это отражать и в музеях, и, конечно, на конференциях.

О. С. Поршнева: Я бы хотела заострить внимание на двух аспектах, которые, на мой взгляд, носят дискуссионный характер. Первый относится к тематике доклада Николая Николаевича и связан с вопросом о том, как большевики относились к идее однородного социалистического правительства. На мой взгляд, не следует переоценивать готовность большевиков всерьез разделить ответственность и поделиться властью, поскольку все-таки, наверное, в их политической программе, политической стратегии этот лозунг выполнял в большей степени тактическую функцию, поскольку между большевиками, меньшевиками и эсерами существовали коренные расхождения в стратегическом видении революционной борьбы, революционной перспективы. Если большевики полагали, что можно уже бороться за социалистический этап революционных преобразований, то меньшевики и эсеры полагали, что еще очень долго Россия будет развиваться на основе буржуазно-демократических начал. И, конечно, они расходились в методах преобразования. И Ленин это прекрасно понимал, и в то же время он вполне сознательно ориентировал на Гражданскую войну как путь реализации большевистской программы. Предлагая этот союз, это правительство, и Ленин, и многие его соратники полагали, что очень скоро развитие ситуации приведет к концентрации власти в их руках и поможет им укрепиться у власти. Почему можно это утверждать? Для этого надо смотреть на ситуацию после прихода к власти.

Когда большевики пришли к власти, например, на Урале уже зимой — весной 1918 г. Красная гвардия просто разгоняла так называемые «кулацкие Советы». Я знаю материалы по Уралу Народного комиссариата внутренних дел, а также многие воспоминания. «Кулацкими Советами» называли Советы, где путем голосования меньшевики и эсеры получали большинство. Началось насильственное изгнание меньшевиков и эсеров из Советов. Эта вакханалия насилия, злоупотреблений властью большевиками и стала одной из причин антиболь-

шевистских настроений в том числе в рабочей среде. Надо еще раз вернуться, может быть, на новом этапе историографического осмысления этой проблематики к вопросу об отношении к лозунгу однородного социалистического правительства.

Второй аспект касается доклада Андрея Борисовича Николаева по вопросу о двоевластии. После Февральской революции, региональные материалы показывают, на местах было многовластие. На Урале была создана система разнообразных органов, общественных органов самоуправления, прежде всего комитетов общественной безопасности, различных общественных советов, которые осуществляли власть, в том числе и в Екатеринбурге, после Февральской революции. В марте власть принадлежала Комитету общественной безопасности. Туда входили представители Советов и Временного правительства, конечно, при доминировании официальных органов Временного правительства. Это говорит о том, что ситуация с властью была еще сложнее. Если изучать эти региональные материалы, они показывают, что определенное время, в марте, а также отчасти в апреле, существовала на местах система многовластия. Этот вопрос также требует дополнительного исследования, и, прежде всего, с опорой на региональные архивные материалы.

В. В. Калашников: Я считаю, что Николай Николаевич прав и Ольга Сергеевна права. Почему? Если взять позицию большинства ЦК большевиков, то оно всю осень 1917 года, в том числе во время переговоров с Викжелем, было настроено на то, чтобы создать однородное социалистическое правительство. Желательно, с доминированием большевиков. Ленин, действительно, занимал особую позицию. Но его позиция не победила бы, если бы не ущербная позиция эсеров и меньшевиков. В ходе переговоров, которых потребовал Викжель, Ленину помог максимализм эсеров, которые говорили: «Создадим однородное правительство без Ленина и Троцкого, главные виновники революции, и вообще большевики не должны там играть ведущую роль». Если бы этой экстремистской позиции не было, я не знаю, чем закончился бы спор с Викжелем. Октябрьский переворот, сам по себе, вопрос о власти не закрыл. Вопрос о власти был закрыт, Николай Николаевич прав, только Третьим съездом Советов.

Теперь по поводу двоевластия, многовластия. Все зависит от того, какое содержание мы вкладываем в понятие «власть». Если мы говорим о государственной власти, то я считаю, абсолютно прав Андрей Борисович Николаев, который говорит, что с момента образования Временного правительства никакого двоевластия не было, потому что государственная власть принадлежала только Временному правительству. Советы рабочих и солдатских депутатов добровольно передали государственную власть в одни руки, и, хотя они выполняли какие-то государственные функции, формально они не претендовали на то, чтобы стать органом государственной власти. Если мы говорим о власти

как о политическом феномене, политической силе, то, конечно, было и двоевластие, и многовластие. Говоря о проблеме определения характера власти, хочу подчеркнуть важность тезиса Николаева о том, что в период решающих февральских дней существовала Советско-думская или Думско-советская власть, что более правильно. Это действительно историографическая новация Николаева — тезис о Думско-советской власти в период с 27 февраля по 3 марта.

Р. А. Хазиев: Первая ремарка относительно экономической составляющей, которая действительно имела место. Но, на мой взгляд, причины были более глубокие. Начиная со второй половины XIX в. Россия стала, не вся конечно, двигаться в сторону про-рыночного экономического развития. Сосуществование про-рыночной и постфеодальной экономик привело к тому, что к 1917 г. Россия представляла страну крайних контрастов: нарочитого богатства и безысходной бедности, могущества и слабости, отсталости и современности, деспотизма и очагов либерализма. Следовательно, в России наблюдалась своеобразная эклектика, когда воедино соединялись прогресс и отсталость, образованность и безграмотность. Сложившееся положение вещей фактически привело к расколу не только экономическому, но и социально-культурологическому. В рамках одного государства отмечалось двуязычие: у тех, кто говорил на литературном русском языке, не было коммуникации с теми, кто общался в своем локально-замкнутом, обыденном «мире», например, на крестьянском варианте русского языка. Когда «господа» приезжали в деревню, особенно в медвежьих углах, то деревенские «мужики и бабы» подсмеивались над ними, считая, что их литературно-выверенная речь — это какой-то «тарабарский язык», им селянам совершенно чуждый и непонятный. Данный процесс явно показывал, что в России имели место удручающие признаки раздвояния нации, т. е. наличие двух культурных кодов, которые, раскалывая страну, постепенно вели ее к социальному взрыву. Порой «миру-революции», особенно российской, дается «простое», а в реальности однолинейное объяснение. Здесь вольно или невольно возникает другая тема: наше восприятие и отношение к оценочным суждениям о сложнейших перипетиях «мира Великой российской революции» в фокусе транснациональной истории (transnational history), одним из постулатов которой как раз и является историографическая унификация «планетарного масштаба».

А. О. Вербовой: Хотелось бы ответить, я полностью с Вами согласен. Просто ввиду ограниченности времени у меня не было возможности рассказать о культурных аспектах и про изменения в культуре России в то время. Поэтому был взят основной вектор, но я согласен с тем, что элементы культуры играли важную роль во всей общественной ситуации, в первую очередь, духовной.

Р. А. Хазиев: Я даже могу сказать, что ментальный каркас разнорелигиозных россиян на момент начала революционных потрясений уже

явно был разноориентированным, что воочию говорило о таком грозном и неприятном явлении, как культурологическое расщепление нации.

Н. Н. Смирнов: Коллеги, позволю себе тоже ответить на вопросы, которые были затронуты в докладах и дискуссии. Я поступил довольно мудро. Посмотрите название того сообщения, которое я вам предложил. Я говорил о некоторых дискуссионных вопросах. Потому что на самом деле, и Михаил Михайлович здесь абсолютно прав, проблем настолько много, что в течение даже двухдневной сессии невозможно их все обсудить. Я не совсем согласен, когда недооценивается позиция большевиков по поводу создания однородного социалистического правительства. Я не согласен с тем, что это был хитрый ход, что Ленин якобы лукавил, когда предлагал идею создания однородного социалистического правительства во время работы Демократического совещания. Нет, он действительно был уверен в том, что в тот момент было возможно создание Демократическим совещанием однородного социалистического правительства, в котором, по мнению Ленина, большевики не должны были занимать решающую роль. В тот момент он был согласен даже на это. Но вспомните, уже 15 сентября он от этой идеи отказывается, он видит, что Демократическое совещание эту идею не воспринимает, не оценивает эту идею. Я скажу больше. Проблема затрагивалась и на VI съезде партии, посмотрите материалы съезда, когда обсуждалось снятие лозунга «Вся власть Советам!». Выступает И. В. Сталин и говорит о том, что вместо того, чтобы снимать лозунг «Вся власть Советам!», надо предложить Советам создание однородного социалистического правительства. Когда я в Париже рассказывал об этом на конференции, посвященной столетнему юбилею Великой Русской революции, там сказали: «да, мы знаем об этом, но это все еще стоит обдумать, это все еще стоит взвесить по-новому». Проблема однородного социалистического правительства на самом деле не такая простая, как может показаться.

По поводу двоевластия и многовластия. Андрей Борисович может подтвердить, что в перерыве я подошел к нему и сказал, что в принципе его идея правильная, но в то же самое время не нужно забывать о том, что власть в центре и власть на местах в 1917 г. отнюдь не была одним и тем же. И на самом деле реально в России в период от марта до октября 1917 г. существовало многовластие на местах и единовластие в центре. И всегда ли это центральное единовластие могло оказать соответствующее воздействие на многовластие на местах? Не всегда. На местах ситуация развивалась далеко не так, как это виделось из центра, как это виделось из Петрограда. Я думаю, что региональная история — это та история, которую еще нужно очень серьезно осмысливать. О том, что происходило на Урале, мы сегодня слышали. Я знаю со слов участников красноярской конференции о том, что происходило в Красноярском крае: там союз большевиков и представителей других социалистиче-

ских партий в Советах был реальным делом. И эта проблема рассматривалась совершенно иначе, чем даже в прилегающих к Красноярскому краю регионах. Здесь тоже есть о чем подумать.

Теперь общее и особенное в отечественной и зарубежной историографии. Да, конечно, в целом, мы преодолели невосприятие позиций друг друга и в значительной части оценок, которые мы относим к анализу Революции 1917 г., мы сегодня мыслим практически одинаково. Практически одинаково — это вовсе не значит, что мы достигли единомыслия, разница все же есть. Посмотрите, наше сегодняшнее пленарное заседание, даже оно показало, что не только у отечественных и зарубежных, но даже у отечественных историков на одни и те же проблемы существуют совершенно разные взгляды, совершенно разные подходы к их осмыслению, освещению. И это замечательно, так и должно быть. Революция — это событие, которое, чем больше времени будет проходить, тем больше нового мы в этой революции будем открывать. И это будут моменты, мимо которых мы проходили ранее.

Владимир Валерьянович затронул проблему периодизации Февральских событий 1917 г., Февральской революции. А вы помните, с чего я начал свое выступление? Я сказал, что 23 февраля — это пик в февральских событиях 1917 г. И этот пик 23 февраля начинается и 27 февраля подходит к своему логическому завершению, к созданию Временного комитета Государственной думы, образованию Петроградского Совета рабочих депутатов и одновременно к началу формирования Временного правительства. Вот четыре дня, в которые происходило то, что можно назвать Февральской революцией. Когда я говорю о другой периодизации, я говорю о начале развития революционной ситуации. Оно не укладывается в эти четыре дня, оно охватывает гораздо более широкие хронологические рамки. Со мной можно спорить, не соглашаться. И это тоже нормально. Чем больше мы будем спорить, тем больше мы узнаем о нашей Революции, о нашей истории. Да здравствует наш научный спор.

11 мая 2017 г.

Секция 1

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ,
ДВИЖЕНИЯ И КОММУНИКАЦИИ**

В. А. Рачковский, М. В. Фёдоров

В. И. Ленин и «Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов» в марте–апреле 1917 г.

История взаимоотношений политического деятеля и печатного издания в 1917 г. представляет определенный интерес и позволяет рассмотреть особенности использования СМИ в период резкого обострения политической борьбы. Особенностью отношений В. И. Ленина и «Известий» стало то обстоятельство, что при относительной неизменности его политической линии состав редакции и ее политическое направление претерпели за эти месяцы значительные изменения. Первоначально лицо редакции определялось участием в ней полубольшевистских, таких как В. А. Базаров, и откровенно большевистских, таких как В. Д. Бонч-Бруевич, публицистов. Б. А. Авиллов входил в это время в Исполнительный комитет Петербургского комитета РСДРП(б)¹. Близкую к ним позицию занимал руководитель «Известий» Ю. М. Стеклов, примыкавший тогда к внефракционным социал-демократам. Секретарем редакции работала большевичка П. Ф. Кудели. После усиления позиций соглашателей в Исполкоме Петроградского Совета и смены редколлегии с 12 мая у руководства редакции оказались меньшевики Ф. И. Дан и В. С. Войтинский², революционные оборонцы и сторонники коалиции с буржуазией во Временном правительстве, являвшиеся политическими противниками Ленина.

В первые дни после свержения царизма «Известия» служили Ленину, находящемуся в Швейцарии, источником информации о положении в России. Газета из Петрограда попадала в нейтральный Стокгольм, отсюда перепечатки из нее расходились по всей воюющей Европе. В это время в Петрограде продолжалась всеобщая забастовка, и «Известия», которые печатали добровольцы, собранные Бонч-Бруевичем, были единственным печатным изданием, выходившим в столице вплоть до 5 марта. Благодаря «Известиям» Ленин узнал о выходе первых документов Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Это позволило ему сделать анализ политического положения в России и действий основных политических сил страны в «Письмах из далека»³. Из перепечаток отдельных материалов «Известий» он узнал о выходе Манифеста ЦК РСДРП(б) и цитировал некоторые его положения в статье «О задачах РСДРП в русской революции»⁴.

¹ Петербургский комитет РСДРП(б) в 1917 году: Протоколы и материалы заседаний. СПб., 2003. С. 32, 155.

² Суханов Н. Н. Записки о революции : в 3 т. М., 1991. Т. 2, кн. 3/4. С. 192.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. М., 1969. Т. 31. С. 9–59.

⁴ Там же. С. 74.

Ленин осознавал важность позитивной информации о большевиках, распространяемой не только изданиями собственной партии. «Известия» идеально подходили для этой цели: весной 1917 г. газета пользовалась доверием революционных масс не только Петрограда, но и всей страны, имела значительный по тем временам тираж, в конце марта он составлял более 200 тыс. экземпляров⁵. Ленин высоко ценил, что в составе редакции работали несколько большевиков и близких к ним социалистов, пользовавшихся в издании значительным влиянием. Наиболее полезной для партии большевиков была деятельность В. Д. Бонч-Бруевича и Б. А. Авилова. Кроме партийных Ленина с Бонч-Бруевичем связывали тесные товарищеские отношения.

В «Известиях» был установлен порядок, в соответствии с которым все корреспонденции, помещенные в газете, публиковались как редакционные материалы без указания фамилии автора. Он возник в силу того, что в редакции работали представители различных политических партий и их статьи должны были восприниматься как политическая линия всего издания. Это позволяло трактовать все публикации газеты как позицию редакции и ее издателя — Петроградского Совета — по освещаемому вопросу. В связи с этим сложно установить авторство тех или иных публикаций, поскольку делопроизводство в газете велось плохо, и архив редакции в 1917 г. формировался довольно небрежно. До 12 мая состав редакции «Известий» был значительно левее, чем Исполком Петроградского Совета, это расхождение, поначалу почти незаметное, значительно усилилось с приездом в Петроград сторонников политики «соглашательства», известных социалистов И. Г. Церетели, В. С. Войтинского, Ф. И. Дана, А. Р. Гоца и др.

Именно благодаря известинским большевикам 5 апреля на страницах газеты появилась подборка публикаций о возвращении Ленина и еще 31 революционера из эмиграции. Являясь редактором и одновременно руководителем типографии, Бонч-Бруевич постарался наиболее выигрышно разместить материалы. На первой странице издания была помещена статья самого Бонч-Бруевича «Приезд Н. Ленина», в которой он описал сложность, с которыми столкнулись организаторы встречи вождя большевиков. Возвращение Ленина в Петроград пришлось на Пасху. Это помешало большевикам заблаговременно оповестить рабочих Петрограда, им пришлось использовать посыльных, объезжать рабочие кварталы. Воинские части и кронштадтские матросы были оповещены по телефону.

Известно, что между лидерами отдельных фракций социал-демократов существовали серьезные политические противоречия, которые зачастую перетекали в область личных отношений. Это сыграло свою роль и в случае с организацией встречи В. И. Ленина в Петрограде. По сложившейся традиции всем возвращающимся в Петроград лидерам

⁵ ГАРФ. Ф. 1244. Оп. 2. Д. 3. Л. 1.

революции организовывались торжественные встречи, что являлось признанием их заслуг, даже если к тому времени они отошли от активной деятельности или заняли крайне шовинистические позиции, как это имело место в случае с Г. В. Плехановым. По признанию Н. Н. Суханова, хорошо знакомого с политической кухней этой организации, вопрос о встрече Ленина вызвал внутренние сложности. Высшее руководство Совета не могло уклониться от участия в этом мероприятии, однако один из лидеров И. Г. Церетели наотрез отказался ехать на вокзал. Отбывать эту неприятную для него повинность пришлось руководителю Совета Н. С. Чхеидзе. «Дело было к вечеру. Уже пора было собираться на вокзал, ... папаша Чхеидзе, высоко подняв брови, крутил сокрушенно головой», — так описал сцену отъезда делегации очевидец⁶. Кроме того, Чхеидзе еще пришлось произносить приветственную речь в адрес приехавшего. Бонч-Бруевич поместил ее на первой странице «Известий» вслед за своей статьей. Не приходится сомневаться, что это не обрадовало Чхеидзе, хотя речь была сугубо официальной и произнес ее он в нарочито сухой манере. Сама речь и факт ее произнесения Председателем Петроградского Совета работали на авторитет Ленина и большевиков, к чему Чхеидзе явно не стремился.

После речи Чхеидзе было опубликовано заявление члена социал-демократической фракции 2-й Государственной думы А. Г. Зурабова в Исполком Петроградского Совета, в котором он описывал препятствия, чинимые интернационалистам, пытающимся проехать из Швейцарии на родину, и бездействие министра иностранных дел П. Н. Милюкова в этом вопросе. Весной 1917 г. Зурабов примыкал к меньшевикам-интернационалистам и столкнулся с этой практикой на собственном опыте. Вслед за его заявлением было помещено сообщение от имени 32 эмигрантов от различных политических партий, в том числе 19 большевиков и 6 бундовцев, разъясняющих причины, условия и обстоятельства проезда через территорию Германии.

Ленин был не первым и не последним лидером революционной партии, возвратившимся в Петроград после свержения самодержавия, однако ни до ни после «Известия» не устраивали подобного освещения аналогичного события. Особенно контрастно оно выглядело на фоне описания возвращения в страну после сорокалетней эмиграции основоположника марксизма в России Г. В. Плеханова, приехавшего за несколько дней до Ленина. Руководство Петроградского Совета придавало факту встречи Плеханова огромное значение. Вопрос об этом специально рассматривался на заседании Бюро Исполнительного комитета. Было принято постановление делегировать для встречи Плеханова Н. С. Чхеидзе, М. И. Скобелева, И. Г. Церетели, К. А. Гвоздева⁷, на тот момент наиболее авторитетных членов Петроградского

⁶ Суханов Н. Н. Записки о революции. Т. 1, кн. 1/2. С. 340.

⁷ Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Протоколы, стенограммы и отчеты, резолюции, постановления общих собраний, собраний

Совета от партии меньшевиков. Если материалы, так или иначе посвященные возвращению Ленина и интернационалистов заняли газетный лист с четвертью, то на долю Плеханова пришлось лишь две небольшие заметки, правда, помещенные на первой странице номеров за 1 и 2 апреля 1917 г. Информация о предстоящем приезде Плеханова, подготовленная редактором И. П. Гольденбергом⁸, сторонником оборонческого большинства в Петроградском Совете, не шла ни в какое сравнение с огромной статьей Бонч-Бруевича о Ленине. Так же разительно отличалось освещение торжественной встречи этих революционеров. В результате можно констатировать, что официальный «Таврический дворец» приложил огромные усилия по встрече Плеханова и получил ничтожный результат в виде двух маленьких публикаций, в то время как приезд их главного политического оппонента был освещен в официальном органе с беспрецедентным размахом.

Более того, редакция использовала приезд группы Ленина для привлечения внимания к проблеме возвращения интернационалистов и открытых нападок на министра иностранных дел П. Н. Милюкова, препятствующего этому процессу. Верстка первых страниц номера за 5 апреля создавала впечатление, что эту позицию разделяет и Исполнительный комитет, а это как минимум не вполне соответствовало действительности.

Всю операцию по подготовке и размещению пробольшевистских материалов осуществил Бонч-Бруевич, он воспользовался своим положением редактора и заведующего типографией «Известий» и в отсутствие остальных редакторов, согласовав свою статью только с Авиловым, пустил номер в печать. В редакции «Известий» поступок Бонч-Бруевича вызвал осуждение. «На другой день, когда моя статья появилась, все остальные редакторы “Известий” пожимали плечами и упрекали меня, будто я сделал что-то ужасное и недопустимое», — вспоминал позднее автор. Еще более резкой была реакция Исполкома: «...все эти меньшевики, богдановцы и им подобные, когда-то так много шумевшие, с озлоблением набросились на меня...»⁹.

Однако дело не закончилось руганью в кулуарах. В тот же день вопрос об «Известиях» был поднят на заседании Исполкома. Недовольство редакцией и ее политической линией зрело среди правого большинства давно. История с приездом Ленина стала последней каплей, переполнившей чашу терпения соглашателей, первым с нападками на редакцию выступил В. Б. Станкевич. Он заявил, что положение является нетерпимым: «В руках Совета влият[ельный] орган. Он расходится в 100 [000] экз., и мы этим рычагом не пользу[емся]. Он служит

секций, заседаний Исполнительного комитета и фракций 27 февраля — 25 октября 1917 : в 5 т. Л., 1991. Т. 1. С. 636.

⁸ ГАРФ. Ф. 1244. Оп. 2. Д. 25. Л. 264.

⁹ Бонч-Бруевич В. Д. Избр. соч. : в 3 т. М., 1963. Т. 1. С. 32.

только [для] расшатывания нашей позиции»¹⁰. Редакции была предъявлена масса претензий, но главная состояла в том, что издание не проводит линии Исполкома. В том, что поводом для разбирательства стал номер, прославляющий Ленина, подтверждает факт, что первым слово для объяснений получил Бонч-Бруевич, выпустивший скандальное издание¹¹. Объяснения редакции Исполком не принял, было решено пополнить состав «Известий» представителями его правого крыла, наиболее авторитетным из них был Ф. И. Дан.

Возмущенный реакцией на свой поступок как внутри редакции, так и на разбирательстве в ходе заседания Исполкома Бонч-Бруевич решил выйти из редакции. Перед уходом из «Известий» он решил посоветоваться с Лениным. Владимир Дмитриевич мотивировал свое решение осложнившимися условиями работы в редакции после пополнения ее состава сторонниками правого большинства. Руководитель большевиков не согласился с его аргументами и потребовал продолжать работу в обновленной редакции. Как вспоминал впоследствии Бонч-Бруевич, Ленин предупредил его: «Ни в коем случае не уходите сами. Нам важна каждая позиция. В “Известиях” мы все-таки можем кое-что помещать, печатая и статьи, и резолюции, и мы должны все это использовать»¹².

17 апреля Бонч-Бруевич напечатал передовую статью «Чего они хотят», в которой разоблачал организаторов травли большевиков, угрожавших физической расправой Ленину. По воспоминаниям автора, эта публикация вызвала резкое недовольство в Таврическом дворце¹³. Обеспокоенный сообщениями о погромной агитации против «Правды» и большевиков и подготовке прямого насилия над ними, он решил поднять этот вопрос в редакции «Известий» и в Исполкоме. Однако он не встретил понимания и желая прекратить травлю своей партии, более того коллега по редакции Гольденберг «с улыбкой иудушки сказал: “Что же тут удивительного? Что посеешь, то и пожнешь”...»¹⁴.

Бонч-Бруевич решил действовать сам, подготовил статью в защиту Ленина и показал ее Авилову, который заявил, что готов разделить ответственность за публикацию, хотя и имел разногласия с Лениным по ряду вопросов. Статья вызвала взрыв негодования и в редакции, и в Исполкоме. «Редакция “Известий” мне заявила, что это — скандал, что я поступил бестактно и вторично по одному и тому же поводу, — вспомнили мою статью о приезде Ленина», — писал мемуарист.¹⁵

Большевики использовали «Известия» с большой эффективностью, наиболее выигрышной в апреле стала тема возвращения политических

¹⁰ Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году... Т. 2. С. 40.

¹¹ Там же.

¹² Бонч-Бруевич В. Д. Избр. соч. Т. 1. С. 32.

¹³ Бонч-Бруевич В. Д. Воспоминания о Ленине. М., 1969. С. 87.

¹⁴ Там же. С. 37.

¹⁵ Там же.

эмигрантов из воюющей Европы. Для Ленина и большевиков она была важна по ряду обстоятельств. Каждое сообщение о задержке эмигрантов-интернационалистов, в той или другой стране, являлось дополнительным оправданием группы большевиков, приехавших через Германию. Поскольку травлей в печати большевиков занималась почти вся несоциалистическая печать, насчитывающая огромное число изданий и большие тиражи, привлечение в защиту своего имени любой газеты, тем более такой авторитетной для революционных масс, как «Известия», имело для большевиков большое значение.

Так, «Известия», под рубрикой «О возвращении русских эмигрантов» поместили интервью Милюкова, в котором он высокопарно повествовал о своих трудах в деле возвращения эмигрантов на родину, а ниже опубликовали открытое письмо к министру иностранных дел от депутата Зурабова, уличившего его во лжи. Когда Зурабову задержали визу Дании, он потребовал объяснений. Тогда ему в присутствии двух свидетелей в консульстве Копенгагена была показана телеграмма из Министерства иностранных дел России гласившая: «Соблаговолите поэтому не выдавать видов тем из эмигрантов, кто занесен в международно-контрольные и наши военно-контрольные списки». В заключение письма Зурабов писал: «После вашего заявления остается предположить, что телеграмма... оказывается не вашей, и она послана кем-то другим. Так ли? В ожидании ответа»¹⁶. Разъяснений Милюкова, понятно, не последовало.

«Известия» опубликовали сообщение об аресте группы русских эмигрантов в Галифаксе, в том числе Л. Д. Троцкого, Г. И. Чудновского, и протест Петроградского Совета по этому поводу, телеграмму Л. Мартова с протестом против действий английского правительства, задерживающих выезд группы интернационалистов на три месяца. Мартов разоблачил неуклюжие ссылки английских властей, оправдывавших свою медлительность погодными условиями и действиями германских подлодок. В заключение он отметил, что «для Плеханова, Кошена и других сторонников империализма, укрепляющих либералов против социалистов нашлись способы переправы»¹⁷. Эти публикации «Известий» настолько диссонировали с общим тоном публикаций столичной прессы, что Ленин опубликовал в «Правде» статью «Честный голос в хоре клеветников». В ней он характеризовал «Известия» как правдивую газету и призвал солдат и матросов читать ее¹⁸.

Отношение лидера большевиков к фигуре первого руководителя «Известий» Ю. М. Стеклову было весьма критичным. Если современники, исследовательская и мемуарная литература относили редактора к левому крылу социал-демократии, считали его интернационалистом,

¹⁶ Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 7 апр.

¹⁷ Там же. 11 апр.

¹⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 226, 235–236.

бескомпромиссным борцом с контрреволюцией, то Ленин придерживался другой точки зрения. Сразу по приезде в Петроград в беседе с Н. Н. Сухановым во дворце Кшесинской он охарактеризовал редактора «Известий» как соглашателя и оборонца, включив его в число трех наиболее вредных для революционного движения лидеров соглашательства наряду с Чхеидзе и Церетели. Все попытки Суханова убедить Ленина в обратном не увенчались успехом¹⁹.

Выступая с докладом на собрании большевиков, Ленин осудил Стеклова и Чхеидзе за резолюцию о войне, принятую 30 марта по докладу Церетели. Он прямо характеризовал его как оборонца, заявляя: «Один Либкнехт стоит дороже 110 оборонцев типа Стеклова и Чхеидзе²⁰. Главным грехом Стеклова против интернационализма в поддержку империалистической войны Ленин считал распространение Займа Свободы, который тот пропагандировал в «Известиях»²¹. Стеклов был вынужден выполнять постановление Петроградского Совета по этому вопросу, в то время как большевистская часть редакции манкировала указанием Исполкома.

Ленин активно разоблачал иллюзии, в плену которых находился в тот момент редактор «Известий», полагая, что он и Совет оказывают определяющее влияние на внешнюю политику страны. В качестве эпиграфа к статье «Война и Временное правительство» он противопоставил выдержки из речей Стеклова и министра иностранных дел Миллюкова об отношении к миру без аннексий. Пока Стеклов напыщенно утверждал о том, что Совет смог заставить Временное правительство отказаться от аннексий, Миллюков по сути дела дезавуировал прежние заявления Временного правительства. Он заявил, что правительство рассматривает тезис о «мире без аннексий» лишь как принцип, а условия мира могут быть выработаны лишь «в согласии с союзниками согласно лондонской конвенции», т. е. на основе грабительских тайных договоров. «Куда девался тот отказ “Временного правительства от аннексий”, которого “все-таки” добились от последнего Ю. Стеклов и Н. Чхеидзе?» — ехидно спрашивал автор статьи²².

За две недели с 10 по 24 апреля Ленин 25 раз упоминал имя редактора «Известий» в статьях и выступлениях. После этого он на полгода забывает о Стеклове до возвращения его в редакцию «Известий» после перехода власти к большевикам. Весь апрель Ленин характеризовал Стеклова как одного из ближайших сторонников соглашателей, в то время как они пытались отстранить Юрия Михайловича от руководства Советом и редакцией.

Отношения Ленина и газеты резко ухудшились после того как Исполком Петроградского Совета провел смену редакции. Первый состав

¹⁹ Суханов Н. Н. Записки о революции. Т. 2. С. 10.

²⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 106.

²¹ Там же. С. 169–170.

²² Там же. С. 212.

редакции был обвинен в том, что не разделяет политической линии Исполкома и не отражает ее на страницах газеты. В. Д. Бонч-Бруевич, Б. В. Авилов, В. А. Базаров, П. Ф. Кудели, Ю. М. Стеклов и другие покинули редакцию. Руководителем редакции стал Фёдор Ильич Дан, один из лидеров соглашательского большинства Исполкома.

После вступления правых социалистов во Временное правительство 5 мая 1917 г. и изгнания большевиков и интернационалистов из редакции «Известий» на заседании Исполкома 12 мая 1917 г.²³ издание в полной мере стало выражать линию эсеро-меньшевистского большинства Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Большинство современников окрестило ее правительственной газетой, эта характеристика в значительной степени соответствовала действительности. В. И. Ленин был одним из первых, кто упрекнул «Известия» за усвоение министерского тона²⁴.

Б. Б. Дубенцов: Изучали ли вы тематику тех статей, которые появлялись на страницах «Известий» в первые месяцы после свержения самодержавия? Чему они посвящены?

М. В. Фёдоров: Конечно. В первую очередь они были посвящены вопросам рабочего движения, особенно в первые месяцы. Очень подробно рассматривался вопрос о введении 8-часового рабочего дня. Причем здесь нужно отметить, что редакция газеты оказалась намного левее, чем Петроградский Совет и его Исполком. Это было связано с тем, что в составе редакции было довольно большое количество большевиков и людей, которые им более или менее сочувствовали. Потом эта часть редакции перешла в «Новую жизнь» М. Горького.

Очень подробно рассматривался вопрос о борьбе с контрреволюцией. Первые полтора-два месяца это была ведущая тема. Борьба с реакционным генералитетом. Ее возглавлял в первую очередь, конечно, Бонч-Бруевич. Известно, что генерал Н. В. Рузский прислал телеграмму о том, что нужно как-то упорядочить посылку агитаторов в Псков и на фронт. С его точки зрения, они деморализовывали войска. Результатом стала заметка Бонч-Бруевича, в которой он назвал Рузского контрреволюционером, борющимся с распространением революционных идей. Это еще больше усилило конфликт между генералитетом и Петроградским Советом. Генералы думали, что их обманули. Они соглашались на замену царя регентом, но, как известно, фактически получилась республика. Бонч-Бруевичу потом пришлось давать объяснения Исполкому. В редакции «Известий» сохранилось письмо Бонч-Бруевича, где он пытался объяснить свою позицию.

²³ Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году... Т. 3. С. 47.

²⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 60.

Несколько позднее, с середины марта, возник другой важнейший вопрос, который ранее находился на втором плане, — о прекращении войны. Мы помним, что «Известия» были печатным органом еще и солдатских депутатов, 80 % из которых были крестьянами. Для них земельный вопрос был важнейшим. Однако и этот вопрос был в «Известиях» на задворках. Писали о нем очень мало по сравнению с другими.

В первые дни после революции обсуждалась судьба династии. Писали о том, где содержать членов царской семьи. Обсуждалось предложение матросов перевести и их из Александровского дворца в морскую тюрьму в Кронштадт.

А. В. Бондаревский: В это время, как известно, через Бьюкенена шли переговоры об отправке царской семьи в Англию. Это как-то отразилось в печати?

М. В. Фёдоров: Достаточно сказать, что в печати были опубликованы сведения о том, где находится царь, как он будет воссоединяться с семьей, где он будет жить. «Известия» занимали очень жесткую позицию. Бонч-Бруевич привлек к работе Демьяна Бедного, который по этому поводу написал басню. Она заканчивалась словами о том, что желающим занять царский престол просьба не беспокоиться, так как «места» тоже нет. С точки зрения революционных масс монархия уже отменена.

«Присущие нашей партии качества — ум, знания, опытность, умение работать — обеспечили нам подобающее положение...»: партия народной свободы в революционном Петрограде (февраль–ноябрь 1917 г.)

В феврале 1917 г. Петроград стал эпицентром революционных событий — столичное партийное руководство и рядовые члены партии народной свободы оказались их свидетелями, а затем и непосредственными участниками, сыграв значительную роль в создании новых органов власти¹. Партийное руководство понимало, что если кадеты хотят быть «действительно влиятельной партией и внести свою лепту в совершающееся в России великое дело», то нужно «быстро и прочно сорганизоваться»².

Начиная с 7 марта практически ежедневно в газете «Речь» в новой постоянной рубрике «Партия народной свободы» для «сведения лиц, желающих вступить в партию, или членов партии, желающих восстановить связь» публиковались объявления с адресами районных бюро³. Вскоре были образованы новые комитеты за Нарвской заставой, в Новой Деревне и Невском районе⁴. К концу августа появились партийные группы в 12 городах и уездах Петроградской губернии и отдельный губернский комитет⁵.

Основная работа по организации митингов, лекций, партийных собраний, включая подготовительную работу по поиску помещений и рекламе, выпала на районные комитеты и их структуры. При Спасском районном комитете действовала особая фракция торгово-промышленных служащих, при комитете Петроградской стороны — учительская⁶.

¹ Подробно о деятельности петроградских кадетов в февральских событиях см.: *Архитов И. Л.* Российская политическая элита в феврале 1917: психология надежды и отчаяния. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2000. 332 с.; *Думова Н. Г.* Кадетская партия в период мировой войны и Февральской революции / АН СССР, Ин-т истории СССР ; отв. ред. В. Я. Лаврычев. М. : Наука, 1988. 244 с.; *Николаев А. Б.* Революция и власть: IV Государственная дума, 27 февраля–3 марта 1917 г. СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2005. 695 с.; *Шелохаев В. В.* Конституционно-демократическая партия в России и эмиграции. М. : РОССПЭН, 2015. 863 с.

² Съезды и заграничные конференции Конституционно-демократической партии : в 3 т. / отв. ред. В. В. Шелохаев ; сост. О. Н. Лежнева. М. : РОССПЭН, 2000. Т. 3, кн. 1 : 1915–1917. С. 363 (далее — Съезды и конференции).

³ Речь. 1917. 7 марта. С. 6.

⁴ Вестник партии народной свободы (далее — ВПНС). 1917. № 3. С. 13; № 11–13. С. 29; № 14–16. С. 22.

⁵ ВПНС. 1917. № 1. С. 30–31; № 2. С. 21; № 3. С. 19; № 14–16. С. 34, 46.

⁶ ВПНС. 1917. № 14–16. С. 22; 1918. № 6. Стб. 167–168.

Районные комитеты в своей работе сталкивались с рядом организационных и материальных трудностей. Так, в отчете Нарвского районного комитета отмечалось, что у группы не было собственного помещения ни для заседаний бюро, ни для общих собраний, что явилось «несомненным тормозом» ее деятельности, а районный комитет «ютился» в квартире одного из своих членов. Летом в помещении гимназии В. Н. Хитрово был открыт партийный клуб Нарвского района, но недостаток средств не позволил организовать его работу на постоянной основе⁷.

Уже 16 марта Петроградская городская группа провела, по нашим данным, первое с ноября 1909 г. делегатское собрание, на котором был избран новый состав городского комитета. Его председателем стал А. А. Корнилов. Собрание высказалось за создание в России демократической республики, поддержку Временного правительства и продолжение войны до победного конца⁸.

Агитация переживавших организационный ренессанс кадетов весной–летом 1917 г. в условиях «моды на политику» достигла небывалого размаха. Ею были охвачены рабочие, служащие, студенты и военные — все, кто мог стать опорой партии, претендующей на лидерство. Активная запись новых членов велась на собраниях, митингах, лекциях.

При городском комитете активно действовала агитационная комиссия под руководством Л. И. Жижеленко. Основной ее задачей стала пропаганда «здоровых основ государственной жизни». Комиссия должна была наладить распространение партийной литературы, в том числе среди крестьянства Петроградской губернии, организовать лекции и беседы по политическим вопросам в самом Петрограде. В апреле были открыты курсы по подготовке кадров ораторов и агитаторов. Агитационная комиссия координировала проведение митингов в разных районах, участие в митингах других партий, распространение воззваний и плакатов, для чего ежемесячно проводила совещания районных агитационных комиссий. Кроме того, в ее обязанности входило обеспечение лекторами и агитаторами 12 северных и западных губерний (Архангельской, Витебской, Вологодской, Вятской, Лифляндской, Минской, Могилевской, Новгородской, Олонецкой, Пермской, Псковской и Эстляндской)⁹.

После многолетнего перерыва на Французской набережной открылся партийный клуб. В его помещениях проходили лекции, заседания городского комитета и ЦК, располагался его секретариат. К услугам посетителей клуба был буфет с горячими и холодными закусками и чаем¹⁰.

По инициативе ЦК в Петрограде была образована литературно-издательская комиссия под председательством М. М. Винавера с от-

⁷ ВПНС. 1917. № 26–27. С. 11.

⁸ ВПНС. 1917. № 26–27. С. 10; Речь. 1917. 17 марта. С. 4.

⁹ ВПНС. 1917. № 14–16. С. 21.

¹⁰ ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 370. Л. 5.

делениями в разных районах города. Основными ее задачами стали издание научно-популярной и агитационной литературы, а также анализ книжного рынка и составление обзоров новейшей литературы по общественно-политическим вопросам, пополнение библиотек партийных клубов¹¹. Была приобретена за 800 тыс. рублей собственная типография — паровая скоропечатня П. О. Яблонского в Лештуковом переулке, переименованная на злобу дня в «Свободу» — издательская деятельность кадетов вышла на принципиально новый уровень¹².

К концу года было издано более 50 наименований партийных изданий общим тиражом более 3 млн экземпляров¹³. Эти многочисленные книги и брошюры знакомили массового читателя с историей партии, ее программой, вопросами избирательного права. Широкую известность получило издание программы партии в популярном изложении, подготовленное философом Н. О. Лосским, а также брошюра председателя Литейного районного комитета В. И. Добровольского «Почему я стою за партию народной свободы?».

В марте–апреле силами литературно-художественного отдела комиссии было отпечатано 22 наименования агитационных плакатов под заголовком «Свобода. Равенство. Братство»¹⁴. Тираж каждого из них составлял в среднем 300 тыс. экземпляров. Значительная часть тиража была отправлена на фронт и в провинцию¹⁵.

Возобновилось издание партийного еженедельника «Вестник партии народной свободы», рассчитанного скорее на интеллигентного читателя, появился и партийный орган для народа — газета «Свободный народ», а также журнал «ученической» фракции «Новь».

Столь активная издательская деятельность стала возможной благодаря хлынувшим пожертвованиям: например, один только директор правления крупного столичного страхового общества «Саламандра» Н. А. Белоцветов пожертвовал на нужды литературно-издательской комиссии 75 тыс. руб.

Лучшие партийные ораторы выступали на митингах, агитируя в пользу Временного правительства, стремясь укрепить его авторитет. Всего, по нашим подсчетам, силами городской и районных агитационных комиссий в марте–октябре 1917 г. кадетам удалось провести 31 митинг, не считая предвыборных собраний. Все митинги были довольно многолюдными. Так, во время митинга в актовом зале Александровского лицея 22 апреля пришлось прекратить доступ слушателей,

¹¹ ВПНС. 1917. № 1. С. 17.

¹² Шелохаев В. В. Конституционно-демократическая партия... С. 544.

¹³ Колоницкий Б. И. Печать и революция // Критический словарь Русской революции, 1914–1921 / сост. Э. Акстон, У. Г. Розенберг, В. Ю. Черняев. СПб.: Нестор-история, 2014. С. 378; Шевцов А. В. Издательская деятельность кадетской партии (1905 — середина 1918 г.): дис. ... канд. фил. наук. СПб., 1992. С. 69.

¹⁴ ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 775. Л. 1.

¹⁵ ВПНС. 1917. № 1. С. 18.

так как помещение уже не вмещало всех желающих¹⁶. Лейтмотивом кадетских выступлений стала пропаганда народного единства, войны до победного конца, необходимости охранять революцию от опасностей слева и справа, критика двоевластия. Их целью было показать нежизненность и утопичность идей левых партий.

Крупнейшая кадетская манифестация состоялась 21 апреля как ответ на манифестации против Временного правительства после так называемой «ноты Милюкова»¹⁷. Кадеты оценивали количество участников в несколько десятков тысяч человек¹⁸. Принципиально иным был расклад сил во время июльского кризиса, когда кадеты оказались неспособными организовать самостоятельные выступления в поддержку партии и правительства, а городской комитет лишь обратился к населению с призывом не участвовать в демонстрациях большевиков¹⁹.

Весной 1917 г. возобновили деятельность кадетские студенческие группы Петроградского университета, Политехнического института и Высших женских курсов²⁰. Они занимались организацией митингов и распространением партийной литературы.

В мае была создана кадетская фракция учащихся средних учебных заведений, насчитывавшая, по оценке ее председателя Д. И. Мейснера, до 750 человек²¹. Она состояла преимущественно из учащихся Тенишевского и Выборгского коммерческого училищ, но ее ряды пополнили и воспитанники военных учебных заведений, например, 1-го кадетского корпуса. Были созданы районные группы и ячейки в отдельных школах²². Осенью 1917 г. представитель фракции вошел в городской комитет с правом совещательного голоса.

Кадеты рассчитывали создать сеть партийных организаций в армии и на флоте. Так, в столице был создан Петроградский военный комитет во главе с В. Н. Пепеляевым. Комитетом был открыт клуб для солдат и матросов с библиотекой и лекционным залом²³. Кроме того, проводились лекции на разных площадках, а по госпиталям распространялась литература²⁴. В августе–сентябре 1917 г. в Петрограде состоялись две конференции членов партии из числа юнкеров военных училищ и школ прапорщиков²⁵. По некоторым данным, к октябрю кадетам уда-

¹⁶ Там же. С. 23.

¹⁷ Воспоминания Р. Г. Винавер, жены члена I Государственной думы М. М. Винавера // Архив еврейской истории / вступ. ст., подгот. к печати и коммент. В. Е. Кельнера и О. А. Коростелева. М. : РОССПЭН, 2012. Т. 7. С. 79.

¹⁸ ВПНС. 1917. № 1. С. 21.

¹⁹ ВПНС. 1917. № 8–10. С. 10.

²⁰ ВПНС. 1917. № 1. С. 27–28.

²¹ ВПНС. 1917. № 23. С. 11; ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 370. Л. 50.

²² ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 370. Л. 64.

²³ ВПНС. 1917. № 11–13. С. 24.

²⁴ ВПНС. 1917. № 4–5. С. 166; № 8–10. С. 23.

²⁵ ВПНС. 1917. № 14–16. С. 22.

лось создать 600 партийных ячеек в армии и на флоте²⁶. Налаживать контакты с солдатской массой на практике было нелегко: сказались и нехватка кадров для работы в незнакомой для партийных деятелей среде, и элементарное непонимание массами смысла как собственно кадетских речей, так и целей войны вообще, усугубляемое антивоенной социалистической пропагандой.

Точных данных о численности партии в столице в 1917 г. нет. В литературе традиционно суммарная численность кадетов Петрограда и Москвы оценивается приблизительно в 10–15 тыс. человек²⁷. Столь значительный диапазон можно объяснить тем, что списочный состав столичных групп в 1917 г. остается неизвестным. В распоряжении исследователей имеются сведения о численности лишь 5 районных организаций (Литейной, Московской, Петроградской стороны, Спасской и Нарвской) и двух студенческих фракций (Петроградского университета и Политехнического института)²⁸. Таким образом, с большой степенью вероятности, можно говорить лишь о 4476 членах партии в вышеуказанных 7 группах.

Нами введен в научный оборот список членов Литейной районной группы по состоянию на март-апрель 1917 г. — единственный известный на данный момент документ, содержащий списочный состав столичной партийной группы в пореволюционный период²⁹. Кадетские ряды уже пополнили военные: в состав Литейной группы (в отличие от городского комитета) вошли три офицера и 15 солдат Литовского запасного батальона. Стоит отметить отсутствие представителей рабочих и незначительное еще представительство студенчества. После снятия существовавших до революции ограничений партийные ряды пополнили служащие и чиновники, увеличилось количество женщин. Анализ персонального состава группы показал, что к 1917 г. «старые» кадры, вступившие в партию в первые месяцы ее существования, включая проживавших в этом районе известных кадетских деятелей (П. Н. и А. С. Милоковых, М. М. Винавера, В. И. и С. К. Добровольских, О. К. Нечаеву и т. д.), составляли лишь порядка 10 % от общего числа членов.

Таким образом, несмотря на все попытки кадетов создать в новых условиях массовую «надклассовую» партию, столичная организация не смогла преодолеть своего организационного пика весны 1906 г. и по-прежнему привлекала в свои ряды преимущественно представителей средних городских слоев.

²⁶ Съезды и конференции. С. 731.

²⁷ Астрахан Х. М. Большевики и их политические противники в 1917 г. (Из истории политических партий в России между двумя революциями). Л. : Лениздат, 1973. С. 187; В. И. Ленин и история классов и политических партий в России / Акад. обществ. наук при ЦК КПСС ; гл. ред. М. П. Ким. М. : Мысль, 1970. С. 257–258.

²⁸ ВПНС. 1917. № 1. С. 27–28; № 14–16. С. 22; № 26–27. С. 11; 1918. № 4. Стб. 120–121; № 5. Стб. 162; № 6. Стб. 162.

²⁹ ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 1180. Л. 1–4.

Одним из важнейших направлений деятельности Санкт-Петербургской организации кадетов стало участие в муниципальных выборах и выборах в Учредительное собрание на основе всеобщего избирательного права.

При городском комитете была создана муниципальная комиссия под руководством Б. Н. Костылева для выработки партийной платформы и руководства городскими выборами³⁰. Муниципальная программа столичного комитета была опубликована к началу мая³¹. Она провозглашала принципы децентрализации и максимальной независимости муниципалитетов от администрации. На первый план кадеты выдвинули жилищный и финансовый вопросы. Большинство кандидатов в прошлом были гласными Городской думы или имели опыт работы в учреждениях Всероссийского союза городов и Всероссийского земского союза³².

Районными муниципальными комиссиями были выработаны платформы деятельности в районных Думах, проводились митинги, распространялись плакаты, воззвания, листовки, были открыты юридические консультации по вопросам городских выборов. Партийные листовки призывали выбирать кандидатов «с организаторской складкой и со специальными познаниями», «защитников правопорядка от анархии», т. е. кадетов. Большие надежды партия народной свободы возлагала на женщин, выпустив для них специальное воззвание³³. Кроме того, кадетам удалось провести как минимум 14 митингов и активно использовать кинематографы³⁴.

Подготовка к выборам в Учредительное собрание в Петрограде и Петроградской губернии осуществлялась агитационной комиссией под непосредственным контролем ЦК. Ему предоставлялись полномочия выдвижения определенного числа кандидатов, включение которых в партийные списки было обязательным для местных комитетов.

В Петрограде кадеты заключили техническое соглашение с Всероссийским торгово-промышленным союзом, а в Петроградской губернии — с Союзом православных приходов, но выдвинули самостоятельные списки. Столичные кадеты составили список с явным расчетом на интеллигенцию и учащуюся молодежь, включив в него известных общественных деятелей и ученых, преподавателей высших учебных заведений³⁵. В губернский список вошли руководители городских и уездных партийных организаций³⁶.

³⁰ ВПНС. 1917. № 3. С. 9–10.

³¹ Муниципальная программа Петроградского городского комитета Партии народной свободы. Пг. : Лештуковская паровая скоропечатня П. О. Яблонского, 1917. 4 с.

³² ВПНС. 1917. № 14–16. С. 22–24.

³³ ВПНС. 1917. № 17–18. С. 12.

³⁴ ВПНС. 1917. № 3. С. 10.

³⁵ ВПНС. 1917. № 23. С. 10.

³⁶ ВПНС. 1917. № 26–27. С. 7.

В Петрограде различными партийными структурами было выпущено 34 наименования воззваний и листовок, адресованных различным группам избирателей (в том числе евреям, солдатам и матросам, крестьянам, кооператорам). Одним только Петроградским районным комитетом было распространено «несколько десятков пудов» плакатов и воззваний³⁷. 18 октября, в день 12-летия партии, в Петрограде прошел настоящий «кадетский день» с многочисленными собраниями³⁸. Деятельную помощь городскому комитету в предвыборной агитации оказывала «ученическая» фракция³⁹. Кадеты вновь рассчитывали на то, что они как «люди дела» будут поняты обывателями, уставшими от революционных потрясений. Исследователи отмечают падение авторитета кадетов, превратившихся в сознании обывателей во «врагов революции», после корниловского мятежа⁴⁰. Это осложняло попытки привлечения на свою сторону демократического электората.

Значительно хуже шли дела в губернии, где партийные организации были слабы или отсутствовали вовсе. Кадетам удалось выступить с циклом лекций по основам всеобщего избирательного права и об Учредительном собрании⁴¹. Шлиссельбургским уездным комитетом была бесплатно разослана по местным социально значимым учреждениям партийная литература, преимущественно по аграрному вопросу⁴². Устная агитация почти не проводилась. Между тем в Гдове солдаты срывали кадетские плакаты, а в Любани агитаторы эсеров убеждали избирателей в том, что проголосовавшим за кадетов не дадут хлеба. В ряде мест имел место подкуп избирателей⁴³.

После прихода к власти большевиков столичному комитету удалось полулегально выпустить 10–12 ноября три номера газеты «Борьба» по 150 тыс. экземпляров. Однако в Адмиралтейском районе несколько гимназистов были задержаны красногвардейцами якобы за заклею кадетских плакатов кадетскими, а в помещении бюро Коломенского районного комитета был совершен обыск⁴⁴.

Партия народной свободы усилила свои позиции, получив 26 % голосов — чуть больше, чем на муниципальных выборах — и четыре депутатских мандата⁴⁵. В Петроградской губернии удалось провести

³⁷ ВПНС. 1918. № 6. Стб. 165.

³⁸ Там же. Стб. 164.

³⁹ ВПНС. 1918. № 1. Стб. 122.

⁴⁰ *Думова Н. Г.* Кадетская партия... С. 204; *Стирин Л. М.* Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX в. — 1920 г.). М. : Мысль, 1977. С. 252.

⁴¹ *Гаврилова О. А.* Петроградское земство на выборах в Учредительное собрание (по материалам «Петроградского земского вестника» за 1917–1918 гг.) // Вестн. СПбГУ. Сер. 2. 2007. № 2. С. 63.

⁴² ВПНС. 1917. № 24–25. С. 31–32.

⁴³ ВПНС. 1917. № 28. С. 21; Петроградский земский вестник. 1917. № 23. С. 290; № 27. С. 336.

⁴⁴ Наша Речь. 1917. 17 нояб. С. 3.

⁴⁵ *Протасов Л. Г.* Всероссийское Учредительное собрание: история рождения и гибели. М. : РОССПЭН, 1997. С. 206.

лишь одного кадета⁴⁶. Кадетская программа и персональный состав избирателей оказались чужды крестьянскому большинству электората.

После прихода к власти большевиков столичная организация кадетов была вынуждена уйти в подполье, а центр партийной жизни переместился из Петрограда в Москву, а затем на окраины страны. Декрет СНК от 28 ноября 1918 г. «Об аресте вождей Гражданской войны против революции»⁴⁷, де-юре запретивший деятельность партии, де-факто (в условиях развернувшейся Гражданской войны и неустойчивого положения советской власти) не мог обеспечить быстрой ликвидации кадетских структур.

Отсутствие поддержки широких слоев населения и неспособность кадетов предложить эффективные «антикризисные» меры сказались на популярности в столице, где их позиции были традиционно сильны. Язык «сотен тысяч специальных брошюр», изданных партией, был «более подходящим для салона на Невском проспекте, чем для фабрики или для деревни»⁴⁸.

Можно согласиться с Н. Г. Думовой и У. Г. Розенбергом в том, что центр партийной жизни в 1917 г. окончательно переместился в Петроград⁴⁹. Однако, как мы могли убедиться, Петроградское отделение ЦК было скорее генератором идей, рутинная же организационная работа и агитация легла на плечи городского комитета и его структур.

М. В. Фёдоров: Будьте добры сказать пару слов о финансировании партии в этот период.

Д. А. Тимохина: Денежные поступления шли от состоятельных представителей партийного руководства и отдельных лиц, к партии не принадлежавших. Кроме того, вновь (по примеру 1906 г.) кадеты вернулись к обложению членов партии членскими взносами. Размер взносов был незначителен, но в силу количественного роста партии (в Петрограде насчитывалось не менее 5 тыс. членов) кадеты могли рассчитывать на довольно значительные суммы — они шли в том числе на устройство партийного клуба. При этом районные и уездные партийные организации имели серьезные проблемы с поиском помещений для бюро, для заседаний комитетов, организацией митингов — на все нужды распределить имевшиеся суммы не удавалось.

⁴⁶ ВПНС. 1918. № 1. Стб. 32.

⁴⁷ ВПНС. 1917. № 28. С. 8, 10; Декрет об аресте вождей Гражданской войны против революции, 28 ноября 1917 г. // Декреты Советской власти : в 15 т. / подгот. к печати С. Н. Валк и др. М., 1957. Т. 1 : 25 октября 1917 г. — 16 марта 1918 г. С. 161–162.

⁴⁸ *Rosenberg W. G. Liberals in the Russian revolution.* Prinseburg : Prinseburg Univ. Press, 1974. P. 522.

⁴⁹ *Думова Н. Г. Кадетская партия...* С. 154; *Rosenberg W. G. Liberals in the Russian revolution.* P. 132.

П. Ю. Мажара: Вы не пытались проследить динамику численности партии: приток и отток кадров?

Д. А. Тимохина: На самом деле не только я, но и довольно большая группа исследователей (и советских, и современных), начиная с Х. М. Астрахана и заканчивая В. В. Шелохаевым, так или иначе занималась этим вопросом. Проблема здесь в наличии репрезентативных источников. Говоря о численности партии кадетов в Петрограде в 1917 г., мы имеем списочный состав, т. е. пофамильный список, только одной районной организации — Литейной группы. По остальным есть данные лишь об общем количестве членов. Можно выделить период так называемых «мартовских кадетов», значительный приток членов в том числе из бывших правых партий. И достаточно серьезный отток после так называемого «дела Корнилова». Еще больший отток наблюдался после прихода к власти большевиков. Но при этом можно отметить пополнение некоторых районных групп даже зимой 1917–1918 гг. Хотя оно уже, безусловно, было незначительным.

К. А. Тарасов: Мне попадались косвенные свидетельства о связи партии кадетов со знаменитой демонстрацией инвалидов в апреле 1917 г. Я хотел бы узнать, действительно ли такая связь была, и что вы можете рассказать об организации этой демонстрации?

Д. А. Тимохина: Мне также встречались свидетельства об этом и в «Вестнике партии Народной свободы», и в источниках личного происхождения. В частности, в неопубликованных воспоминаниях Дмитрия Ивановича Мейснера. Там говорится о том, что инвалиды участвовали в демонстрации кадетов в поддержку Временного правительства и продолжения войны, а также о том, какое впечатление они произвели на молодых членов партии, на гимназистов. Организацией демонстрации по поручению ЦК партии занимался столичный городской комитет. К сожалению, о том, как были привлечены к этой демонстрации инвалиды, мне ничего не известно.

А. В. Бондаревский: Подтверждаются ли сведения, что часть финансирования кадетской партии шла из Финляндии в обмен на обещание кадетской партии предоставить ей автономию?

Второй мой вопрос связан с самой постановкой проблемы в вашем докладе. Она несколько провокационна: «Присущие нашей партии качества — ум, знания, опытность, умение работать — обеспечили нам подобающее положение...». Присущее положение в данном случае — это задворки истории. Мы знаем, что «умом честью и совестью нашей эпохи» стала совсем другая партия. Может быть, это и произошло, поскольку кадеты считали, что их ум, знания и опыт дают им право возглавить страну, управлять парламентскими методами, что они смогут осчастливить страну. Но получилось совсем наоборот.

Д. А. Тимохина: Я начну с ответа на второй вопрос. Эта фраза Долгорукова — отправная точка для моих построений. В своем докладе, как мне кажется, я показала, что это априорное преимущество кадетов

не было использовано по многим причинам. Они оказались не готовы предложить антикризисные меры для решения ряда социальных проблем. Можно отметить в качестве проблемы политической язык кадетов, неумение общаться с массами. Это определенно сказалось на том, что они упустили возможность реализации либеральной альтернативы.

По поводу первого вопроса. Есть устойчивое мнение о финансировании финскими революционерами еще земского движения перед началом Первой русской революции, а также в межреволюционный период. Известен судебный процесс между газетой «Земщина» и газетой «Речь» по поводу обвинений последней в финансировании со стороны Финляндии. Тем не менее «Земщина» этот суд не смогла выиграть. Обе стороны остались неудовлетворенными. Документов, подтверждающих финансирование, нет. Фёдор Александрович Селезнев этим вопросом много занимался, но пока серьезных подтверждений этому не нашел. Вероятно, нужно больше обращаться к источникам с финской стороны.

И. М. Сапранов: Я бы хотел напомнить об источнике, который всем известен, — протоколы заседаний ЦК кадетов. В них без обиняков обсуждались проблемные вопросы, стоявшие перед партией. Мне кажется, через призму организационных вопросов можно выяснить очень интересные данные. В 1915–1916 гг. перед партией кадетов стояла вполне конкретная проблема. На заседаниях ЦК она была озвучена примерно так: «В народе нас не знают». Они обсуждали вопрос о том, что работают уже не первый год, а какого-то значительного влияния добиться все еще не удастся. Для решения этой проблемы планировалась присылка делегаций от ЦК для того, чтобы настроить механизм партийной работы и добиться каких-то результатов на местах. Но для того, чтобы послать в провинцию работников, не хватало денег. При этом называлась сумма в 5 тыс. руб., которая официально лежала в кассе партии кадетов к 1917 г. Примерно половина из нее была забронирована московской фракцией партии. Это означало: для того, чтобы выделить эти деньги московская организация должна была быть полностью согласна с линией, которую ЦК собирался проводить в регионах.

Д. А. Тимохина: Практика посылки партийных агитаторов и организаторов на места использовалась кадетами и в 1905–1906 гг., в период начала работы I Государственной думы. И подобная проблема, связанная с перемещением членов партии по стране, наблюдалась и позднее. Даже на партийные съезды иногда не могли приехать делегаты из регионов. В предреволюционный период в районных организациях кадетов бывали случаи, когда комитет оставался должен после проведения предвыборной кампании отдельным своим членам или просто сочувствующим партии. Но на определенных этапах находились люди, вроде князя Д. И. Бебутова, которые могли единолично обеспечить проведение избирательной кампании в целом городе (Петербурге), пожертвовав 25 тыс. рублей. Но такие находились не всегда и не везде.

Т. А. Абросимова

Рабочая молодежь Петрограда в 1917 г. (протестность и политические предпочтения)

Молодежь — одна из главных составляющих общества и для нее принципиально важно положение в обществе и влияние на жизнь страны в целом. Политически активная молодежь в 1917 г. чувствовала в себе реальную силу изменить принципы общественного устройства и трансформировать общество в сторону прогресса и дальнейшего развития. Молодые рабочие принимали непосредственное участие в революционных событиях 1917 г. Их настроение, поведение и политические предпочтения менялись по ходу развития революции и приближения к Октябрю.

Февральская революция произошла стихийно и с ошеломляющей быстротой. Царский режим, оказавшийся в полной изоляции, рухнул в течение восьми дней.

В февральские дни рабочая молодежь, вместе с восставшими, принимала непосредственное участие в боях с полицией, участвовала в захвате оружейных магазинов, вооружалась, освобождала арестованных из Крестов, везде была в первых рядах с революционно настроенными рабочими.

Успех революции принес необыкновенную легкость, казалось, все превратилось в граждан свободной страны, и была одна общая задача — построить демократическое свободное государство. Массы заметно активизировались. Началось создание советов, профсоюзов, фабзавкомов, матросских, солдатских, крестьянских, женских организаций и т. д. Именно эти массовые организации трудящихся обеспечивали дальнейшее развитие революции. Молодые рабочие также приступили к созданию новых объединений, которые можно характеризовать как массовые и самоорганизующиеся.

Уже в марте–апреле 1917 г. в Петрограде на заводских собраниях молодежи были созданы «Исполкомы фабрично-заводских учеников». Основной целью этих объединений была необходимость защиты своих экономических интересов, правового положения и ведение культурно-просветительной работы среди молодежи.

Организаторами стали в основном молодые рабочие разных заводов. Так, П. Михайлов — Петроградский оружейный завод, на заводах Айваз и «Русский Рено» — И. Чугурин, на Путиловском заводе — В. Алексеев, Н. Андреев, на заводе врачебных изделий — С. Прохоров и П. Смородин и т. д. Первые заводские организации молодежи, вспоминал П. Смородин, возникли в Выборгском

районе: «Вся молодежь Выборгской стороны организовалась в коллективы»¹.

13 апреля 1917 г. сформировался районный комитет молодежи Выборгского района. В исполнительный комитет вошли молодые беспартийные рабочие и представители разных партий. Председателем исполнительного комитета стал анархист М. Кузнецов, а его заместителем — меньшевик Г. Дрязгов.

В тот же день в столовой завода «Русский Рено» состоялось собрание рабочей молодежи, на котором одним из вопросов было проведение первомайской демонстрации². На собрании присутствовало 300 делегатов от предприятий как Выборгского, так и других районов Петрограда. Это собрание посетила Н.К. Крупская, и вместе с ней пришел представитель шведского союза молодежи. Н.К. Крупская описала обстановку в стране, обозначила задачи, стоящие перед молодежью, и призвала молодежь вступить в Интернационал молодежи³. Это предложение было поддержано собравшимися и принято решение о вступлении в Интернационал молодежи. На собрании молодые рабочие выдвинули лозунг «Пролетарии всех стран, соединитесь!». Обсуждались вопросы о 6-часовом рабочем дне для подростков, предоставлении избирательных прав 18-летним юношам и девушкам, участии молодежи в различных массовых организациях и возможность выхода на первомайскую демонстрацию отдельными колоннами. Решено было, для координации действий, создать Петроградский Всерайонный Совет из представителей районных организаций молодежи по 5 делегатов от района.

1 мая весь рабочий Петроград вышел на демонстрацию. Рабочая молодежь Петрограда шла во главе районных колонн со своими знаменами. На знаменах были лозунги: «Да здравствуют будущие борцы за свободу!», «Молодому поколению чужда вражда народов!», «Да здравствует III Интернационал!», «Знаний и света!», «Да здравствует защита детского труда!», «Избирательное право 18-летним», «За шестичасовой рабочий день для несовершеннолетних» и т. д.⁴

На митингах по пути к Марсову полю и на самом Марсовом поле перед молодежью выступали агитаторы и много молодых рабочих. Демонстрация явилась первым организованным выступлением петроградской заводской молодежи вместе со всем рабочим классом столицы. 11 мая на Марсовом поле состоялся общегородской митинг молодежи, на который его участники шли колоннами от районов. В основном это были подростки 13–14 лет, выступая, один из них закончил свою речь так: «Мы юноши, имея еще и опыт наших борцов-отцов, закончим их

¹ ЦГАИПД СПб. Ф. К-691. Оп. 1. Д. 88. Л. 5.

² Правда. 1917. 13 апр.

³ См.: *Крупская Н. К.* Петроградский союз рабочей молодежи летом 1917 г. // Юный коммунист. М., 1933. № 9. С. 45.

⁴ ЦГАИПД СПб. Ф. К-691. Оп. 1. Д. 140. Л. 20.

борьбу и добьемся социализма»⁵. Идея объединения все более овладевала широкими массами молодежи.

После 1 мая, под влиянием удачно проведенной демонстрации, оформление юношеских рабочих организаций в Петрограде пошло быстрее. В течение недели после демонстрации во всех районах города оформились районные молодежные комитеты, а на местах — заводские комитеты.

Первое заседание Петроградского Всерайонного Совета молодежи состоялось 14 мая на Выборгской стороне. Присутствовали делегаты от 9 районов Петрограда⁶.

Накануне заседания один из инициаторов объединения либерал П. Шевцов⁷ совместно с рабочими Выборгского района меньшевиком Г. Дрязговым, эсером М. Цепковым и анархистом П. Бурмистровым, подготовили манифест внепартийного, культурнического союза рабочей молодежи. Когда П. Г. Шевцову было предоставлено слово, он огласил этот манифест.

Молодежи предлагалось организоваться «не партийно, а на началах братства и просвещения»⁸. Манифест начинался словами: «Царизм свернут, капитализм рухнет, буржуазия трясется»⁹. Вновь создаваемой организации рекомендовалось поставить перед собой следующие задачи: создание школ грамотности, вольного университета пролетарского юношества, учреждение дома труда и самозащиты пролетарского юношества для усовершенствования во всякой специальности, учреждения литературного дома пролетарского юношества с типографией для издания собственной газеты, платных журналов и т. д.¹⁰

Многие собравшиеся прониклись озвученными П. Г. Шевцовым идеями совершенствования личности, стремлению к просвещению и «красоте жизни». Шевцов сумел увлечь молодых рабочих, Г. Дрязгов позднее писал: «он производил прекрасное впечатление. Поэт в душе, философ. Мечтатель по натуре. Действительно хорошо образованный,

⁵ Правда. 1917. 13 мая.

⁶ Петроградская пролетарская юношеская организация «Труд и Свет». Пг., 1917. Ч. 2. С. 10.

⁷ П. Г. Шевцов работал в благотворительном обществе «Попечительство о народной трезвости», ранее — в «Новой маленькой газете». «Маленькая газета» издавалась в Петрограде Торговым домом Н. В. Парфеньевой и К^о в лице А. А. Суворина. Сотрудники газеты создавали среди рабочих разные общества: «Маленький человек», общество «Самопомощи женщин» и т. д. В этих организациях призывали к классовому миру, к необходимости объединения всех классов для отражения внешнего врага. Один из сотрудников Н. Лебедев после конфликта с Сувориным организовал свою собственную «Новую маленькую газету», продолжавшую ту же самую политику, но она уделяла больше внимания молодежи, стараясь воспитать ее в духе классового примирения. Обе газеты были закрыты Временным правительством (ЦГАИПД СПб. Ф. К-691. Оп. 1. Д. 140. Л. 10).

⁸ ЦГАИПД СПб. Ф. К-691. Оп. 1. Д. 140. Л. 20.

⁹ Там же. Д. 87. Л. 1.

¹⁰ Там же.

он был нам кстати»¹¹. Реакция рабочей молодежи была неоднозначной, но большинство одобрило этот манифест. Неискушенная в политике, стремительно втянутая в этот сложный послефевральский период общественной жизни, окруженная различными кабаре, кинематографами, бульварной литературой, присущими тому периоду, молодежь не могла сразу разобраться в сложных вопросах политики и тактики, оценить реальную обстановку. Она была явно слишком доверчива. Осознание необходимости протестного движения и важности политических требований пришло не сразу, а с развитием революции.

На этом этапе была создана Петроградская пролетарская юношеская организация «Труд и свет», председателем избрали П. Шевцова.

Созданная организация «Труд и свет» превратилась в крупнейшее объединение молодежи, она объединила от 16 до 20 тыс. молодых людей. Носила явно аполитичный характер. Как позднее писала Евгения Герр, эта организация была «необходимым эпизодом в истории юношеского движения Питера... отражавшим временное увлечение соглашателями, но “Труд и свет” не мог удовлетворить стремления рабочего юношества и дать выход юношеской энергии»¹².

Слабость этой организации была очевидна. В революционный период нельзя быть «нереволюционной» организацией. Невозможно изолироваться от процессов, происходящих в стране и обществе. Молодежь интересовала не только «культурническая программа», но и политико-правовое положение. Как вспоминал молодой рабочий Горячев: лишь позднее пришло понимание, что «игры вроде “почты амура”, “голубки” — это не то, что необходимо было для рабочего парня»¹³.

Политические партии старались оказывать влияние на молодежные организации, стремясь таким образом привлечь их к своим программам. Кадеты, по выражению своего лидера П. Н. Милюкова, хотели видеть себя окруженными «плотными рядами молодежи»¹⁴, поэтому не скупилась на материальные затраты для привлечения молодежи в свои ряды. К примеру, выделили для них в Выборгском районе клуб Восход солнца — с танцклассами, спортплощадкой, с отдельными кружками¹⁵. Такие «подарки» были направлены на то, чтобы отвлечь молодежь от реальности и способствовать созданию «культурнических» настроений в их среде.

Эсеры призывали вовлекать в ряды социалистов-революционеров «граждански-зрелых» молодых людей, они ставили перед молодежью вполне конкретную задачу — построение социализма в России пролетарской молодежью. При этом эсеры стремились на базе своего Союза объединить остальную «революционную молодежь». В воззвании эсе-

¹¹ Там же. Д. 79. Л. 61.

¹² Герр Е. На пути в революцию. М. ; Л. : Молодая гвардия, 1925. С.13.

¹³ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 5. Д. 1374. Л. 1.

¹⁴ Речь. 1917. 13 мая.

¹⁵ ЦГАИПД СПб. Ф. К-691. Оп. 1. Д. 88. Л. 9.

ровского союза молодежи отмечалось, что нужен союз, который дал бы возможность поднять культурный уровень и разобраться во всех вопросах окружающей жизни.

Меньшевики зазывали к себе «социалистическую молодежь». Формой ее организации они предлагали аполитичные культурно-просветительные клубы. В их понимании такие клубы должны были способствовать культурному и нравственному подъему и давать молодежи разумный отдых. Они считали, что молодежь не обязательно должна разбираться, кто друг, кто враг. Будет лучше если она отойдет от политической борьбы¹⁶.

Анархисты уверяли, что политические партии временное явление и убеждали юношество в необходимости создания анархистского рая — так называемого безвластного общества¹⁷.

Основная задача этих партий просматривалась четко — приглушить энергию молодого нетерпения и отвлечь молодежь от политики и революционных выступлений. Молодые пролетарии были дифференцированы по всему спектру политических направлений притом не столько сознательно-идейно сколько эмоционально. Они испытывали явную растерянность, с кем идти. Как писал один из молодых рабочих П. Бурмистров: «приглашали к эсерам, шел, к анархистам, шел...»¹⁸.

Большевики также проявляли большой интерес к юношескому движению, стремясь привлечь молодежь к общим задачам революционной борьбы пролетариата. Уже 6 марта 1917 г. на заседании ПК было поручено Исполнительной комиссии ПК подготовить доклад о молодежи¹⁹. Молодые рабочие обращались в ПК за помощью разного рода, вплоть до получения прокламаций²⁰.

Большую работу среди молодежи проводили рабочие-большевики И. А. Рахья, В. Р. Менжинская, В. К. Слуцкая. С. В. Косиор, А. К. Скороходов, Г. Н. Пылаев, Е. Н. Егорова, М. М. Харитонов и др. Широкая пропаганда при освещении вопросов организации молодежи, велась на страницах газеты «Правда»²¹. На заседании ПК 30 мая было выражено беспокойство «что юноши могут подпасть под влияние других партий, что сейчас к ним уже проник либерал (речь идет о П. Г. Шевцове и организации «Труд и свет». — Т. А.) и пользуется большим

¹⁶ См. *Ацаркин А. Н.* Жизнь и борьба рабочей молодежи в России (1900 — октябрь 1917 г.). М. : Мысль, 1976. С. 198.

¹⁷ *Лейкин А. Я.* Против ложных друзей молодежи. М. : Молодая гвардия, 1980. С. 12.

¹⁸ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 6. Д. 224. Л. 25–26.

¹⁹ Петербургский комитет РСДРП(б) в 1917 г. Протоколы и материалы заседаний. СПб. : Бельведер, 2003. С. 70.

²⁰ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 5. Д. 1514. Л. 1.

²¹ Массовые организации в социалистической революции. Л. : Лениздат, 1988. С. 111.

вливанием среди них»²². Большевики, оценивая ситуацию, масштабы вновь созданного молодежного объединения, решили использовать «Труд и свет» в своих целях, проводя соответствующую разъяснительную работу внутри организации и увлекая молодежь революционными идеями. Одновременно привлекались и те, кто не вошел во вновь созданный молодежный союз. Эта работа осуществлялась через молодых рабочих-большевиков, входивших в «Труд и свет». Среди них: В. Алексеев, И. Скоринко, И. Тютиков, П. Смородин, И. Канкин, Л. Левенсон, О. Рывкин и др. Большую помощь им оказывала Н. К. Крупская. В своих воспоминаниях она писала: «Если бы партия потребовала немедленного удаления Шевцова, — это привело бы тогда к тому, что часть молодежи ушла бы из организации и из-под влияния партии. Мы пошли в 1917 г. другим путем: внимательно следили за работой Шевцова, что давало возможность противопоставлять ей свою пропаганду, будить в молодежи критическое отношение к Шевцову, и не только к нему, но ко всякого рода Шевцовым»²³. Важно было, не выходя из «Труда и света», завоевать там все влияние.

Молодые большевики работали энергично, умели «взвинтить» аудиторию и порой использовали нецивилизованные методы в борьбе со всеми несогласными. Первый завод, где молодежь выступила против «Труда и света», был завод Эриксон. «На собрании, где обсуждался этот вопрос, — как вспоминал П. Бурмистров, — председателем был эсер. Большевики поставили вопрос о снятии этого эсера, а я написал записку, что организация “Труд и свет” не голосует ни за кого как беспартийная организация. Вот за такую записку Левинсон и другие меня схватили — голосуй за большевистскую партию, иначе мы тебя отколотим и т. д., молодежь тогда была такая»²⁴.

Используемая большевиками тактика разрушения «Труда и света» изнутри полностью себя оправдала. К середине июля районные организации уже находились под влиянием партии большевиков. Ее представители получили большинство во Всероссийном совете рабочей молодежи. 27 июля на заседании совета по предложению молодых большевиков, поддержанных большинством представителей из районов, организация «Труд и свет», после 3 месяцев существования, была распущена. Во всех районах Петрограда на делегатских собраниях молодежи был поддержан роспуск «Труда и света» и принято решение о вступлении в Социалистический союз рабочей молодежи (ССРМ).

Большевики в дальнейшем сыграли важную роль в оформлении юношеского движения. Вопрос о союзе рабочей молодежи обсуждался на Второй Петроградской общегородской конференции РСДРП(б), где было решено: «со всем вниманием отнестись к возникающим само-

²² Петербургский комитет РСДРП(б) в 1917 г. Протоколы и материалы заседаний. С. 224–225.

²³ Массовые организации трудящихся в социалистической революции. С. 113.

²⁴ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 6. Д. 224. Л. 15.

стоятельно организациям молодежи, оказывать им содействие и посылать туда своих членов, чтобы установить контакт между движением взрослых рабочих и движением молодежи»²⁵. Конференция рассмотрела проекты программы и устава ССРМ Петрограда, подготовленные членами комиссий ПК РСДРП(б) и райкомов по работе с молодежью. По существу, эти документы стали основой для обсуждения вопроса о союзах молодежи на Шестом съезде РСДРП(б).

На этом съезде дважды выступил один из организаторов рабочей молодежи Петрограда В. Алексеев. Он рассказал, как они отвоевывали молодых рабочих у других партий, и подтвердил значительно усилившееся влияние большевиков на рабочую молодежь. По предложению В. Алексеева съезд постановил оказать материальную поддержку журналу «Юный пролетарий». В итоге работы съезда была принята резолюция «О союзах молодежи», имевшая важное значение для развития пролетарского молодежного движения.

18 августа 1917 г. открылась Первая общегородская конференция рабочей молодежи Петрограда. Конференция приняла программу и устав Социалистического союза рабочей молодежи²⁶. На конференции был избран руководящий орган — Петербургский комитет ССРМ, в который вошли: В. Алексеев, П. Смородин, Е. Пылаева, О. Рывкин и др. В резолюции конференции указывалось: «Социалистический союз рабочей молодежи есть классовая организация пролетарского юношества»²⁷. Работа большевиков с молодежью дала свои результаты. Молодые рабочие охотно вступали в ряды большевиков. К примеру, во втором Городском районе, где были расположены Адмиралтейский, Франко-Русский, Ново-Адмиралтейский и другие крупные заводы, 41 % от общего числа принятых в партию рабочих составляла молодежь в возрасте от 16 до 25 лет²⁸. Сомнений не было, абсолютное большинство рабочей молодежи Петрограда к осени 1917 г. шло за большевиками. В Петрограде союзы пролетарской молодежи объединили 20 тыс. человек²⁹. Вновь созданные союзы рабочей молодежи всю свою работу подчинили подготовке своих членов и всей революционной молодежи к вооруженному восстанию. Молодежь записывалась в отряды Красной гвардии. 38,5 % ее бойцов были молодые рабочие в возрасте до 23 лет³⁰. На окраинах города молодежь училась стрелять из винтовок, метать гранаты, вести рукопашный бой, изучала по кар-

²⁵ Вторая и Третья Петроградские общегородские конференции большевиков в июле и октябре 1917. М. ; Л., 1927. С. 42.

²⁶ Социалистический союз рабочей молодежи: программа и устав, принятые на общегородской конференции, 18–25 авг. 1917 г. Пг., 1917.

²⁷ Рабочий и солдат. 1917. 11 (24) сент.

²⁸ Массовые организации в социалистической революции. С. 111.

²⁹ См.: Герр Е. Питерская комсомолия // Звезда. 1958. № 10. С. 125.

³⁰ Старцев В. И. Очерки по истории Петроградской красной гвардии и рабочей милиции. Л. : Наука, 1965. С. 280.

там план города, дислокацию своего района. При районных комитетах ССРМ создавались санитарные отряды, в них вступали девушки-работницы. В момент проведения восстания пролетарская молодежь была одним из главных акторов этих исторических событий.

Б. Б. Дубенцов: Не могли бы вы охарактеризовать районирование членов организации? Имеются ли ясные указания на то, что какие-то определенные районы дали в эту организацию известную долю членов?

Т. А. Абросимова: Главным организатором был Выборгский район. В этом районе на территории завода «Русский Рено» и состоялись первые организационные заседания рабочей молодежи. От каждого района должно было входить в общегородскую организацию по пять представителей.

К. А. Тарасов: У меня уточняющий вопрос. Что в понимании этой организации означало «молодежь»? Какой это возраст?

Т. А. Абросимова: В основном от 14 до 18.

**Между большевиками и меньшевиками: «независимые»
социал-демократы-интернационалисты
в революционном Петрограде (1917–1919 гг.)**

После Февральской революции все социалисты России столкнулись с необходимостью идеологического и организационного самоопределения в новых условиях. К этому моменту в рядах российской социал-демократии накопилась большая организационная раздробленность. Упрощенное представление о том, что она четко делилась на большевиков и меньшевиков, не отражает действительности. Российская социал-демократия оказалась в процессе организационного структурирования¹. На материалах революционного Петрограда в настоящей работе будет рассмотрен процесс идейного и организационного самоопределения всех основных групп и организаций социал-демократов-интернационалистов, которые организационно не были связаны с большевиками или меньшевиками: внефракционных социал-демократов, «межрайонцев», группы «Свободный труд», группы газеты «Новая жизнь», Центрального бюро организации объединенных интернационалистов РСДРП, Центрального комитета (январь–март 1918 г.) и Петроградской организации РСДРП (интернационалистов).

В первые недели после Февраля непропорционально большую для своей численности роль сыграли внефракционные социал-демократы. Достаточно вспомнить активных деятелей из руководства Петроградского Совета весны 1917 г.: Н. Н. Суханов, Н. Д. Соколов, Ю. М. Стеклов и другие входили в состав разных комиссий Совета, их имена тесно связаны с принятием важнейших решений и документов (приказ № 1, обращение «К народам всего мира» от 14 марта и др.), изданием печатного органа Совета².

Центром объединения внефракционных с.-д.-интернационалистов в Петрограде стала газета «Новая жизнь», издававшаяся М. Горьким. Почти все ее сотрудники ранее сотрудничали в журнале Горького

¹ См.: *Ларионова И. Л.* Московская объединенная организация РСДРП и процессы политического структурирования российской социал-демократии (март 1917 — январь 1918). М., 2007. С. 21 и др.

² См.: *Галили З.* Лидеры меньшевиков в русской революции. Социальные реалии и политическая стратегия. М., 1993. С. 64–67, 133–134, 139; *Старцев В. И.* Революция и власть: Петроградский Совет и Временное правительство в марте–апреле 1917 г. М., 1978; *Токарев Ю. С.* Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в марте–апреле 1917 г. Л., 1976; *Фёдоров М. В.* Редакторы «Известий Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов» в 1917 г. // Вестн. СПбГУ. Сер. 2. 2013. Вып. 4. С. 69–79; и др.

«Летопись». Газета была органом целого направления левых социал-демократов — от умеренных большевиков до меньшевиков-интернационалистов (Б. В. Авилов, В. А. Базаров, В. А. Десницкий (Строев), Н. А. Рожков, Суханов и др.). Если в апреле 1917 г. большевик Авилов вышел из партии, чтобы позже примкнуть к РСДРП(и), то внефракционный эсдек Суханов в мае вступил в партию меньшевиков по рекомендации Л. Мартова³. С мая 1917 г. внефракционные социал-демократы организовали свою фракцию в Петроградском Совете. Они не участвовали в работе Всероссийской майской и городских конференций, организованных меньшевиками.

Наиболее многочисленной группой «независимых» с.-д.-интернационалистов в 1917 г. в Петрограде были «межрайонцы» — члены Межрайонной организации объединенных социал-демократов, образованной в ноябре 1913 г. К Февральской революции их численность составляла до 500 чел. В годы войны «межрайонцы» заняли последовательные интернационалистские позиции и посчитали недопустимым объединение с оборонцами. После революции организация быстро росла численно, начала издавать свою газету «Вперед». Петроградская конференция «межрайонцев» в мае 1917 г. осудила вступление меньшевиков в буржуазное Временное правительство, высказалась за переход власти к Советам. Стремление к единству с большевиками росло очень быстро, и на своей Второй общегородской конференции в начале июля «межрайонцы» лишь с минимальным перевесом приняли решение не проводить слияние немедленно, но дождаться съезда большевиков. Присоединившись к большевикам на VI съезде, «межрайонцы» привели в состав РСДРП(б) около 4 тыс. чел.⁴ К причинам, обусловившим такой ход событий, можно отнести опережающую, по сравнению с другими районами страны, радикализацию населения столицы и влияние личностей лидеров (Л. Д. Троцкого и др.)⁵.

Еще одной «независимой» с.-д. группой интернационалистских взглядов была организация «Свободный труд» во главе с А. П. Пинкевичем (еще один автор горьковской «Летописи»), объединявшая группы в «Петроградской области» и к сентябрю 1917 г. примкнувшая к меньшевикам⁶.

³ Коростелев С. Г. Журнал «Летопись» (1915–1917) и газета «Новая жизнь» (1917–1918) в историко-культурном контексте. СПб., 2015. С. 55; Революционная мысль в России XIX — начала XX века : энциклопедия. М., 2013. С. 531.

⁴ Кутцов А. В. Межрайонная организация объединенных социал-демократов 1913–1917 гг. // Банкротство мелкобуржуазных партий России 1917–1922 гг. М., 1977. Ч. 2. С. 28–36.

⁵ Дойчер И. Троцкий. Вооруженный пророк, 1879–1921 гг. М., 2006. С. 265–269, 279, 285–288.

⁶ Ланде Л. С. Состояние партийной организации к моменту Октябрьского переворота // Меньшевики в революции : статьи и воспоминания социал-демократических деятелей. М., 2016. С. 254.

В отличие от большевиков, меньшевики позиционировали себя в качестве сторонников единства социал-демократии, свой съезд в августе 1917 г. они провозгласили Объединительным и объявили на нем о создании «РСДРП (объединенной)». «Новожизненцы» с весны 1917 г. также были сторонниками объединения. На I Всероссийском съезде Советов они организовали бюро по созыву Объединительного съезда РСДРП, которое вскоре присоединилось к Центральной комиссии по созыву объединительного съезда при меньшевистском ОК, но продолжало самостоятельные действия⁷. На самом Объединительном съезде от группы «Новой жизни» активно выступал Авилов. «Новожизненцы» высказались против решений съезда, принятых в оборонческом духе, отказались объединяться с оборонцами и в РСДРП(о) не вошли⁸.

Более того, на съезде члены редакции «Новой жизни» пустили анкету для заполнения всеми сочувствующими направлению их газеты с целью установления связи. Основные тактические установки «новожизненцев» (интернационалистские позиции, отказ от политики коалиции, радикальная демократизация государства, госрегулирование экономики и др.) были близки к позициям сторонников Мартова. Но, в отличие от последних, группа «Новой жизни» попыталась создать самостоятельную организацию. Суханов позже вспоминал, что «новожизненцев» от мартовцев «было невозможно отличить даже под микроскопом», а в оргцентр вошли все члены редакции «Новой жизни», кроме него и Горького⁹. Интересно, что в черновом варианте анкеты некто Н. Фёдоров записался от Петрограда как представитель Петроградской объединенной организации, насчитывающей 2916 членов. Это было явным анахронизмом, так как «межрайонцы» еще в начале месяца примкнули к большевикам. В печатный список эта запись не попала¹⁰.

13 сентября «Новая жизнь» сообщила об образовании временно-го «Центрального Бюро социал-демократической организации объединенных интернационалистов», целью которого было проведение общероссийской конференции единомышленников¹¹. В сентябре–октябре в редакции «Новой жизни» состоялось несколько совещаний с потенциальными сторонниками (в том числе с меньшевиками-интернационалистами). В Петрограде сторонники самостоятельной организации имелись на Васильевском острове, Петроградской стороне,

⁷ Меньшевики в 1917 году. М., 1994. Т. 1. С. 594; 1995. Т. 2. С. 303, 308–311; Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 444. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

⁸ Меньшевики в 1917 году. Т. 2. С. 529.

⁹ Суханов Н. Н. Записки о революции. М., 1992. Т. 3. С. 71–72.

¹⁰ РГАСПИ. Ф. 444. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–4. См. также: Меньшевики в 1917 году. Т. 2. С. 529–534.

¹¹ Меньшевики в 1917 году. М., 1996. Т. 3, ч. 1. С. 180.

в Александро-Невском и Московском районах. На городскую конференцию меньшевиков решено было делегата не посылать¹².

В сентябре–октябре 1917 г. представители «независимых» с.-д.-интернационалистов (Авилов, Базаров, Стеклов) выступали на заседаниях ВЦИК, Демократического совещания, Временного демократического совета Республики¹³.

18–21 октября 1917 г. в помещении редакции «Новой жизни» прошла первая Всероссийская конференция организаций объединенных интернационалистов РСДРП, собравшая представителей от 4 тыс. чел. Петроградцы играли на ней значимую роль, получив мандаты и от временного Центрального бюро, и от «Новой жизни», и от местной организации¹⁴. Конференция утвердила название общероссийской организации («Организация объединенных интернационалистов РСДРП»), обсудила подготовленный Базаровым проект платформы, выборы в Учредительное собрание, избрало Центральное бюро (ЦБ), которое расположилось в редакции «Новой жизни» (Шпалерная, 26)¹⁵. Органом ЦБ был утвержден журнал «Голос социал-демократа». Планы в его отношении (издать первый номер до 5 ноября и далее выпускать не менее 1 раза в неделю¹⁶) не были выполнены: вышло всего три сдвоенных номера: № 1–2 и 3–4 в декабре 1917 г. и № 5–6 от 22 (9) февраля 1918 г. Адреса издания тоже принадлежали «Новой жизни» (редакция и книжный склад на Шпалерной, 26, контора на Невском, 64; еще один книжный склад при Петербургской объединенной организации интернационалистов РСДРП располагался на Казанской, 33, кв. 103)¹⁷. З. Галили и А. П. Ненароков по поводу итогов конференции писали, что «новожизненцы» составили большинство в ЦБ «этой карликовой организации, напоминавшей о временах торжества кружковщины»¹⁸.

ЦБ высылало литературу на места, в том числе снабжало ею петроградских товарищей, например, из клуба «Заря» на Петроградской стороне¹⁹, направляло агентов в разные районы страны, организовывало своих сторонников на советских и профсоюзных съездах конца 1917–начала 1918 г. Например, фракция объединенных с.-д.-интер-

¹² Там же. С. 365, 370–371; РГАСПИ. Ф. 444. Оп. 1. Д. 6, 8.

¹³ Меньшевики в 1917 году. Т. 3, ч. 1. С. 131, 212, 242, 344.

¹⁴ Новая жизнь. Пг., 1917. 20 окт. (2 нояб.); Меньшевики в 1917 году. М., 1997. Т. 3, ч. 2. С. 208, 214; РГАСПИ. Ф. 444. Оп. 1. Д. 11. Л. 1, 33–34.

¹⁵ Меньшевики в 1917 году. Т. 3, ч. 2. С. 209–216; Новая жизнь. Пг., 1917. 21 окт. (3 нояб.).

¹⁶ Меньшевики в 1917 году. Т. 3, ч. 2. С. 214.

¹⁷ Голос социал-демократа. Пг., 1917. 23 дек. № 3–4. С. 2, 31–32.

¹⁸ Галили З., Ненароков А. Демократические иллюзии в период наивысшего обострения общенационального кризиса. Смена партийного курса. Первая декада октября–конец декабря // Меньшевики в 1917 году. Т. 3, ч. 2. С. 64.

¹⁹ РГАСПИ. Ф. 444. Оп. 1. Д. 1. Л. 19.

националистов на Всероссийском Чрезвычайном железнодорожном съезде включала 40 делегатов, из них 4 были из Петрограда²⁰.

Во время Октябрьского переворота объединенные с.-д.-интернационалисты негативно отнеслись к тактике вооруженного захвата власти, но выступали против любых попыток насильственного свержения большевиков, объясняя их успех провалом политики коалиции. На II съезде Советов осудили ушедших с него правых социалистов, выступали за единое социалистическое правительство. Они участвовали в переговорах при Викжеле²¹, после провала которых вышли из ВЦИК, но скоро вернулись в его состав. Во ВЦИК образовали небольшую фракцию и распространили ее влияние на несколько десятков членов. Фракция находилась в умеренной оппозиции к большевикам²². С другой стороны, в октябрьские дни представители объединенных с.-д.-интернационалистов вошли в военно-революционные комитеты Петрограда, Москвы и других городов, которых ЦБ отозвало в начале ноября²³. Так, из Петроградского ВРК вышел А. Канторович²⁴.

Объединенные с.-д.-интернационалисты считали себя представителями интересов пролетариата, критиковали меньшевиков-оборонцев за оппортунизм, меньшевиков-интернационалистов — за отказ от разрыва с оборонцами, а большевиков — за то, что они поддались стихийным настроениям мелкобуржуазной массы — крестьян и солдат — в не готовой к социалистическим преобразованиям России. Они ратовали за госрегулирование экономики, критиковали большевиков за ограничение демократических свобод и независимости профсоюзов, уступки левым эсерам в земельном вопросе, введение рабочего контроля, сомневались в Советах в роли органов власти. В вопросе о войне выступали за достижение всеобщего мира без аннексий и контрибуций с помощью международной социалистической конференции. При образовании своей организации основные надежды ими возлагались на привлечение ближайших идеологически групп — меньшевиков-интернационалистов и умеренных большевиков. На выборах в Учредительное собрание в Петрограде за отсутствием своего списка под-

²⁰ Там же. Д. 16. Л. 9–9 об.

²¹ Меньшевики в 1917 году. Т. 3, ч. 2. С. 604, 620–622, 626.

²² Голос социал-демократа. Пг., 1917. 23 дек. № 3–4. С. 19; *Кутцов А. В.* Идеино-политическое и организационное банкротство центристских организаций в период гражданской войны // Борьба Коммунистической партии против правого и «левого» оппортунизма (1909–1930). Калинин, 1978. С. 65–66; Меньшевики в 1917 году. Т. 3, ч. 2. С. 243, 246–249; *Шестак Ю. И.* Банкротство социал-демократов интернационалистов // Исторические записки. М., 1979. Т. 103. С. 115. Подробнее см.: *Грубов В. И.* Пасынки Октября: умеренная социалистическая оппозиция большевизму в центральных органах власти Советской России (октябрь 1917 г. — июль 1918 г.). М., 2007.

²³ Голос социал-демократа. Пг., 1917. 23 дек. № 3–4. С. 20.

²⁴ *Совокин А. М.* О партии социал-демократов интернационалистов // Вопросы истории КПСС. 1967. № 1. С. 80.

держивали список меньшевиков-интернационалистов. Он провалился, набрав всего 1,1 % (10,5 тыс.) голосов²⁵.

14–20 января 1918 г. объединенные с.-д.-интернационалисты провели в Петрограде съезд, объявивший об образовании «РСДРП (интернационалистов)». Из 31 делегата «новожизненцы» и представители Петрограда составили добрую половину, что было явным перекосом в пользу столицы. Съезд избрал ЦК в составе 15 человек: Г. Д. Линдов, Десницкий (Строев), Базаров, Авилов, С. Н. Жилинский, А. А. Блюм, Канторович, Г. М. Крамаров, М. А. Каттель, М. А. Старец, Раф. Григорьев, И. А. Грунин, М. Кричевский, Л. Н. Геллер, И. П. Прокофьев²⁶. Из них только Геллер представлял Москву и Канторович был делегатом от организации 5-й армии, все остальные были из группы «Новой жизни» или жителями Петрограда. В январе–марте 1918 г. ЦК РСДРП(и) размещался в Петрограде. К работе в его секретариате и отделах (иногороднем, редакционном, издательском, пропагандистском, финансовом) привлекались в основном члены Петроградской организации²⁷. «Новожизненцы» сыграли определяющую роль в создании партии, но для самой «Новой жизни» почти ничего не изменилось. Назвать ее партийным органом в строгом смысле слова довольно сложно. На страницах газеты сравнительно немного места уделялось партийным делам, продолжали появляться публикации меньшевиков-интернационалистов. Примерно то же можно видеть, например, на страницах газеты «Вечерняя звезда», издававшейся в Петрограде кооперативом с.-д. журналистов «Авангард» в январе–мае 1918 г. Тем более странными выглядят попытки назвать «Новую жизнь» органом РСДРП(и) применительно к 1917 г.²⁸

Численность петроградских членов Организации объединенных интернационалистов РСДРП—Петроградской организации РСДРП(и) в конце 1917 — начале 1918 гг. можно определить примерно в 150–200 чел.²⁹ (для сравнения, в рядах Московской организации РСДРП(и) в январе 1918 г. было около 100 чел.³⁰). Из тех, чье социальное положение можно установить, численность интеллигентов (служащие, инженеры, врачи, студенты, литераторы, партийные работники и другие, всего около 90 чел.) примерно в два раза превосходит численность

²⁵ *Кутцов А. В.* Идеино-политическое и организационное банкротство... С. 66–67.

²⁶ Голос социал-демократа. Пг., 1918. 22 (9) февр. № 5–6. С. 7, 24, 29.

²⁷ РГАСПИ. Ф. 444. Оп. 1. Д. 19. Л. 1.

²⁸ *Никитин Е. Н.* Горьковская газета «Новая жизнь» // М. Горький: уроки истории. Горьковские чтения 2014 года : материалы XXXVI Междунар. науч. конф. Н. Новгород, 2016. С. 46.

²⁹ Подсчитано по: РГАСПИ. Ф. 444. Оп. 1. Д. 9. Л. 1–71; Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. 5257. Оп. 1. Д. 1. Л. 16–16 об.; Д. 4.

³⁰ *Ларионова И. Л.* Московская объединенная организация РСДРП и идеино-политическое размежевание в рядах российской социал-демократии (март 1917 — январь 1918 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1997. С. 31.

рабочих (механики, токари, железнодорожники и др., всего чуть более 45 чел., из них с завода Рейхель на Васильевском острове — 27, с остальных предприятий единицы). Почти все члены организации проживали и работали в центральных районах города³¹. Наличие оформленных районных организаций точно подтверждается лишь на Васильевском острове и Петроградской стороне. Под Петроградом организации или адресаты для высылки литературы имелись в Гатчине, Кронштадте и Царском Селе³².

Новой партии пришлось столкнуться с проблемой удержания даже этой небольшой массы. Партийные мероприятия посещались слабо, регулярно вставал вопрос о правомочности общих собраний Петроградской (обычно их посещало два-три десятка человек) и районных организаций партии. Кроме того, петроградские с.-д.-интернационалисты постоянно испытывали финансовые проблемы. Основными формами работы были организационная, агитационно-пропагандистская (распространение партийной литературы, выступления на митингах, рабочих конференциях и других мероприятиях) и культурно-просветительская (устройство лекций, курсов, работа в клубках).

Хотя еще 21 января 1918 г. Бюро ЦК РСДРП(и) поручило Петроградскому комитету организовать фракцию в Петросовете³³, в 1918 г. несколько раз на уровне города и партии в целом обсуждался вопрос о допустимости работы в советских органах. В Петрограде он был решен положительно, но с оговоркой о недопустимости выполнения работ, несовместимых с партийной линией (имелись в виду репрессивные органы)³⁴. В феврале 1918 г. ЦК РСДРП(и) воздержался в вопросе о призыве в Красную армию, но общее собрание столичной организации призвало членов партии и сочувствующих к активной работе по обороне революции и вступлению в ряды Красной армии для отпора немецкому империализму³⁵. На съезде партии в мае 1918 г. Линдов призвал к безоговорочной поддержке советской власти, а Базаров выступил за созыв Учредительного собрания. В итоге была принята компромиссная резолюция, которая соответствовала настроениям Петроградской организации, от которой на съезде было 2 делегата (еще 1 делегат был от Гатчины)³⁶. После съезда от партии откололось левое крыло во главе с Линдовым. Возможно, раскол был и в Петрограде.

Весной–летом 1918 г. часть с.-д.-интернационалистов хотела использовать оппозиционные настроения рабочих для развития своей деятельности. 6 июня 1918 г. общее собрание Петроградской организации после жарких дебатов решило не участвовать в работе Чрезвы-

³¹ Подсчитано по: ЦГАИПД СПб. Ф. 5257. Оп. 1. Д. 4.

³² РГАСПИ. Ф. 444. Оп. 1. Д. 17. Л. 4, 10, 15.

³³ Там же. Д. 19. Л. 4 об.

³⁴ ЦГАИПД СПб. Ф. 5257. Оп. 1. Д. 1. Л. 2–3 об.

³⁵ Там же. Л. 1.

³⁶ Там же. Л. 10, 14–14 об.

чайного собрания уполномоченных фабрик и заводов Петрограда из-за опасности противопоставления его Советам, но споры продолжались до конца месяца³⁷.

В течение всего 1918 г. в Петроградской организации нарастали кризисные явления, к большевикам все чаще уходили местные активисты³⁸. В конце августа петроградские с.-д.-интернационалисты обсуждали с представителями уже закрытой «Новой жизни» возможность издания совместной газеты³⁹, но о каких-либо практических результатах в этом направлении неизвестно. В октябре 1918 г. в Петроград еще приходила литература из центра (журнал «Пролетарий» в количестве 100 экз.)⁴⁰. Но, судя по всему, в конце 1918 — начале 1919 г. работа РСДРП(и) в Петрограде окончательно прекратилась. Таким образом, это произошло значительно раньше принятого в декабре 1919 г. решения РСДРП(и) о слиянии с РКП(б).

В условиях нарастания классовых конфликтов и политического кризиса шансы левоцентристской с.-д. организации на успех были сомнительны. Специфика Петрограда проявилась в том, что здесь нашлись интеллигенты, которые все же возглавили попытку создания самостоятельной партии. Однако их надежды на приток правых большевиков и левых меньшевиков в целом не оправдались. Снижение политической активности масс в 1918 г., сложности идейного позиционирования любых центристов в период гражданской войны, проблемы численно небольшой организации привели к исчезновению «независимых» с.-д.-интернационалистов в Петрограде, а затем и во всей стране.

В. В. Калашников: Почему, с вашей точки зрения, интернационалисты не стали ведущей силой в рамках рабочего движения, проиграв Ленину с его радикальной линией?

И. П. Петухов: Здесь очень много причин, которые зависят от периода, о котором мы говорим. В условиях эскалации социальных конфликтов в 1917 г. радикальные идеи были очень востребованы. С другой стороны, сыграл большую роль субъективный фактор. Деятели умеренных большевиков и левых меньшевиков до конца пытались повлиять на свои партии, а не строить свой проект. Однако их деятельность внутри своих партий была заблокирована. В Октябрьские дни ни Каменев, ни Мартов не вышли из своих партий для продвижения своей линии. В следующий период, в условиях нарастания Гражданской войны, любая центристская линия находилась под большим сомнением. Тогда могли спросить: «Почему, если ты за красных, то ты не с большевиками?».

³⁷ Там же. Л. 10–15 об.

³⁸ Там же. Д. 3. Л. 6–7.

³⁹ Там же. Д. 1. Л. 16–28.

⁴⁰ Там же. Д. 3. Л. 5.

Д. И. Иванов: Насколько враждебными были отношения между интернационалистами и другими политическими партиями в этом спектре? Если я правильно помню, чуть ли не Ленин советовал С. Лозовскому, когда того изгнали из партии большевиков, вступить в интернационалистскую организацию.

И. П. Петухов: Отношения были сложными и очень различались в зависимости от того периода, какой мы рассматриваем. Та же «Новая жизнь» являлась единственной газетой, которая позволяла большевикам во время Июльских дней представлять свою позицию. С другой стороны, у Ленина можно встретить очень много критических слов по адресу «Новой жизни». Например, когда он хотел упрекнуть правых большевиков, он называл их на четверть новоженцами. Умеренные социалисты также очень часто критиковали их, считая социал-демократов-интернационалистов большевиками второго сорта. Говорили, что они ведут к тому же, но недоговаривают до конца или не понимают, к чему они ведут, а большевики хотя бы честно говорят.

Лозовский являлся фактически единственным таким крупным деятелем партии большевиков, который, занимая умеренные позиции, ушел к социал-демократам-интернационалистам. В 1918–1919 гг. он был лидером этой партии. Однако в целом ставка социал-демократов-интернационалистов на привлечение умеренных большевиков и левых меньшевиков не оправдалась.

«Левый блок» в Петроградском гарнизоне в 1917 г.

В 1921 г. левый эсер И. З. Штейнберг писал: «До сих пор вся великая историческая эпопея — российская социальная революция — ошибочно отождествляется только с большевизмом...»¹. Эти слова можно справедливо отнести и ко дню сегодняшнему. По мнению Б. И. Колоницкого, изображаемая современными историками картина революции во многом «большевицентрична»². С этим утверждением отчасти можно согласиться.

Благодаря новейшим исследованиям становится ясно, что во многих регионах России развитие событий в 1917 г. было связано не только с курсом партии большевиков, но и с влиянием представителей других леворадикальных партий (левых эсеров, эсеров-максималистов, меньшевиков-интернационалистов, анархистов и др.)³. Подобные работы позволяют взглянуть на события 25–26 октября 1917 г. в Петрограде не как на заговор большевиков, а как на эпизод важного поворота революционного процесса в сторону борьбы за единовластие Советов, усиления левых течений при ослаблении доминирования умеренного

¹ Штейнберг И. З. Партия левых социалистов-революционеров // Знамя. Берлин, 1921. № 2. С. 47.

² См. Колоницкий Б. И. «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М. : Новое лит. обозрение, 2010. С. 12.

³ Anweiler O. The Soviets: the Russian Workers', Peasants' and Soldiers' Councils 1905–1921. New York : Pantheon Books, 1974. 337 p.; Raleigh D. Revolution on the Volga: 1917 in Saratov. Ithaca : Cornell Univ. Press, 1986. 373 p.; Непролетарские партии России в трех революциях : сб. статей. М. : Наука, 1989 245 с.; Штырбул А. А. Анархистское движение в Сибири в 1-й четверти XX века: Антигосударственный бунт и негосударственная самоорганизация трудящихся: теория и практика. Ч. 1 : (1900–1918 гг.). Омск : ОмГПУ, 1996. 205 с.; Аннин А. Г. Фракции социалистов Советов рабочих и солдатских депутатов Центральной России (февраль–октябрь 1917). Иваново : Ивановский гос. ун-т, 2005. 307 с.; Hickey M. C. The Rise and Fall of Smolensk's Moderate Socialists: The Politics of Class and the Rhetoric of Crisis in 1917 // Provincial landscapes: local dimensions of Soviet power, 1917–1953. Pittsburgh : Univ. of Pittsburgh Press, 2001. P. 14–35; Стариков С. В. Левые социалисты в Великой Российской революции. Март 1917 — июль 1918 гг.: (На материалах Поволжья). Йошкар-Ола : Марийский гос. ун-т, 2004. 559 с.; Badcock S. Politics and the people in revolutionary Russia: a provincial history. New York : Cambridge Univ. Press, 2007. 282 p.; Сапон В. П. Терновый венец свободы. Либертариизм в идеологии и революционной практике российских левых радикалов (1917–1918 гг.). Новгород : Изд-во Нижегородского ун-та, 2008. 323 с.; Dickins A. Rethinking the Power of Soviets: Krasnoiarisk, March–October 1917 // Journal of Modern Russian History and Historiography. 2016. N 9. P. 223–250.

социалистического блока меньшевиков и социалистов-революционеров.

Столица России, Петроград, в данном случае на первый взгляд выглядит исключением. В частности, влияние большевиков на Петроградский гарнизон представляется бесспорным. Однако если обратиться к материалам, связанным с деятельностью Военной организацией большевиков (специальной структуры партии, созданной для работы в армии) в Петрограде, то это утверждение становится проблематичным. С момента своего появления и до Октябрьских событий 1917 г. солдаты-большевики составляли ничтожную долю в Петроградском гарнизоне⁴. Таким образом, выявление политических сил, ставших союзниками большевиков, очень важно для понимания революционного процесса.

Уже на первом этапе своей работы, в марте–апреле 1917 г., Военная организация сотрудничала с Межрайонным комитетом объединенных социал-демократов. Эта политическая группа занимала близкие большевикам позиции по ряду вопросов. В ходе VI Съезда большевиков в июле 1917 г. «межрайонцы» официально влились в партию.

Такой союз был полезен для первых месяцев, когда большевики нуждались в опытных работниках. Еще до революции «межрайонцы» вели активную работу в окрестностях Петрограда в Ораниенбаумском и Петергофском гарнизонах, а также в Красном Селе, где были расквартированы 171-й и 176-й пехотные запасные полки⁵. К июлю 1917 г. в последнем из них насчитывалось 500 членов Междурайонного комитета⁶.

Удалось установить, что прапорщик Б. М. Занько еще до революции работал в Петрограде в Межрайонном комитете⁷. Членом этой организации он оставался и после, но при этом ему было выдано удостоверение о том, что прапорщик был уполномочен проводить агитацию от имени Военной организации большевиков⁸. В воспоминаниях же некоторых ведущих агитаторов Военной организации часто встреча-

⁴ Из 300 тыс. солдат Петрограда и окрестностей к июлю 1917 г. численность большевиков не превышала 1500 (Тарасов К. А. Новое в исследовании Военной организации РСДРП(б) // Межвуз. науч. конф. «Русская революция 1917 года: проблемы истории и историографии»: сб. докладов. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2013. С. 115–117). В октябре 1917 г. по самым смелым предположениям в Петрограде было около 3 тыс. членов Военной организации (Тарасов К. А. Численность Военной организации большевиков накануне Октября 1917 г. // Труды Карельского научного центра РАН. 2014. № 3. С. 146–148).

⁵ Ахун М. И., Петров В. А. Большевики и армия в 1905–1917 гг. Военная организация при Петербургском комитете РСДРП(б) и революционное движение в войсках Петербурга. Л.: Красная газета, 1929. С. 151.

⁶ Шестой съезд РСДРП(б). Август 1917 года. Протоколы. М.: Госполитиздат, 1958. С. 49; Большевикизация Петроградского гарнизона: сб. материалов и документов / сост. М. И. Ахун, Б. М. Кочаков и М. Л. Лурье. Л.: Лениздат, 1932. С. 182.

⁷ Ахун М. И., Петров В. А. Большевики и армия... С. 150.

⁸ Опись личных вещей Б. М. Занько // ГАРФ. Ф. 1782. Оп. 1. Д. 13. Л. 13.

ются упоминания о прапорщике Б. М. Занько как об одном из тех, кто стоял у ее истоков⁹.

Такая двойная партийность обнаруживается у ратника 3-го пехотного запасного полка (Петергоф) М. П. Толкачева. Он занимал руководящее место в ячейке большевиков полка и был очень влиятельным оратором. При этом в зависимости от обстоятельств Толкачев мог называть себя то большевиком, то «межрайонцем». При этом он плохо придерживался партийной дисциплины. Накануне Июльских событий члены большевистской ячейки даже вынесли решение ходатайствовать об исключении его из партии¹⁰.

О совместной работе меньшевиков-интернационалистов и Военной организации известно очень немного. Среди выявленных источников с уверенностью можно говорить лишь об одном таком случае. В 180-м пехотном запасном полку в союзе с большевиками действовал прапорщик Г. Е. Горбачев, числившийся в руководстве Военной комиссии при Петроградском комитете меньшевиков и примыкавший к его «интернационалистскому» крылу¹¹.

Кроме того, на уровне полковых ячеек происходило блокирование с левым крылом социалистов-революционеров. Самостоятельная партия левых эсеров появилась лишь после октября 1917 г. Однако раскол в деятельности ее членов наблюдается уже летом 1917 г.¹²

В 1-м пехотном запасном полку, по воспоминаниям большевика В. В. Сахарова, большевики с самого начала вели работу вместе с «левыми» эсерами¹³. Наиболее ярким представителем этой группы был рядовой Г. О. Осипов. Его агитация диссонировала с партийной принадлежностью, за что по слухам накануне 3 июля он был исключен

⁹ *Тарасов-Родионов А.И.* Февраль. Роман-хроника. М. ; Л. : Гос. изд-во, 1928. С. 468; *Рудник Я. М.* Гарнизон Васильевского острова в революционные дни 1917 г. // В огне революционных боев (Районы Петрограда в двух революциях). М. : Мысль, 1967. С. 261.

¹⁰ Солдатское слово. 1917. 16 июня; Показания А. С. Булина // ГАРФ. Ф. 1782. Оп. 1. Д. 1. Л. 138.

¹¹ Показания прапорщика Цуран-Суранова // ЦГИА СПб. Ф. 1782. Оп. 1. Д. 12а. Л. 23; Показания прапорщика М. Д. Шеина // ГАРФ. Ф. 1782. Д. 12а. Л. 67; *Рудник Я. М.* Гарнизон Васильевского... С. 261.

¹² Разногласия между «интернационалистами» и «оборонцами» среди социалистов-революционеров обнаружили еще в начале апреля на II Петроградской конференции партии (*Смирнова А. А.* На тернистом пути к нежеланной власти. Петроградские социалисты в феврале–мае 1917 года. СПб. : СПбГУКИ, 2005. С. 94–96). А. С. Смирнов и П. А. Голуб отмечали сближение большевиков и «левых» эсеров в «низовых организациях», правда, его относили к более позднему периоду (*Смирнов А. С.* Об отношении большевиков к левым эсерам в период подготовки Октябрьской революции // Вопросы истории КПСС. 1966. № 2. С. 14–28; *Голуб П. А.* О блоке большевиков с левыми эсерами в период подготовки и победы Октября // Вопросы истории КПСС. 1971. № 9. С. 118–130).

¹³ Стенограмма вечера воспоминаний при Володарской районной комиссии Истпарт 18 октября 1927 // ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 6. Д. 91. Л. 4.

из партии эсеров. О своих призывах он говорил так: «Я говорю не как партийный человек, это во мне говорит голос народа»¹⁴.

В связи с участием воинских частей Петрограда в выступлении 3-5 июля в качестве основных виновников наряду с большевиками из Военной организации были арестованы эсеры, прапорщик-гренадер С. С. Ган и поручик Офицерской стрелковой школы Ю. Ю. Жендзян¹⁵. Пулеметчика Г. Г. Маслова в показаниях по этому делу часто называли большевиком, агитировавшим против отправки маршевых рот на фронт¹⁶. Однако на допросе сам себя он назвал социалистом-революционером¹⁷.

Наблюдалась и тенденция к совместным действиям большевиков и анархистов. Петроградская федерация анархо-коммунистов после революции расположилась на Выборгской стороне на даче Дурново. Они имели связи с некоторыми заводами и воинскими частями этого района.

Рядовые члены Военной организации, зачастую почти не знакомые с партийной программой, не видели отличий между позициями анархистов и большевиков. Прапорщик В. В. Сахаров говорил по этому поводу: «Многие из солдат-большевиков ходят к анархистам и удивляются, почему большевики не поддерживают анархистов, тогда как анархисты всегда стоят на стороне большевиков»¹⁸. Действительно, существуют свидетельства о том, что анархисты поддерживали большевиков во время подготовки июньской демонстрации¹⁹. Некоторые рядовые большевики из воинских частей присоединились без ведома своего руководства к «Временному революционному комитету», организованному на даче Дурново²⁰.

Принадлежность к анархистам, видимо, не определялась наличием партийного билета или каким-либо иным способом (что вполне соответствовало идеологии этого движения), поэтому установить состав

¹⁴ Показания ратника Ф. С. Гольдмана // ГАРФ. Ф. 1782. Оп. 1. Д. 7. Л. 79.

¹⁵ Бывший член Военной организации А. И. Тарасов-Родионов в своих воспоминаниях также характеризовал Ю. Ю. Жендзяна как «левого эсера» и писал о том, что он распространял среди солдат своей команды интернационалистические взгляды. Кроме того, в Ораниенбаумском Совете при участии Жендзяна и Тарасова-Родионова был создан блок интернационалистов (*Тарасов-Родионов А. И.* Июль. М. : Моск. т-во писателей, 1933. С. 233–234, 304).

¹⁶ Показания М. Грибека // ЦГИА СПб. Ф. 1695. Оп. 2. Д. 9. Л. 35; Показания прапорщика А. М. Баранова // Там же. Д. 10. Л. 129 об.; Показания М. А. Маркина // Там же. Д. 11. Л. 45; Показания прапорщика А. П. Каролинского // Там же. Л. 177 об.

¹⁷ Показания Г. Г. Маслова // ЦГИА СПб. Ф. 1695. Оп. 2. Д. 11. Л. 7.

¹⁸ Петербургский комитет РСДРП(б) в 1917 году: Протоколы и материалы заседаний / ред. Т. А. Абросимова и др. СПб. : Бельведер, 2003. С. 347.

¹⁹ Показания прапорщика Носенко // ЦГИА СПб. Ф. 1695. Оп. 2. Д. 10.

²⁰ *Канев С. Н.* Крах русского анархизма // Вопросы истории. 1968. № 9. С. 55. В вышедшей позже монографии этот эпизод отсутствует (*Канев С. Н.* Октябрьская революция и крах анархизма. М. : Мысль, 1976. 415 с.).

анархистских групп в полках невозможно. Наиболее сильное влияние анархо-коммунистов наблюдалось в 1-м пулеметном запасном полку. Пулеметчики участвовали в анархистских акциях: захват типографии «Русская воля» 5 июня, освобождение «политических заключенных» из тюрьмы «Кресты» 18 июня²¹.

Как вспоминал член Военной организации и один из лидеров большевистской ячейки в 1-м пулеметном полку И. Ф. Казаков, в 16-й роте анархисты имели своих представителей. Если верить его воспоминаниям, местные большевики сотрудничали с ними. Вместе с прапорщиком А. Я. Семашко он часто бывал на даче Дурново и вел беседы «на тему о военно-технических действиях на случай свержения Временного правительства»²². Речи же на митингах от имени анархо-коммунистов в основном произносились приходившими в полк ораторами, прежде всего, И. С. Блейхманом (Н. Солнцевым) и матросом А. Г. Железняковым.

В показаниях следственной комиссии по расследованию вооруженного выступления 3–5 июля 1917 г. 1-го пехотного запасного полка также имеется много свидетельств об участии солдат в анархистском движении. Называется даже группа военнослужащих из восьми человек во главе с рядовым М. Н. Марковым, регулярно посещавшим штаб анархистов и открыто называвшим себя анархистом²³. В саду рядом с дачей Дурново на митингах постоянно присутствовали солдаты 1-го пехотного полка²⁴.

Таким образом, уже летом 1917 г. у нескольких леворадикальных политических групп наблюдалась тенденция к совместным действиям. Сближение происходило на низовом уровне между отдельными агитаторами. Члены левых социалистических партий действовали единым «левым блоком» в борьбе против умеренных. Своеобразной пробой сил представителей леворадикальных движений Петрограда стали Июльские события. Они потерпели поражение, и многие из них оказались в заключении или отправлены на фронт.

На непродолжительное время леворадикальная волна схлынула. Умеренные силы предпринимали попытки восстановить порядок и решить политический кризис. Однако попытка установления военной диктатуры верховного главнокомандующего Русской армией генерала Л. Г. Корнилова 25–31 августа 1917 г. подорвала доверие

²¹ Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Протоколы, стенограммы и отчеты, резолюции, постановления общих собраний, собраний секций, заседаний Исполнительного комитета и фракций 27 февраля — 25 октября 1917 г. М. : РОСПЭН, 2002. Т. 3. С. 293.

²² Казаков И. Ф. [Воспоминания], 1957 // ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 5. Д. 2065. Л. 7.

²³ Показания прапорщика А. Семенова // ГАРФ. Ф. 1782. Оп. 1. Д. 7. Л. 96; Показания поручика А. М. Мирийлова // Там же. Л. 99.

²⁴ Показания вольноопределяющегося И. Г. Торского // Там же. Д. 9. Л. 69.

к Временному правительству и умеренным социалистам, его поддерживающим.

Начался процесс, получивший в историографии название «большевизация Советов». В воспоминаниях встречаются свидетельства о замене меньшевистских и эсеровских депутатов Петроградского Совета большевистскими²⁵. Однако, по данным М. Н. Потехина, за три месяца с августа по октябрь в солдатской секции было переизбрано всего 38 депутатов при общем числе 902 человека²⁶. Таким образом, даже к ноябрю 1917 г. было переизбрано менее 5 % от общего количества солдатской секции. Данных о партийной принадлежности новых кандидатов выявить не удалось. Едва ли не единственное сообщение на страницах большевистских газет о замене представителя Огнетно-химического батальона эсера Усенко членом Военной организации большевиков А. Ф. Ильиным (Женевским)²⁷. Проследить «большевизацию» как простое переизбрание сторонников эсеров-меньшевистского блока на большевиков не представляется возможным по отношению к сентябрю–октябрю 1917 г.²⁸ Тем не менее возрастание влияния и популярности большевиков отмечают даже их противники²⁹.

Несмотря на такое незначительное изменение состава солдатской секции Петроградского Совета, 13 сентября на выборах членов Исполнительного комитета Совета секция фракция большевиков заняла второе место и получила девять мест (138 голосов). За эсеров в союзе с народными социалистами было подано 155 голосов, им досталось на одно место в Исполкоме больше³⁰. Однако среди этих десяти

²⁵ Иванов П. В. [Воспоминания] // ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 5. Д. 2079. Л. 5; Ильин-Женевский А. Ф. От февраля к захвату власти: Воспоминания о 1917 годе. Л. : Прибой, 1927. С. 93.

²⁶ Потехин М. Н. 1) Первый Совет пролетарской диктатуры. Л. : Лениздат, 1966. С. 32; 2) К вопросу о возникновении и составе Петроградского совета в 1917 г. // История СССР. 1965. № 5. С. 234. Г. И. Злоказов назвал другую цифру. По его подсчетам, численность солдатской секции в сентябре–октябре составляла около 600 человек (Злоказов Г. И. Петроградский Совет на пути к Октябрю. М. : Наука, 1978. С. 251).

²⁷ Солдат. 1917. 17 сент. См. также: Ильин-Женевский А. Ф. От февраля к захвату власти. С. 93.

²⁸ О такого рода «большевизации» можно говорить в отношении пролетариата столицы. Историки, уделившие процессу перевыборов специальное место в своих исследованиях, приводят ряд примеров отзыва меньшевиков и эсеров на предприятиях Петрограда. Однако в отношении гарнизона примеры либо не приводятся вовсе, либо его выводы базируются на свидетельствах, относящихся к другим периодам (Карамышева Л. Ф. Борьба большевиков за Петроградский Совет (март–октябрь 1917 г.). Л. : Лениздат, 1964. С. 138; Злоказов Г. И. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в период мирного развития революции (февраль–июнь 1917 г.). М. : Наука, 1969. С. 248).

²⁹ См. редакционные статьи в газете «Речь» с 8 сент.

³⁰ Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году... Т. 4. С. 364.

трое примыкали к левому крылу партии социалистов-революционеров: И. В. Балашов, Л. И. Диесперов, П. Е. Лазимир³¹. Переизбранный 29 сентября президиум солдатской секции отражал соотношение сил в этой части Петроградского Совета. Были выбраны три эсера (из них два «левых»), три большевика и один меньшевик³².

Об изменении соотношения сил говорят и данные об уменьшении численности фракции эсеров в Петроградском Совете. Между 12 сентября и 4 октября количество ее членов уменьшилось в полтора раза — со 108 депутатов до 65³³. Приведенные числа позволяют предположить, что размежевание депутатов солдатской секции Совета зафиксировало не партийную принадлежность проголосовавших, но создание новых социалистических блоков — леворадикального и умеренного. Как заключили авторы коллективной монографии «Октябрьское вооруженное восстание», в августе–сентябре 1917 г. в Петрограде происходило усиление левого крыла и эсеров, и меньшевиков, поэтому при тайном голосовании эсеры и меньшевики, придерживавшиеся более левых взглядов, чем их руководство, голосовали за фракцию большевиков³⁴.

Иными словами, произошло не изменение партийного состава Совета, а смена политической ориентации его членов. В результате перевыборов количество большевиков в солдатской секции Совета увеличилось, но незначительно. В то же время менялись настроения депутатов, и они переходили на позиции большевиков, что приводило к новой расстановке политических сил, к усилению влияния большевиков в Совете.

Лозунг «Вся власть Советам!» стал лозунгом сплочения левосоциалистических партий и групп для борьбы с контрреволюцией и создания власти, способной начать переговоры о мире и подготовить условия для проведения глубоких социальных реформ³⁵. Благодаря этой

³¹ *Соболев Г. Л.* Петроградский гарнизон в борьбе за победу Октября. Л. : Наука, 1985. С. 207.

³² Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году... Т. 4. С. 429.

³³ *Потехин М. Н.* Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в исторической литературе 60–70-х гг. // Великий Октябрь в советской и зарубежной исторической литературе : сб. статей. Тбилиси : Мецниереба, 1980. С. 173.

³⁴ Аргументами исследователей служат итоги Петроградской общегородской конференции меньшевиков, закончившейся избранием в Петроградский комитет только меньшевиков-интернационалистов, и поддержка резолюции «левых» эсеров VII съезда партии большинством районных организаций эсеров столицы (Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде. Л. : Наука, 1967. Кн. 2. С. 103–105).

³⁵ *Рабинович А.* Большевики у власти. Первый год советской эпохи в Петрограде. М. : АИРО-XXI, 2008. С. 26. О принятии общего лозунга сил «левого блока» «Вся власть Советам!» см.: об анархистах (*Штырбул А. А.* Анархистское движение... С. 164), об эсерах-максималистах (*Стариков С. В.* Левые социалисты в Великой Российской революции. С. 178–184), о левых эсерах (*Сапон В. П.* Терновый венец свободы. С. 117–119; *Штырбул А. А.* Политическая культура Сибири : Опыт

политической платформе в провинции большевикам удалось найти себе союзников в левой части политического спектра в борьбе против умеренных социалистов. Причем в некоторых регионах меньшевистские элементы стояли во главе леворадикального движения³⁶. В этот период «левый блок» осуществлялся на низовом уровне. Это хорошо видно на материалах фронтовых конференций³⁷.

Итогом перехода Петроградского Совета под контроль леворадикальных сил стало появление Военно-революционного комитета. Изначально сама идея создания независимого военного штаба, который должен был иметь широкие полномочия в вопросе обороны столицы, исходила от умеренных социалистов. Они рассчитывали, что таким образом помогут командованию Петроградского военного округа осуществить намеченные меры по организации обороны столицы. Проект, доработанный в военном отделе Совета, был одобрен солдатской секцией 13 октября и окончательно утвержден 16 октября³⁸.

Изначально в Военно-революционный комитет должны были войти кроме делегатов Петроградского Совета представители всех влиятельных общественных и политических организаций: Центрофлота, Железнодорожного союза, Почтово-телеграфного союза, других профсоюзов, представители военных отделов Совета, ВЦИК, Совета крестьянских депутатов и др.³⁹ Соответственно, он строился на основе не партийного представительства, а профессионального. Выбранными оказались представители всех советских партий. Однако умеренные социалисты, когда выяснилось преобладание левых партий в ВРК, вышли из его состава. Представитель Военной комиссии при ЦК социалистов-революционеров М. Ракин-Броун вспоминал, что, выяснив на одном из первых заседаний, что ВРК ставит своей целью свержение Временного правительства, заявил от имени своей партии о выходе из его состава⁴⁰.

Тем не менее большевики не остались главенствующими руководителями ВРК. Небесспорные подсчеты Е. Д. Ореховой говорят о том, что ВРК состоял не только из большевиков, хотя и при их доминирова-

провинциальной многопартийности (конец XIX — первая треть XX в.). Омск : ОмГПУ, 2008. С. 274–283).

³⁶ *Стариков С. В.* Власть Советам, а не партиям: Советская революция в Самаре в 1917–1918 гг. Йошкар-Ола : Марийский гос. ун-т, 1999. С. 58, 63; *Raleigh D.* Revolution on the Volga. P. 216; *Штырбул А. А.* Анархистское движение... С. 149–150; *Сапон В. П.* Терновый венец свободы. С. 102.

³⁷ *Голуб П. А.* Большевики и армия в трех революциях. М. : Политиздат, 1977. С. 224.

³⁸ *Рабинович А.* Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде. М. : Прогресс, 1989. С. 260–261.

³⁹ Петроградский Военно-революционный комитет : документы и материалы / ред. Д. А. Чугаев. М. : Наука, 1966. Т. 1. С. 38–39.

⁴⁰ Правозсеровский политический процесс в Москве / сост. В. К. Виноградов и др. М. : РОССПЭН, 2010. Т. 1–2. С. 160.

нии: 50 большевиков, 20 «левых» эсеров, 1 анархист, 1 интернационалист, еще 5 человек с неопределенной партийностью⁴¹.

Троцкий, в то время председатель Петроградского Совета, вспоминал, что создание ВРК было итогом блока трех партий (большевиков, «левых» эсеров и анархистов), и «в сущности каждая партия давала людей, посылая вспомогательных работников, которые меняли уставших»⁴². По словам В. А. Алгасова (Бурдакова), на учредительном съезде партии левых эсеров при совместном решении вопросов между партиями не было конфликтов, «разница между большевиками и левыми социалистами-революционерами в процессе повседневной, будничной работы Военно-революционного комитета стерлась». По его словам, никогда не было фракционных голосований, а большевики никогда не использовали свое большинство в органе восстания⁴³.

Таким образом, сотрудничество леворадикальных партий начало развиваться еще с лета 1917 г. и отражало сближение политических позиций большевиков и левого крыла партий эсеров и меньшевиков, а также анархистов. Совместная агитация на солдатских митингах привела к определенным настроениям в Петроградском гарнизоне, которые в итоге вылились в Июльское выступление и его разгром. Однако это не означало крах всего движения. В изменившейся после Корниловского выступления ситуации леворадикальное движение стало набирать популярность при одновременном ослаблении умеренных социалистов, составлявших большинство Петроградского Совета. Произошедшие в сентябре перевыборы сделали Петроградский Совет оплотом левых сил. Только благодаря его авторитету Военно-революционный комитет взял под контроль все воинские части столицы. ВРК являлся органом, состоящим в основном из тех партий, которые выступали за переход всей власти в руки Советов. Именно совместные действия «левых» эсеров и большевиков и привели к смене власти в октябре 1917 г.

Б. Б. Дубенцов: Можете ли вы привести свидетельства источников, указывающие на то, что процесс сближения низовых активистов леворадикальных партий был подкреплен на уровне руководящих органов?

К. А. Тарасов: Подобные решения можно проследить по муниципальным выборам в Петрограде. Петербургский комитет большевиков

⁴¹ Орехова Е. Д. О составе Петроградского Военно-революционного комитета // История СССР. 1971. № 2. С. 129.

⁴² Воспоминания об Октябрьском перевороте. Заседание участников Октябрьского переворота в Петербурге, состоявшееся 7 ноября 1920 // Пролетарская революция. 1922. № 10. С. 54.

⁴³ Партия левых социалистов-революционеров : документы и материалы, 1917–1925 гг. М. : РОССПЭН, 2000. Т. 1. С. 109.

выступал за то, чтобы блокироваться со всеми интернационалистическими группами в противовес умеренным социалистам. В некоторых районах совместные списки представлялись с левыми эсерами, как на Охте, где-то с меньшевиками-интернационалистами, как на Васильевском острове.

Б. Б. Дубенцов: А на уровне Петербургского комитета и других партийных комитетов?

К. А. Тарасов: Этот вопрос обсуждался в самом начале легальной деятельности большевиков. Однако было принято решение, что на таком уровне соглашения даже с межрайонцами не будет. Тем не менее реально это сотрудничество начинается довольно рано.

А. Рабинович: Я хотел бы узнать, не думаете ли вы, что умеренные большевики играли ведущую роль в создании блока? Лет десять назад я писал статью для «Исторических записок» про умеренных большевиков. Мне тогда казалось, что их присутствие было важным для левых меньшевиков, для меньшевиков-интернационалистов. Между ними были личные связи, были организационные связи. Это было частью блока. У них часто совпадали цели — «Вся власть Советам!», однородное социалистическое правительство.

К. А. Тарасов: Я думаю, что наибольшую роль умеренные большевики начинали играть для складывания этого блока, когда им удалось привлечь на свою сторону левые круги умеренных партий, лишь в период сентября–октября 1917 г. и до того периода, когда Ленин вернулся в Петроград и выступил с более радикальной программой действий. Под знамена лозунга «Вся власть Советам!» собирались разные политические группы. Это прекрасно видно по заседаниям Петроградского Совета. Большевики, работавшие в Совете, были более умеренно настроены, более склонны к компромиссам, чем те члены партии, которые находились в постоянном соприкосновении с «массой», работали на митингах, на заводах, в казармах. Умеренные большевики становились ядром для объединения под этими лозунгами в Петроградском Совете. В то же время некоторые левые большевики находили точки соприкосновения даже с анархистами. Так что имела место определенная поляризация в партии.

Д. Иванов: Кроме того, что у анархистов не было партийных билетов, есть ли еще проблемы для определения партийной ориентации? Например, Ф. П. Хаустов являлся то ли большевиком, как он сам писал в 1920-е гг., то ли эсером-максималистом, о чем тоже есть источники.

К. А. Тарасов: Действительно, вопрос о партийной принадлежности является очень сложным. Вероятно, к нему не стоит подходить как к чему-то само собой разумеющемуся. Многие активисты, которых мы знаем как большевиков, на самом деле лишь впоследствии «большевицизировали» автобиографию, причисляли себя к большевикам с дореволюционным стажем. Даже такие известные деятели, как В. А. Антонов-Овсеенко или член Исполкома солдатской секции Петроградского

совета А. Д. Садовский, о которых в советской историографии говорилось как о большевиках, примкнули к большевистской партии лишь в 1917 г.

Усложняет ситуацию и то, что активисты могли выступать от имени двух и более организаций. У агитаторов Межрайонной организации мы находим документы, дающие им право выступать от имени партии большевиков. Во время следствия по делу о выступлении 3–5 июля 1-го пулеметного полка было выяснено, что некоторые активные его участники имели партийные пропуска и на дачу Дурново, и во дворец Кшесинской. Т. е. могла иметь место двойная партийность.

И. М. Сапронов: Можно ли действительно говорить о том, что большевики не были известны в массе? Насколько можно говорить о такой «малоизвестности», учитывая, например, факт выбора депутатов от большевиков в Государственную думу.

К. А. Тарасов: Я имел в виду, конечно, неизвестность большевиков в солдатской среде. В период Первой мировой войны большевики имели слабое влияние в Петроградском гарнизоне. Единственное место, где им удавалось более или менее активно действовать, — это Кронштадт. В своем докладе я называю цифру 200 членов Военной организации большевиков в марте–апреле 1917 г. И это вместе с теми солдатами, которые вступили в партию после революции. Вполне очевидно, что это незначительное число.

Хотя надо сказать, что подсчет активистов не имеет такого значения, какое мы часто ему приписываем. Например, даже если мы берем широко распространенное в историографии число членов Военной организации в октябре — 5800 человек — это капля в море в гарнизоне, где насчитывалось не менее 100 тыс. солдат. И это в октябре, когда большевики должны бы пользоваться максимальным влиянием. Поэтому гораздо большее значение для победы Октября играл «левый блок», в который были вовлечены не только члены других партий, но и «свободные радикалы».

А. В. Бондаревский: Вы несколько раз повторили эту цифру — 200 человек в начале 1917 г. Почему тогда большевиков сейчас обвиняют в том, что это они разложили армию, из-за чего Россия не смогла вместе с союзниками одержать победу?

К. А. Тарасов: Публицисты и историки иногда очень неаккуратно используют терминологию, называя какие-то организации, тенденции или лозунги большевистскими. Тот же самый лозунг «Вся власть Советам!» во многом был связан с партией большевиков, но в конце концов он стал лозунгом довольно широкого леворадикального спектра.

Вообще слово «большевизм» в 1917 г. становится синонимом понятия «максимализм». «Солдатским большевизмом» называли попытки солдат уклониться от отправки на фронт. «Национальный большевизм» — попытка радикального решения национального вопроса и т. д. Вот это полевание настроений тогда связывали с большевиками,

буквально как с распространением заразной болезни, занесенной Лениным в апреле 1917 г. Так что, вероятно, уже с 1917 г. наш взгляд на революцию остается «большевицентричным».

И. П. Петухов: Признавали ли другие партии лидерство большевиков в революционных событиях? Если да, то с какого момента мы можем это проследить?

К. А. Тарасов: Здесь сочетались сотрудничество и конкуренция. Это хорошо видно на примере анархистов. С одной стороны, они пытались завоевать влияние среди тех же самых кругов, что и большевики. В таких воинских частях заметна конкуренция за лидерство. Вместе с тем они не считали возможным организовать действительно мощную антиправительственную демонстрацию без поддержки большевиков. Это хорошо видно в период между отмененной большевистской демонстрацией в начале июня и Июльскими событиями. В других случаях скорее стоит говорить о следовании не столько за большевиками, сколько за настроениями «массы».

Революционная радикализация российских военных в Финляндии и национальные устремления финляндцев в 1917 г.

Цель настоящей работы — проследить за развитием «солдатской революции» в Финляндии весной 1917 г., учитывая, как она повлияла на развитие «национальной» революции финляндцев, а также оценить влияние «военного фактора» на жизнь населения «своей»/«чужой» территории, какой воспринималось бывшее Великое княжество Финляндское в Российском государстве в заключительный период финляндской автономии.

В отличие от советских авторов, которые ранее подчеркивали «дружбу» финского пролетариата с российскими матросами и солдатами, сейчас историки чаще отмечают различные цели и разную динамику революции солдат и финской национальной революции. По наблюдениям исследователей, несмотря на существовавшие «коммерческие» отношения между гарнизонами и жителями княжества, русские военнослужащие в Финляндии были изолированы от местного общества. Это объяснялось различиями в конфессиональной принадлежности, в языке и культуре, а также неприязненным отношением финляндцев к представителям русской власти и армии, наблюдавшимся в дореволюционный и революционный период¹.

В 1917 г. революция в армии и национальная революция финляндцев развивались параллельно и во многом независимо друг от друга. Революционное движение в финляндских гарнизонах было, в первую очередь, частью российской солдатской революции, отличавшейся здесь даже большим радикализмом, чем, например, в петроградском гарнизоне². Как пишут многие историки, национальная революция

¹ *Luntinen P.* The Imperial Russian Army and Fleet in Finland 1808–1918. Helsinki, 1997; *Karemaa O.* 1) Vihollisia, vainooja, syöpäöäisiä: venäöäisviha 1917–1923. Helsinki, 1998; 2) Moraalisesta närkästyksestä kansalliseksi ohjelmaksi // Venäjän kahdet kasvot: Venäjä kuva suomalaisen identiteetin rakennuskivenä. Helsinki, 2004. P. 226–254; *Ketola E.* 1) Kansalliseen kansanvaltaan: Suomen itsenäisyys, ssiaali-demokraatit ja Venäjän vallankumous 1917. Helsinki, 1987; 2) Suomen sotilaskapina — Lokakuun vallankumouksen strateginen edellytys // Historiallinen Arkisto: 91. Helsinki, 1987.

² *Булдаков В. П.* Красная смута: природа и последствия революционного нашествия. М., 1997. С. 119–139, 145; *Колоницкий Б. И.* 1) Погоны и борьба за власть в 1917 году. СПб., 2001. С. 26–33; 2) Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб., 2001. С. 276–281; *Чистиков А. Н.* Финляндия: независимость, гражданская война, отношения с Советской Россией // Интервенция на Северо-западе России, 1917–1920. СПб., 1995. С. 159–174; *Норри Т. Joki ja sen väki II. Kokemäen historia 1870–2010.* Tallinn, 2011.

в Финляндии развивалась не столько в связи с восстаниями в воинских частях, сколько в ответ на распад российской центральной власти в 1917 г. На ее динамику повлияла противоречивая политика Временного правительства, а затем — приход к власти большевиков, облегчивший получение Финляндией независимости³. Таким образом, хотя финляндская революция и революция в гарнизонах изучались достаточно активно, попыток выявить их взаимосвязь и взаимовлияние пока не предпринималось.

Источники же свидетельствуют, что финляндская революция и революция в российских гарнизонах были тесно переплетены между собой. События в Финляндии в 1917 г. можно понимать как процесс «двойной радикализации». Несмотря на отсутствие тесных контактов между российскими военными и гражданским населением Финляндии, в период революции наблюдалось взаимное радикализирующее воздействие, которое еще более обостряло политическую обстановку в регионе. Весной 1917 г. усилившееся движение финляндцев за расширение автономных прав бывшего княжества содействовало радикализации настроений русских солдат и матросов в Финляндии.

Источниковую основу исследования составили многочисленные протоколы и резолюции солдатских и матросских собраний, заседаний комитетов воинских частей, опубликованные и хранящиеся в архивах письма российских военнослужащих в Финляндии, материалы военной цензуры и др.⁴ Эти материалы позволяют проследить, насколько сложным в обстановке продолжавшейся войны оказалось отношение русских военнослужащих к российскому правительству, политике финляндских властей и к местному населению. Они также проливают свет на то, в какой мере российские военные в Финляндии стали соучастниками финляндской национальной революции и сами испытали радикализирующее влияние финляндских политиков, в частности, социал-демократов, которые летом—осенью 1917 г. стремились воздействовать на активистов русских военных организаций.

В начале марта 1917 г. финское население выступало преимущественно сторонним наблюдателем восстаний гарнизонов и флотских команд, воспринимая происходившее как русскую «солдатскую революцию». 4 марта Текла Хултин, депутат финляндского парламента, описывая события в Гельсингфорсе, отметила в дневнике: «Странно S. 135–148; *Manninen O.* «Kapina, kansalaissota, vapaussota» // *Itsenäistymisen vuodet: 1917–1920. 2 osa.* Helsinki, 1993; *Tanskanen A.* Venäläiset Suomen sisällissodassa vuonna 1918. Tampere, 1978; *Venäläissurmat Suomessa 1914–22* / ed. L. Westrlund. Helsinki : Valtioneuvoston kanslian julkaisusarja, 2004. Osa 1, 2.

³ *Черняев В. Ю.* Революция 1917 г. и обретение Финляндией независимости // *Отечественная история.* 1993. № 6. С. 27–45; *Вихавайнен Т.* Национальное освобождение или социальное восстание? Гражданская война 1918 г. в Финляндии и национальное самосознание. Петрозаводск, 2009. С. 11–12, 23.

⁴ См.: *Дубровская Е. Ю.* Российские военнослужащие и население Финляндии в годы Первой мировой войны (1914–1918). Петрозаводск, 2008.

выглядели ночью корабли, на всех мачтах и на носу которых горели красные огни... С утра вместо огней были подняты красные флаги. По словам жителей домов, расположенных по дороге к морским казармам, у них до поздней ночи никто не мог заснуть из-за проезжавших мимо военных автомобилей, проходивших толп буйствующих военных и выстрелов»⁵. Но финны постепенно стали понимать, что крушение самодержавия имеет последствия, важные и для самой Финляндии. Так уже 7 (20) марта 1917 г. Временное правительство отменило прежние постановления, ограничивавшие автономию Финляндии⁶. А 16 марта прибывший в Гельсингфорс министр юстиции Временного правительства А. Ф. Керенский заявил «о полной амнистии финским гражданам, которых царизм преследовал за политические преступления»⁷.

Тем временем на местах шло формирование выборных органов революционной власти, причем разделение сфер компетенции между военными и гражданскими, русскими и финскими органами далеко не всегда было достаточно четким. В войсках, дислоцированных в Финляндии, как и по всей стране, уже в марте стали возникать выборные войсковые организации. За ними сразу утвердилось название «комитеты», хотя встречались и «советы». Показательно, что первоначально не существовало ясного разделения полномочий между финляндскими властями и русскими военными организациями⁸. Поэтому армейские и флотские советы не только распоряжались в армии, но и занимались проблемами русского населения в Финляндии и часто даже брали на себя поддержание порядка среди финнов⁹.

Характерным примером был Совет депутатов армии, флота и рабочих Свеаборгского порта, созданный уже 4 марта (позже переименованный в Гельсингфорсский совет депутатов армии, флота и рабочих). Уже в первые недели революции Совет пытался взаимодействовать с представителями Социал-демократической партии Финляндии (СДПФ) и рабочими организациями. Делегат от СДПФ Г. Ровио вошел в состав исполкома Совета¹⁰. В свою очередь, совет согласился участвовать в организации городской милиции, состоявшей в основном из финских рабочих и находившейся под управлением комитета по поддержанию порядка¹¹. В состав комитета, наряду с представителями от Гельсингфорского сейма рабочих организаций и городского муници-

⁵ Hultin T. Päiväkirjani kertoo: 1914–1918. II osa. Helsinki, 1938. S. 177–178.

⁶ Журналы заседаний Временного правительства. Март–октябрь 1917 года : в 4 т. М., 2001. Т. 1 : Март–апрель 1917 года. С. 49.

⁷ Известия Гельсингфорского совета депутатов армии, флота и рабочих. 1917. 19 и 21 марта.

⁸ Ketola E. Kansalliseen kansanvaltaan... S. 66.

⁹ Казанцев Д. Л. Воспоминания о службе в Финляндии во время Первой мировой войны, 1914–1917. М., 2016. С. 107, 116, 125 и др.

¹⁰ РГАВМФ. Ф. Р-92. Оп. 1. Д. 19. Л. 5.

¹¹ Там же. Ф. Р-2063. Оп. 1. Д. 2. Л. 4 об.

палитета, должны были войти по два депутата от русских революционных организаций и от исполкома Гельсингфорского совета¹².

В других городах Финляндии, где располагались гарнизоны и флотские команды, в марте также были созданы выборные комитеты, которые взаимодействовали с рабочими организациями или самостоятельно брали в свои руки охрану порядка. 8 марта начал работать Совет депутатов армии, флота и рабочих Або-Оландской укрепленной позиции, делегировавший троих представителей в Гельсингфорский совет¹³. В дни революции в Або (Турку) матросы совместно с финскими рабочими участвовали в освобождении из тюрьмы политических заключенных¹⁴. В городе Николайстаде (Вааса) созданный не позже 5 марта гарнизонный исполнительный комитет выслал в город патруль и конные разъезды; финской полиции было предложено сдать оружие и патроны под охрану комитета¹⁵. Комитет предостерегал нижние чины от нарушения «неприкосновенности личности своих сограждан-финляндцев и их собственности», нападений «с грубыми словами или действиями», запрещал требовать спиртное «под угрозой оружия», забирать без денег товары и продовольствие в лавках и магазинах¹⁶.

Наиболее заметной совместной акцией чинов гарнизонов и финляндского населения — преимущественно рабочих — стала грандиозная манифестация в Гельсингфорсе 17 марта, в День памяти борцов за свободу. По примеру Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, объявившего 23 марта Днем похорон жертв революции, здесь были устроены торжественные похороны двух матросов, погибших в дни Февральской революции. Церемония была настолько многолюдной, что в день похорон в городе было даже приостановлено движение трамваев. По сообщению газеты финских социал-демократов, исполком Гельсингфорского совета разработал маршрут шествия, по которому финляндцы и российские военные должны были двигаться совместными колоннами. Над процессией развевались финские и красные флаги, а у могилы был выставлен почетный караул из солдат¹⁷. Еще одно совместное шествие по Гельсингфорсу состоялось в день пролетарского праздника 1 Мая (18 апреля ст. ст.)¹⁸.

¹² *Сюккяйнен И.* Гельсингфорский Сейм рабочих организаций в 1917–1918 гг. // Скандинавский сборник. Таллин, 1962. Т. V. С. 58.

¹³ РГАВМФ. Ф. Р-92. Оп. 1. Д. 19. Л. 5.

¹⁴ *Киуру М. Х.* Боевой резерв революционного Петрограда в 1917 г.: Из истории русских большевистских организаций в Финляндии. Петрозаводск, 1965. С. 9.

¹⁵ Kansallisarkisto (Национальный архив Финляндии). Русские военные бумаги. Д. 465: Приказ № 18 по гарнизону г. Николайстада 9 марта 1917 г.

¹⁶ Известия Гельсингфорского Совета. 1917. 22 марта.

¹⁷ Vallankumous uhrien juhlallisten hautajaisten johdosta // *Työmies*. 1917. 29, 31 maalisk, 1 huhtik.

¹⁸ *Дубровская Е. Ю.* Русский Гельсингфорс весной–летом 1917 года (политическая топография города) // *Культуры городов Российской империи на рубеже XIX–XX веков*. СПб., 2009. С. 245–258.

В весенние месяцы российские военные и финские рабочие совместно доминировали на улицах финляндской столицы. Участвуя в митингах и демонстрациях, матросы и чины гарнизонов нередко выражали солидарность с требованиями финских рабочих. Так, 5 апреля на Сенатской площади состоялся 20-тысячный митинг в поддержку требования профсоюза финских рабочих-металлистов о немедленном введении в Финляндии 8-часового рабочего дня. По свидетельству одного из руководителей большевиков В. Н. Залежского, среди участников митинга преобладали матросы, и после речей ораторов началось «братание русских с финнами»¹⁹.

Как писала газета финских социал-демократов «Tuomi», поддержка требований рабочих со стороны русских матросов и солдат имела важнейшее значение²⁰. Делегация от рабочих, избранная на митинге, добилась от предпринимателей уступок металлистам²¹. Затем Центральная организация профессиональных союзов Финляндии (ЦОПФ), у руководства которой стояли социал-демократы, вынесла на утверждение сейма законопроект о 8-часовом рабочем дне для всех категорий рабочих. Разрешение вопроса должно было проходить парламентским путем под контролем ЦОПФ и исполкома Гельсингфорского совета²².

Приведенные примеры показывают, что не только гарнизоны оказывали революционизирующее воздействие на финскую политику, но и финляндские рабочие и социал-демократы так же, в свою очередь, втягивали в революционные действия российских военнослужащих, многие из которых прежде были далеки от политики. Эта динамика стала еще более явной летом 1917 г. в связи с обострением конфликта между Временным правительством и финским парламентом (сеймом) относительно статуса Финляндии.

В течение 1917 г. в условиях развала имперских государственных институтов и обострения военного и политического положения страны финляндские политические элиты все более активно стали выдвигать требования закрепления прав автономии посредством международных гарантий, а позже и вовсе — полного отделения от России²³. Характерно, что войсковые комитеты и русские советы в Финляндии, первоначально поддерживавшие Временное правительство, в итоге

¹⁹ Залежский В. Н. Гельсингфорс весной и летом 1917 г. // Пролетарская революция. 1923. № 5. С. 126–127.

²⁰ Soikkanen H. Kansalaissota dokumentteina: valkoista ja punaista sanankäyttöä v. 1917–1918. 1 osa. Helsinki, 1967. S. 19.

²¹ Polvinen T. Venäjän vallankumous ja Suomi 1917–1920. 1 osa : Helmikuu 1917–Toukokuu 1918. Helsinki, 1967. S. 47–48.

²² Известия Гельсингфорского совета. 1917. 7 апр.

²³ Лунтинен П. Разлука без печали: Как на карте Европы появилось независимое Финляндское государство // Родина. 1995. № 12. С. 27–31; Новикова И. Н. «Финская карта в немецком пасьянсе»: Германия и проблема независимости Финляндии в годы Первой мировой войны. СПб., 2002. С. 157.

встали на сторону финляндского сейма в его конфликте с имперским центром²⁴. В российской столице не только либералы из Временного правительства, но и умеренные социалисты стремились отложить решение вопроса о статусе Финляндии до созыва Всероссийского Учредительного собрания. Тем временем финляндские социал-демократы, ставшие главной силой национального движения, все более активно выступали за скорейшую независимость страны²⁵. Следует отметить, что радикализация солдатской революции и соответственное ослабление контроля Временного правительства над положением в регионе также подталкивали финляндцев к тому, чтобы все более решительно добиваться национальной независимости.

После утверждения в Петрограде 25 октября 1917 г. правительства большевиков и левых эсеров финляндские социал-демократы его не признали, и 6 декабря 1917 г. финляндский парламент провозгласил независимость страны. Финская национальная революция обрела собственную динамику, развивавшуюся под влиянием новых факторов. Российские войска оставались в Финляндии до середины марта 1918 г., когда по условиям Брестского мира с Германией и ее союзниками Советская Россия должна была вывести из страны армейские части и Балтийский флот. На последнем этапе своего пребывания в Финляндии гарнизоны оказались свидетелями разгоравшейся в стране Гражданской войны 1918 г., жертвами которой стали десятки тысяч человек. Облик финских красногвардейцев, сохранный фотографиями периода Гражданской войны, отражает влияние политической культуры революционных русских гарнизонов: полувоенное облачение, папиросы в зубах и пулеметные ленты через плечо²⁶.

Большинство служивших в русских гарнизонах не принимали участия в этой фазе гражданского противостояния в Финляндии. Однако роль российских военных в предшествовавшей финляндской национальной революции в 1917 г. была значительно более существенна, чем принято считать в современной историографии. Дислоцированные в Финляндии флотские и армейские части участвовали в политических акциях финляндцев. Они поддерживали выдвинутые финскими рабочими требования, в частности, о введении 8-часового рабочего дня, а позже обеспечили возобновление работы финляндского сейма. Возможность заручиться поддержкой со стороны гарнизонов вела к радикализации как социальных, так и национальных требований финляндских социал-демократов и политических элит в целом.

²⁴ Новикова И. Н. Великое княжество Финляндское в годы Первой мировой войны: от автономии к независимости. Война и общество в XX в. Кн. 1 : Война и общество накануне и в период Первой мировой войны. М., 2008. С. 186–231.

²⁵ Суни Р. Национализм и демократизация в русской революции 1917 г. // Анатомия революции: массы, партии, власть. СПб., 1994. С. 288.

²⁶ Itsenäistymisen vuodet... S. 65; Tampere 1918: A Town in the Civil War. Tampere, 2010. P. 63, 66, 73, 87–88.

Своей поддержкой более радикальных политических сил внутри гарнизонов умеренные финляндские политики также содействовали усилению «солдатской революции». Нараставшее противостояние гарнизонных и флотских комитетов и советов в Финляндии власти Временного правительства, в свою очередь, обусловило ослабление влияния центральной власти в регионе и во многом проложило путь к финляндской независимости. В итоге, солдатская революция и национальная революция в Финляндии, несмотря на разную динамику и различные цели, усилили друг друга.

К. А. Тарасов: Я хотел бы спросить о связи солдатской и национальной революций. Заметно ли взаимопереплетение этих двух революций?

Е. Ю. Дубровская: Самый красноречивый пример здесь — отношение к судьбе Финляндского Сейма. Когда в июле происходит конфликт финляндской демократии с Временным правительством и последнее предпринимает попытки ограничить законодательную деятельность Сейма, финляндские социал-демократы обратились именно к русским военным, чтобы те встали на их сторону. На русском языке создавалась специальная литература для распространения в воинских частях. Можно отметить совместную борьбу за установление 8-часового рабочего дня.

Февраль и Октябрь 1917 г. в Нижнем Новгороде: слухи как элемент революции

При описании событий Февральской революции в Нижнем Новгороде основной упор делался на оживлении работы партийных комитетов левых партий, на целенаправленной организации трудящихся масс силами леворадикального подполья (которое, впрочем, было обескровлено в ходе жандармских репрессий на рубеже 1916–1917 гг.¹). Так, видный нижегородский историк и современник событий В. Т. Илларионов утверждал, что «за несколько дней до революции подполье значительно оживилось». Это выразилось в том, что «начали созываться сходки, оживилась работа партийных комитетов, на которых “неизвестными” делались сообщения о событиях на фронте, в столицах, в крупных рабочих районах, и получалась путем шифрованных телеграмм информация от центральных партийных учреждений»².

Однако в действительности для указанных общественно-политических процессов, особенно на «низовом» уровне, более характерными оказались такие качества, как спонтанность и неопределенность, при этом важным психологическим элементом революционной обстановки стали слухи.

Кстати, слухи — как правило, антиправительственного содержания — активно распространялись по городам и всям губернии еще до крушения самодержавия. Например, в начале декабря 1916 г. начальнику жандармского управления Нижнего Новгорода стала известна невероятная история, рассказанная каким-то солдатом в магазине на Большой Покровской улице (в центре города): «им (солдатам) ротный командир объявил, что в Петрограде совершается что-то важное, что будто Государь даже арестован»³. Не менее тревожные слухи отслеживала военная цензура. Так, 14 ноября 1916 г. через почтовое отделение Панино русскому военнопленному Александру Кряжеву была отправлена посылка с письмом. Автор письма, видимо, отец Александра, сетовал на то, что скоро на воинскую службу будут брать стариков

¹ См. подробнее об упомянутых репрессиях: *Сапон В. П.* Опыт развития многопартийности в Нижегородской губернии в годы Первой мировой войны (дофевральский период) : монография. Н. Новгород : НФ УРАО, 2014. С. 111–115, 129–130.

² *Илларионов В.* Революционное движение пролетариата в Нижегородской губернии // Нижегородский край : пособие для учителей школ I и II ступени. Н. Новгород, 1926. Ч. 3 : Общество. С. 154.

³ Центральный архив Нижегородской губернии (ЦАНО). Ф. 918. Оп. 8. Д. 568. Л. 281.

от 55 лет и старше, «останутся у нас одни малы дети да женщины, да немощные старики». В этом же письме звучала и другая крамольная мысль: «...для нас по волостям навозили пулеметов и, похоже, что это припасли для нас: у нас хлеба не будет, нас с пулеметов и накормят»⁴.

Слухи как влиятельный спутник общественных настроений нередко упоминаются и в описаниях революционных событий 1917 г. Вот, например, как излагалась версия событий в заметке «Февральские события в Нижнем Новгороде», опубликованной в 1920 г.:

«Конец февраля, — вспоминал анонимный очевидец, — *принес лишь друг от друга передаваемые, непроверенные слухи, которые росли и множились с невероятной быстротой и часто теряли всякое подобие достоверности* (курсив наш. — В. С.). Лишь чувствовалось нарастание чего-то огромного, важного, тревожного...

С лихорадочной поспешностью рвались газеты из рук разносчиков...

Но там ничего не было.

Еще 26 февраля нижегородские газеты имели обыкновенный будничный вид.

Телефон Петроград—Москва—Нижний не работал.

Агентские телеграммы отличались сухостью, безжизненностью и не давали ответа на волнующие вопросы.

Столичных газет не было.

Тревога росла...

Наконец, 28 февраля появился указ о роспуске Государственной Думы и перепечатки из “Земщины” объявления генерала Хабалова, что ввиду происходящих в Петрограде беспорядков, войскам подтверждено употребление в дело оружия и отдан приказ не останавливаться ни перед чем для водворения порядка.

Повторение старого.

Патронов не жалеть...

Чувствовалось, что там, в центре, решается судьба отечества.

Ожидание становилось мучительным.

Хотелось быть там в эти великие исторические дни, принять участие в трудной борьбе.

Наконец неизвестность разрешилась.

Переворот совершен.

Нельзя сказать, чтобы он застал нижегородцев подготовленными.

Царила полная *растерянность*, неуверенность. Не было организованности»⁵.

Это уже в более поздние времена мемуаристы и исследователи воспроизводили в своих работах впечатляющую картину многотысячных краснознаменных демонстраций трудящихся, которые чуть ли не авто-

⁴ См.: ЦАНО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2633. Л. 108.

⁵ Февральские дни в Н.-Новгороде // Нижегородская коммуна. 1920. 12 марта.

матически стали мощным залогом осуществлявшейся смены власти в марте 1917 г. Реальность оказалась намного сложнее.

Одна местная газета по самым свежим следам описала «нижегородскую бескровную революцию» так: «Тогда (1 марта 1917 г. — В. С.) многотысячная толпа шла почти молча, сосредоточенно *с сознанием великого подвига, свершаемого ею во имя завоевания свободы*. Впереди стоял неразгаданный сфинкс — войска, и *где-то в глубине души у многих гнездились сомнения* — легко ли завершится переход гарнизона к новому порядку... (курсив наш. — В. С.)»⁶. Именно туманность исторической перспективы и неопределенность даже ближайших политических итогов создавали благоприятные условия для разного рода домыслов.

Состояние всеобщей тревоги и неопределенности, приправленное соответствующими слухами, было характерно и для октябрьского периода. Еще 20 октября 1917 г. в Нижнем Новгороде, так же как и в столице, ждали большевистского путча в связи с предполагаемым открытием Всероссийского съезда Советов. «Наступает 20 октября, — предвещала меньшевистская газета “Жизнь”. — День, который по всем слухам тов[арищи] большевики назначают днем своего выступления. Правда, тов[арищи] большевики официально еще не заявили об этом. Но и в их молчании по поводу всех этих слухов чувствуется подтверждение всем этим слухам. И оно слышится и во всех их призывах сейчас бороться за захват власти»⁷.

Никаких эксцессов в «предсказанный» день не последовало (не состоялся и съезд), тем не менее на охрану порядка в Нижнем Новгороде была брошена вся милиция, а также специально созданная сводная караульная рота из 600 солдат и офицеров. В резерве в состоянии боевой готовности находились части гарнизона.

На следующий день губернский город узнал о новой гипотетической угрозе: в Нижегородский совет рабочих и солдатских депутатов пришла телеграмма, сообщавшая, что «с фронта двинута карательная экспедиция для подавления внутренней анархии. Решено послать 12 экспедиций в разные места»⁸. Телеграмма породила немало разговоров и предположений о нависшей над Нижним Новгородом опасности.

23 октября 1917 г. в Нижний Новгород по распоряжению командования Московского военного округа прибыли два эскадрона драгун — согласно официальной версии, для охраны хлеба, заготовленного по заданию Министерства продовольствия, и поддержания порядка

⁶ Я. Манифестации и митинги // Волгарь. Н. Новгород, 1917. 17 марта.

⁷ Н. Новгород, 18 октября 1917 г. // Жизнь. Н. Новгород, 1917. 18 окт.

⁸ Драницын Н. И. Летопись революционных событий в Нижегородской губернии с 1917 по 1921 гг. // Материалы по истории революционного движения / под ред. В. Т. Илларионова. Н. Новгород, 1922. Т. 3. С. 81.

в Арзамасе⁹. Но передислокацию кавалерии можно было вполне рассматривать и как подготовку удара по «темным силам». Вечером того же дня губернский комиссар М. И. Сумгин провел беседу с членами Временного комитета общественной безопасности, сформированного 15 октября Городской думой, и дал согласие на передачу КОБу 500 берданок из гарнизонных запасов. Губкомиссар подчеркнул, что, весьма вероятно, «населению, в конце концов, придется принять участие в открытой схватке с темными элементами, выступающими под флагом большевизма»¹⁰.

24 октября 1917 г. на заседании Биржевого общества его председатель Н. М. Башкиров поставил вопрос об организации добровольческой боевой дружины в целях самообороны населения в преддверии повторения июльских событий. На эти цели Общество ассигновало 10 тыс. руб., которые тут же пошли на закупку оружия¹¹. (Кстати, в газете «Русское слово» сообщалось, что экстренное собрание Нижегородского биржевого общества по вопросу организации самоохранны состоялось еще 13 октября, причем «поводом к этому решению послужили распространяемые проскрипционные списки, в которые внесены состоятельные горожане и евреи. Временем погрома назначено 12–20 октября. Под каким флагом предполагается погром, на собрании не выяснено»¹².)

В этот же день министр внутренних дел направил губернским комиссарам телеграммы, в которых предписывал представителям Временного правительства «в случае возникновения беспорядков или попыток захвата... принять самые решительные меры к подавлению их, опираясь на все здоровые силы местного населения». «Не поддавайтесь ложным слухам о событиях в Петрограде, где все спокойно», — призвал министр А. М. Никитин¹³. Отметим, что заявление о спокойствии в столице, с учетом разворачивавшихся там революционных событий, тоже оказалось примером недостоверной информации.

25 октября 1917 г. в Нижний Новгород пришли тревожные сообщения о восстании в Петрограде, в связи с чем состоялось сначала заседание Временного революционного комитета (под председательством меньшевика П. Ф. Налетова), а затем экстренное объединенное заседание исполнительных комитетов Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, Временного ревкома и представителей социалистических партий (под председательством эсера В. Б. Либина)¹⁴. «По обсуждении всех кратких и отрывочных сведений о политических

⁹ Там же. С. 90.

¹⁰ Там же. С. 94.

¹¹ Там же. С. 93, 95.

¹² Русское слово. 1917. 15 окт.

¹³ Телеграмма министра внутренних дел // Нижегородский листок (далее — НЛ). 1917. 26 окт.

¹⁴ К событиям дня // НЛ. 1917. 27 окт.

событиях дня было решено пока воздержаться от каких бы то ни было выступлений в ту или иную сторону и опубликовать особое воззвание с призывом населения и гарнизона к спокойствию»¹⁵. Примечательно, что это воззвание поручили составить большевику Г. С. Биткеру и эсеру Либину. Было также установлено дежурство уполномоченных лиц на телеграфе — по двое от эсеров, меньшевиков и большевиков¹⁶.

Нижегородские большевики в этот день получили от Московского областного бюро РСДРП(б) директиву о подготовке к выступлению, после чего на заседании губкома партии было решено принять меры по захвату власти в городе и губернии. Местное большевистское руководство раскололось на два течения — сторонников и противников решительного захвата власти в городе и губернии¹⁷. Судя по всему, поначалу возобладали сторонники умеренной политической линии, именно поэтому Биткер и другие «мягкие» большевики активно включились в антикризисную работу совместно с эсерами и меньшевиками. О нерешительности, по сравнению с тактикой Центрального комитета партии, лидеров Нижегородской организации РСДРП(б) свидетельствовал и тот факт, что окончательное решение вопроса было отложено до общего собрания губернского Совета рабочих и солдатских депутатов, намеченного на следующий день.

Вполне вероятно, что на тактику ленинцев в Нижнем Новгороде как раз и повлияло отсутствие достоверной информации о событиях в центре. Так, 27 октября 1917 г. в газете «Нижегородский листок» была опубликована заметка «Ликвидация мятежа», которая передавала сведения «из официальных источников», больше похожие на непроверенные слухи: «...Казачи явились к Временному правительству и потребовали полной свободы действий. Требование их было удовлетворено. В результате — все быстро и решительно ликвидировано.

Ленин, говорят, спасся на “Авроре”».

Переданные ранее московскими вечерними газетами сведения об аресте правительства оказались вымышленными, исходящими из большевистских кругов».

А 29 октября орган Нижегородского губернского комитета РСДРП(о) «Жизнь» перепечатал заметку из московской эсеровской газеты «Труд» такого содержания: «Петроград взят верными правительству и демократии войсками.

Большевистский “Революционный Комитет” бежал»¹⁸.

В обстановке недостатка достоверной информации непродуманный радикализм мог не только стоить нижегородским большевикам потери

¹⁵ К событиям дня в Нижнем // НЛ. 1917. 26 окт.

¹⁶ К событиям дня // НЛ. 1917. 27 окт.

¹⁷ Победа Октябрьской социалистической революции в Нижегородской губернии : сб. документов / под ред. А. И. Великоречина и К. Г. Селезнева. Горький : Горьковское кн. изд-во, 1957. С. 329.

¹⁸ Ликвидация восстания // Жизнь. 1917. 29 окт.

политической репутации, как уже произошло в июле, но, как минимум, привести к ликвидации партийной организации. Именно поэтому возглавленная ими осенью 1917 г. советизация власти в губернии затянулась на несколько недель. Таким образом, слухи на протяжении всего революционного года не только являлись составной частью обывательского общественного мнения, но и превратились в весомые факторы информационно-психологической войны, серьезно влиявшие на тактику политических сил.

Дискуссия

Б. Б. Дубенцов: На пленарном заседании была упущена из внимания очень важная деталь, которая рельефно выступила на нашей секции. Мне кажется, нужно говорить об антибуржуазном, антикапиталистическом и просоциалистическом настрое политических сил, которые участвовали в процессах 1917 г. Об этом довольно много писал Б. И. Колоницкий в своих ранних статьях. С помощью этой идеи можно выйти на другую более важную тему о связях революционного процесса 1917 г. с порочностью, недоразвитостью российского капитализма. Ответственность за это, конечно, нес самодержавный режим во всех его авторитарных проявлениях, его системы государственной опеки, патернализма, а также сохранения политических постулатов в отношениях с обществом, которые были сформулированы и жестко обозначены еще при Петре I.

Многие сегодняшние докладчики показали, что не просто стечение каких-то конъюнктурных обстоятельств, слабость самодержавного режима, отрицательный политический опыт официальной оппозиции, действовавшей полулегально, но глубинные процессы привели к промежуточному итогу революции, к Октябрю 1917 г., когда власть получили леворадикальные элементы.

Еще хотел бы сделать замечание по поводу доклада К. А. Тарасова. То, что вы описали, скорее нужно называть не блоком, а низовым социалистическим единством или интеграцией. Блок в политической терминологии имеет вполне определенные признаки, и это не то, что вы нам представили.

И. М. Сапронов: Сегодня мы говорили о революционном процессе, и вопрос о революции — это всегда вопрос о политической борьбе. Политическая борьба по определению является борьбой политических меньшинств, но не произвольных и случайных, а конкретных организационных единиц, которые связаны с определенными слоями и фракциями классов. В связи с этим встает вопрос об укорененности партии в массе. Этот вопрос является ключевым для успеха или неуспеха политического действия данной политической группы. В марксистской науке по вопросу о связи партии и класса можно выделить три точки зрения, которые можно показать на примере трех лиц: Роза Люксембург, Владимир Ленин, Амадео Бордига.

Точка зрения Люксембург заключалась в том, что марксисты являются голосом времени, научным ядром, которое оценивает окружающую действительность, намечает определенное направление политической борьбы, по которому идут массы. Вместе с тем в своей полемике с Лениным накануне Первой мировой войны она настаивала

на том, что конкретные организационные инструменты — это дело предстоящего будущего. Это лучше оставить массам, рабочему классу и его творческому потенциалу, который должен себя проявить в момент революционного взрыва. Мы прекрасно знаем, чем для самой Розы Люксембург и Карла Либкнехта закончилось отсутствие должных организационных связей с классом.

Организационная модель большевиков, которая наиболее четко была сформулирована Лениным в работе «Что делать?», представляла собой образ расходящихся концентрических кругов. Существует политическое ядро, которое формирует определенную повестку, намечает направления политического действия. Существуют органически связанные с политическим ядром милитанты-партийцы. Наконец, существуют конкретные люди, которые знают партию, покупают ее литературу, газеты, поддерживают рублем или участвуют, например, в распространении прокламаций и т. п.

Наконец, модель Амадео Бордига, стоявшего у истоков итальянской Коммунистической партии. С его точки зрения, существует четкое деление на политический центр и активистов, которые беспрекословно выполняют все его указания. Подобный взгляд на организационную структуру имеется в историографии по отношению к большевикам. Но этот взгляд, как мы знаем, например, по работам А. Рабиновича, не совсем корректен.

Н. В. Михайлов: Уважаемые коллеги, прозвучавшие на нашей секции доклады вызвали большой интерес, о чем свидетельствуют многочисленные адресованные авторам вопросы. Но, к сожалению, на них мы потратили слишком много времени, и дискуссию, которая только началась, приходится сворачивать, как того требует расписание работы нашей конференции.

11 мая 2017 г.

Секция 2

**МУЗЕЕФИКАЦИЯ ИСТОРИИ
РЕВОЛЮЦИИ**

Н. В. Аникин, Е. М. Мяжкова

Выставочный проект «1917. Код революции»: концепция, документальные источники, презентация

Юбилейные даты, как правило, резко активизируют попытки осмысления поворотных исторических событий национальной истории. Чем значительнее роль и масштаб этого события, тем сложнее лабиринт его интерпретаций. Причины такого явления объясняются присутствием в нем трех главных антиномий: исторической памяти/науки; преемственности/разрыва традиций; локальности/универсальности процессов.

Историческая память/наука. В истории найдется немало событий, названия которых утратили свой изначально узкий, конкретно-событийный характер. Приобретя нарицательное значение, они в гораздо большей степени известны как мифологемы (миф об Октябре, «советский миф»)¹, аллегории, как общественно-политические лексемы (эталон революции/«империя зла»), как ценностно-поведенческий эталон («новый человек», «моральный кодекс строителя коммунизма»)² или сюжет произведений искусства³. Отсюда — проблема соотношения исторической памяти (разделяемые обществом мифы, традиции, представления о прошлом) и науки (стремление к объективной истине, подкрепленное критическим анализом источников). «Управление прошлым в настоящем» зависит от насущных потребностей общества (культурных, идеологических, политических), а потому ведет к избирательности, искажению фактов, делая память «историей забвения в истории». Закономерно, что П. Нора ставил цель вернуть память под контроль историков⁴.

¹ Советский миф. Произведения из собрания Русского музея. СПб. : Palace Editions, 2014. 192 с.; *Corney F. C.* Telling October: Memory and the Making of the Bolshevik Revolution. Ithaca : Cornell Univ. Press, 2004. 301 p.

² *Kelly C., Shepherd D.* Constructing Russian culture in the age of revolution: 1881–1940. Oxford Univ. Press, 1998. 372 p.; *Stites R.* Revolutionary Dreams: Utopian Vision and Experimental Life in the Russian Revolution. Oxford University Press, 1989. 307 p.

³ Великая Октябрьская социалистическая революция в произведениях советских писателей. К истории советской литературы : библиогр. указатель для научных работников. 1917–1967 / сост.: Ф. Е. Эбин, И. М. Меркулова, Г. А. Петрова и др. М. : Книга, 1967. 407 с.; *Регистан Г.* Великий Октябрь : стихи. М. : Молодая гвардия, 1977. 272 с.; Сердцем слушаю революцию... : Искусство первых лет Октября : альбом / авт. вступ. ст. и сост. М. Герман. Л. : Аврора, 1985. 102 с.; *Kenez P.* Cinema and Soviet society: From the Revolution to the Death of Stalin. New York : I. B. Tauris, 2001. 252 p.

⁴ Франция-память / П. Нора и др. СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. 328 с.

Преemptивность/разрыв традиций. В противовес апологетам почвенничества и русской идеи, российское революционное движение в значительной своей части оказалось восприимчиво к марксистским идеям, произросшим из европейской социалистической традиции, ведущей свое происхождение от «Утопии» Томаса Мора. Создавая собственное государство, большевики во многом ориентировались на опыт предшествующих революций — от Марата и Робеспьера до деятелей Парижской коммуны. Провозгласив идеалы свободы, равенства и братства, они пытались довести до логического завершения европейские модели осмысления идеальных вариантов социального переустройства⁵.

Российские марксисты с самого начала считали себя единственными истинными наследниками революционных традиций Европы, идей К. Маркса и Ф. Энгельса, получивших логическое завершение и абсолютное выражение в их собственной политической практике. Первые годы советской власти доказали, что у большевиков уже накануне 1917 г. действительно существовало четкое представление об их собственном интеллектуальном происхождении (это видно в ленинском плане «монументальной пропаганды», точнее говоря, в списке памятников, которые предполагалось воздвигнуть в память революционеров и прогрессивных деятелей культуры всех времен и народов⁶). «Благодаря вынужденной царизмом эмигрантщине, — писал В. И. Ленин, — революционная Россия обладала во второй половине XIX века таким богатством интернациональных связей, такой превосходной осведомленностью насчет всемирных форм и теорий революционного движения, как ни одна страна в мире»⁷.

Локальность/универсальность процессов. Несмотря на конкретность географических границ и специфику национальных условий, пролетарская революция, совершенная в октябре 1917 г., мыслила себя в глобальном масштабе: Россия представлялась лишь начальным звеном в Мировой Советской Социалистической Республике (раздел I Конституции СССР 1924 г.). «Раньше западные народы рассматривали нас и все наше революционное движение, как курьез, — говорил В. И. Ленин в 1918 г. — Они говорили: пускай себе побалуется народ, а мы посмотрим, что из всего этого выйдет <...> Чудной русский народ!.. И вот этот “чудной русский народ” показал всему миру, что значит его “баловство” <...> Все увидали, что это только начало всемир-

⁵ Революционная мысль в России XIX — начала XX века : энциклопедия / редкол.: В. В. Журавлев и др. М. : РОССПЭН, 2013. 613 с.

⁶ Декрет СНК «О памятниках Республики» («О снятии памятников, воздвигнутых в честь царей и их слуг, и выработке проектов памятников Российской Социалистической Революции»). Список из 69 имен был утвержден СНК 30 июля 1918 г. К первой годовщине революции был открыт обелиск в Александровском саду с именами мыслителей и борцов за свободу. См.: *Валовой Д. В., Лапшина Г. Е.* Имена на обелиске. М. : Совет. Россия. 1985. 320 с.

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. : в 55 т. 5-е изд. М., 1963. Т. 41. С. 8.

ной великой революции. И это начало великой революции положили мы, отсталый русский “чудной” народ <...> Нужно сказать, что история идет странными путями: на долю страны отсталой выпала честь идти во главе великого мирового движения»⁸.

Политический и социальный эксперимент, пропагандистская деятельность и активная внешняя политика СССР оказали радикальное влияние на развитие многих международных процессов. Парадоксальность и беспрецедентность совершившихся в России перемен сделали 1917 г. важнейшим рубежом в мировом историческом процессе. Ученые, политики, деятели культуры и общественные мыслители во всем мире искренне полагали, что со времени Октябрьской революции «мир стал другим» (Альберт Рис Вильямс): она «коренным образом изменила идеологию всего мира» (Герберт Уэллс), она «в корне преобразует социальную структуру всего мира» (Антонио Грамши), впервые в истории человечества она «попыталась учредить народную власть, действующую в интересах народа» (Анатолий Франс), она является «величайшей социальной революцией после политической революции 1789 года» (Томас Манн); возвышение большевиков есть «явление мирового значения» (Джон Рид), а героизм российского пролетариата заставил «вращаться быстрее колесо истории» (Морис Торез).

Учитывая долгий период советской апологетики⁹ и порожденный им бурный этап «ревизионизма»¹⁰, века еще недостаточно для осмысления Великой российской революции. Анализ здесь подменялся намеренным конструированием, моделированием «удобного» прошлого, представленного в двух крайних позициях¹¹. Однако простое перечисление событий¹² (даже без идеологических «купюр») уже не может всерьез удовлетворить современное общественное мнение. Установление или констатация фактов должны выступать не самоцелью, а первым шагом к пониманию и анализу сути исторического процесса. В нашу задачу входило подняться над событийностью и постараться найти характерный признак, отличительную особенность революции, алгоритм ее движения, а иными словами — код революции. Логическими звеньями такого поиска стали: проблемность, альтернативность, субъектность, документализм.

⁸ Там же. Т. 37. С. 347–348.

⁹ Великая Октябрьская социалистическая революция (март 1917 — март 1918 гг.) : указатель советской литературы, 1917–1964 : в 12 ч. М., 1967; Великая Октябрьская социалистическая революция : энциклопедия. 3-е изд. М. : Совет. энциклопедия, 1987. 639 с.; *Милиц И. И.* История Великого Октября : в 3 т. 2-е изд. М. : Наука, 1977–1979.

¹⁰ *Булдаков В. П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М. : РОССПЭН, 1997. 376 с.

¹¹ *Шубин А. В.* Великая российская революция: от Февраля к Октябрю 1917 г. М. : ООО «Родина МЕДИА», 2014. 452 с.

¹² Великая Октябрьская социалистическая революция : хроника событий : в 6 т. М. : Изд-во АН СССР, 1957–1986.

Проблемность. Поиск «формулы» революции не может строиться через использование традиционных методов, заимствованных из позитивистской парадигмы, которая сводит объяснение всех процессов к решениям и поступкам государственных деятелей, действовавших исходя из индивидуальных убеждений. На смену традиционному анализу *содержания* политики сегодня все больше приходит изучение «*социокультурного способа властвования*» (Ю. Л. Бессмертный), иначе говоря, механизмов функционирования власти, ее *образно-символических аспектов*¹³. Для обозначения того контекста, в котором существует власть и в котором она получает свой неповторимый колорит, нередко используется термин «политическая культура» (набор дискурсов или символических практик, при помощи которых индивиды и группы формулируют, обсуждают, осуществляют и навязывают друг другу собственные притязания).

Реализация этого принципа вызвала, однако, затруднение методологического свойства: как при помощи языка музейного предмета проиллюстрировать развитие процесса (ведь, в отличие от события, научная абстракция мало материальна по определению)?

Прежде всего необходимо было отказаться от абсолютизации событийно-хронологического подхода к представлению материала, дополнив его проблемно-тематическим подходом. Настоящий выставочный проект ориентирован не столько на точное воспроизведение хронологии, но в гораздо большей степени — на осмысление событий, отделенных от нас вековым промежутком. Почему начинаются революции? Есть ли у радикальных реформ альтернатива? Предопределены ли революции, и какова роль в их развитии субъективного фактора? Каковы непосредственные итоги и долговременные последствия революции? Наконец, помогают ли они нашему современному обществу извлечь из истории урок?

Экспозиционная площадь была разделена на 4 смысловых поля (предпосылки революции; метаморфозы форм власти от февраля к октябрю; инструменты и способы властвования в октябре 1917 г.; новая политическая культура), в которых каждый временной отрезок представлен своими наиболее характерными процессами (десакрализация власти, концепция регулярного государства, символика власти, образ врага, новая идеология и система пропаганды и др.). Главная задача здесь — не формулировка точных, готовых ответов, а приглашение зрителя к размышлению и выработке собственной позиции.

¹³ Колоницкий Б. И. 1) «Товарищ Керенский»: антимонархическая революция и формирование культа «вождя народа» (март–июнь 1917 года). М. : Новое лит. обозрение, 2017. 520 с.; 2) «Трагическая эротика»: Образ императорской семьи в годы Первой мировой войны. М. : Новое лит. обозрение, 2010. 664 с.; 3) Образы власти и борьба за власть. К изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб. : Лики России, 2012. 336 с.; Кондратьева Т. С. Большевики-якобинцы и призрак термидора / [пер. с фр. Е. А. Лебедевой]. М. : Ипол, 1993. 240 с.

Альтернативность. Уход от простой событийности позволил нам на примере явлений показать вариативность исторического процесса: история совсем не обязательно движется в единственно заданном направлении, в этом поступательном движении время от времени возникают альтернативные пути. И эта альтернативность в эпоху кризиса возрастает в геометрической прогрессии, а в эпоху революции достигает своего апогея¹⁴. Революция в России была неизбежна, но развитие событий, в отличие от переворотов или реформ, не было запрограммировано и часто определялось случайным стечением обстоятельств.

Несмотря на «ожидаемость», каждый раз начало революционных действий (было ли это в 1905 или 1917 г.) оказывалось внезапным, стихийным, заставляя врасплох власть, обывателей, даже радикальных революционеров. Ход событий был далек от воплощения их мечты, приобретая черты неуправляемого, непредсказуемого и страшного хаоса. Неоднократные попытки остановить развитие процесса, введя его в рамки конституционного порядка, встречали противодействие, обещавшееся новым витком все более ожесточившейся борьбы. Историки и философы XIX в. неоднократно привлекали внимание интеллигенции к феномену «революционного» времени, когда в действие вступают совершенно иные закономерности, создающие особый мир, мало похожий на привычную действительность «обычного» времени. «Коридоры наполнились оглушительным грохотом, — вспоминал впоследствии А. К. Воронский, активный участник революции. — Казалось, в ночи бьется огромная, чудовищная, злоедающая птица: махнет крыльями — вылетают рамы, двери; вот она долбит клювом, вот кричит, шипит, словно бросается на врага и просится и рвется наружу, на простор <...> Я познал упоительный восторг и ужас разрушения, дрожащее бешенство, жестокую, злую и веселую силу, опьяненность и радостное от чего-то освобождение. Время сжалось, словно стальная пружина, как бы уплотнило и сблизило череду событий, состояний. И я почуял в себе нечто древнее, простое, могучее, огромное, безымянное, давно забытое и утраченное, теперь поднявшееся из тьмы веков, сладостно и страшно охватившее все мое существо...»¹⁵.

Субъектность. Говоря о процессах и явлениях, не следует упускать из виду человеческий фактор: революции делают людьми и для людей. Задача выставки — максимально представить главных действующих лиц истории. При этом речь идет не только о государственных и политических деятелях, но и об обычных участниках событий¹⁶.

¹⁴ Магун А. Опыт и понятие революции // Новое лит. обозрение. 2003. № 64. С. 64–66.

¹⁵ Воронский А. К. За живой и мертвой водой. М. : Художеств. лит., 1970. С. 28–29.

¹⁶ Halfin I. Terror in My Soul. Communist Autobiographies On a Trial. Cambridge : Harvard Univ. Press, 2003. 344 p.

Главной действующей силой, адресатом и своеобразным символом революционных преобразований был «народ». Несмотря на использование этого термина в официальном дискурсе и законодательстве, его содержание было лишено научной точности и представляло собой литературную метафору (под которой чаще всего понимались крестьянство и пролетариат). Политическую элиту разных эпох объединяло общее чувство преклонения перед силой народа с одновременным недоверием к нему. «Многочисленный народ восстал от нестерпимых мук, которые заставляли терпеть его господствующие классы. Он восстал во всей своей грозной красе, как может быть красив восставший, негодующий, почувствовавший в себе могучую силу народ...» (М. И. Калинин)¹⁷.

Народ далеко не всегда понимает, в чем именно состоит его подлинное благо, но это должен осознавать законодатель, задача которого — защищать интересы простолюдинов и направлять их политическую энергию. Героем исторического процесса мыслилось образованное меньшинство, «делающее» революцию. Это — «гениальные натуры», «энергическое меньшинство» (А. И. Герцен), «реалисты» (Д. И. Писарев), «критически мыслящие личности» (П. Л. Лавров). Для организованных действий сознательные люди, считал П. Н. Ткачев, объединяются в централизованную партию, спаянную строгой дисциплиной, единством взглядов и целей. «Дайте нам организацию революционеров — и мы перевернем Россию», — провозгласил В. И. Ленин в 1902 г. в книге «Что делать?»¹⁸.

В подобной ситуации важнейшее значение обретали личные морально-психологические качества харизматических политических деятелей¹⁹. Архетип героя, строителя новой жизни, победителя врагов, преодолевающего все препятствия (концепция «нового человека») в политической культуре революционного времени создает своеобразную «гражданскую религию» со своими «храмами» (Мавзолей), иконографией и культами (массовые праздники и церемонии)²⁰.

Документализм. Персонификация исторического процесса подсказала еще один интересный ход — рассказывать о событиях революционного времени языком самих участников, т. е. языком источника, а не языком современного исследователя. Государственный центральный музей современной истории России и Российский государственный архив социально-политической истории являются наследниками двух научно-культурных центров (Музея Революции СССР и Института

¹⁷ Цит. по: Великая Октябрьская социалистическая революция : энциклопедия. С. 592.

¹⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 127.

¹⁹ Kenez P. The birth of the Propaganda State. Soviet Methods of Mass Mobilization, 1917–1929. Cambridge Univ. Press, 1985. 308 p.

²⁰ Рольф М. Советские массовые праздники / [пер. с нем. В. Т. Алтухова]. М.: РОССПЭН, 2009. 439 с.

марксизма-ленинизма), где история первых лет советской власти имела все доступные привилегии в деле собирания и изучения ее главных источников.

На выставке представлены более 800 документов; всего же в экспозиции почти 1500 экспонатов из фондовых коллекций ГЦМСИР, РГАСПИ и партнеров проекта — РГАКФД, Государственного Архива РФ, Государственного Исторического музея и др. В экспозиции представлены редкие архивные документы, журналы и агитационные плакаты столетней давности, личные вещи участников революции, телефонный аппарат из штаба большевиков, оружие с места расстрела царской семьи, множество других свидетельств революционной эпохи.

Смена исследовательской стратегии непосредственно влияет на выбор письменных и визуальных источников. Но речь здесь идет не о поиске принципиально новых источников, а о качественно ином подходе к интерпретации уже известных документальных комплексов. Суть этого подхода — антропологизация («очеловечение») систем и структур, анализ исторических процессов сквозь призму их субъективного восприятия людьми. Отсюда — закономерный акцент был сделан на фондах и коллекциях личного происхождения (письма, дневники, личные вещи, предметы повседневной жизни). Задача творческого коллектива выставки состояла в том, чтобы показать привычные официальные документы (указы, декреты, постановления) через отношение к ним человека, представить народ не пассивным объектом государственной политики, а активным творцом исторического процесса²¹.

Благодаря современным технологиям и разработанным специально к выставке интерактивным программам, у посетителей выставки есть возможность разобраться в сложностях революционного периода. Прежде всего, это интерактивные киоски: «Революция в лицах» (об основных персоналиях революционного движения в России); «Революция в карикатуре» (тематические подборки из сатирической прессы 1917 г.); «Голоса истории» (15 кратких отрывков из личных воспоминаний участников революционных событий из фонда ГЦМСИР). Отдельные киоски посвящены плакатам, газетам и листовкам революции. Мультимедийная программа «1917 год: день за днем» сделана на основе десяти периодических изданий разной политической направленности, показывающих весь спектр мнений: правые, левые, центристы. Несколько видеороликов из хроники 1917 г. помогают воссоздать атмосферу эпохи.

Визуальный ряд экспозиции сопровождается звуковыми эффектами. В частности, можно будет не только увидеть заводской гудок, который возвещал о начале рабочей смены или призывал к стачке, но

²¹ Письма во власть, 1917–1927 : заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям / сост. А. Я. Лившин, И. Б. Орлов. М. : РОССПЭН, 1998. 664 с.

и услышать его звучание. В зале, полностью посвященном истории октябрьской революции и первым декретам советской власти, можно услышать голос Ленина — фрагмент его программной речи «Что такое советская власть?».

Сочетание подлинных экспонатов и документов с мультимедийным контентом погружает посетителя в атмосферу драматической эпохи Великой российской революции 1917 г. — без сомнения, одного из главных событий в мировой истории.

К. Янке: Я видела выставку, мне очень понравилось. Я вас поздравляю, было очень интересно, классно, много материалов. Один вопрос: вы специально сейчас подчеркнули, что хотели обратить особое внимание на личность, человеческий фактор? Во-первых, я считаю, что это две разные вещи. Человеческий фактор, если я правильно понимаю, это страдание народа, как население переживало революцию. Это, конечно, отражается, но отражения роли личности и биографический подход я, честно говоря, не увидела. Может быть, я ошибаюсь, потому что я не носитель языка, может быть, я что-то пропустила. Приведу пример: одна витрина посвящена Керенскому, даже не посвящена, там просто картинка висит и аннотация, больше ничего, так что о нем здесь мы узнаем очень немного. И это только один пример. Поэтому вопрос такой: есть ли на выставке биографические очерки, можно ли проследить за индивидуальной историей не только простого человека, но, может быть, и политиков из разных политических сфер. Если да, то где?

М. М. Сафонов: На конференции в Москве у частных возник план привезти эту выставку в Петербург, чтобы петербуржцы с нею могли познакомиться.

Реплика из зала: Она слишком огромная!

Н. В. Аникин: Можно ответить прямо сразу в нарушение регламента? В присутствии Евгения Григорьевича было бы грешно заявлять, что мы готовы приехать с такой выставкой в Петербург, потому что здесь экспозиция сделана замечательно, и мы на такое просто не осмелимся. Но в мультимедийном варианте в регионы мы ее хотели бы предоставить.

История Российской революции 1917–1922 гг.: новый опыт музейной интерпретации

Наш музей, созданный в 1919 г. как Государственный музей Революции, на протяжении всего советского периода собирал коллекцию по истории Российской революции и активно развивал данную тему в своих экспозициях. Мы не будем здесь останавливаться на истории формирования «революционной» коллекции и на истории отображения интересующей нас темы в экспозиции музея — этот вопрос уже был исследован нами¹. Обратимся к новой, недавно созданной экспозиции «Революция в России. 1917–1922».

Тема Революции является одной из магистральных для Музея политической истории России, однако в 1990–2000-е гг. постоянной экспозиции по истории революции здесь не было. Шел поиск новых подходов к этой теме, которые отрабатывались в выставочном формате².

Совершенно очевидно, что Российская революция — одно из ключевых событий не только российской, но и мировой истории. Интерес к этой теме не уменьшается со временем. Истоки нынешнего состояния России в значительной мере находятся в 1917–1922 гг., поэтому разобраться в этих событиях чрезвычайно важно для российского общества. И Музей политической истории может и должен способствовать этому.

Нельзя не отметить, что очень большой интерес к истории Российской революции имеется и у иностранных туристов из самых разных стран как Запада, так и Востока.

Основная цель, которую поставил перед собой авторский коллектив при работе над новой экспозицией: помочь посетителям музея, а особенно обучающейся аудитории (школьникам и студентам), сформировать объемный, комплексный взгляд на историю революции³. При этом мы ставили задачу подать исторические сведения максимально объективно, не вставая на сторону какой-либо политической силы.

¹ Подробней см.: *Спиридонов С. Л.* Тема Гражданской войны в России в экспозиции ГМР—ВОСР—ГМПИР // ГМПИР: 90 лет в пространстве истории и политики. 1919–2009. СПб., 2010.

² Подробнее об экспозиционно-выставочной работе ГМПИР в 2000-е гг. см.: *Новый музей: от замысла до воплощения.* СПб., 2013.

³ *Данько Н. Д., Калмыков А. Г., Кудзеевич Л. В., Лысенко Е. А., Петров В. В., Спиридонов С. Л.* Тематико-экспозиционный план постоянной экспозиции III-й и IV-й частей постоянной экспозиции «Революция 1917–1922 гг.» «Октябрьский вооруженный переворот 1917 г.» и «Гражданская война в России». СПб., 2014. Личный архив автора.

Кроме того, авторам экспозиции хотелось донести до посетителей мысль о том, что революция была великой трагедией для всех жителей России, независимо от их принадлежности к тому или иному политическому лагерю. Итоги революции, в целом, весьма противоречивы. В их числе были и положительные, но населению нашей страны пришлось заплатить за них слишком дорогую кровавую цену, и последствия этой трагедии до сих пор ощутимы. Из всего этого вполне естественно вытекает вывод о том, что политические противоречия в обществе гораздо лучше решать эволюционным, а не революционным путем.

Весь проект экспозиции был, по сути, подчинен именно этим целям.

В основу научной концепции экспозиции, получившей название «Революция в России. 1917–1922», была положена идея о том, что революция была единым многолетним процессом, не делившимся на две разные революции, и именно так ее воспринимали сами участники революции и ее современники. Она началась в феврале 1917 г. с восстания в Петрограде, а закончилась полной победой большевиков на территории бывшей Российской империи и закреплением этой победы путем создания нового государства, Союза Советских Социалистических Республик, в декабре 1922 г. В рамках данной концепции и Февральское восстание, и Октябрьский переворот, и Гражданская война не рассматриваются нами как отдельные, не связанные друг с другом события, а становятся естественными этапами революции. Авторы экспозиции посчитали именно такой подход единственно правильным и логичным.

Чтобы представить революцию в таком виде — без деления на Февральскую («буржуазно-демократическую») и Октябрьскую («Великую социалистическую») революции — требовалась определенная смелость. Ведь, несмотря на то что подход к революции как единому неделимому процессу, разрабатывается профессиональными историками еще с 1990-х гг.⁴, вопрос о том, сколько революций было в 1917 г., остается дискуссионным⁵. А уж для значительной части наших посетителей, выросших еще в Советском Союзе, мысль о том, что Октябрьские события — это не Великая революция, а вооруженный переворот, могла бы показаться даже кощунственной. Практически весь советский период нашей истории населению страны еще с раннего детства внушалась мысль о том, что 25 октября 1917 г. произошла именно Великая Октябрьская социалистическая революция, которая стала практически венцом всей человеческой истории и открыла новую эпоху в развитии мировой цивилизации. Октябрьским событиям очень долго придавали

⁴ См., например: *Измозик В. С.* Сколько революций было в России? К методологии вопроса // *Россия в XX веке* : сб. статей. М., 2003.

⁵ *Ерофеев Н. Д.* Современная отечественная историография Русской революции 1917 года // *Новая и новейшая история*. 2009. № 2. С. 100–101.

сакральный характер, и смогут ли посетители музея воспринять их теперь как просто-напросто вооруженный государственный переворот? Забегая вперед, скажем, что опасения по этому поводу оказались напрасными. Подавляющее большинство наших посетителей принимает новый взгляд на революцию положительно. Критические отзывы, конечно, бывают, но они крайне редки.

Для создания архитектурно-художественного проекта экспозиции и для воплощения экспозиции непосредственно в музейных залах был привлечен талантливый петербургский художник-дизайнер А. Л. Менус. Предложенное им художественное решение экспозиции оказалось весьма нестандартным для данной темы и в чем-то даже неожиданным. Без преувеличения можно сказать, что А. Л. Менус является полноправным соавтором данной экспозиции. Работа дизайнера и экспозиционера в данном проекте проходила в обстановке полного взаимопонимания и самого тесного сотрудничества. Авторская группа с интересом воспринимала идеи А. Л. Менуса и при необходимости высказывала свои замечания, к которым художник-дизайнер всегда прислушивался. Экспозиция обрела не просто современный и эффектный дизайн, а дизайн, наполнивший ее дополнительными смыслами, сделавший ее более глубокой, многослойной, воздействующей не только на сознание, но и на эмоции — дизайн, позволяющий посетителю более глубоко воспринять представленные ему экспозиционные материалы.

Что же получилось?

В экспозиции, размещенной в пяти музейных залах, представлено около 900 наименований экспонатов и экспозиционных материалов: документы и фотографии, плакаты и открытки, живопись и графика, а также подлинные уникальные вещевые экспонаты.

Политическая история в первую очередь передается через документ, и документами экспозиция действительно насыщена. Для постоянных экспозиций обычно изготавливаются муляжи плоскостных экспонатов. В нашем случае А. Л. Менус предложил более радикальное и в какой-то мере небесспорное решение. Высококачественные цифровые изображения плоскостных материалов напечатаны на пластике и выставлены уже в таком виде. Тем самым мы показываем посетителю, что не обманываем его, выдавая муляж за подлинник. При этом внешний вид экспоната передан с абсолютной точностью, и текст документа легко можно прочесть, а фотографию или открытку можно разглядывать без всякого дискомфорта. Противники такого приема могут указать на то, что материалы в этом случае все-таки смотрятся и воспринимаются по-другому. И будут в чем-то правы. Но опыт эксплуатации экспозиции показал, что у ее посетителей нет какого-то негативного или несерьезного отношения к такому виду подачи материалов. В то же время экспозиция в достаточной степени наполнена и подлинными музейными предметами: представлено более 150 первоклассных вещевых

экспонатов, которые расположены по всей экспозиции в специальных витринах или шкафах, сразу привлекающих к себе внимание, за счет чего она не выглядит «плоскостной» и «копийной».

Большую роль в экспозиции играют пояснительные тексты. Автор данных строк является сторонником минимального использования пояснительных текстов на экспозиции. Увы, тема революции в ее экспозиционном воплощении все-таки требует значительного количества различного рода текстовых пояснений. В нашем случае вводные тексты были подготовлены для каждого зала экспозиции и для каждого тематического комплекса, кроме того, к отдельным экспонатам потребовалось написать расширенные аннотации. Авторский коллектив постарался сделать эти тексты предельно лаконичными. А уж художник-дизайнер смог вписать эти тексты в экспозицию таким образом, что они воспринимаются органичной частью интерьера залов.

К слову сказать, для иностранных гостей музея все тексты экспозиции были переведены на пять языков: английский, немецкий, французский, испанский и китайский. И все эти переводы были оформлены в виде портативных путеводителей, позволяющих зарубежным туристам достаточно легко сориентироваться в экспозиции и понять ее содержание.

Первый зал экспозиции посвящен начальному этапу Российской революции — Февральскому восстанию в Петрограде и последующим событиям. Экспозиция здесь построена по вполне традиционному тематико-хронологическому принципу. Но есть и существенная особенность. Доминантой зала является специально оформленный шкаф-витрина, сразу обращающий на себя внимание. В нем представлена аллегорическая фигура солдата. Это, с одной стороны, напоминает нам о том, что страна вступила в революцию, участвуя в Первой мировой войне, а с другой стороны, показывает, что солдаты Петроградского гарнизона были основной движущей силой Февральского восстания 1917 г., да и потом, в течение всего 1917 г., оказывали существенное влияние на революционные события. Здесь предметы солдатского обмундирования, оружие того времени и, главное, расположенные по периметру шкафа письма рядового солдата Петроградского гарнизона П. И. Слесарева, которые он писал своей семье в Орск в 1916–1917 гг. Тексты этих писем — не очень грамотные, с простонародными речевыми оборотами, с пропущенными знаками препинания — хорошо показывают, как изменялись настроения в солдатской среде на рубеже 1916–1917 гг., от вполне верноподданнических до радикально революционных. Начало революции, таким образом, подается через призму восприятия простого человека. Это один из примеров реализации антропологического подхода к показу истории. Данный прием очень важен и применяется в экспозиции на всем ее протяжении. История, благодаря такому подходу, перестает быть безликой и становится ближе к посетителю, который имеет возможность осознать, что в судьбо-

носных исторических событиях участвовали самые обычные люди и что любой человек — творец истории своей страны.

В основной части первого раздела подробно рассматриваются главные причины и предпосылки революции, а затем идет рассказ о самом ее начале: восстании в Петрограде 23–28 февраля 1917 г., образовании новых органов власти и отречении Николая II от престола. Всё это показывается посредством интереснейших документов и фотографий как из коллекции музея, так и из собрания Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), который в этой экспозиции выступил в качестве основного партнера нашего музея.

Зал оформлен в черно-красной цветовой гамме, символичной для революционного времени. Компоновка разноформатных плоскостных материалов в рамках каждого тематического комплекса весьма свободная, асимметричная, но имеющая четкую логику — за счет этого комплексы не выглядят скучно и при этом полностью сохраняют свою информативность.

На одной из стен зала расположена «лента времени» с перечнем событий Февральского восстания, проиллюстрированная кинохроникой периода февраля-марта 1917 г. Малоизвестные документальные кинокадры позволяют погрузиться в гущу событий на улицах февральско-мартовского Петрограда, побывать на церемонии похорон жертв Февраля на Марсовом поле, увидеть «живьем» министров Временного правительства первого состава, деятелей Петроградского Совета и даже «первого солдата революции» унтер-офицера лейб-гвардии Волынского полка Т. И. Кирпичникова (обнаружение кинокадров, запечатлевших этого героя Февральского восстания, стало небольшим открытием в ходе подготовки экспозиции). Видеоролики с кадрами кинохроники демонстрируются в специально оформленных мониторах, имитирующих окна поезда — здесь может быть ассоциация с «локомотивом истории» Карла Маркса, а может быть и более четкая ассоциация с поездом Николая II, на котором тот устремился в те дни к революционному Петрограду навстречу своему отречению.

Вообще, кинохроника времен революции используется нами в этой экспозиции в довольно большом количестве — в этом нам помогло богатое собрание Российского государственного архива кинофотодокументов (РГАКФД). Кинохроника — это очень интересное и важное свидетельство того периода, «живая» история, увлекающая посетителей самых разных категорий.

При проектировании новой экспозиции было принято решение сохранить в ее составе историко-мемориальные залы «Секретариат ЦК РСДРП(б)» и «Рабочая комната В. И. Ленина», созданные в нашем музее еще в 1987 г., во время работы над последней масштабной экспозицией Музея Великой Октябрьской социалистической революции, открытие которой было приурочено к 70-летию Октября. Здесь были воссозданы интерьеры помещений особняка М. Ф. Кшесинской по со-

стоянию на апрель–июнь 1917 г., когда в здании размещались Центральный и Петербургский комитеты партии большевиков и другие революционные организации. Прежняя экспозиция была демонтирована еще в начале 1990-х гг., мемориальные же залы остались и даже были уже в 2010-е гг. обновлены и дополнены разного рода материалами. Теперь они очень гармонично вписались в новую экспозицию, став ее своеобразной «изюминкой». Сохраняя свое мемориальное значение, данные залы вводятся в более широкий историко-событийный контекст: с их помощью мы показываем особняк Кшесинской как один из основных политических центров революционного Петрограда, в котором творилась история революции 1917–1922 гг., где решалась дальнейшая судьба всей страны⁶. Такой интерпретации мемориальных залов способствуют новые экспозиционные стенды с плоскостными материалами, рассказывающими о дальнейшем ходе революционного процесса в стране весной–летом 1917 г. Мемориальные кабинеты пользуются большим интересом у посетителей — в особенности рабочая комната В. И. Ленина с выходом на знаменитый балкон, служивший в 1917 г. трибуной для лидеров партии большевиков.

Следующий зал экспозиции посвящен периоду с августа 1917 г. по январь 1918 г., а центральным событием данного периода является, конечно же, Октябрьский переворот.

Экспозиция здесь выстраивается вновь по тематико-хронологическому принципу. Предполагалось показать здесь довольно много документальных и фотографических материалов, что подсказало А. Л. Менусу еще один нетривиальный ход для оформления экспозиции. Основой для всего музейного оборудования в этом зале послужила деревянная конструкция, повторяющая контур зала и напоминающая каркас дома. По замыслу дизайнера это должно напоминать нам, что события революции происходили в нашем общем доме — нашей стране. На стенах зала, а также на отдельных частях этой конструкции расположены самые основные, ведущие фотографии и документы, а во встроенных стеклянных витринах и шкафах помещены вещевые экспонаты — артефакты 1917 г. Весь же основной массив плоскостных материалов помещен в скрытую подачу — в специальные выдвигаемые металлические ящики, расположенные в несколько рядов вертикально и горизонтально по всему периметру зала, что придает залу вид, отчасти напоминающий архивное хранилище. Осмотрев материалы, расположенные в открытом доступе, можно вполне составить представление о событиях второй половины 1917 г. Но вот для более углубленного изучения истории посетителю необходимо вступать во взаимодействие с экспозицией, т. е. выдвигать ящики с материалами, чтобы ознакомиться с дополнительными документами и фотографиями, зачастую ранее

⁶ Спиридонов С. Л. Научная концепция и расширенная тематическая структура экспозиционного решения историко-мемориального комплекса «Кабинет ЦК и ПК РСДРП(б). Рабочая комната В. И. Ленина». СПб., 2013. Личный архив автора.

не выставлявшимися. Такая форма музейной коммуникации позволяет посетителю в определенной степени почувствовать себя исследователем и, двигаясь от ящика к ящику, открывать для себя дополнительные пласты истории революции. Нельзя не признать, что у этого приема есть недостаток: показать материалы, скрытые в этих ящиках, организованной группе во время экскурсии затруднительно, т. е. их просмотр рассчитан все-таки в большей мере на одиночного посетителя.

В этом зале стены уже белого цвета, а на стенах размещены цитаты из программных работ, дневников или мемуаров различных политических и военных деятелей того времени — В. И. Ленина, П. Н. Милокова, П. А. Сорокина, А. И. Деникина и др. Данные тексты соотносятся с событиями 1917 г., представленными в экспозиции. Эффектно оформленные дизайнером, они создают для посетителя определенный настрой: с их помощью мы подчеркиваем, что время революции — это борьба лозунгов и идей, выраженных посредством печатного слова.

По всему залу на стенах развешаны мониторы, в которых, так же как и в первом зале, демонстрируется кинохроника, позволяющая увидеть основных действующих лиц тех напряженных дней — Л. Г. Корнилова, А. Ф. Керенского, Л. Д. Троцкого, а также понаблюдать за событиями в Петрограде в день открытия Учредительного собрания и посетить Брест-Литовск во время мирных переговоров советской делегации с германским командованием. Мониторы заключены в красивые багетные рамы — тем самым мы подчеркиваем, что кинохроника с «живой» историей играет в историческом музее такую же роль, как и выдающиеся произведения живописи в музеях художественного профиля.

Обращает на себя внимание расположенный в центре зала специальный арт-объект, чем-то похожий на колодец. Это своеобразная аллегория Октябрьского переворота 24–26 октября 1917 г., его квинтэссенция. На верхней плоскости арт-объекта размещена подробная хроника переворота, а «фундаментом» для него служат книги социалистов-утопистов прошлых веков, первые работы К. Маркса и Ф. Энгельса, а также труды самого В. И. Ленина. Внутри «колодца» — фотографии помещений Зимнего дворца после их захвата большевистскими отрядами и фотоизображение крейсера «Аврора», команда которого принимала самое деятельное участие в тех событиях. В арт-объект удачно вписан подлинный экспонат: иллюминатор с «Авроры» лежит поверх изображения часов с арки Главного штаба, на которых отмечено именно то время, когда сначала из Петропавловской крепости, а затем и с крейсера «Аврора» были даны холостые орудийные выстрелы, послужившие сигналом к активным действиям для осаждающих Зимний дворец.

Фрагмент брусчатой мостовой в красном треугольнике, помещенный на потолке в центре зала прямо над арт-объектом, — это метафора переворота, перевернувшего жизнь всей страны с ног на голову.

В этом зале мы продолжаем использовать историко-антропологический подход. Практически все вещи, выставленные здесь, имеют

мемориальный характер: они принадлежали непосредственным участникам событий Корниловского выступления, Октябрьского переворота и роспуска Учредительного собрания. К каждому такому вещевому экспонату или даже группе экспонатов мы даем фотопортрет и короткую биографию владельца данных конкретных вещей, формируя тем самым биографические миникомплексы по всему залу. Перед посетителями проходит целая череда реальных исторических персонажей, каждый со своей определенной ролью в истории и со своей судьбой.

Из современных средств подачи информации надо отметить большой монитор, также вставленный в багетную раму, с оригинальной анимированной картой взятия Зимнего дворца. За ее основу взята карта-схема, нарисованная в 1927 г. одним из активных участников Октябрьского переворота К. С. Еремеевым.

Последний зал экспозиции «Революция в России. 1917–1922» отдан самому драматичному и кровавому периоду революции — Гражданской войне.

Осветить всю историю Гражданской войны в России подробно и в хронологическом порядке в границах одного зала невозможно, да в нашем случае и не нужно — все-таки наш музей историко-политического профиля, а не военно-исторического. Поэтому здесь мы переходим к проблемному принципу построения экспозиции и показываем только основные противоборствующие силы Гражданской войны. Зал поделен на несколько тематических комплексов: «Красные», «Революционная демократия», «Белое движение», «Повстанческое крестьянское движение», «Национальные движения». В каждом из данных комплексов мы показываем: фотопортреты лидеров той или иной воюющей стороны, программные документы, лозунги, под которыми шла борьба, агитационные плакаты и некоторые знаковые вещевые экспонаты (здесь и образцы обмундирования, и оружие, и награды, и мемориальные вещи). К сожалению, по причине чистки коллекции в 1930–1950-е гг.⁷ материалов для отображения в экспозиции революционной демократии и Белого движения было явно недостаточно. Тут на помощь музею вновь пришел ГАРФ, предоставив необходимые документы, фотографии и плакаты в достаточном количестве (причем многие их них раньше были известны только узкому кругу исследователей).

Оформление последнего зала экспозиции в целом идентично оформлению предыдущего зала. Опять же — деревянная конструкция, напоминающая каркас дома, ведущие фотографии и документы по стенам зала, уникальные вещевые предметы в стеклянных шкафах и витринах, выдвигаемые металлические ящики с дополнительными материалами для более глубокого изучения политической истории Гражданской вой-

⁷ Подробнее см.: *Калмыков А. Г.* Технология «исправления истории» (Судьба «политически вредных» материалов в фондах Государственного музея политической истории России) // Английская набережная, 4 : ежегодник С.-Петербургского научного общества историков и архивистов. СПб., 2000.

ны. На деревянной конструкции закреплены мониторы, также в багетных рамках. В этих мониторах демонстрируются редкие кадры кинохроники, позволяющие увидеть известных деятелей как из «красного», так и из «белого» лагеря (здесь перед посетителями предстают живые В. И. Ленин, Л. Д. Троцкий, Г. Е. Зиновьев, М. В. Фрунзе, А. В. Колчак, А. И. Деникин, В. З. Май-Маевский, М. К. Дитерихс и др.).

Стены зала закрыты фотообоями с изображением вспаханного поля, уходящего за горизонт, и синего неба. В этом образе можно найти самые различные смыслы: например, это и напоминание о том, что у всех участников Гражданской войны была одна родная земля — Россия, это и «перепаханность» всей жизни в результате революции, это и указание на то, что Россия в то время была преимущественно крестьянской страной. Синее небо же визуально расширяет границы относительно небольшого зала.

Поверх фотообоев по всему периметру зала в несколько рядов размещены фотопортреты в простых деревянных рамках. Эта своеобразная фотогалерея, чем-то напоминающая эрмитажную галерею Героев 1812 г., носит символическое название «Лики России. 1917–1922 гг.», и в ней представлено поколение Революции: самые обычные люди из самых различных слоев общества — жители России того времени, которые были очевидцами и участниками тех трагических событий.

Историко-антропологический аспект в этом зале представлен специально подготовленной аудиовизуальной программой «Гражданская война в России. Дневники и воспоминания», которая демонстрируется на особом прозрачном мониторе в углу зала. Данная программа создавалась в рамках работы над экспозицией, по сути, как отдельный проект. Здесь собраны фрагменты из дневников и воспоминаний как «красных», так и «белых», как мужчин, так и женщин, которые были озвучены известными драматическими актерами. Поданные таким образом свидетельства непосредственных участников Гражданской войны дают возможность воспринять ее историю глубже и эмоциональнее.

Имеется в зале и специальная аудиоустановка, с помощью которой можно послушать песни Гражданской войны, исполняемые и красными, и белыми на один и тот же мотив, но с разным текстом. Этот своеобразный исторический аттракцион с помощью конкретного песенного материала демонстрирует раскол российского общества на два непримиримых лагеря и производит на посетителей большое впечатление.

С подробной хронологией событий революции, проиллюстрированной документами и фотографиями, можно познакомиться на большом сенсорном дисплее в центре зала. Рядом, на дисплее поменьше, можно проверить свои знания по истории Революции с помощью специально разработанной викторины. Ответить на вопросы викторины, не осмотрев материалы экспозиции, довольно нелегко, что побуждает посетителя возвращаться к отдельным комплексам экспозиции и изучать их еще раз, более пристально.

Для проведения музейно-педагогических занятий с обучающейся аудиторией А. Л. Менусом был сконструирован необычный многофункциональный стол-трансформер, размещенный в центре зала. В собранном состоянии этот стол представляет собой аббревиатуру «СССР», напоминая тем самым об одном из основных результатов Российской революции — создании на территории России государства нового типа. Специально оформленная зона для работы с образовательной аудиторией в экспозиционном зале — дело не сказать чтобы новое, но тем не менее это еще не стало преобладающей тенденцией. На данный момент стол-трансформер уже используется научно-просветительским отделом музея в целом ряде музейно-педагогических занятий, разработанных на базе экспозиции.

Итак, экспозиция «Революция в России. 1917–1922» вполне соответствует последним достижениям исторической науки. Она включает в себя большой объем документальных и фотографических материалов, необходимых для осмысления сути революционных событий и их конкретно-исторического содержания, а также большое количество уникальных вещевых экспонатов, которые можно увидеть только в нашем музее.

Экспозиция построена по тематическому методу, с включением в нее двух залов, сделанных по ансамблевому методу. Кроме того, в экспозиции применено сочетание хронологического и проблемного принципов организации экспозиционных материалов. Именно такое совмещение различных методов позволило решить поставленные перед экспозицией задачи и внесло в нее определенную динамику.

Экспозиция имеет современный дизайн европейского уровня и насыщена современными техническими средствами. Она обладает большим образовательным потенциалом, который успешно реализуется в процессе ее эксплуатации.

Можно без ложной скромности сказать, что экспозиция Музея политической истории «Революция в России. 1917–1922» на данный момент является новейшей в стране музейной экспозицией по истории Российской революции.

**«Февральские» истоки Государственного музея Революции:
Общество дома-музея памяти борцов за свободу
в марте 1917 — сентябре 1919 гг.**

Если отбросить одиозные точки зрения, согласно которым большевики остановили интеллектуальное развитие страны, то в современной историографии о культурной и научной (шире — в отношении интеллектуальных слоев) политике советской власти 1920-х гг. существует тезис, согласно которому большевистский режим был комплементарен научным и культурным деятелям, преследовал с ними общие цели и проистекал из одного источника (проект европейского Просвещения). Однако большевики и интеллигенция (советская власть) при этом как бы противопоставляются: утверждается, что их сотрудничество носило временный и едва ли не вынужденный для обеих сторон характер с самого начала¹. Я считаю, что разделение (и как следствие — противопоставление) большевиков и интеллигенции лишено эвристической ценности; революция 1917 г. и последующее создание Советского государства стали не только и не столько разрывом с предшествующей интеллектуальной жизнью страны, сколько оказались ее подлинным воплощением и логическим завершением, а разрыв был привнесен сталинизмом. Этот тезис я проиллюстрирую на примере петроградского Государственного музея Революции в 1919–1920-х гг., который в полной мере воплотил в себе народнический этос русской интеллигенции и стал не формальным, а сущностным правопреемником «либерального» Общества дома-музея памяти борцов за свободу, созданного в Петрограде вскоре после Февраля.

В марте 1917 г. в Петрограде группой интеллигенции во главе с М. Горьким при непосредственном участии и всесторонней поддержке Академии наук² было учреждено Общество дома-музея памяти борцов за свободу. На приуроченном к открытию собрании выступал сам Горький: «Вот именно в интересах этого поколения будущих творцов русской культуры, нам необходимо принять все меры для того, чтобы оно поняло и оценило дар духа святого, великое наследство, созданное

¹ *Плаггенборг Ш.* Революция и культура : Культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма. СПб. : Журнал «Нева», 2000. С. 245–246; *Clark K.* The King is Dead, Long Live the King: Intelligentsia Ideology in Transition. Paper at Conference «Russia at the end of the 20th Century», Stanford University, 1998. URL: http://web.stanford.edu/group/Russia20/volumepdf/clark_fin99.pdf (дата обращения: 02.04.2017).

² Протоколы конференции // СПФ АРАН. Ф. 1 (Конференция Академии наук). Оп. 1а. Д. 164. Л. 57.

и оставленное нам погибшими и еще живущими борцами за политическую свободу России»³. В «призыве гражданам», опубликованном Академией наук, говорилось о необходимости воспитывать новое поколение людей, не затронутых порядками старого режима, и чтобы достичь этой цели, следовало создать галерею борцов за свободу, тех, кто сражался против самодержавия: «В нашем темном и печальном прошлом ярко сияют великие примеры гражданской доблести; эти примеры даны для нас погибшими борцами за свободу России!.. В доме-музее, который мы предполагаем создать, должны быть собраны все документы по истории борьбы с монархическим режимом, портреты и биографии наших великих граждан, литература, посвященные истории революционного движения...»⁴. Академия наук и Общество обращались к широкой публике для сбора экспонатов⁵.

Как создавался Государственный музей Революции (ГМР)? В мае 1919 г. в Петрограде состоялось совещание инициативной группы (куда входил и Горький), принявшей решение об открытии музея. Формально он был учрежден Петросоветом при непосредственной поддержке Г. Зиновьева в октябре-декабре (даты в источниках разнятся) 1919 г. Впоследствии, в 1920-х, утверждалось: «в прошлой истории музеев... подобного музея не было — не могло быть»⁶, что, конечно, не совсем так. Если Зиновьев и видел музей изначально чисто «партийным», на чем настаивал революционер В. Серж в своих мемуарах⁷, то таковым он не стал — и не мог стать. В своей деятельности и идеологическом содержании в первый период (в 1920-х гг.) ГМР смыкался с Обществом.

В январе в «Петроградской правде» опубликовали объявление о новом музее: «в бывших покоях кровавых императоров и... у стола где ими, быть может, подписывались смертные приговоры, будут висеть портреты Балмашева, Созонова, Каляева, Коноплянниковой, Перовской, Желябова, Шмидта и других многочисленных мучеников революции как вечное напоминание о возмездии»⁸. Идея торжества мучеников революции над сокрушенным самодержавием пересекается с содержанием призывов, выпущенных Обществом дома-музея в 1917 г.: «Начинаем с Новикова, Радищева, жизнь русского общества освещали своим горением великие души Белинского, Чернышевского, Добролюбова, их энергией созданы плеяды людей шестидесятых и семидесятых годов, оттуда, из этой уже глубокой дали, до нас дошли,

³ Первый бюллетень дома-музея памяти борцов за свободу // ГАРФ. Ф. Р6685 (Общество «дом-музей памяти борцов за свободу»). Оп. 1. Д. 5. Л. 2–3.

⁴ Протоколы конференции. Л. 59.

⁵ Обращение о целях // ГАРФ. Ф. Р6685. Оп. 1. Д. 4. Л. 8.

⁶ Отчет о деятельности Музея революции в Ленинграде за 1924–1927 гг. // ГАРФ. Ф. 406 (РК РКИ РСФСР). Оп. 12. Д. 1982. Л. 2.

⁷ Серж В. От революции к тоталитаризму: воспоминания революционера. М. : Праксис, 2001. С. 119.

⁸ Цит. по: Конивец А. В. Зимний дворец в послереволюционные годы. Открытие Музея Революции // История Петербурга. 2010. № 2. С. 66.

еще живут среди нас полусказочные люди, имена которых вы знаете»⁹. В печати звучали призывы «к собиранию памятников русской революции в самом широком смысле этого слова»¹⁰. ГМР называли «живым организмом, лабораторией революционной мысли»¹¹.

Общество дома-музея в мае 1917 г. создало Комиссию личных опросов с целью собрать воспоминания тех, кто находился в Таврическом дворце в февральские дни. В дальнейшем были выпущены типовые опросные листы и сбор воспоминаний планировалось сделать систематическим¹², что отчетливо напоминает деятельность советского Истпарга.

То, что ГМР был изначально учрежден при поддержке государственных структур, а Общество нет, отнюдь не свидетельствует в пользу принципиальных различий: последнее просто не успело этого сделать, хотя такие голоса раздавались среди его членов¹³.

Преимственность наблюдается в кадрах двух музеев, хотя, разумеется, в этом отношении они не идентичны. Общество, конечно, было более «либеральным» по своему составу и наравне с Горьким включало в свои ряды и И. А. Бунина¹⁴, а также С. А. Венгерова, М. Винавера, С. П. Мельгунова, С. Н. Прокоповича, А. А. Шахматова, Н. С. Чхидзе, К. С. Петрова-Водкина, С. Ф. Ольденбурга, Л. Н. Андреева, А. Н. Бенуа, Е. В. Тарле, В. И. Срезневского, С. Н. Валка, В. Н. Фигнер, М. В. Новорусского, Н. А. Морозова, П. Е. Щеголева и многих других¹⁵. Это не регулярные сотрудники, а участники учредительного собрания общества, члены попечительских органов, те, кто выразил солидарность с идеей создания музея, и т. д.

В рядах Коллегии ГМР с момента его основания оказались А. М. Горький, М. В. Новорусский, Н. А. Морозов, В. Н. Фигнер, С. Ф. Ольденбург, В. И. Срезневский, П. Е. Щеголев¹⁶, активно сотрудничал с ГМР историк С. Н. Валк.

Общество дома-музея так и не успело по-настоящему заработать, ни одной выставки там не провели, но собирательская работа велась до-

⁹ Первый бюллетень дома-музея памяти борцов за свободу. Л. 1.

¹⁰ Артёмов Е. Г. К вопросу периодизации истории музея (1919–1989 гг.) // Первый историко-революционный. Л. : Центральный Музей Революции СССР, 1989. С. 21–22.

¹¹ Артёмов Е. Г. Опыт прошлого, взгляд в будущее. Основные исторические этапы деятельности Музея // ГМПР: 90 лет в пространстве истории и политики, 1919–2009 : материалы науч. конф., посвящ. юбилею Гос. музея политической истории России (СПб, 5–7 окт., 2009). СПб. : Норма, 2010. С. 8.

¹² Первый бюллетень дома-музея памяти борцов за свободу. Л. 7.

¹³ Протоколы заседания совета Общества // ГАРФ. Ф. Р6685. Оп. 1. Д. 1. Л. 18.

¹⁴ Там же. Л. 30.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Положения о музеях революции // ГАРФ. Ф. А2307 (Главнонаука НКП РСФСР). Оп. 3. Д. 268. Л. 45; Отчеты Государственного Музея Революции в Ленинграде за 1924–1925 гг. // ГАРФ. Ф. А2307. Оп 10. Д. 87. Л. 3.

статочно активно вплоть до закрытия музея в 1919 г.¹⁷ Дарительницей Общества выступила А. Шакол, анархо-коммунистка, будущая научная сотрудница ГМР. В списках переданных Обществу экспонатов нет или почти нет предметов «либеральных» политиков (например, деятелей кадетской партии). Коллекция носила народнический или шире — социалистический характер, это были личные вещи членов народнических организаций (включая шлиссельбуржцев), их печатная продукция¹⁸.

Что касается экспозиций ГМР в 1920-х гг., то реконструировать их содержание не так просто: в архивах мне не удалось обнаружить выставочных планов (как ни парадоксально, это гораздо проще сделать в отношении 1930-х гг.). Поэтому выявлять содержательную часть деятельности ГМР в 1920-х пришлось через структуру отделов, сведения о которых отложились в архивах.

В 1923 г. «в секции революционного движения до 1905 года насчитывалось 14 подотделов, и только один из них был посвящен социал-демократической партии в целом»¹⁹. В секции «Великой Социалистической революции» уже появляется отдел Коммунистической партии (что неудивительно, учитывая ее роль в этих событиях), но наравне существует и отдел «остальных партий»²⁰. Постепенно открывались тематические комнаты, посвященные «первым дням октябрьской революции», группе «Освобождение труда» и 25-летию РКП, зал памяти Ленина²¹, но все это происходило наравне с изображением других, более широких сюжетов из истории русского революционного движения. Проводились восстановительные работы Трубецкого бастиона и Шлиссельбургской крепости, что пытался организовать еще Новорусский в рамках Общества.

Народническая тема была ведущей в экспозициях музея. «Особенно хорошо представлено было восстание декабристов и революционное движение 70–80-х гг. XIX столетия. Тогда еще существовало Общество политкаторжан, еще живы были многие участники тех событий, и люди эти были связаны с музеем, помогали ему, часто его посещали»²². В коридорах музея можно было запросто встретить беседующих друг с другом шлиссельбуржцев В. Фигнер и Н. Морозова (сотрудничавших и с Обществом дома-музея). Музей «создавали... люди достаточно образованные, хорошо знавшие революционное прошлое

¹⁷ Список предметов, поступивших в «дом-музей» // ГАРФ. Ф. Р6685. Оп. 1. Д. 9. Л. 1, 39, 41.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Саркисян Н. М. 1917 год в экспозициях Государственного музея Революции // Музей. 2016. № 9. С. 10.

²⁰ Положения о музеях революции. Л. 29.

²¹ Отчеты Государственного Музея Революции в Ленинграде за 1924–1925 гг. Л. 2.

²² Рабинович М. Б. Воспоминания долгой жизни. СПб. : Европейский дом, 1996. С. 135.

России, многие его непосредственные участники»²³. В 1919–1933 гг. директором был М. Б. Каплан, определявший себя в анкете в качестве меньшевика²⁴.

Доминирование народничества (и вообще отсылки к связи с революционной историей) проявлялось, конечно, не в одном только ГМР. Так, был создан музей Кропоткина (образ которого умудрился пережить сталинизм), в 1930 г. в Храме Спаса-на-Крови предлагали открыть музей Народной Воли; в экспозициях московского Музея революции непосредственной предтечей Октября называлось Пугачевское восстание, советский строй, утверждалось, является осуществлением мечты Ткачева, а истоки марксизма в России необходимо искать в народническом движении²⁵.

Конец этому положила сталинская контрреволюция. В 1935 г. Комиссия Ленгоркома ВКП(б) после проверки ГМР пришла к выводу, что «музей в настоящем его виде абсолютно не отвечает стоящим перед ним задачам... основное и центральное место в музее отведено народничеству, группе “освобождения труда” и истории других партий...»²⁶. Детальных претензий было найдено много, проверка кончалась такой резолюцией: «музей революции превратился по существу в музей, посвященный народничеству»²⁷.

К сожалению, скудость источников с трудом позволяет восстановить целостную историю как непродолжительной деятельности Общества в 1917–1919 гг., так и ГМР в 1920-х гг. Однако в целом вырисовывается такая картина: ГМР стал воплощением устремлений русской интеллигенции (в массе своей левой, хоть и не всегда прямо социалистической), которая задумывалась об истории собственной борьбы еще до 1917 г. «Фактически коллекция появилась на свет в... 1907 г. — на 12 лет раньше официального создания самого Музея Революции»²⁸. После 1905 г., в связи с возвращением из ссылки легендарных народников, и началась собирательская деятельность. М. Новорусский, впоследствии активный деятель как Общества, так и ГМР, вспоминал на открытии музея: «С того года, как я получил возможность жить в Питере, я не переставал собирать некоторые предметы, служившие памятником жизни моих товарищей, и препровождал их в Берлин, где образовывались зачатки музея русской революции...»²⁹.

²³ Там же.

²⁴ Анкеты сотрудников Ленинградского Музея Революции // ГАРФ. Ф. А2307. Оп. 23. Д. 62. Л. 13.

²⁵ *Закс А. Б.* Музеи исторического профиля в 1917–1934 гг. // История СССР. 1965. № 5. С. 168.

²⁶ Докладные записки по обследованию Музея революции // ЦГАЛИ СПб. Ф. 285 (Государственный музей революции). Оп. 1. Д. 12. Л. 2.

²⁷ Там же. Л. 3.

²⁸ *Артёмов Е. Г.* Опыт прошлого, взгляд в будущее. С. 8.

²⁹ Там же.

Однако ГМР — не единственный пример воплощения дореволюционных проектов интеллигенции. Множество преобразовательных планов, созданных до 1917 г., получило государственную поддержку и смогло реализоваться только в 1920-х гг.

После Октября произошел всплеск создания краеведческих музеев по инициативе местной интеллигенции (которая занималась этим еще задолго до 1917 г.), что координировалось созданным в мае 1918 г. Отделом по делам музеев и памятников Наркомпроса³⁰, «экскурсионная работа была официально признана одним из элементов школьного образования», были созданы соответствующие государственные структуры³¹.

На 1920-е гг. приходится и расцвет инженерного дела. Как следует из ряда мемуаров и анализа «Вестника инженеров», техническая интеллигенция (в духе эпохи) склонялась в пользу активного вмешательства государства в экономику³², участвовала в дискуссиях о промышленном планировании в национальных масштабах³³, что не встречало интереса у властей. Ситуация несколько изменилась с началом Первой мировой войны: в 1915 г. была создана Комиссия по изучению естественных производительных сил России³⁴, чьи сотрудники позднее участвовали в работе президиума ВСНХ³⁵. Более 40 исследовательских институтов были открыты в годы Гражданской войны, все они базировались на собственных проектах технической интеллигенции³⁶, разработанных до революции, например, в рамках РТО и на всероссийских электротехнических съездах. Преемники съездов в 1918 г. вошли в Центральный электротехнический совет и стали будущими авторами ГОЭЛРО³⁷.

В 1918 г. было создано Центральное статистическое управление, во главе которого встал П. И. Попов, привлечший на работу кадры из среды земских статистиков. Принципы, заложенные в основание советской статистики, дискуссии, которые велись в 1920-х, соответствовали международным стандартам того времени, «статистическая служба большевиков решительно вписывалась в статистический интернаци-

³⁰ *Лейкина-Свирская В. Р.* Русская интеллигенция в 1900–1917 годах. М.: Мысль, 1981. С. 89–90.

³¹ *Березина В. А.* Экскурсионная работа в 1920-х гг. (на материалах Петрограда—Ленинграда): дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2015. С. 170.

³² *Bailes K. E.* Technology and Society Under Lenin and Stalin: Origins of the Soviet Technical Intelligentsia, 1917–1941. Ann Arbor: Univ. of Michigan Library, 1978. P. 22.

³³ *Coopersmith J.* The Electrification of Russia, 1880–1926. Ithaca: Cornell Univ. Press, 1992. P. 102.

³⁴ *Ibid.* P. 101.

³⁵ *Козлов Б. И.* Вклад академии наук в индустриализацию России // Вестник Российской академии наук. 2000 Т. 70, № 12. С. 1061.

³⁶ *Bailes K. E.* Technology and society under Lenin and Stalin. P. 54.

³⁷ *Гвоздецкий В.* План ГОЭЛРО: мифы и реальность // Наука и жизнь. 2001. № 5. С. 102–109.

онализм эпохи, научный замысел и организационные принципы которого она принимает»³⁸.

Как отмечал историк советской науки, «ни одно правительство прежде в истории не было настроено столь открыто и энергично в пользу науки»³⁹. Чем объясняется такая политика? Большевики видели в науке ключ к решению не только чисто материальных задач, но и «духовных», и они были нацелены на такую реформу науки, которая бы возвела последнюю на общественный пьедестал⁴⁰. Исследователи отмечают, что своим идейным источником и дореволюционные просветители (разных политических взглядов), и коммунисты имеют европейское Просвещение с идеей прогресса во главе угла. И те, и другие «не видели проблемы в том, чтобы усовершенствовать человека и вывести его из невежества»⁴¹. Русская интеллигенция, в массе своей даже будучи беспартийной, отличалась тем не менее (стихийно) левыми взглядами, которые исследовательница советской культуры Катерина Кларк называет «романтическим антикапитализмом»⁴². И поэтому неслучайно у многих представителей культуры и науки возникали «проблемы» с самодержавием. На предложения реформ, например, инженерного образования⁴³, царизм отвечал репрессиями. Так, в 1911 г. по ряду ведущих учебных заведений страны прокатилась волна увольнений профессоров⁴⁴. С XIX в. преследованиям подвергалось дарвиновское учение⁴⁵, запреты вводились на работы физиолога И. М. Сеченова⁴⁶. Травле подвергался К. А. Тимирязев, А. Г. Столетов (забаллотирован при избрании в Академию Наук, тяжело это переживал и в результате несвоевременно скончался), Д. И. Менделеев (забаллотирован), А. М. Бутлеров, В. В. Докучаев (вынужден был уйти со своего поста, что привело к нервному истощению и несвоевременной смерти), вынуждены были эмигрировать М. М. Ковалевский, С. Ковалевская, И. И. Мечников (второй русский нобелевский лауреат)⁴⁷.

³⁸ Блюм А., Меспуле М. Бюрократическая анархия: Статистика и власть при Сталине. М. : РОССПЭН, 2008. С. 28–29, 32.

³⁹ Graham L. R. The Soviet Academy of Science and the Communist Party, 1927–1932. Princeton : Princeton Univ. Press, 1967. P. 33.

⁴⁰ Ibid.

⁴¹ Плаггенборг Ш. Революция и культура. С. 264.

⁴² Clark K. Petersburg, Crucible of Cultural Revolution. Cambridge : Harvard Univ. Press, 1995. P. 15–16.

⁴³ Ibid. P. 30–32.

⁴⁴ Ibid. P. 33.

⁴⁵ Харакоркин Л. П. Чарльз Дарвин и царская цензура // Труды института истории естествознания и техники. М. : Изд-во АН СССР. 1960. № 31. С. 82; Ковалев И. Ф. Преследования учения Ч. Дарвина царской цензурой // Вопросы истории религии и атеизма : сб. статей. VII. М. : Изд-во АН СССР, 1959. С. 410; Штейнберг В. А. Чарльз Скотт, его друзья и враги. О Карле Янсоне. М. : Политиздат, 1983. С. 22–23.

⁴⁶ Грэхэм Л. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе. М. : Политиздат, 1991. С. 163.

⁴⁷ Тарасов А. Н. Второе издание капитализма в России // Левая политика. 2008. № 7/8. URL: http://scepisis.net/library/id_2973.html (дата обращения: 02.04.2017).

Исследователи прямо пишут о том, что наука в 1920-х гг. «процветала»⁴⁸. Советская власть сразу взяла курс на кооптацию специалистов в разных сферах. «Эти люди, как и большинство специалистов в других областях, работавших во вновь создаваемых организациях, были выходцами из интеллектуальных управленческих элит Российской империи...»⁴⁹. Проекты преобразования науки, культуры, проекты памяти русской интеллигенции о борьбе с самодержавием были реализованы только в 1920-х гг. после революции. В силу ограниченности места я могу только упомянуть прогрессивное гендерное законодательство⁵⁰, колоссальные достижения в области психологии⁵¹, реформы календаря⁵² и алфавита⁵³, масштабные эксперименты в театре, живописи, поэзии, архитектуре⁵⁴. Советская власть вовлекала в работу многочисленные группы деятелей науки, культуры, искусства, группы, которые формировались еще при старом режиме, создавали свои проекты, но не могли реализовать их до революции. Это в полной мере применимо к Государственному музею Революции, который вобрал в себя представителей революционной интеллигенции разных направлений.

⁴⁸ *Krementsov N. L.* Stalinist Science. Princeton : Princeton Univ. Press, 1997. P. 23.

⁴⁹ *Блюм А., Местуле М.* Бюрократическая анархия: Статистика и власть при Сталине. С. 28.

⁵⁰ *Skjulestad J.* A Necessary Evil? Continuity and Change in Russian and Soviet Abortion Discourse, 1910–1930. Master's Thesis. Oslo : Univ. of Oslo. 2012. P. 21, 26, 41.

⁵¹ *Грэхэм Л.* Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе. С. 165–193.

⁵² Протоколы конференции // СПФ АРАН. Ф. 1 (Конференция Академии наук). Оп. 1а. Д. 164. Л. 56.

⁵³ Там же. Л. 96.

⁵⁴ *Clark K.* Petersburg, Crucible of Cultural Revolution. P. 34–36, 38–40, 53.

Отражение революционных событий 1917 г. в основной экспозиции Музея обороны Царицына—Сталинграда им. товарища Сталина (1937–1954 гг.)

Одной из главенствующих функций отечественных архивов, библиотек и музеев является сохранение для будущих поколений документального наследия и исторической памяти. В 1930-х гг. большое значение в работе учреждений культуры приобретает и идеологический фактор, который, в свою очередь, значительно влияет на основную деятельность. На вторую половину 1930-х годов также приходится и открытие ряда историко-революционных мемориальных музеев: Центрального музея им. В. И. Ленина (Москва, 1936 г.), музея им. С. Кирова (Ленинград, 1937 г.), музеев Иосифа Сталина (Новая Уда, 1935 г.; Гори, 1937 г.) и др.¹

3 января 1937 года в Сталинграде был открыт Музей обороны Царицына имени товарища И. В. Сталина², главной темой его экспозиции стали события Гражданской войны в районе Царицына и Дона (1917–1920 гг.). По известным причинам внутривластного характера концепция музея не предполагала объективной и беспристрастной оценки событий того времени, с акцентом на личности И. В. Сталина, как руководителя обороны Царицына.

Первый директор музея В. Н. Алексеев так формулировал цель и задачи, стоящие перед учреждением культуры: «Открываемый в Сталинграде Музей обороны Царицына должен в основном отразить... период обороны, когда в Царицыне находились товарищи Сталин и Ворошилов. Задача музея — показать историю обороны Царицына, вошедшую в золотой фонд опыта борьбы и побед мировой социалистической революции»³.

Говоря об открытии Музея обороны Царицына, нельзя не упомянуть методическую помощь, которая была оказана музейным сообществом, как на региональном, так и на всесоюзном уровне. Среди источников комплектования фондов молодого музея в экспозиционных описях упоминаются Музей имени Ленина, Сталинградский

¹ *Потапова С. А.* Мемориальные музеи политических деятелей в контексте истории XX века // Вестник Саратовского гос. социально-экономического ун-та. 2009. № 2 (26). С. 161.

² Постановление бюро Сталинградского крайкома ВКП (б) от 28 декабря 1936 г. «Об открытии музея обороны Царицына имени товарища Сталина».

³ *Алексеев В.* Музей героической обороны // Сталинградская правда. 1937. 3 янв. С. 3.

краеведческий музей; значительную помощь оказали деятели науки и художники⁴.

Революционные события 1917 г. были отражены в экспозиции: первый отдел музея — «Царицын как пролетарский центр в предоктябрьский период и в Октябрьской революции» — являлся вводным, плавно подводящим посетителя к теме Гражданской войны. Отдел занимал одну из комнат музея, значительная часть экспонатов — фотографии и документы, формирующие у посетителя представление о дореволюционном состоянии страны и региона (стена 1), событиях периода двоевластия (стена 2), личности В. И. Ленина (стена 3), революционных событиях октября 1917 г. (стена 4) как этапа борьбы пролетариата за установление советской власти. Экспозиционный ряд отдела включал в себя такие экспонаты, как фотокопии рукописей В. И. Ленина, декреты о земле и мире, репродукции картин и фотографии, отражающие революционные события, портреты И. В. Сталина, К. Е. Ворошилова и т. д.⁵ Завершала экспозицию вводного зала мраморная доска с выдержкой текста из статьи И. В. Сталина «О значении Октября»⁶.

Несмотря на живой интерес современников к экспозиции и соответствующий духу времени показ событий Гражданской войны, в 1938 г. деятельность Музея обороны Царицына была подвергнута критике, а первый директор В. Н. Алексеев арестован и расстрелян.

15 июля 1938 г. заведующая культпросветотделом обкома ВКП(б) Донская составила справку с перечислением множественных погрешностей в работе музея;⁷ как дополнение к ней новый директор Музея обороны Царицына А. Хмельков подготовил докладную записку, в которой также упоминал недостатки деятельности учреждения, перечислял вопросы перспектив его работы, сообщал о ликвидации «последствий вредительства». В частности, в первом отделе музея была проведена масштабная реэкспозиция, были изъяты либо заменены документы, не отвечающие требованиям времени: «первый отдел... дан в разрезе, где показывается борьба партии Ленина — Сталина за массы... разоблачение Лениным и Сталиным предательской работы Зиновьева, Каменева, Троцкого и др.»⁸ Кадровая зачистка и масштаб-

⁴ Опись экспонатов Музея обороны Царицына имени И. В. Сталина // Государственный архив Волгоградской области (далее — ГАВО). Ф. Р-6527. Оп. 1. Д. 14.

⁵ Опись экспонатов музея обороны, размещенных в музее Обороны Царицына им. Сталина на 15/X.1937 г. // ГАВО. Ф. Р-6527. Оп. 1. Д. 14. Л. 9–11.

⁶ Музей Обороны Царицына им. товарища Сталина : [описание отделов музея] // Сталинградская правда. 1937. 3 янв. С. 2.

⁷ Докладная записка тов. Донской в обком ВКП(б) по вопросу перспектив работ Музея Обороны Царицына // ГАВО. Ф. Р-6527. Оп. 1. Д. 20 Л. 31.

⁸ Докладная записка областному комитету ВКП(б) директора Музея Обороны Царицына тов. Хмелькова «О формах и методах вредительской работы врагов народа в музее Обороны Царицына им. Сталина и мерах, принятых по ликвидации последствий вредительства» (1938 г.) // ГАВО. Ф. Р-6527. Оп. 1. Д. 20. Л. 1–2.

ная реэкспозиция были проведены и в историческом отделе Сталинградского областного краеведческого музея⁹.

Переломным моментом в работе Музея обороны Царицына и причиной для реэкспозиции стали события Сталинградской битвы. В начале 1943 г. в обкоме ВКП(б) были приняты постановления «О реорганизации Музея обороны Царицына им. товарища Сталина в Музей обороны Царицына—Сталинграда им. товарища Сталина» и «Об организации музея обороны Сталинграда имени И. В. Сталина».

Сбор экспонатов в рамках реорганизации музея проходил в военное время, в полуразрушенном городе, в связи с чем ряд проектов не был реализован. К 27-летней годовщине Великой Октябрьской социалистической революции и второй годовщине разгрома немецко-фашистских войск под Сталинградом в Комсомольском саду планировалась организация выставки «Героическая оборона Царицына—Сталинграда»¹⁰, однако она не была утверждена и не проводилась¹¹.

Реорганизация музея и ввод нового раздела в основную экспозицию не отразились на подаче в одном из отделов материалов о революционных событиях 1917 г. В фондах музея-заповедника «Сталинградская битва» хранится текст доклада Водолагина «Об организации музея обороны Сталинграда им. И. В. Сталина», в котором конкретизируется тематическое наполнение структурных подразделений учреждения. В частности, во вводном отделе обороны Царицына предполагалось освещение роли большевистской партии в борьбе за установление советской власти в стране и Царицыне, деятельности И. В. Сталина и К. Е. Ворошилова в событиях Гражданской войны, значение Царицына в годы Гражданской войны.¹²

Открытие восстановленного и реорганизованного музея обороны Царицына—Сталинграда имени И. В. Сталина прошло 6 июня 1948 г., в день 30-й годовщины приезда Сталина в Царицын.¹³ Несмотря на масштабное обновление основной экспозиции, в 1950-х гг. ее содержание еще не раз будет претерпевать изменения. В 1951 г. Приказом Совета Министров РСФСР № 310 от 13 декабря 1950 г. «в целях оказания помощи... и поднятия уровня всей его работы...» в Сталинград был командирован ряд специалистов для разработки тематического

⁹ *Еропкин В.* В областном музее открыт исторический отдел // Сталинградская правда. 1938. 17 апр. С. 4.

¹⁰ План организации в помещении КП в Комсомольском садике выставки «Героическая оборона Царицына—Сталинграда» // Музей-заповедник «Сталинградская битва» (далее — МЗСБ). НВФ-12112.

¹¹ *Червинская Н. К.* Второе рождение музея // Музей: история и современность, 1937–1997 : материалы науч.-практ. конф., посвящ. 60-летию музея (Волгоград, 1997 г.). Волгоград, 1997. С. 24.

¹² Доклад тов. Водолагина «Об организации музея обороны Сталинграда им. И. В. Сталина» // МЗСБ. НВФ-12130.

¹³ Открытие музея имени И. В. Сталина // Сталинградская правда. 1948. 9 июня. С. 3.

и тематико-экспозиционного планов по разделам «Оборона Царицына» и «Восстановление Сталинграда». Приказ предписывал таким организациям, как Академия Генштаба, Институт марксизма-ленинизма, редакция «Истории Гражданской войны», «принять участие в обсуждении и редактировании тематического и тематико-экспозиционного плана, а также выделить экспозиционные и фондовые материалы для создания экспозиции». ¹⁴

В настоящее время Мемориально-исторический музей является одним из старейших учреждений культуры Волгограда, носит статус отдела Музея-заповедника «Сталинградская битва». В одном из залов музея представлены наиболее интересные и значимые экспонаты, всесторонне раскрывающие события 1917 г. как в стране, так и в уезде: документы и фотографии из жизни Российской империи и Царицынского уезда (в частности — Приказ № 1 от 6 ноября 1917 г. «Об установлении Советской власти в Царицыне»¹⁵); документы и предметы, характеризующие личности первых руководителей Советской власти в регионе (С. К. Минин, Я. З. Ерман и т. д.)ю Центральное место в экспозиции занимает типологический комплекс «Штаб обороны Царицынского Совета», который осуществлял руководство отрядами Красной гвардии.

Несмотря на многочисленные преобразования основной экспозиции музея, революционные события 1917 г. в течение десятилетий находят в ней отражение, уникальные экспонаты рассказывают посетителям об одной из причин Гражданской войны 1917–1920 гг.

¹⁴ Приказ по комитету по делам культурно-просветительных учреждений при Совете Министров РСФСР № 310 от 13.12.1950 «О мероприятиях по оказанию помощи государственному музею обороны Царицына—Сталинграда имени И. В. Сталина» // ГАВО. Ф. Р-6527. Оп. 1. Д. 29. Л. 51.

¹⁵ Приказ № 1 Царицынского Совета рабочих солдатских и крестьянских депутатов от 6 ноября 1917 г. // МЗСБ. КП-2007.

1917-й. Революция... Выставки в Швейцарском национальном и Немецком историческом музеях

В 2017 г. отметится 100-летняя годовщина Великой русской революции. Швейцарский национальный музей (Цюрих, 24.02.2017–25.06.2017) и Немецкий исторический музей (Берлин, 18.10.2017–15.04.2018) приурочили к этой исторической дате проведение временных выставок¹.

В настоящем докладе будут представлены обе выставки с упором на выставку в Берлине. Вначале будет исследован вопрос, почему вообще два национальных западноевропейских музея вспоминают об этом событии в истории России, затем будут изложены цели и концепции выставок и в заключении будут представлены возможности и границы сотрудничества в музейной сфере.

I. ПОЧЕМУ МЫ ХРАНИМ ПАМЯТЬ О РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ?

Революционные события в период с 1917 по 1922 г. привели к смене политической системы, что отразилось на истории всего XX в. Это стало переломным моментом не только в истории России и граничащих с нею регионов, но и для межгосударственных отношений в Европе. Свержение династии Романовых привело к концу многовекового российского самодержавия и повлекло за собой глубокие изменения. Результатом стали новая форма правления и государственного устройства, а также радикальное изменение социальных и экономических структур.

Революция поспособствовала прорыву во всех сферах общественной жизни. Она содействовала развитию новых концепций в экономике, образовании, культуре; дала толчок национальным, политическим и социальным освободительным движениям; вдохновляла деятелей культуры и искусства в России и за ее пределами и бросала вызов системе ценностей Старого Света. Однако с самого начала революция сопровождалась политическим противостоянием, террором и насильственным подавлением всех противников, чему в конечном счете революция обязана своим завершением. Эти события продолжили опыт насилия Первой мировой войны и наложили отпечаток на несколько поколений населявших данный регион народов.

Последствия этих аспектов сказываются по сегодняшний день. Хотя поляризация мира была результатом Второй мировой войны, одним моментом, приведшим к такому развитию, были революция и

¹ Более подробная информация на официальных сайтах музеев: www.dhm.de и <https://www.nationalmuseum.ch/>

образование СССР. Революционные события в самой большой стране Европы привели к возникновению новой политической системы, представляющей собой противоположность политическому развитию в других европейских странах. Это стало отправной точкой для продолжительной конфронтации разных политических моделей в период между двумя мировыми войнами. Из Второй мировой войны СССР вышел победителем и стал мировой державой наряду с США. Последовавшая за ней Холодная война и разделение мира на два блока закончились лишь с распадом СССР в 1991 г.

Только знание истории образования и распада СССР поможет внести ясность в понимание сегодняшней ситуации в Центральной и Восточной Европе. Многие из нынешних проблем неразрывно связаны с событиями в период с 1917 по 1922 год. Так, к примеру, без знания проводимой большевиками политики национализации и идеи построения СССР как многонационального государства невозможно понять дебаты о политических, экономических и культурных сферах влияния. Некоторые из предпосылок российской политики, например боязнь окружения врагами, основываются на историческом опыте революции и Гражданской войны. Еще более глубокие корни имеет ностальгия по старой, дореволюционной России, что находит свое отражение в национально-патриотических нормах и регулятивах. В сегодняшней интерпретации умалчивается тот факт, что в конце XIX в. и в особенности в период с 1905 по 1917 г. впервые в истории страны появились зачатки альтернативной, демократической политики и общественного порядка. Однако вытекающие из этого возможности остаются неиспользованными. К долгосрочным эффектам революции необходимо отнести политические процессы в других странах: основание и попытки прихода к власти коммунистических партий, национально-освободительное и рабочее движение, а также вызванное чувством социальной несправедливости желание участвовать в принятии политических решений.

II. ВЫСТАВКИ

Сотрудничество двух музеев

Выставки в Цюрихе и Берлине во многом связаны между собой. Они выступают под одним брендом, что прослеживается в названиях и публикациях. «1917-й. Революция. Россия и Швейцария» — такое название носит выставка в Цюрихе. «1917-й. Революция. Россия и Европа»² называется берлинская выставка. В рамках и одной, и второй выставки в свет выйдет каталог. Музеи также опубликовали совместный сборник эссе под названием «1917-й. Революция. Россия и последствия».

² При этом Россия не понимается как неевропейское государство, как можно было бы заключить из названия. Напротив, «Россия» и «Европа» используются как понятия продолжающихся с XIX в. дискурсов, в ходе которых были сформулированы разнообразные положения относительно взаимоотношения этих двух понятий, в том числе убеждение, что Россия является неотъемлемой частью Европы.

Кроме того, разделы выставки, посвященные дореволюционной России, революции, Гражданской войне, а также Советскому Союзу, были разработаны одним и тем же куратором³ и отчасти работают с идентичными экспонатами.

Также была достигнута договоренность о сотрудничестве в рамках отдельных мероприятий сопроводительной программы.

Цели

Первоочередная цель как цюрихской, так и берлинской выставки состоит в том, чтобы донести информацию об исторических процессах в России и показать их сложность. Посетитель должен осознать весь масштаб тех событий и их связь с современностью. Кроме того, выставка в Цюрихе преследует цель напомнить о швейцарско-российских отношениях конца XIX — начала XX в. А выставка в Берлине должна будет проинформировать посетителей о влиянии и последствиях событий, происходивших в России, в отдельных европейских странах, а также о миграционных движениях, вызванных революцией.

Базовые тезисы

В основе обеих выставок лежит убежденность в необходимости помнить о событиях русской революции, поскольку она...

...имела всемирно-историческое значение. Революция сделала Россию/Советский Союз мировой державой и наложила отпечаток на всю историю XX в. Ее влияние и сегодня ощущается как в России и соседствующих с нею регионах, так и в структурах международного сообщества;

...представляла собой первый эксперимент построения социалистического государства, имевший долгосрочные последствия в Европе, и не только. Попытка России разжечь мировую революцию за ее пределами и перенятие идей революции другими странами наложили сильный отпечаток на их внутреннее развитие;

...является ключевым событием для понимания XX в., породившим противостояние демократии и диктатуры и разбившим мир на два лагеря. Ее влияние изменило мир как в политическом смысле, так и посредством создания устойчивой и крайне действенной утопии.

Руководящие положения

Концепции общих для обеих выставок разделов по теме революции базируются на понимании того, что русская революция не была непрерывным или предсказуемым процессом, равно как в ее основе не было последовательной неоспоримой идеологии. Напротив, она складывалась из многих разрозненных во времени или параллельных, частично противоречивых революционных процессов, проходивших внутри отдельных социальных групп, сфер общественной жизни, регионов и национальностей, и перетекших в Гражданскую войну. Революцию можно интерпретировать по-разному: как свержение царизма, как социальную

³ Куратором данных разделов обеих выставок является автор данной статьи.

или национальную революцию, как разгул насилия, террора и голода или же как культурную революцию. Она проходила по-разному в городе и в деревне, в центре страны и на периферии. То, что в конечном счете победили цели и идеи большевиков, объясняется применением ими массового насилия и подавления противников. Такая многогранность революции отражается в устойчивом различии между ожиданиями и действительностью, вызовом и ответом, действием и противодействием, а также в синхроничности предвидений и реальности, эмансипации и насилия. Попытка радикального обновления политики и общества и высокая эффективность связанных с этим идей неразрывно связаны с тотальным разрушением экономических и социальных структур. Нормативная сила такого мировоззрения, а также необходимость удержания власти служили оправданием террору, репрессиям и насилию.

Обе выставки должны будут отразить этот конфликт и попытаться задокументировать многократное пересечение революционных целей и методов, событий и их восприятия современниками.

Концепция и структура⁴

В таком контексте становится очевидным, что ни в одной ни во второй выставке в разделе по теме революции не может быть одной-единственной нарративной перспективы. Вместо этого целесообразно применять мультиперспективный подход или же перспективу «с высоты птичьего полета», чтобы таким образом показать, что не было единой русской революции. Вся сложность данной тематики можно показать лишь посредством визуальной и пространственной формы презентации, учитывающей одновременность и противоречивость революционных процессов. Для того чтобы при этом задокументировать ход истории, выставка будет строиться в хронологическом порядке (предыстория—революция—последствия). С помощью «плотного описания», т. е. отличающихся по оформлению островков и сжатия информации, в центре внимания посетителя окажутся отдельные события, люди и темы, из которых для посетителя складывается общая, хоть и всегда неполная картина. Таким образом, эти концепции носят не нарративно завершенный, а тематико-символический и поэтому открытый характер. Экспонаты на выставках представлены личными вещами, предметами, документами, текстами, мультимедиа, произведениями искусства и т. д.

Ключевые экспонаты, имеющие особое оформление, будут служить ориентиром при обходе выставки и позволят проходить ее различными путями. Данная пространственная композиция будет дополнена отдельными инсценировками, видео- и аудиостанциями, цифровыми презентациями фотографий, картами и инфокиосками. Таким образом, выставки станут для посетителя местом открытий, подталкивающим его самостоятельно находить ключи к изучению данной темы.

⁴ Ср. официальные концепции обеих выставок. Автором концепции выставки в Берлине является автор данной статьи.

Как это конкретно отразится на структуре выставки? В разделе «Предыстория революции» агонии царизма и политическим репрессиям будут противопоставлены стремление отдельных частей населения к реформам, революция 1905–1907 гг. и прорыв в искусстве. Раздел выставки по периоду 1917–1922 гг. задокументирует восстание против старого порядка, а также террор и Гражданскую войну как средство революционеров для достижения своих целей. Раннесоветский период должен показать, что консолидация советского общества проходила на фоне стремления закрепить достижения революции и быть первым государством, построившим социализм, с одной стороны, и уничтожения всех политических, общественных и экономических структур, а также устранения политических и классовых врагов, с другой стороны. Через демонстрацию авангардного искусства, с одной стороны, и насилия и террора — с другой обе выставки откроют и ту и другую точки зрения на эти исторические события.

Наряду с общими у обеих выставок есть части, отличающие их друг от друга. Выставка в Цюрихе расскажет о разносторонних и тесных связях Швейцарии с революционными событиями в России. За первым разделом, посвященным искусству и развитию политических идей, следует часть выставки, повествующая о Российской империи конца XIX — начала XX в., швейцарских эмигрантах в России, количество которых к концу 1917 г. составило более 20 000, а также о русских интеллектуалах и художниках, выехавших в Швейцарию. Под заголовком «Швейцария как политическое убежище» будут представлены революционеры и социалисты, а также женщины, имевшие здесь, в отличие от России, возможность обучаться в университетах. С 1895 г. в Швейцарии регулярно бывал Ленин. Он был членом Социал-демократической партии Швейцарии и поддерживал связь со швейцарскими социал-демократами Робертом Гриммом и Фрицем Платтенем. Выставка также документирует международную социалистическую конференцию в Циммервальде (1915 г.) и Кинтальскую конференцию (1916 г.), а также переезд Ленина из Цюриха в Петроград. После разделов по теме революции, гражданской войны и Советского Союза следует раздел «Швейцария в 1918–1932 гг.», показывающий реакцию на события в России. Присутствие в Швейцарии 3000 российских военных беженцев способствовало росту ксенофобских и антисоветских настроений, усугубившихся в связи с деятельностью советской дипломатической миссии во главе с Яном Берзиным, находившейся в стране с мая 1918 г. с целью прояснения положения швейцарцев в России. Обстановка еще больше накалилась после начала всеобщей забастовки в 1918 г., и советская дипмиссия была выслана. Затем последовали высылка других русских и разрыв дипломатических отношений, которые были возобновлены лишь в 1946 г. В начале 1919 г. многие швейцарцы вернулись из России на историческую родину. Отношения между странами вновь обострились в мае 1923 г. из-за убийства советского дипломата Вацлава Воровского репатриантом Морицем Конрадом.

Определенную роль в развитии швейцарско-российских отношений сыграла и притягательность большевистских идей. В 1921 г. образовалась Коммунистическая партия Швейцарии. В 1920-е гг. в Советский Союз выезжали многие интеллектуалы и архитекторы, желавшие принять участие в построении нового общества. Также в Советский Союз эмигрировали швейцарские коммунисты, как, например, Фриц Платтен, погибший в 1942 г. в советском исправительно-трудовом лагере.

Выставка завершается мультимедийной инсталляцией, транслирующей краткие интервью с европейскими интеллектуалами на тему их отношения к Советскому Союзу.

Если выставка в Швейцарии делает основной упор на двусторонних отношениях, то берлинская выставка концентрируется на последствиях революции и реакции на революцию в Европе. Но и здесь особое внимание уделяется тому, чтобы задокументировать разные точки зрения: от увлечения революционными идеями до страха перед распространением коммунизма. Так же как и в России наряду с победой большевиков присутствовал страх «старого мира» перед «призраком коммунизма», приведшие, с одной стороны, к распаду старых структур и к радикализации, с другой стороны.

Большевистские идеи накладывались на характерные для разных стран ситуации, зависящие как от предыстории рабочего движения, так и от исхода Первой мировой войны для данной конкретной страны. Советские движения и стремление России распространить мировую революцию бросали вызов буржуазно-консервативным политическим силам и новым европейским демократическим партиям и правительствам. Реакции в разных странах варьировали от бурных политических дебатов до вооруженных конфликтов между группировками. Мультимедийная установка в начале выставки покажет глобальный масштаб влияния революции. Затем более детально будут рассмотрены такие страны, как Германия, Венгрия, Франция, Великобритания, Италия, Польша, т. е. страны, на чьем примере наиболее наглядно можно показать специфические аспекты реакции на события в России.

В конце выставки разные точки зрения на те события будут также представлены через миграционные движения: в то время как одни добровольно или принудительно покидали свою родину, другие искали там новое будущее или защиту. Выставка даст обзор распределенных по всему миру центров эмиграции, уделив особое внимание таким городским центрам, как Берлин и Париж. С другой стороны, новая Россия вызывала большой восторг среди архитекторов, интеллектуалов, деятелей культуры, рабочих и казалась благодатной почвой для реализации новых идей и общественных упований. В 1930-е гг. из-за нацистских репрессий немецкие коммунисты были вынуждены бежать из Германии и, в частности, находили убежище в Советском Союзе.

Выставка заканчивается цитатами и презентацией произведений искусства, по-разному интерпретирующих революцию.

III. СОТРУДНИЧЕСТВО С МУЗЕЯМИ РОССИИ

Среди музеев-партнеров в России следует отметить Государственный музей политической истории России в Санкт-Петербурге и Государственный Исторический музей в Москве. Будучи преемником Государственного музея Революции в С.-Петербурге и находясь в историческом месте, где Ленин провозгласил «апрельские тезисы», Государственный музей политической истории России со своими собраниями и инновационной выставочной концепцией представляет особое значение для нашей выставки. В фонды Государственного Исторического музея в Москве входят не только его собственные, уникальные по численности и содержанию экспонаты, но и собрания бывшего Музея Ленина, что делает его незаменимым партнером для данной выставки.

Уникальными фондами располагает также Музей современной истории России в Москве, который к тому же выступает главным организатором запланированных на 2017 г. памятных мероприятий к 100-летию революции.

В лице Третьяковской галереи выставка имеет замечательного партнера, что касается предоставления художественных произведений. Другие музеи в России, например в Екатеринбурге, выступают в качестве партнеров, готовых предоставить для выставки репродукции.

По финансовым причинам в создание выставки не смогли быть вовлечены другие периферийные музеи, так же как и не смогли быть задействованы оригинальные экспонаты из других русских музеев. Это вызывает сожаление, поскольку «запад» России зачастую ассоциируется с Москвой и Санкт-Петербургом. При этом упускаются из виду уникальные коллекции так называемых провинциальных музеев, с несколько иной позиции отражающие такие события, как, например, крестьянская революция или убийство царской семьи.

Огорчает также и то, что к созданию выставки не смогли быть привлечены музеи бывших советских республик. Зачастую история Советского Союза сводится к истории России. Однако исключение здесь составляет Украина, что стало поводом для кураторов выставок в Цюрихе и Берлине использовать материалы кинофотофоноархива Украины и Национального музея истории Украины. Это имеет смысл также в связи с современной политической ситуацией, которая тесно связана с событиями 1917–1922 гг. Кроме того, из-за разной политики коллекционирования, проводимой музеями после распада СССР, в этих странах по-разному расставляются акценты на такие проблемы, как национальный вопрос, государственная независимость, многопартийность и национальные особенности в истории революции.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что полноценная научная презентация данной темы была бы невозможна без использования оригинальных экспонатов и сотрудничества с музеями России. Помимо того, в данном конкретном случае оба музея рассматривают кооперацию как средство для углубления взаимоотношений в сфере

культуры и укрепления доверия, особенно на фоне напряженных политических отношений. Этому также способствует смелый и в такой же степени критичный подход к разным точкам зрения, включая возможное влияние на концепции и выбор экспонатов. Именно актуальность и значимость данной темы делают ее подходящим предметом для обсуждения и дискуссий. В частности, эти аспекты будут учтены в концепции берлинской выставки. Это означает, что наша кураторская точка зрения будет переосмысливаться и окончательно сформируется в ходе дискуссий с коллегами из России. Особый интерес представляет рассмотрение объектов, которые могут быть по-разному подобраны, интерпретированы и контекстуализированы. Чтобы иметь возможность открыто обмениваться мнениями с российскими коллегами, поиск экспонатов мы проводим на месте, в России. Кроме того, российские историки входят в консультативный совет по данной выставке и были приглашены в качестве авторов для специального сборника эссе. В рамках сопроводительной программы российские коллеги примут участие в панельных дискуссиях и выступят с докладами, что позволит привнести в выставку такой аспект, как память о революции в современной России.

А. П. Смирнов: На выставке в немецком историческом музее у Вас отражена тема «немецкие деньги для русской революции»? И второй вопрос связан с тем, что мы постоянно слышим, что надо быть объективным, и мы отходим от оценок. А меня интересует, в Ваших музейных работах Вы даете оценку Брестскому миру с немецкой стороны? У нас существует такое мнение, что Временное правительство не могло решить проблему войны, а большевики решили, решили таким образом. Нужен ли был России такой мир? Меня интересует точка зрения немецкой стороны, не наша.

Е. А. Лысенко: Я хотела бы дополнить вопрос Александра Павловича. За последний год, когда не только наша страна, но весь мир пытается отметить юбилей Великой Русской революции, к нам в музей несколько раз приезжало немецкое телевидение и брало у меня интервью и трижды акцентировало внимание на одном: немецкие деньги, дело Парвуса и отношения Вильгельма с Александрой Фёдоровной. Почему-то именно немецкие средства массовой информации муссируют этот момент. А в наших выставках, наверное москвичи со мной согласятся, мы не ставим этот вопрос так остро. Вопрос: с чем это связано и отражено ли это в экспозициях и выставках в германском контексте?

М. Виталиев: У вас есть раздел «Швейцария как политическое убежище». Освещена ли тема социалистических кружков, движений и их коммуникаций. Затронут ли у вас К. Маркс, интернационалы? Прослеживаются ли какие-либо связи между революционными событиями в России и в Германии?

**Создание дополнительной экспозиции
«Крах самодержавия» на Нижней даче Николая II
в Петергофе в 1920-е годы**

Событие, о котором пойдет речь, оказалось на долгие годы прочно забытым в отечественной историографии, хотя в свое время оно сыграло большую роль в развитии музейного дела в СССР. Публикации об истории создания дополнительных (или тематических) экспозиций в пригородных дворцах-музеях в 1920–1930-х гг. стали появляться сравнительно недавно¹. Основное внимание при этом уделялось созданию дополнительных экспозиций в музеях Петергофа во второй половине 1920-х гг. И здесь стоит отметить, что эта важная работа была связана с деятельностью двух незаурядных музейных работников Петергофских дворцов-музеев того времени — С. С. Гейченко и А. В. Шеманского, ставших впоследствии знаменитыми.

Семен Степанович Гейченко родился 1 (14) февраля 1903 г. в г. Петергофе Санкт-Петербургской губернии, в семье вахмистра лейб-гвардии Конно-гренадерского полка. Среднее образование он получил в Петергофской мужской гимназии. В 1920–1921 гг. работал инструктором статистического бюро в Гришинском районе Донецкой губернии. В 1924 г. окончил отделение истории факультета общественных наук (ФОН) Ленинградского государственного университета и 21 октября был принят на должность научного сотрудника в Управление Петергофских дворцов-музеев². Впоследствии с 1927 г. Гейченко являлся помощником хранителя Нижнего дворца в Управлении Петергофских дворцов-музеев, с 1929 г. — хранителем Нижнего дворца и фототеки, с начала 1930-х гг. — заведующим научно-методическим сектором³. С начала 1938 по 1939 г. Семен Степанович работал старшим научным сотрудником Русского музея, а с 1939 по 17 июля 1941 г. — научным сотрудником Литературного музея Института русской литературы АН СССР (Пушкинского Дома). После окончания Великой Отечественной

¹ Белов А. А. Из истории создания музея в Большом Петергофском дворце // Памятник архитектуры — от дворца к музею : сб. статей по материалам науч.-практ. конф. ГМЗ «Петергоф». (Проблемы сохранения культурного наследия. XXI век. III). СПб., 2013. С. 226–237; *Ананьев В. Г.* Институт истории искусств и пригородные дворцы-музеи в 1920-е годы // Вестник С.-Петерб. ун-та. Сер. 2. История. 2014. Вып. 3. С. 128–144; *Бондарев С. В.* Довоенный Петергоф: Музейная миссия и государственная идеология // Вестник С.-Петерб. ун-та. Сер. 2. История. 2016. Вып. 4. С. 124–141.

² Архив ГМЗ «Петергоф». Д. 128а. Л. 244–244 об.

³ Там же. Л. 244 об.; Д. 127а. Л. 93 об.–94, 469; Д. 177а. Л. 138; Д. 214а. Л. 405.

войны весной 1945 г. С. С. Гейченко был назначен директором Пушкинского заповедника Института литературы АН СССР, который возглавлял на протяжении 45 лет.

Анатолий Владимирович Шеманский родился 20 октября (2 ноября) 1904 г. в Варшаве, в семье потомственного дворянина. В период с 1912 по 1918 г. Анатолий Владимирович проходил обучение вначале в Тамбовском реальном училище, а в 1918–1919 гг. — в 10-й советской единой трудовой школе⁴. В 1919 г. А. В. Шеманский начал свою трудовую деятельность, поступив конторщиком в Тамбовский губернский отдел кожевенной промышленности, где проработал до конца июня 1920 г.⁵ В период с февраля по июль 1921 г. Шеманский работал инструктором и заведующим губернской секцией охраны памятников искусства и старины. С июля 1921 г. до января 1922 г. он занимал должность заведующего губернским подотделом охраны, а с 1 января 1922 г. был назначен на должность заведующего Тамбовским губернским художественным музеем. Кроме того, в период с января по ноябрь 1922 г. А. В. Шеманский состоял представителем Главмузея в Тамбовской губернии по делам охраны памятников искусства и старины, а также являлся уполномоченным Главмузея по охране бывшей усадьбы Чичериных «Караул» в Кирсановском уезде Тамбовской губернии. В декабре 1922 г. он поступил в Петроградский государственный университет, который окончил в 1926 г.⁶

1 июня 1925 г. А. В. Шеманский по рекомендации Ленинградского отделения Главнауки (ЛОГ) был принят на работу в Управление Петергофских дворцов-музеев в качестве сотрудника-практиканта. С декабря 1925 г. он работал научным сотрудником в Ораниенбаумских дворцах-музеях, но ввиду проявленных им способностей в музейной работе уже в апреле 1926 г. был переведен в Управление Петергофских дворцов-музеев в качестве научного сотрудника и помощника хранителя⁷. Именно здесь, в Петергофе, в полной мере раскрылся талант А. В. Шеманского как талантливого музейного работника.

Желая применить на практике свои познания в области создания музейных экспозиций, в феврале 1925 г. С. С. Гейченко и А. В. Шеманский вступили в Общество социологии и теории искусств⁸, куда

⁴ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее — ЦГА СПб). Ф. Р-7240. Оп. 6. Д. 2522. Л. 7а, 9. Архив ГМЗ «Петергоф». Объединенный межведомственный архив культуры (далее — ОМАК). Ф. 34. Оп. 1. Д. 319. Л. 1, 3, 7, 23–24.

⁵ ОМАК. Ф. 34. Оп. 1. Д. 331. Л. 3; Д. 319. Л. 7.

⁶ Государственный архив Тамбовской области (далее — ГАТО). Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 178. Л. 318–318 об.; Ф. Р-1404. Оп. 1. Д. 366. Л. 42–45; Ф. Р-1478. Оп. 1. Д. 3. Л. 8, 11; ЦГА СПб. Ф. Р-7240. Оп. 6. Д. 2522. Л. 2, 5, 7, 27–27 об.

⁷ Архив ГМЗ «Петергоф». Д. 100а. Л. 202, 203, 205; Д. 104а. Л. 338, 372; ОМАК. Ф. 34. Оп. 1. Д. 331. Л. 2 об.–3.

⁸ Общество социологии и теории искусств («ОСТИ») было создано в Ленинграде в феврале 1925 г. В задачи общества входило объединение усилий историков,

входили многие известнейшие музейные деятели и искусствоведы Ленинграда⁹. Главной задачей Общества являлась разработка проблем теоретического и прикладного искусствоведения и популяризация в широких массах народа вопросов социологии искусства¹⁰. В составе Общества социологии и теории искусств была создана музейная секция, специально занимавшаяся вопросами создания новых экспозиций в музеях Ленинграда и его пригородов.

На заседаниях этого Общества продумывался и обсуждался новый метод подачи исторического материала в историко-бытовых музеях XVIII — начала XX в. Теоретической основой для разработки экспозиции нового типа стала докладная записка под названием «Петергофские дворцы-музеи», составленная молодыми научными сотрудниками этих музеев А. В. Шеманским и С. С. Гейченко 20 июля 1925 г., а также приложенный к ней «проект экспозиции Нижней дачи», которые были согласованы ими с директором Государственного института истории искусств Ф. И. Шмитом¹¹.

В своей докладной записке авторы доказывали необходимость сохранения дворцов, являвшихся подлинным историческим пространством и оказывавших исключительное воздействие на посетителей¹². Однако экспозиции дворцов-музеев, оказывавших *«эмоционально-действенное впечатление на массы, нуждающиеся в полит-просветительном воздействии»*, следовало, по мысли С. С. Гейченко и А. В. Шеманского, задействовать для решения просветительских задач. А именно только в интерьерах подлинного дворца можно было *«воспринять непосредственно, всеми своими чувствами, прошлое в его вещественных памятниках»*¹³. Иными словами, в условиях, когда бывшие царские дворцы стали музеями, у музейных специалистов

искусствоведов и музееведов с целью коллективной разработки вопросов социологии и истории искусств, как теоретического, так и практического характера. Общество состояло из пяти секций: 1) изобразительного искусства; 2) музееведения; 3) литературы; 4) искусствоведения; 5) изучения восприятия искусства массами. Общество поручало разработку тех или иных специальных вопросов отдельным комиссиям. Общество прекратило свою деятельность в 1929 г.

⁹ Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (далее — ЦГАЛИ СПб). Ф. Р-52. Оп. 1. Д. 10. Л. 1, 17.

¹⁰ ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-52. Оп. 1. Д. 2. Л. 1. Шмит Фёдор Иванович (1877–1937) — археолог, музеевед, искусствовед. Профессор Харьковского университета (1912–1921 гг.), действительный член Академии наук Украинской ССР (с 1921 г.). С конца 1924 г. профессор Ленинградского государственного университета и директор Государственного института истории искусств. Преподавал в Ленинградском государственном университете. С 1930 по 1933 г. работал в Государственной академии истории материальной культуры. Арестован в 1933 г., осужден на 5 лет исправительно-трудовых лагерей с заменой на высылку в Казахстан. Вновь был арестован в августе 1937 г. и расстрелян в ноябре 1937 г.

¹¹ Архив ГМЗ «Петергоф». Д. 277а. Л. 67–70; Д. 111а. Л. 6.

¹² Там же. Д. 277а. Л. 67.

¹³ Там же.

возникла необходимость показать малообразованным посетителям ход исторического процесса в его марксистском понимании. Тем самым в дворцовые интерьеры вводился исторический контекст с целью политического просвещения экскурсантов. Делалось это не только в образовательных целях, но также и с тем, чтобы предотвратить процесс передачи бывших царских дворцов и частных особняков под разные советские учреждения и создать в них новые музеи. Таким образом, новые экспозиции становились своего рода идеологическим прикрытием для сохранения существовавших дворцов-музеев (музею на Нижней даче летом 1925 г. угрожала ликвидация¹⁴).

Сформулированная в записке А. В. Шеманского и С. С. Гейченко идея выразилась в создании так называемого тематического метода создания музеев. Этот метод позволял раскрыть перед посетителями ряд важнейших тем политической и социально-исторической истории России. Основные принципы тематического метода сводились к тому, что музейное пространство переставало быть местом лишь для нейтрального созерцания дворцового быта и предметов искусства прошлого, а было призвано выполнять политико-просветительную миссию. По словам одного из авторов данного метода А. В. Шеманского, «смысл этой экспозиции заключался в том, чтобы перенести внимание посетителя музея и экскурсовода с вопросов только быта и только искусства на историко-политические вопросы, связанные с материалом дворцов-музеев и тем дать экскурсионной теме политический стержень»¹⁵.

В дальнейшем известный отечественный искусствовед и музейвед Ф. И. Шмит более четко выразил эту идею следующими словами: «Музеи устраиваются не для одиночек-специалистов, а для массового посетителя, и в них поэтому должны показываться такие вещи и в таком подборе, чтобы массовый посетитель вынес из их рассмотрения нечто для себя ценное. Вещи должны громко и внятно и убедительно рассказывать даже и неподготовленному посетителю именно то, что этому посетителю непременно нужно для жизни, но чего он, массовый посетитель, именно потому, что он не подготовлен, не может узнать в достаточно впечатляющей форме никакими иными путями (например, из книг, из лекций и т. д.). В дворцах-музеях речь может идти, явно, только об истории»¹⁶.

В развитие идей, изложенных в своей докладной записке, научные сотрудники Петергофских дворцов-музеев А. В. Шеманский и С. С. Гейченко выступили 1 декабря 1925 г. в Музейной секции Комитета со-

¹⁴ Шмит Ф. И. Музейное дело. Вопросы экспозиции. Л. : Academia, 1929. С. 150.

¹⁵ Архив Управления Федеральной службы безопасности по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (далее — АУФСБ и ЛО). Фонд архивно-следственных дел. Д. 21129. Т. 6. Л. 4 (вн. нум.).

¹⁶ Шмит Ф. И. Музейное дело. Вопросы экспозиции. С. 136.

циологического изучения искусства при Государственном институте истории искусств с докладом на тему «План музейно-экскурсионных работ в Петергофских дворцах-музеях»¹⁷. Их доклад включал в себя две части — 1) «Теоретические предпосылки» и 2) «Конкретные предположения», причем вторая часть была посвящена непосредственно созданию экспозиции на Нижней даче в парке Александрия. Основные положения, выдвинутые докладчиками, не встретили тогда поддержки среди присутствующих. Прения в институте показали, что главной причиной разногласий стало *«взаимное непонимание между докладчиками и оппонентами, их недоговоренность в самых основных, исходных положениях»*¹⁸.

В силу того обстоятельства, что в рамках Петергофских дворцов-музеев вести работу по разработке новой экспозиции было крайне сложно ввиду минимальности штата научных сотрудников было решено продолжать данную работу в виде кружковой работы. С этой целью 27 января 1926 г. в рамках недавно созданного Общества социологии и теории искусств был образован кружок по разработке проекта новой экспозиции Нижнего дворца¹⁹. В состав кружка вошли 22 человека (к середине апреля 1926 г. их число сократилось до 20), в том числе научные сотрудники Петергофских дворцов-музеев и парков С. С. Гейченко, Т. В. Сапожникова, А. В. Шеманский, Е. М. Тихвинский²⁰.

В плане работы кружка был намечен целый ряд научных тем по истории царствования Николая II, работа по которым должна была завершаться составлением проектов соответствующих разделов экспозиции в Нижнем дворце. Работу кружка следовало завершить уже к 1 мая, после чего члены кружка должны были принять участие в расстановке экспонатов на местах. Среди тем, запланированных для изучения членами кружка, были такие, как революционное движение в царствование императора Николая II, бюджет императорского двора, взаимоотношения Николая II и Русской православной церкви, история императорских дворцов, друзья и старцы императора Николая II, царевич Алексей и др.²¹ Члены кружка изучали историческую литературу и архивные документы по указанным темам, а затем готовили доклады, которые зачитывались и обсуждались на заседаниях.

Совместная работа научных сотрудников Петергофских дворцов-музеев и парков А. В. Шеманского и С. С. Гейченко продвигалась весьма успешно и привела к хорошему результату. Уже 7 февраля 1926 г. на заседании кружка был утвержден предложенный ими экскурсионный маршрут по Нижнему дворцу, а также перечень тем по эпохе Нико-

¹⁷ Архив ГМЗ «Петергоф». Д. 111а. Л. 6.

¹⁸ Там же.

¹⁹ ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-52. Оп. 1. Д. 19. Л. 55.

²⁰ Архив ГМЗ «Петергоф». Д. 111а. Л. 4; ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-52. Оп. 1. Д. 19. Л. 55.

²¹ ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-52. Оп. 1. Д. 19. Л. 55.

лая II, «предназначенных к разработке»²². Данные темы (революционное движение, финансовая политика, история церкви в царствование Николая II, история императорских дворцов, быт царской семьи и др.) прорабатывались весьма серьезно, с привлечением самых разнообразных фондов государственных архивов — «кабинетского, походной канцелярии и интендантского», на чем непременно настаивал Гейченко. Очень тщательно подбирались Шеманским для экспозиции фотографический материал²³.

На заседании кружка 18 февраля 1926 г. был принят предложенный А. В. Шеманским следующий порядок разработки и сообщения тем: каждая тема докладывалась два раза — первый раз в целом и со всеми подробностями, «не имеющими непосредственного касательства к основной задаче кружка, т. е. экспозиции», а во второй раз тема уже докладывалась с непосредственной ориентацией на экспозицию Нижней дачи²⁴. Также было признано необходимым составление подробной библиографии по вопросам, связанным с экспозицией. Со своей стороны, С. С. Гейченко предложил подготовить доклады о тех дворцах, где жил Николай II, причем рассказы о них следовало соединять с осмотром самих дворцов²⁵.

К 1 апреля 1926 г. было проведено уже шесть заседаний кружка по разработке новой экспозиции Нижней дачи, на которых было прочитано три доклада — о Николае II и революционном движении, о Николае II в Ливадии и Николае II в Зимнем дворце. Кроме подготовки и обсуждения докладов работа членов кружка проходила в Государственной Публичной библиотеке, военных музеях, исторических комнатах Зимнего дворца, Петергофских, Детскосельских и Гатчинском дворцах-музеях. Интенсивность работы кружка оценивалась как удовлетворительная²⁶.

При создании экспозиции на Нижней даче разработчиками активно использовался музейно-образный метод, одним из пропагандистов которого являлся известный искусствовед, директор Государственного института истории искусств Ф. И. Шмит. Для реализации этого метода на практике необходимо было выполнить ряд условий: 1) определить главную тему экспозиции и ее вещественные эквиваленты на уровне интерьеров; 2) убрать все лишние предметы из экспозиции и добавить туда наиболее значимые и необходимые предметы, доводя каждый из них до уровня некоего символа; 3) ввести в традиционные дворцовые интерьеры необходимые документы и фотографии, чтобы добиться ясности и убедительности в изложении основной темы; 4) разработать маршрут в точном соответствии с последовательностью развития

²² Там же. Л. 60.

²³ Там же. Л. 66.

²⁴ Архив ГМЗ «Петергоф». Д. 111а. Л. 15.

²⁵ Там же. Л. 15–15 об.

²⁶ ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-52. Оп. 1. Д. 19. Л. 56.

темы. Таким образом, традиционные дворцовые интерьеры, по сути дела, становились своего рода историческим фоном и подгонялись под необходимый психологический образ, который должен был проходить красной нитью через всю экспозицию.

В данном случае в качестве главенствующего образа всей экспозиции на Нижней даче был выбран страх императора Николая II за себя и свою семью. Уже в самом начале экспозиции, в помещении бывшей Камердинерской (освобожденной от всей подлинной обстановки) были выставлены наглядные материалы об организации царской охраны царской семьи и о тех покушениях, которые на нее готовились. По мнению Ф. И. Шмита, благодаря этому подходу посетитель сразу же получал *«яркое представление о том ищурном страхе за свою жизнь, под гнетом которого с детства жил Николай II, так же, как его отец и его дед, — страхе ежедневном и ежечасном, который загнал Николая II в самый дальний угол Петергофа и совершенно отрезал его от всего мира и, более всего, от собственных „верноподданных“»*²⁷. В остальных помещениях дворца этот образ страха всячески повторялся и усиливался. Помещение Столовой, скопированной со столовой царской яхты «Штандарт», подавалось как некий образ самоизоляции царской семьи от всего мира, опасющейся за свою жизнь²⁸. В помещениях императрицы и наследника всячески подчеркивалась тема страха за жизнь больного цесаревича Алексея и, в связи с этим, подчеркивалась идейная ничтожность царской семьи, уповавшей исключительно на помощь знахарей, юродивых и шарлатанов. Особо подчеркивалась тема взаимоотношений царской семьи и Г. Е. Распутина, что, по мнению создателей экспозиции, стало своего рода финалом морального разложения императорской семьи.

Общий итог экспозиции, по мнению Шмита, был совершенно закономерен: «Революция, еще не совершившаяся „де-юре“, не оформившаяся в великие дни Октября, уже „де-факто“ изломала, исковеркала до неузнаваемости, изуродовала, морально убила своих последних противников, победила и убила последнего русского самодержца, потому что подточила и сокрушила самодержавие»²⁹. В результате, новая экспозиция была призвана показать посетителям не столько основные события царствования Николая II, сколько объяснить закономерность падения монархии в России. С позиции сегодняшнего дня надо признать, что созданная на Нижней даче экспозиция носила сильно идеологизированный характер и исходила из четких постулатов марксистской исторической школы М. Н. Покровского.

Результатом работы кружка под руководством С. С. Гейченко и А. В. Шеманского, стала новая, дополнительная экспозиция под названием «Крах самодержавия» (в дальнейшем она называлась «Последние

²⁷ Шмит Ф. И. Музейное дело. Вопросы экспозиции. С. 146.

²⁸ Там же. С. 147–148.

²⁹ Там же. С. 149.

Романовы в Петергофе») на Нижней даче в парке Александрия, которая открылась 3 июня 1927 г.³⁰ Большой упор в экспозиции был сделан на подборе дополнительных материалов — архивных документов, газетных вырезок, листовок, репродукций, фотографий, помещенных в специальных витринах и на стендах. На заседании Музейной части Управления Петергофских дворцов-музеев 3 июня 1927 г. данная экспозиция была полностью одобрена, и принято решение «*считать опыт дополнения бытовых памятников такого рода экспозицией крайне ценным для политпросветработы с широкими массами*»³¹. Более того, участники совещания признали необходимым «*развернуть подобные выставки и в других дворцах, не исключая и дворцов 18 века*»³².

Метод подачи исторического материала с помощью дополнительной экспозиции неоднократно обсуждался в дальнейшем на совещаниях музейных работников и получил полное одобрение с их стороны. 13 января 1929 г. А. В. Шеманский совместно с С. С. Гейченко выступили на 44-м заседании научной части Петергофских дворцов-музеев с докладом, обобщавшим опыт их работы по созданию тематической экспозиции, где объяснили новый принцип подачи материала в привычных историко-бытовых музеях³³. В дальнейшем этот доклад был даже выпущен отдельной брошюрой³⁴.

Анализируя оригинальную экспозицию, созданную в 1925–1927 гг. в здании бывшей Нижней дачи Николая II в Петергофе, искусствовед Ф. И. Шмит в 1929 г. называл ее «*повестью о том, как последний из Романовых пытался бороться с революцией и как революция сломила его*»³⁵. По мнению Шмита, созданную Гейченко и Шеманским экспозицию в Нижней даче можно было усовершенствовать лишь в деталях, но в целом она, несомненно, удалась. Опыт создания экспозиции Нижней дачи, по мнению Ф.И. Шмита, убедительно доказывал, что «*1) дворец-реликвия в дворец-музей превращается лишь тогда, когда четко продумана та специфическая тема, которая может и должна быть выявлена данным вещественным ансамблем; 2) для выявления темы необходимо устранить все лишние вещи, хотя бы они достоверно принадлежали к дворцовой обстановке, и добавить из иных фондов все нужные для показа вещи; 3) наряду с вещами необходимо тут же, где осматриваются вещи, выставить и те документы,*

³⁰ Ярославцева Е. Семен Степанович Гейченко — хранитель дворцов-музеев Петергофа // Михайловская Пушкиниана. Вып. 60 : Материалы XVI Февральских чтений памяти С. С. Гейченко «Хранители» (14–16 февр. 2013 г.) : сб. статей. Сельцо Михайловское, 2013. С. 16.

³¹ Архив ГМЗ «Петергоф». Д. 133а. Л. 1–1 об.

³² Там же. Л. 1 об.

³³ Там же. Д. 177а. Л. 79–100.

³⁴ Шеманский А., Гейченко С. Экспозиция дворцов-музеев. Петергоф : Управление Петергофских музеев, 1929. 22 с.

³⁵ Шмит Ф. И. Музейное дело. Вопросы экспозиции. С. 146.

фотографии, которые надобно не только устно, во время экскурсии, процитировать посетителю, но требуется показать в натуре, чтобы достигнуть полной ясности и убедительности повести». Причем маршрут экскурсии по музею следовало выстраивать таким образом, чтобы последовательность осматриваемых посетителями комнат соответствовала последовательности развития основной темы и чтобы весь показ не превышал того промежутка времени, в течение которого посетитель способен напрягать свое внимание³⁶.

Следует заметить, что примененный на Нижней даче метод тематической (или дополнительной) экспозиции впоследствии был внедрен в практику других пригородных дворцов-музеев. По словам ее автора А. В. Шеманского, «эти первые петергофские работы имели успех и вызвали подражания в экспозиционной практике остальных ленинградских дворцов-музеев и музеев-усадеб Москвы, в одних местах раньше, в других — позже»³⁷. Причем с 1930 г. «дополнительная экспозиция» в Петергофских музеях ежегодно претерпевала некоторые изменения, расширяясь в одних пунктах и уменьшаясь в других, но, как отмечал Шеманский, «никогда не теряя своей целевой установки — политического осмысления экскурсионной работы»³⁸. Подробности метода «дополнительной экспозиции» были изложены в брошюре Петергофских дворцов-музеев «Экспозиция дворцов-музеев» 1929 г., в книгах Ф. И. Шмита «Музейное дело»³⁹ и А. А. Фёдорова-Давыдова «Экспозиция художественных музеев»⁴⁰, а также в статье самого А. В. Шеманского «Целевые установки пригородных дворцов-музеев», опубликованной в журнале «Советский музей» в 1935 г.⁴¹

Следующим значительным шагом Шеманского и Гейченко, после создания экспозиции в Нижнем дворце, стало создание в 1930 г. в парке Александрия принципиально новой экспозиции «Царские вагоны»⁴², посвященной последним дням царствования императора Николая II. Данная экспозиция должна была логически дополнить экспозицию Нижнего дворца и стать своего рода квинтэссенцией в показе крушения самодержавия в России. По их инициативе на территорию парка Александрия были доставлены два вагона из состава поезда императора Николая II, в котором он подписал акт отречения от престола 2 марта 1917 г. После того, как вагоны царского поезда были доставлены из Москвы в Петергоф, они прошли реставрацию, и затем в них была

³⁶ Там же. С. 149–150.

³⁷ АУФСБ и ЛО. Фонд арх.-след. дел. Д. 21129. Т. 6. Л. 4 (вн. нум.).

³⁸ Там же. Л. 4 (вн. нум.).

³⁹ Шмит Ф. И. Музейное дело. Вопросы экспозиции. 247 с.

⁴⁰ Фёдоров-Давыдов А. А. Экспозиция художественных музеев // Труды Первого Всероссийского музейного съезда. М., 1930. С. 7–82.

⁴¹ Шеманский А. В. Целевые установки пригородных дворцов-музеев // Советский музей. 1935. № 3, май–июнь. С. 38–47.

⁴² Вагоны бывшего царского поезда в Александрии. Л. : Управление Дворцами и парками Ленсовета, 1935. 8 с.

устроена музейная экспозиция. Возле вагонов был построен выставочный павильон, напомиавший железнодорожный перрон с вокзалом⁴³. Созданию этого музея способствовало то обстоятельство, что в архиве дирекции Петергофских дворцов-музеев и парков имелись два альбома, содержащих общий вид, планы, разрезы, детали и расчеты всего поезда. Они давали исчерпывающее представление о внешнем виде, устройстве и конструктивных особенностях бывшего «Императорского поезда европейской и российской колени»⁴⁴.

К сожалению, музей в Нижней даче просуществовал всего 10 лет, и 15 ноября 1936 г. постановлением Президиума Ленсовета здание было передано для устройства там Дома отдыха для инструкторов Ленинградского обкома и горкома ВКП(б)⁴⁵. Ряд музейных предметов из обстановки Нижней дачи был передан Управлению Детско-сельских дворцов-музеев⁴⁶. В годы Великой Отечественной войны здание Нижней дачи оказалось на оккупированной немецкими войсками территории, там располагался неприятельский опорный пункт, с несколькими огневыми точками. В ходе многочисленных обстрелов советской артиллерией, здание Нижней дачи было разрушено. После окончания войны Нижняя дача не восстанавливалась и стояла в виде руин, пока 29 ноября 1963 г. Исполком Петродворцового райсовета не принял решение № 241, где в одном из пунктов Приложения значилось: «составить документацию на разбор завала бывшего дворца в парке Александрия»⁴⁷. Сроком выполнения работ был указан сентябрь 1964 г. В последующие годы остатки здания Нижней дачи были разобраны.

Что касается экспозиции «Царские вагоны», то ее судьба также оказалась печальной. Во время Великой Отечественной войны вагоны бывшего поезда Николая II от многочисленных попаданий снарядов и бомб сильно пострадали. В 1954 г. Управление культуры Исполкома Ленгорсовета поставило вопрос об их дальнейшем судьбе, и после изучения данного вопроса с Управлением Октябрьской железной дороги 24 февраля 1954 г. было вынесено следующее решение: «...восстановить вагоны, как историко-бытовой памятник, связанный с событиями февральской революции 1917 г., не представляется возможным»⁴⁸. В связи с этим было решено разобрать остовы двух вагонов бывшего царского поезда. Таким образом, все исторические памятники, так или иначе связанные с личностью императора Николая II, в Петергофе были потеряны.

⁴³ Архив ГМЗ «Петергоф». Д. 197а. Л. 1–23.

⁴⁴ Там же. ПДМП 2560-ар, ПДМП 2561-ар.

⁴⁵ ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 18. Д. 250. Л. 93–94; Архив ГМЗ «Петергоф». Д. 379. Л. 1–14.

⁴⁶ Научный архив ГМЗ «Павловск». НВК-16389. Л. 1–15.

⁴⁷ ЦГА СПб. Ф. Р-4917. Оп. 2. Д. 464. Л. 101–102а, 147 об.

⁴⁸ ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-105. Оп. 1. Д. 170. Л. 72–74.

Судьба оказалась довольна жестокой и в отношении обоих создателей экспозиции Нижней дачи и царских вагонов. А. В. Шеманский был арестован органами НКВД в июне 1937 г. по ложному обвинению и провел в заключении 2,5 года. В июне 1940 г. он вернулся в Петергоф и работал на прежней должности в течение года — до июля 1941 г. Затем он был призван в ряды Красной Армии и погиб на Волховском фронте в январе 1942 г. Что касается С. С. Гейченко, то он также был подвергнут аресту органами НКВД в июле 1941 г. и осужден на 10 лет лишения свободы. В июле 1943 г. был освобожден и в сентябре был отправлен на фронт в составе штрафного батальона. Принимал участие в боях под Новгородом в качестве командира минометного расчета. В боях Гейченко был тяжело ранен, в результате чего потерял левую руку.

Впрочем, завершить свой рассказ хотелось бы на позитивной ноте. Понимание неоспоримой историко-культурной ценности Нижней дачи послужило причиной обращения внимания Министерства культуры РФ и Государственного музея-заповедника «Петергоф» к проблеме реставрации и музеефикации ее архитектурно-ландшафтного комплекса. В 2012 г. было открыто бюджетное финансирование проектно-исследовательских работ по объекту культурного наследия «Нижняя дача» на основе постановления Правительства РФ от 03.03.2012 г. № 186 «О федеральной целевой программе “Культура России” (2012–2018 гг.)». В 2013 г. были выполнены предпроектные работы, задачей которых было проведение комплексных исследований и разработка архитектурной концепции реконструкции и воссоздания архитектурно-ландшафтного комплекса «Нижняя дача» с приспособлением для современного использования в музейных целях. 14 апреля 2016 г. на заседании Совета по сохранению культурного наследия при Правительстве Санкт-Петербурга был утвержден подготовленный институтом «Спецпроектреставрация» и ГМЗ «Петергоф» проект реконструкции и воссоздания комплекса «Нижняя дача» на основе консервации и частичного воссоздания разрушенного главного здания.

Е. А. Лысенко: Вы сказали, что императорских вагонов в Петергофе было два. Почему именно два?

П. В. Петров: Один — салон-вагон, второй — спальный.

А. Г. Калмыков: Вы сказали, что Нижняя дача во время Великой Отечественной войны была повреждена и в 1963 г. разобрана.

П. В. Петров: Она находилась в руинном состоянии. Впрочем, если посмотреть на фотографии, то можно считать, что дача находилась в состоянии удовлетворительном, по сравнению, например, со зданием Ропшинского дворца. В 1963 г. Петергофский райсовет принял решение о разборке остатков здания, что и было сделано в последующие годы. Основанием для такого решения послужило то, что в

развалинах гуляли посетители, и было несколько случаев обрушений и гибели людей. Недавно были разобраны остатки фундамента, чтобы затем приступить к реконструкции и воссозданию Нижней дачи.

А. Г. Калмыков: Мой вопрос был связан с тем, что мы неоднократно бывали на этих развалинах, когда снимали сюжеты для нашего телевидения, и я бы не сказал, что здание было полностью разрушено. Это было в 1990-х гг., первый этаж, подвальные помещения сохранялись.

П. В. Петров: Сейчас и фундамент разобран. Это был старый фундамент, подвергшийся разрушению, там даже находили остатки снарядов.

Дискуссия

А. Г. Калмыков: Вслед за уважаемым Владимиром Валерьяновичем Калашниковым я не собираюсь, как модератор, брать на себя смелость выносить какие-либо суждения по докладам, оценивать позицию авторов. Представленные в секции шесть докладов распадутся на две группы. Первая группа посвящена примерам современного прочтения событий 1917 г., или Великой Русской революции, событий 1917–1922 гг. Реализация современных подходов к осмыслению важнейшего периода российской истории столетней давности, которые были представлены в крупных экспозиционных проектах федеральных музеев России, в Москве и в Санкт-Петербурге. К этим двум докладом удачно примыкает доклад Кристины Янеке об очень интересном проекте наших европейских коллег, который и хронологически, и тематически охватывает весь спектр предпосылок, событий и последствий Российской революции с акцентом если не на мировом, то на общеевропейском значении. Докладчики второй группы обратили внимание на начальный период, на истоки музеефикации Революции у нас в стране, на характерные черты этого процесса начиная с 1917 г. и заканчивая концом 1920-х — началом 1930-х гг. Речь идет о докладах уважаемых коллег Саркисяна и Петрова. В определенном контексте вопросы, поднятые в этих докладах, а именно в контексте все более усиливающегося идеологического давления на процесс музеефикации истории Революции в первые десятилетия советской власти, нашли продолжение в докладе В. С. Гурьяновой, с которым можно было ознакомиться на сайтах нашего музея и Санкт-Петербургского института истории. Этот доклад посвящен многолетней истории создания и функционирования Музея обороны Царицына начиная с 1930-х и кончая 1950-ми гг. еще при жизни Сталина. Это первое, что бросилось мне в глаза, когда я знакомился с этими докладами. Второе, это было для меня интересно и очень приятно проследить, что было такое количество совпадений, основных направлений, в которых работают музейщики разных городов и разных стран. На этот аспект я хотел бы обратить внимание, я сделал некоторые выписки из полных текстов докладов. В частности, в докладе наших уважаемых московских коллег есть такая сентенция: «Речь идет о качественно ином подходе в интерпретации уже известных документальных комплексов. Суть этого подхода — актуализация и очеловечение систем и структур, анализ исторических процессов сквозь призму их субъективного восприятия людьми. Задача творческого коллектива выставки состояла в том, чтобы показать привычные официальные документы (указы, декреты, постановления) через отношение к ним человека, представить

народ не пассивным объектом государственной политики, а активным творцом исторического процесса».

В докладе Сергея Леонидовича Спиридонова, как будто вы согласовывали тексты, это же выражено несколько по-другому: «Начало Революции, таким образом, подается через призму восприятия простого человека. Это один из примеров реализации антропологического подхода к показу истории. Данный прием очень важен и применяется в экспозиции на всем ее протяжении. История, благодаря такому подходу, перестает быть безликой и становится ближе к посетителю, который имеет возможность осознать, что в судьбоносных исторических событиях участвовали самые обычные люди, и что любой человек — творец истории своей страны».

Тут уже поднимался вопрос, насколько серьезно задействованы современные музейные технологии в экспозиции Государственного центрального музея современной истории России и у нас. Да, действительно, у посетителей московской выставки есть возможность узнать, благодаря интерактивным программам, о чем писали газеты в разные дни и месяцы. То же самое мы находим у Сергея Леонидовича, который подчеркнул, что у нас очень много мониторов с кинохроникой, и у вас то же. Разница, пожалуй, в дизайнерской подаче этой кинохроники. У нас основной прием — это помещение мониторов в багетные рамы, характерные более для предметов изобразительного искусства, а мы таким образом подчеркиваем высокую репрезентативность кинохроники. И второй пример, это наша лента времени в зале, посвященном Февральской революции. Эта лента времени двойная: есть графическая лента времени первого месяца событий Февральской революции и есть видеоряд, который просто иллюстрирует те события, о которых идет речь внизу. Причем наши дизайнеры настолько хорошо потрудились над реставрацией кинохроники, что она сочная, ясная, не дергается, так что не кажется, что она сделана когда-то давным-давно. И конечно, очень интересная была находка, когда, взяв фрагменты кинохроники в киноархиве под Москвой, мы обнаружили, о чем и архивисты не знали, что там находится видео Кирпичникова, который начал все это снимать в феврале.

Я еще хочу остановиться на очеловечении или антропологическом подходе, хотя я в данном случае предпочитаю говорить об антропоцентризме. Вопрос Кристины Янеке тоже укладывается сюда: что понимать под антропологическим подходом в создании музейных экспозиций. Распространяя хронологию Великой российской революции на более длительный период, мы не просто исходим из желания сказать какое-то новое слово. Это очень тесно связано с антропоцентрическим принципом создания экспозиций. Как только мы помещаем в центр рассмотрения исторических событий человека, так у нас история становится другой. У нас появляется такая категория как цена исторического прогресса. В данном случае мы тоже исходили из

того, что человек в годы революции из любой категории борющихся между собой сил все эти шесть лет с 1917-го по 1922-й год испытывал состояние глубочайшего, так говорят на церковном языке, нестроения, величайшей русской смуты. И неважно, наступали ли немцы на Петроград, или это были войска Юденича, или это были какие-то другие силы, все это, весь период, с точки зрения человека, с позиций антропоцентризма представляется единым цельным периодом русской смуты.

По поводу докладов Саркисяна и Петрова. В докладе Николая Мкртичевича есть такое суждение: «В январе в “Петроградской правде” опубликовали объявление о новом музее: «в бывших покоях кровавых императоров... у стола, где ими, быть может, подписывались смертные приговоры, будут висеть портреты Балмашева, Созонова, Каляева, Коноплянниковой, Перовской, Желябова, Шмидта и других многочисленных мучеников революции как вечное напоминание о возмездии». Соответственно то же самое мы слышали в докладе Павла Владимировича о целях пропаганды, которая вносилась в дворцовые интерьеры и позволяла напитываться правильным пониманием смысла произошедшей революции.

Что касается докладов Спиридонова и Янеке. В немецкой и швейцарской научной концепции есть положение о том, что разделы революции базируются на понимании того, что русская революция не была непрерывным и предсказуемым процессом, равно как не было в ее основе последовательной неоспоримой идеологии.

Как я понимаю, не было заранее известно, кто исторически прав и кто должен был победить в этом процессе. Мысль о непоследовательной и неоспоримой идеологии меня натолкнула на такое прочтение: напротив, она складывалась из многих разрозненных во времени или параллельных частично противоречивых революционных процессов, проходивших внутри отдельных социальных групп, сфер общественной жизни, религий и национальностей и перетекших в Гражданскую войну. Я чувствую, что и здесь мы с вами очень близки в концептуальных основах по поводу деятельности и содержания этого понятия «Русская революция». В нашем случае Сергей Леонидович пишет: «Мы переходим к проблемному принципу построения экспозиции и показываем только основные противоборствующие силы Гражданской войны. Зал поделен на несколько тематических комплексов: «Красные», «Революционная демократия», «Белое движение», «Повстанческое крестьянское движение», «Национальные движения». Всем этим движениям без всякого оценочного суждения о каждом из них, что тоже у нас совпадает со швейцарским проектом, предоставляется возможность представить и программные цели и их лидеров, у нас есть портретная галерея и краткая биография каждого из них. По возможности мы старались найти фрагменты видео, посвященных каждому из этих разделов. Похоже, действительно, мы вместе с западными ис-

ториками начинаем смотреть в одном направлении, по крайней мере, на события столетней давности.

Н. В. Аникин: Позвольте начать с ответов на вопросы, может быть, это перетечет в дискуссию. Все совпадения в нашем докладе и докладе Сергея Леонидовича случайные, объясняются они исключительной близостью наших музеев, которые действительно долгое время входили в систему музеев революции и их фонды формировались по похожим принципам, много общего узнаем, глядя на экспонаты друг друга. Возвращаясь к вопросу об использовании мультимедийных средств, а с другой стороны, отвечая на вопрос и замечания К. Янеке, я хотел бы сказать о том, чего вы не заметили, — это определенная наша недоработка. Мы работали в режиме цейтнота и что-то не успели сделать так, как планировали, но судьбы людей у нас есть. Мы дали им возможность высказаться о революции, но сделали это через мультимедийные киоски. У нас восемь мультимедийных киосков и два из них фактически посвящены людям в революции. Один из них так и называется «Люди революции», в нем материалы о 150 сколько-нибудь заметных представителях всех слоев российского общества, кто так или иначе засветился в революционных событиях, с биографической справкой, документами, фотографиями, которые мы нашли. Мы вынесли все это в отдельный киоск, поскольку по времени и по пространству не успевали сделать это по-другому. Зритель, остановившись у этого киоска, может получить основную информацию.

И второй момент. Мы знакомы с вашей экспозицией, и некоторые элементы, которые применены в ГМПИР в Санкт-Петербурге, натолкнули нас на то, как мы хотели бы это сделать. В частности, в собрании нашего музея, в нашем фонде есть звуковые записи. Существовала в 1960–1970-е гг. отдельная студия звукозаписи, и дожившие до того времени участники событий давали интервью, их специально записывали. Там собирались и записи известных вождей — Орджоникидзе, Сталина, голос Левитана. И специально записывались интервью с участниками событий советского движения, в первую очередь, конечно... Односторонне, конечно, потому что это уже были времена застоя. Звукозаписей меньшевиков, кадетов и эсеров у нас практически нет, зато в остальном самый широкий разброс — от известных людей, как Подвойский, например, до простых людей, принимавших участие в московских событиях в октябре 1917 г. Сделано несколько разделов по темам. Люди рассказывают о своем участии в Революции 1905 г., в февральских событиях, в октябрьских. Таким образом, их взгляд, их видение передано, это живые голоса, причем в некоторых моментах мы даем комментарии. Сами по себе источники потрясающе интересные. Например, интервью одного из героев посвящено штурму Зимнего дворца, а он рассказывает о том, как служил в Петроградском гарнизоне и с группой сослуживцев пришел к Таврическому дворцу. Понятно, что речь идет о Феврале 1917 г. Но там он говорит о том,

что они были в Зимнем дворце. Поначалу у нас возник вопрос, как это возможно? Было понятно, что это несоответствие. Но потом стало понятно, что для человека из саратовской глубинки Таврический дворец и Зимний — это одно и то же. И вот так все это переплетается в его памяти. Это тоже уникальный исторический источник, который представлен рассказами людей о подготовке восстания, об их участии, о том, как он слышал Ленина, как его воспринял. Мы постарались этот человеческий фактор передать.

О. С. Поршнева: Тема насилия, в том числе в революционной повседневности, представлена специально в экспозиции? Если нет, то в каких формах она присутствует?

Н. В. Аникин: Мы старались представить это. Насколько получилось это передать отдельной темой — это вопрос дискуссионный. Но и февраль, когда мы показываем, говорим, с одной стороны, о светлых моментах революции, о настроении, о празднике, который царил, с другой стороны, есть материалы, связанные с похоронами жертв революции на Марсовом поле, с насилием в отношении представителей бывшей власти. У нас есть график, ведут бывших жандармов, полицейские документы, где говорится о том, что расправы над жандармами недопустимы. Мы очень бы хотели показать, конечно, ситуацию на Балтийском флоте, жесточайшие расправы матросов с офицерами, однако комплектование фонда шло таким образом, что репрезентативных материалов на эту тему нет. Что касается Октября, значительную часть зала у нас занимают артефакты о боях в Москве, Иркутске с похоронами жертв. Если говорить о Москве, то это юнкера и противники вооруженной силы Советов. И в дальнейшем, в последнем зале, который у нас тематически называется «Ближайшие последствия революции», тема насилия присутствует. Более того, мы специально вышли за хронологию, за январь 1918 г. — разгон Учредительного собрания. Мы не могли не показать уникальные вещи, которые у нас хранятся, — кольца Медведева, кобура Юровского, вещи, связанные с расстрелом царской семьи. И мы их показали как трагическое завтра революции, связанное уже с Гражданской войной. Хотя в нашем проекте мы принципиально этот период не включали из-за нехватки места и времени.

С. Л. Спиридонов: Мы, конечно, тоже в экспозиции этот вопрос освещаем, используя самые разные материалы. У нас есть очень символичный, очень страшный экспонат — сук, на котором солдаты армии Юденича вешали пленных красноармейцев. Он из-под Ямбурга, и был привезен в музей в 1920 г. Мы его показываем как символ братоубийственной Гражданской войны.

О. В. Игнатенко-Дэсанлис: Я занимаюсь иллюстрированными обложками исторических журналов 1917 г. Случайно была привлечена к участию в выставке в Центре Помпиду в 2012 г., где представлялось искусство 1917 г. и где не нашлось отечественных произведений: художники во время революции были заняты совершенно другим. И на

помощь пришли потрясающие обложки наших иллюстрированных петроградских журналов, над которыми работали художники совершенно разных стилей — от классики до русского авангарда. Можно говорить о революции в обложке. Сегодня прозвучали вопросы, связанные с участием Германии, связанные с Вильгельмом. Это все, и портреты Керенского, Троцкого, Ленина, все это может быть представлено не только информативно, это также прекрасно иллюстрируется. Поэтому мы говорим здесь и о социальном, и культурологическом, и политическом пласте. Мы можем разные сферы затрагивать. Вопрос ко всем организаторам выставок — думали ли вы о таком аспекте в плане искусства, покрывающего в то же время информативное, политическое и социальное содержание? В иллюстрациях журналов есть сцены жизни Петрограда. Хочу пригласить в октябре на выставку в Париже, которую организует Национальная библиотека на основе обложек наших исторических иллюстрированных журналов, с военными письмами и фотографиями солдат 1917 г. Также наш Русский духовный центр в Орли готовит конференцию и выставку, куратором которой я являюсь.

Е. Г. Артёмов: Приглашайте нас для участия в этой выставке. Мы дадим то, что вам не хватает.

С. Л. Спиридонов: В нашей коллекции есть такие художники и изобразительное искусство отражено, причем это не только сатирические журналы.

О. С. Поршнева: Антропологический подход предполагает показ восприятия революционных событий глазами очевидцев. Среди очевидцев и участников событий были и иностранцы, представители западных держав, восточных стран. Представлена ли в экспозициях эта тема — Русская революция глазами иностранного очевидца и участника? Очень много интересных дневников, воспоминаний оставлено иностранными участниками Русской революции. Сейчас это предмет тщательного исследования, и я знаю целый ряд таких проектов. Я не музейщик, а историк, непосредственно не связанный с музейной работой. Стоит ли это отображать в экспозициях, как вы думаете, и в какой форме?

О. В. Игнатенко-Дэсанлис: Выставки во Франции, о которых я говорила, будут ориентироваться на французов в России. Это Палесолог, Пьер Паскаль, Клод Анэ. Все это будет подчеркивать события, происходившие в России.

Н. В. Аникин: У петербуржцев есть большое преимущество, они могут показать все живую. Что касается той экспозиции, которую создали мы, то сатира, то, что связано с сатирическим осмыслением революционных событий, — это у нас представлено в избытке. Это представлено и в виде сатирических карикатур и сатирических открыток, шаржей на лидеров политических партий. Керенский — парадный портрет и карикатура, карикатуры на большевиков, немец, натравлива-

ющий большевиков на Россию, — довольно известный сатирический плакат. Этого много, и отдельно выделено у нас большое собрание сатирических журналов — подшивки до 10 наименований практически за весь год. И в одном из мультимедийных киосков представили самое интересное — обложки, мы не успевали сделать больше, но обложки отсканированы, их можно посмотреть, прочитать. Здесь можно увидеть, какие ключевые темы, какие лица выносились на обложки популярных журналов. Этого много, мы открыты для исследователей и ждем их в наших фондах.

Что касается откликов иностранцев, это та тема, которой мы очень интересовались и очень хотели представить в экспозиции, но из-за огромного объема материалов, которые нужно было показать, сжатых сроков и нехватки площади, все это сжалось до заголовков иностранных газет, европейской прессы, как они реагировали на события Февраля и Октября. Мы, конечно, сотрудничали с Исторической библиотекой, но у нас есть и свой фонд периодики, в том числе начала XX в., связанной с революцией, с Россией. К сожалению, в небольшой степени, но так или иначе мы это представили. В постоянной экспозиции мы сможем представить это в значительно большем объеме.

А. В. Репников: Тема сатиры сейчас очень активно Татьяной Филипповой разрабатывается. У нее две книги вышли, сейчас выходит третья книга по сатире в 1917 г. Буквально на днях вышел альбом «Иллюстрированная летопись Великой Русской революции», мы вдвоем с Русланом Гагкуевым сделали, там больше 500 иллюстраций и в основном, больше 300–400 иллюстраций, — это сатира 1917 г. Мы впервые это представляем. Оказалось, что у многих людей на руках есть и «Новый сатирикон», и «Бич», и «Пугач». Я удивлялся, как люди через все советское время сумели у себя сохранить карикатуры, особенно на Ленина. Согласитесь, это было очень опасно. Книга выходит, тираж 2000 экз. В ней большая подборка карикатур и на Ленина, и на Николая II, и на Керенского.

С. Л. Спиридонов: В ответ на эти вопросы я в основном повторю ответы московских коллег. У нас тоже хорошая коллекция сатирических журналов, в экспозиции эта сатира используется, хотя довольно лаконично. И по поводу иностранных мемуаров, материалов, фотографий — их много, а места мало. Хотелось показать все, но до иностранных мемуаров у нас дело не дошло. У нас используются мемуары и дневники российских деятелей, участников, очевидцев революции. Их много, чтобы отобрать их, осмыслить, это заняло много времени. Иностранцами, может быть, потом мы дополним.

А. Г. Калмыков: Тем, кто пойдет смотреть нашу центральную экспозицию, я могу показать пастельный портрет Тимофея Ивановича Кирпичникова, главного героя Февральской революции.

С. Л. Спиридонов: Отвечаю на вопрос Никиты Владимировича. У нас ряд комплексов, которые освещают предпосылки революции

1917 г. Мы начинаем с Первой мировой войны. В России многое уже назрело к 1914 г., тем более к 1917-му. Но, на наш взгляд, именно Первая мировая война стала катализатором революционных процессов. Наверное, если бы войны не было, можно было избежать революционной встряски. Поэтому мы начинаем с войны, показываем, как она повлияла на российское общество, на российскую экономику, и потом уже переходим к событиям непосредственно революции.

К. Янеке: Вопрос о немецких деньгах мне очень интересен. Когда меня спросили, будет ли об этом на выставке, я, честно говоря, хотела дать один ответ. Но затем Вы сами ответили так, как я бы хотела ответить. Здесь нет никакого недоразумения, у меня сложилось такое впечатление, что всегда российские коллеги интересуются, а у вас — наоборот, что немецкие коллеги интересуются. На самом деле, как мне сейчас кажется, никто этим сильно не интересуется. У нас это будет на выставке просто как факт, мы представляем два оригинальных документа, которые находятся в политическом архиве в Берлине рядом с музеем. Они уже были на публичной выставке и на 99 % опубликованы. Факты мы знаем, а о чем-то мы никогда не узнаем. Мы в Германии, не только я, удивляемся тому, что российские коллеги этим так сильно интересуются. Но сейчас я понимаю, что, может быть, и ошибаюсь. Так что, я думаю, мы закроем этот вопрос.

Е. Г. Артёмов: А в Цюрихе целые мешки с немецкими деньгами представлены в экспозиции.

К. Янеке: Это совершенно не связано с этим вопросом.

Н. В. Аникин: Два документа выставляете, о чем в них говорится?

К. Янеке: Есть очень много документов, и поэтому нужно было выбрать. Мы выбрали один документ, честно говоря, дату я сейчас не могу сказать. Но могу сказать, что это касается суммы. Если я не ошибаюсь, немецкий... Верне пишет нашему министру внутренних дел: пожалуйста, господин министр, нам надо еще 400 тыс. из миллиона золотых марок для пропагандистских работ в России. Там ни слова о Парвусе, это только сумма. И второй документ, тоже известный, мы его решили включить для юмора. Пишет военный уже после того, как Ленин проехал, я неточно цитирую, но передаю смысл: тот человек успешно вернулся домой и работает, как мы хотели. В этом что-то есть, потому что немцы совсем не думали о последствиях. Исходя из этих двух документов, мы просто разложим эту историю, но это будет очень маленькая часть... Это даже не очень... потому что не новый факт.

Относительно Брестского мира, эта тема тоже включена, из того же политического архива мы получили оригинал документа. Вы спросили об оценке. Мы просто представляем факты: что случилось, кто подписал, это чистая информация. А что касается оценки, мы здесь не входим в детали с вопросом мира и войны. Это вопрос, конечно, центральный, он спорный, потому что Временное правительство хотело

продолжать войну, большевики и социалисты не хотели, и, конечно, об этом надо говорить, надо изложить на выставке эти позиции, это очень важный вопрос. Это все будет, тем более что заключение Брестского мира было началом определенной динамики для начала Гражданской войны. Обиделись союзники очень сильно, но это не конец истории, тем более это надо включить в контекст.

Н. В. Аникин: Можно пояснить, что это все же не просто констатация факта. Ведь Брестский мир со стороны Германии — это несправедливый мир.

К. Янке: Это не наша задача.

Н. В. Аникин: А как посетитель поймет, что это, извините, грабительский мир?

К. Янке: Я повторяю, это не наша задача. Это просто не тема выставки.

Н. В. Аникин: Большевики специально пришли для того, чтобы заключить такой мир с Германией, отдать территории, платить контрибуцию?

К. Янке: Как историки мы можем обсуждать этот вопрос, но как куратор я не буду ставить этот вопрос на выставке, потому что это просто не тема выставки. Может быть, там будут какие-то лекции, программы вокруг выставки, один из наших кураторов в сборнике писал об этом, может быть, будут какие-то конференции. Это все может быть, все можно обсуждать, но это не часть концепции выставки. И, кажется, есть основание так и делать.

Вы еще спросили по поводу Швейцарии. Я просто могу ответить на все вопросы «да». Там есть одно маленький отдел, даже не маленький, «Швейцария как убежище для политических беженцев». Представлены, конечно, революционные круги и коммуникации между ними, как они жили, какие были дискуссии, публикации, там даже есть какие книги Ленин из библиотеки читал. Карл Маркс, конечно, присутствует и в Цюрихе, и в Берлине, публикации и дискуссии внутри интеллигенции.

По поводу отношений Германии и революционной России, это, конечно, одна из главных тем в Германии, правда, не в Цюрихе, а в Берлине. Это связано и с нашей коллекцией Исторического музея, бывшего Национального исторического музея Восточной Германии. Там просто классная коллекция именно по этому вопросу, так что очень много информации там будет.

Позвольте добавить еще два слова о насилии и об искусстве. Я даже специально соединила их в одном предложении, потому что для меня это концептуальный вопрос. Мы включаем и вопрос насилия, и искусство. Чисто прагматически могу сказать, у нас много художественных музеев являются партнерами, в том числе Третьяковская галерея, и не только. Что касается концептуального подхода, это как детский мир, я так считаю, я как куратор считаю, что не наша задача дискути-

ровать исторические факты и оценки, но наша задача все это включить в концепцию, это другая задача, чем исследование. И у нас, например, такая концепция, вы цитировали, что эта революция не была одним однозначным процессом, все понятно было до начала, до конца и просто одна революция и т. д. все понятно, но все это было очень конфликтно и амбивалентно, конечно, это бесспорный факт и поэтому, по-моему, это не дополнительные вопросы. Вопрос не в том, чтобы добавить насилие или искусство, это включается в процессе, без этого никак, мы не можем рассказать историю революции без насилия, без искусства. Вы это, конечно, знаете, просто я хочу еще повторить подход, сами вы знаете как куратор чуть-чуть другой процесс, чем в книге: добавим заглавие или мы его не добавим. Этого мы, конечно, не можем делать в экспозиции, это было бы не только неправильно, но бессмысленно. И поэтому у нас есть такая концепция всегда смотреть на разные последствия, на разные оценки всегда одновременно. Так, для одних более эмансипационный процесс, можно даже сказать положительный, и были группы, для которых это была чистая катастрофа и конец жизни. Отделить друг от друга это просто невозможно. И революция без художников и без искусства, конечно, это не история революции.

О. В. Игнатенко-Дэсанлис: Вопрос был не столько о дополнении выставки, а скорее о иллюстрации каких-то событий. Например, есть совершенно удивительные карикатуры в виде Красной шапочки и волка Кайзера, Ленин и 30 серебряников, карикатуры, которые могли бы послужить юмористическим ответом и в то же время музейным экспонатом этой выставки.

Н. М. Саркисян: По поводу предшественников Музея революции требуется уточнение вопроса. Что Вы имеете в виду, был создан ряд организаций, аффилированных с домом-музеем, например, общество декабристов, в Москве какие-то учреждения, Музей города, который Вы представляете.

М. В. Вершевская: Я не имею в виду Музей города, хотя он один из наследников той коллекции, которая была создана Музеем революции. Например, общество декабристов...

Н. М. Саркисян: Об обществе декабристов мне известно, но необходимо ограничивать рамки, особенно для доклада. Существовал целый ряд других организаций.

М. В. Вершевская: В названии Вашего доклада после двоеточия стоит: «Общество дома-музея памяти борцов за свободу», может быть, в этом суть, потому что это общество — предшественник Музея революции. Не стоит перечислять через запятую Общество памяти декабристов, потому что оно было создано раньше и его цели отличались. Общество дома-музея собирало, как Вы подчеркнули, материалы прежде всего о народовольцах, т. е. они сами собирали о себе. Создавая общество декабристов, они хотели собрать материалы о тех, кто был их предшественником. А это немножко другой поворот. Благодаря им

в Музее политической истории и Музее города, а также в Эрмитаже сохранилось богатое наследие того, что собирало Общество памяти декабристов. Поэтому вопрос немножко шире.

А. Г. Калмыков: Настал момент, когда мы можем подводить черту. Я думаю, что наша секция прошла вполне плодотворно, выполнила свою миссию в отведенное время. Но работа конференции сегодня еще не окончена. Предлагаю всем выйти в атриум, где открылась совершенно свежая выставка, которая открылась даже не вчера, а сегодня ночью.

Е. Г. Артёмов: В два тридцать ночи закончили.

11 мая 2017 г.

Секция 3

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

М. А. Витухновская-Кауппала

Шрамы гражданского противостояния: обретение Финляндией независимости и «междоусобная война» в коллективной памяти финнов

Весь текущий 2017 год в Финляндии объявлен праздничным — страна отмечает столетие своей независимости. На специально созданных юбилейных сайтах¹ значатся тысячи мероприятий, которые будут проходить в течение всего 2017 г. и завершатся в официальный праздник Дня независимости, 6 декабря. Началось празднование в новогоднюю ночь, когда на концерт, проходивший в центре Хельсинки, собралось более 100 тыс. человек.

Можно было бы предположить, что празднование юбилея станет коммеморацией, которая напоминала бы финскому обществу о важнейшей вехе в его истории. Однако лишь малая часть праздничных мероприятий посвящена непосредственно истории обретения страной независимости. Как сообщил в интервью генеральный секретарь оргкомитета юбилея Пекка Тимонен, концепция праздника «строится вокруг трех вопросов: “Какой путь мы прошли?”, “Кто мы сегодня?” и “Как нам сделать будущее еще лучше?”»² Иными словами, программа празднования столетия независимости лишь в небольшой степени включает в себя репрезентации на историческую тему; основная часть мероприятий посвящена осмыслению всего исторического пути Финляндии, показу достижений ее экономики и техники, науки и культуры. В центре празднования стоит показ Финляндии как государства всеобщего благосостояния и равных прав для всех граждан.

Мероприятия, посвященные самому событию — принятию сенатом 6 декабря 1917 г. так называемой Декларации независимости, — занимают в программе празднования незначительное место. Важнейшим историческим эпизодом, положившим начало финской независимости и одновременно ставшим одним из наиболее травматических опытов для населения страны, в Финляндии считают гражданскую войну, длившуюся с 27 января по 15 мая 1918 г. Именно этот гражданский конфликт, разделивший страну на две части и не изжитый до сего времени, является одним из краеугольных камней финской исторической памяти.

В 2008–2011 гг. проводилось социологическое исследование «Историческое сознание в Финляндии». Представителей разных поколений

¹ Например, Suomi Finland 100. URL: <http://suomifinland100.fi/> (дата обращения: 10.06.17), на русском <http://suomifinland100.fi/lang/%D0%BF%D0%BE-%D1%80%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%B8/> (дата обращения: 10.06.2017).

² Праздник каждый день. Как Финляндия отметит 100-летие независимости см.: URL: <https://lenta.ru/articles/2017/01/22/finlandnewage/> (дата обращения: 10.06.2017).

страны расспрашивали о том, как они относятся к различным событиям из финской истории³. В частности, в списке из 21 события или достижения финской истории предлагалось выделить пять важнейших. На первом месте оказалось набравшее 75,5 % достижение: «обязательное и бесплатное образование», на втором — «зимняя война» (54,4 %), на третьем — полученное в 1906 году всеобщее избирательное право для мужчин и женщин (51,3 %), на четвертом — государство всеобщего благосостояния (41,1 %), на пятом — «война-продолжение»⁴ (39,2 %), на шестом — членство в Европейском союзе (30,9 %), на седьмом — «особые связи с СССР после второй мировой войны» (24,7 %) и на восьмом — война 1918 г. (23,6 %) ⁵. Характерно и симптоматично, что принятие Декларации независимости вообще не вошло в список важнейших событий финской истории.

Как видим, значение войны 1918 г. для исторической памяти финнов все еще достаточно велико. Напомним смысл и основные вехи этого ожесточенного противостояния. К концу 1917 г. финское общество было расколото: с одной стороны, действовала социал-демократическая партия, выражавшая интересы рабочего движения, но не всегда с ним совпадавшая, с другой — «буржуазные» политические движения. Союзником социал-демократов была сельская беднота — безземельные арендаторы, торппари (фин. *torpparit*). К началу 1918 г. у левых уже были свои вооруженные силы — отряды Красной гвардии. Правые начинали создавать отряды самообороны — шюцкоры. До июля 1917 г. парламентским большинством были социал-демократы, но после разгона сейма Временным правительством 31 июля 1917 г. большинство мест в новом составе парламента, избранного 1–2 октября, получил блок буржуазных партий — старофинская, младофинская, аграрный союз и шведская партии. Эти же партии получили ключевые позиции в правительстве (сенате).

В начале 1918 г. социально-политический конфликт стремительно нарастал. Окончательным толчком к гражданской войне послужила попытка сената навести в стране порядок. Назначенный главнокомандующим отрядами самообороны Маннергейм и правительство перебрались из беспокойного Хельсинки в г. Вааса. 25 января шюцкор был объявлен правительственными войсками, а 27 января Исполнительный комитет рабочих создал революционное правительство и объявил о начале восстания. Страна оказалась перерезана линией фронта с запада на восток — от Пори до Выборга. Густонаселенный, промышленный юг находился в руках красных, во много раз бóльшая по площади северная часть страны была под белыми.

³ В исследовании использовались как качественный, так и количественный методы.

⁴ «Войной-продолжением» в Финляндии называется военное противостояние с СССР в 1941–1944 гг.

⁵ *Torsti Pilvi. Suomalaiset ja historia. Helsinki : Gaudeamus, 2012. S. 100.*

На ситуацию влияли и другие силы, в частности, находившиеся в Финляндии подразделения русской армии (около 40 000 военнослужащих). Около пяти тысяч русских воинов сражались на стороне красных⁶. Находившиеся на территории белых русские войска были разоружены⁷. После заключения Брестского мира русские военные части были выведены из Финляндии. На стороне белых в войне участвовали шведские добровольцы (их численность достигала 1100 человек⁸), прибывший в феврале из Германии более чем тысячный отряд так называемых егерей (финнов, обучавшихся в немецкой армии и воевавших на ее стороне), а на заключительном этапе — немецкий экспедиционный корпус (14 000–15 000 человек), завоевавший Хельсинки и этим поставивший точку в войне.

Война, длившаяся всего 109 дней, была ожесточенной и кровопролитной. Историк Хейкки Юликангас отмечает, что за три месяца гражданской войны потери убитыми были такими же, как и за три года «войны-продолжения»⁹. Исследовательский проект «Военные потери Финляндии, 1914–1922» подсчитал точное число жертв гражданской войны: всего погибло 36 640 человек¹⁰. Число жертв среди красных более чем в пять раз превышало число жертв белых (соответственно 27 038 и 5179)¹¹. Война была настоящей трагедией для всего населения страны, она расколола финское общество. Шрамы, нанесенные войной, залечиваются уже почти столетие.

Раскол проявляется, в частности, в том, что разные группы населения употребляли и продолжают употреблять разные названия войны. Общепринятое в настоящее время название «междоусобная война» (*sisällissota*) стало употребляться только с 1990-х гг. Сразу после окончания войны и победы в ней белых утвердилось название «освободительная война» (*varaussota*)¹². Смысл этого названия сводится к тому, что Финляндия воевала с Советской Россией за свою независимость.

⁶ Нужно также иметь в виду, что финские красные получали серьезную поддержку от большевиков — например, 26 января 1918 г. из Петрограда был отправлен состав с 15 000 винтовок, пулеметов и пушек (см.: *Upton Anthony F. Vallankumous Suomessa 1917–1918*. Helsinki : Kirjayhtymä, 1980. Ч. 1. S. 483).

⁷ *Hoppu Tuomas*. Taistelevat osapuolet ja johtajat // *Pertti Haapala, Tuomas Hoppu*. *Sisällissodan pikkujättiläinen*. Helsinki : WSOY, 2009. S. 121.

⁸ Tampere 1918. Toim. Tuomas Hoppu ja julkaisutyöryhmä. Tampere : Vapriikki, 2013. S. 121.

⁹ *Ylikangas Heikki*. Suomen historian solmukohdat. Helsinki : WSOY, 2007. S. 211.

¹⁰ Из 36 640 погибших пали на поле боя 9403, были казнены и убиты без суда 9720, погибли в лагерях для военнопленных 13 446, погибли после освобождения из лагерей 613, пропали без вести 2193, погибли по другим причинам 1265.

¹¹ *Sotaoloissa vuosina 1914–22 surmansa saaneet: tilastoraportti* / под ред. Lars Westerlund. [Helsinki] : Valtioneuvoston kanslia, 2004. См. также: *Sotaoloissa vuosina 1914–22 surmansa saaneet: tilastoraportti*. URL: <http://vesta.narc.fi/cgi-bin/db2www/sotasurmaetusivu/stat2> (дата обращения: 11.06.2017).

¹² *Haapala Pertti*. Sota ja sen nimet // *Pertti Haapala, Tuomas Hoppu*. *Sisällissodan pikkujättiläinen*. S. 10.

Финские красные, таким образом, воспринимались как пособники чужой враждебной силы. Те финны, которые и поныне употребляют это название, считают, что белая армия освободила Финляндию от России, а красные были предателями своего народа.

В среде красных и их сторонников бытовали другие названия войны — например, «классовая война» (*luokkasota*), смысл которого сводил войну к столкновению классов. Появившееся в среде белых название «мятеж» (*karina*) распространилось и среди красных, т.к. они считали свое выступление революцией (красные использовали и прямой термин «революция» (*vallankumous*)). Термин «гражданская война» (*kansalaissota*) начал употребляться обеими сторонами еще в ходе войны, но после войны его в основном использовали социал-демократы в противовес названию «освободительная война».¹³

«После войны, — пишет Сеппо Хентия, — раскол общества стал еще более явным, чем до нее»¹⁴. Победившие в гражданской войне белые на долгие годы получили возможность формировать информационное пространство. Сразу же после окончания войны было издано множество сочинений, пропагандировавших «белую» версию событий¹⁵. В трудах «белой» направленности восстание красных однозначно трактовалось как «национальный позор», который если нельзя забыть, то можно представить незначительным эпизодом. Причины восстания не анализировались всерьез — было принято считать, что это большевики и социалисты подстрекали мирных рабочих. В целом события 1918 г. трактовались тогда как гораздо большая национальная победа, чем получение независимости в 1917 г.¹⁶ В местах гибели и захоронений белых массово устанавливались памятники, их подвигам посвящали литературные произведения, спектакли и фильмы.

Для красных после окончания войны наступил период молчания, они были вынуждены долгие годы скрывать свое прошлое. «Места памяти» — места расстрелов, битв и захоронений — держались в тайне. Хотя память красных запечатлевалась в стихах и песнях, сочиненных в лагерях военнопленных, и художественных произведениях, эти произведения бытовали только в их круге¹⁷. В ходе упомянутого социологического исследования респондентам был задан вопрос «Что вы думаете об утверждениях, касающихся войны 1918 г.?,» и предложены 18 вариантов ответов. Один из тезисов звучал так: «Проигравших в войне на десятилетия заставили замолчать». С этим в большей или

¹³ Ibid. S. 11.

¹⁴ Юссала О., Хентия С., Невакиви Ю. Политическая история Финляндии, 1809–1995. М. : Весь мир, 1998. С. 129.

¹⁵ *Ylikangas Heikki*. Vuoden 1918 vaikutus historiatieteessä // *Vaikea totuus*. Vuosi 1918 ja kansallinen tie / ред. Heikki Ylikangas. Helsinki : SKS, 1993. S. 93.

¹⁶ Ibid. S. 93–94, 97.

¹⁷ *Peltonen Ulla-Maija*. Sisällissodan muistaminen // *Pertti Haapala, Tuomas Hopu*. Sisällissodan pikkujättiläinen. S. 465.

меньшей степени согласились 62,8 % отвечавших¹⁸. И поныне, спрашивая финнов о судьбах их семей в годы войны, часто получаешь ответ: «мне ничего не рассказывали».

Ситуация изменилась после окончания Второй мировой войны. Политическая линия Паасикиви—Кекконена во внешней политике предполагала лояльность восточному соседу. Неудивительно, что начался и пересмотр памяти о гражданской войне. Уже в июне 1947 г. парламент высказал пожелание о том, чтобы места захоронения красных были отмечены памятниками, и выделил на это бюджетные средства. В устной истории и публикациях появились рассказы о страданиях красных в лагерях, о скрывавшихся прежде местах их расстрелов и захоронений, об издевательствах над их родными и детьми в школах или на рабочих местах. «Красная» и «белая» правды столкнулись в публичном пространстве, и довоенная парадигма событий была поставлена под сомнение¹⁹.

В 1960-е гг. появилась новая тенденция, нашедшая свое выражение как в академических исследованиях, так и в художественной литературе. Были опубликованы знаковые исторические труды, в которых война рассматривалась как общенациональная трагедия²⁰. Наследники «красных» осуществили проект «История красной Финляндии», итогом которого стало шеститомное сочинение, опубликованное в первой половине 1980-х гг.²¹ Нарративы «красных» тысячами фиксировались и откладывались в архивных коллекциях. Продолжали устанавливаться памятники как проигравшим, так и победившим²².

Особое влияние на коллективную память финнов оказала трилогия писателя Вяйнё Линна «Здесь, под Полярною звездой». Роман показывал причины и подноготную войны, но симпатии автора были скорее на стороне проигравших. Линна вывел из забвения «красную» правду. Роль романа Линна в форматировании памяти о войне исключительна. 76 % респондентов, опрошенных в 2008–2011 гг., согласились с тезисом, что роль книги в показе событий 1918 г. является очень важной²³.

¹⁸ Более точные результаты таковы: «совершенно согласен» 21,5 %, «частично согласен» 41,3 %, «ни то ни другое» (25 %), «частично не согласен» 9,1 % и «совершенно не согласен» 3,1 % (*Torsti Pilvi*. S. 115)

¹⁹ *Peltonen Ulla-Maija*. Sisällissodan muistaminen. S. 467.

²⁰ Особенно следует отметить труды историка Яаакко Пааволайнена о белом и красном терроре и лагерях военнопленных (сжатое изложение его позиции см. в книге: *Paavola J.* Suomen kansallinen murhenäytelmä. Punainen ja valkoinen terrori ja vankileirit v. 1918. Helsinki : Tammi, 1974).

²¹ *Punaisen Suomen historia 1–6. Punakaartin sota 1–2, Vallankumous kunnallishallinnossa, Työväenkaartien synty ja kehitys punakaartiksi 1–2, Kansanvaltuuskunta punaisen Suomen hallituksena. Opetusministeriö. Punakaartin Historiakomitea, Valtion Painatuskeskus, 1981–1986.*

²² *Peltonen Ulla-Maija*. Sisällissodan muistaminen. S. 468.

²³ Более точное распределение ответов таково: «совершенно согласен» 34,2 %, «частично согласен» 41,7 %, «ни то ни другое» (18,5 %), «частично не согласен» 3,7 % и «совершенно не согласен» 1,9 % (*Pilvi Torsti*. S. 115).

Книга дважды экранизировалась (в 1968 и 2009 гг.), на ее основе было выпущено несколько спектаклей.

Как отмечает современный исследователь, «плотины памяти были прорваны»²⁴. Начался новый этап переработки национальной памяти о 1918 г. Власть в 1960–1970-е гг. также подавала знаки, которые трактовались как призыв к признанию «красной правды». Например, в 1967 г., в дни празднования 50-летия независимости Финляндии, президент Урхо Кекконен возложил венок на захоронение красных в Хельсинки. В 1978 г. он же присутствовал на открытии памятника военнопленному красногвардейцу в Лахти²⁵. Именно в этот период в публичной сфере возобладало название «гражданская война».

Начало нового, современного этапа форматирования коллективной памяти можно отнести к 1990-м гг. Знаковым и даже поворотным явлением стала публикация в 1993 году книги известного финского историка Хейкки Юликангаса «Дорога на Тампере»²⁶. Юликангас поставил своей задачей не просто рассказать о кровопролитной битве за оплот красных, город Тампере, но и осмыслить войну как общенациональную травму. Он считал, что пришло время подвести наконец черту под событиями 1918 г. «Это станет возможно, — писал исследователь, — только если мы раскроем все те деяния, показа которых до сих пор стремились избегать»²⁷. Особое внимание Юликангас уделил в своей книге грабегам, убийствам, бессудным казням, пыткам, которые практиковали обе стороны.

Книга Юликангаса стала толчком к серьезной и глубокой проработке национальной травмы — прежде всего на академическом уровне. Была фактически предложена новая парадигма в понимании гражданской войны: это общенациональная трагедия, в которой не было правых и виноватых. Предложенное Юликангасом название войны — междоусобная — означало, что в войне участвовали не только разные группы финского населения, а и внешние силы. Это название стало сейчас в Финляндии преобладающим и используется при преподавании истории войны в школе. Стала разрабатываться концепция «многих правд», предполагающая, что «правды» каждой стороны нужно не противопоставлять друг другу, а учитывать в совокупности. Многие ученые проявили глубокий интерес к изучению дотоле неизвестных, «темных» сторон войны, прибегая к новым архивным материалам.

Государственным советом Финляндии был инициирован и финансирован продолжавшийся пять лет (1998–2003) научный проект «Во-

²⁴ *Ulla-Maija Peltonen. Sisällissodan muistaminen. S. 467.*

²⁵ *Ibid. S. 469.*

²⁶ *Ylikangas Heikki. Tie Tampereelle: dokumentoitu kuvaus Tampereen antautumiseen johtaneista sotatapahtumista Suomen sisällissodassa 1918. Porvoo ; Helsinki ; Juva : WSOY, 1993.*

²⁷ *Ibid. S. 526.*

енные потери Финляндии, 1914–1922». В итоговом рапорте дается скрупулезная картина всех преступлений против человечности, которые можно было выявить на основе документальных свидетельств, и по возможности произведен подсчет всех жертв²⁸. Одновременно новое поколение историков выпустило целый ряд книг о лагерях военнопленных, о полевых судах, о бессудных казнях, о красном и белом терроре, об участии в войне различных групп и категорий людей — женщин, детей, русских и шведских военнослужащих, о повседневности войны, и т. д.²⁹ Начали появляться научные исследования, посвященные памяти о войне 1918 г.³⁰

Разнообразились коммеморативные практики. Так, в 2008 г. в выставочном центре Тампере «Ваприикки» была создана выставка «Тампере 1918», в которой в равновесии присутствуют обе противостоявшие стороны. 6 апреля 2008 г., в день 90-летия окончательной сдачи Тампере красными в городе прошел «День согласия», и, в частности, было организовано костюмированное шествие, в котором «участвовали» исторические персонажи, как белые, так и красные³¹.

Призывы к национальному примирению в Финляндии звучали и прежде. Так, в 1933 г. Густав Маннергейм в речи на памятном торжестве, посвященном войне, сказал, что не стоит больше спрашивать,

²⁸ Sotaoloissa vuosina 1914–1922 surmansa saaneet: tilastoraportti.

²⁹ Некоторые из этих сочинений: *Höglund Kaj*. Ruotsalaiset vapaaehtoiset Suomessa 1918 // *Verta hangella*. Pohjalainen näkökulma vuosien 1917–1918 tapahtumiin / под ред. Marianne Koskimies-Envall. [Vaasa] : Pohjanmaan museo, 1999; *Tikka Marko*. Kenttäoikeudet: välittömät rankaisutoimet Suomen sisällissodassa 1918. Helsinki : Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2004; *Roselius Aapo*. Amatöörien sota. Rintamataisteluiden henkilötappiot Suomen sisällissodassa 1918. [Helsinki] : Valtioneuvoston kanslia, 2006; *Ibid*. Teloitajien jäljillä. Valkoisten väkivalta Suomen sisällissodassa. Helsinki : Tammi, 2007; *Myllyniemi Seppo*. Sodan monet kasvot. Sisällissota Hämeessä 1918. Helsinki : Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2007; *Malmi Timo, Järvelä Ari*. Tampere tulesa 1918. Jyväskylä : Atena, 2008; *Malm Timo*. Rynnäkö läpi Tampereen. Kaupunki kiirastulesa 1918. Tampere : Traff Kustannus, 2011; *Haapala Pertti, Hoppu Tuomas*. Sisällissodan pikkujättiläinen. Helsinki : WSOY, 2009; *Muilu Heikki*. Venäjän sotilaat valkoisessa Suomessa. Jyväskylä : Atena, 2010; *Keskisarja Teemu*. Viipuri 1918. Helsinki : Siltala, 2013; *Miika Siironen*. Valkoiset. Vapaussodan perintö. Tampere : Vastapaino, 2012.

³⁰ *Peltonen Ulla-Maija*. Vuoden 1918 sodan kauhutarinat. [Helsinki] : [Kansanrunoustieteen laitos], 1983; *Ibid*. Punakapinan muistot: tutkimus työväen muistelukerronnan muotoutumisesta vuoden 1918 jälkeen. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1996; *ibid*. Muistin paikat: vuoden 1918 sisällissodan muistamisesta ja unohtamisesta. Helsinki : Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2003; *Vaikea totuus*. Vuosi 1918 ja kansallinen tiede / под ред. Heikki Ylikangas. Helsinki : Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1993; *Roselius Aapo*. Kiista, eheys, unohtus. Vapaussodan muistaminen suojeluskuntien ja veteraaniliikkeen toiminnassa 1918–1944. Helsinki : Suomen Tiedeseura, 2010; *Ibid*. Isänmaallinen kevät. Vapaussotamyytin alkulähteillä. Helsinki : Tammi, 2013.

³¹ *Jalkanen Timo Olavi*. Tampereella tehtiin sovnto. URL: <http://tampereelta.blogspot.fi/2008/04/tampereella-tehtiin-sovinto.html> (дата обращения: 11.06.2017).

кто был на какой стороне в 1918 г.³² Из уст многих финнов я слышала утверждение, что нация пришла к согласию, как только началась Зимняя война и появился общий враг. Факты, однако, показывают, что это не совсем так. Несмотря на значительную работу, проделанную страной за последние десятилетия, «проработку» памяти о гражданской войне отнюдь нельзя считать законченной. В обществе сохранились прежние линии разлома — хотя следует признать, что ожесточенность в большой степени смягчена, и часть населения (главным образом молодежь) относится к происшедшему в 1918 году отстраненно. Однако составленная социологами таблица показывает, что все еще не найден консенсус даже в отношении названия войны:³³

Возрастные группы	Названия войны			
	Гражданская война, %	Междоусобная война, %	Освободительная война, %	Другие варианты, %
15–19 лет	12,7	62,1	6,4	18,8
20–29 лет	18,4	61,8	8,7	11,1
30–39 лет	33,5	36,9	8,6	21,0
40–49 лет	26,7	29,2	26,0	18,1
50–59 лет	31,9	19,1	20,7	28,3
60–69 лет	39,7	17,4	21,0	21,9
70–79 лет	29,4	19,7	26,7	24,2

Как видно из этой таблицы, разные поколения финнов называют войну по-разному: для молодежи наиболее привычным является внедренное в 1990-е гг. название «междоусобная», а среднее и старшее поколения не пришли к консенсусу. Интересно, что в группе людей старше 40 лет название «освободительная война» по-прежнему пользуется популярностью: так называет войну в среднем четверть представителей этой возрастной группы. Сторонников концепции «освободительной войны» в стране по-прежнему немало. Существуют различные общества, объединяющие последователей «белых», которые ведут активную просветительскую и пропагандистскую работу. У этих организаций есть свои издания и сайты (например, газета «Воин-освободитель» — «Vapaussoturi»)³⁴. Сторонниками этой идеологии являются

³² См.: *Martti Ahti*. Valta ja demokratia — Mannerheim oppositiomiehenä // Mannerheim: sotilas ja ihminen. Helsinki : Yliopistopaino, 1992. S. 77.

³³ *Pilvi Torsti*. Suomalaiset ja historia. S. 127.

³⁴ Suomen vapaussota 1918. URL: <http://vapaussota.com/> (дата обращения: 11.06.2017); Vapaussodan perinneliitto. URL: <http://www.perinneliitto.fi/>; <http://www.vapaussoturi.fi/> (дата обращения: 11.06.2017).

и некоторые профессиональные историки и политики, большая часть офицерского состава армии.

Показательным стало мероприятие, проведенное в Тампере местным отделением «Союза традиций освободительной войны». В «день согласия», когда в городе проходило шествие, призывавшее к национальному примирению, наследники белых посетили места битв и возложили венки в память о жертвах белой армии. В отчете об этом событии говорится: «Мало осталось тех, кто может хранить память об освободительной войне. Организация дня согласия поддерживает лишь «правду красных». ... По-прежнему большим позором Тампере является то, что памятник освободителю города, главнокомандующему Густаву Маннергейму забыт в неухоженном лесу...»³⁵.

Действительно, в Тампере сильны традиции «красных», и именно поэтому памятник Маннергейму, который до Второй мировой войны планировали установить в центре города, был все же поставлен в 8 км от центра, в районе Лейнола. Но и на этом месте он неоднократно подвергался актам вандализма и уже пять раз был облит краской. В декабре 2004 г., когда Маннергейм стал победителем конкурса Финского радио (Yle) «Великие финны», памятник залили красной краской и на постаменте написали «Мясник» (Lahtari). Это прозвище после войны утвердилось за Маннергеймом в кругах красных. Подобные же акты повторялись в 2012 и 2013 гг. Как видим, гражданский конфликт в стране отнюдь не изжит окончательно.

Тем не менее социологические исследования показывают, что ситуация меняется со сменой поколений. В рамках международного исследовательского проекта «Молодежь и история», осуществлявшегося в 1990-е гг. и дополненного финскими национальными исследованиями, выяснялись взгляды на историю поколения, родившегося в 1980-е гг.³⁶ Автор финской части исследования отмечает, что 17–18-летние респонденты, которые являются уже четвертым поколением после гражданской войны, знают о ней в основном из школы. Почти никто из респондентов не слышал чьих-то личных воспоминаний о войне. Лишь в Тюрвяя, где произошло серьезное столкновение при прорыве фронта красных в апреле 1918 г., почти половина опрошенных знали о судьбе своих предков. У молодежи в целом интерес к войне отсутствует³⁷.

Однако в политической жизни Финляндии память о войне все еще играет значительную роль. Партийная стратификация общества про-

³⁵ Sovinnon päivä pönkitti punaista totuutta. URL: <http://www.jormanmaailma.fi/index.php?juttuid=jutut/webbikolumnit/sovinto.htm&menuid=webbikolumnit> (дата обращения: 11.06.2017).

³⁶ По итогам проекта издана публикация: *Ahonen Sirkka*. Historiaton sukupolvi? Historian vastaanotto ja historiallisen identiteetin rakentuminen 1990-luvun nuorison keskuudessa. Helsinki : Suomen historiallinen seura, 1998.

³⁷ Ibid. S. 67–69.

ходит главным образом по старым линиям разлома, и это хорошо показывают социологические исследования. Такие партии, как левый союз (Vasemmistoliitto), социал-демократы и отчасти зеленые, противостоят в своих оценках партии национальной коалиции (Kansallinen Kokoomus), шведской народной партии (Ruotsalainen kansanpuolue), христианским демократам (Kristillisdemokraatit) и истинным финнам (Perussuomalaiset). Если первые, например, не согласны с высказыванием: «Победа красных привела бы к тому, что Финляндия стала бы частью СССР», то вторые согласны с этим тезисом. По многим другим вопросам партийный консенсус более или менее сложился, однако утверждение «В память о событиях 1918 г. нужно ежегодно проводить национальный день согласия», которое получило поддержку сторонников левого союза, социал-демократов, христианских демократов и истинных финнов, вызвало несогласие приверженцев других партий³⁸.

Подводя итог сказанному, можно сказать, что финское общество проделало большую работу на пути к гражданскому согласию. И все же, несмотря на эти усилия, шрамы, нанесенные травмой гражданской войны, еще не затянулись окончательно. По-прежнему сохраняются группы населения, наследующие историческую память «белых» и «красных». Лишь теперь, когда вышло в самостоятельную жизнь четвертое поколение финнов, родившееся после войны, есть надежда, что шрамы гражданского противостояния окончательно затянутся.

В. В. Чурзин: В свете гражданского противостояния этого периода в Финляндии выступают две фигуры, оказавшие влияние на последующую историю наших двусторонних отношений. Это, с одной стороны, маршал, в будущем маршал, Маннергейм, а с другой стороны — Отто Вильгельмович Куусинен. Причем известно, что они по-разному смотрели на будущее как Финляндии, так и всего мира. Например, Куусинен известен тем, что он протекционировал Андропову, который, как известно, привел к власти Горбачева и в конечном счете к соответствующим потрясениям. И Маннергейм, который, по некоторым оценкам (еще в свое время Верт писал), якобы спас Ленинград тем, что стабилизировал финскую часть блокады и финны не дали немцам с севера заблокировать город. Прошлое этих двух фигур в том времени. Но вот как их оценивают сегодня? У нас в Питере даже доску поставили на доме, где в свое время Маннергейм жил, а о Куусинене сейчас ни слова. А между тем известно, что он член масонского сообщества. А есть что-то об этом в современной финской историографии, о взаимоотношении этих двух людей?

М. А. Витухновская-Кауппала: Спасибо. Я не специалист по истории Второй мировой войны. В Финляндии она имеет свое название,

³⁸ *Torsti Pilvi. Suomalaiset ja historia. S. 116–123.*

так же, как и в России. Ее называют войной-продолжением, она считается продолжением Зимней войны в финской историографии. Значит, что касается Куусинена, то его биографий, по-моему, не существует, там он считается предателем родины, ему было запрещено появляться в Финляндии даже в те годы, когда отношения Советского Союза и Финляндии были очень благополучными, Куусинен никогда не ступил ногой на родную землю. О нем не говорили в Финляндии. Что касается Маннергейма, то Маннергейм так же однозначно для финнов спаситель отечества. Это связано и с гражданской войной. Красные его считали мясником, было даже такое прозвище «Мясник» — «Лахтари», и до сих пор в столице «красной» Финляндии Тампере памятник Маннергейму обливают краской. Ансамбль стоит не в центре, а вообще в стороне от города, красные его до сих пор не принимают. Но в том, что касается Второй мировой войны, «войны-продолжения», уже некий консенсус существует. У меня свое личное мнение по поводу того, нужно ли было размещать доску Маннергейму в Петербурге. С моей точки зрения — не нужно. Потому что финская армия замыкала с севера линию фронта, она замыкала блокаду. Я как человек, большая часть семьи которого погибла в блокаду (я происхожу из блокадной семьи), считаю, что человек, который руководил вражеской армией, — вольно или невольно, в соответствии с какими-то там историческими планами, — но тем не менее именно он приказывал замкнуть фронт. Человек, под руководством которого была оккупирована Советская Карелия, были созданы — ну, я бы их не назвала концентрационными лагерями, но были созданы лагеря для русского населения, — память этого человека в России не должна почитаться. Это мое личное мнение. Он безусловно герой для Финляндии, но Россия — не Финляндия, у нее своя историческая память.

В. Н. Гинев: Скажите, пожалуйста, день 7 декабря в Финляндии является государственным праздником? И как он отмечается?

М. А. Витухновская-Кауппала: День независимости отмечают в Финляндии 6 декабря. Это государственный праздник, выходной день. Президент устраивает прием в Президентском дворце, приглашает высшие политические чины, каких-то выдающихся деятелей культуры, спортсменов и т. д. Это целое событие, такой прием на высшем уровне. Кроме того, в этот день в некоторых городах проходит военный парад, премьер-министр возлагает цветы на могилы героев войны.

Но интересно, что программа телевизионная в большой степени связана с последними войнами, которые носят в Финляндии название Зимняя война (1939–1940) и «Война-продолжение» (1941–1944). Потому что, с точки зрения финнов, свою независимость, свободу они отстаивали в 1944 г., в схватке с Советским Союзом, и они остались независимым государством. И вот эта память о войне, так же как и память о войне в России, в Советском Союзе, сильна, — также она сильна у финнов, но, конечно, со своими, так сказать с другими, знаками.

В. Н. Гинев: Этот день является нерабочим, да?

М. А. Витухновская-Кауппала: Да, это свободный день.

В. Н. Гинев: И еще второй вопрос, можно? Вот Вы сейчас в своем выступлении говорите нам о соцлагере, но мне почему-то рисовалось, что ваша цель — пересмотр исторической памяти. И они основывались при этом пересмотре на открытия или оповещения о неизвестных, как Вы сказали, фактах. В чем была правда красных? Вот это было мне неясно из Вашего письменного текста.

М. А. Витухновская-Кауппала: Текст короткий, и я не могла привести там все, я сокращала, как могла. Правда красных состояла в том, что они боролись за социалистическое будущее Финляндии. Они прежде всего боролись за права рабочих, за социалистическое расширение прав трудящихся. Сейчас нет времени об этом подробно рассказать, но была такая прослойка — довольно сильно угнетенная, лишенная прав — крестьянского населения, которая тоже тянулась к рабочим и тяготела по своей энергетике к этому красному движению, и она присоединилась.

В. Н. Гинев: Вы сказали, что этот писатель больше сочувствовал красным, чем белым?

М. А. Витухновская-Кауппала: Да, он сочувствовал как раз этим угнетенным крестьянам. В своем романе он хотя бы попытался дать объективную картину. Он очень популярный писатель, он написал в том числе и о «войне-продолжении» тоже очень известный роман «Неизвестный солдат», который, может быть, и в России известен и переведен на русский язык. Это война как трагедия. Точно так же он смотрит на гражданскую войну.

В. Н. Гинев: Но его трилогия повлияла на общественное сознание?

М. А. Витухновская-Кауппала: Очень сильно.

В. Н. Гинев: Общественное сознание финнов стало более сочувствовать красным?

М. А. Витухновская-Кауппала: Да. Поскольку до войны вообще господствовала белая правда, так сказать, «белая» картина истории, а не красная, ведь белые же победили.

В. Н. Гинев: И финны стали более сочувствовать красным?

М. А. Витухновская-Кауппала: Да. И к тому же и политическая обстановка была уже совершенно другая.

**Формирование исторической памяти
о Революции 1917 г. в Польше
(1945 — начало 1990-х гг.)**

В историографии новейшей истории Польши существует отчетливое течение, обобщающее механизмы властвования Польской объединенной рабочей партии (ПОРП) и ее влияния на общество¹.

Важным элементом деятельности партии была пропаганда, целью которой являлись легитимация новой власти и получение поддержки общества². Эта пропаганда касалась также исторических событий.

В 1944–1945 гг., когда польские коммунисты пришли к власти в стране, начался процесс запрета праздников передвоенной Польши³ и записи советских праздников в польском календаре⁴. Среди них были

* Доклад зачитан ведущим секции В. В. Носковым.

¹ *Paczkowski A.* Od sfalszowanego zwycięstwa do prawdziwej klęski : szkice do portretu PRL. Kraków : Wydawnictwo Literackie, 1999; *Komunizm : ideologia, system, ludzie* / red. T. Szarota. Warszawa : Wydawnictwo Neriton : Instytut Historii PAN, 2001; *Władza a społeczeństwo w PRL : studia historyczne* / red. A. Friszke ; Instytut Studiów Politycznych Polskiej Akademii Nauk. Warszawa : Instytut Studiów Politycznych PAN, 2003; *PRL — trwanie i zmiana* / red. D. Stola i M. Zaremba. Warszawa : Wyższa Szkoła Przedsiębiorczości i Zarządzania im. Leona Koźmińskiego, 2003; *Friszke A.* Przystosowanie i opór : studia z dziejów PRL. Warszawa : Biblioteka «Więzi», cop. 2007; *Władza w PRL : ludzie i mechanizmy* / red. K. Rokicki i R. Spałek. Warszawa : Instytut Pamięci Narodowej. Komisja Ścigania Zbrodni Przeciwko Narodowi Polskiemu, 2011; *PZPR jako machina władzy* / red. D. Stola i K. Persak. Warszawa : Instytut Pamięci Narodowej. Komisja Ścigania Zbrodni przeciwko Narodowi Polskiemu ; Instytut Studiów Politycznych PAN, 2012; *Partia komunistyczna w Polsce : struktury, ludzie, dokumentacja* / red. D. Magier. Lublin : Archiwum Państwowe ; Radzyń Podlaski : Radzyńskie Stowarzyszenie Inicjatyw Lokalnych, 2012; *Zawadzka K.* Komitet Wojewódzki PZPR w Lublinie 1948–1956 : struktura, ludzie, mechanizm funkcjonowania. Instytut Pamięci Narodowej — Komisja Ścigania Zbrodni przeciwko Narodowi Polskiemu. Oddział w Lublinie, 2014; *Partia, państwo, społeczeństwo* / red. K. Rokicki ; Instytut Pamięci Narodowej. Komisja Ścigania Zbrodni przeciwko Narodowi Polskiemu. Warszawa : Instytut Pamięci Narodowej. Komisja Ścigania Zbrodni przeciwko Narodowi Polskiemu, 2016; *Eisler J.* Co nam zostało z tamtych lat : dziedzictwo PRL. Warszawa : Wydawnictwo Naukowe PWN, 2016.

² Таким образом польские власти уверяли советские о своей лояльности (что помнят, благодаря чему и кому получили власть).

³ Был отменен государственный праздник 3 мая, установленный сеймом в 1919 г. в честь Конституции 1791 г., и Праздник Независимости (11 ноября). Вместо Дня Независимости в 1945 г. установлен праздник Возрождения Польши, который праздновали 22 июля в годовщину опубликования Манифеста Польского комитета национального освобождения (ПКНО) в 1944 г.

⁴ Еще в 1944 г. коммунистические власти (Болеслав Берут и другие члены ПКНО) участвовали в богослужении в день Солдата, установленного в 1923 г.

праздники 1 и 9 Мая, но тоже очень важным праздником Польской Народной Республики (ПНР) стало 7 ноября — годовщина Октябрьской революции. В этот день во многих государственных учреждениях, на заводах и в школах проходили доклады и лекции на тему Революции. Множество поляков участвовало в этих «ритуалах», сложно сказать, какой процент из них воспринимал все это всерьез.

Вместе с тем почитали и Владимира Ильича Ленина. Было открыто несколько музеев вождя Революции (в Поронине, 1947⁵, в Варшаве, 21.04.1955), именем Ленина были названы металлургический завод в Кракове (в районе Нова Хута, 21.01.1954), судовой завод в Гданьске (апрель 1967)⁶, улицы и т. д. Ленину ставили памятники. Занял он и свое особенное место в учебниках истории.

«Из всех искусств для нас важнейшим является кино», — сказал Ленин и предложил показывать перед фильмами кинохронику⁷. В Польше зачастую это были хроники празднования годовщины Революции.

На содержание кинохроники влияла политическая ситуация в Польше⁸. В 1946 г. коммунисты еще не имели полноты власти, существовала легальная оппозиция. Во второй половине 1947 г. коммунисты были уже достаточно сильны, антикоммунистическое подполье было практически уничтожено. Выборы в Сейм, которые состоялись в феврале того же года, были сфальсифицированы. Оппозиция была подвергнута террору и не имела возможности действовать. 21 октября 1947 г. Станислав Миковачик, лидер единственной оппозиционной партии, опасаясь ареста, бежал из Польши.

1948 год — это год становления сталинизма в Польше. Владислав Гомулка был уже лишен поста генерального секретаря Польской рабочей партии (ПРП), а его место занял Болеслав Берут. В 1956 г. наступила оттепель и пропаганда ослабла.

Первое упоминание о праздновании годовщины Революции я нашел в хронике 1946 г. Интересующая нас часть кинохроники не прерывалась и полминуты и называлась «Годовщина октября». Из кинохроники мы узнаем, что празднование дня Революции организовало

в честь победы над большевиками. Интересно, что в богослужении приняли участие и представители СССР Николай Булганин и советские офицеры, см. фото: http://wyborcza.pl/1,76842,14441533,Jedyna_taka_msza_Polski_Ludowej_Bierut_czlonkowie.html (дата обращения: 18.06.2017). В Польской Народной Республике день войска праздновали 12 октября в годовщину битвы под Ленино 1943 г.

⁵ Кинохроника, см.: URL: <http://www.kronikarp.pl/szukaj,36228,strona-2> (дата обращения: 18.06.2017).

⁶ Когда в 2012 г. Анджей Вайда снимал фильм «Валенса. Человек из надежды», надпись «Гданьская судовой завод им. Ленина» была временно возвращена. Поступило также предложение оставить ее как исторический факт. Начались протесты, дело дошло до суда, и надпись сняли.

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. М.: Изд-во полит. лит., 1970. Т. 44. С. 579.

⁸ Cieślński M. Piękniej niż w życiu: Polska Kronika Filmowa 1944–1994. Warszawa: Wydawnictwo Trio, 2006.

Общество польско-советской дружбы (негосударственный орган). Особое внимание камеры было обращено на надпись: «Считает ли СССР польские границы окончательными? Сталин: Так есть. Москва. 29.10.1946». На кадрах кинохроники хорошо видно, как заполнен зал и кто присутствует на праздновании⁹.

Через год в той же польской кинохронике теме годовщины Революции посвятили больше минуты времени. Показаны, в частности, люди, которые возлагали венки к Мемориалу Братства в Варшаве (в фильме использован термин «Мемориал благодарности»), торжественное построение. В фильме видим первых лиц партии и надпись: «Советские рабочие признали польскую государственную границу раз и навсегда». СССР был показан как миролюбивая страна, сообщалось, что участники торжества направили приветствие народам Советского Союза и лично Сталину¹⁰.

В хронике 1947 г. показана благодарность поляков солдатам Красной Армии и подчеркнут авторитет генералиссимуса Сталина.

Иосифу Сталину посвятили еще больше места в хронике 1948 г. В материале на три минуты был показан Штурм Зимнего авторства Эйзенштейна и парад на Красной площади. Сталин был представлен как военачальник, который привел Красную Армию к победе, а после войны вместе с партией перестраивает страну. Остальная часть хроники посвящена молодому поколению Советского Союза¹¹.

В 1949 г. основное внимание было уделено материалу, в котором речь шла о фильме про Ленина, выпущенном к годовщине Революции, а также торжествам по поводу очередной годовщины, в которых приняли участие Болесав Берут и посол СССР в Польше Виктор Лебедев¹².

В материалах за 1950 г. показали польских рабочих, которые готовились отпраздновать годовщину Революции¹³, особое внимание было уделено работникам Новой Хуты и женщинам¹⁴.

⁹ Кинохроника, см.: URL: <http://www.kronikarp.pl/szukaj,18460,tag-689679,strona-2> (дата обращения: 18.06.2017).

¹⁰ Кинохроника, см.: URL: <http://www.kronikarp.pl/szukaj,33778,tag-689679,strona-2> (дата обращения: 18.06.2017).

¹¹ Кинохроника, см.: URL: <http://www.kronikarp.pl/szukaj,20710,strona-2> ; <http://www.kronikarp.pl/szukaj,20734,strona-2> (дата обращения: 18.06.2017).

¹² Кинохроника, см.: URL: <http://www.kronikarp.pl/szukaj,38345,strona-2>. Были также материалы в связи с 35-й годовщиной смерти Ленина: URL: <http://www.kronikarp.pl/szukaj,36206,strona-2> ; <http://www.kronikarp.pl/szukaj,36228,strona-2> (дата обращения: 18.06.2017).

¹³ Кинохроника, см.: URL: <http://www.kronikarp.pl/szukaj,12940,strona-1,a6> ; <http://www.kronikarp.pl/szukaj,12936,strona-1,a6> ; <http://www.kronikarp.pl/szukaj,12932,strona-1,a6> (дата обращения: 18.06.2017).

¹⁴ Кинохроника, см.: URL: <http://www.kronikarp.pl/szukaj,12900,strona-1,a6> (дата обращения: 18.06.2017).

Хронику празднования в 1952 г. начали с криков «Берут, Берут!» в спортивном зале, где проходили торжества. А затем кричали «Сталин» и «Да здравствует (СССР)»¹⁵. В отдельном материале показано празднование годовщины Революции во Франции, ГДР и Болгарии¹⁶.

Через год (1953) Революции посвящено уже 4 с половиной минуты (показ юбилейного парада в Москве). В отдельном материале под названием «Дары ноября» мы узнаем о достижениях польских работников, связанных с Великим Октябрем, например, об открытии театра «Ленинград» в Гданьске, и др.¹⁷

В материале 1957 г. показали торжества в Конгресс-холле и сопутствующие мероприятия: встречи партизан с ген. Ковпаком, выставку советских революционных плакатов и кинофестиваль¹⁸.

В 1963 г. хроника под заглавием «46-летие Революции. Технология семилетки» рассказывала о технических достижениях Советского Союза¹⁹.

50-летие Революции в 1967 г. было темой нескольких материалов. Первый показывал историю Революции в СССР и реконструкцию страны, тут же упомянули об участии поляков в Революции. Было подчеркнуто, что поляки обрели свободу в 1945 г., потому что в 1917 г. в СССР произошла Революция²⁰. Другие материалы были посвящены торжествам в Варшаве²¹ и параду в Москве²², а следующим был фильм об открытии памятника революционного движения в городе Сосновец²³.

В 1972 г. в материале «Борьба за социализм» показано, как благодаря Революции Россия (СССР) перестала быть отсталой страной и стала современной²⁴, показан также парад Победы в Москве²⁵.

¹⁵ Кинохроника, см.: URL: <http://www.kronikarp.pl/szukaj,20504,strona-3> (дата обращения: 18.06.2017).

¹⁶ Кинохроника, см.: URL: <http://www.kronikarp.pl/szukaj,20528,strona-3> (дата обращения: 18.06.2017).

¹⁷ Кинохроника, см.: URL: <http://www.kronikarp.pl/szukaj,20398,strona-1,a3> (дата обращения: 18.06.2017).

¹⁸ Кинохроника, см.: URL: <http://www.kronikarp.pl/szukaj,27466,strona-2> (дата обращения: 18.06.2017).

¹⁹ Кинохроника, см.: URL: <http://www.kronikarp.pl/szukaj,54281,strona-1,a2> (дата обращения: 18.06.2017).

²⁰ Кинохроника, см.: URL: <http://www.kronikarp.pl/szukaj,53593,strona-2> (дата обращения: 18.06.2017).

²¹ Кинохроника, см.: URL: <http://www.kronikarp.pl/szukaj,31230,strona-2> (дата обращения: 18.06.2017).

²² Кинохроника, см.: URL: <http://www.kronikarp.pl/szukaj,35990,strona-2> (дата обращения: 18.06.2017).

²³ Кинохроника, см.: URL: <http://www.kronikarp.pl/szukaj,54017,strona-3> (дата обращения: 18.06.2017).

²⁴ Кинохроника, см.: URL: <http://www.kronikarp.pl/szukaj,32380,strona-3> (дата обращения: 18.06.2017).

²⁵ Кинохроника, см.: URL: <http://www.kronikarp.pl/szukaj,32384,strona-3> (дата обращения: 18.06.2017).

В 1978 г. в фильме «Дружественный визит» поместили информацию о визите Эдварда Герека в Москву и отметили, что он получил от Леонида Брежнева орден Октябрьской Революции²⁶. В главном фильме, посвященном годовщине Революции, мы видим счастливых советских детей, счастье им принесла, разумеется, Революция. В противовес этому были использованы фотографии бедных и голодных детей в период царской России. Вторая часть посвящена достижениям Советского Союза, показу польско-советского сотрудничества, в том числе совместного полета в космос, с комментарием: «Это наследие Великого Октября»²⁷.

В 1987 г. фильм был очень длинным, длился почти 10 минут. Он был назван «Дорогами перемен». Из него мы узнаем, что в СССР началась новая глава истории — перестройка, в фильме были представлены элементы традиции и современность (Арбат и Pepsi Cola). Фрагменты были сняты в Сибири и кавказских республиках. В конце фильма мы слышим: «Чарующая красота страны большого количества народов переживает вторую молодость. Мы должны внимательно следить за ней, молодежь выступает за перемены, которые и нам близки»²⁸.

На основе выбранных хроник²⁹ мы можем сказать, что годовщина Революции не была доминирующей темой. В начальный период внимание хроникеров ПНР сосредоточено на главном торжестве, затем шел обязательный показ рабочих на производстве, парада в Москве. Однако обычно годовщина Революции была лишь поводом для того, чтобы представить достижения Советского Союза и советско-польского сотрудничества.

Сама методика, которую использовали авторы, менялась на протяжении времени от ненавязчивой пропаганды до агрессивной и даже осторожной. Конечно, хроники не являлись единственным методом воздействия власти на формирование памяти поляков о Революции³⁰. Однако в связи с эффективностью именно кино, оно имело ключевое значение в передаче тех или иных идей³¹.

²⁶ Кинохроника, см.: URL: <http://www.kronikarp.pl/szukaj,36026,strona-3> (дата обращения: 18.06.2017).

²⁷ Кинохроника, см.: URL: <http://www.kronikarp.pl/szukaj,36594,strona-3> (дата обращения: 18.06.2017).

²⁸ Кинохроника, см.: URL: <http://www.kronikarp.pl/szukaj,21896,strona-3> (дата обращения: 18.06.2017).

²⁹ Доступны в Интернете, см.: URL: <http://www.kronikarp.pl> ; <http://www.repozytorium.fn.org.pl>.

³⁰ Популярным способом была наглядная пропаганда, см., например: http://zbiory.mprl.pl/muzealia/?advanced_form=1&adv_kolekcja=Plakaty,%20afisze:%20Roznicowe_ (дата обращения: 18.06.2017).

³¹ Хронике показывали не только в кино, но и по телевидению, см.: *Pleskot P. Wielki mały ekran : telewizja a codzienność Polaków w latach sześćdziesiątych*. Warszawa : Wydawnictwo Trio, 2007. С.49–61.

Пропаганда имени Ленина нередко вызывала протест. Одной из идей группы несогласных был план по взрыву музея и памятника Ленину в Поронине³².

В 1989 г. с приходом к власти «Солидарности» и падением коммунизма в Польше в течение года памятники Ленину были снесены³³, а музеи ликвидированы. В учебниках изменилась подача Революции, в сознании поляков начала стираться память о Революции как важном историческом факте.

В. В. Чурзин: 1917 год и Польша тесным образом взаимосвязаны, как, собственно говоря, и Первая мировая война. Ведь война между участниками раздела Польши означала восстановление Польши, поэтому вся польская диаспора вообще была сторонницей этой войны, я так понимаю, иначе говоря, имела в этом собственный интерес. И Польша вышла как птица Феникс из пепла в семнадцатом году, как независимое государство, и вот возникает вопрос — повторяется ли история, — а история повторяется, собственно говоря, крушение социализма, а затем и Советского Союза означало ликвидацию Варшавского договора. И Польша является, так сказать, краеугольным камнем внешней политики в Восточной Европе. И возникает вопрос: какая у них вообще историческая память? Т. е. они считают, что Польша ни при чем, все время позиционируют себя так: «польская правда выше правды других стран». Виновата во всем Россия. Возникает вопрос к докладчику: а знает ли он, что в революционном руководстве Советской власти было полно поляков, начиная с жены Ленина и кончая Дзержинским, Менжинским и прочими деятелями, которые осуществляли жестокие расправы с политическими противниками. Достаточно сказать, что была осуществлена золотая мечта Дзержинского, который признавался, что в детстве у него была «идея фикс» — иметь шапку-невидимку, надев которую, можно было уничтожить москалей. И фактически такая шапка у него появилась, когда он стал председателем ВЧК. Да, так вот речь идет о том, что они совершенно не принимают на себя долю ответственности за семнадцатый год. Они все списывают 1863-м годом, 1830-м годом, мол, были расправы. Но за этим стоял раздел Киевской Руси со стороны поляков, который значительно дольше сохранялся, собственно говоря, чем раздел Польши, — всего 100 лет, в то время как Киевская Русь была на несколько столетий расчленена поляками. Вот об этом они совершенно не вспоминают. Т. е.

³² Działania Służby Bezpieczeństwa wobec organizacji «Ruch» / wstęp, wybór i oprac. P. Byszewski. Warszawa : Instytut Pamięci Narodowej. Komisja Ścigania Zbrodni przeciwko Narodowi Polskiemu, 2008 (документы Службы безопасности, судебные показания).

³³ Краковский (новохутский) памятник был продан в Швецию, а поронинский в музей социализма в Козловку возле Люблина.

у них, создается впечатление, короткая память, и Польша превыше всего, она имеет право быть выше всех. Я хотел бы задать вопрос господину Семпловичу: как они, поляки, смотрят на свою роль в Восточной Европе? Потому что эта роль сводилась к тому, чтобы установить эту «от можа до можа» державу свою, Речь Посполиту, и до сих пор они об этом твердят. В здравой ли они и твердой памяти находятся?

В. В. Носков: Ваш вопрос пространный, он дает тему для обсуждения целой секции. Я, разумеется, не могу за докладчика отвечать, хотя, очевидно, помню некоторые элементарные факты. Говорить о польском историческом сознании как о каком-то едином феномене, конечно, не приходится. Если мы возвращаемся в семнадцатый год, — Польша расчленена — австрийская, германская, российская. Везде своя элита, причем элита, уже совершенно ориентированная на эти соперничающие государства. Было подпольное революционное движение, протестное движение, и в Царстве Польском, т. е. бывшем Царстве Польском. И мы знаем, что достаточно много поляков было интегрировано в государственную, военную структуру России, в том числе и в завоевании Кавказа и Средней Азии поляки с большим удовольствием участвовали. В Сибири ссыльные поляки создали культуру, это признается современной историографией, — там, где собирались ссыльные интеллигентные поляки, они создавали очаги культуры по всей Сибири, где их по царской воле расселяли.

В Австрии польская элита, по крайней мере аристократическая, была полностью интегрирована в правящий класс. И там, как известно, довольно хорошо играли на польско-украинских противоречиях, хотя самоназвание этого народа — русины, и я даже слышал самоназвание «русины», самоназвание от коллеги из Львова, что я, мол, русин. Значит, для того, чтобы держать в повиновении это огромное русинское население, польская аристократия была интегрирована, она была лояльна австрийской монархии. Может быть даже, из трех частей Польши эта была самая лояльная своему государству.

В Германии была другая ситуация, полякам там, может быть, приходилось хуже всего, но, пожалуй, значительная часть аристократии была интегрирована в правящий германский класс и не помышляла о независимости. Существовало, конечно, мощное культурное движение польское за сохранение польского языка и культуры, и это была та почва, которая в любой момент могла дать всходы. Мы знаем, 1914 год открыл, так сказать, сезон плодоношения. И опять же я вспомню эпизод из той войны — польские легионы были в германской армии, и польские же легионы были в российской армии. Причем в российской армии были и другие славянские формирования, по образцу Чехословацкого легиона существовал Сербский легион, и Польский легион из числа военнопленных, которые воевали на стороне России. И эти польские части, кстати, стали основой вооруженных сил возрождающейся Польской республики начиная с конца 1917 г. Сначала они

просто вышли из повиновения российским властям, особенно после Октября, и им дали возможность отступить туда, а дальше разные части уже сами решали. Кто-то принимал участие в Гражданской войне, какие-то польские части дошли вплоть до Волги. Какие-то сосредоточились на обороне своих территорий. И опять же можно говорить об огромных различиях. Например, одни требовали возрождения Речи Посполитой в старых границах, другие понимали, что никаких старых границ, дай Бог, чтобы хоть в каких-то. Вы понимаете, что я останавливаюсь на событиях семнадцатого года очень схематично. Вы видите, основу для того, чтобы историческая память поляков была фрагментированной, раздробленной, неорганизованной. Дальше Вторая Речь Посполитая, — там своя культура, это уже другое. А данный доклад был посвящен Народной Польше. В Народной Польше все, о чем я говорил, можно забыть. Это касается эмиграции. А Польское народное государство, Польская Народная республика создавала свою идеологию, формировала иную идеологическую память. И то Польское государство, которое сейчас возникло, — оно возникло на отрицании той исторической памяти, которая была сконструирована в период Польской Народной республики. Это, как мы знаем, пример не единичный, к сожалению. На отторжении — «до основанья, а затем», — примерно такова ситуация, как я ее понимаю.

Я думаю, что мы больше не будем полемизировать с нашим польским коллегой (*смех в зале*). Если во время общей дискуссии останется немного времени, думаю, то речь пойдет и про эти сложнейшие вопросы. Польша и Финляндия — две, как их называли тогда, окраины, две автономные части Российской империи, которые добились независимости именно с семнадцатым годом, причем продемонстрировав две совершенно разные модели достижения независимости и различные модели сосуществования с бывшей империей вплоть до сегодняшнего дня. Это очень интересная и плодотворная тема.

**Г. Гидони:
проект Свето-памятника 10-летию
Октябрьской революции**

Летом 1926 г. художник Григорий Гидони¹ и скульптор Наум Могилевский² начали работу над проектом грандиозного сооружения светоархитектуры — Свето-памятника. В ноябре 1926 г. модель памятника была готова, о чем сообщалось в вечернем выпуске «Красной газеты»³. В январе 1927 г. фотография модели и комментарии к ней были опубликованы в журнале «Экран» В. Кейлиным⁴ (см. рис. 1). Первоначально Свето-памятник имел посвящение В. И. Ленину (или Ильичу, как это следует из названия статьи Кейлина) и 10-летию Октябрьской революции. Однако, по всей вероятности, в начале 1927 г. между скульптором и художником произошла размолвка, и далее художник, несколько изменив концепцию памятника (главным образом за счет удаления из композиции фигуры Ленина), действовал в продвижении его и создании внушительных размеров новой модели без участия Н. Могилевского. С этого времени памятник все чаще фигурировал под названиями: «Свето-памятник Октябрьской революции», «Свето-памятник X-летия Октябрьской революции», «Октябрьский Свето-памятник», «Свето-памятник Октябрю», «Световой памятник Революции». В связи с этими обстоятельствами уместным представляется разделить работу на два самостоятельных проекта: в первом из них, под общим названием «Свето-памятник В. И. Ленину», принимали участие Г. Гидони и Н. Могилевский; в разработке и создании модели второго (Свето-памятник 10-летию Октябрьской революции) участвовал Г. Гидони со своими помощниками.

Н. Могилевский считал, что вторая модель мало чем отличалась от первой, поэтому он должен был быть упомянут в качестве соавтора

¹ Григорий Иосифович Гидони (1895–1937) — график, историк искусства, изобретатель свето-оркестра. Подробнее о нем см.: Галеев, 1999; Галеев, 2002; Колганова, 2012; Колганова, 2015; Galeev, 2000; Kolganova, 2015.

² Наум Шнеерович (Семенович) Могилевский (1895–1975) — скульптор, представитель «матвеевской школы». Так же как и Г. Гидони, обучался в Рисовальной школе Императорского Общества поощрения художеств. В 1922 г. закончил скульптурный факультет Академии художеств. Г. Гидони поступил в Академию художеств также в 1918 г. (класс гравюры и офорта). О Н. Могилевском см. подробнее: Наум Могилевский, 1981; Наум Могилевский, 1996.

³ Б. К. Свето-памятник X-летию Октябрьской революции // Красная газета. Веч. вып. 1926. 27 нояб. № 282. С. 4.

⁴ Кейлин В. Световой памятник Ильичу // Экран : еженедельный журн. «Рабочей газеты». 1927. № 4. 23 янв. С. 12.

и получить часть средств, отпущенных на ее изготовление⁵. В связи с этим по инициативе скульптора при секции ИЗО Ленинградского СОРАБИСа была создана экспертная комиссия и состоялось несколько заседаний с приглашением свидетелей с обеих сторон⁶ и выездом на квартиру Гидони (Фонτανка, 28, кв. 11) для осмотра новой модели Свето-памятника.

Работа над моделью Свето-памятника 10-летию Октябрьской революции проходила при финансовой поддержке Главнауки, интересовавшейся проектом «с точки зрения исследовательской» и рассматривавшей возможность его «применения к празднованию X-летия Октября»⁷. С апреля по октябрь 1927 г.⁸ Гидони вместе с нанятыми техническими сотрудниками (в частности с [?] Зелькенштерном) подготовили объемную (приблизительно в полтора человеческого роста) модель Свето-памятника, а также модели двух скульптур. Рисунок модели памятника был опубликован 11 ноября в газете «Ленинградская правда»⁹ (см. рис. 2).

В качестве консультанта по светотехнической части Гидони привлек заведующего фотометрической лабораторией Оптического института С. О. Майзеля¹⁰, с которым художника связывали и другие проекты в области синтеза науки и искусства, в том числе работа по созданию при Академии наук СССР «Института изучения света и краски». В итоге модель была представлена Октябрьской Комиссии для рассмотрения проектов украшения к октябрьским торжествам (см. рис. 3).

В своем жизнеописании, сохранившемся в архиве Института истории искусств, художник отмечал, что «в окончательном виде модель Свето-памятника вместе с помещенным в ней устройством будущего “свето-театра” (предназначенного для светомузыкального, свето-хореографического и пр. исполнения), — была выставлена на юбилейной сессии ЦИК СССР во дворце Урицкого (бывшем Таврическом)» (Колганова, 2012). По сообщению корреспондента газеты «Вечерняя Москва», Свето-памятник был выставлен в вестибюле дворца, так что ни один участник сессии не прошел мимо этого сооружения. В связи с демонстрацией модели в дни празднования 10-летия Октябрьской революции и в период ее подготовки к показу в прессе появился ряд отзывов. Если суммировать информацию о проекте Свето-памятника по этим заметкам и дополнить ее сведениями из архивных источников, то можно получить достаточно подробное его описание.

⁵ ЦГАЛИ СПб. Ф. 283. Оп. 2. Д. 1795. Л. 78.

⁶ Среди свидетелей, в частности, был Казимир Малевич, к которому Гидони и Могилевский обращались с предложением о сотрудничестве.

⁷ ЦГАЛИ СПб. Ф. 283. Оп. 2. Д. 1795. Л. 85.

⁸ Там же. Л. 78.

⁹ Свето-памятник X-летию Октябрьской революции // Ленингр. правда. 1927. 11 нояб. № 257. С. 5.

¹⁰ Сергей Осипович Майзель (1882–1955) — физик, светотехник; засл. деятель науки и техники.

С идеологической стороны Свето-памятник был призван передать величие Октябрьской революции¹¹; связать возникающий революционный стиль с великолепием стиля «Петербургского периода»¹²; отразить мощь пролетариата и великого вождя революции, что, как отмечалось в прессе, обычный тип памятника-статуи разрешить едва ли мог¹³. Современники писали также о том, что «Свето-памятник поражает грандиозностью замысла автора и удачно соединяет в себе остроумие конструкции с идеологической задачей, в полной мере социалистической»¹⁴.

Кроме идеологического «Свето-памятник» имел и геральдическое значение¹⁵. Все сооружение составлялось из трех колоссальных частей — серпа, молота и шестерни¹⁶. Центром проекта был гигантский глобус — земной шар, сделанный из матового стекла и двойных тавровых балок. Как сообщалось в прессе, о размерах этого глобуса можно судить по тому, что купол ленинградского цирка¹⁷ может составить только один его небольшой отрезок¹⁸. Путем рельефной скульптуры на оболочке глобуса предполагалось нанести материки, моря, а также границы всех государств мира. Дополняла внешний вид глобуса надпись: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»¹⁹.

Наиболее полно Свето-памятник был представлен в журнале «Огонек» в статье известного музыковеда, публициста и переводчика Е. М. Браудо. Здесь же была опубликована единственная известная нам фотография модели Свето-памятника (см. рис. 3).

Автор публикации дал следующее описание Свето-памятника: «По проекту, каждая из частей памятника должна была служить прикладным целям: внутри железной конструкции, представляющей собой нижнюю часть серпа, и в стержне молота располагается многоэтажное помещение для устройства выставок. Центр проекта — гигантский глобус из матового стекла — вместит в себе громадный театр на две тысячи посетителей. Прозрачный глобус будет одновременно являться и светооркестром, выполняя

¹¹ Свето-памятник X-летию Октябрьской революции // Ленингр. правда. 1927. 11 нояб. № 257. С. 5.

¹² «Арки, великие арки России и Деламотта, не будут краснеть от стыда за новое, железное свое детище», — писал В. Пяст (*Пяст В.* Светопамятник Гидони // Красная газета. Веч. вып. 1927. 18 сент. № 252. С. 4).

¹³ Там же.

¹⁴ Архив Физико-технического института им. А. Ф. Иоффе РАН. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 489.

¹⁵ Светопамятник Октябрьской революции // Веч. Москва. 1927. 24 окт. № 243. С. 2.

¹⁶ *Браудо Е.* Свет и музыка // Огонек. 1928. 30 сент. № 40 (288). С. 15.

¹⁷ Дом, в котором жил художник, как раз и располагался неподалеку от ленинградского цирка.

¹⁸ Светопамятник Октябрьской революции // Веч. Москва. 1927. 24 окт. № 243. С. 2.

¹⁹ Там же.

при помощи сложных механизмов постоянно меняющуюся гамму цветов. Находящиеся на балконах верхней галереи и вышки зрители смогут видеть идущую в театре пьесу наряду с находящимися внутри глобуса»²⁰.

Итак, центр конструкции — гигантский глобус, вмещающий в себя **театр** и одновременно являющийся свето-оркестром. Как писал В. Пяст²¹, в южном, нижнем полушарии автор предполагал также разместить **кинотеатр**. «Это будет странный шар из стекла, весь прозрачный, светящийся. На первых ваших шагах по пологой спиральной лестнице вы будете идти вдоль южного полушария, которое будет занято кино, и ваш глаз встретит мелькание экрана, который будет сквозной, равно видимый для зрителей внутреннего нижнего зала, как и для поднимающихся вокруг шара наверх»²².

В северном, верхнем полушарии глобуса по проекту располагался театр с площадкой для актеров в середине. Вращающаяся сцена театра²³ должна была состоять из четырех площадок, представления на которых могли идти одновременно²⁴. «Места для зрителей будут возвышаться уступами со всех сторон площадки, путь на которую для играющих возможен снизу, а не с боку, как в наших амфитеатрах. В этих местах стекло будет играть переменною цветов, согласно тем “свето-оркестровым” изменениям освещения, которые будут восприниматься внутри зала следящими за голосами и движениями актеров зрителями»²⁵.

Для создания более полного представления о **свето-оркестре** приведем следующие фрагменты из газетных заметок: «Прозрачный глобус будет одновременно являться и свето-оркестром, выполняя при помощи сложных электротехнических механизмов постоянно сменяющуюся разнообразную гамму цветов. Все внутренние помещения памятника помимо своего собственного освещения будут освещаться отраженным светом глобуса»²⁶. «Светооркестровый аппарат имеет двойное назначение: во-первых, он освещает все архитектурное целое и окружающее пространство, во-вторых, пользуясь красочными партитурами, дает либо самостоятельное, либо совместно с музыкальными исполнителями симфонических концертов или громкоговорятелей — светокрасочные музыкальные “светоконцетры”»²⁷. «Внутри шар заполнен светом, меняющим свою окраску в подобранной тональ-

²⁰ Браудо Е. Свет и музыка.

²¹ Владимир Алексеевич Пестовский (1886–1940) — русский поэт-символист, прозаик, литературный критик, переводчик, один из биографов А. Блока.

²² Пяст В. Светопамятник Гидони.

²³ Архив Физико-технического института им. А. Ф. Иоффе РАН. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 489.

²⁴ Свето-памятник X-летию Октябрьской революции // Ленингр. правда. 1927. 11 нояб. № 257. С. 5.

²⁵ Пяст В. Светопамятник Гидони.

²⁶ Свето-памятник X-летию Октябрьской революции // Ленингр. правда. 1927. 11 нояб. № 257. С. 5.

²⁷ Б. К. Свето-памятник X-летию Октябрьской революции.

ности»²⁸. Свето-оркестр приводится в действие при помощи аппарата, управляемого электричеством. «Этот аппарат есть окончательная разработка световых декораций, изобретенных в 1920 году. 24 клавиши передают “и г р у” света и краски различной мощности...»²⁹.

Таким Гидони видел изобретенный им свето-оркестр в действии. Для свето-оркестра был подготовлен ряд аранжировок: отрывок из «Интернационала», переложенный на светокрасочную «музыку», «Марсельеза», финал 9-й симфонии Л. ван Бетховена, фрагмент световой строки которого был впервые представлен на почтовой карточке, вышедшей в 1927 г. к 100-летию со дня смерти композитора³⁰, «Прометей» А. Скрябина (строка «Luce» была расшифрована по системе Гидони Г. М. Римским-Корсаковым). Созданные светоцветовые аранжировки были частично опубликованы (Искусство света и цвета, 1930; Римский-Корсаков, 1926)³¹.

Кроме размещенных в глобусе — театра, кино и объединяющего их свето-оркестра — художник продумал прикладные функции и других частей Свето-памятника: «пять этажей серпа и девять этажей молота могли служить постоянным *выставочным помещением* для продукции промышленности Союза»³². «Верхняя часть молота, самый молоток будет служить местом устройства *ленинского уголка*, на крыше которого создается причал для самолетов и дирижаблей»³³. «Верхушка молота — *радиостанция, прожекторная и аэродром*. Что касается шестерни, то верхняя ее половина представляет собой балконы, а нижняя — *газоубежище*»³⁴. «Верхняя часть серпа, обнимающая гигантский глобус, по мысли автора проекта, представляет собой громадную галерею-площадку, где устраиваются гулянья, размещаются павильоны организаций и т. д.»³⁵. «Как переход к этому памятнику, у подножия “глобуса” также бронзовый памятник, вместе с пьедесталом вышиною в полтора этажа, а с другой стороны сооружения — другая большая бронза. Г. И. Гидони сам вылепил модели этих *скульптур*,

²⁸ Светопамятник Октябрьской революции // Веч. Москва. 1927. 24 окт. № 243. С. 2.

²⁹ Кейлин В. Световой памятник Ильичу.

³⁰ Почтовая карточка из личного архива внучатого племянника Г. Гидони — Г. Копельман-Гидони опубликована в следующей статье: Kolganova, 2015.

³¹ К сожалению, не все из них в настоящее время удалось разыскать. В частности, не найдена вышедшая отдельным изданием светоцветовая аранжировка «Интернационала». Фрагмент ее опубликован в упомянутой нами статье В. Кейлина.

³² Светопамятник Октябрьской революции // Веч. Москва. 1927. 24 окт. № 243. С. 2.

³³ Свето-памятник X-летию Октябрьской революции // Ленингр. правда. 1927. 11 нояб. № 257. С. 5.

³⁴ Светопамятник Октябрьской революции // Веч. Москва. 1927. 24 окт. № 243. С. 2.

³⁵ Свето-памятник X-летию Октябрьской революции // Ленингр. правда. 1927. 11 нояб. № 257. С. 5.

одна из которых изображает рвущего свои цепи раба или Прометея <...> По подпоркам Гидониевой арки будут вздыматься вверх быстрые лифты, унося сотни желающих совершить прогулку вокруг земного шара людей»³⁶. «Внизу, вокруг шара, предполагается десять корпусов огромных зданий для промышленно-художественных выставок»³⁷.

До реализации идеи, казалось бы, оставалось совсем немного: Главнаукой выделены деньги на изготовление масштабной модели Свето-памятника; она демонстрируется делегатам Юбилейной сессии ЦИК СССР; проект одобрен в прессе; сам Гидони упоминает положительный отзыв А. В. Луначарского о своей работе в целом³⁸. По воспоминаниям современников, кроме А. В. Луначарского макет памятника видели Киров и Сталин (Галеев, 1990). Однако данная информация не подтверждается пока архивными документами. «Это будет в Ленинграде в близком будущем. Не может не быть: жители СССР, твердо верится, соберут для этого необходимую сумму», — пишет В. Пяст³⁹. Есть надежда осуществить идею к Всемирной электротехнической выставке в Ленинграде в 1929 г.⁴⁰ Из планируемых мест установки наиболее часто упоминается пл. Урицкого (Дворцовая площадь) и пл. Жертв Революции (Марсово поле). «Гигант на Марсовом поле» — так называется один из разделов статьи Пяста о Свето-памятнике. Корреспондент «Вечерней Москвы» уточняет план размещения: «равносторонний треугольник, описанный вокруг ограды могил на площади Жертв Революции; основания серпа молота и шестерни — в углах треугольника»⁴¹.

Еще в пору сотрудничества Гидони и Могилевского продуманы были несколько вариантов Свето-памятника, в том числе портативный. Читаем в связи с этим у В. Кейлина: «один из них представляет собой световой памятник небольших размеров. Он может быть поставлен в клубах, красных уголках и домпросветах. При массовом производстве такой памятник будет стоять с полным набором светооркестра 75–100 р.»⁴²

Однако что-то идет не так. Проект отклонен на основе постановления Художественного Сопределения при Октябрьской Комиссии — «модель, построенная на искусственном, в основе неправильном применении геральдических мотивов (серп и молот) к монументальным формам сооружения, не разрешает задачи монументального памятни-

³⁶ Пяст В. Светопамятник Гидони.

³⁷ Архив Физико-технического института им. А. Ф. Иоффе РАН. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 489.

³⁸ Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 2. Оп. I-1926. Ед. хр. 7. Ч. II. Л. 137–164.

³⁹ Пяст В. Светопамятник Гидони.

⁴⁰ Браудо Е. Свет и музыка.

⁴¹ Светопамятник Октябрьской революции // Веч. Москва. 1927. 24 окт. № 243. С. 2.

⁴² Кейлин В. Световой памятник Ильичу.

ка Октябрю»⁴³. Экспертная комиссия при секции ИЗО Ленинградского СОРАБИСа вынесла следующее решение: «1) Участие Могилевского в части архитектурно-технической в работе над проектом считать доказанным со всеми вытекающими отсюда последствиями; 2) Расходование государственных средств на подобные дилетантского характера работы даже в стадии их проектирования — считать нецелесообразным»⁴⁴. В заключении комиссии отмечается также то, что «в отношении технического, проект является явно дилетантской работой авторов, не знакомых с элементарной статикой сооружений для указания необходимости третьей точки опоры потребовался посторонний совет проф. Бенуа и Дружинина»⁴⁵.

Тем не менее интерес к Свето-памятнику 10-летию Октябрьской революции даже спустя многие годы не ослабевает. В год 70-летия Октябрьской Революции силами Худфонда ТАССР (модель) и казанского СКБ «Прометей» (светотехническое и электронное оснащение) под руководством Б. М. Галеева была осуществлена реконструкция модели Свето-памятника (Галеев, 1999). Ее представили на выставке Всесоюзной школы-фестиваля «Свет и музыка» на фоне росписей со знаменитым памятником III Интернационалу В. Татлина (см. рис. 4).

В ноябре нынешнего года — года столетия Октябрьской Революции — проект Свето-памятника будет представлен за пределами России. Проект включен в программу архитектурной выставки «Между небом и Землей: глобус и архитектор». Выставка, куратором которой является архитектор Ян Роше, пройдет с ноября 2017 г. по март 2018 г. в Париже.

Литература

Галеев, 1990 — *Галеев Б. М.* От светового памятника Революции — к Дворцу советов (о трагическом пути художника Г. И. Гидони) // *Свет и звук в архитектуре*. Казань, 1990. С. 32–36.

Галеев, 1999 — *Галеев Б. М.* «Я памятник воздвиг...» : (О пионере светового искусства Г. Гидони) // *День и ночь* : Литературный журнал для семейного чтения. Красноярск, 1999. № 4. URL: <http://www.krasdin.ru/1999-4/s034.htm> (дата обращения: 06.04.2017).

Галеев, 2002 — *Галеев Б. М.* Художник Гидони — пионер искусства света и цвета // *Галеев Б.* Искусство космического века : Избранные статьи. Казань, 2002. С. 186–207.

Гидони, 1930 — *Гидони Г. И.* Искусство света и цвета : Введение. Л. : Изд. автора, 1930. 32 с.: ил.

Колганова, 2012 — *Колганова О. В.* «Curriculum vitae» Григория Иосифовича Гидони : документ из архива Российского института истории

⁴³ Цит. по: ЦГАЛИ СПб. Ф. 283. Оп. 2. Д. 1795. Л. 86.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Цит. по: ЦГАЛИ СПб. Ф. 283. Оп. 2. Д. 1795. Л. 86.

искусств (1928) // Временник Зубовского института. СПб., 2012. Вып. 8. С. 74–87.

Колганова, 2015 — Колганова О. В. Звуко-световые эксперименты Г. И. Гидони // Сравнительное искусствознание — XXI век. СПб., 2015. Вып. 1, ч. 2. С. 163–169.

Наум Могилевский, 1981 — Наум Семонович Могилевский (1895–1975) : выставка произведений : каталог / авт. вступ. ст. и сост. Л. П. Шапошникова ; ред. Л. В. Мочалов. Л.: Художник РСФСР, 1981. 12 с.

Наум Могилевский, 1996 — Наум Могилевский : кат. выст. / авт.-сост. Т. Мантурова, Н. Попова ; авт. вступ. ст. Т. Мантурова. СПб. : Palace ed. : Киблицкий (Германия), 1996. 31 с.

Римский-Корсаков, 1926 — Римский-Корсаков Г. М. Расшифровка световой строки Скрябинского «Прометея» // De musica : временник отдела теории и истории музыки. Л., 1926. С. 94–99.

Galeyev, 2000 — Galeyev B. M. Grigory Gidoni: Another Renascent Name // Leonardo. 2000. Vol. 33, N 3. P. 207–213. URL: http://prometheus.kai.ru/gidoni_e.htm (дата обращения: 31.03.2017).

Kolganova, 2015 — Kolganova O. Light-Sound Experiments by Grigory Gidoni: from Light-orchestra to Light-monument // Sociocultural Crossings and Borders: Musical Microhistories. Vilnius, 2015. P. 510–519.

М. М. Сафонов: Что значит «Этот памятник мог бы стоять на Марсовом поле, но что-то пошло не так»? Что именно «пошло не так»?

О. В. Колганова: А вот это я как раз пропустила. Я могу прокомментировать. В постановлении творческого совещания Октябрьской Комиссии говорится: «Модель построена на основе “искусственного”, нейтрального применения геральдических мотивов, без применения идеологически нагруженных элементов типа серп и молот». Это из документов той самой экспертной комиссии, которая разбирала споры между Могилевским и другими соавторами. Расходование государственных средств на подобные дилетантские работы, пусть даже на стадии их проектирования, было признано нецелесообразным. Тут Главнаука вступала в противоречие с Художественной комиссией, с СОРАБИСом, с его ленинградским отделением, изобразительного искусства. Тем не менее интерес к памятнику не ослабевал и памятник стал известен в других странах тоже. Интересно, что Россия представляет в этом году, в 2017-м, памятный проект, связанный с этим.

В. В. Носков: Какой интерес к этому проявился, если модель памятника демонстрировали? Где именно демонстрировали?

О. В. Колганова: В Казани.

**Революция 1917 г.
и ленинградский досуг в 1950–1960-е гг.**

Октябрь 1917 г. — время рождения Советского государства. В силу этих обстоятельств в учебных заведениях на занятиях по истории учащимся объяснялось значение революции 1917 г. Завершив обучение и устроившись на работу, они продолжали знакомство с историей Великого Октября через систему партийных организаций, которые были на каждом предприятии Ленинграда. И, конечно, все обыватели, несмотря на возраст, образование, место работы участвовали в массовых демонстрациях 7 ноября.

Но вся эта работа по пропаганде революционных событий проходила в учебное или рабочее время, исключая, конечно, 7 ноября. Это приводило к ограниченности во времени и инструментарии, а мотивация при получении новых знаний о 1917 г., особенно у работающих людей, оказывалась не на самом высоком уровне.

Значительно расширить временные возможности по популяризации октябрьских событий позволял досуг, а культурно-просветительные учреждения вносили разнообразие в механизм пропаганды революции 1917 г.

В садово-парковых комплексах, музеях, домах и дворцах культуры, клубах, кино, театрах работа с обывателем выстраивалась с учетом культурного, образовательного, профессионального, возрастного уровня и других особенностей, поэтому формы работы по пропаганде революции 1917 г. становились для посетителей более интересными и понятными¹.

Для посетителей культурно-просветительных учреждений проводились лекции, экскурсии по городу, организовывались выставки и вечера, в кинотеатрах проходили демонстрации документальных и художественных фильмов о революции и т. д. В качестве примера можно привести работу ЦПКиО им. С. М. Кирова в летний сезон 1958 г. На его базе проводились выставки «Знай и люби свой город» и «Их имена в истории города». Они посвящались революционным традициям, местам и участникам октябрьских событий².

¹ Например, для молодежи проводились комсомольско-молодежные вечера, на которые приглашались участники Октябрьской революции (см.: Отчет о культурно-просветительной и политико-массовой работе Павловского парка за летний сезон 1958 г. // Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (далее — ЦГАЛИ СПб). Ф. 105. Оп. 1. Д. 733. Л. 72).

² Конференция посетителей парка ЦПКиО им. С. М. Кирова от 7 сентября 1958 г. // ЦГАЛИ СПб. Ф. 105. Оп. 1. Д. 738. Л. 5.

В делопроизводственных документах и протоколах партийных собраний культурно-просветительных организаций на протяжении 1950-х гг. периодически поднимался вопрос о поиске новых методов и форм в работе с ленинградцами. Многочисленные призывы возымели действие, и к началу 1960-х гг. учреждения культуры смогли разработать новые виды отдыха.

Одной из новых форм проведения свободного времени для обывателей стали «Дни революционных традиций». Например, подобное мероприятие проходило в стенах ДК им. А. М. Горького в 1962 г. День делился на две части — в первой половине участники совершали автобусную экскурсию по революционным местам, встречались со старыми большевиками и участниками революционных событий, знакомились с историческими и музейными документами, просматривали кинофильмы. Во второй половине дня уже на территории Дворца культуры проходили встречи с ударниками производства и летучими бригадами коммунистического труда, депутатами советов³.

Масштабность и значимость события 1917 г. каждый год подчеркивалась проведением мероприятий, посвященных очередной его годовщине. Например, в 1954 г. в Доме культуры Курортного района проходил вечер, посвященный 37-й годовщине Великого Октября⁴, а в ноябре 1958 г. в честь 41-й годовщины Октябрьской революции в кинотеатрах города демонстрировались фильмы⁵.

Особенно торжественно праздновались юбилейные даты революции: в 1957 и 1967 гг., последний оказался особенно знаковым, на него пришлось 50-летие Октябрьской революции.

Конечно, при праздновании юбилея революции использовались традиционные формы культурно-массовой работы — выставки, тематические вечера, гуляния, встречи, устные журналы и т. д. Отличием от «повседневной» пропаганды революционных событий в юбилейные годы становилась более интенсивная периодичность проведения мероприятий. Насыщенность информационного пространства сведениями о 1917 г. увеличивалась в местах массового отдыха ленинградцев. Например, больше проводилось лекций, встреч с участниками революции и старыми большевиками, экскурсий по революционным местам⁶, танцевальных, молодежных, семейных вечеров отдыха, балов, карнавалов, концертов, турниров, организовывалось коллективное прослушивание граммофонных пластинок с записью речей В. И. Ле-

³ Работа Дворца культуры после XXII съезда КПСС // Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее — ЦГА СПб). Ф. Р-6276. Оп. 273. Д. 1222. Л. 6.

⁴ ЦГАЛИ СПб. Ф. 105. Оп. 1. Д. 208. Л. 4

⁵ Отчет о работе Управления культуры за 1958 г. // ЦГАЛИ СПб. Ф. 105. Оп. 1. Д. 699. Л. 12.

⁶ Культурно-массовая работа профсоюзных организаций за 1957 г. // ЦГА СПб. Ф. Р-6276. Оп. 273. Д. 230. Л. 1,3.

нина, новых советских песен и радиопередач, чтений художественной литературы и т. д.⁷.

В кинотеатрах демонстрировались кинокартины, посвященные революции. Например, «Партия большевиков — организатор и руководитель Великой Октябрьской Социалистической революции»⁸. А театры Ленинграда подготовили ряд спектаклей, в которых основное внимание отводилось роли В. И. Ленина в революционных буднях⁹.

Парки Ленинграда для празднования 40-летия Октября разработали для своих посетителей программу гуляний и встреч с участниками революционных событий¹⁰. В частности, ЦПКиО им. С. М. Кирова проводил встречи посетителей с участниками революционных событий 1905–1917 гг. и старыми рабочими. На них большевик с дореволюционным стажем П. С. Андронов, участник штурма Зимнего дворца А. А. Соболевский, старый путиловский рабочий А. С. Рыбаков и другие рассказывали о встречах с В. И. Лениным, о революционной работе большевиков в дни подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции, о борьбе первых советов за укрепление «молодой Советской республики»¹¹.

Не остались в стороне и музеи. Например, в музее Великой Октябрьской социалистической революции работал кинолекторий, демонстрирующий историко-революционные ленты и фильмы о В. И. Ленине. Проводились пионерские линейки и сборы, собрания комсомольских организаций. Тема мероприятий соответствовала юбилейным торжествам: «Ленинград — колыбель Великой Октябрьской социалистической революции».

На материалах музея проводились семинары для студентов, встречи-беседы и выступления старых большевиков. На базе музея была создана секция старых большевиков, члены которой выступали с воспоминаниями как в музее, так и на предприятиях и в учреждениях города¹².

Вместе с проведением юбилейных мероприятий в местах массового отдыха организовывались торжества и на территории отдельных предприятий Ленинграда. Например, на заводе им. А. Жданова в честь 40-летия Октябрьской революции с марта по октябрь 1957 г. было проведено 156 лекций, на которых присутствовало 11 347 человек. Лекции

⁷ Подготовительная работа к празднованию 40-летия Великой Октябрьской социалистической революции // ЦГА СПб. Ф. Р-6276. Оп. 273. Д. 273. Л. 29.

⁸ Отчет о работе Управления культуры исполкома Ленгорсовета за период с января 1956 г. по ноябрь 1957 г. // ЦГАЛИ СПб. Ф. 105. Оп. 1. Д. 580. Л. 5.

⁹ Отчет о работе Управления культуры за 1957 г. // ЦГАЛИ СПб. Ф. 105. Оп. 1. Д. 581. Л. 16.

¹⁰ Отчет о работе Управления культуры исполкома Ленгорсовета за период с января 1956 г. по ноябрь 1957 г. // ЦГАЛИ СПб. Ф. 105. Оп. 1. Д. 580. Л. 21.

¹¹ Отчет о массовой работе ЦПКиО им. С. М. Кирова за летний сезон 1957 г. (с 25 мая по 22 сентября 1957 года) // ЦГАЛИ СПб. Ф. 105. Оп. 1. Д. 611. Л. 8.

¹² ЦГАЛИ СПб. Ф. 105. Оп. 1. Д. 729. Л. 5–8.

проводились в клубе завода (24 лекции), в общежитии (38 лекций), цехах и отделах (94 лекции). Помощь заводскому клубу в проведении лекций оказывали лекторы Общества по распространению политических и научных знаний и Военно-педагогического института им. Калинина, а также сотрудники Кировского райкома партии и горкома комсомола, привлекались и члены агитационно-пропагандистского коллектива завода¹³.

Изменения, произошедшие в политической системе страны и советском обществе в конце 1950-х гг. отразились на праздновании юбилейных дат революции. В частности, на рубеже 1950–1960-х гг. начинает активно развиваться такая форма отдыха, как самодеятельность. Конечно, этот вид досуга существовал и в 1950-х гг., но именно в конце 50-х и, особенно, на протяжении всех 60-х гг. участие населения в кружках самодеятельности значительно возрастает. В определенной степени это объясняется тем, что в это время советский человек стал внутренне более свободен. Эта внутренняя свобода потребовала механизма самовыражения и именно самодеятельность предоставила такую возможность.

Интерес, проявленный ленинградцами к самодеятельности, нашел свое отражение в том, что при праздновании 50-летия Октября кружки становятся одним из важнейших элементов торжественных мероприятий. Например, на базе Дворца культуры им. А. М. Горького участники художественной самодеятельности подготовили концертную программу «Танцы народов СССР»¹⁴, а народный драматический театр — новую пьесу «Зыковы»¹⁵.

Внутренние и внешние политические изменения в СССР также нашли свое отражение в праздновании 50-летия революции. Они состояли в том, что в Ленинград приехало очень много туристов как из других городов Советского Союза, так и из зарубежья. Ряд иностранных гостей праздновали 50-летие Октября в рамках проходившего с 26 по 31 октября 1967 г. Международного торжественного профсоюзного совещания Всемирной федерации профсоюзов¹⁶.

Представленное вниманию полотно популяризации событий Великого Октября представляется ярким и насыщенным, поскольку дается через увеличительную призму. Если рассматривать мероприятия, по-

¹³ Отчет о работе клуба завода им. А. Жданова за период смотра культучреждений, посвященного 40-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции // ЦГА СПб. Ф. Р-6276. Оп. 273. Д. 232. Л. 1, 2.

¹⁴ Протокол № 6 открытого партийного собрания парторганизации Дворца культуры им. А. М. Горького от 26 апреля 1967 г. // Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее — ЦГАИПД СПб). Ф. 1388. Оп. 3. Д. 33. Л. 20.

¹⁵ Отчетный доклад о работе партийного бюро первичной партийной организации ДК им. А. М. Горького за период с июня 1965 г. по июнь 1966 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 1388. Оп. 3. Д. 32. Л. 59.

¹⁶ ЦГА СПб. Ф. Р-6276. Оп. 276. Д. 573. Л. 71.

священные революционным событиям в потоке всех культурно-просветительных мероприятий 1950–1960-х гг., проводимых учреждениями культуры для обывателя, то оно терялось и меркло среди них.

Статистика демонстрирует количественное превосходство мероприятий, посвященных экономике, политике и другим аспектам жизни страны и советского человека, над пропагандой революционных событий. В частности, в 1954 г. экскурсионное бюро планировало провести 6410 историко-революционных экскурсий, при этом исторических — 13 740, военно-исторических — 3550, естественно-научных — 11 250, научно-технических — 6200, литературных — 4750, искусствоведческих — 19 100¹⁷. Статистические данные можно привести и по другим видам просветительной работы. Но везде внимание к революционным событиям окажется затемненным мероприятиями, направленными на популяризацию деятельности партии и правительства, внешней и внутренней политики, научно-технического развития и иных сфер жизни государства и общества.

Отходя от формализованных статистических показателей и обращаясь к содержанию материалов пропаганды революции 1917 г., можно обнаружить интересную особенность — как таковая революционная картина дается очень слабо.

Даже в годы юбилейных торжеств мало говорится о самой революции — о механизме ее проведения, участниках и других аспектах революционной действительности 1917 г. В большей степени демонстрируется, что дала революция народу, в частности, демонстрируется рост народного хозяйства за 40 или 50 лет советской власти; на конкретных примерах до обывателя доносится, что сделала советская власть с 1917 г. для рабочего, крестьянина и всего мира.

Вместе с этим даже при описании Октября 1917 г. основное внимание концентрируется на жизненном пути и революционной деятельности В. И. Ленина. Более того, интересно подчеркнуть еще одну особенность — Октябрь 1917 г. в информационном пространстве 1950–1960-х гг. «уступил» пальму первенства мероприятиям, популяризирующим историю и современность ВЛКСМ. Такие формы отдыха советской молодежи, как «Час комсомольца», гуляния и тематические дни в честь ВЛКСМ, пионерские костры, карнавал ленинградской молодежи¹⁸, проводились всегда более эмоционально, насыщеннее и в итоге оказывались интереснее ленинградцам.

Вообще, 40-летию Октябрьской революции, с точки зрения внимания горожан, в определенной степени не повезло. Торжества, посвященные этой дате, оказались в тени проходивших в этом же году

¹⁷ План работы Городского экскурсионного бюро на 1954 г. // ЦГАЛИ СПб. Ф. 105. Оп. 1. Д. 172. Л. 1.

¹⁸ См., например: Отчет о массовой работе ЦПКиО им. С. М. Кирова за летний сезон 1958 г. // ЦГАЛИ СПб. Ф. 105. Оп. 1. Д. 737. Л. 8, 13, 32, 40.

VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов и празднования 250-летия Ленинграда¹⁹.

Обращение к последнему «оплоту» Великого Октября — музею Великой Октябрьской социалистической революции демонстрирует, что и здесь 1917 год оказался таким же рядовым событием. В экспозиционной работе революция несколько уступила место популяризации среди населения вопросов внутренней и внешней политики, экономического, социального и культурного развития СССР и, конечно, личности и деятельности В. И. Ленина²⁰.

В подобных обстоятельствах возникает правомерный вопрос — почему возникла такая ситуация?

Ответы на него в данный момент могут быть гипотетическими, которые требуют дальнейшего анализа и осмысления.

Во-первых, в 1950–1960-е гг. тем, о которых можно было говорить и в интересной форме доносить до ленинградцев, оказалось очень много (развитие народного хозяйства, пропаганда науки и техники, демонстрация образцов советской и мировой культуры и т. д.). В этом многообразии вопросы революции 1917 г. просто тонули.

Во-вторых, детализированный разбор Октябрьской революции мог стимулировать лишние неудобные для власти вопросы. Скорее всего поэтому внимание культурно-просветительных учреждений и сдвигалось с освещения событийной стороны Великого Октября в плоскость личности В. И. Ленина и другие менее дискуссионные аспекты.

В-третьих, несмотря на значение Октября, он все же был революцией. Особенность этой социально-политической реальности заключалась в разрушении системы власти и основ государства. При этом оказывалось неважно, какую власть свергали и какое по форме правления государство разрушали. В реалиях 1950–1960-х гг. советская элита стремилась ориентировать население на созидание, развитие и социальное спокойствие, а эмпирический материал Великого Октября этому никак не мог соответствовать.

Конечно, никто не придавал забвению Великую Октябрьскую социалистическую революцию, о ней помнили, говорили и уважали, но для социальных и политических реалий 1950–1960-х гг. она осталась фоном, на котором кипела жизнь, что и нашло свое отражение в досуге ленинградцев.

И. В. Самойлова: Я изучала формирование памяти о революции в начале 1920-х гг. в сельской местности. Это сильно отличается. Там,

¹⁹ Подобное впечатление, например, складывается после анализа отчетов о работе дворцов-музеев и парков за летний сезон 1957 г. // ЦГАЛИ СПб. Ф. 105. Оп. 1. Д. 609.

²⁰ См., например: Отчет о работе Государственного музея Великой Октябрьской социалистической революции за 1960 г. // ЦГАЛИ СПб. Ф. 105. Оп. 1. Д. 1003.

действительно, два раза в год вспоминают революцию, устраивают вечера воспоминаний. Вот ваша встреча трех поколений — продолжение вечеров воспоминаний 1920-х гг. Как раз вечера воспоминаний — «Я видел Ленина», «Я участвовал в революции», «Во время революции я находился на таком-то крейсере», с такими рассказами выступали очевидцы. Не считаете ли Вы, что революция в шестидесятые — это было уже «общее место»? Революция умещалась в учебнике истории, она показывалась в фильмах, она была хрестоматийной. Что мне интересно — если она была хрестоматийной, она и так повсюду. Возможно, молодежь просто не выделяла для себя революцию как отдельное событие.

Ф. К. Ярмолич: Возможно, да. Я об этом пишу в своей статье.

И. В. Самойлова: В 1920-е гг. было важно научить революции, показать, кто есть кто, сформировать память о революции, если можно так сказать. А в 1960-е она формируется в школе, в общем-то, образованием, по фильмам.

Ф. К. Ярмолич: Возможно, и так, память уже сформирована. Понимаете, здесь тоже интересный момент. Ну, допустим, отойдем от революции, русская литературная классика. Ее в школе преподают, и в советской школе преподавали. И если вы придете в ДК, не знаю, в клуб какой-нибудь, в любое культурно-просветительское место, которое не связано со школой, вы всегда встретите там стихи Пушкина. Вот я когда рассматриваю культурные процессы, досуг и досуговое время в 1950–1960-е гг., — то, что было в школе и, например, на работе, надо было закрепить еще и в досуговой форме. А вот революция — ну вы же это в школе изучили, в университете. У нас буквально год назад, в нашем отделе, Алексей Иванович подтвердит, прошла диссертация, посвященная политическому воспитанию, вообще пропаганде, которая велась в 1960-е гг. В ней аспирант посмотрел учебную программу: для истории КПСС были выделены какие-то часы, но так много их не было. И здесь мне сложно ответить, я сам часто этого не понимаю. Про партию говорили — партия сделала то, партия сделала это, отчеты, во всем партия впереди. Двадцатый съезд, что мы достигли, все это, и даже про революцию — Ленин был и что сделала Советская власть за сорок лет. А что такое революция? Революция в любом случае — это когда вы смещаете какую-либо власть, плохую ли, хорошую, но вы ее смещаете. А тут уже власть устоялась. И я смотрю — была нищета такая, но все равно люди что-то делали. И конечно, было недовольство, но говорили: вот была имперская власть, и было все плохо, мы свергли эту власть, и стало все хорошо. Потом был 1957 г., и там было недовольство, молодежь на площадь Искусств выходила., ее же настропалить очень легко. А люди, которым по 40 с чем-то лет, они уже успокоились. А молодежь, даже в пятьдесят восьмом, в Политехническом институте, — она говорила такие вещи и писала такое про революцию, что докладчики, которые и ведут вроде бы заседание, и не могут ее успокоить и, главное, это притушить.

И. В. Самойлова: Просто в советском обществе тема революции была уже общим местом в 1950–1960-е гг. И революция изучалась в Советском Союзе и в школе, и в детском садике. Я училась в то время и прекрасно помню, что такое Ленин, красные флажки к 7 ноября, с какими красными гвоздичками мы ходили, и нам эти общие места рассказывают. Это нечто базовое, которое уже везде, это база общего знания.

Ф. К. Ярмолич: Я пока ответить Вам не могу, потому что для меня это было удивительно — почему? Досуговое время — не рабочее, его в 1960-е гг. даже больше стало, и Советская власть его заполняла на самом деле интересными вещами: карнавалы, фейерверки... Людям надо было отдохнуть. А как они о революции узнавали? Потерялась она, я не вижу ее. Я сам в школе учился, и я ее не помню, и только когда я в университет пришел, толком об этом узнал. Про рабочих этих, буквально вот сейчас, извините, просто очень интересно. Вот школа рабочей молодежи. Пришли электрики, я им рассказываю, один слушает, другой нет, третий в карты играет. С рабочей молодежью вообще проблема была на самом-то деле. Со студентами легко как-то работать, а с рабочей молодежью — не так: лекторы-пропагандисты ходили в общежития, но рабочих было трудно растормошить. Что они в школе изучали, они наполовину уже позабывали. Как на Ваш вопрос ответить? Я не знаю, я сам для себя как-то на это не могу ответить. Это вопрос, над которым надо думать еще.

В. Петрова: Скажите, пожалуйста, можно ли посмотреть через все это на процесс десталинизации после XX съезда? Задача государства — сохранить советский режим, пересмотрев восприятие сталинизации, сталинизма.

Ф. К. Ярмолич: Мы как-то ставим во главу всего 1953 год, Сталин ушел, и все, то же и с 1956-м годом. Я занимаюсь, с одной стороны, советской цензурой в 1950–1960-е гг., и вот сейчас культурным досугом. И обнаруживаю, что смерть Сталина на самом деле ни на цензуру, ни на культурно-просветительскую деятельность не повлияла. Все стало закладываться еще году в 1948, 1949, 1950-м. Понимаете? О революции в 1948-м, в 1950-м, 1951 г. — об этом говорили чуть-чуть. Мы слишком много придаем значения царям, генсекам и т. п. — они появились, и все пошло по-другому. На самом деле не так. Возьмем театральную среду. Недавно одна аспирантка написала кандидатскую работу по театрам. Она мне говорит, что нашла много интересных произведений 1953–1954 г., а Сталин их ставить не разрешал. Да ничего подобного! А почему? Проблема кадров была, это уже четко видно. Эту проблему решили относительно только к 1960-м гг. Режиссеров спрашивали: вы не ставите современные советские пьесы? Это 1955 год. Ну, так потому, отвечают они, что нет сценаристов, которые могли эти пьесы написать. Была пьеса «Золотой фонтан», ее в 1952 г. разрешили, в 1954 г. сказали: «Это ужас, это контрреволюция», вызвали

режиссеров, спросили: «Как вы могли?». Это 1952 год (это сталинский режим), а они отвечают: «а у нас нет людей, которые могут лучше написать».

Возвращаясь к Вашему вопросу, я не думаю, что в 1950–1960-е гг. кто-то думал о том, чтобы страну сохранить, так вопрос точно не стоял. Люди верили, хотя им тяжело было жить в 1950-е. Люди верили, потому что делали колоссальные вещи, правильные и нужные вещи. Сталин умер — бог с ним, Хрущев пришел, ушел — бог с ним, им это неважно... Мне кажется, здесь не стоит вопрос...

В. В. Носков: Вы уже жанр путаете, вместо ответа лекцию читаете.

Ф. К. Ярмолич: Вопрос для меня очень интересный, эмоциональный.

Л. В. Кудзеевич: Я просто хочу обратить внимание на то, что вы находитесь как раз в стенах бывшего Музея Великой Октябрьской социалистической революции, что, собственно, как раз в 1957 г. этот музей был создан и дальше развивался. Какова была большая часть экспозиции музея? В музее рассказывалось не подробно об Октябрьской революции и Гражданской войне, а большей частью о достижениях Советского государства. Т. е. революция в концепции того времени продолжалась в этом, поэтому каждый праздник, каждый юбилей — это было время как бы смотра достижений Советской власти. Что дала революция советскому народу, вот как хорошо сейчас живет советский народ благодаря тому, что была Октябрьская революция, коммунистическая партия пришла к власти, дала власть рабочим и т. д. Это была общая постановка вопроса и взгляд на революцию в целом: революция всегда с нами, все эти годы она нас окружала, и все только благодаря революции, Ленину и т. п. Все жили хорошо, и нам показывали, как же хорошо люди живут.

Ф. К. Ярмолич: А вопрос?

В. В. Носков: Вопроса-то нет.

Ф. К. Ярмолич: Я согласен. Революция — в тени всего этого. Она существовала как событие, хронике событий люди учили, и не нужно было каждый раз повторять одно и то же.

В. В. Чурзин: Читали ли Вы роман Василия Аксёнова «Ожог»? Нет? Он как раз о тех временах. Там 1957 год, точнее, 1967-й, пятидесятилетие Революции. У нас совершенно определенная установка была — воспитание молодежи на основе трудовых, революционных, боевых традиций. Ну так это 1967 год, красный май, революция здесь и сейчас, как политическая революция, так и сексуальная революция, свобода — это свобода секса. И вот как раз это сдетонировало страшно, Аксёнов же пишет об этом подробно: что молодежь, ну, буквально, так сказать, не находила себе места в ходе этих событий. В частности, у нас был такой журнал «Контакт» с Накоряковым, с корреспондентом Ленина (мы составляли, маркировали корреспондентов Ленина), и тот с испугом говорил, что надо заниматься молодежью, потому что мы

упустим завоевания Октября, потому что молодежь другая, и у нас нет с ней контакта. И вот начиналась брежневизация, упор на патристическое воспитание, это была реакция, так сказать, на внешние стимулы. В частности, на Западе молодежь подняла знамена сексуальной революции, а наша молодежь стала оказывать воздействие на партийные органы. Я в описываемое время был в обкоме комсомола, и там создавались лекторские группы по атеистическому воспитанию, но на деле это была пропаганда религиозности, потому что молодежь интересовалась прежде всего тем, что критикуется. Интересный был прием, но фиктивно это называлось «атеистическое воспитание». Искания того времени связаны, в частности, и с отношением к сексу. И обо всем этом Аксёнов пишет. А вопрос мой сводится к тому, что на Западе свой вариант политической революции предложили, с обнажением тела, а у нас, значит, революция социальной справедливости, так сказать. Дdiamетрально противоположные понимания политической революции. И поэтому я думаю, это понятие — вариативная модель.

В. В. Носков: Я думаю, что сейчас ответа на этот вопрос не требуется.

М. М. Сафонов: Я прекрасно помню 1957 год, с тем, что Вы говорили, я полностью согласен. Только хочу добавить, что в пропаганде упор делался на то, в каком положении Россия находилась до 1917 г., т. е. на всех негативных явлениях — как все было плохо, какой был низкий уровень и прочее. Я предполагаю, что в некотором смысле даже на нашу историографию средства массовой информации повлияли, потому что Вы совершенно правы — показывали, каковы достижения у страны по сравнению с тем, что было. Была пропаганда революции как явления, преодолевшее весь тот ужас, который был при царском режиме.

В. В. Носков: Ужас царизма, да. Причем сравнивали всегда не с шестнадцатым, а с 1913 годом, что особенно интересно. Фёдор Кузьмич, Вы не настаиваете на ответе?

Ф. К. Ярмолич: Да, думаю, не стоит.

В. В. Носков: Очень много обмена мнениями, много материала для общей дискуссии. Я просто хочу обратить ваше внимание на один момент. Прозвучал очень сложный тезис о том, что мы знали, что такое революция, что нам было рассказано. Я думаю, что у каждого поколения было свое представление о революции, у каждой социальной группы, наверное. Были и региональные различия в представлениях о революции. Поэтому я не стал бы вот так уверенно утверждать. Думаю, что никто из присутствующих сейчас в зале не сможет нам дать точное определение, что такое революция, — ни Февральская, ни Октябрьская. Вот это мы можем потом обсудить.

**Революция и нравственность в исторической
памяти через 50 лет после Октября 1917 г.
(Спектакль театра «Современник»
по пьесе М. Шатрова «Большевики»)**

В июне 1968 г. в Ленинград приехал на гастроли молодой московский театр «Современник», возникший вскоре после XX съезда КПСС и за 12 лет творческой деятельности завоевавший у зрителей огромную популярность своими злободневными спектаклями. На этот раз среди пьес, предложенных ленинградцам, выделялась трилогия на историко-революционную тему. Последовательно, на протяжении трех вечеров, во Дворце культуры им. Первой пятилетки шли «Декабристы» Александра Свободина, «Народовольцы» Леонида Зорина и «Большевики» Михаила Шатрова.

В изданном красочном проспекте этих спектаклей главный режиссер театра О. Н. Ефремов писал, что идея трилогии возникла «два года назад, когда наш художественный совет обсуждал планы подготовки к пятидесятилетию Советской власти». Далее следовало объяснение, почему «Современник» заказал драматургам именно названные выше пьесы: «Мы остановились на этой идее потому, что были уверены, что потребность заново, глазами нынешних поколений взглянуть на историю и на людей русского революционного движения, начиная с первой четверти прошлого века, живет в нашем зрителе и должна быть удовлетворена».

Естественно, возникает вопрос, что значит «взглянуть заново», на что не обращалось должного внимания прежде? Ответ О. Н. Ефремова: «Во всех трех пьесах вопрос о нравственной оценке того или иного теоретического положения или поступка — главный вопрос. Поэтому я и считаю, что лейтмотив всей трилогии — это **революция и нравственность**».

В пьесе «Большевики» действие разворачивается вокруг покушения на В. И. Ленина 30 августа 1918 г. во время его выступления перед рабочими одного из московских заводов. Члены Совнаркома собираются на очередное заседание и ждут приезда с митинга Председателя правительства. Ленин запаздывает, нарушая им же установленный строгий регламент. Наркомы перебрасываются шутками, говоря, что надо оштрафовать опаздывающего. Наконец, слышится шум подъехавшего автомобиля. Вдруг вместо Ленина появляется А. Ульянова: «Товарищи! Владимир Ильич... В него стреляли... Сейчас привезли... Скорее! Врача!» «Все оцепенели»¹.

¹ *Шатров М.* Так победим! : шесть пьес о Ленине. М., 1985. С. 87.

Покушение на В. И. Ленина, убийство в Петрограде в тот же день М. С. Урицкого, разгорающаяся Гражданская война, настроение рабочих обязывают руководство большевиков принять ответные меры. В пьесе обсуждение этих чрезвычайных мер наркомами, собравшимися поначалу на обычное плановое заседание правительства, происходит немедленно; эмоциональность обсуждения усиливается тем, что в соседней комнате невидимый зрителям лежит тяжело раненный Ильич и его состояние внушает обоснованную тревогу. Наркомам периодически об этом сообщают.

Слово берет Яков Свердлов: «Ну что ж, товарищи, военные действия объявлены не только на фронте, но и в тылу. Я думаю, что мы примем постановление ВЦИКа о превращении Советской Республики в военный лагерь со всеми вытекающими отсюда последствиями <...> вопрос о красном терроре встает перед нами во всей своей сложности и безотлагательности»².

Я думаю, что ключевое слово здесь — «сложность». Драматург посчитал необходимым показать, что решение об объявлении красного террора далось наркомам совсем не просто. Большевистский Совнарком образца 1918 г. состоял из высокообразованных профессиональных революционеров, хорошо знавших не только практику революционного дела, но и историю европейских революций. И не случайно перед ними сразу же встали жестокие картины якобинского террора во время Великой французской революции конца XVIII в. Проблема соблюдения нравственности в ходе революции, когда обстоятельства вынуждают прибегать к насильственным мерам, дана М. Шатровым и «Современником» в спорах наркомов о якобинском терроре чрезвычайно остро.

Заместитель наркома просвещения М. Н. Покровский предостерегает: «Я считаю, что разговор об издержках якобинского террора сейчас не к месту. Он нас размагнитит». С этим не согласен нарком юстиции П. И. Стучка: «Красный террор должен пойти по определенному, строго очерченному руслу, иначе мы рискуем повторить печальный опыт якобинцев, у которых закон о “профилактическом” превентивном аресте стал в конце концов основанием для гильотины». Покровский с этим не соглашается: «Это все так, издержки у них были, но было и другое, то, что Энгельс назвал великой годиною, когда нашлись люди, обладавшие мужеством беззакония, вы слышите — мужеством беззакония, не отступающие ни перед чем, люди железной энергии, которым удалось добиться, что ни один торгаш, ни один спекулянт — словом, ни один буржуа не показывался на свет!». В спор вступает Свердлов: «Это хрестоматийно и азбучно. Что бы там ни было, Робеспьер останется для нас примером великого революционного вождя. Но нас сейчас интересует их опыт: каким образом возникли у них издерж-

² Там же. С. 109.

ки и крайности и к чему это привело?». Мнение бывшего наркома государственного призрения А. М. Коллонтай (волею М. Шатрова оказавшейся на заседании правительства): «Политикой устрашения мы достигнем цели без массового кровопролития». Ей возражает нарком просвещения А. В. Луначарский: «И тем обиднее, Александра Михайловна, что, прекрасно сознавая все это, якобинцы все-таки заменили политику устрашения политикой истребления <...> А почему? Потому что шло полное перерождение аппарата власти. Если раньше органы террора избирались и были подотчетны революционной массе, то к концу якобинизма все изменилось <...> сотрудники, избираемые массой и контролируемые ею, заменяются назначаемыми платными чиновниками. Происходит сращивание органов власти и органов террора <...> Воззрения якобинцев — это классический образец примитивного, ограниченного политического рассудка, неспособного, несмотря на максимум политической энергии, найти реальные средства исцеления общественных недугов, видевшего причину этих недугов только в контрреволюционном образе мыслей врагов революции, а главное средство спасения — в рубке голов».

Я. М. Свердлов как бы подводит итоги дискуссии: «Так вот, проблема заключается в том, что террор — это острейшее, необходимейшее оружие нашей революции, в котором заложены определенные положительные и отрицательные тенденции. Наша задача — использовать максимально положительные тенденции этого оружия и не дать развиться отрицательным». Он предостерегает «от расширительного толкования рамок террора». На вопрос наркома продовольствия А. Д. Цюрупы — «В чем же гарантия?» ответил: «С одной стороны, в нашем ясном понимании этих опасностей, а с другой стороны, в целом ряде мероприятий. Публичность террора». Нарком юстиции П. И. Стучка и заместитель наркома труда В. П. Ногин добавили: «Гласность действия карательных органов», «Публикация всех имен арестованных, всех имен заложников, всех смертных приговоров». Свердлов предлагает издать декрет Совета Народных Комиссаров, в котором указать, что «при данной ситуации обеспечение тыла путем террора является прямой необходимостью». «Необходимо обеспечить Советскую Республику от классовых врагов путем изолирования их в концентрационных лагерях. Подлежат расстрелу все лица, прикосновенные белогвардейским организациям, заговорам и мятежам; необходимо опубликовать имена всех расстрелянных, а также основания применения к ним этих мер». И в то же время: «Крайности красного террора — это проявление мелкобуржуазного революционизма, его торжество и, если хотите, одна из главных опасностей на нашем пути».

Кажется, больше всех во время спора о терроре переживал Луначарский: «Да, я согласен, что в истории бывают моменты, когда насилие необходимо. Но все-таки истинный социализм может быть насажден в мире не винтовкой и штыком, а только наукой и широким просвеще-

нием трудящихся <...> Самое трудное для коммуниста — быть жестоким. Сколько клятв о беспощадной мести мы дали у братских могил! И все же не поднималась рука. Но сейчас чаша переполнена. Рука должна подняться».

В конце пьесы из комнаты, где лежит раненый Ленин, приходит обнадеживающее известие: «Кризис миновал». «Тишина и взрыв радости. Все бросаются к Свердлову, что-то говорят, кричат, понять ничего невозможно, все обнимаются, поздравляют друг друга. Коллонтай плачет и смеется. И вдруг из этой группы, обступившей Свердлова, возникает: Вставай, проклятем заклеянный... И вот уже, счастливые, преображенные, чувствуя плечо друг друга, они шепотом, тихо-тихо поют свой гимн: Это есть наш последний и решительный бой. С Интернационалом воспрянет род людской». «Занавес»³.

Гастроли «Современника» в Ленинграде летом 1968 г. заканчивались 2 июля. Главной газете города — «Ленинградской правде», органу областного и городского комитетов КПСС, областного и городского Советов депутатов трудящихся, полагалось откликнуться на прошедшее нерадовое культурное событие, особенно на громко прозвучавшую историко-революционную трилогию. Но возникли затруднения. Известные историки благоразумно отказывались писать рецензию. В частном разговоре один университетский профессор сказал, что пьеса «Большевики» — это отлично приготовленный отравленный кусок мяса. В конце концов обратились ко мне, тогда недавно защитившемуся кандидату исторических наук.

Мне очень хотелось посмотреть трилогию, но достать билеты было невозможно. И я согласился взять билеты в редакции газеты, обещав дать рецензию, наивно не предвидев того, что меня ожидает.

Обсуждение проблемы нравственности в революции не было приоритетным для советских историков. Более того, такой проблемы как бы не было вообще. Априорно считалось, что все, что идет на пользу пролетарской революции, нравственно, цель оправдывала средства. Нормы общечеловеческой нравственности считались буржуазными, их заменяла нравственность классовая. Именно такой должна была быть историческая память советских людей о событиях пятидесятилетней давности.

Но приезжий московский театр сделал тему революционной нравственности дискуссионной, колебля устоявшуюся официозную память о революционном октябре 1917 г. и последовавших за ним событиях, успешно внедренную в массовое сознание. Редакции «Ленинградской правды» требовалась сугубо критическая рецензия на трилогию, особенно на «Большевиков». Была сделана попытка принесенный мною текст подвергнуть серьезной корректировке. Тяжелое обсуждение продолжалось несколько часов. Но время работало на меня: без

³ Там же. С. 111, 113–119, 124.

авторской подписи рецензия не могла быть напечатана, а она должна была непременно появиться на следующий день — 2 июля, в этот день «Современник» уезжал в Москву. В результате был достигнут компромисс: в рецензии появился легкий упрек «Современнику» и Шатрову за недостаточное отображение связи вождей революции с народом, но сохранилось главное — положительная оценка дискуссии перед тем как было принято судьбоносное решение о красном терроре.

«В пьесе обсуждение и принятие решения о красном терроре происходит в самый вечер покушения на В. И. Ленина. И перед народными комиссарами сразу возникают проблемы, решить которые не просто. Перед их глазами встают эпизоды истории — времена Великой французской революции, террор якобинцев, допущенные при этом ошибки. Перед зрителями — революционеры третьего поколения. Идет первый год пролетарской диктатуры. Спектакль дает почувствовать, как соратники Ленина бдительно следят, чтобы в условиях ожесточенной классовой борьбы сохранить нравственную чистоту не только идей, но и личности коммунистов. В той морально-политической борьбе, которая ведется в стране между революцией и контрреволюцией, они не оставляют за собой права на ошибку. Дискуссия на сцене захватывает и актеров, и зрителей. В зале нет равнодушных...»⁴.

«Сегодня “Современник” покидает наш город. Мы надеемся, что высказанные в статье критические замечания помогут талантливому коллективу театра спокойно и серьезно подойти к оценке своей работы над трилогией. Такая вдумчивая оценка является, по нашему мнению, совершенно необходимой для театра, стоящего на пороге новых поисков и новых творческих решений»⁵.

Сцена спора наркомов о красном терроре с учетом негативного опыта якобинцев порождена в пьесе художественным воображением М. Шатрова. Драматург предупреждает: «“Большевики” — драма не документальная, хотя и написана по документам»⁶. В реальности постановление Совнаркома о красном терроре было принято 5 сентября 1918 г. Историкам неизвестно, что происходило во ВЦИКе и Совнаркоме перед принятием решения. Можно предположить, что какой-то обмен мнениями все же должен был состояться. Для М. Шатрова, очевидно, такого предположения было достаточно, чтобы поставить в пьесе вопрос о революционной нравственности. Главный режиссер «Современника» О. Н. Ефремов полагал, что проблема политической нравственности должна быть рассмотрена не только для революционного времени, она актуальна и через 50 лет после него. В проспекте трилогии он написал: «Мне кажется, что жгучий интерес к нравствен-

⁴ Гинев В. Н. Размышляя над трилогией // Ленингр. правда. 1968. 2 июля. № 154.

⁵ Там же.

⁶ Шатров М. Так победим! С. 76.

ным проблемам революционного движения, социализма и коммунизма — вообще черта нашего времени».

Но для партийных функционеров и для официозных историков в конце 1960-х гг. и далее вплоть до «перестройки» второй половины 1980-х гг. такие мысли являлись крамольными, требующими отпора. В связи с этим моя вовлеченность в оценку трилогии и, в частности, пьесы «Большевики» не закончилась публикацией рецензии в «Ленинградской правде». В феврале 1971 г. ко мне неожиданно обратился журнал «Вопросы истории КПСС» с просьбой дать отзыв на поступившую к ним рецензию двух дипломированных историков о трилогии под названием «Без уважения к исторической правде». Обращение было написано на официальном бланке журнала, имело дату (10.2.1971) и регистрационный номер. К этому прилагалась упомянутая рецензия на 21 машинописной странице.

По мнению авторов рецензии, основу замысла трилогии составляла «не ленинская концепция русского освободительного движения, а некоторые нравственно-этические идеи, которые БУДТО БЫ стояли перед революционерами всех поколений» (выделено мною. — В. Г.). «Если можно понять, — указывалось в рецензии, — жаркие споры, которые вели вокруг этого вопроса не имевшие революционной теории декабристы и народовольцы, то совершенно невозможно понять, а тем более признать правомерным, спор о красном терроре между большевиками». Вопрос о неизбежности революционного насилия, вплоть до массового террора по отношению к классовым противникам октябрьского переворота, доказывалось в рецензии, был решен Лениным задолго до покушения 30 августа 1918 г. Приводились различные ленинские высказывания по этому поводу начиная с ноября 1917 г. Между тем «по прихоти драматурга» участники заседания советского правительства «до хрипоты», «словно соревнуясь между собой в эрудиции, спорят об опасностях, которые БУДТО БЫ предостерегают большевиков, если они встанут на путь террора, повторяют банальности о неизбежных крайностях и издержках красного террора...» (выделено мною. — В. Г.). «И драматург, и театр совершенно запутались, навязывая зрителям, вопреки подлинной истории, собственную надуманную интерпретацию вполне ясного вопроса».

Некоторые места рецензии были близки по форме и содержанию к политическому доносу: «Поскольку вопрос о насилии вообще и терроре, как одной из его форм, трактуется в трилогии вне классовой борьбы, а лишь с нравственно-этической стороны, постольку нетрудно понять, какие мысли могут внушить зрителю эти спектакли, особенно молодежи». Спектакль «Большевики» «изобилует намеками и полунамеками». Имелись в виду отдельные реплики наркомов о бюрократическом перерождении части советского административного аппарата. Рецензенты доводили до сведения редакции журнала «Вопросы истории КПСС», что это не что иное, как «бомбардировка современной

действительности», возрождение «идейки» о «термидорианском пере-рождении диктатуры пролетариата». Вывод: спектакли трилогии «не работают на коммунизм».

На последней странице рецензии фамилии ее авторов — профессор М. Е. Найденов, доцент А. И. Широков. В читательском каталоге Библиотеки Академии наук имеется карточка на сборник статей под редакцией М. Е. Найденова — «Очерки по историографии советского общества» (М., 1967), но тот ли это Найденов, не ясно. Об А. И. Широкове за 1950–1960-е гг. в каталоге ничего нет.

Я не считал себя вправе уклониться от написания заказанного мне отзыва на разгромное сочинение двух историков — надо было воспрепятствовать его публикации. Сделать это оказалось нелегко: реальная практика красного террора не очень соответствовала идеализированному изображению ситуации в пьесе М. Шатрова, да и В. И. Ленин больше был на стороне рецензентов, а не драматурга.

Мои контрдоводы против основных положений рецензии Найденова и Широкова сводились к следующему.

По поводу утверждения, что перед российскими революционерами всех поколений «будто бы» стояли «некоторые нравственно-этические идеи» и «зритель вынужден выслушивать долгие споры о морали и этике революционера», в моем отзыве было сказано: «Создается впечатление, что рецензенты начисто отрицают существование морально-этической стороны в революции и, соответственно, не считают правомерной постановку этой проблемы в художественных произведениях». Почему о нравственной стороне революционного насилия, по мнению рецензентов, позволительно думать только декабристам и народовольцам, а большевикам противопоказано? Почему опасения наркомов по поводу возможных издержках при красном терроре — это «повторение банальностей»? Применение насилия в ходе революции — «это вопрос не только революционной целесообразности, но и революционной нравственности. Он требует всестороннего учета всех за и против, и легкого отношения к возможным издержкам быть не должно». Между тем «рецензенты делают вид, что таких издержек у нас никогда не было. Стоит ли это опровергать?». Неверно, что в пьесе «Большевики» вопрос о терроре трактуется «вне классовой борьбы». Напротив, совершенно ясно, что речь идет о классовом красном терроре против контрреволюционных буржуазных элементов. «И если при этом анализируют действия якобинской диктатуры, то на то и существует наука история, чтобы помочь всем, и прежде всего политическим деятелям, учесть исторический опыт других эпох».

«Совершенно непонятно, почему М. Е. Найденов и А. И. Широков полагают, что сейчас было бы политически правильно изображать руководящих деятелей большевистской партии, принимающих важнейшее решение о призыве к массовому террору, без обсуждения и без учета возможных при этом издержек?».

В критических репликах некоторых наркомов о бюрократизации в советских учреждениях рецензенты усмотрели nepозволительные намеки на советскую действительность 1960–1970-х гг. Мною этому было противопоставлено высказывание В. И. Ленина: «Дела с госаппаратом у нас до такой степени печальны, чтобы не сказать отвратительны, что мы должны сначала подумать вплотную, каким образом бороться с недостатками его...».

«Критическое отношение к трилогии вполне оправданно. Но она отнюдь не заслуживает того, чтобы к ней относились как к произведению, в корне нам идейно враждебному. Трилогия требует обстоятельного критического анализа, выдержанного в более спокойном тоне, чем это сделано у рецензентов, безоговорочно считающих, что эти спектакли “не работают на коммунизм”».

Через некоторое время мой отзыв на рецензию двух историков, уместившийся на семи с половиной страницах, был готов и отправлен в журнал «Вопросы истории КПСС». Не знаю, повлияли ли мои контраргументы или еще какие-либо соображения, но рецензия Найденова и Широкова в «Вопросах истории КПСС» не появилась. По крайней мере ее не было ни в 1971-м, ни в 1972–1973 гг. Трилогия успешно продолжала свою театральную жизнь. Театр «Современник» и драматург М. Шатров так и остались в неведении о той мини-баталии вокруг трилогии, которая возникла через три с небольшим года после гастролей в Ленинграде.

Что же в итоге? Через 50 лет после 1917 г. наряду с господствовавшей в массовом сознании официально поддерживаемой исторической памятью о социалистической революции возникла и материализовалась в обстановке хрущевской «оттепели» в спектаклях «Современника» другая историческая память. Вторая память еще не подвергала сомнению правильность выбора в свое время социалистического пути и, более того, соглашалась с оговорками с необходимостью «красного террора», но настоятельно обращала внимание на нравственную сторону революционного процесса. Свообразие этой второй памяти состояло в том, что она призвала помнить не только о действительных событиях, а еще в большей степени о тех, которых не было, но которые, по мнению нарождавшейся либеральной общественности, обязательно должны были быть. Это был новый для советских граждан призыв не забывать о существовании общечеловеческих ценностей и их обязательном присутствии в политике как в 1918 г., так и в 1960-х гг. И судя по восторженной реакции зрительного зала, эта вторая историческая память с каждым спектаклем приобретала новых сторонников. Вопрос о нравственности в общественной и политической жизни России актуален и через 100 лет после 1917 г.

В. К. Потемкин: Скажите, пожалуйста, а какое отношение к революции через 50 лет было? Не было сожаления, что она произошла? А свое мнение я потом скажу, в дискуссии.

В. Н. Гинев: Не было ли сомнений у Шатрова?

В. К. Потемкин: Сожалений. Нет, у самих большевиков не было ли сожаления, что произошла революция и последующие события?

В. Н. Гинев: В 1968 г. у большевиков такого сомнения не было. И даже у Шатрова не было такого сомнения.

В. К. Потемкин: Сожаления, а не сомнения.

В. Н. Гинев: Нет, сожаления не было.

М. А. Витухновская-Кауппала: Небольшой вопрос, может быть, я что-то путаю. «Шестое июля» — это тоже Шатров?

В. Н. Гинев: Это тоже Шатров.

М. А. Витухновская-Кауппала: Пьеса так и называется «Шестое июля»?

В. Н. Гинев: Да.

М. А. Витухновская-Кауппала: У него целая серия пьес была. Еще «Сомневающийся»...

В. Н. Гинев: Да, у него целая серия была, шесть пьес о Ленине.

Н. Н. Смирнова: Я филолог, не историк, поэтому то, что Вы сейчас сказали, мне очень хорошо понятно, но я бы посмотрела на это с другой стороны. Вы как раз сказали о формировании исторической памяти, но средствами искусства, средствами драматургии. У драматургии логика драмы сама по себе, те сомнения, о которых Вы говорили, в красном терроре, которые не имели места в истории, они, естественно, были привнесены просто в силу специфики этого рода литературы. Но понятно, что и этот род литературы использовался и был в данном случае идеологическим инструментом. И вот в связи с этим у меня реплика и по отношению к предыдущему докладу, в котором также была затронута эта тема. Мне показалось, были совмещены два взгляда: с одной стороны идеология, а с другой стороны память о революции и изучение революции, то, что в ведении исторической науки. Понятное дело, что история как наука была идеологизирована. Это естественно. Но в пропаганде, в идеологии вот такие средства, как Вы сейчас описали, в большей степени достигали цели. Поэтому есть же колоссальные различия между идеологией, идеологическими инструментами и собственно историческими методами изучения. Поэтому, когда мы говорим, что в тот или иной период есть память о революции или ее нет или иначе она освещается, то, наверное, все-таки вот это было бы ключевым моментом собственно идеологической составляющей. Потому что дети же знали о революции с букваря, поэтому каждый раз об этом говорить не имело смысла, привносить какие-то новые ноты в осознание исторических событий — это уже была задача идеологии. Понятно, что это в искусстве осмысление революции, но не кажется ли Вам, что это уже другая совершенно картина и другая задача в данном случае, она не историческая?

В. Н. Гинев: Я думаю, что Шатров своими пьесами и театр своей пьесой ставили политические задачи. Они хотели легализовать советское общество. Они хотели внедрить в сознание советских людей, что кроме классовой правды есть еще общечеловеческая правда. Вот это они пытались своей пьесой показать, изображая идеализированных большевиков 1917 и 1918 гг., что будто бы тогда они были такими. Они не были тогда такими, но их изображали такими, как пример, какими они должны были быть тогда и какими должны были быть политические деятели в шестьдесят восьмом году.

А. И. Богомолов: Владимир Николаевич, на то, что Вы говорите, я попробую посмотреть через концепцию культурной памяти Яна и Алейды Ассман. Суть в том, что индивидуальная память конкретных участников событий живет, собственно, в головах этих участников и очевидцев, их детей и, максимум, внуков. После этого она умирает, потому что следующие поколения не видели того, что видели эти люди. Дальше начинает работать другой конструкт, который Ян и Алейда Ассман называют культурной памятью, концептом культурной памяти. Т. е. не столько память об этих событиях, сколько образцы истолкования этих событий — какой смысл они должны нести, что они должны означать, какую идею из них должны извлекать ныне живущие. И эти образцы как раз воспроизводятся с помощью инструментов культуры, с помощью обрядов и ритуалов, с помощью «мест памяти», в общем, с помощью довольно мощной системы образов, которую, как правило, общество и государство развивают именно с этой целью — для придания смыслов обществу. И это уже, строго говоря, память, которая работает не столько «про вчера», сколько «про сегодня» и «про завтра». Это самоидентификация общества. И, условно говоря, то, что «выпадает» из этого культурного образца, оно, как правило, подавляется. Не обязательно даже формально, просто человек, который скажет что-то не впопад, — его либо не услышат, либо пожмут плечами и забудут. Вытекает из этого два вопроса касательно пьес Шатрова. Шатров мог бы, наверное, такую пьесу написать и в 1937 г., и в 1949 г., но почему-то он написал эти пьесы, а театр счел нужным эти пьесы поставить именно с такой трактовкой, именно в то время. Известны ли Вам какие-то механизмы, «кухня» — как и кем принималось решение об этой пьесе, почему ее написали именно так, почему ее поставили именно в этом театре, именно в это время? Известны ли вообще какие-то внутренние движущие силы этой постановки?

В. Н. Гинев: Вы читали мой текст?

А. И. Богомолов: Читал, но этих ответов я там не нашел.

В. Н. Гинев: Я, конечно, в «кухню» Шатрова не был вхож. Эти пьесы появились после смерти Сталина, после разоблачения культа личности. И вот нужно было дать какое-то новое видение, какой-то новый взгляд на прошедшие события. Но это была только одна из задач. А главное, я еще раз повторю, нужно было убедить какую-то часть

советских людей, в первую очередь конечно тех, которые ходят в театры и читают пьесы, убедить в том, что нужно жить по иной правде, чем живет общество сейчас, во время написания этой пьесы. По иной правде. Вот я это называю советским либерализмом. Потому что говорить о том, что не нужно было Советской власти, не нужно было социалистической революции, — такого у Шатрова не было, и, думаю, что это было в то время искренне. И поэтому он стал писать эти пьесы, противопоставляя современную, так сказать, идеологию тем, какой она должна была быть, с точки зрения либеральной советской интеллигенции, в то время, когда это можно было сделать.

А. И. Богомолов: Т. е. я правильно понимаю — он «уловил» некий социальный заказ? Не ему дали установку на такой-то текст, а он?

В. Н. Гинев: Он уловил установку времени. Его пьесы встречали отпор со стороны ортодоксов. Встречали отпор и не особенно приветствовались властью. Эта пьеса и пьеса «Большевики» все-таки шла, ее разрешали ставить. А вот пьеса, написанная уже в перестройку, в 1988 г., «Дальше... дальше... дальше», где Ленин уже противопоставлялся Сталину, — вот она вызвала бурную реакцию, гораздо больше людей старшего поколения ждали уже какого-то нового мышления. Был издан целый сборник полемики вокруг этой пьесы с тем же названием — «Дальше... дальше... дальше». В нем как ругательные отзывы, так и защитительные, т. е. все еще велась борьба двух мнений, двух идеологий.

Дискуссия

В. В. Носков: Я хочу прежде всего обратить внимание и уточнить название нашей секции. Она в программе значится как просто «Историческая память», на самом деле во всех докладах речь шла о попытках конструирования памяти, вы согласны? Т. е. ключевое понятие для нашей секции, концептуальное понятие — это конструирование исторической памяти и, более конкретно, попытки, причем попытки практически все неудачные. И каких бы тем мы ни касались, к каким темам ни возвращались бы из тех, которые обсуждали сегодня, мы видим, что ни одна из попыток сконструировать какую-то память об Октябрьской революции так, как это хотели и желали конструкторы, не увенчалась успехом. Это сквозная тема, которая проходит через все доклады. Еще одно общее, что можно заметить, — и я думаю, что авторы между собой не сговаривались, но тем не менее — наблюдается еще одна общая тенденция в том, что революция не занимала главенствующего положения ни в одном из идеологических процессов и проектов, как и в политике, — революция использовалась как повод. И это интересные и неожиданные для меня выводы — революция как повод и тема для обсуждения. А потом я перечитал доклад нашего польского коллеги и обнаружил у него такое словосочетание — «революция как повод». Не сама по себе как таковая, вспоминали не революцию, конструировали не образ революции, той, которая была в 1917 г., да? Это был повод поговорить о чем-то другом.

Теперь о том, в чем я вижу различия. Члены оргкомитета очень хорошо постарались, потому что доклады выстроены очень логично. Сначала два доклада, по существу тесно связанные между собой, про то, как проходило и происходит конструирование исторической памяти о революции 1917 г. в двух автономных частях Российской империи, которые более всего имели основания для создания — или воссоздания — своего независимого государства. И здесь разница такая же, какой она была в реальной истории. Как Финляндия шла к независимости — и как Польша шла к независимости. Разные судьбы, разные исторические пути, разные модели построения независимых государств, разные судьбы после того, как эти государства были построены, и, конечно, совершенно разное отношение к истории, разное формирование исторической памяти вообще и памяти о революции 1917 г. Революция — Октябрьская 1917 г. в данном случае имеется в виду — была отправной точкой и для финнов, и для поляков, поскольку официально была признана их независимость. Другой общей чертой было то, что независимость и право выбора пришлось отстаивать вооруженным путем, при том что финны создавали свое госу-

дарство в рамках Российской империи тихой сапой, что называется, а поляки периодически бунтовали, но, когда настал момент, то финны взялись за оружие и отстояли ее. Очень интересным оказалось сочетание этих двух докладов в рамках одной секции, одного за другим, уже это одно могло бы дать повод для очень плодотворной дискуссии, а если можно было бы привлечь материалы других национальных областей и будущих республик — это было бы еще интереснее.

Дальше, в середине у нас доклад — типичный классический казус, кейс-стади — конкретный случай попытки формирования визуального представления о революции. И, возвращаясь к тому, что я уже говорил, что явственно видно в тексте доклада, — революция как повод. Допустим, в Финляндии и Польше воспоминания о революции — неважно, какой, буржуазной или социалистической, — в целом национальные проблемы в любом случае перекрывали воспоминания о какой-либо русской революции. Причем менялось и содержание — даже в Народной Польше национальный дух и историческая память сохранились в гораздо большей степени, чем в любой другой области бывшей Российской империи. Когда мы говорим о третьем докладе, о свето-памятнике, то здесь речь идет, по сути, о таком же такой феномене — не революция как таковая интересует, памятник устремлен в будущее: появляются дирижабли и прочее, чего не было в 1917 г., по крайней мере в Петрограде.

И далее еще одна совершенно логическая пара докладов, поскольку речь идет об одном периоде. Фёдор Кузьмич никак это не акцентировал, он сказал, что у него 1950–1960-е гг. На самом деле 1950-е гг. были разные и 1960-е были разные. Если внимательно прочитать доклад, то самый ранний материал относится к 1954 г., а реально исследование посвящено периоду между 1957 и 1967 гг., а это Оттепель. Кстати, этот термин не прозвучал ни разу, хотя он объединяет два последних доклада, и это тоже сама по себе интересная и большая тема для обсуждения, потому что это период Оттепели. В 1968 г. появились либеральные трактовки, Владимир Николаевич это осветил, и в 1968 г., с событиями в Чехословакии, этот исторический период закончился.

В этих двух докладах, посвященных этому периоду, — избраны совершенно разные формы для рассмотрения, и мы видим: Фёдор Кузьмич говорит, что революция не имела доминирующего значения, сама революция, — говорили о чем угодно: об успехах, о Ленине. А в театре «Современник» говорили о нравственности — категории вневременной, вненациональной, которая не является специфической чертой революции 1917 г. Т. е. мы видим очень интересное логичное завершение того, о чем сегодня у нас говорилось. И опять же, не я говорю, а сам текст, как таковой, о нравственности. Такое завершение имеет для нас серьезное значение, потому что набор идей и представлений о революции 1917 г., который сложился в либеральных интеллигентских кругах в период «оттепели», в 1960-е гг., — он реанимировался и в полном,

так сказать, объеме в определенный момент истории проявился вновь. И собственно говоря, вся идеология Перестройки, ранней по крайней мере, до того, как пацаны появились, — это была идеология Оттепели, и прежде всего в отношении к революции, к героям революции, по отношению к проблемам нравственности, — вот эта шатровская дилемма, она сразу же стала меняться, вот уже в апреле 1985 г. начался этот интересный процесс, в том числе процесс переосмысления революции.

Возвращаясь к тезису, на который я уже обратил внимание, что мы, мол, знали про революцию и чего было про нее рассказывать, — на самом деле в ходе этих попыток и других попыток конструирования памяти о революции каждый раз конструировалась совершенно разная модель революции — даже в одной стране, если мы говорим о Советском Союзе. Разные фокусы, разные тезисы, разные попытки просветить наше общество, разные модели революции. Даже официальная модель революции — она менялась, прежде всего по «составу» вождей. В 1927 г. один набор вождей, в 1937 г. их стало меньше гораздо, в конце концов остался один, а потом и его не стало. Это, кстати, очень интересно.

И в заключение, последнее — в докладах не прозвучало, не было акцентировано различие, хотя речь шла о длительных процессах, различие между тем, как отмечали рядовые годовщины, и тем, как отмечали юбилейные. А это имеет очень большое значение, потому что каждый юбилей, — допустим, 1957 год я не могу помнить, но 1967 год уже хорошо помню по школьным комсомольским делам, а дальше уже по профессиональным, — это были колоссальные кампании, идеологические кампании, в рамках которых подводились итоги представлений научных, или околонучных, или вообще ненаучных о революции, и они массивно вбрасывались в общественное сознание. Поэтому мне кажется, что обратить внимание на такого рода различия — это было бы необходимо.

М. А. Витухновская-Кауппала: Прежде всего хочу высказать многочисленные благодарности. Благодарность организаторам конференции за то, что мне было позволено выступить, благодарность Владимиру Витальевичу за прекрасное ведение секции, благодарность участникам за интересные вопросы и отдельная благодарность отсутствующему Борису Ивановичу Колоницкому, который меня на эту тему, собственно, навел. И в отместку Борису Ивановичу я не буду прекращать заниматься этой темой (*смех в зале*), напишу более пространное сочинение, чем то, что разместила на сайте. Так что еще раз большое спасибо и до новых таких интересных встреч.

О. В. Колганова: Присоединяюсь ко всем благодарностям. Я хотела бы сказать вот о чем. Вы подняли тему «Революция как повод». Действительно, я могла бы даже показать картинку, — о чем мечтал герой моего доклада — это памятник без символики вообще. Я веду

сейчас исследование на эту тему. А вся эта геральдика и символика — к 10-летию революции — это чтобы было больше шансов на прохождение проекта. Это не единственный источник о Г. Гидони, он выпустил книгу и сделал оттиск, на отдельном листе — «Об искусстве света и тени». Эта мечта помогала ему как-то преодолевать все то, что его окружало. Спасибо.

Ф. К. Ярмолич: Мне на самом деле приятно было пообщаться, что-то новое узнать, Это всегда очень радует.

В. Н. Гинев: В качестве ответного слова я хочу прочесть одну цитату. Это вступление к сборнику статей Шатрова, который можно рассматривать как сюжет начала Перестройки: «Ход обсуждения вопроса о красном терроре дает сегодняшнему зрителю лишний раз убедиться, каким чувством исторической ответственности обладали те, кто стоял у кормила новой власти, как важно было для большевиков, чтобы избираемые ими средства борьбы не противоречили великой цели, во имя которой свершилась Октябрьская революция». Вот какими должны были быть большевики для того времени, и какими они должны быть во время вот этого предисловия в 1980-е гг. Что касается Вашего упоминания о попытках примирения красных и белых, то и сейчас у нас есть такие же попытки примирить красных и белых наших. Я думаю, что это мертворожденная идея. Знаете, сейчас, в отличие от прошлых годов, у нас про рабство не упоминают. Рабство стало темой, которая у историков не вызывает никаких эмоций. Но в то же время необходимо сказать, что и у белых, и у красных, — у них были свои правды, и это была трагедия, а не противоборство. И как примирить тех, кто был на стороне большевиков, и тех, кто, был на стороне белых? Мне кажется, что должно пройти время, чтобы начать говорить об этом.

М. А. Витухновская-Кауппала: В моем тексте это есть. Четвертое поколение, как показывают социологи, — это поколение, которое теряет эмоциональную связь с этими событиями. У нас, наверное, у нас, и в России, и в Финляндии, — эти оба понятия для меня «у нас» — есть надежда на то, что сменится поколение, и это все просто затянется рядской, так сказать, забудется, уйдет из эмоциональной памяти.

О. В. Колганова: А сегодня по какому принципу разделяются красные и белые? Наверное, по партийному?

В. В. Носков: Давайте подождем секундочку.

В. Н. Гинев: У меня все.

В. В. Носков: Тогда я должен поблагодарить наших докладчиков за революционную сознательность, которую они проявили, и благодаря чему у нас образовалось 10 минут на ту дискуссию, которую мы так долго планировали.

В. Н. Гинев: Революционная сознательность?

В. В. Носков: Вы проявили революционную сознательность. Вместо 20 минут докладчики уложились в 8 минут со своими заключительными словами, отчего у нас и образовалось время.

М. М. Сафонов: Я недавно был на конференции по 1917 г. в Москве, и нас возили в Горки. Меня поразило, что ленинский мемориал, я был там в 1987 г., это очень дорогостоящий курорт, и замдиректора объяснил нам так. Дело в том, что у определенной части нашего общества к 1987 г. возникло отторжение прославления Сталина ввиду того, что каждые пять лет мы празднуем победу, и Сталин перед всеми на экранах, во всех СМИ и прочая, и он вытесняет Ленина. Вот в связи с этим, когда я слушал Ваш доклад, у меня возникло предположение. Когда Шатров писал свою пьесу, он не руководствовался теми же самыми соображениями? Что Сталин к 1967 г. уже стал постепенно вытеснять Ленина, и поэтому нужно было Ленина представить нравственным человеком, которого мучают сомнения?

В. Н. Гинев: В пьесе «Большевики» Сталина нет.

М. М. Сафонов: Да. Но Вы как думаете, Шатров был захвачен этим настроением антисталинизма, отторжения сталинизма конца 1960-х гг.? С приходом к власти Брежнева Сталин стал чаще появляться в кинофильмах, СМИ.

В. Н. Гинев: Я думаю, что в 1960-е гг. еще такая проблема перед ним не стояла, но постепенно он к этому пришел. И опять повторю, об это упоминается в пьесе «Дальше... дальше... дальше». Но, понимаете, это хоть какая-то идеализация того, ленинского пути. Еще не было, даже во времена Перестройки, у него не было сомнения в том, что ленинская правда — это действительная правда, а сталинская правда — это не правда.

М. М. Сафонов: Спасибо. И вот еще по поводу Вашего доклада, по поводу памятника (*О. В. Колгановой*). Скажите, пожалуйста, Вы не пробовали отыскать масонскую символику? (*смех в зале*) Здесь невольно приходит на ум масонская идея: масонство как путь от тьмы к свету. Это если посмотреть расположение сторон горизонта и направление, в котором расположена указующая рука Ленина. Если посмотреть с этой точки зрения, не был ли автор связан каким-либо образом с масонами, с их идеями? Потому что, например, Дворец Съездов Советов в Москве — он исполнен масонской символикой.

О. В. Колганова: Мне трудно на этот вопрос ответить.

М. М. Сафонов: Но все-таки как Вы полагаете?

О. В. Колганова: Он был второй ребенок в семье, их было девять детей у отца. А мать была актрисой Александринского театра. Сын Александр, старший, вот он был связан с масонскими организациями. Ну и сам Григорий Гидони, он символике уделял очень много внимания, даже есть статья о нем у Шахновича, он встречался с Шахновичем, где сказано, что у него было очень много амулетов. В общем, он занимался этими вещами, и это записано в его дневниках.

М. М. Сафонов: До революции всегда занимались поисками масонской символики. А до Перестройки принято было считать, что у нас нет ни масонов, ни масонской символики. В оценке искусстве-

дами этого проекта проскальзывает хотя бы намек на то, что это проект масонский? Может быть, его отклонили именно потому, что в нем увидели то, что скрыто для человека непосвященного?

О. В. Колганова: Конечно, мотивировок отказа могла быть масса. И спасибо большое за вопрос и за намек на эту тему. Но надо сказать, что этот памятник очень мало описан. Всего две-три статьи, в том числе Галеева из Казани, руководителя центра «Прометей», и еще одного театроведа, он умер несколько лет назад. В архивах очень много сокрыто, я сейчас эти материалы достаю и, надеюсь, во втором моем выступлении эта тема будет раскрыта более широко.

М. М. Сафонов: Обратите внимание на розенкрейцерскую символику.

В. В. Носков: Спасибо. Я думаю, что эта тема неисчерпаема, поэтому я предлагаю вернуться к прекрасному, и вернуться прежде всего к последнему сообщению Владимира Николаевича. А мы знаем, что со времен Кальдерона драма как литературный жанр всегда носила морализаторский характер, просто по определению, по своему жанровому своеобразию. Шатров был драматургом образованным. Как, Владимир Николаевич, Вы полагаете, его общая культурная подготовка сказалась на его работе?..

В. Н. Гинев: Я знаю, что античных драматургов он читал, скорее всего. Скажу так, когда меня спрашивают про пуговицу, про кухню и так далее. Единственное, что я хотел бы добавить еще, что Шатров на самом деле не Шатров, а Маршак, родственник известного Маршака, детского писателя и переводчика, и между ними был разговор, и настоящий Маршак сказал своему родственнику: «Ты же знаешь, что двух Маршаков быть не может? Поэтому бери себе псевдоним». И он стал Шатровым.

В. В. Чурзин: Я хотел сказать по поводу темы примирения красных и белых. Дело в том, что не только Россия была в такой ситуации, но и Испания. Они решили эту проблему так: создали мемориальный комплекс, так сказать, примирения, где франкисты и республиканцы стоят по обе стороны перед ликом Всевышнего и, значит, находят себе оправдания. И то же самое у нас могло бы быть. У нас, собственно говоря, это создается через клерикализацию общественной жизни и усиление роли РПЦ. И здесь проблема в том, что там национальные отношения, конечно, как-то коррелируются, есть некоторые препятствия, но с точки зрения существующей власти, и это устранимое препятствие. Проблема все-таки в том, что у нас параллельно существовало две России. Примирение, можно сказать, Зарубежной Православной и русского патриархата — они в этом плане воссоединены, и зарубежная русская культура с отечественной. И здесь идет своеобразный ренессанс на почве этого синтеза, идет медленно, но идет это самое примирение, потому что Россия одна, и опять ее делить по цветовому признаку — это возобновлять войну, что никто не хочет. Поэтому искоренение

в общем комплексе гражданской войны — это и есть примирение. И это примирение с самим собой, потому что гражданская война — это конфликт внутренний, вынесенный вовне. И поэтому примирение с собой — это и есть искоренение гражданской войны из повседневности и из ментальности.

В. Н. Гинев: По мне, примирение возможно в обществе, которое не испытывает никаких экономических трудностей и где достигнуто какое-то более или менее всеобщее благосостояние, которое уже не делит людей на бедных и богатых, и памяти об этом нет. Потому что сейчас значит «примирить»? Социалистическую идею примирить с идеей капиталистической, по-моему, нельзя. Идем мы, по-моему, по рыночному пути, а если примиряться и говорить, что можно было идти по социалистическому пути, — сейчас уже такой синтез не получится.

В. В. Чурзин: Ну как же, вот, например, идею «единая и неделимая» белые представляли осуществить, но смогли осуществить не белые, в силу определенных обстоятельств, а именно красные. Т. е. это как бы общая идея — о единой и неделимой России, белых и красных.

В. Н. Гинев: Но это же общественный строй.

В. В. Чурзин: Правильно, только идея языка и остается.

В. Н. Гинев: Да, конечно.

В. В. Чурзин: Да, и потом, в конечном счете, явно или подспудно — общая вера.

В. В. Носков: Коллеги, я позволю себе напомнить, что наш регламент исчерпан, вы здесь занимаетесь коллективным нарушением. Как вы знаете, значение имеет последнее слово. Так вот последнее слово здесь прозвучало — примирение. Давайте на этой ноте закончим, а все прения перенесем в кулуары. Спасибо.

12 мая 2017 г.

**ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕВОЛЮЦИИ
И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ**

**Приветствие директора
Санкт-Петербургского института истории РАН
Николая Николаевича Смирнова**

Уважаемые коллеги, друзья! Мне очень приятно приветствовать Вас здесь у нас в СПбИИ РАН на втором дне нашей конференции, посвященной столетнему юбилею Великой Русской революции 1917 г. Я бы сразу хотел Вас сориентировать: когда будет перерыв, здесь в холле Вы можете ознакомиться с выставкой, которая специально подготовлена к этой конференции, к этому юбилею. Это выставка работ сотрудников нашего института, которые в разное время, в разные эпохи писали о революции 1917 г. Я думаю, вы узнаете много интересного о том, кто занимался этими проблемами, какие конкретно книги издавались в нашем институте, и сделать вывод, насколько они актуальны сегодня в 2017 г.

Кроме того, мы постарались презентовать Вам материалы тех международных коллоквиумов, которые раз в три года на протяжении более двух десятилетий проводятся у нас. Но материалы этих коллоквиумов издаются и сегодня представляют библиографическую редкость. Так просто Вы их не найдете. Некоторые из них Вы можете взять, ничего платить за это не надо. Это, если хотите, наш подарок всем участникам конференции. Большая просьба будет к тем, кто приехал к нам из других регионов, из других стран: в перерыве подойти к Александру Николаевичу. Мы специально для Вас передадим свежий номер «Петербургского исторического журнала», который издается в нашем институте вот уже четвертый год. Можете с ним познакомиться. Кроме того, иногородним и зарубежным участникам конференции мы подарим еще «Труды СПбИИ РАН», второй выпуск которых после долгих лет перерыва вышел из печати в конце прошлого года. Я желаю всем Вам успеха и в сегодняшнем заседании. Знаю, что вчера заседание прошло очень интересно, была хорошая дискуссия. Надеюсь, что и сегодняшнее заседание тоже будет воспринято Вами внимательно и вызовет интерес и желание поdiskутировать с докладами, которые будут представлены на сегодняшнем нашем заседании. Успехов Вам и всего добро!

Между Красными и Белыми: политические практики рабочих Урала в условиях гражданской войны*

Отечественные и зарубежные историки обоснованно подчеркивают решающую, «форматирующую» роль гражданской войны и ее опыта в становлении советской политической системы, ее специфических черт, облика, ценностно-символической структуры¹. Многочисленные исследования посвящены психологии и поведению рабочих в условиях революции 1917 г. и гражданской войны, их участию в этих процессах, во многом определившему судьбу большевистского режима и трансформировавшему их собственный облик². В то же время актуальной остается задача изучения региональной специфики участия российских рабочих в гражданской войне, результаты которого позволят переосмыслить их роль в становлении большевистской политической системы.

Эпохальные процессы и события общественной жизни, вызвавшие раскол российского общества в конце 1917—начале 1918 г., оказали значительное влияние на умонастроения и поведение уральских рабочих. Важнейшими из них были действия большевиков по утверждению своей власти, созыв и роспуск Учредительного собрания, заключение Брестского мира, социально-экономические процессы в условиях демобилизации и национализации промышленности региона.

Индикатором политических настроений рабочих конца 1917 г. можно считать результаты выборов в Учредительное собрание. Наивысший процент голосов на Урале большевики собрали на частновладельческих заводах Южного Урала (90 % на Миньярском заводе, ставшем «колыбелью большевизма»), значительно меньше — в заводских посел-

* Тема поддержана грантом Российского научного фонда (проект № 16-18-10106 «Раннесоветское общество как социальный проект: идеи, механизмы реализации, результаты конструирования»).

¹ Гимпельсон Е. Г. 1) Формирование советской политической системы. 1917–1923 гг. М., 1995. С. 223; 2) Россия на переломе эпох. Осмысление XX столетия российской истории. М., 2006. С. 44; *Bolshevik Culture. Experiment and Order in the Russian Revolution*. Bloomington : Indiana University Press, 1985. P. 57–58; *Fitzpatrick Sh. The Russian Revolution*. Third Edition. Oxford University Press, 2008. P. 84–90.

² Яров С. В. 1) Пролетарий как политик. Политическая психология рабочих Петрограда в 1917–1923 гг. СПб., 1999; 2) Конформизм в Советской России: Петроград 1917–1920-х гг. СПб., 2006. Чураков Д. О. Революция, государство, рабочий протест: Формы, динамика и природа массовых выступлений рабочих в Советской России. 1917–1918 гг. М., 2004; Постников С. П., Фельдман М. А. Социокультурный облик промышленных рабочих России в 1900–1941. М., 2009; и др.

как казенных предприятий: от 50 % на Ижевском, Мотовилихинском, Кушвинском заводах до 20 % на Воткинском. Аналогичная картина сложилась в ряде старинных горнозаводских центров с устоявшейся социальной структурой, наличием земельных наделов у большинства рабочих³. Результаты выборов отражали как политические ожидания рабочих в целом, которые они связывали с большевиками и другими левыми партиями, так и, в большей степени, настроения неквалифицированных рабочих, недавних выходцев из деревни, ориентированных на быстрые изменения своего социального статуса. Очевидно, что рабочие и их коллективы, наряду с солдатами тыловых гарнизонов Урала,⁴ были главной социальной силой, поддержавшей большевиков. В целом на выборах в Учредительное собрание на Урале за них проголосовало 18,1 % населения, в то время как за другие политические силы — около 82 %⁵, что обусловило особую остроту политической борьбы в регионе. Эсеро-меньшевистский блок, получивший 54,1 % голосов избирателей⁶, представлял на Урале серьезный политический фактор, активно действовавший в прессе, Советах, других общественных организациях. Немало сторонников меньшевиков и эсеров было и в рабочей среде. Они имели значительное влияние в Златоусте, Ижевске, Мотовилихе, на Билимбаевском, Чусовском, Ревдинском, Богословском, Верхотурском, Нязе-Петровском и некоторых других заводах⁷, среди железнодорожных рабочих⁸. Популярностью и весомой поддержкой рабочих в промышленных районах края пользовались левые эсеры⁹.

Наиболее существенное, поистине колоссальное воздействие на социальное самочувствие рабочих оказали факторы социально-экономического порядка. После прихода большевиков к власти уральские рабочие столкнулись с реалиями массового сокращения производства на оборонных заводах, переживавших хаотическую демобилизацию,

³ Постников С. П., Фельдман М. А. Социокультурный облик промышленных рабочих... С. 306–307.

⁴ По подсчетам Н. Н. Попова, за большевиков на выборах в Учредительное собрание проголосовало 55,7 % солдат Урала. См.: Попов Н. Н. Советская историческая литература о борьбе уральских большевиков за солдатские массы в период подготовки и проведения Октябрьской революции // Большевистские организации Урала в период Октябрьской революции и гражданской войны (1917–1920 гг.). Свердловск, 1981. С. 50.

⁵ Каплюков В. В. Партийная борьба на Урале вокруг Учредительного собрания // Большевистские организации Урала в борьбе за победу социалистической революции. Свердловск, 1987. С. 28.

⁶ Там же.

⁷ Урал и Прикамье. Ноябрь 1917 — январь 1919 : документы и материалы. Париж, 1982. С. 61.

⁸ Рабочая революция на Урале. Эпизоды и факты. Екатеринбург, 1921. С. 139–140.

⁹ Люхундаев М. И. Левые эсеры в политической жизни Урала в 1917–1918 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2001. С. 15.

общей ситуацией дезорганизации промышленности в условиях ее начавшейся национализации, растущей безработицей. Недовольство рабочих своим положением стало проявляться уже с первых дней 1918 г., но особенно активно — с мая 1918 г., когда над уральскими рабочими нависла угроза голода, а в ряде мест он реально наступил¹⁰. Мотивами недовольства рабочих были не только продовольственные трудности, но и протест против действий местных большевиков, формирований Красной гвардии и Красной Армии, занимавшихся бессудными арестами, убийствами, грабежом и насилием над населением, осуществлявших различные левацкие меры по реквизиции домов, запрещению владеть покосами и т. п.¹¹

К весне — началу лета 1918 г. позиции большевиков в рабочей среде существенно ослабли, проявлением чего стало значительное количество голосов, поданных за меньшевиков и эсеров на выборах в городские Советы весной 1918 г.¹², возникновение на некоторых уральских заводах движения рабочих уполномоченных, находившегося под влиянием умеренных социалистов¹³, но главным образом — развитие протестного движения, наиболее ярким проявлением которого стали антибольшевистские восстания.

Отличительной чертой Урала был широкий размах антибольшевистского рабочего протеста и его повстанческие формы, в отличие от преимущественно мирных в других регионах страны¹⁴. По данным М. И. Вебера, в 1918 г. только в горнозаводских поселках Урала имели место три крупных антибольшевистских восстания (Ижевско-Воткинское, Саткинское и Невьянское), 10–12 восстаний, которые можно оценить, как средние, и несколько десятков случаев волнений¹⁵. Всего с декабря 1917 г. по июль 1918 г. на Урале произошло 37 заводских и городских антибольшевистских восстаний, в том числе на Михайловском, Шемахинском, Полевском, Рудянском, Северском, Павловском, Камбарском, Верх-Исетском, Кусинском, Саткинском, Бакальском, Нижнее-Сергинском, Нязе-Петровском, Надеждинском, Суксунском, Николо-Березовском заводах¹⁶.

¹⁰ Уральский рабочий. 1918. 12 мая (29 апр.); 9 июля.

¹¹ *Струмилло Г. Б.* Из записок рабочего // Урал и Прикамье. Ноябрь 1917 — январь 1919 : документы и материалы. Париж, 1982. С. 29–31, 38–42; *Чураков Д. О.* Революция, государство, рабочий протест... С. 279.

¹² Однако на Урале правые эсеры и меньшевики вскоре либо выходили из Советов в знак несогласия с проводимой их большинством политикой, либо исключались из их состава: См.: ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 3. Д. 31. Л. 7, 47, 129, 134, 134 об., 156, 181 об., 183–201; Д. 283 б. Л. 5; Д. 502. Л. 1 об., 2, 4 об.

¹³ *Чураков Д. О.* Революция, государство, рабочий протест... С. 160.

¹⁴ *Вебер М. И.* Антибольшевистское повстанчество на Урале в годы Гражданской войны : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2014. С. 21.

¹⁵ Там же. С. 18.

¹⁶ Урал и Прикамье. Ноябрь 1917 — январь 1919: документы и материалы. С. 71–72.

Рабочие восстания на Урале нельзя считать результатом действий организованной антибольшевистской оппозиции¹⁷, они имели черты традиционных форм протеста горнозаводского населения. В то же время именно меньшевики и правые эсеры весной–летом 1918 г. формулировали созвучные стихийным антибольшевистским настроениям рабочих лозунги.

В 1918–1919 гг. Урал стал эпицентром вооруженной борьбы на Востоке России, с лета 1918 г. в регионе развернулось широкое противостояние пробольшевистских и антибольшевистских сил. Леворадикально настроенные рабочие, вступившие в Красную гвардию, Красную Армию, боевые дружины, начали активно участвовать в вооруженном подавлении антибольшевистских выступлений. Мемуары таких рабочих свидетельствуют, что в ходе развития ситуации весной–летом 1918 г. им пришлось делать личностный выбор, определяя, на какую сторону баррикад встать и на что они готовы в этой борьбе. Они вспоминали, какие события дали импульс к принятию судьбоносного решения о поддержке красных, среди которых, в частности, упоминались Невьянское восстание, выступление атамана Дутова, гибель от рук противников большевиков родственников и товарищей¹⁸.

Степень сознательной вовлеченности рабочих в политический процесс на стороне большевиков в определенной мере показывают данные о численности добровольцев–рабочих, вступивших в Красную Армию в первой половине 1918 г. При том, что добровольчество имело материальный стимул в виде продовольственного пайка, денежного довольствия и различных льгот, уровень активности уральских рабочих в этом направлении не был высоким. Если на Южном Урале, в Оренбургской и Уфимской губерниях, в Красную Армию вступили 21,3 % рабочих, то на Западном Урале, в Пермской и Вятской губерниях, где располагались крупные бывшие казенные заводы, — 3,9 % и 6,8 % соответственно, а в целом по Уралу — 8 %¹⁹. Это свидетельствует не только о неравнозначности поддержки рабочими красного лагеря, как отмечают С. П. Постников и М. А. Фельдман²⁰, но и о нежелании их основной массы добровольно участвовать в какой-либо, а особенно гражданской, войне.

Разочарование основной массы рабочих в политике большевиков проявилось летом–осенью 1918 г. в поддержке ими антибольшевистских меньшевистско–эсеровских Комитетов народной власти, а затем

¹⁷ Там же. С. 64–65; *Сергеева Е. Б.* Большевики в политической борьбе на Урале (1917–1924) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1996. С. 16.

¹⁸ Были горы Высокой : рассказы рабочих Высокогорского железного рудника о старой и новой жизни. М., 1935. С. 199–200, 213; Рабочая революция на Урале : эпизоды и факты. Екатеринбург, 1921. С. 100.

¹⁹ *Постников С. П., Фельдман М. А.* Социокультурный облик промышленных рабочих... С. 312–313.

²⁰ Там же. С. 312.

и Временного Областного правительства Урала (далее — ВОПУ), что признавалось и в советской историографии²¹. Дискредитация большевистской власти из-за незаконных, насильственных действий ее представителей — типичный «сюжет» политических сводок партийно-советских властных инстанций за 1918 г.²² Ретроспективные свидетельства распространенности антисоветских настроений среди рабочих летом 1918 г. содержатся в сводках политических отчетов инструкторов Екатеринбургского губкома РКП(б) за 1919 г.²³

Поддержка квалифицированными рабочими антибольшевистской агитации была связана с их неприятием большевистских экономических и политических принципов, иными ценностными ориентациями, в частности, уважением прав собственности, норм законности, отрицанием конфискации и т. п. Значительная часть таких рабочих была сосредоточена на крупных бывших казенных оборонных предприятиях, таких как Ижевский и Воткинский заводы. Коммунисты-агитаторы на Ижевском заводе так характеризовали местных рабочих: «Ижевский рабочий, в массе являясь высококвалифицированным, получал высокие ставки и до войны. За войну же, в особенности, и поэтому он “мелкобуржуазился” (так в источнике. — *О. П.*) и его заветная мечта — накопить грошей, выстроить двухэтажный домик и обеспечить себе старость по “сберегательной”»²⁴. В докладе Воткинского комитета РКП(б) отмечалось, что часть рабочих пошла на антибольшевистское восстание сознательно, так как «вела мещанский образ жизни» и «не хотела расстаться со своей скотинкой, землицей и вообще частной собственностью»²⁵.

В декабре 1918 г. на митинге рабочих Мотовилихинского завода были выдвинуты требования отмены пыток и смертной казни, свободной продажи хлеба, а также — «проверять, что едят комиссары и снять с них кожанки для пошива обуви населению». Митинг разогнали латыши, а в ближайшие дни более 300 рабочих бесследно исчезло²⁶. Военный Совет 3-й армии принял решение о закрытии завода и объявлении его на осадном положении, были произведены обыски и аресты²⁷.

Некоторые категории рабочих поддерживали небольшевистские правительства Урала во все время их существования. Об этом говорят

²¹ Урал в гражданской войне / отв. ред. О. А. Васильковский. Свердловск, 1989. С. 103.

²² В частности, отдела Военно-полевого контроля 3-й армии РККА и Политотдела областного комитета РКП(б). См.: ЦДОО СО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 466. Л. 54, 55, 58, 63 и др.

²³ ЦДОО СО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 779. Л. 4, 5, 9, 10.

²⁴ Там же. Ф. 41. Оп. 2. Д. 456. Л. 240.

²⁵ Там же. Л. 241.

²⁶ *Посадский А. В.* Уральское и Прикамское беженство в 1919 году // *Гражданская война на Востоке России: Урал. Поволжье. Сибирь. Дальний Восток.* Пермь, 2008. С. 226.

²⁷ ЦДОО СО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 466. Л. 32.

данные об эвакуации квалифицированных рабочих вместе с белыми при их отступлении²⁸, о значительной доле населения заводских поселков, «бежавшего с белыми»²⁹, о различных формах поддержки рабочими Уральского и Сибирского правительств³⁰.

Тема обличения большевиков и красноармейцев присутствовала в рабочем фольклоре, в частности, в частушках, собранных неизвестным автором в районе Северского и Полевского заводов. О Красной Армии в них говорилось: «Красна армия воюет, // А буржуев не берет, // Лишь с крестьянином дерется, // Да с рабочих деньги рвет»³¹. О Ленине в частушке говорилось: «Мы пойдем на край Сибири, // Где могила Ермака. // Но не надо нам уж боле // Ах, царем — большевика»³².

Косвенное свидетельство разочарования значительной части рабочих в большевиках и их «пассивного сопротивления» навязыванию новых политических порядков — констатация большевистскими руководителями «беспартийности» и «несознательности» основной массы рабочих. Так, на Первой Екатеринбургской губернской конференции РКП(б) в октябре 1919 г. председатель областного Совета Урала, член президиума ВЦИК Л. С. Сосновский выделял три группы рабочих: «самый передовой, авангард — наиболее сознательные, вполне самоопределившиеся в классовом и политическом отношении рабочие; средний — менее сознательные, недостаточно стойкие в убеждениях, недостаточно проникшиеся пролетарской психологией рабочие; наиболее значительная — несознательная масса рабочих, которые только что втягиваются в политическую жизнь»³³. Сходную оценку давал лидер партии Г. Зиновьев в статье «Почему нельзя остаться беспартийным», опубликованной в «Уральском рабочем»: «Говорится о том, что “партия коммунистов — партия рабочего класса”. Тем не менее в нее входит только часть рабочих, меньшая часть. Большая часть рабочего класса “ни с кем”. Большинство рабочих до сих пор считают себя “беспартийными”»³⁴.

Военно-политический режим антибольшевистских правительств, социально-экономические процессы на территории края породили реальность, далеко расходящуюся с программными установками противников большевиков. Негативную роль в отношениях рабочих и новой власти сыграли неспособность Уральского и Сибирского правительств наладить промышленное производство, решить продовольственную проблему, обуздать произвол военных. Низкая произво-

²⁸ Там же. Д. 352. Л. 31.

²⁹ Там же. Ф. 76. Оп. 1. Д. 779. Л. 8, 10.

³⁰ Там же. Ф. 41. Оп. 1. Д. 52. Л. 27–28; Д. 142а. Л. 39 об.

³¹ *Голдин В. Н.* Поэзия гражданской войны в периодических изданиях Урала: 1917–1919 гг. Екатеринбург, 2006. Кн. 1. С. 68.

³² Там же.

³³ ЦДОО СО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 1. Л. 10.

³⁴ Уральский рабочий. 1919. 12 нояб. № 84 (436).

длительность национализированных заводов, недостаток сырья и топлива, катастрофическое финансовое состояние обусловили трудности в реализации планов их денационализации³⁵, массовые увольнения рабочих целого ряда предприятий и их закрытие, осложнявшиеся задержкой расчетов с уволенными рабочими, порождали безработицу и социальную напряженность. Ситуацию осложняло и то обстоятельство, что большевики перед эвакуацией выдали рабочим 1,5-месячный аванс, который решением конференции профессиональных союзов Урала они должны были отработать³⁶.

Привычка уральских горнозаводских рабочих к патернализму в отношениях с властью³⁷ обусловила восприятие массовых увольнений не иначе, как невыполнение главнейшей обязанности власти — обеспечения гарантий работы и минимума заработка. Крайне болезненно воспринимали рабочие увольнения по политическим мотивам, существование которых признавалось самими представителями антибольшевистских структур³⁸. Рабочие, значительная часть которых сохраняла связь с землей, крайне негативно воспринимали и действия заводладельцев по возвращению принадлежавших им земельных и лесных угодий.

Галолирующая инфляция, практиковавшиеся белыми разнообразными обременительные повинности (пешая, конная, подводная), реквизиции имущества на нужды белой армии — все это делало повседневное существование рабочих под властью белых крайне тяжелым. С. С. Постников, начальник Уральского края, подавший 1 апреля 1919 г. в отставку, обличая политику военных и Сибирского правительства в целом, писал: «Продовольствия на Среднем и Северном Урале нет, потому что железные дороги его не перевозят... Население доводится до отчаяния, а с голодными рабочими наладить и даже удержать промышленности не могу... На голодном Урале недостаток рабочих, и пока хлеб не придет, они не придут»³⁹. Рабочие спасались от голода, уходя из городов в деревню, в сферу кустарной и мелкой промышленности, что породило нехватку рабочих рук на работающих предприятиях.

Острую негативную реакцию рабочих вызывали произвол и террор военных властей. В источниках имеются многочисленные свидетельства арестов и расправ «по наветам», без суда⁴⁰. На фоне такой ситуации у белых беспощадная борьба с произволом красноармейцев, прово-

³⁵ ЦДОО СО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 453. Л. 73.

³⁶ Горный край. 1918. 22 (9) дек. № 20. С. 3.

³⁷ См.: *Алеврас Н. Н.* «Заперты мы на заводе»: локальный мир горнозаводской культуры дореволюционного Урала // Горизонты локальной истории Восточной Европы в XIX–XX веках : сб. ст. Челябинск, 2003. С. 62.

³⁸ Горный край. 1918. 22 (9) дек. № 20. С. 3.

³⁹ ЦДОО СО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 142а. Л. 73.

⁴⁰ Там же. Оп. 2. Д. 466. Л. 2; Оп. 1. Д. 142а. Л. 73.

дившаяся командованием РККА с 1919 г., не могла не восприниматься населением положительно. В письме красноармейца от 16 ноября 1919 г. говорилось: «Теперь у нас в Красной армии порядки хорошие, не так, как раньше было, теперь даже за оскорбление ответишь, а если взял что-нибудь у крестьянина, то строго ответишь, и даже совсем расстреляют, у крестьян ничего не велят трогать»⁴¹.

Разочарование рабочих в белых правительствах, которых поначалу «встретили как избавителей», но потом «плакали от их крепких объятий», констатируется как характерная черта изменения настроений рабочих в политических сводках Екатеринбургского губкома РКП(б) за август–декабрь 1919 г.⁴² Об этом же свидетельствует один из создателей ВОПУ Л. А. Кроль: «Много перенесло население Пермской губернии от большевиков и с энтузиазмом встретило сибирскую армию. Но это настроение длилось недолго. Оно скоро перешло в недоверие, даже в ненависть, благодаря исключительно агентам власти»⁴³.

Восприятие власти и ее политики уральским населением после освобождения края от Колчака может быть изучено на основе массовых источников личного происхождения, в частности, материалов отделения военной цензуры при Первой трудовой армии, содержащих информацию о частных письмах и отрывки из перлюстрированной корреспонденции уральцев⁴⁴. По подсчетам Е. И. Ярковой, проанализировавшей 903 сообщения за период со второй половины апреля по вторую половину июня 1920 г., количество «положительных» (в поддержку советской власти) писем составляет 30 % от общего числа, отрицательных — 61 %, нейтральных — 9 %⁴⁵. При том, что самое большое недовольство вызывала продовольственная политика власти, наименьшая доля отрицательных писем приходится на раздел «отношение к Красной армии и Гражданской войне», что, по-видимому, было связано с общими причинами победы красных в гражданской войне и отражало сдвиг общественных настроений после окончания военных действий в регионе. Содержание писем за весну–лето 1920 г. свидетельствует о поддержке большинством адресантов, представленных жителями Урала, Красной Армии в войне с Польшей, а также о присутствии в их сознании утопического концепта «светлого будущего» и революционно-романтических настроений⁴⁶. Типичными были рассуждения, высказанные, например, в письме из Екатеринбурга 12 мая

⁴¹ Там же. Ф. 76. Оп. 1. Д. 780. Л. 49.

⁴² Там же. Д. 779. Л. 3-10.

⁴³ Там же. Ф. 41. Оп. 1. Д. 142а. Л. 89.

⁴⁴ Яркова Е. И. 1920-й год глазами населения Урала: Сводки военной цензуры о письмах граждан уральских губерний // Гражданская война на Востоке России: Урал. Поволжье. Сибирь. Дальний Восток. С. 326–329.

⁴⁵ Там же. С. 328.

⁴⁶ «Скоро ли кончится эта проклятая война...» (из сводок отделения военной цензуры при I Трудовой армии о содержании писем, присланных красноармейцам) // Архивы Урала. 2009. № 13. С. 35–53.

1920 г., где говорилось: «На вашу долю выпало дать отпор проклятой польской шляхте, но я уверен, что с ней справимся, как и с Колчаком, только не падайте духом. Весь Урал рабочих и красноармейцы рвутся к вам на помощь. Работаю и я на трудовом фронте, а товарищи красноармейцы просятся на польский фронт. Желая скорой победы над польскими панями»⁴⁷. Другой характерный пример — письмо из Троицка от 1 июля 1920 г.: «Все несчастье в том, что буржуазия всего мира желает, во что бы то ни стало, задушить советскую власть. И вот когда было приступлено к строительству новой жизни, панская шляхта с европейской буржуазией снова напали на нас. Наша армия гонит польскую шляхту. Придет время, когда мы увидим, жизнь при власти трудящихся есть облегчение всему народу»⁴⁸.

Утопический, мифологический компонент сознания рабочих усиливался в процессе их приобщения к большевистской политической культуре. Важную роль в этом играли политические ритуалы, в ходе которых рабочие усваивали формулы, клише и образы официальной пропаганды. В процессе повторения стереотипных, эмоционально-нагруженных действий, участия в «применении символов» рабочие закрепляли в сознании их ценностное и смысловое наполнение. Такую «форматирующую» роль в отношении картины мира рабочих играли церемонии празднования 1 Мая, похорон большевиков — жертв Гражданской войны⁴⁹, митинги на предприятиях в связи с разгромом Колчака⁵⁰, празднование годовщины Октябрьской революции⁵¹, собрания в поддержку решений Всероссийских съездов Советов⁵². На собраниях и митингах звучали звуки «Интернационала», рабочие пели «Вы жертвою пали...», принимали постановления против меньшевиков и эсеров как «врагов народа», «соглашателей», «прислужников и опричников Колчака», левых эсеров как «врагов мирового пролетариата», осуждали «мертворожденное Учредительное собрание», призывали к созданию «советов трудящихся всего мира», «такого строя, когда не будет ни бедных, ни богатых». При этом постановления митингов и собраний принимались абсолютным большинством голосов⁵³. Участие рабочих в советских политических ритуалах и одобрение ими коллективных резолюций не означало, разумеется, полного совпадения их позиций с позицией большевиков. Так, характеризую настроение рабочих

⁴⁷ Там же. С. 35.

⁴⁸ Там же. С. 53.

⁴⁹ См.: РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 376. Л. 9 об; Уральский рабочий. 1918. 22 (9) мая. № 96 (193), 12 июля. № 136 (233).

⁵⁰ Уральский рабочий. 1919. 9 авг. № 6 (368), 13 авг. № 9 (371).

⁵¹ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 3. Д. 282. Л. 180–180 об.

⁵² Там же. Л. 222; ЦДОО СО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 453. Л. 166.

⁵³ См.: ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 3. Д. 282. Л. 222; Уральский рабочий. 1918. 22 (9) мая. № 96 (193); 12 июля. № 136 (233); 1919. 9 авг. № 6 (368); 13 авг. № 9 (371).

В.-Салдинского завода, авторы политической сводки штаба 3-й армии РККА от 4 сентября 1918 г. отмечали: «Настроение вообще не особенно важное, так, *несмотря на тысячные митинги и принятые резолюции* (курсив мой. — О. П.), явно прослеживается нежелание идти на фронт»⁵⁴. Аналогичная ситуация была в Чермозском заводе, о чем писал «Уральский рабочий» в июле 1918 г.⁵⁵ В этом, на наш взгляд, проявлялось становление советской культуры конформизма, детально исследованное применительно к 1917–1920-м гг. С. В. Яровым⁵⁶.

Таким образом, анализ политических практик уральских рабочих в условиях гражданской войны позволяет констатировать отторжение рабочей массой политики большевиков в период их борьбы за утверждение у власти в конце 1917 — сер. 1918 г. Приход в регион социокультурно чуждых белых правительств, неэффективных в решении насущных проблем и проводивших репрессии в отношении рабочих, корректировка в 1919–1920 гг. политики большевиков обусловили смену политических настроений. Период гражданской войны был временем большевизации сознания рабочих, которая осуществлялась принудительно, в процессе целенаправленной индоктринации, опиралась на традиционалистские установки менталитета уральских рабочих, сопровождалась созданием новой символической системы, легитимирующей большевистскую революцию.

И. А. Смирнова: Вы сказали, что предпосылка к революции — оборонные заказы.

О. С. Поршнева: Я не это имела в виду, я имела в виду, что предпосылка ухудшения отношения к большевикам в начале 1918 г. — это прекращение оборонных заказов после выхода России из Первой мировой войны. Уральские заводы работали на оборону в большой степени, и когда Россия вышла из Первой мировой войны, заказы прекратились, ну и понятно, рабочие стали безработными. Кстати, меньшевики писали в своей газете «День» о том, что рабочие Урала реагируют на это полной растерянностью и сами предлагают разные варианты выхода из этой ситуации: одни предлагают самим перестроить производство, другие требуют непомерных компенсаций от правительства. Т. е. рабочие действительно считали, что государство, власть должна обеспечить их работой. Это было коренное убеждение рабочих Урала, частью их ментальности.

А. О. Вербовой: У меня один вопрос. А вот до Февральской революции, до событий 1917 г., до революции, рабочие жили хорошо?

⁵⁴ Гражданская война на Урале в документах 3-й армии РККА : сб. док. Екатеринбург, 2008. С. 65.

⁵⁵ Уральский рабочий. 1918. 16 июля. № 138 (235).

⁵⁶ См.: Яров С. В. Конформизм в Советской России: Петроград 1917–1920-х гг. СПб., 2006.

О. С. Поршнева: Спасибо за интересный вопрос. Рабочие жили трудно, потому что на Урале заработок был в несколько раз ниже, чем в Петрограде. Поскольку рабочие имели наделы, то заводладельцы этим пользовались. Но на казенных предприятиях, конечно, квалифицированные рабочие, как писали тогда, получали хорошую ставку. Но в целом в среднем зарплата была ниже. Инфляция во время Первой мировой войны обуславливала рост зарплат. Но это было повышение в два-три раза, а инфляция и, следовательно, рост цен — в четыре-пять раз. Конечно, продовольственный кризис в городах, даже в заводских поселках Урала был очень острым. Ведь рабочие же себя не хлебом обеспечивали, на Урале это было животноводство, огородничество. Поэтому продовольственный кризис был очень острым, хлеба не хватало, муки. Продовольственные волнения женщин на Урале осенью 1916 г. были очень активными. Вот поэтому период революции и связывали с надеждой на улучшение положения. Поскольку фабзавкомы внесли большой вклад в дезорганизацию производства и действовали другие дестабилизирующие факторы, то в 1917 г. улучшения, которое рабочие связывали с революцией, не произошло. Поэтому они и надеялись, что, когда большевики придут к власти, все изменится. Даже постановления выносили о сокращении рабочего дня, о выделении дополнительных выходных дней, о дополнительных выплатах. Это еще больше дезорганизовывало производство. Т. е. в первые месяцы после революции была некая анархия. Ну и, я уже говорила, что ухудшалось положение с питанием.

Л. А. Булгакова: Ольга Сергеевна, скажите, пожалуйста, а когда восстановилась деятельность оборонных заводов? Ведь они были очень ценны, работали на армию, и симпатии все-таки были на стороне Красной Армии.

О. С. Поршнева: После освобождения края от Колчака.

Л. А. Булгакова: Сразу?

О. С. Поршнева: Большевики очень активно стали восстанавливать заводы. Но они столкнулись с нехваткой квалифицированной рабочей силы, и это они считали одной из важнейших причин такого медленного налаживания производства. Действительно многие квалифицированные рабочие ушли с белыми. Но была и другая причина — это разрушение производительных сил. И той и другой стороной разрушались станки, вывозилось оборудование. Были финансовые сложности, сложности с сырьем, потому что из-за дезорганизации железных дорог сырье, топливо не подвозились. Милитаризация производства позволила в 1920 г. наладить производство. Хотя, конечно, оно было восстановлено не в полном объеме, но все же в 1920 г. заводы стали работать на красных.

VIII съезд Коммунистической партии: перестройка для выживания

Восьмой съезд Российской Коммунистической партии (большевиков), который состоялся в Москве 18–23 марта 1919 г., можно считать наиболее важным собранием руководителей партии большевиков на протяжении всей Гражданской войны. Съезд был созван в критический момент этого страшного столкновения, разрушающего страну конфликта, чтобы в первый раз со времени прихода большевиков к власти определить программные цели партии и рассмотреть возможные пути решения крайне сложных основных политических, социальных и военных проблем, от которых зависела судьба революции. Среди наиболее серьезных проблем, с которыми тогда столкнулась молодая советская власть, — распространение общественных беспорядков, выступлений, связанных с усиливающимся недостатком продовольствия и топлива; крайне опасная эпидемическая ситуация и почти полное отсутствие законности и порядка в стране. Еще более ухудшала положение структурная неразбериха и нарастающая коррупция в правительстве наряду с оставшейся от прежнего режима чрезвычайной бюрократизацией. Всё это сковывало усилия большевиков противостоять углубляющимся проблемам и неизбежно приводило к постепенной потере поддержки партии и революции в обществе.

Но это было еще не всё. Незадолго до созыва съезда надежды на свершение социалистической революции в других странах, от которой, как большевики верили, зависела судьба русской революции, были разрушены безжалостным подавлением Спартаковского восстания и зверским убийством Розы Люксембург и Карла Либкнехта в Германии. В то же самое время смертельная военная угроза существованию советской власти появилась в результате быстрого и успешного продвижения через Урал в центральную часть Европейской России армии адмирала Колчака, пользовавшегося значительной британской поддержкой.

Годом раньше, в марте 1918 г., VII съезд Коммунистической партии был сосредоточен прежде всего на вопросе войны или мира с Германией, вызвавшем глубокие разногласия в партии. Повестка VIII съезда и задачи, стоявшие перед ним, были не менее трудные, но значительно более широкие. Необходимо было принять уже так долго откладываемую программу партии, пересмотреть и определить основы политики в отношении крестьянства (подавляющего большинства населения страны); разрешить острые споры о характере Красной армии

(военная ситуация и военная политика) и решить продолжающиеся, вызывающие постоянные разногласия вопросы об основополагающих принципах организации Советского правительства (организационный вопрос). В рамках книги, над которой я работаю сейчас, под названием «Большевики выживают: правительство и кризисы в Петрограде в годы Гражданской войны», я рассматриваю подробно каждый из этих вопросов. В представляемом докладе я сосредоточусь только на двух ключевых вопросах — военной политике и организационном вопросе.

Военная политика большевиков

Зимой 1917–1918 г., после «Красного Октября», защита большевистской революции была в основном в руках наспех созданных партизанского типа формирований. Только весной 1918 г., когда недостатки таких слабо организованных военных отрядов стали очевидными, начался поворот в сторону создания регулярной, централизованной, традиционной армии. Ключевой фигурой, с которой был связан этот поворот, был обладавший огромными полномочиями и влиянием народный комиссар военных дел Лев Троцкий. Однако даже в 1919 г. военная политика Троцкого в целом, и в частности его позиция в отношении привлечения опытных офицеров царской армии (военных специалистов, или «спецов», как этих командиров называли в Красной армии), оставалась крайне спорной. «Теплые отношения» Троцкого со «спецами» только укреплялись с течением времени, что было особенно неприемлемо для петроградских большевиков. Именно их враждебное отношение к Троцкому из-за его позиции по «спецам» вызвало его внезапный перевод из Петрограда в Москву в марте 1918 г.¹ Более того, привлечение Троцким офицеров царской армии оттолкнуло партийных руководителей (военных комиссаров), которые должны были работать вместе с ними. Среди таких военных комиссаров были ветераны большевистской партии, которые ранее прославлялись как герои войны, а теперь вынуждены были заниматься только политическими вопросами. Таким образом, неудивительно, что ситуация в армии и военная политика были крайне чувствительными вопросами, поставленными ЦК в конце января 1919 г. на повестку дня VIII партийного съезда. После этого Троцкий в феврале 1919 г. подготовил детальные тезисы, отражающие его взгляд на проблему и пути ее решения для представления на съезде и принятия делегатами, в то время как его наиболее резкие критики (члены так называемой «военной оппозиции», большинство которой составляли большевики-военные комиссары, настроенные крайне враждебно по отношению к Троцкому и его планам военной реформы) готовились противостоять ему на съезде.

Эта уже в значительной степени сложная ситуация противостояния стала еще сложнее, когда в марте белая армия адмирала Александра

¹ Рабинович А. Большевики у власти: Первый год советской эпохи в Петрограде. М., 2007. С. 321.

Колчака начала свое мощное и вначале очень быстрое продвижение через Урал в Центральную Россию. За несколько дней до открытия съезда Троцкий, при неохотном согласии Ленина и ЦК, срочно выехал на фронт спасать ставшее чрезвычайно опасным положение. Троцкий ожидал, что все армейские делегаты съезда, большинство которых было к этому времени в Москве, так же вернутся на фронт. Однако, когда эти делегаты запротестовали, считая, что цель их отправки назад на фронт была подавить их оппозицию к Троцкому, им было позволено остаться.

Сила военной оппозиции и масштаб ее разногласий с Троцким и его политикой в отношении армии стали почти сразу очевидными на первом пленарном заседании съезда по военному вопросу в Кремле 20 марта. После того как Георгий Сокольников, заменивший в последнюю минуту Троцкого, представил тезисы последнего, Владимир Смирнов, член Реввоенсовета 5-й армии и один из влиятельных руководителей военной оппозиции, выступил с разгромной критикой представленных тезисов. Более того, обе стороны еще сильнее разошлись во время специально организованных, закрытых заседаний военной секции съезда 20 и 21 марта (всего прошло 4 заседания) для выяснения всех разногласий между сторонами и закрытого второго пленарного заседания съезда 21 марта². Перед лицом продолжающихся отступлений на фронте и, что не менее важно, перед первым массовым призывом крестьян в Красную армию Сокольников настаивал на ускоренном создании централизованной, высокой дисциплинированной, традиционно организованной армии, в которой военные специалисты, под тщательным контролем военных комиссаров, обладали бы полнотой власти, чтобы командовать войсками. Он утверждал, что есть совершенно очевидные доказательства того, что партизанские отряды, которые были преобразованы в регулярные части с военными специалистами на командных постах, успешно действовали на фронте в отличие от других частей, которые не были реформированы и действовали на старых основаниях.

Наоборот, члены военной оппозиции заняли резко враждебную Троцкому позицию и яростно критиковали военных специалистов как социальную группу. Для них «партизанщина» была недостаточно признанной, славной и еще не перевернутой страницей в советской военной истории. Спецы считались опасными классовыми врагами, не подлежащими исправлению. С очевидной неохотой Смирнов признавал необходимость их временного использования. Однако он настаивал на необходимости строжайшего контроля над спецами со стороны политических комиссаров, обладающих широкими властными гражданскими и в значительной степени командными полномочиями.

² VIII съезд Российской коммунистической партии (большевиков) : стенографический отчет. М., 1919. С. 124–137; Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 134–175; № 10. С. 171–182; № 11. С. 144–179.

Наряду с формированием несколькими месяцами ранее обладающего значительной властью, централизованного Революционного Военного совета Республики, возглавляемого Троцким, и имея в виду его планы по модернизации армии, Смирнов выражал озабоченность, что дела уже опасно далеко зашли в неправильном направлении — в сторону традиционно дисциплинированной, иерархически структурированной армии, гораздо более, чем предполагалось, зависимой от спецов. По мнению Смирнова, было чрезвычайно важно развернуться в противоположную сторону и без промедления. Как он утверждал, многие военные комиссары уже обладали значительными военными знаниями и опытом, и уже пора дать им значительные *командные* полномочия. Тезисы о военной политике, представленные Смирновым для принятия съездом, отражали эту позицию. В основном, как полагал Ленин в это время, в тезисах был заявлен отказ от принципов военной политики, разделяемых самим Лениным, Троцким и ЦК.

В недавно опубликованных протоколах съезда зафиксирован факт, что военная оппозиция имела подавляющее большинство на каждом из закрытых заседаний военной секции, на которых оратор за оратором настаивали на полном отказе от военной политики Троцкого, радикально и безоговорочно. В дальнейшем, как только тезисы оппозиции были приняты за основу для последующего обсуждения на третьем заседании секции во второй половине дня 21 марта (за них проголосовало 37 против 19), сторонники Троцкого демонстративно покинули зал заседаний. Более того, они отказались участвовать в четвертом заседании секции, которое должно было подготовить итоговый вариант резолюции для рассмотрения на съезде.

По приказу ЦК, то пленарное заседание съезда вечером 21 марта началось с отрезвляющего доклада Сергея Аралова, представителя Реввоенсовета Республики, о текущей ситуации на всех фронтах Гражданской войны. Используя большую карту, Аралов показал быстро меняющиеся линии фронтов и текущие сильные и слабые стороны красных и белых. Его главный аргумент был созвучен словам Сокольников. Поворот от партизанских отрядов к регулярным, направляемым из центра, с эффективной системой связи, адекватным количеством специалистов в командном составе, снабжением был решающим для успеха на фронте. Поэтому Аралов срочно требовал сотни новых военных специалистов и ничего не говорил о подготовке и роли красных командиров. В свою очередь, Емельян Ярославский, председатель военной секции и, кроме того, один из лидеров военной оппозиции, описал резкий конфликт, возникший в секции между сторонниками Троцкого и членами военной оппозиции, и в самых резких выражениях критиковал уход меньшинства после его поражения. Ленин в своем твердом, временами очень эмоциональном опровержении также назвал уход меньшинства неуместным. Но тем не менее крайне раздраженный тем, как развивалась дискуссия по военному вопросу,

он раскритиковал тезисы Смирнова по отдельности и целиком с впечатляющей резкостью. Так, после прочтения одного из тезисов, в котором критиковались новые правила, введенные в Красной армии, как механическое восстановление дореволюционных военных порядков, он спрашивал скептически — можем ли мы позволить такие выражения внутри партии? Далее, все еще в крайнем раздражении, он назвал критику в отношении Троцкого за непроведение политики ЦК «сумасшедшей», добавив, что «если вы это докажете, тогда ни Троцкий не годится, ни ЦК». «Этот исторический переход от партизанщины к регулярной армии в ЦК десятки раз обсуждался, — закончил он свою речь. — А здесь говорят, что нужно все это бросить и вернуться назад?! Никогда! Ни в каком случае!»³.

Горячие споры по поводу военной политики на пленарном заседании VIII съезда вечером 21 марта закончились голосованием 174 против 95, в поддержку позиции Ленина-Троцкого, и это, казалось, должно было определить решение вопроса. Но этого не случилось. На следующее утро президиум съезда, очевидно отвечая на запрос ЦК, предложил создать согласительную комиссию, чтобы сгладить противоречия между противостоящими сторонами по военному вопросу⁴. В рамках этой комиссии, возможно, что представители военной оппозиции были подкуплены обязательством послать Троцкому официальное письмо с выговором, что он зашел слишком далеко, принимая спецов и игнорируя комиссаров⁵. Как бы то ни было, было достигнуто соглашение послать Троцкому ясную инструкцию, чтобы в будущем он работал в более тесном и систематическом контакте с фронтовыми комиссарами. На последнем заседании съезда вечером 23 марта Ярославский представил «компромиссную» резолюцию, разработанную согласительной комиссией. Она отражала позицию ЦК с относительно небольшими уступками оппозиции. Ярославский отказался от большинства нападений военной оппозиции на ЦК по военному вопросу и, возможно по договоренности, не сказал ничего о выговоре Троцкому⁶. Резолюция была формально одобрена ЦК 25 марта и отправлена Троцкому на следующий день⁷. К этому времени Смирнов был освобожден от всех военных постов, безусловно по причине нежелания следовать

³ Известия ЦК КПСС. 1989. № 11. С. 171.

⁴ Там же. № 8. С. 193. Комиссия состояла из Ярославского, Сафарова и Смирнова со стороны военной оппозиции, и Сталина, Зиновьева и Позерна со стороны ЦК. Однако по непонятной причине Смирнов не участвовал в единственном заседании комиссии.

⁵ Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 138–139, 176 (примеч. 18–19).

⁶ VIII съезд... С. 392–293.

⁷ Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 138–139, 176 (примеч. 18–19); Владимир Ильич Ленин : биографическая хроника. М., 1976. Т. 7. С. 18, 21; Daniels R. V. Conscience of the Revolution: Communist Opposition in Soviet Russia. Cambridge, Mass., 1960. P. 463, note 463.

политике ЦК. Ленин рассказал об этом на неофициальной, без протокола, встрече делегатов съезда 23 марта⁸.

Организационные вопросы

Начиная с середины 1960-х гг. группа молодых западных историков революционной России поставила под сомнение существовавшие общепринятые представления о характере партии большевиков в 1917 г., доказывая, что в период борьбы за власть после Февральской революции принятие решений внутри партии было значительно более демократичным и децентрализованным, чем это принято считать. Далее, представители этой группы, в числе которых был и я, доказывали, что именно эта относительно открытая и гибкая организационная структура партии являлась одним из главных факторов успеха большевиков в октябре.

Вслед за «Красным Октябрем» СНК, состоявший исключительно из большевиков, практически ликвидировал власть многопартийного ЦИК Всероссийского съезда Советов. Позднее, в январе 1918 г. было разогнано Учредительное собрание. На местном уровне, судя по развитию событий в Петрограде, районные Советы обладали политической властью сверху донизу; и в действительности губернские, сети городских и уездных Советов превратились в целом в стабильные и относительно независимые местные правительства⁹. Конечно, с самого начала большое количество членов партии большевиков было взято на постоянную работу в правительственные органы и армию, что неизбежно наносило ущерб партийной работе и иногда даже совсем ее останавливало. Однако вначале — и это мое центральное положение — партия как *самостоятельный* политический институт не играла структурной роли в правительстве. На короткое время идеал демократической «советской власти», который так способствовал успеху большевиков, оказался реализованным, по крайней мере частично.

В 1918 г., как и в 1917, изменения в структуре партии и правительства, их взаимоотношения были снова в значительной степени обусловлены меняющейся обстановкой. С углублением кризиса в ходе Гражданской войны и в связи с огромным сокращением резерва компетентных и надежных партийных работников необходимость в *похожей на военную* централизации и партийной дисциплине стала очевидной и была в целом принята. Это в меньшей степени относилось к *структурной* роли партии в правительстве. В первой половине 1918 г., в последние месяцы перед развернувшейся Гражданской войной, Москва предпринимала усилия реализовать принцип, согласно которому ор-

⁸ Владимир Ильич Ленин : биографическая хроника. Т. 7. С. 14.

⁹ См.: *Rabinowitch A. The Evolution of Local Soviets in Urban Russia, 1917–1920: The Case of the Petrograd First City District Soviet // Party, State, and Society in the Russian Civil War: Explorations in Social History / ed. D. P. Koenker, W. G. Rosenberg, and R. G. Suny. Bloomington, 1989. P. 133–157.*

ганы партии должны занимать *командные, системообразующие* позиции в правительстве. Тем не менее структурные взаимоотношения партии и Советов все еще обсуждались на протяжении второй половины 1918 г. и в 1919 г., даже после принятия ЦК принципа, согласно которому партия должна обладать *абсолютным контролем* над принятием решений в Советах¹⁰.

Основные разногласия относительно структуры правительства и власти разгорелись в Петрограде. К началу 1919 г. Григорий Зиновьев, председатель Петроградского совета, неоднократно ставивший под сомнение необходимость и возможность партийного контроля, перешел на другую сторону и стал ярким защитником принципа, что партия должна стоять выше Советов и *направлять* их работу.¹¹ Однако многие его петроградские товарищи упорно не хотели принять этот принцип и отказаться от идеала подлинной советской власти¹². Кажется, что по меньшей мере частично по настоянию этих большевиков рассмотрение вопроса о роли в правительстве Советов и партии и об отношениях между ними, было включено в повестку VIII съезда партии¹³.

В феврале 1919 г., во время подготовки съезда, представлять позицию ЦК по этому вопросу было поручено Якову Свердлову. Учитывая, что он являлся одной из ключевых фигур в ЦК, председателем ЦИК, а также бесспорным авторитетом в партии по всем организационным и кадровым вопросам, лучшей, более подходящей кандидатуры было не найти. Его внезапная смерть 16 марта, за 2 дня до начала съезда, разрушила шансы гладко провести съезд и, в частности, донести до съезда позицию ЦК по вызывающему разногласия организационному вопросу, избежав серьезных проблем.

17 марта, на следующий день после смерти Свердлова, ЦК поручил Зиновьеву заменить его на съезде и выдал точные инструкции по содержанию и структуре резолюции по организационному вопросу, которую он должен был представить съезду. Одновременно Зиновьев был подготовлен отразить атаки на руководство партии со стороны так называемой «левой оппозиции». На этом заседании ЦК принял, в основном без изменений, тезисы по организационному вопросу, которые Зиновьев представлял как основу для последующего обсуждения среди петроградских большевиков месяцем ранее¹⁴. Эти тезисы, которые

¹⁰ См., например, передовицу Петра Заславского в «Петроградской правде» (1919. 28 янв. С. 1) и отчет Ядвиги на общем собрании коммунистов Первого городского района 8 февраля (Вестник Совета 1-го городского района. 1919. 14 февр. С. 3).

¹¹ Петроградская правда. 1919. 9 февр. С. 1; Северная коммуна. 1919. 9 февр. С. 5.

¹² Например, тезисы Зиновьева обсуждались в комитете большевиков в Петербургском районе 11 февраля (ЦГА СПб. Ф. 9618. Оп. 1. Д. 296. Л. 49–55). См.: Гоголевский А. В. Петроградский Совет в годы гражданской войны. Л., 1982. С. 81–84.

¹³ Павлов Б. В. Коммунистическая партия в советской политической системе, 1917–1925. СПб., 2003. С. 60.

¹⁴ Петроградская правда. 1919. 9 февр. С. 1; Северная коммуна. 1919. 9 февр. С. 5.

вызвали разногласия в Петрограде, характеризовали Советы и партийные организации как отдельные институты и точно определяли роль в управлении каждого из них. Советы понимались как представительный орган *всего* рабочего класса и беднейшего крестьянства, а партия как их политический *авангард*. Таким образом, задачей партии было установить абсолютный контроль над принятием решений по политическим вопросам в Советах через фракции партии, подчиняющиеся строгой партийной дисциплине. Однако этот контроль не распространялся на Советы как народные органы власти, ответственные за *реализацию* политики и выполняющие *административные* функции. В отношении структуры партии тезисы Зиновьева подтверждали, что все члены партии, безотносительно их статуса в правительстве, безоговорочно, беспрекословно выполняют решения партии и подчиняются партийному контролю. Дополнительно, откровенно признавая, что враждебные, «чужие элементы» проникли в партийные и советские органы, что вылилось в их чрезвычайную бюрократизацию и растущее недоверие к ним, тезисы обеспечивали возможность систематических «чисток» обоих институтов.

На заседании 17 марта ЦК добавил несколько *новых* положений к тем, которым привез из Петрограда Зиновьев. Эти дополнительные положения отражали вопросы, поднятые «левой оппозицией», такие как привлечение значительно большего числа рабочих и солдат в партию, реформирование внутренней структуры и деятельности ЦК, а также другие проблемы национального масштаба, не затронутые Зиновьевым, такие как установление руководящей роли Российской коммунистической партии в отношении компартий советских республик (Украины, Латвии, Литвы, Белоруссии) и определение до этого совсем неясной роли в правительстве президиума ЦИК и его взаимоотношений с СНК.

Возможно, из-за угрозы «левой оппозиции», а также непредвиденного отсутствия Свердлова обсуждение организационного вопроса на съезде не началось на пленарном заседании. Он был в центре внимания двух бурных заседаний необычно большой специальной секции по организационному вопросу, которые состоялись вечером 20 марта (похороны Свердлова прошли утром 20 марта) и утром 21 марта. Только после этих заседаний вопрос был вынесен на обсуждение съезда (на два пленарных заседания 22 марта)¹⁵.

Критика партии и Советского правительства со стороны левой оппозиции ясно проявилась на обоих заседаниях специальной секции по организационному вопросу. Примечательно, что Н. Осинский (Оболенский), лидер левой оппозиции, не поставил под сомнение тезисы Зиновьева в отношении необходимости строгой, сверху донизу дисциплины внутри партии. Только очень немногие выразили сомнения в такой необходимости.

¹⁵ См.: VIII съезд... С. 139–194, 240–281, 365–370.

Однако он совсем не сдерживался, нападая на ЦК за недостаток руководства, провал попыток как вовлечь низовые партийные организации в принятие политических решений, так и выразить связно собственную политическую позицию (в действительности, даже проводить заседания!), и за то, что часто ЦК оставляет принятие решений Ленину и Свердлову и тем немногим членам ЦК, которые присутствовали. Осинский связал отчасти эти проблемы с беспечностью, с которой проводились выборы в ЦК. Он доказывал, что будущие кандидаты в члены ЦК должны выбираться с большей тщательностью, чем это было в прошлом. Подобно Зиновьеву в его тезисах, Осинский выступил с резкой критикой чрезвычайной бюрократизации как Советов, так и партии. Но, в отличие от Зиновьева, он заметил то, что казалось ему отсутствием *какой-либо* широкой партийной деятельности. «В партийной организации нет жизни, — настаивал он, — в партию набивается дрянь, люди с билетами, но без багажа в голове»¹⁶.

Впоследствии Осинский уточнил эти положения, добавил другие, пояснил основания для своих мыслей, говоря, что внутренняя контрреволюция больше не является серьезной угрозой и опасность поражения в Гражданской войне заметно уменьшилась. В отличие от Ленина и Троцкого, которые действовали, исходя из предположения, что исход Гражданской войны остается неопределенным и, соответственно, военная защита революции вынужденно остается приоритетной по сравнению со всем остальным, внимание Осинского было приковано к быстро нарастающему внутреннему политическому и социальному недовольству, усиливающимся волнениям в стране, и, следовательно, к изоляции партии от ее социальной базы. Для него революция была обречена на гибель, если партия не привлечет как можно больше рабочих и крестьян к активному участию в управлении страной и не удовлетворит экономические нужды широких масс.

Мне следует подчеркнуть, что главной слабостью левой оппозиции являлось отсутствие единства по вопросу о структурных реформах. Однако, говоря в целом, позицию Осинского, подчеркивающего неотлагательную необходимость структурных изменений в ЦК и правительстве, разделяло большинство левых коммунистов. Кроме того, Осинский и многие его товарищи призывали остановить тенденцию превращения региональных и местных органов власти из демократических советских собраний в исполнительные комитеты, успокоить общественное возмущение и сократить нарастающий разрыв между партией и рабоче-крестьянскими массами, привлекая значительное число рабочих и крестьян в правительство. В итоге, эти меры виделись левой оппозицией как способ восстановить хоть в какой-то степени действительно народное правительство в том, что им казалось гниющей советской политической системой.

¹⁶ Там же. С. 140–143.

Тимофей Сапронов, также один из главных оппозиционеров, вторил Осинскому в осуждении действия партийного руководства и в том, что он называл нездоровым отказом в партии от справедливой критики. В то же время, не ставя под сомнение масштабы коррупции в партии и правительстве, и никто этого не оспаривал (даже Зиновьев и другие лояльные ЦК члены партии), Сапронов направил огонь критики на комиссаров, которые издавали несправедливые карательные приказы, на ЧК и военные комиссариаты в зонах военных действий, которые продолжали узурпировать власть советских исполнительных комитетов в ущерб законному правительству и местным нуждам. Он призывал расстрелять исполнительные комитеты целиком, если они виновны, но такую же меру надо применять и к никому не подчиняющимся военным комиссарам.

В заключительном слове Зиновьев выступил со страстной защитой руководства ЦК. Признавая справедливость основной критики левой оппозиции в отношении существующих проблем в партии и правительстве, он восхвалял ЦК за руководство в борьбе за политические реформы. В тех случаях, когда левая оппозиция расходилась с ЦК во взглядах на основы структуры правительства, например, по вопросу о роли партии в правительстве, Зиновьев безоговорочно был на стороне ЦК. В итоге он атаковал левую оппозицию за попытку устранить партию из правительства и делал ставку на идею, что задачей партии является определять политику, в то время как задачей правительства является реализация этой политики на практике.

В конце второго заседания секции по организационному вопросу тезисы Зиновьева были приняты за основу для дальнейшего обсуждения небольшой согласительной комиссией. Эта комиссия встретилась на следующее утро и приняла компромиссную резолюцию для представления съезду. Компромиссная резолюция обсуждалась на двух пленарных заседаниях позднее в этот же день (22 марта). Осинский был на середине своего заключительного слова от лица левой оппозиции, когда он был прерван шумом позади него — среди членов президиума. Лев Каменев, тогда председательствующий на съезде, прервал Осинского, после чего Зиновьев закричал: «Только что получено по радио известие, что в Будапеште, столице Венгрии, провозглашена советская республика... (*бурные аплодисменты*) Венгерская советская республика прежде всего желает установить тесную связь с нами и предлагает Российской советской республике оборонительный и наступательный союз против мирового империализма (*еще бурные аплодисменты, весь съезд встает и поет «Интернационал»*)»¹⁷.

Венгерская советская республика была слабой с самого начала и пала через 4 месяца. Чтобы понять этот взрыв ликования среди делегатов съезда в этот момент, нужно помнить о тревожных реалиях

¹⁷ Там же. С. 278–279.

и конфликтах на съезде, безысходности, порожденной растущей изоляцией и необходимостью дальнейших жертв, чтобы выжить и воплотить все более отдаляющиеся революционные мечты. В такое время любой всплеск революционного движения, даже незначительный, встречали с надеждой. Вслед за объявлением Зиновьева венгерский коммунист Руднянский, тогда живший в революционной России, поспешил на сцену. Под аплодисменты и восхищенный рев зала он объявил, что он больше не рассматривает себя просто как представителя Венгерской компартии, он теперь также представитель *советской Венгрии!*

Среди господствующего возбуждения встает вопрос — многие ли делегаты остались дослушать Осинского, который отказался завершить свое выступление и выслушать Зиновьева, который резко (хотя и необычно коротко для него) раскритиковал «левую оппозицию». Очень быстро окончательная резолюция по организационному вопросу была передана ЦК¹⁸. Стенограмма показывает, что, несмотря на серьезные нападки на левую оппозицию, последний вариант резолюции по организационному вопросу отражал большую часть высказанных оппозицией критических замечаний. Так было в случае с разделом о строительстве партии, с которого начиналась резолюция. В нем подчеркивалось кардинальное значение открытия широкого доступа в партию для рабочих и особенно для рабоче-крестьянской молодежи, с одновременным ограничением принятия в партию нерабочих и некрестьян; определения обязательных мер для восстановления связей членов партии, полностью занятых в правительственной работе, с их фабриками и заводами; развития новых форм взаимодействия между ЦК и местными партийными организациями. Раздел резолюции о Советах выглядел похоже и менял состав ЦИК (большинство в нем должны были составлять теперь местные рабочие и крестьяне, а не партийные работники). Также этот раздел подтверждал важность уменьшения роли исполнительных комитетов в местном управлении и одновременно усиления роли народно избранных Советов.

В то же самое время структура резолюции отражала позицию ЦК, подчеркивающего первостепенную роль в правительстве партийных организаций. Несколько ключевых положений резолюции повторяли слово в слово тезисы, привезенные из Петрограда Зиновьевым. Это касалось не только разделов резолюции, закреплявших руководящую роль партии в государственном и местном управлении, но также и разделов, определяющих взаимоотношения между партией и Советами на всех уровнях и заявлявших об абсолютной необходимости строгой централизации управления, чтобы преодолеть углубляющиеся политический, экономический и военный кризисы.

¹⁸ Там же. С. 279–281.

Выводы

Дискуссии и резолюции VIII съезда Российской коммунистической партии (большевиков) показательны на нескольких уровнях. Горячие споры о «военной политике» были примечательно свободными и открытыми. Более того, несмотря на сделанный «выговор» Троцкому, был дан «зеленый свет» для строительства Красной армии на традиционных структурных принципах, на которых настаивал Троцкий, и тем самым был сделан чрезвычайно важный шаг в сторону победы в Гражданской войне. Решения съезда укрепили образ Троцкого как архитектора победы Советской республики в Гражданской войне. Однако в конечном счете враждебное отношение к Троцкому, которое проявилось со всей очевидностью на VIII съезде, помогает понять причины поражения Троцкого в борьбе за власть после смерти Ленина.

В отношении организационного вопроса — прежде всего соглашения по вопросу структуры партии и Советов, а также характера взаимоотношений между ними, принятые на съезде решения были определяющими. Резолюция съезда по организационному вопросу включала несколько мер, предложенных левой оппозицией, стремившейся усилить партию и Советы как в количественном, так и качественном отношении. Например, очистить и партию, и Советы от коррупционеров и карьеристов; восстановить связь между большевиками, занятыми советской работой, и их предприятиями; ослабить требования к кандидатам в члены партии, придать большее значение массовому привлечению в партию рабочих и крестьян и привлекать рядовых рабочих и крестьян к работе в правительстве. Изучая политическую и социальную историю Петрограда в годы Гражданской войны (чем я сейчас занимаюсь), я нашел достаточно подтверждений искреннего стремления партийных работников реализовать эти задачи. Неизбежно, однако, их усилия подрывались очередным военным кризисом. Соответственно, VIII съезд оставил в наследство чрезвычайно высокую централизацию в принятии решений и строгое подчинение Советов диктату партии.

Л. А. Булгакова: Я совершенно с Вами согласна, что при решении военного вопроса партией была проведена дискуссия и была проявлена гибкость и, я бы сказала даже, прагматизм в решении вопроса. Но наряду с этим съезд был очень важным шагом к жесткой централизацией власти. В программе партии проповедовался отказ от разделения властей, совершенно непримиримая позиция, не та, что в 1917 г., по отношению к, по-моему, в общем родственным, социалистическим партиям, меньшевикам и эсерам. В итоге это все привело, как мы знаем, к однопартийности. Мне кажется, недостаточно определить причины такой жесткости, централизации, которая у нас до сих пор сохранилась, у нас есть партия власти. Скажите, пожалуйста, чем объяснить это? Условия военного времени, экономические, политические кризи-

сы — это понятно, но есть ли еще какие-то причины, которые вот так неумолимо влекли к такой централизации, однопартийности, культу и т. д., кроме тех, которые Вы уже обозначили?

А. Е. Рабинович. Мне кажется, вполне возможно, что главной причиной был недостаток кадров. Надо иметь в виду, что в октябре 1917 г. в Петрограде было приблизительно 30 000 большевиков, а к марту 1919 г. — 8000. И все время самые лучшие большевики были мобилизованы, или они заняли должности в правительстве; и как известно, осталось очень, очень мало большевиков. Не самые лучшие. Среди них, конечно, были самые лучшие, но большинство новых большевиков, огромная часть из этих 8000 стали большевиками после Октября. Все это делало неизбежным централизацию, и надо иметь в виду, что это случалось во всех странах — централизация во время войны; и в России во время войны это тоже было. Я просто хотел добавить, что, несмотря на все эти сложности и трудности военного времени, многие большевики не потеряли свои идеалы. Они приняли централизацию, но было значительно, довольно много большевиков, у которых остались идеалы Октября. Постоянно была надежда, что революция на Западе, которая освободит, вспыхнет.

Н. Н. Смирнов: Александр Евгеньевич, вопрос вот какой. Как Вы полагаете, насколько самостоятельным в своих действиях был Совнарком в тот период, о котором Вы говорите? Он был полностью самостоятельным либо частично самостоятельным; и насколько партия, ее центральный комитет, оказывала свое воздействие на деятельность Совнаркома? И в этой связи какой Вы видите позицию ВЦИК и насколько на роли ВЦИК сказывалось воздействие ЦК партии?

А. Е. Рабинович: Положение менялось. Николай Николаевич, мне кажется, Вы лучше меня знаете, вначале Совнарком был главным, и ЦК не играл значительной роли в партии. Помните письмо Свердлова в 1918 г., когда он писал партийным организациям: «Если вы хотите знать политику партии, смотрите за действиями Совнаркома». Это постепенно менялось, и ЦК постепенно играл значительно большую роль в Совнарком. Это одна из тех реалий, против которых протестовали левые коммунисты, они были недовольны, что партия играла такую большую роль в правительстве, и хотели значительно реформировать эту ситуацию. Это не получилось, но, если помните, Зиновьев на одном из секционных заседаний сказал левому оппозиционеру: вы хотите отнять роль партии в правительстве. Я думаю, что это не совсем так, но у левых эсеров были идеи, что часть ЦК должна заниматься партийными вопросами, разъезжать по стране, знакомиться и искать руководителей партии, а не руководить Совнаркомом. Технические вопросы должны были решаться правительственными специалистами. Что касается ВЦИК. Вы помните, что на II съезде в Октябре 1917 г. был создан чисто однопартийный Совнарком, но во ВЦИКе все-таки были левые эсеры, это был многопартийный ЦИК. И под руководст-

вом Каменева он старался играть значительную роль, и во время Викжельских переговоров и прямо после этого Свердлов занял место Каменева во ВЦИКе. ВЦИК постепенно играл все менее значительную роль в управлении страной. Да, он собирался, но играл относительно незначительную роль. Левые коммунисты хотели, чтобы ЦИК стал более значительным, чтобы обыкновенные рабочие и крестьяне, лидеры на местном уровне, а не партийные лидеры, играли значительную роль во ВЦИКе.

М. М. Сафонов: Я являюсь специалистом по XVIII в. и на многие процессы смотрю глазами идеолога XVIII в. Монтескье, согласно которому маленькая территория — республика, громадная территория — деспотия. Как Вы полагаете, то, что Россия пошла по пути централизации, в какой степени в этом сказалась громадность территории?

А. Е. Рабинович: Еще до того, как я начал заниматься историей, мне было понятно, что Россия должна иметь более централизованную политическую систему, чем, допустим, у нас. Разные языки, огромная территория. У нас в Америке, на Западе, не вполне понимают, что если Россия останется целым государством, т. е. если она не будет маленькой страной, то централизация неизбежна.

**Историческая социология революционного насилия:
концентрационные лагеря как организованная форма
насилия в годы Гражданской войны**

После Октябрьской революции 1917 г. возникло множество новых видов наказаний, не связанных с лишением свободы, которых не знала дореволюционная российская система наказаний. В первые годы существования Советского государства важную роль играли концентрационные лагеря. При разнообразии названий: концентрационные, принудительных работ, особого назначения — суть их оставалась единой: реализация революционного насилия над большими массами людей, не совершавших преступлений против Советской власти.

Концентрационные лагеря следует рассматривать как естественную форму реализации ленинских положений революционного насилия. Мысль о создании лагерей для содержания в них классово чуждых элементов и врагов пролетариата В. И. Ленин высказал еще в 1918 г. В ответ на письмо Е. Б. Бош, сообщившей о кулацком восстании в Пензенской губернии, он 9 августа 1918 г. писал: «Необходимо организовать усиленную охрану из отборно надежных людей, провести беспощадный массовый террор против кулаков, попов и белогвардейцев; сомнительных запереть в концентрационный лагерь вне города»¹. Тем самым Ленин вводит в практический оборот новый вид революционного насилия — концентрационный лагерь.

Не отрицая роли Ленина в создании концлагерей, необходимо обратить внимание на активную позицию в этом плане другого лидера партии большевиков, Л. Д. Троцкого. Ряд исследователей отдает инициативу в создании концентрационных лагерей Троцкому: «Первые концентрационные лагеря в Советской России были организованы по приказу Л. Д. Троцкого в конце мая 1918 года, когда предполагалось разоружение чехословацкого корпуса. Создавались они обычно на месте освободившихся после обмена военнопленными лагерей Первой мировой войны. В июне–августе 1918 года в ходе обострения событий Гражданской войны идея концлагерей как части репрессивной политики большевиков получила дальнейшее развитие»².

За месяц до инициативы Ленина по созданию концлагерей, 4 июня 1918 г. Троцкий отдал указание о создании концентрационных лагерей, чтобы «заклЮчить в концентрационный лагерь чехословаков, которые

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. М., 1983. Т. 50. С. 143–144.

² См.: Островская И. В. Оставить эти концентрационные лагеря для господ // Военно-исторический журнал. 2011. № 8. С. 46.

отказываются сложить оружие». В любом случае, вопрос о создании концентрационных лагерей обсуждается уже летом 1918 г. В это же время лагеря создаются на территориях, подконтрольных большевикам. Так, в начале осени 1918 г. концентрационные лагеря уже действовали на Северном Кавказе, в Кисловодске и в Пятигорске³.

21 мая 1919 г. Ленин снова обращается к теме концентрационных лагерей. В письме Г. Е. Зиновьеву он требует: «...Совершенно благонадежных отправляйте на Дон, неблагонадежных в концентрационные лагеря...»⁴.

Говоря о концентрационных лагерях, исследователи практически не дают пояснения, в чем состояла сущность этих лагерей, для решения каких целей и задач они создавались. Концентрационные лагеря в Советской России изначально не относились к подразделениям уголовно-исполнительной или карательной системы. Их необходимо рассматривать как одну из форм политической борьбы с потенциальными и реальными противниками, как организованную форму революционного насилия. «Концлагеря создаются правящей властью в том случае, когда в целях усмирения населения развернут Большой террор и требуется погасить сопротивление этому террору, путем изоляции больших масс населения. Обычные тюрьмы не способны вместить большое количество заключенных. Концлагеря — это, по существу, тоже тюрьмы, но устраиваемые на основе упрощенной скоростной техники: ограждения, охранные вышки, вместительные бараки, как для скота»⁵.

Концентрационные лагеря в Советской России официально были созданы Декретом Совета Народных Комиссаров (СНК) «О красном терроре» от 5 сентября 1918 г., в котором говорилось, что «существующая ситуация требует обеспечить тыл Советской республики от классовых врагов путем изолирования их в концентрационных лагерях»⁶. После принятия Декрета от 5 сентября 1918 г. Чрезвычайные Комиссии (ЧК) приступили к фактической организации таких лагерей, сначала в Москве и Петрограде, а потом и в других крупных губернских городах. Окончательно существование лагерей было оформлено декретом и постановлением ВЦИК от 15 апреля и 17 мая 1919 г. «О лагерях принудительных работ»⁷.

Декрет ВЦИК о лагерях принудительных работ⁸ предусматривал, что первоначальная организация и заведование этими исправительно-трудовыми учреждениями должны осуществляться губернскими

³ См.: Мельгунов С. П. Красный террор в России. М.: РУИСО, 1990. С. 25.

⁴ Ленин В. И. Неизвестные документы (1891–1922). М.: РОССПЭН, 2000. С. 289.

⁵ См.: Матосов М. В. Русский холокост. Истоки и этапы демографической катастрофы в России. М., 2012. С. 159.

⁶ Собрание Узаконений РСФСР. 1918. № 65. Ст. 710.

⁷ Там же. 1919. № 12. Ст. 124; № 20. С. 235.

⁸ См.: Известия. 1919. 15 апр.

чрезвычайными комиссиями, которые затем передавали лагерь в ведение отделов управлений при губисполкомах. Руководство лагерями на территории РСФСР в целом находилось в ведении Народного комиссариата внутренних дел (НКВД).

В постановлении ВЦИК о лагерях принудительных работ от 17 мая 1919 г.⁹ подробно регламентировались порядок организации лагерей и их управления, а также правовое положение заключенных: кроме лагерей принудительных работ были созданы также особые лагеря для лиц, лишенных свободы на все время Гражданской войны по постановлениям Всероссийской Чрезвычайной Комиссии (ВЧК).

На 1 января 1920 г. в РСФСР насчитывалось 34 лагеря принудительных работ¹⁰. В 1921 г. количество открытых по всей РСФСР лагерей определялось в 132 лагеря. Из них 106 лагерей были распределены между 43 губернскими подотделами принудительных работ, а остальные 26 лагерей приходилось на Сибирь и автономные области. Лагеря насчитывали в этот период от 40 до 60 тысяч человек населения¹¹.

Одна из особенностей концлагерей — упрощенные условия их создания, без согласования с центром¹². Вот почему решение о создании концентрационных лагерей могли принимать различные субъекты Советского государства¹³. Другая особенность заключалась в том, что для направления людей в концентрационные лагеря не требовалось решение судебных органов. Решения об изоляции граждан в концентрационные лагеря принимались в административном порядке. Закон практически не ограничивал перечень субъектов, имевших право изоляции людей в концлагерь. Главное, чтобы они были должностными лицами каких-либо органов Советской власти.

Основное предназначение лагерей — сбор и удержание на охраняемой территории (концентрация) людей, не совершивших преступлений против Советской власти, для их последующего использования в решении иных задач: расстрела, привлечения к труду, последующего обмена и др. Созданию концентрационных лагерей способствовало введение института заложников. В заложники включали (в зависимости от территориальных возможностей): представителей бывшей государственной и функциональной элиты, функциональных слоев населения (сенаторы, министры, генералы); политических активистов

⁹ См.: Собрание Узаконений РСФСР. 1919. № 12. Ст. 124; Сборник нормативных актов по советскому исправительно-трудовому праву (1917–1959 гг.). М., 1959. С. 29–30.

¹⁰ См.: Труды ЦСУ РСФСР. Статистический ежегодник 1918–1920 гг. М., 1922. Вып. 2. С. 58.

¹¹ См.: Главное управление принудительных работ // Власть Советов. Орган Народного комиссариата внутренних дел. М., 1922. № 10. С. 66.

¹² См.: ГУЛАГ (Главное управление лагерей). 1917–1960 / сост. А. И. Кокурин и Н. В. Петров ; науч. ред. В. Н. Шостаковский. М., 2000. С. 15.

¹³ См.: *Островская И. В.* Оставить эти концентрационные лагеря для господ. С. 47.

(кадетов, меньшевиков, эсеров); купцов, офицеров; жен и иных членов семьи офицеров и восставших крестьян и др. Нередко группы заложников формировались по списку, по результатам регистрации офицеров и др. Чаще всего заложники, содержащиеся в концлагерях, расстреливались¹⁴.

В данной статье представлены результаты статистической обработки 21 тысячи личных карточек на содержащихся в концентрационных лагерях РСФСР в 1919–1921 гг.¹⁵. Личные карточки дают богатый материал для изучения приговоренных к заключению в концентрационные лагеря. В них зафиксированы возраст, пол, место рождения, национальность, образование, семейное положение, профессия, социальное положение, принадлежность к общественным организациям, место службы, прежняя судимость и др. Ценность приведенной сводки данных заключается в том, что она, во-первых, охватывает не одну губернию или область, а территорию всей Советской республики и, во-вторых, показана не ведомственная отчетность отдельных органов власти, а суммарная деятельность карательного аппарата Советской власти в целом.

Анализ результатов разработки (табл. 2) показывает, что содержащиеся в концентрационных лагерях подразделяются на три группы: осужденные за преступления — 82 %, состоящие под следствием — 8 % и задержанные в целях превенции (заложники, русские и иностранные военнопленные) — 10 %.

Преступления разделяются (табл. 1) на шесть групп: 1) государственные (24 %); 2) против порядка управления (27 %); 3) должностные (12 %); 4) против личности (1 %); 5) против имущественных прав (20 %); 6) воинские (16 %).

Таблица 1. Группы преступлений

Категории преступлений	Виды преступлений	Число заключенных (чел.)	%
1	2	3	4
Государственные	Восстание	525	3,6
	Контрреволюция	2362	16,2
	Борьба с РКП	58	0,4
	Социально-опасные элементы	58	0,4

¹⁴ См.: Мельгунов С. П. Красный террор в России. С. 70.

¹⁵ См.: Чебышев Н. Опыт статистической обработки некоторых данных о содержащихся в концентрационных лагерях // Власть Советов. Орган Народного комиссариата внутренних дел. М., 1922. № 4–6. С. 49–53.

1	2	3	4
Против порядка управления	Нарушение прав пользования землей	61	0,4
	Нарушение порядка учета и распределения рабсилы	43	0,3
	Нарушение правил об обращении ценностей	30	0,2
	Подделка дензнаков и правительственных документов	366	2,5
	Нарушение правил о занятии промыслами и торговлей	236	2,5
	Выделка и продажа самогонки	221	1,5
	Уклонение от трудовой, налоговой и воинской повинности	580	4,0
	Забастовка	50	0,3
	Нарушение постановлений, ограждающих народное здравие и общественную безопасность	275	1,9
	Хранение оружия	128	0,9
	Пьянство	202	1,4
	Проституция	89	0,6
	Картежная игра	98	0,7
	Нарушение постановлений, ограждающих работу железных дорог, почты и телеграфа	197	1,3
	Противодействие правосудию	46	0,3
Побег из-под стражи	88	0,6	

1	2	3	4
Должностные	Взяточничество и вымогательство	299	2,0
	Подлог, растрата и хищения	487	3,3
	Превышение, злоупотребление и бездействие власти	687	4,7
	Саботаж	85	0,6
	Нанесение оскорбления должностным лицам	8	0,1
	Небрежное отношение к служебным обязанностям	233	1,6
Против личности	Убийство	87	0,6
	Телесное повреждение и насилие над личностью	51	0,3
	Оскорбление женской чести	17	0,1
	Оскорбление, угрозы и клевета	35	0,2
Против имущественных прав	Бандитизм	529	3,6
	Разбой и вооруженный грабеж	116	0,8
	Кража	2105	14,4
	Подлог	21	0,1
	Мошенничество	45	0,1
	Присвоение и растрата	47	0,3
	Самовольное пользование чужим имуществом	20	0,1
	Поджог	21	0,1
	Шантаж	33	0,2

1	2	3	4
Воинские	Дезертирство	2216	15,1
	Отказ от воинской службы по религиозным убеждениям	28	0,2
	Другие воинские преступления	106	0,7

Приведенные шесть групп преступлений подразделяются на 45 видов с указанием их процентного отношения к общему числу преступлений. Некоторые данные этой таблицы требуют пояснения. В группе государственных преступлений графа «Борьба с Российской Коммунистической Партией» (РКП) в силу своего специфического признака (лозунг — да здравствуют Советы, долой коммунизм), показана отдельно, но может быть приобщена к контрреволюции. В группе преступлений против порядка управления из «нарушений постановлений, ограждающих народное здравие, общественное спокойствие и проч.» выделены пьянство, проституция и картежная игра, как продукт революционного правотворчества (ранее не карались). Бандитизм, юридически трудно отличимый от разбоя, показан отдельно по тем карточкам, где точно устанавливалось название «бандитизм». При совокупности преступлений предпочтение отдано тягчайшему. Как видно из таблицы 1, наиболее многочисленными преступлениями являются: контрреволюция (16 %); дезертирство (15 %); кража (14 %); спекуляция (8 %); превышение, злоупотребление и бездействие власти (5 %); уклонение от трудовой, налоговой и других повинностей (4 %); бандитизм (4 %); денежные растраты и хищения (3 %); подделка дензнаков и правительственных документов (2 %); взяточничество (2 %).

В таблице 2 показано распределение населения лагерей по учреждениям, приговаривавшим к наказаниям. Здесь мы наталкиваемся на пестроту, граничащую с хаосом. Судебные установления, административные учреждения, хозяйственно-экономические органы, рабочие коллективы, розыскные центры, комиссии чрезвычайные и не чрезвычайные, отдельные лица и проч., всего 54 инстанции. Все эти учреждения сведены в 13, давших наибольший процент осужденных; остальные 41 указаны в графе «прочие» (1,6 % осужденных).

Наибольший процент осужденных падает на органы ЧК (43 %), нарсуд (16 %), губ. и ревтрибуналы (по 12 %), на каждый из остальных приходится от 5 до 0,1 %. Разделяя указанные выше 54 учреждения на две группы: судебные и административные (табл. 2), получаем на долю первых 44,6 % осужденных, на долю последних 55,4 %.

Таблица 3. Таблица судебной и административной подсудности (в % к общему итогу отбывающих наказания за преступления — 14613 чел.)

Учреждения	Категории преступлений						
	Государственные	Против порядка управления	Должностные	Против личности	Против имущественных прав	Воинские	Всего
Судебные	4,5	8,9	6,7	1,1	13,4	12,0	44,6
Административные	19,1	17,7	5,6	0,2	6,7	6,1	55,4

Не подлежит сомнению, что указанное выше «перепроизводство» карательных инстанций, наложение наказаний учреждениями, снабженными чисто розыскными или хозяйственными, но отнюдь не карательными функциями, наконец, доминирующее положение порядка административной расправы против порядка судебного рассмотрения — все это отголосок периода военного коммунизма и вооруженной борьбы за укрепление диктатуры пролетариата.

Амплитуда наказаний (табл. 4) от суточного ареста до пожизненного заключения подразделяет заключенных по срокам наказания. Расположение данных в порядке регрессии приводит к следующим цифрам в %: до 1 года — 16,5; до 5 лет — 14,4; до 6 месяцев и на условные сроки (например, до конца Гражданской войны, до ликвидации фронта и банд, до окончания хлебной разверстки и т. п.) — 12,5; до 3 месяцев и до 3 лет — 10; до 2 лет — 8,3; до 10 лет — 6,5; свыше 10 лет — 4,3; до 1 месяца — 2,8.

Таблица 4. Таблица сроков заключения

Сроки заключения	Число заключенных (чел.)	Процентное отношение
До 1 месяца	389	2,8
До 3 месяцев	1390	10,0
До 6 месяцев	1725	12,5
До 1 года	2288	16,5
До 2 лет	1144	8,3
До 3 лет	1381	10,0
До 5 лет	1997	14,4
До 10 лет	896	6,5
Свыше 10 лет	602 (из них 39 — пожизненно)	4,3
Условные сроки	1698	12,3
До распоряжения	338	2,4
Итого	13848	100

Таким образом, на долю долгосрочных наказаний — свыше 1 года приходится 60 %, на долю краткосрочных до 1 года — 25 %. В этом сказалась известного рода антипатия к кратковременному лишению свободы, недостаточно устрашающему, не дающему срока для воспитания чувства дисциплины, нередко вызывающему рецидив.

Сопоставление силы репрессии по трем учреждениям — трибуналам, ЧК и нарсудам, показывает следующие данные: трибуналы приговорили на краткие сроки, до 1 года — 16,5 %, на средние, до 5 лет — 49,3 %, на высшие, более 5 лет — 34,2 %; органы ЧК до 1 года — 47,1 %, до 5 лет — 46,3 %, свыше 5 лет — 6,6 %; нарсуды до 1 года — 72,3 %, до 5 лет — 25,5 % и свыше 5 лет — 2,2 %.

Концентрационные лагеря выполняли еще одну роль, которая обычно не отмечается в исследованиях. Они объективно способствовали распространению страха и ужаса среди широких слоев населения. Концентрационные лагеря служили мощным инструментом запугивания и уничтожения населения. Те, кто «не попал в концлагерь», но имел основания для этого, начинали вести себя по-иному. Они даже потенциально уходили от возможности оппозиции. Значительными слоями общества овладевал страх за себя и своих близких; страх потерять свободу и сделаться жертвой государственного беззакония. Общество превращалось в хорошо управляемую безвольную массу, которую можно направлять в интересах власти¹⁶.

Таким образом, концентрационные и трудовые лагеря, зародившиеся в Советской России после октября 1917 г., стали совершенно новой формой государственного насилия над широкими слоями населения.

И. М. Сапронов: Собственно говоря, я бы хотел сначала сказать по поводу концентрационных лагерей. Вот было сказано, что опыт концентрационных лагерей был взят прежде всего из английского опыта, использованного в Англо-бурской войне. Мне видится здесь гораздо больше...

А. Н. Чистиков: Вопрос, пожалуйста!

И. М. Сапронов: Вопрос, относящийся собственно к архивной деятельности: пользуетесь ли Вы материалами петербургских архивов, относящимися к концлагерям, положению в этих лагерях? Вопрос я задаю потому, что они мне попадались, я их читал. Собственно говоря, не складывается впечатления о таком ужасающем положении, о котором Вы говорили, особенно в конце. По документам видно, что никакой свободы...

С. С. Бразевич: Спасибо за вопрос. Что касается использования архивов, то эта проблема, проблема концлагерей — они потом транс-

¹⁶ См.: *Литвинов Н. Д., Потоцкий Н. К.* Особенности создания и деятельности концентрационных лагерей в первые годы Советской власти // Экономика и право. XXI век. 2015. № 4. С. 191.

формировались под названия лагеря принудительного труда, — советскими юристами изучена достаточно подробно. Но и, в какой-то степени, в советской историографии также проскальзывает. Меня же интересуют в первую очередь социологические проблемы. Архивные данные приведены целым рядом исследователей. То, что имело в своей основе социологические методы изучения, эти данные опубликованы, но не введены в оборот. Вот это меня интересует в первую очередь. Я и говорю об исторической социологии этой формы, формы революционного насилия. Т. е. не сам процесс создания, документ о документе, но то, что делали исследователи на базе социологического инструментария, и как это можем мы сейчас реконструировать исторически и интерпретировать. Я только в начале пути. Поэтому Ваше замечание о том, что в петербургских архивах есть материалы, я принимаю с благодарностью и воспользуюсь ими.

С. Б. Ульянова: Скажите, пожалуйста, есть ли примеры организации эффективного применения принудительного труда в концлагерях в период Гражданской войны, потому что, например, в ГУЛАГе, в истории ГУЛАГа есть четкая привязка лагерей к районам дефицита рабочих рук. А как обстояло дело в годы Гражданской войны?

И второй момент, не мелькает ли в основании идей концлагерей элемент концепции, которая получила широкое распространение с конца 1920-х гг., концепция исправления трудом?

С. С. Бразевич. Спасибо за вопрос. Что касается организации труда, которая сразу предписывалась в соответствующих циркулярах: «По помещению нужно организовать труд заключенных», но условий для реализации этого положения не было. Простых, условно говоря, мест не попавшим в этот поток людям не было, были попытки организации разного рода ремесел и т. д., некоторые заводики организовывали. Но, конечно, сложности были в том, что даже пайков для питания, выделяемых централизованным образом для заключенных этих концлагерей, не хватало. На каждого заключенного не было целого пайка. Вот почему потом НКВД все-таки добился того, что под это ведомство свели все. Но сказано: мы обеспечим самокупаемость. Но, естественно, никакой самокупаемости не было, хотя примеры такой организации были. Вот молодой человек говорит, что там не так страшно. Но знакомство с документами показывает, что здесь, как и в ряде других сфер, были элементы коррупции и т. п. Вот как ты можешь оттуда выйти: если за тебя будет оформлено поручение, и не простым человеком, а членом партии с заслугами. Во-вторых, если ты в состоянии заплатить. Много дел было возбуждено, особенно в органах ВЧК, когда существовали группы, преступные группы, которые по этим лагерям ездили и за плату освобождали людей. Это тоже очень важно. Или: в документах, которые содержат цифровые данные, сеть такая графа «Поступил в больницу», но если изучать глубже, то можно сказать, что никакой больницы не было. Если есть графа «Поступил в больницу»,

то, значит, человек умер. Соглашусь, да, это не огромная масса, но сам принцип заключения в концлагерь был произвольным.

Что позволили сделать концлагеря? Через эту жестокость удалось «воспитать» в массе желание отказаться от участия в какой-либо политической борьбе: «Посмотри на соседа, чем это закончилось». Большевики своим террором, красным террором, добились того, что огромные массы отказались от контрреволюционной борьбы и встали на путь законопослушания.

А. О. Вербовой: Вопрос в отношении концлагерей. Не секрет, что первые концлагеря появились в ходе Англо-бурской войны. В Америке тоже есть система, похожая на сталинские ГУЛАГи, но по-другому называется. А вопрос в другом. Если говорить о жесткости, то в Америке тоже легко можно было попасть в тюрьму строгого режима, по разным основаниям. Но почему все претензии предъявляются к ленинско-сталинскому периоду в нашей стране? Почему в современной Америке, где похожая ситуация, нет таких проблем?

С. С. Бразевич: Хотелось бы подчеркнуть, что я беру период 1917–1922 гг. После революции вся система права, судопроизводства была отменена, разрушена, новая не создана. Поэтому в этот период, в эту пятилетку, исходя из концептуальных основ, о которых я сказал, исходя из принципа революционной целесообразности, и осуществлялась политика, уголовная политика. Мы эту проблему рассматриваем до того момента, когда был принят первый Уголовный кодекс. Коллега спрашивала о социальной защите — уже потом, после 1922 г., была записана система социальной защиты заключенных. Она включала воспитательный, медицинский, трудовой аспекты. Вот дальше уже начали создаваться документы, уголовные кодексы. Поэтому ГУЛАГ это не произвол, это реализация на основе тех законодательных актов, которые были уже приняты. Поэтому мы это не рассматриваем, мы рассматриваем этот период, первую послереволюционную пятилетку, когда был хаос, отсутствие системы, но тем не менее люди жили, люди должны были жить. Именно политических противников «уничтожали» в первую очередь. Ради этого была задумана, реализована эта система. Хотя сложно говорить «эта система», это был метод проб и ошибок. Как, например, функционировали революционные трибуналы? Никакого следствия, никакого судебного процесса, никаких выступлений.

В. С. Измозик: Для трибунала необязательны процессы, это не ВЧК, это Ревтрибунал.

С. С. Бразевич: Но на практике как происходило: зачитка приговора и отсутствие каких-либо записей выступлении со стороны защиты, хотя было записано об адвокате и т. д. Я говорю о ряде фактов, которые были.

В. С. Измозик: Скажите, пожалуйста, кратко. Концлагеря имели целью, первый вариант — уничтожение большей части заключенных; второй вариант — изоляция до окончания Гражданской войны и тре-

тий вариант, о чем говорила Светлана Борисовна, — перевоспитание? Просто кратко ответьте.

С. С. Бразевич: Спасибо за вопрос. Я не могу из этой тройки выбрать один, можно сказать, всё практиковалось. Даже была такая форма заключения в концлагерь — до окончания Гражданской войны.

В. С. Измозик: Целью концлагерей, советских концлагерей, было уничтожение классово чуждых и враждебных элементов?

С. С. Бразевич: Этот термин очень широкий.

В. С. Измозик: Если мы берем лагеря уже 1930-х гг., то там ряд заключенных осуждался, когда они уже там находились, осуждались к высшей мере наказания, к расстрелу. В концлагерях периода Гражданской войны есть примеры, когда заключенные в таких концлагерях дополнительно подвергались осуждению органами ВЧК или Ревтрибуналами, дополнительно?

С. С. Бразевич: Да, есть.

В. С. Измозик: Где можно найти эти факты, можете указать источник?

С. С. Бразевич: Я поделюсь с Вами информацией.

М. М. Сафонов: Вы очень хорошо закончили доклад сравнением с Францией, с Великой французской революцией. Французские историки подсчитали статистику террора. А Вы не пробовали провести сравнение Ваших данных с французскими, потому что это было бы интересно и позволяет некоторые закономерности выявить?

С. С. Бразевич: Спасибо, Михаил Михайлович, за вопрос. Эта идея возникла вчера после доклада Николая Николаевича, пока это только идея.

М. М. Сафонов: Могу сказать, что точно то же самое, о чем Вы рассказали, было во Франции, по идеологическим соображениям должно было быть первое сословие, второе, а не третье, а получилось наоборот.

Н. В. Михайлов: Я прошу прощения, если не очень внимательно прочитал текст доклада. Прошу уточнить, вот те 21 000 карточек — это полная статистика за эти пять лет или это только часть? Если только часть, то насколько репрезентативна эта выборка?

С. С. Бразевич: Это, конечно же, неполная часть, но она вбирает в себя период, условно говоря, с 5 сентября 1918 г., когда в соответствии с декретом СНК были созданы концлагеря, и по 1921 г., т. е. за четыре года. Это не вся статистика.

Н. В. Михайлов: За этот период, что Вы обозначили, — это полная статистика?

С. С. Бразевич: В масштабах РСФСР — да.

Н. В. Михайлов: Спасибо.

С. С. Бразевич: Хотя, этот период... Чтобы Вы понимали, в тот период в состав Советской России входила 101 губерния, а мы берем только этот период. Если брать Украину, Крым, которые тоже входили

ли, то там эта практика концлагерей не использовалась. Там сразу все было передано в пенитенциарную, тюремную систему. На основной территории РСФСР эта практика использовалась.

А. Е. Рабинович: Мне во время работы встречались письма родственников дезертиров из концлагерей. Мой вопрос такой: это значительный процент тех людей, которые находились там в период Гражданской войны?

С. С. Бразевич: Я упустил в ходе своего доклада такой нюанс, очень интересный: за счет, условно говоря, кого пополнялись концлагеря. По предложению Дзержинского, существовала такая форма как заложничество. Ставилась задача перед органами составлять списки, выявлять состоятельных, т. е. тех, как отмечалось в его работе, за кого противник готов что-то заплатить. Т. е. не нужно брать простого мельника... Поэтому заложничество имело очень широкие формы. Письма, которые тоже в архив поступали, они могут рассказать нам о внутренней жизни. И, конечно, еще одно, о чем я хотел бы сейчас вам рассказать. В прошлом году мы отмечали столетие Русского социологического общества им. Ковалевского. И вот, когда мы стали смотреть список членов этого общества в момент его образования в 1916 г., там попала фамилия Лорис-Меликов. Мы знаем, кто такой Лорис-Меликов и когда он умер. Но это не тот, а имя-отчество то же. Поиски привели к тому, что это был его сын, полковник. И его семья как раз находилась в концлагере под Москвой. Как удалось освободиться этой семье? Только после личного поручительства Семашко, который приложил, условно говоря, гарантийное письмо, и тогда... Поэтому можно сказать, что это широко практиковалось. Об этом я с удовольствием поделюсь с уважаемым профессором.

**Суицид времен «русской смуты»
(на материалах меньшевистской прессы
1918–1920 гг.)**

В содержание термина «суицид» некоторые специалисты включают не только намеренное лишение себя жизни, но и отказ от реальных возможностей избежать смерти. В критической ситуации войны такое поведение известно по выражению «подставить себя под пулю». Насильственная смерть в эти периоды истории является настолько обычным явлением, что преднамеренность ухода из жизни вне поля брани (суицид) вызывает некоторое недоумение, порождающее мнение о снижении количества «обычных» суицидальных практик в период войн и революций¹.

В данной публикации речь пойдет о суицидах, совершенных в тыловых районах, напрямую не связанных с боевыми действиями. В своем большинстве это гражданское население городов, хотя доля военнослужащих, находящихся в отпусках, на излечении, в служебных командировках или состоящих в тыловых частях, в них достаточно велика. Это обстоятельство дает дополнительный импульс научному поиску, поскольку повседневная жизнь жителей городов в годы Гражданской войны в преломлении ее асоциальных проявлений изучена недостаточно широко. Вне пределов нашего исследования остались крестьяне и участники меньшевистских вооруженных формирований, находившиеся на театре боевых действий.

Источниковой базой исследования стала меньшевистская пресса юга России и Закавказья. Выбор газет в качестве источника не случаен: никакого системного сбора материала о суицидах в годы Гражданской войны не велось. Вместе с тем в местной периодике регулярно публиковалась информация о самоубийствах. Далеко не все газеты размещали эту информацию. Таковая, например, отсутствует в официальных изданиях меньшевистских военно-политических режимов. В отличие от них, частная пресса, партийная и беспартийная, включала в новостные разделы (под рубриками «Происшествия», «Местная жизнь») сообщения о случаях суицида в городах — местах издания газет.

Природа этих сообщений не вполне ясна. Их нельзя признать официальными, но вероятность получения журналистами первичного материала от государственных чиновников или служащих органов внутренних дел (полиция — в Ростове-на-Дону и национальная гвар-

¹ См.: Суицидология : учебное пособие / И. Л. Шелехов, Т. В. Каштанова, А. Н. Корнетов, Е. С. Толстолес. Томск : Сибирский гос. мед. ун-т, 2011. С. 25.

дия — в Тифлисе) достаточно высока. Об этом свидетельствует общий контент информационных сообщений об одних и тех же случаях самоубийств, размещенных в разных газетах. В то же время наличие деталей происшествия в одних случаях и разнотчений — в других указывает на неофициальный способ производства и размещения информации, приводивший к искажению материала. Так, например, «Приазовский край» в номере от 10 (23) августа 1919 г. сообщает: «Самоубийство. **8 августа** (здесь и далее выделено нами. — В. Р.), в д. № **211**, по Пушкинской ул., отравилась карболовой кислотой Ю. Л. **Семтух**, 19 лет. Причина самоубийства — романтическая история». Ростовская «Жизнь» в свою очередь размещает эту же информацию в следующем изложении: «Самоубийство. **7 августа** отравилась карболовой кислотой девица Ю. Л. **Семчук**, 19 л. (Пушкинская, **24**). Причина романтическая»².

Конечно, газетную информацию нельзя признать исчерпывающей: далеко не все случаи самоубийств в больших городах становились предметом гласности. Кроме того, практически не сохранилось полных годовых комплектов газет. Образовавшиеся информационные лакуны не позволяют получить абсолютную статистическую картину совершенных суицидов, но количество выявленных материалов позволяет говорить о репрезентативности выборки.

В качестве географических объектов исследования нами избраны два крупных города бывшей Российской империи: Тифлис и Ростов-на-Дону. Эти города достаточно близки по числу жителей (наличное население Тифлиса по состоянию на 17 декабря 1926 г. составляло 292 973 чел.; а Ростова-на-Дону с Нахичеванью — 308 284 чел.)³, многонациональны и являлись крупными военно-политическими, экономическими и транспортными центрами на юге России.

В качестве источника по Тифлису взята известная русскоязычная газета «Кавказское слово», издававшаяся с 1914 г. В 1919–1921 гг. эта газета выходила под названиями «Закавказское слово» и «Слово». В научной библиотеке Государственного архива РФ и Российской государственной библиотеке сохранились годовые комплекты газеты, с некоторыми изъятиями. Хуже всего представлен период с января по апрель 1919 г., что, несомненно, отразилось на общей статистике, хотя вряд ли изменило представление о развитии общих тенденций.

В качестве источника по Ростову-на-Дону взяты газеты «Приазовский край» (1918–1919 гг.) и «Жизнь» (1919 г.). Годовые комплекты газеты «Приазовский край» сохранились не полностью. Подсчет суицидов по Ростову-на-Дону произведен нами с июня 1918 г. по декабрь 1919 г., т. е. за тот период, когда город контролировался деникинцами.

² Приазовский край. Ростов н/Д, 1919. 10 (23) авг.; Жизнь. Ростов н/Д, 1919. 10 (23) авг.

³ Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. : краткие сводки / изд. ЦСУ Союза ССР. М., 1927. Вып. 3: Население СССР. С. 62.

В результате анализа тифлисской газеты за период с января 1918 по декабрь 1920 г. нами выявлено 79 случаев суицида, в том числе 14 не фатального исхода. По годам ситуация такова: 1918 — 30, 1919 — 25 и 1920 — 24 случая. С точки зрения сезонности, на зиму (декабрь–февраль) приходится 13, на весну (март–май) — 27, на лето (июнь–август) — 23 и на осень (сентябрь–ноябрь) — 16 случаев суицида. Таким образом, на весну–лето приходилось 63,3 % всех суицидов. Любопытен сезонный показатель числа женских суицидов: зимой он равен 69,2 %, весной — 50,0 %, летом — 52,0 % и осенью — 18,7 % от общего количества суицидов за эти периоды. Таким образом, очевидно преобладание женского «зимнего» и мужского «осеннего» суицидов.

За период с июня 1918 по декабрь 1920 г. по Ростову-на-Дону нами выявлено 68 случаев суицида, в том числе 5 не фатального исхода. Большая их часть приходится на 1919 г. (46 случаев, или 67,7 %). С точки зрения сезонности на зиму приходится 6, на весну — 7, на лето — 27 и на осень — 28 случаев суицидов.

Гендерный анализ тифлиских материалов дал следующие результаты: число суицидов, совершенных мужчинами, несколько выше такого же женского показателя: 56,9 % против 43,1 %. Но если это соотношение практически полностью относится к 1918 г. (40 % женских суицидов) и близко в 1919 г. (32 % женских суицидов), то в 1920 г. ситуация кардинально меняется: женские суициды составляют уже 58 % от общего числа. Видимо, количество мужских суицидов в Тифлисе снижалось, а женских возрастало по мере стабилизации политической и военной обстановки в Грузии.

Гендерный анализ ростовских суицидов дал иные результаты: число суицидов, совершенных мужчинами, значительно выше такого же женского показателя: 70,6 % против 29,4 %. Вероятней всего, сказался тот фактор, что, в отличие от Тифлиса, Ростов-на-Дону был перегружен белыми частями, партизанами и частично донскими казаками, а также входил в зону активных боевых действий, пик которых для данного региона как раз приходится на 1918–1919 гг. Здесь располагались многочисленные лазареты и госпитали. Это положение находит подтверждение в доле военных, совершивших суицид в Ростове-на-Дону, которая составляла 18 случаев (26,6 % от общего числа).

Имеющиеся в нашем распоряжении данные позволяют установить способы совершения суицидов. Абсолютное большинство суицидов в Тифлисе совершено с помощью огнестрельного оружия (наган, револьвер, австрийский карабин, винтовка) — 46 случаев (58,2 %). Только в 13 случаях точно установлено, что оружие принадлежит хозяевам легально: милиционеры, военнослужащие грузинской национальной гвардии, отдельных воинских формирований бывшей российской армии, нестроевых команд, армянского кавалерийского полка и т. п. Зачастую огнестрельным оружием как орудием самоубийства пользовались гражданские лица: инженер, студент, сестра милосердия, кас-

сирша кондитерской, официант кафе и даже 14-летняя дочь сторожа. Кстати, с помощью огнестрельного оружия счеты с жизнью свели 15 женщин, т. е. почти половина от числа всех женщин-самоубийц.

Чаще всего огнестрельное оружие использовалось в 1918 г. (19 случаев, или 63,3 % от общего количества самоубийств, совершенных в этом году). В 1919 и 1920 гг. этот показатель составил соответственно 14 и 13 случаев (56 % и 54,2 %). На наш взгляд, массовость применения огнестрельного оружия в 1918 г. связана с рядом факторов: продажей (обменом) оружия на продукты питания и спиртное демобилизованными солдатами с Кавказского фронта; насильственным разоружением грузинскими и татарскими (азербайджанскими) официальными и неофициальными структурами демобилизованных солдат; разграблением складов вооружений в городе и окрестностях. Оружие «расползалось» среди гражданского населения и становилось предметом нелегальной торговли. Впоследствии с упрочением государственных структур Республики Грузия, изъятием оружия у населения ситуация стала менее благоприятной с точки зрения бесконтрольного использования оружия.

Значительная часть ростовских суицидов также совершена с помощью огнестрельного оружия — 26 случаев (38,2 % от общего числа). В 1918 г. (с июля по декабрь) огнестрельное оружие использовалось самоубийцами 9 раз, в 1919 г. — 17. С помощью огнестрельного оружия в Ростове-на-Дону счеты с жизнью свела одна женщина. Как мы видим, этот показатель кардинально отличается от тифлисского, где оружие было более доступно для гражданского населения в целом.

Вторым по популярности способом добровольного ухода из жизни в Тифлисе стало отравление — 14 случаев (17,7 %). Для отравления использовались раствор опиума, формалин, сулема (хлорид ртути), соляная и карболовая кислота, яд. По этому показателю доминируют женщины — 11 случаев. В Ростове-на-Дону отравление — лишь третий по популярности способ добровольного ухода из жизни: всего зафиксировано 12 таких случаев (17,6 % от общего числа суицидов). Чаще всего в Ростове-на-Дону для отравления применялась карболовая кислота (5 случаев), имели место и случаи отравления нашатырным спиртом и атропином. К отравлению прибегали главным образом женщины-дончанки — 9 человек.

Вторым по массовости способом осознанного ухода из жизни в Ростове-на-Дону стало повешение. В этом городе нами зафиксировано 17 случаев повешения (15 у мужчин и 2 у женщин). В Тифлисе зафиксировано 8 случаев повешения (5 муж. и 3 жен.). Вызывают вопросы причины большого количества случаев самоудушения, совершенных в Ростове-на-Дону.

Место повешения избиралось в зависимости от обстоятельств: таким образом ушел из жизни в помещении управления городской стражи арестант И. Ф. Белоусов, обвиняемый в кражах; в своем доме, на-

ходясь в состоянии длительного запоя, повесился на спинке кровати 54-летний С. И. Марченков; в уборной Никольской городской больницы повесился находящийся на излечении 36-летний Спиридон Бирюков; в своей квартире по Нахичеванскому пер. повесилась душевнобольная М. А. Трегубова и т. п. Чаще всего этот способ ухода из жизни выбирали больные и раненые люди, имевшие ограниченные физические возможности и возможности выбора орудия суицида. Добровольный уход из жизни, связанный с невыносимым физическим или эмоциональным страданием либо с неизлечимой болезнью, психологи иногда называют рациональным самоубийством.

В остальном статистика способов самоубийств по Тифлису выглядит следующим образом: использование холодного оружия — 4 случая (3 муж. и 1 жен.), утопление — 3 случая (2 муж. и 1 жен.), падение с высоты — 3 случая (все жен.). В одном случае способ самоубийства не указан. По Ростову-на-Дону статистика других способов совершения суицида такова: в 2 случаях (2 жен.) использовалось холодное оружие, в 2 случаях (1 муж. и 1 жен.) — падение с высоты. В 9 случаях (13,2 %) способ самоубийства не указан.

На первый взгляд в сложившихся условиях суициды должны были приобрести определенный «военный» оттенок. Как же было на самом деле? В 28 случаях (35,4 %) суицида в Тифлисе указана их причина: «романтическая любовь» — 9 (4 муж., 5 жен.), «разочарование жизнью» — 7 (4 муж., 3 жен.), преступление, предшествовавшее самоубийству, 4 (все муж.), семейный конфликт — 3 (1 муж., 2 жен.) и тяжелая болезнь — 3 (1 муж., 2 жен.). Приведенные данные легко убеждают, что война мало что изменила в мотивации суицидов.

Ростовская пресса не всегда сообщала о причинах самоубийств. Они указаны в 14 случаях. Причинами 6 самоубийств в Ростове-на-Дону являлись материальный фактор и финансовые проблемы: бедность, отсутствие заработка, потеря службы и состояния. Например, «12 апреля (1919 г. — В. Р.) чинами стражи 4-го участка в квартире по Очаковской ул. обнаружены были два трупа: А. Сервишевой, 60 лет, и Е. Решетниковой, 50 лет; обе отравились. Дознанием установлено, что Сервишева и Решетникова жили в крайней нужде и занимались нищенством»⁴.

В Ростове-на-Дону зафиксирован один случай массового самоубийства по аналогичной причине. 26 ноября (9 декабря) 1919 г. в квартире А. М. Носкова, проживавшего по ул. Пушкинской, 218, были обнаружены трупы целой семьи, погибшей от отравления угарным газом. В оставленной записке было написано: «Мы, И. Николаевский, жена его Анна и сын П. Николаевский, умираем добровольно, так как злые люди не хотят нам помочь и мы голодаем»⁵.

⁴ Приазовский край. Ростов н/Д, 1919. 16 (29) апр.

⁵ Жизнь. Ростов н/Д, 1919. 29 нояб. (12 дек.).

Еще в шести случаях причиной самоубийства становилось предшествующее ему преступление, например, «9 мая, около 12 час. дня, прапорщик N-ского офицерского генерала Дроздовского полка В. Н. Букреев в своей квартире (Шестая ул., д. № 14) застрелил своего сына Льва, 2-х лет, после чего застрелился»⁶. Подобного рода случай произошел в 7-м участке городской стражи, где признавшийся в убийстве с целью ограбления торговца с Нового базара арестованный И. С. Ковалев повесился в камере на веревке, свитой из собственной рубахи⁷.

Резонансным по своей трагичности и одновременно нелепости стал случай с полковником В. В. Калюжновым, командиром автомобильного бронедивизиона Кавказской армии, который застрелился в своем служебном кабинете 18 июня (1 июля) 1919 г. в 4 часа дня. Покойному было 42 года. Участник Первой мировой войны и Первого ледяного похода 1918 г. Как писал «Приазовский край», причиной самоубийства В. В. Калюжнова «послужил печальный случай: на днях он ехал на грузовом автомобиле, тормозы которого неожиданно лопнули и автомобиль наскочил на базарной площади в Нахичевани на киоск. Во время этой катастрофы слегка была ранена девочка». Этот случай сильно взволновал полковника, который постоянно справлялся о состоянии здоровья девочки. Накануне самоубийства полковнику Калюжнову кто-то позвонил по телефону и сообщил, что девочка умерла. Нервы боевого офицера не выдержали, и он застрелился. А через час по телефону сообщили, что девочка жива и ее жизнь вне опасности⁸.

В двух случаях мотивы ростовских суицидов имели политический характер. После допроса и обвинения в большевизме и участии в аресте генералов Рузского и Радко-Дмитриева из окна третьего этажа здания, где размещалась деникинская контрразведка, выбросился некто Скляренко⁹. 13 (26) августа 1919 г. совершил суицид студент Петроградского политехникума. Причиной самоубийства, как видно из оставленного письма, стали якобы напрасно возводимые против него обвинения в причастности к большевизму¹⁰. К слову сказать, по ростовским материалам нам известно лишь о пяти предсмертных записках, написанных исключительно самоубийцами-мужчинами.

По тифлисским материалам известно о 9 случаях (5 муж., 4 жен.) оставления предсмертных записок. Так, в квартире по Михайловской ул., 27, где повесилась Пелагея Рамченко, была оставлена записка, по смыслу которой причина самоубийства «романтическая»¹¹. 10 сентября 1920 г. в 6 часов утра в своей квартире отравился сулемой директор 4-й гимназии М. К. Заалишвили. Все свои труды покойный завещал

⁶ Приазовский край. Ростов н/Д, 1919. 11 (24) мая.

⁷ Жизнь. Ростов н/Д, 1919. 22 авг. (4 сент.).

⁸ См.: Приазовский край. Ростов н/Д, 1919. 20 июня (3 июля).

⁹ Приазовский край. Ростов н/Д, 1919. 21 июня (4 июля).

¹⁰ Жизнь. Ростов н/Д, 1919. 15 (28) авг.

¹¹ Кавказское слово. Тифлис, 1918. 30 янв.

грузинскому обществу распространения грамотности¹². В записке, оставленной Аршалуйс Айдавянц, отравившейся формалином, содержалась просьба никого не винить в ее смерти¹³.

Как считают психиатры, суицид у душевнобольных наиболее вероятен в период ремиссии, при вялом течении заболевания. В этом случае суицид или суицидальная попытка нередко является первым явным проявлением психического расстройства. Поэтому прямое указание лишь на два случая наличия явного психического расстройства у людей, совершивших суицид, на наш взгляд, не раскрывает полной картины: или наличие психических заболеваний не всегда указывалось в газетной информации, или эти заболевания протекали латентно от общества. Впрочем, самоубийства очень часто были вызваны не какой-то одной причиной, а целым комплексом их.

В 17 случаях (9 муж. и 8 жен.) можно говорить о возрасте самоубийц в Тифлисе. Самый юный возраст — девушка 14 лет, самый старший — мужчина 40 лет. Все остальные находились в жизненном интервале от 17 до 30 лет, т. е. продуктивном возрасте. О возрасте ростовских самоубийц можно говорить лишь в 19 случаях (27,9 % от общего числа). Самый юный возраст — мальчик 11 лет, самый старший — мужчина 85 лет. В отличие от Тифлиса, в Ростове-на-Дону имелось много самоубийц старше 30 лет.

Национальность самоубийц в тифлисских газетных публикациях не указывалась, но анализ имен и фамилий, а также конфессиональная принадлежность позволяет, конечно, несколько условно, установить их национальность: 23 русских, 12 грузин, 3 армянина, 2 еврея, по 1 абхазцу и немцу. Подобная национальная мозаика в целом характерна для Тифлиса, а преобладание русских свидетельствовало о значительном ухудшении их правового и экономического положения в Закавказье. К сожалению, по имеющейся информации практически невозможно определить национальность самоубийц в Ростове-на-Дону.

Определенный интерес представляет статистика мест совершения суицида. Абсолютное большинство самоубийств в Тифлисе — 40 (25 муж. и 15 жен.) было совершено в привычной обстановке в местах проживания (съемных или собственных квартирах). Еще 11 самоубийств зафиксировано в гостиницах и пансионатах. Часть лиц в первом случае и все — во втором относились к числу приезжих. Приезжие, как и военные, были подвержены большему риску совершения суицида, чем местное население.

Девять раз местом суицида становилось место службы, работы или учебы: 41-й гвардейский лазарет, помещение Главного штаба народной гвардии, автомобильная мастерская, помещение управления Джульфа-Бакинской ж. д. и т. п. Особый смысл в добровольное принятие смерти

¹² Слово. Тифлис, 1920. 11 сент.

¹³ Там же. 1 дек.

вкладывался в тех случаях, когда самоубийство осуществлялось публично: в ложе синематографа, в саду Муштаид, в парке в районе 12-го комиссариата, на скаковом поле, на мостах через Куру. Некоторое религиозно-мистическое содержание просматривается при совершении суицидов в ограде церкви Иоанна Богослова, у миссионерской церкви, на Кукийском кладбище.

Абсолютное большинство самоубийств в Ростове-на-Дону, как и в Тифлисе, было совершено в местах проживания на съемных или в собственных квартирах (33 случая) и гостиницах (2 случая). Двенадцать суицидов (все мужчины) совершено в публичных местах, 8 — в медицинских учреждениях.

К сожалению, у нас нет статистических материалов по суицидальной практике предыдущих лет, что делает невозможным подтверждение или опровержение тезиса об уменьшении количества самоубийств среди горожан в годы революций и войн. Вместе с тем полученные результаты позволяют выявить как общие черты, так и особенности этого явления, в том числе и регионального характера, и стать первичной базой для продолжения исследований.

Девиантный досуг горожан в революционной России (1917–1921 гг.)*

В современной историографии распространено утверждение о том, что Великая российская революция стала периодом одичания и распространения девиантных форм поведения: «Всякая революция — как и любая экстремальная ситуация — обнажает крайние стороны человеческой природы. Наряду с выявлением лучших людских качеств революция демонстрирует всю гамму психопатологии массового сознания»¹. Применительно к истории досуга — относительно новой области исторической науки — это означает, что в революционный период должны были получить большее распространение асоциальные и нетрадиционные формы свободного времяпрепровождения.

Девиантное поведение, не принимаемое обществом или законом, существует в любом социуме². В историографии обычно девиантный досуг рассматривается в контексте борьбы с пьянством, проституцией, наркоманией и т. п. Но изучение этих явлений именно как досуга, т. е. отдыха (*recreation*), развлечения (*entertainment*) или свободного времяпрепровождения (*pastime*) позволяет расширить наши представления о границах допустимого в революционном обществе, о характере массовой революционной культуры. Девиантный досуг может быть понят и как способ сопротивления, точно так же как хорошо знакомое специалистам по производственной повседневности явление *Eigensinn* (нем. — «своеволие»), т. е. несанкционированные перерывы в работе, «валяние дурака», мелкие кражи и т. п., которые позволяли рабочим найти ниши в фабричной дисциплине для самоутверждения³.

В работах социологов была обоснована идея о досуге как способе сопротивления доминирующей идеологии, например, со стороны различных маргинальных групп, представители которых не хотят подстраиваться под узкие социальные сценарии⁴. Р. Стеббинс про-

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 16-31-00017 «Девиантный досуг городского населения Советской России в 1920-е гг.: модели, практики, институционализация».

¹ Волобуев П. В., Булдаков В. П. Октябрьская революция: новые подходы к изучению // Вопросы истории. 1996. № 5/6. С. 35.

² Лебина Н. Б. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920–1930 гг. СПб. : Летний сад, 1999. С. 20–119.

³ Людтке А. Полиморфная синхронность : немецкие индустриальные рабочие и политика в повседневной жизни // Конец рабочей истории? М. : Улисс, 1996. С. 77.

⁴ Resistance through ritual: youth subcultures in post-war Britain / Hall S., Jefferson T. (eds.). London, 1976; Spracklen K., Spracklen B. Pagans and Satan and Goths, oh my: dark leisure as communicative agency and communal identity on the fringes

извел разделение девиантного досуга на «случайный / несерьезный» (*casual deviant leisure*) и «серьезный» (*serious deviant leisure*)⁵. Если к первому он относит способы рекреации, не требующие изменений общепринятого образа жизни и преследующие цель получить удовольствие, то «серьезный» девиантный досуг означает аберрации в области религии, политики и науки, меняющие личность, взгляд на мир, систему ценностей. К. Роджек обозначил девиантный досуг как оппозицию «нормальной» культуре, неизменно привлекательную для человека⁶.

Исследование досуга, в том числе девиантного, способствует пониманию системы ценностей, жизненных установок, самоидентификации индивида, того, что можно назвать стилем мировосприятия. Оно помогает провести разграничение «свой/чужой», сформировав законченный образ союзника или врага. Данное замечание нам представляется весьма ценным, учитывая высочайшую степень государственного и общественного заказа на образ чужого, как в настоящем, так и в прошлом. Применительно к досугу речь идет прежде всего о групповой идентичности, дающей ощущение включенности, культурной стабильности, возможности сопротивления психосоциальным кризисам. Впечатления, полученные в ходе досуговых практик, трансформируясь в идеи, установки, стереотипы, способны стать регуляторами личного поведения и общения человека.

Границы девиантного досуга подвижны, его формы изменчивы. Так, например, в 1920-е гг. в сферу девиантного досуга вытесняется религиозная деятельность. На одну доску властью были поставлены религиозные обряды и пьянство, употребление наркотиков, азартные игры. Приравнивание религиозных практик к девиантному досугу — это умелый пропагандистский ход, эффективность которого подкреплялась действительно имевшей место практикой неумеренного потребления алкоголя в праздничные дни.

С другой стороны, участие в революционных действиях — митингах, демонстрациях и пр. — в начальный период революции (февраль-март 1917 г.) тоже может быть истолковано как нетрадиционная форма досуга. Неслучайно многие авторы отмечают, что революция поначалу воспринималась как праздник⁷. Как писал В. Шкловский о первых

of the modern Goth scene // *World Leisure Journal*. 2012. Vol. 54, N 4. P. 350–362; Williams D. J. Deviant leisure: rethinking «the good, the bad, and the ugly» // *Leisure sciences*. 2009. Vol. 31. P. 210.

⁵ Stebbins R. A. Casual leisure: a conceptual statement // *Leisure Studies*. 1997. Vol. 16. P. 22.

⁶ Rojek C. Leisure Theory: Retrospect and Prospect // *Loisir et Société / Society and Leisure*. 1997. Vol. 20. P. 393.

⁷ Россия в годы Первой мировой войны : экономическое положение, социальные процессы, политический кризис / под ред. Ю. А. Петрова. М. : РОССПЭН, 2014. С. 762–764.

днях Февраля, «это была Пасха и веселый, масленичный, наивный, безалаберный рай»⁸. Впрочем, в обществе в 1917 г. стремительно образовался разрыв между иллюзиями и намерениями, с одной стороны, и реальностью повседневной жизни — с другой.

До революции определенные формы девиантного досуга были свойственны всем слоям городского населения, но их распространение сдерживалось властью, администрацией предприятий и учреждений, профессиональными корпорациями. В то же время неумеренное потребление алкоголя в определенные дни, драки «стенка на стенку», обращение к услугам проституток или сексуальные домогательства к фабричным работницам считались простительными, особенно для молодых несемейных мужчин. Преследовались властью только те формы девиантного досуга, которые были связаны с политической активностью (маевки, демонстрации и т.п.) или угрожали общественному порядку.

Те или иные виды девиантного досуга сохранялись в городском обществе в силу традиционности. Прежде всего речь идет о пьянстве. Известно, как сильно и подолгу пили купцы. Закоренелыми пьяницами нередко становились и аристократы. Случалось, что представители интеллигенции также заканчивали свою карьеру в кабаках⁹.

Неумеренное потребление алкоголя было свойственно и рабочему классу. «Магарыч», «замочка машин», «спрыск получки» и т. п. обязательно сопровождалось совместным распитием спиртных напитков. По мнению Н. С. Полищук, широкому распространению пьянства среди рабочих, наряду с низким уровнем общей культуры, тяжелыми жилищными условиями, малой доступностью «культурных» развлечений, способствовало избыточное предложение спиртного¹⁰. С пьянством, по общему представлению, было тесно связано и пришедшее из деревни в город хулиганство. Стоит отметить, что обе эти формы девиантного досуга играли важную коммуникативную роль: помогали устанавливать внутризаводскую и казарменную иерархию, сплачивали трудо-бытовые коллективы, способствовали разрешению конфликтов, канализировали молодежную агрессию.

В годы мировой войны власть пыталась проводить политику «сухого закона». С 1 ноября в Москве и с 17 декабря 1914 г. в Петрограде действовал абсолютный сухой закон, запрещающий продажу для питья всех видов алкогольных напитков. В столицах действовали также особые условия отпуска спиртосодержащих веществ для надобностей, не связанных с потреблением внутрь, и меры предупреждения и пре-

⁸ Шкловский В. «Еще ничего не кончилось...». М. : Пропаганда, 2002. С. 29.

⁹ Хренов Н. А. «Человек играющий» в русской культуре. СПб. : Алетейя, 2005. С. 488.

¹⁰ Полищук Н. С. Обычаи и нравы рабочих России (конец XIX — начало XX вв.) // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций, 1861 — февраль 1917 г. СПб. : Рус.-Балт. информ. центр «БЛИЦ», 1997. С. 116–118, 122.

сечения правонарушений в области производства, питейной торговли и потребления¹¹.

По мнению О. А. Чагадаевой, запретительные меры действовали как сдерживающий фактор только на фоне мощного патриотического подъема и были вызваны осознанием массами необходимости воздержания во благо отечества. Примерно к осени 1915 г. в настроениях горожан начинают преобладать усталость от войны, недоверие к власти, вызванное просчетами и неудачами русской армии, что сопровождалось ростом нарушений обязательных постановлений, развитием черного рынка, усилением пьянства¹².

Примечательно, что знаменитое постановление СНК РСФСР от 19 декабря 1919 г. «О воспрещении на территории РСФСР изготовления и продажи спирта, крепких напитков и не относящихся к напиткам спиртосодержащих веществ» никак не упоминало о необходимости запретительных мер в связи с угрожающим обществу размахом пьянства среди населения. За распитие незаконно приготовленных и незаконно полученных крепких напитков в публичных местах, во всякого рода заведениях, а также за допущение такого распития и за появление в публичном месте в состоянии опьянения виновные должны были подвергаться лишению свободы с принудительными работами на срок не менее одного года. Однако в целом текст постановления демонстрирует заботу о сохранении производства крепкого алкоголя в руках государства, и только¹³. В этот «героический» период революции пьянство рассматривалось как старорежимный пережиток, который исчезнет, как только будут устранены социальные условия, способствовавшие ему.

Впрочем, в период Гражданской войны алкоголизм действительно не представлял из себя серьезной проблемы в силу резкого сокращения его материальной базы. Количество пьяных и проституток снизилось, но не потому, что власти проводили запретительную политику по отношению к «буржуазным пережиткам», а потому что изменились условия физического существования людей в городе. Если горожанин не хотел медленной смерти от голода, он должен был искать возможности к самоснабжению продовольствием. Каждый рабочий прогуливал, по

¹¹ *Мак-Ки А.* Сухой закон в годы Первой мировой войны: причины, концепция и последствия введения сухого закона в России. 1914–1917 гг. // Россия и Первая мировая война : (материалы междунар. коллоквиума). — СПб. : ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 1999. С. 147–159.

¹² *Чагадаева О. А.* «Сухой закон» в Российской империи в годы Первой мировой войны (по материалам Петрограда и Москвы) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2013. С. 29.

¹³ Постановление СНК РСФСР «О воспрещении на территории РСФСР изготовления и продажи спирта, крепких напитков и не относящихся к напиткам спиртосодержащих веществ». 19 декабря 1919 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.alppp.ru/law/hozjajstvennaja-dejatelnost/promyshlennost/27/postanovlenie-snk-rsfsr-ot-19-12-1919.html> (дата обращения: 12.03.2017).

данным С. Г. Струмилина, в среднем не менее трех месяцев в году, посвящая это время нелегальным рыночным операциям¹⁴. Основная масса прогулов приходилась на начало и конец недели — рабочие, совмещая прогульные дни с выходными, уезжали в деревню для того, чтобы запастись продуктами питания. Голодные люди бежали из городов в сельские районы. Досуг, связанный с потреблением алкоголя, оказывался слишком затратным. По наблюдению С. И. Аничковой, в 1919–1920 гг. пьяные совершенно исчезли с улиц Петрограда¹⁵.

Во многом потребление алкоголя было заменено потреблением наркотиков. То, что до революции являлось привычкой аристократии, богемы и полусвета, в годы революции и особенно Гражданской войны получило массовое распространение.

В последние годы история борьбы с наркоманией, ее медицинские и юридические аспекты привлекают историков¹⁶, но мы обратим внимание на потребление наркотиков в контексте досуговой культуры. Врач Л. М. Василевский в своей книге «Дурманы» задавался вопросом: «Для чего люди одурманиваются?». По его мнению, «быт громадного большинства людей безрадостен; вот основная причина страшного распространения одурманивающих средств». В то же время исследователь подчеркивал потребность «встряхнуться», «на минуту порвать установленный и регулярный строй жизни, внести в него некоторую сумятицу и разнообразие»¹⁷.

И курение опиума или гашиша, и употребление кокаина или морфия зачастую осуществлялись совместно, в компании, как раньше совместно распивались спиртные напитки. В. А. Горовой-Шалтан в статье «Морфинизм, его распространение и профилактика» упоминал, что в период революции на одном из военных кораблей существовал «клуб морфинистов», «где организовано происходят “заседания”, организовано добывается морфий, которым снабжаются члены клуба, где успешно вербуются новички, нередко простые и малокультурные матросы»¹⁸.

В досуговом пространстве городов появляются места, предназначенные для подобного вида времяпрепровождения. Б. Пильняк в повести «Иван Москва» писал: «В притонах Цветного бульвара, Страстной площади, Тверских-Ямских, Смоленского рынка, Серпуховской, Таганки, Сокольников, Петровского парка — или просто в притонах на тайных

¹⁴ Струмили́н С. Г. Заработная плата и производительность труда в русской промышленности за 1913–1922 гг. М. : Изд-во НКТ «Вопросы труда», 1923. С. 46.

¹⁵ Аничкова С. И. Загадка Ленина: Из воспоминаний редактора. М. : Кучково поле, 2016. С. 155.

¹⁶ Васильев П. А. Историография наркотизма в раннесоветской России : обзор и критика // Вестник Ленингр. гос. ун-та им. А. С. Пушкина. 2011. Вып. 3, т. 4. С. 35–42; Панин С. Е. Потребление наркотиков в Советской России (1917–1920-е гг.) // Вопросы истории. 2003. № 8. С. 129–134.

¹⁷ Василевский Л. М. Дурманы (наркотики). М. : Новая Москва. 1924. С. 5–6.

¹⁸ Горовой-Шалтан В. А. Морфинизм, его распространение и профилактика // Вопросы наркологии. М. : Мосздравотдел, 1928. Сб. № 2. С. 48.

квартирах, в китайских прачечных, в цыганских чайных — собирались люди, чтобы пить алкоголь, курить анашу и опий, нюхать эфир и кокаин, коллективно впрыскивать себе морфий и совокупляться»¹⁹.

Медицинские и социальные последствия «наркотического» досуга были настолько серьезными, что их стоит рассматривать не столько в контексте праздного времяпрепровождения или физиологической рекреации, сколько в связи с сопротивлением доминирующей идеологии, демонстрацией своеволия. С другой стороны, в досуговом употреблении наркотиков заметны черты социального эскапизма, что сближает его с характерным для послереволюционной России увлечением азартными играми.

С. И. Аничкова в своих мемуарах отмечает, что азартные игры были сродни наркотикам, объединяли людей разного социального положения²⁰. Эта форма девиантного досуга после революции выплеснулась на улицы. Азартные карточные игры проникли в солдатскую среду, в которой ранее они были запрещены²¹.

После октября 1917 г., несмотря на репрессивную политику большевиков, игра в карты и другие формы приобщения к миру азарта продолжались. Анонимное письмо во ВЦИК (19 декабря 1917 г.) призывало: «Спасите наших братьев от разорения, а их матерей, жен и детей от вечных слез и нищеты. Закройте все билиарды, эту тысячеглавую гидру, пожирающую все заработки трудящихся и обогащающую только трактирщика да шулеров. Царские чиновники видели в разорении народа свое благополучие, а Вы, товарищи, наши отцы и братья, раз навсегда закройте эти грабильники»²².

Вместе с тем некий гражданин И. Н. Давыдов предложил ВСНХ проект выкачивания денег из карманов «паразитов», спекулянтов, которые «живут вовсю, от массы свободного времени сидят в Ресторанах и Кафе, пьют и едят за десятерых, платят за все бешеные деньги и тем самым заставляют рестораторов запрещенными способами добывать провизию и преподносить под пикантными соусами обжорам буржуйам. В рабочих кварталах нет мяса, масла и хлеба, а в ресторанах всего вдосталь, рабочему же трудовому человеку ресторанные цены не по карману». Проект заключался в организации бегов с тотализатором²³.

Увлечение азартными играми показывает, что распространение девиантных форм досуга было связано в годы революции и Гражданской войны, среди прочего, с неустойчивостью существования, понимани-

¹⁹ Пильняк Б. Собр. соч. : в 6 т. М. : Терра, 2003. Т. 4. С. 37.

²⁰ Аничкова С. И. Загадка Ленина. С. 162–163.

²¹ Чистиков А. Н. Государство против карточной игры // Нормы и ценности повседневной жизни: Становление социалистического образа жизни в России, 1920–1930-е годы. СПб. : Журнал «Нева», 2000. С. 301.

²² Письма во власть. 1917–1927. М. : РОССПЭН, 1998. С. 29.

²³ Там же. С. 44–45.

ем того, что жизнь может оборваться в любой момент, что нет прочных связей, распадаются семьи и т. п.

* * *

Досуговая культура, характерная для индустриального общества, начала активно формироваться в России на рубеже XIX и XX вв. Можно предположить, что власть, столкнувшись с новыми формами свободного времяпрепровождения городского населения (в том числе и девиантными), не успела выработать четкой политики по отношению к ним. В то же время в различных слоях городского населения (прежде всего в пролетарской среде) еще не сложились устойчивые формы культурного досуга, что и обусловило преобладание девиантных форм использования свободного времени.

Общая радикализация в период революции и Гражданской войны привела к коренным изменениям в повседневной жизни советского человека, обусловила, среди прочего, модификацию досуговых моделей и практик. Однако можно утверждать, что в 1917—1921 гг. не произошло качественного скачка в распространении девиантных форм досуга. Имело место лишь некоторое перераспределение времени между различными видами асоциального поведения, упрощение потребляемых ресурсов и изменение городской топографии девиантного досуга.

Удивительно, насколько быстро после Гражданской войны и введения новой экономической политики, несмотря на декларируемую властями борьбу с различными «социальными язвами» и «буржуазными пережитками», городское сообщество вернулось к традиционным видам девиантного досуга — услугам проституток, игорным домам, бегам, алкоголю. Распространенные сценарии девиантного досуга, ассоциировавшиеся прежде всего с нэпманами, перенимались и новой элитой. Советские чиновники, лишённые собственной корпоративной культурной традиции, охотно копировали досуговое поведение нэпманов, которые представлялись им теми, кто по-настоящему «умеет жить красиво».

Р. А. Хазиев: Светлана Борисовна, скажите, пожалуйста, какая социальная группа была подвержена девиантному поведению в виде употребления наркотиков? Был ли это уход от действительности? Как к этому власть относилась? Где собирались, в притонах, в салонах?

С. Б. Ульянова: До революции, как я уже сказала, это такая богемная аристократическая привычка. И после революции широко отмечается использование наркотиков в военной среде, в среде солдат и матросов очень широко. Был такой распространенный рецепт — «Балтийский чай», кокаин со спиртом. Он действует эффективнее. И там же, на Балтийском флоте, собирались группы, просто группы на кораблях собирались в кубриках и совместно потребляли эти наркоти-

ки. В военной среде очень активно. В среде советского, определенной части советского чиновничества, эта практика также получила распространение. Хотя можно говорить и о широком распространении в рабочей среде. В рабочей среде наркотики заменили алкоголь, потому что наркотики были доступнее. Алкоголь достать было трудно, он был под жестким запретом, в отличие от наркотиков. Наркотики доставались почти легально. Путей доставки наркотиков было несколько: это был либо медицинский морфий, либо медицинский эфир, либо кокаин, который шел серой контрабандой через Западную Европу, либо опиум, который поставлялся из Китая. И приобрести его было относительно легко. Кокаин в значительной степени даже в рабочей среде заменил алкоголь. По материалам 1920-х гг. не прослеживается наркомания как проблема рабочих районов. Т. е. мы можем говорить о том, что не произошло стойкого привыкания в рабочих районах, потому что, как только алкоголь ввели в свободную продажу, рабочий класс весь перешел на водку. Это было привычнее, это было нормально, это, как форма досуга, было совершенно понятно. Поэтому произошел быстрый переход на алкоголь. Конечно, у мальчишек-беспризорников был очень широко распространен кокаин. Они его продавали, они его и нюхали.

Власти смотрели на это, в общем, гораздо мягче, чем на потребление самогона, на самогонование, на продажу самогона, алкоголя. Хотя официально, конечно, декларировали борьбу с этим явлением. Наркомания, наркотизм считался социальным злом, дурманом. Поэтому боролись, но не слишком рьяно. Может, механизмов бороться не было.

С. С. Бразевич: Ваш проект, конечно, представляет очень большой интерес. Как историк я удовлетворен тем материалом, который я услышал. Но как у социолога, у меня есть вопрос. Скажите, пожалуйста, в Вашем проекте предусмотрен ли анализ? Вы вот говорите, что партийно-хозяйственная государственная бюрократия тоже увлекалась, рабочие увлекались. Есть ли такие исследования, которые позволяют нам как-то систематизировать эти данные? Насколько их данные репрезентативны? Не просто иллюстрация, а основа?

С. Б. Ульянова: Понятно. Мы занимаемся в основном 1920-ми гг., распространением девиантного досуга в эти годы. И там палитра гораздо более широкая, чем алкоголь и наркотики. Это и азартные игры, и другие варианты девиантного досуга. Хулиганство, которое получает широкое распространение, это тоже форма девиантного досуга, драки «стенка на стенку» тоже привычная, традиционная форма досуга, которая возрождается в 1920-е гг. Причем такой досуг играет важную коммуникативную роль. И естественно, что существует множество работ 1920-х гг., прежде всего медиков, юристов и пропагандистов, которые анализируют эту проблему, каждый со своей стороны. Есть медицинская статистика, которая попадает в печатные источники. Есть юридическая статистика, еженедельник «Советская юстиция» публикует достаточно много материалов на эту тему, особенно в 1926 г., ко-

гда хулиганство попадает в Уголовный кодекс, появляется целый вал публикаций на эту тему.

С другой стороны, если говорить об архивных источниках, то проблема заключается в разбросанности источников по совершенно разным фондам разных ведомств, организаций. С этим есть большая проблема, но мы над этим работаем.

О. С. Поршнева: Светлана Борисовна, меня интересует концептуализация, вот с чем Вы связываете в большей степени взлет этих практик? С феноменом войны, который всегда поддерживает распространение алкоголя, проституции как способа решения психологических, физиологических проблем и проблем, которые порождает экстремальная ситуация войны? С идеологической политикой, идеологическими факторами, в частности отрицание буржуазной морали, которая была сдерживающим обстоятельством, религиозных представлений, традиционной морали, и провозглашение, например, идеи отказа от традиционной семьи, свободной любви, так сказать, новой революционной морали, т. е. формируется и предоставляется достаточно широкое поле для свободных действий, а государство в то же время еще не наладило систему контроля, тем более в такой сложной ситуации, условиях?

С. Б. Ульянова: Ну, по сути дела Вы, Ольга Сергеевна, уже и ответили на свой вопрос. Поскольку все то, что Вы обозначили, действительно имеет место. Я бы выделила несколько аспектов распространения девиантного досуга. Во-первых, это способ получить удовольствие; во-вторых, это влияние традиции, во многом традиции девиантного досуга пришли в город, советский город, из деревни. Потому что, когда на рубеже 1919–1920 гг. в промышленные города хлынули деревенские жители, они приносили с собой деревенские привычки, в том числе и досуговые. В-третьих, это, как Вы уже сказали, нежелание подстраиваться под существующие социальные сценарии, это тоже имело место. Ну и, наконец, девиантный досуг в ряде исследований, особенно зарубежных, рассматривается как форма социального сопротивления, как форма социального протеста. Это так называемый серьезный девиантный досуг, вот он рассматривается как форма социального протеста. Мне кажется, что в условиях революции и такого переходного общества, когда вообще все социальные границы становятся зыбкими, подвижными, все эти факторы, соединившись воедино, и дали этот феномен нетрадиционного девиантного досуга.

В. В. Чурзин: Светлана Борисовна, Солоневич в книге «Россия в концлагере» пишет, что алкоголизм, несмотря на «сухой закон», был достаточно распространен. Алкоголь был более доступен, чем хлеб, потому что чаще продавался алкоголь, чем хлеб. Мотивация употребления алкоголя связывается Солоневичем со стремлением к внутренней миграции, эскапизм, так сказать. В давящих условиях внешней жизни. У него свой взгляд, но он как очевидец пишет довольно...

А. Н. Чистиков: Ваш вопрос?

С. Б. Ульянова: Согласна я с ним или нет?

В. В. Чурзин: Использовали ли Вы...

С. Б. Ульянова: Я не могу согласиться с такой трактовкой. Да, конечно, в исследованиях истории мешочничества Давыдовым показано, что алкоголь было провезти в город проще самогона, проще, чем хлеб, потому что это меньший объем на единицу стоимости продукции. Надо иметь в виду, что значительная часть самогона потреблялась непосредственно в деревне. Исследования Фетвака показывают, что с введением «сухого закона» происходит постепенная алкоголизация русской деревни. Алкоголь, который до этого в деревне потреблялся умеренно, но по праздникам, начинает потребляться в силу его доступности ежедневно, может быть, и не ежедневно, но регулярно, не в связи с праздниками. Поэтому значительная часть производимого самогона просто-напросто в город не попадала. Во-вторых, надо иметь в виду, что самогон был недешев, наркотики в значительной степени были финансово доступнее, чем алкоголь. Поэтому все-таки говорить о повальном пьянстве рабочих, которых, к слову сказать, и осталось вообще-то немного в городах, нельзя. Возьмем Петроград, из города миллионника к 1920 г. осталось меньше ста тысяч, город вообще-то был пустой. Рабочие покидали города, уезжали в деревню. Поэтому структура городского населения существенно поменялась. Что касается потребления алкоголя как формы социального протеста. Вы знаете, тут существует достаточно длительная традиция потребления алкоголя, праздничного потребления алкоголя. Эта форма досуга имела, на мой взгляд, коммуникативную функцию. Потому что потребление досуга, как показывают исследования, например, Солищук о повседневной жизни, Николая Васильевича Михайлова о повседневной жизни рабочих накануне революции, потребление алкоголя, совместное распитие спиртных напитков позволяло устанавливать внутризаводскую и внутриказарменную, если говорить о рабочих казармах, иерархию. Совместное потребление алкоголя сплачивало заводские коллективы, способствовало разрешению конфликтов. Это был способ канализировать молодежную агрессию. Т. е. мне кажется, все-таки распространение употребления алкоголя как девиантного досуга, именно как досуга, я не говорю о медицинской проблеме алкоголизма, я говорю об употреблении алкоголя как досуговой практике, имеет другие функции. Мне кажется, что здесь Солоневич перегибает палку.

И. М. Сапронов: У меня, собственно говоря, вопрос будет такой же, как и к предыдущему докладчику, — по поводу архивных документов. Известен ли Вам фонд революционной милиции, хранящийся как раз в ЦГА СПб, и пользовались ли Вы этими документами, сконцентрированными в одном фонде, а не разбросанными по различным другим фондам?

С. Б. Ульянова: Разумеется, мы начали его смотреть, начали смотреть его материалы. Но нас интересуют и другие аспекты, т. е. не только борьба государства с этим социальным злом, но и девиантный досуг как некая повседневная практика, а это требует обращения и к другим материалам. Мы смотрели материалы Ленинградского Совета, материалы профсоюзов, комсомольские материалы — вот это у нас сейчас, можно сказать, на повестке дня. Здесь необходимо обращение к очень разноплановым источникам. Как вообще всегда, когда мы говорим об истории досуга как предметной области.

**Казусы идентичности:
новая губерния, новые герои, новые иностранцы
и новые коммеморативные практики**

Вопросы идентичности, всплеск интереса к которым мы наблюдаем в современных гуманитарных науках, тесно связаны с коммеморациями, поскольку коммеморативные практики помогают реализовывать стратегии формирования идентичности¹. В данном исследовании мы сосредоточимся на процессах микроисторических, связанных с проблемами идентичности жителей новой, образовавшейся в 1918 г., губернии — потерей прежней идентичности, поиском и обретением новой идентичности людьми, неожиданно оказавшимися иностранцами, выстраиванием коммеморативных практик с формированием посмертной мученической идентичности тех, кто официально стал героями новой власти.

В 1918 г. из пяти северо-восточных уездов бывшей Новгородской губернии (Череповецкого, Устюженского, Тихвинского, Кирилловского и Белозерского) оформилась новая губерния — Череповецкая, а Череповец, небольшой уездный город, первый и единственный раз в своей истории возвысил свой статус, став городом губернским. В городе шли процессы формирования новых органов власти, как губернского, так и уездного уровней, и поскольку кадров партийных и советских работников на месте не хватало, привлекались партийные работники из других мест. У части проживающих в губернии людей возникли проблемы идентичности в связи с тем, что они родились на той территории, которая в новой геополитической реальности стала частью государств-лимитрофов, образовавшихся после распада Российской империи. Они должны были определиться, являются ли они гражданами Советского государства, или же рассчитывают получить гражданство вновь образовавшихся государств. Уроженцы Латвии, Литвы, Эстонии, Финляндии и Польши могли попросить гражданства этих стран и стать опантами. В условиях Гражданской войны и определенного административного хаоса можно было на словах называть себя иностранцем и получить соответствующий вид на жительство. После окончания активных военных действий в европейской части России местные власти стали осуществлять контроль за находящимися в их

¹ См. подробнее: *Романовская Е. В., Фоменко Н. Л.* Идентичность и коммеморация // *Власть*. 2015. № 7. С. 81–84; *Тихонов В. В.* Революция 1917 года в коммеморативных практиках и исторической политике советской эпохи // *Российская история*. 2017. № 2. С. 92–112.

административных образованиях иностранцами. И теперь в любом случае (оформление иностранного гражданства или заявительный статус иностранца без получения гражданства) требовалось получить надлежащие документы и заполнить анкеты. Содержание ответов на целый ряд пунктов стандартной анкеты представляет несомненный интерес для исследователя.

До революции главной для жителя империи была идентичность конфессиональная; существенное значение придавалось также родному языку. Но новые власти, отделив государство от церкви, естественным образом перестали использовать в качестве основной конфессиональную принадлежность, а вместо этого задавали гражданам страны вопрос о национальности. Те, кто в постреволюционной ситуации объявили себя иностранцами, оказывались в затруднении. Кто же они? Как бывшим жителям Российской империи определить свою новую идентичность? По языку? По конфессиональной принадлежности? По родителям? Разберем конкретные казусы иностранцев, проживавших в Череповецкой губернии.

Маргарита Ивановна Вейнберг, родившаяся в 1894 г. в Юрьевском уезде Лифляндской губернии, на вопросы анкеты отвечала весьма своеобразно. «Гражданка какой страны — Лифляндия. Национальность — отец немец русского подданства»². Родным языком ее был немецкий. Поскольку Юрьев, место рождения Маргариты, стал эстонским городом Тарту, М. И. Вейнберг приняла эстонское гражданство, но оставалась в нем недолго. Ее служба в Советской России складывалась удачно, она была образованной женщиной, служила в системе народного просвещения, затем счетоводом, и, судя по специальной справке, «в контрреволюции не была замечена»³. В Эстонии у Маргариты были мать, две сестры и брат, но она не вела с ними переписки, о чем сообщила, когда в 1923 г. писала заявление об отказе от эстонского гражданства (она написала о нежелании состоять в подданстве Эстонской республики) и стремлении стать, как она выразилась, «русской подданной»⁴. Маргариту не останавливало даже то обстоятельство, что в апреле 1923 г. ее осудили на 4 месяца принудительных работ за распространение ложных слухов⁵. Метаморфозы претерпел и пункт о социальном положении Маргариты Вейнберг. О занятии на родине, до приезда в Россию, она сообщила так: «училась»⁶. Затем она устроилась учительницей, потом служащей, потом счетоводом, состояла в профсоюзе совработников, но в анкете на вопрос о социальном положении Маргарита ответила однозначно — пролетарка. Ведь новое

² Череповецкий центр хранения документации. Ф. 20. Оп. 2. Д. 21. Л. 4.

³ Там же. Л. 3.

⁴ Там же. Л. 17.

⁵ Там же. Л. 15 об.

⁶ Там же. Л. 4.

государство было прежде всего государством рабочих, и Маргарита быстро поняла, что надо позиционировать себя как пролетарку.

Другая иностранка, Каролина Эльза Людмила Сяга, родившаяся в Риге в 1879 г., с трудом могла вразумительно ответить на вопросы анкеты. Сначала она написала о своем «митавском подданстве»⁷, затем сообщила, что она гражданка «Прибалтийского края», по национальности немка, оказавшаяся в России в 1915 г. «по случаю эвакуации». Домохозяйка Сяга, живущая на средства мужа, немка по языку, не возбуждала вопрос о принятии латвийского гражданства, считая свой иностранный статус абсолютно естественным и необсуждаемым. Однако с точки зрения властей иностранного гражданства у нее не было, и ее вид на жительство иностранца был аннулирован в декабре 1922 г.⁸ Только после длительных хлопот Сяге удалось уехать на Родину, в Латвию⁹.

Георгий Генрихович Неддермейер, в 1879 г. родившийся в Петербурге, православный по вероисповеданию, родным языком признающий немецкий, значительную часть жизни провел в Германии (там отбывал и воинскую повинность), но в 1910 г. приехал в Россию, чтобы служить инженером на различных заводах. Семья Неддермейера при этом осталась в Германии. Неддермейер называл себя германским подданным и имел статус иностранца до 1922 г., когда «по разъяснению НКВД» он этого статуса лишился¹⁰. Примечательно, что в документах его национальность была отражена не как немец, а германец¹¹.

Франц Фердинандович Инглик, в 1880 г. родившийся в польском городке Сосновицы, указал в графе «гражданин какой страны» — Петраковская губерния, а национальность — католик¹². Его родным языком был польский.

Проблемы возникали не только у уроженцев территорий бывшей Российской империи, отделившихся от нее, но и у людей, родившихся в странах, исчезнувших в результате Первой мировой войны, — прежде всего, Австро-Венгрии. Так, Александра Георгиевна Рейтер, пожилая вдова-домохозяйка, уроженка Мекленбург-Шверина, живущая в России с 1886 г., заявляла о своем австрийском подданстве, но не могла доказать его из-за отсутствия австрийского паспорта¹³. Мария Витэк, родившаяся в 1889 г. в Моравии, тогда входившей в состав Австро-Венгрии, в России называла себя австрийской гражданкой. В Россию она прибыла в июне 1914 г., занималась домашним хозяйством. В 1918 г. у нее были шестилетний сын Иван и месячная дочь Ольга¹⁴.

⁷ Там же. Д. 35. Л. 1 об.

⁸ Там же. Л. 4.

⁹ Там же. Л. 1.

¹⁰ Там же. Д. 29. Л. 3.

¹¹ Там же. Л. 9.

¹² Там же. Д. 25. Л. 3.

¹³ Там же. Д. 11. Л. 4, 9, 18 об.

¹⁴ Там же. Д. 1. Л. 6.

Среди особых примет Витэк указывалось, что она «не совсем хорошо говорит по-русски»¹⁵. Иностраннный статус Витэк никто не подвергал сомнению до 1923 г., когда выяснилось, что австрийского паспорта у нее нет, а чехословацкое гражданство после образования в 1918 г. Чехословацкой республики она не принимала¹⁶.

Проблемы были и у детей, появившихся в смешанных браках. Так, Анна Ивановна Швейнгрубер, 29-летняя крестьянка, заявила, что она по национальности русская, а по гражданству швейцарка, так как дочь швейцарского гражданина, хотя и родилась в России. Но доказывать свой иностраннный статус А. И. Швейнгрубер не имела никакой возможности: у нее не было швейцарского паспорта, и вообще она была до такой степени неграмотной, что даже не могла самостоятельно расписываться в документах¹⁷. Трудности вызывал и брачный статус Анны Швейнгрубер. В одной анкете указывалось, что она состоит в гражданском браке, но в другой сообщалось, что по семейному положению она девица, при которой проживает восьмилетняя дочь¹⁸. По этим данным трудно понять, был ли брак зафиксирован в ЗАГСе (по сути гражданский брак) или же имело место употребление ранее устоявшегося для случаев сожителства (без церковного венчания) выражения «гражданский брак».

Проблемы идентичности приводили к изменениям в звучании и/или написании имени и фамилии. Так, национальность Маргариты Ивановны Вейнберг определили как «немка» и имя записали на немецкий лад «Маргарета Иогановна»¹⁹. Проблемы с фамилией возникли и у Марии Францевны-Эдуардовны (так в документе. — О. С.) Витэк. На чешский манер в некоторых документах ее называли Витковой²⁰ (поскольку там принято образовывать фамилию жены, прибавляя к мужниной фамилии — видимо, Витек (или Витэк), надлежащий суффикс), а в других — Витэк. Поиски идентичности могли привести к желанию поменять фамилию на более яркую, неординарную. Франц Инглик решил сменить фамилию на более звучную и стал Люксембургским. Франц Фердинандович Люксембургский! Это действительно было ярко и звонко, почти как у опереточного персонажа! Целый ряд документов подписан именно так²¹. Однако затем произошло возвращение к «скучному», но менее броскому, неприметному варианту фамилии — Инглик.

В анкете иностранца был еще один вопрос, вызывавший трудности: когда прибыл в Россию. Тем, кто родился в Российской империи,

¹⁵ Там же. Л. 1 об.

¹⁶ Там же. Л. 3.

¹⁷ Там же. Д. 16. Л. 3, 7.

¹⁸ Там же. Л. 8.

¹⁹ Там же. Д. 21. Л. 6.

²⁰ Там же. Д. 1. Л. 6.

²¹ Там же. Д. 95. Л. 3, 4.

а теперь неожиданно стал иностранцем, отвечать на него казалось абсурдным. Но все пункты анкеты были обязательны для заполнения, так что тем, кто родился в Российской империи, но в той ее части, что перестала быть Россией после 1917 г., надо было написать, когда они покинули свою национальную окраину и оказались в собственно российской части. Маргарита Вейнберг сообщила, что приехала в Россию 24 мая 1916 г., поступив на место домашней учительницы к врачу Маршанковичу²². Ян Янович Вольт, 1877 г. рождения, сообщил, что прибыл в Россию на работу в 1906 г. из Эстонии²³ (как ни странно звучало такое заявление применительно к 1906 г.), также прибыла в Россию из Эстонии в 1906 г. его жена Елизавета Семеновна Вольт²⁴.

Новое время потребовало новых героев. Места захоронения, будучи местами памяти, традиционно служили средствами поддержания определенной идеи, являлись частью коммеморативных практик (если рассматривать коммеморацию как сознательный акт передачи мировоззренчески значимой информации о прошлом путем увековечивания определенных лиц и событий). Почетные жители города считывали, что будут захоронены на лучшем участке кладбища, находившегося, естественно, в стороне от жилых кварталов. Но новая власть меняла места памяти и традицию коммеморативных практик. В самом центре города, на Соборной площади, рядом с собором, где собственно и возникло первое поселение, послужившее началом будущему городу Череповцу, начинает формироваться кладбище жертв революции — новое место памяти, мемориал новой власти (Соборная площадь в связи с этим была переименована в площадь Жертв Революции). В самом Череповце не было революционных боев, не было актов «белого» террора, но мученики революции — важная часть формирующейся новой идеологии, инструмент легитимации большевистской власти. Поэтому в Череповец привозили тела тех местных жителей, кто погиб в боях Гражданской войны. Конечно, не всех, но только тех коммунистов, кто уходил на фронт по призыву партийной организации и на фронте становился политработником, комиссаром. Кто эти новые герои? Владимир Яковлевич Королев (1886–1920), закончивший Псковскую учительскую семинарию, местный учитель, направленный на партийную работу в Череповец. В сентябре 1918 г. его избрали первым председателем Череповецкого губернского комитета РКП(б). Он был одним из организаторов губернского военного комиссариата и местной комсомольской организации. В апреле 1919 г., следуя призыву партии, Королев добровольцем отправился на колчаковский фронт, где стал военным комиссаром 24-й стрелковой дивизии. Когда части дивизии перебросили на Южный фронт, Королев возглавил по-

²² Там же. Д. 21. Л. 4.

²³ Там же. Оп. 1. Д. 41. Л. 5.

²⁴ Там же. Л. 8.

литотдел отдельной группы войск 13-й армии²⁵. Он погиб в ночь с 16 на 17 июня 1920 г. в селе Веселом, под Мелитополем²⁶; его останки доставили для захоронения в Череповец. Другой активный коммунист, А. И. Петраков, первый губернский комиссар продовольствия, на Восточном фронте был комиссаром стрелкового полка, прошел с ним от Глазова до Омска. Он скончался от сыпного тифа 2 января 1920 г.; прах был также перевезен в Череповец²⁷. Филипп Григорьевич Леднев (1891–1919), заведующий общественным питанием Череповецкого уисполкома, член продотряда, на Петроградском фронте был комиссаром полка и погиб 8 августа 1919 г. в тяжелом бою под Ямбургом²⁸. Его останки привезли в Череповец для торжественного захоронения. Под Ямбургом получил два ранения другой череповчанин, А. Н. Коробов. Освобожденный от службы в армии по состоянию здоровья, он добровольцем отправился на деникинский фронт, сформировав кавалерийский дивизион, а вскоре возглавил кавалерийскую бригаду. Коробов погиб в боях на Северном Кавказе, но прах его был привезен в Череповец²⁹. Леонид Алексеевич Буйлов (1889–1919), уроженец Череповца, после окончания Московского коммерческого училища служил в инженерных войсках; во время Первой мировой войны дослужился до звания штабс-капитана. После революции вступил в Красную армию, а в 1918 г. — в партию большевиков. На колчаковском фронте Буйлов командовал батальоном, погиб осенью 1919 г.³⁰ Рядом с Буйловым был похоронен другой погибший на колчаковском фронте, Михаил Печорин, по профессии учитель, также в прошлом офицер царской армии, добровольцем ушедший на фронт. В тяжелый момент боя, когда погиб командир роты, М. Т. Печорин принял командование на себя и не покинул окопы даже после тяжелого ранения. Похороны Печорина проходили, как отмечала местная пресса, при большом стечении народа, а в местной газете были опубликованы посвященные ему стихи: «Вечная память и слава герою, // Павшему честно в кровавой борьбе, // Правду понявшему чуткой душою, // Вечная память тебе. // Грудью ты встал за рабочее дело, // Против зверей, угнетавших народ. // Отдал за братьев и душу и тело, // Знай же, что имя твое не умрет»³¹. Торжественные похороны при большом стечении народа, стихи, в которых не отражены никакие индивидуальные черты героя, но создается образ озверевшего врага и провозглашается вечная память павшим, — все это были составные части новых мемориативных практик, призван-

²⁵ Павловцев П. Л. Полвека назад: Воспоминания участника революционных событий. Вологда : Северо-Западное книжное изд-во, 1968. С. 188.

²⁶ Там же. С. 153.

²⁷ Там же. С. 154.

²⁸ Там же. С. 175.

²⁹ Там же. С. 179.

³⁰ Там же. С. 155.

³¹ Коммунист. 1919. 19 нояб.

ных запечатлеть коммунистических героев страны и утвердить новую, коммунистическую идеологию.

Когда закончились бои Гражданской войны, кладбище жертв революции продолжило пополняться: составной частью идеологической системы была концепция о том, что «в жизни всегда есть место подвигу». Следующими героями стали участники подавления Кронштадтского мятежа, К. Н. Харламов и М. Ф. Сиротов. В начале марта 1921 г. группа из 12 ответственных партийных работников была направлена из Череповца в Петроград. Харламов на тот момент заведовал губернским отделом коммунального хозяйства, а Сиротов — городским отделом коммунального хозяйства. Во время штурма Кронштадта Харламов командовал батальоном и одним из первых ворвался на укрепления острова, но тут же был убит. Похороны Харламова стали грандиозной акцией. Как писал впоследствии в своих мемуарах П. Л. Павловцев, активный участник коммунистического строительства в Череповце, «в солнечный день начинающейся весны тысячи череповчан собрались на траурном митинге на площади Жертв Революции. На этом митинге была зачитана телеграмма из Петрограда о том, что от тяжелых ран умер в госпитале и М. Ф. Сиротов. Позднее он так же с почестями был похоронен на площади Жертв Революции»³². Тысячи пришедших проститься с погибшим — явное преувеличение, ведь все население города не превышало 15 тыс. человек. Но все остальные составные части советского праздника прощания с героем переданы весьма убедительно: шествие с гробом, траурный митинг, зачитывание телеграммы, торжественное захоронение. Отметим и эмоциональность действия.

Мы отчетливо видим, что сложился определенный ритуал прощания с героем, воспроизводимый снова и снова. Несомненно, такие коммеморации использовались для репрезентаций коллективной революционной памяти и выражения политической солидарности³³; таким образом складывался новый героический нарратив, соединяющий скорбь и торжество, использующий методы старого религиозного нарратива почитания мучеников.

Аналогично с процессами наведения порядка в деле контроля за иностранцами в первой половине 1920-х гг. городские власти обратили внимание на выяснение того, кто же в итоге оказался захороненным на вновь созданном месте памяти — кладбище жертв революции. Была составлена информационная справка — «Краткая биография т.т. покоящихся на коммунистическом кладбище»³⁴. Выяснилось, например, что среди похороненных уже после окончания Гражданской

³² Павловцев П. Л. Полвека назад. С. 181.

³³ Красильникова Е. И. Коммеморативный аспект октябрьских торжеств в западносибирских городах 1920-х гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2012. № 3. С. 68–71.

³⁴ Череповецкий центр хранения документации. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 12.

войны — товарищ Любославский, уполномоченный губпродкома, командированный для сбора продналога, погибший при весьма неоднозначных обстоятельствах. В соответствии с информационной справкой, в середине октября 1922 г. он был убит в Устюженском уезде «при аресте пьянствовавших членов Партии местных ответственных работников»³⁵. Конечно, сам Любославский был типичным мучеником в борьбе за дело социализма (его сначала тяжело ранили, а утром добились еще одним выстрелом), но ведь он погиб не на колчаковском или деникинском фронте, а от рук пьянствующих однопартийцев, поэтому его биография не «вписывалась» в формирующийся мартиролог героев-коммунистов. Неслучайно впоследствии имя Любославского не фигурировало среди тех героев революции, кто похоронен на мемориальном кладбище.

Эти конкретные казусы идентичности во вновь образованной Череповецкой губернии позволяют нам увидеть, как на микроисторическом уровне после грандиозных событий 1917 г. происходил разрыв с прошлым и выстраивание структур нового, советского общества.

Л. А. Булгакова: Я просто не очень хорошо знакома с этим вопросом теоретически, но знаю людей, которые неоднократно меняли имя, фамилию, даже год рождения. Причем это было и после войны. Гражданство, национальность. Конечно, время, о котором Вы говорите, было вообще такое... Когда эта практика была прекращена ну или хотя бы ее попытались остановить?

О. Ю. Солодянкина: Мне кажется, она не была прямо совсем прекращена, просто у нас были такие волны: то увлечение, то ужесточение, когда это считается, что это нехорошо делать. Следующая волна изменений, как мне представляется, пошла в период коллективизация, когда надо было отказаться от своих неправильных. Но в 1920-е гг., видимо, все постепенно начинают брать под контроль. Вроде бы еще нэп, но с точки зрения идеологической такой контроль явно устанавливается. Все иностранцы, которые смогли, уехали... Но есть, например, большой пласт документов, когда они хотели приехать погостить, там рассматривались эти дела, пускать ли. Или пускать ли наших за рубеж для получения наследства? Со второй половины 1920-х гг. явно прослеживается жесткая линия. За рубеж наших людей не надо выпускать, даже за наследством, пусть они это попробуют сделать как-то по-другому, через документы, не выезжая. Сюда пускать тоже не надо. И с изменениями этими то же самое — нужно, чтобы все документы были в порядке. Мне кажется, что прошла волна жесткого контроля. Потом коллективизация, отказ от своих «неправильных» родственников — и снова пойдет волна изменений. На местах же были очень ин-

³⁵ Там же. Л. 46.

тересные варианты. У нас в Череповце, например, в советское время был крупный колхозный работник по имени Лентрозин, т. е. его родители называли Ленин-Троцкий-Зиновьев. По имени понятно, в каком году он мог родиться, а в каком он уже не мог получить такое имя. И вот он все советские годы прожил и не поменял имени. Я думаю, что просто на местах никто не понимал, что означает его имя. Вот если бы он жил где-нибудь в другом месте, например в Ленинграде, у него точно были бы проблемы. А он председатель колхоза в Вологодской глубинке — и совершенно нормально прожил все эти годы с таким именем.

Б. Б. Дубенцов: Простите, пожалуйста, Вы не могли бы, хотя бы примерно, сказать, каковы общие цифры. Вот если мы возьмем иностранцев старых и новых, какие пропорции между теми, кто выбирал, скажем, стремительный выезд из Советской России, и теми, кто, напротив, предпочитал оставаться и, несмотря на свой статус, не имел намерения вернуться, скажем так, на Родину праотцов? Какие-то количественные показатели Вам удалось установить, или все это лишь впечатление, которые Вы так яростно приводили?

О. Ю. Солодянкина: У нас этих личных дел менее ста, из них несколько десятков иностранцев, т. е. порядка 70–80, вот они фигурируют. Все. Но нужно учесть, что все население не более 15 тыс. Что касается пропорции, то я смотрела сначала дела, какие есть, 1918, 1919 гг.; и их регулярно потом переписывали. Меняется ли их численность? Пожалуй, их больше оставалось, чем уехало, судя по имеющимся данным. Дальше у нас добавились несколько десятков человек в середине 1920-х гг., потому что на крупные стекольные заводы в районе были приглашены инженерные работники, прежде всего из Чехословакии, и добавились иностранцы. Они приехали с семьями, и поэтому на учет поставили такую категорию. Но количество никогда не выходило за 100 человек. Поэтому получается, конечно, что это уровень единичных фактов.

Дискуссия

Н. В. Михайлов: Дорогие коллегия, я хотел бы остановиться только на нескольких докладах, потому что регламент, увы, не позволяет уделить внимание всем текстам, очень интересным, замечу, которые были представлены вчера и сегодня.

На вчерашнем заседании, к сожалению, не было Михаила Аркадьевича Фельдмана, который представил очень интересный доклад о положении рабочих вообще в 1917 г. И сегодня эту тему продолжил доклад Ольги Сергеевны Поршневой, непосредственно на материалах Урала. Вообще уральская школа — очень солидная, и участие их представителей очень приятно. Михаил Аркадьевич отдал дань уважения многочисленным советским исследователям этого вопроса и показал, что и в советское время многие актуальные проблемы, связанные с историей рабочих, с обликом рабочих, с социально-культурным обликом пролетариата были разработаны.

Именно уральские наши исследователи, Фельдман Михаил Аркадьевич с Постниковым Сергеем Павловичем дали концептуальное предложение считать, что рабочие принадлежали к земледельческой цивилизации. Потому что та связь рабочих с землей, которая всегда ставится рабочим в упрек и которой советская, марксистская историография стеснялась, была характерна не только для рабочих. Посмотрите на наши города, на наши дачи, типичное именно для нашей страны явление, нехарактерное для Западной Европы. Это, в общем-то, ничуть не влияло на менталитет и на антибуржуазные настроения, потому что ну не было ни среди крестьян, ни среди рабочих тех самых мелкобуржуазных настроений, которые наше политическое партийное руководство всегда пыталось им приписать. Характер революции 1917 г. прежде всего антибуржуазный, он как раз и объясняется вот таким общим настроением не только рабочих, но и крестьян.

По поводу социального положения рабочих. Конечно, уральский рабочий действительно отличался от рабочих других районов, регионов. И Ольга Сергеевна очень точно показала, что положение пролетариата, уральского рабочего, было трудным. Это характерно и для других районов, в аналогичной ситуации находились потомки тех самых рабочих крепостных мануфактур и в других частях России, в том числе и под Петербургом, например, на Сестрорецком заводе. Но чем отличались от других рабочих именно потомки крепостных мануфактур? Во-первых, они, конечно, сильнее зависели от предприятия, они практически не могли уйти, потому что у них там дома и земли практически нет. Но, если предприятие работало, было обеспечено заказами, как государство обещало этим рабочим, то они жили неплохо.

Ведь многие, в том числе уральские города выросли как заводские поселки, и большинство домов в этих уральских городах принадлежало рабочим, рабочим семьям. И когда работа была, и заработок был, то рабочие жили достаточно обеспеченно. Но как только работа заканчивалась, то всё. Или семья теряла кормильца, тогда она была обречена на бедность, потому что никаких других социальных амортизаторов, кроме маленького клочка земли, который мог обеспечить их, просто не существовало.

Значит, чем участь уральского рабочего была лучше участи других рабочих, которые приходили на заработки в крупные города? Прежде всего тем, что они жили в семьях. Если посмотреть на эту сторону жизни рабочего, то получается, что индустриализация, модернизация прежде всего ударила по основам, по жизненным устоям, по повседневной жизни, по семьям. На начало XX в. в Петербурге, к примеру, всего где-то 14–15 % рабочих жили в семьях. Хотя, естественно, процент женатых и замужних был гораздо больше, но семьи-то были далеко в деревне. А в Москве их число составляло вообще 7 %. Поэтому модернизация наносила серьезный удар не только по привычкам крестьянского труда, здесь требовалась ритмичность, совсем иные, чем у крестьян, формы труда. И место человека в системе этого производства совершенно другое, что тоже являлось причиной массового возмущения.

Люди попадали в очень тяжелые условия. Они оказывались вдали от своих семей, они были одиночками. Многие из них ориентировались на деревню по-прежнему, значит, экономили деньги, снимали угол или жили в казарме. В повседневной жизни во что это выливалось? Что такое «угол», к примеру? Это квартира, куда можно только приходиться ночевать, вся мебель сдвигалась в сторону, пол застилался, вплоть до коридоров и кухонь, и люди вповалку могли там переночевать. Значит, никакого досуга организовать в таком пространстве, казарме или в такой квартире, было невозможно. Где они проводили свое свободное время? Либо в церкви, либо в кабаке. Поэтому кабаков было огромное количество.

Мне так кажется, Светлана Борисовна. Я заканчиваю. У меня сложилось впечатление, что благодаря новой идеологической парадигме рабочий был представлен как новая власть, как главный социальный слой, за которым будущее. Все-таки отношение изменилось, хотя в годы Гражданской войны еще трудно было реализовать, потому что промышленность просто разваливалась. Но тем не менее у меня сложилось такое впечатление, что в 1920-е гг. такой вот поворот, ориентация того самого рабочего, который приходит на заработки, уже менялась в сторону города. Все больше рабочих думали о том, чтобы не возвращаться в деревню, а начать устраиваться в городах. Соответственно, заводить здесь семьи, соответственно, искать жилье более достойное, нежели они имели раньше до 1917 г., и таким образом, уже и начина-

лось формирование того потомственного рабочего, которого, к сожалению, до Революции 1917 г. у нас не было; а потомственные рабочие были у нас такого вот типа, как на Урале, потому что в других местах они не имели возможности ни создать семью, ни связывать свое будущее с городом. Спасибо.

В. С. Измозик: Уважаемые коллеги, постараюсь быть кратким. Как сказал мой давний друг, для историков в этом году наступила «страда деревенская». Действительно, я думаю, что эта «страда» закончится реальными результатами — книгами, статьями. Вместе с тем остаются вопросы. Я надеюсь, что те, кто разделяет мою точку зрения, что Великая Российская Революция закончилась только в 1922 г., продолжают свои усилия и в следующем году и после. Отсюда и, о чем говорил Александр Евгеньевич, дискуссии по военному вопросу на VIII съезде партии. Насколько я представляю, может быть, я неправ. Много разговоров о децимациях в армии, проводимых Троцким, и т. д. Но до сих пор я не видел ни одного конкретного примера с фактами, с цифрами — сколько было проведено децимаций, сколько было расстреляно и т. д. На том же VIII съезде Троцкому ставили в упрек расстрел командира одного из полков, не помню сейчас фамилии, под Свияжском. Троцкий доказывал, что не он отдавал приказ, что там был трибунал. До сих пор, на мой взгляд, этот исторический факт не исследован. Мне думается, для тех историков, кто занимается историей Красной армии, здесь еще ну если не совсем непаханое поле, но малопаканное, и надо этим, безусловно, заниматься. Потому-то до сих пор эти контрвыводы остаются на уровне таких разговоров.

Второй момент. Я был очень рад, что Ольга Сергеевна затронула вопрос социокультурного досуга. Мне кажется, что этому уделяется недостаточное внимание. Мне кажется, что 1917 и последующие годы нельзя понять по-настоящему без понимания глубокого невидимого рва между верхним тонким слоем и огромной массой людей. Ведь не случайно В. И. Ленин, который 3 апреля приехал в Петроград в котелке, через несколько дней надел кепку. Это был великолепный пропагандистский ход, это был сигнал массам: «я ваш, я свой».

Третий момент. Когда мы говорим о настроениях рабочих, крестьян и т. д., я думаю, важно учитывать, что активное участие в таких событиях принимает крайне незначительный процент населения. Ну, не знаю, 3–5 %, 6 %. Думаю, вы согласитесь, что основная масса населения во времена революции занималась тем, что просто выживала. Пожалуй, только в конце 1980-х гг., когда началась, на мой взгляд, «третья российская революция», я понял знаменитую фразу аббата Сийеса, который во времена Французской революции на вопрос, чем он занимался, ответил: «Я жил». Действительно основная масса населения во времена революции выживала. Отсюда, конечно, особая роль молодежи, которая гораздо меньше скована семейными узами, семейными обязанностями, ответственностью и т. п. Мне поэтому кажется,

что очень важно, когда мы занимаемся изучением реальных настроений, попытаться все-таки вычленить примерную долю этой активной части. В этом плане мы знаем с вами прекрасно, как это происходит. После событий второго марта 1917 г. в Петрограде, появилось новое правительство. Страна узнала, поменяли портреты — все, власть сменилась. Произошли события 1991 г. в Москве, немножко в Ленинграде, а остальная страна проснулась и узнала, что власть поменялась и, в общем, спокойно в основном это восприняла. Мне думается, что нужны конкретно-исторические ответы на эти вопросы.

И по досугу. Вот то, о чем говорил сейчас Николай Васильевич. В моей «любимой» перлюстрации времен Гражданской войны с 1919 г. это была именно не цензура, а перлюстрация, она была засекречена. Как ни странно, на первом месте, когда обсчитываешь письма, на первом месте в тексте остаются сообщения о голоде, о болезнях, ну а на втором месте сообщения о культурном творчестве самих масс. О чем эти письма? Об образовании кружков, каких-то самодеятельных театров, о культурном творчестве. Вот это, мне думается, тоже нельзя упускать, когда мы сегодня говорим об этих событиях времен Гражданской войны, ужасах и т. п. Одновременно мы должны учитывать и эту составляющую, которая потом развилась не только в девиантном поведении (то, что показала Светлана Борисовна), но и в нормальном досуге. Спасибо.

Б. Б. Дубенцов: Уважаемые коллеги, мне хотелось бы присоединиться к словам благодарности, что сегодня уже были адресованы выступавшим перед нами докладчикам, и добавить буквально две реплики.

Первая реплика по Вашему докладу, Александр Евгеньевич. Мне кажется, что, если Вы предполагаете развивать дальше эту тему — сюжет о VIII съезде, — здесь, может быть, имеет смысл включить и материал стоящих рядом по времени событий. Это конструирование новых партийных органов, это Политбюро, Оргбюро и формирование их состава. Это то, что называлось в дореволюционной России совместительством, которое, правда, имело совершенно иную природу (совмещение должностей на государственной службе и в бизнесе, частном предпринимательстве). Здесь же совместительство партийно-советское, когда одни и те же люди оказываются и на партийных, и на государственных постах. Этот аспект Вашей темы мне кажется важным.

И по поводу доклада Светланы Борисовны о девиантном поведении. Разумеется, уважаемые коллеги, я бы хотел всецело поддержать Владлена Семеновича. Очень важно, применительно именно к периоду Гражданской войны и, может быть, даже именно к периоду Гражданской войны, смотреть не только на сохранение девиантного поведения, а если уж рассматривать девиантное поведение, то четко привязывать свойственные ему формы к определенным социальным слоям общества. А, напротив, обратить внимание на конструирование нового нормального, если позволено будет так выразиться, досуга и поведе-

ния. То, что связано и с созданием театров, кружков, библиотек. Потому что по имеющимся источникам в этом направлении и партийные структуры, и Советская власть делали чрезвычайно много. Мне кажется важным вопрос о том, в какой степени эффективной и успешной была эта работа по конструированию новых норм досуга вне рабочей замкнутости. Еще раз спасибо. Благодарю за внимание.

А. В. Бондаревский: Революция дала настолько объемный материал, что ста лет не хватило, чтобы ее осмыслить, понять. Поэтому есть о чем поговорить и что покритиковать в этой плоскости. Хотя, с другой стороны, и о докладах тоже можно кое-что добавить. Вслед за предыдущим оратором скажу, что девиантное поведение в период Революции, и Октябрьской особенно, и Февральской, очень часто изображают как захват винных складов. Или захват Зимнего дворца во время Октябрьской революции, частных домов — в Февральскую. Бьюкенен очень часто писал, о том, что «толпы пьют», описывал очередь к Эрмитажу, к Зимнему дворцу к винным погребам. Сейчас тоже очередь к Эрмитажу. Поэтому 100 лет не прошли даром. Это результат культурной революции. Когда-то это были очереди за выпивкой, а сейчас очередь за культурными ценностями. Поэтому Революция не прошла даром. Но это так, к слову.

Что касается более крупных проблем, то я тоже хочу продолжить вот эту мысль о том, что понять российскую Революцию, ее проблематику, ее драматизм, ее протяженность, затаянный характер, можно, только если учитывать особенности российской цивилизации. Потому что без этого практически ни на один вопрос о Революции ответить невозможно. Все-таки Россия — это аграрная страна, тысячу лет могла бы жить своей аграрной жизнью, но индустриальный Запад бросил вызов — и Россия проиграла и Крымскую войну, и Первую мировую. И поэтому Революция, осознанно или подсознательно, должна была стать асимметричным ответом на вызовы промышленной эпохи и индустриальной Европы. Идти по европейскому пути было поздно. Догнать на европейском велосипеде Европу было невозможно. Чем дольше крутишь педали велосипеда, тем больше отстаешь. Поэтому догнать можно было только чрезвычайными мерами, которые и были, в общем-то, взяты на вооружение, как-то: государственное планирование, государственное управление, централизация власти и т. д. И по многим аспектам жизни общества того времени надо было давать асимметричные ответы, в том числе на самый главный вопрос — о войне. Капитализм всегда порождает войну. Мы это видим сейчас, после Победы великой, которую мы отмечали, уже 500 войн было. И Россия оказалась втянута сейчас, в конце XX — начале XXI в., в эти войны не за справедливость или международную солидарность трудящихся, а очень часто за корыстные интересы олигархических групп. Поэтому идея прекратить войну, остановить войну, заменить капитализм новым обществом — это тоже, в общем-то, была одна из идей, главных целей

Революции. Поэтому асимметричные ответы — одна из причин затяжной, непохожей на европейские, революции.

Очень часто мы пытаемся посмотреть на Революцию через показатели европейские, через европейские критерии, и наша Революция не укладывается в их показатели. И поэтому вывод делается, что она неправильная, плохая, кровавая. Самый элементарный пример. Причиной Февральской революции называют дефицит демократии при самодержавии, так же как развал СССР вызван только тем, что была задержка в развитии демократии. Вот, мало демократии. Но, если бы даже была заимствована европейская парламентская модель, сама по себе она ведь не решила ни одну задачу России, и Российской империи, и Советского Союза. Поэтому смотреть на наши события, используя западную матрицу, — это тупиковый вариант, тупиковый путь. Кстати, он, по-моему, очень часто в такой тупик ставит и самих авторов. Такой пример. Вот Керенского ругают за то, что он не использовал армию против народных восстаний и террор, политические репрессии против ленинской партии. Получается действительно идеологический тупик. Почему царь должен быть демократом, почему Ленин должен быть демократом, а Временное правительство имеет право использовать тоталитарные, диктаторские методы для того, чтобы не допустить ленинизм? Это беспринципность. Об этом можно было бы много говорить.

Следующий, очень кратенький тезис в оценке революции. Очень трудный моральный выбор при оценке обстоятельств и событий, который можно сформулировать таким образом: что лучше, «царь» или «хам»? В это упирается оценка революции. И все рассуждения о том, что «плохой народ», «не хватало пулеметов у Думы», «не было пулеметов у Думы», да, по Шульгину; «Керенский не использовал вооруженные силы», все это сводится к тому, что лучше был бы царь, чем народ, который показался многим «хамом». Потому что о Думе, о демократии речи в России вообще не было. Временный комитет Государственной думы не мог бы в одиночку свергнуть царя и потребовать от него отречения, только массовые восстания смогли это сделать, в том числе и солдатские.

По поводу солдатских восстаний. Это что, восстание дезертиров? Можно ли назвать дезертирами тех, кто три года воевал и устал? Можно ли назвать дезертирами тех, кого заставляли стрелять в народ 23 февраля? Они отказались и 27 числа стали стрелять в своих офицеров. Стрельба в офицеров, охота на офицеров и жандармов — это преступление или это уже подвиг по законам Революции? Такого ответа нет, так вопрос не стоит. А вот обвинение в дезертирстве постоянно нагнетается, нагнетается и нагнетается. Но время истекло. Есть о чем поговорить... на следующей конференции.

О. С. Поршнева: Уважаемые коллеги, мне кажется, что прозвучавшие доклады дали, дают богатую пищу для размышлений, представля-

ют очень интересный, разнообразный фактический материал, варианты его концептуализации, которые еще следует осмыслить. Т. е. надо еще продумать, поразмышлять. Но уже сегодня можно некие суждения предложить. Мой вариант этих размышлений по поводу сегодняшнего я тоже хочу представить.

Прежде всего, мне кажется, что Русская Революция действительно была Великой, революция 1917 г. Потому что она из политической революции превратившись в такое широкое движение, вовлекла в активный политический процесс широчайшие массы российского народа, которые стали активно реализовывать свои идеалы, чаяния, представления и по сути выдвинули запрос на глубокие перемены. Изучение массовых источников, которые из среды самого рабоче-крестьянского класса исходят, показывает для 1917 г., что запрос на перемены был очень серьезный. Отвержение старой элиты, ее дискредитация действительно имели место, и это было во многом обусловлено процессами, начавшимися в 1915 г. еще, в период Первой мировой войны развивавшимися.

И поскольку ситуация революции давала свободу выражения и, более того, делала фактор массового народного участия решающим, то здесь вставал вопрос о том, кто «оседляет» эти настроения. И оседлал Ленин прежде всего. Я даже не говорю, что большевики. Да, большевики, но в большей степени Ленин. На местах большевики кооперировались с меньшевиками и эсерами часто, т. е. они не решались на такие радикальные действия, на такие радикальные повороты, которые предлагал Ленин. Он был великолепным тактиком, и роль его личности нельзя переоценить. Он поворачивал партию, заставлял партию идти туда таким образом, чтобы можно было достичь успеха с точки зрения прихода к власти. Конечно, большевики и Ленин, особенно Ленин, чутко улавливали и понимали настроения и запросы масс, понимали, как их нужно использовать, трансформировали эти доктринальные положения в лозунги, которые находили широкую поддержку. Прежде всего, конечно, на волне усталости от войны. Я могу сказать, что Ленин воспринимался солдатами и рабочими летом-осенью 1917 г. как политик, который обещает мир. Это первое, потом он предложил декрет о земле и т. д., взяв это у эсеров, как мы знаем, которые считали, что в огне классовой борьбы крестьяне сами откажутся, и т. д. Т. е. как бы совпали некие глубинные идеалы с некими серьезными концептуальными, доктринальными положениями большевиков.

И они начали грандиозный проект по преобразованию мира и человека в России. Сначала полагая, что мировая революция позволит его реализовать быстро, непосредственно перейдя к социализму, потом, однако, понимая, что надо долго к этому двигаться... И вот, если рассматривать преобразования в ранний советский период как реализацию этого большевистского проекта, то здесь можно видеть разные сюжеты, разные планы, разные формы трансформации можно изучить,

в том числе через человека. Ведь по сути этот проект задействовал человека, его сознание, его представления, потому что многие идеи Революции воспринимались в мифологизированной форме. И, безусловно, утопический компонент народного сознания был очень ярко выражен. В 1917 г. ожидалось очень быстрое изменение на уровне массового сознания, вера в светлое будущее была инициирована и стимулирована большевиками, они обещали быстрые перемены. Конечно, этот утопический компонент имел некие точки соприкосновения с большевистскими утопическими идеями. Прежде всего, идеал социальной справедливости, который по-разному, конечно, народом и большевиками трактовался; и на уровне веры, на уровне мифа социализм.

Но затем вся институциональная система, социокультурная система, перестраивалась. И интересно посмотреть, как происходило сопротивление социокультурного материала и как традиционные практики, традиционные привычки, социокультурные традиции проявлялись в процессе этого преобразования. Понятно, что большевики вынуждены были корректировать свой проект. И неслучайно они по сути выдвинули проект модернизации не буржуазный, поскольку буржуазный массы в принципе отвергли в ходе революции 1917 г. этот буржуазный вариант модернизации.

И поэтому, конечно, очень интересно проследить эту эволюцию, трансформацию, а также отметить, что вот эта модернизация не буржуазная с опорой на собственные силы, где построение социализма в одной стране, в интересах прежде всего построения социализма, но в то же время на социокультурной цивилизационной российской основе. Это, конечно, в общем во многом связано с цивилизационной инерцией, вот эта динамика и постепенная трансформация большевистского проекта. Отвергать такую российскую цивилизационную специфику, которая проявлялась в формах, методах российских модернизаций, в том числе советской модернизации, все же вряд ли можно. Ну и конечно, международный импульс в революции был тоже велик. Этот пример реализации грандиозного проекта по преобразованию мира и человека, в общем, был использован, и опыт его был учтен и учитывается до сих пор. Спасибо за внимание.

12 мая 2017 г.

Секция 4

**НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ
И ИНТЕРПРЕТАЦИИ**

Кризис рабочей силы и попытки его разрешения в России в 1914–1917 гг.

О причинах, вызвавших к жизни революционные события 1917 г., уже написаны и еще будут написаны многие тома. Не абсолютизируя значение экономического фактора в русской революции, тем не менее отметим наличие к этому времени серьезных проблем в сфере обеспечения промышленности и сельского хозяйства страны рабочей силой.

В России роль государства при решении экономических проблем существенно возросла в годы Первой мировой войны. Влияние этого периода на изменения в экономике столь существенны и разнообразны, что без их учета невозможно правильно понять и оценить процессы, произошедшие в национальном хозяйстве не только в 1917 г., но и в первые годы советской власти¹.

С началом Великой войны правительство было вынуждено прибегнуть к регулированию хозяйственной политики, усиливая свое вмешательство во все сферы экономики, заставляя все силы служить войне. Сущностью «мобилизационной экономики» стало стремление ввести плановое начало в частнохозяйственные отношения. Только в первый год войны в армию было призвано 6 млн человек, вырванных из сферы народного хозяйства. Отдельные отрасли производства лишились до 40 % рабочих рук².

Однако оказалось, что опыт регулирования хозяйственной жизни России дал в это время весьма незначительные положительные результаты и очень много отрицательных — несогласованность действий многочисленных Особых совещаний, комитетов, уполномоченных. Все это вместо регулирования приводило к серьезным затруднениям в доставке топлива для нужд промышленности, расстройству финансов, падению производительности на предприятиях, росту волнений среди рабочих. Так, в забастовке на заводе общества «Лесснер», начавшейся 4 июля 1915 г., приняли участие 700 человек. Другое выступление пролетариата — стачка на Тульском меднопрокатном заводе — продолжалась с 24 июня по 2 июля 1915 г. и привела к тому, что

¹ Проблемы экономической политики России в годы Первой мировой войны были предметом исследования советских историков еще во второй половине 1950-х — начале 1960-х гг. См.: *Сидоров А. Л.* Финансовое положение России в годы Первой мировой войны (1914–1917). М., 1960; *Волобуев П. В.* Экономическая политика Временного правительства. М., 1962; и др.

² *Китанина Т. М.* Россия в Первой мировой войне 1914–1917 гг.: экономика и экономическая политика. СПб., 2016. С. 64.

администрация приостановила работу предприятия и пошла на уступки рабочим, увеличив общий фонд заработной платы на 28 %³.

Во второй половине 1915 г. были предприняты шаги, направленные на милитаризацию промышленности, — Военное министерство подготовило «Правила об объявлении промышленных предприятий, изготовляющих предметы государственной обороны, на особом положении» и «Правила об оставлении в предприятиях, изготовляющих предметы государственной обороны, военнообязанных рабочих и служащих с зачетом времени пребывания на работах в действительную военную службу». Одновременно с этим 27 июня 1915 г. Особое совещание по обороне государства приняло решение: «Просить министра торговли и промышленности по соглашению с управляющим Министерством внутренних дел безотлагательно выработать правила обеспечения шахт и рудников рабочими и немедленно провести их в жизнь»⁴.

При этом не следует забывать, что часть рабочих из городов ушла в деревню, на свое хозяйство, в котором после мобилизации начал сильно ощущаться недостаток рабочей силы. Нехватку рабочих-мужчин компенсировали трудом женщин и подростков. К 1917 г. на 100 рабочих-мужчин, занятых в промышленности, приходилось 80 рабочих-женщин (в 1913 г. — только 63⁵). Процесс вытеснения мужского труда, замены его трудом женщин и подростков и внедрения в рабочую массу значительного числа непролетарских элементов отмечался во всех регионах страны. К 1917 г. 24% всех занятых в металлопромышленности Петрограда рабочих составляли женщины⁶. Изменение состава рабочей силы привело также к увеличению числа вспомогательных и ремонтных рабочих (с 13,1% в 1913 г. до 17,5% к 1918 г.⁷).

С ухудшением состава рабочей силы упала и производительность труда. По данным будущего советского академика С. Г. Струмилина, опубликованным в начале 1920-х гг, падение квалификации рабочих Петрограда в 1914–1916 гг. в среднем составило 10 %, дохода в отдельных отраслях до 40 %⁸.

Нехватка рабочих рук стала очевидной уже в 1916 г. Так, в декабре 1916 г. в Тургайской области (современный Казахстан) было объявлено военное положение. Ситуация была вызвана волнениями среди киргизов под предводительством хана Абдул Гафара в связи с указом

³ Журналы Особого Совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства (Особое Совещание по обороне государства). 1915–1918 : в 3 т. / под ред. А. П. Корелина, А. С. Грузинова. М., 2013. Т. 1. С. 537.

⁴ Там же. С. 109, 537.

⁵ Воробьев Н. Я. Изменения в русской промышленности в период войны и революции // Вестник статистики. 1923. Кн. XIV, № 4–6. С. 141.

⁶ Пилецкая М. О составе рабочих металлообрабатывающей промышленности г. Петрограда // Металлист. 1918. № 6. С. 8.

⁷ Воробьев Н. Я. Изменения в русской промышленности... С. 145, 153.

⁸ Струмилин С. Г. Заработная плата в русской промышленности за 1913–1922 гг. // На новых путях. М., 1923. Вып. 3. С. 96–97.

от 25 июня 1916 г. о мобилизации на военно-тыловые работы коренного мужского населения. Стремясь к скорейшему восстановлению в Тургайской области общего порядка управления, Временное правительство по представлению Министерства внутренних дел приняло 4 мая 1917 г. постановление «О прекращении действия военного положения в Тургайском, Иргизском и Кустанайском уездах Тургайской области»⁹.

С 1916 г. кривая индустриального производства неуклонно шла вниз. К этому времени в экономике России в массовом порядке использовался труд военнопленных. Уже осенью 1914 г. в пределах Московского военного округа насчитывалось 52 пункта постоянного размещения военнопленных с общей численностью свыше 12,3 тыс. человек. Они были задействованы на сельскохозяйственных работах, в государственных предприятиях, а также в хозяйствах частных лиц. На предприятиях Донбасса и Приднепровья к лету 1916 г. работали 40 тыс. военнопленных, а к началу 1917 г. на всех предприятиях Новороссийского общества в Юзовке (металлургическом заводе, шахтах, кирпичном, известковом заводе и карьере) — 7 тыс. военнопленных¹⁰.

Военнопленных активно использовали на строительстве железных дорог. Так, 20 марта 1917 г. управляющий хозяйственным отделом Управления по сооружению железных дорог инженер Е. К. Чижов привел любопытные данные. Характеризуя заболеваемость рабочих на строительстве Мурманской железной дороги, он отметил, что ее уровень для русских рабочих составлял в тот момент времени 15 %, для китайцев — до 25 %, а для военнопленных — до 80 %¹¹. Подневольный труд сотен тысяч военнопленных не мог стать эффективной мерой, способствующей решению многочисленных проблем в экономике.

Одной из попыток преодоления кризиса рабочей силы стали трудовые миграции в Россию «рабочих желтой расы». Эти вопросы стали предметом обсуждения на министерском уровне¹². В результате уже в 1915 г. организовали вербовку рабочих на территории Китая. Однако массовым этот процесс стал лишь с 1916 г. Наймом китайцев занимались как специальные посреднические компании, так и отдельные агенты. С целью обеспечения полевых работ 1917 г. (которые предполагалось решить посредством «выписки значительно более крупных партий желтых и срочной доставки их, во что бы то ни стало, в Евро-

⁹ Архив новейшей истории России. Серия «Публикации». Т. VII : Журналы заседаний Временного правительства. Март–октябрь 1917 года : в 4 т. Т. 1 : Март–апрель 1917 года / отв. ред. Б. Ф. Додонов. М., 2001. С. 355; Собрание узаконений (СУ). 1916. Ст. 2841; СУ. 1917. Ст. 667.

¹⁰ *Бабаков А. В.* Военнопленные в г. Суздале в годы Первой мировой войны // Материалы междунар. краевед. конф. (17 апр. 2015 г.) / отв. ред. И. В. Мишина. Владимир, 2016. С. 95–102.

¹¹ РГИА. Ф. 323. Оп. 1. Д. 833. Л. 117.

¹² Там же. Д. 829. Л. 1.

пейскую Россию») в июне 1916 г. при Министерстве земледелия решили сформировать особое междуведомственное совещание «для предварительного соображения вопроса об объединении действий отдельных организаций по вывозу в Империю рабочих-китайцев»¹³.

Тогда же министр финансов П. Л. Барк в письме председателю Совета министров Б. В. Штюрмеру высказал мысль о необходимости объединения усилий всех организаций по найму китайцев и их транспортировке в руках одного учреждения. Он предложил возложить эти функции на управление Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), которое пользовалось «как административной властью в полосе отчуждения, так и правом непосредственных сношений с местными китайскими властями, а также обладающее соответствующими органами, связями и долголетним опытом в пользовании китайскими рабочими...»¹⁴.

С октября 1916 г. функционировало Междуведомственное совещание по найму и перевозке рабочих желтой расы при КВЖД. Его заседания регулярно проходили до лета 1917 г.¹⁵ Несмотря на то что к 1917 г. обозначились проблемы при транспортировке китайцев в Россию, поток заявлений от учреждений и предприятий в Междуведомственное совещание не иссякал. Только железные дороги определили свою потребность в рабочих китайцах на 1917 г. в количестве 28 тыс. 650 человек¹⁶. Одна только Мурманская железная дорога ходатайствовала «о выписке 10 000 китайцев»¹⁷ в дополнение к тем, что уже были перебросены на Европейский Север.

Учитывая то обстоятельство, что КВЖД, по которой осуществлялась перевозка рабочих, была серьезно перегружена и могла осуществлять транспортировку лишь 3–4 тыс. человек в месяц, члены Совещания в конце марта высказались за перевозку в Россию «в общей сложности» только 50 тыс. китайцев¹⁸.

К вопросам транспортировки китайских рабочих в Россию подключилось также Переселенческое управление Министерства земледелия. Количество китайцев в России росло, при этом условия их труда оставались желать лучшего. В итоге Временное правительство вынуждено было пойти на то, чтобы по предложению министра иностранных дел П. Н. Милокова принять 20 марта 1917 г. решение «О предоставлении Китайской миссии в Петрограде ознакомиться с условиями работы и положением находящихся в России рабочих-китайцев». При этом китайский посланник должен был каждый раз предварительно получать разрешение соответствующих властей. Ознакомление с усло-

¹³ Там же. Л. 225.

¹⁴ Там же. Л. 79.

¹⁵ Там же. Д. 830, 831, 833 и др.

¹⁶ Там же. Д. 838. Л. 149–149 об.

¹⁷ Там же. Д. 833. Л. 115.

¹⁸ Там же. Л. 162.

виями работы и положением рабочих осуществлялось китайскими делегатами в сопровождении русских должностных лиц¹⁹.

Установление нового политического режима не остановило процесс транспортировки китайцев в Россию, перевозки осуществлялись на протяжении всей первой половины 1917 г., хотя и сопровождались значительными трудностями. Межведомственное совещание 25 апреля 1917 г. удовлетворило просьбу Министерства путей сообщения и приняло решение «не возражать против дальнейшего найма китайцев для нужд Мурманской железной дороги, с тем, однако, условием, чтобы китайцы перед отправкою были осведомлены об условиях жизни и труда в районе названной железной дороги»²⁰.

Уже 12 мая 1917 г. в Правление Общества КВЖД поступило очередное прошение о доставке в Россию (из Харбина в Архангельск) нанятых на работы по сооружению Мурманской железной дороги 200 китайцев²¹. Лишь после постановления Временного правительства от 19 сентября 1917 г. переброску китайских рабочих в Россию прекратили²².

Итогом проводимой политики стал ввоз в европейскую часть России около 70 тыс. китайских рабочих. Это гораздо меньше, чем планировало российское правительство. По данным П. Л. Барка, сообщенным Б. В. Штюрмеру в письме от 1 июня 1916 г., общее количество «выписываемых китайцев» планировали довести до 150 тыс. человек²³.

Следует признать, что не только царское, но и Временное правительство в условиях продолжавшейся войны оказались не способным разрешить кризис рабочей силы. Ни военнопленные германского блока, задействованные в различных отраслях российской экономики, ни китайские рабочие, завезенные в Россию, не ослабили проблем национального хозяйства, порожденных Первой мировой войной.

М. А. Витухновская-Кауппала: Знаю, что в строительстве Мурманской железной дороги участвовали многие тысячи, если не сотни тысяч, китайцев. Содержатся ли в этих источниках такие материалы?

М. В. Ходяков: В строительстве участвовали не только китайцы, но и военнопленные. В тезисах, которые я набросал, упомянуто об этом. Но это отдельная, по-моему, совсем не изученная тема — военнопленные Первой мировой войны. Там есть даже статистика заболеваемости военнопленных, китайцев, русских. Один из инженеров Мурманской железной дороги это обобщил и привел в своих справках. Этими

¹⁹ Архив новейшей истории России. Серия «Публикации». Т. VII : Журналы заседаний Временного правительства. Март–октябрь 1917 года. Т. 1. С. 148.

²⁰ РГИА. Ф. 323. Оп. 1. Д. 833. Л. 220 об.–221.

²¹ Там же. Д. 838. Л. 170.

²² Там же. Д. 835. Л. 43–45.

²³ Там же. Д. 829. Л. 78 об.

сюжетами занимались мурманчане. Выдающийся историк, почетный гражданин Мурманска А. А. Киселев и ряд других коллег. То, что не изучено, по-моему, и это надо будет нам иметь в виду применительно к 1917 г.: китайские рабочие пытались вернуться домой и осаждали в Петрограде китайское посольство, жили во дворе этого посольства, так как им некуда было деться. Несколько организаций, возникших в 1917 г. в Петрограде, пытались способствовать процессу возвращения китайских рабочих на родину. В Гражданскую войну одни китайские отряды оказались на стороне белых, другие, в том числе на территории Кольского Севера, оказались на стороне красных.

В. Ю. Черняев: В августе 1968 г. на пароходе, плывшем по Дону в Ростов-на-Дону меня удивил пожилой местный китаец с вытатуированным на руке царским двуглавым орлом.

М. В. Ходяков: По переписи еще в 1920-е гг. они жили на Севере Кольском, т. е. кто-то так и остался, хотя климат там совсем другой.

А. В. Бондаревский: Первый коротенький вопрос: китайцев, переехавших по КВЖД, было около 70 тыс.? И второй вопрос, может быть не такой серьезный: возможно ли, что интерес китайцев к документам КВЖД связан не только с поисками технической документации мостов, туннелей, но и документации о тех кладях, в которых спрятано «колчаковское золото»? Попадался ли такой документ о кладях?

М. В. Ходяков: О кладях ничего не встречал, таких документов по крайней мере не попадалось. Цифра 70 тыс. очень подвижная — это те, кто выехал из Харбина в Россию. Сколько доехало — вот вопрос, потому что заболевших снимали, отправляли в карантин. Притом не будем забывать о китайцах, живших на российской территории Дальнего Востока, которые тоже мигрировали и могли дополнять и Белую, и Красную армии. Наша проблема в том, что мы не знаем китайского языка и китайскую литературу не знаем. Надеюсь, общими с китайцами усилиями решим эту проблему, и тогда будет более отчетливая и более правильная картина. Наши китайские коллеги, интересуюсь Революцией 1917 г., приглашают российских коллег, и мы в июне в очередной раз туда отправляемся говорить о нашей Революции. Они пытаются понять, осмыслить, сделать какие-то выводы из того, что у нас здесь происходило. Честь им и хвала в этом плане.

И. М. Сапронов: У меня коротенький вопрос: можно ли с опорой на документы РГИА заниматься историей Коминтерна и Китайской секцией Коминтерна? Возможно ли проследить какие-то связи по этим документам, использовать эти документы как базис для изучения послереволюционной истории Китая?

М. В. Ходяков: Насчет РГИА не уверен, наверное, какие-то вкрапления 1920-х гг. там могут быть. Но то, что я видел по описям, по делам, все заканчивается 1917-м — началом 1918 г. Видимо, для разработки этой темы в большей степени надо обращаться в РГАСПИ.

И. А. Смирнова: Вы были в Харбине и знаете наверняка, как относится китайская научная общественность к допуску в их архивы, к материалам КВЖД. Особенно меня интересуют учреждения Харбина 1920-х гг.

М. В. Ходяков: Вопрос хороший. Нам сказали: «У нас нет ничего». Не ясно, принимать это за чистую монету или за нежелание что-либо показать.

И. А. Смирнова: Т. е. вам сказали то же, что и мне.

М. В. Ходяков: Имея проблемы с языком, пытаться выяснять что-то сложно. Они не любят говорить на английском, и правильно делают — в своей стране надо говорить на родном языке. Но для нас это создает трудности по доступу к материалам. Там есть пресса, которую русские издавали в Китае на русском языке. Но она и у нас есть, необязательно ездить так далеко.

И. М. Сапронов

**Революционная динамика в отражении британских
фабричных мастеров Невской ниточной мануфактуры.
Осень 1916 — зима 1917 гг.**

Такое направление истории как «рабочая история», по словам российского историка И. М. Пушкаревой, находится сегодня в кризисе, и «на исследования истории рабочего движения значительная часть ученых стала смотреть, как на нечто “антикварное”»¹. Однако накопленный опыт поколений российских ученых-историков, трудившихся над созданием «Хроники рабочего движения в России: 1895 — февраль 1917», и очищенная от сталинистских мифов методология марксизма являются достаточно мощными основаниями для того, чтобы повести изучение Февральской революции 1917 г. в русле истории рабочего движения.

Обнаруженные в фондах петербургских архивов документы Товарищества Невской ниточной мануфактуры стали прочной источниковой базой исследования. Было выявлено 223 документа такого вида, как месячные отчеты фабричных управляющих и их помощников (Центральный государственный архив Санкт-Петербурга, фонд 1872 и Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга, фонд 1436). Они лягут в основу готовящейся коллективом архивистов ЦГА СПб и ЦГИА СПб публикации научного документального сборника.

Необходимо дать синопсис истории Товарищества и краткую характеристику документов: в чем заключается польза и важность вовлечения в научный оборот обозначенного источника.

В конце XIX в. одна из крупнейших мировых монополий — британская корпорация «J. & P. Coats» установила контроль над Невской ниточной мануфактурой. Поэтому фонды этого предприятия состоят из корреспонденций, отчетов и таблиц в основном на английском языке. Для введения их в научный оборот преградой долгие годы являлся английский язык. Оставшаяся почти в нетронутым виде и в большом объеме документация Товарищества содержит драгоценные исторические детали второй и третьей русской революций. Благодаря монопольной структуре бизнеса британская корпорация «J. & P. Coats» обладала разветвленными бюрократическими структурами и отлаженной системой делопроизводства, что позволяет воспользоваться массовыми источниками одного вида, которые при сопоставлении друг с другом обеспечивают достаточную информационную полноту для

¹ Трудовые конфликты и рабочее движение в России на рубеже XIX–XX вв. СПб., 2011. С. 8.

составления баз данных по целому ряду ключевых пунктов, отражающих повседневную жизнь рабочих «красного пояса» Петрограда. Объединение отчетов британских управляющих за несколько месяцев позволяет исследовать динамику глубинных изменений быта и психологии пролетарской массы.

Кроме того, фабрики Товарищества располагались в разных частях Петрограда: в Рождественской («Невская фабрика»), Выборгской (фабрика «Невка») и Нарвской (фабрика «Кениг») — это три различных района, что позволяет охватить панораму развивающегося революционного процесса с нескольких точек.

На основе выявленных материалов была составлена база данных. В нее вошла информация из месячных отчетов британских управляющих по четырем группам социально-экономических и политических проблем: 1) продовольственный кризис, поиск рабочими продовольствия; 2) дороговизна жизни, требования рабочих о повышении расценок труда (не повлекшие за собой экономическую стачку); 3) экономическая стачка, отказ от работы; 4) политическая стачка и стачка солидарности. Возможна и другая классификация, но все прочие вопросы (текучка кадров, прогулы, эффективность и производительность труда и т. д.), так или иначе, обращались вокруг обозначенных четырех пунктов. Эти же четыре пункта, вероятно, самым лучшим образом отражают глубину хозяйственного и политического кризисов, усугубленных войной.

Кто испытал на себе наибольшее влияние войны? Очевидно, что связанные с войной кризисы сильнее всего ударили по рабочим. Однако понимать рабочий класс следует не как монолитный блок, а в качестве социального класса, охваченного влияниями капиталистического общества посредством неравномерного распределения прибавочной стоимости в виде дифференцированной заработной платы, и вследствие этого — подвергающегося глубокой социальной стратификации. Таким образом, необходимы анализ рабочего класса, выделение его страт или, в марксистской методологии, отрядов; изучение их специфики и объяснение особенностей с опорой на исторические источники.

Обратим внимание на такой отряд пролетариата как малоквалифицированные работницы-текстильщицы. Прежде всего, необходимо сказать об «избыточном предложении»² неопытных работниц на рынке труда, из-за чего они являлись, в сущности, безликой массой из вчерашних крестьянок, которых регулярно закупали у ворот фабрики. Они вели «кочевой» образ жизни, переходя с одного предприятия на другое в поиске лучшего заработка при меньших затратах сил и меньшем насилии со стороны фабричной администрации. Так, через фабрики Товарищества Невской ниточной мануфактуры с января 1916

² Эту особенность столичного рынка труда британские управляющие отмечают неоднократно. См., например: ЦГИА СПб. Ф. 1436. Оп. 1. Д. 2475. Л. 483.

по январь 1917 г. прошло более 3 тыс. рабочих³, при общем количестве рабочих фабрик около 6 тыс. человек⁴.

Неустойчивый кадровый состав текстильщиц превращал этот отряд пролетариата в своего рода «политическое болото», забиравшее организационные силы эсдеков, но не дававшее им устойчивых контактов в рабочей среде. Текстильщицы находились на дальней орбите влияния революционных марксистских организаций столицы, испытывая преимущественное влияние наиболее авторитетных рабочих соседних предприятий, симпатизирующих организациям социал-демократов, нежели политического «центра» РСДРП(б) непосредственно.

Понимание этого отряда рабочего класса именно как находящегося в постоянном движении «потока» живой рабочей силы, не имеющего вовсе социальной защиты и заинтересованности в установленных общественных нормах и лишённого уверенности в завтрашнем дне, позволяет лучше осмыслить разыгравшийся далее революционный сценарий, в котором текстильщицам предстояло стать «застрельщиками» Февраля⁵.

Большевик и член Военной организации РСДРП(б) с марта 1917 г. В. И. Невский в своем кратком очерке истории своей партии указывал, что в конце февраля 1917 г. «ни у кого, не исключая и руководителей забастовки, не возникало и мысли, что начавшееся движение будет революцией, которая сметет и царский трон, и основы старого буржуазного строя. Движение началось, — подчеркивал он, — как это всегда бывает во время массовых революционных взрывов, вследствие разных поводов, разных толчков, разных мотивов. Нельзя думать, как полагают некоторые, что партийная организация вызвала это движение, нельзя утверждать также и то, что элементов сознательности совсем не было в движении. Имел, вне сомнения, огромное значение и призыв партии, имели еще большее значение и те объективные факторы, которые заставляли выступать массы и особенно женщин-работниц, — дороговизна хлеба, его отсутствие, хвосты у лавок, безвыходное положение рабочих семей, жен рабочих, у которых голодали дети»⁶.

Таким образом, с помощью марксистского анализа В. И. Невский выделяет объективные («дороговизна хлеба, его отсутствие», голодающие дети и т. д.) и субъективные (наличие классовой политической организации, ее укорененность в массах и т. д.) факторы революции. Совершенно очевидно, хлебный бунт не был ни единственным, ни

³ Там же. Д. 58. Л. 10–11.

⁴ Там же. Ф. 1872. Оп. 1. Д. 63. Л. 22.

⁵ Подробнее о роли работницы в революционном движении в военные годы см.: *Мандель Д.* Петроградские рабочие в революциях 1917 г. Февраль 1917 — июнь 1918 г. М. : Новый хронограф, 2015; *Лилина З. И.* Солдаты тыла : женский труд во время и после войны. Пг., 1918.

⁶ *Невский В. И.* История РКП(б) : краткий очерк. СПб. : Новый Прометей, 2009. С. 484–485.

определяющим моментом революции. Хлебные бунты приводят к погромам лавок, а не к свержению целого государственного аппарата насилия, что стало результатом Февральского выступления.

Что можно сказать о проблеме голода в период с сентября 1916 г. по март 1917 г.? Отчеты фабрик «Невка» и «Кениг» за сентябрь, октябрь и ноябрь 1916 г., за февраль 1917 г. регулярно отмечают трудности обеспечения рабочих продовольствием. Известно, что в осенние месяцы на прежние места работы возвращались так называемые «старые рабочие»⁷. Этот «прилив» обыкновенно приносил промышленникам избавление от головной боли «рабочего вопроса», формулируемого ими в отчетах как дефицит квалифицированной рабочей силы, пик которого приходился на лето — середину сельскохозяйственного сезона. Интересен тот факт, что осенью 1916 г. британцы отмечали, что к ним «вернулись совсем немногие их старые рабочие»⁸. Причину этого фабричная администрация видела в тяжелом продовольственном положении рабочих районов столицы: «Нехватка рабочих вчера отразилась в простое 14 % крутильных и 13 % полировальных машин. Мы добываем продовольствие, такое как: мука, мясо, сахар, чай, лук, также были сделаны запросы на говядину. Качество и своевременность поставок тем не менее зависят [не от нас], а от посторонних факторов»⁹.

Кроме того, документы показывают, что осенью 1916 г. с проблемами голода все же удавалось справляться благодаря организации продовольственных лавок и столовых при фабриках. Один из британских управляющих «Невки» с удовлетворением замечал в ноябре 1916 г.: «Нам реже приходилось волноваться из-за прогулов, благодаря тому, как мы думаем, что рабочие могут закупить большую часть всех необходимых продуктов в нашей фабричной лавке. Чем больше возможностей у них достать все необходимое у нас, тем крепче они будут держаться за свои места, что обеспечит за нами лучший контроль над рабочими»¹⁰.

Интересно, что вопрос нехватки хлеба для рабочих не упоминается в отчетах фабрики «Невская» вплоть до конца января. Причина этого кроется, вероятно, в следующем: во-первых, еще накануне Революции 1905 г. в помещении «Невской» была оборудована столовая для нищичиц. Эта столовая может считаться по праву символом подчинения рабочих фабричным правилам: вспомним, что в случае, когда контроль над желудком рабочего не обеспечивал для буржуазии контроля над рабочим целиком — столовая превращалась в казарму для драгун, которые прикладами ружей завершали дело подчинения¹¹. Во-вторых,

⁷ ЦГИА СПб. Ф. 1436. Оп. 1. Д. 2475.

⁸ Там же. Л. 525.

⁹ Там же. Л. 212–213. Отпуск.

¹⁰ Там же. Л. 247. Отпуск.

¹¹ Так было в годы Первой русской революции. См.: Вопросы гражданской истории. Л. : Огиз-Соцэкгиз, 1935. Вып. I. С. 197–256.

само расположение «Невской» в Рождественской части города позволяло ее рабочим пользоваться благами «обывательского» района¹², т. е. продовольственными магазинами, предназначенными для чиновников, буржуазии и служащих, которые снабжались продуктами гораздо лучше, чем лавки рабочих окраин.

Несмотря на обеспеченность продовольствием рабочих «Невской фабрики», ситуацию в ее корпусах осенью 1916 г. нельзя назвать спокойной. Уже в сентябре там прошла стихийная однодневная забастовка в большом мотальном отделе, где занято несколько сотен человек. Это выступление связано со стремлением администрации повысить интенсивность труда работниц, обязав их эксплуатировать на четверть больше барабанов с пряжей, чем прежде. И хотя «на бумаге» эта мера должна была обеспечить работницам повышение заработка¹³, в действительности физически изнуряющая и монотонная работа малотренированных девиц приводила к повышению доли брака, а значит — к увеличению штрафов и снижению зарплаты при увеличении выработки. Документ свидетельствует: «Мотальщики не были довольны произошедшими изменениями и потребовали повышения расценок и старого распределения барабанов. Остановка работы стала кульминацией их недовольства, 16 сентября они забастовали и отказались начинать работать, пока их требования не будут выполнены. В обозначенный день не выполнялось никакой работы — рабочие празднично сидели в цехе до окончания смены. На следующий день они допускались в цех по одному, после того, как с ними поговорили индивидуально — обещают ли они работать при новых условиях. За исключением четырех работниц, они дали обещание работать, и до настоящего времени они держат свое слово»¹⁴.

Выступления работниц, ограниченные лишь несколькими цехами, были заранее обречены на провал. Это отмечалось еще накануне войны в газете «Работница» рабкором фабрики «Кениг»: «Если работницы из какого-нибудь цеха и объявляют забастовку, то работницы других цехов не оказывают первым поддержки. Вот, кениговцы, к чему приводят наша разрозненность и неорганизованность — нашей темной пользуются. И это будет до тех пор, пока мы не вырастем, пока не перестанем смотреть на своего хозяина как на благодетеля, а на себя как на рабов...». Автор очень четко обозначает причину бесконечных поражений текстильщиц: «Благодаря неорганизованности, мы никогда не присоединялись к общим выступлениям пролетариата»¹⁵. Однако время изолированной борьбы различных отрядов пролетариата подхо-

¹² Такой была характеристика Рождественского района столицы, данная представителем большевиков. См.: Петербургский комитет РСДРП(б) в 1917 г. Протоколы и материалы заседаний. СПб.: Бельведер, 2003. С. 523.

¹³ Оплата производилась сдельно.

¹⁴ ЦГИА СПб. Ф. 1436. Оп. 1. Д. 2475. Л. 60–63.

¹⁵ Работница. 1914. 4 мая. С. 12–13.

дило к концу, и они все с большим энтузиазмом начинали участвовать в совместных с товарищами политических выступлениях.

Участие в политических стачках отмечалось в отчетах управляющих фабрики «Невка», расположенной в самой пролетарской части столицы — Выборгском районе. Окруженная механическими и металлическими заводами «Невка» представляла собой яркий пример объекта влияния на себя сознательного и организованного элемента российского рабочего класса — столичных металлистов. Документальное подтверждение этого факта настолько прочно, что не позволяет усомниться в наличии этой связи: в своих отчетах управляющие не раз «целиком» возлагают «вину за выступление [ниточных] рабочих на соседние забастовавшие металлические заводы»¹⁶.

Осенью 1916 г. было отмечено два политических выступления текстильщиц «Невки»: 19–20 октября и в конце ноября. Первое выступление было масштабным событием, прошедшим в союзе с «остальными фабриками и заводами района, забастовавшими по политическим причинам»¹⁷. А. Г. Шляпников 2 декабря 1916 г. в письме из Петрограда В. И. Ленину и Г. Е. Зиновьеву отметил, что открытое выступление произошло «помимо воли [партийной] организации» и сопровождалось «многочисленными столкновениями с полицией». Одно из них на соседней с корпусами «Невки» улице закончилось переходом 181-го пехотного запасного полка на сторону рабочих, а затем разгоном бастующих казаками и арестом полка¹⁸. Участие ниточниц в этом «деле», несомненно, дало им опыт смелого выступления, потребовавшийся им впоследствии. Ноябрьская же стачка была ограничена выступлением лишь нескольких цехов фабрики¹⁹.

Однако даже такие ограниченные действия молодых работниц «Невки» оказывали влияние на другие районы, фабрики и на своих товарищей из «Невской» и «Кенига». Администрацию «Невской» октябрьское выступление в Выборгской стороне «заставило пойти на некоторые экстренные изменения», связанные с нехваткой пряжи для станков, не поступившей вследствие стачки на «Невке»²⁰. Таким образом, ниточницы Рождественского района, даже не участвуя непосредственно в политической забастовке, провели эти дни частично без работы, испытав на себе влияние забастовки и ощутив с ней свою связь. В эти дни они не могли не задаваться вопросами о причинах своего тяжелейшего материального положения.

Подчеркну: без синтетического понимания общественных изменений, происходящих в глубине масс, и осознания значения капиллярной

¹⁶ См., например: ЦГА СПб. Ф. 1872. Оп. 1. Д. 55. Л. 533.

¹⁷ ЦГИА СПб. Ф. 1436. Оп. 1. Д. 2475. Л. 306.

¹⁸ Шляпников А. Г. Канун семнадцатого года. Семнадцатый год. М. : Политиздат, 1992. Т. 1. С. 304.

¹⁹ ЦГИА СПб. Ф. 1436. Оп. 1. Д. 2475. Л. 217.

²⁰ Там же. Л. 67–69.

многолетней организационной работы в пролетарской среде организаторов-марксистов — просто невозможно объяснение революционной динамики и связи ряда социально-экономических и политических толчков с решительным штурмом 1917 г. Диалектика между «стихийностью» и «организованностью» революционного действия должна быть выяснена в сочетании разноскоростного движения множества отрядов (страт) рабочего класса с организационной деятельностью политических партий, укорененных в этой среде.

Накануне нового 1917 г. рабочим, среди которых продолжалась регулярная смена рабочего места, предоставили прибавку в виде повышения сдельных расценок оплаты труда. Эта мера вызвала бурные споры между главными управляющими трех фабрик. Никто из них не отрицал растущую дороговизну, однако британцы прагматически рассматривали ее в качестве фактора, грамотно используя который, можно было бы крепче «привязать» к себе рабочих и избежать их массового «исхода» в конце весны. Споры разгорелись вокруг того, когда и кому именно предоставить прибавку и под каким соусом ее подать.

В начале февраля 1917 г. управляющий «Невской» К. Монкер подготовил письмо с изложением своего взгляда на эту проблему и дал ей четкое определение: может ли предоставление денежных бонусов (регулярных или единовременных) обуздать «текучку кадров»? Если же нет — то необходимо обеспечить небольшое «общее повышение заработной платы» зимой и еще раз в конце марта, «чтобы рабочие поняли, что они смогут получать большую заплату до наступления теплой погоды». «Это впечатление, — надеялся Монкер, — побудит остаться с нами некоторых из тех, кто иначе бы ушел». Однако, замечает Монкер, эта мера окажет нулевое воздействие на рабочих, если вслед за фабриками Товарищества конкуренты так же повысят расценки. Таким образом, заключает он, «было бы необходимо убедить рабочих, в том числе и не вполне опытных, что на фабрике уже установлена высочайшая заработная плата»²¹.

Не умея питать собственных «убеждений», рабочие ниточных фабрик в январе 1917 г. изменились, и их поведение стало, согласно отчетам, «более независимым»²². Даже на «Кениге» (фабрике «с лучшим поведением в городе»²³, по заявлению ее директора С. Гарвея) наблюдалось некоторое недовольство рабочих и стремление к протесту: «В этом месяце мы потеряли пять наших опытных мотальщиков из-за того, что они отказались подчиниться правилам отдела. После беседы с мистером Гарвеем те пятеро мотальщиков подали свои заявления об увольнении и ушли, не отработав своих заявлений. Это поставило нас в несколько неудобное положение»²⁴.

²¹ Там же. Оп. 1. Д. 58. Л. 10–13.

²² Там же. Ф. 1872. Оп. 1. Д. 52. Л. 608–610.

²³ Там же. Л. 642–644.

²⁴ Там же. Л. 604.

Кроме того, рабочие потребовали лишней выходной день в субботу 7 января в православный праздник Рождества Христова. В понедельник 9 января после трех дней отдыха в цехах появились не все рабочие²⁵. В тот день самой грандиозной забастовкой с начала войны в Петрограде была отмечена 12-я годовщина «Кровавого воскресения». В стачке участвовали около 200 тыс. рабочих из полумиллионного пролетарского населения столицы. В выступлении приняла участие и дневная смена «Невки», «прекратившая работу в 2.30 часов дня из-за угроз других рабочих, уже остановивших производство по политическим причинам»²⁶. Важно отметить, что фабрики «Кениг» и «Невская», которые отличались низким уровнем классового сознания, отметили 9 января огромным скачком в количестве прогулов, достигшим 30 % рабочих цехов²⁷: «прогульщики» участвовали в политической стачке.

Обострение продовольственного кризиса в столице пришлось на февраль 1917 г. В отчетах «Невки» отмечалось, что «среди рабочих имеется некоторое беспокойство, проявившееся в симпатии к рабочим других предприятий этого района и вызванное сокращением продовольственного снабжения»²⁸. 14 и 15 февраля на «Невке» произошли короткие остановки работ в нескольких отделах «по политическим причинам».

В те дни С. Гарвей удовлетворенно писал с Нарвской части города: «Волнения рабочих соседних фабрик не имели эффекта на “Кениг”, который на протяжении месяца уверенно работал вообще без каких-либо беспорядков»²⁹. Откупом за пассивность был рост количества прогулов: работницы были вынуждены тратить все больше времени в длинных очередях в продовольственные лавки³⁰. В цехах «Кенига» вслед за голодом распространилась апатия к работе, подчинившая себе не только недавно нанятых новичков, но и «старых рабочих». В середине февраля 1917 г. красильщики, мотальщики и канцелярские служащие «Невской» потребовали повышения заработной платы; в ответ в привычной манере Монкера им сделали внушение: «На фабрике уже установлена высочайшая заработная плата»³¹.

Поставленные в безвыходное положение работницы текстильных фабрик столицы получили осенью и зимой 1916–1917 гг. опыт организованного выступления. Революционизация женщин была важна тем, что влияла «также на семью, главным образом на мужей или братьев», она фактически означала «перелом в сознании пролетарских

²⁵ Там же. Д. 48. Л. 461; Д. 52. Л. 608–610.

²⁶ Там же. Д. 55. Л. 536.

²⁷ Там же. Д. 48. Л. 461; Д. 52. Л. 606; Д. 55. Л. 542–543.

²⁸ Там же. Д. 55. Л. 550.

²⁹ Там же. Д. 52. Л. 626–627.

³⁰ Там же. Л. 628.

³¹ Там же. Ф. 1436. Оп. 1. Д. 58. Л. 14.

масс, их поворот к более активной борьбе»³². Вспоминавший канун Февральского революционного взрыва В. Каюров отмечал боевой настрой работниц, участниц заседания большевиков в Лесном вечером 22 февраля 1917 г. Они сами подстегивали старших товарищей к выступлению в Международный день работницы³³. Уже на следующий день на Выборгской стороне они выступили первыми, отправив делегации с призывами к решительному выступлению на металлические заводы. В последующие дни они играли огромную революционную роль. Показателен такой эпизод: когда один из мужчин в дни Февраля заявил, что «нечего бабам в это дело соваться», то незамедлительно получил от текстильщицы Стояковой кулаком в грудь³⁴.

Таким образом, для понимания революционных событий 1917 г. необходимо изучение всех страт рабочего класса. И документы отечественных архивов позволяют справиться с этой задачей и сделать методологический вывод, что на основе глубокого анализа массовых источников, внешне лишь формально отражающих общественные процессы, можно выделить объективные и субъективные факторы революционного процесса и дополнить известную историческую картину уникальными деталями. Далее необходимо проводить синтетическое изучение революционного процесса, которое покажет общество как живое — с его «бытовыми сторонами, с фактическим социальным проявлением присущего производственным отношениям антагонизма классов, с буржуазной политической надстройкой...»³⁵ Исследование текстилей Петрограда является шагом в этом направлении.

А. В. Бондаревский: На пленарном заседании начали дискуссию: когда именно началась революция, 23 или 27 февраля. Документы о рабочем движении, о которых вы рассказали, наверное, позволяют немного иначе сформулировать и поставить проблему. Не 23 февраля, а в январе 1917 г. началось мощное рабочее движение, в том числе в связи с локаутом на Путиловском заводе. Поэтому 23 февраля можно рассматривать не как начало революции, а как день, когда пришел конец терпению и испытаниям, которые переживал российский промышленный пролетариат в условиях военного времени: было неограниченное количество рабочих часов, все рабочие считались мобилизованными, как на фронт, к рабочим станкам. Поэтому положение рабочего класса в годы войны было далеким от демократии и от обычного гражданского

³² Петроградские большевики в годы Первой мировой войны // Пролетарский интернационализм. 2016. № 18. Февр.

³³ Каюров В. Шесть дней Февральской революции // Пролетарская революция. 1923. № 1 (13). С. 158.

³⁴ Перазич В. Текстиль Ленинграда в 1917 г. Л. : Изд. Ленгуботдела ВПС Текстильщиков, 1927. С. 14–15.

³⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1958. Т. 1. С. 138–139.

образа жизни. Это не учитывается в публикациях последнего времени. Все внимание в них обращено на думскую тактику, на Родзянко, царя, генералов Алексеева и Рузского и т. д. Но без этого рабочего движения ничего бы этого не было. Могут ли Ваши документы поспособствовать возвращению все-таки к базису революции?

И. М. Сапронов: По вопросу периодизации: если говорить о революции как о массовом движении, то говорить все-таки придется о 23 февраля, когда выступления становятся массовыми, соединяются массы рабочих с нескольких заводов, а не только металлисты Путиловского завода или рабочие отдельных предприятий. Здесь были работницы, у которых погибли на фронтах мужья, дома оставались дети, которых нужно чем-то было кормить. А для того чтобы кормить, нужно было уходить дальше от фабрик, в лавки уже центральных районов, там покупать хлеб. Эти проблемы отражаются в этих документах, месячных отчетах. Применительно к 23 февраля имеются, во-первых, документы практически всех начальников цехов — британцев о том, что работницы либо самовольно вышли, либо были сняты рабочими соседнего завода. Соседний завод — это, собственно говоря, «Эриксон», где работал Василий Каюров. Здесь мне представляется интереснейшей ряд его статей в журнале «Пролетарская революция» с воспоминанием о том, как начинался этот первый день и что происходило на заседании в Лесном ночью накануне. Некоторые события первого дня революции, 23-го числа, удастся восстановить до минут. Когда толпа подходит к одной из трех фабрик, она же двигалась по Большому Сампсониевскому, переходит через лед Невы и оказывается в районе фабрики «Невской», там, где сейчас находится Единый центр документов, можно до минут проследить это по документам: когда они подходят уже непосредственно к фабрике, курочат фабричные ворота и проникают внутрь. Как мне кажется, это весьма и весьма интересно. Если же говорить про подъем рабочего движения в январе, феврале, начале февраля, середине февраля, то, безусловно, такой подъем был. Можно говорить о вспышке экономической, а отчасти и политической борьбы и применительно к сентябрю, ноябрю, декабрю. Такие данные тоже имеются. Мною была составлена по этим документам своего рода информационная база по отдельным пунктам, которые могут заинтересовать историков. Во-первых, экономическая борьба и стачки, во-вторых, стачки политические и вопросы голода, хлебного голода в том числе. И по этим трем пунктам можно разнести документы, определить, что же документы говорят по этим ключевым вопросам о революционном периоде и предреволюционном периоде. Я здесь сошлюсь на В. И. Невского, который говорил, что революционное движение никогда и не останавливалось. Он говорил о том, что канун Первой мировой войны характеризовался подъемом рабочих протестов, политической борьбы в том числе. И впоследствии первые политические стачки начинаются уже в дни призыва, стихийно возникают на пунк-

тах призыва. В дальнейшем он отмечает эти вспышки и в течение 1915 и 1916 гг. Но говорить, что революция началась в январе–феврале, т. е. до 23 февраля, наверное, все-таки будет некорректно. Необходимо говорить о качественном скачке, переходе количества в качество. Я бы так ответил на Ваш вопрос.

В. Ю. Черняев: Кто, с вашей точки зрения, сыграл решающую роль в Февральской революции: рабочие или восстание солдат гарнизона, и одинаковы ли мотивы этих выступлений? Забастовки и демонстрации рабочих были и ранее, но не приводили к революции. Именно восстание гарнизона вызвало революцию.

И. М. Сапронов: А. Г. Шляпников как раз отмечал, что рабочие не остались со своими призывами к миру и требованием хлеба на рабочих окраинах, как было ранее, а пошли в центр, захватив в это движение и полки. Вот это сочетание первого и второго элементов и привело к революции. Тут нельзя говорить о том, что один из этих элементов привел бы к революции в отрыве от другого. Вместе с тем основной движущей силой являлось именно движение рабочих, притом рабочих, среди которых на протяжении около 15 лет действовала большевистская партия, и, в известной степени, именно ее представление об окружающем мире, о тех задачах, которые стоят, были укоренены в рабочих массах. Этот момент, 23, 24, 27 февраля, характеризуется именно воплощением на практике того, о чем большевики говорили уже очень, очень давно.

М. А. Витухновская-Кауппала: Где можно с данными познакомиться, с документами, с базой?

И. М. Сапронов: Можно подойти ко мне.

М. А. Витухновская-Кауппала: Т. е. ее нет в Интернете?!

И. М. Сапронов: Я забыл сказать об очень интересном, как мне кажется, моменте. По материалам этих ежемесячных отчетов сейчас коллектив архивистов ЦГА и ЦГИА готовит публикацию тематического сборника, касающегося именно этих трех фабрик Товарищества. Этот сборник будет состоять из двух частей. Первая часть, которую я составляю и редактирую, состоит из видовой части: «Месячные отчеты как источник по истории революции», с комментариями. Вторая часть будет состоять из документов ЦГИА. И на основе этого сборника, который выйдет, надеюсь, в 2018 г., можно будет ознакомиться и с теми вопросами и проблемами, о которых я сейчас говорил.

Б. Б. Дубенцов: Игорь Михайлович, известно, что охранка в начале XX в., в особенности после 1905 г., имела чрезвычайно разветвленную сеть осведомителей, в том числе на предприятиях. Скажите, пожалуйста, не было ли у вас возможности сопоставить данные открытых вами источников с низовыми полицейскими донесениями? Как оценивали, скажем, полицейские структуры, охранные отделения соответствующих частей столичного города настроения на предприятиях? Ответы на эти вопросы представляются весьма важными потому, что они напрямую связаны с двумя аспектами вашего исследования: первый —

достоверность используемых вами источников; второй затрагивает проблему, имеющую прямое отношение к поиску объяснений быстрого краха самодержавия — это движение информации снизу вверх. Мы с вами знаем, что по отношению к крестьянам охранка очень четко сигнализировала, что дело плохо и крестьяне смотрят в глаза и не хотят ломать шапку, а наверху царь полагал, что народ его по-прежнему любит. Кончилось все это, мы знаем, чем. Эту система обратной связи — в рамках Вашей темы важно как-то ее изучить. Но главный вопрос: такое сопоставление имеет перспективу, на ваш взгляд?

И. М. Сапронов: Такое сопоставление, на мой взгляд, как раз и представляет собой задачу историка, который занимается фабричными документами. Есть определенное направление историографии, которое называется на Западе *Business history*. Мне не совсем нравится именно этот вид историографии, который изучает, как возник определенный завод и что хорошего там делал предприниматель. Интересен именно социальный контекст. Разумеется, отталкиваясь в том числе от документов фабричного делопроизводства, невозможно ответить на вопрос, что такое революция, куда она шла. Разумеется, необходимо восстановление этого контекста. Привлечение документов Охранного отделения является очень и очень важным элементом. У меня не было возможности поработать с архивными материалами Охранного отделения, но я привлекал те материалы Охранного отделения, которые опубликованы в начале 1920-х гг. в журналах «Пролетарская революция», «Красная летопись» и прочих. Там помещены материалы Шляпникова, Каюрова, которые очень активно изучали эти виды источников и впервые их ввели в научный оборот. И в своей магистерской диссертации я как раз на них делал упор, я их беру для того, чтобы сопоставить с теми данными, которые у меня имеются по январю и февралю 1917 г., применительно к периоду момента самого массового движения за военные годы в день Кровавого воскресенья 9 января и к тому, что происходило в связи с открытием Государственной думы и потом стачкой на Путиловском заводе. Вот этот процесс привел непосредственно к революции.

В. Ю. Черняев: В западной историографии Вам наверное известны работы Уильяма Розенберга, Даяны Кoenкер, Стивена Смита. Ими рабочее движение исследовано именно с социальной точки зрения.

И. М. Сапронов: Работы Смита известны, я использовал некоторые статьи. Но это другое крыло западной историографии. *Business history* рассматривает развитие экономического базиса, показывает историю создания предприятий, а с другой стороны *Labour history* — история рабочего движения. И. М. Пушкарева писала, что не только в России, но и в мире после краха СССР это направление историографии, *Labour history*, находится в кризисе. Если на Западе сейчас в *Labour history* есть определенное движение, оно набирает обороты, в 2013–2016 гг. вышел ряд интересных публикаций, то в России это направление историографии переживает не лучшие времена, находится в кризисе.

**Споры вокруг перспектив революции
и раскол сменовеховства
(По материалам архива Н. В. Устрялова
в Национальной библиотеке Чешской Республики)**

Сменовеховское течение, возникшее в кругах русской эмиграции в 1921 г. и названное в честь одноименного программного сборника статей, вышедшего в Праге¹, являлось идеологией примирения белой интеллигенции с «красной» властью. Основной его целью было воссоздание величия России путем постепенной эволюции большевистского строя в сторону нового национального государства. Историческая наука особый интерес к сменовеховству стала проявлять в 1970-е гг. и упрочила в 1990-е, что объяснялось стремлением общества переосмыслить советский опыт и дать ответы на вопросы: мог ли быть путь страны после октября 1917 г. иным, и стал ли он продолжением исторического пути России, начатого задолго до октября?

Постепенное освобождение от сложившихся в оценках сменовеховцев штампов 1920–1950-х гг. привело историков к мысли о неоднородности этого течения. Особо в нем был выделен самый крупный и глубокий идеолог «Смены вех» Н. В. Устрялов, чья фигура в 1920–1930-е гг. стояла, в частности, в центре большевистских споров о будущем революции. Констатация факта о наличии двух «крыльев» в течении: правого (национал-большевистского, представленного Н. В. Устряловым, эмигрировавшим на территорию КВЖД) и левого (европейского и внутрироссийского) — подразумевает необходимость более глубокого анализа идей двух этих направлений. Раскол в сменовеховстве произошел сразу же после его появления — в 1921 г. В дальнейшем он усугублялся и при этом тщательно скрывался от посторонних политических глаз самими сменовеховцами (по взаимной договоренности)². Далекое не все тезисы, связанные с виденьем ими перспектив революции и большевизма, попадали на страницы их журналов и книг. «Мимикрия», о которой нередко они писали друг другу в переписке, была одним из их тактических приемов, которым они очень гордились и называли свойством «реальной политики». Именно переписка Н. В. Устрялова с его европейскими единомышленниками-оппонентами и будет проанализирована здесь. Поставленная нами цель: показать глубину расхождений во взглядах

¹ Смена Вех. Прага, 1921.

² Национальная библиотека Чешской Республики (Památník národního písemnictví). Фонд Н. В. Устрялова. П. «Переписка со сменовеховцами». Л. 27.

сменовеховцев в отношении перспектив большевистской России на ее пути к «величию».

Следует отметить, что раскол сменовеховства в начальной его стадии не был замечен большей частью и эмиграции, и советской России, потому что периодические издания течения находились в руках исключительно левого сменовеховства. И хотя «правый» Устрялов регулярно публиковался в первые годы в их периодике, мнение о сменовеховстве складывалось благодаря тону преобладающих «левых» статей. При этом те, кто действительно был заинтересован в понимании процессов внутри течения (к примеру, В. И. Ленин), прекрасно понимали глубину разногласий внутри сменовеховского лагеря.

Наибольшие разногласия у Н. Устрялова были со вторым крупнейшим сменовеховцем Ю. В. Ключниковым, старым другом по Московскому университету и по работе в лагере адмирала А. Колчака в 1918–1919 гг. Непонимание между ними, возникшее уже к октябрю 1921 г. (при том, что программный сборник течения вышел в июле), несмотря на конфиденциальность споров, стало очевидно многим из тех, кто посещал лекции и диспуты с участием европейских сменовеховцев. Любопытен в этом контексте отрывок из письма неизвестного чеха — друга Устрялова, который пишет ему в январе 1922 г.: «Ключников считается в русском заграничном обществе большевиком — не национал-большевиком, как Вы. Мое личное мнение: осторожно, Николай Васильевич! Господа из “Смена вех” идут слишком далеко! Они не стоят на вашей, безукоризненно национальной позиции. Я читал журнал “Смена вех”, который — прошу отметить — разрешается к продаже и в Петрограде. Там гнут линию слишком влево. Даже пролетарская культура там принимается как будущая культура в мире. Это, я знаю, не ваше мнение... О Вас здесь мнение иное... и Вы, по-моему, все-таки остаетесь один, без верных единомышленников. И... разве не окажитесь Вы опять одиноки, когда выявится истинное лицо этих примиренцев?»³

В чем же заключалась позиция Устрялова, которая не была услышана большей частью эмиграции? В чем суть спора «примиренцев» и «национал-большевика»? Прежде всего, в понимании того, что такое Русская революция и как она отразится на будущем России и мира. Кроме того, была разница и в характере взаимоотношений с Советами.

Уже к началу 1922 г. левые сменовеховцы, включая Ю. Ключникова, были охвачены романтическими идеями о перманентной мировой революции, которая сделает Россию «капитаном мирового революционного корабля». В этом они и видели ее будущее величие. Устрялов же совершенно иначе воспринимал место России в мировом историческом процессе, имел сложную, разработанную задолго до 1917 г. ис-

³ Там же. Л. 37.

ториософскую схему взаимоотношения государства и нации, на взаимодействии которых и строятся столь любимые им имперские пути России, без которых, по его мнению, России просто не может быть. Мы можем быть только империей или не быть, — заявлял он⁴. Государство создает нацию, нация создает великую культуру, культура движет страну вперед. Многонациональная Россия, пройдя неизбежный для нее путь революции, рожденной волей нации, преодолет революционный хаос и выйдет на новый качественный круг своей истории, оставив в прошлом интернационализм и большевизм, перейдя спустя 30–40 лет к демократической форме правления. Никакой революционной романтики мировой смуты. Затухание революции, сделавшей свое дело.

Своим соратникам, «левеющим» на глазах, он пытался напомнить об этих базовых установках, ради трансляции которых и создавалось сменовеховство. Вот что он пишет А. Б. Бобрищеву-Пушкину в ответ на его письмо о скорой мировой революции: «Революция не может быть “перманентной” — тому свидетельство мировая история. Революция всегда есть *сравнительно кратковременный* (курсив автора. — Л. Е.) процесс (ну лет 10), когда народ выходит из своей исторической колеи, насильственно порывает со своей исторической властью, отставшей от его правосознания, и находит новые формы бытия. Обычно он при этом заходит вперед, отчего революция, как правило, сопровождается реакцией. Он очень устает за эти годы и непременно утрачивает вкус к великим потрясениям, утрачивает всерьез и надолго. И если власть будет тянуть его к дальнейшим революционным потрясениям, он от этой власти так или иначе отделается»⁵. По его убеждению, революция достигает вершины через 4–5 лет, а после термидора начинается закат — тоже 4–5 лет. «Мы перевалили за гребень волны, кривая начинает падать»⁶. Письмо датировано 1922 г. По мысли Устрялова, к этому времени русская революция достигла своего пика. Ее идея не умрет и начнет «гулять по миру», но это будут только отзвуки, а не мировой революционный процесс, который возглавит Россия.

При этом европейские сменовеховцы единогласно отстаивают перед Устряловым свое понимание революционной перспективы. Они единогласны в ожидании распространения русской революции на весь мир. И в этом видят свой «национализм» (не забывая, что именно из понимания «использования большевизма в национальных целях»⁷ рождаются «Смена вех»).

⁴ Устрялов Н. В. К вопросу о русском империализме // Проблемы Великой России. 1916. № 15. С. 1–5.

⁵ Национальная библиотека Чешской Республики (Pamatnik narodniho pisemnictvi). Фонд Н. В. Устрялова. П. «Переписка со сменовеховцами». Л. 40.

⁶ Там же.

⁷ См.: Струве П. Историко-политические заметки о современности // Русская мысль. 1921. № 5/6. С. 215–222.

«Вы правее, мы левее, — пишет Ю. Ключников Н. Устрялову 8 ноября 1921 г. — По-моему, правда на нашей, а не на Вашей стороне. ... Не бойтесь упреков в большевизме и не пугайте меня тем, что я стал большевиком. Совсем большевиком я не стану никогда... Но зато я уже и теперь не боюсь никакой близости с большевиками».

Именно так называемая «близость с большевиками» дискредитировала европейское сменовеховство в глазах русской эмиграции. Призыв вернуться в Россию и сотрудничать с новой властью опять же звучит впервые из уст «левых» сменовеховцев. Н. Устрялов относился к возвращению с осторожностью. В письме к Ю. Ключникову он констатирует: «я кажусь полезным большевикам тут, в Харбине, все изменится, если я вернусь». Он также предостерегает друга от нелепых мечтаний о возможности издавать в советской России свой независимый печатный орган⁸.

Устрялова смешит и разочаровывает проповедь «революционного опьянения», свойственная левому сменовеховству. Ведущие европейские сменовеховцы в один голос говорят о романтике революции, о своем великом месте в будущем революционной России и мира. «Мы вольемся новой, свежей струей в русскую жизнь. И вот именно потому, что хочется и нужно быть свежей струей — в этом наш смысл — я не могу уже упиваться великодержавными и националистическими мечтаниями в стиле покрасневшего Струве. Горизонты сейчас шире, возможности — больше», — пишет Ключников.

В чем они, эти горизонты? В его понимании «большевики стали реалистами, они научились делать уступки; это уже не только радость, но и опасность. Кто-то должен взять у них и понести далее **часть** их былого опьянения, размаха <...> Я буду носителем этого опьянения и ради России, и ради всего мира, которые уже не противопоставляются мной, как Вами пока. Во всем мире я вижу отблеск России, а Россия — это становящийся мир»⁹.

Устрялов безуспешно пытается развернуть своих соратников от пустых пафосных высказываний к выработке тактики, которая послужит реальной пользе России. Говоря о сотрудничестве с большевиками, он настаивает на том, что советские лидеры могут сказать о «Смене вех» — «они с нами», но не «они наши». Этого допустить нельзя. Ради великого будущего России необходима эволюция большевизма.

На его взгляд, он предлагает четкую тактику, которой должен неотступно следовать весь сменовеховский лагерь, не дискредитирую себя в глазах ни «белых», ни «красных». Устрялов излагает ее в письме Бобрищеву-Пушкину, которого считает наиболее верным себе человеком в Европе. Она строится на нескольких принципах:

⁸ Национальная библиотека Чешской Республики (Pamatnik narodniho pisemnictvi). Фонд Н. В. Устрялова. П. «Переписка со сменовеховцами». Л. 27.

⁹ Там же. Л. 17.

1. Новая экономическая политика (нэп) порождает «красного буржуя», который, «помахивая красным флагом» воссоздаст национальную Россию. Цель сменовеховства в этой ситуации: «учет и оттенение тех социальных элементов, которые родились на почве революции, но по своей сути социальной далеки от ортодоксальной идеологии «зенитного периода». При этом следует не пропустить рождение «нового Столыпина», который доведет процесс до конца. 2. Отмежевываясь от коммунистов, нужно дружественно критиковать советскую власть, преодолевая желание в пику эмиграции бесконечно хвалить Советы. 3. Необходимо чаще и больше говорить о ценности русской культуры и русской национальной идеи в государствовоительстве. «В этом отношении, между прочим, — пишет Устрялов, — я чрезвычайно заинтересован течением «евразийства»¹⁰.

Договориться сменовеховцам так и не удалось. Н. Устрялов продолжал «праветь», а его друзья в Европе перешли к полной апологетике большевизма. Значительная часть из них вернулась в советскую Россию, пред этим заручившись финансированием своего эмигрантского издания «Накануне» со стороны советских спецслужб¹¹, которые, впрочем, вскоре разочаровались в эффективности влияния дискредитировавших себя «полевением» сменовеховцев на эмигрантские круги. Н. В. Устрялов, с 1919 г. ожидавший «русского Бонапарта», увидит его в Сталине, вернется в СССР и будет расстрелян в 1937 г. как японский шпион. Прежде чем окончательно порвать со сменовеховцами к середине 1920-х гг., Устрялов узнает о денежных вливаниях Политбюро в сменовеховскую газету, осудит, перестанет печататься в «левых» изданиях, но переубедить своих товарищей так и не сможет. А кроме всего прочего, на десятилетия будет поставлен советской исторической наукой и эмигрантской общественностью в список «примиренцев» в их «левом» сменовеховском понимании. Так, глубина противоречий, которые были тут рассмотрены, была преимущественно скрыта от многих глаз, о чем и мечтали сами представители «Смены вех».

И. М. Сапронов: Главный редактор журнала «Россия в глобальной политике» Фёдор Лукьянов, иронизируя над современной политикой России в отношении различного рода шовинистических партий типа «Альтернатива для Германии» и «Национального фронта Марин Ле Пен», как раз отметил, что про Коминтерн сейчас говорить не приходится, но вот мы намекаем и хохочем над провалом путинского Нацинтерна. Можно ли говорить о левых «сменовеховцах» как о своего рода нац-интернационале, националистических интернационалистах?

Е. А. Лысенко: Сменовеховцы себя позиционировали как идеология интеллигенции, и все. Они не переходили больше ни в какие

¹⁰ Там же. Л. 40.

¹¹ РГАПСИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 261. Л. 3.

другие социальные слои. Я не совсем представляю Интернационал, состоящий только из интеллектуалов, которые не всегда составляют значительный процент. Они считали вот как: сейчас большевики перегорят, этот скифский задор революции спадет. А мы подхватим их знамя и понесем его дальше — так высокомерно думала русская интеллигенция. Устрялов открыто смеялся над ними, издевался в письмах. По поводу Интернационала они не мечтали.

Т. Г. Зазерская

**Источники французских и бельгийских архивов
о планах западных держав в отношении
революционной России и ее участия
в Первой мировой войне. 1917 г.**

Февральская революция и последовавшая вслед за этим смена политического режима в России, позиция Временного правительства по отношению к навязанной России войне, вероятность пересмотра целей войны и теоретическая возможность заключения сепаратного мира вызвали обеспокоенность социалистов союзных стран, входивших в правительства.

Исходя из военно-стратегических интересов, западные социалисты были заинтересованы в том, чтобы Россия продолжала удерживать австро-германские войска на своих фронтах. В свою очередь, социалисты нейтральных стран предпринимали энергичные попытки организовать международную социалистическую конференцию, призванную положить конец войне.

Несмотря на прекращение деятельности II Интернационала, Исполком Международного социалистического бюро¹ продолжал работу в Стокгольме и служил местом дискуссий социалистов воюющих и нейтральных стран. Возглавлял Исполком МСБ бельгийский социалист Э. Вандервельде².

В начале 1917 г. по инициативе социалистов нейтральных стран в Стокгольме был создан Голландско-скандинавский комитет³, который выступил организатором подготовки международной социалистической конференции для определения условий заключения мира. Созыв конференции, намеченной на середину августа 1917 г., нашел поддержку как у немецких и австрийских социал-демократов, так и у русских социалистов-революционеров. Однако вероятность того, что представители германской и русской национальных секций МСБ выработают единую позицию по выходу России из войны, вызвала протест социалистов Франции и Бельгии и беспокойство правительств союзных стран.

Действительно, мартовский Манифест Петросовета, обращенный к народам всего мира, возродил надежды социалистов нейтральных

¹ Постоянный орган II Интернационала. Создан в 1900 г. для осуществления связей между национальными секциями и организации съездов.

² *Вандервельде (Vandervelde) Эмиль* (1866–1938) — бельгийский политический и общественный деятель.

³ Комитет возглавил Я. Брантинг, секретарь — бельгийский социалист К. Гюисманс.

стран и германских социал-демократов на скорейшее окончание войны. Весной 1917 г. Керенский, Скобелев и Чхеидзе получили от датского социалиста Фр. Боргбьерга⁴ приглашение принять участие в Стокгольмской конференции, а также предложения о мире, сделанные влиятельными германскими социал-демократами⁵. Вскоре, в начале июня 1917 г., в Стокгольм прибыли правые германские социал-демократы с конкретными предложениями провести мирные переговоры⁶.

Несмотря на официальные заявления Временного правительства⁷, угроза выхода из войны России оставалась реальной. В апреле–мае 1917 г. в Петрограде побывали европейские социалисты союзных стран⁸, выступавшие за продолжение войны: итальянцы А. Лабриола⁹, Дж. Лерда¹⁰, О. Раймондо¹¹ и И. Каппа¹²; французы М. Муте¹³, М. Кашен¹⁴ и Э. Лафон,¹⁵ англичане В. Торн¹⁶, Дж. О'Гради¹⁷, В. Сандерс¹⁸ и др.¹⁹

⁴ *Боргбьерг (Borghjerg) Фредерик* (1866–1936) — датский политик. Социал-демократ. Депутат.

⁵ «Отчет о результатах поездки в Россию в мае–июле 1917 г. министра Вандервельде, Л. де Брукера и лейтенанта де Мана». — А.М.В.А.Е. (Archives du Ministère Belge des Affaires Etrangères. Архив Министерства иностранных дел Бельгии). Серия «Классификация В» (Série «Classement В»). Опись «Россия. 1917» («Russie. 1917»). Папка № 35 (далее — А.М.В.А.Е. В/35). Л. 60.

⁶ Немецкая делегация в составе Эберта, Шейдемана и Давида представила меморандум о целях войны, в основе которого было заключение мира без аннексий и без возмещения урона, нанесенного войной.

⁷ «Заявление Временного правительства о целях войны». 09.04.1917.

⁸ Посол Франции в России Жозеф Нуленс назвал это событие «съездом социалистов Антанты в России». См.: *Noulens J. Mon ambassade en Russie soviétique. Paris, 1933. Vol. 1. P. 4.*

⁹ *Лабриола (Labriola) Артуро* (1873–1959) — итальянский социалист. Депутат. Сенатор.

¹⁰ *Лерда (Lerda) Джуованни* (1853–1927) — итальянский политик. Социалист.

¹¹ *Раймондо (Raimondo) Орацио* (1875–1920) — итальянский социалист. Депутат.

¹² *Каппа (Cappa) Инноченцо* (1875–1954) — итальянский социалист. Депутат. Сенатор.

¹³ *Муте (Moutet) Мариус* (1876–1968) — французский социалист. Депутат.

¹⁴ *Кашен (Cachin) Марсель* (1869–1958) — французский социалист. Депутат. Сенатор.

¹⁵ *Лафон (Lafont) Эрнест* (1879–1946) — французский социалист. Депутат.

¹⁶ *Торн (Thorpe) Вильям (Уилл)* (1857–1946) — английский профсоюзный деятель. Член Британской социалистической партии и Национальной социалистической партии. Депутат.

¹⁷ *О'Гради (O'Grady) Джеймс* (1866–1934) — британский политик и профсоюзный деятель. Член Лейбористской партии.

¹⁸ *Сандерс (Sanders) Вильям Стефен* (1871–1941) — британский политик. Член Исполкома Лейбористской партии. Депутат.

¹⁹ Муте, Кашен и Лафон считали, что французские социалисты должны принять участие к Стокгольмской конференции, чтобы избежать сепаратных переговоров между германскими и русскими социал-демократами. См.: *Vandervelde E. Trois aspects de la Révolution Russe. Paris, 1917. P. 177.*

Правительства союзных стран направили в революционный Петроград лидера Лейбористской партии Великобритании министра Артура Хендерсона²⁰, министра вооружений Франции социалиста Альбера Тома²¹ и главу Исполкома МСБ бельгийского министра-социалиста Эмиля Вандервельде. Их приезд в Петроград совпал с отставкой правительства Милюкова и с формированием нового коалиционного правительства, в состав которого вошли шесть министров-социалистов²².

Перед западными социалистами стояла непростая задача объединить усилия «социалистов стран Антанты, выступив против существующей в определенных [политических] кругах тенденции к заключению сепаратного мира или против давления на союзников в пользу заключения мира любой ценой»²³. Кроме переговоров со своими единомышленниками во Временном правительстве и Петросовете французский и бельгийский министры приняли участие в агитационных митингах перед русскими войсками как на фронте, так и в тылу для поднятия боевого духа солдат и офицеров.

Обращаясь к русским солдатам и офицерам с патриотическими воззваниями, Тома²⁴ и Вандервельде²⁵ говорили о тяжелых условиях, в которых находятся армии союзников, и призывали русских активнее продолжать «чужую» войну. Более того, Тома предлагал премьер-министру Франции послать в Россию несколько сотен «тщательно отобранных» русских добровольцев, сражавшихся во Франции, для усиления союзнической пропаганды среди русских войск на фронте и в тылу²⁶.

Любые попытки склонить русских политиков к сепаратному миру получали широкую огласку. Так, швейцарский социалист Роберт Гримм²⁷ принимал активное участие в организации отъезда русских

²⁰ Хендерсон (*Henderson*) Артур (1863–1935) — британский политик. Один из руководителей Лейбористской партии Великобритании. Член Палаты общин, министр. Лауреат Нобелевской премии мира (1934).

²¹ Тома (*Thomas*) Альбер (1878–1932) — французский политический деятель. Социалист, министр вооружений. Основатель и председатель Международной организации труда (1919–1932). Весной 1917 г. был уполномочен выполнять функции посла в России одновременно с М. Палеологом. Новый посол Ж. Нуленс был назначен 20 июля 1917 г. О пребывании Тома в России см.: А.Н. 94AP (Archives Nationales — Национальный Архив Франции. Фонд Альбера Тома) (далее — А.Н. 94AP).

²² Эсеры Керенский и Чернов, социал-демократы Скобелев и Церетели, народные социалисты Переверзев и Пешехонов.

²³ «Отчет Вандервельде...». — А.М.В.А.Е. В/35. Л. 26.

²⁴ «Выступление перед Советами солдатских депутатов в Москве». 7 (20) мая 1917 г. — А.Н. 94AP/179.

²⁵ «Отчет Вандервельде...». — А.М.В.А.Е. В/35. Л. 52.

²⁶ «Записка Альбера Тома премьер-министру Франции А. Рибо». 02.05.1917. Цит. по: *Sinanoglou I.* Journal de Russie d'Albert Thomas // Cahiers du monde russe et soviétique. 1973. Vol. 14, N 1. P. 103. URL: http://www.persee.fr/doc/cmr_0008-0160_1973_num_14_1_1173 (дата обращения: 01.05.2017).

²⁷ Гримм (*Grimm*) Роберт (1881–1958) — швейцарский политик. Один из лидеров Социал-демократической партии Швейцарии. Член Исполкома II Интернацио-

эмигрантов. Об этом было известно в германском МИДе. В частности, посол Германии в Берне сообщал, что Гримм проинформировал Хоффмана²⁸ о просьбе русских эмигрантов, большинство которых выступало за мир, о немедленном возвращении в Россию. Как отмечал посол Германии: «Антанта позволит проехать лишь тем эмигрантам, которые выступают сторонниками продолжения войны. После возвращения эмигранты займутся вопросом освобождения немецких пленных в России»²⁹. Основная задача заключалась в том, чтобы «оказать давление на русских любыми возможными способами, и для этого мы не должны отказываться от сотрудничества даже с таким человеком, как Гримм, каковы бы ни были его мотивы или взгляды»³⁰.

Сопровождавший группу русских эмигрантов Гримм прибыл в Петроград в мае 1917 г. Неофициальной целью его поездки, с одобрения Хоффмана, было намерение убедить министров-социалистов Временного правительства пойти на заключение мира с Германией.

27 мая 1917 г. посланник Швейцарии в Петрограде Э. Одьё³¹ послал телеграмму в Департамент иностранных дел, в которой содержалась информация Гримма о том, что Россия нуждается в заключении мира³².

3 июня 1917 г. в адрес Одьё была послана шифротелеграмма, в которой сообщалось о разрешении Хоффмана устно передать Гримму, что Германия не начнет наступление, пока у нее есть надежда заключить соглашение с Россией. «В результате многочисленных переговоров, которые я провел с высокопоставленными лицами Германии, у меня сложилось впечатление, что Германия выступает за почетный мир для обеих стран, что подразумевает укрепление будущих торговых и экономических отношений и финансовую помощь для восстановления России. Никакого вмешательства во внутренние дела России, мирное соглашение по вопросу о Польше, Литве и Курляндии, принимая во внимание национальные требования этих народов. Возврат оккупи-

нала. Депутат. Организатор Циммервальдской (1915) и Кинтальской (1916) конференций. Секретарь швейцарского социал-демократа К. Моора, редактор «*Berner Tagwacht*» («Бернский часовой») (1909–1918). Пацифист. Предложил провести в мае 1917 г. в Стокгольме Третью Циммервальдскую конференцию.

²⁸ Хоффман (*Hoffmann*) Артур (1857–1927) — лидер Швейцарской либеральной партии. Адвокат. В 1917 г. — глава Департамента иностранных дел Политического управления Швейцарии.

²⁹ «Телеграмма посла Германии в Берне Ромберга в МИД Германии». 31.03.1917. Цит. по: Germany and Revolution in Russia 1915–1918. Documents from the Archives of the German Foreign Ministry / [под ред. З. Земана]. London, 1958. P. 29.

³⁰ «Телеграмма посла Германии в Берне Ромберга в МИД Германии». 16.04.1917 // *Ibid.* P. 49.

³¹ Одьё (*Odier*) Эдуард (1844–1919) — посланник Швейцарии в России (1906–1918). Вице-президент Красного Креста.

³² «Телеграмма Одьё в Департамент иностранных дел Швейцарии». 27.05.1917. Цит. по: D.D.S. (Documents diplomatiques suisses). Vol. 6 (далее — D.D.S., Vol. 6). Doc. 313. URL: <http://db.dodis.ch/document/43588#> (дата обращения: 01.05.2017).

рованных территорий в обмен на районы Австрии, захваченные русскими»³³.

8 июня 1917 г. содержание шифротелеграммы было устно передано Гримму. На следующий день Гримм сообщил Одье, что «лица, с которыми он поддерживал отношения (Скобелев и Церетели, а также посвященные в это лица), задали ему вопрос, не получил ли он сообщение из швейцарского представительства». 12 июня Гримм вновь посетил Одье и подтвердил, что ему удалось «вырвать признание» у русских социалистов, о том, что телеграмма была «полностью расшифрована» в Министерстве иностранных дел³⁴. По словам Гримма, министры-социалисты пребывали в нерешительности, предавать ли огласке эту телеграмму. Сообщая об этом инциденте в Берн, Одье подчеркнул, что первая телеграмма была послана в МИД Швейцарии немецким шифром, но ответ пришел «новым французским шифром». Исходя из этого, Одье обращался с просьбой «послать новый шифр»³⁵.

В тот же день Тома послал телеграмму посланнику Франции в Стокгольме, в которой указывалось: «Привлекаю все Ваше внимание к документу, который я Вам посылаю и публикация которого станет, несомненно, одним из важных событий войны. Нам удалось достать этот документ в условиях, которые полностью исключают какие-либо сомнения в подлинности данного документа». Утверждая, что Гримм — немецкий агент, а правительство Швейцарии потворствует подобным действиям, Тома просил передать эти телеграммы Брантингу³⁶ для опубликования в «Социал-демократе». «Не указывая никаких источников, откуда взялись эти документы, Вы можете гарантировать их абсолютную подлинность»³⁷.

16 июня 1917 г. в день открытия Первого Всероссийского съезда Советов было объявлено о решении Временного правительства выслать Гримма из России. После обсуждения большинством голосов на съезде была принята резолюция, что действия, предпринятые Церетели и Скобелевым по отношению к Гримму, «соответствуют интересам русской революции и международного социализма».

³³ «Телеграмма Департамента иностранных дел посланнику Одье». 03.06.1917 // Ibid. Doc. 316; «Официальное коммюнике, опубликованное в швейцарской прессе». 19.06.1917. — А.Н. 94AP/359.

³⁴ По свидетельству Суханова, телеграмму Хоффмана перехватили Терещенко и Львов. После этого Скобелев и Церетели обратились к Гримму, потребовав объяснений. См.: *Суханов Н. Н.* Записки о революции. Берлин ; Пб. ; М., 1922. Кн. 4. С. 223–226.

³⁵ «Телеграмма Одье Хоффману». 13.06.1917. — D.D.S., Vol. 6. Doc. 318.

³⁶ *Брантинг (Branting) Карл Яльмар* (1860–1925) — шведский социал-демократ. Один из основателей Социал-демократической партии Швеции (1889). Редактор газеты «Социал-демократ» (Socialdemokraten). Премьер-министр Швеции (1920; 1921–1923; 1924–1925). Лауреат Нобелевской премии (1921).

³⁷ «Телеграмма Тома посланнику Франции в Стокгольме». 12.06.1917. — А.Н. 94AP/179.

19 июня 1917 г. в швейцарской прессе было опубликовано официальное коммюнике, сообщавшее, что депутат Гримм был выдворен из России, а глава Департамента иностранных дел Хоффман был вынужден подать в отставку³⁸.

В тот же день посланник Швейцарии в Париже сообщил о многочисленных негативных публикациях во французской прессе о деле Гримма—Хоффмана, которые повлияли на переговоры между Францией и Швейцарией по вопросу о снятии запрета на поставки предметов роскоши во Францию и на деятельность банков двух стран. Представитель МИД Жюль Камбон также потребовал сократить поставки швейцарского шоколада в Германию на четверть³⁹.

По мнению Гримма, «их (Скобелева и Церетели. — Т. З.) действия, вероятно, были продиктованы дипломатией Антанты, скорее всего, Альбером Тома, с целью нанести удар по мирной пропаганде в России»⁴⁰. «В соответствии с Циммервальдской резолюцией наша партия взяла на себя ответственность за действия в пользу всеобщего мира. [В России] одни требуют преобразований и выступают за продолжение войны, другие выступают за преобразования в интересах заключения мира. Это не только мое глубокое убеждение, но и точка зрения большинства социалистов»⁴¹.

4 сентября 1917 г. комиссия Социалистической партии Швейцарии, занимавшаяся расследованием дела Гримма, пришла к выводу, что Гримм не был немецким агентом и не предпринимал действий в пользу заключения сепаратного мира.

После огласки дела Гримма—Хоффмана «сепаратное» перемирие на Румынском фронте закончилось. 1 июля 1917 г. русские войска, имея значительное превосходство в живой силе и технике, начали наступление. Однако несколько дней спустя германским войскам удалось переломить ход военных действий.

Агитационно-пропагандистская активность Тома и Вандервельде была также обусловлена экономическими причинами. В предвоенный период франко-бельгийские инвестиции⁴² обеспечили модернизацию предприятий металлургической и топливной промышленности; английский капитал финансировал цветную металлургию России. Однако обратной стороной модернизации стала финансово-экономическая

³⁸ Отставка Хоффмана // *Le XIX siècle*. 1917. 20 juin.

³⁹ «Политический доклад посланника Швейцарии в Париже Ш. Ларди в Департамент иностранных дел». 19.06.1917. — *D.D.S.* Vol. 6. Doc. 325.

⁴⁰ «Защита Гримма». 02.07.1917. — *A.N.* 94AP/359.

⁴¹ «Показания Гримма». б/д. Цит. по: *The Russian Provisional Government, 1917: Documents* / [под ред. Р. П. Браудера, А. Ф. Керенского]. 1961. Vol. 2. Doc. 1029. P. 1182–1183.

⁴² К примеру, на бельгийских металлургических предприятиях Донбасса выпускалась 1/3 всего российского чугуна; бельгийские трамваи эксплуатировались в 26 городах России. См.: *Stengers, J. Belgique et Russie, 1917–1924: gouvernement et opinion publique* // *Revue belge de philologie et d'histoire*. 1988. Vol. 66, N 2. P. 297.

зависимость многих ключевых отраслей промышленности России от воли союзников.

Последствия экономического кризиса, охватившего в 1917 г. Россию, ощущались во всех сферах экономики⁴³, в том числе в области производства боеприпасов в России. «Временные экстренные меры помогли частично преодолеть кризис, но суть проблемы не была решена»⁴⁴.

7 июня 1917 г. на заседании Военного совета Франции было принято решение о сокращении вдвое военных поставок в Россию морем в связи с тем, что Россия не могла обеспечить обратную поставку полмиллиона тонн пшеницы за летний период 1917 г. В ноте Временному правительству, переданной полковником Ж. Лавернем⁴⁵, французское правительство особо настаивало, чтобы русская сторона обеспечила отправку пшеницы через Архангельск в обмен на вооружение⁴⁶. Этот вопрос был поднят на встрече Тома с министром продовольствия социалистом А. В. Пешехоновым⁴⁷ 12 июня 1917 г., в самый разгар дела Гримма—Хоффмана. В ответ Пешехонов обещал поставить лишь половину⁴⁸. 10 июля 1917 г. Временному правительству была передана французская нота, в которой сообщалось о сокращении французских военных поставок до тех пор, пока Россия не наладит регулярные поставки зерна⁴⁹. Случаи нелегальной перепродажи русскими в Швеции олова, каучука, шин, после чего французские грузы попадали в Германию, также вызывали возмущение Тома⁵⁰.

13 июня при обсуждении с министром иностранных дел Терещенко⁵¹ военных вопросов Тома затронул тему послевоенного устройства экономики России. Напомнив о том, что французская промышленность с начала войны перешла на производство и поставку вооружений, в том числе и в Россию, Тома отметил, что его правительство рассчитывает в послевоенный период на русские заказы во Франции, по

⁴³ «Нота министру труда Франции об экономическом кризисе в России». б/д. А.Н. 94AP/181; «Нота о положении на металлургических и сталелитейных заводах на Каме». 23.03–06.05.1917 — Ibid.; «Последствия повышения заработных плат на 18 шахтах Донецка». б/д — Ibid.; «Нота о шахтах в Кривом Роге и о сложившейся после революции ситуации». 03.05–16.05.1917 — Ibid., и др.

⁴⁴ «Отчет Вандервельде...» — А.М.В.А.Е. В/35. Р. 19.

⁴⁵ *Лавернь (Lavergne) Жан* (1869–1951) — военный атташе посольства Франции (21.05.1916–31.10.1918) в Петрограде, затем в Москве. Полковник, затем генерал.

⁴⁶ «Нота Временному правительству». б/д. — А.Н. 94AP/181.

⁴⁷ *Пешехонов Алексей Васильевич* (1867–1933) — русский политический деятель. Член партии народных социалистов. Член исполкома Петросовета. Министр продовольствия Временного правительства.

⁴⁸ *Sinanoglou I.* Journal de Russie d'Albert Thomas... Р. 182.

⁴⁹ «Нота Временному правительству». 10.07.1917. — А.Н. 94AP/181.

⁵⁰ *Sinanoglou I.* Journal de Russie d'Albert Thomas... Р. 186.

⁵¹ *Терещенко Михаил Иванович* (1886–1956) — министр финансов Временного правительства. Министр иностранных дел.

крайней мере «пропорционально поставкам военного оборудования из Франции». Терещенко согласился, подчеркнув, что русское правительство готово совместно с французским правительством выработать меры, которые позволят французской промышленности занять подobaющее место на русском рынке «благодаря политическим связям, которые объединяют интересы обеих стран»⁵².

Несмотря на учтивые заверения, внешняя политика Франции по отношению к России зависела от дальнейшего хода войны и от политической позиции руководства страны, находившегося у власти.

В сентябре 1917 г. германские войска заняли Ригу. Солдаты расформированного Русского экспедиционного корпуса, на которых возлагал большие надежды Тома, организовали восстание в лагере Ля-Куртин, которое было жестоко подавлено. Стокгольмская конференция не состоялась из-за отказа западных правительств предоставить паспорта участникам конференции.

В середине октября 1917 г. во французском Генштабе рассматривали возможные варианты развития революционных событий в России и ее выход из коалиции союзников, в частности, вопрос о заключении мира с Центральными державами без участия России. Генштаб предлагал передать Германии эстонскую, латышскую, литовскую и белорусскую территории; создать Польско-Украинскую федерацию под протекторатом Австрии; передать Финляндию Швеции, Бессарабию Румынии, Восточную Сибирь Японии; предоставить независимость территориям казачества Дона, Кубани и Кавказа; объединить Россию и Восточную Сибирь в Московское государство под контролем западных держав и организовать полноценные государственные органы, обеспечивающие гарантии интересов Антанты в России⁵³, иными словами, было предложено раздробление России.

Анализ документов французских и бельгийских архивов позволил выявить малоизвестные факты влияния западных социалистов на участие России в войне. Попытки воздействовать на Временное правительство по вопросу участия в войне были диаметрально противоположными: Гримм предлагал заключить сепаратный мир с Германией, Тома и Вандервельде призывали продолжать войну во имя европейской демократии и социализма, что оценила Московская городская дума, присвоив Альберу Тома звание «Почетный гражданин Москвы».

Идея военной интервенции и последующего раздробления России, сформулированная до прихода к власти большевиков, означала, что Россия уже тогда не рассматривалась в качестве равноправного союзника.

⁵² «О ноте Временному правительству». 13.06.1917. — А.Н. 94AP/182.

⁵³ «Записка “К вопросу о позиции, которую необходимо занять по отношению к России”». 11.10.1917. — SHD/SHAT (Service historique de la Défense. Service historique de l'Armée de Terre. Военный архив Франции. Архив сухопутных войск.). — 16 N 3060. Папка «Третье бюро. № 15/20».

В. Ю. Черняев: Вы упомянули, что будет опубликован документ Вандервельде о том как он приехал вместе с Троцким в одном поезде.

Т. Г. Зазерская: В поезде, следовавшем из Финляндии в Петроград, среди попутчиков Э. Вандервельде оказался возвращавшийся из эмиграции Л. Троцкий.

В. Ю. Черняев: В петроградской прессе 1917 г. в статьях о приезде Троцкого по-разному освещалось, что происходило на Финляндском вокзале в связи с приездом Вандервельде.

Т. Г. Зазерская: Вандервельде стоял в стороне и наблюдал, как рабочие встречали Троцкого.

В. Ю. Черняев: Но в одной из газет 1917 г. сказано, что Вандервельде даже выступил перед этими рабочими на Финляндском вокзале.

Т. Г. Зазерская: Вандервельде в воспоминаниях и отчете о поездке в Россию не упоминает о своем выступлении перед рабочими после прибытия в Петроград.

Б. Б. Дубенцов: Критика источника, умолчал, значит.

В. Ю. Черняев: А где будет опубликован упомянутый вами документ о приезде Вандервельде?

Т. Г. Зазерская: Он будет напечатан в начале июня в третьем номере «Отечественных архивов».

Б. Б. Дубенцов: Татьяна Георгиевна, вы не смогли бы сформулировать, может быть, хотя бы в рамках гипотезы, каково ваше отношение к такому мнению, что союзники в период наступления революционной трансформации, когда революционный процесс 23, 25, 27 февраля 1917 г. уже пошел, недооценивали значение развернувшихся процессов, это во-первых. А во-вторых, может быть именно в силу недооценки, реагировали совершенно неадекватно, в связи с тем, что у них была идефикс удержать Россию в войне. К этому все сводилось, и союзники свои ресурсы, которые они могли бы, допустим, употребить на стабилизацию положения, не использовали. Такая точка зрения есть в историографии. Как позволяют к ней отнести знакомые вам документы?

Т. Г. Зазерская: Судя по отчету, Вандервельде был восхищен Русской революцией. Однако нельзя рассматривать Русскую революцию отдельно от войны; бельгийцы, правительство которых находилось в изгнании, во Франции, боролись за право на получение компенсаций за разрушения, причиненные германскими войсками на их территории, поэтому требовали, чтобы Россия отказалась от лозунга «мир без аннексий и контрибуций». Вандервельде с восторгом и изумлением отмечает революционную атмосферу: красные флаги на улицах, исполнение «Марсельезы» и даже бельгийского гимна «Брабансонны». Для социалиста Вандервельде это был триумф его убеждений, но он подчеркивает, что революция осуществилась слишком быстро — за три дня и этого недостаточно, чтобы осознать и оценить ее последствия. Но при этом французский социалист Альбер Тома (кстати, оба они являлись министрами, государственными министрами) ведет себя,

я бы сказала, цинично. Я смотрела документы в Фонде Альбера Тома в Национальном архиве Франции. Летом 1917 г. в беседе с министром продовольствия А. В. Пешехоновым А. Тома ставит жесткие условия своему союзнику России, требуя обеспечить поставки пшеницы во Францию. Несмотря на заверения А. В. Пешехонова осуществить поставки половины обещанного зерна, в середине июля 1917 г. Франция сокращает поставки вооружения в Россию в ожидании выполнения Россией принятых обязательств. Таким образом, сегодня Россия — это союзник Антанты, а завтра она становится врагом. В какой момент это происходит? Вот, например, дело Гримма—Хоффмана. Французские документы подчеркивают роль двух министров Временного правительства, обнаруживших, что Гримм — немецкий шпион, который пытается за их спиной, в Швейцарии, договориться о сепаратном мире. Однако в швейцарских документах ясно сказано, что сведения о намерениях Гримма были сообщены лично Альбером Тома только потому, что Франции был невыгоден выход России из Первой мировой войны. У французских и бельгийских министров-социалистов существовал антагонизм между присущими им социалистическими идеалами и чувством долга перед своей родиной; для них интересы Франции и Бельгии были выше, чем выполнение союзнических обязательств перед Россией.

В. Ю. Черняев: На конференции в Абердине, посвященной Первой мировой войне, видный английский историк на мой вопрос: почему Англия вела себя так эгоистично по отношению к России во время Первой мировой войны? — ответил: конечно, тогда мы были союзниками, но не забывайте, Россия для нас все равно оставалась главным противником. Ваш доклад создаст впечатление, что эгоистичным было и отношение Франции к России.

Т. Г. Зазерская: Да, да. Это абсолютно верно для любой страны.

И. М. Сапронов: Это то, что Ленин в работе «Империализм как высшая стадия капитализма» назвал диалектикой единства и раскола империализма. Я хотел задать такой вопрос. В фонде документов Товарищества Невской ниточной мануфактуры я находил копии писем управляющих ниточных фабрик Бьюкенену. После Февральской революции, в мае, посыпались письма из Великобритании британскому управляющему персоналу этих ниточных фабрик о том, что они должны явиться в посольство, быть призваны в армию, уехать в Великобританию и далее на фронт. Управляющие просили Бьюкенена сделать что-то с этим. Известны ли Вам какие-то документы, свидетельства о таких проблемах французских заводов и французских послов здесь в Петрограде, скажем, Русско-французский артиллерийский завод, «Русский Рено» и т. д.

Т. Г. Зазерская: Конкретно по заводам Петрограда я не смотрела, поскольку я в основном работала в московских архивах. Но при чтении дневника Альбера Тома меня особенно поразила колониальный подход

к России. В беседе с единомышленниками А. Тома рассуждает о том, как заставить русских продолжать войну. Упомянув о воюющих на территории Франции русских солдатах и офицерах, Тома предлагает отобрать около сотни профранцузски настроенных военных и послать в Россию для агитации. Очевиден колониальный подход французского политика-социалиста к России. Что касается проблем, о которых Вы упомянули, то бельгийские инвестиции в предприятия металлургической и топливной промышленности России обеспечили быструю модернизацию предприятий. К примеру, можно посмотреть документы Акционерного общества меднопрокатного и трубного завода, бывшего Розенкранца, ныне «Красный выборжец», возможно, там можно найти ответы на ваши вопросы, но мне не встречались документы о массовом призыве в армию на бельгийских предприятиях в России.

И. М. Сапранов: Как мне кажется, смысл этого массового призыва в мае 1917 г. был связан с попыткой Бьюкенена повлиять на Временное правительство. Каким образом? В письме, отправленном Бьюкенену с фабрик-заводов от Монкера, директора Товарищества Невской точной мануфактуры, было написано: если Вы сейчас у нас еще кого-то призовете, то организовывать производство, смотреть за рабочими будет некому. И эти 6 тыс. человек, которые выйдут на рынок труда, не будут никем востребованы, что тут же подольет масла в огонь и может привести к дальнейшему обострению революционной ситуации. Этот политико-экономический момент очень важен для понимания того, что инструментов, карт в рукаве у буржуазии было сколько угодно, предостаточно, и воспользоваться можно было любым, уже практически готовым.

Т. Г. Зазерская: Но при этом не забывайте, что Ллойд-Джордж послал в Петроград Артура Хендерсона для того, чтобы заменить посла Бьюкенена. Хендерсон провел в столице шесть недель и вернулся в Великобританию. Безусловно, от Ллойд-Джорджа поступали телеграммы и письма в адрес Бьюкенена и Хендерсона. Они оба имели прямые контакты с Временным правительством, принадлежали к одной ложе. Поэтому общий язык было гораздо проще найти с единомышленниками, а не с большевиками.

«Известия» — первая газета Февральской революции

«Известия» Комитета петроградских журналистов была единственной газетой (листочком), вышедшей 27 февраля 1917 г. Она открывалась броскими фразами, набранными крупным шрифтом: «Газеты не выходят. События идут слишком быстро. Население должно знать, что происходит»¹. Этот выпуск без указания номера, года, типографии был подписан «Комитет Петроградских Журналистов». Что это за Комитет, какие силы стояли за изданием этой газеты? На эти и другие вопросы, связанные с изданием, предлагаются ответы в данной статье.

«Известия» иногда называют информационным листком. Например, листком назвали ее издатели в статье, помещенной в № 10 от 4 марта, где были сообщены дополнительные сведения об издании этого органа печати. Газетой ее называют сотрудники Российской национальной библиотеки в опубликованном каталоге дореволюционных газет². И то и другое определение справедливо. Выпуск от 27 февраля вполне можно назвать листком: текст набран на одной стороне газетного листа, обратная сторона подразумевала расклейку на городских тумбах и стенах зданий. Но уже № 3 газеты представлен в моем собрании двумя вариантами: 1) на одной стороне листа; 2) на лицевой стороне № 3 от 1 марта, а на оборотной № 4 тоже от 1 марта. Напечатанный текст на обеих сторонах газетного листа исключает ее расклейку. С № 4 от 1 марта в конце газетной полосы печаталось обращение к читателям, набранное крупным шрифтом: «По прочтении распространяйте и расклеивайте». Этот же № 4 открывался указанием «Бесплатно». Далее «Известия» буду называть газетой. При цитировании текстов разных номеров газеты не указывается их местонахождение. Полная подборка «Известий» находится в моем собрании, подборка собиралась в течение нескольких десятилетий на развалах и в букинистических магазинах. Газета привлекалась на занятиях со студентами по курсу «Источниковедение истории России».

«Известия» выходили в первые шесть дней революционных событий. Первые два выпуска (от 27 и 28 февраля) нумерации не имели, № 2 появляется на третьем выпуске (от 28 февраля). Последний номер — 10 вышел 4 марта. Первоначально газета печаталась только

¹ Тексты цитируются в соответствии с современными правилами. Буква *ять* заменена буквой *е*, конечной твердый знак опускается, *и* десятиричное заменяется на *и* восьмеричное.

² Газеты дореволюционной России. 1703–1917 : каталог. СПб., 2007. С. 139.

в типографии «Нового времени», которая располагалась «в шаговой доступности» от Таврического дворца, где находилась редакция газеты. Постепенно газета стала печататься почти во всех крупных типографиях города.

«Известия» хорошо известны как специалистам, так и литераторам. Газету упоминают в исследованиях, правда, очень часто под разными неточными названиями. При ее характеристике иногда допускаются явные ошибки и неточности. Ярким примером может служить книга А. И. Солженицына «Красное Колесо», где в небольшом абзаце есть и ошибка, и неточности³.

Специальных работ, посвященных «Известиям», немного. Среди них наиболее значительным является исследование А. Б. Николаева⁴. Применения приемов источниковедческого анализа «Известий» почти не попадает. В данной работе тексты газеты рассматриваются с точки зрения источниковедения.

Итак, выпуск от 27 февраля был анонимным. Анонимность издания, конечно, не была случайной, как и неслучайно название — «Известия». Еще памятни события первой русской революции, тогда выходила недолго газета с таким же названием. Памятни были и последствия революции с целой серией судебных процессов, когда многие авторы, редакторы и издатели заплатили сполна за свои свободолобивые, оппозиционные публикации. 27 февраля в день выхода первого номера газеты царская власть была реальностью, отсюда анонимность издания. Правда, реальность этой власти с каждым часом становилась все более призрачной. Об этом говорят тексты двух телеграмм М. В. Родзянко царю, призывавшие императора принять меры в связи с критическим положением в Петрограде. Первая телеграмма, посланная 26 февраля, заканчивалась словами: «Молю Бога, чтобы в этот час ответственность не пала на Венценосца». А уже во второй телеграмме, посланной утром 27 февраля, т. е. спустя менее суток после первой, говорится: «Настал последний час, когда решается судьба родины и династии». В полном смысле этот последний час настал уже к вечеру 27 февраля. Было создано на заседании совета старейшин Государственной думы новое государственное учреждение по управлению пока еще только восставшим Петроградом — Временный комитет. Шло формирование и другого органа управления страной: Совета рабочих и солдатских депутатов. Армия перешла на сторону

³ Солженицын А. Красное Колесо. Повествование в отмеренных сроках. Т. 6 : Узел III. Март семнадцатого. М., 1994. С. 141. Первый номер «Известий Совета Рабочих Депутатов» вышел 28 февраля, т. е. на следующий день после «Известий» Комитета Петроградских журналистов. Не «письма Родзянки царю», а телеграммы, не «перерыв» Думы, а роспуск.

⁴ Николаев А. Б. Историко-археологические наблюдения над «Известиями» Комитета петроградских журналистов (редакции и выпуски типографии «Правительственного вестника») // Герценовские чтения. 1998. СПб., 1998. С. 59–64.

революционной Думы, называется цифра в 25 тыс. восставших солдат. Арестован председатель Государственного совета И. Г. Щегловитов. Формирование новой власти шло в режиме спешки и сумбура. Об этом говорит, например, нестабильность названия органа новой власти. В № 1 и 2 «Известий» встречаются три названия: «Комитет Государственной Думы для водворения порядка в Петрограде и для сношения с учреждениями и лицами»; «Временный комитет членов Государственной думы»; «Исполнительный Комитет Гос. Думы».

28 февраля, когда вышел № 2 «Известий», анонимность издания частично раскрыта, в конце номера указана типография — «Типография Товарищества А. С. Суворина — «Новое время», Эртелев пер., д. 13».

Полностью анонимность снята в № 7 от 3 марта (типография «Нового времени») в небольшой заключительной статье под заголовком «Комитет петроградских журналистов» (в № 7, напечатанном в другой типографии, этой заметки нет). Только после отречения царя появилась эта информация (бояться было уже некого и нечего). Привожу текст полностью: «В виду многочисленных запросов относительно состава и возникновении комитета петроградских журналистов, подписывающих “Известия”, считаем необходимым сообщить: Комитет образовался 27 февраля утром на соединенном заседании бюро общества думских журналистов и совета общества петроградских журналистов, когда были выбраны два комитета для издания “Известий”: исполнительный в составе: Л. М. Клячко (Львова), А. П. Ксюнина, Л. М. Неманова и Ф. Ф. Борнгардта, и редакционный в составе: А. А. Полякова, А. И. Гессена и М. М. Кричевского. Названные лица, при содействии большинства думских журналистов, организовали выпуск “Известий”, помещая в них исключительно осведомительный материал, исходящий от Временного Комитета Гос. Думы и Совета Рабочих Депутатов». В заметке можно отметить наличие разных хронологических наслоений: в день выхода номера от 27 февраля Совет рабочих депутатов еще не сформировался, от его имени выступал Временный исполнительный комитет Совета рабочих депутатов, да и сам Временный комитет Гос. Думы находился в стадии становления, о чем говорит его первоначальное название: Комитет Государственной Думы для водворения порядка в Петрограде... 3 марта эти два органа нового государственного управления были уже активно действующими.

В № 9–10 «Известиях» от 4 марта опубликована развернутая информация об издании этой газеты (без заголовка), подписанная Комитетом петроградских журналистов: «Настоящим номером заканчиваются “Известия”. Листок возник в первый день революции, когда ни одна газета не выходила. Совет Общества Петроградских журналистов и правление общества думских журналистов, собравшись в Таврическом дворце 27-го февраля, пришли к единодушному заключению, что в целях успеха великого национального дела необходимо немедленно организовать какой-нибудь орган печати, кото-

рый осведомлял бы население о событиях. В виду этого было постановлено организовать выпуск “Известий”, в которых печатались бы исключительно фактические сведения о событиях, а также все акты, которые будут иметь отношения к этим событиям. Члены Временного комитета А. Ф. Керенский и Н. С. Чхеидзе, признавая важность издания “Известий”, пошли навстречу нашей просьбе и выдали нам письменный призыв к рабочим типографий приступить к печатанию “Известий” — издания Комитета Петроградских Журналистов. С образованием Совета Рабочих и Солдатских Депутатов было получено от Исполнительного Комитета Совета соответствующее разрешение на выход “Известий”. Были выбраны исполнительный и редакционный комитет, которые при содействии всех Петроградских журналистов, с великой радостью откликнувшихся на призыв комитетов, стали выпускать “Известия”. С выходом газет наша задача закончена. Мы, журналисты, как граждане, худо ли, хорошо ли, выполнили наш долг осведомления населения в эти исключительные исторические дни. Закончив нашу работу, мы считаем своим неременным долгом выразить нашу глубокую благодарность гражданкам журналисткам: А. М. Немановой, А. М. Розенфельд, Н. А. Фогт, Н. П. Черкасской, г-ке Лихтер, работавшим для “Известий”; издательствам и типографиям “Вечернего и Нового времени”, “Речи”, “Бирж. Вед.”, “Русской Воли”, предоставившим свои типографии. Отдельную благодарность мы считаем долгом принести Б. А. Суворину, в особенности, содействовавшему выходу первого номера “Известий”. Мы приносим также благодарность всем учреждениям и лицам, помогавшим нам выполнять наш гражданский долг».

И в этой заметке присутствуют хронологические смещения, неполнота и неточности. Например, в перечне типографий не отмечен «Правительственный вестник» (где был напечатан № 9–10 от 4 марта) или типография Градоначальства (№ 8, 3 марта, указан адрес этой типографии: Петроград, 8-я рота, Изм. полка, д. 20-б).

Для начала анализируем состав исполнительного и редакционного комитетов «Известий». Все они активно действующие журналисты, что и позволило им оперативно подготовить издание нового органа печати. К слову, инициалы Кричевского указаны неточно. В справочнике «Весь Петроград на 1916 год» указан только один журналист Кричевский — Михаил Георгиевич⁵. Это не единственная неточность в тексте номера от 27 февраля. Например, инициалы одного из участников Временного комитета, фигуры более чем известной в то время, Чхеидзе обозначены «М. С.», хотя следует — Н. С., что и было исправлено в номере от 28 февраля. Все это говорит о спешке при подготовке издания. Из 7 журналистов, готовивших издание, 5 — евреи (Клячко,

⁵ Весь Петроград на 1916 год. Адресная и справочная книга г. Петрограда / под ред. А. П. Шашковского. Пг., 1916. С. 353.

Неманов, Поляков, Гессен, Кричевский)⁶. Обилие евреев всего лишь подтверждает давно известный факт о большом представительстве евреев в издательском и газетно-журнальном мире дореволюционной России. В данном случае ключевыми в издании газеты окажутся русские люди, о чем чуть дальше.

Если анализ участников издания по профессиональному признаку и по национальной принадлежности не дает ощутимых результатов, то третий вариант анализа более любопытен. Проверим список участников издания «Известий» по списку русских масонов предреволюционного времени. Двое были масонами (Ксюнин, Неманов)⁷. Ключевую роль в издании газеты необходимо отнести А. И. Ксюнину. Собрать материал, подготовить его к публикации является важным моментом при издании любого органа печати, но он становится газетой только после тиражирования в типографии. Как мы знаем, номер от 27 февраля был отпечатан благодаря соучастию в этом деле Б.А. Суворина, одного из главных владельцев товарищества по изданию различных газет, имевшего свою типографию. Как уже было сказано, эта типография находилась в шаговой доступности от Таврического дворца, что было немаловажно в обстановке хаоса и разброда. А. И. Ксюнин был членом совета товарищества А. С. Суворина «Новое время»⁸, скорей всего именно его авторитетное слово подтолкнуло Б. А. Суворина к решению печатать «Известия» в типографии товарищества. Другой ключевой фигурой при издании особенно первого выпуска «Известий» называю Н. В. Некрасова. Основано это утверждение на следующем наблюдении над текстом первых двух номеров газеты.

Как уже упоминалось, в номере от 27 февраля опубликован список Временного комитета Государственной думы. Этот список, естественно, возглавляет председатель думы М. В. Родзянко. Сразу же за ним стоит фамилия Н. В. Некрасова (товарищ председателя Гос. думы). Во втором нумерованном номере фамилия Некрасова оказалась в конце списка. За несколько часов революционных событий в Петрограде появились свои «герои», активно действовавшие и говорящие. Предполагаю, что именно Н.В. Некрасов курировал издание номера газеты от 27 февраля со стороны восставшей Государственной думы, поэтому его фамилия и указана сразу же после фамилии М. В. Родзянки. Из

⁶ ЦГИА СПб. Ф. 479. Оп. 26. Д. 1319. Начато в 1912 г. Кончено в 1913 г. О причислении мещанина М. Г. Кричевского с женой (Софья Павловна) к Лужскому мещанскому обществу. Михаил сын Берко Кричевского и Гиты-Риси, род. в 1882 г. Жена его Софья родилась в семье Павла Соломоновича Браиловского в 1881 г. Михаил и Софья крестились в лютеранской церкви в 1912 г. В этом архивном деле, скорее всего, речь идет о журналисте М. Г. Кричевском и его жене Софье Павловне. Они в 1916 г. жили в Петрограде по одному адресу и под одной фамилией. Указание на архивное дело найдено в Интернете.

⁷ Платонов О. А. Терновый венец России. Тайная история масонства. 1731–1996. М., 1996. С. 357, 364.

⁸ Весь Петроград на 1916 год. С. 358.

заметки от 4 марта, помещенной в «Известиях», мы знаем, что в более позднее время (а тогда время шло на часы) кураторами газеты со стороны новых органов власти были А. Ф. Керенский и Н. С. Чхеидзе. Н. В. Некрасов, А. Ф. Керенский и Н. С. Чхеидзе — известные масоны⁹. На всех этапах создания, печатания и распространения газеты «Известия» русские масоны занимали ведущее место. Эта группа лиц, объединенных своей масонской деятельностью, оказалась наиболее сплоченной и деятельной в первые часы и дни русской революции.

Судьба «Известий» при всей значимости ее издания весьма эфемерна, она просуществовала только 6 дней, на смену ей пришли газеты, представляющие интересы различных партий. Подобно эфемерности этой газеты участие масонов в событиях русской революции так же оказалось недолговечным (правда, в других временных рамках). Революция 1917 г. всколыхнула все русское общество, революционные волны самых различных направлений возникали постепенно и мощно, они в своем не всегда управляемом движении смели не только Российскую империю, но и русских масонов, а в конечном итоге и самих большевиков/коммунистов, так упивавшихся своей победой. Эта тема для совершенно другого очерка.

Источниковедческий анализ любого письменного источника подразумевает повышенное внимание ко всем деталям анализируемого текста. Остановлюсь на двух наблюдениях, относящихся к номеру «Известий» от 27 февраля. В первом названии зарождающегося органа власти «Комитет Государственной Думы для водворения порядка...» есть одна деталь в тексте, на мой взгляд, требующая повышенного внимания, хотя ее можно было бы и отнести к спешке при наборе первого выпуска газеты. В слове «водворения» буква «в» набрана не в строке, а чуть ниже, тем самым зрительно фиксируется акцент на части этого слова — «вор». Если вспомнить исконный смысл слова «вор» — изменник, то перед нами окажется комментарий представителей типографии «Нового времени» к революционным событиям: комитет — изменник.

Допускаю, что такое толкование небрежности при наборе газетного текста может показаться надуманным. Зато другой пример важности источниковедческого анализа вряд ли вызовет сомнение. В первой телеграмме М. В. Родзянко царю, где говорится о необходимости принятия срочных мер для наведения порядка в Петрограде, читаются такие слова: «Медлить нельзя. Всякое промедление смерти подобно». У всех граждан СССР, а тем более у всех историков эти слова связаны не с февральскими событиями, а с октябрьскими, и произносил их не М. В. Родзянко, а В. И. Ленин. Двое политически совершенно разных русских людей совершенно одинаково, можно сказать, почти дословно характеризуют события, происходившие в разное время в революци-

⁹ См.: *Старцев В. И.* Тайны русских масонов. СПб., 2004.

онном Петрограде. В данном случае мы сталкиваемся с одинаковой словесной, воплощенной в письменном виде реакцией, подразумевающей общую интеллектуальную базу (гимназический курс латыни, где эта фраза была представлена).

Приведу пример разночтений, касающихся одного из основных документов Февральской революции. Речь идет о публикации Манифеста Николая II об отречении от престола. В моем собрании «Известий» он представлен двумя публикациями: 1) от 3 марта, № 8; 2) от 3–4 марта, № 8. Между текстами этих двух публикаций насчитывается более 12 разночтений:

— 1) Манифест Николая II; 2) Отречение от престола. Манифест, переданный командующим флотом Балтийского моря вице-адмиралом Непениным по юзограмме.

Текст манифеста:

— 1) 2-го марта 1917 года, 15 часа, в гор. Пскове. Скрепил министр Императорского Двора Фредерикс; 2) 2 марта 15 часов 1917 г. г. Псков. Скрепил: Министр Императорского Двора Генерал-Адъютант Фредерикс.

— 1) ниспослать России новое тяжкое испытание; 2) ниспослать новое тяжкое испытание России.

— 1) три года; 2) 3 года.

— 1) Начавшиеся народные волнения; 2) Начавшиеся внутренние народные волнения.

— 1) требуют доведения войны; 2) требует ведения войны.

— 1) может; 2) сможет.

И т. д.

При наличии такого большого количества разночтений естественно возникает вопрос: а существовал ли канонический текст Манифеста? Ответить на него затрудняюсь. Одно можно отметить: перед нами явные импровизации на основе какого-то текста.

Результаты, полученные при анализе текстов «Известий», на мой взгляд, требуют со стороны историков написания развернутого исследования, посвященного первой газете Революции 1917 г.

Дискуссия

В. Ю. Черняев: Обязанность модератора секции предложить на основе заслушанных докладов вопросы для дискуссии. Цель ее — обсуждение не столько самих докладов, сколько проблем, поднятых или затронутых в них. Поэтому мои вопросы обращены не только к докладчикам, но и ко всем участникам секции.

Первая мировая война, как показано в докладе Михаила Викторовича Ходякова, с одной стороны, вызвала возрастание роли государства в решении проблем в экономике, его стремление ввести плановое начало в частнохозяйственные отношения, а с другой стороны, — изменения в составе рабочей силы, в частности, резкий рост доли женщин. Сходная картина и в других воюющих державах. Естественен вопрос, почему именно в России ухудшение экономической ситуации вызвало такой всплеск забастовок конца 1916 — начала 1917 г.?

В докладе затронут интересный и малоисследованный сюжет о доставке тысяч китайских работников в Россию. На строительстве Мурманской железной дороги многие китайцы умерли, не выдержав смены климата. Своеобразный «Чайна-таун» был в 1917 г. и на юго-восточной окраине Петрограда, между Царскосельской и Николаевской железными дорогами. Китайцы-торговцы, их называли «ходя», бродили по городу с товарами, торгуя в долг на доверие. Их вспоминали с симпатией. Вопрос к нашим китайским друзьям: есть ли в Китае исследования о роли и судьбах китайцев в России в годы Первой мировой войны и Революции, и как интерпретируют это китайские историки?

Проследившая революционную динамику на Невской ниточной мануфактуре Петрограда перед Февральской революцией, Сапронов в докладе отнес к главным показателям политического кризиса в России продовольственный кризис и дороговизну. Однако всё это имелось и в Англии, Франции, но революции там не было. Перебои с продажей хлеба в Петрограде в феврале 1917 г. не сопоставимы с настоящим голодом, который питерские рабочие узнали уже в 1918-м, что вызывало политический протест и выступления рабочих против власти большевиков¹. Но новой революции этот голод не вызвал. Неясно, почему в докладе спор о стихийности и организованности в Февральской революции назван «пустой схоластикой». Игорь Михайлович разделяет

¹ Питерские рабочие и «диктатура пролетариата»: октябрь 1917–1929. Экономические конфликты и политический протест : сб. документов / отв. ред. В. Ю. Черняев. СПб., 2000. С. 9–13, 45–172; Собрание уполномоченных и питерские рабочие в 1918 году : документы и материалы / сост. проф. Е. Суди. СПб., 2006; Петербургский комитет РКП(б) в 1918 году : протоколы и материалы заседаний / сост. Т. А. Абросимова, А. Рабинович, В. Ю. Черняев. СПб., 2013.

мнение И. М. Пушкаревой, что исследование истории рабочего движения ныне в состоянии кризиса. Логичен вопрос: как расценивать этот кризис, как ущербное явление или как стимул к переменам, неизбежным после выхода из цензурного прокрустова ложа марксизма-ленинизма к новым интерпретациям и оценкам?

Виктор Кузьмич Зиборов, к сожалению, на заседании секции отсутствует. Он изложил в докладе историю газеты Комитета петроградских журналистов «Известия», единственной в Петрограде в дни Февральского восстания. Обнаружив, что в книге Олега Платонова, современного националистического публициста и общественного деятеля, мягко выражаясь, равнодушного к евреям, в масонах значатся два участника издания «Известий» Лев Неманов и Алексей Ксюнин, Виктор Кузьмич доверчиво зачислил их в масоны предреволюционного времени. Но тогда масонами они не были. Ксюнин попытался стать масоном в 1925 г. в Белграде, но был масонами отвергнут, а Неманов принят в масоны лишь в 1932 г. в Париже². Правомерно ли историку черпать сведения, не перепроверя, из сочинений современных публицистов?

Татьяна Георгиевна Зазерская с помощью документов французских и бельгийских архивов показала, что державы Антанты желали удержать революционную Россию на фронте мировой войны и готовы были решать свои военные проблемы за ее счет, даже ценой ее расчленения. В этой связи интересно обсудить, когда именно западные державы Антанты перестали рассматривать Россию равноправным союзником?

В докладе Елены Анатольевны Лысенко на основе документов архива Н. В. Устрялова, хранящихся в Чешской Национальной библиотеке, дан анализ споров между левыми и правыми сменовеховцами о перспективах эволюции большевизма. Если левым сменовеховцам хотелось видеть красную Россию «капитаном мирового революционного корабля», то правые рассчитывали на ее буржуазное перерождение благодаря нэпу в «великую национальную Россию». В начале доклада сменовеховство определено как идеология примирения белой интеллигенции с красной властью. Вопрос: какой именно идеологией эмигрантской интеллигенции — белой или красной и белой — являлось сменовеховство?

И поскольку наша секция посвящена источникам и их интерпретации, то интересны суждения коллег об общих и частных проблемах интерпретации источников по истории Революции 1917 г.

И. М. Сапронов: Я остановлюсь на вопросах рабочей истории, заданных применительно к моему докладу. Начну с той цитаты, которую я взял из статьи И. М. Пушкаревой про кризисное положение в таком направлении историографии, как рабочая история. Что это, результат, собственно говоря, падения или этап выхода из прокрустова ложа

² Серков А. И. Русское масонство 1731–2000 : энциклопедический словарь. М., 2001. С. 440, 584.

марксистско-ленинской историографии? В подобном ключе задавать вопрос не совсем верно. Как мне кажется, изучать рабочее движение, безусловно, нужно, но как один из, может быть, ключевых элементов историографии истории XIX–XX вв. Разумеется, нельзя заикливаться лишь только на изучении рабочих как отдельной касты, отдельного направления. Это то, что называлось «рабочизмом» еще в среде политических работников конца XIX — начала XX в., у большевиков, у Ленина. Он называл «рабочистами» тех, кто увлекался изучением различного рода столовых, увеличением размеров коек, размеров углов, и т. д., и т. п. Как мне видится, сейчас направление историографии рабочей истории в России, к сожалению, идет именно по этому пути. Относительно недавно, в 2010 г. в издательстве «РОССПЭН» вышла книга под названием «“Не рублем единым”. Трудовые стимулы рабочих-текстильщиков дореволюционной России». Авторами этой коллективной монографии являлись Л. И. Бородкин, Т. Я. Валетов и другие искусные специалисты-историки. Это замечательное исследование на основе широчайшего архивного материала, на замечательных источниках фабрично-заводских, Ярославской большой мануфактуры и одной из подмосковных мануфактур, но... Во введении к этой работе сказано об определенной методологической направленности, которая задается априори; причем задается не самими исследователями, а Амстердамским фондом, который поставил перед авторами задачу проследить, каким образом работодатель заставляет рабочего работать, и не именно повышением заработной платы, а созданием различного рода досуга, улучшением его бытовых условий, разрешением ему пользоваться лесом вокруг фабрики, и т. д., и т. п. И целый коллектив замечательных историков занимается подбором этого материала, подбором таких источников. Эту работу иначе как работой по подноске патронов к чужим орудиям назвать достаточно тяжело. Поэтому все очень неоднозначно в этом направлении историографии.

В. Ю. Черняев: Игорь Михайлович, а все же кризис в историографии, с Вашей точки зрения, это плохо или хорошо?

И. М. Сапронов: Тот, который есть в историографии, — это не очень хорошо. Это заметно даже по списку докладов, представленных на этой конференции. Докладов, которые посвящены непосредственно рабочим, практически и не было. Вчера был заявлен один доклад именно по рабочим, а докладчика на пленарном заседании, если не ошибаюсь, как раз не было, что характерно. В любом случае, работы-то выходят. Дальше нужно общаться, находить общий язык и самим формулировать проблему, проблему историографии.

В. Ю. Черняев: Кризис — это показатель необходимости перемен и осознание этой необходимости. Поэтому кризис — это стимул к переменам?

И. М. Сапронов: Без перемен жизни не бывает. Но необязательно сначала падать в яму, в лужу, чтобы потом радоваться: оказывается,

из этой лужи можно встать. А можно туда просто не садиться. Если говорить об этапе выхода из прокрустова ложа марксистско-ленинской историографии, то так формулировать не совсем корректно. Если называть работу, коллективную монографию под авторством Минца, эти четыре кирпича, в качестве марксистско-ленинской историографии рабочего движения, истории «Великого Октября», то, безусловно, от этого лучше отойти. А если мы будем говорить про действительно марксистскую историографию 1920-х гг., я об этом вчера в своем кратком выступлении, кратком комментарии говорил, то здесь нужно, наоборот, обратиться к этим исследованиям. Я как раз сегодня принес одну из книг, изданную нами с товарищами из Центра международных исследований «Новый Прометей», — это работа В. И. Невского по истории РКП(б)³. Как мне кажется, это одна из ключевых книг для понимания этого диалектического процесса: с одной стороны, роста рабочего движения, развития капитализма в России, с другой стороны, естественно-исторического процесса формирования авангарда класса в качестве партии, классовой партии пролетариата. Вопрос в том, *когда* произойдет революция, а произойдет ли она стихийно или по призыву большевиков... откуда именно последует этот первый толчок революционный, для большевиков вообще никогда практически и не стоял. Об этом писал Шляпников, об этом писал Невский. Все они были уверены, что в процессе классовой борьбы происходит обострение определенных противоречий капиталистического общества, а каких противоречий, это сама материя, сам ход истории покажет и подскажет. Главное, что произойдет разрыв в общественном сознании, произойдет этот революционный толчок. Вот уже далее как раз большевистским активистам придется основываться на этих новых проявлениях жизни, чтобы с ними что-то делать, бороться за власть. О том, что большевики сами вызывают революцию, об этом никто никогда не говорил. Это бланкизм, то, что большевики критиковали у ранних представителей народничества. Вывод Маркса в «Капитале»: неизбежно в процессе классовой борьбы в капиталистическом обществе пролетариат должен взять власть и установить диктатуру пролетариата. Как мне кажется, это основное достижение Февральской, а самое главное Октябрьской революции 1917 г. И на практике это положение Маркса было доказано.

В. Ю. Черняев: И чем всё это закончилось?!!

И. М. Сапронов: Это другой разговор. Опять-таки разговаривать нужно будет, не ограничиваясь лишь территорией России, а рассматривая этот процесс в международном масштабе. Вот так бы я ответил на эти два вопроса.

Р. А. Хазиев: Вы говорили очень интересные вещи: «рабочизм», рабочий класс. У меня первый вопрос: а что, собственно, Вы понимаете

³ Невский В. И. История РКП(б) : краткий очерк. СПб. : ЦМИ «Новый Прометей», 2009.

те под рабочим классом, это для Вас аватарка или чем-то наполненная характеристика?

И. М. Сапронов: «Аватаркой» это точно не является. В «Манифесте [Коммунистической партии]» вполне конкретно об этом сказано: это определенная группа людей, которая живет с продажи единственного товара, которым она непосредственно обладает, т. е. своей рабочей силы. И именно в этом качестве, в качестве продавцов труда, рабочий класс выступает в общественных отношениях, прежде всего в производственных, экономических отношениях, определяющих все прочие отношения.

Р. А. Хазиев: Хорошо. А если посмотреть на это с социальной, ментальной, культурной, географической, гендерной, национальной точек зрения?

И. М. Сапронов: Конечно, нужно посмотреть на это с разных точек зрения. Но, так или иначе, рабочие-женщины или рабочие-мужчины — это для экономических, производственных отношений не имеет большого значения. Для машины не имеет значения, кто будет крутить педали, нажимать на кнопки. Самое главное — это сделанная работа и потраченное рабочее время, произведенная стоимость и отчуждение результатов труда работника капиталистом в форме прибыли, все остальное, безусловно, нужно изучать применительно к конкретным общественным изменениям. Разговор о гендерной сути «вообще», о каких-то психосоматических представлениях *отдельно* взятых рабочих, как мне представляется, вообще не является научным.

Р. А. Хазиев: А если в совокупности?

И. М. Сапронов: В совокупности, безусловно. Самый главный вопрос науки, общественной социологии заключается в том, какой момент общественного развития является определяющим. Ведь что-то движет развитием общества. Какой момент является определяющим?

Р. А. Хазиев: Как Вы относитесь к определению, что произошедшее в России — это крестьянская революция восточноевропейского типа. Вы говорите, гегемон, а в чем конкретно этот «гегемонизм» рабочего класса проявился в революции?

И. М. Сапронов: Именно про «гегемонию» я, если не ошибаюсь, ни слова не сказал. Я говорил про *неизбежность* установления диктатуры пролетариата в результате развития классовой борьбы и взятия власти [рабочими]. Это было сделано: во-первых, в результате создания государственной системы Советов, во-вторых, в результате установления власти партии-авангарда рабочего класса.

Н. В. Михайлов: Хочу продолжить тему о рабочих. На мой взгляд, вряд ли можно утверждать, что кризис сильно коснулся этой проблематики. Внимание, конечно, этой теме уделяется меньше. Но разработка проблем рабочей истории России продолжается, причем интерес, особенно наших зарубежных коллег, сейчас обращен более на советский период: на 1920–1930-е и 1950-е гг. Меньше стали интере-

сваться дореволюционной историей, но тем не менее этот интерес сохраняется в том числе и у российских исследователей. Конечно, проблематика изменилась. Советская историография сделала достаточно для того, чтобы показать протестное движение и положение рабочего класса. Знаменитый сборник «Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония» 1970 г. положил начало разработке социокультурной проблематики. Тогда, к сожалению, эта тема по цензурным соображениям не могла быть продолжена, но успешно возрождается начиная с 1990-х гг.

Тем не менее проблематика и дальше должна расширяться, потому что нельзя ограничиваться только историей протестного и революционного рабочего движения, бытом и повседневностью, а посмотреть на события рабочей истории с точки зрения истории труда, потому что это более широкая категория. Вы помните, в 1920-е гг. выходили сборники «Архив истории труда в России» и «Труд в России». Тогда на эту проблему смотрели более широко, и к этой позиции надо возвращаться, потому что иначе мы упускаем целый ряд мотиваций в поведении рабочих, которые без такого широкого взгляда не видны.

Что я имею в виду? Модернизация, индустриализация очень сильно поменяли все параметры труда, трудовую деятельность и повседневную жизнь рабочих вообще. Для крестьянина трудовой процесс — это вся его повседневная жизнь. Это цельная неделимая жизнь, это определенный ритм (суточный и годовой), отработанный веками. И место каждого члена крестьянской семьи, поскольку для крестьянина основная трудовая ячейка — это семья, в трудовом процессе было определено половозрастными особенностями и традициями. Свои освященные веками правила существовали в трудовой жизни общины, а также артели, которая создавалась крестьянами-отходниками, искавшими заработка на стороне, за пределами общины.

В городе, на фабрике крестьяне встречали совершенно другие условия труда, их повседневная жизнь менялась коренным образом, менялся трудовой ритм, роль и место в организации трудового процесса отличались кардинально от тех, к которым они привыкли в деревне. Одно дело — напряженный труд от зари до зари в период страды на природе, на свежем воздухе, который затем менялся на более спокойный период занятий домашним хозяйством, совсем другое — монотонный труд изо дня в день с раннего утра до позднего вечера в грязных, пыльных, вредных для здоровья цехах. Не менее остро реагировали пришедшие из деревни рабочие на изменение своего места, своей роли в организации труда. На фабрике положение рабочими зачастую ощущалось не только непривычным, но иногда и просто неприемлемым с позиций крестьянской трудовой морали и понятий о достоинстве человека труда.

В докладе И. М. Сапронов затронул очень важную тему. Те социокультурные различия, которые существовали в русском обществе

и были связаны прежде всего с сословным делением, на фабриках и заводах усугублялись наличием совершенно другого социокультурного типа в лице управляющих и мастеров иностранного происхождения. Если даже многие русские предприниматели, мастера и инженеры не понимали рабочих и часто невольно делали то, что вызывало у них протест, то иностранцы тем более не имели представления об особенностях менталитета русского рабочего. Многие из них не знали русского языка и использовали для общения с рабочими лишь несколько известных им матерных слов.

К примеру, когда управляющий фабрикой, англичанин (это реальный случай, описанный одним из фабричных инспекторов Владимирской губернии), в воскресный день заявлялся в заводскую церковь, не сняв с головы котелка, с собачкой на руках и с сигарой в зубах, он, не сознавая того, грубо нарушал все привычные православным правила и тем самым оскорблял присутствовавших на службе рабочих. Эта тема имеет большие перспективы, потому что вообще в России, в Петербурге в частности, работало колоссальное количество иностранцев. Это особая тема, которая нуждается в очень серьезном изучении в плане социокультурного взаимодействия. Могут только приветствовать разработку этой новой темы в рабочей истории, в истории труда в России.

П. Ю. Мажара: Несколько слов в качестве развития того, о чем говорил сейчас Н. В. Михайлов, — о кризисе архаичных институтов Российской империи, скорее, даже феодальной природы, нежели капиталистической. Я сейчас имел возможность ознакомиться с рукописью монографии профессора Санкт-Петербургского университета, марксиста по своим взглядам, занимающегося историей флота, К. Б. Назаренко. Она посвящена ситуации на Балтийском флоте в 1917 г. Надеюсь, что его книга выйдет осенью этого года⁴. В ней очень интересные наблюдения о расправах над офицерами, которые совершенных матросами в феврале 1917 г., и взаимосвязи между тем, на каком корабле служили офицеры, и количеством офицеров, с которыми расправились. Как показывает Назаренко, если судно было маломерным, где каюта общая, т. е. офицеры общались с матросами достаточно тесно, то там расправ над офицерами, как правило, не было. Расправлялись обычно над офицерами, которые служили не на маломерных судах, а на судах крупных размеров. Вот эти сохранившиеся архаичные пережитки сословной системы, в общем, еще скорее феодальные, если исходить из марксистских терминов, — они, по всей видимости, продолжали играть роль в России, которая, казалось бы, уже пыталась идти по пути капиталистического строительства. Видимо, это проявлялось не только среди рабочего класса, но и более широко в сословной, классовой структуре Российской империи на рубеже ее исторического исхода.

⁴ Назаренко К. Б. Балтийский флот в революции, 1917–1918. М. ; СПб., 2017.

Чжуан Юй: По поводу роли китайцев в Российской революции: в китайской историографии эта проблематика, можно сказать, еще не совсем раскрыта в связи с архивными источниками. Есть некоторые китайские историки, которые уже обращали на это внимание. По статистике китайской стороны во время Октябрьской революции и Гражданской войны всего от 30 до 50 тыс. китайцев воевали в России. Можно вспомнить очень известную фигуру — Ли Фуцин, который лично встречался с Лениным. Историк Ли Дончан написал монографию «Китайские работники и Октябрьская революция». Мой научный руководитель, профессор Пекинского педагогического университета написал статью об образе китайцев в Октябрьской революции. Еще есть, но с ним я не знакома, Се Цинмин, который написал несколько трудов, посвященных китайцам в Октябрьской революции. Стоит упомянуть, что сейчас мы все еще придерживаемся концепции Октябрьской революции, а по поводу концепции Великой Русской революции мы мало знаем.

В. Ю. Черняев: Скажите, пожалуйста, как при этом китайские историки оценивают участие китайцев в русской революции: положительно или участие китайцев было напрасно?

Чжуан Юй: Я думаю, что с китайской стороны все оценивают положительно, потому что китайцы тогда активно воевали в России, а некоторые даже в Белой армии, но в основном в Красной армии, которая в конце концов победила. Там был социализм, и мы тоже после Октябрьской революции принимаем социализм. Поэтому, естественно, положительно оцениваем.

В. Ю. Черняев: У нас в некоторых источниках упоминается участие китайцев в работе ЧК. Есть ли упоминание об этом в китайских работах?

Чжуан Юй: К сожалению, я не встречала. Мое исследование сосредоточено на 1950–1960-х гг. Поэтому, можно сказать, что революцией я интересуюсь, но мне еще надо продолжать свои исследования.

В. Ю. Черняев: Есть ли в Китае публикации воспоминаний китайцев, которые вернулись из революционной России в Китай?

Чжуан Юй: Пока нет.

Вэнсинь Линь: В Дальневосточном филиале АН в 2009 г. опубликована книга об истории китайцев в России, именно в этот период.

Т. Г. Зазерская: Относительно китайцев в России у А. Г. Ларина из Института Дальнего Востока есть хорошая книга «Китайцы в России: вчера и сегодня», вышла в Москве в 2003 г. Что касается участия китайцев в деятельности НКВД и т. д., в ГАРФе есть кое-какие сведения. Я смотрела материалы о латышах, но китайцы... Они боролись не за свою Родину. Так же, как для латышей, для китайцев это были чужие люди, это были враги. Палачом легко быть, когда это не твои родственники. Второе, я хотела бы ответить на вопрос, с какого времени западные державы перестали рассматривать Россию как равноправную.

Я не знаю, почему в нашей, российской, историографии, как-то отдельно все это рассматриваем: войну отдельно, революцию отдельно. Для меня это два процесса, которые связаны неразрывно. Даже Тома пишет своему премьер-министру в мае о том, что Февральская революция была направлена не только против самодержавия, но и против войны. А что такое для них был выход России из войны? Последствия вы знаете — все немецкие войска были туда переброшены. Они нас возненавидели всеми фибрами своей души. Поэтому мне кажется, что в Февральскую революцию они стали присматриваться, это еще были идеологические единомышленники, социалисты во Временном правительстве. Но когда 1 июля 1917 г. (по григорианскому стилю) началось наступление в Галиции, которое тут же захлебнулось, и немецкие войска в сентябре заняли Ригу, то здесь, мне кажется, для союзных западных держав Россия уже была врагом, поскольку идея сепаратного мира витала повсюду, на всех уровнях политической жизни России. Т. е., как только Россия (Временное правительство или большевики, все равно) заключает сепаратный мир, сразу же немцы идут в Европу. Ллойд-Джордж говорил Вандервельде, когда он ехал в мае в Россию, что ситуация критическая, немцы начали войну с помощью подводных лодок, нам осталось несколько месяцев. Это есть в его воспоминаниях. Одним из моих коллег вчера: да вы что, Америка же вступила в войну в апреле.

В. Ю. Черняев: Но у Америки тогда даже военного флота не было. Россию перестали рассматривать как равноправного союзника после неудачного летнего наступления на фронте?

Т. Г. Зазерская: Я думаю, что да. Потому что они понимали, что в стране наступает: нет ни власти, ничего, и что с немцами будет заключен сепаратный мир. Поэтому не друзья те, кто заключают с немцами сепаратный мир.

М. В. Ходяков: Я хотел бы ответить на два вопроса, которые Владимир Юрьевич поставил. Первый был обращен к Чжуан Юй: у Вас там что-нибудь про ЧК публикуют? А нельзя ни про ГУЛАГ, ни про ЧК. Поэтому и книг таких в Китае нет. Мы здесь пока что об этом можем беседовать. А второй вопрос: в 1918 г. голоднее же было, а почему революция не произошла? Мое представление, мое видение субъективно, не совпадает с мнением других коллег. Я бы сказал, что это было то, что сегодня назвали бы «социальным маневрированием». По-моему, Н. Н. Смирнов в первый день говорил: рассматривать большевиков как узколобых или твердолобых нельзя. Они маневрировали так, что сегодняшние власти могут позавидовать. Хотите Учредительное собрание, пожалуйста, получите Учредительное собрание, выборы провели. Некому работать, саботаж чиновников-управленцев, будем платить в 10 раз больше, лишь бы кто согласился занять места управленцев на заводе. Зарплата какого-нибудь инженера на Путиловском заводе была на порядок больше, чем у «красного» директора, т. е.

купим, если называть вещи своими именами. Вот этого «социального маневрирования» не было ни у царского, ни у Временного правительства. Они сидели, думали, что у них кредит доверия безграничен, а оказалось, что не так. Большевики в этом отношении оказались людьми очень практичными, несмотря на все теоретические марксистские установки. Там, где нужно было сделать так, чтобы телега ехала и работала, это делалось. И это один из социальных уроков революции для сегодняшнего политического руководства, которое, не знаю, извлекает или нет такие уроки, будущее покажет.

В. Ю. Черняев: Михаил Викторович, не соглашусь с вами насчет гибкости и «социального маневрирования» большевиков. В 1918-м рабочий голодал, умирал у станка. Хотя классовый паек для рабочего был значительно больше, чем для интеллигента и всех прочих. Рабочие жили в страхе потерять работу, средство существования. Предприятия закрывались, шла так называемая «разгрузка Петрограда». И большевики начали красный террор, чтобы сломить и рабочее движение, и протестные выступления.

М. В. Ходяков: Социальное маневрирование террора не исключает.

Б. Б. Дубенцов: Мне хотелось бы, во-первых, и я надеюсь, вы разделите мой порыв, высказать благодарность нашему уважаемому модератору за такое историографически выверенное и в научном отношении добросовестное проникновение в суть тех материалов, которые сегодня были оглашены на секции, а также за постановку вопросов, которые играют, по-моему, роль значительно большую, нежели та, что обусловлена всего лишь Вашими обязанностями, Владимир Юрьевич. Ибо такими вопросами Владимир Юрьевич, как я понимаю, обозначает возможные выходы частных исследований на более общие и, я бы сказал, в научном отношении более значительные проблемы. Но мне бы хотелось коснуться вопроса о крестьянской революции. Уважаемые коллеги, я хотел бы вам напомнить о ситуации с докторской диссертацией Константина Николаевича Тарновского, сегодня воспринимавшейся во многом, наверное, как трагикомическая, но когда-то бывшей чисто трагической. Я не знаю, переиздавался ли автореферат его первой докторской диссертации, посвященной историографии как раз аграрного развития предреволюционной России, и там он приводит признание Ленина о том, что власть «мы», т. е. большевики, брали со всем крестьянством и что ленинская установка на союз пролетариата с беднейшим крестьянством не сработала. Мы это хорошо знаем.

И вот здесь надо исходить из того, что, конечно, революция была чисто крестьянская, и без крестьянства — это урок, который большевики извлекли из событий 1905–1907 гг. — не могла победить. «Без» — это сразу отличало меньшевиков от большевиков. Я не хочу повторять общеизвестные вещи и углубляться в эту тему, но Октябрь 1917 г. в России, несомненно, есть крестьянская революция, тут никаких вопросов быть не может.

Другое дело, что обозначить роль пролетариата, роль рабочего класса нам сегодня стараниями таких многообещающих исследователей, каким перед нами сегодня предстал Игорь Михайлович, несомненно, можно. Конечно, здесь нужно учитывать соотношение столицы и периферии, но мы с вами понимаем, что, не оглядываясь на состояние деревни, брать власть было совершенно неуместно.

Теперь относительно неравноправности положения членов Антанты. Вы знаете, в литературе есть упоминания о том, что Британия, в отличие от Франции, не то чтобы третировала Россию, но не считалась с ней как с равноправной стороной еще в ходе войны. По мере того как в России нарастали трудности экономического плана, ее запросы на поставки разного рода оборудования и прочего из Британии возрастали, а британцы давали связанный кредит: мы вам даем деньги, но мы вам и диктуем, что вы на эти деньги у нас купите. В частности, есть версия, что как раз закупка оборудования в первую очередь для оборонной промышленности англичанами на удивление блокировались. Готовую продукцию покупайте, а средства производства мы вам продавать не хотим. Вот как раз уникальная ситуация, когда монополии, имея фантастический доход на рынке военных поставок, решили, несмотря на монопольную прибыль, инвестировать в технический процесс, обновление, а эти попытки оказались блокированы англичанами, это чрезвычайно важный момент.

Что касается вашего, Владимир Юрьевич, вопроса о 1918–1919 гг. Это вопрос комплексный. Соглашусь с Вами, Михаил Викторович, что в эти годы удерживать власть большевикам помогал не только террор. Для этого имелись и другие очень важные средства. Ольга Сергеевна, выступавшая сегодня на пленарном заседании, на мой вопрос, который, к сожалению, мне удалось ей задать только в кулуарах нашей конференции, ответила абсолютно утвердительно, что известная часть рабочих оказалась удовлетворена пайковой системой, что снимало самые крайние формы недовольства. А дальше, конечно, применялось маневрирование. Вы, Владимир Юрьевич, наверняка знаете, что Зиновьев был вынужден, может быть, скрепя сердце, разрешить полуторапудничество, и Ленин летом 1919 г. делал то же самое. Это и есть социальное маневрирование. И вопрос, чего больше следовало допустить — государственного обеспечения или же рынка, — это вопрос чрезвычайно сложный и интересный. В нашей с вами работе над 1919-м г. он будет занимать весьма большое место.

Таковы те соображения, которыми мне хотелось поделиться. Мне думается, что наша секция сегодня прошла плодотворно, по крайней мере мне лично довелось получить новую информацию по целому ряду вопросов, благодаря чему мое видение многих социально-политических и экономических процессов стало более содержательным, и мне хочется поблагодарить присутствующих коллег: спасибо большое!

В. Ю. Черняев: Что касается вопроса рабочая или крестьянская революция, то решающую роль и в феврале, и в октябре 1917 г. сыграли солдаты Петроградского гарнизона, в основном крестьяне, и среди питерских рабочих было много выходцев из деревни.

И. М. Сапронов: Все-таки я не соглашусь, что революция была крестьянская. Несмотря на то что решающее значение именно в победе большевиков сыграли симпатии солдат и крестьян, которые к октябрю 1917 г. были на стороне большевиков, но это не дает основания говорить о том, что революция сама по себе была крестьянская. Февральская революция была так или иначе буржуазно-демократической, а в результате Октябрьской революции к власти пришел авангард именно рабочего класса, а не крестьянства.

В. Ю. Черняев: Только рабочих в этом «авангарде рабочего класса» не было. Ленин, Зиновьев, Каменев, Троцкий были рабочими?

И. М. Сапронов: Вы говорите про верхушку, а Шляпников чем не рабочий, а Каюров чем не рабочий?

В. Ю. Черняев: Но они разве определяли политику партии?

И. М. Сапронов: Но вместе с тем, так или иначе, они являлись одними из основных кадров в построении нового государства.

В. Ю. Черняев: И чем жизнь обоих окончилась, знаем — расстрелом...

И. М. Сапронов: Это уже другой разговор.

В. Ю. Черняев: Разрешите всех поблагодарить за доклады, вопросы и дискуссию. Считаю, что сегодняшней дискуссией удалось создать интеллектуальное поле, где были высказаны разные точки зрения. Не во всем, не все друг с другом согласны, но, однако, поставлены вопросы, которые заставят о многом задуматься и, возможно, скорректировать точки зрения.

12 мая 2017 г.

Секция 5

РЕВОЛЮЦИЯ И КУЛЬТУРА

О. В. Игнатенко-Дэсанлис

**Революция в обложке:
от Пасхи до Распятия — 1917 год в России,
обратный литургическому циклу, в иллюстрированной
сатирической русской прессе**

Картина 1917 г., сложенная из наиболее ярких, в историческом анализе переломной эпохи, иллюстрированных сатирических журналов, представляет четкий хронологический событийный ряд. Не только по тематике, изображенной на обложках еженедельников, раскрывающей злободневность момента, но и в своей манере описания и своем *crescendo*, характерном усилении звучания трагедии разрушения, в противостоянии катаклизму, происходит обратный отсчет надежд и чаяний светлого и радостного созидания в атмосфере хаоса и отчаяния, от февраля до октября, с кульминационным траурным декабрьским аккордом. Обратный отсчет, но также и обратный натуральным процессам цикл, порожденный революционным сломом в астрономическом смысле.

Действительно, полифония различных публикаций петроградской сатирической иллюстрированной прессы, в большинстве своем, создаст удивительную партитуру на несколько регистров и на множество диапазонов. Но особенность этой «Мессы» заключается также в ее обратной, перевернутой сути. Первая революция и отречение царя связывалось с литургическим обновлением страны, соединением в евхаристическом таинстве с Христом, и Воскресением от гроба, совпадая с пасхальным весенним календарным периодом, затем «Грядущий», и после «Вера» в Революцию, претерпевающая множество испытаний на прочность, трансформаций в событийной реальности, и, как итог — «Слава Вышним...» — прославление над полем смерти, следующим за могильным крестом. Литургический цикл предстает в обратном порядке революционных событий 1917 г.: от Пасхи до Распятия, от Воскресения до Голгофы.

Стихотворение Максимилиана Волошина «Красная Пасха»¹ (1921) наиболее подлинно передает спонтанное и импульсивное живое восприятие этой эпохи современниками:

Зима в тот год была Страстной неделей,
И красный май сплелся с кровавой Пасхой,
Но в ту весну Христос не воскресал.

¹ *Волошин М. Красная Пасха // Красный Крым. Симферополь, 1921. 30 апр.*

Поэт, осознавший двойственность этой революции между манипулируемым пролетариатом фракциями максималистов и интеллигенцией, играющей с огнем, так охарактеризовал диссонанс ожиданий религиозно восторженной революционной России и историческими реалиями.

Сатирические журналы 1917 г., в основном петроградские, были практически между мартом и ноябрем 1917 г. свободны от какой-либо цензуры. Именно в этот полный свободы выражения период два сатирических издания выделяются из других своей экспрессивной смелостью художественных стилей и сюжетов.

«Новый Сатирикон», возглавляемый Аркадием Аверченко, публицистом и уже известным автором юмористических литературных зарисовок, воплотил свои литературные идеи и историческую хронику в обложке, благодаря таланту художников Ре-ми (Владимир Ремизов-Васильев), Алексею Радакову, Владимиру Лебедеву.

«Бич», в большинстве номеров иллюстрируемый знаменитым впоследствии художником Дени (Виктором Денисовым), отмечен с июня выдающимся редактором — Александром Амфитеатровым, происхождение последнего (сын протоиерея, закончившего свою карьеру с приходом коммунистов в ссылке) во многом определило глубокий детальный анализ религиозных вопросов, как и выбор этой тематики. Помимо Дени для «Бича» работали Синус (Иван Симаков) и Б. Антоновский, что придало журналу разнообразие художественных стилей.

Третий журнал, «Лукоморье», отличается классическим стилем и отражает непосредственно взгляд правой интеллигенции, религиозно настроенной визави революции. В журнале, возглавляемым Михаилом Сувориным, работали такие художники, как Френц, Сварог (Василий Корошин), Пэм (Павел Малютин), предлагая полихромные обложки. «Лукоморье» прекращает свое существование в августе 1917 г. в момент серьезных пертурбаций.

Революционная ситуация, в своей беспомощности средств вздоровления России, представлена в «Новом Сатириконе» от 17 марта 1917 г.², где Русь Святая (окруженная нимбом), бледная и слабая, принимает от дьяволена Сатирикона (эмблемы журнала) шоковую терапию — флакон с красной этикеткой, изображающей винтовки со штыками, комментирующей надписью в виде рецепта для больного «прописано 27 февраля 1917 г.».

Случайное календарное совпадение или же судьбоносное ожидание — революционные события весны 1917 г. сливаются с пасхальными торжествами: Воскресение Христа воплощает в мессианском масштабе долгожданное обновление, революцию, «снизошедшую с неба»,

² Новый Сатирикон. Пг., 1917. № 11. 4-я с. обл. Номер вышел с пометкой «Да здравствует республика!». Воспроизведение обложек журналов см. на цветной вклейке.

или же так долго обсуждаемую соловьевцами³ «Софию или Премудрость Божию», способную трансформировать мир. Пасхальный номер «Лукоморья»⁴ провозглашает этот новый мир: «Христос Воскресе, Да здравствует Свободная Россия!!..» с традиционной полихромной композицией пасхальной символики праздника, представленной в иконописном стиле изображения. Бог в сердце русской нации, жизнь которой проходит в пасхальном цикле. Пасха и Кулич, украшенные раскрытыми цветами (как на картинах Кустодиева⁵ и Филонова⁶) крашенные яйца — эти традиционные пасхальные атрибуты окружены белокаменной кремлевской стеной, создают идеализированный пейзаж.

Ю. Н. Потехин в статье «Физика и Метафизика Русской Революции» отмечает: «Ибо, подлинно, светлого Христа видел под знаменем Русской Революции А. Блок»⁷. Большинство интеллигенции и аристократии «фронды» зывали к государственным и церковным реформам, в чаяниях нового образа развивающейся и справедливой России, как они сами писали об этом в своих прокламациях. Эти чаяния перемен, замешанные на религиозном долге, в ходе революции трансформировались в бессилие перед хаосом и анархией, перед образом Антихриста за маской Христа. После отречения царя от престола надежда на революцию возрастает с новой силой. Из книги С. Булгакова, написанной в первый год коммунистов у власти, автор подчеркивает свою уверенность в нерушимой связи христианской миссии русского народа в первых революционных порывах, и горечь разочарования в последствиях — «кровавому разлитию революции и хулиганскому высшему безбожию»⁸.

Ожидание русского народа спасения, избавления от многовековых страданий, связаны с приходом Мессии, и страдания народа — с распятием Христа. В Воскресении Христа — в празднике Пасхи видится полное освобождение от несправедливостей этого мира, с чем отождествляется революция как пасхальный триумф воскресения русского народа. Примером тому является эпитафия этому же номеру «Лукоморья», стихотворение Сергея Михеева «Пасха Великая»⁹:

Когда-то все росинки слез собрав,
Свершилось таинство великого прощенья,
Христос воскрес и, смертью смерть поправ,
Принес земле любовь и воскресенье!

³ Соловьев В. С. Чтения о Богочеловечестве. СПб. : Азбука, 2000.

⁴ Лукоморье. Пг., 1917. № 9–11, апр. 1-я с. обл.

⁵ Кустодиев Б. М. Пасхальный обряд. Христосование. 1916 г. Бумага на картоне, темпера. 50 × 42 см. Астраханская картинная галерея.

⁶ Филонов П. За столом (Пасха). 1912–1913 гг. Бумага, масло. 37 × 47,5 см. Собрание Чудновских, С.-Петербург.

⁷ Потехин Ю. Н. Физика и Метафизика Русской Революции // Смена вех : сб. статей. Прага, 1921. С. 143.

⁸ Там же. С. 143–144.

⁹ Лукоморье. Пг., 1917. № 9–11, апр., 2-й тит. лист.

* * *

Я весь во власти сказочных чудес,
Я весь томлюсь в безгрешной, чудной мессе,
И все люблю... молюсь за все окрест...
И слыша сердцем крик: «Народ воскрес!...»
Шепчу растроганно: «Воистину воскрес!»

В этом же номере в стихотворении «В эти дни лучезарные»¹⁰ на подъеме прославления революции аристократ А. Семенов-Тян-Шанский¹¹ так описывает духовное обновление освобожденной страны:

О Русь великая! Столетняя страданья
Твоей души не подорвали сил
И в эту грозную годину испытанья
Единый дух тебя освободил.

За верною стеной твоей могучей рати
Переродилась ты не в стонах, не в крови:
Свободе, братству и любви
Ты распахнула дверь как вешней благодати.

О Русь свободная! Великою душою
Ты распри позабуди, дорогою прямою
Стремясь вперед туда, к заветным высотам,
Где правды и любви сияет новый храм.

Эта поэма очень значима в восприятии революционного образа начала 1917 г., его весеннего расцвета, веры в уже свершившееся избавление и освобождение Мессией, также в своем почти религиозном обращении к верным чадам революции. Стиль и тональность произведения соответствуют обложке с пасхальной символикой — спокойствие, умиротворенность, отсутствие агрессивных эмоций хаоса и анархии, не заставивших себя ждать и развернувших вскоре светлый и мирный, созидательный образ революции в обратном направлении — к гибели, смерти, погребению.

Следующая зарисовка революционных событий журнала «Бич»¹² непосредственно комментирует состояние церковного общества и отношения к нему в начале революционных событий. Этот специальный выпуск, отмеченный «о попах» и на обложке озаглавленный «Не мешайте Бога с попами», где духовенство, без сомнения, ассоциируемое

¹⁰ Там же. С. 5.

¹¹ Семья Семеновых состоит из ярких личностей, деятелей науки и государства, среди них — министр Николая II, а также знаменитый географ и исследователь Петр Семенов, открывший горы Тянь-Шань, и по декрету Николая II в 1905 г., «чтобы отметить пятидесятилетие его путешествия», фамилия ученого становится Семенов-Тян-Шанский. Его брат, Николай, играл значимую роль в создании указа «Об отмене крепостного права 19 февраля 1861 г.», см.: *Kolossov V. La Russie: espaces, villes, réseaux*. Paris : Editions du temps, 2007.

¹² Бич. Пг., 1917. № 18 (от окончания цензуры — 8-й), май. 4-я с. обл.

со старым режимом, становится сюжетом для сатиры, а реликвии монархии как символ самодержавия, портрет царя — носят пророческий для истории характер. Перед иконостасом из трех икон горит огромная свеча, среди стоящих на коленях выделяются монахи и казак. Иконостас состоит из трех образов — Николай II, царица с царевичем Алексеем (в виде иконы Пресвятой Богородицы с младенцем Христом) и благословляющий всех Г. Распутин. Название картины «У царских врат» подчеркивает двойной смысл названия земного и небесного правления. Таким образом, в мае 1917 г., пока еще в критике обожествления самодержавия революционно настроенная публика предрекает будущую канонизацию царской семьи, тогда как уже как пять месяцев Распутина нет в живых, а царская семья находится в заключении в Царском Селе, готовясь к страданиям — терновому пути для будущей канонизации.

Отождествление божественного с революционным в надеждах русской интеллигенции и в то же время антиклерикализм последней выразился в теориях и высказываниях Д. Мережковского и З. Гиппиус, в обвинениях «слепому подчинению самодержавию», на что обращает внимание А. Кренз¹³. Мистические размышления Мережковского — Гиппиус доходят до формирования группы мыслителей в «Религиозно-философских собраниях», к которым присоединяются В. Розанов и Д. Философов, жаждущих развить из религиозной критики русского православия духовно-мистический взгляд на фигуру Христа. Гиппиус приводит всю теорию к единому знаменателю — Христу, определив Его главной фигурой Святой Троицы и подчеркивая значимость сосредоточения молитв и всей веры вокруг Христа. Цитируя диалог с Мережковским, Гиппиус подводит все к его идее создания новой церкви, проявляя недовольство структурой современной¹⁴.

Радикализм проявляется в интеллектуально настроенных кругах и обостряет революционную ситуацию. Царь как помазанник Божий и, следовательно, связь церкви и государства, становятся поводом для карикатур, появляющихся на страницах сатирических журналов.

С момента свершения революционных идей новая эпоха должна провозгласить Парусию А. Блока, с Христом во главе народа¹⁵. Исследователь русской культуры Жорж Нива отмечает и сходится с С. Бердяевым в том, что русский максимализм и милленаризм вырастает из традиционной сопричастности литургической воскресной Парусии, и требует Божий мир на земле как на небе, и соглашаясь здесь же с другим философом, С. Булгаковым в феномене русского атеиста

¹³ *Crainz A. L'itinéraire religieux de Zinaïda Hippus // Cahiers du monde russe et soviétique. 1988. Vol. 29, N 3–4: Le christianisme russe entre millénarisme d'hier et soif spirituelle d'aujourd'hui. P. 451.*

¹⁴ *Гиппиус З.* Литературный дневник, 1899–1907. СПб. : Изд. М. Пирожкова, 1908. С. 366–367.

¹⁵ *Блок А.* Двенадцать. СПб. : Алконост, 1918.

конца XIX в. религиозного по своей природе, что проявляется в русской литературе того же периода в резком повороте ее героев от религии к атеизму и в восполнении религиозного порыва в его социальной замене на русский социализм¹⁶. Таким образом завершающее звено русского парадокса — верующий максималист и религиозный атеист-социалист. К революции «социалистов-атеистов», именно в таком варианте, запущенной В. Лениным в «Социализме и религии»¹⁷, присоединяется верующее православие в стремлении реализовать свой «максимализм».

Такой странный на современный взгляд миллениаризм, смешивающий Бога и революцию, религию и политику, интеллигенция и большевизм воспримут в новой форме, обратной традиционному литургическому циклу, ошеломляющих зачастую портретов. В июньском «Новом Сатириконе»¹⁸ появление «Мессии» во плоти принимает вопиющий характер. Развалившись в окружающем его хаосе, так долго ожидаемый всеми «Грядущий» с надменным видом взирает на зрителя, держит газету «Правду», т. е. истину... В ногах у него небрежно разбросаны книги «Право», «Логика», «Философия» и на особом месте «Капитал» Маркса, рядом с глобусом, намекая на мировую революцию. Название говорит само за себя — «Его программа» и пояснение происходящего в заголовке для монолога «героя нового времени» — «Под шумок революции». Высказывание самозванца, выдающего себя за Мессию: «— Вот все говорили: “грядущий” да “грядущий”!.. А вот я уже и “пришедший”!..» расставляет все свои места и вызывает горечь разочарования ложного избавителя. Художник Ре-ми (В. Ремизов-Васильев) в свойственной ему легкой и современной художественной манере обрисовал собирательный образ асоциального революционера у власти.

Пришествие долгожданного «Мессии» в образе большевика поражает своим размахом художественного изображения, усиливающего весь ужас впечатления. Большевик или атеист-социалист, взращенный на мистицизме и прагматизме русского общества, по мнению Пьера Паскаля — убежденного социалиста христианской доктрины церкви, находящегося в России в 1917 г., обвиняет социализм в неприятии религии христианства, тогда как христианство, замечает он, принимает социализм.¹⁹

¹⁶ Nivat G. Russie-Europe // La fin du schisme; études littéraire et politique. Lausanne : Ed. L'Age d'Homme. Coll. Slavica, 1993. С. 176.

¹⁷ Ленин В. И. Социализм и религия // Полн. собр. соч. 5-е изд. М. : Политиздат, 1968. Т. 12. С. 145, 146.

¹⁸ Новый Сатирикон. Пг., 1917. № 21, июнь. 1-я с. обл.

¹⁹ Французский славист Пьер Паскаль (1890–1983) — лейтенант в годы Первой мировой войны, после двух ранений на фронте оказался глубоко в российском тылу: в апреле 1916 г. он был назначен во французскую военную миссию, стал очевидцем многих знаковых для отечественной истории и культуры событий, отразив их в датированных записях, после его возвращения на родину оформленных

В. Ленин в «Социализме и религии»²⁰ также говорит об атеистическом социализме, но во всех случаях наблюдается интересное сравнение религии (христианства) и политической доктрины (социализма) в одном аспекте революционной базы. Такой атеизм в России во многом базируется на религии, что отмечает Ленин. Впоследствии портреты вождя пролетариата заменят иконы в «красных уголках» образовательных учреждений, явно используя религиозную традицию для политической доктрины нового общества. Жорж Нива в этой связи отмечает способность русской интеллигенции, фанатично верующей в прогресс, с религиозным жаром перейти к профанации и уничтожению Бога.²¹

И вот уже «пришедший» замахнулся на святое — десять заповедей. На обложке июньского «Бича»²² художник Дени (Денисов) смелыми штрихами изобразил разгневанного Моисея, под шквалом насмешек и агрессивных нападок стремящегося удержать свод законов. Рисунок выполнен в красных и черных цветах, красный цвет одежды законодателя Моисея вскоре станет главенствующим у большевиков, которые пока черной массой надвигаются на вождя библейского, изо всех сил стараясь столкнуть его с пьедестала. Название «Еще Посрамленный законодатель» поясняет ниже приведенный текст редакции журнала: «Большевики выражают недоверие Моисею, требуя пересмотра Скрижалей Завета на пленарном заседании Совета Рабочих и Солдатских Депутатов».

Прорываясь через красные знамена, с надписью: «Долой!» к долгожданной власти законодательства, с большевистской газетой «Правда», представитель большевиков выходит на главную сцену политических дебатов²³. Французский журналист Клод Анэ²⁴, был свидетелем этой манифестации 18 июня, на которой большевики продемонстрировали готовность сильной оппозиции с лозунгами против войны и за власть советам²⁵. Новые скрижали завета большевиков набирают вес и популярность в массах. Сын редактора журнала Александра Амфитеатрова, Владимир в «Русский дневник»: Pascal P. Journal de Russie 1916–1918. Lausanne : Ed. L'Age d'Homme, 1975.

²⁰ Ленин В. И. Социализм и религия. С. 142–147.

²¹ Nivat G. Russie-Europe. С. 174.

²² Бич. Пг., 1917. № 23 (от окончания цензуры — 13-й), июнь. 1-я с. обл.

²³ 21 апреля отмечены первые большевистские выступления против Временного правительства и последовавшая за этим нота Милюкова о продолжении войны до победного конца, что было использовано большевиками в программе с учетом изменения русских солдат в длительных военных действиях. Июльские дни большевистского натиска приводят к воцарению на политическом троне.

²⁴ Клод Анэ (наст. имя Жан Шопфер) (1869–1931) — французский журналист и писатель. В 1917 г. был корреспондентом парижских газет в Петрограде, аккредитованным при Временном правительстве, сумел собрать обширную оригинальную информацию, оформленную в книгу «Русская революция: хроники: 1917–1920»: *Anet C. La Révolution russe: chroniques: 1917–1920. Paris : Ed. Phébus, 2007.*

²⁵ «Большевики в июне становятся большинством в рабочем совете Петрограда» (Там же. С. 791).

Кадышев (Амфитеатров), написал стихотворение «Нежить»²⁶, — отклик петроградской интеллигенции на июньские события:

Ветер с моря воздух резко режет...
Он свинцом Невы волнисто заиграл...
Взбудоражил городскую нежить,
Вдоль по улицам погнал как черный вал.

Вот ползут — ползут змею гибкой
Сонмы нечисти, отравленной и злой,
И взлетает к небу злостью липкой
Крик надорванный: «Долой, долой, долой!»²⁷

Третьей июньской картиной, следующей за свергнутым библейским законодателем и завоеванием главного сценического места на политической арене возгласами «Долой!», становится гипербола большевистской силы — «Анархия» на обложке журнала «Новый Сатирикон» (№ 19). Свержение ставленника Божия и установление нового порядка через крушение и хаос резко меняют тон революционной дискуссии. Художник Ре-ми наполняет черной краской фон произведения и красным цветом кровопролития выделает образ Анархии с сильно деформированными человеческими пропорциями, отвратительного по своей натуре, с плодами своей сокрушительной деятельности — мешком монет и орудием уничтожения — дубинкой. Смелый, революционный стиль изображения художника Владимира Ремизова-Васильева выдает черты нового, революционного направления в искусстве — русского авангарда, точнее, художественной манеры зарождающегося экспрессионизма.

Следующий июльский номер «Бича» воплощает в прекрасных рисунках В. Бобышева и Б. Антоновского идеальный образ Девы-Революции²⁸ и его антипод²⁹. Лицевая обложка с Революцией, отождествленной с верой в светлое будущее и сравнимой в смелости порыва с картиной «Свобода, ведущая народ» Делакруа³⁰, контрастирует с обратным ожиданиям портретом торговой женщины на рынке, в ломотях нереализованных надежд, но в традиционном революционном берете, на обратной обложке журнала. Перевернутый цикл революции воплотился в женском образе, от светлого — к мрачному, от надежд на воскресение народа с Софией, Премудростью Божией, снизошедшей в мир — лицевая обложка, с надписью «27 февраля», и обратной стороной трансформированного политической реальностью этого же образа — «3–4 июля» — «Демократическая республика».

²⁶ «Нежить» — у славян собирательное имя потусторонней нечистой силы.

²⁷ Бич. Пг., 1917. № 25 (от окончания цензуры — 15-й), июнь. 1-я с. обл.

²⁸ Бич. Пг., 1917. № 28 (от окончания цензуры — 18-й), июль. 1-я с. обл.

²⁹ Там же. 4-я с. обл.

³⁰ Делакруа Э. Свобода, ведущая народ. 1830 г. Холст, масло. 260 × 325 см, Музей Лувр, Париж.

Октябрьский диптих «Бича» представляет нашему вниманию плод разочарований социалиста, террориста А. Савинкова³¹, убивающего плод своей идеологии «Коня Бледного»³², и с обратной стороны журнала пришедшего «Владыки наших дней» — «Его величество Хама I, взош<едшего> на пр<естол> 21 апреля, корон<ованного> 3–5 июля 1917 года»³³. На лицевой обложке в диалог с Савинковым вступает казак, предлагая ему лошадь покрепче, и сам Савинков, после избрания в депутаты от кубанских казаков, надеется на их поддержку. Надежда покидает на заключительном аккорде этого выпуска при знакомстве с воцарившимся у власти во всем великолепии. Бессилие августовского тандема Корнилова—Савинкова не без пассивности казаков (отказе следовать за Корниловым), как отмечает в своем знаменитом дневнике Джон Рид³⁴, и расплата, по мнению петроградской интеллигенции, в приходе к власти большевиков, в художественном мастерстве Сину-са (Симакова) и Дени (Денисова) приобретают выразительный собирательный образ разочарованной революционной социалистической интеллигенции и невежественной грубости захвативших власть большевиков.

Со свойственной ему экспрессией изображения художник Дени в ноябрьском номере «Бича»³⁵ в красных и черных тонах, в цвете кровопролития (красный фон), выдвигает траурную фигуру смерти, с заголовком «Октябрь 1917 года». Новый стиль в искусстве — экспрессионизм ярко проявляется в этом произведении и помогает зрителю прочувствовать трагедию итогов революционного года, распятие свободы, веры в всеобщее воскресение, большевиками у власти, закрывает всякого рода дискуссии на страницах сатирической иллюстрированной прессы.

Погребение России и панихида по ней в последних для 1917 г. декабрьских выпусках «Нового Сатирикона» и «Бича» завершают обратный литургический годовой цикл. Сорок третий номер «Нового Сатирикона» отмечен подзаголовком «Траурный номер». Обратная сторона обложки представляет страшную картину (рисунок А. Радакова), озаглавленную «Последнее завоевание революций»³⁶, где повешенная Россия (возникает сравнение с распятым Христом) подвергается мародерству, о чем свидетельствует диалог: «— Повесили Россиюшку-то?»

³¹ Борис Викторович Савинков (1879–1924) — революционер, террорист, российский политический деятель — один из лидеров партии эсеров, руководитель Боевой организации партии эсеров. Участник Белого движения, писатель (прозаик, поэт, публицист, мемуарист; литературный псевдоним — В. Ропшин). В 1909 г. создает свое произведение «Конь Бледный».

³² Бич. Пг., 1917. № 38 (от окончания цензуры — 28-й), окт. 1-я с. обл.

³³ Там же. 4-я с. обл.

³⁴ Reed J. S. Dix jours qui ébranlèrent le monde. Paris : Editions Sociales, 1958. P. 51–52.

³⁵ Бич. Пг., 1917. № 42 (от окончания цензуры — 32-й), нояб. 1-я с. обл.

³⁶ Новый Сатирикон. Пг., 1917. № 43 (спец. траурный номер), дек. 4-я с. обл.

Здорово... Спасибо, что сапожки-то оставили: поживимся...». Рисунок напоминает картину Иеронима Босха «Несение Креста» с гримасами окружающих Спасителя³⁷. Ожесточение в отношении к России изнутри страны достигает апогея, уничтожение вековых устоев правления и религии бескомпромиссно, новый послереволюционный мир безжалостен к прошлому и к настоящему, идет по жертвам к «светлому будущему». Характерная графическая манера художника в жестких и резких штрихах подчеркивает горечь утраты светлой надежды на обновленную Россию, сравнивая ее гибель с распятием Христа.

Лицевая сторона обложки этого же номера является перевернутым диптихом, начиная с погребения и заканчивая распятием — повешением России. Но здесь как распятие, надгробие помещено в центре композиции³⁸. Название рисунка художника Ре-ми лаконично: «И стало так...». Распятие Христа выдвинуто на первый план, криво установлено в поросшей травой земле как памятник на могиле. За этим черным и мрачным надгробием виднеется белоснежная Русь с церквями, соборами и домами, охваченная огнем, красно-серое от огня и дыма небо завершает пейзаж. Есть распятие и нет воскресения...

«Тридцать третий номер от окончания цензуры» (такой отсчет ведется в нумерации «Бича») и сорок третий официальный выпуск с пометкой «рождественский» снова выводит на сцену фигуру Смерти, но уже в ином образе³⁹. В тонком штриховом рисунке, в мрачных тонах художник Б. Антоновский предлагает заключительный аккорд революционной симфонии. Против света, спиной к зрителю возвышается над трупами, держа в одной руке символ уничтожения — косу и другой рукой благословляя уже убиенных, в виде литургического церемониймейстера Смерть в окружении трех ангелов, парящих над ней. Доксологический комментарий сопровождает эту мрачную церемонию «Слава в вышних Богу и на земле мир...», ставшую кульминацией обратной литургии 1917 г.

Конец 1917 г. с триумфом Смерти вместо Светлого Воскресения и нового преображенного мира, ожидание которого в начале года носило евангелический характер веры в освобождение народа Мессией, и сама Революция представлялась прекрасной Девой, быстро ставшей безобразной, а Мессия в реальности оказался «его величество Хамом».

Окруженная нимбом святости Февральская революция, провозглашающая «воскресение народа», идет в унисон с самой церковью, освобожденной от имперского авторитета, установленного в рамках подчинения Святейшему Синоду при Петре I, и готовит Собор для избрания патриарха свободной церкви (в чем совпадали взгляды большей части интеллигенции), претерпевает катастрофическую метамор-

³⁷ Босх И. Несение Креста. Доска, масло. 83,5 × 76,7 см. Между 1510–1535. Музей Изящных искусств, Гент.

³⁸ Новый Сатирик. Пг., 1917. № 43 (спец. траурный номер), дек. 1-я с. обл.

³⁹ Бич. Пг., 1917. № 43 (от окончания цензуры — 33-й), нояб. 1-я с. обл.

фозу к своему второму акту действия в октябре 1917 г., подводит под смертный приговор еще недавно Свободную Россию (после отмены цензуры) и погребает ее.

Снисхождение в ад после увиденных райских врат, когда «Жених», приготовив свое пришествие, спросил готовность дев, но Россия в революционной эйфории не приготовила лампаду... Девять месяцев, разделяющих февральскую революцию и октябрьскую, перевернули привычные устои и порядок общества, внесли анархию и кровопролитие, и даже крайний социалист-революционер, бывший террорист Борис Савинков отрекся от своих идей для подготовки контрреволюции, а те, кто говорил о мире против войны, окунулись в террор, вылившийся в гражданскую войну. Церковь и духовная интеллигенция, отошедшая от Бога, в ожидании Мессии получили «Пасху кровавую, без Воскресения».

Евангельской нитью пронизан весь ход революционных событий, обратный литургическому циклу. От Пасхи до Голгофы, в итоге освобожденный Варавва олицетворяет «Грядущего», и в этом случае именно Варавва (большевик), принятый за Мессию, в итоге отдает Россию и русский народ на распятие.

Ю. С. Филина: Мне показалось, когда я читала, что в докладе очень отчетливо звучит бердяевская идея о соединении религиозного и революционного в революции 1917 г. Что Вы думаете об этой идее и стоит ли ее апологизировать для современной исторической науки, если да, то как?

О. В. Игнатенко-Дэсанлис: Еще раз, может быть, я повторюсь, революционная пресса говорит сама за себя. Редактор был сыном священника, идея соединения религиозного и революционного прослеживается на обложках его журналов так или иначе. И такое видение Мессии, которое видели и историки, про которое писал Пьер Паскаль, звучит и в мемуарах. Вот и глазами интеллигенции Петрограда оно звучит очень емко.

Карнавальная модель массовой культуры как символ революции 1917 г.

Культуру периода 1917 — весны 1918 гг. можно квалифицировать как «карнавальную». Понятие «карнавала» было введено в научный оборот М. М. Бахтиным, который определял его как народную культуру периода средневековья и Возрождения, оппозиционную официальной христианской культуре¹. Им же были сформулированы и основные черты карнавальной культуры: связь с кризисными, переломными моментами в жизни природы, общества, человека; конкретно-чувственный характер зрелищ, наличие сильного игрового элемента при неразрывной связи с реальной жизнью; всенародный характер, освобождение от господствовавшей правды и существовавшего строя, временная отмена всех иерархических отношений, привилегий, норм и запретов, особый язык символов и форм².

Карнавальный характер культуры 1917 — весны 1918 гг. обусловлен рядом причин.

Во-первых, понятия «революция» и «карнавал» взаимосвязаны и имеют много общего. Исследователь А. Михайлюк считает, что сама концепция карнавала М. М. Бахтина была рождена опытом революции и Гражданской войны, но «переведена» на язык Ф. Рабле³.

Революция, как и карнавал, связана с периодом кризиса. Оба эти феномена означали временный отказ от господствующей правды, отмену всех иерархических отношений, привилегий, норм и запретов.

Главными участниками революции и карнавала является народ. Революции присуща карнавальность, так как «сам выход народных масс на площадь предполагает установление карнавального фамиллярного контакта, означает торжество духа освобождения (по крайней мере, от привычной рутины); ибо основные революционные акции — развенчание-увенчание, отмена прежнего иерархического строя, прежних моральных норм, осмеяние и уничтожение прежних святынь и т. п. — имеют прямое отношение к символике карнавала»⁴.

В карнавале, как и в революции, происходит растворение индивида в коллективе, он утрачивает способность к рациональному мышлению, к критической оценке действительности.

¹ *Бахтин М. М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и ренессанса. М. : Художеств. лит., 1990.

² Там же. С. 16.

³ *Михайлюк А.* Карнавал и революция [Электронный ресурс]. URL: <http://doxa.opu.edu.ua/Doxa7/211-220.pdf> (дата обращения: 15.03.2017).

⁴ Там же.

Революция и карнавал строятся по одной схеме: «Космос — Хаос — Космос», они схожи в «переворачивании» символических структур с ног на голову, во взаимной обратимости ценностей, релятивизме, цинизме, символике уничтожения⁵.

Можно также говорить о карнавализации, которая определяется как культурный и массовый поведенческий феномен, фундированный соответствующим типом образности. Так как сама революция задает фон карнавальности, то процесс карнавализации происходит во многих сферах жизни общества и государства в 1917 г., но наиболее ярко он проявляется в сфере культуры.

Во-вторых, для реализации карнавальная модели необходимы были ресурсы (человеческие, художественные, коммуникативные). Все это смогла обеспечить массовая культура, которая в период Первой мировой войны завоевала прочные позиции. Это объяснялось заинтересованностью со стороны властей в использовании ее пропагандистского потенциала, продолжающимся ростом городского населения и психологической потребностью общества в получении информации и в развлечении. А. Коен считал важным фактором формирования массовой (публичной) культуры развитие гражданского общества, а также расширение публичной сферы и изменение самих форм искусства в силу массовой мобилизации⁶. Мы указывали на процесс «профессионализации» массовой культуры и активизации ее диалога с элитарной культурой⁷.

1917 год ознаменовал новый этап в развитии массовой культуры. Изменилось ее место «в результате революционной ломки устойчивого баланса популярных субкультур»⁸. В императорской России она была на периферии духовной жизни, ведущие позиции занимала элитарная культура. Сужение сферы последней в ходе революционных событий создало условия для развития массовой культуры. Расширилось художественное пространство массовой культуры за счет неэстетических объектов, переноса деятельности художника на площади и улицы, где происходили основные события, где революционные массы пытались разобраться в них, высказать свое отношение на многочисленных собраниях, митингах, в манифестациях. Произошло количественное увеличение потребителей массовой культуры за счет активных и пассивных участников революции. Наконец, в активизации массовой культуры оказались заинтересованы власти. Идеологический фактор

⁵ Там же.

⁶ *Cohen A. J. Imaging the unimaginable: World War, Modern Art and the Politics of Public Culture in Russia 1914–1917.* Lincoln : University of Nebraska Press, 2008. P. 17–18.

⁷ *Купцова И. В. Художественная жизнь Москвы и Петрограда в годы Первой мировой войны.* СПб. : Нестор, 2004. С. 128.

⁸ *Лебедева В. Г. Судьбы массовой культуры в России. Вторая половина XIX — первая треть XX века.* СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2007. С. 175.

начал играть важную роль в политической жизни 1917 г. Власть отводила массовой культуре не только роль пропагандиста и агитатора, ретранслятора политического мифа, но и активного участника процесса формирования репрезентативного образа, формы коммуникации власти и общества⁹.

Для массовой культуры рассматриваемого периода были характерны: эстетический плюрализм (участие различных художественных группировок), многообразие форм, символическая размытость и отсутствие идеологической цельности, активный диалог с другими культурами, наличие (хотя и постепенно сокращающееся) свободы творчества.

Таким образом, карнавал в массовой культуре обрел свою форму.

«Карнавальный» вариант массовой культуры 1917 — весны 1918 гг. наиболее полно воплотился в форме революционного праздника, который рассматривался властью не только как механизм коммуникации с обществом, но и как способ легитимации, ритуализированная модель поведения советского человека, инструментарий для популяризации идеологии, развития революционной психологии народных масс. Революционный праздник выполнял важные функции: компенсаторную (праздник существовал как контраст серым будням и связанным с ними трудностями и проблемами); коммуникативную (праздник объединял и сближал людей, создавал новые формы общения), консолидирующую (праздник объединял общество вокруг единой идеи), ценностно-ориентационную (актуализировал ценностно-смысловой горизонт культуры), психологическую (праздник концентрировался на ценности жизни, способствовал расширению экзистенциального горизонта, был направлен на поиск экзистенциального смысла).

Для карнавальной культуры характерны игровой компонент и декоративная составляющая, через которые происходило усвоение массовым сознанием символов новой власти.

Можно сказать, что праздник стал тотальным экспериментом массовой культуры, в котором оказались заинтересованы как сменяющие друг друга власти, так и художники. Площадка праздника предоставляла место для всех и каждого, независимо от эстетических пристрастий.

Для «карнавальной» культуры в празднике была важна, в первую очередь форма, а не содержание, которое также изменилось после февраля 1917 г.: произошла реорганизация календаря, появились новые виды государственных праздников.

Первый вид праздников можно назвать революционными: праздник свободы (10 марта), день похорон жертв революции (23 марта), праздник Интернационала (день рабочих) (18 апреля), с 1918 г. — день

⁹ Шелаева Н. В. Формирование образа советской власти в российском обществе в 1917–1920-е годы: социокультурный аспект : дис... д-ра ист. наук. Саратов, 2014. С. 73.

русской революции (12 марта) и день рабочих (1 мая). Основная задача этого вида состояла в объединении различных социальных слоев населения и общественно-политических сил.

Второй вид праздников — патриотические, связанные с участием России в Первой мировой войне: Заем свободы (июнь — июль), «Праздник ударных батальонов» (14–15 августа). Их задачей была демонстрация патриотических настроений и сбор пожертвований. В 1917–1918 гг. формами праздничной культуры были: митинг-концерт, шествия, манифестации, демонстрации, митинги, народные гуляния. Праздник должен был охватить максимально большое количество людей, поэтому он представлял собой полицентрическое пространство. Хотя официально в Петрограде центром было Марсово поле, а в Москве — Красная площадь, локальные центры были размещены по всему городу.

В первые месяцы после Февраля праздники не отличались разнообразием, почти не содержали элементов театрализации и состояли из шествия под знаменами с оркестром и коллективного пения. Постепенно, ближе к 1918 г., они начали носить характер массовых театрализованных действий, посвященных важным революционным событиям. Праздники 1917 г. во многом отличались спонтанностью, отсутствием единого центра и сценария. Впервые эти признаки проявились в подготовке 1 мая 1918 г. Именно с этим праздником М. Рольф связывает появление новой эстетики, использование символики и атрибутики советской власти, массовые шествия, плакаты и агитационные конструкции, временные памятные сооружения и декорации¹⁰.

Особенностью первых послереволюционных праздников стала тесная связь с религиозными торжествами. Это нашло отражение в использовании крестных ходов и молебнов, сакрализации героев революции и мест их захоронения (организация похорон жертв революции 23 марта 1917 г. на Марсовом поле), участия духовенства. Слияние религиозного и политического сознания можно увидеть и в сравнении революции с Пасхой¹¹. Включение старого праздничного канона в советский праздник и революционную культуру позволило власти точнее донести до рабочих и крестьян не только смысловую, но и политическую символику и «облегчить коммуникацию новой власти с народом»¹².

Для карнавальной культуры характерен игровой компонент. Например, В. П. Лапшин отмечает участие в первомайской демонстрации 1917 г. ряженных, которые в «живых картинах» отображали события и лозунги времени. Одна группа была одета в национальные костюмы

¹⁰ Рольф М. Советские массовые праздники. М., 2009. С. 69.

¹¹ Колоницкий Б. И. Символы власти и борьба за власть. К изучению политической культуры Российской революции 1917 года. СПб., 2001. С. 82.

¹² Рольф М. Советские массовые праздники. С. 43.

народов, населяющих Россию, а другая изображала бывший царствующий двор¹³.

Как феномен культуры, специфику которого определяет эстетическое сознание, праздник тяготеет к чувственно-образному выражению своего идеального содержания, дабы человек не только умозрительно, но и эмоционально-телесно пережил осуществление праздничной идеи¹⁴. Праздник проявляется в ритуале, понимаемом как символическо-коммуникативное пространство и материально-знаковая основа ментального бытия праздника. Основу ритуала праздника составляют символы. Посредством символов повышается семиотический статус определенных предметов, личностей, событий.

В «карнавальной» культуре 1917 — весны 1918 г. символизация имела принципиальное значение. Именно через нее происходило усвоение массовым сознанием символов новой власти. Для украшения города к празднику использовались разнообразные средства массовой культуры: плакаты, лозунги, транспаранты. Формирование новой эстетики и семантики шло в процессе активизации диалога культур.

Можно увидеть активный диалог массовой культуры с народной. Традиционной формой их взаимосвязи был лубок. Лубок как форма массовой культуры, популярная в годы Первой мировой войны, постепенно утратил свое значение. Лубочные картинки оказались слишком малы для уличного пространства, поэтому они имели хождение в виде открыток (например, А. Постнова «Так вот что такое — императорский трон. Перед пугалом, значит, дрожали. Зачем же проклятую стаю ворон мы кровью своею питали?»; А. Радакова «Самодержавный строй»; его же: «Сказка о том, как жил-был царь Репка. В землю русскую засел крепко»). Но отдельные лубочные приемы (дробность формы, наличие больших текстовых фрагментов) начали активно использоваться художниками в написании плакатов (например, агитплакаты А. Апсита, выпущенные издательством ВЦИК в 1918 г.)¹⁵.

Другой формой диалога с народной культурой стало активное использование символов и героев народного эпоса: солнца, радуги, Жарптицы, богатырей, Георгия Победоносца, образов военных и колониационных подвигов из прошлого (Дмитрий Донской, Ермак). Например, в плакате Г. Пашкова использован образ святого Георгия — символ верности традиции и вера в неизбежную победу над злом¹⁶.

Активизировался диалог массовой и элитарной культур, проявившийся в эклектичном смешении элементов различных стилей. Напри-

¹³ Лапшин В. П. Художественная жизнь Москвы и Петрограда в 1917 году. М., 1983. С. 121.

¹⁴ Гужова И. В. Праздник как феномен культуры в контексте целостного подхода: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Томск, 2006. С. 14.

¹⁵ Бабурина Н. И. Искусство русского плаката XX века. Реальность и утопия. М., 2004. С. 76.

¹⁶ Там же. С. 52.

мер, в оформлении площадей и улиц к 1 мая 1918 г. использовались барочные и классические арки, обелиски, триумфальные ворота, трибуны¹⁷. Определенную стилизацию модерна можно увидеть в плакатах Д. Моора, В. Дени, С. Иванова. В советском плакате некоторые мотивы и символика стиля модерн использовались в ином идеологическом значении или обретали в соответствии с актуальным коммуникативным контекстом новые функции, определявшиеся политической самоидентификацией общественной жизни¹⁸. Например, часто использовались аллегории Свободы, Справедливости, Победы.

Для придания большей убедительности революционной символике происходил активный диалог между формами массовой культуры. Например, можно говорить и об активном заимствовании изобразительным искусством приемов игрового кино. Под влиянием киноискусства претерпела изменение перспектива: центральный объект в композиции стали давать крупным планом, часть изображения — обрезать рамкой, создавая тем самым эффект пространственного расширения и динамики¹⁹.

Наряду с процессом «цитирования» старых художественных образов и средств происходил естественный отбор и закрепление в массовом сознании новых символов. В дни Первой 1918 г. серп и молот получил широкое распространение в оформлении улиц. Их помещали на флагах, панно, плакатах, триумфальных арках. Например, М. Добужинский в проекте оформления Адмиралтейства нарисовал двуглавого орла с красной звездой вместо царской короны, держащего в когтях серп и молот²⁰.

Другим важным символом стал красный цвет — символ жизни, свободы, победы, цвет Интернационала. Например, к празднованию Первой 1918 г. Кутафья башня в Москве была обвита красной материей, вдоль Троицкого моста располагались два ряда красных флагов, в центре Троицкой башни — огромное панно с изображением могучего красного витязя²¹.

Актуализируется понятие нового героя — солдата, рабочего и крестьянина. Становление этих образов происходило постепенно. Н. И. Бабурин считает, что впервые визуальная апробация образа новых героев появилась в плакатах, посвященных военным займам, целью которых было формирование позитивного образа патриота²².

Важную роль в появлении новой символики обрело слово. Значительная агитационно-пропагандистская роль принадлежала лозунгам

¹⁷ *Немиро О. В.* В город пришел праздник. Из истории художественного оформления советских массовых празднеств. Л., 1973. С. 9.

¹⁸ *Бабурин Н. И.* Искусство русского плаката XX века. С. 79.

¹⁹ Там же. С. 48.

²⁰ *Немиро О. В.* В город пришел праздник. С. 13.

²¹ Агитационно-массовое искусство. Оформление праздников. М., 1984. С. 45.

²² *Бабурин Н. И.* Искусство русского плаката XX века. С. 48.

и призывам, которыми сопровождалась панно, плакаты, транспаранты. Таким образом, происходил процесс сакрализации текстов (Коммунистического Манифеста, слова «Интернационала» и революционных песен, высказывания политических лидеров).

Для усиления зрелищности в праздниках широко использовалась характерная для карнавалов XVIII–XIX вв. иллюминация. 1 мая 1918 г. на фасаде Николаевского вокзала в Петрограде ярко светились буквы лозунга «Да здравствует Интернационал!». Прожекторы освещали знамена, склоненные над братскими могилами Марсова поля²³. В искусстве светового оформления сочетались использование живого огня и электроосвещения.

Таким образом в «карнавальную» модель массовой культуры 1917 — весны 1918 гг. оказались вовлечены декоративное искусство, плакат, театр, музыка, скульптура. Карнавал дал массовой культуре импульс для развития, предоставил новые формы. Массовая культура смогла наладить диалог с народной и элитарной культурами, сохранив преемственность, обеспечить необходимое равновесие различных эстетических платформ, создать атмосферу сотрудничества власти и художников, сохранить свободу творчества и в итоге благодаря «карнавальной» форме обеспечить коммуникативное единство общества.

Говоря о «карнавальной» модели массовой культуры периода 1917 — весны 1918 гг., следует отметить ее отличие от классического карнавала. Кризисность эпохи, всеобщий характер массовой культуры, особый язык символов и форм не вызывают сомнения. Наличие игрового элемента можно увидеть как в создании искусственного художественного пространства, так и в активном использовании театрализованных представлений. Особенностью «карнавальной» культуры 1917 г. стала ее инициатива не снизу (как в средние века), а сверху, со стороны властей, которые стремились через включение в искусственную атмосферу «карнавала» приобщить народные массы к революции. Поэтому она не была оппозиционной, а, напротив, была частью официальной культуры.

Ю. С. Филина: У меня два вопроса. Первый — о расширении пространства массовой культуры до неэстетических объектов: какие неэстетические объекты имеются в виду? Заключительная фаза любого классического карнавала, как известно, это возвращение мира, восстановление обновленного порядка, поэтому второй вопрос такой: произошло ли это восстановление порядка в революционном карнавале, и если произошло, то когда? Или здесь была классическая схема «карнавала вообще»?

²³ *Немиро О. В.* Праздничный город. Л., 1987. С. 60.

И. В. Купцова: Что касается первого вопроса, мне кажется, что неэстетические объекты уже в культуре Серебряного века становятся эстетическими, и здесь я в первую очередь имею в виду, что объектами становятся улицы, площади, жилые помещения, автомобили и т. д. Что касается второго вопроса, то здесь, например, украинский исследователь Михайлюк говорит, что в этом есть проявление классичности карнавала, что порядок возвращается. На мой взгляд, в силу состояния общего хаоса в 1917 г. этого порядка во всех праздниках, в сценариях этих праздников я не обнаруживаю. Уже в 1918 г., наверное, да, такое логическое завершение есть, ощущение некой стабильности. Например, что касается 1 мая 1918 г. — это качественно новый тип праздника, который будет строиться по другим канонам. А в 1917 г., наверное, все же есть отличие от классического карнавала.

**Первая годовщина Октября:
«старое» и «новое»
в советской праздничной культуре***

«...Во время шествия, после пения Марсельезы, после горячих речей музыка вдруг заиграла плясовую, и жители пустились в пляс, прихлопывая радостно в ладоши»¹ — так описывал корреспондент газеты «Беднота» празднование первой годовщины революционного Октября в одном из сел Астраханской губернии. Празднование, начавшееся как революционное, продолжилось как традиционное народное гуляние. Подобный эпизод позволяет вернуться к вопросу, поставленному автором одной из классических работ по истории Французской революции: «...так ли ново революционное новаторство»². Как революция привнесла политическое содержание в традиционные празднования, как проходила борьба и взаимодействие между привычными народными ритуалами и формирующимися советскими празднованиями — эти вопросы рассматривались исследователями, в центре внимания которых находились, прежде всего, особенности формирующейся советской культуры³. Рассмотрение проблемы с позиций политической истории дает материал для размышления над одним из важных вопросов: в какой степени элиты формировали коллективное сознание, а в какой — опирались на уже сформировавшиеся у населения представления. Для ответа на этот вопрос необходимо рассмотреть элементы, из которых складывался советский праздничный канон. В данной статье это будет сделано на материалах истории первой годовщины Октября — наиболее масштабной политической акции Гражданской войны.

Для декорирования праздничного пространства как в столичных городах, так и в провинции использовались флаги, гербы с изображением серпа и молота, арки, еловые ветви. Корреспондент «Вестника жизни» писал о своем впечатлении от московского празднования: «От ели

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Политизация языка религии и сакрализация языка политики во время Гражданской войны» № 17-81-01042.

¹ *Алтаев Ал.* По деревням // Беднота. 1918. 23 нояб.

² *Озуф М.* Революционный праздник. 1789–1799. М. : Языки славянской культуры, 2003. С. 383.

³ *Sities R.* Revolutionary Dreams: Utopian Vision and Experimental Life in the Russian Revolution. New York ; Oxford, 1989; *Мальшева С. Ю.* Советская праздничная культура в провинции: Пространство, символы, исторические мифы (1917–1927). Казань : Рутен, 2005.

в воздухе носится ядерный, бодрящий запах. Пролетарские святки...»⁴. И после революции еловые ветви оставались квазисакральным символом. Популярность еловых ветвей в качестве важного элемента праздничного убранства можно объяснить и их дешевизной, и тем, что они и ранее были распространенным и типичным видом праздничных украшений: обычаем украшать еловыми и пихтовыми ветвями праздничное пространство города «восходил к дореволюционной религиозной православной (а от нее — к языческой, дохристианской) традиции, и стал еще до революции органичным элементом городской праздничной культуры»⁵. Традиционный элемент праздничной культуры, таким образом, использовался наряду с революционными символами — флагами, гербами, изображениями революционных «вождей»⁶.

Важной проблемой для организаторов торжеств была проблема оповещения горожан о праздновании. 6 ноября 1918 г. в 12 часов заводские гудки ознаменовали начало московского празднования⁷. Выбор подобного звукового оформления не был случаен. Как отмечает современный исследователь, после 1905 г. заводские гудки изменили свое назначение: если ранее они регулировали трудовой день рабочих, то в ходе Первой российской революции они стали сигналом к забастовкам, «перехватили «освободительную» функцию у набатных колоколов»⁸. Организаторы праздника использовали звуковой сигнал, закрепившийся в российской революционной традиции как призыв к протестным акциям.

Важность проблемы оповещения горожан о начале торжеств осознавалась и организаторами празднования в Петрограде, эта проблема была поставлена уже на первых совещаниях Центрального бюро организации октябрьских торжеств. 19 сентября 1918 г. председатель Петроградского совета профсоюзов Н. М. Анцелович говорил о том, что «надо разбудить обывательщину. Для этого (праздничный. — К. Г.) день начать следовало бы сильным колокольным звоном с громкими звуками трубы»⁹. Один из организаторов праздника говорил о необходимости учитывать настроения горожан, безразличных к политическому смыслу праздника, использовать привычные для них элементы ритуала.

⁴ Барбанов Н. Картины октябрьских празднеств // Вестник жизни. 1919. № 3/4. С. 116.

⁵ Мальшева С. Ю., Сальникова А. А. Российский провинциальный город 1920-х годов: визуализация «сетскости» // Визуальная антропология: городские карты памяти. М., 2009. С. 125.

⁶ Эта символика использовалась как в столицах, так и в провинции. Так, с. Бережное Шелтозеро было декорировано красными кумачовыми полотнищами, портретом В. И. Ленина, аркой, украшенной еловыми ветвями. См.: Дубровская Е. Ю. «Старое» и «новое» на страницах воспоминаний С. С. Ракчеева // Вепсы и их культурное наследие: связь времен. Петрозаводск: Карельский науч. центр РАН, 2011. С. 32.

⁷ Дашков Л. На празднестве Революции // Рабочий мир. 1918. № 18. 24 нояб.

⁸ Латин В. В. Петербург. Запахи и звуки. СПб.: Европейский Дом, 2009. С. 127.

⁹ Организация октябрьских празднеств // Северная коммуна. 1918. 21 сент.

Эта идея — привлечь дополнительное внимание к празднику с помощью привычного для горожан звука — была поддержана М. Ф. Андреевой, которая на заседании Петроградского Совета 24 сентября предложила использовать колокольный звон, «конечно, не церковный»¹⁰. На заседании представителей культурно-просветительных отделов 2-го городского района Петрограда 9 октября была высказана идея «поставить на площади большой колокол, сняв его для этого с какой-либо церкви, и звоном привлекать граждан для торжественного объявления значения торжеств»¹¹.

Если организаторы праздника в Петрограде предлагали использовать колокола, снятые с церквей, то в программе празднования Октября в Олонецком уезде колокольный звон напрямую связывался с сакральным характером праздника: в плане торжеств говорилось о том, что «в 9 час. утра во всех церквях уезда в течение 15 минут должен быть колокольный звон, который возвестит наступление великого праздника пролетарской Пасхи»¹². Отношение к празднику как к особому времени требовало и использования специфического звукового фона, воспоминанию о революции необходимо было придать сакральное значение. Трудно судить о том, насколько было распространено подобное представление, но его попытались воплотить в жизнь организаторы торжеств и в таком географически отдаленном от Петрограда и Петрозаводске городе, как Витебск. Вопрос о совмещении такого элемента традиционной праздничной культуры, как колокольный звон, с революционными лозунгами и плакатами обсуждался членами Витебской комиссии по празднованию годовщины Октябрьской революции¹³. Инициатива вызвала недовольство авторов «Известий ВЦИК»: «Мы думаем, это совершенно неуместно, хотя бы и для вящего торжества, пользоваться для пролетарского праздника этим специальным поповским инструментом»¹⁴. Публикация в центральной советской газете могла восприниматься как указание для организаторов торжеств в иных городах, но, по свидетельству корреспондента, давшего обобщенную характеристику празднований Октября в провинции, празднование годовщины революции в Воронеже сопровождал «колокольный пасхальный неумолчный перезвон»¹⁵. Представление о том, что празд-

¹⁰ Заседание Петроградского Совета 24 сентября [1918 года] // ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 10. Л. 2.

¹¹ Протокол заседания представителей Культурно-просветительных отделов 2-го городского района 9 октября 1918 года // ЦГАИПД СПб. Ф. 1817. Оп. 1. Д. 204. Л. 4.

¹² Программа празднования Отдела народного образования при Олонецком губсовдепе // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 2. Оп. 1. Д. 15/179. Л. 76.

¹³ *Шамиур В. В.* Празднества революции. Минск : Наука и техника, 1989. С. 26.

¹⁴ В провинции. Провинциальная хроника // Известия ВЦИК. 1918. 23 окт.

¹⁵ Советская провинция в великую годовщину (Обзор I-й) // Известия Тверского губернского исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1918. 12 нояб.

нование годовщины революции должно начинаться с колокольного звона, едва ли формировалось праздничными комиссиями столичных городов. Вернее было бы предположить, что отношение к празднику как к особому, сакральному времени было частью политического сознания организаторов праздника в различных городах.

Идея о том, что колокольный звон должен стать сигналом, созывающим горожан к празднику, не была воплощена в жизнь ни в Петрограде, ни в Петрозаводске, — начало праздника в обоих городах было ознаменовано салютами. Салюты были частью праздничной культуры России, начиная с эпохи Петра I, являясь своеобразным символом военных успехов Империи. Этот праздничный элемент был воспринят и после 1917 г. По мнению В. В. Лапина, «захват власти вооруженным путем, триумфальный характер празднований годовщин Октябрьского переворота — все это делало выстрелы органичной частью коммунистических торжеств»¹⁶. Салюты являлись и важной частью «царских дней»¹⁷.

В структуре празднований в различных городах заняли свое место обряды сожжений чучел врагов революции. Л. Д. Троцкий писал Л. Б. Каменеву о том, что уничтожение чучела В. Вильсона «должно иметь народный плебейский характер»¹⁸. Корреспондент «Бедноты» отмечал: «Давным-давно был у наших предков хороший обычай: праздновали наступление весны и жгли на этом празднике чучела зимы. Весна — новая жизнь, расцвет всех сил природы, а зима — смерть всего живого. Пролетарская весна началась в октябре и похоронила суровую зиму — старый мир, мир угнетения, мир, где хорошо жилось только дармоедам и где была вечная каторга для тружеников»¹⁹. В глазах корреспондента апелляция к опыту «предков» делала готовящуюся церемонию легитимной. Традиционный элемент российской праздничной культуры наполнялся политическим содержанием²⁰.

С сожжениями чучел нередко соединялся иной устойчивый элемент праздничной традиции — фейерверк²¹. Ю. В. Готье сравнил

¹⁶ Лапин В. В. Петербург. Запахи и звуки. С. 126.

¹⁷ Петрозаводск не был в этом отношении исключением: пушечные выстрелы начинали празднование 200-летия Петра I и открытие памятника основателю Петрозаводска в июне 1873 г. См.: *Капуста Л. И.* Праздники старого Петрозаводска // Север. 1993. № 6. С. 135.

¹⁸ Телеграмма предсовдепа [Л. Б.] Каменеву // Центральный государственный архив Московской области. Ф. 66. Оп. 3. Д. 814. Л. 5.

¹⁹ Гори догла, старый строй! // Беднота. 1918. 1 нояб.

²⁰ Подробнее об организации и проведении сожжений в первую годовщину Октября см.: *Годунов К. В.* Образы врагов революции в праздновании годовщин Октября: сожжение изображений противников (1918–1920 гг.) // Вестник Пермского ун-та. Сер. «История». 2015. № 2. С. 104–112.

²¹ «В XVII веке пиротехника уже прочно вошла в систему декоративно-оформительского искусства», — отмечает исследователь российской праздничной культуры (*Немиро О. В.* Праздничный город. Искусство оформления праздников. История и современность. Л. : Художник РСФСР, 1987. С. 157).

московские фейерверки с сакральным действием: «вечером (6 ноября. — К. Г.) была своего рода пасхальная ночь: у Хр[иста] Спасителя жгли фейерверк в течение около получаса...»²². Н. П. Окунев привел в своем дневнике иное сравнение: «Может быть, такого длинного и многофигурного сжигания огней Москва никогда и не видывала, или не видела со времен коронации Николая II»²³. Показательно, что оба москвича, весьма критично настроенные по отношению к большевикам, упомянули в своих дневниках о фейерверках — по всей видимости, эти акции имели определенный резонанс в городе.

Составным элементом празднований, как и до революции, стали церемонии открытия памятников. В соответствии с планом «монументальной пропаганды» российские и западные революционеры вспоминались как предшественники большевиков. Организаторы празднований использовали и образы эсеров — своих противников по социалистическому лагерю: в Москве был установлен памятник убийце великого князя Сергея Александровича И. П. Каляеву²⁴, а в Петрозаводске в честь казненного в 1908 г. за покушение на петербургского чиновника А. М. Кузьмина была переименована одна из улиц Петрозаводска²⁵. Организаторы торжеств апеллировали к субкультуре революционного подполья, в поле влияния которой находились и большевики, образы героев революции они не могли не использовать.

Важное место в празднованиях Октября занимали символы и ритуалы траура: коллективное пение «Вы жертвою пали...», посещение могил жертв революции были обязательной частью торжеств. Культ борцов за свободу был основой коммеморативного проекта в 1917 г.²⁶, этим важным элементом культуры революционного подполья не пренебрегали и организаторы первых советских праздников.

Характерной чертой празднования годовщины Октября стало участие в торжествах военных сил. В Москве войсковые части Красной армии начинали праздничную демонстрацию 7 ноября²⁷, а в Петрозаводске военные парады стали центральной частью торжеств во второй день праздника²⁸. Это не было уникальной особенностью советского праздничного стиля: связь военной культуры со сферой властных от-

²² Готье Ю. В. Мои заметки. М. : Terra, 1997. С. 194.

²³ Окунев Н. П. Записки москвича. М. : Военное изд-во, 1997. Кн. 1. С. 230.

²⁴ Памятники пролетариата // Вестник жизни. 1919. № 3/4. С. 120.

²⁵ Подробнее об образе А. М. Кузьмина см.: Волохова В. В. История братской могилы коммунистов в контексте политической жизни Петрозаводска в годы Гражданской войны // Ученые записки Петрозаводского гос. ун-та. 2017. № 3. С. 20.

²⁶ Колоницкий Б. И. «Товарищ Керенский»: Антимонархическая революция и формирование культа «вождя народа» (март–июнь 1917 г.). М. : НЛО, 2017. С. 102–122.

²⁷ Процессии Рабочих Красной Армии // Вечерние известия Московского Совета. 1918. 8 нояб.

²⁸ Празднование годовщины Революции в Петрозаводске // Олонецкая беднота. 1918. 20 нояб.

ношений была чрезвычайно сильна в императорской России²⁹. Участвовали военные части и в «праздниках свободы» 1917 г.

Важной частью празднований стали акции государственного попечения. Москвичам выдавались хлеб, конфеты, варенье, рыба, сливочное масло, для детей был организован бесплатный ужин³⁰. В Петро-заводске к празднику должны были быть организованы бесплатные обеды «для бедняков» и проведена «частичная амнистия»³¹. Устроители торжеств пытались проводить традиционную для российской власти политику кормления³², что было особенно важно в момент продовольственного кризиса. Праздник сохранял традиционное назначение — в необычайно тяжелых условиях Гражданской войны организаторы торжеств стремились сделать его временем отдыха, гуляний, угощений, наполняя эти элементы политическим смыслом.

Можно сказать, что большевики и их союзники, заявляющие о себе как о борцах с традицией, были вынуждены в первые годы своей власти и опираться на некоторые ее элементы. Некоторые из этих элементов формировались столетиями (это, в частности, касается обряда сожжений чучел), иные были частью субкультуры революционного подполья, получившей фактически государственный статус после февраля 1917 г.³³

Это подтверждает мнение некоторых современных исследователей о том, что советскую культуру межвоенных лет можно описать не только и не столько как момент разрыва со старыми культурными формами, но и как гибрид старого и нового³⁴.

Перед устроителями торжеств стояла задача вовлечения различных групп населения в празднования (неслучайно разнородные эле-

²⁹ Латин В. В. Трехсотлетие Дома Романовых и военные юбилеи начала XX века // 400-летие дома Романовых: политика памяти и монархическая идея, 1613–2013. СПб. : Изд-во Европейского ун-та, 2016. С. 164–181.

³⁰ Geldern J., von. Bolshevik Festivals. Berkeley ; Los Angeles ; London, 1993. P. 95.

³¹ [Протокол заседания Губернского Исполнительного Комитета 4 октября 1918 г.] // НА РК. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 19/141. Л. 199.

³² Т. С. Кондратьева пишет о советской системе распределения как о результате организации власти, «практикующей опеку и легитимирующей себя за счет кормленческой функции» (Кондратьева Т. С. Кормить и править: О власти в России XVI–XX вв. М. : РОССПЭН, 2009. С. 157).

³³ Тезис о том, что левым силам удалось навязать свой политический язык, символику и ритуалы иным политическим силам, обоснован в работе: Колонийский Б. И. Символы власти и борьба за власть: К изучению политической культуры российской революции 1917 года. 2-е изд., перераб. и доп. СПб. : Лики России, 2012.

³⁴ Исследуя особенности религиозного мышления в ранний советский период, К. Петрон приходит к выводу: «Советский случай укрепляет аргументы европейских историков о непрерывности, лежащей в основе даже самых интенсивных преобразований, и демонстрирует сложное взаимодействие традиционного с современным в межвоенный период» (Petron K. The Great War in Russian Memory. Bloomington and Indianapolis, 2011. P. 74).

менты праздника подстраивались под рабочих, красноармейцев, детей и подростков). В некоторых случаях организаторы праздника призывали использовать понятные и привычные для них элементам ритуала (Троцкий апеллировал к плебейской культуре, а Анцелович говорил о необходимости учесть позицию «обывательщины»). Вместе с тем не следует преувеличивать степень прагматизма элит, схема «власть формирует, а население усваивает предлагаемую политическую культуру» представляется не вполне точной. Сами организаторы находились в поле влияния предшествующих традиций.

Сходство символического сознания отчасти объясняет сравнительное единообразие элементов формирующегося праздничного ритуала в условиях отсутствия четких предписаний из центра, слабо налаженной коммуникации между городами, между столицами и регионами. Одновременно и независимо друг от друга организаторы праздника в различных городах действовали схожим образом. Ориентация на предшествующие традиции оказала на унификацию праздника не меньшее воздействие, чем целенаправленные усилия организаторов торжеств в Москве и Петрограде. Заимствуя разнородные элементы празднований, большевики вольно или невольно играли роли, отведенные им различными накладывающимися друг на друга политико-культурными традициями.

А. А. Бочаров: Пытались ли Вы сопоставить советские революционные праздники с практикой становления революционных праздников других стран, например, праздники Великой Французской революции, праздники в честь Верховного Существа?

К. В. Годунов: Напрямую я не сравнивал. Единственно, что в своей диссертации я использую исследования о праздниках Французской революции французских историков, потому что это действительно классика жанра — Линн Хант, Мона Озуф и т. д. Я пытаюсь проследить те случаи, когда сами организаторы ориентировались на Французскую революцию, в частности, практика сожжения чучел Людовика XVI.

**Революционная теория и практика
в изобразительном искусстве
(по воспоминаниям художника Н. Прахова)**

Революция 1917 г. изменила не только политические институты в России, но и сильнее всего повлияла на культурную жизнь страны. После прихода к власти большевиков в октябре 1917 г. был взят курс на смену традиционной культурной парадигмы. Первым новым органом власти, отвечавшим за культурное строительство, стала Государственная комиссия во главе с А. Луначарским. Декрет об уточнении ее функций (от 9 ноября 1917 г.) дает нам возможность увидеть, что создавалась она в атмосфере ожидания Учредительного собрания¹. Так же, на тот момент, со стороны Луначарского существовали надежды на сотрудничество с прежним министерством: «Текущие дела должны пока идти своим чередом через Министерство народного просвещения»². Но этим надеждам было не суждено оправдаться: Министерство просвещения категорически отказалось иметь дело с большевиками. Комиссар был вынужден в экстренном режиме подбирать кадры для руководства культурой. Параллельно с Государственной комиссией начинался создаваться Народный комиссариат просвещения, к 1919 г., когда он был готов взять на себя функции руководства культурой, Государственная комиссия была ликвидирована.

В данной статье, используя материалы Н. А. Прахова, искусствоведа, художника и выдающегося мемуариста, мы рассмотрим процесс формирования культурной политики в г. Киеве, то, как художественная интеллигенция отреагировала на новую власть, какие существовали идеологические установки в среде художников. Фонд Н. А. Прахова хранится в отделе рукописей Третьяковской галереи, включает более 1900 единиц хранения за 1859–1982 гг. Большинство документов, приведенных в статье, вводится в научный оборот впервые. Н. А. Прахов являлся одним из организаторов первого профсоюза художников в Киеве в 1918 г.³ Несмотря на давнее знакомство с представителями отечественной социалистической среды (за время пребывания на о. Капри он познакомился с М. Горьким, А. Луначар-

¹ Декреты Советской власти / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС; Ин-т истории АН СССР. М. : Политиздат, 1957. Т. 1. С. 59.

² Там же. С. 61.

³ См.: *Красовицкая Т. Ю., Филина Ю. С.* «Пробудившиеся утром киевляне были буквально ошеломлены изменившимся за одну ночь видом города»: Воспоминания художника Н. А. Прахова. 1918–1919 гг. // Отечественные архивы. 2015. № 1. С. 96–115.

ским и др.), сам Прахов не проявлял себя как социалист или большевик. В воспоминаниях об А. А. Мурашко⁴ он пишет о мечтах новой постановки художественного дела и переноса Академии художеств из Петербурга в Киев: «Конечно, в условиях “царского” времени нечего было и думать о реальном осуществлении такого плана. Нужна была Революция, близость которой никто из нас, в то время, по-настоящему не предполагал»⁵. Революцию (как февраль, так и октябрь) художник застал в Петрограде, но уже к концу декабря был в Киеве. Там его встретили А. А. Мурашко и А. Г. Лазарчук-Комарь⁶, предложившие создать профессиональный союз художников: «Если мы будем сидеть, сложа руки, <...>, мы будем распотрошенными единицами, с нами никто не станет считаться, ну а если встретим новую власть как одно объединенное профессиональными интересами целое, с нами вынуждены будут считаться как со всякой рабочей организацией»⁷. При этом Прахов следующим образом формулирует свое отношение к большевикам: «Я думаю, это единственная власть, которая опирается на рабочих и крестьянские массы, а не на буржуазию и иностранных интервентов. Мне кажется, что только она не даст расхватать по кускам нашу Родину»⁸. В этом фрагменте четко обозначено, что его более волновал вопрос единства страны, а не те идеологические концепции, с которыми шли большевики.

А. А. Мурашко вложил много сил в развитие киевской художественной жизни, в 1909–1912 гг. он преподавал в Киевском художественном училище, а после революции развернул еще более активную деятельность. С Праховым А. А. Мурашко был связан родственными узами: они были женаты на сестрах Анне Августовне и Маргарите Августовне Крюгер. Жизнь его оборвалась неожиданно и трагически в 1919 г., он был убит выстрелом в затылок. Существует версия, согласно которой он стал жертвой «интеллигентских чисток»⁹. За неделю до смерти А. А. Мурашко был арестован и отправлен на принудительные работы. По словам М. А. Крюгер, она «была рада, что он не в «Че-ка», а в Дарнице, где в этот чудный майский вечер должно было быть очень хорошо»¹⁰. «Среди судей в вагоне»¹¹ (в рядах чекистов) А. А. Мурашко

⁴ Александр Александрович Мурашко (1875–1919) — художник, педагог и общественный деятель, племянник Н. И. Мурашко.

⁵ ГТГ. Отдел рукописей. Ф. 220. Д. 43. Л. 22.

⁶ Андроник Григорьевич Лазарчук-Комарь (1870–1934) — художник, педагог и просветитель.

⁷ Красовицкая Т. Ю., Филина Ю. С. «Пробудившиеся утром киевляне были буквально ошеломлены изменившимся за одну ночь видом города». С. 100.

⁸ ГТГ. Отдел рукописей. Ф. 220. Д. 43. Л. 23.

⁹ Сидельникова Е. Александр Александрович Мурашко // Архив. URL: https://archive.ru/artists/66011~Aleksandr_Aleksandrovich_Murashko

¹⁰ ГТГ. Отдел рукописей. Ф. 220. Д. 44. Л. 73.

¹¹ Там же. Л. 78.

увидел М. Л. Бойчука¹², которого Ю. А. Лавриенко, литературовед и публицист, включил в «расстрелянное возрождение». После непродолжительного ареста Александра Александровича постигло тяжелое разочарование, ему «стала противна служба в редколлегии «Всеиздата», где служил и Бойчук»¹³.

Вернемся в 1918 г. Профсоюз художников был создан буквально за несколько дней и принялся за дело сбора художественных сил под знаменем новой советской власти. В его состав вошли художники разных течений и взглядов (первыми присоединились архитектор С. И. Германович, художники М. А. Козик и П. Д. Жалко-Титаренко), в том числе художники Култур-лиге¹⁴.

В феврале 1918 г. художниками в Киеве был образован Художественный Комиссариат: «Экстренное собрание Киевских художников, созванное 19 февраля 1918 г. инициативной группой (Бурачек, [Жук], Прахов), признавая художественные произведения общенародной ценностью, а самый класс художников подлинно пролетарским, постановило: немедленно организовать в городе Киеве Художественный Комиссариат при Украинской Народной Республике Рабочих, Солдатских и Крестьянских депутатов в целях: во-первых — реальной охраны от дальнейших расхищений и разрушений художественных собраний (как общественных, так и частных), художественных зданий, церквей, памятников старины, книгохранилищ и прочих культурных ценностей страны, и, во-вторых, в целях защиты классовых интересов художников и лиц свободных артистических профессий. Для осуществления этого постановления общее собрание избрало [Комиссаром по Художественным делам] худ[ожника] Николая Адриановича Прахова и в помощь ему совет, состоящий из представителей существующих в Киеве художественных организаций, по одному человеку от каждой, каковому поручается избрать из своей среды [двух помощников] Комиссара, казначея и секретаря»¹⁵. Первый вопрос, за который взялась художественная общественность вне зависимости от взглядов, — вопрос охраны памятников.

Однако Н. А. Прахов недолго пробыл комиссаром по причине обостренного национального вопроса: «К концу собрания, избравшего меня народным Комиссаром искусств, явился профессор Григорий Григорьевич Павлуцкий¹⁶ и, узнав в чем дело, — обрушился резко и гневно на

¹² Михаил Львович Бойчук (1882–1937) — художник-монументалист и живописец, педагог. Расстрелян в 1937 г.

¹³ ГТГ. Отдел рукописей. Ф. 220. Д. 44. Л. 79.

¹⁴ Култур-лиге (Лига еврейской культуры) — созданная в 1918 г. организация, ставившая задачу развития образования, еврейской литературы, театра, музыки и изобразительного искусства.

¹⁵ ГТГ. Отдел рукописей. Ф. 220. Д. 265. Л. 5–5 об.

¹⁶ Григорий Григорьевич Павлуцкий (1861–1924) — историк искусства, исследователь древнего украинского зодчества, иконописи.

присутствовавших в собрании художников, преимущественно украинцев, г. Нарбута, Бурачека, Жука и М. А. Козика, со словами (по-украински): “Что вы тут делаете, какого-то Народного комиссара искусств выбрали! Вот погодите, скоро вернется батько Петлюра — он вам покажет этого комиссара!”. Произошло общее замешательство. Украинцы стали между собою перешептываться. Видя их явный конфуз и чувствуя весь комизм своего и общего положения — решил прийти к ним на помощь и обратился к собранию с такими словами: “Дорогие товарищи — вы оказали мне высокую честь, избрав единогласно «Народным комиссаром искусств Украины», сейчас вас смутило выступление Григория Григорьевича и вы не знаете как быть? Позвольте мне вывести вас из этого затруднительного положения — по вашей воле ровно 20 минут я был «Народным комиссаром искусств» — разрешите теперь самому сложить с себя полномочия и еще раз поблагодарить Вас за честь”. Украинцы сразу повеселели и вышли вместе с Г. Г. Павлуцким¹⁷».

А 12 июня 1918 г. в Университете св. Владимира в г. Киеве, а затем в помещении Киевской художественной школы начал свою деятельность Всеукраинский съезд художников, где Н. А. Прахов как избранный представитель товарищества Киевских художников произнес следующую речь: «Жизнь становится звериная. Человек человеку сделался действительно волком. Ниагара человеческой крови, так расточительно щедро пролитой на фронте, весенним половодьем хлынула на родную землю. Затопила города, деревни, села, отуманила разум, опьянила волю и в стихийном порыве смела и сметает и тысячи человеческих жизней и то, что в них всегда было, есть и будет самым ценным: культурные начинания современников, культурное наследство предков. Гибнут художественные, научные ценности, темной толпой, обманутой и обманываемой демагогами всех цветов и оттенков, уничтожается народное богатство, сжигаются книги, рвутся картины, бьется редчайший фарфор и, нарождающиеся в этом вихре низменных страстей и инстинктов, новые нации и вскормившая их страна — кажется кубарем летят в пропасть духовного банкротства. Ружья, пулеметы, ручные гранаты, снаряды чередуются с мукой, сахаром, воблой, и весь этот пестрый хоровод существовавших и раньше, но где-то под спудом, поднятый — вдруг сделался центром современной жизни, ее “краеугольным камнем”. Так — жить нельзя! Мы — люди свободных художественных профессий, — испокон века работающие для всего народа, не отдающие свое дарование, свое общественное чутье на службу интересам правительства, политических партий и политических групп — в годину общественного бедствия не имеем нравственного права быть инертными, не смеем молчать! Нас всех, носителей и провозвестников культуры, объединяет единая задача — защита жиз-

¹⁷ ГТГ. Отдел рукописей. Ф. 220. Д. 265. Л. 22–22 об.

ни. По-разному подходят к ее разрешению — врач и юрист — солдат и священник, мы же — деятели искусств — к какой бы национальности, роду и племени ни принадлежали, разрешаем эту великую задачу тем, что по мере своих сил, темперамента и таланта — прославляем жизнь — будим мертвых! Бессмысленные мечтатели, Дон-Кихоты всех стран, чаще всего ценимые современниками после смерти, мы <...> не можем быть равнодушными зрителями гибели общечеловеческой культуры — не смеем молчать! Далеким от политики, как “граждане” (а не художники), по-разному понимающие ведущее к общему благу государственное устройство, в деле искусства, в деле защиты от узко-националистического шовинизма (чей бы он ни был), культурного наследия предков — мы не имеем нравственного права быть только “публикой” — довольно молчать! Наши “профессиональные интересы” не суточный заработок, не продолжительность рабочего дня! — наши “профессиональные интересы” — защита защитника жизни искусства от навязываемых ему политикой, чуждых его природы — “тенденций и целей”. Наши “профессиональные интересы” — защита всякой художественной деятельности от казенной регламентации и чиновной опеки. Наши “профессиональные интересы” — подъем художественного образования и интереса к искусству и в, так называемом, простом народе и в правящих кругах так редко понимающей нас — интеллигенции! Наша национальная, общеукраинская, государственная задача: “Свое, глубоко-национальное, поднять до значения общечеловеческого”. Пусть жизнь тяжела, пусть общественная атмосфера отравлена сомнениями <...> и, чем неопределеннее будущее, чем мрачнее опутавшие нас сомнения — тем громче должны звучать ободряющие слабых духом наши слова, тем ярче должны быть наши переживания, тем смелее жесты, тем жизненнее и шире должны быть наши начинания, наши решения! Наш долг перед родиной объединиться, без различия национальностей, на реальной, творческой работе — на благо не понимающего нас еще по нашей, и может быть наших предков, вине народа. Только тогда, умирая, мы будем иметь право подумать, что прожили не зря»¹⁸.

В подготовительных материалах к съезду (неизвестно, были произнесены эти слова или нет) Прахов в условиях, с одной стороны, подъема национальных чувств, а с другой — стремления сохранить взаимоотношения с Россией, пытался наладить диалог между представителями художественной общественности: «Мы слышали от г. Министра Народного Просвещения и Искусств об его полной “готовности прислушиваться к голосу съезда, как голосу деятелей искусства, работающих на благо дорогой нам всем Украины”. Это хорошее предзнаменование и, если г. Министр Искусств и, что особенно важно, Департамент, будут в своей деятельности руководствоваться желанием

¹⁸ Там же. Л. 17–21.

облегчить нашу работу, призвать к строительству новой жизни, нового украинского искусства и культуры все живые силы страны — растает окончательно та ледяная стена взаимного недоверия, которой разделила два братских народа неумелая, любительская политика»¹⁹.

К 1919 г. остро встает вопрос о «левых» художниках. В Москве отделу ИЗО Наркомпроса начинают предъявлять обвинения в излишней левизне. Одним из современников, охарактеризовавших ситуацию, стал С. А. Транцеев²⁰: «То недоверие со стороны разного рода общественных организаций к отделам Изобразительных Искусств, в сильной мере должно быть отнесено к левому течению в искусстве, охарактеризовавшему общим именем футуризма, хотя некоторые течения левого направления в искусстве ничего общего с ним не имеют. Скандальная слава, приобретенная отделом Изобразительных Искусств в первые дни своего существования, это недоверие усилила еще более»²¹.

В Киеве также ставится вопрос о «левизне» в искусстве. Проходит собрание «Левого блока художников». Доклады на этом собрании ставят уже иные проблемы перед художниками. Если в предыдущих акцент делался на необходимости объединения сил, охране дореволюционных памятников и установлении первичных контактов с новой властью, то теперь новая власть выступает в качестве препятствия для культурного прогресса: «<...> на этой самой земле мы окружены врагами. Вчерашние освободители нашего политического тела сегодня еще являются наиболее нетерпимыми антагонистами освобождения тела-плоти и бесплотного “духа” — синтеза всех революционных дерзаний»²². Более того, Н. А. Прахов, говоря о безусловном размахе активности и плодотворности момента в искусстве, прямо указывает на художественную неграмотность представителей партии большевиков: «никогда еще, казалось, не открывалось такого простора нашей творческой мысли и никогда еще фактически не стояло перед нами столько разнообразных [нрзб.] и препятствий, создаваемых на каждом шагу врагами всякого прогресса — безграмотными в области искусства партийными доктринерами. Политическое освобождение, которое мы — по самому свойству художественной души — вечно революционной, встретили с восторгом, как предвестника духовного раскрепощения — в сущности мало в чем изменило наше положение. Изменилось название нашего органического врага — роль невежества знати взяло на себя невежество партий, что по существу ничего не меняет. Полицейская опека над искусством старого строя заменяется партий-

¹⁹ Там же. Д. 266. Л. 29.

²⁰ Сергей Александрович Транцеев (1881–1942) — архитектор, в 1918–1923 гг. директор Государственной Петергофской гранитной фабрики, в 1923–1928 гг. директор Государственного фарфорового и стеклянного завода.

²¹ ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 23. Д. 117. Л. 54–55.

²² ГТГ. Отдел рукописей. Ф. 220. Д. 270. Л. 1 об.

ной опекой нового, сохранившего даже, в силу политического атавизма, навыки своего предшественника <...>. Разве это не та же трагедия души, которую мы переживали при царизме? Скалозубы — нашедшие приют даже в Красной армии, диктуют художникам»²³.

Одной из тем, поставленных на собрании, стал вопрос о пролетарской культуре. Киевские художники, объявившие себя «пролетариатом от искусства», не разделяли стремление Пролеткульта²⁴ заменить их непосредственно рабочими. «Разве не на них — людей с партийным мандатом в кармане и партийными лозунгами в голове обрушит свой праведный гнев мировой пролетариат, когда поймет, что вместо всевропейского знания, роднящего его с человечеством, ему подсовывают освеженные бутерброды буржуазной идеологии! Разве не мы, художники всех родов изобразительного искусства, несем на себе всю ответственность за будущее пролетарской культуры, за лицо того искусства, которое родится на освобожденной земле»²⁵. Пролеткульт изначально не встретил поддержки со стороны В. Ленина, соответственно А. Луначарский был вынужден ограничивать автономию, к которой так стремилась организация. Многие исследователи сходятся во мнении, что причиной этому стало участие А. Богданова в Пролеткульте²⁶. В Киеве ситуация складывалась иначе: профессиональные художники, вероятно, чувствовали угрозу со стороны отделений Пролеткульта, тесно связанных с партийными структурами.

Одним из первых практических результатов работы профсоюза стал «День Красной армии», организованный 5 марта 1919 г. Для цельности художественного восприятия территория, отданная под празднование, была разделена на три части: первую взяли на себя представители Академии художеств, вторая отдавалась художникам крайне левого толка, а третья — ученикам художественной профшколы. Поскольку в 1919 г. «еще существовали левые эсеры и анархисты»²⁷, как пишет Н. А. Прахов, присутствовала и их символика, висели красные и черные флаги. Н. А. Шифрин²⁸ делал заметки, бродя по улицам во время празднования, о впечатлении местных жителей: «божья старушка» поразилась небывалому зрелищу, даже испугалась его, а рабочие придавали супрематистским конструкциям свой смысл, переводя их в символику социализма.

²³ Там же. Л. 1 об.—2 об.

²⁴ Пролетарские культурно-просветительные организации — массовая культурно-просветительская и литературно-художественная организация пролетарской самодеятельности, существовавшая в 1917–1932 гг.

²⁵ ГТГ. Отдел рукописей. Ф. 220. Д. 270. Л. 3.

²⁶ См.: *Карпов А. В.* Русский Пролеткульт: идеология, эстетика, практика. СПб., 2009.

²⁷ *Красовицкая Т. Ю., Филина Ю. С.* «Пробудившиеся утром киевляне были буквально ошеломлены изменившимся за одну ночь видом города». С. 108.

²⁸ Ниссон Абрамович Шифрин (1892–1961) — советский театральный художник.

Многие из художников, примкнувшие к большевикам, до революции никакой политической позиции не высказывали. Пожалуй, это одна из тех граней, по которым можно выделить «художественную интеллигенцию» из «интеллигенции» вообще. Встретив революцию, они ее восприняли, как новый виток развития, прилив свободы, который требует их вмешательства в дело управления культурой. Первоначально художникам удалось встроиться в формирующийся аппарат. У них не было опыта организационной работы, единой идеологии, и они не были партийцами. Разногласия творческого и личного характера, социальные проблемы, взаимодействие с партийными «доктринерами» — все это выталкивало многих художников из рядов строителей новой культуры. Однако они приняли идею революции по крайней мере как идею свободы, и готовы были созидать в условиях нового строя.

В день своей смерти А. А. Мурашко косил разросшуюся траву, «когда его спросили — “зачем это он сам делает?”, — шутя ответил: “А когда через сто лет спросят, что делали в Киеве художники во время Революции? — Вы ответите — косили траву”»²⁹.

И. В. Купцова: Вы сказали, что большевики пришли к власти, имея четкую программу разрушения искусства. При этом Вы далее в докладе на своих примерах показали, что такой четкой программы не было. Например, то, что большевики в 1919 г. отказались от сотрудничества с художниками — представителями левого искусства. Скажите, пожалуйста, нет ли здесь противоречия?

Ю. С. Филина: Возможно, я неправильно выразилась. У них не было четкой программы — что нужно сделать, но у них было убеждение, что традиционная культура не годится для нового общества.

И. В. Купцова: Что Вы имеете в виду под новым искусством?

Ю. С. Филина: Традиционная культура — я имею в виду, не какие-то традиционные течения, а в принципе культуру быта, культуру человеческого поведения. Сознание человека, в представлении большевиков, должно было измениться. Оно должно было поворачиваться постепенно в сторону этого нового, утопического будущего, которое невозможно без нового человека. Это есть в воспоминаниях художников, того же Давида Штеренберга, который был одним из первых руководителей отдела изобразительного искусства. Кстати, он не был особо левым, он был представителем новых течений, но при этом сказать, что он был убежденный левый художник, я бы не смогла. Он писал о том, что мы только ступенька для будущих художников, т. е. мы должны подготовить почву, культурную почву, почву образовательную для следующего поколения — как раз эти МЖК (Музей живописной культуры), ВХУТЕМАС — для того, чтобы создать новый

²⁹ ГТГ. Отдел рукописей. Ф. 220. Д. 44. Л. 84–85.

тип художника. Ну, Малевич — отдельный тип, одиозный, но в принципе, все они были в представлении работников ИЗО Наркомпроса лишь такой ступенькой, с которой начнется новая культурная эпоха — не только в плане художественного творчества, но и в плане бытовой жизни.

С. Б. Ульянова: Вы говорили, что большевики говорили то-то и то-то, а приводите при этом высказывания не большевиков, а их попутчиков или воспоминания «из вторых рук». Не могли бы Вы сказать, кого Вы имеете в виду под большевиками: массовый большевизм, такого типичного рядового большевика, или большевистскую элиту, большевистских политиков высокого ранга? Если элиту, то тогда кого персонально, кто из них высказывался в том ключе, который Вы приводите? Просто хотелось бы систематизировать, что Вы имеете в виду в данном случае под большевиками.

Ю. С. Филина: Я под большевиками в данном случае имею в виду элиту. Но тут опять же можно говорить о том, что тот же Луначарский не совсем большевик, он придерживался разных взглядов, и к моменту, когда вступил на пост наркома просвещения, о нем было очень много негативных отзывов со стороны большевиков. Это есть и в воспоминаниях Пунина, это есть и в недавно изданной переписке Луначарского с женой. Можно говорить также о Маргове, и это, безусловно, Ленин. На мой взгляд, его план монументальной пропаганды, несмотря на все минусы, несмотря на то, как он воплощался, в принципе, свидетельствует о том, что над культурой собирались очень сильно потрудиться.

А. С. Пученков: Чем отличается то, что Вы опубликовали в журнале «Отечественные архивы», от того, что было опубликовано в 1950-е гг.? Насколько журнальная публикация дублирует воспоминания, вышедшие в 1955 г.?

Ю. С. Филина: Воспоминания Прахова — у него была одна книга воспоминаний о художниках, и все вот эти материалы, они в этой книге опубликованы — воспоминания о конкретных художниках. Все то, что было в «Отечественных архивах», воспоминания о праздниках, — они не были введены в научный оборот. Они только недавно были заинвентаризированы, и все, что мной публиковалось, — новое, можно сказать, новые источники.

А. А. Бочаров: Присутствовала ли среди художников конкурентная борьба, какая-то борьба за популярность? И второе — по каким критериям эта новая художественная среда оценивала степень революционности того или иного художника и его вклад в становление нового искусства?

Ю. С. Филина: Борьба внутри художественной общественности, на мой взгляд, была колоссальная, и степень революционности тоже, совершенно разными были критерии оценки. Смотря какую группу художников мы берем. Мне кажется, та централизация в аппарате уп-

равления культурой, которая происходит постепенно в 1920-е гг., во многом обусловлена не только стремлением большевиков к контролю над всем. Этому также сильно поспособствовали трения внутри художественной общественности. Один художественный этап сменяет другой, и в этот момент всегда происходит какой-то конфликт.

**«Клёшники»: к изучению субкультуры матросов
военно-морского флота периода Революции 1917 года
и Гражданской войны в России**

Запись от 20 апреля 1919 г. в книге И. А. Бунина «Окаянные дни»: «Закрою глаза и все вижу, как живого: ленты сзади матросской бескозырки, штаны с огромными раструбами, на ногах бальные туфельки от Вейса, зубы крепко сжаты, играет желваками челюстей...»¹. Цитага рисует облик матроса периода Революции 1917 г. и Гражданской войны. Подобный портрет рисуют и другие мемуаристы. Попробуем разобраться в том, как военнослужащие, обязанные строго соблюдать форму одежды, стали законодателями новой, революционной моды, какие социально-психологические явления скрывались за этим. Не является ли этот полукарикатурный облик частным проявлением того, что можно назвать субкультурой матросов отечественного Военно-Морского Флота.

Интересующие нас явления упоминались в некоторых исследованиях повседневной жизни и культуры населения России². Интересовались и интересуются этой проблемой и представители художественной среды. Так, современный писатель М. Н. Кураев пишет: «Кто служил в армии, тот знает цену таким, с гражданской точки зрения, мелочам, как чуть-чуть суженные или расширенные против нормы клеши, чуть укороченный или опять же удлиненный бушлат или доведение края бескозырки до бритвенной остроты. В этих движениях своей воли, своей инициативы и вкуса, строго ограниченная уставом и глазом начальства, трепещет жаждущая своей отдельной, особой, ни на кого ни похожей судьбы личность, ставшая номером боевого расчета, приведенная ко всеобщему знаменателю присягой, уставом и формой»³. Но речь пойдет не об индивидуальных особенностях внешности моряков, а о некоторых типичных чертах их облика и поведения, свойственных значительной части матросов на протяжении длительного периода. С этой точки зрения есть основания рассматривать «клёшничество» как одно из проявлений матросской субкультуры.

Источники позволяют предположить, что становление субкультуры матросов относится ко второй половине XIX в. Коснемся истории

¹ Бунин И. Окаянные дни // Бунин И. Окаянные дни; Горький М. Несвоевременные мысли. М. : Айрис-пресс, 2004. С. 94.

² См., напр.: Лебина Н. Б., Чистиков А. Н. Обыватель и реформы: картины повседневной жизни горожан в годы нэпа и хрущевского десятилетия. СПб. : ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2003.

³ Кураев М. Н. Капитан Дикштейн // Кураев М. Н. Питерская Атлантида : повести и рассказы. СПб. : Лениздат, 1999. С. 205.

возникновения и бытования в русском флоте обычая производить татуирование. Возможно, формирование этой традиции связано с кругосветными плаваниями русских кораблей в первой половине и середине XIX в. Именно тогда моряки заимствовали у жителей дальневосточных стран и островов Тихого океана практику татуирования. Татуировку могли делать и татуировщики-профессионалы в портах Китая и Японии. Татуировкой украшали свое тело некоторые офицеры, но наиболее широко эта практика распространилась среди нижних чинов. Самые ранние обнаруженные свидетельства о бытовании среди матросов обычая татуировки относятся к 1887 г. 1 ноября этого года начальник Бобруйского дисциплинарного батальона подполковник Успенский сообщил начальнику 6-й местной бригады об обнаружении на теле матросов, поступивших на заключение в батальон, татуировки. «При телесном осмотре заключенных вверенного мне батальона оказалось, что почти все нижние чины, прибывшие из флота, раскрашены какою-то едкою краскою в роде татуировки, причем изображения на теле бывают различные: крест, Богоматерь, Всевидящее Око, якоря с цепями, голые женщины в соблазнительных позах и даже фигуры, производящие акт совокупления»⁴. В январе 1888 г. начальник Главного морского штаба вице-адмирал Н. М. Чихачев распорядился «воспретить нижним чинам <...> татуировку, уничтожив эти знаки, у кого окажутся при осмотре в командах»⁵. Главный командир Кронштадтского порта вице-адмирал С. П. Шварц в письме Чихачеву от 18 марта 1888 г., утверждая, что «татуировка распространена между моряками всех стран», высказался об отсутствии причин «к тому, чтобы запрещать нижним чинам Морского ведомства нанесение вообще каких-либо рисунков на теле». По мнению Шварца, «возможно лишь требовать, чтобы не допускались изображения на теле, оскорбляющие чувство нравственности, и в случаях, когда <...> окажутся на теле у кого-либо из нижних чинов вытравленные рисунки безнравственного содержания, то такие изображения могут быть зачерчиваемы посредством новой татуировки»⁶.

Новые свидетельства о матросских татуировках относятся к началу XX в. В июне 1913 г. исполняющий должность начальника штаба Кронштадтского порта капитан 1-го ранга А. Г. Бутаков сообщил в штаб Морских сил Балтийского моря о том, что при медицинских осмотрах матросов обнаружено много людей с татуировкой⁷. Исполняющий должность начальника штаба командующего Морскими силами Балтийского моря капитан 1-го ранга Л. Б. Кербер 1 июля 1913 г. распорядился о запрете татуировки⁸. Упоминания о других нарушениях

⁴ РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 4. Д. 6649. Л. 2–3.

⁵ Там же. Л. 25–25 об.

⁶ Там же. Л. 22–22 об.

⁷ Там же. Ф. 479. Оп. 2. Д. 194. Л. 166, 166 об.

⁸ Там же. Л. 220.

предписанного внешнего вида и формы одежды матросов в дореволюционных источниках редки.

Смена политического режима в 1917 г. привела к изменениям в военной форме и ослабила требования к атрибутам формы и вообще к поведению и внешнему виду военнослужащих. Один из современных исследователей отмечает, что признаком радикальной революционности стал протест против военной формы вообще⁹. К этому времени и относится цитата из «Окаянных дней» И. А. Бунина, приведенная выше. Она — одно из свидетельств формирования в матросской среде явления, получившего у некоторых современников название «клёшничества» по наиболее характерному признаку — расклеванным, чрезмерно широким в нижней части форменным брюкам. М. Д. Бонч-Бруевич рисует облик и поведение «клёшников», состоявших в отряде П. Е. Дыбенко в феврале 1918 г.: «Отряд Дыбенко был переполнен подозрительными «братишками» и не внушал мне доверия: достаточно было взглянуть на эту матросскую вольницу с нашитыми на широченные клёши перламутровыми пуговичками, с разухабистыми манерами, чтобы понять, что они драться с регулярными немецкими частями не смогут»¹⁰. Вместе с отрядами революционных матросов «клёшничество» растеклось по стране. Много матросов было среди сторонников Н. И. Махно — анархистов. Вероятно, под их влиянием некоторые махновцы, не являвшиеся матросами, носили морскую форму, называли друг друга «братишками», плясали матросские танцы¹¹. Писатель К. Г. Паустовский вспоминал свою встречу с махновцами: «...пронесся худой горбоносый матрос с длинной, как у жирафа, шеей, в разорванном до пупа тельнике. Очевидно, тельник был разорван нарочно, чтобы всем была видна пышная и устрашающая татуировка на груди матроса. Я не успел ее рассмотреть. Помню только путаницу женских ног, сердец, кинжалов и змей. Сизый пороховой рисунок татуировки был сдобрен розовой, как земляничный сок, краской. Если у татуировок бывает стиль, то это был стиль “рококо”»¹². Политработник С. В. Фоменко описывал внешний вид участников Кронштадтского восстания: «Представьте себе матросов нового типа, <...> — по пояс декольтированных, в фуражке, <...> без подкладки и в беспорядке, скомканная, еле держится на затылке, бушлат, как водится, всегда нараспашку, с наганом, висящим в центре живота»¹³. По мнению

⁹ Назаренко К. Б. Флот, революция и власть в России. 1917–1921. М. : Квадрига ; Русская панорама, 2011. С. 99.

¹⁰ Бонч-Бруевич М. Д. Вся власть Советам. М. : Воениздат, 1957. С. 260–261.

¹¹ Елизаров М. А. Революционные матросы и анархистское движение Н. И. Махно // Военно-исторический журнал. 2007. № 7. С. 37.

¹² Паустовский К. Г. Повесть о жизни // Собр. соч. : в 6 т. М. : Гослитиздат, 1957. Т. 3. С. 762.

¹³ Кронштадтская трагедия 1921 года : документы : в 2 кн. М. : РОССПЭН, 1999. Кн. 1. С. 617.

современников, активизация «клёшничества» предшествовала Кронштадтскому восстанию и была связана с его причинами, как их видели авторы 1920-х гг. Основной причиной кронштадтских событий современники считали изменение социального состава и политических взглядов матросов в годы Гражданской войны. Поворот в настроениях матросов пытались объяснить сменой их состава, появлением среди них политически незрелых новобранцев. Один из авторов объяснял феномен изменения матросских настроений: «...Красный флот потерял значительную часть своих стойких товарищей — бойцов за власть Советов. <...> Пополнение производилось отчасти притоком добровольцев, отчасти партийной мобилизацией членов РКП; главную же массу пополнения представляли мобилизованные красноармейцы <...>. Пополнение <...> было неудовлетворительно как в техническом, так и в политическом смысле, что и повлекло за собой участие части военморов в Кронштадтском мятеже»¹⁴. Но недавние исследования показали, что главными действующими лицами восстания были матросы линкоров «Петропавловск» и «Севастополь», на которых старослужащие составляли 4/5 команды¹⁵. Это подтверждает предположение о том, что «клёшничество» стало продолжением и развитием явлений, перешедших в советский флот из дореволюционного.

Коснемся вопроса о связи «клёшничества» и уголовной субкультуры. Субкультура матросов взаимодействовала с уголовной субкультурой еще в начале XX в. Вспомним такую категорию заключенных российских тюрем, как матросы, содержащиеся в исправительных учреждениях Морского ведомства¹⁶. Некоторые свидетельства позволяют утверждать, что в стенах этих учреждений формировался специфический тюремный социум с чертами, присущими таким сообществам. К 1913 г. относится упоминание о том, что на кораблях можно было услышать тюремные песни и тюремный жаргон, усваиваемые матросами от «завсегдаеав» исправительных учреждений, возвращавшихся для продолжения службы¹⁷. В 1920-е гг. «клёшниками» часто именовали представителей блатного мира. Писатель В. А. Каверин, изучивший в 20-е гг. нравы уголовников и блатной жаргон в связи с написанием повести «Конец хазы», описал бандита «в брюках с таким клешем, что

¹⁴ Чулков А. Оздоровление личного состава флота // Красный Флот. 1923. № 1/2. С. 27–28.

¹⁵ Елизаров М. А. Еще раз о причинах Кронштадтского восстания в марте 1921 года // Отечественная история. 2004. № 1. С. 167–168.

¹⁶ Подробно об исправительных учреждениях морского ведомства см.: Бочаров А. А. 1) Создание и деятельность исправительных учреждений морского ведомства России (1864–1916 гг.): дис. канд. ... ист. наук / С.-Петербург. ун-т. СПб., 2005; 2) Из истории дисциплинарных воинских частей Военно-Морского Флота Российской империи // Военно-исторический журнал. 2009. № 2. С. 42–45.

¹⁷ А. Г. [Герасимов А.] От переводчика: [предисловие к публ.: Хэн, полковник. Система наказаний в применении к солдатам и матросам] // Морской сборник. 1913. № 1. Неофиц. отд. С. 79.

нога болталась в них, как язык в колоколе»¹⁸. Схожие черты внешнего вида хулиганов 1920-х гг. рисуют и некоторые воспоминания: «Носила эта братия широченные брюки клеш, да еще почище, чем у матросов. С наружной стороны штанины, снизу делался надрез, в который вшивался клин из черного бархата»¹⁹. Источники 1920-х гг. говорят о широком использовании матросами тюремного жаргона. «Прислушаемся, как порой разговаривают отдельные моряки <...>, — писал один из авторов в 1924 г. — Не сразу поймешь, где находишься: на советском ли корабле или... в тюремной камере <...>. “Слышь, форс зайдем, потопаем буснуть! Клево! — Пытаешь газанем”. “Эй, гони сюда бубон, подрубаем”. <...> все это обозначает: “Слышь деньги получим, пойдем выпьем! Хорошо?” “Конечно выпьем”. “Эй, подай сюда хлеб, поедем”». Приводился список слов блатного жаргона, использовавшихся матросами: «барахло» — одежда; «шкары» — брюки; «колеса» — ботинки; «ксива» — документ; «форс» — деньги; «мент» — милиционер; «ботать» — говорить, рассказывать. «Стоит ли продолжать этот «изысканный» словарь тюремно-воровского, каторжно-хулиганского жаргона!», — восклицал автор заметки²⁰.

Первые годы после Кронштадтского восстания были отмечены борьбой военного руководства и политорганов за укрепление дисциплины и против того, что относилось, по терминологии того времени, к «отрицательным явлениям, перешедшим в советский флот из царского». Один из авторов журнала «Красный Флот» за 1924 г. призывал искоренить «...те пережитки и то наследие, которое вместе с материальной частью (техникой) и кадровым личным составом преемственно досталось от старого царского флота...»²¹. Главными из «пережитков» автор называл ругань, блатной жаргон и татуировку. Последняя упоминалась в качестве «скверной традиции» и в одном из документов 1926 г., посвященном флотским традициям, сохранившимся с дореволюционных времен²². Отмечалось, что борьба против татуировки и сквернословия велась по инициативе комсомольцев. «Сейчас кампанию борьбы со сквернословием ведут стенгазеты отряда судов “Наша Заря”, стенгазета эсминца “Альбатер” и другие. Правда, борьба еще находится в зачаточном состоянии, но она все дальше и глубже захватывает флот»²³.

«Клэшничество» имело защитников среди новой советской интеллигенции. Одним из них можно считать Михаила Мироновича Цвибака (1899–1937). Выходец из мелкобуржуазной среды, состоявший

¹⁸ Каверин В. А. Конец хазы // Собр. соч. : в 8 т. М. : Художеств. лит., 1980. Т. 1. С. 279–280.

¹⁹ Цит. по: Лебина Н. Б., Чистиков А. Н. Обыватель и реформы... С. 61.

²⁰ Валь В. Быт, выведенный из безмолвия // Красный Флот. 1924. Кн. 8. С. 10.

²¹ Лукашевич С. В борьбе за новый быт // Красный Флот. 1924. № 3. С. 10–11.

²² РГАВМФ. Ф. Р-34. Оп. 2. Д. 1304. Л. 104.

²³ Жизнь и быт Красного Флота. Черноморский флот // Красный Флот. 1923. № 8. С. 105, 108.

в 1917–1918 гг. в партии эсеров, он в 1921 г. стал большевиком. Цвибак, некоторое время служивший политработником во флоте, в 1923 г. окончил факультет общественных наук Петроградского университета и был оставлен на нем для подготовки к профессорскому званию. В 1925 г. стал заместителем декана факультета языкознания и материальной культуры, а затем доцентом кафедры русской истории²⁴. Свидетельства рисуют внешность и манеру поведения Цвибака как типично клэшнические. Он «демонстративно расхаживал по университетскому коридору в распахнутом бушлате, в матросской тельняшке, с голой грудью, в матросской шапочке с лентами и широченных брюках-клеш <...> и изображал из себя лидера “классовой борьбы” на факультете»²⁵. Не был ли Цвибак в числе тех, о ком говорил в 1924 г. партийный деятель А. А. Сольц: «Если внешний облик члена партии говорит о полном отрыве от трудовой жизни, то это должно быть некрасивым, это должно вызывать такое отношение, после которого член партии не захочет так одеваться и иметь такой внешний облик, который осуждается всеми трудящимися...»²⁶.

Защитников находил и блатной жаргон. Отмечалось, что «некоторые товарищи не только изъясняются с помощью этого жаргона, но под многие из его словечек пытаются подвести «классовую базу». В качестве примера приводился некий журналист, защищавший право использовать жаргон в своих публикациях и заявлявший: «Почему нельзя писать так, как говорит большинство? <...> Надо помнить одно, что газета должна говорить языком массового читателя <...>. Мы не должны стыдиться улицы. Кому улица, а нам дом родной...»²⁷. Подобные попытки встречали осуждение: «Кто принес на флот все эти “шкары”, “колеса”, “ксивы” и прочую “блатную” музыку? <...> Те 15 тысяч, на совести которых был и Кронштадт, и вся липкая грязь, потребовавшая самой суровой, беспощадной и решительной фильтрации. Мы от жульа избавились, мы имеем прекрасный революционный личный состав. <...> А вот проклятый жаргон еще остался. И <...> каленым железом воли, мысли и революционного хотения его нужно выжигать»²⁸.

Наряду с эпатажным внешним видом и использованием блатного жаргона к чертам «клэшничества» современники относили вызывающее поведение матросов на берегу, особенно по отношению к женщинам. «Иные построятся в боевую колонну. Проходят мимо девушки, общим хором какие-нибудь мерзости отмачивают»²⁹. В 1926 г. сообщалось о создании на одном из кораблей «ассоциации рыжих», пос-

²⁴ Брачев В. С., Дворниченко А. Ю. Кафедра русской истории Санкт-Петербургского университета (1834–2004). СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. С. 187.

²⁵ Там же. С. 188. О дальнейшей судьбе Цвибака см.: Там же. С. 189, 193–194.

²⁶ Цит. по: Лебина Н. Б., Чистиков А. Н. Обыватель и реформы... С. 61–62.

²⁷ Валь В. Быт, выведенный из безмолвия. С. 10.

²⁸ Там же. С. 11.

²⁹ Прохожий. Наши уродцы // Красный Флот. 1923. № 8. С. 115.

тавившей своим девизом «Краснофлотец на берегу должен быть грубым и злым»³⁰. Субкультура матросов нашла отражение в их песенном творчестве. В качестве примера в одной из публикаций 1927 г. приводились фрагменты текстов песен «Клеш» и «Кронштадтское танго». «Ах, клеш широкий, — / В нем смысл глубокий...». / «Наш клеш широкий — коммуны знамя — / Огнем горит, как будто пламя — / Широкий клеш и папиросы — / Душа военного матроса»³¹.

Во второй половине 1920-х гг. упоминания о явлениях, свойственных «клёшничеству», все реже встречаются в источниках. По-видимому, матросская субкультура становится в этот период маргинальной и перестает восприниматься командованием флота и политорганами как связанная с чуждыми советской идеологии взглядами. Упоминания о «клёшничестве» начинают приобретать примирительный и несколько комический характер. В заметке 1927 г. можно прочитать: «26 мая 1927 года в 13 часов 45 минут на площади Труда шествовал краснофлотец в высоких зимних галошах с огромным черным зонтиком над майской своей, белофуражечной головой. Автор этих строк следовал за ним <...>, считая встречающихся товарищей комполитсостава. Их было семнадцать. Замечания никто не сделал, тогда терпение у автора лопнуло, и краснофлотец отправился дальше в более приличном виде, более похожим на моряка, нежели на цирковой номер»³².

К концу 1920-х гг. борьба против нарушений формы одежды, табуировок, сквернословия и блатного жаргона привела к тому, что эти явления стали «уходить в подполье», перестав быть открыто демонстрируемыми элементами облика и поведения матросов. Впрочем, окончательно упомянутые явления изжиты не были, а продолжали бытовать в матросской среде. Бытуют они и до сих пор.

Основываясь на сделанных выше наблюдениях, можем утверждать, что «клёшничество» было не особой революционной субкультурой, а этапом в развитии субкультуры военных матросов. Формирование матросской субкультуры следует отнести ко второй половине XIX в. Революция сняла дисциплинарные барьеры на пути радикализации этой субкультуры, принявшей в годы Гражданской войны крайние, эпатажные формы. Возвращение российской обществу, на новой идеологической основе, к жестким стандартам поведения и внешнего облика людей привело и к затуханию «клёшничества» во второй половине 1920-х гг. Но отдельные проявления матросской субкультуры продолжали бытовать и позже. Этот факт подтверждает то, что некоторые черты социально-психологического облика членов тех или иных общественных групп и связанные с ними традиции и поведенческие

³⁰ Поморцев В. Строится ли у нас новый быт? // Красный Флот. 1926. Кн. 12. С. 87–93.

³¹ В. П-в. «Андреевский флаг» ... в 1927 году (о краснофлотских песнях) // Красный Флот. 1927. № 8. С. 47–51.

³² С. И. А. О выправке // Красный Флот. 1927. Кн. 16. С. 56–57.

практики нередко сохраняют устойчивость на протяжении длительного времени, несмотря на смены политического режима и другие перемены в обществе.

С. Б. Ульянова: Два маленьких вопроса. Первый — эти все матросы находились на действительной службе?

А. А. Бочаров: Да.

С. Б. Ульянова: И тогда как командование кораблей относилось к тому, что они выглядят не по уставу? Как оно пыталось с этим бороться? И второй вопрос: в чем заключалось это эпатирующее поведение, как они вели себя на городских улицах?

А. А. Бочаров: Да, безусловно, морское командование пыталось с этим бороться, но до 1922, 1923, даже 1925 гг. было слишком мало рычагов воздействия. Затем они постепенно начинают усиливаться, и это явление сходит на нет. Да, борьба была, но в период Гражданской войны, безусловно, она была очень и очень трудной. Что касается досуга — это любопытный момент, имеющий прямое отношение к этой теме. Если вернуться к Вашему докладу и теме употребления наркотиков, — есть такой типаж, в белогвардейских источниках это встречается: «бледный матрос-кокаинист», или «матрос-морфинист». Но в тех сведениях, которыми я располагаю, свидетельств употребления наркотиков этими матросами почти нет. Что касается досуга, то именно в этой сфере некоторые черты, наиболее карикатурные, наиболее эпатирующие черты клэшничества как раз ярко выступали. Позволю себе привести такую цитату: «Широченный клэш, шелковая лента, концы которой спускаются ниже пояса, и лихо торчащие из-под бескозырки рожки», — я не понял, что это такое, — «говорили о том, что обладатель их не чужд той своеобразной культуры, хранителем и сеятелем которой являются моряки, «плавающие», в кавычках, в садах, бульварах и танцплощадках». Многочисленные упоминания поведения клэшников на берегу главным образом сводятся к анекдотическим и полуанекдотическим эпизодам во время танцев в общественных садах, парках, в частности, с их поведением по отношению к женщинам, к девушкам, друг к другу. Вот такие абсолютно карикатурные типажи, лужгающие активно семечки, красиво отставив мизинец, рядом с девушкой, и вдруг он торк ее этим мизинчиком под микитку, девушка визжит, матрос дико гогочет.

О. С. Поршнева: В своей книге «Красная смута» В. П. Булдаков приводит такое объяснение феномена, модели этого поведения матросов: загнанные в кубрики, в ограниченном пространстве, существующем на корабле, они, по своему крестьянскому происхождению привыкшие к простору, к достаточно свободной жизни, компенсировали в этих формах девиантного поведения строгость и регламентированность морской службы. Как Вы относитесь к этой модели объяснения этого поведения?

А. А. Бочаров: Могу сказать, что в данном случае это объяснение мне представляется несколько умозрительным, так как представители других социальных групп, не стиснутые в узких кубриках, проявляли не менее эпатажные черты поведения, внешнего вида.

А. С. Пученков: А Вы видите какую-то принципиальную разницу между субкультурой моряков-балтийцев и черноморцев? У меня все-таки больше интерес к Черноморскому флоту.

А. А. Бочаров: Отвечу Вам прямо и честно — на данный момент материалов, подробно характеризующих субкультуру черноморцев, у меня слишком мало. Поэтому сложно сравнить. Мои материалы главным образом связаны с Балтикой. Могу только предполагать, что принципиальные отличия я вряд ли найду. Но это только предположение.

С. Б. Ульянова: Эпатажность была признаком субкультуры «клёшников», еще их называли «жоржики» — не знаю, почему...

А. А. Бочаров: «Жоржики»? Не могу доказать, могу только предположить, что это просто ассоциативный ряд: клёши — парижские хулиганы-апаши — Франция, кинематограф, — вот, может быть, такое влияние. Но это предположение абсолютно умозрительное.

С. Б. Ульянова: Эта эпатажность — как она проявлялась по отношению к солдатам? От солдатских субкультур матросская была, на мой взгляд, дистанцирована, матросы свою считали субкультурой более высокого уровня.

А. А. Бочаров: Безусловно, то, что Вы сказали, имело место. Существовало очень четкое противопоставление людей, служащих на берегу, и людей, служащих на море.

С. Б. Ульянова: Это связано с революцией?

А. А. Бочаров: Нет, оно шло с дореволюционных времен. И вот эта своеобразная корпоративность и противопоставление моряков и сухопутных — она прослеживается и в годы революции и Гражданской войны, и в начале 1920-х гг. Есть многочисленные свидетельства, которые просто нет времени приводить. Это безусловно так — моряками их собственный образ жизни, свой статус и своя субкультура рассматривались как безусловно превосходящие образ жизни сухопутных солдат.

**Деятельность музея в условиях Революции
и Гражданской войны: 1917–1919 гг.
(на примере Государственного Эрмитажа)**

В своей деятельности музеи выполняют разнообразные функции и одной из них, помимо экспонирования и представления своих коллекций для широкой публики, является сбережение и сохранение музейных собраний для будущих поколений. Поэтому в периоды политических кризисов и революций в стране для учреждений культуры на первый план выходит проблема обеспечения безопасности своих фондов в условиях, когда перестают действовать обычные нормы морали в обществе и когда рушатся основополагающие устои государственности и правопорядка. Через подобные кризисные моменты проходили музеи многих стран за долгую историю их существования. Каким образом решали подобные задачи музеи в нашей стране, рассмотрим на примере одного из них — Эрмитажа.

После Февральской революции и свержения монархии в России к власти приходят новые политические силы, которые уделяли основное внимание не вопросам культуры, а разрешению в первую очередь политических и социально-экономических задач. По инициативе представителей творческой общественности в марте 1917 г. было образовано Особое совещание по делам искусств. Однако из-за активного противодействия его работе со стороны Союза деятелей искусств оно вскоре прекратило свою работу. В мае 1917 г. в составе Союза деятелей искусств создается Комиссия по охране памятников искусства и старины. Деятельность этой Комиссии также не способствовала выработке единого подхода к вопросам обеспечения безопасности произведений искусства в революционное время¹. В дальнейшем Временное правительство предприняло еще ряд попыток по формированию организаций, призванных координировать работу в области искусства, однако постоянные разногласия и борьба за лидерство, а также нежелание поиска компромиссов только вредили их деятельности. С 1 июля 1917 г. начала свою работу Художественно-историческая комиссия Зимнего дворца под председательством известного коллекционера Василия Андреевича Верещагина. Она была создана для приема и описи имущества дворцов, находящихся в ведении бывшего Петроградского дворцового управления, и для выделения из этого имущества предме-

¹ Жуков Ю. Н. Становление и деятельность советских органов охраны памятников истории и культуры. 1917–1920. М. : Наука, 1989. С. 47.

тов, имеющих особое художественное и историческое значение². В августе были образованы еще три подобные комиссии по приемке имущества Гатчинского, Петергофского и Царскосельского загородных дворцов, однако они не смогли оказать заметного влияния на начавшийся бесконтрольный вывоз из страны предметов искусства и разграбление вещей из драгоценных металлов, картин, изделий из фарфора и бронзы³.

Во время событий Февральской революции, ввиду опасности нападения на музей неуправляемых толп, Эрмитаж был закрыт для посетителей. Однако Февральская революция прошла относительно спокойно для музея, не вызвав кардинальных изменений в его жизни. 4 марта 1917 г. бывший Императорский музей, вместе с другими учреждениями столицы, послал в Государственную думу заявление о признании новой власти⁴.

Уличные беспорядки и грабежи заставили директора музея графа Д. И. Толстого обратиться к Временному правительству с просьбой о выделении для охраны музея надежной воинской части, так как Эрмитаж не мог своими силами обеспечить безопасность бесценных коллекций после упразднения прежней системы патрулирования.

В ответ на его обращение Государственная дума прислала для охраны Эрмитажа 6-й Запасной саперный батальон, который ежедневно выставлял посты в количестве 18 человек для охраны зданий музея⁵. Данная воинская часть считалась одной из самых революционных. Саперы одними из первых перешли на сторону Временного правительства и дали присягу на верность новой власти⁶. Администрация музея не доверяла солдатам батальона и неоднократно просила заменить их караулами Преображенского полка, казармы которого находились рядом, так как сотрудники Эрмитажа считали, что в случае нападения на музей нижние чины батальона могли присоединиться к погромщикам и начать грабить, а не защищать бесценные коллекции. Несмотря на многочисленные обращения о замене этой части на более надежную, саперы продолжали охранять Эрмитаж до осени 1917 г.⁷

Ввиду реальной опасности, продолжающей угрожать музею в неспокойной столице, и на случай могущей возникнуть чрезвычайной ситуации, служители и хранители музея установили между собой по-

² *Сергеева Г. И.* Художественно-историческая комиссия Зимнего дворца. Начало работы // 250 историй про Эрмитаж: «Собрание пестрых глав...»: в 5 кн. СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2014. Кн. 2. С. 177.

³ *Жуков Ю. Н.* Становление и деятельность советских органов охраны... С. 50.

⁴ Архив Государственного Эрмитажа (далее — АГЭ). Ф. 1. Оп. 5. Д. 23. 1917 г. Л. 45.

⁵ Там же. Л. 113.

⁶ Инженерные войска в боях за советскую родину. М. : Воениздат, 1970. С. 14.

⁷ *Варшавский С. П., Рест Ю. И.* Рядом с Зимним. Л. : Советский художник, 1969. С. 114–115; АГЭ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 23. 1917 г. Л. 123.

очередное круглосуточное дежурство в пустых залах и галереях Эрмитажа⁸.

В марте 1917 г. после установления новой власти в Эрмитаж прибыл комиссар Временного правительства Ф. А. Головин, который возглавил учреждения бывшего Министерства Императорского двора. Несмотря на сопротивление администрации музея, он распорядился открыть залы и галереи для посетителей с апреля 1917 г.⁹ Опасаясь, что новая революционная публика будет агрессивно воспринимать пояснения и вид музейных служителей, облаченных в придворные ливреи, было принято решение привлечь к дежурству в залах и галереях Эрмитажа наблюдать за порядком вместе с галерейными служителями студенческую молодежь и лиц, интересующихся искусством. Для этой цели администрация отобрала 41 человека, которые находились в залах вместе со служителями в качестве волонтеров на безвозмездной основе¹⁰. Вскоре выяснилось, что публика выдержала испытание на благовоспитанность, никаких враждебных действий против бывших служителей Императорского двора или угрожающих безопасности музейных коллекций со стороны посетителей замечено не было. Поэтому от помощи добровольцев вскоре отказались¹¹.

Открытие Эрмитажа иностранная печать расценила как признак социального умиротворения. Однако политическая ситуация в столице продолжала оставаться непредсказуемой, а правительственные кризисы следовали один за другим и влекли за собой каждый раз выход на улицы новых толп народа. Граф Толстой настаивает на немедленном закрытии музея для публики, в свою очередь Ф. А. Головин, в ведении которого находился Эрмитаж, отказывается дать такое распоряжение, уверяя, что правительственный кризис будет скоро разрешен, а неожиданное закрытие музея может иметь плохой резонанс в обществе и иностранной прессе, так как Эрмитаж стал не просто музеем, а превратился в политический барометр¹².

К июню 1917 г. в Эрмитаже был выработан проект Временной инструкции для служителей музея. В соответствии с данным документом служители наблюдали за сохранностью музейных предметов, шкафов, витрин, целостностью печатей. После ухода посетителей дежурный по музею проверял все помещения и докладывал о результатах своего обхода хранителю. Ночью в залах музея зажигали дежурный свет и т. д.¹³

⁸ АГЭ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 58. 1917 г. Л. 1, 3.

⁹ Там же. Д. 22. 1917 г. Л. 10а.

¹⁰ Там же. Д. 23. 1917 г. Л. 91.

¹¹ Революционное время в Русском музее и в Эрмитаже: (Воспоминания графа Д. И. Толстого) // Российский Архив. М.: Студия ТРИТЭ, 1992, С. 342; АГЭ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 23. 1917 г. Л. 102.

¹² *Варшавский С. П., Рест Ю. И.* Рядом с Зимним. С. 100.

¹³ АГЭ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 40. 1917 г. Л. 12–15.

В июле 1917 г. Эрмитаж столкнулся с очередной проблемой, когда министр-председатель Временного правительства А. Ф. Керенский сделал Зимний дворец своей резиденцией, где были размещены многочисленные службы управления, министерская канцелярия и армейские части для охраны правительственных учреждений. Военные были расквартированы в парадных залах дворца, которые быстро превратились в казарму¹⁴. Служители дворца докладывали о неоднократных попытках некоторых военных проникнуть ночью в запертые помещения. В свою очередь, дирекция музея инструктировала служителей об особо бдительном наблюдении ночью за примыкающими к дворцу залами. Однако никаких серьезных происшествий в Эрмитаже замечено не было, это было связано, скорее всего, с тем, что все помещения Зимнего дворца, занятые Временным правительством и военными, находились на значительном расстоянии от музея. Кроме того, никто из солдат и офицеров, охраняющих резиденцию правительства, не знал расположения комнат дворца, так как планы Императорской резиденции являлись до революции государственной тайной и приобрести их было нигде нельзя¹⁵.

С весны 1917 г. в здании Старого Эрмитажа проходили заседания Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, которая была образована в марте 1917 г. для расследования деятельности бывших царских сановников¹⁶. Несмотря на то что данная комиссия располагалась в соседнем с музеем здании, ее работа вызывала определенное недовольство со стороны сотрудников музея, одной из причин которого была невозможность использовать помещения 7-й запасной половины Зимнего дворца, которая находилась в Старом Эрмитаже, для расширения экспозиционных площадей музея. На залы этой половины Эрмитаж претендовал уже не один год, ведя постоянную переписку с Придворным ведомством о расширении площади музейного комплекса¹⁷.

В конце августа 1917 г. Эрмитаж закрывается для публики для подготовки к экстренной эвакуации его коллекций в Москву. Данная ситуация была связана с несколькими факторами: быстрым наступлением немцев на Рижском направлении в конце августа 1917 г., слухами о возможном выступлении большевиков и мятежом генерала Л. Г. Корнилова. Правительственные учреждения стали готовиться к эвакуации, состоятельное население спешило покинуть столицу, рабочие повсеместно требовали расчета¹⁸.

¹⁴ Рид Дж. Десять дней, которые потрясли мир. М. : Художеств. лит., 1987. С. 79.

¹⁵ Революционное время в Русском музее и в Эрмитаже... С. 351.

¹⁶ Блок А. А. Дневник. М. : Советская Россия, 1989. С. 408.

¹⁷ АГЭ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 36. 1912 г.

¹⁸ Милуков П. Н. История второй русской революции : воспоминания. Минск : Харвест, 2002. С. 353.

В условиях хаоса и неразберихи директор Эрмитажа Д. И. Толстой распорядился собрать совещание хранителей для выработки плана срочной эвакуации эрмитажных коллекций в Москву. В первую очередь предстояло упаковать наиболее ценные полотна известных художников для того, чтобы отправить их до наступления холодов, так как низкие температуры могли пагубно сказаться на их сохранности. Наибольшее беспокойство вызывали хрупкие античные предметы из золота и серебра, а также греческие гончарные изделия.

Всего, до начала Октябрьской революции, в Москву было отправлено два эшелона с музейными предметами в количестве 811 ящиков, которые были размещены на территории Московского Кремля: в Оружейной палате, Большом Кремлевском дворце и Историческом музее, где и оставались до ноября 1920 г.¹⁹

Третий эшелон в составе 150 ящиков с коллекциями Эрмитажа, который планировалось отправить в Москву в ночь с 25 на 26 октября, остался в музее, так как грузовики не смогли подъехать к музею из-за оцепления прилегающих к Дворцовой площади улиц в преддверии готовящегося штурма Зимнего²⁰.

События 1917 г. прошли для музея сравнительно спокойно, не внеся значительных изменений ни в организационную структуру, ни в его деятельность, за исключением необходимости эвакуировать свои коллекции в условиях разразившегося политического кризиса в столице.

После Октября 1917 г. новая советская власть с первых дней своего существования уделяла особое внимание сохранению народного достояния. 25 октября 1917 г. Военно-революционный комитет назначил Г. С. Ятманова и Б. Д. Мандельбаума комиссарами по защите музеев и художественных коллекций. Вечером того же дня из Смольного был послан отряд красногвардейцев для охраны художественных ценностей Эрмитажа²¹. Служители музея сначала враждебно приняли Советское правительство и попытались бойкотировать его распоряжения. Однако новый комиссар Г. С. Ятманов и А. В. Луначарский решили не обращать внимания на их действия, чтобы не препятствовать нормальной работе Эрмитажа²².

В течение всего последующего периода 1918–1919 гг. перед администрацией стояло несколько важных проблем, которые предстояло разрешить. В этот период в Эрмитаж стали поступать национализированные частные коллекции и собрания, которые нуждались в разборе и систематизации. Кроме того, предстояло провести реорганизацию штатной структуры музея, организовать перевыборы научного состава и упорядочить структуру отделов. Также было необходимо выяснить истинное положение эвакуированных в Москву коллекций, так

¹⁹ АГЭ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 145. 1920 г. Л. 8–8 об.

²⁰ Там же. Д. 45 (в). Л. 97.

²¹ *Варшавский С. П., Рест Ю. И.* Рядом с Зимним. С. 144.

²² *Пиотровский Б.Б.* История Эрмитажа: Краткий очерк. М., 2000. С. 71.

как в Петроград приходили тревожные слухи об обстреле Кремля в октябрьские дни и значительных разрушениях на его территории. Еще одним немаловажным вопросом, который нуждался в разрешении, было обеспечение безопасности произведений искусства, оставшихся в музее, и подготовка его залов и галерей для приема публики.

На заседании Совета Эрмитажа от 8 марта 1918 г. было принято решение о перемещении ящиков с упакованными картинами из залов в кладовые, еще не упакованные картины необходимо было убрать из проходных залов в “тупики”. Картины, вынутые из рам, надлежало вставить обратно в рамы и вернуть на свои места, так как в таком состоянии они находились в большей безопасности, чем сложенные в кучи. Хранители постановили спрятать все ценные предметы Средневекового отделения и Отделения древностей и драгоценностей в укромные помещения. Кроме того, было принято решение о командировании хранителей в Москву для организации дежурства у эвакуированных из Эрмитажа ящиков²³.

В мае 1918 г. встал вопрос о формировании системы постоянной вооруженной охраны на случай возвращения эрмитажных коллекций из Москвы в Петроград, для чего предлагалось нанять 20–30 человек из отставных солдат и офицеров, возобновить суточные дежурства хранителей и ночные обходы музея²⁴. Осенью, когда Эрмитажу были переданы залы 7-й запасной половины Зимнего дворца и Малого Эрмитажа, проблема обеспечения порядка в помещении музея встала особо остро. После осмотра Малого Эрмитажа оказалось, что в Павильонном зале сломана решетка, ограждающая вмонтированную в пол мозаику, в Романовской галерее срезана красная обивка дивана, с некоторых портретов сорвана коленкорная подкладка, замененная подкладкой из бумаги, всюду грязь и беспорядок²⁵.

Зимой 1919 г. в стране ощущалась острая нехватка угля, дров, нефти, которые были необходимы для поддержания в помещениях тепла для обеспечения сохранности художественно-исторических произведений²⁶. За летние месяцы 1918 г. залы Эрмитажа не успели просохнуть после зимы, их стены отсырели и появились трещины. Поэтому зимой 1919 г. в образовавшихся трещинах замерзла вода и стали выпадать мраморные барельефы²⁷.

Наступления белогвардейских войск на Петроград весной и осенью 1919 г. привели к установке заградительных сооружений и пулеметных гнезд на улицах города. Рядом с Эрмитажем, перед Адмиралтейством, солдаты рыли окопы, сотрудники музея получили инструкцию о том,

²³ Журналы заседаний Совета Эрмитажа. Часть I : 1917–1919 годы. СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2001. С. 18.

²⁴ Там же. С. 46.

²⁵ АГЭ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 24. 1919 г. Л. 51 об.

²⁶ Разумов В. А. Богатства, возвращенные народу. М. : Знание, 1968. С. 24.

²⁷ Мавлеев Е. В. Вальдгауер. СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2005. С. 34.

что нужно делать, если Петропавловская крепость начнет обстрел из своих орудий²⁸. Несмотря на различные трудности, сотрудники музея смогли открыть часть залов Отделения древнего Востока и античной скульптуры для посетителей с конца октября 1918 г.²⁹

В апреле 1919 г. во вновь переданных помещениях Старого Эрмитажа была смонтирована выставка картин и предметов прикладного искусства, на которой были представлены как неэвакуированные предметы, так и новые поступления. В августе администрация музея открыла выставку, посвященную заупокойному культу древнего Египта, временную экспозицию скифских древностей и несколько выставок гравюр³⁰.

С весны 1918 г. начались работы по реорганизации внутренней структуры музея, в результате которой вместо пяти отделений, из которых состоял Эрмитаж до 1917 г., было образовано четыре больших отдела, состоящих из девятнадцати отделений³¹. Наряду с этим в Эрмитаже произошли переборы всего состава хранителей. Все сотрудники музея подали заявления об отставке и должны были участвовать в конкурсе на замещение должностей хранителей на общих основаниях с посторонними лицами. Данный конкурс прошел при посредстве специальной коллегии, состоящей из представителей Русского музея, Академии наук, Археологической комиссии и Петербургского университета и других особо избранных лиц³². Затем был избран директор Эрмитажа, которым стал С. Н. Тройницкий, переизбраны заведующие отделами и младший научный персонал музея.

После событий 1917 г. в музее продолжились работы по инвентаризации его коллекций, которые начались еще при старом режиме. Кроме того, начиная с 1918 г. в Эрмитаж стали поступать в большом количестве отдельные предметы и целые частные собрания. В результате этих поступлений музею удалось заполнить пробелы в своих коллекциях и расширить фонд. В связи с данной ситуацией была утверждена Инструкция для приема на хранение в Эрмитаж принадлежащих частным лицам художественных предметов и собраний³³. За первые пять лет советской власти новые поступления в музей составили свыше 100 тыс. предметов³⁴.

В первые годы после революции Эрмитаж столкнулся с многочисленными проблемами, которые нужно было решать в новых и зачастую неблагоприятных условиях революционного времени. Сотрудникам

²⁸ Там же. С. 37.

²⁹ АГЭ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 7. 1918 г. Л. 57.

³⁰ Эрмитаж за десять лет 1917–1927 : краткий очерк. Л. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 1928. С. 23.

³¹ АГЭ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 7. 1918 г. Л. 52–53.

³² Эрмитаж за десять лет 1917–1927. С. 12.

³³ АГЭ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 2. 1918 г. Л. 13–13 об.

³⁴ Разумов В. А. Богатства, возвращенные народу. С. 25.

музея пришлось организовать свою работу фактически заново, методом проб и ошибок, в условиях тотального дефицита и политико-экономического кризиса в стране. Дирекция музея, опираясь на младший служительский персонал, смогла обеспечить сохранность как находящихся в эвакуации, так и оставшихся в музее бесценных коллекций и открыть музей для посетителей в самые тяжелые годы Гражданской войны.

Петроградские издатели и издательства художественной открытки в 1917 г.

С началом Первой мировой войны начался новый этап развития иллюстрированной открытки, предопределивший особенности ее издания в 1917 г. Уже к концу 1915 г. многие издательства, выпускавшие открытки, начали сворачивать свою деятельность. Некоторые из них находились в Западной Европе, и состояние войны не способствовало простоте пересечения их продукции через границу. Некоторыми русскими издательствами владели немцы, которые были либо высланы из страны, либо сами ее покинули. Поэтому к концу 1916 — началу 1917 гг. выпуск художественной открытки в России почти остановился и подошел к тому уровню, который был в конце 1890-х — начале 1900-х гг., т. е. в момент первых опытов отечественных издателей в этой области. Но тем не менее все еще оставались специализированные издательства открыток, а также появился ряд предпринимателей, которые в новых условиях стали заниматься выпуском и распространением открытых писем.

Можно с большой долей уверенности предположить, что открытых писем, выпущенных в 1917 г., было крайне мало. И большая их часть будет относиться к первым трем-четырем месяцам года, когда в типографиях с большим трудом и опозданием допечатывались еще старые заказы прошлого года. В то же время открытые письма — это, за редким исключением, недатированный источник визуальной информации. Поэтому точно определить, какие открытки были выпущены в 1917 г., а какие — спустя некоторое время в память о тех событиях (любой стороной — и победителями и побежденными), очень сложно. Архивные документы, касающиеся издания открыток в 1917 г., практически не сохранились. О близости конкретного издания этому сложному времени в истории России могут свидетельствовать не только сюжеты открыток, но и чисто технические моменты. Для художественных карточек это качество картона (обычно желтого, легко крошащегося, или тонкого, ранее не использовавшегося для печати почтовых открыток) и красок (часто сыпавшихся или легко стирающихся с поверхности), а также постепенный отказ от использования цветной печати и переход к печати однотонных рисунков, выполненных в технике силуэта, графитным карандашом или тушью. Для открыток, исполненных на основе фотографических снимков, характерен не типографский (фототипия), а фотографический способ печати на фотобумаге. Однако этот способ определения датировки ненаде-

жен, так как может охватывать собой открытки, выпущенные в 1916 г. и в 1918 — начале 1920-х гг. Документальные открытки, отображающие события 1917 г., могут быть отпечатаны как с реальных, так и с постановочных снимков.

Резкое изменение политического курса не могло не отразиться на сюжетах открыток и, что более важно, на издательской политике, и этот процесс в разных издательствах протекал по-разному. Начался он сразу же после Февральской революции, и до сих пор восемь месяцев пребывания у власти Временного правительства в истории издательского дела в области иллюстрированной открытки не привлекали специального внимания исследователей.

Именно в это время начинается резкий всплеск сюжетной документальной открытки, отображающей и фиксирующей фактически наравне с газетной репортерской фотографией все новое и необычное в уличной повседневной жизни Петрограда и Москвы, и достигший апогея после октября 1917 г. Ее появление было подготовлено развитием документальной фотографии и, соответственно, документальной открытки в революцию 1905 г., возобновившимся с новой силой в годы Первой мировой войны.

Художественная открытка, связанная с заказом художникам определенных тем и сюжетов или с репродукцией уже готовых произведений, также в это время претерпела изменения. Если документальная открытка в 1917 г. служила своего рода визуальным комментарием к новостным газетам, то в этом отношении художественная открытка не могла с ней сравниться, так как процесс ее издания был более длительным. Поэтому, с одной стороны, она продолжала сохранять и развивать традиции художественных открыток начала XX в., а с другой — также живо реагировала на политические события современности, но стремилась не столько их зафиксировать, сколько пропустить сквозь призму взгляда художника-современника и, что не менее важно, издателя.

В годы перемен издательства, выпускавшие открытки, характером изданий сразу же обозначили свое отношение к происходящему. Фактически они разделились на три большие группы: тех, кто старался не замечать изменений и продолжал намеченную линию изданий, тех, кто помнил о прошлом, но и отдавал дань современному, и тех, кто активно пропагандировал своими изданиями новый мир. К первой категории принадлежали издатели, имевшие длительную традицию издательской деятельности и ее определенную художественную направленность. В первую очередь здесь следует упомянуть издательство при Общине св. Евгении, которое функционировало при ближайшем участии художников объединения «Мир искусства» и известных деятелей петербургской культуры. Сотрудники издательства по-разному восприняли Февральскую революцию, но для издательства важно было сохранить свою марку как высокохудожественного, и события

современности не должны были затронуть магистральную линии его издательской политики.

Одной из завершающих издательскую деятельность Общины св. Евгении стала серия из 12 открыток Осипа (Иосифа) Шарлеманя «Народная женская одежда великороссов». По указанию биографа художника Б. Гордезиани, десять акварелей были нарисованы еще в 1912 г. для издательства «Аргус»¹, но дождались своей очереди только в 1917 г., когда за право их издания спорили Община св. Евгении и Общество возрождения художественной Руси. Эта серия стала последней серией художественных оригинальных открытых писем издания Общины. Она словно подводила итоги всей проделанной работе издательства, демонстрировала вершины, которых достигло за эти годы искусство русской открытки эпохи модерна, и в то же время достойно завершала ее существование.

М. В. Добужинский оказался последним художником, чьи работы были опубликованы на открытках Общины св. Евгении. В августе 1917 г. увидела свет серия с его эскизами костюмов к балетам «Тщетная предосторожность» (Марининский театр, 1915 г.) и «Мидас» (на музыку М. О. Штейнберга, хореография М. М. Фокина, Русский балетный сезон в Париже, 1914 г.) и спектаклям «Хижина, спасенная казаком» (по драме К. Ватация, постановка Ю.Э. Озаровского по инициативе Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины, Дом графини Е. В. Шуваловой, 1912 г.) и «Театр марионеток» (постановка П. П. Сазонова, театр марионеток Ю. С. и П. П. Сазоновых, 1916 г.). В печати находились и другие рисунки М. В. Добужинского — еще 16 костюмов помимо изданных. Предполагалось, что открытки составят целый цикл воспроизведений костюмов по эскизам художника к балетам и спектаклям, поставленным при его участии в 1910-х гг.² Последний известный номер открытки М. В. Добужинского («Софья. Костюм к спектаклю “Хижина, спасенная казаком”») — № 6427, однако существует большое количество пропусков в нумерации до этого номера, что свидетельствует о том, что какие-то открытки были запланированы к изданию, возможно, печатались в типографиях, но так и не увидели свет или были отпечатаны только в корректурах и пробных оттисках.

В фонде Общины св. Евгении нашлись корректуры подписей не обнаруженных до сих пор открыток, датированные 11 ноября 1917 г.: эскизы декораций П. Шильдкнехта и Р. Берггольца³. Тогда же, в 1917 г., в печати находились и открытки с произведений молодого художника М. П. Бобышова. В феврале 1917 г. он принес по предварительной договоренности с издательством в московский магазин Общины свою

¹ Гордезиани Б. И. А. Шарлемань: Художник / пер. с груз. Г. Долидзе. Тбилиси : Заря Востока, 1958. С. 11.

² ЦГИА СПб. Ф. 202. Оп. 2. Д. 2243. Л. 56–57.

³ Там же. Д. 2261. Л. 97.

картину, эскиз декорации к балету «Эрос» (Мариинский театр, на музыку П. И. Чайковского, 1915 г.)⁴, принадлежавшую музею А. А. Бахрушина⁵. Картину предполагалось отпечатать тиражом пять тысяч экземпляров в типографии Мамонтова⁶. В делах Общины имеются пробные оттиски трех других открыток М. П. Бобышова: с изображением моста, пейзажа с музыкантшей и обнаженной женщины с персиком⁷. Четвертой в подборке сохранившихся пробных оттисков открыток, так и не увидевших свет, была репродукция с картины Леонардо да Винчи «Мадонна Бенуа»⁸. На примере издательской деятельности Общины св. Евгении, не поменявшей направленности своей издательской политики после Февральской революции, можно сказать, что последние открытки императорской России выпускались почти до конца 1917 г.

Другим издательством, выпускавшим репродукционные и оригинальные открытки после Февральской революции, было Любанское общество попечения о бедных. Традиция издания обществом открыток была недолгая: в 1903–1905 гг. оно выпустило около 50 видовых открыток, а в 1915 г. после длительного перерыва стало издавать открытые письма с произведений современных художников. Оно хорошо поймало момент, так как с российского рынка ушли такие крупные издатели «художников», как парижское издательство И. С. Лапина и фирма петербургского немца Р. Р. Лютермана «Ришар». Любанское общество выпускало в основном пейзажи и картины, экспонировавшиеся на петербургских выставках, хотя опубликовало и несколько серий открыток по оригинальным рисункам художниц Е. П. Анохиной-Лебедевой и Л. М. Эндауровой. Открытки вплоть до XI серии имеют на адресной стороне дату разрешения военной цензуры (последняя дата — 18 января 1917 г.). Новые законы, вышедшие после Февральской революции, отменили любую цензуру, и можно с уверенностью утверждать, что открытки следующей XII серии вышли после Февральской революции. Последние открытки общества вышли в начале осени 1917 г. (XIX серия), хотя инициатор издания обществом открыток А. В. Болотов в ноябре 1917 г. все еще надеялся на продолжение издательской деятельности и выпускал открытки вторым и третьим изданием⁹.

В 1917 г. выпускали художественные открытки с воспроизведениями картин художников с не связанными с революцией и войной сюжетами и частные издатели. Например, А. А. Евдокимов, ученик и последователь С. М. Прокудина-Горского, в основанной им самостоятельно типографии в 1916–1917 гг. выпускал такие открытки с репродукция-

⁴ Там же. Д. 2259. Л. 65–65 об.

⁵ Там же. Л. 53.

⁶ Там же. Л. 54.

⁷ Там же. Д. 2261. Л. 297.

⁸ Там же. Л. 298–301.

⁹ Толмачев А. Л., Цуканов П. Д. Век Любани. СПб. : Лига Плюс, 2001. С. 34.

ми картин Ф. В. Сычкова, В. К. Штембера, М. М. Бабуца, И. М. Владимирова. Однако, судя по тому, что в фонде Академии художеств сохранились прошения типографа о выдаче разрешений на беспосшлинный ввоз в Россию репродукций с картин русских художников, в своей типографии он только печатал адресную сторону открыток и разрезал их на отдельные бланки на специальном станке, а сами изображения печатались в заграничных типографиях¹⁰.

К 1917 г. относится издательская деятельность петроградской фирмы «Day». Датировать этим годом выпускаемые ею открытки и определить, кто скрывался за этим названием, помог дневник художницы А. П. Шнейдер, автора одной из серий открытых писем. В конце текста помещен составленный художницей по памяти каталог всех ее работ. В нем напротив одной из самых ранних своих композиций — «Пионы и розы» (1891) — А. П. Шнейдер поставила отметку, что в 1917 г. она была отпечатана в виде открытки в типографии Маркса Улыбиным¹¹. В то же время на одной из открыток художницы, выпущенной в издательстве «Day», воспроизведен рисунок с изображением этих цветов. Помимо этой открытки в перечне своих работ художница упоминает еще две работы, предполагавшиеся Улыбиным к изданию в 1917 г.: «Львиный зев» (1891 г.) и «Цветы у оранжереи» (1898 г.). Художница пишет: «Тоже отпечатаны в 1917 году. Прекрасные корректуры, но, по видимому, не выпущены в свет, предполагалось в 30 тысяч»¹². Среди василеостровских купцов Улыбиных наиболее на роль издателя открыток подошел Александр Александрович Улыбин, некоторое время владевший типографией, а распространялись открытки в магазинах и лавках, находившихся в собственности семьи: мелочных, зеленных, табачных, чайных, бумажных и канцелярских принадлежностей¹³.

Открытки, выпущенные Георгиевским комитетом, с одной стороны, не отражали реалий меняющегося мира, но с другой были посвящены модному тогда скаутскому движению. Проект Положения о Георгиевском комитете его императорского высочества великого князя Михаила Александровича, созданного с целью попечения о лицах, награжденных орденом св. Георгия или Георгиевским крестом, был утвержден императором 17 января 1917 г., поэтому встречающаяся иногда датировка выпущенных им открыток 1915 годом представляется неверной. Св. Георгий считался покровителем популярного тогда скаутского движения, поэтому на открытках, выпущенных комитетом, художником В. А. Табуриным были изображены дети-скауты. К сожалению, о практической деятельности комитета, особенно после Февральской революции, известно мало. Возможно, выпуск открыток был приуро-

¹⁰ РГИА. Ф. 789. Оп. 13. 1916. Д. 53. Л. 1, 5.

¹¹ РО ИРЛИ. 14736/LXXXVI6.7. Л. 156.

¹² Там же.

¹³ Мозохина Н. А. Открытки Александры Шнейдер. Продолжая исследование // Филокартия. 2011. №2 (22). С. 37.

чен к Георгиевскому параду скаутов, состоявшемуся на Крестовском острове 23 апреля 1917 г.

К периоду после Февральской революции относятся открытки петроградского издателя, скрывшегося под аббревиатурой ТЭ (или ТЭК) с разными сигнетами и обычно печатавшего открытки в литографии В. Д. Горюнова. С одной стороны, издатель выпускал популярные в эпоху модерна женские головки и поздравительные открытки с цветочными букетами, а с другой, напечатал две серии открыток под условным названием «Дети-политики». Продолжая традицию Е. М. Бем изображать на открытках детей, играющих во взрослую жизнь, рисунки для этой серии были созданы художниками В. А. Табуриным и С. И. Кущенко. Хотя открытки не датированы, только на волне событий Февральской революции могли возникнуть детские карикатуры В. А. Табурина на современные ему политические партии, ставшие после разгона Учредительного собрания в январе 1918 г. неактуальными в связи с преследованием большевиками других политических партий. Серия из трех открыток С. И. Кущенко с изображением детей с лозунгами на красных флагах по нумерации была выпущена сразу же после серии В. А. Табурина и в тематическом, и в стилистическом отношении продолжала ее. Вместе с тем обе серии демонстрируют новые технические требования, предъявляемые типографиями, а вслед за ними и издателями, к характеру рисунков. Главным требованием был пустой фон, необходимый для экономии красок. Картон, на котором печатались открытки издания ТЭ, желтый, тонкий, легко ломается, но для частного издателя качество выпускаемой продукции было менее важно, чем его актуальность, рассчитанная на новые вкусы потребителей.

На путь активной пропаганды политических изменений в стране ступили некоторые благотворительные организации, отличавшиеся до Февральской революции довольно верноподданническими изданиями, в частности, Скобелевский комитет попечения о раненых, основанный в 1904 г. Известны отдельные открытки комитета, выпущенные к ежегодным благотворительным сборам в 1900-х — начале 1910-х гг., но к массовому выпуску открыток он приступил только в годы Первой мировой войны, причем большая часть изданных открыток была посвящена военным событиям. С момента своего основания Скобелевский комитет находился под крылом Николаевской академии Генерального штаба и под покровительством государя императора. Тем поразительнее перемены, произошедшие в его руководстве к моменту Февральской революции, связанные с полным притоком происходящих в стране событий и отразившиеся на выпускаемых им открытках. Была выпущена серия литографированных в одном цвете открыток по рисункам художников Н. С. Самокиша, Г. Георгиева (настоящие имя и фамилия Г. П. Кадин) и В. С. Сварога (настоящие имя и фамилия В. С. Корочкин), посвященная событиям Февральской революции.

А на открытки, выпущенные ранее, после Февральской революции наносились патриотические надпечатки в виде перекрещенных красных флагов — с тем, чтобы придать изображению на непопулярную в обществе военную тему популярный революционный характер.

Интересна также серия открыток издания отдела о военнопленных при Петроградском областном комитете Всероссийского союза городов под девизом «В пользу русских военнопленных» с портретами русских идеологов революционного движения, исполненными десятилетием ранее Е. С. Кругликовой. Портреты по традиции 1917 г. отпечатаны с карандашных однотонных рисунков художницы и увидели свет в марте. Не будучи заказанными специально для открыток, они представляют собой редкий пример удачного подбора готовых рисунков для воспроизведения на открытых письмах. К сожалению, инициатор столь удачного издания — конкретный сотрудник Петроградского областного комитета, отбиривший произведения для публикации у художницы или предоставивший выбор самой художнице, на настоящий момент остается неизвестным. Очевидна политическая направленность этих открыток, сопровождавшихся изречениями из теоретических трудов изображенных деятелей.

27 марта 1917 г. взамен внутреннего Военного займа, подписка на который была объявлена в годы Первой мировой войны, был введен Заем Свободы. Облигации Займа выпускались сроком на 55 лет и должны были начать погашаться раз в год начиная с 1922 г. По официальным сведениям, публиковавшимся в печати, подписка на Заем Свободы значительно превзошла подписку по Военному займу, однако в связи с высоким уровнем инфляции эти сведения были скорее лукавством, чем правдой. По аналогии с Военным займом Временным правительством выпускались плакаты и открытки, рекламировавшие Заем Свободы. Пропагандой Займа в печати занимался Всероссийский комитет общественного содействия государственным займам, проводивший конкурсы на рисунки плакатов и открыток¹⁴. Однако на практике они выпускались не централизованно — среди издателей и Скобелевский комитет, и Исполнительный комитет Московских общественных организаций, и неизвестный издатель, не обозначивший себя на открытках. По-видимому, многие открытки издавались к так называемым «Дням Займа Свободы», проводившимся в Петрограде и Москве ежемесячно.

К осени 1917 г. издание открыток осложнилось проблемой их распространения. Об этом можно судить по материалам фонда Общины св. Евгении, наиболее полно отражающем положение издательского дела в это время. Киоски для продажи открыток, которые издательство устанавливало на железнодорожных вокзалах в пригородах и популярных дачных местностях под Петроградом, в большей части оказались

¹⁴ Страхов В. В. Из истории «Займа Свободы» Временного правительства // Вестник Рязанского гос. ун-та им. С. А. Есенина. 2006. № 1. С. 86.

разрушенными¹⁵. Соответственно были утрачены и продававшиеся в них тиражи открыток. После Октябрьской революции ситуация еще более усугубилась, так как начались кражи в магазинах. Так, в декабре из московского магазина Общины было украдено открыток на сумму 1330 руб.¹⁶ Похожая ситуация с изданием и распространением карточек складывалась, скорее всего, и в других издательствах. Хотя финансовые возможности еще позволяли широкой публике приобретать открытки, делать это было особенно негде. Продажи сохранялись, видимо, только в книжных, писчебумажных магазинах и мелочных лавках, которые и ранее занимались распространением открытых писем, но постоянно подвергались риску погрома. Весьма вероятно, что выпущенные осенью 1917 г. фотооткрытки распространялись не через магазины, а вразнос. Художественных открыток, отпечатанных типографским способом, в это время, скорее всего, не выпускалось.

При разговоре об открытках 1917 г. принято рассматривать открытые письма с изображениями революционных событий, отпечатанные с документальных или постановочных фотографических снимков. Такие открытки, изданные фотографами — свидетелями происходивших в стране перемен в большей части фотографическим способом, действительно передают бунтарский и тревожный характер времени. Но мир менялся не так кардинально резко, в нем оставались еще осколки минувшего Серебряного века, и если посмотреть, что издавалось на оригинальных художественных открытках в 1917 г., то можно увидеть и старый мир, и новые реалии Февральской революции, и ростки мира будущего, пока еще имеющего смутные очертания.

¹⁵ ЦГИА СПб. Ф. 202. Оп. 2. Д. 2225. Л. 146 об.

¹⁶ Там же. Л. 184.

Дискуссия

Н. Н. Смирнов: В регламенте написано, что после ваших выступлений, после вопросов, которые вам задают, модератор выступает в роли комментатора докладов, прозвучавших на заседании данной секции. Я с удовольствием исполню функцию комментатора ваших выступлений и, конечно, по большей части не буду обращаться к анализу самих докладов, — вы все их читали, они выложены на сайте, мы все их увидим в конце концов в публикации материалов нашей конференции. А мне бы хотелось затронуть целый ряд проблем, которые сегодня либо вообще никак не были затронуты, либо затронуты поверхностно. И мне думается, что более правильно было бы все-таки к словам «Культура и революция» добавить еще одно слово — «Интеллигенция, культура и революция». Потому что куда вы не денетесь, ведь кто формирует культуру? Ее формирует та часть интеллигенции, которую принято называть творческой интеллигенцией. И в этом смысле разговор может пойти в несколько ином русле, потому что, когда я вас слушал, у меня возникло ощущение, что все те, кто принимал участие в культурном процессе в период революции 1917 г., — это были либо абсолютно аполитичные люди, либо люди, которые, так сказать, окунувшись в этот самый марксизм-ленинизм, с этих марксистско-ленинских позиций верой и правдой творили культуру. В замечательном сборнике «Власть и наука, ученые и власть» есть ряд статей, в которых эта проблема анализируется и рассматривается с разных точек зрения. Мне думается, что мы все должны осознать одно: в составе творческой интеллигенции того времени людей, действительно приверженных какой-то партийной идее, было едва ли 10 %. А все остальные ни в коем случае не желали ассоциировать себя с тем или иным политическим течением, они предпочитали считать, что у них совершенно иная функция. Но в период революции 1917 г. они вспомнили о той функции, которую они не выполнили в период революции 1905–1907 гг. Вы помните, кем они себя считали? Они себя считали солью нации. Так вот как соль нации эта творческая интеллигенция и хотела себя проявить в начавшейся и продолжавшейся революции 1917 г.

Мне хотелось, чтобы в начале нашего разговора первой прозвучавшей фразой была фраза о том, что Великой Русской революции 1917 г. необычайно повезло. Необычайно повезло хотя бы потому, что она началась в эпоху Серебряного века, во всем многообразии ее проявлений. Творческая интеллигенция не была однородной, она была разнородной и совершенно по-разному реагировала на то, что должно было составить суть культурных процессов в период этой революции. Я не думаю, что они эту революцию принимали как само собой разу-

меющееся явление. Интеллигенция всегда должна была найти какой-то эквивалент из прошлого — «вот это все уже было». И вот то, что уже было, может найти свое отражение в период, последовавший за свержением самодержавия, власти Временного правительства, прихода к власти большевиков, установления Советской власти. Конечно, эпоха Великой Французской революции для творческой интеллигенции в этом плане не была табуирована. Творческая интеллигенция искала образцы и примеры в Великой Французской революции. И мало того, — в гораздо большей степени творческая интеллигенция искала образцы революционной культуры в событиях 1871 г.

Парижская коммуна для значительной части творческой интеллигенции была образцом того, что можно было сделать в области культуры. Если говорить о красном цвете, то вспомните «Свободу, ведущую народ» Делакруа — это о каком цвете? И эта самая свобода проходит практически через все обложки журналов, которые издавались от февраля до октября 1917 г. И что удивительно, но она каждый месяц имела свой собственный оттенок, понимаете? Она была разной, и вы прекрасно это показали, — от ярких красок к этому темному, совершенно серому цвету в палитре, который отражался на обложках журналов. Это видение процесса творческой интеллигенцией.

Необычайно важную роль играло то, какую позицию в тот момент занимала сама творческая интеллигенция. Я думаю, творческой интеллигенции было, извините за грубость, совершенно до фонаря, кто у власти. Ей было гораздо интереснее, что происходит вокруг всего этого, сам этот революционный процесс, который ее затронул. Вспомните церемонию похорон жертв Великой Русской революции — кто ее готовил? Ее готовила именно творческая интеллигенция. Разве ее готовили рабочие и крестьяне, солдаты? Ничего подобного. Вся процедура была расписана, все, начиная с того, как будут выглядеть лозунги на Марсовом поле в этот день, в какие цвета все будет раскрашено. Там ведь был не только красный, но и зеленый цвет, там был и синий цвет — все это сохранилось на фотографиях, которые можно сегодня видеть в архиве кинофотофонодокументов. Вот это очень важно.

Мне думается, что вся эпоха 1917 г. для творческой интеллигенции была эпохой карнавала. Но не просто эпохой карнавала, а эпохой карнавала лозунгов, плакатов, тумб, которые украшали города, и не только Москву и Петроград, а любой провинциальный город. Эти самые тумбы в апреле выглядели иначе, чем они выглядели в мае, а в августе иначе, чем они выглядели в сентябре. Кто их оформлял? Рабочие и крестьяне? Ничего подобного — их оформляла та же самая интеллигенция. Понимаете, для меня вообще в определенной степени эталоном подхода к организации праздника в городе является работа Олега Немиро «Праздник приходит в город». К ней по-разному можно относиться. Можно говорить, что она идеологизирована в какой-то степени, хотя, честное слово, я не нахожу там никакой идеоло-

гизации. Есть попытка осмыслить, как эта творческая интеллигенция проявляет себя, готова такое явление, как праздник Первомая, праздник годовщины Октября и другие праздники. Мне думается, нужно было еще раз посмотреть на то, что было сделано Олегом Немиро, и в этом разрезе посмотреть на попытки интеллигенции приписаться в число соиздателей революционного процесса. Это очень важно, ведь они шли на улицы и площади, они способствовали организации этого карнавала не потому, что получали какую-то подачку, а потому, что им хотелось таким образом реализовать себя в этом празднике революции.

Трагедия революции, праздник революции — разные слои интеллигенции по-разному воспринимали то, с чем они сталкиваются, и их отношение было совершенно разным. Вот здесь ЛЕФ упоминался. Но если мы говорим об этом объединении, то мы должны упомянуть и другие, небольшевистские, — они пришли в революцию в более ранний период, но просто их развитие, их ярчайшее воплощение происходило именно в эту эпоху, в эпоху революции 1917 г., и позднее, в эпоху Гражданской войны, о чем уже говорилось.

Я не согласен с тем, что творческая интеллигенция воспринимала Октябрь как большое зло. Не воспринимала она Октябрь как большое зло, даже большевиков не воспринимала как большое зло. Она поддавалась общему настроению — ну не наша эта власть, не наши эти люди. Понимаете, мы до сегодняшнего дня живем иллюзией того, что бунт интеллигенции против Советской власти был растянут по времени. Это не так. Этот бунт занимал от одной недели до трех недель, полтора-два месяца в лучшем случае. А затем этот бунт начал потихонечку угасать, — голод не тетка, жить надо было. Интеллигенция прекрасно понимала, и творческая интеллигенция в том числе прекрасно понимала, что — ну да, можно побузить, но от этой бузы ничего не изменится. Это первое.

И второе. Вы знаете, мне кажется, для творческой интеллигенции гораздо в большей степени, чем для интеллигенции технической и научной, деятельность Советской власти в первые месяцы ее существования была сигналом к тому, что с этой властью можно работать, с этой властью можно сотрудничать. И упоминавшийся уже сегодня ленинский план монументальной пропаганды был одной из тех ступенек, которые открывали путь к возможному сотрудничеству творческой интеллигенции и Советской власти. И кого Советская власть приглашает для организации первых праздников в 1918 г.? Что, она рабочих и крестьян приглашает? Ничего подобного — приглашают имажинистов, приглашают символистов, власть говорит им: «Делайте что хотите». У москвичей потом волосы дыбом встают — ну надо же, что они такого натворили, а они деревья покрасили в зеленый цвет. Понимаете, а вот эта творческая интеллигенция — она вот так видела этот праздник, и она действительно выкрашивала деревья в зеленый цвет. И это

было не только в Москве, это было не только в Петрограде, это было и в других местах. Не надо у творческой интеллигенции искать никаких марксистских, большевистских убеждений. Не были эти убеждения характерны для творческой интеллигенции. Я вас уверяю, что они не были характерны для учителей, они не были характерны для врачей, для инженеров. Да, они могли осудить действия власти — в какой-то определенной мере, в какой-то определенной степени. Но тем не менее, понимаете, стопроцентного отрицания власти как таковой даже после 25 октября 1917 г. в рядах интеллигенции не было. Эта часть интеллигенции мыслила все-таки несколько иначе, чем та ее часть, которая занималась партийными делами. Вот партийная интеллигенция вела себя совершенно по-другому. Здесь действительно были и дискуссии, и споры, и все что угодно. А рядовая интеллигенция делала свое дело и считала, что в этом заключается ее родовая функция, иначе она не могла поступать. Возьмите дневники учителей, инженеров, военных, — пожалуйста, у нас в Публичке они представлены, — и вы увидите, что у них не было в это время абсолютно никакого желания ставить крест на этой власти. Напротив, мы прослеживаем другое, — они пытаются встроить себя в эту самую новую жизнь.

Когда мы говорим о большевиках, коллеги, почему мы забываем о том, что в мае 1918 г. состоялось три заседания Малого Совнаркома — три заседания по одному-единственному вопросу: отношения Советской власти и интеллигенции. Кто вошел в Совнарком, вспомните, — в Совнарком вошли Анатолий Васильевич Луначарский и Надежда Константиновна Крупская, которые направили петицию, требующую покончить со старой интеллигенцией: «давайте воспитывать новую советскую интеллигенцию». Три заседания приводят к тому, что возобладала точка зрения лидера партии большевиков, председателя Совнаркома Ульянова-Ленина. Он сказал: «Да не нужно отталкивать интеллигенцию, нужно найти пути сотрудничества с интеллигенцией, привлечения ее на сторону Советской власти». И что самое удивительное — на этих же заседаниях Малого Совнаркома было принято решение ни в коем случае ни одного из интеллигентов — старых интеллигентов, которые не проявляют себя агрессивно по отношению к Советской власти, с занимаемых ими постов не удалять, а сделать все возможное для того, чтобы они начали активно работать с Советской властью.

Охрана памятников вписывается вот в ленинский план монументальной пропаганды. Да, в первые дни после всех революционных потрясений памятники разрушаются. Господа, так они что, только в России разрушаются? Вы приведите мне пример любой другой революции, где и когда она бы ни проходила, где такого бы не было. Это совершенно нормальная реакция публики на то, что она могла себе позволить в данный момент. А она могла себе позволить то, что не могла при прежних властях предрержащих: «Царя нет, давайте крушить

памятники царям и их приближенным». Эта эпоха очень быстро кончилась, она кончилась еще при Временном правительстве, и массового разрушения памятников, мне думается, не наблюдалось ни во времена Временного правительства, ни во времена Советского. Мне понравилась цифра, которая была приведена в заключительном докладе. Вспомните, сколько писалось в научной литературе по поводу того, что музеи были разграблены. И вдруг мы узнаем, что, оказывается, за пять лет Эрмитаж получил более ста тысяч предметов. Понимаете, не ста предметов, не тысячи, а ста тысяч предметов. Власть, которая позволяет разрушать памятники, она не будет заниматься тем, чтобы собирать и пополнять музейные фонды.

Тема, которая естественно вызвала интерес, — это проблема революционных матросов. «Клеши» появились, я думаю, не потому, что революция эту моду ввела, а потому, что такая мода уже существовала сама по себе: всегда ширина брюк на флоте отличалась от ширины брюк в сухопутных войсках, что поделать. Но что касается поведения матросов, здесь я все-таки в большей степени согласен с теми исследователями, которые отмечают, что они необычайно сильно были подвержены идеям анархизма. Анархизм — политическое течение, которое их вполне устраивало, они вписывались в этот самый анархизм. Вы вспомните Всеволода Вишневского, его «Оптимистическую трагедию», вспомните эту матросскую массу, — она действительно анархична в самом своем начале. И как она меняется по ходу пьесы?! Значит, даже анархизм — это все же не совсем та сила, направленная целиком на разрушение. И вообще, по-моему, к анархизму как к политическому течению мы тоже должны несколько изменить свое отношение. Если возьмем то, что Кропоткин писал в 1917 г., мы увидим, что этого призыва к разрушению всего и вся там просто-напросто нет. Там есть отказ от прежних традиций, от прежней культуры, от прежних обычаев — путем, да, в том числе и насильственного, может быть, разрушения. Я не могу понять, почему матросы оказались подвержены анархическим настроениям в гораздо большей степени, чем представители прочих родов вооруженных сил; почему, скажем, в гвардейских полках эсеровское течение находило гораздо большую поддержку, чем в обычных частях. Здесь большевики получали, ну, если не половину всех голосов солдат, которые в этих полках служили, то по крайней мере их число значительно превышало число тех, кто выступал за меньшевиков или за эсеров. Тут есть о чем подумать.

Итак, я подвожу итог. Я необычайно признателен каждому из вас за то, что вы представили такие разные, но такие замечательные доклады. Я больше чем уверен, что при подготовке публикаций, а мы дадим вам возможность доработать в определенной степени ваши доклады, — мы еще будем об этом говорить, — у нас получится очень интересный раздел сборника. На этом я свой комментарий заканчиваю, и мы переходим к открытой дискуссии. Пожалуйста, у вас есть

право выступить, согласиться, поспорить. Мне бы очень не хотелось, чтобы вы вот так молча выслушали и ушли.

С. Б. Ульянова: Уважаемые коллеги, я надеюсь, вы все согласитесь, что у нас получилось очень интересное, плодотворное заседание, и мне прежде всего хотелось от имени всех докладчиков и пленарных, и секционных поблагодарить организаторов за то, что нас здесь всех собрали, за предоставленную возможность выступить и обсудить наши идеи. Я только добавлю маленькую реплику — мне очень понравилось то, что замечательно сказал Николай Николаевич. Мы вчера и сегодня на конференции искали прежде всего новое в революции, т. е. мы рассматривали революцию с точки зрения того нового, что она привнесла в российское общество. Мне кажется, делая это, не стоит никоим образом забывать о некоей преемственности, о сохранении традиции, потому что разрыв со старым обществом в 1917 г. не был абсолютным. Изучая историю в поисках нового, об этой традиции забывают, а она оказывается весьма живучей. Я не занимаюсь художественной культурой, но по культуре повседневности, по цеховой культуре, которой я много занимаюсь, по досуговой культуре видно, насколько успешно традиция противостояла зачастую новым революционным веяниям, умела их трансформировать, приспособить и либо к ним приспособиться, либо под себя эти новации приспособить. И постреволюционное общество демонстрирует удивительную смесь традиции и новации. Поэтому, когда мы сегодня говорим о разрыве, о новом, мне кажется, что мы должны держать в голове эту проблему преемственности и то, что очень многие явления, характерные для советского общества, для раннесоветского общества, начались не в 1917 г. И тогда картина революции будет более объективной, богатой, объемной и красочной. Спасибо.

И. В. Купцова: Я также хотела бы поблагодарить организаторов за возможность принять участие в конференции. Николай Николаевич в своем выступлении, с одной стороны, подвел итоги работы нашей секции, а с другой — обозначил целый комплекс проблем, по которым хотелось бы высказать свои соображения. Я считаю, что правильнее говорить не о творческой, а о художественной интеллигенции. Вся интеллигенция: и научная, и инженерно-техническая, и др. — является творческой. Творчество — это одно из родовых ее качеств. Обращаясь к отношению художественной интеллигенции к Революции 1917 г., справедливо высказанное утверждение, что для нее не была характерна позиция отторжения. Можно вспомнить высказывание О. Мандельштама: «Лирический поэт — по природе своей двуполюсное существо, способное к бесчисленным расщеплениям во имя внутреннего диалога». Очень сложно говорить о каких-то устоявшихся позициях, взглядах. На протяжении всего 1917 г. мы видим процесс бесконечной перемены взглядов, настроений, поведенческих практик под влиянием множества факторов, и не только политических. Картина отношений

власти и художественной интеллигенции в рассматриваемый период была намного сложнее. Наряду с теми, кто не принял приход к власти большевиков, были и те, кто пошел на сотрудничество с ними. Большинство из них не разделяли идей большевиков. Сотрудничество для многих было возможной формой реализации культурного подвижничества, целью которого было сохранение культуры.

Думаю, что художественной интеллигенции повезло, что у большевиков не было четкого понимания того, какой должна быть культура. Создается впечатление, что имел место взаимный прагматичный подход. Власти были заинтересованы в привлечении художественных сил для агитации и пропаганды, формировании репрезентативного образа власти. В то же время и художники, особенно левых течений, были заинтересованы в сотрудничестве, которое предоставляло новые возможности для творчества. Это был короткий период диалога власти и художественной интеллигенции, границы которого постепенно сужались.

О. В. Игнатенко-Дэсанлис: Еще раз спасибо, Николай Николаевич, за конференцию, возможность выступить всем докладчикам, за ваше заключительное слово. Я бы сказала, может быть, продолжая свою сегодняшнюю тематику иллюстративного ряда хронологической летописи 1917 г.: художественная интеллигенция стремилась не к антагонизму, а к слиянию с народом, неслучайны стихи Блока, о которых пишет Жорж Нива. Также я упоминала и Мережковского, и Гиппиус. Порыв художественной интеллигенции к формированию диалога с народом отмечается во всех произведениях, во всех призывах. Поэтому здесь была надежда, хотя Волошин в конце своего стихотворения и написал, что красная Пасха без воскресенья. После революции в Праге в сборнике статей «Смена вех» Потехин отмечает все ту же надежду на воскресение народа вместе с революцией, начиная пасхальным циклом и заканчивая поэмой «Двенадцать» Блока с Христом во главе. Диалог с народом ситуативно становится все реальнее, с общим чаением, и воздействие на культуру, на создание какого-то иного художественного слова, что потом проявляется в других уже левых течениях 1920-х гг. И можно вспомнить того же Родченко, который говорил о вече. Вообще новый подход к искусству — русский авангард — рождается и становится одним из самых влиятельных в искусстве. Спасибо.

Н. Н. Смирнов: Знаете, долгие годы, что я преподавал в университете курс «Интеллигенция и власть», эта проблема — позиция интеллигенции в период революции и в первые годы Советской власти — не дает мне покоя. Когда начинается разлом? Когда художественная интеллигенция понимает, что оказывается в тисках, внутри которых ей будет тесно, которые будут ее сдавливать, которые разрушат ее творческий потенциал? Думаю, на Первом Всесоюзном съезде писателей. Вот там произошел этот разлом, когда произошел четкий по-

ворот к тому, что хватит — нам нужна одна пролетарская культура, без напостовцев, без разных направлений, без всяких там серапионовых братьев. Когда сегодня в одном из выступлений было сказано о том, что вот уже после Октября 1917 г. происходит поворот к Пролеткульту, да, он происходит, но происходит не в том виде, в каком происходит в конце 1920-х — начале 1930-х гг. Все-таки несмотря на то, что Советская власть обозначила, что для нее направляющим течением развития художественной мысли будет являться пролетарская культура, она тем не менее не повязала по рукам и ногам другие направления, которые тогда существовали в культуре. И, наверное, если серьезно анализировать процессы, которые происходили от февраля к октябрю 1917 г., от октября 1917 г. к осени 1918 г., в период Гражданской войны, то мы увидим, что кардинальной ломки в развитии художественной интеллигенции практически не происходит. Нет заползания в какую-то раковину, внутри которой можно было все это перетерпеть, все это пересидеть. Знаете, я думаю, искусство плаката, искусство лозунга того времени — от февраля 1917 г. и до окончания Гражданской войны — требует своего очень серьезного и вдумчивого исследователя, потому что образцы агитпропа, если говорить словами Бориса Ивановича Колоницкого, которые были созданы в этот период, на самом деле свидетельствуют не о затухании художественной жизни. Они, напротив, свидетельствуют о многообразии форм, в которых художественная интеллигенция могла себя проявить. Представляете, какое количество имен дала эта эпоха? Назовите мне другую такую эпоху. Даже в послевоенное время, после Великой Отечественной войны, мы такого количества имен не наберем, как в период революции 1917 г. и Гражданской войны. С моей точки зрения, она сформировала нашу культуру последующих десятилетий. А ломка, которая происходила на Первом Всесоюзном съезде писателей, наложила очень сильный отпечаток на развитие всей культуры. Я не знаю, хорошо или плохо, я не могу дать однозначный ответ на вопрос о том, хорош или плох был поворот к пролетарской культуре и отказ от того многообразия, который давали прочие культуры. Честное слово, не могу я дать твердого ответа: «да, все плохо». Почему? Потому что и вугри пролетарской культуры мы наблюдаем совершенно разные направления. Она, опять же я повторюсь, не одномерна. Шолохов — пролетарская культура? Серафимович — пролетарская культура? Ну поставьте их рядом, сопоставьте их творчество, — вы же увидите, что это два совершенно разных направления художественной жизни Советской России, Советского Союза. А возьмите представителей театрального искусства, — Мейерхольд — это какое искусство? Вписался он в пролетарскую культуру или не вписался? Какое воздействие на Мейерхольда оказали революция и Гражданская война? Насколько они сформировали его и его театр? Очень сложно сказать. А процессы, которые происходили в Московском Художественном театре (он тогда

еще не был академическим)? Тоже очень сложно сказать: было ли обращение к пролетарской культуре, в театральном искусстве однозначно негативно или все-таки надо подумать, поразмыслить и попытаться понять, какие процессы там происходили? Ну а Мухина — как к этому явлению относиться? Что угодно можно говорить, Мухина — это тоже производное от той же революции и Гражданской войны, от художественной интеллигенции этой эпохи. Я могу понять, когда некоторые москвичи воротят нос и говорят «Ах, вот этот “Рабочий и колхозница”». В Париже «Рабочий и колхозница» французскую публику на уши поставили. Понимаете, для них это был образец искусства, к которому нужно было стремиться. Как его оценивать, оно ведь все пришло из той эпохи, о которой мы сегодня с вами говорим.

О. В. Игнатенко-Дэсанлис: Советское искусство вызвало триумф на Всемирной выставке.

Н. Н. Смирнов: Конечно. Понимаете, оценивать необычайно сложно все те процессы, которые происходили. Вот мы говорили — плакат в основном изображает рабочих и крестьян. Я вам назову другой плакат, который показывает совершенно другую категорию российского населения. Вспомните, сколько было плакатов со священнослужителями и в каком виде на этих плакатах эти самые священнослужители были представлены. И это в эпоху, когда Советская власть только что пришла. Возьмите журнал «Огонек» марта или мая 1917 г., посмотрите на рисунки, которые были опубликованы на его страницах. Почему? Вот мы говорим «а» — разрушали церкви, почему мы не говорим «б», — что революция в России происходила в тот период, когда атеизм становился главенствующим направлением у народа? Откуда этот атеизм пришел? Он из Европы пришел, но Европа им переболела еще в XIX в., а Россия этим самым атеизмом заразилась и переболела именно в период Первой мировой войны, в период революции, в период Гражданской войны. Отсюда такое отношение к церкви, к священнослужителям. Я удивляюсь, почему сегодня не вспомнили, хотя его имя упоминалось, А. В. Луначарского, его дискуссию с церковнослужителями. И это были не священнослужители пятого-шестого порядка, а это были иерархи Русской Православной церкви, которые вступали в диспут с Луначарским и которые, извините меня, иногда из этого диспута просто побитыми выходили. Но это ведь тоже культура, это формирование нового сознания, новой ментальности, которое происходило в то же самое время, о котором мы с вами говорим.

Когда мы говорим о революции, — я великолепно отношусь к Александру Евгеньевичу Рабиновичу, но никогда не соглашусь с его периодизацией революции 1917 г. Революция не может быть растянутой на годы! Революция — это короткий миг, в течение которого происходит слом старого и начинается новое. Все, после этого наступает постреволюционный период. Вот в этот постреволюционный период те задачи, которые революция, может быть, не решила в

этот узкий, маленький промежуток времени, — они продолжают решаться. Но самое главное революция сделала — она убрала с политической сцены один строй и вместо него начинала строить, провозглашала строительство нового строя. Строительство нового строя — оно к революции вряд ли имеет отношение; начинается постреволюционная эпоха. Та же эпоха началась и в культуре. Я никогда не соглашусь с тем, что мы должны рассматривать дискретно советскую культуру и дореволюционную культуру. Советская культура — она производная от дореволюционной. Другое дело, хороший ли образчик из дореволюционной культуры взяли носители новой советской культуры, или они взяли те образчики, которые в нашем современном восприятии вряд ли могут быть оценены как стоящие того, чтобы на них ориентироваться. Но, дорогие мои, какова эпоха, таковы и люди. Мы не можем подходить к оценке ментальности людей 1917–1919 гг. с позиции людей, живущих в начале XXI в. А мы тем не менее пытаемся оценить психологию и ментальность людей той эпохи и приложить к ним, может быть, те чувства, те качества, которые характерны для нас и формируют нас как личности. Совсем не обязательно, чтобы наши деды и прадеды были носителями той же самой ментальности, того же самого сознания.

Осознание этого поможет нам немножко иначе понять саму эпоху революции 1917 г. и постреволюционную эпоху. Но еще раз подчеркну — была сделана попытка выйти за те рамки, в которых наша историография, к сожалению, в начале XXI в. продолжает находиться. К сожалению. Я не сторонник того, чтобы говорить, что советская историография — это то, с чем можно покончить раз и навсегда, нет абсолютно. В советской историографии было много того, что следует взять на вооружение, на что следует ориентироваться. Как бы мы ни относились к работам Максима Павловича Кима, Людмилы Марковны Зак, я и сегодня отношусь к ним совершенно нормально. Они делали свое дело — описали те процессы, которые происходили в отечественной культуре, так, как они это могли описать. Сегодня мы можем двинуться дальше, но, может быть, где-то поставить под сомнение выводы, к которым они приходили тогда, а может быть, согласиться с выводами, которые были ими сделаны. Мне студенты иногда говорят: да, это была спекуляция, тогда проще всего было писать о советской культуре. Но вот Вера Романовна Лейкина-Свирская не хотела писать о советской культуре и не писала, а рассматривала дореволюционную эпоху, и никто не мог ее заставить заниматься тем, чем она не хотела заниматься. Я вас уверяю, что Людмилу Марковну и Максима Павловича точно так же никто не принуждал, никто не заставлял — они занимались тем, что было им интересно. И этот интерес к советской историографии мы должны с вами вычленивать и взять его на вооружение. Совершенно не призываю к тому, что надо со всем соглашаться; диспут, дискурс — это то, что нас движет, что помогает нам развивать-

ся. Но безусловно отрицать то, что было сделано нашими предшественниками, не стоит.

Надеюсь, у вас появилось желание немножко поспорить. Я ужасно не люблю, когда просто соглашаются — давайте дискутировать. Я согласился модерировать эту секцию, потому что мне тоже немного хочется что-то для себя получить, — с чем-то согласиться, с чем-то не согласиться. А когда мы молчим, киваем головами, встаем и уходим, — такое чувство, что ты либо чушь нес, и с тобой просто мирятся — ну, куда деваться, как Михаил Михайлович Сафонов сказал, — начальник, что с ним спорить, бесполезно спорить. Да нет начальника, есть такой же исследователь, как вы, которые сидят в этом зале.

О. В. Игнатенко-Дэсанлис: Я хотела, продолжая ваш пример с Мухиной, сказать, что международная выставка 1925 г., рабочий павильон Родченко — действительно, благодаря этому Запад начал узнавать не только о русском, а уже о советском авангардном искусстве. Но еще до революции намечались те общие процессы, которые потом, вероятно, приобрели более масштабный и более оформленный, конкретизированный характер. Можно вспомнить художников, осевших в эмиграции, но заявивших о себе и продолжавших пропагандировать русскую культуру. Известно творчество Якова Евгеньевича Поволоцкого, который в Париже работал. Около 70 % русской художественной литературы в Европе издавалось в Париже. Наши художники были инициаторами эмблематики, выставок, и это тоже пропаганда, заявка о русском, советском искусстве. Здесь так же, как и в России, эти ростки были еще до революции, а потом претерпевают некую метаморфозу, и вырастает совершенно новое для Запада искусство, и по сей день считается, что русский авангард стал основой нового искусства на Западе.

О. С. Поршнева: Мне кажется, что следует учитывать при оценке политики большевиков в сфере культуры прагматизм большевиков, их дифференцированный подход к разным, скажем так, отрядам интеллигенции, к разным слоям интеллектуалов и представителям различных творческих групп. С одной стороны, конечно, большевики стимулировали новаторские поиски в сфере искусства, поскольку это было связано с разрушением старой системы ценностей, предоставлялся простор для такого рода новаций, для творчества в сфере искусства. А с другой стороны, большевики привлекали техническую интеллигенцию — инженеров, ученых — на службу и предоставляли очень благоприятные условия для работы, для научной деятельности, для творчества. В то же самое время они осуществляли иную политику в отношении гуманитарной интеллигенции, которая не принимала марксизм. Это касалось и историков, и философов, все мы помним знаменитый «философский пароход», когда Ленин говорил, что более гуманно выслать интеллигенцию, чем ее репрессировать. Это подавалось как гуманный акт, но тем не менее значительная часть филосо-

фов, и в том числе, кажется, Питирим Сорокин с ними уехал, и Сергей Булгаков, и Франк...

Н. Н. Смирнов: Вы вспомните, какое направление философской мысли все они представляли. Это русская религиозная философская мысль.

О. С. Поршнева: Питирим Сорокин тем не менее основатель социологии.

Н. Н. Смирнов: Это он там, в Америке, им стал.

О. С. Поршнева: Мне кажется, все-таки не надо недооценивать потери.

Н. Н. Смирнов: Конечно.

О. С. Поршнева: Потому что культурные элиты, которые были связаны со старым и не приняли марксизм, — им места в новой реальности не нашлось. Понятно, что это было связано с логикой революции, когда она, как правило, разрушает больше, чем нужно, — не только отжившие структуры, но и ряд жизнеспособных, с точки зрения дальнейшего развития. Но с прагматической точки зрения большевиков, для формирования каких-то новых идеологических структур, культурных систем они были лишними, отжившими, мешавшими. Поэтому мне кажется, что не следует столь однозначно оценивать политику большевиков в сфере культуры. Она не была только лишь стимулированием свободы в области творчества, потому что было, о чем я уже выше сказала, дифференцирование.

О. В. Игнатенко-Дэсанлис: Мне кажется, не следует говорить ни об идеализации революции, ни об идеализации нового искусства. Потому что то, что можно было творить и создавать в новом советском пространстве, — это было до 1928-го, максимум до 1932 г.

Н. Н. Смирнов: То, о чем мы и говорили.

О. В. Игнатенко-Дэсанлис: Потом был новый этап развития, 1920-е гг., и, конечно, все уже меняется радикально.

И. В. Купцова: Мне кажется, что даже до середины 1920-х гг. В 1921 г. был создан Агитпропотдел ЦК РКП(б), в 1922 г. было учреждено Главное управление по делам литературы и искусства (Главлит), в 1923 г. — Главная репертуарная комиссия (Главрепертком). Все эти учреждения призваны были в той или иной степени контролировать художественную жизнь. Наряду с этим в 1922 г. было принято постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О порядке утверждения и регистрации обществ и союзов, не преследующих цели извлечения прибыли и порядке надзора за ними», ограничивавшее деятельность общественных, в том числе художественных организаций. Наконец, именно к середине 1920-х гг. наблюдается односторонняя поддержка властей отдельных художественных обществ, например АХРР. Как отмечали представители объединений «Ост», «Маковец», «Четыре искусства», «Бытие» в официальном обращении 1926 г., поддержка должна распределяться равномерно, для плодотворного развития искусства

необходимо равнотерпимое отношение государства и партии в области художественной политики. В 1925 г. было принято постановление «О партийной политике в области художественной литературы», знаменовавшее поддержку пролетарской литературы. То есть власть постепенно сужала число участников диалога, последовательно сводя его в монолог.

С. Б. Ульянова: Я хотела еще продолжить. Ольга Сергеевна Поршнева сказала, что революция — это всегда потери. Да, но, мне кажется, мы всегда забываем, когда говорим о культуре, что потери в значительной степени связаны с утратой потребителей культуры. Например, мы говорим «философский пароход» — потеря для России, но в результате Гражданской войны в значительной степени был утрачен слой потребителей этой культуры. А если нет потребителей, нет рынка, нет спроса на эту культуру, — соответственно, ожидаемы и те потери, о которых мы говорили. Это тоже надо учитывать.

Н. Н. Смирнов: Хорошо, конфликт формы и содержания. Но куда вы денете Булгакова? Куда вы денете его «Собачье сердце»? При всем том, что вы говорите, — ну да, подавлялось, ну да, форма и содержание не соответствовали, но разве публика не понимала, что это вещь, которая характеризует совершенно иначе тот строй, в котором они живут? И не только это. Понимаете, эпоха-то одна и та же. А куда вы Эйзенштейна денете? Куда вы братьев Васильевых денете? Мы говорим: «А это вот весь мир признает», а в России мы говорим: «А, это искусство, которое вот там». До сегодняшнего дня, по-моему, мнение кинематографистов единодушно: лестницу так, как ее снял Эйзенштейн, больше не снял никто и никогда, это вершина того, что можно было сделать.

Ну да, конечно, можно привести и другие примеры, сказать, что в то же самое время, когда он все это сделал, он трясся и ждал, когда его арестуют, когда его накажут, когда его сошлют в места не столь отдаленные. И это тоже было. Почему я говорю о том, что мы не можем воспринимать все как какое-то одномерное развитие процесса, даже та же пролетарская культура, еще раз подчеркну, не одномерна. Понимаете, я побывал во многих регионах нашей замечательной огромной страны, о которой говорилось, о территории и ее влиянии на все прочее, на формирование тоталитарной системы, в частности, да? Пролетарская культура в различных регионах была совершенно разной. Окажетесь вы в Чите, сходите в краеведческий музей Читинской области, посмотрите тамошние произведения пролетарского искусства. А потом сходите в Иркутске в тамошний краеведческий музей, или в Красноярске в тамошний, и вы увидите, что пролетарское искусство — оно не только такое, каким мы его привыкли видеть в Москве или в Ленинграде, в Санкт-Петербурге. Оно разное, и это тоже важный момент.

При всей критике — ах, свернули «Серрапионовых братьев», разогнали кузнецов, напостовцев и т. д., и т. п., оставили одну пролетар-

скую культуру, — но и в той же пролетарской культуре был выход. Понимаете, был — возвращение к реализму. Это хорошо или плохо? Не знаю. Что лучше? Я необычайно высоко ценю и Шагала, и Герасимова, как бы меня ни осуждали, творчество и того, и другого я необычайно высоко ценю, хотя, казалось бы, между ними ничего общего нет. Проблема очень серьезная, очень тонкая. Все-таки удалось вас немножко расшевелить, вы немножко по-другому начали смотреть на эти же самые проблемы.

А. А. Бочаров: Своеобразная закономерность нашего сегодняшнего заседания состоит в том, что его тематика делится на два направления: одно посвящено проблеме художественной культуры, другое — культуре повседневности, повседневной жизни. А какой вид художественного искусства первых постреволюционных лет наиболее ярко, зримо, непосредственно и реалистично отражал повседневную жизнь? Безусловно, новый советский кинематограф. В связи с этим хочу высказать некоторое сожаление, что докладов, связанных с этой тематикой, здесь не прозвучало. Но вернусь ненадолго к теме своего доклада. Вы вспоминали Эйзенштейна и братьев Васильевых, а я вспомню двух классиков советского кино, Козинцева и Трауберга, один из первых фильмов «Чертовое колесо» или «Моряк с “Авроры”», главный герой которого — матрос, возможно относящийся к категории именно тех, о которых я пишу, попадает в окружение уголовников, еще более ярких представителей той самой девиантной культуры того времени.

Н. Н. Смирнов: Вы знаете, мне очень понравилось то, что в Музее политической истории сделали организаторы, готовясь к этой конференции. Если вы обратили внимание, то в атриуме они вывесили плакаты той эпохи. Боже ты мой, это ведь тоже образчик искусства той эпохи, того времени! Это настолько необычно и, как это ни странно, это актуально — некоторые из плакатов, которые там вывешены, появились в 1917 г., а через сто лет мы смотрим на них и говорим: боже ты мой, да это же просто про наше время. Вот такова магия искусства, понимаете. Наверное, этого оно и привлекает к себе наше внимание, потому что какая-то чертовщинка в этом заложена. И попытка разобраться, что же она собой представляет, вот эта чертовщинка, я надеюсь, может быть, когда-нибудь сведет нас вместе в этом зале на специальный разговор. Я не знаю, в какой форме он пройдет — круглого стола или семинара, потому что для конференции нас, собравшихся здесь сегодня, маловато. Но я думаю, если мы бросим клич, то сумеем подготовить что-нибудь стоящее хотя бы по той же теме — культура и ее восприятие в разные эпохи — в эпоху революции, в эпоху Гражданской войны, в эпоху первых лет Советской власти, дальше — не знаю, может быть, стоит и дальше забраться, — не сомневаюсь, это может быть очень интересная, очень любопытная конференция.

12 мая 2017 г.

Секция 6

ЛИЧНОСТЬ И РЕВОЛЮЦИЯ

А. Ю. Дворниченко

**Георгий Вернадский:
Историк в революции, «революция в историке»,
историк о революции**

Мне уже приходилось рассуждать о феномене Георгия Владимировича Вернадского¹. Не хотелось бы излишне эксплуатировать этот образ, но не могу не отметить наличие еще и «феномена в феномене». Речь идет о феномене «Вернадский и революция», что само по себе не столь уж и удивительно, если учесть масштабы личности и характер включенности ее в эпоху. Сразу хочу отметить, что феномены эти (возможно выявление и еще ряда локальных) можно уловить, если удастся мобилизовать богатейшие материалы о Вернадском и его творчестве, которые хранятся в библиотеках и архивах по обе стороны океана. Я постарался это сделать в книге². К докладу весь этот материал привлечь, к сожалению, невозможно.

На то, чтобы стать революционером, Георгий был «обречен» своим происхождением, той социальной средой, в которой он взрастал. Как хорошо сказал А. Ю. Бондарь, автор интересной диссертации о Георгии-революционере: «...Никогда не будет лишним подчеркнуть то, что самые громкие имена освободительного и конституционного движения, а затем и кадетской партии, составили ближайшее окружение (в самых разных отношениях) Г. В. Вернадского»³. Кстати говоря, сам Бондарь явно перегнул палку, стремясь изобразить Георгия завзятым либеральным деятелем и революционером. Наверное, к этому Бондаря толкнул сам характер избранной им для диссертации темы. Между тем «революционность» Георгия преувеличивать не стоит. «Либерально-революционная» активность будущего выдающегося историка приходится на студенческие годы.

Она по-своему интересна и даже разнообразна. Зимой 1905/06 г. он вместе с друзьями активно участвовал в кампании помощи голодающим, работал в Крестьянском союзе. Работа была громадная. В начале Георгий провел анализ состояния крестьян в деревнях Моршанского уезда Тамбовской губернии. Были составлены списки тех, кто нуждается в помощи, затем Георгий перешел к сбору средств и организации

¹ Дворниченко А. Ю. From US with love and care: феномен Георгия Вернадского // Клио. 2013. № 12 (84). С. 135–138.

² Дворниченко А. Ю. Русский историк Георгий Вернадский: путешествия в мире людей, идей и событий. СПб. : Евразия, 2017.

³ Бондарь А. Ю. Общественно-политические взгляды и деятельность Г. В. Вернадского : дис. ... канд. ист. наук / Рос. ун-т дружбы народов. М., 2001. С. 30 (научный руководитель канд. ист. наук Р. А. Арсланов).

столовых. Было создано более десятка столовых, в архиве сохранились счета, ведомости и другие документы. Однако уже вскоре Департамент полиции просит объявить профессору Московского университета Вернадскому, что его сын Георгий арестован за участие в противоправной пропаганде среди крестьян в столовых. У Георгия требовали получить разрешение на открытие столовых — он такого распоряжения брать не желал и, скрепя сердце, был вынужден свернуть свою деятельность. Столовые, открытые без разрешения властей, были закрыты, а папе пришлось подключить свои личные связи для того, чтобы выручить сына из лап полиции.

Георгий посещал митинги, что иной раз оборачивалось курьезом. Один из таких случаев описал А. А. Корнилов: «Декабрьскому восстанию в Москве предшествовало большое собрание в большом театре “Аквариум”. Туда собрались идти Георгий Вернадский и его товарищ Шик. Они нарядились в полушубки и захватили с собой револьверы. Наташа Вернадская очень была недовольна и старалась отговорить сына. Я тоже было попробовал, но пришлось уступить. Скоро, однако, они вернулись, но вернулись весьма сконфуженные. Оказалось, что револьверы они бросили, так как при выходе с митинга всех обыскивали солдаты. Этот случай послужил для них примером»⁴.

Но все-таки Георгий, как ко всему в жизни, относился серьезно и к революции. С 1906 по 1908 г. Георгий был, пожалуй, самым активным «политиканом» в своей долгой и насыщенной событиями жизни. Больше всего настрою молодого человека соответствовала кадетская партия, и он вступил в студенческую фракцию этой партии. Кадетскими интересами и настроениями Георгий проникся весьма глубоко и для дела партии на своем уровне сделал немало. Причем сражался он и пером, его работа в жанре обличительной статьи впечатляет: он заядло гвоздит наше главное зло — бюрократию⁵. Не оставляла студента без внимания и охранка. В январе 1907 г. его вновь арестовали за распространение агитационной литературы партии народной свободы на Смоленском бульваре в Москве. В течение нескольких последующих лет его имя регулярно появляется в документах охранки.

Последний всплеск революционной активности у историка был в связи с Февральской революцией. Дело было уже в Петрограде, где Георгий работал помощником секретаря ЦК партии — того же Корнилова. У Корнилова от перенапряжения случился удар, и Георгий занимался его лечением, даже возил в Кисловодск в санаторий⁶, одновременно вместе с В. А. Оболенским выполняя обязанности секретаря ЦК партии кадетов. Георгий часто бывает в кадетском клубе: «С утра до вечера занят по горло на Французской набережной. Чувствую, что дело

⁴ Корнилов А. А. Воспоминания // Вопросы истории. 1994. № 5. С. 121.

⁵ Вернадский Г. В. Разложение бюрократии // Новое время. 1995. № 21. Май. С. 44–45.

⁶ Вернадский Г. В. Русская историография. М. : Аграф, 1998. С. 306.

нужное и живое, и работой увлекаюсь»⁷. С его легкой руки Корнилов поправился и снова стал заниматься политической деятельностью. Ну, вот, пожалуй, и вся революционная деятельность моего героя. Продолжал, правда, сражаться и пером. Причем о брошюре, посвященной П. Н. Милокову, потом жалел⁸. Это даже вызвало недоумение в скудной литературе о Вернадском⁹. Но Георгий сам все разъяснил: «Милоков заострил свое отношение к царской семье. Я почувствовал, что я не политик, что мне неприемлемо такое жестокое отношение к людям “старого режима”, и, вообще, к людям, как пешкам в политической игре»¹⁰. Тут, вроде ни убавить, ни прибавить: морально-нравственное состояние Георгия не совмещалось с революцией. Но можно еще вспомнить Козьму Прутков: «Ему чужды любви и страсти позолота, его влечет научная работа». Любовь к революции, явно не уживалась со страстью к науке, и эта страсть полностью победила.

Во всяком случае, служа уже в Пермском университете, работая над диссертацией и защищая в Петрограде эту диссертацию прямо накануне Октябрьского переворота, наш историк попросту не заметил этого эпохального события. Впрочем, в этом он был, судя по всему, не одинок. Потом ему вместе с женой пришлось скрываться от большевистских «органов» в пермской глуши. Потом переезд в Киев, а оттуда довольно быстро в Крым, где была не только научная и преподавательская деятельность в Симферопольском университете, но и служба начальником отдела печати в правительстве П. Н. Врангеля. Российская эпопея закончилась эмиграцией, которую сам историк горестно именовал «экспатриацией». От Босфора до Восточного побережья США пронес Георгий ненависть к большевизму. Собственно, это была не ненависть, поскольку Георгий был чрезвычайно мягким и добрым человеком и вряд ли мог ненавидеть. Скорее это был страх за любимую Россию, боязнь того, что могут с ней сотворить большевики. К судьбам страны он в 20-е годы относился крайне пессимистично, в отличие от своего друга М. М. Карповича, который нашел его своими письмами в Афинах, живя уже несколько лет в США¹¹.

И вот, уже будучи сотрудником одного из престижнейших вузов Америки, на протяжении 30-х — 40-х гг. Георгий Вернадский пережи-

⁷ ГАРФ. Ф. 1137. Оп. 1. Д. 367. Письма Вернадского Георгия Владимировича жене Вернадской Н. В. Л. 137–139.

⁸ Bakhmeteff Archive of Russian and East European Culture (BAR). George Vernadsky Papers (GVP). Box (B). 97. Folder (F). 3. Из воспоминаний детства и отрочества. С. 19–22, 27.

⁹ Halperin Ch. J. *Russia and the Steppe: George Vernadsky and Eurasianism* // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Berlin, 1985. Otto Harrassowitz. Wiesbaden. Bd. 36. P. 64.

¹⁰ BAR. GVP. B. 97. F. 3. Хронологическая канва моей жизни. Ч. I (1887–1917). С. 83.

¹¹ Письма М. Карповича Г. Вернадскому / публ., предисл. и коммент. М. Раева // Новый журнал. 1992. Кн. 188. С. 268, 270.

ваит интересную эволюцию. Можно сказать, что революция жила в его душе и проводила подспудную работу. Он силился понять причины революции, определить место и значение «послереволюционной» эпохи. Я не хочу сказать, что он только этому посвящал свою жизнь. Вернадскому было чем заняться: он выдающийся исследователь средневековья. Но как русский, покинувший страну уже сформировавшимся человеком, как дворянин, как ученый, воспитанный в рамках двух самых великих русских исторических школ — московской и петербургской, он не мог не размышлять о революции.

От неприятия Советской России, ее резкого отторжения историк все больше приходил к осознанию закономерности появления этой стадии российской государственности. Советская Россия оказывалась продолжением предшествующей ей Имперской России, пусть и с определенной, иной раз ярко выраженной спецификой. Осознание это нарастало постепенно, а международное напряжение, переросшее в страшную мировую бойню, превращало это осознание в убеждение. Тем более, что в войну историк стал сражаться за свою Россию, используя в качестве оружия свои знания, навыки и талант.

К концу войны патриотизм его достиг апогея. К этому времени они как бы поменялись местами с Карповичем. Если во время Гражданской войны Карпович, ненавидя большевиков, верил в Россию, а Вернадский проявлял скепсис, то теперь, наоборот, Карпович разуверился в России, отказывался видеть в Советской России до тех пор, пока она находится во власти тоталитарного режима, силу, способную дать Европе и человечеству политику свободы и социальной правды. Он принадлежал к той группе эмиграции, которую Н. А. Бердяев обвинял в «англо-американском интернационализме». Отводя от себя обвинения, Карпович писал, что советский строй — не осуществление, а извращение социализма и что поэтому распространение советского строя за пределы России ничего, кроме вреда, социальному переустройству мира не принесет. России необходимо предварительное внутреннее освобождение¹². Карпович выражал опасение, что тоталитарные и полицейские режимы могут в Европе занять место немецких завоевателей¹³. При всем моем пиетете к Вернадскому должен сказать, что его друг проявил большую проницательность. Он как будто предвидел и создание «лагеря социализма», и то, что Россия будет поддерживать кровавых диктаторов, лезть в Эфиопию, Афганистан и т. д.

А Вернадскому пришлось отступать или, как сказал бы советский ученый А. Б. Панченко, «эмигрировать в Древнюю Русь». Эта эмиграция внутри эмиграции была, конечно же, нелегка, историк погружался в нее постепенно. Как отметил Ч. Дж. Гальперин, и своими работами в области древней и средневековой истории он доказывал, что Россия знала свободу, что она не была восточной деспотией. Но ситуация усугубилась

¹² Карпович М. М. После победы // Новый журнал. 1945. Кн. 10. С. 371–373.

¹³ Письма М. Карповича Г. Вернадскому. С. 260.

гублялась еще и тем, что историк чувствовал: в его России далеко не все так хорошо, как вещала официальная советская пропаганда. Это делало его положение еще более сложным.

И такая сложная, эволюционирующая и изменяющаяся гамма чувств определяла исследовательский дискурс «Вернадский о революции». К изучению этой стороны творчества Вернадского осуществлены только первые подступы¹⁴. Похоже, что историк одним из первых (если не первый вообще) подверг революцию, да и «послереволюционный» период непредвзятому научному исследованию. Сначала самой революцией он заниматься не хотел. В своей неприязни к современности он был не одинок. М. Раев обратил внимание на особый психологический настрой русских историков-эмигрантов. На их глазах произошли столь глобальные потрясения (Первая мировая война, революция 1917 г., братоубийственная бойня), что осмыслить их, даже специалисту, было очень и очень трудно. Еще сложнее было понять истоки этой катастрофы, осознать ее глубинные причины. Вот почему историки всячески уходили от современности¹⁵.

Но надо было утверждаться в научной жизни США, а тема была, как теперь говорят, «в тренде». Уже знаменитый в будущем «короткий Вернадский», вышедший в 1929 г., доводил обзор событий до 1928 г. Затем последовала довольно взвешенная книга о Ленине, которая переведена и издана у нас в постперестроечное время¹⁶ и книжка о революции¹⁷, переведенная в Китае. Осознать революцию в этот период помогала евразийская теория. В 1934 г. в Берлине вышел «Опыт истории Евразии»¹⁸. Глава, посвященная Советской России, так и называлась: «Евразия советская 1917–1933 гг.».

Многие проблемы историк ставит в лишь недавно опубликованной статье «Парадоксы большевизма», в мало известной у нас книге «Политическая и дипломатическая история»¹⁹. Присовокупим сюда еще многочисленные рецензии, которые историк публиковал постоянно, а также интересные лекции, которые историк читал в Колумбийском университете (они, к сожалению, не опубликованы) — у нас получится достаточно широкий круг сочинений.

¹⁴ Halperin Ch. J. *Russia and the Steppe...*; Дворниченко А. Ю. Георгий Вернадский о Советской России (к публикации статьи Г. В. Вернадского «Парадоксы большевизма») // *Новейшая история России: Междисциплинарный науч.-теоретич. журн.* 2015. № 2. С. 101–132.

¹⁵ Раев М. *Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции. 1919–1939.* М.: Прогресс-Академия, 1994. С. 206–207.

¹⁶ Вернадский Г. Ленин — красный диктатор. М.: Аграф, 1998.

¹⁷ Vernadsky G. *The Russian Revolution, 1917–1932.* New York, 1932.

¹⁸ Вернадский Г. В. *Опыт истории Евразии с половины VI века до настоящего времени.* Берлин: Изд. евразийцев, 1934.

¹⁹ Vernadsky G. *Political and Diplomatic History of Russia.* Boston: Little, Brown & Co, 1936.

Если попытаться кратко определить основное направление исследовательской мысли историка, то это, во-первых, стремление понять причины революции, а, во-вторых, найти место «послереволюционной» эпохи в истории России и мира. Мне представляется, что в понимании причин он нашел золотую середину между «оптимистами» и «пессимистами», между «клиотерапевтами» и «клиохирургами» (или, может, «клиопаталогоанатомами»?).

В открытой лекции, прочитанной 2 октября 1944 г., он в очередной раз подверг сомнению мысль о том, что русская революция — прямое следствие русской отсталости. Было несколько причин революции — некоторые более значимые, другие — менее. Элементы отсталости и элементы автократии и политического угнетения могут числиться среди причин революции, но это не главные причины.

Россия быстро двигалась вперед, но не было координации между различными аспектами российской жизни. В частности, политическая организация была далеко позади экономического и культурного развития страны, а политическая практика все больше отставала от практики Западной Европы²⁰. Острое различие наблюдалось между городом и деревней: русская жизнь в городах была достаточно современной. В «Политической и дипломатической истории» он писал так: «Если реформы пытались создать буржуазное общество, то крестьянская основа российской социальной структуры может быть названа социалистической. Это противоречие стало основной причиной последующей революции»²¹. Такие диспропорции приводили к отсутствию единства в человеческой ментальности и еще больше обостряли политические, экономические и культурные различия между различными группами российского общества. Скорее всего, «наиболее фатальным фактором в России было расхождение между различными классами населения в культурном развитии»²².

Еще одна самобытная черта — подавление творческой активности русского народа, который видел отсталость политического режима и гневался. Другими словами, русская «революция» — одна из тех конструктивных «революций», главная причина которой элементарный культурный рост населения, не позволяющий населению мириться с реальностью вокруг него²³.

Уже в лекции пражского периода, которая так и осталась неопубликованной, он говорит о двух современных ему подходах к периоду императорской России. Иван Гримм считает, что все было хорошо, Н. Трубецкой — наоборот, что все надо было перестроить. Историк и ту и другую точки зрения считает крайностью: если бы все было

²⁰ BAR. GVP. B. 96. Notes taken at prof. G. V. Vernadsky's opening lecture — Oct. 2, 1944. P. 1.

²¹ *Vernadsky G. Political and Diplomatic History of Russia.* P. 317.

²² *Вернадский Г. Ленин — красный диктатор.* С. 9.

²³ BAR. GVP. B. 96. Notes taken at prof. G. V. Vernadsky's opening lecture... P. 2.

хорошо — не могло бы так быстро сокрушиться, а если бы все было плохо — не могло бы так долго существовать. Были в России наряду со слабыми сторонами и живые действенные силы, были у нее «десница и шуйца» (в переводе со старославянского: правая и левая руки).

Это были армия, построенная Петром, и наука, искусство, культура. Все это было основано на гармоничном сочетании Церкви и Государства. «Злые силы, приведшие в конце концов к революции, и есть отмена патриаршества и вообще отношение государства к Церкви». Борьба между никонианами и староверами болезненно отразилась на народной психологии и ослабила русскую церковь. Этим самым подготовлена была почва для реформ Петра Великого. Вместе с идеологией расшаталась и воля к власти и победе, а с ними самые основы государства²⁴.

Еще одна из непосредственных причин — Первая мировая война. Россия не сдала этот тест, и тут опять вечные российские противоречия. Вот, например, флот к 1914 г. с технической точки зрения был на очень высоком уровне²⁵, но он не сыграл той роли, которую мог сыграть. А роль сыграли: недостаточность организации экономики, политическая пропаганда, которая началась задолго до войны, конфликт между царем и Думой. Последний конфликт был одной из наиболее прямых причин. Ни одна страна не пыталась в разгар войны не просто менять свое правительство, но менять и форму правительства, конституцию. Это привело к деструктивному этапу русской революции. Была и «конструктивная» — сталинская революция сверху. Историк постоянно призывал учитывать еще и международные аспекты революции. Разве можно понять революцию, не учитывая мощное воздействие идей «Красного Интернационала»²⁶.

Так вот именно «революция сверху» во главе с новым вождем и создала Советскую Россию. Большевизм совершил, казалось бы, немислимый кульбит от интернационализма к национализму и становится защитником русских национальных интересов. Не отвергнув Коммунистический Интернационал, Советский Союз оказался членом Лиги Наций как национальное государство. Историк придает большое значение различиям в политике между Лениным и Троцким, с одной стороны, и Сталиным — с другой²⁷. В области экономики на смену «раннему режиму анархического коммунизма» пришла система государственного социализма (или государственного капитализма). Хотел

²⁴ BAR. GVP. B. 97. F. 6. Воспоминания. Афины.

²⁵ *Vernadsky G. Review [Survival through War and Revolution in Russia. By D. Fedotoff White. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1939] // The American Historical Review. 1939. Vol. 45, N 1. Oct. P. 151–152.*

²⁶ *Vernadsky G. Review [Russia and Asia. By Prince A. Lobanov-Rostovsky. New York, The Macmillan Company, 1933] // Pacific Historical Review. 1933. Vol. 2, N 3. Sept. P. 347.*

²⁷ *Vernadsky G. Review [La Révolution russe. Par Fernand Grenard. Paris Armand Colin, 1933] // The American Historical Review. 1934. Vol. 39, N 4. July. P. 735–737.*

бы обратить внимание на эту прозорливость историка, который уже в первой половине 30-х гг. осознал, что то, что формируется в России, мало общего имеет с притягательной для многих утопией под названием «социализм».

В. В. Чурзин: Если можно, хотел бы задать вопрос по поводу понимания Вернадским революции. Дело в том, что у нас под видом революции совершилась контрреволюция. Собственно говоря, через 50 лет после упразднения крепостного права, оно было восстановлено большевиками, и только заменен класс помещиков на номенклатуру. Наблюдая из Соединенных Штатов Америки процессы, которые происходили в его любимой России, Вернадский с удивлением убеждался, что Россия остается прежней, все возвращается на круги своя. Вот поэтому он давал такие смелые рекомендации разведсообществу США. Но здесь интересна какая вещь ...

П. Г. Рогозный: Вы задавайте вопрос.

В. В. Чурзин: А вопрос такой: «византийский след» большевизма...

П. Г. Рогозный: Вопрос!

В. В. Чурзин: Он ведь был «древник», да? Как и Вы, он естественно знал византизм лучше нас, усматривал ли он следы этой древности в деяниях большевиков или нет? Потому что то, что они установили — принудительность труда, иначе как восстановлением архаического общества назвать нельзя.

А. Ю. Дворниченко: Я не совсем понял вопрос. В каком смысле «византийский след»?

В. В. Чурзин: Я имею в виду тот период, когда было крепостное право, собственно говоря...

П. Г. Рогозный: А что, в Византии было крепостное право?

В. В. Чурзин: Ну, в Византии его не было в таком смысле, но речь идет о системе, которую Вы называете в своих работах, государственно-крепостническая система, которая фактически большевиками была восстановлена, и это очевидный факт.

А. Ю. Дворниченко: Видите ли... Вы, конечно, поднимаете такой вопрос... На те наблюдения, о которых Вы говорите, меня «навел» Георгий Владимирович и некоторые другие «старые» историки. Я просто стесняюсь в такой просвещенной аудитории это излагать, но тем не менее я, почитай, уже лет сорок — знаете, время как-то быстро пролетело — размышляю над русской историей. И прихожу к выводу, что у нас никогда не было революции как таковой. Но вот получается... Ну, Киевскую Русь трогать не будем. Я как специалист по Киевской Руси могу сказать, что это не совсем наша история. Хотя это звучит, конечно, грубо и нехорошо, но нельзя за нее так цепляться. Это наша античность. Вот сейчас три восточнославянских государства борются

за историю Киевской Руси. А она-то общая! Непосредственно история нынешней России (Великороссии) начинается с XIV–XV вв. И как она видится мне лично? Складывается мощный, солидный строй, об этом долго можно говорить, доживает этот строй до какого-то момента, который иначе как древним устоявшимся словом «смута» не назовешь. Проходит он через эту «смуту», и после этого возрождается все то же самое. И вот, мы наблюдаем такие «смуты» и «возрождения». Сейчас присутствуем при очередном «возрождении» (*смех в зале*). Мне снится сон, в котором я спрашиваю: «Дорогая страна, к смуте готова?». Она отвечает: «Всегда готова!» (*смех в зале*).

А. О. Грабовой: Можно ремарочку? Почему такой вопрос возник? Дело в том, что Вернадский действительно, как и Л. Н. Гумилев, был представителем цивилизационного подхода. И почему он революцию воспринял спокойно и не считал ее исчадием ада? Ну, по крайней мере, как я вижу, потому что он, как ученый, понимал, что в ходе этой революции мы берем все полезное из западной цивилизации, как и при Петре...

П. Г. Рогозный: Коллеги! Обсуждение у нас после докладов будет.

Генерал Рузский фальсифицирует историю

Отречение Николая II от престола явилось тем рубежом, после которого события Великой русской революции приняли необратимый характер. Важнейшую роль в них сыграл главнокомандующий Северным фронтом Н. В. Рузский. О ней он высказался трижды.

5 марта 1917 г. генерал дал интервью журналисту газеты «Русская воля» В. Самойлову¹. Рузский заявил, что он сыграл в этих событиях ключевую роль, убедив царя отречься. В мартовские дни 1917 г. лейтмотивом всех публикаций об отречении являлась идея о добровольном сложении царем верховной власти. Эта идея была необходима Временному правительству для своей легитимации. Власть не была захвачена самозванцами, царь не был низложен, он добровольно, без принуждения, сложил с себя верховные полномочия. Поэтому героем отречения должен быть признан тот, кто убедил самодержца сделать этот исторический шаг. Именно такой персоной позиционировал себя Рузский в газетном интервью. Главкосев заявил: «Я убедил его отречься от престола в тот момент, когда для него самого ясна стала неискренность положения».

14 июня 1917 г. в Кисловодске Рузский более подробно рассказал об отречении великому князю Андрею Владимировичу². К этому времени главкосев уже был отстранен с поста главкома, но еще не собирался уходить из политической жизни. Обращаясь к представителю императорской фамилии, не следовало украшаться тем, что убедил царя отречься, а напротив, постараться дистанцироваться от того образа. Поэтому Рузскому пришлось опровергать самого себя. Теперь он позиционировал себя как сторонника ответственного министерства, вырвавшего у царя согласие на введение его, не только не добивавшегося какого-либо отречения, но даже пытавшегося не допустить его вовсе.

В сентябре 1918 г. в Ессентуках во время «красного террора» Рузский передал для публикации монархисту С. Н. Вильчковскому копии подлинных документов февраля–марта 1917 г. Он сопроводил их обстоятельными комментариями. Накануне гибели Рузский уже отчетливо понимал, что он натворил, но не желал этого признавать и главную свою задачу видел в том, чтобы опровергнуть сложившееся мнение о себе как главном виновнике отречения. Генерал старался доказать, что он виновен не более, чем остальные главкомы. Главным же винов-

¹ Русская воля. 1917. 7 марта.

² Красный архив. 1928. Т. 1 (26). С. 203–208.

ником гибели монархии являлся начальник штаба Ставки М. В. Алексеев. Рузский же сделал все, что мог, чтобы избежать отречения. Но это ему не удалось, потому что он стал жертвой дезинформаторов М. В. Алексеева и М. В. Родзянко³. Рузскому пришлось сильно скорректировать свои прежние версии, чтобы они не оказались в противоречии с переданными документами.

Таким образом Рузский проделал эволюцию от образа генерала, убедившего царя отречься, до верноподданного солдата, пытавшего не допустить отречения. Сопоставляя все три версии, нетрудно убедиться: ни одной из них нельзя верить. Особенно если учесть, что в середине этой эволюции Рузский позиционировал себя как либерально мыслящего человека, сорвавшего попытку царя ограничиться урезанным вариантом кабинета доверия. Поэтому глубоко неправы те исследователи, которые для обоснования своих концепций выбирают отдельные элементы той или иной версии. Ведь все они равно недостоверны — переходя от одной версии к другой, Рузский все время сам себя опровергал. Все эти версии следует рассматривать только в совокупности. Но это не значит, что каждая из версий, взятая отдельно, не представляет интереса. Напротив, все три версии интересны прежде всего тем, что, фальсифицируя историю различными путями, главкосев старался скрыть от читателя одно и то же. Сопоставляя фальсифицированные версии и выявляя намеренно утаенное, мы получаем возможность приблизиться к пониманию действительного хода тех событий.

В первой версии Рузский утверждал, что он был абсолютно не осведомлен о том, что происходило в Петрограде. Царь же, напротив, был в курсе дела и знал гораздо более того, что было известно главкосеву. Поэтому, когда Николай во время первого приема Рузского в 2 ч. ночи 2 марта показал ему подписанный манифест об ответственном министерстве и спросил его мнение, генерал уклонился от ответа, хотя и понимал, что этот документ уже запоздал. Он ограничился советом переговорить с председателем Государственной думы Родзянко. Председатель же заявил, что единственным выходом является отречение царя в пользу сына.

Во второй версии Рузский оказался более осведомленным. Еще до встречи с царем он получил телеграмму Алексеева с изложением событий. Но не мог понять, кто же действительно владеет столицей. Будучи «информационно чист» и никем не ангажированным, Рузский во время первой встречи с царем после 21 ч. 1 марта высказал свое кредо о необходимости даровать ответственное министерство. Возможно, ему не удалось бы уговорить царя, если бы в это же время не пришла телеграмма Алексеева о том же. Она окончательно склонила государя принять решение. Однако царь предпринял попытку отделаться ми-

³ Отречение Николая II: Воспоминания очевидцев, документы. [Репринт 2-го, доп. изд. 1927 г.]. М. : Советский писатель, 1990. С. 146–168.

нистерством доверия, в котором силовых министров и министра иностранных дел назначал бы он сам. Но Рузский во время второго приема в первом часу ночи 2 марта добился того, что Николай передал ему телеграмму о даровании ответственного министерства. Она была сообщена Родзянко, передана в Ставку и «прошла по всем фронтам».

В третьей версии Рузский выступает уже информированным, но ложными сведениями Родзянко и Алексеева. И председатель, и наштаверх уверили его в том, что в Петрограде образована новая власть, которая ставит своей целью восстановление порядка. Он в эту ложь поверил и стал жертвой дезинформации. Рузский решил действовать в духе Ставки. Анализируя поступавшие сообщения, он пришел к выводу, что признанная Ставкой новая власть с бунтом справилась. Но в начале шестого часа вечера 1 марта Главкосев стал в этом сомневаться. А между тем он узнал, что Алексеев умолял царя согласиться на манифест об ответственном министерстве. Главкосев решил поддержать ходатайство Алексеева и по его требованию попросил аудиенции у царя после 21 ч. Рузскому пришлось выступить в несвойственной для него роли политика. От его доклада зависело будущее страны, но он не имел достоверных сведений для подобного выступления и пытался уклониться от этой роли. Но царь настоял на докладе. Рузскому пришлось излагать то, что ранее он получил от Алексеева. В ходе доклада у него возник принципиальный спор с царем о целесообразности «ответственного министерства». Рузский убедил Николая издать манифест об ответственном министерстве. Проект ему предали из Ставки в 23.30, когда он вышел от царя во время перерыва своего доклада. Но пока Рузский выходил, царь, видимо, изменил свое решение. Главкосев заявил, что не хочет поступать вопреки его воле и предложил не посылать телеграмму об ответственном министерстве. Но царь остался при своем решении. Он поступил так потому, что мнения Рузского и Алексеева совпали, а эти люди были всегда противоположных мнений. Рузский решил, что теперь дело Родзянко успокоит Россию. Как и царь, он поверил в то, что Временный комитет Государственной думы (ВКГД) создан для восстановления порядка. Рузский, как и Алексеев, не знал, что творилось в Петрограде. Ему не было известно, что образовался Совет рабочих депутатов, а на улицах убивают офицеров. Рузский боялся гражданской междоусобицы во время войны и надеялся, что публикация манифеста вырвет из рук революционных партий могучее средство агитации. Поэтому он поддержал ходатайство Алексеева.

В первой версии решение даровать ответственное министерство принимает осведомленный царь, Рузский же проницательный, но неосведомленный не имеет отношения к этому царскому решению. Во второй версии неинформированный Рузский, сторонник ответственного министерства, добивается у царя издать манифест об этом, срывая попытку монарха отделаться кабинетом доверия. В третьей версии дезинформированный Алексеевым и Родзянко, стоявший вне полити-

ки Рузский стал рупором Ставки и убедил царя пойти на дарование ответственного министерства. При этом никаких «подвигов» в виде пресечения попытки Николая отделаться министерством доверия он не совершал.

Во всех трех вариантах важнейшим элементом является ложь Рузского о своей неосведомленности и в силу этого непричастности к действиям какой-либо из противоборствующих сторон. Документы штаба Северного фронта и Ставки не оставляют сомнений в том, что Рузский был хорошо информирован Алексеевым в сложившейся обстановке⁴. Он знал даже более наштаверха, потому что имел свои информационные каналы. В сообщениях начальника штаба Северного фронта Ю. Н. Данилова фигурируют некие «частные сведения», полученные из Петрограда⁵. Не может не обратить на себя внимание и стремление Данилова оправдаться перед Ставкой за то, что он утаивает от Могилева сведения, которыми располагает⁶. Но самое важное свидетельство осведомленности Рузского содержится в дневнике Николая. Излагая доклад Рузского об итогах его ночных переговоров с Родзянко 2 марта, царь записал: «По его словам, положение в Петрограде таково, что теперь министерство из Думы будто бессильно что-либо сделать, так как с ним борется социал-демократическая партия в лице рабочего комитета». Сопоставляя запись разговора Рузского и Родзянко с формулировкой, озвученной главкосевом во время утреннего доклада царю, нетрудно убедиться, что председатель ВКГД оперировал абстрактными понятиями «анархия» и «расстройство умов»⁷. Выражения же «социал-демократическая партия в лице рабочего комитета» он не употреблял. Эта формулировка заимствована Рузским из другого источника. Скорее всего им был либо начальник Военно-Морского управления при главнокомандующем армиями Северного фронта капитан 1-го ранга В. М. Альфатер, либо помощник начальника Морского генерального штаба капитан 1-го ранга А. П. Капнист. Именно в их сообщениях с морским штабом Ставки встречаются эти формулировки⁸.

Выдвигая на первый план свою неосведомленность, Рузский пытался скрыть, чьим именно союзником он являлся. Одним из первых он поддержал обращенное к главкомом ходатайство Родзянко поставить во главе кабинета лицо, пользующееся доверием страны⁹. Фигура председателя Государственной думы выходит на первый план из тех, с кем тесно сотрудничал Рузский накануне отречения. Еще до приезда царя в Псков главкосев 1 марта в 17.37 послал телеграмму Родзянко с просьбой восстановить порядок в Петрограде и этим своим обра-

⁴ Красный архив. 1927. Т. 2 (21). С. 13–15, 19, 21–29, 31, 35, 41, 44–45.

⁵ Там же. Т. 3 (22). С. 8.

⁶ Там же. С. 6.

⁷ Там же. Т. 2 (21). С. 56, 59.

⁸ Там же. С. 29, 42–43, 77.

⁹ Там же. С. 13.

щением признал властные полномочия председателя. Родзянко же не замедлил их подтвердить, заверив главкосева в ответной телеграмме, что его пожелания будут выполнены¹⁰. Этот «обмен любезностями» знаменовал единство действий председателя и главкосева в тот момент, когда Рузский полагал, что власть переходит в руки Родзянко. Но при этом речь шла пока не об ответственном министерстве, как потом пытался убедить всех Рузский, а лишь о кабинете доверия. И на первом приеме царем Рузского в 21 ч. они говорили именно об этом. Во второй версии Рузский поведал, как сумел убедить царя не ограничиваться «урезанным» министерством доверия, а дать ответственное министерство. В третьей же версии главкосев о важном своем подвиге «забыл». Там речь шла только об ответственном министерстве, идею которого Алексеев буквально вынудил Рузского озвучить перед царем. Примечательны обращения друг к другу председателя и главкосева во время ночных переговоров по прямому проводу: «Душевно преданный Родзянко» и «Глубокоуважающий вас Рузский».

В действительности же добиться согласия царя на публикацию манифеста об ответственном министерстве Рузскому удалось после негласного контакта начальника своего штаба Ю. Н. Данилова с Родзянко в половине двенадцатого часа ночи 1 марта. А также переговоров по прямому проводу генквартирмейстера Ставки В. Н. Клембовского с генквартирмейстером Северного фронта В. Г. Болдыревым 2 марта в 0.25.

Контакт Родзянко со штабом Рузского в момент его доклада царю — важнейший эпизод в истории отречения, который всячески скрывал Рузский. Но исследователи не обратили на него внимания, хотя документы об этом опубликованы. 1 марта в 22.50 состоялся разговор по прямому проводу Ставки со штабом Северного фронта. Подполковник Генерального штаба Щербаков сообщил в Могилев начальнику службы связи Ставки Б. Н. Сергеевскому, что Рузский был с докладом, передал царю поступившие телеграммы, но никакого распоряжения не последовало. «Сейчас соединяем прямым проводом главкосева с Петроградом полителестаном, по которому будет говорить председатель Государственной думы», — доложил подполковник. В 23.03 в Могилев было сообщено, что телеграмму Алексеева об ответственном министерстве передали Рузскому 10 минут назад, когда он находился у царя. В 23.25 Данилов вернулся из поезда, но никаких распоряжений от царя не вынес. «Сейчас наштасев говорит по прямому проводу с Родзянко», — доложил Щербаков. Доклад Рузского продолжается, сообщил он в Могилев¹¹. В 0.15 царь телеграфировал жене, что они скоро увидятся, а через 5 минут Н. И. Иванову, посланному усмирять столицу, была отправлена телеграмма не предпринимать никаких мер

¹⁰ Там же. С. 52. На телеграмме нет обозначения времени отправки.

¹¹ Там же.

до приезда царя. А еще через 5 минут состоялся разговор по прямому проводу помощника штаверха В. Н. Клембовского с генквартимейстером Северного фронта В. Г. Болдыревым. «Известно ли вам о прибытии конвоя его величества в полном составе в Государственную думу с разрешения своих офицеров и о просьбе депутатов арестовать тех офицеров, которые отказались принять участие в восстании? — спросил Клембовский и, получив отрицательный ответ, продолжил: Представители армии и флота постановили признать власть исполнительного комитета Государственной думы... Все излагаемое надо доложить главнокомандующему для всеподданнейшего доклада». Помощник штаверха также потребовал, чтобы обо всех переговорах, которые ведутся между штабом Северного фронта и Думой, доклады вали Ставке¹².

В 0.50 выяснилось, что гарнизон Луги перешел на сторону Временного комитета, а поезд царя, равно как и эшелоны с войсками, посланные в Петроград, не смогут пройти лужский рубеж. В 1.20 царь распорядился вернуть их. Только после этого Николай дал согласие Рузскому на публикацию манифеста об ответственном министерстве. Родзянко муссировал слухи о походе бунтующей толпы на Царское Село¹³, где находилась семья Николая. Об этой же опасности почти одновременно сообщили из Ставки. Очевидно, после разговора Данилова с председателем сообщение о переходе конвоя на сторону восставших стало главным аргументом Рузского, заставившего царя пойти на уступки, чтобы спасти жену и больных детей. Именно оно позволило генералу сломить сопротивление царя, после чего он стал сдавать позиции одну за другой.

Именно это обстоятельство главкосев и старался скрыть во всех вариантах своего рассказа об отречении. Хотя можно сказать, что он неосторожно проговорился об этом. Во второй версии Рузский сообщил: во время первого приема в 21 ч., когда он доказывал царю необходимость ответственного министерства, среди аргументов было им упомянуто, что «уже по слухам Собственный Его Величества конвой перешел на сторону революционеров», и именно в это время «была получена телеграмма от Алексеева, где он просил о даровании ответственного министерства». Она прекратила колебания царя. Сопоставляя эту оговорку с вышеприведенными переговорами Ставки со штабом Северного фронта, а также со временем передачи телеграммы Алексеева Рузскому относительно ответственного министерства, становится очевидным: в устах главкосева аргумент об измене конвоя стал той точкой невозврата, после которой все дело неумолимо покатило к отречению царя. Рузский же разными способами старался закамфлировать это важнейшее обстоятельство.

¹² Там же. С. 54.

¹³ *Войков В. Н.* С царем и без царя. М. : Воениздат, 1995. С. 106.

В первой версии главкосев утверждал, что в десятом часу вечера 2 марта, когда А. И. Гучков предложил царю отречься, «особенно сильное впечатление на Николая II произвела весть о переходе его личного конвоя на сторону восставших войск». Этим автор старался подчеркнуть: до сего момента царь якобы ничего не знал об измене конвоя. «Факт этот его настолько сильно поразил, что дальнейший доклад он слушал невнимательно». В значительной мере это предопределило решение царя отречься в пользу не сына, а брата. «Передвинув» сообщение об измене конвоя, имевшее решающее значение, почти на сутки и вложив его в уста другого человека, главкосев тем самым пытался замаскировать тот факт, что именно он с помощью этого «убийственного» для царя аргумента сумел добиться, чего хотел. Пытался скрыть Рузский и свою главную роль в последующих событиях, приведших к отречению Николая.

Согласно второй версии решающим аргументом, побудившим царя решиться на отречение, было сообщение Рузского царю о том, что «весь гарнизон перешел во власть Временного правительства». Это произошло 2 марта в 14.30, когда Рузский докладывал Николаю о телеграммах Алексеева и главкомов, высказавшихся за отречение. Особо неприятное впечатление на царя произвела телеграмма великого князя Николая Николаевича. В третьей же версии мотив измены конвоя вообще отсутствует.

В первой версии убедивший царя отречься Рузский сообщает Алексееву и всем главкомам мнение Родзянко о необходимости отречения и тем самым предрешает дело абдикации. Во второй версии убежденный сторонник ответственного министерства главкосев извещает телеграммой Алексеева о решении царя даровать оное и его телеграмма «прошла по всем фронтам». Но здесь сообщение главкомам о необходимости отречения — инициатива вовсе не Рузского, а Алексеева. Согласно третьей версии это — исключительно дело рук Алексеева.

На самом деле в этом вопросе Рузский проявил колебания: вначале склонялся к мысли о необходимости ограничиться манифестом об ответственном министерстве, но потом решил отложить вопрос об отречении до выяснения обстановки, а когда стала известна позиция Ставки и главкомов, высказался за абдикацию царя.

В первой версии Рузский намеренно смешивает совершенно разные типы документов. Якобы подписанный царем к 15 часам «акт об отречении» в пользу Алексея, «телеграмму об отречении», переданную в это же время главкосеву для отправки, «манифест об отречении», от публикации которого генерал решил воздержаться, и «акт отречения» в пользу Михаила, составленный самим царем и подписанный им в присутствии посланцев Думы после 22 ч. вечера. Ни к одному из текстов этих документов Рузский не оказывается причастным. Все они добровольно составлены Николаем.

Во второй версии речь идет о переданной Рузскому в 15 ч. телеграмме Николая об отречении в пользу наследника, которую хотели забрать у главкосева, но тот ни за что не хотел ее возвращать, когда стало известно о приезде делегатов ВКГД. Здесь говорится о том, что, принимая их, государь удалился, чтобы написать телеграмму об отречении в пользу Михаила, и затем, вернувшись, вручил им подписанный манифест об этом. В первой версии делегаты сразу же согласились с решением царя, и он подписал документ в их присутствии. Во второй же версии посланцы были поражены и получили из рук царя уже подписанный документ. В версии третьей в 15 ч. царь набросал несколько черновиков на телеграфных бланках и передал их Рузскому. Один из них у него вскоре забрали назад, другой же он с разрешения Николая оставил у себя до приезда депутатов. Когда они приехали, у царя «был уже готов текст манифеста об отречении и ровно в 24 часа на 3-е марта он его подписал, пометив 2-е марта 15 часов, т. е. тем часом, когда принято было им решение отречься». О реакции депутатов не сказано ничего.

Во всех версиях Рузский ставит знак равенства между актом об отречении, манифестом и телеграммой об этом. Ему было важно убедить читателя в том, что телеграмма и есть акт отречения, переданный телеграммой, это — одно и то же.

Для всех версий характерно стремление автора скрыть свою причастность к составлению абдикационных документов и точно определить, что именно они собой представляли. Настораживает проходящая красной нитью через все версии мысль о том, что все тексты отречения являлись делом рук самого царя, убежденного в необходимости абдикации. Хотя из документов Ставки известно, что проект манифеста об отречении в пользу Алексея был составлен в Могилеве, прислан оттуда в Псков в 19.40 и передан в руки Рузского в 20.20¹⁴. Но как и когда он оказался в руках царя, каким образом Рузский передал текст манифеста Николаю, ни документы Ставки, ни главкосев не сообщают. И это неслучайно, ибо хорошо видно, как Рузский старается запутать это обстоятельство. Во всех трех версиях бросается в глаза настойчиво подчеркиваемая Рузским мысль о том, что до приема посланцев ВКГД царем главкосев не имел с ними никаких контактов, хотя и очень хотел с ними встретиться. Во второй версии для того, чтобы сообщить им, что царь уже отрекся, и тем самым спасти престиж государя, в третьей же версии — чтобы попытаться убедить их избежать отречения. То, с каким упорством Рузский отрицает какие-либо контакты с делегатами, позволяет предполагать обратное. Тем более что существует свидетельство очевидца: действительно самому Рузскому переговорить с глазу на глаз с посланцами из Петрограда не удалось, но его люди вступили в контакт с Гучковым и Шульгиным прежде, чем посланцы были приняты Николаем. Свидетелем этой встречи

¹⁴ Красный архив. 1927. Т. 3 (22). С. 7–8.

оказался штаб-офицер для особых поручений при дворцовом коменданте Г. А. фон Таль. Он находился на платформе псковского вокзала, когда поезд из Петрограда подошел к перрону и делегаты вышли из вагона. Согласно его воспоминаниям, к ним сразу же «подшли военный комендант станции Псков, что-то очень долго наговаривавший Гучкову по приказанию главнокомандующего... Рузского. В это время к депутатам подошел адъютант главнокомандующего штаб-ротмистр граф Шереметьев и пригласил их к... Рузскому, но тут же подошел флигель-адъютант Мордвинов и передал, что государь император их просит в собственный поезд, куда они и пошли»¹⁵. Т. е. по приказанию Рузского приехавшим что-то было сообщено, и разговор этот продолжался «очень долго». Бросается в глаза, что во всех версиях Рузский ничего не говорит, как, кем, когда и куда был передан акт об отречении царя после того как он был подписан. Да и вообще относительно переговоров Николая с депутатами относительно отречения Рузский отделяется отговорками, что это уже хорошо известно, явно не желая сообщать какие-либо подробности этого исторического события.

Рузский имел прозвище «лиса». Фальсифицируя историю отречения Николая II, его генерал-адъютант пользовался приемами, характерными для этого существа, выступавшего в русских народных сказках в качестве символа лицемерия, хитрости и обмана. Обмана весьма примитивного, но всегда удававшегося. Понятно, виртуозно владея этими приемами, Рузский пытался скрыть, что он сыграл важнейшую роль в этом событии, положившем начало крушения монархии в России. Но, в отличие от доверчивых героев русских народных сказок, ставших жертвами лукавой Патрикеевны, историки этого процесса, закончившегося крахом Российской монархии, должны исключить из своих исследований какое-либо использование воспоминаний Рузского в качестве достоверного источника.

А. Ю. Дворниченко: Михаил Михайлович, а скажите, пожалуйста, все-таки в данном случае чем руководствовался Рузский? Я думаю, и наши коллеги согласятся, что не было этой конспирологической составляющей, но у всякого есть какие-то идеи...

М. М. Сафонов: Думаю, дело в противостоянии двух лидеров, которые боролись за право возглавить страну: это Родзянко, это Алексеев с идеей военной диктатуры. Достаточно прочитать письмо, которое Родзянко написал в ВКГД после того, как Алексеева сделали Верховным Главнокомандующим, чтобы понять, что это представители разных политических полюсов: у одного — диктатура, у другого — ответственное министерство. И каковы действия Родзянки? Он лишает связи, держит в информационной блокаде Алексеева. Ну ка-

¹⁵ Звезда. 2002. № 10. С. 187.

кие они заговорщики? Рузский всегда держал нос по ветру. Тем более, когда вставал вопрос о роспуске Думы, а затем о диктатуре, то наряду с Алексеевым и Рузского тоже называли. Например, М. Оськин пишет, что у Рузского, вероятно, тоже были намерения стать главнокомандующим, честолюбивый был человек. По документам видно, что он сразу стал ориентироваться на Родзянку. Кроме того, важнейший момент — связь. Дело в том, что Балтийский флот имел радиосвязь, и Рузский был более информирован, чем Алексеев. А морским штабом командовал Григорович, т. е. Григорович, Родзянко, Рузский — это одна компания, и он действовал в интересах Родзянки до тех пор, пока не понял, что Родзянко-то сам не самостоятелен.

В. В. Чурзин: Вот вы утверждаете: конспирология не уместна, а в действительности царь был на десять часов изолирован от всякой информации, и поэтому, когда Рузский поставил перед ним дилемму: либо ответственное министерство, либо отречение, т. е. при этом ответственное министерство уже пройденный вариант...

П. Г. Рогозный: Вопрос, пожалуйста!

В. В. Чурзин: А вопрос, собственно говоря, такой: значит, элементами конспирологии является интрига, запугивание? То, что взаимоотношения Алексеева с Рузским...

П. Г. Рогозный: Я Вас вынужден буду в следующий раз слова лишить! Я прошу вопросы задавать!

В. В. Чурзин: Мне кажется, здесь сомнительно утверждение в том, что отсутствовала конспирология.

М. М. Сафонов: Дело в том, что тот, с кем я полемизировал, Кирилл Александров, понимает под конспирологией заговор генералов с целью свержения, отречения Николая II. Дело в том, что по этим телеграммам мы очень четко видим, как главнокомандующие каждого из фронтов занимают очень осторожную, выжидательную позицию. Почему? Потому что, когда Временное Правительство стало распространять свои воззвания, то главкомы обращаются к Алексееву, к его штабу — Клембовскому, Лукомскому: что делать? распространять или нет? Только один главнокомандующий Балтийским флотом, Непенин, с благословения Григоровича, дает приказ — осведомить флот, и сам едет на линкоры, потому что там была некая провокация в пользу Григоровича. В отличие от всех главкомов, Непенин стал популяризировать эти воззвания и пр., и поэтому мы можем говорить о связке Непенин—Григорович. А вот все остальные занимали очень выжидательную позицию, буквально по минутам мы это можем проследить, и нет данных, на которые мы можем положиться, говорящих о том, что был заговор с целью свержения Николая II. А что касается изоляции, то тут с Мальтутали даже стыдно спорить...

Голос из зала: Мультиатули!

М. М. Сафонов: Мультиатули, да, извините. Понимаете, когда мы читаем, что царский поезд был обстрелян по пути из Дна в Псков, что

он, царь, был арестован и его привезли в Псков уже арестованного, и он под арестом общался с Рузским, то это, извините, настолько не-серьезно, и совершенно очевидно, что автор намеренно вводит в заблуждение читателя. И вот спорить с этим просто, я считаю, не к лицу серьезным исследователям.

М. М. Сафонов: Я считаю, что вопросы с «бы» мы не должны рассматривать. Что было бы, мы не знаем. Единственное, я хочу внести некоторую поправку. Дело в том, что, когда Иванов ехал с георгиевскими кавалерами в Петроград, с ним ехал Ладыженский, который занимался гражданской частью Ставки, и у него в портфеле был манифест о введении поста верховного министра государственной обороны с диктаторской властью и ответственного министерства, т. е. Николай допускал, как возможность, уступки общественному мнению, но опять же это не диктатура Алексеева, которой он в июне 1916 г. добивался, и это не то, чего добивался Родзянко. А он искал некую среднюю равнодействующую, когда бы диктатор у него был полномочным, и ответственное министерство тоже находилось бы под диктатором. Вот это размер уступок, на которые мог пойти Николай. Вот мы с моим коллегой Сергеем Куликовым всегда спорим, он основывается на Дубенском, который рассказывает, что все они были сторонниками ответственного министерства, — это искаженное представление о манифесте, который был в портфеле Иванова. Николай шел навстречу оппозиции только под давлением, потому что считал: пока война идет, нельзя заниматься преобразованиями. Алексеев, между прочим, считал точно так же, именно поэтому он «зажимал» общественные организации в армии и считал, что их надо фактически ограничить. И он был прав: пока не будет победы, никакой государственный строй преобразовывать не надо, но приходилось идти на подобные уступки.

И. А. Смирнова: Популярна идея о том, что заговор генералов существовал и что заговор великокняжеской фронды был. Я хочу Вас спросить, а как Вы к этому относитесь? Мы поняли, что заговора генералов не было.

М. М. Сафонов: Понимаете, я скажу так. Представьте, приходят в дом, в какой-то салон, а камердинер говорит, что собравшиеся по поводу проведения дворцового переворота... то мы серьезно о заговоре говорить не можем. Но был очень важный элемент давления на царя, его пугали, как декабристы пугали цареубийством Александра I, так и вот и генералы, и великокняжеская оппозиция все время пугала. Потому что мы имеем сведения, как Александре Фёдоровне Лили Ден сообщает: «Вот там заговор», а она отвечает: «Да бросьте!», следовательно, она каждый день это слышит. И вот все эти слухи о заговорах, я считаю, циркулировали, это было средство воздействия на Николая для того, чтобы он пошел на уступки, хотя бы минимальные.

Позиция патриарха Тихона в Гражданской войне 1918–1920 гг.

Патриарх Тихон в определении своих принципиальных суждений стремился исходить из решений Поместного Собора, который принял заметные усилия, чтобы определить свои требования в создании новых церковно-государственных взаимоотношений и позицию по отношению к религиозной политике советской власти. На своей первой сессии Собор неоднократно отмечал незаконный и преходящий характер установившейся власти и характеризовал ее как «группу лиц, силой оружия захвативших власть в Петрограде, Москве и некоторых других городах...»¹. Однако в дальнейшем внимание Собора сместилось на оценку политики новой власти в отношении религии и церкви.

События 13–21 января 1918 г. в Петрограде (неудавшаяся попытка матросов и красногвардейцев по приказу комиссара призрения А. М. Коллонтай захватить помещения Александро-Невской лавры, в ходе которой был убит протоиерей Петр Скипетров, и грандиозный крестный ход как «всенародное моление» за гонимую Церковь) в значительной степени ускорили оформление и выражение официальной позиции высшего церковного руководства в связи с первыми мероприятиями советской власти в религиозной сфере. 19 января, в самый разгар гонений на петроградскую Церковь, патриарх Тихон выпустил свое известное послание, отлучавшее от Церкви всех, кто терроризировал население. Несмотря на то что большевики в послании не названы, суровому осуждению первоиерарха были впервые подвергнуты главным образом конкретные шаги церковной политики советской власти².

Наиболее отрицательную реакцию духовенства и верующих, как известно, вызвал декрет 23 января 1918 г. об отделении церкви от государства и школы от церкви. Почти сразу же после его опубликования в советской печати высшее церковное руководство — Поместный Собор и патриарх — призвало священнослужителей и мирян по существу к бойкоту декрета об отделении церкви от государства с применением следующих форм протеста: публичного осуждения действий властей, направленных на подрыв основ церковного устройства, проведению

¹ См., например: Прибавления к Церковным Ведомостям. 1918. № 5. С. 175.

² Акты святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943 / сост. М. Е. Губонин. М., 1994. С. 83.

крестных ходов и организации особых братств и обществ защиты против насилия и разворачивавшихся гонений³.

К весне 1918 г. высшая церковная власть убедилась в том, что одного бойкота правительственных декретов и постановлений в отношении религии и церкви недостаточно для их отмены или даже корректировки советской религиозной политики. Сопrotивление верующих конфискациям церковного имущества вызвало лишь новые репрессии. В этих условиях были необходимы переговоры с советским правительством, которые безуспешно прошли в марте и апреле 1918 г. В ходе их специальная депутация Собора под председательством А. Д. Самарина добивалась от представителей Совета Народных Комиссаров отмены постановлений советской власти в отношении религии и церкви как посягающих «на жизнь и свободу Православной народной веры»⁴.

Анализ документов, содержащихся в фонде канцелярии патриарха Тихона и Священного Синода (Ф. 831) Российского государственного исторического архива, позволяет заключить, что с конца 1918 — начала 1919 г. в обстановке разгула «революционной самодеятельности» на местах и роста всячески подогреваемых новой властью антицерковных, богоборческих настроений среди определенной части населения как Высшее церковное управление, так и в целом рядовое духовенство все более решительно требовали от государственных органов точного выполнения положений именно декрета об отделении церкви от государства и других актов, принятых властью в религиозной сфере⁵. Фактически это означало постепенный отход от бойкота религиозной политики государства, который, как показал опыт 1918 г., в условиях разрастания Гражданской войны неизбежно вел к усилению противостояния Церкви и советской власти и ненужным жертвам со стороны духовенства и мирян. Впоследствии, в первом же своем послании после освобождения из-под ареста, подписанном 15/28 июня 1923 г., патриарх вспоминал, что «еще в начале 1919 г. старался отмежевать Церковь от царизма и интервенции...»⁶.

Отход от бойкотирования советской религиозной политики особенно ускорился после принятия Народным комиссариатом юстиции 3 января 1919 г. циркуляра по вопросу об отделении церкви от государства, опубликованного в «Известиях» 5 февраля того же года. НКЮ в этом циркуляре ориентировал местные власти при осуществлении декрета об отделении церкви от государства и инструкции от 24 августа 1918 г. воздерживаться от репрессивных мер в отношении духовенства и верующих и не оскорблять их религиозных чувств. По инициативе патри-

³ См. об этом подробно: *Кашиеваров А. Н.* Государство и Церковь: Из истории взаимоотношений Советского государства и Русской православной церкви 1917–1945 гг. СПб., 1995. С. 62–63.

⁴ Церковные Ведомости. 1918. № 2. С. 472–473.

⁵ См., например: РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 22. Л. 38–39 об.

⁶ Акты святейшего Тихона... С. 282.

арха Священный Синод в марте 1919 г. обратился в управление делами Совета Народных Комиссаров с заявлением, составленным в весьма корректной и уважительной форме. Содержание этого документа, выявленного автором настоящего доклада в Российском государственном историческом архиве, свидетельствует о том, что циркуляр НКЮ, вызвав среди высшей церковной власти «некоторое удовлетворение по отношению к действиям центрального правительства» и представление о том, что все изданные до него «правительственные постановления только исключительные меры, которые с течением времени будут подвергнуты самой радикальной реформе», возродил предложение и надежды на установление диалога с советским руководством для достижения взаимоприемлемого компромисса в государственно-церковных отношениях⁷.

Если в первой половине 1918 г. Высшее Церковное Управление призывало в целом не следовать принятым богоборческой властью декретам и актам в отношении религии и церкви, то в рассматриваемый период Синод и Высший Церковный Совет уже рекомендовали священнослужителям, как лучше отстаивать интересы Церкви на основе формировавшегося советского законодательства⁸.

В 1918–1920 гг. интересы Православной Церкви перед советским руководством представляла по существу одна депутация, выступавшая сначала от имени Собора, а после прекращения его заседаний — от имени ВЦУ. С постепенным переходом высшего церковного руководства с конца 1918 г. — начала 1919 г. от бойкота декретов и мероприятий новой власти в отношении религии и церкви к фактическому признанию советских установлений в религиозной сфере ВЦУ стало ориентировать депутацию на отстаивание церковных интересов на базе «советской законности». Именно в депутацию Высшее Церковное Управление препровождало основной поток писем и жалоб с мест о гонениях и притеснениях духовенства и мирян. По каждому из этих ходатайств депутация обращалась в центральные органы советской власти — главным образом в VIII отдел Народного комиссариата юстиции или во ВЦИК и СНК — за разъяснением и принятием соответствующих мер.

Таким образом, уже к лету 1919 г. московское ВЦУ фактически признало основные советские законы и декреты в отношении религии и церкви и стремилось не провоцировать конфликтных ситуаций с властью. Оставалось лишь в публичном официальном акте заявить об этой позиции.

Одновременно с эволюцией внешнего отношения к советской власти и ее религиозной политике патриарх конкретизировал официальную позицию Церкви в ходе Гражданской войны. Как уже известно,

⁷ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 186. Л. 1–2 об.

⁸ Там же. Д. 23. Л. 103.

Поместный Собор своевременно увидел угрозу грядущей Гражданской войны. Предостережения противоборствующим политическим силам от действий, способных развязать кровавую междоусобицу, содержатся во всех четырех посланиях, с которыми Собор обращался с первых дней своей работы и до Октябрьского переворота 1917 г. Призывая прекратить губительное для народа и государства противостояние политических сил, Собор проявил нравственные принципиальность и мужество при соблюдении беспартийности и политического нейтралитета.

Стремление патриарха сохранить и продолжить этот принцип политического нейтралитета Церкви в Гражданской войне нашло отражение в его послании от 5/18 марта 1918 г. с призывом к прекращению междоусобной брани, а также в отказе, по свидетельствам современников — А. В. Карташева, князя Г. И. Трубецкого, епископа (впоследствии митрополита) Вениамина (Федченкова) и других, — благословить Белое движение и его вождей⁹.

На допросе 25 января 1923 г., который вел особоуполномоченный ГПУ Я. С. Агранов, патриарх утверждал, что «во время гражданской войны 1917–1919 г. я (т. е. патриарх Тихон. — А. К.) никакой практической поддержки белым армиям, генералу Деникину и адмиралу Колчаку не оказывал. В виду моих настроений в то время я лишь оказывал Деникину и Колчаку моральную поддержку, не доходившую, однако, до дачи им благословения»¹⁰. В таком контексте моральная поддержка могла означать лишь признание своего сочувствия антибольшевистской борьбе и ее лидерам. О том, что «патриарх и члены Высшего церковного управления в 1918 и 1919 гг. — до издания патриархом послания о невмешательстве духовенства в политику — определенно сочувствовали» Колчаку и Деникину в борьбе с советской властью, показал управляющий канцелярией Синода и Высшего Церковного Совета П. В. Гурьев в ходе допроса 20 января 1923 г.¹¹ Примечательно, что участники Белого движения, пытавшиеся добиться от первоиерарха хотя бы и секретного благословения своих действий, не получив такого, были почти уверены в том, что внутренне он сочувствует им, а не большевикам, развернувшим открытые гонения и террор против духовенства. Епископ Вениамин (Федченков) и член ВЦС А. В. Карташев, состоявший одновременно в антибольшевистской организации

⁹ Акты святейшего Тихона... С. 107–109; *Карташев А. В.* Временное правительство и Русская Церковь // Из истории христианской Церкви на Родине и за рубежом в XX столетии. М., 1995. С. 26; *Валентинов А.* Черная книга (Штурм небес) : сб. документальных данных о борьбе советской власти против религии. Париж, 1925. С. 160–161; *Вениамин (Федченков)*, митрополит. На рубеже двух эпох. М., 1994. С. 289.

¹⁰ Следственное дело патриарха Тихона : сборник документов по материалам Центрального архива ФСБ РФ. М., 2000. С. 198.

¹¹ Там же. С. 195.

так называемого «левого центра», указывая в своих воспоминаниях на это обстоятельство, вместе с тем отмечали, что первоиерарх в то же время «видел силу красных», «не верил в возможность скорой победы белого движения и не был согласен с нами в политических расчетах»¹². Таким образом, вполне вероятно, что патриарх Тихон внутренне сочувствовал антибольшевистскому движению, хотя и сомневался, видя «силу красных», в его конечном успехе.

Однако патриарх отказался благословить братоубийство, от кого бы оно ни исходило, разделять паству, которая была в рядах всех воюющих сторон. В обстановке полыхавшей Гражданской войны и разворачивавшихся антицерковных кампаний Советского государства перво-свяtitель считал целесообразным ограничить внешнюю деятельность духовенства и прежде всего священноначалия исключительно защитой Церкви, что в тех условиях было невозможно без провозглашения невмешательства ее в политику и нейтралитета в кровавой междоусобице, а также лояльности по отношению к советской власти. Такая позиция патриарха, как было показано выше, складывалась еще с конца 1918 г. постепенно под воздействием целого ряда факторов, разделялась Св. Синодом и Высшим Церковным Советом, которые уже к лету начали принимать соответствующие ей постановления, и окончательно и определенно была высказана в известном патриаршем послании от 25 сентября/8 октября 1919 г.

Патриарх призвал духовенство не подавать «никаких поводов, оправдывающих подозрительность советской власти» и подчиняться «ее велениям». Он также заявил, что Церковь не может благословить «никакое иноземное вмешательство, да и вообще никто и ничто не спасет России от нестроения и разрухи... , пока сам народ не очистится в купели покаяния от многолетних язв своих, а через то не возродится духовно в нового человека, созданного по Богу в справедливости и святости истины (Ефес. 4, 24)». Послание решительно запрещало духовенству встречать белых колокольным звоном и молебнами, «вмешиваться в политическую жизнь страны, принадлежать к каким-либо партиям, а тем более делать богослужебные обряды и священнодействия орудием политических демонстраций». Такую позицию патриарх аргументировал «каноническими правилами Святой Церкви», согласно которым ее служители «по своему сану должны стоять выше и вне всяких политических интересов»¹³. Послание было составлено во время апогея наступления войск генерала А. И. Деникина, которые находились уже между Курском и Тулой, а в Москве ожидали их прихода со дня на день. Именно этот непростой момент избрал патриарх Тихон, чтобы сделать принципиальное заявление о позиции Церкви: «нести власти, еще не от Бога», с одной стороны, а с другой — «Церковь не

¹² *Вениамин (Федченков)*, митрополит. На рубеже двух эпох. С. 289; *Карташев А. В.* Временное правительство и Русская Церковь. С. 26.

¹³ Акты святейшего Тихона... С. 164.

связывает себя ни с каким определенным образом правления, ибо таковое имеет лишь относительное историческое значение»¹⁴.

11/24 октября 1919 г. патриарх, Священный Синод и Высший Церковный Совет постановили «разослать послание Святейшего Патриарха от 25 сентября сего года по вопросу об отношении церковной власти к происходящим событиям гражданской войны циркулярным указом всем епархиальным преосвященным»¹⁵. Тогда же соответствующие указы были посланы в 6 епархий, а 24 января/6 февраля 1920 г. еще в 15 епархий, включая и занятую в тот период белыми войсками Таврическую епархию¹⁶.

Особую значимость для понимания позиции патриарха по указанным выше важнейшим в тех условиях для жизнедеятельности Церкви вопросам представляет сообщение, сделанное членом Высшего Церковного Совета протопресвитером Н. А. Любимовым 13/26 декабря 1919 г. на заседании московского ВЦУ, о длившемся около двух часов допросе патриарха в секретном отделе ВЧК заместителем Ф. Э. Дзержинского М. И. Лацисом. Этот ценный документ был выявлен автором доклада в уже упоминавшемся фонде канцелярии патриарха Тихона и Священного Синода РГИА и опубликован в историко-документальном альманахе «Русское прошлое»¹⁷. Очевидно, что Н. А. Любимов, курировавший в органах высшей церковной власти вопросы взаимоотношений с государством, составил свой доклад со слов самого патриарха, так как сведений о присутствии протопресвитера на допросе в документах ВЦУ нет. В пользу такого предположения говорит и форма изложенного им доклада, например: «пришлось, по словам Святейшего» и т. п.¹⁸

«Признаете ли Вы вообще советскую власть?» — спросил М. И. Лацис. «Да, признаю, — отвечал патриарх, — и никому никогда не говорил, чтобы ей не подчиняться в делах мирских, и только в делах веры и благочестия должно повиноваться не мирской власти, а только воле Божьей. И думаю, что в этом моем убеждении и взгляде нет никакой контрреволюции». Патриарх также подчеркнул, что Высшее Церковное Управление признает советскую власть не только на словах, но и считается «с веляниями этой власти» — «отменяет иногда раннейшие свои же постановления под влиянием тех или других декретов и распоряжений советского правительства. Так, например, постановление о звоне в набат, после запрещения оного советской властью, отменено было указом Высшего управления, распоряжение относительно метрических записей подтверждено было и циркулярами духовного начальства и т. д. и т. п.»¹⁹

¹⁴ Там же. С. 163–164.

¹⁵ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 25. Л. 31.

¹⁶ Там же. Л. 31 об.

¹⁷ Русское прошлое. СПб., 1998. Кн. 8. С. 215–227.

¹⁸ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 25. Л. 129–131 об.

¹⁹ Там же. Л. 130 об. В примере относительно метрических записей патриарх имел в виду, что 19 октября/1 ноября 1918 г. ВЦУ разрешило «передавать в распо-

В этом ответе патриарха содержится его понимание лояльной позиции Церкви по отношению к Советскому государству, предусматривавшей по существу лишь определенное подчинение ему в делах мирских, но исключавшее как положительную поддержку мероприятий власти, так и их порицание. При этом патриарх не стал скрывать, что лично он лишь внешним образом подчинился советской власти, продолжая, как и прежде, считать ее богоборческой, а проводимую политику антицерковной. На прямой вопрос М. И. Лациса: «Вы изменили теперь свое отношение к Советской власти или по-прежнему держитесь тех же взглядов на нее, какие и высказаны в обращении ко дню первой годовщины?», — патриарх отвечал, что «он и теперь держится прежних взглядов на власть и может изменить свое отношение только в том случае, если и она изменит свое отношение к Церкви и Христовой вере. Но это не значит, что он не считается с велениями этой власти и ее не признает»²⁰.

В заключение допроса патриарх заявил, что он «никогда не будет вести никакой агитации в пользу той или другой форм правления на Руси и ни в каком случае не будет насиловать и стеснять ничьей совести в деле всеобщего народного голосования»²¹.

Таким образом, данное патриархом на допросе разъяснение своей «аполитичности» и своей «лояльности» по существу исключало использование его позиции в политической игре, которую мастерски могла вести советская власть.

Принцип аполитичности разделяли и другие авторитетные иерархи, среди которых одним из наиболее последовательных приверженцев его был митрополит Петроградский Вениамин (Казанский). Безусловно, что каждый из иерархов, заявлявших о своей приверженности принципу аполитичности, нейтралитету в Гражданской войне, зачастую по-своему понимал задачи и способы защиты церковных интересов в тех условиях. Однако их выступления и действия не могли не быть учтены патриархом при окончательной выработке своей официальной позиции по этим жизненно важным для Церкви вопросам.

Следуя провозглашенному принципу аполитизма, патриарх явно уклонялся от каких-либо заявлений, характеризующих его политические предпочтения или симпатии. Весьма показателен ответ первоиерарха на вопрос чекиста М. И. Лациса: «А какие Ваши политические убеждения, кто Вы, конечно, чай, монархист?» — «Прошу таких вопросов мне не предлагать, и от ответа на них я уклоняюсь. Я, конечно, прежде был монархистом, как и все мы, жившие в монархической стране, и каких я лично теперь держусь политических убеждений, это для Вас совершенно безразлично: это я проявлю тогда, когда буду проявление мирской власти, по ее требованию, метрические книги за время, предшествующее изданию настоящего постановления» (Там же. Д. 21. Л. 46 об.).

²⁰ Там же. Д. 25. Л. 131.

²¹ Там же. Л. 131 об.

давать голос за тот или другой образ правления при всеобщем народном голосовании»²².

В оценке перспектив развития ситуации внутри страны, в первую очередь прочности и долговечности советской власти, позиция патриарха Тихона, видевшего, по меткому замечанию А. В. Карташева, «силу и длительность народного увлечения большевизмом»²³ и пришедшего к выводу о необходимости установления взаимоприемлемых отношений с советским государством, была гораздо более реалистичной, чем та, которую занимал митрополит Антоний (Храповицкий) и ряд других иерархов Православной Церкви, поддержавших Белое движение.

В. С. Измозик: Анатолий Николаевич, первый вопрос такой: скажите, пожалуйста, можно ли признать, что церковь вообще, в силу ее характера и т. д., объективно всегда является неким консервативным элементом, не очень приветствующим перемены в общественном строе?

А. Н. Кашеваров: Я бы ответил так: церковь — это элемент стабилизирующий и пытающийся объединить общество, но тот же патриарх отчетливо понимал, по воспоминаниям тех, кто был рядом с ним, что повторить подвиг патриарха Гермогена периода Первой Смуты не удастся, общество слишком разъединено. И более того, у А. В. Карташева есть такая статья — «Церковь и Временное правительство», в которой есть мемуарный элемент, говорится, что патриарх не был с нами согласен в наших политических расчетах, расчетах белых, потому что видел силу увлечения народа большевизмом. А теперь еще один интересный вопрос, связанный с этим: а как патриарх сам-то относился к Белому движению? Внутренне сочувствовал ему или нет? Да, он это признал. Признал он это в декабре 1919 г., когда был допрос у Ладислава, заместителя председателя ВЧК, есть документ, кстати, я в свое время в РГИА его нашел и опубликовал в 1998 г. 25 января 1923 г. уже на допросе у Агранова, патриарх уже арестован, и он говорит так: «Я не оказывал Белому движению никакой реальной, конкретной поддержки. Но была поддержка моральная, которая, впрочем, не доходила до дачи благословения». И Агранов уточняет: «Вы что, сочувствовали Белому движению?». Он говорит: «Да». Но он оговаривает: до выхода послания 25 сентября 1919 г.

В. С. Измозик: Вот для меня, в этом плане, очень важно: будет ли правильна такая фраза, что, внутренне или морально сочувствуя Белому движению, патриарх Никон предпочел занять позицию...

Голос из зала: Тихон!

В. С. Измозик: Что?

²² Там же.

²³ *Карташев А. В.* Временное правительство и Русская Церковь. С. 26.

Голос из зала: Тихон.

В. С. Измозик: Патриарх Тихон, извините. Патриарх Тихон предпочел занять нейтральную позицию? Внутренне сочувствуя...

А. Н. Кашеваров: Знаете, если исходить из того, как он себя мыслит, то он на это вполне имел право до выхода послания 25 сентября 1919 г. А вот потом его тот же Лацис допрашивает в декабре 1919 г. и задает ему каверзные, провокационные вопросы: «Вот Вы, чай, монархист?». Он ему отвечает: «Ну, мы все жили в монархической стране». «А какие Ваши политические убеждения?». А он так отвечает Лацису: «Когда будут выборы свободные, независимые, и будет возможность высказать их, тогда я опущу свой бюллетень, и там будет мой голос и мое волеизъявление».

В. С. Измозик: Мы обычно говорим об отношениях Церкви с красными и белыми. А с зелеными были какие-то отношения?

А. Н. Кашеваров: Нет. Что значит: отношения были?.. На территории белых были созданы временные церковные управления, вполне канонические учреждения с точки зрения жизнедеятельности Церкви. На территории зеленых таких учреждений не было. Например, приходят зеленые в село, там есть приход, священник, и дальше уже начинается особая, конкретная история.

В. В. Чурзин: Хотел задать короткий вопрос. Вы утверждаете, т. е. констатируете, что патриарх Тихон объявил бойкот советской власти...

А. Н. Кашеваров: Патриарх не объявил. «Объявил бойкот»... Церковь разработала такую тактику...

В. В. Чурзин: Тактику, да.

А. Н. Кашеваров: «Объявил» — это не то, не путайте...

В. В. Чурзин: Ну, придерживалась тактики. Интересно, что если бы он объявил, заявил, что большевизм — не что иное, как ересь в христианстве, хилястическая. И это было бы основой для воздействия на большевизм. И вообще, может быть, даже коренным переломом в развитии процесса...

А. Н. Кашеваров: Я Вам отвечу следующим образом. Патриарх, я полагаю, поступил исходя из канонов Церкви. 19 января 1918 г. было принято Патриаршее послание, где он, по существу, отлучал от Церкви тех, кто творит всякие бесчинства, конкретно перечисляя эти бесчинства. И когда тот, кто читал — например, Мережковский прочитал и сказал: «О! Боже мой!», — понимали, что в основном речь идет о большевиках.

И. А. Смирнова: Пожалуйста, уточните. Вот Вы сказали, что Храповицкий признал, что патриарх Тихон таким образом сохранил Церковь...

А. Н. Кашеваров: Да.

И. А. Смирнова: А на что Вы опираетесь? Где он это признал?

А. Н. Кашеваров: Пожалуйста. В 1923 г. была опубликована статья митрополита Антония, она называлась «Не должно смущаться».

И, кроме того, в 1922 г. была его статья «Церковность или политика?». Было специальное послание его, по-моему, в конце апреля 1925 г. в связи с кончиной патриарха Тихона. И вот там, даже больше там, чем в первых двух, он это сказал. Там он даже говорит, что солидаризируется с некоторыми положениями позиции патриарха. Хотя, я повторяю, он был самым крайним, пожалуй, оппонентом той позиции, которую занимал патриарх Тихон в годы Гражданской войны.

**М. О. Гершензон:
революция и банкротство культуры**

Выступления М. О. Гершензона, посвященные революции, от ее предчувствия еще в годы Первой мировой войны до собственно первых перереволюционных лет, связаны с темой ощущаемого современным человеком кризиса культуры, желанием начать историю с чистого листа («Кризис современной культуры» (март 1917), «О ценностях» (1917), «Демоны глухонемые» (1922) и др.). Революция рассматривается выдающимся российским историком и мыслителем как следствие утраты обществом *творческого самосознания*, о чем Гершензон говорил еще в сборнике «Вехи» (1909). Отсюда — видение революционных событий как возможности, а не катастрофы. Все это может быть продуктивно осмыслено в ситуации современной России.

Культурное развитие зашло в тупик и вызвало общемировой взрыв, — такова позиция многих современников, оценивающих события Первой мировой войны и Революции 1917 г. в России. Что способствовало такому развитию? Какое видение истории возникало в этом контексте?

Если оценка революционных событий 1905–1907 гг. акцентировалась современниками на осмыслении роли русской интеллигенции, то события Первой мировой войны и Революции 1917 года закономерно рассматривались как общемировой процесс, ростки которого назревали еще как минимум столетие. Более глубокая историческая перспектива корректировала взгляд на судьбоносные вехи XX столетия.

В середине XIX в. укрепило свои позиции рационалистическое мировоззрение, развившееся в своего рода «религию прогресса» — веру в «благотворность и могущество научного знания как единственной силы, способной преобразить хаотическую реальность в разумный, целесообразный и справедливый порядок»¹. Новая оценка этого явления стала возможна, когда упорядоченная картина мира была разрушена событиями мировой войны, прогрессивное развитие дало очевидный сбой².

¹ Гершензон М. О. Избранное. М. : Иерусалим, 2000. Т. 4. С. 9.

² Об этом Гершензон писал в статье «Религия прогресса» (май 1916 г.), центральные положения которой впоследствии станут отправной точкой размышлений в докладе «Кризис современной культуры»: «Теперь все видят, что наука и техника, и все создаваемое ими — только орудие духа, как топор в руке, что, стало быть, прогресс науки и техники еще не есть целостный прогресс, как наострить топор — не значит обеспечить исполнение столярной работы: для этого нужна еще целесообразная и умелая деятельность руки. И многие, быть может,

Религия прогресса стала не только симптомом девальвации традиционных духовных основ общественной жизни, но и новым качеством современности. На смену чисто утилитарному пониманию прогресса приходит острое осознание современности, безвозвратно сменившей стиль прошлых эпох. Заметнее всего это становится в сфере авангардного искусства, призывавшего к творчеству новых форм³, а вместе с тем и новой личности, свободной от отношений производства—потребления.

Мир, превратившийся в фабрику с отлаженной системой тотальной организации, — другой аспект этой темы. В этом мире человек обезличен, знание его неполно и в той же мере отдельно, в какой это требуется самим принципом разделения труда. Накануне революции остро ощущается необходимость новой концепции личности и общества. Культура прошла полный цикл, и ее дальнейшее развитие больше не предполагает обновления. Вне зависимости от характера видения будущего тема обновления личности в предреволюционный период стала одной из важнейших⁴. Новое звучание она обрела в годы Первой мировой войны, когда произошло переосмысление культурных достижений прошлого в свете их стихийного истребления. Знаковый характер эпохи тогда получила параллель между деонтологизацией мира в кантовской философии и идеями мирового господства, воплощенными в германском милитаризме⁵. Мир утрачивал самостоятельную

миллионы людей начнут теперь понимать, что бесконечно важнейшее условие прогресса, т. е. подлинного прогресса, а не того, который прямым путем привел нас к катастрофе, — есть упорядочение воли в человеке; а она дисциплинируется не научным способом, — иначе она давно была бы благоустроена» (выделено мной. — Н. С.) (*Гершензон М.* Религия прогресса // Биржевые Ведомости. 1916. 7 мая. № 15543. С. 2).

³ Таковой осознавалась, например, «Мировая Революция Искусства в Кубизме и футуризме», о чем писал К. Малевич: она «была бунтом свержения с плеч творчества вещи» и одновременно борьбой против академического искусства (*Малевич К.* «Идите скорее, ибо завтра мы уйдем далеко» (1917), приводится по интернет-версии Собр. соч. К. Малевича: URL: http://kazimirmalevich.ru/t5_1_1_15 (дата обращения: 16.06.2017)). Вместе с тем устремления авангарда вполне соответствуют обостренному духовному поиску эпохи, предполагавшему религиозное отношение к творчеству. Так, Малевич испытал и влияние идей Гершензона, в частности, его представлений о личности в ее отношении к «Богу-миру» и ценности в истории (см. также: <http://kazimirmalevich.ru/bs3> (дата обращения: 16.06.2017)).

⁴ Знаменитое выступление Гершензона в сборнике «Вехи», по сути, было таким видением личного начала в истории: любое общественное обновление может начинаться только с каждой конкретной личности. Впоследствии, в конце 1980 — 1990-х, в период критического осмысления революционных событий в России, эта идея вновь обрела популярность. Общим местом стали противопоставления революционному развитию «эволюционного», основанного на духовном обновлении личности.

⁵ См.: *Эрн В.* От Канта к Крупну // Русская Мысль. 1914. Кн. 12. С. 116–124. Несколько иначе, но в сходных очертаниях, впоследствии (в 1920 г.) размышлял Гершензон (см.: *Гершензон М. О.* Избранное. Т. 4. С. 26.)

ценность, приобретая лишь практическую значимость в свете технических достижений; личности в этом мире была отведена подчиненная роль.

В начале 1917 г., осмысляя события Февральской революции, заново пересматривая свою «веховскую» концепцию личного начала в истории, Гершензон пишет небольшое эссе «О ценностях» для сборника Клуба московских писателей «Ветвь»⁶ и доклад «Кризис современной культуры», прочитанный в Киеве 29 марта 1917 г. Гершензону теперь важнее показать не беспочвенность бытия человека «вне себя», вне личностного творческого самосознания, совершающего одновременно преобразование единичного человека и общества, а непрерывное влияние переживаний и мыслей, возникающих в частной жизни, на глобальные общественные изменения. Личность снова осмысливается как важнейший деятель истории, но теперь уже не с точки зрения должного, предписываемого ей (а именно: развивать творческое самосознание), но со стороны неизбежного: «Для меня нет зрелища более поразительного, нежели связь между всемирно-историческими событиями и переживаниями индивидуальной души. <...> Каждая минута одинокого раздумья о своих личных нравственных ошибках, которому предается студент в своей комнате, каждое ощущение обиды и несправедливости в душе рабочего — суть слагаемые великого итога, который в урочный час неминуемо подведется — реформой, революцией, войною. От всякой отдельной души идут нити к маховому колесу истории, и только они своим совокупным натяжением двигают его. Здесь нет непризванных и нет праздных: каждый из нас, хочет он или не хочет, неизбежно участвует в коллективном творчестве»⁷.

С этой точки зрения нет ложного, тупикового развития, как могло бы показаться, если исходить из «веховской» концепции творческого самосознания. Отсутствие должного развития личностного начала компенсируется движением истории, в котором задействован каждый. Здесь концепция личности пересекается с особым пониманием эволюции ценности в истории.

В эссе «О ценностях» Гершензон говорит о возникновении и исторических закономерностях развития «ценностей высшего порядка» (Искусство, Нравственность, Религия, Культура, История и т. п.). Прежде чем их абстрактные именованные стали узнаваемыми в языке и мышлении культурного человека, они жили в своих единичных проявлениях, будь то религиозное чувство конкретного верующего или произведение искусства, задолго до признания его шедевром, только возникающее в душе своего создателя (личности): «...Ценность свободна и правдива только в младенчестве <...>. “Гамлет” только раз цвел всей полнотой своей правды — в Шекспире, “Сикстинская Мадонна” — в Рафаэле. По-

⁶ Гершензон М. О ценностях // Ветвь : сб. клуба московских писателей. М., 1917. С. 285–290.

⁷ Гершензон М. О. Избранное. Т. 4. С. 19.

том мир вовлекает цветущую ценность в свои житейские битвы. В мире их полнота никому не нужна. <...> Из многих “Гамлетов” и “Сикстинских Мадонн” путем отвлечения возникла общая ценность — Искусство; и так родились они все, — Собственность и Нравственность, Церковь и Религия, Национальность, Культура, и столько, сколько еще: все из эманации лучшей крови самых горячих людских сердец. И каждая из них имеет свой культ, своих жрецов и верующих. Жрецы убежденно говорят толпе об “интересах” и “нуждах” боготворимой ценности и требуют жертв ради ее процветания. Государство жаждет мощи, Национальность — единства, Промышленность — развития и т. д.; так, призраки сами, они реально повелевают миру, и чем отвлеченнее ценность, тем она пророчливее и беспощадней»⁸.

Любое революционное движение в истории рассматривается Гершензоном как ответ личностного начала на тиранию отвлеченных ценностей. С этой точки зрения он говорит о значении Реформации, Великой французской революции, о революционных событиях в России: «Приходит Лютер с горячим сердцем и разрушает культ, богословие, папскую церковь, чтобы освободить из сложной системы простую личную веру; французская революция рассеивает мистику трона и ставит отдельного человека в более прямое и близкое общение с властью. И новый мятеж колеблет землю: то рвется на свободу из вековых осложнений, из чудовищной связи социальных и отвлеченных идей — личная правда труда и обладания»⁹.

«Банкротство культуры» состоит в неправильном расчете всех и каждого, делающих ставку на обезличенную ценность и технический прогресс в ущерб индивидуальной автономии. Революция — стихийный ответ из недр личности на ущемление ее законных прав свободного саморазвития, отказ служить отвлеченному целому.

В этом смысле интересна интерпретация Гершензоном *отчуждения* (термина этого он не называет, говоря об *отвлечении*, *абстракции* ценности, личной по происхождению, в процессе ее присвоения общественными институтами; т. е. речь здесь об отчуждении по существу), поскольку именно оно, как и в марксистской трактовке, приводит к революционным изменениям. В своих философских штудиях он следует, в основном, гегелевской традиции понимания отчуждения как движения мирового разума вовне¹⁰. Трагическое противоречие творчества между видением и его объективацией, в интерпретации Гершензона, обнаруживает близость соответствующей концепции Г. Зиммеля. Однако понимание социальных следствий отчуждения (от-влечения) ценности от породившей ее личности (и, следовательно, забвение личностной природы ценности) выстраивается в русле конфликта мировой

⁸ Гершензон М. О ценностях. С. 287, 288.

⁹ Там же. С. 289.

¹⁰ Таково взаимоотношение Бога-мира и человека в его книгах «Тройственный образ совершенства» (1918) и «Ключ веры» (1922).

воли («целого», «Бога-мира») и единичного человека, вынужденного служить отвлеченной идее, что проблематизирует отношении личности и «целого»¹¹: «Человек живет отдельно, заботится только о себе да о близких своих, и вовсе не думает, что от его поведения в некоторой степени зависит целое, что он несет ответственность за судьбы своего народа и за ход истории и я полагаю, что в общем это правильно. Разве лучше было бы, если бы каждый сознавал повседневно свою причастность к общему делу? Такое сознание обязывало бы; оно *связывало бы человека и неминуемо приводило бы его на службу определенной идее*¹². Может быть в нормальных условиях для целого выгоднее как раз оставить личность на свободе, давать простор ее самочинной игре. Ведь целому не к спеху, а в личной свободе — огромное напряжение и бездна находчивости. Все великое рождается в личности свободной, обращенной на самое себя» (выделено мной. — Н. С.)¹³. Революционный взрыв представляется Гершензоном как конфликт «целого» и свободной личности, ищущей свою истину, не желающей служить ее отвлеченной копии.

Революция, таким образом, есть закономерное развитие процесса крайнего отчуждения. Здесь уже нет противопоставления революции внутренней работе творческого самосознания, о чем Гершензон говорил в «веховской» статье. Банкротство культуры неизбежно порождает взрыв, после чего, по мысли Гершензона, должно развиваться обратное движение «к истоку» — свободной личности: «Человечеству предстает еще далекий путь. Лютерово христианство, республика и социализм — только полдела: нужно, чтобы личное стало опять личным, как оно и родилось. Но и бывшее прошло не напрасно. Человек вернется к своему началу преобразенным, потому что его субъективность, став всеобщей и объективной ценностью, там, в вышине, за долгие годы расцвела своей вечной правдой. Здесь совершается как бы обратная филогения: достигнув вершины, движение уже иным возвращается вспять, точно тем же путем, этап за этапом, как оно восходило. Поэтому каждая революция есть возрождение старого; монархия снова сменяется единым вечем — парламентом, парламентаризм уступает место еще более ранней форме — федерализму, и так все дальше назад к исходной точке. Но старые формы оживлены теперь другим духом. <...> Исходная же точка, к которой все должно вернуться, — личность»¹⁴.

¹¹ В этом контексте «человек» и «личность» у Гершензона — синонимы.

¹² Ср.: «Что было во мне потребностью сердца, объявлено моим освященным долгом, взято из моих рук, как любимое, — и поставлено надо мною, как миропомазанник» — между тиранией ценностей и тиранией социально-политической связь непосредственная. Недаром раздел в эссе «О ценностях», посвященный этой теме, так и озаглавлен: «Революция» (Гершензон М. О ценностях. С. 289).

¹³ Гершензон М. Избранное. Т. 4. С. 19.

¹⁴ Там же. С. 35–36. Обозначая эти все движения от «Лютерова христианства», Гершензон следует здесь просветительской традиции понимания революционных изменений, в несколько иной, но также циклической форме, в частности, опи-

Как уже упоминалось, в годы критического отношения к итогам революционных событий в России общим местом стало противопоставление революционному пути развития эволюционного — постепенного социально-политического реформирования, подкрепляемого духовным преобразованием всех членов общества. Идеалом представлялись западные модели развития в противоположность «революционной катастрофе» в России. Нет нужды говорить, что при таком понимании событий не учитывается слишком большое число обстоятельств. Не в последнюю очередь следует рассматривать и тот энтузиазм, с которым видные представители отечественной культуры приветствовали раскаты «исторических гроз»¹⁵ «радостью освобождения и самопознания»¹⁶. Революция предполагала создание новых форм не только в общественно-политической сфере, но и в области духовного творчества, творчества новых форм искусства и жизни. Тема кризиса и банкротства культуры возникла уже на пороге Первой мировой войны, но в тот период не могла получить закономерного разрешения. Необходимость обновления, отказа от старых форм мировосприятия была не менее острой, чем потребность в изменении социально-политических условий. Крайняя степень отчуждения, испытанная личностью, предопределила ее дальнейшую судьбу. В 1917 г. еще не была утрачена вера в то, что возможно вернуться к истоку — свободной личности в ее почти райском состоянии — и начать историю с чистого листа. Многие современники рисовали эсхатологическую картину преображенного мира, что было также и закономерным итогом духовных исканий рубежа XIX–XX вв., развития «нового религиозного сознания». Эти искания были революционными по существу, так как предполагали разрыв с предшествующей традицией, ее отчуждающей институциональностью, поиск возможностей прямого контакта личности с историческим временем.

А. Ю. Дворниченко: А в каких работах он высказывает свои взгляды на революцию?

Н. Н. Смирнова: Самое интересное, я как раз начала с того, что Гершензон о революции вообще-то ничего не писал, и в его выступлениях этого нет точно так же, в то время как о Первой мировой он, кстати, писал довольно много, но в периодике. Это были «Биржевые ведомости», там он писал чуть ли не еженедельно... А о революции —

санных А.Н. Радищевым (см.: *Радищев А. Н.* Путешествие из Петербурга в Москву. Вольность. СПб., 1992. С. 30).

¹⁵ Гершензон М. Избранное. Т. 4. С. 20.

¹⁶ Там же. С. 231. Здесь не преувеличивается значение сказанного: в эссе «Демоны глухонемые» (1922) Гершензон подводит итог своим размышлениям о развитии ценности, теперь на примере эволюции речи. Экзистенциальная немота личности представляется им как крайняя степень общественного отчуждения.

нет, вообще в 1917 г. он очень мало публикуется. Что касается его историко-философских взглядов на революцию, то это эссе «О ценностях», которое было опубликовано в 1917 г. в сборнике московских писателей «Ветвь», и доклад «Кризис современной культуры», о чем я говорила. Ну и еще в ряде своих работ, в частности, в своем главном философском произведении — «Тройственный образ совершенства» также об этом говорит. Кроме того, эссе «О ценностях» он хотел включить во вторую, расширенную часть «Тройственного образа совершенства». Вообще тема революции, революционного преобразования общества была для Гершензона очень важной, потому что это было связано с его центральной концепцией личности, революция — это постоянное возвращение назад. Я просто опустила, за неимением времени, эту цитату, где он говорит, что и Реформация, и свержение монархии (которое он предвидел в будущем России) — это некий шаг назад, чтобы вернуться к свободной личности. Собственно, в этом был корень его размышлений.

М. М. Сафонов: Я был на конференции по 1917 г. в МГУ, там был доклад близкий к Вашей теме: «Революция и нигилизм русской интеллигенции». И главная мысль докладчика, по-моему, из Вашего института даже, заключалась в том, что именно Достоевский, с его фразой о том, что «если Бога нет, то все позволено», привел нашу интеллигенцию к тому, что она рукоплескала революции, не понимая, чем это для нее обернется. Как Вы считаете? Ваше отношение к тому, что именно Достоевский сыграл решающую роль?

Н. Н. Смирнова: Я бы сказала, что это некий стереотип. Я бы даже сказала это слишком большой образ, чтобы его можно было как-то конкретно разложить и проанализировать, но это, действительно, такой общий взгляд на тему. С другой стороны, Гершензону, например, больше был близок не Достоевский, а Толстой, его взгляды. А что касается роли интеллигенции в революции, то Гершензон-то как раз в «Вехах» свое мнение о ней высказал, оно хрестоматийное, все прекрасно его знают, поэтому я не буду об этом говорить. Там все-таки речь о том, что русская интеллигенция хочет заняться каким-то общественными делами, лишь бы только не своими, не своим личностным делом. Так вот... там это более резко было высказано. Когда со времени выхода сборника «Вехи» прошло уже довольно много времени, Гершензон выступает с докладом о кризисе современной культуры, то взгляд его уже где-то в других полюсах размещается. Т. е., с одной стороны, да, ценность личности важна, но, с другой стороны, личность ответственна за то, что происходит между другими личностями. Что мы все, о чем я говорила, все связаны и что каждая мысль в конце концов может отозваться эхом революции. Насчет нигилизма и революции я вряд ли могу сказать что-то... Вот, кстати, спор Вячеслава Иванова с Гершензоном в «Переписке из двух углов» — ему там впоследствии приписывали вот эту нигилистическую позицию, и Бердяев называл

его большевиком, его называли номиналистом и нигилистом, что он отрицает ценность культуры, ценность общества и т. д. Это опять-таки что-то вроде того стереотипа, общего такого взгляда, который Вы привели. Что никак не отрицает, в общем, существование этого взгляда. Он существует, но он несколько условный, я бы сказала так.

П. Г. Рогозный: Но фраза Гершензона о штыках, охраняющих...

Н. Н. Смирнова: Это самая знаменитая.

П. Г. Рогозный: В каждом школьном учебнике была. Вы говорили, что он еще считал Реформацию революцией. В каком контексте и в каких текстах он про Реформацию писал?

Н. Н. Смирнова: Это все там же: это эссе «О ценностях», очень маленькое эссе.

П. Г. Рогозный: А какой это год?

Н. Н. Смирнова: 1917. Это сборник «Ветвь», но дело в том, что этот же фрагмент эссе «О ценностях» Гершензон хотел включить в свой «Тройственный образ совершенства», но не включил в расширенную версию, она не вышла, но этот же фрагмент включен в «Переписку из двух углов», а она опубликована в 1921 г., состоялась в 1920-м, с Вячеславом Ивановым. Так вот, в «Переписке», если я сейчас не ошибаюсь, по-моему, в восьмом письме содержится практически целиком текст эссе «О ценностях» 1917 г. Т. е. текст был очень важен для Гершензона, и если Вы хотите, если это Вас заинтересовало это, я Вам могу прочитать несколько строчек как раз об этом.

Как полюбить революцию (случай Н. Я. Марра)*

Отношения отечественного ученого сообщества с большевистской властью — тема, достаточно популярная среди специалистов, особенно если речь идет о переходном периоде 1920–1930-х гг. При этом дать однозначную оценку, благом или злом стала революция для судьбы отдельного ученого, подчас не так-то просто. Критериев оценки может быть несколько — степень успешности реализации научных проектов, материальные блага или, наконец, власть. Одним из наиболее интересных, неоднозначных и популярных среди исследователей представителей науки периода является создатель «нового учения о языке», «отец советской лингвистики»¹ Н. Я. Марр (1864/65–1934). Ниже мы постараемся проследить его путь от искреннего противника революции до ее рьяного защитника и одного из символов.

До 1917 г. Н. Я. Марр, в отличие от многих коллег, имел репутацию вполне лояльного власти ученого, что помогало ему находить необходимые средства на свои проекты. В частности, в 1913 г. сам Л. А. Касо по его просьбе выдвинул «в Государственную думу законопроект о финансировании его исследований в Армении на 3 года из средств казначейства», т. е. за счет Министерства народного просвещения, что являлось беспрецедентным для России случаем². Не поддерживал он и постоянные студенческие волнения, нарушавшие работу Петербургского университета. В период кризиса 1911 г. из-за беспорядков, введения полиции в аудитории и постоянных срывов лекций с ним даже случился истерический припадок³. Именно его В. М. Пуришкевич относил к немногим верным власти профессорам столичного университета, продолжавших, вопреки требованиям революционно настроенных студентов, читать лекции во время беспорядков осени 1908 г.⁴ Впоследствии, правда, ученый постоянно говорил о дореволюционном

* Работа подготовлена при поддержке гранта Президента РФ для молодых ученых — кандидатов наук, проект МК-6876.2016.6

¹ *Goodman E. R.* The Soviet Design for a World Language // *Russian Review*. 1956. Vol. 15, N 2. P. 93.

² *Платонова Н. И.* Николай Яковлевич Марр — археолог и организатор археологической науки // *Археологические вести*. СПб., 1998. № 5. С. 372.

³ *Ростовцев Е. А.* Столичный университет Российской империи: ученое сословие, общество и власть (вторая половина XIX — начало XX в.). М.: Политическая энциклопедия, 2017. С. 627.

⁴ *Пуришкевич В. М.* Материалы по вопросу о разложении современного русского университета. СПб.: Рус. нар. союз им. Михаила архангела, 1914. С. 106.

периоде как о времени своей травли и загнанности, что совершенно не соответствует действительности.

Н. Я. Марр, как и большинство его коллег, верил, что возможность реализации крупных проектов в «ближайшие по крайней мере десятилетия» существует только в рамках масштабной государственной помощи⁵. Отсюда и отсутствие однозначной поддержки царского закона «О частных учебных заведениях, классах и курсах Министерства Народного Просвещения, не пользующихся правами правительственных учебных заведений», вышедшего 1 июля 1914 г.⁶, и обвинения власти в том, что она отпускает науку в «вольное плавание» — появившаяся свобода грозила быстро превратиться в беготню за меценатами и покровителями.

Н. Я. Марр при первой же возможности старался напомнить власти о значимости развития науки. Без адекватного решения этой задачи он не представлял полноценное развитие государства, поэтому не восторгался Февральской революцией, приведшей к снижению уровня поддержки науки. В статье «Всероссийская культурная проблема» он писал о том, что его мечты о том, что после падения старого режима исчезнут все препоны для «культурной работы» и «научных начинаний», не оправдались⁷.

К большевистской власти ученый симпатий также не испытывал. Гражданская война привела к большой трагедии в его жизни — гибели археологических находок, перевозившихся на поезде из Армении. Мы склонны согласиться с В. М. Алпатовым, полагавшим, что именно следствием этого стал вынужденный уход ученого в теоретическую лингвистику, в которой он был полным дилетантом⁸. Стоит особо подчеркнуть, что неприязнь к большевикам у Н. Я. Марра, в отличие от большинства его коллег, не имела идеологического подтекста, а была вызвана недовольством проводимой по отношению к науке политикой, и в первую очередь недостаточным финансированием и условиями работы. Кроме этого, сын ученого Юрий служил в Гражданскую войну на Кавказе переводчиком в армиях меньшевиков и англичан⁹, что также могло повлиять на отношение Н. Я. Марра к новой власти. Оно хорошо видно и по его переписке. Например, в своем письме Президенту Российской Академии наук А. П. Карпинскому (1919) он жало-

⁵ *Марр Н. Я.* [Об университете на Кавказе] // СПФ АРАН. Ф. 800. Оп. 1. № 922. Л. 1.

⁶ Там же.

⁷ *Марр Н. Я.* Всероссийская культурная проблема // СПФ АРАН. Ф. 800. Оп. 1. № 2366. Л. 1.

⁸ *Алпатов В. М.* История одного мифа: Марр и марризм. М. : Наука, 1991. С. 21.

⁹ *Платонова Н. И.* История археологической мысли в России: вторая половина XIX — первая треть XX века : дис. ... д-ра ист. наук / Рос. акад. наук, Ин-т истории материальной культуры. СПб., 2010. С. 240.

вался на невыносимые условия работы¹⁰. В письме от 21 января 1921 г. к Ф. А. Брауну ученый делился переживаниями по поводу того, что Грузинская демократическая республика вот-вот падет под натиском большевиков¹¹. В том же году в письме из Берлина одному из коллег Н. Я. Марр, используя по отношению к их общим знакомым слово «товарищи», тут же поправляется: «товарищей в настоящем смысле слова», т. е. явно иронизирует над активным использованием большевиками этого термина¹².

К началу 20-х гг. грузинский национализм, присущий Н. Я. Марру ранее, уже стал пережитком молодости. Ученый не стремился к научной локализации Кавказа, иначе как бы он требовал поддержки от центральной власти? Отныне Н. Я. Марр хотел создать центр по изучению своей родины непосредственно в Петрограде — для «изучения Грузии в естественно-историческом и культурно-историческом отношениях, а также для самостоятельной работы над теоретическими вопросами», для поддержки «связей грузинских ученых с Петроградом и Москвой»¹³.

Свою оригинальную яфетическую теорию, не встречавшую симпатий среди многих авторитетных коллег, он стремился активно пропагандировать в Европе. Благодаря поддержке и доверию властей Н. Я. Марру предоставляли заграничные командировки, что позволило ему являться «одним из первых советских ученых, который в первые послереволюционные годы находился в длительном и непосредственном общении с учеными разных стран — Германии, Англии, Франции, Италии, Испании»¹⁴. За период с 1920 по 1923 г. он провел за границей около 1,5 лет. Разумеется, современный исследователь оказывается в данном случае перед соблазном провести параллели с политикой власти, рассчитанной на всемирную революцию. Не такую ли революцию, только в языкознании, замыслил Н. Я. Марр со своей яфетидологией? Стоит сказать, что первые зарубежные исследователи его учения многие выводы, особенно в изучении кавказских языков, находили интересными и ценными, равно как и высоко оценивали готовность смотреть на вопросы лингвистики свежим взглядом, отказаться от рамок европеизма.¹⁵ При этом серьезной поддержки за рубежом ученый

¹⁰ *Марр Н. Я.* Письмо Президенту Российской Академии наук // СПФ АРАН. Ф. 800. Оп. 2. № Б-25. Л. 1–1 об.

¹¹ *Марр Н. Я.* Письмо Ф. А. Брауну. 21 января 1921 г. // СПФ АРАН. Ф. 800. Оп. 2. № Б-27. Л. 58.

¹² *Марр Н. Я.* [Письмо Михаилу Ивановичу] // СПФ АРАН. Ф. 800. Оп. 2. № Б-27. Л. 4 об.

¹³ *Марр Н. Я.* О «Грузинском институте науки и искусств» (1918 г.) // СПФ АРАН. Ф. 800. Оп. 1. № 920. Л. 1.

¹⁴ *Миханкова В. А.* Николай Яковлевич Марр. Очерк его жизни и научной деятельности. 3-е изд. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1949. С. 312.

¹⁵ *Manning C. A.* Japhetology // *Language*. 1931. Vol. 7, N 2. P. 143–146; *Sauvageot A.* Linguistique et marxisme // *A la lumiere du marxisme: Essais: Sciences Physi-*

так и не получил. Его попытка экспорта революции не удалась. Нам представляется, что именно с этим связан его отказ от эмиграции — его идеи могли получить развитие только в России.

В начале 1920-х гг. ему удалось заручиться поддержкой властей и организовать Яфетический институт, центр развития своей теории. При этом он продолжал жаловаться коллегам и власти на ужасные условия работы и отсутствие финансирования. В одном из писем 1924 г. С.Ф. Ольденбургу с Кавказа он восхищался местным финансированием науки и даже высказал пожелание бросить все и уехать заниматься сельским хозяйством в родную деревню.¹⁶

Несмотря на перебои с финансированием, Н. Я. Марр понимал, что его теория явно коррелирует с запросами власти на создание новой науки. Борьба с не принявшими его теорию индоевропеистами идеально подходила к общему настрою борьбы с буржуазной наукой и миром. Спустя некоторое время после установления советской власти Н. Я. Марр понял, что научная теория может иметь успех и поддержку, только если она является марксистской¹⁷. С начала 1920-х гг. он активно участвовал в общественно-политической работе. В 1923 г. на I Всесоюзном съезде научных работников его избрали председателем Центрального совета Секции научных работников. На II и III съездах он был переизбран. Он также являлся членом Ленинградского совета, членом Центрального комитета Союза работников просвещения, членом ВЦСПС. В 1927 г. он заявлял о необходимости включить науку «в план индустриализации страны»¹⁸.

Марксизм появился в работах ученого достаточно поздно — в середине 1920-х гг. В работах И. И. Мещанинова, будущего преемника Н. Я. Марра, прослеживается постоянное стремление соотнести Октябрь 1917 г. с теорией учителя. Он даже пытался утвердить некое представление об одновременности этих событий. В работе «Общее языкознание за двадцать лет» 1937 г. он писал: «1917 год застал нашего великого лингвиста уже ищущим новых путей к выходу из осознаваемого им тупика, в который попало буржуазное языкознание»¹⁹, тем самым внося серьезный вклад в легенду о Н. Я. Марре-революционере. Характерно, что впоследствии сам Н. Я. Марр утверждал, что на

co-Mathematiques, Sciences Naturelles, Sciences Humaines. Paris : Editions sociales internationales, 1935. Vol. I. P. 160–168.

¹⁶ Письмо Н. Я. Марра С. Ф. Ольденбургу от 13 июня 1924 г. // СПФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 371. Л. 45–45 об.

¹⁷ *Thomas Lawrence L.* The linguistic theories of N. Ja. Marr. Berkeley, California [u. a.] : Univ. of California Press, 1957. P. 90.

¹⁸ *Марр Н. Я.* Секция научных работников и советская общественность // Научный работник. 1927. № 3 (март). С. 23.

¹⁹ *Мещанинов И. И.* Общее языкознание за двадцать лет // СПФ АРАН. Ф. 77. Оп. 3. № 87. Л. 7.

связь яфетической теории с марксизмом ему указал ученый-большевик М. Н. Покровский, за что ученый его и благодарил²⁰.

Не только большевистская власть с ее запросом на марксистскую науку, но и культурный климат эпохи повлиял на появление и развитие идей Н. Я. Марра. В. Резник, рассмотрев социологический аспект феномена марризма, пришла к выводу, что он является органичной составляющей утопического интеллектуального движения в рамках русского модернизма²¹. Авангардные представления Н. Я. Марра смогли начать серьезно воздействовать на «реальную жизнь» только после прихода к власти большевиков. Марризм являлся неотъемлемой частью авангардной культуры. Это не только стремление к кардинальному переустройству, готовность жить и творить «в великую эпоху электричества и перестройки земного шара»²², но особый, «авангардный», стиль мышления, главными чертами которого являлись смелость, масштабность и абсолютная новизна, тотальная нестандартность, которая и делает явление авангарда в любой области культуры неприемлемым большинством.

Н. Я. Марр являлся одним из активнейших авангардистских мыслителей, в связи с чем его часто сравнивают со многими деятелями культуры периода. В частности, исследователи обращали внимание на то, что ученого объединяли с В. В. Маяковским умение и манера выступать, а также вести острую полемику²³. Также их объединяло стремление к радикальному обновлению «как в своей сфере, так и в мире»²⁴. Многие писатели и поэты интересовались работами Н. Я. Марра и ценили их: О. Э. Мандельштам называл философию языка Н. Я. Марра «яфетическим любомудрием»; «это название раскрывает связь, существовавшую в сознании Мандельштама между марровской “яфетической теорией” и “любомудрами” — русскими романтиками 1820–30-х годов»²⁵. С симпатией к «новому учению о языке» относился В. Я. Брюсов и поддерживал с Н. Я. Марром дружеские отношения, посвящая яфетидологии стихи²⁶. Известно, что «Д. Хармса очень интересовало

²⁰ *Марр Н. Я.* К шестидесятилетию со дня рождения М. Н. Покровского // Научный работник. 1928. № 10 (окт.). С. 3.

²¹ *Reznik V.* Succession or Subversion: Professional Strategies of Soviet Cultural Revolution: The Case of Nikolai Marr // Slavonica. 2007. Vol. 13, is. 2. P. 150.

²² *Платонов А.* Потомки Солнца // Советская фантастика 20–40-х годов / сост. Д. Зиберов. М.: Правда, 1987. С. 240.

²³ *Селиванов В. В.* Вяч. И. Иванов и Н. Я. Марр в жизни и творческой судьбе К. М. Колобовой (часть II) // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира : сб. статей. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. Вып. 6. С. 509.

²⁴ *Гаспаров Б.* Развитие или реструктурирование: Взгляды академика Т. Д. Лысенко в контексте позднего авангарда (конец 1920–1930-е гг.) // Логос. 1999. № 11/12. URL: http://www.ruthenia.ru/logos/number/1999_11_12/04.htm (дата обращения: 24.11.2016).

²⁵ Там же.

²⁶ *Аллатов В. М.* История одного мифа... С. 29–30.

слово “яфер”, что, возможно, связано с его интересом к яфетической теории Н. Я. Марра»²⁷.

Ученый, в свою очередь, активно интересовался современной ему поэзией, причем этот интерес распространялся на поэтические направления, для которых в наибольшей степени характерен отказ от традиции, поиск новых путей. Достаточно сказать, что его сын Юрий (1893–1935) был поэтом, близким к группе тифлисских футуристов-заумников «41°» и в своих воспоминаниях говорил, что именно его детские наблюдения за сходством басков и грузин впоследствии были взяты отцом на вооружение²⁸.

Мы не склонны соглашаться с В. М. Алпатовым, утверждавшим, что среди представителей «старой науки» только Н. Я. Марр пошел дальше простого сотрудничества с властью и полностью перешел на марксистские позиции²⁹. Взаимоотношения с большевиками ученых уровня Н. Я. Марра складывались по уникальным сценариям (достаточно привести примеры В. И. Вернадского, И. П. Павлова или С. Ф. Ольденбрга). Это отнюдь не значит, что нельзя вывести общих закономерностей и механизмов этих взаимоотношений, но однозначно делать кого-то более «красным», чем остальные, в данном случае не совсем конструктивно.

Антипатия и жесткая критика большевиков у ученого со временем сменились стремлением к сотрудничеству и, позднее, полным принятием. Революционные потрясения стали трагедией для Н. Я. Марра как ученого и человека, но предоставили уникальную возможность для развития и академического признания его «нового учения о языке». Именно революция позволила ему стать одним из лидеров отечественной гуманитаристики, в жестокой и смертельно опасной борьбе победив своих многочисленных оппонентов. Вплоть до развенчания марризма в 1950 г. Н. Я. Марра превозносили как ученого, который заложил основы марксистской лингвистики еще до революции, хотя это было совершенно не так. Легенда о Н. Я. Марре, активно подкрепляемая им самим, окончательно восторжествовала после победы над оппонентами³⁰. Еще большее развитие она получила после смерти «пророка». Достаточно назвать несколько заголовков статей, посвященных памяти ученого: «Большой друг трудящихся» («Правда»), «Мировой ученый-большевик» («Ленинградская правда»), «Ученый-революционер» («Комсомольская правда»), «Ученый, боец, большевик» («За социалистическую науку»), «Литературная газета»), «Памяти учено-

²⁷ Базылев В. Н., Нерознак В. П. Традиция, мерцающая в толще истории // Сумерки лингвистики. Из истории отечественного языкознания : антология / под общ. ред. проф. В. П. Нерознака. М. : Academia, 2001. С. 14.

²⁸ Марр Ю. Н. Воспоминания об отце-учителе // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1935. № 3/4. С. 153–154.

²⁹ Алпатов В. М. История одного мифа... С. 83.

³⁰ Thomas Lawrence L. The linguistic theories of N. Ja. Marr. P. 87.

го революционера» («Экономическая жизнь»), «Рупор большевизма» («Вечерняя Красная газета») и т. д.³¹

П. Г. Рогозный: Вы упомянули Покровского, а ведь у Покровского тоже был разрыв как бы со всей предшествующей историографией?

И. В. Сидорчук: Ну я не берусь судить, но некоторые, я знаю, считают, что Покровский — ученик Ключевского, какую-то преемственность улавливают. Я не знаю, насколько это...

П. Г. Рогозный: А он «стучал»? Покровский?

И. В. Сидорчук: Нет, за него это делали его молодые ученики, и делали это очень успешно и очень агрессивно. И Марр позволял этим, во многом неподготовленным по образованию людям, которые становились его аспирантами, вести эту очень агрессивную полемику, буквально начиная с 1926 г. Даже в книге отзывов Яфетического института студенты, которые приходили туда, говорили, что Яфетическая теория, за ними правда, поэтому мы победим, расправимся с буржуазным языкознанием. Т. е. эта агрессия уже тогда была, и Марр просто активизировался, наверное, где-то в 1929 г., когда началась борьба с Поливановым, потому что было действительно опасно. Наверное, так. Хотя сейчас некоторые ученые предполагают, что Марр, в принципе, до конца своей жизни, т. е. до 1934 г., не был уверен в том, что он окончательно победил, он все еще боялся конкуренции.

В. С. Измозик: Скажите, пожалуйста, а после работы товарища Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» кто-то из учеников, последователей Марра, остался на этих позициях или все дружно покаялись, признали правоту вождя?

И. В. Сидорчук: Это же не была прямая агрессивная критика. Т. е. учение было развенчано, но никого из последователей Марра не преследовали, не репрессировали. Соответственно, они и не каялись, просто говорили, что были определенные обстоятельства, в рамках которых нужно было проводить такую линию. А так... Нет, они не критиковали, не начинали резко критиковать Марра, но и упорно отстаивать его идеалы они тоже не стремились.

В. С. Измозик: Т. е. теория Марра, в общем, ушла?

И. В. Сидорчук: Да, хотя сейчас она даже начинает возрождаться, потому что многие его идеи, как я понимаю, коррелируют с некоторыми новейшими тенденциями языкознания, постмодернистскими, что ли.

М. М. Сафонов: Скажите, а как за границей оценивался Марр, и повлияло ли это на позицию вождя?

И. В. Сидорчук: Вождя?..

М. М. Сафонов: Иосифа Виссарионовича. Он же стал заниматься вопросами языкознания.

³¹ Отклики печати // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1935. № 3/4. С. 198–254.

И. В. Сидорчук: Ну, Иосиф Виссарионович всеми вопросами занимался (*смех в зале*).

М. М. Сафонов: Ну он же стал заниматься в определенный момент... Что-то было толчком. Как за границей к Марру относились?

И. В. Сидорчук: Об этом источников достаточно мало, но там были некоторые люди, которые во многом, скорее, уловили... Им понравился ревизионизм Марра, но они были готовы его принимать в очень ограниченных дозах. Т. е., например, связь грузинского и баскского языков — это было, это приемлемо, интересно, а когда китайский язык тоже становится яфетическим — это уже перебор, дальше это, конечно, не пошло никуда. Там ему вежливо сказали, что... в общем, ничего он не добился абсолютно.

М. М. Сафонов: Т. е. граница никак не повлияла на желание Сталина развенчать, так? Никак?

И. В. Сидорчук: Ну все же филологи были за границей, в принципе...

М. М. Сафонов: Иосиф Виссарионович очень внимательно следил, как граница относится к той или иной личности...

И. В. Сидорчук: Ну, остальные, были, видимо, с его точки зрения, еще более опасными. Например, если брать конкурентов Марра, главным был Евгений Дмитриевич Поливанов, который действительно старался, и искренне, сформировать марксистское языкознание, но у него были какие-то контакты с Троцким, достаточно близкие, какую-то там полушпионскую деятельность он в Японии разводил, поэтому его сразу расстреляли. А Марр был таким государственным. И, видимо, как в случае, может быть, с Владимиром Ивановичем Вернадским, Сталина привлекала именно эта государственническая основа мышления Марра. Наверное, так.

А. Н. Грищенко

**«За Советы без коммунистов»:
судьбы донских «красных командиров»**

В декабре 1920 — марте 1921 г. в Донской области произошли локальные вооруженные мятежи, спровоцированные усилением военного и экономического давления на донские станицы и волости в результате достигшей апогея политики «военного коммунизма». Хронологически первым был мятеж под руководством командира караульного батальона К. Т. Вакулина в слободе Михайловке Усть-Медведицкого округа в ночь с 17 на 18 декабря 1920 г. После гибели Вакулина повстанческий отряд возглавил его соратник Ф. Попов. В ночь с 8 на 9 февраля 1921 г. поднял мятеж в расположении 4-й кавалерийской дивизии командир 1-й бригады 4-й кавалерийской дивизии 1-й Конной армии Г. С. Маслаков. Проникновение отряда Маслакова на территорию Донской области произошло 18–19 февраля 1921 г. 7 марта 1921 г. уволенный «по ранению» с военной службы командир 3-й бригады 6-й кавалерийской дивизии 1-й Конной армии И. П. Колесов поднял мятеж в хуторе Ширяевском станицы Иловлинской 2-го Донского округа. А 14 марта 1921 г. в станице Вёшенской Верхне-Донского округа поднял вооруженный мятеж караульный эскадрон во главе с Я. Е. Фоминым. Небезынтересны личности и судьбы этих людей в контексте происходивших событий.

Кирилл Трофимович Вакулин (?–1921). Крестьянин, житель слободы Сидоры Михайловской волости Усть-Медведицкого округа Области войска Донского (ныне — село в составе городского округа города Михайловка Волгоградской области). Участник Первой мировой войны. Старший унтер-офицер 206-го пехотного Сальянского полка, награжден Георгиевским крестом 3-й степени № 89286 24 августа 1915 г. в день годовщины войны его императорским высочеством великим князем Георгием Михайловичем.

С 1918 г. в Красной армии. В Красной армии последовательно занимал посты командира 1-й Сидоровской роты, затем командира 201-го стрелкового полка 23-й стрелковой дивизии, которой командовал Ф. К. Миронов. За бой под хутором Сусатским 19 января 1920 г. К. Т. Вакулин был награжден орденом Красного Знамени (приказ РВСР № 304)¹. К. Т. Вакулин и его преемник на посту командира повстан-

¹ Филипп Миронов. (Тихий Дон в 1917–1921 гг.) : документы и материалы. М. : Международной фонд «Демократия», 1997. С. 723; Сборник лиц, награжденных орденом Красного Знамени и Почетным революционным оружием. М. : Гос. военное изд-во, 1926. С. 36.

ческого отряда Фёдор Попов были первыми в мироновской дивизии кавалерами ордена Красного Знамени². В 1918 г. К. Т. Вакулин вступил в РКП(б). До вступления в РКП(б) Вакулин принадлежал к партии эсеров, но на момент восстания караульного батальона (декабрь 1920 г.) в ней уже не состоял³. К.Т. Вакулин погиб в рукопашном бою с противником у деревни Водянка Новоузенского уезда Самарской губернии 17 февраля 1921 г.⁴ (ныне — Нижняя Водянка Старополтавкинського района Волгоградской области).

После гибели Вакулина его значительно увеличившийся отряд возглавил Фёдор Попов (?–1921). Донской казак, уроженец станицы Глазуновской Усть-Медведицкого округа, из бедноты, унтер-офицер императорской армии. Беспартийный. В Красной армии с 1918 г., служил в 23-й дивизии под командованием Ф. К. Миронова. Сослуживец К. Т. Вакулина, был награжден орденом Красного Знамени. С августа по декабрь 1920 г. — комендант гарнизона слободы Михайловка⁵. До середины февраля 1921 г. он командовал 1-м конным полком в повстанческой армии Вакулина. После его гибели возглавил повстанческую армию, в апреле 1921 г. привел ее в Донскую область. После ряда поражений и раскола в рядах повстанцев скрывавшийся Фёдор Попов был пленен красноармейскими разведчиками 9 мая 1921 г., при допросе отказался сообщать сведения о своем отряде и в тот же день был расстрелян⁶.

Пожалуй, самым известным из действовавших в Донской области «красных» командиров был Г. С. Маслаков (1877–1921). Григорий Савельевич Маслаков родился 12 марта 1877 г. в крестьянской семье в слободе Маныч-Балабинской, станицы Багаевской, Черкасского округа Области войска Донского. Начальное образование получил «самое ничтожное», до 21 года вместе с родителями был наемным работником. В 1899 г. Григорий был призван в армию, служил в артиллерии, дослужился до фейерверкера. В 1901 г. был произведен в вахмистры и в этом чине уволился в запас.

С началом Первой мировой войны был мобилизован в артиллерию, всю войну находился на фронте. Принимал «самое горячее участие» в революционном движении. После демобилизации вернулся на Дон⁷. Во время появления в Донской области мятежного маслаковского отряда красноармейская разведка со слов местных жителей установила,

² Медведев Р. А., Стариков С. П. Жизнь и гибель Филиппа Кузьмича Миронова. М. : Патриот, 1989. С. 336.

³ Кондрашин В. В. Крестьянство России в Гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма. М. : РОССПЭН, 2009. С. 311–312.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-130. Оп. 5. Д. 711. Л. 4 об., 5 об.

⁵ РГВА. Ф. 28087. Оп. 1. Д. 103. Л. 13, 15.

⁶ РГАСПИ. Ф. 65. Оп. 1. Д. 131. Л. 10 об.; 9-я стрелковая Донская дивизия: Исторический очерк к десятилетию существования. Ростов н/Д, 1930. С. 116.

⁷ РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 1. Д. 385. Л. 13.

что Маслаков житель хутора Маныч-Балабинский, в котором у него живет семья, и поэтому повстанцы намерены следовать на этот хутор⁸.

В феврале 1918 г. Маслаков создал партизанский отряд в Сальском округе, во главе которого воевал против белогвардейских казаков атаманов П. Х. Попова и П. Н. Краснова. В мае того же года маслаковские партизаны присоединились к отряду Б. М. Думенко⁹. В сформированной вскоре бригаде бывший вахмистр стал командиром эскадрона, затем командовал 1-м кавалерийским полком¹⁰. В марте 1919 г. за боевые заслуги Маслаков вместе с начальником дивизии Думенко и командиром бригады Буденным был награжден орденом Красного Знамени (приказ РВСР № 26)¹¹. Всего же Маслаков имел два ордена Красного Знамени¹². Командуя полком, он снискал симпатию красноармейцев всей бригады. За умелое руководство полком и за «проявленную энергию в военном деле» Маслаков в июне 1919 г. был назначен командиром 1-й отдельной бригады 4-й кавалерийской дивизии¹³. Дважды Маслакову довелось командовать дивизией. В феврале — начале марта 1920 г. он был командиром 14-й кавалерийской дивизии, а течение ноября того же года временно «исполнял дела» командира 4-й Петроградской кавалерийской дивизии. Затем вновь вернулся к командованию бригадой.

В сентябре 1919 г. бригада Маслакова участвовала в подавлении мятежа и аресте Ф. К. Миронова, при этом, как отмечалось в приказе, комбриг проявил «особенную деятельность и мужество»¹⁴. Во главе 1-й бригады 4-й кавалерийской дивизии Маслаков воевал против белогвардейских войск генерала А. И. Деникина, участвовал в Советско-польской войне. За время участия в Гражданской войне он был 5 раз ранен, но никогда не оставлял свою часть. Кроме орденов он был награжден 2 золотыми и 1 парой серебряных часов и золотым портсигаром. В июне 1920 г. на польском фронте комбриг вступил в РКП(б). Несмотря на то что ему было уже за 40, он был еще «храбрый и бодрый» и не уступал молодым конармейцам¹⁵.

⁸ РГВА. Ф. 28087. Оп. 1. Д. 89. Л. 86.

⁹ Дедов И. И. В сабельных походах: (Создание красной кавалерии на Дону и ее роль в разгроме контрреволюции на Юге России в 1918–1920 гг.). Ростов н/Д: Изд-во Ростовского ун-та, 1989. С. 27.

¹⁰ Советская деревня глазами ВЧК — ОГПУ — НКВД, 1918–1939: документы и материалы: в 4 т. М.: РОССПЭН, 2000. Т. 1: 1918–1922 гг. С. 796.

¹¹ Наш край. Из истории Советского Дона: Документы, октябрь 1917 — 1965. Ростов н/Д: Ростовское кн. изд-во, 1968. С. 74–75; Сборник лиц, награжденных орденом Красного Знамени... С. 154.

¹² Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине, 1918–1921: документы и материалы. М.: РОССПЭН, 2006. С. 905.

¹³ РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 1. Д. 385. Л. 13 об.

¹⁴ Филипп Миронов. (Тихий Дон в 1917–1921 гг.)... С. 383–384.

¹⁵ РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 1. Д. 385. Л. 13 об.–14.

Армейская разведка установила, что Маслаков был убит 8 июля 1921 г.¹⁶ О его гибели как о достоверно установленном факте сообщал в начале августа 1921 г. делегатам IV областной конференции РКП(б) А. С. Бубнов, член Краевого военного совещания по борьбе с бандитизмом. По его данным, Маслаков «в пьяном виде разодрался со своими приятелями и лежит раненный в голову». Он подтвердил информацию других докладчиков о смерти Маслакова¹⁷. По воспоминаниям П. И. Квачева, командира отряда по борьбе с бандитизмом Сальского окружного военного совещания, «Маслак» был убит «на балке Чеколда», в районе зимовников Болдырева, Пишванова и Пупкова, в 125 верстах восточнее Великокняжеской¹⁸. Вероятно, в отряде произошел раскол, и Маслаков, утративший авторитет, не сумел удержать ситуацию под контролем. Будучи раненым «своими»¹⁹, он скрывался в одном из степных зимовников с немногочисленными сторонниками, но был обнаружен и убит бойцами красноармейского кавалерийского отряда.

Иван Петрович Колесов (1881–1921). Донской казак, уроженец хутора Желтухино-Ширяевский станицы Иловлинской 2-го Донского округа Области войска Донского (ныне — Иловлинский район Волгоградской области). Семья была многодетной, но состоятельной. Имел девять братьев и восемь сестер. И. П. Колесов детство провел с родителями, помогал им по хозяйству. Семья Колесовых пользовалась в хуторе всеобщим уважением за неподкупную честность и хлебосольность. Окончил церковно-приходскую школу.

По достижении 18-летнего возраста И. П. Колесов был призван на действительную службу. Послужной список урядника Ивана Петровича Колесова, 1904 г.: «Урядник Колесов Иван Петрович. Имеет от роду 23 года. Станицы Иловлинской. Грамотный. Мастерства не знает, орденов, знаков отличия и нашивок не имеет. В службу вступил 1 января 1899 г. 6 января 1902 г. зачислен в 4-й Донской казачий полк. 26 октября 1902 г. зачислен в полковую учебную команду. 1 января 1903 г. приказным. 2 июня 1903 г. окончил курсы учебной команды. 21 января 1904 г. произведен в младшие урядники. В походах против неприятеля не был. Женат. Жена Феодосья. Детей не имеет. Жена находится дома»²⁰. В 1904 г. старший урядник дислоцировавшегося в Петербурге 4-го Донского казачьего графа Платова полка. В 1905 г., в период Первой русской революции, отказался выполнять приказ стрелять по безоружным рабочим, в завязавшейся стычке с офицером зарубил его, но

¹⁶ РГВА. Ф. 33988. Оп. 1. Д. 416. Л. 51 об.

¹⁷ Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Ф. 4. Оп. 1. Д. 64. Л. 352, 358.

¹⁸ Там же. Ф. 12. Оп. 3. Д. 536. Л. 5 об.

¹⁹ Там же. Оп. 5. Д. 156. Л. 13.

²⁰ Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. 344. Оп. 1. Д. 3652. Л. 12–12 об.

сам был ранен. Военно-полевым судом был приговорен к каторжным работам, отбывал наказание до февраля 1917 г.²¹

Поддержал большевиков и активно включился в революционную борьбу, был избран председателем совета станиц Сиротинской, Качалинской и Иловлинской. Выступил против атамана А. М. Каледина, объявил мобилизацию казаков восьми годов службы²². В апреле 1918 г. в станице Иловлинской сформировал и возглавил вооруженный отряд из казаков-фронтовиков, 29 мая 1918 г. на общем станичном собрании отряд был преобразован в 1-й Иловлинский красный казачий полк. В 1919 г. полк влился в 6-ю кавалерийскую дивизию. В 1919–1920 гг. И. П. Колесов командовал 3-й бригадой 6-й кавалерийской дивизии 1-й Конной армии²³. В 1920 г. командир 3-й бригады 6-й кавалерийской дивизии И. П. Колесов был награжден орденом Красного Знамени (приказ РВСР № 357 от 25 июля 1920 г.). Вторично был награжден орденом в 1922 г. (приказ РВСР № 75 от 13 марта 1922 г.)²⁴.

Сведения о времени и обстоятельствах гибели И. П. Колесова противоречивы. В июле 1921 г. краевая газета сообщала, что оперировавший в степях Заволжья Колесов, спасаясь от преследования, был ранен и умер, а остатки его отряда рассеялись²⁵. Областная власть извещала, что Иван Колесов был убит во второй половине мая на территории 2-го Донского округа своими соратниками, пытавшимися тем самым добиться права на амнистию и возвращение к «мирному труду»²⁶. Анонимное письмо об убийстве «бандитского вожака Колесова» было получено милицией 2-го Донского округа 29 мая 1921 г.²⁷ В справочном издании указано: И. П. Колесов был арестован и расстрелян в мае 1921 г.²⁸ Иную версию гибели Колесова высказал В. Г. Яценко, использовавший материалы документального очерка И. А. Савина. Согласно ей, после распада отряда Иван Колесов скрывался в пойме реки Ширяй и в родном хуторе. В июне 1921 г. в ходе одной из облав отряда ЧОН он был тяжело ранен и умер в поезде в районе станции Гумрак по пути в Царицын²⁹.

²¹ Казачество : энциклопедия. М. : ИНФРА-М, 2015. С. 276.

²² Советская деревня глазами ВЧК — ОГПУ — НКВД... Т. 1. С. 792–793.

²³ Казачество : энциклопедия. С. 276.

²⁴ Сборник лиц, награжденных орденом Красного Знамени... С. 112; *Савин И. А.* Трагедия комбрига Колесова [Электронный ресурс] // Сайт газеты «Донской вестник». URL: <http://www.donskoy-westnik.ru/index.php/don/14-combcoles> (дата обращения: 28.01.2017).

²⁵ Советский Юг. 1921. 26 июля.

²⁶ Сведения о политическом положении Донской области // Известия Донского областного комитета РКП(б). 1921. № 4. С. 30.

²⁷ ГАРО. Ф. Р-1174. Оп. 1. Д. 165. Л. 52.

²⁸ Казачество. Энциклопедия. С. 276.

²⁹ *Савин И. А.* Трагедия комбрига Колесова; *Яценко В. Г.* Антибольшевистское повстанчество в Нижнем Поволжье и на Среднем Дону: 1918–1923. М., 2015. С. 65–66.

Яков Ефимович Фомин (1885–1922). Донской казак, уроженец хутора Рубёжного Еланской станицы Донецкого округа Области войска Донского (ныне — Фроловский район Волгоградской области). Я. Е. Фомин происходил из зажиточной казачьей семьи: во время мировой войны ему прислали из дома второго коня вместо убитого. «Высокий, светловолосый, голубоглазый, физически крепкий» казак являлся признанным лидером в своем полку. Его неизменно выделяло армейское начальство, назначая на различные командирские должности среднего звена. По мнению А. В. Венкова, Яков Фомин был «неплохой командир полка и прекрасный командир сотни», но при этом он не имел определенных политических убеждений и всю жизнь выступал «за казаков»: за сослуживцев из 28-го полка, бросивших фронт и занявших Вёшенскую в январе 1919 г., за самовольно выступивших на Дон казаков мироновского корпуса летом 1919 г., за тяготившихся продрозверсткой казаков-земляков в 1920 — начале 1921 г.³⁰

Действительную службу начал в 1909 г. в лейб-гвардии Атаманском полку, произведен в младшие урядники. Участник Первой мировой войны, старший урядник 52-го Донского казачьего полка. Член полкового дисциплинарного суда. В Гражданскую войну в белом движении, вахмистр 28-го Верхне-Донского полка Донской армии³¹. В декабре 1918 г. Я. Е. Фомин был избран командиром 28-го Верхне-Донского полка Донской армии, поднял мятеж и выступил с полком против войскового атамана П. Н. Краснова. В начале января 1919 г. пешие сотни мятежного полка вступили в станицу Вёшенскую и парализовали работу дислоцировавшегося в ней штаба Северного фронта Донской армии. Власть в окружной станице была захвачена казаками-дезертирами во главе с Фоминым³². П. Н. Краснов вспоминал, что во главе восставшего 28-го полка стал «бойкий и развратный казак Фомин». На переданный по телеграфу приказ войскового атамана образумиться и вернуться на позиции под угрозой полевого суда Фомин «ответил площадной бранью»³³. В период власти большевиков на Верхнем Дону Я. Е. Фомин был помощником военного комиссара округа. Во время Верхнедонского восстания 1919 г. командир эскадрона при походе исполкома Верхне-Донского округа. Впоследствии служил в конном корпусе Ф. К. Миронова, командовал 1-м Донским кавалерийским полком. Принял участие в сентябрьском выступлении Миронова, осужден и приговорен к смертной казни. По воспоминаниям И. Т. Смилги, Яков Фомин, «саженного роста казак, неграмотный, стесняющийся говорить» на суде, заявил в свое оправдание: «я уговорил перейти на сторо-

³⁰ Венков А. В. «Дело Сенина», или Операция «Трест» на Верхнем Дону. М., 2016. С. 17.

³¹ Казачество : энциклопедия. С. 611.

³² Венков А. В. Атаман Краснов и Донская армия. 1918 год. М., 2008. С. 423.

³³ Краснов П. Н. Всевеликое Войско Донское // Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. 5. С. 291.

ну советских войск 18 казачьих полков Краснова». Наряду с Мироновым и другими осужденными был помилован, после чего командовал эскадронам в полку немцев Поволжья в составе Донской советской кавалерийской дивизии³⁴. Во главе своего подразделения участвовал в разгроме белогвардейских войск на территории Донской области.

Яков Фомин оказался востребован новой донской властью. В конце декабря 1919 г. партийным руководством области было принято решение, ввиду отсутствия возможности посылки в Верхне-Донской округ постоянных работников, «предложить Донисполкому временно послать (в округ. — А. Г.) Фомина как военного комиссара»³⁵. Работа Фомина была по достоинству оценена руководством, и в мае 1920 г. окружной исполком, исходя из соображения «оказать как можно больше влияния на отсталые казачьи трудовые массы», ходатайствовал перед Донисполкомом об оставлении в своем распоряжении Якова Фомина. Мотивировалось это тем, что он пользуется большой популярностью среди местного населения. Донисполком ходатайство удовлетворил³⁶. В свою очередь Донисполком в июне 1920 г. обратился в штаб Кавказского фронта и штаб СКВО с просьбами об откомандировании «тов. Фомина Якова» в распоряжение отдела управления Донисполкома для назначения его для работы в округ как «энергичного советского работника»³⁷. Оставленный в Верхне-Донском округе Фомин был назначен командиром караульного эскадрона при Военном комиссариате. 15 марта 1922 г. подразделения 2-й Донской дивизии с отрядом ГПУ настигли отряд у хутора Обрывский станицы Казанской Верхне-Донского округа и после 3-часового боя разгромили его. В бою погиб «главарь банды» Фомин и 20 его бойцов³⁸.

В лице крестьян К. Т. Вакулина и Г. С. Маслакова, казаков Ф. Попова, И. П. Колесова и Я. Е. Фомина появилась новая фигура повстанческого руководителя — участник Первой мировой войны, активный участник борьбы за установление советской власти, достаточно известный красный командир, орденосец, большевик. Судьба этих людей была трагична: подняв оружие против власти, все они погибли в борьбе с ней. Именно эти люди определили «лицо» возникшего движения, их выдвижение на первый план отвечало сущности казачье-крестьянского антибольшевистского протеста. Восставшие позиционировали себя борцами за «истинную» советскую власть, но выступали против коммунистов и их вождей, по мнению повстанцев, намеренно извративших сущность народной власти и своей политикой до крайней степени разоривших деревню. Анализируя развитие повстанческого движения в округе, командующий СКВО К. Е. Ворошилов признавал:

³⁴ Филипп Миронов. (Тихий Дон в 1917–1921 гг.)... С. 485, 741.

³⁵ ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1. Л. 5 в.

³⁶ ГАРО. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 598. Л. 27, 28.

³⁷ Там же. Д. 207. Л. 31, 32.

³⁸ РГВА. Ф. 5. Оп. 1. Д. 182. Л. 38, 42–42 об.

«может быть, бандитизм не был никогда так силен, как в 1921 году на Дону весной»³⁹. Крайняя опасность для власти заключалась не столько в оперировании повстанческих отрядов, с которыми более или менее успешно боролись регулярные красноармейские формирования, а в остром недовольстве казацко-крестьянской массы политикой большевиков, на фоне которого проходила эта борьба. В начале марта 1921 г. руководство Сальского округа признавало, что «Маслаковщина не в Маслаке и его силе, а в создавшемся положении Донской области»⁴⁰. Емкое определение феномена «красного бандитизма» было дано в одном из обзоров политического положения РСФСР в 1921 г. В нем отмечалось, что эта разновидность повстанчества проявляет «резко враждебный характер по отношению ко всему, что кажется отступлением от принципов Советской власти»⁴¹. Власти, в установлении и укреплении которой красноармейские командиры принимали самое активное участие. В своей борьбе они выступали за воплощение в жизнь «истинных» принципов народовластия и социальной справедливости, понятых, возможно, несколько идеалистически и наивно, но совершенно искренне. Именно от популярных среди населения формирований «красных» командиров исходила наибольшая опасность для донской власти.

В. С. Измозик: Алексей Николаевич, скажите, пожалуйста, у Вас в названии написано: «Советы без коммунистов». Дело в том, что в Кронштадтском восстании был лозунг правильный: «Власть советам, а не партиям», который потом уже извратили, обвинив кронштадтцев. Этот лозунг на Дону действительно был? «Советы без коммунистов»? Или все-таки он звучал несколько по-другому?

А. Н. Грищенко: Лозунг такой был, и не только такой. «Долой разверстку, да здравствует вольная торговля!», «Да здравствует Учредительное Собрание!»... Я просто не поместил все сюда.

В. С. Измозик: Даже в 1921 г. «Да здравствует Учредительное Собрание!»?

А. Н. Грищенко: Да, да. Очень много было, прошу прощения, матерной брани в адрес коммунистов, наряду с политическими лозунгами. Хлесткие такие выражения, к сожалению, я их удалил в диссертации по этическим соображениям. Очень много было, не у всех, правда, но были и антисемитские. Особенно у Фомина, у Маслакова тоже были такие, антисемитские, нелицеприятные лозунги. Это было. Можно еще отметить вот что. Я долго думал, какова же специфика у нас на Дону, в кубанском повстанческом движении, есть работы Баранова, Кратова и других авторов, у них очень четко выделяется самостийническое

³⁹ РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 86. Л. 1.

⁴⁰ ЦДНИРО. Ф. 97. Оп. 1. Д. 17. Л. 34 об.

⁴¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 164. Л. 94.

направление. И. В. Яблочкина, в 2000 г. защитившая докторскую, Якова Фомина, например, определила как такого самостийного лидера. Я с ней не согласился, потому что я нашел в наших местных, ростовских архивах документы, переписанные писарями в милиции лозунги, которые повстанцы распространяли, просто писали от руки бумажки и раскидывали. Так вот я не увидел, при всем моем желании, лозунгов, которые свидетельствовали бы о том, что он занимает самостийническую позицию или выступает за отделение Донской области, как атаман Краснов, который крови попил Деникину и, в общем, расшатывал Белое движение. Вот так.

В. К. Потемкин: Скажите, пожалуйста, а где Колесов находился? В какой тюрьме?

А. Н. Грищенко: В 1905 г.?

В. К. Потемкин: Да.

А. Н. Грищенко: Не могу сказать, в какой тюрьме он находился, он на каторжных работах был. Его приговорили и отправили туда, он все-таки зарубил офицера. И это, в общем-то, преступление. Но, уточню, может быть, напишу об этом. Я не стал уже приводить, за недостатком времени, но я нашел его послужной список, который обрывается ровно на 1904 г., а в 1905 — революция, и он совершил это преступление.

А. Ю. Дворниченко: Алексей Николаевич, позитивной программы какой-то, насколько я понял, не прослеживается? Или что-то такое определенное трудно сказать? Чего хотели-то, грубо говоря?

А. Н. Грищенко: Чего хотели? Единственное, что их сплачивало воедино, — это неприятие большевиков. Кто угодно, только не большевики. И свободная торговля. Т. е. свержение всего, а вот — что дальше? Этот вопрос оставался открытым. Резкое неприятие большевиков лежало в основе всей этой идеологии. А уже дальше... демократическое собрание, Учредительное собрание? Там права, свободы, свобода слова, т. е. все то, чего у них не было здесь, на Дону. Поэтому, если более широко посмотреть на это движение, оно, конечно, не имело перспектив, впрочем, как, наверное, любая крестьянская война. И много крови было пролито. В общем и в целом, конечно, они способствовали разрухе, еще больше усугубляли ее, и на каком-то этапе крестьяне и казаки стали отходить. После введения нэпа в 1922 г. они отходили от поддержки движения, и оно само собой вырождалось в уголовные формирования. Вот в этом как раз и трагедия.

И. В. Самойлова

**«Участник Гражданской войны» как часть биографии.
Опыт использования в повседневных практиках
в период нэпа (по материалам Новгородской губернии)**

Формирование памяти об исторических событиях в начале 1920-х гг. происходило различными путями. Наиболее распространенными из них были печатные материалы, лекции в рабочих клубах и избах-читальнях, экспозиции в музеях революции и краеведческих музеях. Постепенно создается образ героев и врагов революции, Гражданской войны.

Рассмотрим вопрос использования статуса «участник Гражданской войны» в повседневных практиках (в том числе в организации снабжения), восприятия участниками войны значимости своего вклада в становление Советского государства в период перехода от войны к мирному времени.

Сохранение и упорядочение нарративов о революции было важной задачей органов агитации и пропаганды как во время, так и после окончания активных боевых действий. Представляется возможным выделить несколько каналов распространения мемориальной информации. Так, материалы прессы изобиловали упоминаниями о достижениях революции и ее защитниках (участниках Гражданской войны), основных политических деятелях, хронологии событий.

Партийные агитаторы, работники изб-читален и клубов много внимания уделяли как октябрьским событиям, так и ожидавшейся революции в Германии. Революция упоминалась в текстах выступлений ораторов, в листовках, иной раз посвященных экономическим проблемам, например сбору продналога. Термины «Гражданская война» и «революция» нередко употребляются совместно в агитационных материалах. В Советской России формировался новый празднично-обрядовый календарь, базировавшийся на революционных событиях, новые праздники предварялись так называемыми «вечерами воспоминаний», в которых участвовали не только активные участники революционных событий, но и просто свидетели переломных моментов в истории, например, политические заключенные¹, солдаты «империалистической», ставшие добровольцами Красной армии.

Представление о революции, Гражданской войне и их роли в жизни общества и отдельных его представителей закладывалось как черз

¹ Колесников А. Из истории Февральской революции в Новгороде (мои воспоминания об освобождении из тюрьмы) // Новгородский пролетарий. 1922. 12 марта. С. 1–2.

систему агитации, так и при помощи бюрократических практик. Всевозможные анкеты учета членов партии своим формуляром задавали важные для новой социальной иерархии качества. Так, треть вопросов формуляра анкеты партийных агитаторов, целью которой был отбор наиболее пригодных для агитационной работы, относилась именно к Гражданской войне.²

Практики распределения материальных благ в начале 1920-х гг. не раз являлись предметом исследования. Так, вопрос об образе жизни партийной номенклатуры, и, в частности, о системе распределения продовольствия и других товаров, в целом освещен А. Н. Чистиковым³. Он обратил внимание на формирование системы спецраспределения и наметил общие тенденции развития системы распределения материальных благ среди партийной номенклатуры в 1920-е гг., не рассматривая отдельно способы влияния коммунистов на возможность получения требуемого. Важным, на наш взгляд, представляется не только факт существования такой системы, но и представление рядовых членов партии о своей социальной роли, фактах биографии, которые должны способствовать получению материальных благ. Обращение к данному вопросу требует анализа текстов заявлений самих коммунистов, направляемых как в губком, так и в редакции газет. Необходимо также проследить влияние официальных агитационных текстов, газет, листовок на претензии просителей.

Следует отличать риторику периодической печати в 1921–1922 гг., когда красноармейцы находились не только на службе, но и на фронтах Гражданской войны, от последующего периода. Окончание широкомасштабных боевых действий, постепенная демобилизация при продолжающихся призывах в армию влияли на круг вопросов и аргументацию, предлагаемую авторами.

Одним из основных вопросов, тесно связанных с выполнением налоговых обязательств, было материальное обеспечение РККА. Листовки призывают сдавать продналог вовремя, аргументируя данное требование необходимостью обеспечить армию («Красная армия отбивает всех врагов и отстаивает независимость нашей Республики, сокращенная теперь наполовину, представляет из себя еще большую мощь, — необходимо красноармейцев накормить»⁴). К заслугам Красной армии относят, прежде всего, защиту революции и избавление

² *Самойлова И. В.* Формирование идентичности партийного агитатора в 1921–1923 гг. (по материалам Новгородской губернии) // Документальное наследие Новгорода и Новгородской земли. Проблемы сохранения и научного использования : материалы Девятой науч. конф. историков-архивистов 28 мая 2009 г. Великий Новгород, 2010. С. 70–76.

³ *Чистиков А. Н.* Партийно-государственная бюрократия Северо-Запада Советской России 1920-х гг. СПб., 2007. С. 235–243.

⁴ [Крестецкий уездный исполнительный комитет Советов. К крестьянам Крестецкого уезда. (Обращение) О своевременном выполнении налогов на сено, на мясо и масло]. Крестцы, 1921.

от врагов республики («Помещичьим бандам не удалось снова закабалить в рабство рабочих и крестьян России»)⁵. Эта риторика не противоречит газетной стилистике.

Рассмотрим номер печатного органа Новгородского губкома РКП(б) «Звезда», посвященный годовщине создания Красной армии. Все статьи данного номера, посвященные истории создания и подвигам Красной армии, помощи инвалидам, шефству над воинскими частями, насыщены революционной и героической риторикой. Тексты изобилуют отсылками к революции («контрреволюция», «в эпоху мировой социалистической революции», «старые революционные традиции армии»⁶, «выполнив свой революционный долг»⁷). В меньшей степени, чем в листовках и газетах, предназначенных для крестьян, рисуется образ врага, акцент переносится на указание жертв, принесенных красноармейцами во благо мирных жителей, а именно здоровья, способности к труду и жизни (образ «мертвых героев»). Подчеркиваются заслуги ветеранов и долг общества перед ними.

Статьи прямо указывают на необходимость помощи как самим «героям, ... что разбили наседающую на нас контрреволюцию»⁸, так и членам их семей⁹. «На обязанности исполкомов, являющихся попечителями (шефами) частей, лежит забота о всесторонней помощи красноармейцам..., а равно и семьям их, проживающими на территории исполкома данной губернии, города и уезда»¹⁰. Практика шефской помощи была распространена на рубеже 1920-х гг.: заводы помогали деревням или артелям (например, организуя «недели Красного пахаря»), а также детским домам. В данном случае, под шефством понимается помощь конкретной воинской части, а также поддержка семей красноармейцев. Исходя из текста статьи, контроль над шефством был поручен местным исполнительным комитетам, фактически он контролировался и партийными органами, как губернскими, так и уездными.

Рассмотрим заявления, направленные в Новгородский губернский комитет РКП(б) в 1921–1922 гг. Отметим, во время перехода к нэпу система распределения, сложившаяся в предыдущий период, продолжала функционировать и носила натуральный характер. Распределением материальной помощи ведал Новгородком. С 1923 г. с развитием денежного обращения число заявлений об обеспечении продовольствием, обувью, одеждой, керосином уменьшается, приоритетными становятся просьбы о санаторно-курортном лечении и разовых денежных

⁵ Новгородский губернский политико-просветительский комитет. Товарищи крестьяне! «Рабоче-крестьянское правительство ожидает от вас быстрого и аккуратного выполнения продналога». Новгород, 1921.

⁶ Юбилей красных героев // Звезда. 1922. 23 февр. С. 1.

⁷ Что такое шефство? // Звезда. 1922. 23 февр. С. 2.

⁸ Не забывайте инвалидов // Звезда. 1922. 22 янв. С. 2.

⁹ Что такое шефство // Звезда. 1922. 23 февр. С. 2.

¹⁰ Там же.

выплатах. Служба в рядах Красной армии в «письмах во власть» ставится на одно из первых мест в системе аргументации о необходимости материального обеспечения (вместе с упоминанием пролетарского происхождения и особенностей здоровья).

Практика обращения в партийные структуры красноармейцев, находившихся на действительной службе («на фронте»), в 1921–1922 гг. также была довольно распространенной. Выделяется обширный пласт писем, содержащих просьбы о помощи не самим красноармейцам, а членам их семей. Боец находится в армии, служит государству, поэтому государство должно помочь его оставленной без кормильца семье — таков основной аргумент коммуниста-красноармейца. Усиление аргументации достигается за счет акцентирования внимания на добровольном вступлении в армию или мобилизации как члена партии.

Такая риторика достаточно широко распространена и хорошо видна на примере заявления красноармейца и члена партии Иосифа Григорьева¹¹. Он озабочен предстоящим сокращением штата уборщиц при губернском комитете партии и увольнением его супруги: «в виду того, что семья моя в настоящее время находится в очень бедственном положении, и кроме того, я сам нахожусь в рядах Красной Армии, а посему прошу жену мою Александру Григорьеву не увольнять»¹². Весомость сообщению придается информацией о прохождении действительной службы в РККА и о членстве в партии. Клише «бедственное положение» (равно как и «катастрофическое положение») не конкретизируется, являясь скорее ритуальной формулой, встречающейся в большинстве писем. Резолюция на заявлении указывает на решение дела в пользу А. Григорьевой.

Довольно типичным для такого рода заявлений является и письмо Г. А. Васильева (1921)¹³, в котором сочетаются несколько аргументов: большая семья, лишённая единственного работника, добровольная служба в армии, ожидание семьей пожилых бедняков помощи в починке крыши и проведении полевых и сенокосных работ¹⁴. Копия письма из Молвотицкого волкома РКП(б) была отправлена в губком с предложением «принять срочные меры и по исполнению сообщить»¹⁵.

¹¹ Заявление Иосифа Григорьева из 3-го отдельной телеграфно-строительной роты г. Смоленска в Новгородский губком РКП(б). 1921 г. // Государственный архив новейшей истории Новгородской области (ГАНИНО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 608. Л. 12.

¹² Там же.

¹³ Васильев был помощником комиссара, «ответственным политработником» (Там же. Д. 605. Л. 45), т. е. агитатором. На это указывают и упоминания об агитаторской деятельности этого члена партии в 1923 г., а также его корреспонденция в газету «Звезда» (Государственный архив Новгородской области. Ф. Р-354. Оп. 1. Д. 16. Л. 45).

¹⁴ ГАНИНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 605. Л. 45.

¹⁵ Там же.

Сходным по системе аргументации является заявление командира Красной армии Кузьмина во ВЦИК РКП(б), пересланное в Новгубком¹⁶. Здесь присутствует подробное описание состава семьи и указание на пожилой возраст родителей, подчеркивается отсутствие кормильцев (проситель и его брат находятся на действительной службе в РККА). Командир, однако, ожидает не материальной помощи, как в аналогичных заявлениях. Выясняется, что у семьи реквизируют урожай, скот и ценности (швейную машинку), при этом «называли отца буржуем». По сообщению Кузьмина, первую жалобу Старорусский уисполком, в обязанности которого входило в том числе и шефство над семьями красноармейцев, оставил без внимания. Кузьмин апеллирует и к условиям службы: «Я нахожусь все время в боевой обстановке». Заявление во Всероссийский Центральный исполнительный комитет переслано в Губком Новгородской губернии, расследование ситуации, согласно маргиналиям, поручено Новгубчека.

Ответ губкома РКП(б) демонстрирует набор клише, применявшихся в ситуациях оказания помощи красноармейцам и членам их семей. Губернский комитет указывает на «бедственное положение... семьи»¹⁷. Обычно этот аргумент употребляется вкупе с определением социального статуса: бедняки или пролетарии. Вместе с тем, хозяйство Никифора Кузьмина нельзя считать бедняцким: у него 2 лошади, 4 коровы, 3 поросенка, не считая конфискованного имущества и животных.

В ответе на заявление члена РКП(б) Кузьмина сотрудники Губкома воспроизводят пафосную газетную стилистику, упоминая о бедственном положении семьи и принятии «самых решительных мер», о том, что «семья будет удовлетворена в ее законных требованиях». «Мы, коммунисты, работающие в тылу, прекрасно сознаем громадное значение душевного спокойствия за своих близких работников Красной Армии»¹⁸. Это указывает на действенность упоминаний как о службе в армии, так и о происхождении или бедности семьи (в последнем сообщении факт бедствия явно надуман членами Губкома), дает возможность предположить, что положение красноармейца, фронтовика Гражданской войны, действительно давало преимущество просителю.

Аргументация, подразумевающая указание на многолетнюю службу в армии и участие в боевых действиях Гражданской войны, наличие ранений, даже участия в революции, подробное описание состава семьи с обоснованием отсутствия работников, характерна также для просьб о демобилизации или перемещении на родину.

К таковым относится заявление Лукьянова (1921 г.)¹⁹, который просит перевести его в Новгородскую губернию и оставить при Новгубко-

¹⁶ Заявление командира Кавалерийского полка 32-го Стрелковой дивизии 11-й Красной армии Кузьмина во ВЦИК РКП(б). 21.03.1921 // Там же. Д. 608. Л. 124.

¹⁷ Там же. Л. 126.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. Д. 609. Л. 41.

ме. Он успешно апеллирует к добровольной службе в Красной армии с 1918 г., пожилому возрасту родителей, их социальному положению (безземельные крестьяне) — просьба была удовлетворена. Переведен на родину из Воронежа и красноармеец, добровольный участник Гражданской войны, коммунист Морозов²⁰, также в отпуске наблюдавший «бедственное положение» семьи в родном селе Менюша.

В рассмотренных заявлениях ссылки на добровольное или по призыву участие в Гражданской войне являются важной составляющей успеха заявления. Они подчеркиваются как просящими, так и членами Губкома РКП(б). В основном, просьбы о переводе в Новгородскую губернию были удовлетворены, за исключением заявления Я. Н. Нешина (1921 г.)²¹, просившего о демобилизации и аргументировавшего просьбу не только упоминанием своего пребывания на флоте, но и практикой демобилизации товарищей. Просьба была отклонена в связи с изменением законодательной базы и исчерпанием квоты на демобилизацию.

В заявлении С. Завьялова о переводе на гражданскую службу (1921 г.)²² приводится подробное жизнеописание красноармейца со времен «империалистической войны». Он упоминает об участии в «свержении монархического строя», «свержении власти Керенского», в июльских выступлениях, в Октябрьской революции. Помимо несомненных заслуг в установлении советского строя автор вынужден вспомнить о добровольном поступлении в Красную армию и участии в боевых действиях на Восточном фронте, ранении. Столь солидный послужной список необходим для обоснования долговременного отпуска на родине. Просьба была удовлетворена.

Отдельный корпус документов посвящен материальному обеспечению демобилизованных. Пребыванием на фронте и «перебросками» мотивирует свою просьбу о предоставлении одежды и обуви и П. С. Андреев²³: частые командировки помешали получить необходимое обмундирование. Секретарь одной из волостных ячеек Старорусского уезда Я. Пантелеев демонстрировал в заявлении подобные аргументы: «прошу сделать помач. Что я приехал изфронта 1921 году инвалидом и неимел ничего и обносился» (орфография подлинника. — *И. С.*)²⁴. Азбучная неграмотность не помешала слушателю губернской совпартшколы иметь представление о своем весомом вкладе в революционное движение.

Получивший на фронте инвалидность сотрудник Новгородского уездного комитета партии Бебас также записался в армию добровольцем. В его заявлении о предоставлении обуви (1921 г.) несколько иной

²⁰ Там же. Л. 67.

²¹ Там же. Л. 72.

²² Там же. Д. 608. Л. 41–42.

²³ Там же. Д. 605. Л. 13.

²⁴ Там же. Д. 1420. Л. 183.

мотив: «и теперь, когда я вышел из рядов Красной армии, я стал никому не нужным»²⁵. Зная язык официальной пропаганды, он добавляет: «я хорошо знаю, что мы переживаем самый тяжелый момент, но все-таки думаю, что я достоин получить что-нибудь»²⁶. Бебас также намекает на плохое здоровье, мешающее выполнять возложенную на него агитационную работу: «так как погода стала сырая, ноги мокрые, больные, и могу совсем сделаться никудышным не то, что на фронт но даже здесь»²⁷.

М. Гузвин, тоже демобилизованный из армии в 1922 г. по состоянию здоровья, надеялся на помощь, отправку в санаторий²⁸. В своем заявлении он сразу указал все анкетные данные: член партии с 1918 г. (солидный стаж для тех, кто стал коммунистом после революции), крестьянское происхождение и не имеющее отношение к просьбе начальное образование. Очевидно, Гузвин заполнил немало анкет: сюжетная линия данного заявления связана с прохождением инстанций инвалидом Гражданской войны.

В условиях военного времени коммунисты-воины приводят факт своей службы, военные заслуги или ранения, будучи уверенными, что этот их вклад в общее дело скорее примут во внимание. И действительно, на таких заявлениях встречается мало отрицательных резолюций. Это указывает на складывающийся в обществе образ героя Гражданской войны, имеющего привилегии, которому следует отдать долг за помощь в становлении нового, более справедливого строя.

К. А. Тарасов: Я немножко сталкивался с работой испартов, прежде всего петроградского, и с той практикой, когда присланные воспоминания не только красноармейцев, но и других лиц перед публикацией проходят редактирование, которое подгоняет их под определенный, «правильный» взгляд, как должно быть освещено это событие. Иногда даже в ответных письмах по поводу присланных воспоминаний говорится о том, что все здорово, но вот это нужно уточнить. По Вашим материалам такое прослеживается?

И. В. Самойлова: Редко, но есть.

К. А. Тарасов: А какие вопросы конкретно пытались создать?

И. В. Самойлова: В данном случае воспоминаний я касалась очень поверхностно. И в основном воспоминания брала уже гораздо более поздние, т. е. послевоенные, воспоминания уже 1960-х, 1970-х гг., и они похожи друг на друга. То есть уже нарратив сформирован, участники вспоминали уже в послевоенный период.

К. А. Тарасов: А в 1920-е?

²⁵ Там же. Л. 22.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. Д. 1420. Л. 98.

И. В. Самойлова: Написанных в 1920-е мало сохранилось. И в газетах не печатали. В газетах печатались участники Гражданской войны, но они писали общий нарратив, в общем-то переписанный с «Правды», «Бедноты» и т. д., т. е. они редактируют и выдают в качестве своего. Своих воспоминаний они не пишут в газетах, в частности. По истпарту сохранилось мало воспоминаний.

Н. Н. Смирнова: Скажите, а «мертвые герои» — это формулировка, которая употреблялась?

И. В. Самойлова: Это цитата.

Н. Н. Смирнова: А где? Она была довольно частой? Т. е. это был какой-то штамп?

И. В. Самойлова: Очевидно, штамп, но...

Н. Н. Смирнова: И в какое время?

И. В. Самойлова: По большей части она встречается именно в новгородских материалах, т. е. это местные агитаторы. Предположим, глава агитпропдела Пожарский часто писал такие статьи в газету, именно они придумали «мертвые герои». На уровне России в меньшей...

П. Г. Rogozный: Это же не придуманное. Это «мертвые герои войны», Первой мировой. Передовицы газет... Ничего это не выдумка.

И. В. Самойлова: Ну, скажем так, стилистика центральных газет была более выверенной, «мертвые герои» встречаются по большей части в новгородских газетах. Часто. Это связано, видимо, с тем корпусом авторов, которых мы знаем, — Колесников, Пожарский прежде всего.

Дискуссия

П. Г. Рогозный: Прежде чем перейти к дискуссии, я хочу высказать несколько замечаний и пожеланий по поводу докладов. По поводу Андрея Юрьевича. Мне кажется, Андрей Юрьевич, что первую научную или вообще первую историю революции написал все-таки Милюков, потому что она уже вышла фактически в 1918 г. Это мое мнение. По поводу Михаила Михайловича Сафонова... Вы цитировали, что можно, чего нет в источнике, сказать? А мне кажется, вот более верно, и это можно сказать по поводу Вашего доклада, это мнение Михаила Дмитриевича Приселкова, что логика не должна превышать данных источника. Вот это мое мнение. А по поводу...

М. М. Сафонов: Вы спорите с Ключевским или с Соловьевым?

П. Г. Рогозный: Нет, я говорю, что я считаю, что Приселков был более прав. По поводу доклада Анатолия Николаевича Кашеварова. Когда задавался вопрос по поводу взаимоотношений Тихона с некоторыми архиереями, могу сказать — по документам — он иногда даже не знал, кто управляет епархией на территории белых. Т. е. он спрашивает где-то на Ставрополье: «Кто там управляет епархией?».

А. Н. Кашеваров: Я дополню Вас. Могу сказать, что в этот период, в разное время, московское церковное управление поддерживало связь не со всеми епархиями — от 17 до 29, т. е. даже меньше половины.

П. Г. Рогозный: Удивительно, что он даже не знал...

А. Н. Кашеваров: Да...

П. Г. Рогозный: По поводу доклада Натальи Николаевны Смирновой. Для меня Гершензон — какой-то чистый историк культуры, который к революции совсем отношения не имеет. По поводу доклада Ильи Викторовича — по поводу Марра. Неудивительно, что он постоянно думал о дровах. Потому что люди вымирали. Питирим Сорокин в воспоминаниях пишет, что в Университете такой разговор был, он говорит: «Перестаньте умирать! Потому что вы своей смертью создадите кучу проблем!»... (*Смех в зале*). Гробов не достать! Это революционный период... И тогда это было не смешно... По поводу доклада Алексея Николаевича Грищенко. Вы правильно говорите, когда красные вдруг становились какими-то другими. Гражданская война — это не война красных и белых. Существует даже такая работа моего учителя, Бориса Ивановича Колоницкого, «Красные против красных», посвященная Гражданской войне. И по поводу работы Ирины Васильевны. Те практики, которые Вы перечислили, некрологи, заполнение анкет... Ну это же было и до революции.

И. В. Самойлова: У меня они воспроизводятся.

П. Г. Рогозный: Единственное, что Вы сказали, был принят новый обряд похорон, так называемые гражданские похороны. Причем на некоторых памятниках я такие отметки видел: «Похоронен по гражданскому обряду».

И. В. Самойлова: Они его формируют. Прямо сценарий есть. Они его оговаривают.

А. Н. Грищенко: Слова благодарности Государственному музею политической истории России и Санкт-Петербургскому институту истории РАН за то, что приняли нас, дали возможность высказаться, послушать ученых мужей. Обсудить вопросы, особенно вчера на пленарном заседании. Вот, казалось бы, — Февраль, а сколько вопросов. Есть какие-то общие сведения, а начинаешь разбираться, и вопросов появляется еще больше. От себя скажу, что город у вас красивый, я на «Авроре» уже побывал, поэтому только слова искренней признательности и благодарности. Спасибо!

Н. В. Родин: Я думаю, что были очень интересные доклады зачитаны, и вопросы мне понравились. Спасибо большое коллегам!

П. Г. Рогозный: Пожалуйста, еще.

В. С. Измозик: Мне думается, что были очень интересные доклады. Кстати, Алексей Николаевич, Вы знаете о проекте в Саратове, о народных вожаках революции?

А. Н. Грищенко: Конечно, знаю.

В. С. Измозик: И Вы там участвуете? Понятно. Мне думается, что, на мой взгляд, если мы говорим о Гражданской войне, топор которой, опять же на мой взгляд, не зарыт до сих пор. На мой взгляд, подлинными героями Гражданской войны были не военачальники: красные, белые, зеленые, а те, кто продолжал созидать. И мне думается, очень важно, если уж говорить о работе на будущее поколение, показывать подлинными героями Гражданской войны учителей, врачей, инженеров — тех, кто продолжал созидать, кто не занимался братоубийством. Иначе сегодня мы ставим на пьедестал красных, завтра на пьедестал ставим белых, потом — зеленых. Кстати, что любопытно, вот сегодня вошла в моду формулировка: «красный и белый террор», а зеленый вообще не упоминается. Извините, эти группировки, я не хочу говорить слово «бандиты», оно не научное, оно идеологическое, но эти формирования проявляли совершенно жуткую жестокость. Думается, что мы должны все-таки больше говорить о тех, кто спасал людей, должны напоминать молодым поколениям о Короленко, который, живя в Полтаве всю Гражданскую войну, спасал красных от белых, белых от красных, и вообще простых людей от этих органов. О Максимилиане Волошине, который у себя тоже спасал и красных, и белых и т. д. Горький. Как бы к нему ни относиться. Питерские чекисты его буквально ненавидели, потому что, пользуясь своими связями с Москвой, с Дзержинским, с Лениным, он вытаскивал людей из чрезвычайки. Вот эта тема для молодых историков крайне важна. Показывать этих людей. К сожалению

нию, думаю, если мы сегодня выйдем на улицу и спросим у прохожих: «Кто такой Короленко?», то, наверное, процентов 70 вообще не ответят нам. Что уж говорить о других? Мне думается, это важно в плане «личность и революция». Потому что, пока мы будем славословить тех, кто занимался убийствами своих соотечественников, неважно под каким знаменем, мы будем продолжать этот раздрай. Чем Махно, извините, лучше, я не знаю, Буденного или еще кого-то и т. д. и т. п.? Или Антонов? Спасибо.

П. Г. Rogozный: Я бы еще добавил фамилию Луначарского. Потому что никто не сделал столько для спасения русской культуры, как он. Вот сейчас над ним смеются, а он пытался защитить всех, может, не всегда это удавалось, но колоссальную роль сыграл.

А. Ю. Дворниченко: Работа нашей секции лично все мои ожидания превзошла. Почему? Потому что на конференциях обычное дело: кто в лес, кто, знаете ли, по дрова. А у нас как-то получилось, может, мне это кажется, конечно, какое-то такое единство, и, как сейчас модно выражаться, точки бифуркации... *(смех в зале)*. Извините за выражение. Важнейшие сферы оказались затронуты. Вот Михаил Михайлович... Отречение, да? Ну, в нашей стране без этого... Все равно ведь будет разбираться. И споры будут, но все равно надо разбираться, это точка. Дальше смотрите, позиция патриарха. Ведь Церковь, что уж в этой аудитории говорить, играла и играет, по-разному можно воспринимать, иногда перегибы какие-то, как сейчас, огромную роль. И вот тут, пожалуйста, эта точка. Славный Гершензон, мы сошлись тут, мы его и не знали таким. Знаете, на нашей кафедре Юрий Давидович Марголис, помню, я еще маленький совсем был: «Гершензон, Гершензон», да, там целые эти самые, а уж в такой ипостаси не знали его толком. Ну, революцию полюбили вместе с Марром и Ильей Викторовичем. Это тоже такой важнейший момент, тоже точка бифуркации, поскольку Марр-то, Николай Яковлевич, тоже, я от своего учителя первого Владимира Васильевича Мавродина слышал, покорял всех. Ну, действительно, революционная фигура. Вот советы без коммунистов. Тут ведь и в пространственном отношении перескочили вроде, но в сущностном отношении остались там же, в поле этом, в центре всей этой смысловой, всего этого спектра, потому что, конечно, можно только пожелать, чтобы и дальше изучали Вы, Алексей Николаевич, очень интересная тема, да и с пожеланиями Владлена Семеновича. Тем более Вы там сидите, да? На этом материале. Вы так уже в теме. Ну и, конечно, вот завершение такое замечательное было с этими самыми участниками Гражданской войны, я как раз про дедушку своего сейчас изучаю, т. е. не прадедушку, а про дедушку. Дедушка мой, правда, не на юге, а на севере Вологодской области сражался, сам, правда, пошел. Вот мне, может быть, кстати, подсказут — так бывало...

И. В. Самойлова: Добровольцы, да.

А. Ю. Дворниченко: Ему семнадцать лет было, взял и пошел, и рубил головы «белякам» (*смех в зале*).

М. М. Сафонов: Я полностью согласен с Андреем Юрьевичем. Единственное пожелание — мне кажется, что доклады настолько интересные, что участники других секций с удовольствием бы их прослушали, и они бы были для них полезны. Поэтому на будущих конференциях надо подумать о том, чтобы укрупнять секции, потому что всем интересно, и нам интересны те доклады, которые мы не слышали. Мы готовы здесь в два раза больше времени провести, но прослушать больше докладов и, поскольку речь шла о совершенно разных сторонах революции, то я уверен, многие, которые сейчас наверху сидят, если бы имели возможность, пришли бы. Поэтому я думаю, что когда будет подводиться общий итог, все-таки надо сказать: нужно проводить более крупные секции, потому что хотя мы читаем эти доклады на сайте, но нам важно обсуждение, мы общаемся, и мы из обсуждения очень многое узнаем — того, что мы не видели в докладах. Так что, я думаю, что большинство согласится со мной.

Н. Н. Смирнова: Я также от имени гостей хочу поблагодарить организаторов конференции за замечательную организацию!

АННОТАЦИИ/ABSTRACTS

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

УДК 94(47)

Т. А. Абросимова. Рабочая молодежь Петрограда в 1917 г. (протестность и политические предпочтения)

Аннотация: Молодежь — одна из главных составляющих общества, и для нее принципиально важно положение в обществе и влияние на жизнь страны в целом. Молодые рабочие принимали непосредственное участие в революционных событиях 1917 г. После Февральской революции массы заметно активизировались. 14 мая была создана Петроградская пролетарская юношеская организация «Труд и свет», председателем которой избрали П. Г. Шевцова. Организация превратилась в крупнейшее объединение молодежи, она охватила от 16 до 20 тыс. молодых людей. Руководители организации пытались отвлечь молодежь от политики. Но в революционное время трудно оставаться аполитичной организацией, каковой являлся «Труд и свет».

Кадеты, меньшевики, эсеры, анархисты старались оказывать влияние на молодежь, стремясь таким образом привлечь ее в свои ряды. Большевики также проявляли большой интерес к юношескому движению. К середине июля районные организации уже находились под влиянием партии большевиков. Организация «Труд и свет» была распущена, и принято решение о создании Социалистического союза рабочей молодежи.

В момент проведения октябрьского вооруженного восстания 1917 г. пролетарская молодежь была одним из главных акторов этих исторических событий.

Ключевые слова: рабочая молодежь; Революция 1917; «Труд и свет»; политические партии 1917; протестность.

T. A. Abrosimova. Working Youth in Petrograd in 1917 (Rebelling and Political Preferences)

Abstract: Youth is an integral part of a society and it is important for youth to have a societal status and have an influence on a life of a country as a whole. Youth workers participated in the Revolution of 1917. After February population has become more active. On February 14 Labor and Light organization has been formed that was chaired by Shevtsov. The created organization has united between 16 and 20 thousand people. Leaders of this organization tried to shift its members focus from politics but in revolutionary times it was hard to stay an apolitical organization as the Labor and Light was.

Cadets, Mensheviks, Eseries, Anarxists tried to influence the youth and were trying to recruit it on their side. Bolsheviki also expressed a big interest in the youth movement. By the middle of July district groups have been under the influence of the Bolshevik's party. The organization Labor and Light was closed and Socialist Union of the working youth was formed. During the October Revolution in 1917, working youth was one of the main actors in those historical events.

Keywords: Working Youth; Revolution of 1917; Labor and Light; Political Parties of 1917; Rebellling.

Библиография

Ацаркин А. Н. Жизнь и борьба рабочей молодежи в России (1900 — октябрь 1917 г.). М. : Мысль, 1976.

Вторая и Третья Петроградские общегородские конференции большевиков в июле и октябре 1917. М. ; Л., 1927.

Герр Е. На пути в революцию. М. ; Л. : Молодая гвардия, 1925.

Герр Е. Питерская комсомолия // Звезда. 1958. № 10.

Лейкин А. Я. Против ложных друзей молодежи. М. : Молодая гвардия, 1980.

Массовые организации в социалистической революции. Л. : Лен-издат, 1988.

Петербургский комитет РСДРП(б) в 1917 г. Протоколы и материалы заседаний. СПб. : Бельведер, 2003.

Старцев В. И. Очерки по истории Петроградской красной гвардии и рабочей милиции. Л. : Наука, 1965.

Bibliografiya

Acarin A. N. Zhizn' i bor'ba rabochej molodezhi v Rossii (1900 — oktyabr' 1917 g.). M. : Mysl', 1976.

Vtoraya i Tret'ya Petrogradskie obshchegorodskie konferencii bol'shevikov v iyule i oktyabre 1917. M. ; L., 1927.

Gerr E. Na puti v revolyuciyu. M. ; L. : Molodaya gvardiya, 1925.

Gerr E. Pitserskaya komsomoliya // Zvezda. 1958. N 10.

Lejkin A. YA. Protiv lozhnyh druzej molodezhi. M. : Molodaya gvardiya, 1980.

Massovye organizacii v socialisticheskoj revolyucii. L. : Lenizdat, 1988.

Peterburgskij komitet RSDRP(b) v 1917 g. Protokoly i materialy zasedanij. SPb. : Bel'veder, 2003.

Starcev V. I. Oчерки по istorii Petrogradskoj krasnoj gvardii i rabochej milicii. L. : Nauka, 1965.

Сведения об авторе

Абросимова Тамара Александровна — канд. ист. наук, ст. науч. сотр., Санкт-Петербургский институт истории РАН

Abrosimova Tamara Aleksandrovna — PhD, Senior Researcher
St. Petersburg History Institute of History Russian Academy of Science

e-mail: tabrosimova@mail.ru

УДК 94(47)''1917/1919''+069.01

Е. С. Ананьева. Деятельность музея в условиях Революции и Гражданской войны: 1917–1919 гг. (на примере Государственного Эрмитажа)

Аннотация: В статье проанализированы различные аспекты деятельности Эрмитажа начиная с Февральской революции 1917 г. и заканчивая поражением белогвардейских войск под Петроградом в 1919 г. В течение этого периода администрация музея решала разнообразные вопросы, связанные с обеспечением безопасности и защитой музейных коллекций от повреждения или уничтожения. Самым сложным оказался 1917 г., в течение которого музей пережил две революции, вследствие своего местоположения оказался в эпицентре вооруженного противостояния противостоящих политических сил и вынужден был из-за нестабильной ситуации в Петрограде эвакуировать свои коллекции в Москву. Кроме того, Временное правительство не уделяло должного внимания вопросам деятельности учреждений культуры и сохранению художественных произведений искусства, порой передавая инициативу в решении этих вопросов творческой интеллигенции, что зачастую только вредило делу.

Советская же власть с первых дней обращала особое внимание на сохранению национального достояния, и еще до захвата Зимнего дворца из Смольного был послан в Эрмитаж отряд красногвардейцев и солдат для охраны его коллекций в ночь штурма. С 1918–1919 гг. в Эрмитаж стали поступать национализированные частные коллекции и собрания, которые нуждались в изучении и систематизации. Кроме того, музею предстояло провести реорганизацию штатной структуры, организовать пере выборы научного состава и упорядочить структуру отделов. Также было необходимо выяснить судьбу эвакуированных в Москву коллекций. Еще одним немаловажным вопросом, требующим разрешения, была проблема обеспечения безопасности произведений искусства, оставшихся в музее.

Таким образом, на примере Эрмитажа можно наглядно продемонстрировать те проблемы, с которыми сталкиваются учреждения культуры во время политических потрясений.

Ключевые слова: Эрмитаж; Зимний дворец; Февральская революция; Октябрьская революция; охрана музейных коллекций; Временное правительство; советская власть.

E. S. Ananyeva. Museum activities in the circumstances of the Revolution and the Civil War: 1917–1919 (on the example of the State Hermitage)

Abstract: Various aspects of the Hermitage activities from the February Revolution of 1917 to the white guard troop's defeat near Petrograd in 1919 were analysed in the article. During this period the Museum administration solved different problems related to ensure the safety and protection of the Hermitage collections from damage or distraction. 1917 became the most difficult year, during which the Museum survived two Revolutions and, because of its location, found itself at the epicenter of the armed confrontation between opposing political forces and had to evacuate its collections to Moscow due to an unstable situation in Petrograd. In addition, the Provisional Government did not pay proper attention to activities of cultural institutions and preservation of artworks, passing an initiative in the solution of these issues to the artistic intelligentsia, this state of affairs frequently caused harm to the work.

From the first days the Soviet power was concerned about the protection of the National Heritage and before the Winter Palace capture, a detachment of red guards and soldiers had been sent from the Smolny to the Hermitage for protecting its collections in the night of the storm. From 1918–1919 nationalized private collections and gatherings, which needed to be studied and systematized, began to come to the Hermitage. Besides that the Museum had to reorganize its staff structure, conduct re-elections of the academic staff and streamline the departments' structure. Also it was necessary to learn the fate of the collections evacuated to Moscow. Another an important issue, requiring solution, was the problem of ensuring the security of priceless items, which were left in the Museum.

Thus, on the example of the Hermitage we can clearly demonstrate those troubles, which cultural institutions had to face during political upheaval.

Keywords: the Hermitage; the Winter Palace; February Revolution; October Revolution; protection of the Museum collections; the Provisional Government; the Soviet power.

Библиография

Блок А. А. Дневник. М. : Советская Россия, 1989.

Варшавский С. П., Рест Ю. И. Рядом с Зимним. Л. : Советский художник, 1969.

Жуков Ю. Н. Становление и деятельность советских органов охраны памятников истории и культуры. 1917–1920. М. : Наука, 1989.

Журналы заседаний Совета Эрмитажа. Часть I : 1917–1919 годы. СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2001.

Инженерные войска в боях за советскую родину. М. : Воениздат, 1970.

Мавлеев Е. В. Вальдгауер. СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2005.

Милоков П. Н. История второй русской революции : воспоминания. Минск : Харвест, 2002.

Пиотровский Б. Б. История Эрмитажа: Краткий очерк. М., 2000.

Разумов В. А. Богатства, возвращенные народу. М. : Знание, 1968.

Революционное время в Русском музее и в Эрмитаже: (Воспоминания графа Д. И. Толстого) // Российский Архив. М. : Студия ТРИТЭ, 1992. С. 330–361.

Рид Дж. Десять дней, которые потрясли мир. М. : Художеств. лит., 1987.

Сергеева Г. И. Художественно-историческая комиссия Зимнего дворца. Начало работы // 250 историй про Эрмитаж: «Собрание пестрых глав...» : в 5 кн. СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2014. Кн. 2. С. 176–181.

Эрмитаж за десять лет 1917–1927 : краткий очерк. Л. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 1928.

Bibliografiya

Blok A. A. Dnevnik. М. : Sovetskaya Rossiya, 1989.

Varshavskij S. P., Rest YU. I. Ryadom s Zimnim. L. : Sovetskij hudozhnik, 1969.

ZHukov YU. N. Stanovlenie i deyatel'nost' sovetskih organov ohrany pamyatnikov istorii i kul'tury. 1917–1920. М. : Nauka, 1989.

ZHurnaly zasedanij Soveta EHrmitazha. CHast' I : 1917–1919 gody. SPb. : Izd-vo Gos. EHrmitazha, 2001.

Inzhenernye vojska v boyah za sovetskuyu roдинu. М. : Voenizdat, 1970.

Mavleev E. V. Val'dgauer. SPb. : Izd-vo Gos. EHrmitazha, 2005.

Milyukov P. N. Istoriya vtoroj russkoj revolyucii : vospominaniya. Minsk : Harvest, 2002.

Piotrovskij B. B. Istoriya EHrmitazha: Kratkij ocherk. М., 2000.

Razumov V. A. Bogatstva, vozvrashchennye narodu. М. : Znanie, 1968.

Революционное время в Русском музее и в Эрмитаже: (Воспоминания графа Д. И. Толстого) // Российский Архив. М. : Студия ТРИТЭ, 1992. С. 330–361.

Rid Dzh. Desyat' dnei, kotorye potryasli mir. М. : Hudozhestv. lit., 1987.

Sergeeva G. I. Hudozhestvenno-istoricheskaya komissiya Zimnego dvorca. Nachalo raboty // 250 istorij pro EHrmitazh: «Sobran'e pestyh glav...» : v 5 kn. SPb. : Izd-vo Gos. EHrmitazha, 2014. Kn. 2. S. 176–181.

EHrmitazh za desyat' let 1917–1927 : kratkij ocherk. L. : Izd-vo Gos. EHrmitazha, 1928.

Сведения об авторе

Ананьева Елена Сергеевна — канд. ист. наук, менеджер,
Государственный Эрмитаж

Ananyeva Elena Sergeevna — PhD, manager, State Hermitage Museum

e-mail: aes35@yandex.ru

УДК 93/94; 379.822

Н. В. Аникин, Е. М. Мягкова. Выставочный проект «1917. Код революции»: концепция, документальные источники, презентация

Аннотация: В истории найдется немало событий, названия которых утратили свой конкретно-событийный характер. Приобретая нарицательное значение, они в гораздо большей степени известны как аллегории, общественно-политические термины или сюжеты произведений искусства. В их ряду особое место занимает образ Великой российской революции. Масштаб и смысл произведенных перемен, радикальная новизна политических форм и социальных практик, сила идеологического воздействия сделали ее одной из важнейших дат мировой истории.

Обращение к Великой российской революции сегодня немислимо без скрупулезной научной реконструкции ее событийного ряда. Государственный центральный музей современной истории России и Российский государственный архив социально-политической истории являются наследниками двух научно-культурных центров (Музея Революции СССР и Института марксизма-ленинизма), где история первых лет советской власти имела все доступные привилегии в деле собирания и изучения ее главных источников.

Однако настоящий выставочный проект ориентирован не столько на точное воспроизведение хронологии, но в гораздо большей степени — на осмысление событий. Почему начинаются революции? Есть ли у радикальных реформ иная альтернатива? Предопределены ли революции и какова роль в их развитии субъективного фактора? Каковы непосредственные итоги и долговременные последствия революции? Наконец, помогают ли они нашему современному обществу извлечь из истории урок?

В рамках выставочного проекта представлены уникальные рукописные и печатные документы, музейные предметы из коллекций нумизматики и фалеристики, книжные памятники, предметы изобразительного искусства, графики, декоративно-прикладного искусства, скульптуры и барельефы, личные вещи, предметы вооружения и обмундирования.

Ключевые слова: Великая российская революция; выставочный проект «1917. Код революции».

N. V. Anikin, E. M. Myagkova. The Exhibition project «1917. Revolution code»: conception, documental sources, museum presentation

Abstract: Many events in history later on lost the concrete factual nature of their names. Taken as a common noun, they are known to a considerable degree as allegories, political and social terms or as subjects for works of art. The image of the Great Russian revolution really hold among them a special position. By virtue of the largest and the most important innovations, by virtue of extraordinary experience in political forms and social practice, by virtue of the strongest ideology the Revolution represents now a significant date in the world history.

Any examination in Revolution is impossible now without careful scientific reconstruction of the main events. The State Central Museum of Contemporary History of Russia and the Russian State Archives of Social and Political History succeed two scientific and cultural centers (the Museum of the Revolution and the Institute of Marxism-Leninism) to all their privileges in studying and sources collecting on Soviet political history.

The present project is directed however not only toward the pure chronology but to a great extent toward understanding of the events. What are the reasons of revolution? Are there any alternative to radical changes? What is unavoidable in Revolution and what is arbitrary or subjective? What were the direct results and a long-term consequence of Revolution? Are there any instructive experiences for our society?

Unique hand-written and printed documents, museum objects from numismatics, arts and crafts, fine arts, arms and uniform collections, orders, medals, books, sculpture and personal effects are represented within the bounds of the exhibition project.

Keywords: the Great Russian Revolution; the Exhibition Project «1917. Revolution Code».

Библиография

Булдаков В. П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М. : РОССПЭН, 1997.

Валовой Д. В., Лапина Г. Е. Имена на обелиске. М. : Совет. Россия. 1985.

Великая Октябрьская социалистическая революция (март 1917 — март 1918 гг.) : указатель советской литературы, 1917–1964 : в 12 ч. М., 1967.

Великая Октябрьская социалистическая революция : хроника событий : в 6 т. М. : Изд-во АН СССР, 1957–1986.

Великая Октябрьская социалистическая революция : энциклопедия. 3-е изд. М. : Совет. энциклопедия, 1987.

Великая Октябрьская социалистическая революция в произведениях советских писателей. К истории советской литературы : библиогр. указатель для научных работников. 1917–1967 / сост.: Ф. Е. Эбин, И. М. Меркулова, Г. А. Петрова и др. М. : Книга, 1967.

Воронский А. К. За живой и мертвой водой. М. : Художеств. лит., 1970.

Колоницкий Б. И. Образы власти и борьба за власть. К изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб. : Лики России, 2012.

Колоницкий Б. И. «Товарищ Керенский»: антимонархическая революция и формирование культа «вождя народа» (март–июнь 1917 года). М. : Новое лит. обозрение, 2017.

Колоницкий Б. И. «Трагическая эротика»: Образ императорской семьи в годы Первой мировой войны. М. : Новое лит. обозрение, 2010.

Кондратьева Т. С. Большевики-якобинцы и призрак термидора / [пер. с фр. Е. А. Лебедевой]. М. : Ипол, 1993.

Ленин В. И. Полное собрание сочинений : в 55 т. 5-е изд. М., 1963.

Магун А. Опыт и понятие революции // Новое лит. обозрение. 2003. № 64. С. 64–66.

Миц И. И. История Великого Октября : в 3 т. 2-е изд. М. : Наука, 1977–1979.

Письма во власть, 1917–1927 : заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям / сост. А. Я. Лившин, И. Б. Орлов. М. : РОССПЭН, 1998.

Революционная мысль в России XIX — начала XX века : энциклопедия / редкол.: В. В. Журавлеви др. М. : РОССПЭН, 2013.

Регистан Г. Великий Октябрь : стихи. М. : Молодая гвардия, 1977.

Рольф М. Советские массовые праздники / [пер. с нем. В. Т. Алтухова]. М. : РОССПЭН, 2009.

Сердцем слушая революцию... : Искусство первых лет Октября : альбом / авт. вступ. ст. и сост. М. Герман. Л. : Аврора, 1985.

Советский миф. Произведения из собрания Русского музея. СПб. : Palace Editions, 2014.

Франция-память / П. Нора и др. СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999.

Шубин А. В. Великая российская революция: от Февраля к Октябрю 1917 г. М. : ООО «Родина МЕДИА», 2014.

Corney F. C. Telling October: Memory and the Making of the Bolshevik Revolution. Ithaca : Cornell Univ. Press, 2004.

Halfin I. Terror in My Soul. Communist Autobiographies On a Trial. Cambridge : Harvard Univ. Press, 2003.

Kelly C., Shepherd D. Constructing Russian culture in the age of revolution: 1881–1940. Oxford Univ. Press, 1998.

Kenez P. The birth of the Propaganda State. Soviet Methods of Mass Mobilization, 1917–1929. Cambridge Univ. Press, 1985.

Kenez P. Cinema and Soviet society: From the Revolution to the Death of Stalin. New York : I. B. Tauris, 2001.

Stites R. Revolutionary Dreams: Utopian Vision and Experimental Life in the Russian Revolution. Oxford University Press, 1989.

Библиография

Buldakov V. P. Krasnaya smuta. Priroda i posledstviya revolyucionnogo nasiliya. M. : ROSSPEHN, 1997.

Valovoj D. V., Lapshina G. E. Imena na obeliske. M. : Sovet. Rossiya, 1985.

Velikaya Oktyabr'skaya socialisticheskaya revolyuciya (mart 1917 — mart 1918 gg.) : ukazatel' sovetskoj literatury, 1917–1964 : v 12 ch. M., 1967.

Velikaya Oktyabr'skaya socialisticheskaya revolyuciya : hronika sobytij : v 6 t. M. : Izd-vo AN SSSR, 1957–1986.

Velikaya Oktyabr'skaya socialisticheskaya revolyuciya : ehnciklopediya. 3-e izd. M. : Sovet. ehnciklopediya, 1987.

Velikaya Oktyabr'skaya socialisticheskaya revolyuciya v proizvedeniya sovetskih pisatelej. K istorii sovetskoj literatury : bibliogr. ukazatel' dlya nauchnyh rabotnikov. 1917–1967 / sost.: F. E. EHbin, I. M. Merkulova, G. A. Petrova i dr. M. : Kniga, 1967.

Voronskij A. K. Za zhivoj i mertvoj vodoj. M. : Hudozhestv. lit., 1970.

Kolonickij B. I. Obrazy vlasti i bor'ba za vlast'. K izucheniyu politicheskoy kul'tury rossijskoj revolyucii 1917 goda. SPb. : Liki Rossii, 2012.

Kolonickij B. I. «Tovarishch Kerenskij»: antimonarhicheskaya revolyuciya i formirovanie kul'ta «vozhdy naroda» (mart–iyun' 1917 goda). M. : Novoe lit. obozrenie, 2017.

Kolonickij B. I. «Tragicheskaya ehrotika»: Obraz imperatorskoj sem'i v gody Pervoj mirovoj vojny. M. : Novoe lit. obozrenie, 2010.

Kondrat'eva T. S. Bol'sheviki-yakobincy i prizrak termidora / [per. s fr. E. A. Lebedevoj]. M. : Ipol, 1993.

Lenin V. I. Polnoe sobranie sochinenij : v 55 t. 5-e izd. M., 1963.

Magun A. Opyt i ponyatie revolyucii // Novoe lit. obozrenie. 2003. N 64. S. 64–66.

Minc I. I. Istoriya Velikogo Oktyabrya : v 3 t. 2-e izd. M. : Nauka, 1977–1979.

Pis'ma vo vlast', 1917–1927 : zayavleniya, zhaloby, donosy, pis'ma v gosudarstvennyye struktury i bol'shevistskim vozhdyam / sost. A. YA. Livshin, I. B. Orlov. M. : ROSSPEHN, 1998.

Revolucionnaya mysl' v Rossii XIX — nachala XX veka : ehnciklopediya / redkol.: V. V. ZHuravlevi dr. M. : ROSSPEHN, 2013.

Registan G. Velikij Oktyabr' : stihy. M. : Molodaya gvardiya, 1977.
Rol'f M. Sovetskie massovye prazdniki / [per. s nem. V. T. Altuhova].
M.: ROSSPEHN, 2009.

Serdcem slushaya revolyuciyu... : Iskusstvo pervyh let Oktyabrya : al'bom / avt. vstup. st. i sost. M. German. L. : Avror, 1985.

Sovetskij mif. Proizvedeniya iz sobraniya Russkogo muzeya. SPb. : Palace Editions, 2014.

Franciya-pamyat' / P. Nora i dr. SPb. : Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 1999.

SHubin A. V. Velikaya rossijskaya revolyuciya: ot Fevralya k Oktyabryu 1917 g. M. : OOO «Rodina MEDIA», 2014.

Corney F. C. Telling October: Memory and the Making of the Bolshevik Revolution. Ithaca : Cornell Univ. Press, 2004.

Halfin I. Terror in My Soul. Communist Autobiographies On a Trial. Cambridge : Harvard Univ. Press, 2003.

Kelly C., Shepherd D. Constructing Russian culture in the age of revolution: 1881–1940. Oxford Univ. Press, 1998.

Kenez P. The birth of the Propaganda State. Soviet Methods of Mass Mobilization, 1917–1929. Cambridge Univ. Press, 1985.

Kenez P. Cinema and Soviet society: From the Revolution to the Death of Stalin. New York : I. B. Tauris, 2001.

Stites R. Revolutionary Dreams: Utopian Vision and Experimental Life in the Russian Revolution. Oxford University Press, 1989.

Сведения об авторах

Аникин Никита Владимирович — канд. ист. наук, ученый секретарь, Государственный центральный музей современной истории России

Мягкова Елена Михайловна — канд. ист. наук, заместитель начальника отдела обеспечения сохранности документов, Российский государственный архив социально-политической истории

Anikin Nikita Vladimirovich — PhD, historian, Academic secretary
The State Central Museum of Contemporary History of Russia
e-mail: nanikin@sovrhistory.ru

Myagkova Elena Mikhaylovna — PhD, historian, Deputy Head of the Department for Conservation of Documents, Russian State Archives of Social and Political History

e-mail: rgaspi@inbox.ru

УДК 94(47)

А. А. Бочаров. «Клёшники»: к изучению субкультуры матросов военно-морского флота периода Революции 1917 года и Гражданской войны в России

Аннотация: В статье исследована история формирования и развития так называемого «клёшничества» — субкультуры матросов российского Военно-Морского Флота, существовавшей во время Революции 1917 г. и Гражданской войны в России. Изучены мемуары, публикации в периодической печати и архивные материалы, содержащие упоминания о «клёшничестве». Определены характерные черты «клёшничества»: некоторые элементы внешнего вида и одежды, использование татуировки, криминальный жаргон, агрессивное поведение матросов. Рассмотрены взаимосвязи субкультуры матросов и уголовной субкультуры российского общества предреволюционного и послереволюционного периодов. Указано на связь матросской субкультуры с революционным анархизмом. Затронуты упоминания «клёшничества» в художественной литературе. Сделан вывод о том, что «клёшничество» было не особой революционной субкультурой, а этапом в развитии субкультуры военных матросов русского флота. Формирование матросской субкультуры следует отнести ко второй половине XIX в. Революция сняла дисциплинарные барьеры на пути радикализации матросской субкультуры, принявшей в годы Гражданской войны крайние, эпатажные формы. Возвращение российского общества на новой идеологической основе к жестким стандартам поведения и внешнего облика людей привело к постепенному исчезновению «клёшничества» во второй половине 1920-х гг. Но некоторые проявления матросской субкультуры продолжали бытовать и позже. Этот факт подтверждает то, что некоторые черты социально-психологического облика членов тех или иных общественных групп и связанные с ними традиции и поведенческие практики нередко сохраняют устойчивость на протяжении длительного времени, несмотря на смены политического режима и другие перемены в обществе.

Ключевые слова: Революция 1917 г.; Военно-Морской Флот; матросы; «клёшничество»; Кронштадтское восстание; субкультура.

A. A. Bocharov. «Klyoshniki»: to study the subculture of the sailors of the Navy during the Revolution of 1917 and the Civil War in Russia

Abstract: The article studies the history of the formation and development of the so-called «Klyoshnichestvo»: the subculture of the sailors of the Russian navy, which existed during the Revolution of 1917 and the Civil War in Russia. Memoirs, publications in periodicals and archival materials containing mentions of the sailor subculture were studied. The characteristic features of the subculture of sailors of the Russian Navy are determined. These are various elements of appearance and clothing, the use of tattoos, criminal jargon, aggressive behavior of sailors. The interrelations between the subculture of sailors and the criminal subculture of Russian society at the beginning of the 20th century and during the revolution are considered. The connection between the sailor subculture and revolutionary anarchism is shown. Affected mention of the sailor subculture in fiction. It was concluded that «Klyoshnichestvo» was not a special revolutionary subculture, but a stage in the development of the subculture of sailors of the Russian navy. The formation of the sailor subculture should be attributed to the second half of the XIX century. The revolution eliminated disciplinary barriers to the radicalization of the sailor subculture. During the Civil War subculture of sailors took extreme, shocking forms. The return of Russian society, on a new ideological basis, to strict standards of behavior and the appearance of people led to a gradual decline in the subculture of sailors in the second half of the 1920s. But some manifestations of the sailor's subculture continued to exist later. This fact confirms that important features of the socio-psychological appearance of members of certain social groups and associated traditions and behavioral practices often remain stable for a long time, despite changes in the political regime and other changes in society.

Keywords: Revolution of 1917; Navy; Sailors; «Klyoshnichestvo»; The Kronstadt Uprising; subculture.

Библиография

Бонч-Бруевич М. Д. Вся власть Советам. М. : Воениздат, 1957.

Бочаров А. А. Из истории дисциплинарных воинских частей Военно-Морского Флота Российской империи // Военно-исторический журнал. 2009. № 2. С. 42–45.

Бочаров А. А. Создание и деятельность исправительных учреждений морского ведомства России (1864–1916 гг.) : дис. канд. ... ист. наук / С.-Петербург. ун-т. СПб., 2005.

Брачев В. С., Дворниченко А. Ю. Кафедра русской истории Санкт-Петербургского университета (1834–2004). СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2004.

Бунин И. Окаянные дни; *Горький М.* Несвоевременные мысли. М. : Айрис-пресс, 2004.

Елизаров М. А. Еще раз о причинах Кронштадтского восстания в марте 1921 года // Отечественная история. 2004. № 1.

Елизаров М. А. Революционные матросы и анархистское движение Н. И. Махно // Военно-исторический журнал. 2007. № 7.

Каверин В. А. Собрание сочинений : в 8 т. Т. 1. М. : Художеств. лит., 1980.

Кронштадтская трагедия 1921 года : документы : в 2 кн. Кн. 1. М. : РОССПЭН, 1999.

Кураев М. Н. Капитан Дикштейн // *Кураев М. Н.* Питерская Атлантида : повести и рассказы. СПб. : Лениздат, 1999.

Лебина Н. Б., Чистиков А. Н. Обыватель и реформы: картины повседневной жизни горожан в годы нэпа и хрущевского десятилетия. СПб. : ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2003.

Назаренко К. Б. Флот, революция и власть в России. 1917–1921. М. : Квадрига ; Русская панорама, 2011.

Паустовский К. Г. Собрание сочинений : в 6 т. Т. 3. М. : Гослитиздат, 1957.

Bibliografiya

Bonch-Bruevich M. D. Vsyā vlast' Sovetam. M. : Voenizdat, 1957.

Bocharov A. A. Iz istorii disciplinarnykh voinskikh chastej Voenno-Morskogo Flota Rossijskoj imperii // Voenno-istoricheskij zhurnal. 2009. N 2. S. 42–45.

Bocharov A. A. Sozdanie i deyatel'nost' ispravitel'nykh uchrezhdenij morskogo vedomstva Rossii (1864–1916 gg.) : dis. kand. ... ist. nauk / S.-Peterb. un-t. SPb., 2005.

Brachev V. S., Dvornichenko A. YU. Kafedra russkoj istorii Sankt-Peterburgskogo universiteta (1834–2004). SPb. : Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2004.

Bunin I. Okayannye dni; Gor'kij M. Nesvoevremennye mysli. M. : Ajris-press, 2004.

Елизаров М. А. Eshche raz o prichinakh Kronshtadtskogo vosstaniya v marte 1921 goda // Otechestvennaya istoriya. 2004. N 1.

Елизаров М. А. Revolyucionnye matrosy i anarhistskoe dvizhenie N. I. Mahno // Voenno-istoricheskij zhurnal. 2007. N 7.

Kaverin V. A. Sbranie sochinenij : v 8 t. T. 1. M. : Hudozhestv. lit., 1980.

Кронштадтская трагедия 1921 года : документы : в 2 кн. Кн. 1. М. : РОССПЭН, 1999.

Kuraev M. N. Kapitan Dikshtejn // *Kuraev M. N.* Piterskaya Atlantida : povesti i rasskazy. SPb. : Lenizdat, 1999.

Lebina N. B., Chistikov A. N. Obyvatel' i reformy: kartiny povsednevnoj zhizni gorozhan v gody nehpa i hrushchevskogo desyati-letiya. SPb. : DMITRIJ BULANIN, 2003.

Nazarenko K. B. Flot, revolyuciya i vlast' v Rossii. 1917–1921. М. : Kvadriga ; Russkaya panorama, 2011.

Paustovskij K. G. Sobranie sochinenij : v 6 t. T. 3. М. : Goslitizdat, 1957.

Сведения об авторе

Бочаров Алексей Алексеевич — канд. ист. наук, доцент, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

Bocharov Aleksey Alekseevich — PhD in historical science, assistant professor, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

e-mail: alek.bocharov2014@yandex.ru

УДК: 316.882

С. С. Бразевич. Историческая социология революционного насилия: концентрационные лагеря как организованная форма насилия в годы Гражданской войны

Аннотация: В статье анализируется исторический опыт создания и отдельных аспектов деятельности концентрационных лагерей в послереволюционной Советской России. При разнообразии названий лагерей (концентрационные, принудительных работ, особого назначения) суть их оставалась единой — реализация революционного насилия над большими массами людей, не совершавших преступлений против Советской власти. В статье представлены результаты статистической обработки 21 тыс. личных карточек на содержащихся в концентрационных лагерях РСФСР в 1919–1921 гг. Личные карточки дают богатый материал для изучения заключенных в концентрационные лагеря. В них зафиксированы возраст, пол, место рождения, национальность, образование, семейное положение, профессия, социальное положение, принадлежность к общественным организациям, место службы, прежняя судимость. Ценность приведенной сводки данных заключается в том, что она, во-первых, охватывает не одну какую-либо губернию или область, а территорию всей Советской республики и, во-вторых, показана не ведомственная отчетность отдельных органов власти, а суммарная деятельность карательного аппарата Советской власти в целом.

Ключевые слова: Гражданская война; революционное насилие; концентрационные лагеря; историческая социология.

S. S. Brazevich. Historical sociology of revolutionary violence: concentration camps as an organized form of violence in the years of Civil War

Abstract: The article analyzes the historical experience of creation and certain aspects of the activity of concentration camps in post-revolutionary Soviet Russia. With a variety of camp names (concentration, forced labor, special purpose) their essence remained unified — the implementation of revolutionary violence against large masses of people who did not commit crimes against Soviet power. The article presents the results of statistical processing of 21 thousand personal cards on the RSFSR in the concentration camps in 1919–1921. Personal cards give rich material for studying prisoners in concentration camps. They recorded age, sex, place of birth, nationality, education, marital status, profession, social status, membership in public organizations, place of

service, previous conviction. The value of this Abstract is that, firstly, it covers not one province or province but the entire territory of the Soviet Republic, and secondly, it shows the non-departmental reporting of individual authorities, and the total activity of the punitive apparatus of the Soviet Power in general.

Keywords: civil war; revolutionary violence; concentration camps; historical sociology.

Библиография

ГУЛАГ (Главное управление лагерей). 1917–1960 / сост. А. И. Кокурин и Н. В. Петров ; науч. ред. В. Н. Шостаковский. М., 2000.

Ленин В. И. Неизвестные документы (1891–1922). М. : РОССПЭН, 2000.

Ленин В. И. Полное собрание сочинений. М., 1983. Т. 50.

Литвинов Н. Д., Потоцкий Н. К. Особенности создания и деятельности концентрационных лагерей в первые годы Советской власти // Экономика и право. XXI век. 2015. № 4. С. 191–196.

Матосов М. В. Русский холокост. Истоки и этапы демографической катастрофы в России. М., 2012.

Мельгунов С. П. Красный террор в России. М. : PUICO, 1990.

Островская И. В. Оставить эти концентрационные лагеря для господ // Военно-исторический журнал. 2011. № 8. С. 46–49.

Сборник нормативных актов по советскому исправительно-трудовому праву (1917–1959 гг.). М., 1959.

Bibliografiya

GULAG (Glavnoe upravlenie lagerej). 1917–1960 / sost. A. I. Kukurin i N. V. Petrov ; nauch. red. V. N. SHostakovskij. M., 2000.

Lenin V. I. Neizvestnye dokumenty (1891–1922). M. : ROSSPEHN, 2000.

Lenin V. I. Polnoe sobranie sochinenij. M., 1983. T. 50.

Litvinov N. D., Potockij N. K. Osobennosti sozdaniya i deyatel'nosti koncentracionnyh lagerej v pervye gody Sovetskoj vlasti // EHkonomika i pravo. XXI vek. 2015. N 4. S. 191–196.

Matosov M. V. Russkij holokost. Istoki i ehtapy demograficheskoj katastrofy v Rossii. M., 2012. Гинев

Mel'gunov S. P. Krasnyj terror v Rossii. M. : PUICO, 1990.

Ostrovskaya I. V. Ostavit' ehti koncentracionnye lagerya dlya gospod // Voенно-istoricheskij zhurnal. 2011. N 8. S. 46–49.

Sbornik normativnyh aktov po sovetskomu ispravitel'no-trudovomu pravu (1917–1959 gg.). M., 1959.

Сведения об авторе

Бразевич Святослав Станиславович — д-р соц. наук, канд. ист. наук, профессор, профессор кафедры теории и истории социологии, Санкт-Петербургский государственный университет

Brazevich Svyatoslav Stanislavovich — Doctor of Sociology, Candidate of Historical Sciences, Professor of the Department of Theory and History of Sociology, Professor, St. Petersburg State University

e-mail: brazevichss@bk.ru

УДК 94(480)

Марина Витухновская-Кауппала. Шрамы гражданского противостояния: обретение Финляндией независимости и «междоусобная война» в коллективной памяти финнов

Аннотация: Статья посвящена исторической памяти Финляндии о гражданской войне 1918 г. Гражданская война, которая длилась менее четырех месяцев, была настоящей трагедией для всего населения страны и расколола финское общество. Коллективная память о войне изменялась несколько раз — от полного господства в официальном дискурсе версии белых до современной концепции «многих правд», предполагающей, что «правды» каждой стороны нужно не противопоставлять друг другу, а учитывать в совокупности. Финское общество прошло большой путь к гражданскому согласию, однако «проработку» памяти о гражданской войне отнюдь нельзя считать законченной.

Ключевые слова: гражданская война; коллективная память; историческая политика; национальное примирение.

Marina Vituhnovskaja-Kauppalaa. The scars of civil conflict: Finland's independence and «civil war» in the collective memory of the Finns

Abstract: The article is devoted to the Finnish historical memory on the civil war of 1918. The civil war, which lasted less than four months, was a real tragedy for the entire population of the country and split the Finnish society. The collective memory of the war has changed from the full domination of the «white» version in the official discourse to the mainstream nowadays concept of «many truths», suggesting that the «truth» of each side should not be opposed to each other, but taken into account in the aggregate. Finnish society has come a long way for a civil agreement, but the «elaboration» of the memory of the civil war can not be called complete.

Keywords: Civil war; Collective memory; Historical policy; National reconciliation

Библиография

Юссила О., Хенттиля С., Невакиви Ю. Политическая история Финляндии, 1809–1995. М. : Весь мир, 1998.

Ahonen Sirkka. Historiaton sukupolvi? Historian vastaanotto ja historiallisen identiteetin rakentuminen 1990-luvun nuorison keskuudessa. Helsinki : Suomen historiallinen seura, 1998.

Ahti Martti. Valta ja demokratia — Mannerheim oppositiomiehenä // Mannerheim: sotilas ja ihminen. Helsinki : Yliopistopaino, 1992.

Haapala Pertti, Hoppu Tuomas. Sisällissodan pikkujättiläinen. Helsinki : WSOY, 2009.

Höglund Kaj. Ruotsalaiset vapaaehtoiset Suomessa 1918 // Verta hangella. Pohjalainen näkökulma vuosien 1917–1918 tapahtumiin / под ред. Marianne Koskimies-Envall. [Vaasa] : Pohjanmaan museo, 1999.

Keskisarja Teemu. Viipuri 1918. Helsinki : Siltala, 2013

Malm Timo. Rynnäkkö läpi Tampereen. Kaupunki kiirastulella 1918. Tampere : Traff Kustannus, 2011.

Malm Timo, Järvelä Ari. Tampere tullessa 1918. Jyväskylä : Atena, 2008.

Miika Siironen. Valkoiset. Vapaussodan perintö. Tampere : Vastapaino, 2012.

Muilu Heikki. Venäjän sotilaat valkoisessa Suomessa. Jyväskylä : Atena, 2010.

Myllyniemi Seppo. Sodan monet kasvot. Sisällissota Hämeessä 1918. Helsinki : Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2007.

Paavolainen Jaakko. Suomen kansallinen murhenäytelmä. Punainen ja valkoinen terrori ja vankileirit v. 1918. Helsinki : Tammi, 1974.

Peltonen Ulla-Maija. Muistin paikat: vuoden 1918 sisällissodan muistamisesta ja unohtamisesta. Helsinki : Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2003.

Peltonen Ulla-Maija. Punakapinan muistot: tutkimus työväen mistelukerronnan muotoutumisesta vuoden 1918 jälkeen. Helsinki : Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1996.

Peltonen Ulla-Maija. Sisällissodan muistaminen// Pertti Haapala, Tuomas Hoppu. Sisällissodan pikkujättiläinen. Helsinki: WSOY, 2009.

Peltonen Ulla-Maija. Vuoden 1918 sodan kauhutarinat. [Helsinki] : [Kansanrunoustieteen laitos], 1983.

Punaisen Suomen historia 1–6. Punakaartin sota 1–2, Vallankumous kunnallishallinnossa, Työväenkaartien synty ja kehitys punakaartiksi 1–2, Kansanvaltuuskunta punaisen Suomen hallituksena. Opetusministeriö. Punakaartin Historiakomitea, Valtion Painatuskeskus, 1981–1986.

Roselius Aapo. Amatöörien sota. Rintamataisteluiden henkilötappiot Suomen sisällissodassa 1918. [Helsinki] : Valtioneuvoston kanslia, 2006.

Roselius Aapo. Isänmaallinen kevät. Vapaussotamyytin alkulähteillä. Helsinki : Tammi, 2013.

Roselius Aapo. Kiista, eheys, unohdus. Vapaussodan muistaminen suojeluskuntien ja veteraaniliikkeen toiminnassa 1918–1944. Helsinki : Suomen Tiedeseura 2010.

Roselius Aapo. Teloittajien jäljillä. Valkoisten väkivalta Suomen sisällissodassa. Helsinki : Tammi, 2007.

Sotaoloissa vuosina 1914–22 surmansa saaneet: tilastoraportti / под ред. Lars Westerlund. [Helsinki] : Valtioneuvoston kanslia, 2004.

Tampere 1918 / noä peä. Tuomas Hoppu ja julkaisutyöryhmä. Tampere : Vapriikki, 2013.

Tikka Marko. Kenttäoikeudet: välittömät rankaisutoimet Suomen sisällissodassa 1918. Helsinki : Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2004.

Torsti Pilvi. Suomalaiset ja historia. Helsinki : Gaudeamus, 2012.

Upton Anthony F. Vallankumous Suomessa 1917–1918. Helsinki : Kirjayhtymä, 1980.

Vaikea totuus. Vuosi 1918 ja kansallinen tiede / noä peä. Heikki Ylikangas. Helsinki : Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1993.

Ylikangas Heikki. Suomen historian solmukohdat. Helsinki : WSOY, 2007.

Ylikangas Heikki. Tie Tampereelle: dokumentoitu kuvaus Tampereen antautumiseen johtaneista sotatapahtumista Suomen sisällissodassa 1918. Porvoo, Helsinki, Juva : WSOY, 1993.

Ylikangas Heikki. Vuoden 1918 vaikutus historiatieteessä // Vaikea totuus. Vuosi 1918 ja kansallinen tiede. Peä. Heikki Ylikangas. Helsinki : SKS, 1993.

Bibliografiya

YUssila O., Hentilya S., Nevakivi YU. Politicheskaya istoriya Finlyandii, 1809–1995. M. : Ves' mir, 1998.

Ahonen Sirkka. Historiaton sukupolvi? Historian vastaanotto ja historiallisen identiteetin rakentuminen 1990-luvun nuorison keskuudessa. Helsinki : Suomen historiallinen seura, 1998.

Ahti Martti. Valta ja demokratia — Mannerheim oppositiomiehenä // Mannerheim: sotilas ja ihminen. Helsinki : Yliopistopaino, 1992.

Haapala Pertti, Hoppu Tuomas. Sisällissodan pikkujättiläinen. Helsinki : WSOY, 2009.

Höglund Kaj. Ruotsalaiset vapaaehtoiset Suomessa 1918 // Verta hangella. Pohjalainen näkökulma vuosien 1917–1918 tapahtumiin / noä peä. Marianne Koskimies-Envall. [Vaasa] : Pohjanmaan museo, 1999.

Keskisarja Teemu. Viipuri 1918. Helsinki : Siltala, 2013

Malm Timo. Rynnäkkö läpi Tampereen. Kaupunki kiirastulella 1918. Tampere : Traff Kustannus, 2011.

Malmi Timo, Järvelä Ari. Tampere tulella 1918. Jyväskylä : Atena, 2008.

Miika Siironen. Valkoiset. Vapaussodan perintö. Tampere : Vastapaino, 2012.

Muilu Heikki. Venäjän sotilaat valkoisessa Suomessa. Jyväskylä : Atena, 2010.

Myllyniemi Seppo. Sodan monet kasvot. Sisällissota Hämeessä 1918. Helsinki : Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2007.

Paavolainen Jaakko. Suomen kansallinen murhenäytelmä. Punainen ja valkoinen terrori ja vankileirit v. 1918. Helsinki : Tammi, 1974.

Peltonen Ulla-Maija. Muistin paikat: vuoden 1918 sisällissodan muistamisesta ja unohtamisesta. Helsinki : Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2003.

Peltonen Ulla-Maija. Punakaapinan muistot: tutkimus työväen muistelukerronnan muotoutumisesta vuoden 1918 jälkeen. Helsinki : Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1996.

Peltonen Ulla-Maija. Sisällissodan muistaminen// Pertti Haapala, Tuomas Hoppu. Sisällissodan pikkujättiläinen. Helsinki: WSOY, 2009.

Peltonen Ulla-Maija. Vuoden 1918 sodan kauhutarinat. [Helsinki] : [Kansanrunoustieteen laitos], 1983.

Punaisen Suomen historia 1–6. Punakaartin sota 1-2, Vallankumous kunnallishallinnossa, Työväenkaartien synty ja kehitys punakaartiksi 1–2, Kansanvaltuuskunta punaisen Suomen hallituksena. Opetusministeriö. Punakaartin Historiakomitea, Valtion Painatuskeskus, 1981–1986.

Roselius Aapo. Amatöörien sota. Rintamataisteluiden henkilötappiot Suomen sisällissodassa 1918. [Helsinki] : Valtioneuvoston kanslia, 2006.

Roselius Aapo. Isänmaallinen kevät. Vapaussotamyytin alkulähteillä. Helsinki : Tammi, 2013.

Roselius Aapo. Kiista, eheys, unohdus. Vapaussodan muistaminen suojeluskuntien ja veteraaniliikkeen toiminnassa 1918–1944. Helsinki : Suomen Tiedeseura 2010.

Roselius Aapo. Teloittajien jäljillä. Valkoisten väkivalta Suomen sisällissodassa. Helsinki : Tammi, 2007.

Sotaoloissa vuosina 1914–22 surmansa saaneet: tilastoraportti / pod red. Lars Westerlund. [Helsinki] : Valtioneuvoston kanslia, 2004.

Tampere 1918 / poä peä. Tuomas Hoppu ja julkaisutyöryhmä. Tampere : Vapriikki, 2013.

Tikka Marko. Kenttäoikeudet: välittömät rankaisutoimet Suomen sisällissodassa 1918. Helsinki : Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2004.

Torsti Pilvi. Suomalaiset ja historia. Helsinki : Gaudeamus, 2012.

Upton Anthony F. Vallankumous Suomessa 1917–1918. Helsinki : Kirjayhtymä, 1980.

Vaikea totuus. Vuosi 1918 ja kansallinen tiede / pod red. Heikki Ylikangas. Helsinki : Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1993.

Ylikangas Heikki. Suomen historian solmukohdat. Helsinki : WSOY, 2007.

Ylikangas Heikki. Tie Tampereelle: dokumentoitu kuvaus Tampereen antautumiseen johtaneista sotatapahtumista Suomen sisällissodassa 1918. Porvoo, Helsinki, Juva : WSOY, 1993.

Ylikangas Heikki. Vuoden 1918 vaikutus historiatieteessä // Vaikea totuus. Vuosi 1918 ja kansallinen tiede. Peä. Heikki Ylikangas. Helsinki : SKS, 1993.

Сведения об авторе

Витухновская-Кауппала Марина — д-р философии, доцент Хельсинкского университета

Vituhnovskaja-Kauppara Marina — PhD, Docent of the University of Helsinki,

e-mail: kauppara@saunalahti.fi

УДК 94(47)084

В. Н. Гинев. Революция и нравственность в исторической памяти через 50 лет после Октября 1917 г. (Спектакль театра «Современник» по пьесе М. Шатрова «Большевики»)

Аннотация: Для большевиков до и после 1917 г., как долгое время и для официальной советской историографии, нравственная оценка действий пролетарских революционеров была неколебимо однозначной: нравственно все то, что идет на пользу пролетарской революции, в том числе в необходимых случаях и революционное насилие в различных формах. Нравственность при этом не имела существенного значения, важнее были целесообразность и эффективность. Но по прошествии времени, особенно после осуждения репрессий 1930-х гг., часть российской интеллектуальной общественности, не подвергая сомнению правильность выбора социалистического пути, почувствовала необходимость обратить внимание и на нравственную составляющую революционного процесса. Это сознание приобрело действенную форму литературной исторической памяти к 50-летию юбилею Революции 1917 г.

Московский театр «Современник» в содружестве с драматургами А. Свободным, Л. Зориным и М. Шатовым поставил трилогию о трех поколениях (по В. И. Ленину) русских революционеров — декабристах, народовольцах и большевиках под общим девизом «Революция и нравственность». Такая постановка проблемы в некоторых идеологических инстанциях была встречена с настороженностью. Летом 1968 г. театр «Современник» показал трилогию в Ленинграде. Волею обстоятельств автору статьи довелось участвовать в полемике по поводу целесообразности постановки проблемы о революционной нравственности в юбилейный год социалистической революции. Полемика продолжилась в 1971 г. с участием редакции журнала «Вопросы истории КПСС».

В статье показано, как 50 лет тому назад проявилась в противоборстве мнений советских людей 1960-х гг. историческая память о Революции, выразившаяся в различной моральной оценке действий руководителей большевиков, объявивших в ответ на покушение на В. И. Ленина 30 августа 1918 г. «красный террор».

Ключевые слова: Революция; нравственность; большевики; Шатров; театр «Современник»; историческая память; полемика.

V. N. Ginev. Revolution and Morality in Historical Memory 50 Years after October 1917 (Performance by the Sovremennik Theatre Based on «The Bolsheviks» Play by M. Shatrov)

Abstract: For the Bolsheviks before and after 1917, as well as for semi-official Soviet historiography, the moral appraisal of the deeds of proletarian revolutionaries was steadfastly single-valued: anything that benefits the proletarian revolution is moral, including, if necessary, revolutionary violence in different forms. Morality was of little significance, expediency and effectiveness were more important. But as time went on, especially after condemnation of repressions of 1930s, part of Russian intellectual community, never doubting the appropriateness of choosing the socialist way, felt the necessity to notice the moral aspect of revolutionary process. This feelings took an effective form of literary historical memory by the 50th anniversary of 1917 revolution.

The Moscow Sovremennik Theatre together with playwrights A. Svobodin, L. Zorin, and M. Shatrov put a trilogy on the stage about three generations (according to V. I. Lenin) of Russian revolutionaries — the Dekabrist, the Narodnaya Volya, and the Bolsheviks under a common slogan «Revolution and Morality». Such an approach to the problem alerted some ideological authorities. During summer of 1968 the Sovremennik Theatre showed the trilogy in Leningrad. Due to several circumstances the author happened to take part in the controversy about an expediency of setting a problem of revolutionary morality during the jubilee of socialist revolution. The controversy continued in 1971 involving the «Questions of the History of CPSU» magazine.

The article shows how, 50 years ago, the collision of views of Soviet people in 1960s revealed the historical memory about the revolution that was exhibited in differing moral appraisals of the deeds of Bolshevik leaders that declared “red terror” in response to murderous assault on V.I.Lenin on August 30, 1918.

Keywords: revolution; morality; Bolsheviks; M. Shatrov; the Sovremennik theatre; historical memory; controversy.

Библиография

Гинев В. Н. Размышляя над трилогией // Ленинградская правда. 1968. 2 июля. № 154.

Шатров М. Так победим! : шесть пьес о Ленине. М., 1985.

Bibliografiya

Ginev V. N. Razmyshlyaya nad trilogiej // Leningradskaya pravda. 1968. 2 iyulya. N 154.

Shatrov M. Tak pobedim! : shest' p'es o Lenine. M., 1985.

Сведения об авторе

Гинев Владимир Николаевич — д-р ист. наук, профессор, главный научный сотрудник-консультант, Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук

Ginev Vladimir Nikolaevich — Doctor of Science in History, Professor, Saint-Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, leading researcher-consultant

e-mail: vginev@mail.ru

УДК 94(47).084.3

К. В. Годунов. Первая годовщина Октября: «старое» и «новое» в советской праздничной культуре

Аннотация: В центре внимания автора исследование советского государственного праздника как политического события. Праздники были неотъемлемой частью советской политической традиции. Исследование свойств праздника имеет большое значение, так как может способствовать пониманию процессов, происходящих в советской политике, и ответить на важный вопрос: каким образом властные элиты пытались вовлечь население в празднование 7 ноября. Рассматриваются основные особенности оформления праздника. Существенное воздействие на характер торжеств оказали предшествующие праздничные традиции (элементы дореволюционной праздничной культуры и праздники февральского этапа Революции) — создатели нового праздника ориентировались на привычные ритуалы и символы. Военные парады, рабочие демонстрации и сакральный характер церемоний легли в основу советского праздника.

Ключевые слова: Гражданская война; сакрализация; советский праздник.

K. V. Godunov. The first anniversary of the October Revolution: «old» and «new» in the Soviet festive culture

Abstract: The paper is focused on the Soviet public holidays as political events. Festivals were integral to the Soviet political tradition. Research into the properties of festival is of great importance, because it may contribute to understanding of the processes occurring in Soviet politics and answer important question: how did the imperious elite try to involve the population in the celebration on 7th of November. The main features of holiday arrangements are discussed. The previous holiday traditions (elements of prerevolutionary festive culture and celebrations of February stage of the revolution) had a large impact — the holiday organizers followed habitual rituals and symbols. Military parades and workers' demonstrations along with sacral nature of the ceremonies formed the basis of the Soviet holiday. In the time of the Civil War the «new» ceremonies served for legitimizing the new political order and sacralizing the image of the revolution.

Keywords: Civil war; sacralization; Soviet festival.

Библиография

Волохова В. В. История братской могилы коммунистов в контексте политической жизни Петрозаводска в годы Гражданской войны // Ученые записки Петрозаводского гос. ун-та. 2017. № 3. С. 19–27.

Годунов К. В. Образы врагов революции в праздновании годовщин Октября: сожжение изображений противников (1918–1920 гг.) // Вестник Пермского ун-та. Сер. «История». 2015. № 2. С. 104–112.

Готье Ю. В. Мои заметки. М. : Terra, 1997.

Дубровская Е. Ю. «Старое» и «новое» на страницах воспоминаний С. С. Ракчеева // Вепсы и их культурное наследие: связь времен. Петрозаводск : Карельский науч. центр РАН, 2011. С. 27–38.

Капуста Л. И. Праздники старого Петрозаводска // Север. 1993. № 6. С. 132–135.

Колоницкий Б. И. «Товарищ Керенский»: Антимонархическая революция и формирование культа «вождя народа» (март–июнь 1917 г.). М. : НЛО, 2017.

Колоницкий Б. И. Символы власти и борьба за власть: К изучению политической культуры российской революции 1917 года. 2-е изд., перераб. и доп. СПб. : Лики России, 2012.

Кондратьева Т. С. Кормить и править: О власти в России XVI–XX вв. М. : РОССПЭН, 2009.

Латин В. В. Петербург. Запахи и звуки. СПб. : Европейский Дом, 2009.

Латин В. В. Трехсотлетие Дома Романовых и военные юбилеи начала XX века // 400-летие дома Романовых: политика памяти и монархическая идея, 1613–2013. СПб. : Изд-во Европейского ун-та, 2016.

Мальшева С. Ю. Советская праздничная культура в провинции: Пространство, символы, исторические мифы (1917–1927). Казань : Рутен, 2005.

Мальшева С. Ю., Сальникова А. А. Российский провинциальный город 1920-х годов: визуализация «советскости» // Визуальная антропология: городские карты памяти. М., 2009. С. 121–143.

Немиро О. В. Праздничный город. Искусство оформления праздников. История и современность. Л. : Художник РСФСР, 1987.

Озуф М. Революционный праздник. 1789–1799. М. : Языки славянской культуры, 2003. С. 383.

Окунев Н. П. Записки москвича. Кн. 1. М. : Военное изд-во, 1997.

Шамиур В. В. Празднества революции. Минск : Наука и техника, 1989. С. 26.

Geldern J., von. Bolshevik Festivals. Berkeley ; Los Angeles ; London, 1993.

Petrone K. The Great War in Russian Memory. Bloomington and Indianapolis, 2011.

Stites R. Revolutionary Dreams: Utopian Vision and Experimental Life in the Russian Revolution. New York ; Oxford, 1989.

Bibliografiya

Volohova V. V. Istoriya bratskoj mogily kommunistov v kontekste politicheskoy zhizni Petrozavodskaya v gody Grazhdanskoj vojny // Uchenye zapiski Petrozavodskogo gos. un-ta. 2017. N 3. S. 19–27.

Godunov K. V. Obrazy vragov revolyucii v prazdnovanii godovshchin Oktyabrya: sozhzhenie izobrazhenij protivnikov (1918–1920 gg.) // Vestnik Permskogo un-ta. Ser. «Istoriya». 2015. N 2. S. 104–112.

Got'e YU. V. Moi zametki. M. : Terra, 1997.

Dubrovskaya E. YU. «Staroe» i «novoe» na stranicah vospominanij S. S. Rakcheeva // Vepsy i ih kul'turnoe nasledie: svyaz' vremen. Petrozavodsk : Karel'skij nauch. centr RAN, 2011. S. 27–38.

Kapusta L. I. Prazdniki starogo Petrozavodskaya // Sever. 1993. N 6. S. 132–135.

Kolonickij B. I. «Tovarishch Kerenskij»: Antimonarhicheskaya revolyuciya i formirovanie kul'ta «vozhdy naroda» (mart–iyun' 1917 g.). M. : NLO, 2017.

Kolonickij B. I. Simvoly vlasti i bor'ba za vlast': K izucheniyu politicheskoy kul'tury rossijskoj revolyucii 1917 goda. 2-e izd., pererab. i dop. SPb. : Liki Rossii, 2012.

Kondrat'eva T. S. Kormit' i pravit': O vlasti v Rossii XVI–XX vv. M. : ROSSPEHN, 2009.

Lapin V. V. Peterburg. Zapahi i zvuki. SPb. : Evropejskij Dom, 2009.

Lapin V. V. Trekhsotletie Doma Romanovyh i voennye yubiley nachala HKH veka // 400-letie doma Romanovyh: politika pamyati i monarhicheskaya ideya, 1613–2013. SPb. : Izd-vo Evropejskogo un-ta, 2016.

Malysheva S. YU. Sovetskaya prazdnichnaya kul'tura v provincii: Prostranstvo, simvoly, istoricheskie mify (1917–1927). Kazan' : Ruten, 2005.

Malysheva S. YU., Sal'nikova A. A. Rossijskij provincial'nyj gorod 1920-h godov: vizualizaciya «sovetskosti» // Vizual'naya antropologiya: gorodskie karty pamyati. M., 2009. S. 121–143.

Nemiro O. V. Prazdnichnyj gorod. Iskusstvo oformleniya prazdnikov. Istoriya i sovremennost'. L. : Hudozhnik RSFSR, 1987.

Ozuf M. Revolyucionnyj prazdnik. 1789–1799. M. : YAzyki slavyanskoj kul'tury, 2003. S. 383.

Okunev N. P. Zapiski moskvicha. Kn. 1. M. : Voennoe izd-vo, 1997.

SHamshur V. V. Prazdnestva revolyucii. Minsk : Nauka i tekhnika, 1989. S. 26.

Geldern J., von. Bolshevik Festivals. Berkeley ; Los Angeles ; London, 1993.

Petrone K. The Great War in Russian Memory. Bloomington and Indianapolis, 2011.

Stites R. Revolutionary Dreams: Utopian Vision and Experimental Life in the Russian Revolution. New York ; Oxford, 1989.

Сведения об авторе

Годунов Константин Валерьевич — аспирант, Санкт-Петербургский институт истории РАН

Godunov Konstantin Valer'evich — PhD student, St. Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences

e-mail: kgodunov@eu.spb.ru

УДК 94(47).084.3

А. Н. Грищенко. «За Советы без коммунистов»: судьбы донских «красных командиров»

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению биографий будущих «красных командиров» эпохи Гражданской войны, их личностей и судеб в вооруженном противостоянии. «Красные командиры» — служившие в Красной Армии на различных командирских должностях крестьяне и казаки. Поддержав советскую власть в период широкомасштабной Гражданской войны, они выступили с оружием в руках против политики «военного коммунизма» в 1920—1921 гг. в Донской области. На примере их биографий автор демонстрирует жизненные траектории представителей крестьянства и казачества, ставших народными вожаками в эпоху гражданского противостояния. Организовав мятежи и восстания, возглавив разные по численности повстанческие военно-политические формирования, они придали вооруженному крестьянскому протесту организованный характер, сформулировали политические лозунги и определили «крестьянский» характер войны. В борьбе с большевиками донские «красные командиры» разделили трагическую судьбу многих повстанческих вожakov заключительного этапа гражданской войны в России.

Ключевые слова: Гражданская война; повстанческое движение; «красные командиры»; крестьяне; казаки; «крестьянская» война; 1-я Конная армия; Донская область.

A. N. Grischenko. «For Soviets without Communists»: the fate of the Don «red commanders»

Abstract: The article is devoted to reviewing the biographies of future «red commanders» of the Civil War epoch, their personalities and destinies in armed confrontation. «Red commanders» are peasants and Cossacks serving in the Red Army in various commanding posts. Supporting the Soviet regime during the large-scale civil war, they emerged with arms in hand against the policy of «war communism» in 1920—1921 in the Don region. On the example of their biographies, the author shows the life trajectories of representatives of the peasantry and the Cossacks, who became people's leaders in the era of civil confrontation. Having organized mutinies and insurrections and headed various insurgent military and political groups, they gave the armed peasant protest an organized character, formulated political slogans and defined the «peasant» character of the war. In the struggle against the Bolsheviks,

the Don Red Commanders shared the tragic fate of many insurgent leaders of the final stage of the civil war in Russia.

Keywords: Civil war; insurgent movement; «red commanders»; peasants; cossacks; «peasant» war; the first cavalry army; the Don region.

Библиография

Венков А. В. Атаман Краснов и Донская армия. 1918 год. М., 2008.

Венков А. В. «Дело Сенина», или Операция «Трест» на Верхнем Дону. М., 2016.

9-я стрелковая Донская дивизия : Исторический очерк к десятилетию существования. Ростов н/Д, 1930.

Дедов И. И. В сабельных походах : (Создание красной кавалерии на Дону и ее роль в разгроме контрреволюции на Юге России в 1918–1920 гг.). Ростов н/Д : Изд-во Ростовского ун-та, 1989.

Казачество : энциклопедия. М. : ИНФРА-М, 2015. С. 276.

Кондрашин В. В. Крестьянство России в Гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма. М. : РОССПЭН, 2009.

Краснов П. Н. Всевеликое Войско Донское // Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. 5.

Медведев Р. А., Стариков С. П. Жизнь и гибель Филиппа Кузьмича Миронова. М. : Патриот, 1989.

Наш край. Из истории Советского Дона: Документы, октябрь 1917–1965. Ростов н/Д : Ростовское кн. изд-во, 1968.

Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине, 1918–1921 : документы и материалы. М. : РОССПЭН, 2006.

Савин И. А. Трагедия комбрига Колесова [Электронный ресурс] // Сайт газеты «Донской вестник». URL: <http://www.donskoj-westnik.ru/index.php/don/14-combcoles> (дата обращения: 28.01.2017).

Сборник лиц, награжденных орденом Красного Знамени и Почетным революционным оружием. М. : Гос. военное изд-во, 1926.

Советская деревня глазами ВЧК — ОГПУ — НКВД, 1918–1939 : документы и материалы : в 4 т. Т. 1 : 1918–1922 гг. М. : РОССПЭН, 2000.

Филипп Миронов. (Тихий Дон в 1917–1921 гг.) : документы и материалы. М. : Международный фонд «Демократия», 1997.

Яценко В. Г. Антибольшевистское повстанчество в Нижнем Поволжье и на Среднем Дону: 1918–1923. М., 2015.

Bibliografiya

Venkov A. V. Ataman Krasnov i Donskaya armiya. 1918 god. M., 2008.

Venkov A. V. «Delo Senina», ili Operaciya «Trest» na Verhnem Donu. M., 2016.

9-ya strelkovaya Donskaya diviziya : Istoricheskij ocherk k desyati-letiyu sushchestvovaniya. Rostov n/D, 1930.

Dedov I. I. V sabel'nyh pohodah : (Sozдание krasnoj kavalerii na Donu i ee rol' v razgrome kontrrevolyucii na YUge Rossii v 1918–1920 gg.). Rostov n/D : Izd-vo Rostovskogo un-ta, 1989.

Kazachestvo : ehnciklopediya. M. : INFRA-M, 2015. S. 276.

Kondrashin V. V. Krest'yanstvo Rossii v Grazhdanskoj vojne: k voprosu ob istokah stalinizma. M. : ROSSPEHN, 2009.

Krasnov P. N. Vsevelikoe Vojsko Donskoe // Arhiv russkoj revolyucii. Berlin, 1922. T. 5.

Medvedev R. A., Starikov S. P. ZHizn' i gibel' Filippa Kuz'micha Mironova. M. : Patriot, 1989.

Nash kraj. Iz istorii Sovetskogo Dona: Dokumenty, oktyabr' 1917–1965. Rostov n/D : Rostovskoe kn. izd-vo, 1968.

Nestor Mahno. Krest'yanskoe dvizhenie na Ukraine, 1918–1921 : dokumenty i materialy. M. : ROSSPEHN, 2006.

Savin I. A. Tragediya kombriga Kolesova [EHlektronnyj resurs] // Sajt gazety «Donskoj vestnik». URL: <http://www.donskoy-westnik.ru/index.php/don/14-combcoles> (data obrashcheniya: 28.01.2017).

Sbornik lic, nagrazhdennyh ordenom Krasnogo Znameni i Pochetnym revolyucionnym oruzhiem. M. : Gos. voennoe izd-vo, 1926.

Sovetskaya derevnya glazami VCHK — OGPU — NKVD, 1918–1939 : dokumenty i materialy : v 4 t. T. 1 : 1918–1922 gg. M. : ROSSPEHN, 2000.

Filipp Mironov. (Tihij Don v 1917–1921 gg.) : dokumenty i materialy. M. : Mezhdunarodnyj fond «Demokratiya», 1997.

Yashchenko V. G. Antibol'shevistskoe povstanchestvo v Nizhnem Povolzh'e i na Srednem Donu: 1918–1923. M., 2015.

Сведения об авторе

Грищенко Алексей Николаевич — канд. ист. наук, доцент кафедры истории, философии и социальных технологий, Новочеркасский инженерно-мелиоративный институт имени А. К. Кортунова Донского государственного аграрного университета

Grischenko Alexey Nikolaevich — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History, Philosophy and Social Technologies, Novocherkassk Engineering and Reclamation Institute named after A. K. Kortunov Don State Agrarian University

e-mail: grichenko1981@rambler.ru

УДК 069.4"1917"

В. С. Гурьянова. Отражение революционных событий 1917 г. в основной экспозиции Музея обороны Царицына — Сталинграда им. товарища Сталина (1937–1954 гг.)

Аннотация: Торжественное открытие в Сталинграде Музея обороны Царицына им. товарища Сталина состоялось 3 января 1937 г. в здании, где в годы Гражданской войны находился штаб обороны Царицынского Совета рабочих, крестьянских и казачьих депутатов; основной темой музейной экспозиции стали события Гражданской войны в районе Царицына и Дона (1917–1920 гг.). Отражение в основной экспозиции музея революционных событий 1917 г. как в Российской империи, так и в районе Нижнего Поволжья также нашло свое место. Теме революционных событий был посвящен первый отдел музея: «Царицын, как пролетарский центр в предоктябрьский период и в Октябрьской революции» — он был вводным, плавно подводящим посетителя к основной теме экспозиции.

Переломным моментом в работе учреждения и причиной для масштабной реэкспозиции стали события Сталинградской битвы: в основной экспозиции была введена новая тема, однако экспонаты, отражающие революционные события 1917 г., также фигурировали в одном из залов. В январе 1943 г. обком ВКП(б) принял постановление «О реорганизации Музея обороны Царицына им. товарища Сталина в Музей обороны Царицына — Сталинграда им. товарища Сталина и восстановлении разрушенного здания музея».

В статье рассмотрены изменения экспозиции музея в части подачи материала о событиях 1917 г., их взаимосвязь с изменением идеологического вектора в 1937–1954 гг. Статья написана на основе архивных документов и публикаций в региональных периодических изданиях 1930–1950-х гг.

Ключевые слова: Революция; музей; экспозиция; экспонат; Царицын.

V. S. Guryanova. Reflection of the revolutionary events of 1917 in the main exposition of the Museum of defense Tsaritsyn—Stalingrad the name of comrade Stalin (1937–1954)

Abstract: The grand opening Museum of Defense Tsaritsyn-Stalingrad, named after Comrade Stalin was held on January 3, 1937 in a building where, during the Civil War, there was the headquarters of the defense of the Tsaritsyn Council of Workers', Peasants' and Cossack

deputies; the main theme of the museum's exposition was the events of the civil war in the area of Tsaritsyn and the Don (1917–1920). Reflection in the main exposition of the museum of the revolutionary events of 1917, both in the Russian Empire and in the Lower Volga region, also found its place. The first section of the museum, «Tsaritsyn, as a proletarian center in the pre-October period and in the October Revolution, was devoted to the theme of revolutionary events». It was an introductory, smoothly bringing the visitor to the main theme of the exposition.

A turning point in the work of the institution and the reason for a large-scale change in the exposition were the events of the Battle of Stalingrad: a new theme was introduced in the main exposition, but exhibits reflecting the revolutionary events of 1917 also appeared in one of the halls. In January 1943, the Regional Committee of the CPSU (B) adopted a resolution «On the reorganization of the Tsaritsyn Museum of Defense named after Comrade Stalin in the Museum of Defense Tsaritsyn-Stalingrad named after Comrade Stalin and the restoration of the destroyed museum building».

The article examines the changes in the museum exposition in the part of submitting material about the events of 1917, their interrelation with the change of the ideological vector in 1937–1954. The article is written on the basis of archival documents and publications in regional periodicals of the 1930s–1950s.

Keywords: revolution; museum; exposition; exhibit; Tsaritsyn.

Библиография

Еропкин В. В областном музее открыт исторический отдел // Сталинградская правда. 1938. 17 апр. С. 4.

Музей Обороны Царицына им. товарища Сталина : [описание отделов музея] // Сталинградская правда. 1937. 3 янв. С. 2.

Открытие музея имени И. В. Сталина // Сталинградская правда. 1948. 9 июня. С. 3.

Потапова С. А. Мемориальные музеи политических деятелей в контексте истории XX века // Вестник Саратовского гос. социально-экономического ун-та. 2009. № 2 (26). С. 159–162.

Червинская Н. К. Второе рождение музея // Музей: история и современность, 1937–1997 : материалы науч.-практ. конф., посвящ. 60-летию музея (Волгоград, 1997 г.). Волгоград, 1997. С. 20–26.

Bibliografiya

Eropkin V. V oblastnom muzee otkryt istoricheskij otdel // Stalingradskaya pravda. 1938. 17 apr. S. 4.

Muzej Oborony Caricyna im. tovarishcha Stalina : [opisanie otdelov muzeya] // Stalingradskaya pravda. 1937. 3 yanv. S. 2.

Otkrytie muzeya imeni I. V. Stalina // Stalingradskaya pravda. 1948. 9 iyunya. S. 3.

Potapova S. A. Memorial'nye muzei politicheskikh deyatelej v kontekste istorii XX veka // Vestnik Saratovskogo gos. social'no-ehkonomicheskogo un-ta. 2009. N 2 (26). S. 159–162.

CHervinskaya N. K. Vtoroe rozhdenie muzeya // Muzej: istoriya i sovremennost', 1937–1997 : materialy nauch.-prakt. konf., posvyashch. 60-letiyu muzeya (Volgograd, 1997 g.). Volgograd, 1997. S. 20–26.

Сведения об авторе

Гурьянова Виктория Сергеевна — ст. науч. сотр. отдела Мемориально-исторический музей, ФГБУК «Государственный историко-мемориальный музей-заповедник «Сталинградская битва»

Guryanova Victoria Sergeevna — Senior Researcher, The State Historical and Memorial Museum «Battle of Stalingrad»

e-mail: mim1937@rambler.ru

УДК 93/94(47)

А. Ю. Дворниченко. Георгий Вернадский: Историк в революции, «революция в историке», историк о революции

Аннотация: Статья посвящена изучению места и значения революции в жизни и творчестве выдающегося русско-американского историка Джорджа Вернадского. Автор статьи в свое время писал о «феномене Вернадского». Теперь он считает возможным говорить о своего рода «феномене в феномене». Дело в том, что самим своим происхождением, воспитанием и образованием Вернадский был «обречен» на то, чтобы принять участие в революции. И он его принял, и принял бы еще более активное, если бы не увлечение исторической наукой. Наиболее активно он действовал в «первой» русской революции 1905–1907 гг., менее активно в Февральской 1917 г. Деятельность эта интересна и по-своему разнообразна. Был он участником и Гражданской войны, после чего началась его экспатриация. Революция не только сформировала многие воззрения историка, она продолжала жить в его сознании как явление российской истории, проводя своего рода подспудную работу. Вот почему, несмотря на свою увлеченность древней историей, Вернадский внес значительный вклад и в изучение революции. Если попытаться кратко определить основное направление исследовательской мысли историка, то, это, во-первых, стремление понять причины революции, а во-вторых, найти место «послереволюционной» эпохи в истории России и мира. Мне представляется, что в понимании причин, он нашел золотую середину между «оптимистами» и «пессимистами», между «клиотерапевтами» и «клихирургами». Введя в схему еще и «революцию сверху», Вернадский фактически первым дал вполне рабочую схему русской революции.

Ключевые слова: Георгий (Джордж) Вернадский; революция; историческая наука; эмиграция; Советская Россия.

A. Y. Dvornichenko. George Vernadsky: The Historian in the Revolution, «The Revolution in the Historian», the Historian about the Revolution

Abstract: The article is devoted to studying the place and meaning of the revolution in the life and works of outstanding Russian American historian George Vernadsky. The author of the article some time ago wrote about the «phenomenon of Vernadsky». Now he considers it possible to speak of a kind of the «phenomenon in phenomenon». The matter is that by its origin, upbringing and education Vernadsky was

«doomed» to participate in the revolution. And he accepted it, and would take even more active, if he had not enthusiasm for historical science. The most active he acted in the «first Russian revolution» of 1905–1907, less active in February 1917. His activity was interesting and diversity. He also took part in the civil war, then began his Expatriation. The revolution not only shaped many of the views of the historian, she continued to live in his consciousness as a phenomenon of Russian history, conducting a kind of underlying work. That is why, despite his passion for ancient history, Vernadsky made a significant contribution to the study of revolution. If you try to briefly define the main direction of research of thought of the historian, then, is, first, the desire to understand the causes of the revolution, and, secondly, to find a place “post-revolutionary” era in the history of Russia and the world. It seems to me that understanding the cause, he found a middle ground between «optimists» and «pessimists». Vernadsky included into the scheme also the «revolution from above» and became the first who could make the «working» model of the Russian revolution.

Keywords: George (George) Vernadsky; revolution; historical science; emigration; Soviet Russia.

Библиография

Бондарь А. Ю. Общественно-политические взгляды и деятельность Г. В. Вернадского : дис. ... канд. ист. наук / Рос. ун-т дружбы народов М., 2001.

Вернадский Г. В. Разложение бюрократии // Новое время. 1995. № 21. Май. С. 44–45.

Вернадский Г. Ленин — красный диктатор. М. : Аграф, 1998.

Вернадский Г. В. Русская историография. М. : Аграф, 1998.

Дворниченко А. Ю. From US with love and care: феномен Георгия Вернадского // Клио. 2013. № 12 (84). С. 135–138.

Дворниченко А. Ю. Георгий Вернадский о Советской России (к публикации статьи Г. В. Вернадского «Парадоксы большевизма») // Новейшая история России. Междисциплинарный науч.-теоретич. журн. 2015. № 2. С. 101–132.

Дворниченко А. Ю. Русский историк Георгий Вернадский: путешествия в мире людей, идей и событий. СПб. : Евразия, 2017.

Карпович М. М. После победы // Новый журнал. 1945. Кн. 10. С. 371–373.

Корнилов А. А. Воспоминания // Вопросы истории. 1994. № 5. С. 121.

Письма М. Карповича Г. Вернадскому / публ., предисл. и коммент. М. Раева // Новый журнал. 1992. Кн. 188. С. 259–296.

Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции. 1919–1939. М. : Прогресс-Академия, 1994.

Halperin Ch. J. Russia and the Steppe: George Vernadsky and Eurasianism // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Berlin, 1985. Otto Harrassowitz. Wiesbaden. Bd. 36. P. 55–194.

Vernadsky G. Review [La Révolution russe. Par Fernand Grenard. Raris Armand Colin, 1933] // The American Historical Review. 1934. Vol. 39. N 4. July. P. 735–737.

Vernadsky G. Review [Russia and Asia. By Prince A. Lobanov-Rostovsky. New York, The Macmillan Company, 1933] // Pacific Historical Review. 1933. Vol. 2, N 3. Sept. P. 347.

Vernadsky G. Review [Survival through War and Revolution in Russia. By D. Fedotoff White. Philadelphia: University of Pennsylvania Press. 1939] // The American Historical Review. 1939. Vol. 45, N 1. Oct. P. 151–152.

Vernadsky G. The Russian Revolution, 1917–1932. New York, 1932.

Vernadsky G. Political and Diplomatic History of Russia. Boston : Little, Brown & Co, 1936.

Bibliografiya

Bondar 'A. YU. Obshchestvenno-politicheskie vzglyady i deyatel'nost' G. V. Vernadskogo : dis. ... kand. ist. nauk / Ros. un-t druzhby narodov M., 2001.

Vernadskij G. V. Razlozhenie byurokratii // Novoe vremya. 1995. N 21. Maj. S. 44–45.

Vernadskij G. Lenin — krasnyj diktator. M. : Agraf, 1998.

Vernadskij G. V. Russkaya istoriografiya. M. : Agraf, 1998.

Dvornichenko A. YU. From US with love and care: fenomen Georgiya Vernadskogo // Klio. 2013. N 12 (84). S. 135–138.

Dvornichenko A. YU. Georgij Vernadskij o Sovetskoj Rossii (k publikacii stat'i G. V. Vernadskogo «Paradoksy bol'shevizma») // Novejshaya istoriya Rossii. Mezhdisciplinarnyj nauch.-teoretich. zhurn. 2015. N 2. S. 101–132.

Dvornichenko A. YU. Russkij istorik Georgij Vernadskij: puteshestviya v mire lyudej, idej i sobytij. SPb. : Evraziya, 2017.

Karpovich M. M. Posle pobedy // Novyj zhurnal. 1945. Kn. 10. S. 371–373.

Kornilov A. A. Vospominaniya // Voprosy istorii. 1994. N 5. S. 121.

Pis'ma M. Karpovicha G. Vernadskomu / publ., predisl. i komment. M. Raeva // Novyj zhurnal. 1992. Kn. 188. S. 259–296.

Raev M. Rossiya za rubezhom: Istoriya kul'tury russkoj ehмиграции. 1919–1939. М. : Progress-Akademiya, 1994.

Halperin Ch. J. Russia and the Steppe: George Vernadsky and Eurasianism // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Berlin, 1985. Otto Harrassowitz. Wiesbaden. Bd. 36. P. 55–194.

Vernadsky G. Review [La Révolution russe. Par Fernand Grenard. Raris Armand Colin, 1933] // The American Historical Review. 1934. Vol. 39. N 4. July. P. 735–737.

Vernadsky G. Review [Russia and Asia. By Prince A. Lobanov-Rostovsky. New York, The Macmillan Company, 1933] // Pacific Historical Review. 1933. Vol. 2, N 3. Sept. P. 347.

Vernadsky G. Review [Survival through War and Revolution in Russia. By D. Fedotoff White. Philadelphia: University of Pennsylvania Press. 1939] // The American Historical Review. 1939. Vol. 45, N 1. Oct. P. 151–152.

Vernadsky G. The Russian Revolution, 1917–1932. New York, 1932.

Vernadsky G. Political and Diplomatic History of Russia. Boston : Little, Brown & Co, 1936.

Сведения об авторе

Дворниченко Андрей Юрьевич — д-р ист. наук, профессор, Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета

Dvornichenko Andrey Yurievich — Doctor in History, Professor, Institute of History, St. Petersburg State University

e-mail: a.dvornichenko@spbu.ru

УДК 94 (480)

Е. Ю. Дубровская. Революционная радикализация российских военных в Финляндии и национальные устремления финляндцев в 1917 г.

Аннотация: Хотя финляндская политика российского имперского и Временного правительств и революционные события в Финляндии в 1917 г. уже привлекали внимание историков, взаимосвязь между революцией в российской армии и на флоте и национальным движением в Финляндии изучена слабо.

Как показано в статье, финляндская революция и революция в российских гарнизонах были тесно переплетены между собой. События в Финляндии в 1917 г. можно понимать как процесс «двойной радикализации». Несмотря на отсутствие тесных контактов между российскими военными и гражданским населением Финляндии, в период революции наблюдалось взаимное радикализирующее воздействие, которое еще больше обостряло политическую обстановку в регионе. Весной — осенью 1917 г. усилившееся движение финляндцев за расширение автономных прав бывшего княжества содействовало радикализации настроений русских солдат и матросов в Финляндии. В свою очередь, движение чинов гарнизонов и морских команд, преследовавших собственные цели в революции, также влияло на радикализацию социальных и национальных требований финляндцев. Хотя многие чины гарнизонов видели своей главной целью содействие общероссийской революции, солдаты и матросы нередко участвовали в совместных с финляндцами политических акциях и высказывались в поддержку финских национальных требований. Тем самым они непреднамеренно способствовали усилению финского национального движения, которое в итоге привело к объявлению Финляндией независимости в декабре 1917 г. Следует отметить, что радикализация солдатской революции и соответственное ослабление контроля Временного правительства над положением в регионе также подталкивали финляндцев к тому, чтобы все более решительно добиваться национальной независимости.

Ключевые слова: Российская революция; 1917; Финляндия; военные; гражданские; «двойная радикализация»; национальные устремления.

E. Y. Dubrovskaya. Revolutionary Radicalization of the Russian Military in Finland and the Finns' National Aspirations in 1917

Abstract: Policies towards Finland of the Russian imperial and Provisional governments, and the events unfolding in Finland in 1917, have already attracted the attention of historians. But the interconnection between revolution in the Russian army and navy and the Finnish national movement has not yet been fully explored.

The article demonstrates that the Finnish revolution and the revolution in Finland's Russian garrisons were closely intertwined. The 1917 events in Finland can be explained as a process of «dual radicalization». Despite the lack of contact between the Russian military and the Finnish civilian population, there were a clear process of mutual radicalization during the revolutionary period that exacerbated the political tensions existing in the region. From the spring of 1917 until the autumn of the same year, the Finnish elites campaigned to broaden the autonomy of the former Grand Duchy, and their actions contributed to the radicalization of Russian soldiers and sailors stationed in Finland. The revolutionary movement in garrisons and naval units in turn prompted the Finnish elites to advance more radical social and national demands. Even though many soldiers and sailors believed that assisting the Russian revolution was their primary objective, they often participated in Finnish political campaigns and proclaimed their support for Finnish national demands. In doing so, they unwittingly aided the Finnish national movement, which culminated in Finland's declaration of independence in December 1917.

Keywords: Russian Revolution; 1917; Finland; military; civilians; «dual radicalization»; national aspirations.

Библиография

Булдаков В. П. Красная смута: природа и последствия революционного насилия. М., 1997.

Вихавайнен Т. Национальное освобождение или социальное восстание? Гражданская война 1918 г. в Финляндии и национальное самосознание. Петрозаводск, 2009.

Дубровская Е. Ю. Российские военнослужащие и население Финляндии в годы Первой мировой войны (1914–1918). Петрозаводск, 2008.

Дубровская Е. Ю. Русский Гельсингфорс весной–летом 1917 года (политическая топография города) // Культуры городов Российской империи на рубеже XIX–XX веков. СПб., 2009. С. 245–258.

Журналы заседаний Временного правительства. Март–октябрь 1917 года : в 4 т. Т. 1 : Март–апрель 1917 года. М., 2001.

Казанцев Д. Л. Воспоминания о службе в Финляндии во время Первой мировой войны, 1914–1917. М., 2016.

Киуру М. Х. Боевой резерв революционного Петрограда в 1917 г.: Из истории русских большевистских организаций в Финляндии. Петрозаводск, 1965.

Колоницкий Б. И. Погоны и борьба за власть в 1917 году. СПб., 2001.

Колоницкий Б. И. Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб., 2001.

Лунтинен П. Разлука без печали: Как на карте Европы появилось независимое Финляндское государство // Родина. 1995. № 12. С. 27–31.

Новикова И. Н. Великое княжество Финляндское в годы Первой мировой войны: от автономии к независимости. Война и общество в XX в. Кн. 1 : Война и общество накануне и в период Первой мировой войны. М., 2008.

Новикова И. Н. «Финская карта в немецком пасьянсе»: Германия и проблема независимости Финляндии в годы Первой мировой войны. СПб., 2002.

Суни Р. Национализм и демократизация в русской революции 1917 г. // Анатомия революции: массы, партии, власть. СПб., 1994. С. 278–291.

Сюккияйнен И. Гельсингфорский Сейм рабочих организаций в 1917–1918 гг. // Скандинавский сборник. Таллин, 1962. Т. V.

Черняев В. Ю. Революция 1917 г. и обретение Финляндией независимости // Отечественная история. 1993. № 6. С. 27–45.

Чистиков А. Н. Финляндия: независимость, гражданская война, отношения с Советской Россией // Интервенция на Северо-западе России, 1917–1920. СПб., 1995. С. 159–174.

Норри Т. Joki ja sen väki II. Kokemäen historia 1870–2010. Tallinn, 2011.

Karemaa O. Moraalisesta närkästyksestä kansalliseksi ohjelmaksi // Venäjän kahdet kasvot: Venäjä kuva suomalaisen identiteetin rakennuskivenä. Helsinki, 2004. P. 226–254.

Karemaa O. Vihollisia, vainooja, syöpäläisiä: venäläisviha 1917–1923. Helsinki, 1998.

Ketola E. Kansalliseen kansanvaltaan: Suomen itsenäisyys, ssaali-demokraatit ja Venäjän vallankumous 1917. Helsinki, 1987.

Ketola E. Suomen sotilaskapina — Lokakuun vallankumouksen strateginen edellytys // Historiallinen Arkisto: 91. Helsinki, 1987.

Luntinen P. The Imperial Russian Army and Fleet in Finland 1808–1918. Helsinki, 1997.

Manninen O. «Kapina, kansalaissota, vapaussota» // Itsenäistymisen vuodet: 1917–1920. 2 osa. Helsinki, 1993.

Polvinen T. Venäjän vallankumous ja Suomi 1917–1920. 1 osa : Helmikuu 1917–Toukokuu 1918. Helsinki, 1967.

Soikkanen H. Kansalaissota dokumentteina: valkoista ja punaista sanankäyttöä v. 1917–1918. 1 osa. Helsinki, 1967.

Tanskanen A. Venäläiset Suomen sisällissodassa vuonna 1918. Tampere, 1978; Venäläissurmat Suomessa 1914–22 / ed. L.Westrlund. Helsinki : Valtioneuvoston kanslian julkaisusarja, 2004. Osa 1, 2.

Bibliografiya

Buldakov V. P. Krasnaya smuta: priroda i posledstviya revolyucionnogo nasiliya. M., 1997.

Vihavainen T. Nacional’noe osvobozhdenie ili social’noe vosstanie? Grazhdanskaya vojna 1918 g. v Finlyandii i nacional’noe samosoznanie. Petrozavodsk, 2009.

Dubrovskaya E. YU. Rossijskie voennosluzhashchie i naselenie Finlyandii v gody Pervoj mirovoj vojny (1914–1918). Petrozavodsk, 2008.

Dubrovskaya E. YU. Russkij Gel’singfors vesnoj–letom 1917 goda (politicheskaya topografiya goroda) // Kul’tury gorodov Rossijskoj imperii na rubezhe XIX–XX vekov. SPb., 2009. S. 245–258.

ZHurnaly zasedanij Vremennogo pravitel’stva. Mart–oktyabr’ 1917 goda : v 4 t. T. 1 : Mart–aprel’ 1917 goda. M., 2001.

Kazancev D. L. Vospominaniya o sluzhbe v Finlyandii vo vremena Pervoj mirovoj vojny, 1914–1917. M., 2016.

Kiuru M. H. Boevoj rezerv revolyucionnogo Petrograda v 1917 g.: iz istorii russkih bol’shevistskih organizacij v Finlyandii. Petrozavodsk, 1965.

Kolonickij B. I. Pogony i bor’ba za vlast’ v 1917 godu. SPb., 2001.

Kolonickij B. I. Simvolny vlasti i bor’ba za vlast’: k izucheniyu politicheskoy kul’tury rossijskoj revolyucii 1917 goda. SPb., 2001.

Luntinen P. Razluka bez pechali: kak na karte Evropy poyavilos’ nezavisimoe Finlyandskoe gosudarstvo // Rodina. 1995. N 12. S. 27–31.

Novikova I. N. Velikoe knyazhestvo Finlyandskoe v gody Pervoj mirovoj vojny: ot avtonomii k nezavisimosti. Vojna i obshchestvo v HKH v. Kn. 1 : Vojna i obshchestvo nakanune i v period Pervoj mirovoj vojny. M., 2008.

Novikova I. N. «Finskaya karta v nemeckom pas’yanse»: Germaniya i problema nezavisimosti Finlyandii v gody Pervoj mirovoj vojny. SPb., 2002.

Suni R. Nacionalizm i demokratizaciya v russkoj revolyucii 1917 g. // Anatomiya revolyucii: massy, partii, vlast’. SPb., 1994. S. 278–291.

Syukiyajnen I. Gel'singforskij Sejm rabochih organizacij v 1917–1918 gg. // Skandinavskij sbornik. Tallin, 1962. T. V.

CHernyaev V. YU. Revolyuciya 1917 g. i obretenie Finlyandiej nezavisimosti // Otechestvennaya istoriya. 1993. N 6. S. 27–45.

CHistikov A. N. Finlyandiya: nezavisimost', grazhdanskaya vojna, otnosheniya s Sovetskoj Rossiej // Intervenciya na Severo-zapade Rossii, 1917–1920. SPb., 1995. S. 159–174.

Hoppu T. Joki ja sen väki II. Kokemäen historia 1870–2010. Tallinn, 2011.

Karemaa O. Moraalisesta närkästyksestä kansalliseksi ohjelmaksi // Venäjän kahdet kasvot: Venäjä kuva suomalaisen identiteetin rakennuskivenä. Helsinki, 2004. P. 226–254.

Karemaa O. Vihollisia, vainooja, syöpäläisiä: venäläisviha 1917–1923. Helsinki, 1998.

Ketola E. Kansalliseen kansanvaltaan: Suomen itsenäisyys, ssiaalidemokraatit ja Venäjän vallankumous 1917. Helsinki, 1987.

Ketola E. Suomen sotilaskapina — Lokakuun vallankumouksen strateginen edellytys // Historiallinen Arkisto: 91. Helsinki, 1987.

Luntinen P. The Imperial Russian Army and Fleet in Finland 1808–1918. Helsinki, 1997.

Manninen O. «Kapina, kansalaissota, vapaussota» // Itsenäistymisen vuodet: 1917–1920. 2 osa. Helsinki, 1993.

Polvinen T. Venäjän vallankumous ja Suomi 1917–1920. 1 osa : Helmikuu 1917–Toukokuu 1918. Helsinki, 1967.

Soikkanen H. Kansalaissota dokumentteina: valkoista ja punaista sanankäyttöä v. 1917–1918. 1 osa. Helsinki, 1967.

Tanskanen A. Venäläiset Suomen sisällissodassa vuonna 1918. Tampere, 1978; Venäläissurmat Suomessa 1914–22 / ed. L. Westrlund. Helsinki : Valtioneuvoston kanslian julkaisusarja, 2004. Osa 1, 2.

Сведения об авторе

Дубровская Елена Юрьевна — канд. ист. наук, ст. науч. сотр., Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН

Dubrovskaya Elena Yurjevna — PhD, Senior researcher, Institute of Language, Literature and History, Karelian Research Centre, Russian Academy of Science

e-mail: dubrovskaya@krc.karelia.ru

УДК 94(47).084.1.

Т. Г. Зазерская. Источники французских и бельгийских архивов о планах западных держав в отношении революционной России и ее участии в Первой мировой войне. 1917 г.

Аннотация: Анализ документов французских и бельгийских архивов позволил выявить малоизвестные факты влияния западных держав на участие России в войне до прихода к власти большевиков.

Предпринятые после Февральской революции попытки западных социал-демократов воздействовать на Временное правительство по вопросу участия в войне были диаметрально противоположными: если Р. Гримм предлагал заключить сепаратный мир с Германией, то А. Тома, Э. Вандервельде, Л. де Брукер призывали продолжать войну во имя европейской демократии и социализма.

Перед лицом разложения русских войск на Восточном фронте французский Генштаб 11 октября 1917 г. разработал предложение заключить мир с Центральными державами без участия России, в основе которого была передача Германии эстонской, латышской, литовской и белорусской территорий, «объединение России и Восточной Сибири в Московское государство под контролем западных держав, формирование полноценных государственных органов, обеспечивающих гарантии интересов Антанты в России». Таким образом, была впервые сформулирована идея военной интервенции, означавшая, что Россия уже тогда не рассматривалась в качестве равноправного союзника.

Ключевые слова: Первая мировая война; Февральская революция; А. Тома; Э. Вандервельде; Архив Министерства иностранных дел Бельгии; Национальный архив Франции; Военный архив Франции.

T. G. Zazerskaia. Sources in French and Belgian archives on the plans of Western powers in relation to revolutionary Russia and on its participation in the First World War. 1917.

Abstract: Analysis of documents of the French and Belgian archives revealed several lesser known facts on the influence of Western powers on Russia's participation to the First World War before the Bolsheviks rise to power.

The attempts made by the Western social-democrats after the February Revolution in Russia to influence the Provisional Government on the issue of participation in the war were diametrically different:

while R. Grimm proposed to conclude a separate peace with Germany, A. Thomas, E. Vandervelde, L. de Brouckère called for Russia to continue to take part in the war for the sake of European democracy and socialism, notwithstanding Russian losses and the ruin of the country.

Faced with the disintegration of the Russian troops on the Eastern Front, the French General Staff developed on October 11, 1917, a proposal to conclude peace with the Central Powers without Russia's participation. This peace plan was based on the transfer to Germany of the Estonian, Latvian, Lithuanian and Belarusian territories, as well as «the unification of Russia and Eastern Siberia into a Moscovian State under the control of the Western powers and the creation of State structures that guarantee the interests of the Entente in Russia».

Thus, the idea of military intervention was first formulated at that time, which indicated that Russia was already no longer considered as an equal ally even before the Revolution.

Keywords: First World War; February Revolution; A. Thomas; E. Vandervelde; A.M.B.A.E.; A.N.; SHD/SHAT.

Библиография

Суханов Н. Н. Записки о революции : [в 7 кн.]. Берлин ; Пб. ; М. : З. И. Гржебин, 1922. Кн. 4.

Germany and Revolution in Russia 1915–1918. Documents from the Archives of the German Foreign Ministry / ed. by Z. A. B. Zeman. London : Oxford Univ. Press, 1958.

Noulens J. Mon ambassade en Russie soviétique. Paris : Plon, 1933. 2 vol.

The Russian Provisional Government, 1917: Documents / selected and edited by R. P. Browder and A. F. Kerensky. Stanford : Stanford Univ. Press, 1961.

Sinanoglou I. Journal de Russie d'Albert Thomas // Cahiers du monde russe et soviétique. 1973. Vol. 14, N 1. P. 86–204.

Stengers J. Belgique et Russie, 1917–1924: gouvernement et opinion publique // Revue belge de philologie et d'histoire. 1988. Vol. 66, N 2. P. 296–328.

Vandervelde E. Trois aspects de la Révolution Russe. 7 mai — 25 juin 1917. Paris : Berger-Levrault, 1917.

Bibliografiya

Suhanov N. N. Zapiski o revolyucii : [v 7 kn.]. Berlin ; Pb. ; M. : Z. I. Grzhebin, 1922. Kn. 4.

Germany and Revolution in Russia 1915–1918. Documents from the Archives of the German Foreign Ministry / ed. by Z. A. B. Zeman. London : Oxford Univ. Press, 1958.

Noulens J. Mon ambassade en Russie soviétique. Paris : Plon, 1933. 2 vol.

The Russian Provisional Government, 1917: Documents / selected and edited by R. P. Browder and A. F. Kerensky. Stanford : Stanford Univ. Press, 1961.

Sinanoglou I. Journal de Russie d'Albert Thomas // Cahiers du monde russe et soviétique. 1973. Vol. 14, N 1. P. 86–204.

Stengers J. Belgique et Russie, 1917–1924: gouvernement et opinion publique // Revue belge de philologie et d'histoire. 1988. Vol. 66, N 2. P. 296–328.

Vandervelde E. Trois aspects de la Révolution Russe. 7 mai — 25 juin 1917. Paris : Berger-Levrault, 1917.

Сведения об авторе

Зазерская Татьяна Георгиевна — канд. ист. наук, докторант Российского государственного гуманитарного университета

Zazerskaia Tatiana Georgievna — PhD in History, doctoral candidate, Russian State University for the Humanities

e-mail: zazerskaya.tatiana@gmail.com

УДК 94(47).084.3

В. К. Зиборов. «Известия» — первая газета Февральской революции

Аннотация: Статья посвящена газете «Известия» Комитета Петроградских журналистов, первый номер которой вышел в первый день Февральской революции. Газета просуществовала недолго: 27 февраля — 4 марта (всего вышло 10 номеров). В статье на основе анализа текста и списка участников ее издания обосновывается положение о том, что русские масоны, как входившие в состав Государственной думы, так и группировавшиеся вокруг нее, организовали выпуск газеты в день, когда все остальные органы печати в Петрограде не выходили. Характеристика и анализ текста газеты ведется на основе полного комплекта, находящегося в собрании автора.

Ключевые слова: Февральская революция; газета; «Известия»; Комитет Петроградских журналистов; Государственная дума; русские масоны.

V. K. Ziborov. «Izvestia» — first newspaper of the February revolution

Abstract: The article is devoted to the newspaper «Izvestia» Committee of the Petrograd of the journalists, the first number of which came in the first day of February revolution. The newspaper shot-lived: February 27 — March 4 (just released No 10). In article on the basis of the analysis of the text and list of participants, is substantiated the position that Russian Freemasons, as pate of the State Duma, and grouped around her, organized the release of the newspaper on the day, when all the other press organs did not go. Characterization and analysis of the text of the newspaper is based on the full set in collection of the author.

Keywords: February revolution; the newspaper «Izvestia»; the Committee of Petrograd journalists; the State Duma; the Russian Freemasons.

Библиография

Весь Петроград на 1916 год. Адресная и справочная книга г. Петрограда / под ред. А. П. Шашковского. Пг., 1916.

Газеты дореволюционной России. 1703–1917 : каталог. СПб., 2007.

Николаев А. Б. Историко-археографические наблюдения над «Известиями» Комитета петроградских журналистов (редакции и

выпуски типографии «Правительственного вестника») // Герценовские чтения. 1998. СПб., 1998. С. 59–64.

Платонов О. А. Терновый венец России. Тайная история масонства. 1731–1996. 2-е изд. М., 1996.

Солженицын А. Красное Колесо. Повествование в отмеренных сроках. Т. 6 : Узел III. Март Семнадцатого. М., 1994.

Старцев В. И. Тайны русских масонов. Изд. 3-е. СПб., 2004.

Bibliografiya

Ves' Petrograd na 1916 god. Pg., 1916.

Gazety dorevolucionnoj Rossii. 1703–1917 : katalog. SPb. 2007.

Nikolaev A. B. Istoriko-arheograficheskie nablyudeniya nad «Izvestiyami» Komiteta petrogradskih zhurnalistov (redakcii i vypuski «Pravitel'stvennogo vestnika») // Gercenovskie chteniya 1998. SPb., 1998. S. 59–64.

Platonov O. A. Ternovyy venec Rossii. Tajnaya istoriya masonstva 1713–1996. 2-e izd. M., 1996.

Solzhenitsyn A. I. Krasnoe Koleso. Povestvovanie v otmerennykh strokakh. T. 6 : Uzel III. Mart Semnadcatogo. M., 1994.

Starcev V. I. Tajny russkih masonov. Izd. 3-e. SPb., 2004.

Сведения об авторе

Зиборов Виктор Кузьмич — д-р ист. наук, профессор, Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета.

Ziborov Viktor Kuz'mich — Doctor of History, Professor, St. Petersburg State University

e-mail: ziborov47@mail.ru

УДК 741.5

О. В. Игнатенко-Дэсанлис. Революция в обложке: от Пасхи до Распятия — 1917 год в России, обратный литургическому циклу, в иллюстрированной сатирической русской прессе

Аннотация: Основываясь на аутентичных редких и неизданных документах — сатирических иллюстрированных журналах, воссоздается новый образ России революционного периода через переосмысление творческой интеллигенцией революционного Петрограда. Эти журналы являются настоящими шедеврами революционного искусства художников, одаренных высоким мастерством, ставящим акцент на свободу стилей изображения в переломный для России период. Речь идет о непосредственном свидетельстве событий 1917 г. — революционном во всех смыслах и красочно воспроизведенном художниками — пионерами авангарда, день за днем, неделю за неделей в общей картине событийной иллюстрированной хроники. Пересекая научные сферы истории и искусства, а также затрагивая темы социологии, религии, литературы, иллюстрированные сатирические журналы погружают нас в жизнь 1917 г. со всеми ее многогранными аспектами: быт людей революционного Петрограда, смена политических формаций, отказ от религии, вера в Революцию и быстрое разочарование, в смене тональностей колорита — от радужных красок к мрачному и траурному восприятию. Свидетельства представителей творческой интеллигенции: З. Гиппиус и Д. Мережковского, М. Волошина, А. Семенова-Тян-Шанского, а также комментарии Клода Анэ, Пьера Паскаля и Джона Рида дополняют и усиливают значимость событий 1917 г. для судьбы страны в осознании современников. Возрождаясь с Пасхой и приходя к распятию своего собственного революционного образа, интеллигенция проходит обратный литургическому и привычному для русского народа цикл. Новаторство художников-иллюстраторов станет революционным для дальнейшего развития искусства в целом, фундаментом русского авангарда.

Ключевые слова: Русская революция; искусство; иллюстрация; журнал; образ; обложка; интеллигенция; Петроград; сатирическая пресса; большевизм.

Oxana Ignatenko-Desanlis. Revolution in Cover: from Resurrection to Crucifixion — 1917 in Russia back-pedaling liturgical cycle as seen in the local satirical press

Abstract: A new image of the Russian Revolution, based on rare and authentic documents, emerges from closely observing satirical magazines

of the time. These illustrated reviews are genuine works of art in their own right as they question freedom of the press and art itself during a key transitional period in Russia. They serve as eyewitness accounts of the revolutionary year, providing original insight into both Russian Revolutions — February and October. They feature weekly front covers of avant-garde artists, in the absence of any censorship of the press. To preserve the chronological dynamics of the events, the present thesis couples satirical reviews with historical testimony of Russian intelligentsia of Petrograd, the likes of Z. Gippius, D. Merezhkovsky, M. Voloshin, A. Semenoff-Tyan-Shansky and the writers — Claude Anet, Pierre Pascal and John S. Reed. All had participated in the revolutionary turmoil, each in his own way, and together constitute an historical echo of the illustrated satirical reviews, allowing us to plunge into the heart of daily life during the two Russian revolutions, thus crafting a new image of the Revolution, set in motion, single-minded, and noteworthy. The manner in which the Russian Revolution is presented in satirical reviews is particularly interesting in that it opens new paths of research and affords new points of view on the revolution. Within barely six months, between Easter and October, the Russian Revolution shifts metaphorically into reverse gear and charts a back-pedaling liturgical cycle, from Resurrection to Crucifixion, with a shattering visual force as seen by the Petrograd's intelligentsia.

Keywords: Russian revolution; art, image; cover-magazine; illustration; intelligentsia; Petrograd; satirical press; bolshevism.

Библиография

- Блок А.* Двенадцать. СПб. : Алконост, 1918.
- Гиппиус З.* Литературный дневник, 1899–1907. СПб. : Изд. М. Пирожкова, 1908.
- Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. 5-е изд. М. : Политиздат, 1968. Т. 12.
- Потехин Ю. Н.* Физика и Метафизика Русской Революции // Смена вех : сб. статей / под ред. Ю. В. Ключникова. Прага, 1921.
- Ропшин В.* Конь Бледный. Париж : Русское изд. в Париже, 1913.
- Соловьев В. С.* Чтения о Богочеловечестве. СПб. : Азбука, 2000.
- Anet C.* La Révolution russe: chroniques: 1917–1920. Paris : Ed. Phébus, 2007.
- Crainz A.* L'itinéraire religieux de Zinanda Hippius // Cahiers du monde russe et soviétique. 1988. Vol. 29, N 3–4 : Le christianisme russe entre millénarisme d'hier et soif spirituelle d'aujourd'hui.
- Kolossov V.* La Russie: espaces, villes, réseaux. Paris : Editions du temps, 2007.
- Nivat G.* Russie-Europe // La fin du schisme; études littéraire et politique. Lausanne : Ed. L'Age d'Homme. Coll. Slavica, 1993.

Pascal P. Journal de Russie 1916–1918. Lausanne : Ed. L'Age d'Homme, 1975.

Reed J. S. Dix jours qui ébranlèrent le monde. Paris : Editions Sociales, 1958.

Библиографија

Blok A. Dvenadcat'. SPb. : Alkonost, 1918.

Gippius Z. Literaturnyj dnevnik, 1899–1907. SPb. : Izd. M. Pirozhkova, 1908.

Lenin V. I. Polnoe sobranie sochinenij. 5-e izd. M. : Politizdat, 1968. T. 12.

Potekhin YU. N. Fizika i Metafizika Russkoj Revolyucii // Smena vekh : sb. statej / pod red. YU. V. Klyuchnikova. Praga, 1921.

Ropshin V. Kon' Blednyj. Parizh : Russkoe izd. v Parizhe, 1913.

Solov'ev V. S. CHteniya o Bogochelovechestve. SPb. : Azbuka, 2000.

Anet C. La Révolution russe: chroniques: 1917–1920. Paris : Ed. Phébus, 2007.

Crainz A. L'Itinéraire religieux de Zinanda Hippus // Cahiers du monde russe et soviétique. 1988. Vol. 29, N 3–4 : Le christianisme russe entre millénarisme d'hier et soif spirituelle d'aujourd'hui.

Kolossov V. La Russie: espaces, villes, réseaux. Paris : Editions du temps, 2007.

Nivat G. Russie-Europe // La fin du schisme; études littéraire et politique. Lausanne : Ed. L'Age d'Homme. Coll. Slavica, 1993.

Pascal P. Journal de Russie 1916–1918. Lausanne : Ed. L'Age d'Homme, 1975.

Reed J. S. Dix jours qui ébranlèrent le monde. Paris : Editions Sociales, 1958.

Сведения об авторе

Игнатенко-Дэсанлис Оксана Викторовна — магистр истории, д-р искусствоведения (Университет Сорбонна и Высшая Школа Лувра в Париже), член Института Славянских Наук г. Париж и Ассоциации Высшей Школы Лувра и Ассоциации Потомков Русского Экспедиционного Корпуса во Франции

Ignatenko-Desanlis Oxana — Master II of History, PhD History of Art (Sorbonne's University and High School of Louvre in Paris), Member of the Institute of Slavonic Studies in Paris and of Association of High School of Louvre and of Association of Descendants of Russian Expeditionary Force in France

e-mail: oxanadesanlis@gmail.com

УДК 94(47).083.76

В. В. Калашников. Февральская революция: Проблемы периодизации

Аннотация: Выделение в истории Февральской революции 1917 г. основных этапов является важным для ее понимания. Особое значение имеет вопрос о времени начала Февральской революции. Ряд историков считают временем начала Революции 23 февраля, другие — 27 февраля. По мнению автора, разное решение этого вопроса связано с разным пониманием роли главных действующих сил («акторов») в революционном процессе, а также трактовкой самого понятия «революция».

Автор рассматривает различные мнения, высказанные по этому вопросу в российской и зарубежной исторической литературе, уделяя особое внимание современной историографии. Для этих целей он использует результаты, полученные в рамках международного исследовательского проекта по истории Февральской революции, в ходе которого 25 специалистов ответили на 10 основных вопросов. Результаты опубликованы в книге «Февральская революция: проблемы истории и историографии» (СПб. : ЛЭТИ, 2017).

Одиннадцать историков в качестве времени начала Революции назвали дату 23 февраля — день, когда начались массовые демонстрации и стачки рабочих Петрограда. Они исходят из того, что именно с 23 февраля начинается *непрерывный* политический процесс, который завершился падением самодержавия.

Тринадцать историков указывают на 27 февраля. При этом семь из них делают акцент на солдатское восстание, которое превратило мирные демонстрации в открытую вооруженную борьбу против самодержавия.

Пять историков считают началом Революции решение лидеров Думы создать Временный комитет, полагая, что именно Дума превратила стихийное движение в осознанную борьбу за государственную власть. При этом все согласны в том, что стихийное движение рабочих и солдат определяло поведение вождей Думы, а согласие вождей Думы возглавить стихийное движение обеспечило быструю победу Революции.

Ключевые слова: историография; Февральская революция; периодизация; этапы Революции; мирные демонстрации; солдатское восстание; Государственная дума.

V. V. Kalashnikov. February Revolution: Problems of periodization

Abstract: To divide the history of the February Revolution into its main periods is an important study tool. To determine the starting moment of the revolution is of prime importance. Some historians define this moment as February 23, while the others as February 27. The author argues that alternative answers on this question are determined by alternative views on the role of primary historical forces (actors) in the revolutionary process and on the very meaning of the term «revolution».

The author examines varied opinions, expressed upon this question in the Russian and foreign historical literature, paying prime attention to the modern historiography. He uses for the purpose the results obtained through the International Research Project on the History of the February Revolution where 25 foreign and Russian historians presented their answers upon 10 principal questions. The results are published in a book «The February Revolution: problems of history and historiography» (SPb. : LETI, 2017).

Eleven historians took February 23 as the starting moment of the February Revolution — the day when mass demonstrations and workers strikes were started in Petrograd. They proceed from the fact that this day opens *uninterrupted* political process, which led to the fall of autocracy.

Thirteen historians took February 27. Meanwhile seven of them pointed out the soldiers' uprising as the crucial moment that turned out peaceful demonstrations into armed struggle against autocracy. Five historians pointed out a decision of the State Duma leaders to form the Temporary Committee. They believe that it was the State Duma leadership which turned out spontaneous protest movement into conscience struggle for state power. Meanwhile all historians agree that spontaneous protest movement of workers and soldiers determined the actions of the Duma leaders, and readiness of the Duma leaders to lead spontaneous movement provided for quick victory of the revolution.

Keywords: historiography; February Revolution; periodization; phases of Revolution; peaceful demonstrations; soldiers revolt; the State Duma.

Библиография

Большая советская энциклопедия. 3-е изд. М., 1977. Т. 27.

Бурджалов Э. Н. Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М., 1967.

История гражданской войны в СССР. М. 1935. Т. 1.

Калашиников В. В. О роли Государственной Думы в истории Февральской революции // Россия в эпоху революций и реформ : проблемы истории и историографии. СПб., 2016. С. 163–179.

Милоков П. Н. История Второй русской революции. София, 1921.

Минц И. И. История Великого Октября. М., 1977. Т. 1.

Советская историческая энциклопедия. М., 1973. Т. 14.

Старцев В. И. 27 февраля 1917. М., 1984.

Старцев В. И. Внутренняя политика Временного правительства. Л., 1980.

Узлова И. В. Советская историография о роли Думы в победе Февральской революции // Февральская революция 1917 года : проблемы истории и историографии. СПб., 2017. С. 364–379.

Февральская революция 1917 года : проблемы истории и историографии. СПб., 2017.

Lyandres S., Nikolaev A. The February Revolution and the State Duma in Recent Russian Historiography // Journal of Modern Russian History and Historiography. 2016. N 9. P. 106–132.

Bibliografiya

Bol'shaya sovetskaya ehnciklopediya. 3-e izd. M., 1977. T. 27.

Burdzhalov E.H. N. Vtoraya russkaya revolyuciya. Vosstanie v Petrograde. M., 1967.

Istoriya grazhdanskoj vojny v SSSR. M. 1935. T. 1.

Kalashnikov V. V. O roli Gosudarstvennoj Dumy v istorii Fevral'skoj revolyucii // Rossiya v ehphu revolyucij i reform : problemy istorii i istoriografii. SPb., 2016. S. 163–179.

Milyukov P. N. Istoriya Vtoroj russkoj revolyucii. Sofiya, 1921.

Minc I. I. Istoriya Velikogo Oktyabrya. M., 1977. T. 1.

Sovetskaya istoricheskaya ehnciklopediya. M., 1973. T. 14.

Starcev V. I. 27 fevralya 1917. M., 1984.

Starcev V. I. Vnutrennyaya politika Vremennogo pravitel'stva. L., 1980.

Uzlova I. V. Sovetskaya istoriografiya o roli Dumy v pobede Fevral'skoj revolyucii // Fevral'skaya revolyuciya 1917 goda : problemy istorii i istoriografii. SPb., 2017. S. 364–379.

Февральская революция 1917 года : проблемы истории и историографии. SPb., 2017.

Lyandres S., Nikolaev A. The February Revolution and the State Duma in Recent Russian Historiography // Journal of Modern Russian History and Historiography. 2016. N 9. P. 106–132.

Сведения об авторе

Калашников Владимир Валерьянович д-р ист. наук, профессор кафедры истории культуры, государства и права, Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)

Kalashnikov Vladimir Valerianovich — Doctor of History, Professor, Saint Petersburg electrotechnical university «LETI»

e-mail: vvk2@mail.ru

УДК 947.084.8

А. Н. Кашеваров. Позиция патриарха Тихона в Гражданской войне 1918–1920 гг.

Аннотация: В статье показано, что в обстановке Гражданской войны и антицерковных кампаний Советского государства патриарх Тихон считал целесообразным ограничить внешнюю деятельность духовенства исключительно защитой Православной церкви. В тех условиях это было невозможно без провозглашения невмешательства Церкви в политику и нейтралитета в кровавой междоусобице, а также лояльности по отношению к советской власти. Такая позиция патриарха складывалась постепенно под воздействием целого ряда факторов еще с конца 1918 г., разделялась Священным Синодом и Высшим Церковным Советом. Окончательно и определенно она была высказана в патриаршем послании от 25 сентября/8 октября 1919 г. Вполне вероятно, что патриарх Тихон внутренне сочувствовал антибольшевистскому движению, хотя и сомневался, видя «силу красных», в его конечном успехе. Однако патриарх отказался благословить братоубийство, от кого бы оно ни исходило, разделять паству, которая была в рядах всех воюющих сторон. Провозглашение в 1919 г. патриархом Тихоном и последовательное проведение с этого времени руководством Московской Патриархии принципа аполитичности не смогли разрешить всех проблем, стоявших в это время перед Русской православной церковью. Советское правительство, вопреки занятой патриархом Тихоном позиции, продолжало рассматривать Православную церковь в качестве своего политического противника. В этих условиях единственный возможный путь сохранения Русской церкви патриарх Тихон стал связывать как с дальнейшим проведением в церковной жизни принципа аполитичности, так и с обстоятельным разъяснением в официальных церковных документах, главным образом в своих посланиях, лояльного отношения православной иерархии к установившемуся в России государственному строю.

Ключевые слова: патриарх Тихон; Русская православная церковь; гражданская война; советская власть; лояльность; аполитичность; нейтралитет.

A. N. Kashevarov. The position of Patriarch Tikhon in the Civil War of 1918–1920

Abstract: The article shows that in the context of the civil war and the anti-church campaigns of the Soviet state, Patriarch Tikhon consid-

ered it expedient to limit the external activity of the clergy exclusively to the protection of the Orthodox Church. In those conditions, this was impossible without proclaiming the Church's non-interference in politics and neutrality in bloody civil strife, as well as loyalty to the Soviet regime. This position of the patriarch was gradually formed under the influence of a number of factors since the end of 1918, was shared by the Holy Synod and the Supreme Church Council. Finally and definitely, it was expressed in the patriarchal message of September 25 / October 8, 1919. It is likely that Patriarch Tikhon internally sympathized with the anti-Bolshevik movement, although he doubted seeing the "strength of the Reds" in his final success. However, the patriarch refused to bless the fratricide, from whom it came, to share the flock that was in the ranks of all belligerents. The proclamation in 1919 of the patriarch Tikhon and the consistent conduct of the principle of apoliticality by the leadership of the Moscow Patriarchate from that time could not resolve all the problems facing the Russian Orthodox Church at that time. The Soviet government, in spite of the position taken by Patriarch Tikhon, continued to view the Orthodox Church as its political opponent. In these circumstances, the only possible way of preserving the Russian Church, Patriarch Tikhon, began to associate both with the continuation of the principle of apoliticality in church life, and with a thorough explanation in official church documents, mainly in his letters, of the loyal attitude of the Orthodox hierarchy to the established state system in Russia.

Keywords: Patriarch Tikhon; Russian Orthodox Church; civil war; Soviet power; loyalty; apoliticalness; neutrality.

Библиография

Акты святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943 / сост. М. Е. Губонин. М., 1994.

Арест и допрос патриарха Тихона в декабре 1919 г. / введ. ст., подгот. текста и коммент. А. Н. Кашеварова // Русское прошлое. СПб., 1998. Кн. 8. С. 215–227.

Валентинов А. Черная книга (Штурм небес) : сб. документальных данных о борьбе советской власти против религии. Париж, 1925.

Вениамин (Федченков), митрополит. На рубеже двух эпох. М., 1994.

Карташев А. В. Временное правительство и Русская Церковь // Из истории христианской Церкви на Родине и за рубежом в XX столетии. М., 1995. С. 10–27.

Кашеваров А. Н. Государство и Церковь: Из истории взаимоотношений Советского государства и Русской православной церкви 1917–1945 гг. СПб., 1995.

Следственное дело патриарха Тихона : сборник документов по материалам Центрального архива ФСБ РФ. М., 2000.

Bibliografiya

Акты свyатеjшого Тихона, Патриарха Московского i vseya Rossii, pozdnejšie dokumenty i perepiska o kanonicheskom preemstve vysshej cerkovnoj vlasti. 1917–1943 / sost. M. E. Gubonin. M., 1994.

Arest i dopros patriarha Тихона v dekabre 1919 g. / vvod. st., podgot. teksta i komment. A. N. Kashevarova // Russkoe proshloe. SPb., 1998. Kn. 8. S. 215–227.

Valentinov A. Chernaya kniga (SHturm nebes) : sb. dokumental'nyh dannyh o bor'be sovetskoj vlasti protiv religii. Parizh, 1925.

Veniamin (Fedchenkov), mitropolit. Na rubezhe dvuh ehпов. M., 1994.

Kartashev A. V. Vremennoe pravitel'stvo i Russkaya Cerkov' // Iz istorii hristianskoj Cerkvi na Rodine i za rubezhom v HKH stoletii. M., 1995. S. 10–27.

Kashevarov A. N. Gosudarstvo i Cerkov': Iz istorii vzaimootnoshenij Sovetskogo gosudarstva i Russkoj pravoslavnoj cerkvi 1917–1945 gg. SPb., 1995.

Sledstvennoe delo patriarha Тихона: sbornik dokumentov po materialam Central'nogo arhiva FSB RF. M., 2000.

Сведения об авторе

Кашеваров Анатолий Николаевич — д-р ист. наук, профессор, профессор, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

Kashevarov Anatolii Nikolaevich — Professor of history, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

e-mail: kashevar12@mail.ru

УДК 730

О. В. Колганова. Г. Гидони: проект Свето-памятника 10-летию Октябрьской революции

Аннотация: Главным делом всей жизни художника и историка искусства Григория Гидони являлось «Искусство света и цвета», которое привело к изобретению «свето-оркестра». В 1920–1930 гг. художник пытался соединить световые эффекты с музыкальными композициями, декламацией, хореографией, театральным действием, архитектурными сооружениями. Синтезировал весь комплекс идей художника в области искусства света и цвета — поистине фантастический проект Свето-памятника 10-летию Октябрьской революции. Модель Свето-памятника демонстрировалась на юбилейной сессии Центрального исполнительного комитета СССР (15–25 октября 1927 г.) Весь памятник составлялся из трех колоссальных частей — серпа, молота и шестерни. В центральной части огромный глобус из матового стекла — свето-театр. Внутри него могло размещаться до 2000 человек. В Ленинграде в равной мере пригодными для постановки этого грандиозного памятника автору проекта представлялись пл. Урицкого, пл. Жертв Революции (Марсово поле), пространство перед Адмиралтейством. Согласно исследованию Б. М. Галева переговоры об установке этого гигантского сооружения велись на самом высоком правящем уровне. На сегодняшний день сохранились лишь несколько фотографий и отдельные описания Свето-памятника. В 1987 г. силами казанского СКБ «Прометей» была осуществлена реконструкция модели Свето-памятника. В 2017 г. этот проект будет представлен на архитектурной выставке «Между небом и землей» в Париже.

Ключевые слова: Г. Гидони; Н. Могилевский; Свето-памятник 10-летию Октябрьской революции; Свето-памятник В. И. Ленину; свето-оркестр.

O. V. Kolganova. G. Gidoni: the Project of Light-Monument to the 10th anniversary of the October Revolution

Abstract: The main work of the life of the artist and art historian Grigory Gidoni was «The Art of Light and Colour», which led to the invention of the «Light-orchestra». In 1920–1930 years the artist tried to combine lighting effects with music compositions, recitations, choreography, theatrical performance, and architectural constructions. The whole complex of ideas of the artist in the art of light and color syn-

thésized a truly fantastic project of Light-monument to the 10th anniversary of the October Revolution. The model of Light-monument was exhibited at the Jubilee Session of Central Executive Committee of the USSR (October 15–25, 1927). The entire monument was made up of three huge pieces — sickle, hammer and gears. In the central part a huge globe of frosted glass — light theater. Inside it could hold up to 2,000 people. In Leningrad, this magnificent building was supposed to be established in the area of Uritsky Sq., Victims of the Revolution (Field of Mars), or the space in front of the Admiralty. According to the study by B. Galeev talks about setting up this gigantic structure took place at the highest levels of power. To date, survived only a few pictures and some descriptions of Light-monument. In 1987, SKB «Prometheus» has reconstructed model of Light-monument. In November 2017 this project will be presented in architectural exhibition with the name «Between the Heavens and the Earth: The Globe and Architect» in Paris.

Keywords: G. Gidoni; N. Mogilevsky; Light-Monument to the 10th anniversary of the October Revolution; Light-Monument to the V. I. Lenin; Light orchestra.

Библиография

Галеев Б. М. От светового памятника Революции — к Дворцу советов (о трагическом пути художника Г. И. Гидони) // Свет и звук в архитектуре. Казань, 1990. С. 32–36.

Галеев Б. М. «Я памятник воздвиг...»: (О пионере светового искусства Г. Гидони) // День и ночь : Литературный журнал для семейного чтения. Красноярск, 1999. № 4. URL: <http://www.krasdin.ru/1999-4/s034.htm> (дата обращения: 06.04.2017).

Галеев Б. М. Художник Гидони — пионер искусства света и цвета // Галеев Б. Искусство космического века : Избранные статьи. Казань, 2002. С. 186–207.

Гидони Г. И. Искусство света и цвета : Введение. Л. : Изд. автора, 1930.

Колганова О. В. «Curriculum vitae» Григория Иосифовича Гидони : документ из архива Российского института истории искусств (1928) // Временник Зубовского института. СПб., 2012. Вып. 8. С. 74–87.

Колганова О. В. Звуко-световые эксперименты Г. И. Гидони // Сравнительное искусствознание — XXI век. СПб., 2015. Вып. 1, ч. 2. С. 163–169.

Наум Семенович Могилевский (1895–1975) : выставка произведений. Каталог / авт. вступ. ст. и сост. Л. П. Шапошникова ; ред. Л. В. Мочалов. Л. : Художник РСФСР, 1981.

Наум Могилевский : кат. выст. / авт.-сост. Т. Мантурова, Н. Попова ; авт. вступ. ст. Т. Мантурова. СПб. : Palace ed. : Киблицкий (Германия), 1996.

Римский-Корсаков Г. М. Расшифровка световой строки Скрябинского «Прометей» // De musica : временник отдела теории и истории музыки. Л., 1926. С. 94–99.

Galeyev B. M. Grigory Gidoni: Another Renascent Name // Leonardo. 2000. Vol. 33, N 3. P. 207–213. URL: http://prometheus.kai.ru/gidoni_e.htm (дата обращения: 31.03.2017).

Kolganova O. Light-Sound Experiments by Grigory Gidoni: from Light-orchestra to Light-monument // Sociocultural Crossings and Borders: Musical Microhistories. Vilnius, 2015. P. 510–519.

Bibliografiya

Galeyev B. M. Ot svetovogo pamyatnika Revolyucii — k Dvorcu sovetov (o tragicheskom puti hudozhnika G. I. Gidoni) // Svet i zvuk v arhitekture. Kazan', 1990. S. 32–36.

Galeyev B. M. «YA pamyatnik vozdvig...» : (O pionere svetovogo iskusstva G. Gidoni) // Den' i noch' : Literaturnyj zhurnal dlya semejnogo chteniya. Krasnoyarsk, 1999. N 4. URL: <http://www.krasdin.ru/1999-4/s034.htm> (дата обрashcheniya: 06.04.2017).

Galeyev B. M. Hudozhnik Gidoni — pioner iskusstva sveta i cveta // Galeev B. Iskusstvo kosmicheskogo veka : Izbrannye stat'i. Kazan', 2002. S. 186–207.

Gidoni G. I. Iskusstvo sveta i cveta : Vvedenie. L. : Izd. avtora, 1930.

Kolganova O. V. «Curriculum vitae» Grigoriya Iosifovicha Gidoni : dokument iz arhiva Rossijskogo instituta istorii iskusstv (1928) // Vremennik Zubovskogo instituta. SPb., 2012. Vyp. 8. S. 74–87.

Kolganova O. V. Zvuko-svetovye ehksperimenty G. I. Gidoni // Sravnitel'noe iskusstvovoznanie — XXI vek. SPb., 2015. Vyp. 1, ch. 2. S. 163–169.

Naum Semonovich Mogilevskij (1895–1975) : vystavka proizvedenij. Katalog / avt. vstup. st. i sost. L. P. SHaposhnikova ; red. L. V. Mochalov. L. : Hudozhnik RSFSR, 1981.

Naum Mogilevskij : kat. vyst. / avt.-sost. T. Manturova, N. Popova ; avt. vstup. st. T. Manturova. SPb. : Palace ed. : Kiblickij (Germaniya), 1996.

Rimskij-Korsakov G. M. Rasshifrovka svetovoj stroki Skryabinskogo «Prometeya» // De musica : vremennik otdela teorii i istorii muzyki. L., 1926. S. 94–99.

Galeyev B. M. Grigory Gidoni: Another Renascent Name // Leonardo. 2000. Vol. 33, N 3. P. 207–213. URL: http://prometheus.kai.ru/gidoni_e.htm (дата обрashcheniya: 31.03.2017).

Kolganova O. Light-Sound Experiments by Grigory Gidoni: from Light-orchestra to Light-monument // Sociocultural Crossings and Borders: Musical Microhistories. Vilnius, 2015. P. 510–519.

Сведения об авторе

Колганова Ольга Викторовна — канд. искусствоведения, науч. сотр., Российский институт истории искусств

Kolganova Olga Viktorovna — PhD, Scientific Researcher, Russian Institute for the History of Arts

e-mail: kolganova.spb@gmail.com

УДК 94(47).084

И. В. Купцова. Карнавальная модель массовой культуры как символ революции 1917 г.

Аннотация: Статья посвящена особенностям развития массовой культуры в 1917 г.: изменилось ее положение за счет расширения художественного пространства, количественного увеличения потребителей, заинтересованности в ее потенциале властей. Модель массовой культуры 1917 — весны 1918 г. характеризуется как карнавальная, в нее оказались вовлечены праздничная культура, декоративное искусство, плакат, театр, музыка, скульптура. Особенностью карнавальной культуры 1917 г. стала ее инициатива со стороны властей, которые стремились через включение в искусственную атмосферу «карнавала» приобщить народные массы к Революции. Поэтому она была не оппозиционной, а частью официальной культуры.

Ключевые слова: массовая культура; карнавал; диалог культур; революция 1917 г.

I. V. Kuptsova Mass culture and the revolution of 1917

Abstract: The article is devoted to the peculiarities of the development of mass culture in 1917. Its position has changed due to the expansion of the artistic space, the quantitative increase in consumers due to active and passive participants of the revolution, and interest in its potential of the authorities. The model of mass culture of 1917 — the spring of 1918 is characterized as carnival, decorative art, poster, theater, music, sculpture were involved in it. A special feature of the carnival culture of 1917 was its initiative on the part of the authorities, which tried to incorporate the masses through «carnival» in the revolution. Therefore, it was not an opposition, but part of the official culture.

Key words: mass culture; carnival; dialogue of cultures; Revolution 1917.

Библиография

Агитационно-массовое искусство. Оформление праздников. М., 1984.

Бабурин Н. И. Искусство русского плаката XX века. Реальность и утопия. М., 2004.

Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и ренессанса. М. : Художеств. лит., 1990.

Гужова И. В. Праздник как феномен культуры в контексте целостного подхода : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Томск, 2006.

Колоницкий Б. И. Символы власти и борьба за власть. К изучению политической культуры Российской революции 1917 года. СПб., 2001.

Купцова И. В. Художественная жизнь Москвы и Петрограда в годы Первой мировой войны. СПб. : Нестор, 2004.

Лапшин В. П. Художественная жизнь Москвы и Петрограда в 1917 году. М., 1983.

Лебедева В. Г. Судьбы массовой культуры в России. Вторая половина XIX — первая треть XX века. СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2007.

Михайлюк А. Карнавал и революция [Электронный ресурс]. URL: <http://doxa.onu.edu.ua/Doxa7/211-220.pdf> (дата обращения: 15.03.2017).

Немиро О. В. В город пришел праздник. Из истории художественного оформления советских массовых празднеств. Л., 1973.

Немиро О. В. Праздничный город. Л., 1987.

Рольф М. Советские массовые праздники. М., 2009.

Шелаева Н. В. Формирование образа советской власти в российском обществе в 1917–1920-е годы: социокультурный аспект : дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 2014.

Cohen A. J. Imaging the unimaginable: World War, Modern Art and the Politics of Public Culture in Russia 1914–1917. Lincoln : University of Nebraska Press, 2008.

Bibliografiya

Agitacionno-massovoe iskusstvo. Oformlenie prazdnikov. М., 1984.

Baburina N. I. Iskusstvo russkogo plakata XX veka. Real'nost' i utopiya. М., 2004.

Bahtin M. M. Tvorchestvo Fransua Rable i narodna kul'tura srednevekov'ya i renessansa. М. : Hudozhestv. lit., 1990.

Guzhova I. V. Prazdnik kak fenomen kul'tury v kontekste celostnogo podhoda : avtoref. dis. ... kand. filos. nauk. Tomsk, 2006.

Kolonic'kij B. I. Simvol'y vlasti i bor'ba za vlast'. K izucheniyu politicheskoy kul'tury Rossijskoj revolyucii 1917 goda. SPb., 2001.

Kupcova I. V. Hudozhestvennaya zhizn' Moskvy i Petrograda v gody Pervoj mirovoj vojny. SPb. : Nestor, 2004.

Lapshin V. P. Hudozhestvennaya zhizn' Moskvy i Petrograda v 1917 godu. М., 1983.

Lebedeva V. G. Sud'by massovoj kul'tury v Rossii. Vtoraya polovina XIX — pervaya tret' XX veka. SPb. : Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2007.

Mihajlyuk A. Karnaval i revolyuciya [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://doxa.onu.edu.ua/Doxa7/211-220.pdf> (data obrashcheniya: 15.03.2017).

Nemiro O. V. V gorod prishel prazdnik. Iz istorii hudozhestvennogo oformleniya sovetskih massovyh prazdnestv. L., 1973.

Nemiro O. V. Prazdnichnyj gorod. L., 1987. S. 60.

Rol'f M. Sovetskie massovye prazdniki. M., 2009.

SHeLaeva N. V. Formirovanie obraza sovetskoj vlasti v rossijskom obshchestve v 1917–1920-e gody: sociokul'turnyj aspekt : dis... d-ra ist. nauk. Saratov, 2014.

Cohen A. J. Imaging the unimaginable: World War, Modern Art and the Politics of Public Culture in Russia 1914–1917. Lincoln : University of Nebraskapress, 2008.

Сведения об авторе

Купцова Ирина Валентиновна — д-р ист. наук, профессор, МГУ им. М. В. Ломоносова

Kuptsova Irina Valentinovna — PhD, Professor, Moscow State University (Lomonosov)

e-mail: ivkuptsova@mail.ru

УДК 94(47)

Е. А. Лысенко. Споры вокруг перспектив Революции и раскол сменовеховства (По материалам архива Н. В. Устрялова в Национальной библиотеке Чешской Республики)

Аннотация: Статья посвящена эволюции взглядов представителей сменовеховского течения русской эмиграции «первой волны». На основе анализа переписки европейских сменовеховцев Ю. В. Ключникова, А. Б. Бобрищева-Пушкина, национал-большевика Н. В. Устрялова и других выявлены причины идейного раскола сменовеховства. Возникнув в 1921 г. после выхода в свет политико-философского сборника «Смена вех», данное направление общественной мысли русской эмиграции пропагандировало среди русских беженцев идею о необходимости сотрудничества эмигрантской интеллигенции с советской властью во имя возрождения «великой России», которая была уничтожена Революцией. При этом, судя по разногласиям, возникшим внутри течения в первый же год его существования, представители сменовеховства по-разному понимали и характер сотрудничества с Советами, и перспективы революционного процесса, начавшегося в 1917 г. Европейские сменовеховцы увлеклись идеями мировой революции, мечтали о России, идущей в авангарде этого процесса. Правое же (харбинское) крыло сменовеховства в лице Н. В. Устрялова видело перспективы Русской революции и будущее своей родины иначе. По мнению Н. В. Устрялова, революция не может быть мировой. Период ее жизни — 30–40 лет. Революция ведет к созданию новой страны — демократической республики, отстаивающей свои национальные интересы, основанной на законах рыночной экономики, а не на идеях социализма и интернационализма. Эти кардинальные разногласия внутри течения привели к его скорой гибели. Европейское сменовеховство, пойдя по пути сотрудничества с советскими спецслужбами и получая от них финансирование, полностью отошло от своей базовой идеи, заложенной в 1921 г.: «использование большевизма в национальных целях». Тактическое примирение с большевиками бывших «белых» привело к полному подчинению их «красным». Все сменовеховцы, кроме самого Н. В. Устрялова, уже в 1920-е гг. пошли по пути апологетики большевизма и идей мировой революции. Это привело к гибели сменовеховства в тот момент, когда идеи, изложенные в частной переписке, вышли на страницы газет и журналов.

Ключевые слова: Революция 1917; сменовеховство; национал-большевизм; эволюция большевизма; эмиграция «первой волны».

E. A. Lysenko. Disputes about the prospects of the revolution and the split of the Smenovekhovstvo (of N. V. Ustryalov's archive in the National Library of the Czech Republic)

Abstract: The article is devoted to evolution of the views of representatives of the Smenovekhovstvo political movement of «the first wave» of Russian emigration. The reasons of the ideological split are revealed on the basis of the correspondence of the representatives of the European Smenovekhovstvo (J. V. Klyuchnikov, A. B. Bobrishev-Pushkin and others) and National-Bolshevik N. V. Ustryalov. Emerged in the year 1921, shortly after the publication of political-philosophical magazine «Smena Vekh» («Change of Signposts»), this trend of public opinion of Russian emigration promoted between Russian refugees the mind of indispensability of the cooperation between emigre intellectuals and the Soviet government in order to restore the «Great Russia», destroyed by revolution. Meanwhile, taking into consideration the controversies arrived inside this political movement in the very first year from its foundation, the representatives of Smenovekhovstvo had too different viewpoints to the strategy of cooperation with Soviet government and to prospects of the revolution of 1917. European representatives of Smenovekhovstvo got involved to the ideas of the worldwide revolution. They dreamed about Russia walking in the forefront of this global process. And the right wing of Smenovekhovstvo (Harbin wing) and personally N. V. Ustryalov, had a very different viewpoint to Russian revolution and to the future of their Motherland. Ustryalov was sure that revolution is unable to become worldwide. Its period of existence is limited by 30–40 years. The result of any revolution is the formation of the new state — democratic Republic that defends its national interests, which is based on the laws of Market and have nothing to do with the ideas of socialism and internationalism.

These fundamental contradictions inside the political movement rapidly caused its disintegration. European Smenovekhovstvo began to cooperate with Soviet secret services and to obtain financing from them and therefore refused from their base idea formulated in 1921 — the idea of «using Bolshevism in national purposes». Tactical reconciliation of ex-«Whites» with Bolsheviks led to the fully domination of the «Reds».

Almost all representatives of Smenovekhovstvo, besides N. V. Ustryalov, picked the way of apologetics of Bolshevism and worldwide revolution. The ideas, previously outlined in private correspondence, became public through magazines and newspapers and that became the beginning of the end of Smenovekhovstvo movement.

Keywords: smenovekhovstvo; National-Bolshevism; emigration of «the first wave»; Revolution of 1917; the evolution of Bolshevism.

Библиография

Струве П. Историко-политические заметки о современности // Русская мысль. 1921. № 5/6. С. 215–222.

Устрялов Н. В. К вопросу о русском империализме // Проблемы Великой России. 1916. № 15. С. 1–5.

Bibliografiya

Struve P. Istoriko-politicheskie zametki o sovremennosti // Russkaya mysl'. 1921. N 5/6. S. 215–222.

Ustryalov N. V. K voprosu o russkom imperializme // Problemy Velikoj Rossii. 1916. N 15. S. 1–5.

Сведения об авторе

Лысенко Елена Анатольевна — канд. ист. наук, заведующая экскурсионным отделом, Государственный музей политической истории России (ГМПИР)

Lysenko Elena Anatolyevna — PhD in history, The Museum of political history of Russia, Head of excursion department

e-mail: 1917kniga@gmail.com

УДК 769.5

Н. А. Мозохина. Петроградские издатели и издательства художественной открытки в 1917 г.

Аннотация: К началу 1917 г. выпуск художественной открытки в России почти остановился и подошел к тому уровню, который был в конце 1890-х г., т. е. в момент первых опытов отечественных издателей в этой области. Но в отличие от ситуации 20-летней давности в России конца 1910-х гг. сформировались специализированные издательства открыток, а также появился ряд предпринимателей, которые занимались выпуском и распространением открытых писем. Резкое изменение политического курса не могло не отразиться на сюжетах открыток и, что более важно, на издательской политике, и этот процесс в разных издательствах протекал по-разному. Особый интерес в этом отношении представляют оригинальные открытки, связанные с заказом художникам определенных тем и сюжетов. Процесс их издания был более длительным, чем фотографических открыток, которые в 1917 г. служили своего рода визуальным комментарием к новостным газетам. Поэтому они отражают не только настроения художественной среды, но и политическую позицию своих издателей, которые фактически разделились на три большие группы: тех, кто старался не замечать изменений и продолжал намеченную линию изданий, тех, кто помнил о прошлом, но и отдавал дань современному, и тех, кто активно пропагандировал своими изданиями новый мир. В статье на основе архивных документов рассматривается деятельность таких издательств, как Община св. Евгении, Любанское общество попечения о бедных, Георгиевский и Скобелевский комитеты, а также частных издательств и издателей.

Ключевые слова: открытка; издательство; 1917 год; Февральская революция; художник; фотография; Община св. Евгении; Любанское общество попечения о бедных; Георгиевский комитет; Скобелевский комитет; Петроградский областной комитет Всероссийского союза городов; Заем Свободы.

N. A. Mozokhina. Petrograd publishers and publishing houses of an art postcards in 1917

Abstract: By the beginning of 1917 release of an art postcards in Russia almost stopped and approached that level which was at the end of the 1890th years, that is at the time of the first experiences of domestic publishers in this area. But unlike a situation of 20 years ago, in Russia

of the end of the 1910th years specialized publishing houses of postcards were created, and also there was a number of businessmen who were engaged in their release and distribution. Sharp change of a political policy couldn't but be reflected in plots of postcards, and that is more important, on publishing policy, and this process in different publishing houses proceeded differently. In this regard the original art postcards connected with the order of artists of the defined subjects and plots are of special interest. Process of their edition was longer, than photographic cards which in 1917 served as some kind of visual comment to news in newspapers. Therefore they reflect not only moods of the art environment, but also a political position of the publishers who were actually divided into three big groups: those who tried not to notice changes and continued the planned line of editions, those who remembered the past, but also paid a tribute to modern world, and those who actively propagandized by their editions the new world. In article on the basis of archival documents activity of such publishing houses as St. Evgenia's Community, Lyubansky society of care about poor, of St. George and Skobelevsky committees, and also private publishing houses and publishers is considered.

Keywords: a card; publishing house; 1917; February revolution; the artist; the photo; St. Evgenia's Community; Lyubansky society of care about poor; Committee of St. George; Skobelevsky committee; Petrograd regional committee of the All-Russian union of the cities; Freedom loan.

Библиография

Гордезиани Б. И. А. Шарлемань: Художник / пер. с груз. Г. Доли-Гордезиани Б. И. А. Шарлемань. Тбилиси : Изд-во Союза писателей Грузии «Заря Востока», 1958.

Забочень М. С. Иллюстрированная хроника первого дня революции // Филателия СССР. 1975. № 4.

Забочень М. С. Филокартия : краткое пособие-справочник. М. : Связь, 1973.

Мозохина Н. А. Последние открытки императорской России // Мир музея. 2017. № 2 (354).

Нацокина М. В. Художественная открытка русского модерна. М. : Жираф, 2004.

Отчет деятельности состоящего под Высочайшим покровительством Его Императорского Величества Государя Императора Скобелевского комитета для выдачи пособий потерявшим на войне способность к труду воинам состоящего при Императорской Николаевской Военной Академии за 1913 год. СПб., 1914.

Отчет Любанского Общества Попечения о бедных за 1914 год. Пг. : Невская типография, 1916.

Петербург — Петроград — Ленинград : в 6 т. Т. 5. Петроград, 1917–1924 годы: альбом-кат. фотооткрыток, 1895–1945 годы / авт. текстов: С. Н. Полтораки, В. П. Третьяков. СПб. : Сад искусств Галерея Третьякова, 2016.

Сидоров А. А. Русская графика начала XX века. Очерки истории и теории. М.: Искусство, 1969.

Состоящее под Августейшим Покровительством Его Императорского Высочества Великого Князя Александра Михайловича Любанское Общество попечения о бедных. Отчет Любанского Общества попечения о бедных за 1916 год. Пг. : Тип. Акционерного О-ва «Брокгауз-Ефрон», 1916.

Страхов В. В. Из истории «Займа Свободы» Временного правительства // Вестник Рязанского гос. ун-та им. С. А. Есенина. 2006. № 1.

Тагрин Н. С. Мир в открытке. М. : Изобразительное искусство, 1978.

Толмачев А. Л., Цуканов П. Д. «Век Любани». СПб. : Лига Плюс, 2001.

Третьяков В. П. Открытые письма Серебряного века. СПб. : Славия, 2000.

Третьяков В. П. Первые советские. Первые антисоветские // ЖУК. 2015. № 30.

Устав состоящего под Высочайшим Его Императорского Величества покровительством Скобелевского комитета при Императорской Николаевской военной академии. Пг. : Тип. Имп. Ник. Воен. Акад., 1916.

Файнштейн Э. Б. Дорогие реликвии // Филателия СССР. 1975. № 6.

Чорбачиди С. А. Благотворительные открытки Скобелевского комитета // ЖУК. 2014. № 2 (29).

Bibliografiya

Gordeziani B. I. A. SHarleman'. Tbilisi : Izd-vo Soyuza pisatelej Gruzii «Zarya Vostoka», 1958.

Zabochen' M. S. Ilyustrirovannaya hronika pervogo dnya revolyucii // Filateliya SSSR. 1975. N 4.

Zabochen' M. S. Filokartiya : kratkoe posobie-spravochnik. M. : Svyaz', 1973.

Mozohina N. A. Poslednie otkrytki imperatorskoj Rossii // Mir muzeya. 2017. N 2 (354).

Nashchokina M. V. Hudozhestvennaya otkrytka russkogo moderna. M. : ZHiraf, 2004.

Отчет деятельности состоявшегося под Высочайшим покровительством Его Императорского Величества Государя Императора

Skobelevskogo komiteta dlya vydachi posobij poteryavshim na vojne sposobnost' k trudu voenam sostoyashchego pri Imperatorskoj Nikolaevskoj Voennoj Akademii za 1913 god. SPb., 1914.

Otchet Lyubanskogo Obshchestva Popечeniya o bednyh za 1914 god. Pg. : Nevskaya tipografiya, 1916.

Peterburg — Petrograd — Leningrad : v 6 t. T. 5. Petrograd, 1917–1924 gody : al'bom-kat. fotootkrytok, 1895–1945 gody / avt. tekstov: S. N. Poltorak, V. P. Tret'yakov. SPb. : Sad iskusstv Galereya Tret'yakova, 2016.

Sidorov A. A. Russkaya grafika nachala HKH veka. Oчерki istorii i teorii. M. : Iskusstvo, 1969.

Sostoyashchee pod Avgustejskim Pokrovitel'stvom Ego Imperatorskogo Vysochestva Velikogo Knyazya Aleksandra Mihajlovicha Lyubanskoe Obshchestvo popечeniya o bednyh. Otchet Lyubanskogo Obshchestva popечeniya o bednyh za 1916 god. Pg. : Tip. Akcionernogo O-va «Brokgauz-Efron», 1916.

Strahov V. V. Iz istorii «Zajma Svobody» Vremennogo pravitel'stva // Vestnik Ryazanskogo gos. un-ta im. S. A. Esenina. 2006. N 1.

Tagrin N. S. Mir v otkrytke. M. : Izobrazitel'noe iskusstvo, 1978.

Tolmachev A. L., Cukanov P. D. «Vek Lyubani». SPb. : Liga Plyus, 2001.

Tret'yakov V. P. Otkrytye pis'ma Serebryanogo veka. SPb. : Slaviya, 2000.

Tret'yakov V. P. Pervye sovetskie. Pervye antisovetskie // ZHUK. 2015. N 30.

Ustav sostoyashchego pod Vysochajshim Ego Imperatorskogo Velichestva pokrovitel'stvom Skobelevskogo komiteta pri Imperatorskoj Nikolaevskoj voennoj akademii. Pg. : Tip. Imp. Nik. Voen. Akad., 1916.

Fajnshtejn E.H. B. Dorogie relikvii // Filateliya SSSR. 1975. N 6.

CHorbachidi S. A. Blagotvoritel'nye otkrytki Skobelevskogo komiteta // ZHUK. 2014. N 2 (29).

Сведения об авторе

Мозохина Наталья Александровна — канд.искусствоведения, заведующий сектором учета музейных предметов постоянного хранения отдела учета музейных ценностей, Государственный Русский музей

Mozokhina Natalya Alexandrovna — candidate of art criticism, head of sector of the registration of museum works of art of continuous storage, department of the registration of museum values, State Russian Museum
e-mail: natalymoz@mail.ru

УДК 94(47).084.3

А. Б. Николаев. Двоевластие в политической системе революционной России (1917 г.)

Аннотация: В трудах современных ученых вопрос о политической системе России в 1917 г. даже не был поставлен. Авторы в первую очередь рассуждают о том, какая государственная система существовала в революционной России. По этому вопросу сложился консенсус, суть которого состоит в признании того, что в России тогда существовало переходное государство (государственная система переходного типа). Естественно, что исследователи останавливают свое внимание и на двоевластии; причем одни из них рассматривают двоевластие как политический режим России в 1917 г., другие сомневаются в самом факте его существовании. Естественно, что «двоевластие» существовало/ не существовало как бы отдельно от политической системы, которую практически никто и не изучал. В статье доказывается, что в решающие дни Февральской революции двоевластие существовало. Речь идет о власти императора Николая II и думско-советской власти. Кроме того, дается характеристика третьемартовской политической системы, которая имела следующие черты: 1) признание в качестве источников власти Временного правительства Государственной думы в лице ее Временного комитета и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов в лице его Исполкома; 2) существование условно безответственного Временного правительства; 3) конституционная монархия с парламентским строем; 4) решение вопроса о государственном устройстве Учредительным собранием (принцип непредрешиения); 5) реализация в апреле 1917 г. формулы власти, согласно которой верховная власть вплоть до созыва Учредительного собрания должна принадлежать Временному комитету Государственной думы при одновременном действии двух законодательных палат (Государственной думы и Государственного совета) и ответственного министерства. Подчеркивается, что Временная власть, вышедшая из Февраля 1917 г., была единой, а двоевластия не существовало.

Ключевые слова: Февральская революция 1917 г.; двоевластие; третьемартовская политическая система; М. В. Родзянко; А. Ф. Керенский; князь Г. Е. Львов.

A. B. Nikolaev. Dual power in the political system of the revolutionary Russia (1917)

Abstract: Modern scholars don't pay attention in their works to the question of political system in 1917. First of all they are truin to understand what state system was created after February revolution. There is a consensus on this issue that there in Russia there was a transitional state (a state system of a transitional type). Naturally, the researchers also pay their attention to the dual power. And it is necessary to tell that some of them are arguing that dual power was political regime in Russia in 1917, others are douting the fact of its existence. It is obviously that dual power existed / didn't exist far from political system which was mostle overlooked by historians. This article is attempt to say that the dual power existed during the February revolution. It was the power of Nicolas II and Duma-Soviet authority. Also the article considers the characteristic of the 3rd March political system which had the following lineaments: 1) recognition of the the State Duma and its Temporary Committee and the Petrograd Soviet as the powerbroker of the Provisional Government; 2) existence of a conditionally irresponsible Provisional Government; 3) the constitutional monarchy with a parliamentary system; 4) the solution of the issue of state organization which should be resolved by the Constituent Assembly (the principle of *nepredreshenie*); 5) the implementation of the formula of power according to which the supreme authority, up to the convocation of the Constituent Assembly, should belong to the Temporary Committee of the State Duma with the real activity of two legislative chambers (State Duma and State Council) in April 1917 and tre realization of the idea of the responsible ministry. The aims of the article are to establish that the Provisional Authority whcih was created in the February days was unified, and there was no dual power.

Keywords: February Revolution of 1917; dual power; 3rd March political system; M. V. Rodzianko; A. F. Kerenskii; Prince G. E. L'vov.

Библиография

Бегешева Н. Ж. К вопросу о периодизации переходного государства в период Февральской революции 1917 года // Вектор науки ТГУ. 2009. № 2 (5). С. 15–18.

Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте : мемуары. М., 1993.

Климов И. П. К вопросу о двоевластии в России после Февральской революции // Академический вестник. 2009. № 2.

Коваленко Н. А. «Двоевластие» в России в 1917 году: новые подходы и взгляды // Научный вестник МГТУ ГА. Сер. История, философия, социология. 2007. № 113. С. 19–23.

Коваленко Н. А. 1917 год: новые подходы и взгляды. М., 2001.

Ксюнин А. И. Предисловие // Родзянко М. В. Крушение империи и Государственная дума и февральская 1917 года революция. М., 2002.

Маклаков В. А. Воспоминания : лидер московских кадетов о русской политике, 1880–1917. М., 2006.

Милуков П. Н. Воспоминания. М., 1990. Т. 2.

Российское законодательство X–XX веков / отв. ред. О. И. Чистяков. М., 1994. Т. 9.

Старцев В. И. Внутренняя политика Временного правительства первого состава. Л., 1980.

Старцев В. И. Передача власти от Николая II Временному правительству (юридическая сторона) // Политическая история России первой четверти XX в.: Памяти профессора Виталия Ивановича Старцева. СПб., 2006.

Февральская революция 1917 года : сб. документов и материалов. М., 1996.

Bibliografiya

Begisheva N. ZH. K voprosu o periodizacii perekhodnogo gosudarstva v period Fevral'skoj revolyucii 1917 goda // Vektor nauki TGU. 2009. N 2 (5). S. 15–18.

Kerenskij A. F. Rossiya na istoricheskom povorote : memuary. M., 1993.

Klimov I. P. K voprosu o dvoevlastii v Rossii posle Fevral'skoj revolyucii // Akademicheskij vestnik. 2009. N 2.

Kovalenko N. A. «Dvoevlastie» v Rossii v 1917 godu: novye podhody i vzglyady // Nauchnyj vestnik MGTU GA. Ser. Istoriya, filosiya, sociologiya. 2007. N 113. S. 19–23.

Kovalenko N. A. 1917 god: novye podhody i vzglyady. M., 2001.

Ksyunin A. I. Predislovie // Rodzyanko M. V. Krushenie imperii i Gosudarstvennaya дума i fevral'skaya 1917 goda revolyuciya. M., 2002.

Maklakov V. A. Vospominaniya : lider moskovskih kadetov o russkoj politike, 1880–1917. M., 2006.

Milyukov P. N. Vospominaniya. M., 1990. T. 2.

Rossijskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov / отв. ред. О. И. Чистяков. М., 1994. Т. 9.

Starcev V. I. Vnutrennyaya politika Vremennogo pravitel'stva perвого состава. L., 1980.

Starcev V. I. Peredacha vlasti ot Nikolaya II Vremennomu pravitel'stvu (yuridicheskaya storona) // Politicheskaya istoriya Rossii pervoj chetverti XX v.: Pamyati professora Vitaliya Ivanovicha Starceva. SPb., 2006.

Fevral'skaya revolyuciya 1917 goda : sb. dokumentov i materialov. М., 1996.

Сведения об авторе

Николаев Андрей Борисович — д-р ист. наук, профессор, заведующий кафедрой русской истории, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена

Nikolaev Andrei Borisovich — Doctor of Historical sciences, professor, Chair of the Department of Russian History, The Russian State Pedagogical University, named for A. I. Herzen

e-mail: abn_mbox@mail.ru

УДК 94(47).084.5

П. В. Петров. Создание дополнительной экспозиции «Крах самодержавия» на Нижней даче Николая II в Петергофе в 1920-е гг.

Аннотация: В статье говорится об опыте создания первой в Советском Союзе дополнительной (или тематической) музейной экспозиции. Данная работа была осуществлена в Нижней даче бывшего императора Николая II в парке Александрия в Петергофе в 1925–1927 гг. Метод дополнительной экспозиции был разработан талантливыми научными сотрудниками Петергофских дворцов-музеев А. В. Шеманским и С. С. Гейченко. Примененный ими метод дополнительной экспозиции позволял наполнить дворцовые интерьеры историко-политическим содержанием, что стало «новым словом» в музейной практике. С этой целью в помещениях дворца устанавливались стенды с историческими документами, фотографиями, листовками и другими материалами, подобранными в соответствии с характером помещения. Подбор и направленность исторических материалов в экспозиции отражали советскую идеологию того времени и определялись требованиями марксистской исторической школы М. Н. Покровского. Экспозиция в Нижнем дворце открылась в июне 1927 г. и в дальнейшем была дополнена бывшими вагонами поезда Николая II, также установленными в парке Александрия Петергофа. Опыт данной экспозиции оказался удачным и был успешно применен в других пригородных дворцах-музеях Ленинграда в 1920-х — первой половине 1930-х гг. Однако экспозиция Нижнего дворца не сохранилась, поскольку в 1936 г. музей был закрыт, а в годы Великой Отечественной войны разрушен. В последние годы начата работа по проработке вопроса воссоздания и реконструкции здания бывшей Нижней дачи в целях создания там музея.

Ключевые слова: Нижняя дача; музей; экспозиция; метод; стенд; документы; парк Александрия; научный сотрудник; воссоздание.

P. V. Petrov. Creation of an additional exposition «The Collapse of the Autocracy» at the Lower palace of Nicholas II in Peterhof in the 1920s

Abstract: The article talks about the experience of creating the first additional (or thematic) museum exposition in the Soviet Union. This work was carried out in the Lower Palace of the former emperor Nich-

olas II in the park Alexandria in Peterhof in 1925–1927. The method of additional exposition was developed by the talented researchers of the Peterhof Palaces-Museums A. V. Shemansky and S. S. Geychenko. The method of additional exposition used by them allowed to fill the palace interiors with historical and political content, which became a «new word» in museum practice. For this purpose, stands with historical documents, photographs, leaflets and other materials selected in accordance with the character of the premises were installed in the premises of the palace. The selection and orientation of historical materials in the exposition reflected the Soviet ideology of that time and was determined by the requirements of the marxist historical school of M. N. Pokrovsky. The exposition in the Lower Palace was opened in June 1927 and was later supplemented by former carriages of the train of Nicholas II, also installed in the park of Alexandria Peterhof. The experience of this exhibition turned out to be successful and was successfully applied in other suburban museum palaces of Leningrad in the 1920s and the first half of the 1930s. However, the exposition of the Lower Palace was not preserved, since in 1936 the museum was closed, and during the Great Patriotic War it was destroyed. In recent years, work has begun to study the issue of recreating and reconstructing the building of the former Lower palace, with the aim of creating a museum there.

Keywords: Lower palace; museum; exposition; method; stand; documents; park Alexandria; researcher; recreation.

Библиография

Ананьев В. Г. Институт истории искусств и пригородные дворцы-музеи в 1920-е годы // Вестник С.-Петерб. ун-та. Сер. 2. История. 2014. Вып. 3. С. 128–144.

Белов А. А. Из истории создания музея в Большом Петергофском дворце // Памятник архитектуры — от дворца к музею : сб. статей по материалам науч.-практ. конф. ГМЗ «Петергоф». (Проблемы сохранения культурного наследия. XXI век. III). СПб., 2013. С. 226–237

Бондарев С. В. Довоенный Петергоф: Музейная миссия и государственная идеология // Вестник С.-Петерб. ун-та. Сер. 2. История. 2016. Вып. 4. С. 124–141.

Вагоны бывшего царского поезда в Александрии. Л. : Управление Дворцами и парками Ленсовета, 1935.

Фёдоров-Давыдов А. А. Экспозиция художественных музеев // Труды Первого Всероссийского музейного съезда. М., 1930. С. 7–82.

Шеманский А. В. Целевые установки пригородных дворцов-музеев // Советский музей. 1935. № 3, май–июнь. С. 38–47.

Шеманский А., Гейченко С. Экспозиция дворцов-музеев. Петергоф : Управление Петергофских музеев, 1929.

Шмит Ф. И. Музейное дело. Вопросы экспозиции. Л. : Academia, 1929.

Ярославцева Е. Семен Степанович Гейченко — хранитель дворцов-музеев Петергофа // Михайловская Пушкиниана. Вып. 60 : Материалы XVI Февральских чтений памяти С. С. Гейченко «Хранители» (14–16 февр. 2013 г.) : сб. статей. Сельцо Михайловское, 2013. С. 15–24.

Bibliografiya

Anan'ev V. G. Institut istorii iskusstv i prigorodnye dvorcy-muzei v 1920-e gody // Vestnik S.-Peterb. un-ta. Ser. 2. Istoriya. 2014. Vyp. 3. S. 128–144.

Belov A. A. Iz istorii sozdaniya muzeya v Bol'shom Petergofskom dvorce // Pamyatnik arhitektury — ot dvorca k muzeyu : sb. statej po materialam nauch.-prakt. konf. GMZ «Petergof». (Problemy sohraneniya kul'turnogo naslediya. XXI vek. III). SPb., 2013. S. 226–237

Bondarev S. V. Dovoennyj Petergof: Muzejnaya missiya i gosudarstvennaya ideologiya // Vestnik S.-Peterb. un-ta. Ser. 2. Istoriya. 2016. Vyp. 4. S. 124–141.

Vagony byvshego carskogo poezda v Aleksandrii. L. : Upravlenie Dvorcami i parkami Lensoвета, 1935.

Fedorov-Davydov A. A. EHkspoziciya hudozhestvennyh muzeev // Trudy Pervogo Vserossijskogo muzejnogo s'ezda. M., 1930. S. 7–82.

SHemanskij A. V. Celevye ustanovki prigorodnyh dvorcov-muzeev // Sovetskij muzej. 1935. N 3, maj–iyun'. S. 38–47.

SHemanskij A., Gejchenko S. EHkspoziciya dvorcov-muzeev. Petergof : Upravlenie Petergofskih muzeev, 1929.

SHmit F. I. Muzejnoe delo. Voprosy ehkspozicii. L. : Academia, 1929.

Yaroslavceva E. Semen Stepanovich Gejchenko — hranitel' dvorcov-muzeev Petergofa // Mihajlovskaya Pushkiniana. Vyp. 60 : Materialy XVI Fevral'skih chtenij pamyati S. S. Gejchenko «Hraniteli» (14–16 fevr. 2013 g.) : sb. statej. Sel'co Mihajlovskoe, 2013. S. 15–24.

Сведения об авторе

Петров Павел Владимирович — д-р ист. наук, заведующий отделом музейных исследований, Государственный музей-заповедник «Петергоф»

Petrov Pavel Vladimirovitch — Doctor of Historical Sciences, head of the museum research department, the State Museum-Reserve «Peterhof»

e-mail: kbf1939@rambler.ru

УДК 94(47).084.3

И. П. Петухов. Между большевиками и меньшевиками: «независимые» социал-демократы-интернационалисты в революционном Петрограде (1917–1919 гг.)

Аннотация: В статье рассматривается процесс идейного и организационного самоопределения российских социал-демократов интернационалистских взглядов, которые организационно не были связаны с большевиками или меньшевиками. Упрощенное представление о том, что российская социал-демократия четко делилась на большевиков и меньшевиков, не отражает действительности в силу накопившейся к 1917 г. в ее рядах организационной раздробленности. Перечислены все основные группы и организации «независимых» социал-демократов-интернационалистов, действовавшие в Петрограде после Февральской революции: внефракционные социал-демократы, Межрайонная организация объединенных социал-демократов («межрайонцы»), группа газеты «Новая жизнь», группа «Свободный труд», Центральное бюро организации объединенных интернационалистов РСДРП, Центральный комитет (январь–март 1918 г.) и Петроградская организация РСДРП (интернационалистов). Несомненно интересна роль, которую сыграли в ходе Революции представители этого политического течения (внефракционные социал-демократы сыграли непропорционально большую для своей численности роль в руководстве Петроградского Совета в первые недели после Февраля, а небольшая литературная группа во главе с Максимом Горьким издавала одну из наиболее известных газет революционного периода — «Новую жизнь»), и их выбор присоединения или неприсоединения к большевикам или меньшевикам. Отмечается специфика Петрограда — ускоренная радикализация наиболее массовой «независимой» социал-демократической организации («межрайонцев») и ее объединения с большевиками летом 1917 г. Особое внимание уделено предпринятой в конце 1917 — начале 1918 г. попытке создания самостоятельной левоцентристской социал-демократической партии — РСДРП (интернационалистов). Отмечается ведущая роль петроградских «независимых» социал-демократов-интернационалистов в ее создании. Впервые предпринимается попытка определения численности петроградской организации этой партии, ее социальной базы, политических позиций и деятельности в 1918 г., распределения активистов по районам города.

Ключевые слова: Революция; РСДРП; большевики; меньшевики; «Новая жизнь»; социал-демократы-интернационалисты; РСДРП (интернационалистов); Петроград; левые социалисты; 1917–1919 гг.

I. P. Petukhov. Between Bolsheviks and Mensheviks: «independent» Social Democrats-Internationalists in revolutionary Petrograd (1917–1919)

Abstract: The article examines the process of ideological and organizational self-determination of Russian Social Democrats — exponents of internationalism, structurally not affiliated to neither Bolsheviks nor Mensheviks. The docile idea that Russian Social-Democracy was clearly divided into Bolsheviks and Mensheviks does not reflect reality due to the organizational fragmentation among its ranks gained by 1917. Given article deals with all the main groups and organizations of «independent» Social Democrats-Internationalists operating in Petrograd after the February Revolution: non-factional Social Democrats, the Inter-District Organization of the United Social Democrats («mezhrayontsy»), the newspaper «Novaya Zhizn», the group «Svobodny Trud», Central Bureau of the United Internationalists of the RSDLP, the Central Committee (January–March 1918) and the Petrograd organization of the RSDLP (Internationalists). Of particular interest is the part played by proponents of this political current during the revolution (non-factional Social Democrats were distinct with a disproportionately considerable role in the Petrograd Soviet leadership during first weeks after the February Revolution, and a small literary group led by Maxim Gorky published one of the epoch's most distinguished newspapers — «Novaya Zhizn»), and their choice to either join or not Bolsheviks or Mensheviks. The specific features of Petrograd are marked — the radicalization of the most popular «independent» Social-Democratic organization («mezhrayontsy») and its liaison with Bolsheviks in the summer of 1917. Special attention is paid to the attempt of establishing an independent left-centrist Social-Democratic Party — the RSDLP (Internationalists) at the end of 1917 — the beginning of 1918. The leading role of Petrograd's «independent» Social Democrats-Internationalists in the endeavor is noted. For the first time in the body of literature it is being undertaken to determine the number of the Petrograd organization of this party, its social base, political views and activities in 1918, dispersion of activists in the city districts.

Keywords: Revolution; RSDLP; Bolsheviks; Mensheviks; «Novaya Zhizn»; Social-Democrats-Internationalists; RSDLP (Internationalists); Petrograd; Left Socialists; 1917–1919.

Библиография

Галили З. Лидеры меньшевиков в русской революции. Социальные реалии и политическая стратегия. М., 1993.

Галили З., Ненароков А. Демократические иллюзии в период наивысшего обострения общенационального кризиса. Смена партийного курса. Первая декада октября — конец декабря // Меньшевики в 1917 году. Т. 3, ч. 2. С. 59–121.

Грубов В. И. Пасынки Октября: умеренная социалистическая оппозиция большевизму в центральных органах власти Советской России (октябрь 1917 г. — июль 1918 г.). М., 2007.

Дойчер И. Троцкий. Вооруженный пророк, 1879–1921 гг. М., 2006.

Коростелев С. Г. Журнал «Летопись» (1915–1917) и газета «Новая жизнь» (1917–1918) в историко-культурном контексте. СПб., 2015.

Кутцов А. В. Идеино-политическое и организационное банкротство центристских организаций в период гражданской войны // Борьба Коммунистической партии против правого и «левого» оппортунизма (1909–1930). Калинин, 1978. С. 54–92.

Кутцов А. В. Межрайонная организация объединенных социал-демократов 1913–1917 гг. // Банкротство мелкобуржуазных партий России 1917–1922 гг. М., 1977. Ч. 2. С. 28–36.

Ланде Л. С. Состояние партийной организации к моменту Октябрьского переворота // Меньшевики в революции : статьи и воспоминания социал-демократических деятелей. М., 2016. С. 234–255.

Ларионова И. Л. Московская объединенная организация РСДРП и процессы политического структурирования российской социал-демократии (март 1917–январь 1918). М., 2007.

Ларионова И. Л. Московская объединенная организация РСДРП и идеино-политическое размежевание в рядах российской социал-демократии (март 1917 — январь 1918 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1997.

Меньшевики в 1917 году : в 3 т. Т. 1 : Меньшевики в 1917 году: от января до июльских событий. М. : Прогресс-Академия, 1994.

Меньшевики в 1917 году : в 3 т. Т. 2 : Меньшевики в 1917 году: от июльских событий до корниловского мятежа. М. : Прогресс-Академия, РОССПЭН, 1995.

Меньшевики в 1917 году : в 3 т. Т. 3 : Меньшевики в 1917 году: от корниловского мятежа до конца декабря, ч. 1 : Август — первая декада октября. М. : РОССПЭН, 1996.

Меньшевики в 1917 году : в 3 т. Т. 3 : Меньшевики в 1917 году: от корниловского мятежа до конца декабря, ч. 2 : От Временного Демократического Совета Российской Республики до конца декабря (первая декада октября — конец декабря). М. : РОССПЭН, 1997.

Никитин Е. Н. Горьковская газета «Новая жизнь» // М. Горький: уроки истории. Горьковские чтения 2014 года : материалы XXXVI Междунар. науч. конф. Н. Новгород, 2016.

Революционная мысль в России XIX — начала XX века : энциклопедия. М., 2013.

Совокин А. М. О партии социал-демократов интернационалистов // Вопросы истории КПСС. 1967. № 1. С. 77–87.

Старцев В. И. Революция и власть: Петроградский Совет и Временное правительство в марте–апреле 1917 г. М., 1978.

Суханов Н. Н. Записки о революции. М., 1992. Т. 3.

Токарев Ю. С. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в марте–апреле 1917 г. Л., 1976.

Фёдоров М. В. Редакторы «Известий Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов» в 1917 г. // Вестн. СПбГУ. Сер. 2. 2013. Вып. 4. С. 69–79.

Шестак Ю. И. Банкротство социал-демократов интернационалистов // Исторические записки. М., 1979. Т. 103. С. 107–141.

Bibliografiya

Galili Z. Lidery men'shevikov v russkoj revolyucii. Social'nye realii i politicheskaya strategiya. M., 1993.

Galili Z., Nenarokov A. Demokraticheskie illyuzii v period naivysshego obostreniya obshchenacional'nogo krizisa. Smena partijnogo kursa. Pervaya dekada oktyabrya — konec dekabrya // Men'sheviki v 1917 godu. T. 3, ch. 2. S. 59–121.

Grubov V. I. Pasyunki Oktyabrya: umerennaya socialisticheskaya opozitsiya bol'shevizmu v central'nyh organah vlasti Sovetskoj Rossii (oktyabr' 1917 g. – iyul' 1918 g.). M., 2007.

Dojcher I. Trockij. Vooruzhennyj prorok, 1879–1921 gg. M., 2006.

Korostelev S. G. Zhurnal «Letopis'» (1915–1917) i gazeta «Novaya zhizn'» (1917–1918) v istoriko-kul'turnom kontekste. SPb., 2015.

Kupcov A. V. Idejno-politicheskoe i organizacionnoe bankrotstvo centristskih organizacij v period grazhdanskoj vojny // Bor'ba Kommunisticheskoi partii protiv pravogo i «levogo» opportunizma (1909–1930). Kalinin, 1978. S. 54–92.

Kupcov A. V. Mezhrayonnaya organizaciya ob'edinennyh social-demokratov 1913–1917 gg. // Bankrotstvo melkoburzhuznyh partij Rossii 1917–1922 gg. M., 1977. CH. 2. S. 28–36.

Lande L. S. Sostoyanie partijnoj organizacii k momentu Oktyabr'skogo perevorota // Men'sheviki v revolyucii : stat'i i vospominaniya social-demokraticheskih deyatelej. M., 2016. S. 234–255.

Larionova I. L. Moskovskaya ob'edinennaya organizaciya RSDRP i processy politicheskogo strukturirovaniya rossijskoj social-demokratii (mart 1917 – yanvar' 1918). M., 2007.

Larionova I. L. Moskovskaya ob"edinennaya organizaciya RSDRP i idejno-politicheskoe razmezhevanie v ryadah rossijskoj social-demokratii (mart 1917 — yanvar' 1918 gg.) : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. M., 1997.

Men'sheviki v 1917 godu : v 3 t. T. 1 : Men'sheviki v 1917 godu: ot yanvarya do iyul'skih sobytij. M. : Progress-Akademiya, 1994.

Men'sheviki v 1917 godu : v 3 t. T. 2 : Men'sheviki v 1917 godu: ot iyul'skih sobytij do kornilovskogo myatezha. M. : Progress-Akademiya, ROSSPEHN, 1995.

Men'sheviki v 1917 godu : v 3 t. T. 3 : Men'sheviki v 1917 godu: ot kornilovskogo myatezha do konca dekabrya, ch. 1 : Avgust – pervaya dekada oktyabrya. M. : ROSSPEHN, 1996.

Men'sheviki v 1917 godu : v 3 t. T. 3 : Men'sheviki v 1917 godu: ot kornilovskogo myatezha do konca dekabrya, ch. 2 : Ot Vremennogo Demokraticeskogo Soveta Rossijskoj Respubliki do konca dekabrya (pervaya dekada oktyabrya – konec dekabrya). M. : ROSSPEHN, 1997.

Nikitin E. N. Gor'kovskaya gazeta «Novaya zhizn'» // M. Gor'kij: uroki istorii. Gor'kovskie chteniya 2014 goda : materialy XXXVI Mezhdunar. nauch. konf. N. Novgorod, 2016.

Revolucionnaya mysl' v Rossii XIX — nachala HKH veka : ehnciklopediya. M., 2013.

Sovokin A. M. O partii social-demokratov internacionalistov // Voprosy istorii KPSS. 1967. N 1. S. 77–87.

Starcev V. I. Revolyuciya i vlast': Petrogradskij Sovet i Vremennoe pravitel'stvo v marte–aprele 1917 g. M., 1978.

Suhanov N. N. Zapiski o revolyucii. M., 1992. T. 3. S. 71–72.

Tokarev YU. S. Petrogradskij Sovet rabochih i soldatskih deputatov v marte–aprele 1917 g. L., 1976.

Fedorov M. V. Redaktory «Izvestij Petrogradskogo Soveta rabochih i soldatskih deputatov» v 1917 g. // Vestn. SPbGU. Ser. 2. 2013. Vyp. 4. S. 69–79.

Shestak YU. I. Bankrotstvo social-demokratov internacionalistov // Istoricheskie zapiski. M., 1979. T. 103. S. 107–141.

Сведения об авторе

Петухов Иван Павлович — ст. науч. сотр., Государственный музей политической истории России

Petukhov Ivan Pavlovich — senior researcher, Department of research and exhibition The state Museum of political history of Russia
e-mail: ivanpet1007@mail.ru

УДК 94(47).084.3

О. С. Поршнева. Между Красными и Белыми: политические практики рабочих Урала в условиях гражданской войны

Аннотация: В современной историографии актуальной остается задача изучения региональной специфики участия российских рабочих в гражданской войне, результаты которого позволят более детально исследовать их роль в становлении большевистской политической системы.

Политические настроения и поведение рабочих Урала определялись восприятием реалий революции и гражданской войны, опытом переживания событий и участия в них. Значимую роль играли различия социального положения, облика и опыта различных категорий рабочих, влиявшие на их поведение, ментально-психологические реакции на события.

Анализ политических практик уральских рабочих в условиях гражданской войны позволяет констатировать отторжение рабочей массой политики большевиков в период их борьбы за утверждение у власти в первой половине 1918 г., что нашло наиболее яркое воплощение в повстанческих формах рабочего протеста — антибольшевистских восстаниях рабочих, получивших широкий размах на территории региона. Приход на Урал социокультурно чуждых белых правительств, неэффективных в решении насущных проблем и проводивших репрессии в отношении рабочих обусловили разочарование рабочей массы в белых. Однако некоторые категории рабочих, прежде всего квалифицированных, поддерживали небольшевистские правительства Урала на всем протяжении их существования. Большинство рабочих оставались в период гражданской войны беспартийными, политически пассивными, были озабочены выживанием.

В сфере общественного сознания рабочих одновременно действовали процессы мифологизации, роста утопического компонента и рационализации как реакции части рабочего социума на насилия и беззакония революционного времени. Большевизация сознания рабочих осуществлялась в процессе целенаправленной индоктринации, опиралась на традиционалистские установки менталитета, сопровождалась созданием новой символической системы, легитимирующей большевистскую революцию.

Ключевые слова: революция; гражданская война; Урал; рабочие; политические практики; Красные; Белые; большевики.

O. S. Porshneva. Between the Red and White: the political practices of the workers of the Urals in the conditions of civil war

Abstract: The task to study the regional specificity of the participation of Russian workers in the civil war remains topicality in modern historiography. The results of such researches will allow us to examine in details the workers' role in the formation of the Bolshevik political system.

The political moods and behavior of the workers of the Urals were determined by the perception of the realities of the Revolution and the Civil War, experience of their participating in events. Significant role played by differences in social status, physiognomy and experience of various categories of workers, influenced their behavior, mental-psychological reactions to events.

An analysis of the political practices of the Ural workers in the conditions of civil war makes it possible to state the rejection by the working masses of the policy of the Bolsheviks in the period of their struggle for establishing power in the first half of 1918, which was most vividly embodied in the rebel forms of workers' protest — the anti-Bolshevik uprisings of the workers, who received wide scope in the region. The arrival in the Urals of socioculturally alien White governments that were ineffective in solving pressing problems and carrying out repressions against workers caused the workers' disillusionment in the Whites. However, some categories of workers, primarily skilled, supported the non-Bolshevik governments of the Urals throughout their entire existence. Most of the workers remained non-partisan, politically passive during the civil war, were preoccupied with survival.

In the sphere of social consciousness of workers, the processes of mythologization, the growth of the utopian component co-existed with rationalization, as the reaction of a part of the working society to violence and lawlessness of revolutionary time. Bolshevisation of workers' consciousness was carried out in the process of purposeful indoctrination, based on traditionalist attitudes of mentality, accompanied by the creation of a new symbolic system that legitimizes the Bolshevik revolution.

Keywords: Revolution; Civil War; The Urals; Workers; Political practices; Red; White; Bolsheviks.

Библиография

Алеврас Н. Н. «Заперты мы на заводе»: локальный мир горнозаводской культуры дореволюционного Урала // Горизонты локальной истории Восточной Европы в XIX–XX веках : сб. ст. Челябинск, 2003. С. 59–69.

Были горы Высокой : рассказы рабочих Высокогорского железного рудника о старой и новой жизни. М., 1935.

Вебер М. И. Антибольшевистское повстанчество на Урале в годы Гражданской войны : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2014.

Гимпельсон Е. Г. Россия на переломе эпох. Осмысление XX столетия российской истории. М., 2006.

Гимпельсон Е. Г. Формирование советской политической системы. 1917–1923 гг. М., 1995.

Голдин В. Н. Поэзия гражданской войны в периодических изданиях Урала: 1917–1919 гг. Кн. 1. Екатеринбург, 2006.

Гражданская война на Урале в документах 3-й армии РККА : сб. док. Екатеринбург, 2008.

Каплюков В. В. Партийная борьба на Урале вокруг Учредительного собрания // Большевистские организации Урала в борьбе за победу социалистической революции. Свердловск, 1987. С. 22–36.

Ляхудзаев М. И. Левые эсеры в политической жизни Урала в 1917–1918 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2001.

Попов Н. Н. Советская историческая литература о борьбе уральских большевиков за солдатские массы в период подготовки и проведения Октябрьской революции // Большевистские организации Урала в период Октябрьской революции и гражданской войны (1917–1920 гг.). Свердловск, 1981. С. 42–50.

Посадский А. В. Уральское и Прикамское беженство в 1919 году // Гражданская война на Востоке России: Урал. Поволжье. Сибирь. Дальний Восток. Пермь, 2008. С. 225–227.

Постников С. П., Фельдман М. А. Социокультурный облик промышленных рабочих России в 1900–1941. М., 2009.

Рабочая революция на Урале. Эпизоды и факты. Екатеринбург, 1921.

Сергеева Е. Б. Большевики в политической борьбе на Урале (1917–1924) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1996.

«Скоро ли кончится эта проклятая война...» (из сводок отделения военной цензуры при I Трудовой армии о содержании писем, присланных красноармейцам) / публ. подгот. Е. И. Якова // Архивы Урала. 2009. № 13. С. 33–55.

Урал в гражданской войне / отв. ред. О. А. Васьковский. Свердловск, 1989.

Урал и Прикамье. Ноябрь 1917 — январь 1919 : документы и материалы. Париж, 1982.

Чураков Д. О. Революция, государство, рабочий протест: Формы, динамика и природа массовых выступлений рабочих в Советской России. 1917–1918 гг. М., 2004.

Яркова Е. И. 1920-й год глазами населения Урала: Сводки военной цензуры о письмах граждан уральских губерний // Гражданская война на Востоке России: Урал. Поволжье. Сибирь. Дальний Восток. С. 326–329.

Яров С. В. Конформизм в Советской России: Петроград 1917–1920-х гг. СПб., 2006.

Яров С. В. Пролетарий как политик. Политическая психология рабочих Петрограда в 1917–1923 гг. СПб., 1999.

Bolshevik Culture. Experiment and Order in the Russian Revolution. Bloomington : Indiana University Press, 1985.

Fitzpatrick, Sh. The Russian Revolution. Third Edition. Oxford University Press, 2008.

Bibliografiya

Alevras N. N. «Zaperty my na zavode»: lokal'nyj mir gornozavodskoj kul'tury dorevolucionnogo Urala // Gorizonty lokal'noj istorii Vostochnoj Evropy v XIXXX vekah : sb. st. CHelyabinsk, 2003. S. 59–69.

Byli gory Vysokoj : rasskazy rabochih Vysokogorskogo zhelezного rudnika o staroj i novoj zhizni. M., 1935.

Veber M. I. Antibol'shevistskoe povstanchestvo na Urale v gody Grazhdanskoj vojny : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Ekaterinburg, 2014.

Gimpel'son E. G. Rossiya na perelome ehpoj. Osmyslenie XX stoletiya rossijskoj istorii. M., 2006.

Gimpel'son E. G. Formirovanie sovetskoj politicheskoj sistemy. 1917–1923 gg. M., 1995.

Goldin V. N. Poehziya grazhdanskoj vojny v periodicheskikh izdaniyah Urala: 1917–1919 gg. Kn. 1. Ekaterinburg, 2006.

Grazhdanskaya vojna na Urale v dokumentah 3-j armii RKKA : sb. dok. Ekaterinburg, 2008.

Kaplyukov V. V. Partijnaya bor'ba na Urale vokrug Uchreditel'nogo sobraniya // Bol'shevistskie organizacii Urala v bor'be za pobedu socialisticheskoy revolyucii. Sverdlovsk, 1987. S. 22–36.

Lyuhudzaev M. I. Levye ehsery v politicheskoj zhizni Urala v 1917–1918 gg. : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Ekaterinburg, 2001.

Popov N. N. Sovetskaya istoricheskaya literatura o bor'be ural'skih bol'shevikov za soldatskie massy v period podgotovki i provedeniya Oktyabr'skoj revolyucii // Bol'shevistskie organizacii Urala v period Oktyabr'skoj revolyucii i grazhdanskoj vojny (1917–1920 gg.). Sverdlovsk, 1981. S. 42–50.

Posadskij A. V. Ural'skoe i Prikamskoe bezhenstvo v 1919 godu // Grazhdanskaya vojna na Vostoke Rossii: Ural. Povolzh'e. Sibir'. Dal'nij Vostok. Perm', 2008. S. 225–227.

Postnikov S. P., Fel'dman M. A. Sociokul'turnyj oblik promyshlennyh rabochih Rossii v 1900–1941. M., 2009.

Rabochaya revolyuciya na Urale. EHrizody i fakty. Ekaterinburg, 1921.

Sergeeva E. B. Men'sheviki v politicheskoy bor'be na Urale (1917–1924) : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Ekaterinburg, 1996.

«Skoro li konchitsya ehta proklyataya vojna...» (iz svodok otdeleniya voennoj cenzury pri I Trudovoj armii o sodержanii pisem, prislannyh krasnoarmejcem) / publ. podgot. E. I. YAkova // Arhivy Urala. 2009. N 13. S. 33–55.

Ural v grazhdanskoj vojne / otv. red. O. A. Vas'kovskij. Sverdlovsk, 1989.

Ural i Prikam'e. Noyabr' 1917 – yanvar' 1919 : dokumenty i materialy. Parizh, 1982.

Churakov D. O. Revolyuciya, gosudarstvo, rabochij protest: Formy, dinamika i priroda massovyh vystuplenij rabochih v Sovetskoj Rossii. 1917–1918 gg. M., 2004.

Yarkova E. I. 1920-j god glazami naseleniya Urala: Svodki voennoj cenzury o pis'mah grazhdan ural'skih gubernij // Grazhdanskaya vojna na Vostoke Rossii: Ural. Povolzh'e. Sibir'. Dal'nij Vostok. S. 326–329.

Yarov S. V. Konformizm v Sovetskoj Rossii: Petrograd 1917–1920-h gg. SPb., 2006.

Yarov S. V. Proletarij kak politik. Politicheskaya psihologiya rabochih Petrograda v 1917–1923 gg. SPb., 1999.

Bolshevik Culture. Experiment and Order in the Russian Revolution. Bloomington : Indiana University Press, 1985.

Fitzpatric, Sh. The Russian Revolution. Third Edition. Oxford University Press, 2008.

Сведения об авторе

Поршнева Ольга Сергеевна — д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры истории и социальных технологий, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина

Porshneva Olga Sergeevna — Doctor of History, Professor, Professor of the Department of History and Social Technologies, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin

e-mail: o.s.porshneva@urfu.ru

УДК 94(47).084.3

Александр Рабинович. VIII съезд Коммунистической партии: перестройка для выживания

Аннотация: Статья посвящена VIII съезду РКП(б) как важнейшему в годы Гражданской войны. В центре внимания два ключевых вопроса, которые обсуждал съезд: военная политика и организационный вопрос. Анализу подвергнуты позиция Л. Д. Троцкого по военному вопросу, вызванные ею споры делегатов съезда и компромиссная позиция ЦК партии, позволявшая Троцкому продолжить строительство Красной армии на традиционных принципах. Споры с «левой оппозицией» по вопросам структуры партии и Советов и их взаимоотношений завершились принятием резолюции. Хотя она включала некоторые предложения «левой оппозиции», съезд оставил в наследство чрезвычайную централизацию в принятии решений и строгое подчинение Советов диктату партии.

Ключевые слова: Коммунистическая партия (большевиков); Красная армия; VIII съезд Коммунистической партии (большевиков); Ленин; Троцкий; военная оппозиция; левая оппозиция; Зиновьев; Н. Осинский.

A. Rabinowitch. The Eighth Communist Party Congress Revisited

Abstract: The article deals with the 8th congress of the All-Russian Communist Party (bolsheviks) as the most important one of the Civil War period. Special attention is paid to the two key issues, war policy and organizational problem, which were discussed at the convention. The author scrutinizes the viewpoint of Leon Trotsky on the war issues, the debates over it and compromise stand of the Central Committee of the party, allowing Trotsky to continue formation of the Red Army in conventional way. The arguments with «Left Communists» over the issues of the structure of the party and of the Soviets ended up with adoption of the resolution. Although it included some suppositions of «Left Communists», the Congress generally formed a system of extreme centralization in decision-making combined with strict subjection of the Soviets to the party.

Keywords: Communist Party (bolsheviks); Red Army; VIII Congress of the Communist Party (bolsheviks); Lenin; Trotskii; Military opposition; Left opposition; Zinov'ev; N. Osinskii.

Библиография

Владимир Ильич Ленин : биографическая хроника. М., 1976. Т. 7.

Гоголевский А. В. Петроградский Совет в годы гражданской войны. Л., 1982.

Павлов Б. В. Коммунистическая партия в советской политической системе, 1917–1925. СПб., 2003.

Рабинович А. Большевики у власти: Первый год советской эпохи в Петрограде. М., 2007.

Daniels R. V. Conscience of the Revolution: Communist Opposition in Soviet Russia. Cambridge, Mass., 1960.

Rabinowitch A. The Evolution of Local Soviets in Urban Russia, 1917–1920: The Case of the Petrograd First City District Soviet // Party, State, and Society in the Russian Civil War: Explorations in Social History / ed. D. P. Koenker, W. G. Rosenberg, and R. G. Suny. Bloomington, 1989. P. 133–157.

Bibliografiya

Vladimir Il'ich Lenin : biograficheskaya hronika. M., 1976. T. 7.

Gogolevskij A. V. Petrogradskij Sovet v gody grazhdanskoj vojny. L., 1982.

Pavlov B. V. Kommunisticheskaya partiya v sovetskoj politicheskoy sisteme, 1917–1925. SPb., 2003.

Rabinovich A. Bol'sheviki u vlasti: Pervyj god sovetskoj ehpoхи v Petrograde. M., 2007.

Daniels R. V. Conscience of the Revolution: Communist Opposition in Soviet Russia. Cambridge, Mass., 1960.

Rabinowitch A. The Evolution of Local Soviets in Urban Russia, 1917–1920: The Case of the Petrograd First City District Soviet // Party, State, and Society in the Russian Civil War: Explorations in Social History / ed. D. P. Koenker, W. G. Rosenberg, and R. G. Suny. Bloomington, 1989. P. 133–157.

Сведения об авторе

Рабинович Александр — профессор, Индианский университет (США)

Rabinowitch Alexander — Emeritus Professor, Department of History Indiana University

e-mail: arabinow@indiana.edu

УДК 93/94. 314

В. В. Раков. Суицид времен «русской смуты» (на материалах небольшевицкской прессы 1918–1920 гг.)

Аннотация: На материалах небольшевицкских газет исследуется практика суицидов среди гражданского населения и военно-служащих в годы Гражданской войны в России. Выявлены, описаны и проанализированы самоубийства, совершенные в крупных городах бывшей Российской империи — Тифлис и Ростов-на-Дону, сопоставимых по численности населения и являющихся крупными военно-политическими, экономическими и транспортными центрами на юге России. Автором проведен статистический анализ по следующим параметрам: общее количество, гендерный, возрастной, социальный (профессиональный) и национальный состав самоубийц, а также способы и места совершения суицидов. Выделены общие черты и особенности в практике суицидов в городах, представляющих этнически и конфессионально неоднородные регионы, определяемые общими военными, экономическими, социкультурными и иными факторами.

Ключевые слова: Гражданская война в России; небольшевицкская пресса; городское население; статистика суицидов.

V. V. Rakov. Suicide in «The Russian Distemper's» time (on materials of non-bolshevik press in 1918–1920)

Abstract: The practice of suicides among civilian population and military men during the Civil war in Russia is investigated using materials of non-bolshevik newspapers. Suicides committed in large cities of the former Russian Empire — Tiphlis and Rostov-on-Don — were revealed, described and analyzed. These cities were comparable in population and were big military, political, economic and transport centers in the South of Russia. The author carried out statistical analysis according to the following factors: total number, gender, age, social (professional) and national structure of self-murderers, and also means and places of suicide commitment. Common features and peculiarities in suicide practice were marked in the cities which represented heterogeneous regions along ethnic and confessional lines, determined by common military, economic, social, cultural and other factors.

Keywords: Civil war in Russia; non-bolshevik press; urban population; statistics of suicides.

Библиография

Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. : краткие сводки / изд. ЦСУ Союза ССР. Вып. 3 : Население СССР. М., 1927.

Суицидология : учебное пособие / И. Л. Шелехов, Т. В. Каштанова, А. Н. Корнетов, Е. С. Толстолес. Томск : Сибирский гос. мед. ун-т, 2011.

Bibliografiya

Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 17 dekabrya 1926 g. : kratkie svodki / izd. CSU Soyuza SSR. Vyp. 3 : Naselenie SSSR. M., 1927.

Suicidologiya : uchebnoe posobie / I. L. Shelekhov, T. V. Kashtanova, A. N. Kornetov, E. S. Tolstoles. Tomsk : Sibirskij gos. med. un-t, 2011.

Сведения об авторе

Раков Виктор Владимирович — канд. ист. наук, заместитель директора, начальник отдела, Областное казенное учреждение «Государственный архив Курской области»

Rakov Victor Vladimirovich — Candidate of Historical Science, Deputy director, head of department, Regional state establishment «State archive of Kursk region» Kursk, Russia

e-mail: archiv_kursk@inbox.ru

УДК 94(470.23-25)

В. А. Рачковский, М. В. Фёдоров. В. И. Ленин и «Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов» в марте–апреле 1917 г.

Аннотация: Статья посвящена истории взаимоотношений известного политического деятеля и популярного периодического издания в период между Февральской и Октябрьской революциями. Показано значение органа Петроградского Совета в освещении истинного положения в столице, расстановки сил между соперничавшими политическими течениями, тенденции политического развития страны. Именно благодаря «Известиям» В. И. Ленин, находившийся в эмиграции, смог оценить классовую сущность Временного правительства и сформулировать тактические установки для большевистской партии в отношении него.

Благодаря большевистской части редакционной коллегии газеты, удалось использовать «Известия» для разоблачения клеветнических измышлений буржуазной прессы по поводу проезда Ленина и его сторонников через территорию Германии с разрешения ее правительства. Несмотря на противодействие правой части редакции, В. Д. Бонч-Бруевичу удалось поместить статью с протестом против погромных призывов, распространяемых желтой прессой в адрес большевиков, обвинявших их в сотрудничестве с германским генштабом и существующих на немецкие деньги. В апреле 1917 г. Ленин называл «Известия» честной газетой и призывал рабочих и солдат читать ее. Он требовал, чтобы большевики, работавшие в газете, ни в коем случае не уходили из редакции сами, несмотря на трения с правыми социалистами, а продолжали работать в «Известиях» и проводили там линию партии. После вступления социалистов во Временное правительство Исполком Петроградского Совета удалил интернационалистов из редакции «Известий». Характер издания заметно изменился, Ленин одним из первых отметил, что газета усвоила министерский тон.

В работах Ленина подробно анализируется политическая линия первых редакторов газеты Ю. М. Стеклова и Ф. И. Дана, которых он подверг жесткой критике за политику соглашения с буржуазией.

Ключевые слова: печать; буржуазная пресса; Петроградский Совет; демократический мир; редакция.

V. A. Rachkovsky, M. V. Fedorov. V. I. Lenin and «Izvestia of the Petrograd Soviet of Workers ‘and Soldiers’ Deputies» in March April 1917

Abstract: The article is devoted to the history of the relationship between a famous politician and a popular periodical edition in the period between the February and October revolutions. It shows the value of the organ of the Petrograd Soviet in covering the true situation in the capital, the centering of forces between competing rival political trends, tendencies political development of the country. It is thanks to «Izvestia» edition V. I. Lenin, who was in emigration, was able to assess the class nature of the Provisional Government and formulate tactical guidelines for the Bolshevik Party in relation to him.

Thanks to the Bolshevik part of the editorial college of the newspaper, «Izvestia» was able to use the exposing of the slanderous fabrications of the bourgeois press about the passage of Lenin and his supporters through the territory of Germany with the permission of her government. Despite the opposition of the right side of the editorial, V. D. Bonch-Bruевич managed to put an article protesting against the pogrom appeals disseminated by the yellow press to the Bolshevik Party accused them of collaborating with the German General Staff and existing on German money. In April 1917, Lenin called «Izvestia» an honest newspaper and called upon the workers and soldiers to read it. He demanded that the Bolsheviks, who worked in the newspaper, in any case not dismissed from the office itself, in spite of friction with the right socialists, and continued to work in «Izvestia» and promoted the party line there. After joining the Socialists in the Provisional Government the Executive Committee of the Petrograd Soviet removed the internationalists from the «Izvestia» editorial board. The character of the publication has changed markedly, Lenin was one of the first to note that the newspaper adopted the ministerial tone.

In Lenin analyzed works in detail the political line of the first editors of the newspaper Yu. M. Steklov and F. I. Dan which he severely criticized for the policy of agreement with the bourgeoisie.

Keywords: press; bourgeois press; the Petrograd Soviet; the democratic world; redaction.

Библиография

Бонч-Бруевич В. Д. Воспоминания о Ленине. М., 1969.

Бонч-Бруевич В. Д. Избр. соч. : в 3 т. М., 1963. Т. 1.

Ленин В. И. Полн. собр. соч. М., 1969. Т. 31.

Петербургский комитет РСДРП(б) в 1917 году: Протоколы и материалы заседаний. СПб., 2003.

Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Протоколы, стенограммы и отчеты, резолюции, постановления общих собраний, собраний секций, заседаний Исполнительного комитета и фракций 27 февраля — 25 октября 1917 : в 5 т. Л., 1991. Т. 1.

Суханов Н. Н. Записки о революции : в 3 т. М., 1991.

Bibliografiya

Bonch-Bruevich V.D. Vospominaniya o Lenine. M., 1969.

Bonch-Bruevich V. D. Izbr. soch. : v 3 t. M., 1963. T. 1.

Lenin V. I. Polnoe sobranie sochinenij. M., 1969. T. 31.

Peterburgskij komitet RSDRP(b) v 1917 godu: Protokoly i materialy zasedanij. SPb., 2003.

Petrogradskij Sovet rabochih i soldatskih deputatov v 1917 godu. Protokoly, stenogrammy i otchety, rezolyucii, postanovleniya obshchih sobranij, sobranij sekcij, zasedanij Ispolnitel'nogo komiteta i frakcij 27 fevralya — 25 oktyabrya 1917 : v 5 t. L., 1991. T. 1.

Suhanov N. N. Zapiski o revolyucii : v 3 t. M., 1991.

Сведения об авторах

Рачковский Валерий Александрович — канд. ист. наук, доцент кафедры Новейшей истории России, Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета

Фёдоров Михаил Владимирович — канд. ист. наук, доцент кафедры Новейшей истории России, Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета

Rachkovsky Valery Aleksandrovich — Candidate of Historical Sciences Associate Professor of Kaferda The Newest History of Russia Institute of History of St. Petersburg State University

e-mail: vlad77@list.ru

Fedorov Mihail Vladimirovich — Candidate of Historical Sciences Associate Professor of Kaferda The Newest History of Russia Institute of History of St. Petersburg State University

e-mail: mixail195@mail.ru

УДК 94(47).084.3

И. В. Самойлова. «Участник Гражданской войны» как часть биографии. Опыт использования в повседневных практиках в период нэпа (по материалам Новгородской губернии)

Аннотация: Статья посвящена формированию памяти о событиях 1917–1922 гг. через оформление в общественном сознании в начале нэпа отношения к участникам Гражданской войны.

В исследовании на основе анализа прессы и документов партийного происхождения изучается становление государственного отношения к красноармейцам-ветеранам. Официальная риторика и сюжеты содержались прежде всего в газетных публикациях, листовках, а также в лекциях, структуре музейных экспозиций, выступлениях на митингах, некрологах. Особый акцент в статье делается на интериоризацию данной риторики самими ветеранами. Газетные статьи превозносят жертвы красноармейцев во имя революции, предлагают читателям помогать как самой армии, так и членам семей ветеранов.

Кроме того, изучается вопрос использования статуса «участник Гражданской войны» в повседневных практиках, в том числе в меркантильных целях (прежде всего в снабжении). Данные сюжеты отражались при заполнении всевозможных анкет, характеристик, автобиографий по заданному шаблону, а также написания заявлений. Особо значимыми оказывались мотивы участия в Гражданской войне, ранения; при этом статус добровольца ценился больше, чем участие в Гражданской войне по призыву. В «письмах во власть» красноармейцы просят предоставить им отпуск, материальное обеспечение, а также помощь семье. В составе аргументации их требований фиксируется использование газетной риторики, официальных аргументов. «Письма во власть», таким образом, совмещают воспроизведение официальных текстов и отражение личного опыта ветерана. Подобная тактика являлась залогом удовлетворения требований заявителя. В свою очередь, подобная практика подкрепляла восприятие участниками войны значимости своего вклада в становление Советского государства.

Ключевые слова: Гражданская война; мемориализация; нэп; Революция; Новгородская губерния; «Письма во власть»; Красная армия; ветеран Гражданской войны; образ героя; стратегии получения материальной помощи.

I. V. Samoylova. «The participant of the Civil war» as fact of the biography. Experience of use in everyday practices in the NEP period (on materials of the Novgorod province)

Abstract: The article is devoted to formation of memory about the events of 1917–1922 through design of the attitude to the participants of the Civil war in the public consciousness at the beginning of the NEP.

In the study is based on the analysis of newspapers and RCP(b) documents of the party of origin, we study the formation of public attitude to the Red Army veterans. The official rhetoric and the stories are contained, primarily, in newspaper articles, leaflets, and lectures, the structure of Museum exhibitions, speeches at rallies, obituaries. Special emphasis is made on internalization of this rhetoric by the veterans. Newspaper articles lauded the sacrifices of the Red Army for the revolution and suggest readers to help both the army and the families of veterans.

In addition, we study the question of using the status of «the Civil war» in everyday practices and in particular, in the mercantile purposes (especially in supply). These stories were reflected when filling out various questionnaires, characteristics, and autobiographies in a predetermined pattern, and writing statements. Particularly important were the motives of the participation in the Civil war, injuries etc. At the same time, the status of the volunteer was valued more than participation in the Civil war by conscription. In “letters to power,” the soldiers asked for leave, financial support and assistance to the family. Using of the newspaper rhetoric of the official arguments is recorded as the part of their claims argumentation. «Letters to power», thus combined the copies of official texts and a reflection of the personal experience of a veteran. This tactic was vital to meet the requirements of the applicant. In turn, such practices have reinforced the perception of the participants of the Civil war the significance of their contribution to the establishment of the Soviet state.

Keywords: Civil war; memorialization; NEP; revolution; Novgorod province; «Letters to power»; the Red army; veteran of Civil war; the image of the hero; the strategy for financial assistance.

Библиография

Самойлова И. В. Формирование идентичности партийного агитатора в 1921–1923 гг. (по материалам Новгородской губернии) // Документальное наследие Новгорода и Новгородской земли. Проблемы сохранения и научного использования : материалы Девятой науч. конф. историков-архивистов 28 мая 2009 г. Великий Новгород, 2010. С. 70–76.

Чистиков А. Н. Партийно-государственная бюрократия Северо-Запада Советской России 1920-х гг. СПб., 2007.

Библиография

Bonch-Bruевич V. D. Vospominaniya o Lenine. M., 1969.

Bonch-Bruевич V. D. Izbr. soch. : v 3 t. M., 1963. T. 1.

Lenin V. I. Polnoe sobranie sochinenij. M., 1969. T. 31.

Peterburgskij komitet RSDRP(b) v 1917 godu: Protokoly i materialy zasedanij. SPb., 2003.

Petrogradskij Sovet rabochih i soldatskih deputatov v 1917 godu. Protokoly, stenogrammy i otchety, rezolyucii, postanovleniya obshchih sobranij, sobranij sekcij, zasedanij Iсполnitel'nogo komiteta i frakcij 27 fevralya–25 oktyabrya 1917 : v 5 t. L., 1991. T. 1.

Suhanov N. N. Zapiski o revolyucii : v 3 t. M., 1991.

Сведения об авторе

Самойлова Ирина Васильевна — канд. ист. наук, доцент кафедры истории России и архивоведения, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого

Samoylova Irina Vasiljevna — PhD, the Department of Russian history and archival science, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University

e-mail: helgad@yandex.ru

УДК Г 329

В. П. Сапон. Февраль и Октябрь 1917 г. в Нижнем Новгороде: слухи как элемент революции

Аннотация: В историографии Февральской революции 1917 г. в Нижнем Новгороде, особенно в советский период, основной упор делался на активной работе партийных организаций левых партий, на целенаправленной организации трудящихся масс силами лево-радикального подполья. По мнению автора, в реальности для общественно-политических процессов в указанный период, особенно на «низовом» уровне, более характерными оказались такие черты, как спонтанность и неопределенность, при этом важным психологическим элементом революционной обстановки стали слухи. Антиправительственные слухи активно распространялись по территории губернии еще до крушения самодержавия. На протяжении всего революционного 1917 г. они не только стали составной частью обывательского общественного мнения, но и превратились в весомые факторы информационно-психологической войны, значительно влиявшие на тактику политических сил.

Ключевые слова: 1917 год; Нижегородская губерния; слухи.

V. P. Sapon. The February and October 1917 in Nizhny Novgorod: rumors as an element of the revolution

Abstract: In the historiography of the February revolution of 1917 in Nizhny Novgorod, especially in the Soviet period, emphasis was placed on the active work of the left parties organizations, on purposeful organization of the working masses by the forces of radical left underground. According to the author, in reality the socio-political processes in this period, especially at the «grass roots» level, more typically possessed such traits as spontaneity and uncertainty, an important psychological element of a revolutionary situation being the rumors. Anti-government rumours were being actively spread in the territory of the province even before the collapse of the autocracy. Throughout the revolutionary year of 1917 they became not only an integral part of the narrow-minded public opinion, but also turned into significant factors of information-psychological war, strongly influenced by the tactics of political forces.

Keywords: 1917; Nizhny Novgorod province; rumors.

Библиография

Драницын Н. И. Летопись революционных событий в Нижегородской губернии с 1917 по 1921 гг. // Материалы по истории рево-

люционного движения / под ред. В. Т. Илларионова. Н. Новгород, 1922. Т. 3. С. 30–190.

Илларионов В. Революционное движение пролетариата в Нижегородской губернии // Нижегородский край : пособие для учителей школ I и II ступени. Н. Новгород, 1926. Ч. 3 : Общество. С. 145–164.

Победа Октябрьской социалистической революции в Нижегородской губернии : сб. документов / под ред. А. И. Великоречина и К. Г. Селезнева. Горький : Горьковское кн. изд-во, 1957.

Сапон В. П. Опыт развития многопартийности в Нижегородской губернии в годы Первой мировой войны (дофевральский период) : монография. Н. Новгород : НФ УРАО, 2014.

Bibliografiya

Dranitsyn N. I. Letopis' revolyucionnyh sobytij v Nizhegorodskoj gubernii s 1917 po 1921 gg. // Materialy po istorii revolyucionnogo dvizheniya / pod red. V. T. Illarionova. N. Novgorod, 1922. T. 3. S. 30–190.

Illarionov V. Revolyucionnoe dvizhenie proletariata v Nizhegorodskoj gubernii // Nizhegorodskij kraj : posobie dlya uchitelej shkol I i II stupeni. N. Novgorod, 1926. CH. 3 : Obschestvo. S. 145–164.

Pobeda Oktyabr'skoj socialisticheskoj revolyucii v Nizhegorodskoj gubernii : sb. dokumentov / pod red. A. I. Velikorechina i K. G. Selezneva. Gor'kij : Gor'kovskoe kn. izd-vo, 1957.

Sapon V. P. Opyt razvitiya mnogopartijnosti v Nizhegorodskoj gubernii v gody Pervoj mirovoj vojny (dofevral'skij period) : monografiya. N. Novgorod : NF URAO, 2014.

Сведения об авторе

Сапон Владимир Петрович — д-р ист. наук, доцент, профессор кафедры истории России и вспомогательных исторических дисциплин, Нижегородский государственный педагогический университет им. Козьмы Минина

Sapon Vladimir Petrovich — Doctor in History, Associate Professor, Professor at the Department of Russian History and Auxiliary Historical Disciplines, Nizhny Novgorod State Pedagogical University named after Kozma Minin

e-mail: vladimail2008@mail.ru

УДК 94(47).083

И. М. Сапронов. Революционная динамика в отражении британских фабричных мастеров Невской ниточной мануфактуры. Осень 1916 — зима 1917 гг.

Аннотация: Данная статья основана на таком виде архивного источника, как месячный отчет о работе фабрики/отдела/цеха управляющих «Товарищества Невской ниточной мануфактуры». На ряде примеров показано, как сквозь чисто производственные вопросы (эффективность, пунктуальность, посещаемость, продуктивность и т. д.) проступают важнейшие аспекты действительной жизни — голода, стачек, перенаселенности окраин, уровня культуры рабочих и мастеров. На рабочих окраинах столицы постепенно выростали явления «политической жизни», рассматриваемые британцами как нечто «внешнее», не имеющее серьезного влияния на «их» рабочих. Целью статьи является объяснение того, как именно «политический» аспект рабочего движения в годы Первой мировой войны привел к демонстрации в Международный женский день 1917 г. и позволил вылиться огромному множеству производственных, «экономических» конфликтов в один мощный поток Февральской революции, уничтожив царизм.

Ключевые слова: история революции; рабочая история; Февральская революция; фабричные рабочие.

I. M. Sapronov. Revolutionary Dynamic in Reflection of British Fabric Managers of Nevsky Thread Manufactory. Autumn 1916 — winter 1917

Abstract: The above article based on such kind of archival document as the monthly report on the work of the factory/department/workshop of the managers of the Nevsky Thread Manufactory Co. It shows on a number of examples how the most important aspects of real life — hunger, strikes, overcrowding of suburbs, the level of culture of workers and craftsmen — come through the purely industrial questions (efficiency, punctuality, attendance, productivity, etc.). It represents how phenomena of «political life» emerged on the workers' outskirts of Petrograd, presented by the British fabric administration as something «external» and not seriously affected on their «workers». The article shows how exactly the «political» aspect of the demonstration on International Women's Day has allowed a vast number of «industrial» and «economic» conflicts to flow into one powerful stream of the February revolution, destroying tsarism.

Keywords: revolutionary history; labor history; February revolution; factory workers.

Библиография

- Вопросы гражданской истории. Вып. I. Л. : Огиз–Соцэкгиз, 1935.
- Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. 5-е изд. М., 1958. Т. 1.
- Мандель Д.* Петроградские рабочие в революциях 1917 г. Февраль 1917 — июнь 1918 г. М. : Новый хронограф, 2015.
- Невский В. И.* История РКП(б) : краткий очерк. СПб. : Новый Прометей, 2009.
- Перазич В.* Текстили Ленинграда в 1917 г. Л. : Изд. Ленгуботдела ВПС Текстильщиков, 1927.
- Петербургский комитет РСДРП(б) в 1917 г. Протоколы и материалы заседаний. СПб. : Бельведер, 2003.
- Петроградские большевики в годы Первой мировой войны // Пролетарский интернационализм. 2016. № 18. Февр.
- Трудовые конфликты и рабочее движение в России на рубеже XIX–XX вв. СПб., 2011.
- Шляпников А. Г.* Канун семнадцатого года. Семнадцатый год. М. : Политиздат, 1992.

Bibliografiya

- Voprosy grazhdanskoj istorii. Vyp. I. L. : Ogiz–Socehgiz, 1935.
- Lenin V. I.* Polnoe sobranie sochinenij. 5-e izd. M., 1958. T. 1.
- Mandel' D.* Petrogradskie rabochie v revolyuciyah 1917 g. Fevral' 1917 — iyun' 1918 g. M. : Novyj hronograf, 2015.
- Nevskij V. I.* Istoriya RKP(b) : kratkij ocherk. SPb. : Novyj Prometej, 2009.
- Perazich V.* Tekstili Leningrada v 1917 g. L. : Izd. Lengubotdela VPS Tekstil'shchikov, 1927.
- Peterburgskij komitet RSDRP(b) v 1917 g. Protokoly i materialy zasedanij. SPb. : Bel'veder, 2003.
- Petrogradskie bol'sheviki v gody Pervoj mirovoj vojny // Proletarskij internacionalizm. 2016. N 18. Fevr.
- Trudovye konflikty i rabochee dvizhenie v Rossii na rubezhe XIX–XX vv. SPb., 2011.
- SHlyapnikov A. G.* Kanun semnadcatogo goda. Semnadcatyj god. M. : Politizdat, 1992.

Сведения об авторе

Сапронов Игорь Михайлович — аспирант Санкт-Петербургского государственного университета, архивист, Центральный государственный архив Санкт-Петербурга

Sapronov Igor Mikhajlovich — postgraduate SPSU, archivist,
Central State Archive of Saint-Petersburg
e-mail: igorsapronov@gmail.com

УДК 94(47).084.3

Н. М. Саркисян. «Февральские» истоки Государственного музея Революции: Общество дома-музея памяти борцов за свободу в марте 1917 — сентябре 1919 гг.

Аннотация: Статья посвящена истории Общества дома-музея памяти борцов за свободу, созданного в марте 1917 г., сразу после Февральской революции. Согласно устоявшемуся мнению в историографии, Государственный музей Революции (ГМР) в Петрограде, учрежденный осенью 1919 г., стал первым историко-революционным музеем в стране. Он был призван стать идеологическим центром нового политического режима и выполнял эту функцию в неизменном виде с момента основания. Однако созданный в 1917 г. дом-музей по многим пунктам предвосхитил деятельность ГМР: началось формирование коллекции, вырабатывались практики записи воспоминаний участников революционных событий, обсуждались вопросы музеефикации политических тюрем старого режима, музей выполнял и другие, помимо экспозиционных, просветительские задачи. Эти практики впоследствии были унаследованы Музеем Революции, как и часть коллекции, и даже некоторые сотрудники Общества стали работать с ГМР после его создания. В 1920-х — начале 1930-х гг. Государственный музей Революции являлся музеем Революции в широком смысле, в нем трудились представители левой интеллигенции, не всегда партийной и большевистской, но политически им комплиментарной, поскольку их интеллектуальная программа проистекала из одного корня — из Просвещения. Похожую картину мы наблюдаем и в других советских институтах: в искусстве, науке, государственном управлении. Таким образом, Революция 1917 г. стала не разрывом, а логическим продолжением и завершением интеллектуальной традиции русской интеллигенции. Конец этому был положен в середине 1930-х в ходе сталинской контрреволюции, когда ГМР подвергли разгрому за «народнический перекося», переделали экспозиции, вычистили фонды и убрали старых сотрудников.

Ключевые слова: Государственный музей Революции; Музей Революции; Общество дома-музея памяти борцов за свободу; сталинизм; советская культура; 1920-е, революционная культура, интеллигенция.

N. M. Sarkisyan. February Origins of the State Museum of Revolution: the Society of the Freedom Fighters Commemoration Museum in March, 1917 — September, 1919

Abstract: The article is dedicated to the history of the Society of the Freedom Fighters Commemoration Museum, established in March, 1917, immediately after the February Revolution. The body of literature concurs on the State Museum of Revolution (SMR) in Petrograd, founded in the autumn of 1919, being the first historical and revolutionary museum in the country. It was meant to become the ideological center for the new political regime, and had been allegedly performing this function unchanged from the ground up through the overall Soviet history. However, the Society created in 1917 anticipated the activities of the SMR in many perspectives: the fund formation started, practices for tracing of participants of the revolutionary events recollections were developed, issues of the *ancien régime* political prisons museumification were being discussed, and the museum was supposed to carry out other educational tasks, besides purely expository ones. These practices were subsequently inherited by the Museum of the Revolution, as well as parts of the collection, and even some of the Society's employees began to cooperate with the GMR after its foundation in the 1920s — early 1930s. The State Museum of Revolution was a museum of revolution in a broad sense, it encompassed members of the left intelligentsia, not always party proponents or all the more so Bolsheviks, but politically matching, because their intellectual programs sprang from the same root — Enlightenment. A picture observed in other Soviet fields (art, science, state management) was akin to that of GMR. Thus it is stated, that the revolution of 1917 was not a rupture, but a logical continuation and completion of the intellectual tradition of the Russian intelligentsia. The end of this was laid in the mid-1930s during Stalin's counter-revolution, when GMR was smashed for the «Narodnik tilt», forced to alter exhibitions, purge the funds and remove prior employees.

Keywords: The State Museum of Revolution; Museum of Revolution; the Society of the Freedom Fighters Commemoration Museum; Stalinism; soviet culture; 1920s; revolutionary culture; intelligentsia.

Библиография

Артемов Е. Г. К вопросу периодизации истории музея (1919–1989 гг.) // Первый историко-революционный. Л. : Центральный Музей Революции СССР, 1989.

Артемов Е. Г. Опыт прошлого, взгляд в будущее. Основные исторические этапы деятельности Музея // ГМПОР: 90 лет в пространстве истории и политики, 1919–2009 : материалы науч. конф.,

посвящ. юбилею Гос. музея политической истории России (СПб, 5–7 окт., 2009). СПб. : Норма, 2010.

Березина В. А. Экскурсионная работа в 1920-х гг. (на материалах Петрограда—Ленинграда) : дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2015.

Блюм А., Меснуле М. Бюрократическая анархия: статистика и власть при Сталине. М. : РОССПЭН, 2008.

Гвоздецкий В. План ГОЭЛРО: мифы и реальность // Наука и жизнь. 2001. № 5.

Грэхэм Л. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе. М. : Политиздат, 1991.

Закс А. Б. Музеи исторического профиля в 1917–1934 гг. // История СССР. 1965. № 5.

Ковалев И. Ф. Преследования учения Ч. Дарвина царской цензурой // Вопросы истории религии и атеизма : сб. статей. VII. М. : Изд-во АН СССР, 1959.

Козлов Б. И. Вклад академии наук в индустриализацию России // Вестник Российской академии наук. 2000 Т. 70, № 12.

Конивец А. В. Зимний дворец в послереволюционные годы. Открытие Музея Революции // История Петербурга. 2010. № 2.

Лейкина-Свирская В. Р. Русская интеллигенция в 1900–1917 годах. М. : Мысль, 1981.

Плаггенборг Ш. Революция и культура: Культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма. СПб. : Журнал «Нева», 2000.

Рабинович М. Б. Воспоминания долгой жизни. СПб. : Европейский дом, 1996.

Саркисян Н. М. 1917 год в экспозициях Государственного музея Революции // Музей. 2016. № 9.

Серж В. От революции к тоталитаризму: воспоминания революционера. М. : Практикс, 2001.

Тарасов А. Н. Второе издание капитализма в России // Левая политика. 2008. № 7/8. URL: http://scepstis.net/library/id_2973.html (дата обращения: 02.04.2017).

Харакоркин Л. Р. Чарльз Дарвин и царская цензура // Труды института истории естествознания и техники. М. : Изд-во АН СССР. 1960. № 31.

Штейнберг В. А. Чарльз Скотт, его друзья и враги. О Карле Янсо-не. М. : Политиздат, 1983.

Bailes K. E. Technology and Society Under Lenin and Stalin: Origins of the Soviet Technical Intelligentsia, 1917–1941. Ann Arbor : Univ. of Michigan Library, 1978.

Clark K. Petersburg, Crucible of Cultural Revolution. Cambridge : Harvard Univ. Press, 1995.

Clark K. The King is Dead, Long Live the King: Intelligentsia Ideology in Transition. Paper at Conference «Russia at the end of the 20th Century», Stanford University, 1998. URL: http://web.stanford.edu/group/Russia20/volume/pdf/clark_fin99.pdf (дата обращения: 02.04.2017).

Coopersmith J. The Electrification of Russia, 1880–1926. Ithaca : Cornell Univ. Press, 1992.

Graham L. R. The Soviet Academy of Science and the Communist Party, 1927–1932. Princeton : Princeton Univ. Press, 1967.

Krementsov N. L. Stalinist Science. Princeton : Princeton Univ. Press, 1997.

Skjulestad J. A Necessary Evil? Continuity and Change in Russian and Soviet Abortion Discourse, 1910–1930. Master's Thesis. Oslo : University of Oslo. 2012.

Bibliografiya

Artemov E. G. К вопросу периодизации истории музeya (1919–1989 гг.) // Pervyj istoriko-revoljucionnyj. L. : Central'nyj Muzej Revolyucii SSSR, 1989.

Artemov E. G. Opyt proshlogo, vzglyad v budushchee. Osnovnye istoricheskie ehtapy deyatel'nosti Muzeya // GMPIR: 90 let v prostranstve istorii i politiki, 1919–2009 : materialy nauch. konf., posvyashch. yubileyu Gos. muzeya politicheskoy istorii Rossii (SPb, 5–7 okt., 2009). SPb. : Norma, 2010.

Berezina V. A. EHkskursionnaya rabota v 1920-h gg. (na materialah Petrograda—Leningrada) : dis. ... kand. ist. nauk. SPb., 2015.

Blyum A., Mespule M. Byurokraticheskaya anarhiya: statistika i vlast' pri Staline. M. : ROSSPEHN, 2008.

Gvozdeckij V. Plan GOEHLRO: mify i real'nost' // Nauka i zhizn'. 2001. N 5.

Grehkhehm L. Estestvoznание, filosofiya i nauki o chelovecheskom povedenii v Sovetskom Soyuze. M. : Politizdat, 1991.

Zaks A. B. Muzei istoricheskogo profilya v 1917–1934 gg. // Istoriya SSSR. 1965. N 5.

Kovalev I. F. Presledovaniya ucheniya CH. Darvina carskoj cenzuroj // Voprosy istorii religii i ateizma : sb. statej. VII. M. : Izd-vo AN SSSR, 1959.

Kozlov B. I. Vklad akademii nauk v industrializaciyu Rossii // Vestnik Rossijskoj akademii nauk. 2000 T. 70, N 12.

Konivec A. V. Zimnij dvorec v poslerevoljucionnye gody. Otkrytie Muzeya Revolyucii // Istoriya Peterburga. 2010. N 2.

Lejkina-Svirskaya V. R. Russkaya intelligenciya v 1900–1917 godah. M. : Mysl', 1981.

Plaggenborg SH. Revolyuciya i kul'tura: Kul'turnye orientiry v period mezhdu Oktyabr'skoj revolyuciej i ehpojoj stalinizma. SPb. : ZHurnal «Neva», 2000.

Rabinovich M. B. Vospominaniya dolgoj zhizni. SPb. : Evropejskij dom, 1996.

Sarkisyan N. M. 1917 god v ehkspoziciyah Gosudarstvennogo muzeya Revolyucii // Muzej. 2016. N 9.

Serzh V. Ot revolyucii k totalitarizmu: vospominaniya revolyucionera. M. : Praksis, 2001.

Tarasov A. N. Vtoroe izdanie kapitalizma v Rossii // Levaya politika. 2008. N 7/8. URL: http://scepsis.net/library/id_2973.html (data obrashcheniya: 02.04.2017).

Harakorkin L. R. CHarl'z Darvin i carskaya cenzura // Trudy instituta istorii estestvoznaniya i tekhniki. M. : Izd-vo AN SSSR. 1960. N 31.

SHtejnberg V. A. CHarlz Skott, ego druž'ya i vragi. O Karle YAnsonе. M. : Politizdat, 1983.

Bailes K. E. Technology and Society Under Lenin and Stalin: Origins of the Soviet Technical Intelligentsia, 1917–1941. Ann Arbor : Univ. of Michigan Library, 1978.

Clark K. Petersburg, Crucible of Cultural Revolution. Cambridge : Harvard Univ. Press, 1995.

Clark K. The King is Dead, Long Live the King: Intelligentsia Ideology in Transition. Paper at Conference «Russia at the end of the 20th Century», Stanford University, 1998. URL: http://web.stanford.edu/group/Russia20/volume/pdf/clark_fin99.pdf (дата обращения: 02.04.2017).

Coopersmith J. The Electrification of Russia, 1880–1926. Ithaca : Cornell Univ. Press, 1992.

Graham L. R. The Soviet Academy of Science and the Communist Party, 1927–1932. Princeton : Princeton Univ. Press, 1967.

Krementsov N. L. Stalinist Science. Princeton : Princeton Univ. Press, 1997.

Skjulestad J. A Necessary Evil? Continuity and Change in Russian and Soviet Abortion Discourse, 1910–1930. Master's Thesis. Oslo : University of Oslo. 2012.

Сведения об авторе

Саркисян Николай Мкртичевич — науч. сотр., Университет Осло (Норвегия)

Sarkisyan Nikolay Mkrlichevich — doctoral research fellow, University of Oslo (Norway)

e-mail: Nickolay.sarkisyan@gmail.com, nikolay.sarkisyan@ilos.uio.no

УДК 930.23

М. М. Сафонов. Генерал Рузский фальсифицирует историю

Аннотация: Отречение императора Николая II 2 марта 1917 г. явилось тем рубежом, после которого события Великой русской революции приняли необратимый характер. Важнейшую роль в событиях конца февраля — начала марта 1917 г. в Пскове, где располагался штаб Северного фронта, сыграл главнокомандующий фронтом генерал Н. В. Рузский. Генерал трижды высказался о своей конкретной роли, сыгранный им в отречении последнего российского самодержца. По горячим следам в марте 1917 г. он дал интервью журналисту В. Самойлову. Н. В. Рузский заявил, что именно он сыграл в этих событиях ключевую роль, убедив царя отречься от престола. В июне 1917 г. генерал в беседе с великим князем Андреем Владимировичем позиционировал себя как сторонника ответственного министерства, буквально вырвавшего у царя согласие на введение его, не только не добивавшегося какого-либо отречения, но даже пытавшегося не допустить его вовсе, однако все же вынужденного подчиниться добровольному решению монарха.

В 1918 г. на Кавказе Рузский передал для последующей публикации убежденному монархисту генералу С. Н. Вильчковскому копии подлинных документов, возникших в те роковые дни, сопроводив их обстоятельными комментариями. На этот раз Рузский «документально подтверждал», что сделал все от него зависящее, чтобы избежать отречения императора. Главную вину в том, что это произошло, он возложил на начальника штаба Верховного главнокомандующего генерала М. В. Алексеева. Все три версии Рузского не соответствовали действительности. Но они интересны сегодня прежде всего тем, что именно, фальсифицируя историю различными путями, Рузский старался скрыть от читателя. Сопоставляя фальсифицированные версии и выявляя намеренно утаенное генералом, мы получаем возможность восстановить истинный ход тех трагических событий.

Ключевые слова: отречение Николая II; Революция 1917 г.; Н. В. Рузский; В. Самойлов; великий князь Андрей Владимирович; С. Н. Вильчковский; М. В. Алексеев; ставка; Могилев; Псков.

M. M. Safonov. General Ruzsky falsificare history

Abstract: The abdication of Emperor Nicholas II to the throne on 2 March 1917 was the date after which the events of the great Russian

revolution has taken an irreversible character. The most important role in the events of the end of February beginning of March 1917 in Pskov, where the headquarters of the Northern front, played the commander of the front, General N. V. Ruzsky. Three General comments about his specific role played by him in the abdication of the last Russian Tsar. Hot on the trail in March 1917, he gave an interview to journalist Vladimir Samoilov. N. V. Ruzsky said that he played in these events a key role in persuading the Tsar to abdicate. In June 1917 General in conversation with Grand Duke Andrei Vladimirovich positioned itself as a supporter of the responsible Ministry, literally snatching the king's consent to the introduction of it, not only not to seek any renunciation, but even tried to prevent it at all, but still forced to obey the voluntary decision of the monarch.

In 1918 the Caucasus Ruzsky gave for publication a convinced monarchist General S. N. Velickovsky, copies of the actual documents encountered in those fateful days, accompanied by detailed commentaries. This time Fanny, «certified», that has done everything in his power to avoid the abdication of the Emperor. The main fault that this happened he laid on the chief of staff of the Supreme commander in chief, General M. V. Alekseev. All three versions of the Ruzsky was not true. But they are interesting today primarily by the fact that, by falsifying history in various ways, Ruzsky tried to hide from the reader. Counterfeit versions comparing and identifying deliberately hidden by the General, we are able to restore the true course of the tragic events.

Keywords: the abdication of Nicholas II; revolution of 1917; N. V. Ruzsky; V. Samoilov; Grand Duke Andrei Vladimirovich; S. N. Velickovsky; M. V. Alekseev; rate; Mogilev; Pskov.

Библиография

Воейков В. Н. С царем и без царя. М. : Воениздат, 1995.

Отречение Николая II: Воспоминания очевидцев, документы. [Репринт 2-го, доп. изд. 1927 г.] М. : Советский писатель, 1990.

Поезд на конечном пути : мемуары об отречении от престола Российского Государя Императора Николая II / публ. В. Шидловского ; коммент. И. Архипова // Звезда. 2002. № 10.

Bibliografiya

Voejkov V. N. S carem i bez carya. M. : Voenizdat, 1995.

Otrechenie Nikolaya II: Vospominaniya ochevidcev, dokumenty. [Reprint 2-go, dop. izd. 1927 g.]. M. : Sovetskij pisatel', 1990.

Poezd na konechnom puti : memuary ob otrechenii ot prestola Rossijskogo Gosudarya Imperatora Nikolaya II / publ. V. SHidlovskogo ; komment. I. Arhipova // Zvezda. 2002. N 10.

Сведения об авторе

Сафонов Михаил Михайлович — канд. ист. наук, ст. науч. сотр.,
Санкт-Петербургский институт истории РАН

Safonov Mikhail — candidate of historical sciences, senior researcher,
Saint-Petersburg Institute of history of Russian Academy of Sciences

e-mail: m.safonov@list.ru

УДК 94(438).083

Михал Семполович. Формирование исторической памяти о Революции 1917 г. в Польше (1945 — начало 1990-х гг.)

Аннотация: Польские коммунисты широко использовали пропаганду. Она тоже охватывала историю и официально отмечаемые юбилеи.

В Польше отмечались советские праздники. Важнейшим была годовщина Октябрьской революции. Для того чтобы убедить общество в большой и положительной значимости этого события для Польши, использовалось много средств. Одним из них были кинохроники. Их показывали в кинотеатрах, а затем по телевидению. На основе кинохроник 1940–1980-х гг. можно сказать, что способ показывания Октябрьской революции зависел от политической ситуации и развивался на протяжении многих лет.

Надо заметить, что в выпуске кинохроники с материалом о Революции, в других материалах говорилось тоже о текущих проблемах повседневной жизни.

После падения коммунизма в Польше Октябрьская революция вскоре была забыта. Интенсивная коммунистическая пропаганда оказалась неэффективной.

Ключевые слова: Польша (1944–1989); коммунизм; Польская объединенная рабочая партия; ПОРП; пропаганда; Великая Октябрьская социалистическая революция; 1917; кинохроника.

Michał Sempolowicz. Formation of historical memory of the Revolution of 1917 in Poland (1945 — early 1990's)

Abstract: The Polish communists have used propaganda on large scale since their inception in 1944–1945. It also covered history and officially celebrated anniversaries.

In Poland some Soviet holidays were also celebrated. The most important was the anniversary of the October Revolution. In order to convince the society of the great and positive significance of this event for Poland, many influences were used. One of them were newsreels. They were displayed in cinemas and later on television.

On the basis of the newsreels of the 40s–80s, the way of showing the October Revolution was dependent on the current political situation and evolved throughout the years.

The newsreels told not only about the revolution but also referred to current issues of everyday life.

After the fall of communism in Poland the October Revolution was soon forgotten. The intensive communistic propaganda turned to be ineffective.

Keywords: Poland (1944–1989); communism; Polish United Workers' Party; PUWP; propaganda; Great October socialist revolution; 1917; newsreel.

Библиография

Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М. : Изд-во полит. лит., 1970. Т. 44.

Cieśliński M. Piękniej niż w życiu : Polska Kronika Filmowa 1944–1994. Warszawa : Wydawnictwo Trio, 2006.

Działania Służby Bezpieczeństwa wobec organizacji «Ruch» / wstęp, wybór i oprac. P. Byszewski. Warszawa : Instytut Pamięci Narodowej. Komisja Ścigania Zbrodni przeciwko Narodowi Polskiemu, 2008.

Eisler J. Co nam zostało z tamtych lat : dziedzictwo PRL. Warszawa : Wydawnictwo Naukowe PWN, 2016.

Friszke A. Przystosowanie i opyr : studia z dziejów PRL. Warszawa : Biblioteka «Więzi», cop. 2007.

Komunizm : ideologia, system, ludzie / red. T. Szarota. Warszawa : Wydawnictwo Neriton : Instytut Historii PAN, 2001.

Paczkowski A. Od sfałszowanego zwycięstwa do prawdziwej klęski : szkice do portretu PRL. Kraków : Wydawnictwo Literackie, 1999.

Partia komunistyczna w Polsce : struktury, ludzie, dokumentacja / red. D. Magier. Lublin : Archiwum Państwowe ; Radzyń Podlaski : Radzyńskie Stowarzyszenie Inicjatyw Lokalnych, 2012.

Partia, państwo, społeczeństwo / red. K. Rokicki ; Instytut Pamięci Narodowej. Komisja Ścigania Zbrodni przeciwko Narodowi Polskiemu. Warszawa : Instytut Pamięci Narodowej. Komisja Ścigania Zbrodni przeciwko Narodowi Polskiemu, 2016.

Pleskot P. Wielki mały ekran : telewizja a codzienność Polaków w latach sześćdziesiątych. Warszawa : Wydawnictwo Trio, 2007. C.49–61.

PRL — trwanie i zmiana / red. D. Stola i M. Zaremba. Warszawa : Wyższa Szkoła Przedsiębiorczości i Zarządzania im. Leona Koźmińskiego, 2003.

PZPR jako machina władzy / red. D. Stola i K. Persak. Warszawa : Instytut Pamięci Narodowej. Komisja Ścigania Zbrodni przeciwko Narodowi Polskiemu ; Instytut Studiów Politycznych PAN, 2012.

Władza a społeczeństwo w PRL : studia historyczne / red. A. Friszke ; Instytut Studiów Politycznych Polskiej Akademii Nauk. Warszawa : Instytut Studiów Politycznych PAN, 2003.

Władza w PRL : ludzie i mechanizmy / red. K. Rokicki i R. Spałek. Warszawa : Instytut Pamięci Narodowej. Komisja Ścigania Zbrodni Przeciwko Narodowi Polskiemu, 2011.

Zawadka K. Komitet Wojewodzki PZPR w Lublinie 1948–1956 : struktura, ludzie, mechanizm funkcjonowania. Instytut Pamięci Narodowej — Komisja Ścigania Zbrodni przeciwko Narodowi Polskiemu. Oddział w Lublinie, 2014.

Bibliografiya

Lenin V. I. Polnoe sobranie sochinenij. 5-e izd. M. : Izd-vo polit. lit., 1970. T. 44.

Cieśliński M. Piękniej niż w życiu : Polska Kronika Filmowa 1944–1994. Warszawa : Wydawnictwo Trio, 2006.

Działania Służby Bezpieczeństwa wobec organizacji «Ruch» / wstęp, wybór i oprac. P. Byszewski. Warszawa : Instytut Pamięci Narodowej. Komisja Ścigania Zbrodni przeciwko Narodowi Polskiemu, 2008.

Eisler J. Co nam zostało z tamtych lat : dziedzictwo PRL. Warszawa : Wydawnictwo Naukowe PWN, 2016.

Friszke A. Przystosowanie i opyr : studia z dziejów PRL. Warszawa : Biblioteka «Więzi», cop. 2007.

Komunizm : ideologia, system, ludzie / red. T. Szarota. Warszawa : Wydawnictwo Neriton : Instytut Historii PAN, 2001.

Paczkowski A. Od sfalszowanego zwycięstwa do prawdziwej klęski : szkice do portretu PRL. Kraków : Wydawnictwo Literackie, 1999.

Partia komunistyczna w Polsce : struktury, ludzie, dokumentacja / red. D. Magier. Lublin : Archiwum Państwowe ; Radzyń Podlaski : Radzyńskie Stowarzyszenie Inicjatyw Lokalnych, 2012.

Partia, państwo, społeczeństwo / red. K. Rokicki ; Instytut Pamięci Narodowej. Komisja Ścigania Zbrodni przeciwko Narodowi Polskiemu. Warszawa : Instytut Pamięci Narodowej. Komisja Ścigania Zbrodni przeciwko Narodowi Polskiemu, 2016.

Pleskot P. Wielki mały ekran : telewizja a codzienność Polaków w latach sześćdziesiątych. Warszawa : Wydawnictwo Trio, 2007. C.49–61.

PRL — trwanie i zmiana / red. D. Stola i M. Zaremba. Warszawa : Wyższa Szkoła Przedsiębiorczości i Zarządzania im. Leona Koźmińskiego, 2003.

PZPR jako machina władzy / red. D. Stola i K. Persak. Warszawa : Instytut Pamięci Narodowej. Komisja Ścigania Zbrodni przeciwko Narodowi Polskiemu ; Instytut Studiów Politycznych PAN, 2012.

Władza a społeczeństwo w PRL : studia historyczne / red. A. Friszke ; Instytut Studiów Politycznych Polskiej Akademii Nauk. Warszawa : Instytut Studiów Politycznych PAN, 2003.

Сведения об авторе

Семполович Михал — канд. ист. наук, науч. сотр., Музей эмиграции в Гдыни, (Польша)

Sempolowicz Michał — doctor of philosophy, research officer, Emigration Museum in Gdynia

e-mail: m.sempolowicz@muzeumemigracji.pl

УДК 94(47).084

И. В. Сидорчук. Как полюбить революцию (случай Н. Я. Марра)

Аннотация: Статья посвящена одному из наиболее интересных, неоднозначных и популярных среди исследователей представителей науки периода 1920–1930-х гг. — лингвисту Н. Я. Марру (1864/65–1934). На основании широкого спектра источников автор анализирует трансформацию его отношения к событиям Октября 1917 г., новой власти и марксистской идеологии. Антипатия и жесткая критика, характерная для далекого от революционных политических идей ученого, со временем сменились стремлением к сотрудничеству и позднее полным принятием. Революционные потрясения стали трагедией для Н. Я. Марра как ученого и человека, но предоставили уникальную возможность для развития и академического признания его яфетической теории и «нового учения о языке». В статье рассмотрены особенности адаптации ученым своих лингвистических идей под новую государственную идеологию. Именно революция позволила ему стать одним из лидеров отечественной гуманитаристики, в жестокой и смертельно опасной борьбе победив своих многочисленных оппонентов. Новый строй не давал существенной материальной поддержки, на что ученый постоянно жаловался, но он мог предложить единоличную власть в научном мире, чего и смог добиться ученый. В результате вплоть до развенчания марризма в 1950 г. Н. Я. Марра превозносили как ученого, который заложил основы марксистской лингвистики еще до революции, хотя это было совершенно не так. Обращение к данной теме помогает не только дополнить представления о биографии ученого, но и внести вклад в исследование взаимоотношений ученого сообщества и власти, а также институционализации новых научных учреждений в постреволюционный период.

Ключевые слова: Н. Я. Марр; наука и власть; советская наука 1920-х гг.; институционализация научных учреждений; новое учение о языке.

I. V. Sidorchuk. How to fall in love with the revolution (case N. Ya. Marr)

Abstract: The article deals with one of the most interesting, controversial, and popular among researchers linguist N. Ya. Marr (1864/65–1934). On the basis of a wide variety of sources, the author analyzes the transformation of his relationship to the events of October 1917,

the new government and Marxist ideology. Antipathy and harsh criticism eventually gave way to a spirit of cooperation and, later, full acceptance. A revolutionary upheaval was a tragedy for N. Ya. Marr as a scientist and a person, but provided a unique opportunity for development and academic recognition of his Japhetic theory and the «The new doctrine on language». Revolution has enabled him to become one of the leaders of the national Humanities, in a fierce and deadly struggle defeating his numerous opponents. The new system did not give significant material support to the scientist, but could offer the sole power in the scientific world. The result is up to debunking of marrism in 1950 N. Ya. Marr praised as a scientist who laid the foundations of Marxist linguistics before the revolution, although this was not truth. The addressing this subject helps not only to supplement the presentation on the biography of the scientist, but to contribute to the study of the relationship of the scientific community and authorities, as well as the institutionalization of new scientific institutions in the post-revolutionary period.

Keywords: N. Ya. Marr; science and power; Soviet science in the 1920s; institutionalization of scientific institutions; «The new doctrine on language».

Библиография

Алпатов В. М. История одного мифа: Марр и марризм. М. : Наука, 1991.

Базылев В. Н., Нерознак В. П. Традиция, мерцающая в толще истории // Сумерки лингвистики. Из истории отечественного языкознания : антология / под общ. ред. проф. В. П. Нерознака. М. : Academia, 2001. С. 3–20.

Гаспаров Б. Развитие или реструктурирование: Взгляды академика Т. Д. Лысенко в контексте позднего авангарда (конец 1920 — 1930-е гг.) // Логос. 1999. № 11/12. URL: http://www.ruthenia.ru/logos/number/1999_11_12/04.htm (дата обращения: 24.11.2016).

Марр Н. Я. К шестидесятилетию со дня рождения М. Н. Покровского // Научный работник. 1928. № 10 (окт.). С. 3–8.

Марр Н. Я. Секция научных работников и советская общественность // Научный работник. 1927. № 3 (март). С. 17–243.

Марр Ю. Н. Воспоминания об отце-учителе // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1935. № 3/4. С. 152–154.

Миханкова В. А. Николай Яковлевич Марр. Очерк его жизни и научной деятельности. 3-е изд. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1949.

Платонов А. Потомки Солнца // Советская фантастика 20–40-х годов / сост. Д. Зиберов. М. : Правда, 1987. С. 239–248.

Платонова Н. И. История археологической мысли в России: вторая половина XIX — первая треть XX века : дис. ... д-ра ист. наук / Рос. акад. наук, Ин-т истории материальной культуры. СПб., 2010.

Платонова Н. И. Николай Яковлевич Марр — археолог и организатор археологической науки // Археологические вести. СПб., 1998. № 5. С. 371–381.

Ростовцев Е. А. Столичный университет Российской империи : ученое сословие, общество и власть (вторая половина XIX — начало XX в.). М. : Политическая энциклопедия, 2017.

Селиванов В. В. Вяч. И. Иванов и Н. Я. Марр в жизни и творческой судьбе К. М. Колобовой (часть II) // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира : сб. статей. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2007. Вып. 6. С. 473–510.

Goodman E. R. The Soviet Design for a World Language // Russian Review. 1956. Vol. 15, N 2. P. 85–99.

Manning C. A. Japhetology // Language. 1931. Vol. 7, N 2. P. 143–146.

Reznik V. Succession or Subversion: Professional Strategies of Soviet Cultural Revolution: The Case of Nikolai Marr // Slavonica. 2007. Vol. 13, N 2. P. 150–167.

Sauvageot A. Linguistique et marxisme // A la lumiere du marxisme: Essais: Sciences Physico-Mathematiques, Sciences Naturelles, Sciences Humaines. Paris : Editions sociales internationales, 1935. Vol. I. P. 160–168.

Thomas Lawrence L. The linguistic theories of N. Ja. Marr. Berkeley, California [u. a.]: Univ. of California Press, 1957.

Bibliografiya

Alpatov V. M. Istoriya odnogo mifa: Marr i marrizm. M. : Nauka, 1991.

Bazylev V. N., Neroznak V. P. Tradiciya, mercayushchaya v tolsheche istorii // Sumerki lingvistiki. Iz istorii otechestvennogo yazykoznanija : antologiya / pod obshch. red. prof. V. P. Neroznaka. M. : Academia, 2001. S. 3–20.

Gasparov B. Razvitie ili restrukturirovanie: Vzglyady akademika T. D. Lysenko v kontekste pozdnego avangarda (konec 1920–1930-e gg.) // Logos. 1999. N 11/12. URL: http://www.ruthenia.ru/logos/number/1999_11_12/04.htm (data obrashcheniya: 24.11.2016).

Marr N. YA. K shestidesyatiletiju so dnya rozhdeniya M. N. Pokrovskogo // Nauchnyj rabotnik. 1928. N 10 (okt.). S. 3–8.

Marr N. YA. Sekciya nauchnyh rabotnikov i sovetskaya obshchestvennost' // Nauchnyj rabotnik. 1927. N 3 (mart). S. 17–243.

Marr YU. N. Vospominaniya ob otce-uchitele // Problemy istorii dokapitalisticheskikh obshchestv. 1935. N 3/4. S. 152–154.

Mihankova V. A. Nikolaj YAKovlevich Marr. Oчерk ego zhizni i nauchnoj deyatel'nosti. 3-e izd. M. ; L. : Izd-vo AN SSSR, 1949.

Platonov A. Potomki Solnca // Sovetskaya fantastika 20–40-h godov / sost. D. Ziberov. M. : Pravda, 1987. S. 239–248.

Platonova N. I. Istoriya arheologicheskoy mysli v Rossii: vtoraya polovina XIX — pervaya tret' XX veka : dis. ... d-ra ist. nauk / Ros. akad. nauk, In-t istorii material'noj kul'tury. SPb., 2010.

Platonova N. I. Nikolaj YAKovlevich Marr — arheolog i organizator arheologicheskoy nauki // Arheologicheskie vesti. SPb., 1998. N 5. S. 371–381.

Rostovcev E. A. Stolichnyj universitet Rossijskoj imperii : uchenoe soslovie, obshchestvo i vlast' (vtoraya polovina XIX — nachalo XX v.). M. : Politicheskaya ehnciklopediya, 2017.

Selivanov V. V. Vyach. I. Ivanov i N. YA. Marr v zhizni i tvorcheskoy sud'be K. M. Kolobovoj (chast' II) // Mnemon. Issledovaniya i publikacii po istorii antichnogo mira : sb. statej. SPb. : Izd-vo SPbGU, 2007. Vyp. 6. S. 473–510.

Goodman E. R. The Soviet Design for a World Language // Russian Review. 1956. Vol. 15, N 2. P. 85–99.

Manning C. A. Japhetology // Language. 1931. Vol. 7, N 2. P. 143–146.

Reznik V. Succession or Subversion: Professional Strategies of Soviet Cultural Revolution: The Case of Nikolai Marr // Slavonica. 2007. Vol. 13, N 2. P. 150–167.

Sauvageot A. Linguistique et marxisme // A la lumiere du marxisme: Essais: Sciences Physico-Mathematiques, Sciences Naturelles, Sciences Humaines. Paris : Editions sociales internationales, 1935. Vol. I. P. 160–168.

Thomas Lawrence L. The linguistic theories of N. Ja. Marr. Berkeley, California [u. a.]: Univ. of California Press, 1957.

Сведения об авторе

Сидорчук Илья Викторович — канд. ист. наук, доцент, Высшая школа общественных наук Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого

Sidorchuk Ilia Victorovich — PhD, assistant professor, Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University, Institute of Humanities, Higher School of Social Sciences.

e-mail: chubber@yandex.ru

УДК 94(47).084.3

Н. Н. Смирнов. О некоторых дискуссионных проблемах Великой русской революции 1917 г.

Аннотация: В статье анализируются актуальные дискуссионные проблемы истории Российской революции 1917 г., привлекающие внимание отечественных и зарубежных исследователей. Акцентируется необходимость рассмотрения разноплановых событий Революции с учетом расширения традиционной документальной базы, связанной с массовыми источниками и документами личного происхождения. Обосновывается необходимость обновления историографической традиции, учитывающей переосмысление и дополнительную разработку широкого круга вопросов, связанных с выявлением соотношения объективного и субъективного факторов в Революции 1917 г., закономерности свержения самодержавия, кризиса буржуазно-либерального правительства и прихода большевиков к власти, роли внешнего фактора в истории Русской революции.

Ключевые слова: самодержавие; общество; Государственная дума; Революция; политические партии; Временное правительство; Советы; союзники.

N. N. Smirnov. About some discussion problems of Great Russian Revolution 1917 year

Abstract: This article analyzes the topical discussion problems of history of the Russian revolution of 1917, attracting the attention of domestic and foreign researchers. Underlines the need to consider the diverse events of the revolution in the light of the expansion of the traditional documentary base associated with massive sources and personal documents. The necessity of updating the tradition of historiography, which takes into account the rethinking and further the development of a wide range of issues related to the detection ratio of objective and subjective factors in the revolution of 1917 year, patterns, the overthrow of the autocracy, the crisis of the bourgeois-liberal government and the arrival of the Bolsheviks to power, the role of external factors in the history of the Russian revolution.

Keywords: autocracy; society; the State Duma; revolution; political parties; the provisional Government; Councils; the allies.

Библиография

Берберова Н. Люди и ложи: русские масоны XX столетия // Вопросы литературы. 1990. № 1.

Брачев В. «Победоносный Февраль» 1917 г.: масонский след // Масоны и Февральская революция 1917 года. М., 2007.

Гайда Ф. А. Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 — весна 1917 г.). М., 2003.

Концепт «революция» в современном политическом дискурсе. СПб., 2008.

Критический словарь Русской революции: 1914–1921. СПб., 2014.

Миллер В. И. Осторожно: история! М., 1997.

Николаев А. Б. Временный комитет Государственной думы в марте 1917 г.: хроника первых послефевральских заседаний // Таврические чтения 2015. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность : междунар. науч. конф., С.-Петербург, Таврический дворец, 10–11 декабря 2015 г. : сб. науч. статей / под ред. А. Б. Николаева. СПб., 2016. Ч. 1. С. 176–188.

О причинах Русской революции. М., 2010.

Революционный терроризм и русская революция. СПб, 2008.

Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды : сб. науч. ст. СПб., 2016.

Россия и революция 1917 года: опыт истории и теории : материалы Всерос. науч. конф. 12–13 ноября 2007 г. СПб., 2008.

Соболев Г. Л. Тайный союзник : русская революция и Германия, 1914–1918. СПб., 2009.

Соболев Г. Л. Тайна «немецкого золота». СПб. ; М., 2002.

Старцев В. И. Русское политическое масонство начала XX века. СПб., 1996.

Шанин Т. Революция как момент истины. 1905–1907–1917–1922. М., 1997.

Эпоха войн и революций: 1914–1922 : материалы междунар. коллоквиума. СПб., 2017.

Critical Companion to the Russian Revolution 1914–1921. London, 1997

Davidson N. How Revolutionary Were the Bourgeois Revolutions? Chicago (Illinois), 2012.

Sambat M. Perdons-nous la Russie? Paris, 1917.

Bibliografiya

Berberova N. Lyudi i lozhi: russkie masony XX stoletiya // Voprosy literatury. 1990. N 1.

Brachev V. «Pobedonosnyj Fevral'» 1917 g.: masonskij sled // Masony i Fevral'skaya revolyuciya 1917 goda. M., 2007.

Gajda F. A. Liberal'naya oppozitsiya na putyah k vlasti (1914 – vesna 1917 g.). M., 2003.

Koncept «revolyuciya» v sovremenном politicheskom diskurse. SPb., 2008.

Kriticheskij slovar' Russkoj revolyucii: 1914–1921. SPb., 2014.

Miller V. I. Ostorozhno: istoriya! M., 1997.

Nikolaev A. B. Vremennyy komitet Gosudarstvennoj dumy v marte 1917 g.: hronika pervyh poslefevral'skih zasedanij // Tavricheskie chteniya 2015. Aktual'nye problemy parlamentarizma: istoriya i sovremennost' : mezhdunar. nauch. konf., S.-Peterburg, Tavricheskij dvorec, 10–11 dekabrya 2015 g. : sb. nauch. statej / pod red. A. B. Nikolaeva. SPb., 2016. CH. 1. S. 176–188.

O prichinah Russkoj revolyucii. M., 2010.

Revolucionnyj terrorizm i russkaya revolyuciya. SPb, 2008.

Revoluciya 1917 goda v Rossii: novye podhody i vzglyady : sb. nauch. st. SPb., 2016.

Rossiya i revolyuciya 1917 goda: opyt istorii i teorii : materialy Vseros. nauch. konf. 12–13 noyabrya 2007 g. SPb., 2008.

Sobolev G. L. Tajnyj soyuznik : russkaya revolyuciya i Germaniya, 1914–1918. SPb., 2009.

Sobolev G. L. Tajna «nemeckogo zolota». SPb. ; M., 2002.

Starcev V. I. Russkoe politicheskoe masonstvo nachala XX veka. SPb., 1996.

Shanin T. Revolyuciya kak moment istiny. 1905–1907–1917–1922. M., 1997.

ЕНрoha vojn i revolyucij: 1914–1922 : materialy mezhdunar. kolokviuma. SPb., 2017.

Critical Companion to the Russian Revolution 1914–1921. London, 1997

Davidson N. How Revolutionary Were the Bourgeois Revolutions? Chicago (Illinois), 2012.

Sembat M. Perdons-nous la Russie? Paris, 1917.

Сведения об авторе

Смирнов Николай Николаевич — д-р ист. наук, профессор, директор, Санкт-Петербургский институт истории РАН

Smirnov Nikolay Nikolaevich — Dr. of Sciences (History), professor, Director St. Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences

e-mail: nik_smirn@mail.ru

УДК 930.85; 94 (47)

Н. Н. Смирнова. М. О. Гершензон: революция и банкротство культуры

Аннотация: Все написанное Гершензоном о революции в России так или иначе связано с темой ощущаемого современным человеком кризиса культуры, желанием начать историю с чистого листа. Революция рассматривается выдающимся российским историком и мыслителем как следствие утраты обществом творческого самосознания. «Банкротство культуры» состоит в неправильном расчете человека культуры, делающего ставку на обезличенную ценность и технический прогресс в ущерб индивидуальной автономии. Революция — стихийный ответ из недр личности на ущемление ее законных прав свободного саморазвития, отказ служить отвлеченному целому. Революционный взрыв представляется Гершензоном как конфликт общества («целого») и личности, ищущей свою истину, не желающей служить ее отвлеченной копии. Революция есть закономерное развитие процесса крайнего отчуждения. Гершензон говорит в этом контексте об отвлечении, абстракции ценности, личной по происхождению, в процессе ее присвоения общественными институтами; т. е. об отчуждении, по существу. Главным итогом революционных преобразований должна стать свободная личность (в противоположность коллективу, обществу) как отправная точка развития нового мира. Революция предполагала создание новых форм не только в общественно-политической сфере, но и в области духовного творчества, творчества новых форм искусства и жизни. Все это по духу совпадало с бунтарским поиском авангардного искусства, хотя корни явления в целом можно найти в развитии «нового религиозного сознания» рубежа XIX–XX вв. Видение революционных событий в системе взглядов М. О. Гершензона — это видение новых возможностей, а не катастрофы.

Ключевые слова: революция в России; М. О. Гершензон; кризис культуры; «банкротство культуры»; отчуждение.

N. N. Smirnova. M. O. Gershenzon: The Revolution and «Bankruptcy of culture»

Abstract: All written by M. O. Gershenzon about the Russian Revolution is connected with the theme of the culture crisis felt by modern man, the desire to start the story from scratch. The revolution is viewed by an outstanding Russian historian and thinker as a consequence of

the society's loss of creative self-awareness. «Bankruptcy of culture» means the wrong counting of human beings on impersonal value and technological progress to the detriment of individual autonomy. Revolution is a spontaneous response from the depths of the individual to violation of her legitimate rights of free self-development, refusal to serve an abstract «whole». The revolutionary explosion is represented by Gershenzon as a conflict between society (the «whole») and a person searching for his truth, who does not want to serve to abstract copy of the truth. The revolution is development of the process of extreme alienation. In this context Gershenzon used the term «abstraction», i. e. the abstraction of value, personal by origin, in the process of its appropriation by public institutions; that is, about alienation, in essence. The main result of revolutionary changes must be a free personality (in opposition to a collective, a society) as a starting point for the making of a new world. The revolution assumed the creation of new forms not only in the socio-political sphere, but also in the field of spiritual creativity, the creation of new forms of art and life. All this coincided with the rebellious search for avant-garde art, although the roots of the phenomenon as a whole can be found in the development of the «new religious consciousness» of the turn of the XIX–XX centuries. According to Gershenzon, the vision of revolutionary movement is a new opportunity, not a catastrophe.

Keywords: the Russian revolution; M. O. Gershenzon; the culture crisis; «Bankruptcy of culture»; alienation.

Библиография

Гершензон М. О. Избранное. М. ; Иерусалим : Университетская книга : Gesharim, 2000.

Малевич К. «Идите скорее, ибо завтра мы уйдем далеко» (1917) [Электронный ресурс]. URL: http://kazimirmalevich.ru/t5_1_1_15 (дата обращения: 16.06.2017).

Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву. Вольность / изд. подгот. В. А. Западов. СПб. : Наука, 1992.

Bibliografiya

Gershenzon M. O. Izbrannoe. M. ; Ierusalim : Universitetskaya kniga : Gesharim, 2000.

Malevich K. «Iдите skoree, ibo zavtra my ujdem daleko» (1917) [Elektronnyj resurs]. URL: http://kazimirmalevich.ru/t5_1_1_15 (data obrashcheniya: 16.06.2017).

Radishchev A. N. Puteshestvie iz Peterburga v Moskvu. Vol'nost' / izd. podgot. V. A. Zapadov. SPb. : Nauka, 1992.

Сведения об авторе

Смирнова Наталья Николаевна — канд. филол. наук, ст. науч. сотр., Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН

Smirnova Natalia Nikolaevna — PhD in Philology, Senior Researcher, M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences

e-mail: nnsmirnova@mail.ru

УДК 94(47).084.3

О. Ю. Солодянкина. Казусы идентичности: новая губерния, новые герои, новые иностранцы и новые коммеморативные практики

Аннотация: В статье рассматриваются микроисторические процессы, связанные с проблемами идентичности жителей новой Череповецкой губернии, образовавшейся в 1918 г. На основе архивных материалов, данных периодической печати и воспоминаний участников событий показано, как на локальном уровне происходил разрыв с прошлым и выстраивание структур нового, советского общества. Одна из тем статьи — потеря прежней идентичности, поиск и обретение новой идентичности людьми, неожиданно оказавшимися иностранцами. Это люди, которые родились на территории, в новой геополитической реальности, ставшей частью государств-лимитрофов, образовавшихся после распада Российской империи, а также в странах, исчезнувших в результате Первой мировой войны. В первые послереволюционные годы на местном уровне шел мучительный поиск определения критериев новой идентичности — по языку, по конфессиональной принадлежности, по родителям, по фамилии, что на практике создавало казусы, разобранные в статье. В начале 1920-х гг. местные власти приняли меры для четкого контролирования иностранцев и документального подтверждения статуса лиц, позиционирующих себя иностранцами, что привело к уменьшению числа иностранцев в губернии. Второй темой является рассмотрение того, как на локальном уровне происходило выстраивание коммеморативных практик с формированием посмертной мученической идентичности тех, кто официально стал героями новой власти. В Череповец привозили тела тех местных жителей, кто погиб в боях Гражданской войны, т. е. тех коммунистов, кто уходил на фронт по призыву партийной организации и на фронте становился политработником, комиссаром. На местном уровне сложился определенный ритуал прощания с героем, соединяющий скорбь и торжество, использующий методы старого религиозного нарратива почитания мучеников. В начале 1920-х власти также взяли под контроль вновь созданное место памяти — кладбище жертв революции, четко определив, кто из похороненных может фигурировать как герой, а кто нет.

Ключевые слова: микроистория; Череповецкая губерния; коммеморативные практики; постреволюционная идентичность

O. Yu. Solodyankina. Identity problems: new guberniya, new heroes, new foreigners, and new commemorative practices

Abstract: The article is devoted to the microhistorical processes connected with the problems of identity of inhabitants of the new Cherepovets province (guberniya) which was formed in 1918. The main sources are archival materials, periodicals and memoirs of participants of events. It is shown the process of a gap to the past and forming of structures of new, Soviet society on the local level. One of the theme of the article is a loss of a former identity, search and finding of a new identity by the people who unexpectedly became foreigners. They were born both in the Russian Empire, but in such parts of the country which became independent states in a new geopolitical reality, and in the countries which disappeared because of World War I. In the first years after the Revolution 1917 at the local level there was a painful search of determination of criteria of a new identity: on language, confessional accessory, on parents, by last name, that in practice created the incidents sorted out in the article. In the early 1920s local authorities' measures were aimed at controlling foreigners and documentary confirmation of their status as persons positioning themselves as foreigners. As a result, the number of foreigners in the province was strictly reduced. The second subject is consideration of the forming of the commemorative practices on the local level. It was a process of formation of posthumous martyr identity. Some local people, first communists who left to the front of the Civil war according to the call of the party organization and became political activists, were the heroes of the new Soviet state. Bodies of those who have died on civil war brought to Cherepovets for solemn burial. At the local level, there was a certain ritual of farewell to the hero connecting grief and a celebration, using methods of an old religious narrative of honoring of martyrs. So, the new place of memory was created; it was the cemetery of the victims of revolution. In the early twenties, the authorities took under control this place. Only they could define which of the buried men could be real hero and who weren't.

Keywords: microhistory; Cherepovets guberniya (province); commemorative practices; post-Revolution identity.

Библиография

Красильникова Е. И. Коммеморативный аспект октябрьских торжеств в западносибирских городах 1920-х гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2012. № 3. С. 68–71.

Павловцев П. Л. Полвека назад: Воспоминания участника революционных событий. Вологда : Северо-Западное книжное изд-во, 1968.

Романовская Е. В., Фоменко Н. Л. Идентичность и коммеморация // Власть. 2015. № 7. С. 81–84.

Тихонов В. В. Революция 1917 года в коммеморативных практиках и исторической политике советской эпохи // Российская история. 2017. № 2. С. 92–112.

Bibliografiya

Krasil'nikova E. I. Kommemorativnyj aspekt oktyabr'skih torzhestv v zapadnosibirskih gorodah 1920-h gg. // Gumanitarnye nauki v Sibiri. 2012. N 3. S. 68–71.

Pavlovcev P. L. Polveka nazad: Vospominaniya uchastnika revolyucionnyh sobytij. Vologda: Severo-Zapadnoe knizhnoe izd-vo, 1968.

Romanovskaya E. V., Fomenko N. L. Identichnost' i kommemoraciya // Vlast'. 2015. N 7. S. 81–84.

Tihonov V. V. Revolyuciya 1917 goda v kommemorativnyh praktikah i istoricheskoy politike sovetskoj ehpoi // Rossijskaya istoriya. 2017. N 2. S. 92–112.

Сведения об авторе

Солодянкина Ольга Юрьевна — д-р ист. наук, доцент, профессор кафедры истории и философии, Череповецкий государственный университет

Solodyankina Olga Yuryevna — Doctor of historical sciences, Professor of History and Philosophy Department, Cherepovets State University.

e-mail: olga_solodiantkin@mail.ru

УДК 069.013

С. Л. Спиридонов. История Российской революции 1917–1922 гг.: новый опыт музейной интерпретации

Аннотация: Музей политической истории России был создан в 1919 г. как Государственный музей Революции, и основу его коллекции, соответственно, составили материалы, отображающие историю революционного движения в России и историю Революции 1917 г. и Гражданской войны. Тема Революции была основной для нашего музея на протяжении всего периода его существования. В 2010-е гг., когда и историки, и в целом российское общество уже серьезно пересмотрели свои взгляды на историю Российской революции, появилась необходимость в новой экспозиции по данной теме.

Научный коллектив музея политической истории достаточно долго искал новые подходы к теме Революции, отрабатывая их в 1990–2000 гг. в выставочном формате. Основная цель, которую поставили перед собой сотрудники музея при работе над новой экспозицией, — помочь посетителям музея, а особенно обучающейся аудитории сформировать объемный, комплексный взгляд на историю Революции. При этом ставилась задача подать исторические сведения максимально объективно, не вставая на сторону какой-либо политической силы.

В основу научной концепции экспозиции, получившей название «Революция в России. 1917–1922», была положена идея о том, что Революция была единым многолетним процессом, не делившимся на две разные революции, и именно так ее воспринимали сами участники Революции и современники. Она началась в феврале 1917 г. с восстания в Петрограде, а закончилась полной победой большевиков на территории бывшей Российской империи и закреплением этой победы путем создания нового государства, Союза Советских Социалистических Республик, в декабре 1922 г.

Что же получилось в итоге? В экспозиции, размещенной в пяти музейных залах, представлены документы и фотографии, рассказывающие о развитии революционных событий, плакаты, живопись и графика революционного времени, а также подлинные уникальные вещевые экспонаты — артефакты Революции.

Экспозиция отображает весь процесс развития Российской революции, от ее начала в феврале 1917 г. до победы партии большевиков в Гражданской войне и образования на месте Российской империи нового государства — СССР.

Экспозиция отличается современным дизайном, включающим в себя особые экспозиционные конструкции, продуманное цветовое решение залов, специальное шрифтовое решение для различного рода экспозиционных текстов, тщательно выверенное освещение для разных частей экспозиции, а также кинохронику, звуковое оформление и другие дизайнерские элементы. Все это создает особую среду, воздействующую на эмоции посетителя и в конечном счете позволяющую посетителю более глубоко воспринять представленные ему экспозиционные материалы.

Ключевые слова: Революция; Гражданская война; музей; экспозиция; музейный дизайн.

S. L. Spiridonov. The history of the Russian revolution 1917–1922: a new experience of Museum interpretation

Abstract: the Museum of political history of Russia was created in 1919 as the State Museum of the Revolution, and the basis of its collection accordingly made materials reflecting the history of the revolutionary movement in Russia and the history of the Revolution of 1917 and the Civil war. The theme of the Revolution was the main one for our Museum during the whole period of its existence. In the 2010s, when, and historians, and in General, Russian society is already seriously reconsider their views on the history of the Russian revolution, there is a need in the new exhibition on the subject.

The scientific staff of the Museum of political history long enough to look for new approaches to the subject of the Revolution, practicing them in 1990–2000 in the exhibition format. The main goal, which has set itself the Museum staff at work on a new exhibition to help visitors to the Museum, especially learning audience, to create a voluminous, comprehensive look at the history of the Revolution. In this case the task was to submit historical information as objectively as possible, not siding any political party.

The basis of the scientific concept of the exposition, dubbed «the Revolution in Russia. 1917–1922», was based on the idea that the Revolution was a single long process that is not shared on two different revolution, and took the participants of the Revolution and its contemporaries. It began in February 1917 uprising in Petrograd, and ended with the complete victory of the Bolsheviks in the former Russian Empire and consolidate the victory by establishing a new state, the Union of Soviet Socialist Republics in December 1922.

What happened in the end? In the exposition, placed in five halls of the Museum, displays documents and photographs depicting the development of revolutionary events, posters, paintings and drawings of the revolutionary time, as well as a genuine unique clothing exhibits — artifacts of the revolution.

The exhibition displays the entire process of development of the Russian revolution in February of 1917 to the victory of the Bolshevik party in the Civil war and education in the Russian Empire the new state — the USSR.

The exhibition has a modern design, which includes a special exhibition design, thought-out color scheme of the halls, a special font for a different kind of exhibition texts, carefully calibrated lighting for different parts of the exhibition, as well as newsreels, sound design and other design elements. All this creates a special environment that affects the emotions of the visitor, and, ultimately, allowing the visitor to more deeply perceive him presented to the exposition materials.

Keywords: Revolution; Civil war; museum; exposition; exhibition design.

Библиография

Ерофеев Н. Д. Современная отечественная историография Русской революции 1917 года // Новая и новейшая история. 2009. № 2.

Измозик В. С. Сколько революций было в России? К методологии вопроса // Россия в XX веке : сб. статей. М., 2003.

Калмыков А. Г. Технология «исправления истории» (Судьба «политически вредных» материалов в фондах Государственного музея политической истории России) // Английская набережная, 4 : ежегодник С.-Петербургского научного общества историков и архивистов. СПб., 2000.

Новый музей: от замысла до воплощения. СПб., 2013.

Спиридонов С. Л. Тема Гражданской войны в России в экспозиции ГМР—ВОСР—ГМПИР // ГМПИР: 90 лет в пространстве истории и политики. 1919–2009. СПб., 2010.

Bibliografiya

Erofeev N. D. Sovremennaya otechestvennaya istoriografiya Russkoy revolyucii 1917 goda // Novaya i novejschaya istoriya. 2009. N 2.

Izmozik V. S. Skol'ko revolyucij bylo v Rossii? K metodologii voprosa // Rossiya v XX veke : sb. statej. M., 2003.

Kalmykov A. G. Tekhnologiya «ispravleniya istorii» (Sud'ba «politicheski vrednyh» materialov v fondah Gosudarstvennogo muzeya politicheskoy istorii Rossii) // Anglijskaya naberezhnaya, 4 : ezhegodnik S.-Peterburgskogo nauchnogo obshchestva istorikov i arhivistov. SPb., 2000.

Novyj muzej: ot zamysla do voploshcheniya. SPb., 2013.

Spiridonov S. L. Tema Grazhdanskoj vojny v Rossii v ehkspozicii GMR—VOSR—GMPiR // GMPiR: 90 let v prostranstve istorii i politiki. 1919–2009. SPb., 2010.

Сведения об авторе

Спиридонов Сергей Леонидович — ст. науч. сотр. отдела научно-экспозиционного проектирования, ФГБУК «Государственный музей политической истории России»

Spiridonov Sergey Leonidovich — senior researcher, Department of research and exhibition, The state Museum of political history of Russia

e-mail: sergspirid@yandex.ru

УДК 94(47).084.3

К. А. Тарасов. «Левый блок» в Петроградском гарнизоне в 1917 г.

Аннотация: Исследование посвящено вопросу о взаимодействии различных политических групп леворадикального направления в 1917 г. Автор предложил пересмотреть устоявшийся взгляд на революционный процесс как на постепенную большевизацию политического пространства. Большевики не были единственной силой, выступавшей за коренные преобразования. В Петроградском гарнизоне с весны–лета 1917 г. наблюдается совместная агитация активистов различных политических направлений: большевиков, «межрайонцев», левого крыла партии социалистов-революционеров, меньшевиков-интернационалистов и анархистов. В официальных заявлениях лидеров этих партий и в печатных изданиях никогда не говорилось о союзе или заключении каких-то тактических соглашений. Вместе с тем на низовом уровне рядовых членов политических групп сближала общая борьба против умеренного социалистического блока меньшевиков и эсеров, программа которого доминировала в солдатских комитетах.

Совместные действия леворадикальных партий наиболее отчетливо видны в период июльского выступления. Неслучайно после его подавления представители всех леворадикальных групп оказались под следствием как повлиявшие на решение солдат выйти на улицы с оружием в руках. В той же степени имеют значение совместные действия леворадикальных партий в период октябрьских событий. Под влиянием угрозы установления военной диктатуры после корниловского выступления в Петроградском Совете произошло усиление левых групп под лозунгом «Вся власть Советам». Блок умеренных социалистов перестал доминировать. Накануне II Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов Петроградским Советом был создан Военно-революционный комитет. Этот орган стал кульминацией соглашения леворадикальных партий. В нем были представлены все группы этого направления. Именно благодаря этому Октябрьский переворот в Петрограде смог осуществиться с такой легкостью.

Ключевые слова: левый блок; леворадикальные партии; большевики; левые эсеры; Петроградский гарнизон; Революция 1917 г.

К. А. Tarasov. Left block in Petrograd garrison in 1917

Abstract: The study devoted to a cooperation between left-radical political groups in 1917. The author suggested revising the established view on the revolutionary process as a gradual Bolshevisation of the political space. The Bolsheviks were not the only force advocating radical changes. In the Petrograd garrison in the spring-summer of 1917 there was a joint agitation of activists representing a various political trends: Bolsheviks, «mezhraiontsy», the left wing of the Socialist-Revolutionary Party, Menshevik internationalists and anarchists. In the official statements of the leaders of these parties and in their press, there has never been talk about an alliance or conclusion of any kind of tactical agreements. At the same time, at the grassroots level, there was a common struggle against the moderate socialist bloc of the Mensheviks and Socialist-Revolutionaries, whose program dominated the soldiers' committees.

The collaborations of left-wing radical parties are most clearly visible in the period of the July Days. After it was suppressed, the representatives of all left radical groups were under investigation. To the same extent, the joint actions of left-wing radical parties during the October events are important. Influenced by the threat of establishing a military dictatorship after the Kornilov affair there was an intensification of the left groups in Petrograd Soviet under the slogan «All power to the Soviets». The block of moderate socialists has ceased to dominate. On the eve of the Second All-Russian Congress of Soviets of Workers 'and Soldiers' Deputies, the Petrograd Soviet founded the Military Revolutionary Committee. This institution was the culmination of the agreement made by left-wing radical parties. All groups of this political orientation were represented in it. Because of that October upheaval in Petrograd realized with such ease.

Keywords: left block; left-radical parties; Bolsheviks; left socialist revolutionaries; Petrograd garrison; Revolution of 1917.

Библиография

Аннин А. Г. Фракции социалистов Советов рабочих и солдатских депутатов Центральной России (февраль–октябрь 1917). Иваново : Ивановский гос. ун-т, 2005.

Ахун М. И., Петров В. А. Большевики и армия в 1905–1917 гг. Военная организация при Петербургском комитете РСДРП(б) и революционное движение в войсках Петербурга. Л. : Красная газета, 1929.

Большевизация Петроградского гарнизона : сб. материалов и документов / сост. М. И. Ахун, Б. М. Кочаков и М. Л. Лурье. Л. : Лен-облиздат, 1932.

Голуб П. А. Большевики и армия в трех революциях. М. : Политиздат, 1977.

Голуб П. А. О блоке большевиков с левыми эсерами в период подготовки и победы Октября // Вопросы истории КПСС. 1971. № 9.

Злоказов Г. И. Петроградский Совет на пути к Октябрю. М. : Наука, 1978.

Злоказов Г. И. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в период мирного развития революции (февраль–июнь 1917 г.). М. : Наука, 1969.

Ильин-Женевский А. Ф. От февраля к захвату власти: Воспоминания о 1917 году. Л. : Прибой, 1927. С. 93.

Канев С. Н. Крах русского анархизма // Вопросы истории. 1968. № 9.

Канев С. Н. Октябрьская революция и крах анархизма. М. : Мысль, 1976.

Карамышева Л. Ф. Борьба большевиков за Петроградский Совет (март–октябрь 1917 г.). Л. : Лениздат, 1964.

Колоницкий Б. И. «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М. : Новое литературное обозрение, 2010.

Непролетарские партии России в трех революциях : сб. статей. М. : Наука, 1989.

Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде. Л. : Наука, 1967. Кн. 2.

Орехова Е. Д. О составе Петроградского Военно-революционного комитета // История СССР. 1971. № 2.

Партия левых социалистов-революционеров : документы и материалы, 1917–1925 гг. М. : РОССПЭН, 2000. Т. 1.

Петербургский комитет РСДРП(б) в 1917 году: Протоколы и материалы заседаний / ред. Т. А. Абросимова и др. СПб. : Бельведер, 2003.

Петроградский Военно-революционный комитет : документы и материалы / ред. Д. А. Чугаев. Т. 1. М. : Наука, 1966.

Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Протоколы, стенограммы и отчеты, резолюции, постановления общих собраний, собраний секций, заседаний Исполнительного комитета и фракций 27 февраля — 25 октября 1917 г. М. : РОСПЭН, 2002.

Потехин М. Н. К вопросу о возникновении и составе Петроградского совета в 1917 г. // История СССР. 1965. № 5. С. 233–235.

Потехин М. Н. Первый Совет пролетарской диктатуры. Л. : Лениздат, 1966.

Потехин М. Н. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в исторической литературе 60–70-х гг. // Великий Октябрь в советской и зарубежной исторической литературе : сб. статей. Тбилиси : Мецниереба, 1980.

Правоэсеровский политический процесс в Москве / сост. В. К. Виноградов и др. Т. 1–2. М. : РОССПЭН, 2010.

Рабинович А. Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде. М. : Прогресс, 1989.

Рабинович А. Большевики у власти. Первый год советской эпохи в Петрограде. М. : АИРО-XXI, 2008.

Рудник Я. М. Гарнизон Васильевского острова в революционные дни 1917 г. // В огне революционных боев (Районы Петрограда в двух революциях). М. : Мысль, 1967.

Савон В. П. Терновый венец свободы. Либертаризм в идеологии и революционной практике российских левых радикалов (1917–1918 гг.). Н. Новгород : Изд-во Нижегородского ун-та, 2008.

Смирнов А. С. Об отношении большевиков к левым эсерам в период подготовки Октябрьской революции // Вопросы истории КПСС. 1966. № 2. С. 14–28.

Смирнова А. А. На тернистом пути к нежеланной власти. Петроградские социалисты в феврале–мае 1917 года. СПб. : СПбГУКИ, 2005.

Соболев Г. Л. Петроградский гарнизон в борьбе за победу Октября. Л. : Наука, 1985.

Стариков С. В. Власть Советам, а не партиям: Советская революция в Самаре в 1917–1918 гг. Йошкар-Ола : Марийский гос. ун-т, 1999.

Стариков С. В. Левые социалисты в Великой Российской революции. Март 1917 — июль 1918 гг.: (На материалах Поволжья). Йошкар-Ола : Марийский гос. ун-т, 2004.

Тарасов К. А. Новое в исследовании Военной организации РСДРП(б) // Межвуз. науч. конф. «Русская революция 1917 года: проблемы истории и историографии» : сб. докладов. СПб. : Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2013. С. 115–117.

Тарасов К. А. Численность Военной организации большевиков накануне Октября 1917 г. // Труды Карельского научного центра РАН. 2014. № 3. С. 146–148.

Тарасов-Родионов А. И. Июль. М. : Моск. т-во писателей, 1933.

Тарасов-Родионов А. И. Февраль. Роман-хроника. М. ; Л. : Гос. изд-во, 1928.

Шестой съезд РСДРП(б). Август 1917 года. Протоколы. М. : Госполитиздат, 1958.

Штырбул А. А. Анархистское движение в Сибири в 1-й четверти XX века: Антигосударственный бунт и негосударственная самоорганизация трудящихся: теория и практика. Ч. 1 : (1900–1918 гг.). Омск : ОмГПУ, 1996.

Штырбул А. А. Политическая культура Сибири: Опыт провинциальной многопартийности (конец XIX — первая треть XX в.). Омск : ОмГПУ, 2008.

Anweiler O. The Soviets: the Russian Workers', Peasants' and Soldiers' Councils 1905–1921. New York : Pantheon Books, 1974.

Badcock S. Politics and the people in revolutionary Russia: a provincial history. New York : Cambridge Univ. Press, 2007.

Dickins A. Rethinking the Power of Soviets: Krasnoiarsk, March–October 1917 // Journal of Modern Russian History and Historiography. 2016. N 9. P. 223–250.

Hickey M. C. The Rise and Fall of Smolensk's Moderate Socialists: The Politics of Class and the Rhetoric of Crisis in 1917 // Provincial landscapes: local dimensions of Soviet power, 1917–1953. Pittsburgh : Univ. of Pittsburgh Press, 2001. P. 14–35.

Raleigh D. Revolution on the Volga: 1917 in Saratov. Ithaca : Cornell Univ. Press, 1986.

Bibliografiya

Annin A. G. Frakcii socialistov Sovetov rabochih i soldatskih deputatov Central'noj Rossii (fevral'–oktyabr' 1917). Ivanovo : Ivanovskij gos. un-t, 2005.

Ahun M. I., Petrov V. A. Bol'sheviki i armiya v 1905–1917 gg. Voenaya organizaciya pri Peterburgskom komitete RSDRP(b) i revolyucionnoe dvizhenie v vojskah Peterburga. L. : Krasnaya gazeta, 1929.

Bol'shevizaciya Petrogradskogo garnizona : sb. materialov i dokumentov / sost. M. I. Ahun, B. M. Kochakov i M. L. Lur'e. L. : Lenoblizdat, 1932.

Golub P. A. Bol'sheviki i armiya v trekh revolyuciyah. M. : Politizdat, 1977.

Golub P. A. O bloke bol'shevikov s levymi ehserami v period podgotovki i pobedy Oktyabrya // Voprosy istorii KPSS. 1971. N 9.

Zlokazov G. I. Petrogradskij Sovet na puti k Oktyabryu. M. : Nauka, 1978.

Zlokazov G. I. Petrogradskij Sovet rabochih i soldatskih deputatov v period mirnogo razvitiya revolyucii (fevral'–iyun' 1917 g.). M. : Nauka, 1969.

Il'in-ZHenevskij A. F. Ot fevralya k zahvatu vlasti: Vospominaniya o 1917 gode. L. : Priboj, 1927.

Kanev S. N. Kraх russkogo anarhizma // Voprosy istorii. 1968. N 9.

Kanev S. N. Oktyabr'skaya revolyuciya i krah anarhizma. M. : Mysl', 1976.

Karamysheva L. F. Bor'ba bol'shevikov za Petrogradskij Sovet (mart-oktyabr' 1917 g.). L. : Lenizdat, 1964.

Kolonickij B. I. «Tragicheskaya ehrotika»: Obrazy imperatorskoj sem'i v gody Pervoj mirovoj vojny. M. : Novoe literaturnoe obozrenie, 2010.

Neproletarskie partii Rossii v trekh revolyuciyah : sb. statej. M. : Nauka, 1989.

Oktyabr'skoe vooruzhennoe vosstanie. Semnadcatyj god v Petrograde. L. : Nauka, 1967. Kn. 2.

Orekhova E. D. O sostave Petrogradskogo Voенно-revolucionnogo komiteta // Istorija SSSR. 1971. N 2.

Partiya levyh socialistov-revolucionerov : dokumenty i materialy, 1917–1925 gg. T. 1. M. : ROSSPEHN, 2000.

Peterburgskij komitet RSDRP(b) v 1917 godu: Protokoly i materialy zasedanij / red. T. A. Abrosimova i dr. SPb. : Bel'veder, 2003.

Petrogradskij Voенно-revolucionnyj komitet : dokumenty i materialy / red. D. A. CHugaev. T. 1. M. : Nauka, 1966.

Petrogradskij Sovet rabochih i soldatskih deputatov v 1917 godu. Protokoly, stenogrammy i otchety, rezolyucii, postanovleniya obshchih sobranij, sobranij sekcij, zasedanij Iсполnitel'nogo komiteta i frakcij 27 fevralya — 25 oktyabrya 1917 g. M. : ROSPEHN, 2002.

Potekhin M. N. K voprosu o vznikenii i sostave Petrogradskogo soveta v 1917 g. // Istorija SSSR. 1965. N 5. S. 233–235.

Potekhin M. N. Pervyj Sovet proletarskoj diktatury. L. : Lenizdat, 1966.

Potekhin M. N. Petrogradskij Sovet rabochih i soldatskih deputatov v istoricheskoj literature 60–70-h gg. // Velikij Oktyabr' v sovetskoj i zarubezhnoj istoricheskoj literature : sb. statej. Tbilisi : Mecniereba, 1980.

Pravoehserovskij politicheskij process v Moskve / sost. V. K. Vinogradov i dr. T. 1–2. M. : ROSSPEHN, 2010.

Rabinovich A. Bol'sheviki prihodyat k vlasti. Revolyuciya 1917 goda v Petrograde. M. : Progress, 1989.

Rabinovich A. Bol'sheviki u vlasti. Pervyj god sovetskoj ehpoi v Petrograde. M. : AIRO-XXI, 2008.

Rudnik YA. M. Garnizon Vasil'evskogo ostrova v revolucionnye dni 1917 g. // V ogne revolucionnyh boev (Rajony Petrograda v dvuh revolyuciyah). M. : Mysl', 1967.

Sapon V. P. Ternovyj venec svobody. Libertarizm v ideologii i revolucionnoj praktike rossijskih levyh radikalov (1917–1918 gg.). N. Novgorod : Izd-vo Nizhegorodskogo un-ta, 2008.

Smirnov A. S. Ob otnoshenii bol'shevikov k levym ehseram v period podgotovki Oktyabr'skoj revolyucii // *Voprosy istorii KPSS.* 1966. N 2. S. 14–28.

Smirnova A. A. Na ternistom puti k nezhelannoj vlasti. Petrogradskie socialisty v fevrale–mae 1917 goda. SPb. : SPbGUKI, 2005.

Sobolev G. L. Petrogradskij garnizon v bor'be za pobedu Oktyabrya. L. : Nauka, 1985.

Starikov S. V. Vlast' Sovetam, a ne partiyam: Sovetskaya revolyuciya v Samare v 1917–1918 gg. Joshkar-Ola : Marijskij gos. un-t, 1999.

Starikov S. V. Levye socialisty v Velikoj Rossijskoj revolyucii. Mart 1917 – iyul' 1918 gg.: (Na materialah Povolzh'ya). Joshkar-Ola : Marijskij gos. un-t, 2004.

Tarasov K. A. Novoe v issledovanii Voennoj organizacii RSDRP(b) // *Mezhvuz. nauch. konf. «Russkaya revolyuciya 1917 goda: problemy istorii i istoriografii»* : sb. dokladov. SPb. : Izd-vo SPbGEHTU «LEHTI», 2013. S. 115–117.

Tarasov K. A. CHislenost' Voennoj organizacii bol'shevikov nakanune Oktyabrya 1917 g. // *Trudy Karel'skogo nauchnogo centra RAN.* 2014. N 3. S. 146–148.

Tarasov-Rodionov A. I. Iyul'. M. : Mosk. t-vo pisatelej, 1933.

Tarasov-Rodionov A. I. Fevral'. Roman-hronika. M. ; L. : Gos. izd-vo, 1928.

SHestoj s'ezd RSDRP(b). Avgust 1917 goda. Protokoly. M. : Gospolitizdat, 1958.

SHtyrbul A. A. Anarhistское dvizhenie v Sibiri v 1-j chetverti XX veka: Antigosudarstvennyj bunt i negosudarstvennaya samoorganizaciya trudyashchihsy: teoriya i praktika. CH. 1 : (1900–1918 gg.). Omsk : OmGPU, 1996.

SHtyrbul A. A. Politicheskaya kul'tura Sibiri: Opyt provincial'noj mnogo-partijnosti (konec XIX – pervaya tret' XX v.). Omsk : OmGPU, 2008.

Anweiler O. The Soviets: the Russian Workers', Peasants' and Soldiers' Councils 1905–1921. New York : Pantheon Books, 1974.

Badcock S. Politics and the people in revolutionary Russia: a provincial history. New York : Cambridge Univ. Press, 2007.

Dickins A. Rethinking the Power of Soviets: Krasnoiarsk, March–October 1917 // *Journal of Modern Russian History and Historiography.* 2016. N 9. P. 223–250.

Hickey M. C. The Rise and Fall of Smolensk's Moderate Socialists: The Politics of Class and the Rhetoric of Crisis in 1917 // *Provincial landscapes: local dimensions of Soviet power, 1917–1953.* Pittsburgh : Univ. of Pittsburgh Press, 2001. P. 14–35.

Raleigh D. Revolution on the Volga: 1917 in Saratov. Ithaca : Cornell Univ. Press, 1986.

Сведения об авторе

Тарасов Константин Андреевич — канд. ист. наук, науч. сотр., Санкт-Петербургский институт истории РАН, доцент, Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)

Tarasov Konstantin Andreevich — PhD, Researcher of St. Petersburg institute of history of RAS, assistant professor of St. Petersburg Electrotechnical University «LETI»

e-mail: senderkeeper@mail.ru

УДК 94(47).084.1

Д. А. Тимохина. «Присущие нашей партии качества — ум, знания, опытность, умение работать — обеспечили нам подобающее положение...»: партия народной свободы в революционном Петрограде (февраль–ноябрь 1917 г.)

Аннотация: В статье анализируются структура, численность, социальный состав и основные направления деятельности Петроградской городской организации партии народной свободы после Февральской революции. Ряд документов партийного делопроизводства и источников личного происхождения впервые введены автором в научный оборот. Основное внимание уделено агитации, издательской деятельности и электоральной политике кадетов во время избирательных кампаний в районные и городскую думы, а также Учредительное собрание. Особенности партийного строительства столичных кадетов в революционный период показаны в сравнении с аналогичными процессами в других партийных группах губернии. Изучение материалов о деятельности петроградских кадетов в 1917 г. позволило автору сделать вывод, что партии так и не удалось привлечь под свои знамена широкие массы населения. Это проявилось уже на муниципальных выборах весной–летом 1917 г., проходивших на основе всеобщего избирательного права, и привело в конечном итоге к политическому поражению кадетов, которые не смогли стать адекватной альтернативой социалистам.

Ключевые слова: конституционно-демократическая партия; партия народной свободы; Петроград; Февральская революция; Всероссийское учредительное собрание⁴ электоральная политика.

D. A. Timokhina. «Inherent in our party's qualities — intelligence, knowledge, experience, ability to work — provided we the proper position...»: party of people's freedom in the revolutionary Petrograd (February–November 1917)

Abstract: The article analyzes the structure, size, social composition and main activities of the Petrograd city organization of party of people's freedom after the February revolution. A number of documents of the party record keeping and sources of personal origin for the first time introduced into scientific circulation. The focus is on propaganda, publishing and the electoral policy of the cadets during the election campaigns in the district, and the City Duma and the Constituent Assembly. Features party building capital of the cadets during the revolutionary period are shown in comparison with similar processes in other party

groups of the province. The study of materials on the activities of the Petrograd cadets in 1917 allowed the author to conclude that the party failed to bring under its banner the broad masses of the population. This manifested itself in the municipal elections in the spring and summer of 1917, which took place on the basis of universal suffrage, and led eventually to the political defeat of the cadets who are unable to become an adequate alternative to the socialists.

Keywords: the constitutional democratic party; party of people's freedom; Petrograd; February revolution; Russian constituent Assembly; electoral politics.

Библиография

Архив еврейской истории / вступ. ст., подгот. к печати и коммент. В. Е. Кельнера и О. А. Коростелева. М. : РОССПЭН, 2012. Т. 7.

Архинов И. Л. Российская политическая элита в феврале 1917: психология надежды и отчаяния. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2000.

Астрахан Х. М. Большевики и их политические противники в 1917 г. (Из истории политических партий в России между двумя революциями). Л. : Лениздат, 1973.

Гаврилова О. А. Петроградское земство на выборах в Учредительное собрание (по материалам «Петроградского земского вестника» за 1917–1918 гг.) // Вестн. СПбГУ. Сер. 2. 2007. № 2. С. 61–70.

Декреты Советской власти : в 15 т. / подгот. к печати С. Н. Валк и др. М., 1957. Т. 1.

Думова Н. Г. Кадетская партия в период мировой войны и Февральской революции / АН СССР, Ин-т истории СССР ; отв. ред. В. Я. Лаврычев. М. : Наука, 1988.

Колоницкий Б. И. Печать и революция // Критический словарь Русской революции, 1914–1921 / сост. Э. Актон, У. Г. Розенберг, В. Ю. Черняев. СПб. : Нестор-история, 2014. С. 376–383.

В. И. Ленин и история классов и политических партий в России / Акад. обществ. наук при ЦК КПСС ; гл. ред. М. П. Ким. М. : Мысль, 1970.

Николаев А. Б. Революция и власть: IV Государственная дума, 27 февраля — 3 марта 1917 г. СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2005.

Протасов Л. Г. Всероссийское Учредительное собрание: история рождения и гибели. М. : РОССПЭН, 1997.

Спирин Л. М. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX в. — 1920 г.). М. : Мысль, 1977.

Съезды и заграничные конференции конституционно-демократической партии : в 3 т. / отв. ред. В. В. Шелохаев ; сост. О. Н. Лежнева. М. : РОССПЭН, 2000. Т. 3, кн. 1 : 1915–1917.

Шевцов А. В. Издательская деятельность кадетской партии (1905 — середина 1918 г.) : дис. ... канд. фил. наук. СПб., 1992.

Шелохаев В. В. Конституционно-демократическая партия в России и эмиграции. М. : РОССПЭН, 2015

Rosenberg W.G. Liberals in the Russian revolution. Princeton : Princeton Univ. Press, 1974.

Bibliografiya

Архив еврейской истории / vstup. st., podgot. k pečati i komment. V. E. Kel'nera i O. A. Korosteleva. М. : ROSSPEHN, 2012. Т. 7.

Арhipov I. L. Rossijskaya politicheskaya ehлита v fevrale 1917: psihologiya nadezhdy i otchayaniya. SPb. : Izd-vo SPbGU, 2000.

Astrahan H. M. Bol'sheviki i ih politicheskie protivniki v 1917 g. (Iz istorii politicheskikh partij v Rossii mezhdru dvumya revolyuciyami). L. : Lenizdat, 1973.

Gavrilova O. A. Petrogradskoe zemstvo na vyborah v Uchreditel'noe sobranie (po materialam «Petrogradskogo zemskogo vestnika» za 1917–1918 gg.) // Vestn. SPbGU. Ser. 2. 2007. N 2. S. 61–70.

Декреты Советской власти : v 15 t. / podgot. k pečati S. N. Valk i dr. М., 1957. Т. 1.

Dumova N. G. Kadetskaya partiya v period mirovoj vojny i Fevral'skoj revolyucii / AN SSSR, In-t istorii SSSR ; otv. red. V. YA. Laverychev. М. : Nauka, 1988.

Kolonickij B. I. Pechat' i revolyuciya // Kriticheskij slovar' Russkoj revolyucii, 1914–1921 / sost. EH. Akton, U. G. Rozenberg, V. YU. Chernenyaev. SPb. : Nestor-istoriya, 2014. S. 376–383.

V. I. Lenin i istoriya klassov i politicheskikh partij v Rossii / Akad. obschestv. nauk pri CK KPSS ; gl. red. M. P. Kim. М. : Mysl', 1970.

Nikolaev A. B. Revolyuciya i vlast': IV Gosudarstvennaya дума, 27 fevralya – 3 marta 1917 g. SPb. : Izd-vo RGPU im. A. I. Gercena, 2005.

Protasov L. G. Vserossijskoe Uchreditel'noe sobranie: istoriya rozhdeniya i gibeli. М. : ROSSPEHN, 1997.

Spirin L. M. Krushenie pomeshchich'ih i burzhuznykh partij v Rossii (nachalo XX v. — 1920 g.). М. : Mysl', 1977.

S"ezdy i zagranichnye konferencii konstitucionno-demokraticeskoy partii : v 3 t. / otv. red. V. V. Shelohaev ; sost. O. N. Lezhneva. М. : ROSSPEHN, 2000. Т. 3, kn. 1 : 1915–1917.

Shevcov A. V. Izdatel'skaya deyatel'nost' kadetskoj partii (1905 — seredina 1918 g.) : dis. ... kand. fil. nauk. SPb., 1992.

Shelohaev V. V. Konstitucionno-demokraticeskaya partiya v Rossii i ehмиграции. М. : ROSSPEHN, 2015.

Rosenberg W.G. Liberals in the Russian revolution. Princeton : Princeton Univ. Press, 1974.

Сведения об авторе

Тимохина Дарья Аркадьевна — аспирант, Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета

Darya Timokhina — PhD student, Saint Petersburg State University.

e-mail: darktimokhina@gmail.com

УДК 93/94

С. Б. Ульянова. Девиантный досуг горожан в революционной России (1917–1921 гг.)

Аннотация: Девиантное поведение, не принимаемое обществом или законом, существует в любом социуме, составляя оппозицию «нормальной» культуре повседневности. Исследование институализированных асоциальных и нетрадиционных форм свободного времяпрепровождения как неотъемлемой части социальной реальности на основе методологии «новой культурной истории» позволяет углубить наши представления о содержании революционных процессов.

В статье показана изменчивость границ девиантного досуга. Рассматриваются факторы, способствовавшие распространению девиантных досуговых практик (наркомании, азартных игр и т. п.) в период Революции. Анализируется влияние дореволюционной традиции и постреволюционных социально-политических трансформаций на повседневную жизнь горожан.

Досуговая культура, характерная для индустриального общества, начала активно формироваться в России только на рубеже XIX и XX вв., и к началу Революции власть не успела выработать четкой политики по отношению к новым формам свободного времяпрепровождения городского населения. В то же время в различных слоях городского населения еще не сложились устойчивые формы культурного досуга, что и обусловило преобладание девиантных форм использования свободного времени.

Общая радикализация в годы Революции и Гражданской войны привела к коренным изменениям в повседневной жизни советского человека, обусловила, среди прочего, модификацию досуговых моделей и практик. Распространение девиантных досуговых практик в этот период было связано с неустойчивостью существования, распадом так называемых «сильных связей» (семья, производственный коллектив). Однако в 1917–1921 гг. не произошло качественного сдвига в распространении девиантных форм досуга. Имело место лишь некоторое перераспределение времени между различными видами асоциального поведения, упрощение потребляемых ресурсов и изменение городской топографии девиантного досуга.

После Гражданской войны, несмотря на декларируемую властями борьбу с различными «социальными язвами» и «буржуазными пережитками», городское сообщество вернулось к традиционным видам девиантного досуга — услугам проституток, игорным до-

мам, бегам, алкоголю. Распространенные сценарии девиантного досуга, ассоциировавшиеся прежде всего с нэпманами, перенимались и новой элитой. Советские чиновники, лишённые собственной корпоративной культурной традиции, охотно копировали досуговое поведение нэпманов, которые представлялись им теми, кто по-настоящему «умеет жить красиво».

Ключевые слова: история досуга; девиантный досуг; российская революция 1917–1922 гг.; алкоголь; наркотики; азартные игры.

S. B. Ulyanova. Townspeople Deviant Leisure in Revolutionary Russia (1917–1921)

Abstract: The deviant behavior, not accepted by law or moral, is inherent for all societies. It represents the opposition of the «normal» everyday life culture. The methodology of the «new cultural history» gives the opportunity to study institutionalized asocial and unconventional forms of pastime as an integral part of the social life. Such research deepens our understanding of the content of the Russian revolutionary process.

The paper dwells on the changeability of deviant leisure boundaries. The author analyses various factors of the widespread of deviant leisure practices (drug abuse, gambling etc.) in the period of the revolution, the impact of the pre-revolutionary tradition and the post-revolutionary socio-political transformation on the everyday lives of citizens.

The Russian industrial leisure culture began to form only at the turn of XIX and XX century. The late-imperial power did not have time to generate a policy towards new city pastime practices. At the same time certain segments of the urban population have not developed any steady forms of cultural leisure activities. As a result, the casual deviant leisure prevailed.

The overall radicalization during the revolution and the civil war profoundly changed people's behavior patterns inter alia their leisure models. The fragility of existence, the disintegration of «strong ties» (families, work collectives) contributed to the spread of deviant leisure. However, a qualitative shift of the traditional leisure culture did not happen. At the same time, we observe a reallocation of time among different types of antisocial behavior, diminishing resources and changing urban topography of the deviant leisure in the period of 1917–1921.

After the civil war the Soviet power began to fight against the «bourgeois remnants». Despite it, the townspeople returned to traditional forms of deviant leisure (drinking, racing, casino, etc.). A bourgeois standard of the deviant pastime attracted the new Soviet elite.

Keywords: history of leisure; deviant leisure; Russian revolution of 1917–1922; alcohol; drugs; gambling.

Библиография

Аничкова С. И. Загадка Ленина: Из воспоминаний редактора. М. : Кучково поле, 2016.

Василевский Л. М. Дурманы (наркотики). М. : Новая Москва, 1924.

Васильев П. А. Историография наркотизма в раннесоветской России : обзор и критика // Вестник Ленингр. гос. ун-та им. А. С. Пушкина. 2011. Вып. 3, т. 4. С. 35–42.

Волобуев П. В., Булдаков В. П. Октябрьская революция: новые подходы к изучению // Вопросы истории. 1996. № 5/6. С. 28–38.

Горовой-Шалтан В. А. Морфинизм, его распространение и профилактика // Вопросы наркологии. М. : Мосздравотдел, 1928. Сб. № 2. С. 46–53.

Лебина Н. Б. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920–1930 гг. СПб. : Летний сад, 1999.

Людтке А. Полиморфная синхронность : немецкие индустриальные рабочие и политика в повседневной жизни // Конец рабочей истории? М. : Улисс, 1996.

Мак-Ки А. Сухой закон в годы Первой мировой войны: причины, концепция и последствия введения сухого закона в России. 1914–1917 гг. // Россия и Первая мировая война : (материалы междунар. коллоквиума). СПб. : ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 1999. С. 147–159.

Панин С. Е. Потребление наркотиков в Советской России (1917–1920-е гг.) // Вопросы истории. 2003. № 8. С. 129–134.

Пильняк Б. Собрание сочинений : в 6 т. М. : Терра, 2003. Т. 4.

Письма во власть. 1917–1927 : заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям / сост. А. Я. Лифшин, И. Б. Орлов. М. : РОССПЭН, 1998.

Полищук Н. С. Обычай и нравы рабочих России (конец XIX — начало XX вв.) // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций, 1861 — февраль 1917 г. СПб. : Рус.-Балт. информ. центр «БЛИЦ», 1997.

Россия в годы Первой мировой войны : экономическое положение, социальные процессы, политический кризис / под ред. Ю. А. Петрова. М. : РОССПЭН, 2014.

Струмилин С. Г. Заработная плата и производительность труда в русской промышленности за 1913–1922 гг. М. : Изд-во НКТ «Вопросы труда», 1923.

Хренов Н. А. «Человек играющий» в русской культуре. СПб. : Алетейя, 2005.

Чагадаева О. А. «Сухой закон» в Российской империи в годы Первой мировой войны (по материалам Петрограда и Москвы) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2013.

Чистиков А. Н. Государство против карточной игры // Нормы и ценности повседневной жизни: Становление социалистического образа жизни в России, 1920–1930-е годы. СПб. : Журнал «Нева», 2000.

Шкловский В. «Еще ничего не кончилось...». М. : Пропаганда, 2002.

Resistance through ritual: youth subcultures in post-war Britain / Hall S., Jefferson T. (eds.). London, 1976.

Rojek C. Leisure Theory: Retrospect and Prospect // *Loisir et Société / Society and Leisure*. 1997. Vol. 20. P. 383–400.

Spracklen K., Spracklen B. Pagans and Satan and Goths, oh my: dark leisure as communicative agency and communal identity on the fringes of the modern Goth scene // *World Leisure Journal*. 2012. Vol. 54, N 4. P. 350–362.

Stebbins R. A. Casual leisure: a conceptual statement // *Leisure Studies*. 1997. Vol. 16. P. 17–25.

Williams D. J. Deviant leisure: rethinking «the good, the bad, and the ugly» // *Leisure sciences*. 2009. Vol. 31. P. 207–213.

Библиография

Anichkova S. I. Zagadka Lenina: Iz vospominanij redaktora. М. : Kuchkovo pole, 2016.

Vasilevskij L. M. Durmany (narkotiki). М. : Novaya Moskva. 1924.

Vasil'ev P. A. Istoriografiya narkotizma v rannesovetskoj Rossii : obzor i kritika // *Vestnik Leningr. gos. un-ta im. A. S. Pushkina*. 2011. Vyp. 3, t. 4. S. 35–42.

Volobuev P. V., Buldakov V. P. Oktyabr'skaya revolyuciya: novye podhody k izucheniyu // *Voprosy istorii*. 1996. N 5/6. S. 28–38.

Gorovoj-SHaltan V. A. Morfinizm, ego rasprostranenie i profilaktika // *Voprosy narkologii*. М. : Moszdravotdel, 1928. Sb. N 2. S. 46–53.

Lebina N. B. Povsednevnyaya zhizn' sovetskogo goroda: Normy i anomalii. 1920–1930 gg. SPb. : Letnij sad, 1999.

Lyudtke A. Polimorfnyaya sinhronnost' : nemeckie industrial'nye rabochie i politika v povsednevnoj zhizni // *Konec rabochej istorii? М. : Uliss*, 1996.

Mak-Ki A. Suhoj zakon v gody Pervoj mirovoj vojny: prichiny, koncepciya i posledstviya vvedeniya suhogo zakona v Rossii. 1914–1917 gg. // *Rossiya i Pervaya mirovaya vojna : (materialy mezhdunar. kollokviuma)*. SPb. : DMITRIJ BULANIN, 1999. S. 147–159.

Panin S. E. Potreblenie narkotikov v Sovetskoj Rossii (1917–1920-e gg.) // *Voprosy istorii*. 2003. N 8. S. 129–134.

Pil'nyak B. Sbranie sochinenij : v 6 t. М. : Terra, 2003. T. 4.

Pis'ma vo vlast'. 1917–1927 : zayavleniya, zhaloby, donosy, pis'ma v gosudarstvennyye struktury i bol'shevistskim vozhdyam / sost. A. YA. Lifshin, I. B. Orlov. M. : ROSSPEHN, 1998.

Polishchuk N. S. Obychai i navy rabochih Rossii (konec XIX — nachalo XX vv.) // Rabochie i intelligenciya Rossii v ehpohe reform i revolyucij, 1861 — fevral' 1917 g. SPb. : Rus.-Balt. inform. centr «BLIC», 1997.

Rossiya v gody Pervoj mirovoj vojny : ehkonomicheskoe polozhenie, social'nye processy, politicheskij krizis / pod red. YU. A. Petrova. M. : ROSSPEHN, 2014.

Strumilin S. G. Zarabotnaya plata i proizvoditel'nost' truda v russkoj promyshlennosti za 1913–1922 gg. M. : Izd-vo NKT «Voprosy truda», 1923.

Hrenov N. A. «Chelovek igrayushchij» v russkoj kul'ture. SPb. : Aletejya, 2005.

CHagadaeva O. A. «Suhoj zakon» v Rossijskoj imperii v gody Pervoj mirovoj vojny (po materialam Petrograda i Moskvy) : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. M., 2013.

CHistikov A. N. Gosudarstvo protiv kartochnoj igry // Normy i cenosti povsednevnoj zhizni: Stanovlenie socialisticheskogo obraza zhizni v Rossii, 1920–1930-e gody. SPb. : ZHurnal «Neva», 2000.

SHklovskij V. «Eshche nichego ne konchilos'...». M. : Propaganda, 2002.

Resistance through ritual: youth subcultures in post-war Britain / Hall S., Jefferson T. (eds.). London, 1976.

Rojek C. Leisure Theory: Retrospect and Prospect // *Loisir et Société / Society and Leisure*. 1997. Vol. 20. P. 383–400.

Spracklen K., Spracklen B. Pagans and Satan and Goths, oh my: dark leisure as communicative agency and communal identity on the fringes of the modern Goth scene // *World Leisure Journal*. 2012. Vol. 54, N 4. P. 350–362.

Stebbins R. A. Casual leisure: a conceptual statement // *Leisure Studies*. 1997. Vol. 16. P. 17–25.

Williams D. J. Deviant leisure: rethinking «the good, the bad, and the ugly» // *Leisure sciences*. 2009. Vol. 31. P. 207–213.

Сведения об авторе

Ульянова Светлана Борисовна — д-р ист. наук, профессор, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

Ulyanova Svetlana Borisovna — DSc, professor, Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University

e-mail: oulianova@mail.spbstu.ru

УДК 351(470)97

М. А. Фельдман. К вопросу об участии рабочих Петрограда в революционных событиях октября 1917 г.

Аннотация: Статья посвящена выяснению степени участия рабочих Петрограда в Октябрьской революции 1917 г. Выявлены специфические черты пролетариата Северной столицы, особенности социального положения и политической активности; рассмотрен социальный состав отрядов Красной гвардии. Сделан вывод о том, что наибольшую активность в октябрьских событиях принимали молодые рабочие — выходцы из сельской местности.

Ключевые слова: рабочие; Революция; Петроград; Россия; Красная гвардия.

M. A. Feldman. To the question of the participation of the workers of Petrograd in the revolutionary events of October 1917

Abstract: The article is devoted to clarifying the extent of participation of the workers of Petrograd in OK-Tebrizli revolution of 1917. Revealed the specific features of proletariat-the «Northern capital», the particular social situation and political participation; examines the social composition of the red guard detachment. It is concluded that the greatest activity in October event was attended by young workers come from rural areas.

Keywords: the workers; the Revolution; Petrograd; Russia; the Red guard.

Библиография

Абрамовский А. П., Буданов А. В. Горные округа Южного Урала в 1917–1918 гг. Челябинск, 2007.

Айрапетов О. Г. Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и на революцию (1907–1917). М., 2003.

Алеврас Н. Н. Аграрная политика правительства на горнозаводском Урале в начале XX века. Челябинск, 1996.

Бейлихис Г. А. Очерки истории охраны труда здоровья рабочих СССР. М., 1971. С. 45.

Булдаков В. П. Красная смута : природа и последствия революционного насилия. М., 1997.

Булдаков В. П., Леонтьева Т. Г. Война, породившая революцию. М., 2015.

Волобуев П. В. Пролетариат и рабочие России в 1917 г. М., 1964.

Ерыкалов Е. Ф. Красная гвардия в борьбе за власть Советов. М., 1957.

Иванов Л. М. Преимущество фабрично-заводского труда и формирование пролетариата в России. // Рабочий класс и рабочее движение в России, 1861–1917. М., 1966. С. 58–140.

История советского рабочего класса : в 6 т. М., 1984. Т. 1.

Кириянов Ю. И. Жизненный уровень рабочих России (конец XIX — начало XX в.). М., 1979.

Крузе Э. Э. Положение рабочего класса России в 1900–1914 гг. Л., 1976.

Миц И. И. История Великого Октября. Т. 1–3 (М., 1967, 1968, 1973).

Миц И. И. Об освещении некоторых вопросов истории Великой Октябрьской революции // Вопросы истории. 1957. № 2.

Миронов Б. Н. Отношение к труду в дореволюционной России // Социс. 2001. № 10.

Наемный труд в России и на Западе, 1913–1925 гг. / под ред. С. С. Струмилина. М., 1927. Ч. 1.

Орлова Н. Е. Социальная политика Временного правительства, март–октябрь 1917 г. // К истории русских революций : события, мнения, оценки. М., 2007. С. 350–360.

Поршнева О. С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2005.

Постников С. П., Фельдман М. А. Социокультурный облик рабочих России в 1900–1941 гг. М., 2009.

Рабочий класс России, 1907 — февраль 1917 г. М., 1982.

Революционный Петроград. Год 1917. Л., 1977.

Сигов В. П. Некоторые данные для характеристики земледельческого хозяйства горнозаводского населения Урала // Наемный труд в сельском хозяйстве Урала. Свердловск, 1926. С. 157–184.

Соболев Г. Л. Петроградский авангард в 1917 г.: революционная борьба и революционное сознание рабочих Петрограда. СПб., 1993.

Старцев В. И. Очерки по истории Петроградской Красной гвардии и рабочей милиции (март 1917–апрель 1918 г.). М. ; Л., 1965.

Цыпкин Г. А., Цыпкина Р. Г. Красная гвардия — ударная сила пролетариата в Октябрьской революции : по материалам Центр. пром. р-на, Урала и Поволжья. М., 1977.

Чураков Д. О. Русская революция и рабочие самоуправление. М., 1998.

Эктон Э. Новый взгляд на русскую революцию. Радел II. Рабочий вопрос // Отечественная история. 1997. № 5. С. 68–78.

Яров С. В. Пролетарий как политик. СПб., 1999.

Bibliografiya

Abramovskij A. P., Budanov A. V. Gornye okruga YUzhnogo Urala v 1917–1918 gg. CHelyabinsk, 2007.

Ajrapetov O. G. Generaly, liberaly i predprinimateli: rabota na front i na revolyuciyu (1907–1917). M., 2003.

Alebras N. N. Agrarnaya politika pravitel'stva na gornozavodskom Urale v nachale HKH veka. CHelyabinsk, 1996.

Bejlihis G. A. Ocherki istorii ohrany truda zdorov'ya rabochih SSSR. M., 1971. S. 45.

Buldačov V. P. Krasnaya smuta : priroda i posledstviya revolyucionnogo nasiliya. M., 1997.

Buldačov V. P., Leont'eva T. G. Vojna, porodivshaya revolyuciyu. M., 2015.

Volobuev P. V. Proletariat i rabochie Rossii v 1917 g. M., 1964.

Erykalov E. F. Krasnaya gvardiya v bor'be za vlast' Sovetov. M., 1957.

Ivanov L. M. Preemstvennost' fabrichno-zavodskogo truda i formirovanie proletariata v Rossii // Rabochij klass i rabochee dvizhenie v Rossii, 1861–1917. M., 1966. S. 58–140.

Istoriya sovetskogo rabocheho klassa : v 6 t. M., 1984. T. 1.

Kir'yanov YU. I. ZHiznennyj uroven' rabochih Rossii (konec XIX — nachalo XX v.). M., 1979.

Kruze EH. EH. Polozhenie rabocheho klassa Rossii v 1900–1914 gg. L., 1976.

Minc I. I. Istoriya Velikogo Oktyabrya. T. 1–3 (M., 1967, 1968, 1973).

Minc I. I. Ob osveshchenii nekotoryh voprosov istorii Velikoj Oktyabr'skoj revolyucii // Voprosy istorii. 1957. N 2.

Mironov B. N. Otnoshenie k trudu v dorevolucionnoj Rossii // So-cis. 2001. N 10.

Naemnyj trud v Rossii i na Zapade, 1913–1925 gg. / pod red. S. S. Strumilina. M., 1927. CH. 1.

Orlova N. E. Social'naya politika Vremennogo pravitel'stva, mart-oktyabr' 1917 g. // K istorii russkih revolyucij : sobytiya, mneniya, ocenki. M., 2007. S. 350–360.

Porshneva O. S. Krest'yane, rabochie i soldaty Rossii nakanune i v gody Pervoj mirovoj vojny. M., 2005.

Postnikov S. P., Fel'dman M. A. Sociokul'turnyj oblik rabochih Rossii v 1900–1941 gg. M., 2009.

Rabochij klass Rossii, 1907 — fevral' 1917 g. M., 1982.

Revolucionnyj Petrograd. God 1917. L., 1977.

Sigov V. P. Nekotorye dannye dlya charakteristiki zemlevladel'cheskogo hozyajstva gornozavodskogo naseleniya Urala // Naemnyj trud v sel'skom hozyajstve Urala. Sverdlovsk, 1926. S. 157–184.

Sobolev G. L. Petrogradskij avangard v1917 g.: revolyucionnaya bor'ba i revolyucionnoe soznanie rabochih Petrograda. SPb., 1993.

Starcev V. I. Oчерки po istorii Petrogradskoj Krasnoj gvardii i rabochej milicii (mart 1917–aprel' 1918 g.). М. ; L., 1965.

Супкин G. A., Супкина R. G. Krasnaya gvardiya — udarnaya sila proletariata v Oktyabr'skoj revolyucii : po materialam Centr. prom. r-na, Urala i Povolzh'ya. М., 1977.

СHurakov D. O. Russkaya revolyuciya i rabochie samoupravlenie. М., 1998.

ЕHkton ЕH. Novyj vzglyad na russkuyu revolyuciyu. Radel II. Rabochij vopros // Otechestvennaya istoriya. 1997. N 5. S. 68–78.

Yarov S. V. Proletarij kak politik. SPb., 1999.

Сведения об авторе

Фельдман Михаил Аркадьевич — д-р ист. наук, профессор; профессор кафедры государственного управления и политических технологий, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ, Уральский институт управления — филиал РАНХиГС (Екатеринбург)

Feldman Mikhail Arkadievich — Russian Academy of national economy and public service the President of the Russian Federation, The Ural Institute — branch of the Range GS (Ekaterinburg), Russia, doctor of historical Sciences, Professor of the Department of state management and political technologies

e-mail: feldman-mih@yandex.ru

УДК 75.03

Ю. С. Филина. Революционная теория и практика в изобразительном искусстве (по воспоминаниям художника Н. Прахова)

Аннотация: Художник Н. А. Прахов являлся одним из организаторов первого профсоюза художников в Киеве в 1918 г. Именно этот профсоюз принялся за дело сбора художественных сил под знаменем новой советской власти. В его состав вошли художники разных течений и взглядов, в том числе художники Культур-Лиги. Одним из первых практических результатов профсоюза стал «День Красной армии» 5 марта 1919 г. Население отреагировало неоднозначно на ту перемену облика города, которая произошла. Однако уже вскоре устроители профсоюза столкнулись со сложностями, причем эти сложности создавала им та самая власть, которая только даровала свободу: «Вчерашние освободители нашего политического тела сегодня еще являются наиболее нетерпимыми антагонистами освобождения тела-плоти и бесплотного “духа” — синтеза всех революционный дерзаний».

Ключевые слова: Революция; художественная интеллигенция; большевики; Народный комиссариат просвещения; профсоюз; Киев.

J. S. Philina. Artistic theory and practice after the Revolution (based on unpublished materials of N. Prahov)

Abstract: N. A. Prakhov was one of the organizers of the first trade union of artists in Kiev in 1918. This very trade union united artistic forces under the banner of the new Soviet government. It included artists of different trends and views, including the artists of the Culture-League. One of the first practical results of the trade union was the «Day of the Red Army» on March 5, 1919. The population reacted ambiguously to the change in the appearance of the city that occurred. However, the organizers of the trade union soon faced difficulties, and these difficulties were created by the same power that only granted freedom: «Yesterday’s liberators of our political body are still the most intolerant antagonists of the liberation of the body-flesh and disembodied ‘spirit’ — the synthesis of all revolutionary daring».

Keywords: Revolution; artistic intelligentsia; the Bolsheviks; the People’s Commissariat of Enlightenment; the trade union; Kiev.

Библиография

Декреты Советской власти / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС; Ин-т истории АН СССР. Т. 1. М. : Политиздат, 1957.

Карпов А. В. Русский Пролеткульт: идеология, эстетика, практика. СПб., 2009.

Красовицкая Т. Ю., Филина Ю. С. «Пробудившиеся утром киевляне были буквально ошеломлены изменившимся за одну ночь видом города»: Воспоминания художника Н. А. Прахова. 1918–1919 гг. // Отечественные архивы. 2015. №1. С. 96–115.

Красовицкая Т. Ю., Филина Ю. С. «Пробудившиеся утром киевляне были буквально ошеломлены изменившимся за одну ночь видом города». С. 108.

Сидельникова Е. Александр Александрович Мурашко // Архив. URL: https://artchive.ru/artists/66011~Aleksandr_Aleksandrovich_Murashko

Bibliografiya

Dekrety Sovetskoj vlasti / In-t marksizma-leninizma pri CK KPSS; In-t istorii AN SSSR. T. 1. M. : Politizdat, 1957.

Karpov A. V. Russkij Proletkul't: ideologiya, ehstetika, praktika. SPb., 2009.

Krasovickaya T. YU., Filina YU. S. «Probudivshiesya utrom kievlyane byli bukval'no oshelomleny izmenivshimsya za odnu noch' vidom goroda»: Vospominaniya hudozhnika N. A. Prahova. 1918–1919 gg. // Otechestvennye arhivy. 2015. N 1. S. 96–115.

Krasovickaya T. YU., Filina YU. S. «Probudivshiesya utrom kievlyane byli bukval'no oshelomleny izmenivshimsya za odnu noch' vidom goroda». S. 108.

Sidel'nikova E. Aleksandr Aleksandrovich Murashko // Arthiv. URL: https://artchive.ru/artists/66011~Aleksandr_Aleksandrovich_Murashko

Сведения об авторе

Филина Юлия Сергеевна — аспирант, Историко-архивный институт Российского государственного гуманитарного университета

Philina Yuliya Sergeevna — postgraduate student, the Russian State University for the Humanities

e-mail: wweww.w@icloud.com

УДК 94(470+571)

Р. А. Хазиев. Российская военно-политическая «схватка» периода Революции и Гражданской войны в интерпретации новейшей англоязычной историографии

Аннотация: В докладе анализируются две резонансные книги, опубликованные в 2017 г., в которых наглядно демонстрируется, как современные англоязычные исследователи воспринимают Россию 1914–1921 гг. — государством, прошедшим через горнило эпохальных событий: Первая мировая война, большевистская революция, гражданская война, голод, нэп, а затем и ранний сталинизм. По мнению англоязычных исследователей, эти события ускорили и способствовали всеобщему разрушению status quo, связанного с царским режимом, и привели к появлению и затем повсеместному распространению культуры насилия, целенаправленно пропагандируемой большевиками. В докладе рассматривается, как постоянное воздействие революционных событий формирует обыденное восприятие повседневной жизни, в свою очередь трансформировавшееся в рассказы и мнения, зафиксировавшиеся в сознании различных персонажей революционной эпохи под воздействием революционного брожения, что установлено историческими исследованиями. Особое внимание также уделяется историографическому анализу того, как партийное руководство безоговорочно использовало государственно-административные, экономические, идеологические стратегии, в том числе революционную нетерпимость, как средство быстрого и волюнтаристского преобразования огромной империи в унитарное, социалистическое государство. В целом в данном докладе представлены новаторские работы двух современных англоязычных исследователей, которые пытаются объяснить критический период перехода царской России к ее новым социалистическим ценностям и идеалам, показывая свое видение изучаемых событий и явлений. Это способствует нашему пониманию Русских революций 1917 г. и, возможно, революций в целом, особенно в увязке с последующими политическими кризисами, которые возникают в переходные периоды после крупных политических преобразований.

Ключевые слова: Российские революции 1917 г.; англоязычная историография; англоязычные историографические источники; зарубежное историческое россиеведение.

R. A. Khaziev. Russian military-political «encounter» in the period of the Revolution and the Civil War in the interpretation of the modern English-language historiography

Abstract: This paper examines information gathered from two noteworthy books published in 2017, which reveal how contemporary English-language scholars perceived Russia, 1914–1921: the state lived through a series of epochal events: World War I, the Bolshevik revolution, the Civil War, famine, NEP, and subsequently early Stalinism. According to these English-language scholars, these events precipitated and facilitated a complete breakdown of the status quo associated with the tsarist regime and led to the emergence and eventual pervasive presence of a culture of violence propagated by the Bolshevik regime. This paper explores how the ongoing exposure to revolutionary events informed ordinary perceptions of everyday life, which, in turn, formed the stories and opinions of various characters of the revolutionary era and how these stories and opinions, established by historical research, take place in the mind affected by revolutionary encounters. Special consideration is also given to historiographical analysis how Bolshevik party leaders unreservedly employed the state-administrative, economic, ideological, and revolutionary impatience strategies as a means to quickly and violently transform a vast empire into a unitary, socialist state. This paper summarizes the works of the two contemporary English-language scholars that attempt to explain the critical period of tsarist Russia's transition towards its new socialist values and ideals that contribute to our understanding of 1917 Russian Revolutions, and possibly of revolutions in general, and of the ensuing political crises that arise in transition periods after major political transformations.

Keywords: The Russian Revolutions of 1917; English-language historiography; English-language historiographical sources; foreign studies of Russian history.

Библиография

Зайцева А. А. Некоторые аспекты гражданской войны и интервенции в зарубежной историографической // Вестник Пятигорского гос. лингвистического ун-та. 2015. № 2. С. 316–320.

Лукьянчикова М. В. Предпосылки и характер российской революции в трудах представителей научной школы Д. Гайера // Вестник Красноярского гос. пед. ун-та им. В. П. Астафьева. 2009. № 3. С. 80–85.

Шишкин В. И., Савин А. И. Социальная мобильность в России в эпоху войн, революций и радикальных трансформаций первой половины XX в.: основные направления и результаты изучения // Гуманитарные науки в Сибири. 2014. № 4. С. 89–93.

Kolonitskii B. I. On Studying the 1917 Revolution: autobiographical confessions and historiographical predictions // *Kritika : explorations in Russian and Eurasian history*. 2015. N 4 (16). P. 751–768.

McMeekin S. July 1914 : countdown to wa. New York : Basic Books, 2013.

Riasanovsky N. V., Steinberg M. D. A history of Russia. 8th ed. New York ; Oxford : Oxford University Press, 2011.

Smith S. A. Russia in Revolution: an empire in crisis, 1890 to 1928. Oxford : Oxford University Press, 2017.

Smith S. A. The Historiography of the Russian Revolution 100 Years On // *Kritika : Explorations in Russian and Eurasian history*. 2015. N 4 (16). P. 733–749.

Smith S. A. The Russian Revolution : a very short introduction. Oxford : Oxford University Press, 2002.

Steinberg M. D. Melancholy and modernity: emotions and social life in Russia between the revolutions // *Journal of Social History*. 2008. Vol. 41, N 4. P. 813–841.

Steinberg M. D. Proletarian imagination: self, modernity, and the sacred in Russia, 1910–1925. Ithaca, N. Y. : Cornell University Press, 2002.

Steinberg M. D. The Russian Revolution, 1905–1921. Oxford ; New York : Oxford University Press, 2017.

Библиографија

Zajceva A. A. Nekotorye aspekty grazhdanskoj vojny i intervencii v zarubezhnoj istoriograficheskoj // *Vestnik Pyatigorskogo gos. lingvističeskogo un-ta*. 2015. N 2. S. 316–320.

Luk'yanchikova M. V. Predposylki i karakter rossijskoj revolyucii v trudah predstavitelej nauchnoj shkoly D. Gajera // *Vestnik Krasnoyarskogo gos. ped. un-ta im. V. P. Astaf'eva*. 2009. N 3. S. 80–85.

SHishkin V. I., Savin A. I. Social'naya mobil'nost' v Rossii v ehpoju vojn, revolyucij i radikal'nyh transformacij pervoj poloviny XX v.: osnovnye napravleniya i rezul'taty izučeniya // *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 2014. N 4. S. 89–93.

Kolonitskii B. I. On Studying the 1917 Revolution: autobiographical confessions and historiographical predictions // *Kritika : explorations in Russian and Eurasian history*. 2015. N 4 (16). P. 751–768.

McMeekin S. July 1914 : countdown to wa. New York : Basic Books, 2013.

Riasanovsky N. V., Steinberg M. D. A history of Russia. 8th ed. New York ; Oxford : Oxford University Press, 2011.

Smith S. A. Russia in Revolution: an empire in crisis, 1890 to 1928. Oxford : Oxford University Press, 2017.

Smith S. A. The Historiography of the Russian Revolution 100 Years On // *Kritika : Explorations in Russian and Eurasian history*. 2015. N 4 (16). P. 733–749.

Smith S. A. The Russian Revolution : a very short introduction. Oxford : Oxford University Press, 2002.

Steinberg M. D. Melancholy and modernity: emotions and social life in Russia between the revolutions // *Journal of Social History*. 2008. Vol. 41, N 4. P. 813–841.

Steinberg M. D. Proletarian imagination: self, modernity, and the sacred in Russia, 1910–1925. Ithaca, N. Y. : Cornell University Press, 2002.

Steinberg M. D. The Russian Revolution, 1905–1921. Oxford ; New York : Oxford University Press, 2017.

Сведения об авторе

Хазиев Рустэм Асхатович — д-р ист. наук, профессор кафедры истории России, историографии и источниковедения исторического факультета, Башкирский государственный университет (Уфа)

Khaziev Rustem Askhatovich — Doctor of historical Sciences, professor, History Department, The Bashkir State University (Ufa)

e-mail: KhazievRA@mail.ru

УДК 94(47).083

М. В. Ходяков. Кризис рабочей силы и попытки его разрешения в России в 1914–1917 гг.

Аннотация: Вступление России в Первую мировую войну привело к необходимости государственного регулирования экономики. Правящие круги были вынуждены приступить к выработке мер, направленных на мобилизацию на военные нужды всех ресурсов страны. При этом рост численности вооруженных сил сопровождался изъятием из различных сфер промышленности и сельского хозяйства миллионов рабочих рук. Смягчить нараставший экономический кризис, выразившийся в сбое функционирования органов управления и росте числа забастовок на предприятиях, предполагалось посредством использования труда военнопленных вражеских армий и организацией трудовой миграции с территории Китая. Десятки тысяч иностранных военнопленных и китайские рабочие, завозившиеся в Россию по Китайско-Восточной железной дороге, были использованы во всех сферах народного хозяйства.

Вербовка рабочих на территории Китая была организована уже в 1915 г. Однако массовым этот процесс стал лишь с 1916 г. Наймом китайцев занимались как специальные посреднические компании, так и отдельные агенты. К тому времени в правящих кругах созрела мысль о необходимости объединения усилий всех организаций по найму китайцев и их транспортировке в руках одного учреждения. Эти функции были возложены на управление Китайско-Восточной железной дороги. По плану российских министров предполагалось за короткий срок завезти в страну до 150 тысяч китайских рабочих. Невозможность реализации этой задачи стала очевидной только во второй половине 1917 г. и привела к отмене Временным правительством практики переброски китайских рабочих в Россию. В конечном итоге ни царское, ни Временное правительство не смогли кардинальным образом повлиять на состояние экономики России.

Ключевые слова: Россия; Первая мировая война; китайские рабочие; иностранные военнопленные.

M. V. Khodjakov. The crisis of the workforce and attempts to resolve it in Russia in 1914–1917

Abstract: Russia's accession to the First World War led to the necessity of economy state regulation. The ruling circles had been compelled to begin to work out some measures aimed to mobilization

all country resources for military purposes. Along with that, growth of the armed forces had been accompanied by the removal millions of workers from various industry and agriculture spheres. It was intended to reduce this growing economic crisis, represented in the functioning failure of the government bodies and increasing numbers of strikes at factories, by the usage of the prisoners of war labor enemy armies and the organization of labor migration from the territory of China. Labor of tens of thousands foreign prisoners of war and Chinese workers, transported to Russia through the Chinese-Eastern Railway, had been used in all spheres of the national economy.

The recruitment of workers in the territory of China was organized in 1915. However, this process spread across the board only since 1916. Special intermediary companies and individual agents had been involved in the process of hiring the Chinese workers. By that time, there was an idea appeared in the ruling circles, about necessity to unite the efforts of all organizations to hire the Chinese and transport them under the supervision of one institution. These functions were entrusted to the management of the Sino-East Railway. According to the plans of Russian ministers, it was expected to bring to the country approximately 150 000 Chinese workers in a short period of time. The impossibility of this task realization became evident only in the second half of 1917 and led to the abolition of transferring Chinese workers to Russia by the Provisional Government. Ultimately, neither the tsarist nor the Provisional Government had been able to radically affect the state of the Russian economy.

Keywords: Russia; World War I; Chinese workers; foreign prisoners of war.

Библиография

Архив новейшей истории России. Серия «Публикации». Т. VII : Журналы заседаний Временного правительства. Март–октябрь 1917 года : в 4 т. Т. 1 : Март–апрель 1917 года / отв. ред. Б. Ф. Додонов. М., 2001. С. 355.

Бабаков А. В. Военнопленные в г. Суздале в годы Первой мировой войны // Материалы междунар. краевед. конф. (17 апр. 2015 г.) / отв. ред. И. В. Мишина. Владимир, 2016. С. 95–102.

Волобуев П. В. Экономическая политика Временного правительства. М., 1962.

Воробьев Н. Я. Изменения в русской промышленности в период войны и революции // Вестник статистики. 1923. Кн. XIV, № 4–6.

Журналы Особого Совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства (Особое Совещание по обороне государства). 1915–1918 : в 3 т. / под ред. А. П. Корелина, А. С. Грузинова. М., 2013. Т. 1.

Китанина Т. М. Россия в Первой мировой войне 1914–1917 гг.: экономика и экономическая политика. СПб., 2016.

Пилецкая М. О составе рабочих металлообрабатывающей промышленности г. Петрограда // *Металлист*. 1918. № 6.

Сидоров А. Л. Финансовое положение России в годы Первой мировой войны (1914–1917). М., 1960.

Струмилин С. Г. Заработная плата в русской промышленности за 1913–1922 гг. // *На новых путях*. М., 1923. Вып. 3.

Bibliografiya

Arhiv novejshej istorii Rossii. Seriya «Publikacii». T. VII : Zhurnaly zasedanij Vremennogo pravitel'stva. Mart–oktyabr' 1917 goda : v 4 t. T. 1 : Mart–aprel' 1917 goda / otv. red. B. F. Dodonov. M., 2001. S. 355.

Babakov A. V. Voennoplennye v g. Suzdale v gody Pervoj mirovoj vojny // *Materialy mezhdunar. kraeved. konf. (17 apr. 2015 g.)* / otv. red. I. V. Mishina. Vladimir, 2016. S. 95–102.

Volobuev P. V. EHkonomicheskaya politika Vremennogo pravitel'stva. M., 1962.

Vorob'ev N. YA. Izmeneniya v russkoj promyshlennosti v period vojny i revolyucii // *Vestnik statistiki*. 1923. Kn. XIV, N 4–6.

Zhurnaly Osobogo Soveshchaniya dlya obsuzhdeniya i ob"edineniya meropriyatij po oborone gosudarstva (Osoboe Soveshchanie po oborone gosudarstva). 1915–1918 : v 3 t. / pod red. A. P. Korelina, A. S. Gruzina. M., 2013. T. 1.

Kitanina T. M. Rossiya v Pervoj mirovoj vojne 1914–1917 gg. : ehkonomika i ehkonomicheskaya politika. SPb., 2016.

Pileckaya M. O sostave rabochih metallobratvayushchej promyshlennosti g. Petrograda // *Metallist*. 1918. N 6.

Sidorov A. L. Finansovoe polozhenie Rossii v gody Pervoj mirovoj vojny (1914–1917). M., 1960.

Strumilin S. G. Zarabotnaya plata v russkoj promyshlennosti za 1913–1922 gg. // *Na novyh putyah*. M., 1923. Vyp. 3.

Сведения об авторе

Ходяков Михаил Викторович — д-р ист. наук, профессор, ведущий кафедрой Новейшей истории России, Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета

Khodjakov Mikhail Viktorovich — Doctor of History, Professor, Head of the Modern History of Russia Department, St. Petersburg State University

e-mail: m.khodyakov@spbu.ru

УДК 069.295

К. Янеке. 1917-й. Революция... Выставки в Швейцарском национальном и Немецком историческом музеях

Аннотация: В 2017 г. отмечается 100-летья годовщина Великой русской революции. Швейцарский национальный музей и Германский исторический музей приурочат к этой исторической дате две выставки. У обеих выставок своя концепция, они выбирают разные темы и ставят разные основные вопросы. В то время как в Цюрихе в центре внимания находятся отношения Швейцарии и России конца XIX в. — начала 1930-х гг., берлинская выставка фокусируется на последствиях для отдельных европейских стран и влиянии революции на XX в. Обе выставки связаны документацией революционных событий с 1917 по 1922 г., их предыстории и последствий в России и в раннем Советском Союзе. При этом речь идет о том, чтобы познакомить посетителей с историческим развитием в России и его многослойностей, а также сенсифицировать, сверх того, к последствиям событий. Доклад представляет обе выставки и их цели. Он следует за вопросом, почему эти оба исторических национальных музея напоминают, вообще, о 1917 г. и как ценить проекты в контексте немецко/швейцарско-русского культурного сотрудничества.

Ключевые слова: Немецкий исторический музей; Швейцарский национальный музей; Русская революция; исторические события и их последствия в Европе; выставочные концепции; национальное воспоминание и память.

K. Janeke. 1917. Revolution... Two exhibitions in the Swiss national museum and the German historical museum

Abstract: In 2017 the 100th anniversary of the Great Russian revolution is commemorated. On the occasion of this historical date the Swiss national museum and the German historical museum are showing two exhibitions. Each exhibition is based on its own concept, both museums choose other subjects and raise different main questions. While in Zurich the spotlight is kept on the relation of Switzerland and Russia from the end of the 19th century to early 30th of the 20th century, the Berlin exhibition is focused on the reactions in selected European countries and the impact of the revolution on 20th century. Both exhibitions are connected by documentation of the revolutionary events from 1917 until 1922, their prehistory and consequences in Russia and early Soviet Union. The aim is about to introduce visitors to the historical

development in Russia and its complexity, and also to sensitise them to the impact of the events. The paper presents both exhibitions and their goals. It traces the question why these both historical national museums commemorate 1917 and how to appreciate both projects in the context of German / Swiss-Russian cultural cooperation.

Keywords: German Historical Museum; Swiss National Museum; Russian Revolution; historical events and their impact on Europe; exhibition concepts; national remembrance and memory.

Библиография

Нарский И. В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001.

Altrichter H. Russland 1917: ein Land auf der Suche nach sich selbst. Paderborn, 1997.

Baberowski J. Der Rote Terror. Die Geschichte des Stalinismus. Bonn, 2007.

Coeuré S., Dullin S. (Ed.) Frontières du communisme. Mythologies et réalités de la division de l'Europe de la révolution d'Octobre au mur de Berlin. Paris, 2007.

Collmer, P. Die Schweiz und das Russische Reich 1848–1919: Geschichte einer europäischen Verflechtung. Zürich, 2003.

Degen B., Julia R. (Ed.) Zimmerwald und Kiental. Weltgeschichte auf dem Dorfe. Zürich, 2015.

Figes O. Die Tragödie eines Volkes. Die Epoche der Russischen Revolution 1891 bis 1924. Berlin, 1998.

Gerwarth R. Die Besiegten. München, 2017.

Krankenhagen, S., Vahrson V. (Ed.) Geschichte kuratieren. Kultur- und kunstwissenschaftliche An-Ordnungen von Geschichte. Köln, 2017.

Bibliografiya

Narskij I. V. Zhizn' v katastrofe: Budni naseleniya Urala v 1917–1922 gg. M., 2001.

Altrichter H. Russland 1917: ein Land auf der Suche nach sich selbst. Paderborn, 1997.

Baberowski J. Der Rote Terror. Die Geschichte des Stalinismus. Bonn, 2007.

Coeuré S., Dullin S. (Ed.) Frontières du communisme. Mythologies et réalités de la division de l'Europe de la révolution d'Octobre au mur de Berlin. Paris, 2007.

Collmer, P. Die Schweiz und das Russische Reich 1848–1919: Geschichte einer europäischen Verflechtung. Zürich, 2003.

Degen B., Julia R. (Ed.) Zimmerwald und Kiental. Weltgeschichte auf dem Dorfe. Zürich, 2015.

Figes O. Die Tragödie eines Volkes. Die Epoche der Russischen Revolution 1891 bis 1924. Berlin, 1998.

Gerwarth R. Die Besiegten. München, 2017.

Krankenhagen, S., Vahrson V. (Ed.) Geschichte kuratieren. Kultur- und kunstwissenschaftliche An-Ordnungen von Geschichte. Köln, 2017.

Сведения об авторе

Янеке Кристина — канд. ист. наук, независимый историк, куратор

Dr. Kristiane Janeke — independent historian and curator

e-mail: DrJaneke@tradicia.de

УДК 94(47).084.8

Ф. К. Ярмолич. Революция 1917 г. и ленинградский досуг в 1950–1960-е гг.

Аннотация: Статья посвящена изучению пропаганды революционных событий октября 1917 г. в Ленинграде в 1950–1960-е гг. Дома и дворцы культуры, библиотеки, музеи, театры и другие культурно-просветительные учреждения использовали свой инвентарий в приобщении посетителей к событиям 1917 г. Особое внимание к Октябрьской революции 1917 г. проявлялось в юбилейные годы. В это время в учреждениях культуры проводилось больше лекций, выставок, спектаклей и других форм культурно-просветительной работы с ленинградцами.

Однако анализ документов учреждений культуры показал, что, несмотря на значительное количество мероприятий, посвященных революционным событиям 1917 г., они все же оказались в тени мероприятий, посвященных популяризации научно-технических сведений, пропаганде внутренней и внешней политики СССР и т. д.

Ключевые слова: досуг; Революция 1917 г.; учреждения культуры; лекции; самодеятельность; обыватель.

F. K. Yarmolich. The Revolution of 1917 and Leningrad leisure in the 1950s–1960s

Abstract: The article is devoted to the consideration of the propaganda of the revolutionary events of October 1917 in Leningrad in the 1950s–1960s. Houses and palaces of culture, libraries, museums, theaters and other cultural and educational institutions used their tools to familiarize visitors with the events of 1917. Special attention to the October Revolution of 1917 was manifested in the jubilee years. At this time, cultural institutions held more lectures, exhibitions, performances and other forms of cultural and educational work with the Leningraders.

However, an analysis of the documents of cultural institutions showed that, despite a significant number of events devoted to the revolutionary events of 1917, they were still in the shadow of events devoted to the popularization of scientific and technical information, propaganda of the domestic and foreign policy of the USSR, etc.

Keywords: leisure; the Revolution of 1917; cultural institutions; lectures; amateur performance; common man.

Сведения об авторе

Ярмолич Фёдор Кузьмич — канд. ист. наук, науч. сотр., Санкт-Петербургский институт истории РАН

Yarmolich Fedor Kuzmich — candidate of Sciences (History),
Researcher of St. Petersburg Institute of History, Russian Academy of
Sciences

e-mail: f.k.1985@mail.ru

Научное издание

РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА В РОССИИ:
СОБЫТИЯ И КОНЦЕПЦИИ, ПОСЛЕДСТВИЯ И ПАМЯТЬ

Материалы Международной научно-практической конференции,
Санкт-Петербург, 11–12 мая 2017 г.

Согласно Федеральному закону от 29.12.2010 № 436-ФЗ
«О защите детей от информации, причиняющей вред
их здоровью и развитию»
книга предназначена «для детей старше 16 лет»

Компьютерная верстка *Т. В. Котовой*
Художественное оформление *А. П. Баклановой*

Общероссийский классификатор продукции
по видам экономической деятельности ОК 034-2014 (КПЕС 2008);
58.11.1 — Книги печатные

Подписано в печать 27.11.2017
Формат 60 × 90/16. Бумага офсетная.
Уч.-изд. л. 40,8. Печ. л. 46. Усл. печ. 46.
Тираж 640 экз. Заказ 3246

Санкт-Петербургский филиал ФГУП «Издательство «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9-я линия В. О., 12/28, литер А

ООО «ДМИТРИЙ БУЛАНИН»
197110, С.-Петербург, ул. Петрозаводская, 9, лит. А, пом. 1Н
Телефон/факс: (812) 230-97-87
sales@dbulanin.ru (отдел реализации)
postbook@dbulanin.ru (книга-почтой)
redaktor@dbulanin.ru (издательский отдел)
<http://www.dbulanin.ru>